

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЯНВАРЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ CLXXVII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Сношения Россіи съ Европейскими державами предъ отечественною войною 1812 года.

А. Н. Попова.

Политическое устройство Германской имперіи. Часть вторая.

А. Д. Градовскаго.

Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморъѣ.

Д. И. Иловайскаго.

Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи

К. П. Патканова.

Критика и библіографія:

Старые итальянские монастыри. I codici e le arti a Monte-Cassino, per D. Andrea Garavita 3 вв.
Codex diplomaticus Cavensis, I-й томъ.

А. Веселовскаго.

А. Котляревскаго. Книга о древностяхъ и истории Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ. Прага. 1874.

Ею же. Древности права Балтийскихъ Славянъ. Часть первая. Прага. 1874

В. И. Ламанскаго.

Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ.
Владимира Соловьевъ. Москва. 1874.

М. И. Владиславлева.

Новости иностранной ученой литературы.

Бѣлгородская учительская семинарія.

С. Бовровскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) нашія училища.

Письмо изъ Парижа.

Л. Л — ра.

Отдѣль классической филологии.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ CLXXVII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1875.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННІЯ.

1. (21-го октября 1874 года). *О присвоении открытому въ городѣ Курскѣ двухклассному училищу наименования «Маріинскому».*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Курское городское общество, постановивъ открыть въ гор. Курскѣ на средства города двухклассное бесплатное женское училище, въ память бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Марии Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, обратилось съ ходатайствомъ о наименованіи этого училища: «Маріинскимъ» въ честь Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Александровны.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему объ этомъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (21-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Благовѣщенскѣ женской школы.*

Военный губернаторъ Амурской области донесъ главному управлению Восточной Сибири, что жители этой области, желая увѣковѣчить память о посѣщеніи Его Императорскимъ Высо-

ЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИИ КНІЗЕМЪ АЛЕКСАНДРУМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ Амурскаго края, ходатайствуютъ о разрѣшеніи учредить въ гор. Благовѣщенскѣ женскую школу Имени Его Высочества на средства этого города.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданѣйшему обѣ этому до-
кладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сie соиз-
волилъ.

3. (30-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендій въ Николаевскихъ гимназіи и реальному училищѣ.*

Педагогическіе совѣты Николаевскихъ гимназіи и реальнаго училища, желая увѣковѣчить память посвѣщенія Его Импера-
торскимъ Величествомъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ
событія многознаменательнаго въ жизни оныхъ, ходатайствовали:
1) день и часъ посвѣщенія Его Императорскимъ Величе-
ствомъ Николаевскихъ гимназіи и реальнаго училища изсѣчь
на мраморной доскѣ золотыми буквами, которую и поставить въ
актовыхъ залахъ; 2) наименовать Николаевскія гимназію и ре-
альное училище, въ честь Высочайшаго Его Величества
Имени «Александровскими»; 3) учредить на проценты съ капи-
тала въ *дев'ятъ тысячъ четыреста пятьдесятъ* руб., собранныхъ
служащими при Николаевской гимназіи и подщертвованныхъ почет-
нымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, греческо-
подданнымъ Матвѣемъ Маврокордато, а въ Николаевскомъ реаль-
номъ училищѣ — съ капитала въ *одну тысячу дев'яносто* руб., со-
бранного между служащими въ ономъ, въ каждомъ изъ этихъ учеб-
ныхъ заведеній по одной стипендіи, съ наименованіемъ оныхъ:
«стипендіи въ память посвѣщенія Его Императорскимъ Вели-
чествомъ Государемъ Императоромъ Николаевскихъ гим-
назіи и реальнаго училища 27-го августа 1874 г.»

Вслѣдствіе представленія обѣ этомъ попечителя Одесскаго
учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія входилъ со
всеподданѣйшимъ по сему предмету докладомъ, на которомъ Его

Императорскому Величеству, въ Ливадіи, благоугодно было собственноручно начертать: «Согласенъ и благодарить».

4. (30-го октября 1874 года). Объ учреждении стипендіи при Самарской гимназіи.

Нѣкоторые почетные представители Самарского общества разныхъ сословій 22-го сентября сего года, вмѣстѣ съ адресомъ на имя директора Самарской гимназіи, представили билетъ Самарского общества взаимного кредита на внесенный въ банкъ пятьсотъ руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена стипендія имени директора названной гимназіи, статского совѣтника Соколова.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Казанского учебного округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ пятьсотъ руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при Самарской гимназіи, съ наименованіемъ оной «стипендія директора Самарской гимназіи статского совѣтника Соколова».

5. (30-го октября 1874 года). Объ учреждении стипендіи въ Одесскомъ учебномъ питомникѣ Славянскихъ дѣвицъ.

Въ чувствахъ глубочайшей вѣрноподданнической признательности къ милости Государыни Императрицы, соизволившей принять подъ Высочайшее Свое покровительство открываемый Одесскимъ Славянскимъ обществомъ святыхъ Кирилла и Меѳодія учебный питомникъ Славянскихъ дѣвицъ, общее собраніе членовъ общества единогласно постановило: ходатайствовать объ учрежденіи въ питомникѣ первой стипендіи Имени Августѣйшей его покровительницы, Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы, на счетъ процентовъ съ собраннаго для этой цѣли, по подпискѣ между членами общества, капитала въ 2.800 рублей.

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Государыни Импе-

РАТРИЦЫ, Ея Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть выразить Одесскому Славянскому обществу св. Кирилла и Мефодія Высочайшую Ея признательность за это пожертвование.

По всеподданѣйшему же докладу Государю Императору относительно учрежденія означенной стипендиї Августейшаго Имени Государыни Императрицы, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ на удовлетворение ходатайства Одесского Славянского общества.

II. ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗЪ.

30-го октября 1874 года (№ 13). Производятся: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, не имѣющій чина Антонъ Семеновичъ—въ коллежские ассесоры, со старшинствомъ съ 8-го марта 1869 года; дежурный по найму при Императорской публичной библіотекѣ, бывшій писецъ 3-го разряда Старицкаго уѣзданаго суда Порфирий Плетеневъ—въ коллежские регистраторы, со старшинствомъ съ 7-го октября 1874 года (Выс. пов. 7-го октября 1874 года).

Переводится на службу по отдомству министерства народного просвѣщенія: комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ Холмскаго уѣзда, надворный советникъ Барановъ—чиновникомъ особыхъ поручений V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія.

Командируются за границу съ ученою цѣлью: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета докторъ Розе—по 1-е января 1875 года; съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшенного ему заграничнаго отпуска на лѣтнее вакационное время 1874 года и два мѣсяца; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Гельбке—на годъ, съ зачетомъ въ сію командировку 4-хъ мѣсячнаго заграничнаго отпуска, съ 30-го сентября 1874 года.

Продолжается срок отпуска за границу: почетному смотрителю Ефремовского уездного училища, коллежскому секретарю Бистрому — на годъ, по болѣзни.

Удлиняется ее отпуска за границу: инспекторъ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, статскій советникъ Коллинс — на шесть мѣсяцей, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (7-го ноября 1874 года). *Правила об объемѣ практическихъ занятій профессора государственнаю врачебно-вѣдѣнія и студентовъ медицинскаго факультета Дерптскаго университета въ Дерптской окружной больнице.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Практическія медицинскія занятія профессора государственного врачебновѣдѣнія и его слушателей въ больницахъ допускаются въ томъ объемѣ, въ которомъ наука и польза учащихся медицины въ Дерптскомъ университѣтѣ того требуютъ и назначеніе больницы это допускаеть.

§ 2. На сей конецъ, кромѣ общаго посѣщенія больницы со студентами, профессоръ, по сообщеніи врачу, завѣдывающему больницей, отдѣляетъ особую палату для помѣщенія въ ней изъ общаго числа больныхъ тѣхъ, коихъ болѣзни для изученія и пользованія болѣе поучительны.

Приложение. Профессоръ, при общемъ посѣщеніи больницы, имѣть только право выдѣлить больныхъ, представляющихъ научный интересъ, въ свою палату, но не вмѣшивается ни въ какія распоряженія врача, завѣдывающаго больницей, относительно остальныхъ больныхъ.

§ 3. Профессоръ можетъ выбирать больныхъ не только изъ числа содержимыхъ на казенный счетъ, но и изъ тѣхъ, которые находятся на иждивеніи, городскомъ, сельскихъ обществъ, а равно и на собственномъ содержаніи, если больные сами на эдо согласятся.

§ 4. Лица, состоящія въ больницѣ для испытанія и для наблюденія, по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ, могутъ быть также посѣщаемы профессоромъ и студентами въ назначенное для сего времія, за исключеніемъ такихъ лицъ, о которыхъ присутственнымъ мѣстомъ будетъ заявлено, что они подлежать секретному, не гласному наблюденію, или испытанію. Во всякомъ случаѣ, однако, посѣщенія профессора не могутъ пріостанавливать выписку испытуемаго.

§ 5. О каждомъ смертномъ случаѣ, вратъ, завѣдывающій больницею, уведомляетъ профессора, который распоряжается о вскрытии трупа, если къ тому не встрѣчается законныхъ препятствій, при чмъ о времени вскрытия сообщаетъ уѣздному врачу. Вскрытие производится въ присутствіи студентовъ, въ опредѣленные для госпитальной клиники часы, однако не позже 12-ти часовъ дня; при вскрытии врачъ въправѣ присутствовать; трупы по вскрытии отдаются для погребенія родственникамъ, буде таковые окажутся, въ противномъ же случаѣ отсылаются въ анатоміческій театръ.

§ 6. Если директоры и доценты клиническихъ заведеній университета пожелають воспользоваться особенно-наставительными болѣзненными случаями, то обращаются къ профессору государственного врачебновѣдѣнія, который, о депущеніи упомянутыхъ директоровъ и доцентовъ съ ихъ слушателями, въ опредѣленные для госпитальной клиники часы, въ такомъ только случаѣ обязанъ сноситься съ врачемъ, завѣдывающимъ больницею, если больной находится въ палатѣ врача.

§ 7. Врачи, какъ уѣздный, такъ и городовой, сообщаютъ профессору государственного врачебновѣдѣнія о всѣхъ скоропостижныхъ и насильственныхъ смертныхъ случаяхъ и, по соглашенію съ нимъ, назначаютъ время, не позже 1-го часа пополудни, для освидѣтельствованія трупа, при участіи студентовъ въ производствѣ медицинскаго судебнаго изслѣдованія. Свидѣтельства составляются вышеупомянутыми врачами, независимо отъ профессора.

§ 8. Отведенная профессору дежурная и канцелярская комната остаются въ его завѣдываніи для его занятій.

§ 9. Студенты, кроме практическихъ и судебно-медицинскихъ занятій, имѣютъ изучать и порядокъ госпитальной службы.

§ 10. Хотя хозяйственное управление больницы вообще состоитъ въ распоряжении завѣдывающаго врата, но ему не представляется права распоряжаться, безъ согласія профессора, въ палатѣ сего послѣдняго, особенно въ гигиеническомъ отношеніи воздуха и относительно перемѣщенія больныхъ въ палаты въ отдѣленіе врача, завѣдывающаго больницей, съ тѣмъ, однако, чтобы профессоръ своими распоряженіями, какъ по использованію и содержанію больныхъ, такъ и по гигиеническому устройству отведенной ему палаты, не обременить бюджета больницы, а въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его соображеніямъ, онъ долженъ выходить изъ онаго, то это дѣжалось бы или съ предварительнымъ разрѣшеніемъ города, или на счетъ средствъ университета.

§ 11. Уѣздному врачу, пока онъ завѣдываетъ больницей, за его труды и содѣйствіе профессору науки, равно и городовому врачу назначается, въ видѣ вознагражденія, первому по 200, а послѣднему по 100 руб. въ годъ, изъ суммъ университета.

2. (23-го ноября 1874 года). *Праѣнія о стипендиѣ тайного советника Евгения Ивановича Ламанского при С.-Петербургскомъ университѣтѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

Нѣкоторые представители акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита, принимавшіе участіе въ банковомъ съѣзда 1873 года, промилкнутые чувствомъ высокаго уваженія къ дѣятельности управляющаго государственнымъ банкомъ, тайного советника Евгения Ивановича Ламанского, положившей начало и способствовавшей развитию частнаго и акціонернаго кредита въ Россіи, и исполненные глубочайшей признательности къ его трудамъ по учрежденію и личному руководству занятіями упомянутаго съѣзда, изъявили желаніе учредить при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендию имени тайного советника Ламанского, и съ этой цѣ-

лю собрали по подпискѣ капиталъ въ девять тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей..

§ 1. Капиталъ этотъ имѣть быть обращенъ въ 6% билеты государственной комиссіи погашенія долговъ и подъ наименованіемъ: «капиталъ стипендіи Евгения Ивановича Ламанского» переданъ на храненіе въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ.

§ 2. На проценты съ означенаго капитала учреждается одна стипендія въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университѣтѣ въ триста рублей, котора, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го сентября 1874 года, именуется: «стипендію тайного советника Евгения Ивановича Ламанского»:

§ 3. Стипендія эта выдается одному изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ студентовъ университета 3-го или 4-го курса, которые преимущественно занимаются изученіемъ финансового права и политической экономіи, и которые въ своихъ письменныхъ сочиненіяхъ доказали наибольшия успѣхи и знаніе по этой части.

§ 4. Остальные проценты съ выписказанной суммы, составляющіе около 225 руб. въ годъ, хранятся на текущемъ счету въ одномъ изъ высшихъ кредитныхъ учрежденій изъ процентовъ и по успѣшномъ окончаніи курса стипендіатомъ, выдаются ему ежегодно, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ размѣрѣ до 500 руб. каждый разъ, въ видѣ пособія для поѣздки съ ученою цѣлію за границу, для усовершенствованія познаній стипендіата въ политической экономіи.

§ 5. Суммы, могущія образоваться отъ остатковъ, за вышеозначеннымъ распределеніемъ, могутъ быть или обращаемы въ такие же билеты государственной комиссіи погашенія долговъ и пріобщаемы къ капиталу для приращенія его, съ цѣлію увеличенія числа стипендій, или въ необходимыхъ, особы уважительныхъ случаяхъ, могутъ быть выдаваемы стипендіатамъ въ вспомоществование.

§ 6. Стипендія назначается советомъ С.-Петербургскаго университета, по представленію юридического факультета; объ избра-

нії стипендіата союзъ университета немедленно уведомлять тайного советника Евгения Ивановича Ламанского.

3. (30-го ноября 1874 г.). *Правила о стипендіи имени Федора Александровича Кошелева при Московскомъ университете.*

(Утверждены г. министромъ народного просвещенія).

На пожертвованный вдовою гвардія штабсь-капитана Елизаветою Дмитріевною Кошелевой капиталъ въ 1.000 рублей, заключающійся въ закладномъ листѣ Московскаго земельнаго банка, учреждается при Московскомъ университете стипендія имени сына ея, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го ноября 1874 года, именуется: «стипендію Федора Александровича Кошелева», на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Стипендія эта назначается студентамъ юридического факультета, происходящимъ изъ дворянъ, отличающимся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

2) Стипендія назначается факультетомъ, съ утвержденія соѣзда университета.

3) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, лишается стипендіи.

4. (30-го ноября 1874 г.). *Положение о стипендіи Федора Федоровича Анисимова при Рижской женской Ломоносовской гимназии.*

(Утверждено г. министромъ народного просвещенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 25-й день сего ноября, изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго вдовою рижскаго купца Пелагею Анисимовою и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ въ 800 руб. Ш Рижскаго общества взаимнаго кредита № 8, учреждается при рижской женской Ломоносовской гимназіи стипендія имени «умершаго рижскаго купца Федора Федоровича Анисимова».

§ 2. Означеній капиталъ, составляя неприносившую собственность Рижской женской Ломоносовской гимназіи, хранится

вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи въ лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія, въ размѣрѣ 48 руб. въ годъ процентовъ съ капитала, производится одной изъ бѣдныхъ и прилежныхъ ученицъ Ломоносовской гимназіи, русскаго происхожденія, отличающейся уснѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Право назначать стипендіатку изъ числа отличающихся изложеннымъ качествами принадлежитъ пожизненно жертвовательницѣ Анисимовой, по смерти же ея право это переходить къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендія выдается по полугодично впередъ; въ случаѣ незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными, также обращаются въ пособіе стипендіаткѣ, при чёмъ разъ выданныя ей деньги не возвращаются.

5. (7-го декабря 1874 г.). *Положеніе о стипендіи при Ярославской женской гимназіи имени Александры Ивановны Лопатиной.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 13-й день августа 1874 года, при Ярославской женской гимназіи учреждается стипендія имени «Александры Ивановны Лопатиной» на счетъ процентовъ съ капитала въ 1.500 руб., по жертвованнаго почетнымъ гражданиномъ Яковомъ Семеновичемъ Лопатинымъ.

2) Пожертвованный капиталъ хранится въ Ярославскомъ общественномъ банкѣ въ числѣ депозитовъ Ярославской женской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ случаѣ закрытія Ярославской женской гимназіи, капиталъ этотъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобного рода женское учебное заведеніе Ярославской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Московскаго учебнаго округа.

4) Стипендію пользуется одна изъ бѣдныхъ воспитанницъ

гимназії, христіанського ісповѣданія, безъ различія званія, ока-
зываша хороши уснѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе, и име-
нуетсѧ «стипендіаткою Александры Ивановны Лопатиной».

5) Стипендія назначается стипендіатѣ со времени поступле-
нія ея въ гимназію.

6) Выборъ стипендіатки предоставлется жертвователю и дѣ-
тамъ Александры Ивановны Лопатиной, по предварительному со-
глашенію съ педагогическими соѣтами (послѣ смерти же ихъ
исключительно сему соѣту) и утверждается попечителемъ округа.

7) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату
за учение стипендіатки; если же проценты будуть превышать
плату за учение, или отъ таковой ученица будетъ освобождена
помимо стипендіи, то въ первомъ случаѣ излишокъ, а во второмъ
вся стипендія употребляется на покупку учебныхъ книгъ
для стипендіатки и экипировку ея.

8) Стипендіатка пользуется стипендіею до окончанія курса
ученія, или выхода ея по какимъ-либо причинамъ изъ гимназіи,
но и во время пребыванія въ заведеніи можетъ быть лишена
стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному
поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогического соѣта
училища и съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

9) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатка не подле-
житъ никакимъ обязательствамъ.

6. (7-го декабря 1874 г.). *Правила о стипендіи статского
совѣтника Соколова при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ.*

(Утвержденіе г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Душеприкащики умершаго статского совѣтника Д. Н. Со-
ковова представили въ Демидовскій юридический лицей капиталъ
въ 1000 руб. на учрежденіе при семъ лицѣ стипендіи имени
покойнаго жертвователя.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія
7-го октября 1874 г., именуетсѧ «стипендіею статского совѣтника
Соколова.

3) Вышеозначенный капиталъ въ тысячу руб. хранится въ Ярославскомъ общественномъ банкѣ на вѣчное время и проценты съ него выдаются стипендіату.

4) Стипендія эта назначается совѣтомъ лицея одному студенту изъ дѣтей священно и церковнослужителей Ярославской губерніи, отличающемся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

5) Получающій стипендію студентъ пользуется ею до окончанія курса въ лицѣѣ и лишается стипендіи только за неодобрительное поведеніе.

6) Если въ какомъ-либо году, въ Демидовскомъ лицѣї не окажется достойнаго по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію студента изъ дѣтей священно-церковнослужителей Ярославской губерніи, то не выданная сумма причисляется къ основному капиталу на увеличеніе размѣра означенной стипендіи.

7. (7-го декабря 1874 г.). *Прасила о стипендіи имени Харьковскаго городскаго головы Егора Степановича Гордѣнко при Императорскомъ Харьковскомъ университете.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Бывшій харьковскій городской голова Егоръ Степановичъ Гордѣнко пожертвовалъ Харьковскому университету капиталъ въ 4.300 руб. на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала, составляющихъ 322 руб. въ годъ, при Харьковскомъ университѣтѣ одной стипендіи его имени.

§ 2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го апрѣля 1874 года, именуется: «стипендію Харьковскаго городскаго головы Егора Степановича Гордѣнко».

§ 3. Она предоставляется одному изъ бѣднѣшихъ студентовъ, безъ различія факультетовъ, отличающемся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ (не менѣе $3\frac{1}{2}$ балловъ въ среднемъ выводѣ по факультетскимъ предметамъ), оказанныхъ на годовыхъ испытаніяхъ, или же для студентовъ 1-го курса такая же отметка должна быть по гимназическому аттестату.

§ 4. Избрание стипендия предоставляемается устроющему сына учредителя Николаю Горбенко, а послѣ его смерти соѣту университета и въ семь послѣднемъ случаѣ назначение стипендія соѣтствомъ, при существованіи иѣсколькихъ конкурентовъ, при соблюденіи вышеперечисленныхъ условій, происходитъ по старшинству балловъ, а при равенствѣ ихъ—по жребію.

§ 5. Могуще образоваться, по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, определенной на годовое содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу до тѣхъ поръ, пока составится капитальная сумма, изъ процентовъ которой можетъ быть учреждена новая стипендія.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

28-го сентября 1874 года (№ 19). Утверждаются: докторъ Лексис—ординарий профессоромъ Императорского Дерптского университета по каѳедрѣ географіи, этнографіи и статистики, съ 17-го августа 1874 года; учитель С.-Петербургской пятой гимназіи, состоящей въ VIII классѣ, Муссеміус—наставникомъ-руководителемъ по латинскому языку гимназіи при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, съ 21-го сентября 1874 года; инспекторъ Виленской гимназіи, коллежский совѣтникъ Стефаніи—директоромъ Виленской прогимназіи, преобразуемой въ шестиклассную, съ 10-го августа 1874 года.

Назначается: кандидатъ Императорского Московского университета Ковалев—исправляющимъ должность доцента Демидовского юридического лицея по каѳедрѣ полицейского права, съ 1-го сентября 1874 года.

Оставляется на службѣ на чистъ матѣ: директоръ Керченской Александровской гимназіи, действительный статский совѣтникъ Падрен-де-Карне, съ 22-го августа 1874 года.

Причисляются къ министерству народного просвѣщенія: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народного просвѣще-

ия, надворный советникъ *Терешинъ*, съ увольненiemъ отъ должности дѣлопроизводителя, съ 14-го сентября 1874 года.

Командируется съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Шмидтъ*—въ города Ригу и Митаву, на два мѣсяца.

Продолжается срокъ отпуска за границу: заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайному советнику *Самову* — по 1-е октября 1874 года.

Уезжаются съ отпускомъ за границу: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ционъ*, на девять дней; начальница Козловской женской прогимназии, жена инженеръ-капитана *Мораева* — по болѣзни, на восемь недѣль и два дня.

12-го октября 1874 года (№ 20). Утверждаются: инспекторъ Киево-Подольской прогимназии, преобразованной въ Киевскую третью гимназію, статский советникъ *Александровичъ*—директоромъ сей гимназіи; инспекторъ Херсонской прогимназіи, преобразованной въ шестиклассную, коллежскій советникъ *Супруненко*—директоромъ сей прогимназіи; директоръ народныхъ училищъ Тверской губерніи статский советникъ *Дружининъ*—директоромъ Орловскаго реального училища; учитель Бѣлоцерковскаго реального училища, надворный советникъ *Сомчевскій*—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управлѣніи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской.

Переводится на службу по определению министерства народного просвѣщенія: учитель Рязанской духовной семинаріи *Смирновъ*, съ утвержденiemъ директоромъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи, съ 21-го сентября 1874 года.

Назначается: инспекторъ Одесской первой прогимназіи, статский советникъ *Федорченко*—исправляющимъ должность директора Одесской третьей гимназіи; исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента народного просвѣщенія, коллежскій секретарь *Платкинъ*—дѣлопроизводителемъ VIII класса сего

департамента, съ 1-го октября 1874 года; причисленный къ министерству народного просвѣщенія, не имѣюшій чина *Поповъ*—исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя департамента народного просвѣщенія, съ 1-го октября 1874 года, съ отчисленiemъ отъ министерства народного просвѣщенія.

Причисляется къ министерству народного просвѣщенія: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василій Гельбке, съ 26-го сентября 1874 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Станиславскій*, съ 27-го мая 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коссовичъ*, со дня выслуги 35-ти лѣтнаго срока; директоръ Байрамческой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Титаренко*, съ 5-го августа 1874 года; директоръ Вологодской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Красовъ*, съ 10-го августа 1874 г.

Увольняются въ отпускъ за границу: учитель Варшавской VI мужской гимназіи *Гольбергъ*—на зимнее вакационное время 1874/75 учебнаго года; проректоръ Императорскаго университета св. Владимира, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Матвеевъ*—на двадцать восемь дней; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалѣвскій*—на четыре недѣли; исправляющій должностъ почетнаго смотрителя Рыбинбургскаго уѣзднаго училища *Верманъ*—на три мѣсяца.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Яничъ*.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: предсѣдателю Ямбургской уѣздной земской управы *Нетцеру*, мировому посреднику *Ф. Блоку*, священнику села Удосоло, Ямбургскаго уѣзда, *Смирницкому* и землевладѣльцамъ Ямбургскаго уѣзда: *А. Блоку и г-жѣ Блокъ*—за пожертвованія въ пользу

часть CLXXVII, отд. 1.

2

Удосолскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія.

16-го ноября 1874 года (№ 21). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, действительный статскій совѣтникъ *Рахманиновъ*—вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 19-го октября 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Некрасовъ*—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 22-го октября 1874 года; кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Михаилъ *Павловъ*—директоромъ народныхъ училищъ Тульской губерніи, съ 12-го октября 1874 года, инспекторъ Полтавской гимназіи, статскій совѣтникъ *Самусъ*—директоромъ Бѣлоцерковскаго реального училища; инспекторы прогимназій: статскіе совѣтники: Киевской, *Михайловъ* и Острогской, *Лысенко*, коллежскіе совѣтники: Ананьевской, *Блохинъ* и С.-Петербургской второй, *Гофманъ*—директорами шестиклассныхъ прогимназій: Михайловъ—Кievской, Лысенко—Острогской, Блохинъ—Ананьевской и Гофманъ—С.-Петербургской второй, всѣ четверо съ 19-го октября 1874 года; почетный попечитель Глуховской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Терещенко*—вновь почетнымъ попечителемъ сей прогимназіи, на трехлѣtie, коллежскій регистраторъ *Селивановъ* и отставной поручикъ *Ефремовъ*—почетными попечителями прогимназій: первый—Нижне-Чирской и послѣдній—Каменской, на трехлѣtie, съ 1873 года по 1876 годъ; Вольскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ *Плигинъ*—почетнымъ попечителемъ Вольской мужской прогимназіи, на трехлѣtie; отставной гвардіи ротмистръ *Иловайский*, отставной поручикъ *Орловъ* и отставной войсковой старшина *Астаховъ*—почетными смотрителями окружныхъ училищъ: Иловайскій — Новочеркасскаго, Орловъ—перваго Донскаго и Астаховъ — Хоперскаго, на трехлѣtie, съ 1873 года по 1876 годъ.

Назначаются: бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія

ніа, надворный советникъ *Тимофеевъ*, и исправляющій должность помощника бухгалтера, коллежскій секретарь *Зеленинъ*—дѣлопроизводителями сего департамента: первый—VI и послѣдній VIII классовъ, оба съ 12-го октября 1874 года; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Сергеевъ*—исправляющимъ должность доцента Демидовскаго юридического лицей по каѳедрѣ уголовнаго права, съ 15-го ноября 1874 года; инспекторы прогимназій: Корочанской, статскій советникъ *Николаевъ* и Пензенской, коллежскій советникъ *Желоминскій*—исправляющими должность директоровъ шестиклассныхъ прогимназій: первый—Корочанской и послѣдній—Пензенской, оба съ 19-го октября 1874 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: инспекторъ Тамбовской духовной семинаріи Малоевъ, съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Тверской губерніи, съ 2-го ноября 1874 года,

Причисляются къ министерству народного просвѣщенія: бывшій преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института Будиловичъ, съ 24-го сентября 1874 года; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ Дитятинъ, съ 12-го октября 1874 года; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный советникъ Пановъ, съ увольненіемъ отъ должности дѣлопроизводителя, съ 1-го ноября 1874 года.

Оставляется на службѣ: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Болшаковъ—по 16 юна 1878 года.

Увольняются въ отпускъ по Россіи: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій советникъ Грайта—на одну недѣлю, въ С.-Петербургъ, по болѣзни; помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій советникъ Малиновскій—на двѣ съ половиною недѣли, въ С.-Петербургъ; помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генераль-маіоръ Новиковъ—на три недѣли, въ Москву; за границу: учитель Кіевскаго реальнаго училища Хоминъ, на четырнадцать

дней, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Андреевскій* и учитель Варшавской IV мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Шляхеръ*, на зимнее вакационное время 1874 года, окружной инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, въ званіи каммергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Дабижъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Ковалевскій*, почетный попечитель Ришельевской гимназіи, въ званіи каммергера, коллежскій совѣтникъ графъ *Толстой*, и почетный попечитель Одесской прогимназіи *Кортаки*—на двадцать восемь дней, изъ нихъ графъ Толстой по болѣзни, почетный попечитель Новочеркасской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ графъ *Платоевъ* и оставшійся за штатомъ, учитель бывшей Варшавской реальной гимназіи, коллежскій ассесоръ *Рогалевичъ*—на два мѣсяца, изъ нихъ Рогалевичъ по болѣзни, попечитель Одесской первой прогимназіи *Гумаликъ*—на четыре мѣсяца.

Увольняются отъ службы согласно прошеніямъ: директоръ Бѣлоцерковскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шидловскій*; по болѣзни: инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ *Дорошенко*, съ дозвoleniemъ обоимъ носить въ отставкѣ мундирный и олукавфтанъ послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: начальнику Казанской женской гимназіи *Волжовой*—за усердие къ дѣлу народнаго образованія, предсѣдателю Лайшевской, Казанской губерніи, уѣздной земской управы, статскому совѣтнику *Мельникову*—за постоянное содѣйствіе его къ улучшенію народныхъ училищъ въ материальномъ отношеніи, канонику *Волчакову*—за оказанную имъ помошь бѣднымъ ученикамъ Николаевской Царкосельской гимназіи, учителямъ математики гимназій: Ришельевской, *Больчанскому* и *Грицаю*, Одесской второй, *Чистинскому*, Херсонской, *Соколовскому*, Николаевской, *Недашковскому* и *Милевскому*, Таганрогской, *Дзержинскому*, Сим-

феропольской, Хамарито и Пузиновскому и Керченской-Александровской, Лагорю—за приврено-ревностное ихъ усердіе къ службѣ.

Исключаются изъ списка умершихъ: ординарные профессоры Императорского Московского университета: действительный статский советникъ Юрьевич и статский советникъ Соколовъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

КНИГИ —

1) «Учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ А. Лимбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Лейпцигъ, 1873 г.» — допустить въ гимназии въ видѣ учебнаго пособія.

2) «Новая Зеландія и Океанія, или острова южнаю моря. Исторія открытия. Занятіе Европейцами. Образъ жизни, нравы и обычай жителей. Ихъ религіозныя вѣрованія. Людоѣдство. Успѣхи христіянства. Современное состояніе. Составили Кристманъ и Оберлендеръ. Съ двумя картами и рисунками. Переведено съ нѣмецкаго. Изданіе редакціи журнала «Всемирный Путешественникъ. Спб. 1874 г.», — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшихъ трехъ классовъ.

3) «Латинская хрестоматія. Составилъ Николай Отто, преподаватель Новгородской гимназіи. Спб. 1857 г.», — одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

4) «Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣсть съ словаремъ. Составилъ Морицъ Эртель. 2-е исправленное изданіе. Лейпцигъ, 1874 г.», — одобрить для употребленія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, въ видѣ учебнаго пособія при изученіи нѣмецкаго языка.

5) «Учебникъ нѣмецкаго языка для основательного преподаванія и послѣдовательного изученія», составленный преподавателемъ Ярославской гимназіи Евгениемъ Мюленбергомъ. Курсъ первый. Ярославль, 1873 г.», — рекомендовать въ видѣ руководства при изученіи нѣмецкаго языка, для II и III классовъ мужскихъ гимназій и первыхъ трехъ классовъ женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

6) «Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ по Векелю, Шпицу и друг. Составилъ А. Д. Дмитриевъ. Примѣнено къ курсу классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Книга I. Задачи изъ планиметріи», — одобрить, какъ весьма полезное учебное пособіе для классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

7) «Европейскіе классики въ русскомъ переводахъ, подъ редакціею Петра Вейнберга (съ примѣчаніями и біографіей). Выпускъ II. Шекспиръ. Спб. 1874 г.», — допустить для ученическихъ библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

8) «Воздушныя путешествія Глешера, Фламмаріона, Фон-віеля и Тиссандье. Съ рисунками. Издание редакціи журнала «Всемірный Путешественникъ». Спб. 1874 г.», — рекомендовать для ученическихъ библиотекъ V, VI и VII-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для библиотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

9) «Сравнительная русско-французско-нѣмецкая фразеология, или сборникъ пословицъ, изрѣчений, поговорокъ и идіотизмовъ на этихъ трехъ языкахъ. Въ трехъ частяхъ. Составилъ М. Ф. Заменоффъ. Часть I. Русско-французско-нѣмецкая. Варшава, 1873 г.», — рекомендовать для употребленія въ фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекахъ гимназій.

10) «*Extraits des meilleurs auteurs fran ais par ordre chronologique. Compl ement de l'histoire abr g e  de la litt rature fran aise, par Jean Fleury. St.-P tersbourg, 1874. Tome I. Introduction. XVI et XVII si cles. Tome II. XVIII et XIX si cles*», —

рекомендовать для мужскихъ и женскихъ гимназій, какъ учебное пособіе при изученіи французскаго языка.

11) «*Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der Gymnasien*, bearbeitet von *Emil Kerkovius*. Leipzig, 1874. Цѣна 1 руб.», — рекомендовать какъ полезное пособіе при обученіи нѣмецкому языку въ двухъ старшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

12) Книгу: «*Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведений въ переводахъ русскихъ писателей*. Томъ I. Избранные произведения скандинавской поэзіи», — признать заслуживающею высокой чести посвященія оной Имени Ея ИМПЕРАТОРСКАГО Высочества Государыни Великой Княгини Цесаревны, а кромѣ того, рекомендовать ее въ фундаментальная библіотека гимназій, а равно и въ ученическія для чтенія воспитанникамъ 6-го и 7-го классовъ гимназій.

13) Систематический курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Псковскаго реального училища *H. Раевскимъ*. Съ 87 рисунками. Спб. 1874 г., — одобрить какъ руководство при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ.

14) «*Статистическое обозрѣніе Российской имперіи*. Составилъ *B. де-Ливронъ*, действительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, издание картографического заведенія *A. Ильина*, Спб. 1875 г.», — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Определеніемъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, утвержденнымъ святѣйшимъ синодомъ, постановлено книгу «*Уроки по классу закона Божія*», составленные по вновь учрежденной программѣ для учениковъ IV и V классовъ гимназій. Катехизическое ученіе православной церкви Христовой. Составилъ протоіерей *B. Владиславлевъ*. Тверь, 1873 г., — допустить къ употребленію въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по закону Божію.

VI. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определениями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Изданиемъ редакцію народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ» книги: «Краткая Русская Исторія. Выпускъ второй. Отъ вступленія на престолъ Дома Романовыхъ до настоящаго времени (1613—1874 г.). Издание четвертое, исправленное и дополненное (съ тринадцатью рисунками). Спб. 1874 г. Цѣна 65 коп., съ перес. 80 коп.», — можно допустить для употребления въ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, что если замѣчены, при разсмотрѣніи, недостатки и погрѣшности ея будутъ исправлены при слѣдующемъ изданіи и если издатели найдутъ возможнымъ понизить цѣну книги, то новое ея изданіе можетъ быть одобрено для библіотекъ и для употребленія въ классахъ народныхъ училищъ.

2) «Руководство къ обученію письму (въ трехъ тетрадяхъ), составленное В. Гербачевъ», — одобрить въ употребленію при обученіи письму въ училищахъ.

3) Книги, составленныя А. В. Семеновымъ: а) *Дѣтскій возрастъ съ картинами*. Для начального чтенія съ методическими пріемами для постепенного развитія дѣтей и постепенного приготовленія ихъ къ легчайшему обученію русскаго языка(?), съ образцами наглядной бесѣды, толковаго чтенія, вещественнаго разбора, объяснительного чтенія и съ наставлѣніями. Для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, для первыхъ двухъ классовъ уѣзденныхъ училищъ, прогимназій, гимназій и институтовъ. Издание общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва 1870. Двѣ части. Цѣна 1-й ч. 50 к., 2-й ч. 35 к., за обѣ вмѣстѣ 80 к. и б) *Начальный систематический упражненія въ списываніи и*

диктанты съ необходимыми правилами правописания без пособия грамматики. Для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназий и прогимназий. Москва. 1874. Цѣна 15 к.— а) первую часть вышеизначенного изданія Дѣтской возрастъ допустить, какъ пособіе, въ начальныхъ сельскія и городскія училища, допустить также и вторую часть, если статьи по закону Божію будуть одобрены духовно-учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ; книгу же «Начальная систематическая упражненія отъ списываніи и диктанта» одобрить какъ пособіе въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназий и прогимназий, полагая, что она можетъ быть полезною для учителей при обученіи русской грамотѣ.

ОФИЦИАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день минувшаго ноября, Высочайше повелѣть соизволить: 1) возлагать обязанности по предсѣдательству въ педагогическомъ и участію въ попечительномъ совѣтѣ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, послѣ директоровъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, на директоровъ и инспекторовъ классическихъ прогимназій и директоровъ учительскихъ институтовъ и семинарій, если послѣдніе назначены отъ правительства, и затѣмъ уже на штатныхъ смотрителей уѣздныхъ и учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ, и 2) въ случаѣ открытия женской гимназіи или прогимназіи въ городѣ, где не существуетъ ни одного изъ поименованныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній, исполненіе обязанностей по предсѣдательству въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи или прогимназіи поручать начальникамъ сихъ заведеній.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о ходатайствѣ г. Лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства, въ 25-й день ноября, Всемилостивѣйше соизволить на устройство Лифляндской общественной гимназіи не въ Дерптѣ или его окрестностяхъ, какъ постанов-

мено это § 1 Высочайше утвержденного 17-го апреля текущаго года устава этого учебнаго заведенія, а въ городѣ Фалленѣ, какъ мѣстности, признанной Лифляндскими дворянствомъ болѣе удобною.

— ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія ходатайствъ начальствъ Харьковскаго и Московскаго учебныхъ округовъ, Высочайше соизволилъ, въ 25-й день ноября 1874 года, на постановку въ актовыхъ залахъ Волчанскої и Новинской учительскихъ семинарій портрета министра народнаго просвѣщенія.

— ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й минувшаго ноября, Высочайше соизволилъ на присвоеніе: 1) открытому въ г. Селенгинскѣ, на городскія средства, женскому начальному училищу именованія „Маріинскаго“, въ честь Императрицы Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, Герцогини Эдинбургской. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высмѣдостивѣши повелѣть благодарить Селенгинское городское общество; 2) народной школѣ, учрежденной при погостѣ Марынахъ, Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи, именованія „Чихачевской“, въ честь имени учредителя школы, бывшаго мѣстнаго землевладѣльца И. И. Чихачева, и 3) учрежденному въ гор. Курскѣ, на средства мѣстнаго городскаго общества, двухклассному народному училищу именованія „Семеновскаго“, въ честь имени покойнаго астронома-самоучки Семенова, курскаго уроженца.

— Его Императорское Высочество Принцъ Петъръ Георгіевичъ Ольденбургскій, инспектируя женскія гимназіи Сѣверо-Западнаго края, изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ: 18-го сентября — Ковенскую гимназію, 19-го — Виленское Маріинское женское училище, и 20-го — Гродненскую гимназію. Обозрѣвши подробнѣ помѣщенія поименованныхъ заведеній, Его Высочество оставляя каждое изъ нихъ, благословенно изволилъ, въ милостивыхъ словахъ, выразить свое удовольствіе.

— По предложеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, начальствамъ учебныхъ округовъ разрѣшено взимать плату:

За содержаніе въ пансионахъ гимназій:

Въ 1, 2, 3 и 4-й С.-Петербургскихъ гимназіяхъ по 360 руб. въ годъ съ каждого пансионера, съ начала 18^{74/75} учебнаго года:

За учение:

Въ 1, 2, 3 и 5-й С.-Петербургскихъ гимназіяхъ: въ гимназическихъ классахъ по 50 руб. и въ приготовительномъ по 36 руб.; Олонецкой гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 15 руб., и въ приготовительномъ по 10 руб.; Введенской прогимназіи: въ прогимназическихъ классахъ по 40 руб., и въ приготовительномъ по 26 руб.; Московской 1-й гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 40 руб., и въ приготовительномъ по 25 руб.; Шавельской: въ гимназическихъ классахъ по 35 руб., и въ приготовительномъ по 24 руб.; Можайской прогимназіи: въ прогимназическихъ классахъ по 18 руб., и въ приготовительномъ по 12 руб.; Таганрогской гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 40 руб.; Калужской гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 20 руб., и въ приготовительномъ по 13 руб.; Бѣлгородской гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 21 руб., и въ приготовительномъ по 14 руб.; Гродненской гимназіи: въ параллельномъ отдѣлении 1-го класса по 60 руб.; Феодосійской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по 20 руб.; Минской гимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 40 руб., и въ приготовительномъ классѣ по 23 руб. 50 коп.;—Черниговской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по 15 руб.;—Златопольской прогимназіи: въ гимназическихъ классахъ по 20 руб., и въ приготовительномъ классѣ по 15 руб.;—въ прогимназіяхъ: Московской: въ прогимназическихъ классахъ по 40 руб., и въ приготовительномъ по 25 руб.;—Серпуховской, Коломенской, Касимовской, Егорьевской, Вѣльской, Реславльской и Ржевской: въ прогимназическихъ классахъ по 20 руб., и въ приготовительномъ по 12 руб.;—Бітебской гимназіи по 30 руб.; въ Пинскомъ реальному училищѣ по 25 руб., а въ Мелитопольскомъ реальному училищѣ по 30 руб. въ годъ съ каждого ученика, начиная съ начала 18⁷⁴/75 учебнаго года.

— По предложеніямъ г. министра народнаго просвѣщенія, г. по-печителю Одесскаго учебнаго округа разрѣшено открыть: при III классѣ Петровскаго, въ Ростовѣ (на Дону), реального училища параллельное отдѣленіе;—закрыть параллельное отдѣленіе при V классѣ Николаевскаго реального училища и открыть таковое же при VI классѣ того же училища, а также параллельное отдѣленіе при приготовительномъ классѣ Николаевской гимназіи.

— Предложеніемъ г. министра народнаго просвѣщенія, г. управляющему Виленскимъ учебнымъ округомъ разрѣшено открыть при

Бѣлостокскомъ реальному училищѣ химико-техническое отдѣленіе въ высшемъ дополнительномъ классѣ.

— Предложеніемъ г. министра народного просвѣщенія, г. управляющему Варшавскимъ учебнымъ округомъ разрѣшено открыть по языкамъ: русскому съ церковно-славянскимъ, латинскому и греческому, исторіи, математикѣ и логикѣ, особые курсы для старшихъ отдѣленій VII класса въ гимназіяхъ: Варшавскихъ: 1, 2, 3, 4 и 5-й; Петровской, Калинскай, Кѣлченкой, Люблинской, Бѣльской, Мариапольской, Сувалкской и Плоцкой; а также: въ Варшавской третьей гимназіи закрыть параллельное отдѣленіе V класса, и открыть второе такое же отдѣленіе I класса; въ Варшавской четвертой гимназіи, въ замѣнъ существовавшаго въ минувшемъ учебномъ году отдѣленія III класса, открыть отдѣленіе I класса; вновь открыть параллельное отдѣленіе I класса въ гимназіяхъ: Кѣлченкой и Бѣльской; II и III классовъ въ Сыдзецкой и III и IV—гъ Плоцкой.

— Г. министръ народного просвѣщенія разрѣшилъ открыть при 1, 2, 3 и 5-мъ классахъ Одесского реального училища параллельныхъ отдѣленій и употребить на содержаніе ихъ по *дев'ять тысячи восемьсотъ* руб. ежегодно, изъ специальныхъ средствъ училища, въ добавокъ къ 4.000 руб., назначенному на этотъ предметъ Одесскою городскою думою.

— Г. министръ народного просвѣщенія разрѣшилъ, съ 18^{74/75} учебнаго года, ввести въ каждомъ изъ отдѣленій VII класса всѣхъ гимназій Одесского округа раздѣльное, по мѣсту и времени, преподаваніе по тѣмъ предметамъ гимназическаго курса, по коимъ, въ минувшемъ году, для обоихъ отдѣленій было общее преподаваніе, а именно: занона Божія—одинъ урокъ, географіи—одинъ урокъ, французскаго и фѣнѣцкаго языковъ—по два урока, съ платою по 60 руб. за каждый годовой урокъ, изъ суммы сбора за ученіе, въ каждой гимназіи.

— Г. министръ народного просвѣщенія разрѣшилъ раздѣлить VII классъ гимназій: Кронштадтской, Новогородской и Харьковской 3-й, на два самостоятельныхъ отдѣленія, старшее и младшее.

— Г. министръ народного просвѣщенія разрѣшилъ оставить взимаемую нынѣ плату за ученіе въ Николаевской Царскосельской гимназіи съ дѣтей домовладѣльцевъ г. Царскаго Села и мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ городовъ Царскаго Села, Гатчины и Павловска, по *двадцати пяти* руб., а со всѣхъ прочихъ до сорока руб. въ годъ съ каждого ученика.

— Потомственная почетная гражданка Г. Котомина, жительствующая въ г. Исковѣ, пожертвовала для Исковской учительской семинарии 500 руб., съ тѣмъ, чтобы деньги эти обращались въ одномъ изъ мѣстныхъ банковъ и изъ процентовъ на оные была бы оказываема помощь бѣднымъ воспитанникамъ семинарии, не исключая стипендіатовъ, при ограниченности ихъ стипендій.

— Вице-президентъ французскаго географическаго общества, вице-адмиралъ баронъ де-ла-Ронсьеръ Ле-Нури обратился къ послу нашему въ Парижѣ съ письмомъ, въ коемъ ходатайствуетъ о содѣйствіи россійскаго правительства въ выставкѣ географическихъ картъ, инструментовъ и другихъ касающихся географіи предметовъ, а также о назначеніи нашимъ правительствомъ комиссара на эту выставку, которая назначена въ Парижѣ весною 1875 года во время засѣданій международнаго географическаго конгресса.

— Согласно ходатайству автора допущенной опредѣленіемъ особыхъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія сказки В. Н. Соболева: „Объ Иванѣ царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ“, съмъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что при приобрѣтеніи указанной книги непосредственно отъ автора, по жительству его въ Москвѣ, въ домѣ оберъ-полиціймейстера, дѣлается училищамъ уступка 40%, именно по 60 коп. за экземпляръ книги, съ принятіемъ расхода по пересылкѣ на счетъ г. Соболева, тогда какъ въ обычной продажѣ цѣна сей книги назначена авторомъ 1 руб.

Открытие учебныхъ заведений.

11-го сентября 1874 года въ 12 часовъ по полудни, въ присутствіи г. товарища министра народнаго просвѣщенія, управлявшаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ отъ учебнаго вѣдомства, а также посторонней публики, дѣтей и чиновъ прогимназіи, было совершено молебствіе и освященіе пятой С.-Петербургской прогимназіи, которая затѣмъ всѣми присутствующими была осмотрѣна. Инспекторъ прогимназіи, г. Моръ, прочиталъ отчетъ о ходѣ открытія прогимназіи. Учениковъ въ заведеніи состоять въ此刻ое время 66 чел., изъ коихъ въ приготовительному классѣ 23, въ первомъ—36 и во второмъ—7.

— 28-го сентября 1874 года въ присутствіи Суражскаго уѣзданого предводителя дворянства, гг. членовъ мѣстнаго земства и городской управы, открыта Суражская прогимназія въ составѣ приготовительнаго и первого классовъ. Учениковъ въ день открытія состояло: въ приготовительному—7 и въ первомъ классѣ—7.

— 2-го октября 1874 года открыть 5-й классъ Аманьевской прогимназіи, преобразованной въ шестиклассный составъ. Учениковъ въ пяти классахъ, съ приготовительнымъ, состоять имѣ 137.

— 6-го октября 1874 года, по совершении молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, открыта въ Одессѣ вторая прогимназія, въ которой учащихся 153.

— Въ минувшемъ сентябрѣ послѣдовало открытие прогимназій, а именно: 11-го числа Егорьевской (Казанской губерніи), при 42 ученикахъ, изъ коихъ поступило: 21 — въ приготовительный классъ и 21 — въ I классъ; 13-го сентября — Касимовской, 15-го сентября — Рославльской (Смоленской губерніи), при 49 ученикахъ, изъ коихъ поступило: въ приготовительный классъ — 18, и въ I — 31, и 17-го сентября — Бѣльской (Смоленской губерніи), при 39 ученикахъ, изъ коихъ поступило: 18 — въ приготовительный классъ и 21 — въ I классъ.

— 12-го сентября 1874 года открыта въ г. Вольскѣ четырехклассная прогимназія, въ которую принято учениковъ: въ приготовительный классъ — 12, въ первый — 26, во. второй — 2 и въ третій — 1.

— 8-го сентября 1874 года открыта въ Москвѣ вторая четырехклассная прогимназія, въ которую принято учениковъ: въ приготовительный классъ — 8 и въ первый — 30.

— 26-го августа открыта въ г. Бѣлгородѣ (Курской губерніи) гимназія, въ составѣ четырехъ низшихъ и приготовительного классовъ. Ко дню открытия поступило прошеній о принятіи въ число учениковъ — 115, изъ этого числа принято — 111 и размѣщены въ классы: въ 4-й — 15, въ 3-й — 15, во 2-й — 17, въ 1-й — 32 и въ приготовительный — 32.

— 30-го августа 1874 года, по совершении молебствія съ водосвященіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, открыто въ г. Мелитополѣ (Таврической губерніи) реальное училище, въ которое принято 81 учениковъ, съ размѣщеніемъ въ классы: въ 1-й — 40, во 2-й — 23 и въ 3-й — 18.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть новоучрежденную Егорьевскую прогимназію, въ составѣ приготовительного и первыхъ двухъ классовъ.

— 30-го августа 1874 года, послѣ молебствія и провозглашенія многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, Одесская первая прогимназія, въ присутствіи окружнаго инспектора,

статского советника Пятнина, преобразована въ гимназію. Ученіе въ V классѣ началось съ 20-го того же августа. Учащихся въ гимназіи, въ настоящее время, состоитъ 150, изъ нихъ: въ приготовительномъ классѣ — 34, въ I—40, во II—32, въ III—22, въ IV—11 и въ V—11.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ преобразовать Глуховскую (Черниговской губерніи) прогимназію изъ четырехклассной въ шестиклассную, на основаніи штата для шестиклассныхъ прогимназій, Высочайше утвержденного $\frac{8}{40}$ июля 1874 года.

— 26-го минувшаго сентября открыто въ Трегубовской волости, Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи, одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, въ хорошо устроенномъ и вполнѣ удобномъ помѣщеніи, въ одномъ изъ домовъ Троицко-Гледенского монастыря. Училище снабжено достаточнымъ количествомъ книгъ и учебныхъ пособій и удобною классною мебелью. Ко дню открытия явилось желающихъ учиться 28 мальчиковъ и 6 девочекъ. Ученіе началось съ 30-го минувшаго сентября; въ селѣ Рамзай, Пензенской губерніи, открыто одноклассное образцовое училище 15-го сентября сего года.

— 22-го минувшаго сентября открыто въ слободѣ Конобѣевѣ, Шацкаго уѣзда, двухклассное образцовое училище; 1-го октября 1874 года въ селѣ Усольѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, открыто, въ присутствіи графа А. В. Орлова-Давыдова и большаго собрания мѣстныхъ жителей, одноклассное начальное народное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которое поступили 22 мальчика.

— Открыты слѣдующія двухклассныя начальные народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Новгородской губерніи: 1) Растроповское, Устюженскаго уѣзда — 6-го минувшаго сентября, 2) Коростынское, Старорусскаго уѣзда — 22-го сентября и 3) Молвотинское, Демянскаго уѣзда — 25-го числа того же мѣсяца текущаго года.

— 22-го сентября сего года послѣдовало открытие въ г. Прилукахъ (Полтавской губерніи) четырехклассной прогимназіи въ составѣ приготовительного и первого классовъ. Учениковъ ко дню открытия прогимназій принято: въ приготовительный классъ — 8 и въ I—24, всего — 32.

— 26-го сентября сего года состоялось открытие С.-Петербургской шестой четырехклассной прогимназіи, помѣщенной въ домѣ генераль-майора Лукашева, на углу Прядильной и Климова переулка.

Открытие прогимназии происходило въ присутствіи: г. товарища министра народного просвѣщенія, г. члена государственного совѣта, дѣйствительного тайного советника Делянова, г. управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, нѣкоторыхъ служащихъ по вѣдомству министерства народного просвѣщенія, а также родителей и родственниковъ учениковъ. Учащихся принято, изъ 112 мальчиковъ: въ приготовительный классъ—28, въ I—30 и во II—12, а всего—80.

— 1-е Московское и Скопинское уѣздныя училища преобразованы, съ 1-го июля текущаго года, первое—въ трехклассное, а послѣднее—въ двухклассное городскія училища, по положенію 31-го мая 1872 года.

— Въ преобразованномъ изъ Ярославскаго уѣзднаго училища въ трехклассное городское, по положенію 31-го мая 1872 года, классныя занятія начались 22-го августа текущаго года, при чмъ ученики бывшаго уѣзднаго училища, соотвѣтственно ихъ познаніямъ, распределены по отдѣленіямъ 1 и 2 классовъ городскаго училища.

— По совершенніи молебствія, 10-го минувшаго сентября, начались классныя занятія въ преобразованномъ изъ уѣзднаго Романово-Борисоглѣбскому двухклассному училищу; учащихся въ немъ 66 человѣкъ.

— Кіевская третья гимназія, преобразованная на основаніи Высочайше утвержденного 3-го июля текущаго года мнѣнія государственного совѣта, изъ Кіево-Подольской прогимназіи, открыта въ составѣ пяти классовъ съ начала наступившаго учебнаго года. Въ пятомъ классѣ при открытии гимназіи состояло 15 учениковъ.

— Въ селѣ Промзинѣ, Алатырского уѣзда, Симбирской губерніи, послѣ Божественной литургіи и благодарственнаго молебна съ водосвященіемъ, открыто 12-го сентября 1874 года двухклассное начальное народное училище министерства народного просвѣщенія. Учащихся поступило 95 человѣкъ, въ томъ числѣ 82 мальчика и 13 девочекъ; изъ мальчиковъ 11 поступили во 2-й классъ.

— 21-го минувшаго сентября, по отслуженіи молебствія, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, открыто Староладожское одноклассное начальное народное училище вѣдомства министерства народного просвѣщенія. Въ день открытия учащихся мальчиковъ находилось 24. Староладожское училище, Новоладожского уѣзда, содержится на средства министерства, монастыря, земства и общества. На содержаніе его ассигнуется министерствомъ 200 руб., Староладожскимъ Николаевскимъ мужскимъ монастыремъ—

120 руб., уезднымъ земствомъ — 95 руб. и обществомъ — 25 руб., всего — 440 рублей. Деньги эти распредѣляются: на вознаграждение законоучителю — 50 руб., на жалованье учителю — 300 руб., на книги — 60 руб. и на классныя принадлежности — 30 руб. въ годъ. Училище помѣщается въ каменномъ монастырскомъ зданіи, во 2-мъ этажѣ. Помѣщеніе состоитъ изъ передней, где раздѣляются дѣти, и изъ двухъ просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ; квартира учителя находится рядомъ съ классами.

— 8-го минувшаго сентября, по отслуженіи молебствія въ присутствіи гг. директора и инспектора 2-го района народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, мироваго посредника Шлиссельбургскаго уѣзда г. Маркова, мѣстныхъ сельскихъ властей и при стечениі на рода послѣдовало открытие Путиловскаго двухкласснаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Учащихся въ день открытия находилось 165, въ томъ числѣ дѣвочекъ — 25. Разрѣшеніе на учрежденіе Путиловскаго двухкласснаго начального народнаго училища послѣдовало въ 1873 году и тогда же, 6-го августа, началась, нынѣ совершенно оконченная, постройка училищнаго дома. Зданіе называемо училищемъ — каменное, двухэтажное, отстройка его обошлась свыше 9.000 руб., при чмъ отъ министерства народнаго просвѣщенія употреблено 3.000 рублей. Училищный домъ отстроенъ на $9\frac{1}{3}$ саж. по длини и на $6\frac{2}{3}$ саж. ширины; въ нижнемъ этажѣ помѣщаются — женскій классъ, библиотека, мастерская и квартира учительницы, въ верхнемъ — двѣ классныхъ комнаты и двѣ комнаты занятыхъ квартирами учителей. Всѣ комнаты свѣтлы, удобны, а классы достаточно снабжены мебелью новѣйшихъ образцовъ и учебными пособіями. Путиловское училище состоитъ изъ 2-хъ мужскіхъ классовъ и одного женскаго. Училище это содержится на средства министерства народнаго просвѣщенія и общества. Министерствомъ на содержаніе училища отпускается ежегодно 1.000 руб., которые распредѣляются такъ: законоучителю — 150 руб., двумъ учителямъ по 350 руб. — 700 руб., на обученіе ремеслу — 60 руб., на учебныя пособія — 60 руб. и на классныя принадлежности — 30 руб. На счетъ общественный содержится женское отдѣленіе, на которое расходуется: на жалованье законоучителю — 30 руб. и учительницы — 240 руб., на книги — 20 руб. и на классныя принадлежности — 10 руб., всего — 300 рублей. Сверхъ того, общество приняло на себя отопленіе, освѣщеніе и страхованіе училищнаго дома и отвело одну десятину земли въ пользу училища.

— 20-го минувшаго октября послѣдовало открытие уѣзднаго училищнаго совѣта въ г. Ялтѣ, Таврической губерніи; открыты въ 1874 году слѣдующіе уѣздныя училищные совѣты въ губерніяхъ: Харьковской—Купянскій 5-го октября и Старобѣльскій 13-го октября, Воронежской—Валуйскій 27-го сентября и Бобровскій 12-го октября, Пензенской—Городищенскій 20-го сентября, Курской — Фатежскій 10-го октября и Тамбовской—Лебедянскій 23-го сентября.

— 21-го минувшаго ноября, по совершении молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, въ присутствіи окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Патина и гражданъ г. Феодосіи, открыть Феодосійскій учительскій институтъ.

— 13-го октября 1874 года открыть учительскій институтъ въ г. Глуховѣ; учебныя занятія начались на слѣдующій день.

Въ настоящее время въ институтѣ состоять 25 воспитанниковъ, въ тѣмъ числѣ пансионеровъ кавеніокаштныхъ—18, своеокаштныхъ—1 и приходящихъ воспитанниковъ—6.

— 12-го сентября сего года, въ г. Пензѣ открыта учительская семинарія, учрежденная на основаніи Высочайшаго утвержденія 11-го ноября 1873 года миніїи государственного совѣта. При Леденгскомъ двухклассномъ училищѣ, 12-го октября сего года, открыть самостоятельный женскій классъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ присутствіи гг. инспектора народныхъ училищъ, предсѣдателя Тотемской земской управы, исправника и почетнаго блюстителя Леденгскаго училища; въ день открытия желающихъ учиться явилось 52 дѣвочки. Классъ помѣщается въ особомъ домѣ, переданномъ въ 1871 году министерствомъ финансовъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и на содержаніе его ассигновано Тотемскимъ земствомъ по 150 руб. въ годъ и крестьянами Леденгской волости по $\frac{1}{2}$ коп. съ каждого зарабатываемаго ими рубля при Леденгскомъ солевареннѣ заводѣ, что составляетъ около 50 руб. Кромѣ законоучителя и учительницы, которымъ назначено въ годъ жалованья: первому—24 руб. и второй—150 руб., приглашена въ настоящее время и учительница рукодѣлія, такъ какъ почетный блюститель Леденгскаго училища выразилъ желаніе ежегодно жертвовать по 50 руб. на этотъ предметъ.

— Въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Екатеринославской губерніи открыты слѣдующіе уѣздныя училищные совѣты: Екатеринославскій—3-го числа и Ростовскій—29.

— 29-го минувшаго октября послѣдовало открытие въ с. Дмитровскомъ-погостѣ, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи, женскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища, въ присутствіи мѣстнаго мироваго посредника, законоучителей двухкласснаго мужскаго училища, находящагося въ томъ же селѣ, а также старшинъ, стастье и крестьянъ волости. При открытии совершиено было въ училищномъ домѣ молебствіе съ водоосвашеніемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору; при чёмъ мѣстными священникомъ произнесено было назидательное поученіе, обращенное къ родителямъ ученицъ и самимъ ученицамъ.

— Въ началѣ текущаго учебнаго года, въ Рязанской губерніи открыты слѣдующія двухклассныя начальныя народныя училища въ селахъ: *Дудино*, Зарайскаго уѣзда — 19-го августа, *Кашинъ*, Сапожковскаго уѣзда — 15-го сентября, *Дмитровскому посольству*, Егорьевскаго уѣзда — 20-го сентября, *Мурзгены*, Данковскаго уѣзда — 26-го сентября, *Габлимахъ*, Касимовскаго уѣзда — 6-го октября и *Маковъ*, Михайловскаго уѣзда — 15-го октября. Открытие училищъ происходило въ присутствіи или мѣстныхъ предводителей дворянства, или другихъ почетныхъ лицъ. Всѣ вышепоименованныя училища открыты были по совершенніи молебствія съ водоосвашеніемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору; при чёмъ мѣстными священниками были произнесены назидательные поученія дѣтямъ и ихъ родителямъ. Особенно торжественностью отличалось открытие училища въ с. Маковѣ: 15-го октября, въ 11 часовъ утра, мѣстный священникъ съ причтомъ, въ облаченіи, съ св. крестомъ въ рукахъ и мѣстными церковными иконами, въ присутствіи собравшихся лицъ, открылъ крестный ходъ изъ церкви въ домъ училища, гдѣ былъ совершенъ молебенъ съ водоосвашеніемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, святѣйшему синоду и его сиятельству г. министру народнаго просвѣщенія, послѣ чего были окроплены св. водою классы и все училищное зданіе. По окончаніи молебствія, священникъ сказалъ приличное случаю назидательное слово преимущественно обращенное къ дѣтямъ, поступающимъ въ училище; затѣмъ училище объявлено было открытымъ.

— Открыты въ 1874 году слѣдующіе уѣздныя училищные совѣты: въ Казанской губерніи — *Мамадышский*, 14-го минувшаго октября, и въ Херсонской — *Тираспольский*, 1-го ноября 1874 года.

— 26-го сентября 1874 года открыто въ селѣ Верхнихъ Чусовскихъ городкахъ, Пермской губерніи, двухклассное начальное училище

министерства народнаго просвѣщенія, въ которое принято 47 человѣкъ, въ числѣ коихъ поступило въ 1-й классъ—37 и во 2-й—10. Училище помѣщено во вновь устроенномъ пермскими почетными гражданами, купцомъ 1-й гильдіи Александромъ Кропачевымъ, домъ.

Въ Бессарабской губерніи открыты въ 1874 году слѣдующія начальныя народныя училища: одноклассныя:

Бендерскаго уезда, въ селахъ: Каутанахъ, Селеметъ, Бештемакъ и Гура-Галбинъ и мѣстечкѣ Кайтарахъ—3-го юля.

Сорокскаго уезда, въ мѣстечкѣ Атакахъ—6-го юля.

Аккерманскаго уезда, въ селахъ: Плахтѣевкѣ и Александровкѣ—1-го юля; двухклассныя:

Бендерскаго уезда, въ селѣ Чимитліи, съ женскимъ отдѣленіемъ—1-го юля.

Сорокскаго уезда, въ селѣ Надушитѣ—4-го юля.

Орѣховскаго уезда, въ селѣ Кивергенахъ—1-го юля.

— 26-го минувшаго октября послѣдовало открытие въ заштатномъ градѣ Серпейкѣ, Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи, двухкласснаго начальнаго народнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, мѣстнаго городскаго головы, членовъ управы и другихъ жителей города, а также и учащихся, коихъ поступило въ училище 37 мальчиковъ и 16 девочекъ.

СНОШЕНИЯ РОССИИ СЪ ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ ПРЕДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ВОЙНОЮ 1812 ГОДА.

I.

Сношенија съ Франциею въ 1811 году.

Въ началѣ 1811 года наѧлъ посланикъ при Тюльерійскомъ дворѣ, князь А. Б. Куракинъ, писаль императору Александру Павловичу: „Слухи о войнѣ Франціи съ Россіей, распространены во Франціи и Германіи; впрочемъ можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы императора Наполеона. Казь бы старалось заглушать ихъ французское правительство, его попытки въ этомъ отношении были безуспешны, и оно не могло ихъ уничтожить вполне, потому что предпринимаемы ины мѣры были въ совершенномъ противорѣчіи съ его рѣчами и увѣреніями, которыя оно такъ щедро расточало. Присоединеніе цѣлыхъ государствъ во время мира и безъ всякихъ къ тому поводовъ, кроме удобства для Франціи (*la convenance de la France*), изгнаніе изъ его владѣній государя, ближайшаго родственника вашего величества, который своими владѣніями обижанъ великодушію покойнаго вашего родителя, и котораго обладаніе ими возстановлено было Тильзитскимъ договоромъ, составляющимъ главное основаніе нашихъ теперешнихъ отношеній къ Франціи,—это, конечно, такие дѣйствія, которыхъ значенія нельзя измѣнить никакими словами и увѣреніями. Испуганная Европа видѣть въ нихъ предвестниковъ нового переворота. Всѣ государства или подчинены Франція, или находятся подъ влияніемъ ея правительства, и потому взоры всѣхъ устремлены на Россію, и всѣ считаютъ поступки Наполеона направленными противъ нея и которые рано или поздно, но немѣдленно приведутъ къ разрыву. Новый тарифъ, а особенно то впечатлѣніе, которое онъ здѣсь произвелъ, подтвердили это предположеніе. Если оно основано на

ЧАСТЬ CLXXVII, отд. 2.

1

занію характера Наполеона, самолюбиваго и страстнаго къ разрушению, то нельзя отвергать и того, что въ то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя вниманіе. Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ этомъ случаетъ было бы весьма опасно. Напротивъ, если мы остановимся на этомъ предположеніи и съ нимъ будемъ сообразовать наши расчеты и дѣйствія; то отъ этого произойдетъ несомнѣнная польза. Если въ настоящее время мы будемъ смотрѣть на войну, какъ на дѣло неизбѣжное, то успѣхъ сдѣлать всѣ приготовленія, чтобы вести ее съ успѣхомъ. Чѣмъ болѣе затруднений мы въ состояніи будемъ противопоставить Наполеону, тѣмъ болѣе мы можемъ надѣяться обратить и его самого къ миролюбивымъ видамъ. Наоборотъ, чѣмъ менѣе мы будемъ приготовлены, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ начать войну, которая увлекаетъ его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохранившую возможность быть независимою и отклонить свою помощницу ту гибель, которая постоянно угрожаетъ другимъ державамъ".

Даже князь Куракинъ, сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей, постоянно наблюдая вблизи характеръ Наполеона въ продолженіе несмѣлькихъ лѣтъ, понялъ наконецъ, что только вышняя грубая сила можетъ поставить въ границы его властолюбія, не ограничивающее никакими нравственными началами и окончательно утратившее въ это время всякое понятіе о различіи между истиной и ложью, честью и безчестіемъ, добромъ и зломъ. Дѣйствительно, только грозная сила для обороны, приготовленная Россіей, могла или отсрочить, или совершенно устранить хищническое покушеніе на ея существованіе, какъ самостоятельной державы. Поэтому совѣтъ нашего посланника не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона, и смотря прямо на враждебныя его дѣйствія, приготовляться къ войнѣ, соответствовалъ какъ нельзя болѣе обстоятельствамъ времени. Но такой совѣтъ не былъ новостью для русскаго правительства, которое давно уже было увѣрено въ неизбѣжной войнѣ съ Наполеономъ и готовилось къ ней. Впрочемъ, не вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ занималъ всѣхъ; но о томъ, можетъ ли Россія приготовиться въ той мѣрѣ, чтобы съ успѣхомъ противостоять грозному врагу. Князь Куракинъ, пораженный геніемъ Наполеона какъ полководца и знамъ огромныя военные средства, которыми онъ могъ располагать, принадлежалъ къ числу тѣхъ, для коихъ этотъ вопросъ разрѣшался отрицательно. Полагая, что одна Россія не обладаетъ достаточными спо-

собами противостоять такому врагу, онъ совѣтовалъ ей искать заблаговременно союзниковъ. „Наканунѣ этого нового переворота“, писалъ онъ,— „начало которого опредѣлить не возможно, потому что онъ будетъ зависѣть отъ различныхъ случайныхъ причинъ и особенно отъ хода военныхъ дѣйствій Француза въ Португалии и Испаніи, я не исполнить бы своей обязанности и не удовлетворить бы требованіямъ моей личной преданности вашему величеству, еслибъ, указывая на положеніе Россіи, въ то же время не представилъ бы моихъ соображеній о тѣхъ средствахъ, которымъ могли бы сдѣлать его болѣе благопріятнымъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ вѣшнимъ сношенніямъ, о которыхъ по моему званію я могу единственно судить по тому положенію, въ которомъ я нахожусь, то-есть, въ средоточіи всѣхъ политическихъ движений“.

Въ представляемыхъ императору соображеніяхъ, Куракинъ говорилъ, что стоитъ лишь взглянуть на карту Европы, чтобы замѣтить, что „отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда и до Мессинскаго пролива— все Франція“, и что при настоящемъ положеніи дѣль все послѣдуетъ за тѣмъ движениемъ, которое возбудить воля императора Наполеона. Въ этихъ государствахъ можно лишь разчитывать на содѣйствіе *народовъ*, доведенныхыхъ до отчаянія, противъ ихъ угнетателей; но „извѣстно, какъ не надежны подобные союзники, и что есть различіе между характерами Испанца и Голландца, Нѣмца и Италіанца“. За этими небольшими государствами, которыхъ въ настоящее время можно считать какъ-бы совершенно присоединенными къ Франціи, представляются *развалы* двухъ монархій, когда-то могущественныхъ, но теперь ослабленныхъ, едва продолжающихъ безсильное существованіе и которыхъ могутъ быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франція заподозрила ихъ въ связяхъ съ нами: Ихъ положеніе въ настоящее время весьма двусмыслично. Ихъ истинныя выгоды, конечно, влекутъ ихъ къ Россіи, потому что если она погибнетъ, то никто уже не можетъ ихъ спасти. Сила обстоятельствъ, ложные разчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты Берлинскій и Вѣнскій, подчинили ихъ игу Франціи. „Я не буду удивленъ“, говорить князь Куракинъ,— „если Австрія и Пруссія соединятся съ Франціей,—такъ неопределенные ихъ возврѣнія, и такъ онъ желають обмануть себя въ приближеніи переворота, которого сами онъ, сначала одна, а потомъ другая, сдѣлаются неминуемыми жертвами“. Изъ этого-то неопределеннаго состоянія Куракинъ совѣтовалъ во что бы то ни стало вывести какъ Австрію, такъ и Пруссію, потому что прежде

всего намъ необходимо опредѣлить ясно наши къ нимъ отношенія. Положеніе Пруссіи самое затруднительное: она окружена со всѣхъ сторонъ, ея крѣпости въ рукахъ Французовъ, финансы истощены, армія убавлена въ числѣ и можетъ быть всегда уничтожена прежде, нежели успѣеть сосредоточиться. Нельзя не опасаться, что для нея уже нѣтъ ни времени, ни возможности принять сторону, согласную съ ея дѣйствительными выгодами. Потокъ произшествій можетъ увлечь ее прежде, нежели она успѣеть на что-нибудь рѣшиться. Поэтому крайне необходимо, какъ можно скорѣе войти съ ней въ соглашеніе и предупредить то мгновеніе, когда она будетъ поставлена въ положеніе выбирать между Россіей и Франціей. Съ одной стороны необходимо, чтобъ она знала, что при всіхъ обстоятельствахъ можетъ на насть надѣяться, если даже возбудить противъ себя Наполеона, а съ другой необходима увѣренность, что мы можемъ ее разчитывать. „Конечно, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ 60 тысячамъ войска; но не лучше ли, чтобъ они были за насть, нежели противъ настъ“.

Что касается до Австріи, то вопросъ объ отношеніяхъ къ ней имѣть гораздо большее значеніе. Австрійская армія состоять по крайней мѣрѣ изъ 200 тысячъ, а потому это государство еще имѣть вѣсъ въ дѣлахъ Европы. Ея присоединеніе къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе какъ для нея самой, такъ и для Россіи. „Вашему императорскому величеству“, писалъ князь Куракинъ, „хорошо известны какъ мой взглядъ на австрійскій кабинетъ, такъ и тщетная моя усилия, въ то время—“какъ я бытъ посланикомъ въ Вѣнѣ, укрѣпить взаимное согласіе между имѣ и наими, которое такъ согласно съ нашими взаимными выгодами и такъ необходимо для поддержанія ихъ. Но обстоятельства того времени, и особенно Эрфуртскіе переговоры, такъ сильно смутили Австрійскаго императора, послужили непреодолимымъ препятствиемъ, не смотря на всѣ усилия съ моей стороны. Въ настоащее время достигнуть этого соглашенія сдѣлалось еще труднѣе—конечно, вслѣдствіе семейныхъ узъ, соединившихъ Габсбургскій домъ съ императоромъ Наполеономъ. Не смотря на то, Куракинъ совѣтуетъ Александру попытаться вновь войти въ переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, чтобы обезпечить намъ если не содѣствіе Австріи, то по крайней мѣрѣ ея нейтралитетъ. „Бракъ эрцгерцогини Луизы не доставилъ Австріи никакихъ существенныхъ выгодъ со стороны Франціи. Императоръ Наполеонъ не щадить никого и при исполненіи своихъ замысловъ не стѣсняется узами

самаго близкаго родства, чмъ служить доказательствомъ судьба его братьевъ, Людвига и Люцилла. Вѣнскій дворъ сильно опшибется, если подумаетъ, что этотъ бракъ послужить ему защитою".

На это искаженное обстоятельство князь Куракинъ советовалъ особенно упирать при переговорахъ съ Австріей и надѣялся, что они могутъ повестъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ, но единствено при томъ условіи, если мы поспѣшимъ заключить миръ съ Оттоманской Портой какъ можно скорѣе, и притомъ на таихъ условіяхъ, которыхъ не возбудили бы подозрѣній со стороны Австріи. „Но по этой ли одной причинѣ мы должны усиленно желать окончанія этой войны? Нѣть“, отвѣчаетъ князь Куракинъ на этотъ вопросъ, — „но особенно потому, что этотъ миръ можетъ имѣть важное вліяніе на политическое наше положеніе вообще, которое до тѣхъ поръ, пока продолжается война съ Турками, не будетъ представлять достаточнаго ручателства въ томъ, что мы можемъ располагать необходимыми средствами, чтобы противостоять такому врагу, какъ Наполеонъ. Образованіе къ огромныхъ размѣрахъ средствъ для обороны должно быть исключительнымъ предметомъ нашихъ заботъ, потому что отъ этого зависитъ наше будущее существованіе. Мое мнѣніе таково, что для этого мы должны пожертвовать въ настоящее время всѣми видами на увеличеніе владѣній, чѣмъ только отвлекается наше вниманіе отъ главнаго предмета заботъ. Эти виды могутъ осуществиться впослѣдствіи, когда положеніе Евроши будетъ болѣе благопріятнымъ для ихъ существованія и не подвергнетъ насъ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которымъ къ нашей бѣдѣ мы можемъ подвергнуться нинѣ, если упорно будемъ ихъ преслѣдовывать. Дунайскія княжества и Сербія могли бы образовать независимыя государства, подъ обезпечениемъ трехъ державъ Россіи, Австріи и Турціи, которая будетъ только получать отъ нихъ ежегодно опредѣленную подать. Такое ихъ устройство, съ одной стороны, не противорѣчило бы нашимъ прежнимъ заявленіямъ объ этихъ княжествахъ, а съ другой его, по всейѣѣности, не отвергла бы и Турція. Миръ, который послѣдовалъ бы тогда, и оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, не былъ ли бы гораздо полезнѣе для насъ, въ виду тѣхъ замысловъ, которые пытаются противъ насъ императоръ Наполеонъ, ижели пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи? Таковы“, заключаетъ Куракинъ, — „три важныя послѣдствія, которыхъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ

достигнуть какою бы то ни было цѣной и я считаю священнымъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе вашего величества" ¹).

Мы изложили подробно содержаніе этого донесенія нашего посланника, потому что выраженный въ немъ взглядъ не принадлежитъ лично ему одному, но составлялъ въ это время общій взглядъ всѣхъ тѣхъ дипломатовъ и государственныхъ людей всѣхъ державъ, не исключая и Франціи, которые не были безсознательно или корыстно увлечены Наполеономъ, а полагали необходимымъ положить предѣль его властолюбію, поработившему и разорившему всю Европу. Но для того, чтобы привести въ исполненіе эти предположенія, необходимы были два условія, кавашіяся нашему правительству весьма затруднительными: прежде всего слѣдовало заключить миръ съ Турками, *на какихъ бы то ни было условіяхъ*, и затѣмъ дѣйствовать наступательно.

Война съ Турцией, послѣ Екатерининскихъ блестательныхъ войнъ съ этой державою, продолжавшаяся такъ долго и безъ особыхъ успѣховъ, стоявшая столькихъ пожертвованій, тяготила Россію, особенно потому, что она считала эту войну однимъ изъ послѣдствій нашего союза съ Франціей, заключенного въ Тильзитѣ и подкрепленного въ Эрфуртѣ, то-есть, считала наизнанку намъ, также какъ и война съ Швеціей, вліяніемъ Наполеона, который желалъ только свѣздить Россіи руки для того, чтобы самому дѣйствовать свободнѣе и обезпечить ее къ тому времени, когда онъ сочтетъ удобнымъ раздѣлаться съ нею также, какъ и съ другими державами континентальной Европы. Но именно это обстоятельство и было причиной того, что наше правительство не хотѣло уменьшить своихъ требованій въ отношеніи къ Турціи, полагая, что значительныя приобрѣтенія примирять общественное мнѣніе съ этой войной, а это въ свой чередъ затягивало переговоры и отдалило заключеніе мира.

Междудѣй продолженіе Турецкой войны и требование уступки Дунайскихъ княжествъ отдалило наше отъ Австріи, а Пруссія была въ рукахъ Французовъ. Чтобы обеспечить для наше союзъ съ нею, необходимо было занять вооруженною рукой восточныя ея провинціи и герцогство Варшавское и такимъ образомъ самимъ начать войну противъ Наполеона. Но Русскій императоръ, съ одной стороны, не желалъ быть начинателемъ войны, а съ другой — и военные приготовленія наши не были еще окончены въ то время.* Точно также,

¹) Донесеніе князя Куракина императору Александру 6/18 февраля 1811 года изъ Парижа.

давно рѣшившись разгромить Россію и изготавливая всѣ для того средства, и Наполеонъ не рѣшился начать войну, удерживаемый дѣлами Испаніи и усиливая боязнь и болѣе военныхъ приготовленій.

Такое положеніе дѣлъ естественно придавало особенный характеръ дипломатическимъ сношениямъ объикъ державъ. Въ дѣйствительности они находились въ полномъ разрывѣ между собою, ожидали войны и приготавливались къ ней, но въ то же время говорили о необходимости искреннаго союза между ними, благодѣтельнаго для Европы, единственнаго ручательства за прочность мира, въ которомъ такъ нуждалась она, потрясенная безпрерывными и столь продолжительными войнами. Государи переписывались между собою, выражали чувства личной дружбы одинъ къ другому и въ то же время не вѣрили политикѣ государствъ.

Во время Тильзитскаго сандака молодой офицеръ нашей гвардіи А. И. Чернышевъ, отличающійся красотой, обратилъ на себя вниманіе Наполеона. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что въ 1809 году, во время Австро-Французской войны, императоръ Александръ отправилъ его съ своими письмами къ Наполеону и Австрійскому императору. Пробылъ довольно долго въ Шенбрунѣ, во все время переговоровъ о мирѣ между Франціей и Австріей, Чернышевъ пользовался благосклонностю Французского императора и близко познакомился съ лицами, его окружавшими. Въ послѣдствіи Александръ постоянно посыпалъ его съ своими письмами къ Наполеону, и въ свой чередъ Наполеонъ вѣяръ ему свои письма къ Александру. Поэтому Чернышеву приходилось иногда долгое время оставаться въ Парижѣ.

Приведенное донесеніе князя Куракина было писано въ то время, когда въ Парижѣ находился Чернышевъ. Въ концѣ декабря 1810 года онъ посланъ былъ императоромъ Александромъ въ Стокгольмъ и оттуда въ Парижъ и привезъ собственноручное письмо къ императору Французовъ. Въ этомъ письмѣ Александръ говорилъ Наполеону, что главный предметъ его заботъ состоять въ поддержаніи союза, который связуетъ двѣ имперіи и обеспечиваетъ спокойствіе всей Европы: „Ваше величество можете убѣдиться, что я постоянно и во всѣхъ случаяхъ выражая необходимость самаго тѣснаго союза между нами. Россія ничего не домогается, лишь бы заключить миръ съ Турцией. Условія, на коихъ я желаю заключить его, вамъ извѣстны; я никогда ничего не требовалъ болѣе. Мѣры противъ англійской торговли строго соблюдаются, доказательствомъ тому

могутъ служить многочисленныя конфискаціи въ моихъ портахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они предприняты, едва только 30 кораблей, разныхъ народовъ, вошли въ никъ. Не вѣроятно, чтобы прибыли еще другіе, потому что многіе порты уже покрыты льдомъ. Во всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть значительно, и противъ нихъ будуть примѣты тѣ же строгія мѣры. Нѣмецкимъ политикамъ пріятно распускать тревожные слухи и поддерживать беспокойство въ умахъ; но я не вѣрю имъ, потому что полагаюсь на ваши увѣренія¹⁾.

Чернышевъ, выѣхавъ изъ Стокгольма 7-го декабря, послѣ труднаго перѣѣзда чрезъ Зундъ и Бельтъ въ Копенгагенъ, прѣѣхалъ оттуда въ Парижъ 4-го января 1811 года утромъ и немедленно отправился въ Тюльери. Императоръ Наполеонъ присутствовалъ въ это время въ государственномъ совѣтѣ, и возвратившись оттуда въ 5½ часовъ по полудни, немедленно принялъ Чернышева и проговорили съ нимъ около полутора часа.

Вручая письмо Александра, Чернышевъ сказалъ, что онъ былъ „весьма счастливъ, что, возвратившись посѣгъ восьмимѣсячнаго отсутствія въ Петербургъ, онъ нашелъ императора Александра въ такомъ же добромъ расположеніи къ Франціи, какъ и прежде, и что все вниманіе императора устремлено на то, чтобы сохранить и усилить еще болѣе союзъ и дружбу между двумя имперіями. Поэтому“, заключилъ Чернышевъ, — „онъ особенно поручилъ мнѣ выразить вашему величеству увѣренія, что онъ твердо рѣшился поддерживать континентальную систему; многочисленныя конфискаціи въ нашихъ портахъ доказываютъ, что она строже соблюдается, нежели какъ можно было предполагать“.

Совершенное спокойствіе и отсутствіе всякаго раздраженія, съ которымъ противъ обыкновенія отвѣчалъ Наполеонъ, поразили Чернышева. „Депеши, которыхъ я получилъ изъ Петербурга, а также сообщенія князя Куракина моему министру иностраннѣхъ дѣлъ“, говорилъ императоръ Французовъ, — „показали мнѣ, что мои предложения были поняты тамъ совершенно въ иномъ смыслѣ. Я скѣль себя

¹⁾ Письмо отъ «...» ноября 1810 года; на черновомъ оттискѣ не выставлено числа. Всѣ письма къ императору Наполеону писаны на-черно рукою императора Александра I, на небольшихъ листахъ писчей бумаги, перегнутыхъ пополамъ, карандашемъ (какъ и всѣ вообще писанныя имъ письма и депеши). Съ нихъ списывались въ министерства иностраннѣхъ дѣлъ копіи, которая императоръ потомъ пересматривалъ и исправлялъ и наконецъ уже переписывалъ набѣло.

обязаннымъ заявить императору Александру единственный способъ подавить Англичанъ; но онъ нашелъ его вреднымъ для его имперіи, чѣмъ въ сущности можетъ быть справедливо, поэтому и не придаю ему осеннаго значенія. Мое испрѣннее желаніе—сохранить миръ между нами, и я отвѣчаю за его продолженіе, если только Россія ис нападать на меня. Какая для меня польза начать войну съ Россіей? Год раздо болѣе представляетъ вѣроятности предположеніе, что вы захотите прийти въ Парижъ, нежели я въ Петербургъ¹. Затѣмъ Наполеонъ прибываетъ, что относительно напиши финансово онъ увѣренъ, что они скорѣе исправятся, если мы заключимъ миръ съ Турками, нежели съ Англичанами.

Но самыи смыслъ этого отвѣта могъ бы поразить еще болѣе. Наполеонъ считалъ не важными свои требованія и изъявлялъ готовность, вопреки своему самолюбію, отказатьсь отъ нихъ, лишь только Россія найдетъ ихъ неыгодными для себя. Но въ чёмъ же заключались эти требованія или предложенія, какъ называлъ ихъ Наполеонъ въ этомъ разговорѣ? Онъ выразилъ ихъ самъ въ томъ письмѣ, которое, по его порученію, Чернышевъ отоспалъ императору Александру. „Англичане“, писалъ онъ, — „сильно страдаютъ послѣ того, какъ я присоединилъ Голландію и захватилъ ихъ товары въ портахъ Мекленбурга и Пруссіи. Въ Лондонѣ еженедѣльно открываются банкротства, что производятъ волненія въ городѣ. Я только что забралъ въ Швейцаріи и Франкфуртѣ громадные количества англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. 600 англійскихъ торговыхъ судовъ, бро-дившихъ въ Балтійскомъ морѣ, не были приняты въ Мекленбургѣ и Пруссіи и отправились къ портамъ вашего величества. Если вы ихъ пріймете, то война еще будетъ продолжаться; если же вы ихъ захватите и конфискуете грузы, находятся ли они еще въ вашихъ портахъ или уже выгрузили на берегъ товары,—это разразится страшнымъ ударомъ надъ Англіей, потому что всѣ грузы принадлежатъ ей. Итакъ, отъ вашего величества зависятъ и война, и миръ. Вы же-лааете и должны желать мира. Ваше величество можете быть увѣрены, что мы достигнемъ мира, если вы конфискуете эти 600 кораб-лей или ихъ грузы. Какими бы они ни были снабжены свидѣтель-ствами, явятся ли они подъ именемъ французскихъ, германскихъ, испанскихъ, датскихъ, русскихъ, шведскихъ, ваше величество можете быть увѣрены, что все это—Англичане“¹). Этимъ письмомъ, безъ вся-

¹⁾ Письмо 23-го октября въ ст. 1810 г. изъ Фонтенебло.

кихъ ограничений, съ-разу, рѣшался вопросъ о нейтральной торговлѣ. Наполеонъ не хотѣлъ признавать ее болѣе и всѣ суда нейтральныхъ державъ, съ ихъ грузами, одинаково захватывали, какъ и англійскіе. Въ то же самое время, какъ онъ отправилъ это письмо къ императору Александру, онъ поручалъ своему министру иностраннаго дѣлъ писать въ томъ же смыслѣ къ французскому посланнику при нашемъ дворѣ. „Если императоръ Александръ“, писалъ онъ Шампаны, — “рѣшится дѣйствовать съ большей силой, то онъ приобрѣтѣтъ не менѣе 40 миллионовъ (то есть, ограбивъ грузы нейтральныхъ судовъ) и подорвѣтъ Англію... Что касается до правила, что воюя съ Англіей, не слѣдуетъ воевать съ нейтральными, то это — заблужденіе. Англичане не признаютъ никакихъ нейтральныхъ; они дозволяютъ плавать Американцамъ только подъ условіемъ, чтобы тѣ перевозили ихъ товары и на ихъ счетъ. Всѣ свидѣтельства французскихъ консуловъ и всякихъ другихъ бумаги, которыми снабжены эти корабли, подложны. Все это слишкомъ ясно, чтобы возможно было этого не знать. Война и миръ — въ рукахъ Россіи”¹⁾.

На письмо Наполеона, привезенное Черкашевымъ, и на изустные разказы послѣдняго о требованіяхъ императора Французовъ, подтвержденные и настояніемъ Коленкура, наше правительство отвѣчало, что Русскій императоръ никогда не рѣшится принять иностраннаго торговъ постановленій и тарифовъ, безъ соображенія съ источниками народного богатства своего государства и его развитіемъ. „Это было бы нерадѣніе о благѣ своихъ подданныхъ и ослабило бы народную преданность, которой государь дорожитъ, и на которую имѣеть право. Великая держава, соблюдая и великія пользы, должна дѣйствовать самостоятельно какъ внутри своей страны, такъ и въ дружественныхъ сношеніяхъ съ другими государствами”. Ту же мысль императоръ выразилъ французскому посланнику, сказавъ, что „будетъ вредить Англичанамъ, но не закроетъ портовъ для торговли нейтральной, не считая себя обязаннымъ принимать такие мѣры, которые превышаютъ условія трактата, заключенного съ императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоражаться у себя для собственной пользы”²⁾. Послѣдствіемъ этихъ заявлений было издание „Положенія

¹⁾ Письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 16-го апраля и 4-го ноября 1810 г. *Bignon Hist. de France*, гл. XXIV. *Thiers, Hist. de l'empire*, XX.

²⁾ Депеша графа Румянцева къ князю Куракину 24-го ноября 1810 года. Письмо Коленкура къ Шампаны въ ноябрѣ того же года.

о нейтральной торговле на 1811 годъ въ портахъ Бѣлага, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ¹), которое было дѣйствительно самымъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія Наполеона и явилъ заявленіемъ свободы и самостоятельности Россіи во внутреннихъ распоряженіяхъ.

Не подлежитъ ни малѣшему сомнѣнію, что такъ-называемая нейтральная торговля была большей частью подложная и въ сущности англійская; но это было также же необходимо послѣдствіемъ чудовищной мѣры, неудачно придуманной геніальною злобою Наполеона противъ Англіи и известной подъ названіемъ *континентальной системы*, какъ и правильно и въ огромныхъ размѣрахъ устроенная ими контрабанда, развратившая международную торговлю. Но во время заключенія Тильзитскаго трактата, Наполеонъ еще не понималъ, какое можетъ получить значеніе нейтральная торговля, или не считалъ еще себя достаточно властелюбомъ всей Европы, чтобы требовать отъ своихъ союзниковъ ея запрещенія. Но вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ Англія издала законъ, по которому дозволила свободное плаваніе по морямъ только тѣмъ кораблямъ, грузъ которыхъ осмотрѣнъ англійскимъ правительствомъ, въ Лондонѣ, Мальтѣ или другихъ установленныхъ ю юстикахъ и оплаченъ въ ея пользу пошлиной, и которые снабжены ея свидѣтельствами. На основаніи этого правила, которое властительница морей могла поддержать и поддерживала силой, нейтральная торговля естественно попала въ руки Англіи и превратилась, въ большей части случаевъ, въ наиболѣшее, или во крайней мѣрѣ, самое безопасное орудіе ея контрабанды.

На распоряженія Англіи Наполеонъ отвѣчалъ декретомъ Миланскімъ и Трианонскимъ, тарифомъ, направленнымъ противъ нейтральной торговли, присоединеніемъ къ Франціи прибрежій Нѣмецкаго моря, Голландіи, ганзейскихъ городовъ, конфискаціей англійскихъ и колониальныхъ товаровъ. Онь жесть эти товары, но болѣе продавать, и этою послѣднею мѣрою хотѣлъ улечь въ свои виды и Россію. Военный грабежъ, доставившій ему огромныя суммы денегъ, далъ ему возможность образовать особый фондъ, военный (*le trésor de l'armée*), которымъ онъ тайно пополнялъ дефициты своей имперіи. Но бешпрерывныя войны и другія потребности истощили этотъ фондъ въ то время. Онъ думалъ пополнить его продажей англійскихъ и коло-

¹) Полн. Собр. Зак. 1810 г. декабря 19-го, № 24464.

ніальныхъ товаровъ и воспользовался этой мѣрою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но эти размѣры были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, въ какихъ возростали ежегодно выгоды Англіи, вслѣдствіе принятой Наполеономъ противъ нея континентальной системы. Завладѣвъ колоніями и торговыми флотами всѣхъ державъ, она владѣчествовала безусловно на моряхъ. Если и разорялись нѣкоторые частные промышленники и торговые дома, то вообще ея торговля возростала, и доходы увеличивались ежегодно. Придуманная Наполеономъ мѣра обратилась въ пользу Англіи потому, что была неисполнима. Исполненіе этой мѣры равнялось бы совершененному прекращенію вѣтшней торговли всѣхъ государствъ, а слѣдовательно,— полному ихъ разоренію. Поэтому, не могла не существовать и не развиваться контрабанда. Самъ Наполеонъ призналъ неисполнимость этой мѣры, допустивъ торговлю нѣкоторыхъ лицъ по особымъ для того *свидѣтельствамъ* въ платою огромныхъ пошлинь (*licensee*). Но допуская такое исключеніе для Франціи, онъ настоятельно требовалъ отъ союзныхъ съ нимъ державъ полнаго запрещенія вѣтральной торговли. Конечно, всѣ преклонились передъ силой; послорила отчасти лишь Швеція, да рѣшительно отказалась Россія.

Объ этомъ-то отказѣ Наполеонъ, выходившій постоянно изъ себя при каждомъ намѣрѣ на англійскую торговлю, отозвался такъ спокойно и благосклонно въ разговорѣ съ Чернышевымъ. Выслушавъ такой отвѣтъ, Чернышевъ обратилъ вниманіе Наполеона, что выраженный имъ взглядъ устраиваетъ тѣ два недоразумѣнія, на которые, до отѣзда его въ Петербургъ, онъ указывалъ какъ на такія, которыя могутъ быть поводомъ къ разрыву между имперіями и что поэтому, въ настоящее время онъ почитаетъ союзъ и согласіе между ними вполнѣ обеспеченными.

Вместо отвѣта на это замѣченіе, Наполеонъ сказалъ Чернышеву, „что онъ съ радостію узналъ, какъ императоръ Александръ выразился на счетъ приобрѣтеній отъ Турціи, совершенно согласно съ видами Франціи. Поэтому онъ полагаетъ, что намъ очень скоро удастся заключить миръ съ Турками. Но я долженъ обратить вниманіе вашаго величества“, доносилъ Чернышевъ императору, — „что, въ отношеніи къ этому вопросу, императоръ Наполеонъ въ продолженіе разговора очень часто противорѣчилъ самъ себѣ. То онъ предсказывалъ скорое заключеніе мира, то говорилъ о предстоящемъ возобновленіи войны. Онъ находилъ наше военное положеніе

въ отношениях къ Туркамъ весьма выгоднымъ, потому что въ нашихъ рукахъ находилось много крѣпостей на правомъ берегу Дуная; но въ то же время полагалъ весьма печальнымъ то обстоятельство, что по недостатку продовольствія, мы были вынуждены перевезти на этотъ берегъ свою главную квартиру и большую часть войскъ и оставить на противоположномъ берегу только три дивизіи. Это, говорилъ онъ, обедритъ Турокъ и поощритъ ихъ къ продолженію войны, къ чему возбуждаютъ ихъ Англичане, Австрійцы, Шведы и Поляки, которые не перестають распускать слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Франціей, который, конечно, имъ выгоденъ. Сверхъ того, императоръ Наполеонъ говорилъ, что война съ Турками можетъ представлять для насъ затрудненія единственно въ отношеніи къ денежнымъ издержкамъ, особенно если мы ограничимся только защитой праваго берега Дуная, чѣмъ весьма легко и не потребуетъ много войска. Но что касается до финансъ, то затруднительное наше положеніе, говорилъ онъ, зависитъ отъ того, что ваше величество во всѣхъ случаяхъ поступали слишкомъ рыцарски (*en usage de chevalier*), строго наблюдая чтобы заплачены были всѣ военные издержки Австріи и Пруссіи. Еслибы императоръ Александръ дѣйствовалъ какъ я, то-есть, какъ человѣкъ разчета (*en homme de calcul*), то никогда не чувствовалъ бы недостатка въ деньгахъ. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ透过自己的将领们, то и не обращалъ особаго вниманія на свои выгоды; но какъ я самъ предводительствовалъ своимъ, то и бралъ все, чѣмъ считалъ нужнымъ. Наконецъ, онъ прибавилъ: совершенно въ иномъ положеніи находилась бы Россія, еслибы вашъ императоръ принялъ то предложеніе, которое я сдѣлала ему въ Тильзитѣ,—раздѣлить владычество надъ міромъ (*de partager le monde*); тогда у него было бы много и войскъ, и денегъ".

Когда императоръ Наполеонъ выражалъ не только миролюбивое настроеніе въ отношеніи къ Россіи, но даже и заботу о ея благосостояніи, Чернышевъ позволилъ себѣ скромно замѣтить ему, чтоѣхавши въ Парижъ, онъ дорогой, въ Копенгагенѣ, случайно узналь о присоединеніи къ Французской имперіи ганзейскихъ городовъ и о консекрѣціи на 1811 годъ, тогда какъ незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ, отпустивъ Чернышева въ Петербургъ, поручилъ ему сказать императору Александру, что онъ не приѣхнетъ къ консекрѣціи за этотъ годъ.

Вовсе не отвѣчая на первое обстоятельство, императоръ Напо-

леонъ сочналъ, что дѣйствительно онъ не намѣревался прибѣгать къ этой консекрѣціи, но что сильныя потери въ людяхъ въ Испаніи, гдѣ его дѣла идутъ не совсѣмъ удовлетворительно, принудили его взять часть консекрѣтотовъ и именно въ томъ числѣ, которое необходимо для пополненія войскъ, находящихся въ Испаніи. Но онъ не потребуетъ полнаго числа консекрѣтотовъ, потому что это стоило бы большихъ издержекъ, а ему и безъ того предстоитъ ихъ очень много. Онъ окончилъ рѣчь новыми уѣврѣніями, что желаетъ поддержать мирныхъ отношенія къ Россіи, и замѣтилъ, что передвиженіе корпусовъ Даву производится только для того, чтобы занять области ганзейскихъ городовъ, что онъ даетъ слово не увеличивать этой арміи и даже изъ тѣхъ полковъ, изъ которыхъ они состоятъ, онъ дозволилъ давать отпуски".

Такія миролюбивыя рѣчи не обманули и молодого русскаго офицера. Сообщая ихъ императору, Чернышевъ писалъ въ то же время:

"Осмѣливалось сказать вашему величеству, что не смотря на то, что рѣчи императора Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно несогласны съ ними. Выстрота, съ которой въ продолженіе шести мѣсяцевъ совершино столько насильственныхъ присоединеній, предвѣщаніе, что за ними послѣдуютъ другіе захваты, деспотическая и насильственная мѣры, которымъ употреблялъ Наполеонъ для увеличенія своихъ войскъ, консекрѣція нынѣшняго года, которую онъ возвѣметь, конечно, въ полномъ числѣ, въ чёмъ никто не сомнѣвается, вида къ какимъ коварнымъ онъ прибѣгаєтъ средствамъ, наконецъ, предположеніе устроить подвижную национальную гвардію болѣе пѣхѣи въ 300 тысячъ человѣкъ, о чёмъ ужъ идутъ разсужденія въ государственномъ совѣтѣ (хотя это предположеніе и встрѣчаетъ тамъ много возраженій, но безъ сомнѣнія, будетъ утверждено и приведено въ исполненіе), всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ ставятъ всѣ европейскія державы въ крайне тревожное положеніе въ отношеніи французской имперіи. Не безъ страха смотрѣть онъ на ея владычество не только надъ всѣми берегами Средиземнаго моря, но и на распространеніе его на берега Балтійскаго моря. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что его самолюбіе не знаеть предѣловъ и угрожаетъ существованію всѣхъ небольшихъ сѣверныхъ государствъ—Даніи, Пруссіи и др.

"Правда, что послѣ небольшаго отсутствія изъ Парижа, я нашелъ по возвращеніи большую перемѣну въ настроеніи умовъ; на всѣхъ лицахъ замѣты признаки унынія, сердца какъ будто стѣснены го-

ремъ и страхомъ, и всѣ молча ожидаютъ окончанія своихъ дѣйствій. Конечно, главная причина этой перемѣны заключается въ печальномъ положеніи дѣлъ въ Испаніи и Португалии. Оно приводить въ отчаяніе Французовъ, похищая у нихъ столько людей и денегъ, и этому они не предвидѣть конца по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, которыми имъ удастся получить оттуда, не смотря на то, что правительство тщательно ихъ не допускаетъ. Къ этому надобно прибавить многочисленныя банкротства, которыхъ чрезвычайно стѣснительно дѣйствуютъ не на однихъ купцовъ, но и на весь народъ, и недостатокъ торговли; притѣсненія и несправедливости всакаго рода со стороны Наполеоновыя чиновниковъ, не способныхъ внушить никакого довѣрія, возбуждаютъ мысль, что онъ дѣйствуетъ единственно для собственныхъ выгодъ, движимый лишь личнымъ самолюбіемъ. Вообще, недовольство всеобщее и явное, но это не поведеть ни къ какимъ прямымъ послѣдствіямъ, потому что тотъ страхъ и ужасъ, которымъ внушаютъ силы, находящіяся въ распоряженіи Наполеона, закрываетъ его несправедливыя дѣйствія, и его вліяніе еще такъ велико, что пойдуть за его маниевеніемъ.

„При такомъ положеніи дѣлъ, государь, взоры всѣхъ обращаются на Россію, какъ единственную державу, которая одна еще можетъ не только не подчиняться тому рабству, въ которомъ находится остальная Европа, но даже положить предѣлъ этому разрушительному потоку, для которого ничего нѣтъ святаго и, который не сдерживается никакими соображеніями. Но она не можетъ достигнуть этой великой цѣли, ни побѣдоносно противодѣйствовать современнымъ происшествіямъ, если не освободить себя отъ всякой другой войны и не сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ силъ и способовъ. Поэтому единственное желаніе всякаго ревностнаго подданнаго вашего величества и истиннаго Русскаго должно состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе прекратить войну съ Турками, и если обстоятельства потребуютъ, то заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Это изжертваніе будетъ съ избыткомъ вознаграждено тѣми выгодами, которыхъ необходимо послѣдовать, и тѣмъ положеніемъ, которое можетъ принять Россія,—грознымъ и внушительнымъ, способнымъ заставить уважать ея волю во время мира, и въ случаѣ разрыва съ Франціей, дастъ ей неизмѣримое преимущество — предупредить своего врага. Я скажу даже болѣе: оно дастъ вамъ возможность нанести сильнѣйший ударъ выгодамъ Наполеона, войдя въ соглашеніе съ Австріей и Швеціей, обѣщаю первой часть Валахіи и

Сербію, а второй—Норвегію, составляющую предметъ ея желаній, и тогда безуспешственно занять Варшавское герцогство, объявить себя королемъ Польскимъ и обратить противъ самого императора Наполеона тѣ средства, которыхъ онъ приготовилъ въ этомъ герцогствѣ для войны съ нами. Извѣстно, что настоящее положеніе Поляковъ чрезвычайно печально, что они страдаютъ подъ тягостю огромныхъ налоговъ отъ притѣсненій и лишений всякаго рода, налагаемыхъ на нихъ деспотическою волею Наполеона. Если они выносятъ все это, то единственно въ надеждѣ вновь сдѣлаться народомъ. Если ваше величество рѣшились осуществить эту мысль и поддержать осуществление ея сильнымъ войскомъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Поляки, испытавъ уже всѣ тягости Наполеонова правленія, не уважающаго никакихъ законовъ, никакихъ правъ собственности, предпочтли бы ваше правительство, справедливое и законное, которое обеспечило бы для нихъ будущее благополучіе. Не это произвело бы и выгодныя послѣдствія для васъ, укрѣпивъ обладаніе вашими польскими провинціями, увеличивъ и усиливъ ваше могущество и лишивъ непріятеля значительныхъ средствъ, которыми онъ могъ бы располагать въ войнѣ противъ васъ. Не говоря ужъ о другихъ, одна потеря 20 тысячъ легкой кавалеріи, образованной въ Варшавскомъ герцогствѣ по приказанію императора Наполеона, была бы для него жестокимъ лишениемъ, потому что онъ знаетъ превосходство этого рода войскъ въ нашей арміи и разчитываетъ превосходить нашу легкую кавалерію именно польскую¹⁾.

Такимъ образомъ, взгляды опытного русского дипломата, крайне опасавшаго войны съ Франціей, защитника союза съ нею, и молодаго русскаго офицера, который могъ увлекаться желаніемъ военной славы, совершенно одинаковы между собою. Оба не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ повелителя Франціи, оба подаются одинаковые совѣты своему правительству—не только приготовляться какъ можно дѣятельнѣе къ оборонѣ, но въ виду угрожающей опасности, заключить какъ можно скорѣе и на какихъ бы то ни было условияхъ, миръ съ Турками, привлечь къ союзу съ Россіей цѣнную важныхъ обѣзданій Пруссію, Австрію и Швецію. Одинъ еще не теряетъ надежды на сохраненіе мира, но только въ томъ случаѣ, если наши военные приготовленія такъ громадны, что могутъ заставить остановиться самого Наполеона, способнаго уступать только внѣшней силѣ; другой, напротивъ того,

¹⁾ Письмо изъ Парижа 2/10 января 1811 года.

понять настроение духа Наполеона, дошедшего до крайнихъ предѣловъ гордой самоуверенности, неспособной уже ничему уступать,— совѣтуетъ, не ожидая съ его стороны нападенія, дѣйствовать насту-пательно.

Но чѣмъ же объяснить миролюбивыя рѣчи Наполеона въ отно-шении къ Россіи въ это время? Оба наши дипломата одинаково объясняютъ эту сдержанность плохимъ положеніемъ дѣлъ въ Испаніи и Португаліи, которое онъ съ подробностю узналъ отъ прибывшаго оттуда генерала Фоя (Foy), и которое требовало, по собственному его соображенію, отправленія въ Испанію отъ 60 до 80 тысячъ новыхъ вспомогательныхъ войскъ. Такое уменьшеніе войскъ, приготовляемыхъ для дѣйствій противъ Россіи, въ то время когда, конскріпты 1811 года еще не были собраны, а подвижная народная гвардія не обра-зована, конечно вынуждало Наполеона отсрочивать нападеніе на Рос-сію и въ то же время предупреждать нападеніе съ ея стороны, увѣ-ривъ ее въ своемъ желаніи поддерживать союзъ и миръ съ ней. Неискренность миролюбивыхъ рѣчей Наполеона была очевидна и не могла обмануть никого. Онъ въ это время находился постоянно въ раздраженномъ состояніи отъ неуспѣшныхъ дѣйствій его оружія въ Испаніи и приходилъ въ бѣшенство при извѣстіяхъ, что его мѣры противъ англійской торговли не достигаютъ цѣли. Могъ ли онъ таекъ благодушно отнестись къ извѣщеніямъ Коленкура, что императоръ Александръ не согласится никогда запретить нейтральную торговлю и видѣть въ этомъ требованіи даже посягательство на независимость въ своихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ въ его имперіи. Разговаривая съ Чернышевымъ, онъ не имѣлъ еще свѣдѣній о томъ, какъ пріиметъ Русский императоръ извѣстіе о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго къ Франції. Поэтому онъ ничего не отвѣчалъ на упоминаніе о томъ Чернышева, а распространился о войнѣ съ Турками, желая показать, что она не имѣть особенного значенія для Россіи и не требуетъ большихъ усилий и пожертвова-ній, и тѣмъ отдалить возможность скораго заключенія мира. Если его связывала война съ Испаніей и отвлекала значительныя силы, то и силы Россіи были отвлечены войною съ Турцией и Персіей и опасеніями на счетъ Финляндіи, вынуждавшими содержать въ ней зна-чительныя силы. Но неудачи въ Испаніи тревожили его еще и потому, что приводили въ уныніе и волновали общественное мнѣніе въ самой Франціи, и безъ того, вслѣдствіе бѣдствій континентальной системы, раздражившейся противъ своего повелителя.

Конечно, неудобно было предпринять далекій походъ, оставивъ за со-
бою недовольную Францію. Быть можетъ, роль миролюбца гораздо
долѣ и съ большою выгодою для себя разыгрывалъ бы Наполеонъ,
еслибы новые переговоры съ Россіей о герцогствѣ Ольденбургскомъ
не раздражили его самолюбія, а между тѣмъ они были лишь послѣд-
ствіемъ уже извѣстнаго направленія Наполеона преслѣдоватъ англій-
скую торговлю, какъ въ видѣ контрабанды, такъ и въ видѣ ней-
тральной торговли.

Присоединивъ Голландію къ своей имперіи, Наполеонъ извѣстилъ
рusskій кабінетъ объ этомъ совершившемся происшествіи „съ иѣко-
тораго рода небрежностью“, по выражению Тьера¹⁾. Извѣщеніе о
присоединеніи къ Франціи ганзейскихъ городовъ и другихъ незави-
симыхъ владѣній, въ числѣ которыхъ находилось и герцогство Оль-
денбургское, сдѣлано было не только съ небрежностью, но съ явнымъ
оскорблениемъ личныхъ чувствъ Russkаго императора и достоинства
его кабинета. Въ ноябрѣ 1810 года французскій министръ иностраннѣхъ
дѣлъ спрашивалъ Коленкура, какъ отнесся бы императоръ
Александръ къ положенію герцога Ольденбургскаго, если бы соверши-
лось предполагаемое присоединеніе? Декабря 13-го Коленкуръ отвѣ-
чалъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобный поступокъ
будетъ принять здѣсь какъ знакъ величайшаго неуваженія къ Рос-
сіи. „Если“, прибавилъ онъ, — „здѣсь радовались, узнавъ о намѣреніи
нашего правительства вывести войска изъ Германіи, то понятно, ка-
кое впечатлѣніе произведетъ наше намѣреніе утвердить свою власть
на сѣверѣ, не временно только, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ,
но напротивъ, въ видѣ полнаго обладанія, до крайней мѣрѣ на не-
определенное время“. Но за иѣсколько дней до того, какъ Коленкуръ
подписалъ свою депешу (8-го декабря), объ этомъ присоединеніи было
уже заявлено сенату Франціи; въ тотъ же день 13-го декабря, какъ
онъ подписалъ, состоялась сенату-консультатъ, одобравшая это прি-
соединеніе, и на другой день, 14-го декабря, министръ иностраннѣхъ
дѣлъ Франціи увѣдомилъ Коленкура объ этомъ происшествіи
какъ о совершившемся явлѣніи, объяснивъ его только тѣмъ, „что
присоединеніе Голландіи повлекло за собою и присоединеніе ганзей-
скихъ городовъ“²⁾.

¹⁾ „Avec une sorte de négligence“, *Thiers*, Histoire de Consulat et de l'Empire.
Liv. XXXVIII.

²⁾ *Bignon*, Histoire de France, chap. XXIV.

Прежде, нежели герцогъ Виченцкій получилъ это извѣстіе, императоръ Александръ уже зналъ о немъ, и при первой съ нимъ встрѣчѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ, что Франція пріобрѣла новые департаменты?¹⁾

Это происшествіе имѣло рѣшительное дѣйствіе на французскаго дипломата; онъ понялъ, что императоръ Александръ, несмотря на ласковое по прежнему съ нимъ обращеніе, не можетъ ужъ имѣть къ нему прежней довѣренности, какъ къ посланнику правительства, которое скрываетъ отъ него дѣйствительныя свои намѣренія и дѣйствія. Онъ просилъ свое правительство отозвать его изъ Россіи, и эта просьба не только не встрѣтила сопротивленія, но напротивъ, совпадала съ видами Наполеона. „Онъ совершенно сдѣлался Русскимъ, говорилъ императоръ о немъ,— „и забываетъ выгоды Франціи“. Каждая депеша Коленкура была невольною укоризною самому Наполеону, а подобныхъ укоризъ, хотя и невольныхъ, отъ своего агента онъ переносить не могъ. Коленкуръ постоянно сообщалъ ему, что Русскій императоръ желаетъ сохранить мирные и союзныя отношенія къ Франціи, что мысль о войнѣ съ нею далека отъ его соображеній, и что если онъ дѣлаетъ какія либо военные приготовленія, то вызывается на это дѣйствіями Франціи и притомъ единственно съ оборонительными видами. Не такой агентъ былъ нуженъ Наполеону; ему нуженъ былъ такой, который умѣлъ бы отвести глаза русскаго правительства отъ его приготовленій къ войнѣ съ Россіей и дать ему возможность въ послѣдствіи обвинить ее въ нарушеніи мира и въ тѣхъ бѣдствіяхъ для Европы, которые были бы необходимы послѣдствіемъ войны Россіи съ Франціей.

Если въ этомъ случаѣ императоръ Французовъ позволилъ себѣ такъ неприлично поступать съ Русскимъ императоромъ, то конечно, нельзя и предполагать, чтобы онъ могъ дѣйствовать приличнѣе съ слабой жертвой своего насилия, съ герцогомъ Ольденбургскимъ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ поручилъ Коленкуру сообщить русскому правительству, что вслѣдствіе присоединенія къ Франціи ганзейскихъ городовъ, герцогство Ольденбургское, вошло въ предѣлы имперіи. Императоръ, продолжалъ министръ, — „не могъ не обратить при этомъ случаѣ вниманія на тужелое положеніе герцога. Поэтому было сообщено его гофмаршалу, г. Мальцану, для передачи герцогу, что отъ его воли зависить сохранить владѣніе Ольденбур-

¹⁾ Депеша князя Куракина 1811 года.

гомъ, вошедшими въ составъ Французской имперіи. Но если онъ захочеть въ замѣнъ его бывшихъ владѣній принять другія, то императоръ Французовъ съ радостю исполнить его желаніе¹⁾). Но не смотря на то, что герцогъ изъявилъ желаніе сохранить за собою владѣніе своихъ предковъ, по предписанію, послѣдовавшему черезъ четыре дня послѣ этого сообщенія Коленкуру, французскіе чиновники вступили въ управление герцогствомъ и прежде всего захватили всѣ денежныя кассы. Герцогъ былъ позорно изгнанъ изъ своихъ владѣній и отправился въ Россію. Когда нашъ посланникъ заявилъ объ этомъ насиліи, то императоръ Наполеонъ отвѣчалъ, что герцогство Ольденбургское, какъ и всѣ присоединенные къ Франціи страны, должно подчиниться ея порядку управления. „Изъ уваженія будто бы къ герцогу императоръ Французовъ не желалъ подвергнуть его столкновеніямъ съ войсками и чиновниками Франціи и потому предлагаетъ ему въ вознагражденіе за его владѣнія какую-нибудь другую область въ Германіи²⁾.

Герцогъ Ольденбургскій былъ дадъ императора Александра, и его обладаніе герцогствомъ было торжественно признано Тильзитскимъ трактатомъ, составившимъ главное основаніе нашихъ дружественныхъ отношеній къ Франціи. Очевидно, что, кромѣ личнаго оскорблѣнія царствующему дому, русская политика не могла терпѣть и прямаго нарушенія международнаго договора. Князю Куракину было предписано объявить французскому министру иностраннѣй дѣлъ, что XII-я статья Тильзитскаго трактата обеспечиваетъ герцогу его владѣнія, которыя обязаны существованіемъ Россіи, и въ случаѣ прекращенія рода герцога Ольденбургскаго, должны быть ей возвращены. Предлагая не нарушать правъ герцога, наше правительство поручило объявить, что въ противномъ случаѣ, для огражденія правъ герцога и своихъ собственныхъ, императоръ Русскій будетъ вынужденъ формально протестовать противъ насильственныхъ дѣйствій Франціи.

„Вы сами предложили герцогу Ольденбургскому сохранить за собою владѣнія, хотя и выключеннымъ уже въ составъ имперіи“, говорилъ князь Куракинъ герцогу Кадорскому.

„Но это предложеніе“, отвѣчалъ ему французскій министръ иностраннѣй дѣлъ,— „сдѣжалъ ему императоръ въ полной увѣренности,

¹⁾ Депеша герцога Кадорского къ Коленкуру, 14-го декабря.

²⁾ Депеша князя Куракина отъ 1/18 января 1811 года.

что онъ откажется отъ герцогства, потому что, оставался въ немъ, онъ не могъ сохранить своихъ владѣтельныхъ правъ и сдѣлался бы простымъ подданнымъ Франціи. Съ герцогомъ Аренбергскимъ и князьями Сальскими императоръ Наполеонъ такъ и поступилъ; но изъ особеннаго уваженія къ Русскому императору, онъ предлагаетъ въ вознагражденіе герцогу Эрфуртъ“

На замѣчаніе князя Куракина, что герцогъ не желаетъ никакихъ вознагражденій, но хочетъ пользоваться своими правами въ отношеніи къ Ольденбургу, Шампаны замѣтилъ, что это сдѣлалось уже невозможнымъ послѣ того, какъ состоялась сенатъ-консультъ о присоединеніи этого герцогства къ Франціи.

„Но обладаніе Ольденбургомъ“, продолжалъ нашъ посланникъ, — „утверждено за герцогомъ Тильзитскимъ трактатомъ, который составляетъ единственную основу нашихъ дружественныхъ отношеній къ Франціи“.

„Въ то время Ольденбургъ былъ завоеванъ Франціей, и императоръ Наполеонъ уступилъ его герцогу“, отвѣчалъ герцогъ Кадорский, — „а теперь по видамъ высшей политики онъ счѣлъ необходимымъ присоединить его къ Франціи“.

„Но герцогство Ольденбургское“, настаивалъ нашъ посланникъ, — „издавна принадлежитъ Голштейнъ-Готорпскому дому, глава которого — Русский императоръ, и еслибы прекратилось потомство герцога, то оно должно было бы перейти во владѣніе царствующаго въ Россіи дома“.

„Тысячу лѣтъ тому назадъ Карлъ Великій владѣлъ Гамбургомъ и всѣми окрестными странами“, говорилъ герцогъ Кадорский. — „что же дѣлать, надо покориться силѣ обстоятельствъ. Малыя владѣнія не могутъ сохранить своей самостоятельности, если она находится въ противорѣчіи съ выгодами великихъ державъ. Что же касается до возможности наслѣдства для русскаго царствующаго дома, то это невѣроятная случайность, потому что семейство герцога довольно многочисленно“.

Передавая нашему правительству отчетъ объ этомъ разговорѣ, князь Куракинъ писалъ: „На каждое соображеніе, на каждую подробность, которая я представляла герцогу Кадорскому, онъ въ сущности ничего не отвѣчалъ болѣе, какъ только то, что такова воля императора, и что онъ не можетъ измѣнить того, что уже сдѣланъ“.

Только послѣднее замѣчаніе князя Куракина смущило нѣсколько французского министра иностранныхъ дѣлъ: „Наконецъ я долженъ

вамъ заявить, что со стороны императора будетъ заявленъ торжественный протестъ по этому случаю".

„Развѣ мои объясненія неудовлетворительны", съ удивленіемъ замѣтилъ герцогъ Кадорскій.— „Протестъ не измѣнитъ дѣла, но только покажетъ Европѣ, что разорванъ союзъ между Францией и Россіей".

Когда князь Куракинъ объявилъ, что, исполняя предписанія своего правительства, онъ долженъ будетъ предъявить этотъ протестъ, Шампаны перемѣнилъ разговоръ и началъ жаловаться на новый напѣтый тарифъ. Этотъ тарифъ входилъ въ составъ положенія о нейтральной торговлѣ, взглядъ на которую русского правительства былъ уже известенъ Наполеону, и къ которому онъ такъ миролюбиво отнесся въ разговорѣ съ Чернышевымъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Ольденбургскій вопросъ, этотъ тарифъ дѣвался для французского правительства предлогомъ къ постояннымъ жалобамъ¹⁾.

Приведенный разговоръ показывалъ, что никакой обмѣнъ мыслей, никакие переговоры уже не были возможны въ это время съ правительствомъ Наполеона. Одна его воля рѣшала дѣла Европы, и всѣ другія государства должны были безусловно покоряться ей или воевать съ Францией. Это подтвердили немедленно и поступокъ французского правительства съ нашимъ протестомъ по Ольденбургскому дѣлу. Князь Куракинъ, исполняя предписаніе правительства, послѣ этого разговора, отправилъ протестъ къ герцогу Кадорскому. Безъ всячаго отвѣта онъ возвратилъ ему его назадъ. Князь Куракинъ отправилъ снова. Тогда герцогъ Кадорскій самъ привезъ ему обратно, и положивъ передъ нимъ на столъ, объявилъ, что императоръ Наполеонъ запретилъ ему принимать этотъ протестъ, который онъ находить несогласнымъ съ тѣми чувствами дружбы, которыми онъ питаетъ къ императору Александру²⁾.

Все это происходило въ то время, когда Чернышевъ еще находился въ Парижѣ. Наполеонъ призвалъ его къ себѣ и поручилъ немедленно отправиться въ Петербургъ съ собственноручнымъ его письмомъ къ императору Александру. Въ этомъ письмѣ, уведомляя объ отзваніи, по болѣзни, Коленкура и о назначеніи на его мѣсто посланникомъ при нашемъ дворѣ генерала Лористона, онъ говорилъ, что

¹⁾ Депеша графа Румянцева къ князю Куракину ^{2/3} января 1811 г. и депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 27 января (8 февраля) и 28 января (9 февраля) 1811 г.

²⁾ Депеша князя Куракина ^{8/10} февраля 1811 года.

поручилъ Чернышеву выразить императору Александру тѣ чувства дружбы, которыхъ онъ питаетъ къ нему. „Эти чувства не измѣнятся“ продолжалъ онъ далѣе, — „хотя я не могу уже болѣе скрывать отъ себя, что ваше величество потеряли дружбу ко мнѣ. Вы поручаете дѣлать мнѣ протесты и всякаго рода затрудненія по вопросу объ Ольденбургѣ, тогда какъ я не отказываюсь дать соразмѣрное за него вознагражденіе, и когда положеніе этой страны, бывшей средоточіемъ контрабандной торговли съ Англіей, вынудило меня, для соблюденія выгоды моей имперіи и для успѣха войны, въ которую я вовлечены, присоединить Ольденбургъ къ моимъ владѣніямъ. Послѣдній указъ вашего величества, какъ по существу, такъ особенно по формѣ, исключительно направленъ противъ Франціи. Въ прежнее время, прежде нежели принять такую мѣру противъ французской торговли, ваше величество сообщили бы мнѣ о ней предварительно, и быть можетъ, мнѣ удалось бы найти средства, которыхъ привели бы къ той же цѣли, какой вы желали достигнуть, но которая въ глазахъ Франціи не показалась бы отступленіемъ отъ прежней вашей политической системы. Такъ на это смотрѣть вся Европа, и въ глазахъ ея и Англія нашъ союзъ уже не существуетъ болѣе. Если онъ еще и сохранился въ вашей душѣ также, какъ въ моей, то во вскѣмъ случаѣ такое общее мнѣніе можетъ только принести вредъ. Да позвольте мнѣ ваше величество сказать откровенно, что вы забыли о тѣхъ выгодахъ, которыхъ вы извлекли изъ этого союза, а между тѣмъ вспомните что произошло послѣ Тильзита. По Тильзитскому договору вы должны были возвратить Турціи Молдавію и Валахію, но вместо того чтобы возвратить, вы эти княжества присоединили къ своей имперіи. Молдавія и Валахія составляютъ третью часть Европейской Турціи; это приобрѣтеніе огромное, которое ослабляетъ силы Турціи, и можно даже сказать, уничтожаетъ эту имперію, мою старинную союзницу. Однако же, не смотря на то, вместо требованія строгаго исполненія условій Тильзитскаго договора, я безкорыстно и изъ чистой дружбы къ вашему величеству призналъ присоединеніе этихъ богатыхъ областей; но еслибъ я не былъ увѣренъ въ продолженіи нашего союза, то можно навѣрно сказать, что нѣсколько самыхъ неудачныхъ кампаний не вынудили бы Францію пожертвовать своимъ старымъ союзникомъ (*à voir dérouiller ainsi son ancien allié*). Въ отношеніи къ Швеціи, въ то время какъ я возвращаю ей завоеванныя у неї области, я согласился, чтобы ваше величество оставили за собою Финляндію, составляющую третью долю Швеціи—область, до такой степени

для васъ важную, что послѣ этого присоединенія Швеція, можно сказать, уже не существуетъ болѣе, потому что Стокгольмъ уже находится на аванпостахъ государства. А между тѣмъ Швеція, не смотря на ложную политику своего короля, все-таки принадлежитъ къ стариннымъ друзьямъ Франціи. Люди вѣрадчивые, подушащемы Англіей, клевещутъ на меня передъ вашимъ величествомъ. По ихъ мнѣнію, я хочу восстановить Польшу. Я властенъ бытъ это сдѣлать въ Тильзитѣ: чрезъ двѣнадцать дней послѣ сраженія при Фридландѣ, я могъ бытъ уже въ Вильнѣ. Еслибъ я хотѣлъ восстановить Польшу, то въ Вѣнѣ заручилсѧ бы на это согласіемъ Австріи: она желала сохранить только свои древнія владѣнія и сообщеніе съ моремъ и за это готова была пожертвовать своими польскими областями. Я могъ это сдѣлать въ 1810 году, когда всѣ русскія войска были заняты войною съ Турцией. Я могу это сдѣлать еще теперь, пока ваше величество не заключили еще мира съ Турками, который, вѣроятно, будетъ заключенъ въ продолженіе этого лѣта. Но если я не воспользовался ни однимъ изъ этихъ обстоятельствъ, то очевидно потому, что восстановленіе Польши вовсе не входило въ мои виды. Но если я не желаю измѣнить теперешнаго положенія Польши, то кажется, имѣю право требовать, чтобы никто не мѣшалъ въ мои дѣйствія со стороны Эльбы. Во всякомъ случаѣ наши враги достигли своей цѣли; доказательствомъ служатъ укрѣпленія, которыхъ вы воздвигаете въ двадцати мѣстахъ на Двинѣ, протестъ по дѣлу объ Ольденбургѣ, о которомъ миѣ говорилъ князь Куракинъ, и новый указъ (о нейтральной торговлѣ).

„Что касается лично до меня, то я сохраняю мои прежнія чувства къ вамъ; но я пораженъ очевиднымъ значеніемъ дѣйствій и тою мыслью, что ваше величество готовы, лишь только будутъ благопріятствовать обстоятельства, войти въ соглашеніе съ Англіей, чтò будетъ равняться возбужденію войны между двумя имперіями. Если вы разсторгнете союзъ съ Франціей и забудете объ обязательствахъ Тильзитскаго договора, то конечно, послѣдуетъ, война—нѣсколькоими мѣсяцами ранѣе или нѣсколькоими мѣсяцами позднѣе. Такое состояніе недовѣрія и неопределенноти представляеть неудобство какъ для вашей, такъ и для моей имперіи; его послѣдствіемъ будетъ напряженіе всѣхъ силъ, чтобы извлечь достаточныя средства изъ обѣихъ имперій на случай ихъ столкновенія. Все это чрезвычайно печально.

„Если въ предположенія вашего величества не входитъ примиреніе съ Англіей, то конечно, вы признаете необходимымъ разбрѣть всѣ

эти недоразумѣнія. Вы не считаете уже себя въ безопасности, какъ я могу заключать изъ словъ, сказанныхъ вами герцогу Виценцскому, что будете вести войну на своихъ границахъ, а увѣренность въ безопасности одного государства отъ другаго составляетъ первое условіе ихъ взаимнаго согласія.

Прошу ваше величество прочесть это письмо въ добромъ настроеніи духа; въ немъ нѣтъ ничего такого, чтѣ могло бы помѣшать уничтоженію взаимнаго недовѣрія и возобновленію союза и дружбы между обоями государствами, которыхъ такъ были для нихъ счастливы въ продолженіе четырехъ лѣтъ¹⁾.

Мы не войдемъ въ подробный разборъ этого письма, потому что его вполнѣ замѣнить отвѣтъ на него императора Александра, который будетъ приведенъ впослѣдствіи. Нельзя однако не замѣтить, что Наполеонъ нарушивъ условія Тильзитскаго трактата какъ послѣднимъ мирнымъ договоромъ съ Австріей, такъ и присоединеніемъ герцогства Ольденбургскаго, упрекаетъ еще Россію въ нарушеніи этого трактата и потомъ говорить, что нарушеніе этого трактата рано или поздно повлечетъ за собою войну.

Война уже была рѣшена имъ; различныя обстоятельства могли только ускорить или замедлить начало самыхъ военныхъ дѣйствій. Таковъ смыслъ письма, и еще болѣе, тѣхъ рѣчей, которыя Наполеонъ заставилъ выслушать Чернышеву, вручая ему это письмо для доставленія императору Александру. „Когда вы узнаете смыслъ рѣчей Наполеона, сказанныхъ Чернышеву“, писалъ князь Куракинъ къ канцлеру Румянцеву, — „вы, конечно, будете также удивлены, какъ и я. Теперь уже не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что въ мысляхъ Наполеона эта война окончательно рѣшена; но онъ отсрочиваетъ только ея начало, потому что не совсѣмъ еще къ ней приготовился. Я увѣренъ, что не ошибаюсь, объясняя себѣ этимъ обстоятельствомъ то, что онъ постоянно говорить о своемъ желаніи быть въ дружбѣ и союзѣ съ нами. Отданное имъ приказаніе исправить укрѣщенія Данцига имѣть для насъ чрезвычайно важное значеніе, уже потому, что это окончательно вскружитъ пустыя головы Поляковъ. Отозваніе Лессенса показываетъ несомнѣнно, что онъ питаетъ въ душѣ злобу противъ насъ. Въ то же время очевидно, что онъ жалаетъ поссорить насъ съ Австріей, возбудить недовѣріе и подозрѣніе къ ея дѣйствіямъ въ отношеніи нашей войны съ Турками и предупредить возможность

¹⁾ Письмо 28 февраля 1811 г. Парижъ.

нашего съ нею союза. Условія или главныя основанія новаго договора, который онъ предлагаєтъ заключить съ нами, очевидно несогласны съ нашими выгодами и видами нашего государя". Послѣднія строки этого письма указываютъ на нѣкоторые вопросы, о коихъ императоръ Наполеонъ говорилъ съ Чернышевымъ, и дополняютъ содержаніе его письма къ нашему государю. Зная всеобщее раздраженіе противъ него, господствовавшее въ Австріи, императоръ Французовъ дѣйствительно опасался ея союза съ нами, потому что это была единственная держава въ Европѣ, которая, въ случаѣ войны, могла располагать двухсотъ-тысячнымъ войскомъ. Самъ же поощряя ее дѣйствовать противъ насъ въ Константинополѣ, онъ выдавалъ ее, и представляясь нашимъ другомъ, хотѣлъ выставить ее нашимъ врагомъ, чѣмъ она и была дѣйствительно, но вмѣстѣ съ нимъ и разчитывая на его помощь. Опасаясь союза Австріи съ нами, онъ точно также опасался и того, чтобы Россія не начала войны прежде, нежели онъ пріиметъ мѣры къ поправленію дѣлъ въ Испаніи и Португаліи и не приготовится окончательно разгромить Россію. Съ этой цѣлію, чтобы отсрочить войну, онъ пустилъ въ ходъ мысль о необходимости заключить новый союзный договоръ съ Россіей.

Князь Куракинъ понялъ намѣренія Наполеона, но страшно боясь войны съ нимъ, совѣтовалъ канцлеру „старателю избѣгать всякихъ вызова къ войнѣ“, хотя и готовить средства обороны и особенно— заключить миръ съ Турками¹⁾.

Не смотря однако на желаніе отсрочить войну съ Россіей, Наполеонъ, вовлекши ее въ переговоры о заключеніи новаго союзного съ нимъ договора, былъ въ тоже время такъ взволнованъ и уязвленъ ея дѣйствіями, что самъ препятствовалъ успѣху своихъ предположеній, разрушалъ свои коварные замыслы, и невольно увлекаемый страстью, выражалъ настоящій свой образъ мыслей. „Такъ, онъ выдалъ самъ себя“, писалъ нашъ посланикъ въ половинѣ марта 1811 года,— „въ прошлое воскресенье, принимая депутатію отъ торговаго и мануфактурнаго совѣтовъ. Онъ говорилъ ей: Когда я былъ въ Тильзитѣ, то въ моей власти было идти на Москву или Петербургъ; но Русскій императоръ обязался мнѣ не производить болѣе торговли съ Англичанами, и я пріостановилъ мой походъ. Но если онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній, то я могу вновь предпринять этотъ

¹⁾ Частное письмо князя Куракина къ графу Румянцеву ^{16/27} марта 1811 г. Парижъ.

походъ. И займу Данію; необходимо, чтобы всѣ прибрежья Балтийскаго моря слѣдовали моей системѣ¹. Вообще этотъ приемъ, замѣтъ князь Куракинъ, былъ весьма бурный. Императоръ Наполеонъ объявилъ, что ранѣе десяти лѣтъ нельзѧ и думать о мирѣ, что въ Европѣ существуютъ только два государства—Англія и Франція, и кончилъ тѣмъ, что предлагалъ депутатамъ заботиться только о внутренней торговлѣ. Эта рѣчь надѣлала большаго шума въ Парижѣ, всѣ ожидали немедленной войны съ Россіей, списки съ рѣчи начали ходить по рукамъ, и французское правительство, желая нѣсколько успоконить волненіе, распустило свой списокъ, въ которомъ однако смягчены были только нѣкоторыя выражения¹). Говоря, что въ Европѣ существуютъ только два государства, онъ выражалъ мысль, что Россія должна также подчиняться ему, какъ и всѣ другія европейскія державы. Запрещеніе ввоза въ Россію новымъ тарифомъ нѣкоторыхъ французскихъ товаровъ, обложение другихъ довольно значительными пошлинами, въ сущности, не имѣли особенного значенія для Наполеона, а только служили поводомъ къ придиркамъ. Тильзитскимъ трактатомъ была восстановлена сила торгового договора съ Франціей, заключенного въ 1787 году, и въ которомъ было сказано, что „поданные обѣихъ договаривающихся сторонъ будутъ платить за свои товары пошлины, установленные нынѣ дѣйствующимъ тарифомъ, или какія будутъ установлены впослѣдствіи въ обоихъ государствахъ“²). Тильзитский трактатъ нѣсколько не стѣсналъ свободы дѣйствій нашаго правительства по вопросу объ обложеніи пошлинами ввозимыхъ въ Россію иностраннѣхъ товаровъ³). Это, конечно, хорошо зналъ и Наполеонъ, но это была только придирка; а вопросъ заключался о торговлѣ съ Англіей, подъ видомъ нейтральной. Наполеону необходимо было, для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, закрыть всякий входъ англійскимъ товарамъ на материкъ Европы и вслѣдъ за Голландіей и ганайскими городами захватить въ свои руки Данію, Шведскую Померанію и русскіе берега Балтийскаго моря.

Если положеніе о нейтральной торговлѣ препятствовало осуществленію его видовъ въ отношеніи къ Англіи, то протестъ по Ольденбургскому дѣлу глубоко оскорблялъ его самолюбіе. Онъ призна-

¹) Депеши князя Куракина графу Румянцеву 16/27 и 18/29 марта 1811 года.

²) Тарієвъ на 1811 годъ, ст. 25 и 28, Полн. Собр. Зак. № 24464.

³) Тильзитскій трактатъ. Полн. Собр. Зак. № 22584 ст. XXVII. Отношеніе графа Румянцева къ князю Куракину 5-го января 1811 года.

въль возможность мира или войны съ какою-либо державою, но не допускалъ возможности какой-нибудь державѣ не признавать его дѣйствій. Поэтому и онъ не хотѣлъ даже признавать существованія нашего протеста и запретилъ принимать его своему министру иностранныхъ дѣлъ. Но Россія, послѣ этого отказа, сообщила его всѣмъ европейскимъ державамъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Его величество императоръ Всероссійскій съ удивленiemъ узналъ, что его величество императоръ Французовъ, король Итальянскій, опредѣлилъ постановленiemъ своего сената новые границы своей имперіи, включить въ ея составъ и герцогство Ольденбургское. Его величество представилъ вниманію императора, его союзника, какъ представляетъ теперь всей Европѣ, что именно Тильзитскій трактатъ обеспечиваетъ мирное обладаніе герцогствомъ его законному государю.

„Его величество напомнилъ этому государю, какъ напоминаетъ теперь и всѣмъ другимъ государствамъ, что Россія, по договорамъ 1766—1773 годовъ, предоставила Даниѣ всѣ свои владѣнія въ герцогствѣ Гольштинскомъ и въ замѣнъ ихъ получила герцогства Ольденбургъ и Делменгорстъ, которыми, по извѣстнымъ договорамъ, въ коихъ принимали участіе многія державы, были соединены въ одно герцогство въ качествѣ самостоятельной державы и переданы младшей линіи того же Голштейнъ-Готорпскаго дома, съ которымъ его величество тѣсно соединенъ узами крови.

„Императоръ полагаетъ, что это государство, обязанное своимъ существованіемъ великодушію Россіи, не можетъ быть уничтожено безъ нарушенія справедливости и его правъ. Поэтому онъ считаетъ себя обязаннымъ воспользоваться правомъ охраны (*droit de réservation*) и защитить, какъ онъ и дѣлаетъ этимъ заявленіемъ, отъ своего имени и отъ имени своихъ наслѣдниковъ престола, на вѣчныя времена, всѣ права и обязанности, которыхъ проис текаютъ изъ упомянутыхъ выше договоровъ.

„Какую цѣну могутъ имѣть союзы, если не соблюдаются трактаты, на которыхъ они основаны? Но чтобы не подать повода ни къ какому недоразумѣнію, его величество объявляетъ, что его союзъ съ императоромъ Французовъ былъ слѣдствіемъ важныхъ политическихъ интересовъ, которые не перестаютъ существовать и въ настоящее время, и что поэтому, предполагая заботиться о сохраненіи этого союза, онъ надѣется, что точно также поступить съ своей стороны и государь, на дружбу котораго онъ имѣть право.

„Эта общность выгодъ обѣихъ имперій, входившая еще въ виды Петра Великаго, которая встрѣтила тогда и встрѣчала впослѣдствіи столько препятствій, принесла уже много пользы какъ Россіи, такъ и Франціи. Поэтому пользы обѣихъ державъ требуютъ заботы о сохраненіи этого союза, и его величество употребить для того все свои старанія”.

Какъ ни скромно и умѣренно было написано это заявленіе (*déclaration*), *маніфестъ*, какъ называлъ его Наполеонъ, не желавшій даже признавать его существованія, торжественное заявленіе этого протesta всѣмъ европейскимъ дворамъ, которые императоръ Французовъ привыкъ считать своими слугами, раздражало его самолюбіе. Это раздраженіе состояніе тѣмъ болѣе причиняло ему досады, что онъ постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, то отъ одного, то отъ другаго изъ своихъ посланниковъ получалъ извѣстія о предъявленіи этого заявленія всѣмъ европейскимъ дворамъ. Не допуская, конечно, и мысли о томъ, что вина этого событія падаетъ на него самого, онъ сорвалъ свой гнѣвъ на томъ, кто въ силу资料а своего положенія долженъ былъ доводить до его свѣдѣнія извѣстія, получаемыя отъ французскихъ посланниковъ при иностраннѣхъ державахъ, на своемъ министрѣ иностраннѣхъ дѣлъ, и уволилъ отъ должности герцога Кадорскаго, назначивъ на его мѣсто герцога Бассано¹⁾.

Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о передвиженіи пяти дивизій изъ Дунайской арміи къ западнымъ границамъ имперіи, а также о выводѣ нѣкоторой части войскъ изъ Финляндіи. Зналъ хорошо тѣ виды, которые императоръ Александръ соединялъ съ Турецкою войною, и понималъ пужду содержать достаточное количество войскъ въ краѣ, только что завоеванномъ, Наполеонъ, конечно не могъ не понять значенія этихъ распоряженій. Именно съ цѣлію усилить войска на западныхъ границахъ имперіи двинуты были пять дивизій съ Дунаемъ и часть войскъ изъ Финляндіи. Но онъ давно уже зналъ отъ своего посланника при нашемъ дворѣ, что Россія приготовляетъ средства для обороны, но не для нападенія²⁾. Но эти извѣстія были получены имъ въ то время, когда и безъ того онъ былъ раздраженъ, и потому подали ему поводъ къ сильнымъ выходкамъ противъ действительной русской политики.

Въ концѣ марта мѣсяца возвратился изъ Петербурга Чернышевъ

¹⁾ Депеша князя Куракина 4/ю апрѣля 1811 года.

²⁾ См. *Thiers, Histoire de l'Empire*, ch. XXII.

съ отвѣтомъ императора Александра на письмо Наполеона, которое мы привели. Въ день приѣзда онъ явился въ Тильери и былъ немедленно принять Наполеономъ. Встрѣтивъ съ улыбающимся лицомъ русскаго офицера и выразивъ удивление, какъ быстро онъ совершилъ свою поѣздку, императоръ спросилъ его: „Ну, чего-жъ у васъ ожидаются—войны или мира?“

Передавъ ему отвѣтное письмо императора Александра, Чернышевъ отвѣчалъ:

„Мой государь поручилъ мнѣ выразить вашему величеству самыя положительныя увѣренія въ томъ, что онъ намѣренъ сохранить миръ и дружбу съ Францией, но онъ съ прискорбиемъ замѣчаетъ, что взаимныя отношенія между двумя имперіями утратили прежнюю искренность; тѣмъ не менѣе все его желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы разсѣять возникшія недоразумѣнія и пріѣдти къ дружелюбному соглашенію.“

„Не я первый“, отвѣчалъ Наполеонъ, — „возбудилъ тревогу въ Европѣ; моя совѣсть чиста въ этомъ случаѣ; вооруженія Россіи по-дади къ тому поводъ“.

„Теперь“, отвѣчалъ Чернышевъ, — „возвращаясь изъ Петербурга, гдѣ я имѣлъ счастіе видѣть императора и лично узнать его намѣренія и его чувства къ Франціи, я могу положительно засвидѣтельствовать передъ вашимъ величествомъ, болѣе нежели когда-нибудь, что всѣ мѣры, принятыя нашимъ государемъ въ послѣднее время, вовсе не имѣютъ въ виду оставить политическую систему Франціи съ тѣмъ, чтобы сблизиться съ Англіей, какъ вы предполагали предъ моимъ послѣднимъ отѣводомъ изъ Парижа, и что единствено могло повести къ разрыву между обѣими имперіями. На противъ того, всѣ эти мѣры приняты исключительно въ видахъ предосторожности, потому что не могла же Россія спокойно смотрѣть на то, какъ во времія мира, въ герцогствѣ Варшавскомъ постоянно дѣлались большия военные приготовленія, исправлялись крѣпости. Точно также не могъ Русскій императоръ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что ваше величество почти у самыхъ границъ его имперіи, занимая въ Пруссіи и герцогствѣ линию крѣпостей, весьма грозныхъ, можете немедленно двинуть въ наѣмъ семидесяти-тысячную армію изъ Саксоніевъ и Польковъ, составляющую притомъ лишь авангардъ тѣхъ огромныхъ силъ, которыми вы можете располагать, особенно взявъ конскрипцію за этотъ годъ. Всѣ эти обстоятельства естественно побудили императора Александра принять мѣры къ обезпечению безопасности своей

империи и имѣть на-готовѣ, по крайней мѣрѣ, такое же число войскъ, которое равнялось бы этому авангарду. Но для того онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ чрезвычайнымъ извѣстіямъ, а это можетъ служить доказательствомъ, что ему чужда всякая мысль о нападеніи. Россія не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній и единственное желаніе ея императора — поддержать миръ, который такъ необходимъ для всей Европы..."

„То, что вы говорите“, прервавъ его Наполеонъ, — „можетъ доказать только, что свѣдѣнія, сообщаемыя вами нашими посольствами, постоянно вводятъ насъ въ заблужденіе. Откуда вы взяли, что войска, о которыхъ вы говорили, простираются до семидесяти тысячъ? Сколько предполагаете вы войскъ у Поляковъ?“

„Я не имѣю положительныхъ объ этомъ свѣдѣній“, отвѣчалъ Чернышевъ, — „но предполагаю, что отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ“.

„Вы ошибаетесь“, прервавъ его Наполеонъ, — „у нихъ въ герцогствѣ только сорокъ тысячъ, а остальные въ Испаніи“.

Соизванившись потому, что предположеніе Чернышева о саксонскихъ войскахъ, которымъ тѣль считали въ числѣ 25-ти или 30-ти тысячъ, вѣрно, Наполеонъ понялъ, конечно, что Чернышевъ правильно опредѣлялъ количество его авангарда, какъ онъ назвалъ польскія и саксонскія войска, къ 70 тысячъ; поэтому императоръ перервалъ о томъ рѣчь и заговорилъ о работахъ по укрѣпленіямъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. „Эти укрѣпленія“, говорилъ онъ, „не могутъ имѣть важнаго значенія, потому что миѣ положительно известно, что въ продолженіе года, истрачено на нихъ только 30 миллионовъ франковъ. Изъ всѣхъ этихъ крѣпостей, о которыхъ вы говорите, только одинъ Даццигъ можетъ быть названъ героическою крѣпостью, а остальные можно разбить мечами яблоками (le reste rouvait être pris avec les pommes cuites). „Впрочемъ“, продолжалъ онъ, — „Россія не можетъ жаловаться на то, что Поляки немного шевелятся; они опасаются, чтобы Россія вдругъ не заняла герцогства своими войсками. Они знаютъ, какую имъ принесла пользу Прага въ послѣднюю войну съ Австрійцами, имъ нельзя не заботиться о своей безопасности. Притомъ они приступили къ исправленію и сооруженію своихъ укрѣпленій на другой день послѣ Тильзита и съ тѣхъ поръ не перерывали работы. Между тѣмъ Россія, будучи великою державой, не можетъ имѣть подобныхъ опасеній и притомъ начала свои укрѣпленія только шесть или восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Еслибы она начала ихъ также немедленно послѣ Тильзита, то я ничего не сказалъ бы противъ этого“.

Потомъ, помолчавъ немнога, Наполеонъ продолжалъ: „Но вопросъ не въ этомъ, это не главный предметъ, я не придалъ бы этому никакого значенія, если бы не тарифъ, который въ сущности составляетъ единственную причину, вообудившую тревогу во всей Европѣ. Лишь только онъ былъ обнародованъ, я сказалъ о Россіи: Вотъ, большая планета сорвалась съ своего пути и принимаетъ ложное направлѣніе; я не понимаю ея движенія, она такъ не можетъ дѣйствовать безъ намѣренія разорвать союзъ съ нами. Остережемся и примемъ всѣ тѣ мѣры, которая предписывается благоразуміе. Только съ этого времени я дѣйствительно началъ приготовляться, подозрѣвая, что вы рѣшились броситься въ объятія Англіи“.

„Но тарифъ — мѣра чисто административная“, замѣтилъ Чернышевъ, — „и притомъ она состоялась гораздо позднѣе призыва на службу конскриптовъ въ большемъ количествѣ, нежели за прошлый годъ. Русскій императоръ могъ бы съ большей основательностью жаловаться на поведеніе въ послѣднее время Франціи, которая ни въ чёмъ не можетъ упрекнуть его съ основательностію. Не смотря на то, въ надеждѣ, что уладится возникшій недоразумѣнія, она рѣшилась оставаться вѣрною прискому ему направленію. До сихъ поръ она не имѣтъ никакого желанія сближаться съ Англіей, не отправляла туда никого, не принимала никакихъ англійскихъ агентовъ и не слушала съ ея стороны никакихъ внушеній...“

„Если правда все, чтѣ вы говорите, то я совершенно не понимаю вашего образа дѣйствій“, отвѣчалъ Наполеонъ. — „Почему же вы поставили себя въ такое положеніе, что не довѣряете мнѣ и во мнѣ возбуждаете недовѣріе въ вами, и притомъ въ такое время, когда выгоды обѣихъ имперій требуютъ, чтобы онѣ дѣйствовали за-одно. Соглашаюсь, что распоряженіе о призываѣ конскриптовъ состоялось прежде объявленія вашего тарифа, но это потому, что я принялъ уже за правило ежегодно обращаться въ сенатъ съ требованіемъ конскрипції. Но въ то время я взялъ бы изъ нихъ не болѣе двадцати тысячъ, чтобы пополнить убыль въ испанскихъ войскахъ. Я съ своей стороны твердо уѣбрѣть, что не извлеку никакихъ выгодъ изъ войны съ Россіей и потому ни о чёмъ такъ не забочусь, какъ о дружескомъ соглашеніи съ нею по всѣмъ вопросамъ. Посмотримъ, дастъ ли мнѣ къ этому способы письме вашего императора“, добавилъ Наполеонъ, — и началъ читать привезенное ему Чернышевымъ слѣдующее письмо:

„Спѣшу отвѣтчать на письмо вашего величества отъ 28-го февраля. Очень сожалѣю, что состояніе здоровья герцога Виченцкаго пре-

пятствуетъ ему продолжать свое посольство при мнѣ. Я былъ имъ чрезвычайно доволенъ, потому что постоянно замѣчалъ въ немъ глубокую преданность вашему величеству и искреннее желаніе поддержать соединяющей насъ союзъ. Благодарю ваше величество за выборъ генерала Лористона; тортъ, кто пользуется вашимъ довѣріемъ, безъ сомнѣнія будетъ мнѣ пріятелъ.

Чернышевъ исполнить мои приказанія. Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не отдаете мнѣ-справедливости. Ни мои чувства, ни моя политика никакъ не измѣнились, и я желаю единственнымъ поддержать и упрочить нашъ союзъ. Не я ли скорѣе долженъ предполагать, что ваше величество измѣнились въ этомъ отношеніи? Я считалъ долгомъ говорить съ вами съ тою же откровенностью, какъ и вы говорили со мною въ вашемъ письмѣ. Ваше величество обвиняете меня въ томъ, что я, протестовавъ по Ольденбургскому дѣлу, но какъ же я могъ поступить иначе? Небольшой кусочекъ земли, которыемъ владѣло единственное изъ лицъ, принадлежащихъ къ моей семье, испытывавшее всѣ обязанности въ качествѣ члена Рейнскаго союза, и потому находившееся подъ вашимъ покровительствомъ, лицо, котораго владѣнія были обеспечены статьею Тильзитскаго договора, лишилъ своей независимости и ваше величество не сказали мнѣ предварительно объ этомъ ни слова. Какую важность могъ имѣть для Франціи этотъ уголокъ земли, и такой поступокъ вашего величества могъ ли показать Европѣ вашу дружбу ко мнѣ? Всѣ письма, современные этому происшествію, приходившія отовсюду, доказывали, что въ этомъ поступкѣ вашего величества видѣли желаніе меня оскорбить. Что касается до моего протеста, то самое его изложеніе можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что союзъ съ Франціей я ставлю выше всѣхъ другихъ соображеній и прямо выражая въ немъ, что ониются тѣ, которые могутъ подумать, что чрезъ это союзъ напѣть можетъ быть расторгнутъ. Ваше величество предполагаете, что мой указъ о тарифѣ направленъ противъ Франціи. Я долженъ опровергнуть это мнѣніе, какъ невѣрное и несправедливое. Этотъ тарифъ вызванъ быть крайнею необходимости, вслѣдствіе крайняго стѣсненія морской торговли, высокихъ пошлинъ, которыми были обложены русскія произведенія въ государствахъ, подвластныхъ вашему величеству, огромнаго ввоза чрезъ сухопутныя границы дорогихъ иностраннѣхъ товаровъ и ужаснаго упадка нашего курса. Этотъ указъ имѣть въ виду двѣ цѣли: 1) строго запрещая торговлю съ Англіей, предоставить некоторыя облегченія торговлѣ съ Америкой, единственную стра-

ной, которая могла вывозить русские товары, слишкомъ громоздкіе и потому неудобные для сухоцѣпной перевозки; 2) уменьшить, по возможности, ввозъ иностраннѣкъ товаровъ сухимъ путемъ, весьма невыгодный для нашего торгового баланса по множеству ввозимыхъ предметовъ роскоши, за которые мы должны платить чистыми деньгами, тогда какъ вывозъ нашихъ товаровъ крайне затруднителенъ.

„Таковы весьма простыя причины, побудившія меня издать указъ о тарифѣ. Онь также мало направленъ противъ Франціи, какъ и противъ вс资料 другого европейскаго государства, и совершенно согласенъ съ началами континентальной системы, запрещающей ввозъ и уничтожающей ввезенные предметы непріятельской торговли. Ваше величество не довольны тѣмъ, что я рѣшившись принять эту мѣру, предварительно не посовѣтовался съ вами. Но эта мѣра чисто администраційная, и я полагаю, что всякое правительство имѣть право принимать такихъ мѣры, сообразяясь съ своими собственными требованиями, тѣмъ болѣе что подобныя мѣры не противорѣчать существующимъ трактатамъ. Но да позволить мнѣ ваше величество сдѣлать одно замѣчаніе. Справедливо ли упрекать меня въ этомъ, когда ваше величество поступали точно такимъ же образомъ и не предупреждали меня о мѣрахъ, которымъ вы сочли нужнымъ предпринять въ отношеніи къ торговой, не только въ вашихъ государствахъ, но и во всей Европѣ. Между тѣмъ, эти мѣры имѣли гораздо большее влияніе на русскую торговлю, чѣмъ то, какое нашъ тарифъ можетъ имѣть на французскую; многочисленныя банкротства, которыхъ непосредственно за ними послѣдовали, могутъ служить доказательствомъ. Я съ большою справедливостью могу сказать, что Россія строже соблюдала Тильзитскій договоръ, нежели Франція; то, что вы указываете относительно Молдавіи и Валахіи, ни въ какомъ случаѣ не составляетъ нарушенія условій этого договора, потому что въ немъ постановлено, что княжества не будутъ занимаемы войсками воюющихъ державъ во все продолженіе перемирия. Согласно съ этимъ мои войска выступили и сдѣлали уже четыре перехода назадъ, и только тогда, когда Турки вторгнулись въ княжества, сожгли Галацъ и достигли Фокшанъ, я снова двинулъ свои войска впередъ; потому Эрфуртскимъ соглашеніемъ было обеспечено за мною обладаніе Молдавіей и Валахіей. Слѣдовательно, я нисколько не нарушилъ принятыхъ мною обязательствъ.

„Что касается до завоеванія Финляндіи, то оно вовсе не входило въ виды моей политики, и ваше величество можете припомнить, что

я предпринялъ войну съ Швецией только изъ-за континентальной системы. Успѣхи моего оружія доставили мнѣ обладаніе Финляндіей, но при неуспѣхѣ я могъ бы лишиться и своихъ областей. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ я не нарушилъ никакихъ обязательствъ. Если ваше величество указываете на тѣ выгоды, которыхъ пріобрѣла Россія вслѣдствіе союза съ Франціей, то не могу ли я въ свой честь разъ указать на тѣ, которыхъ наложила на него Франція, на огромныя пріобрѣтенія, которыхъ она сдѣлала въ Италии, на сѣверѣ Германіи и въ Голландіи?

Я думалъ, что много разъ доказалъ вашему величеству, какъ мало я обращалъ вниманія на внушенія тѣхъ, которымъ выгодно было наскорить. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что я всякий разъ сообщаю о нихъ вашему величеству, полагаясь постоянно на вашу дружбу. Между тѣмъ, когда дѣйствія начали подтверждать слухи, ходившіе повсюду, то самое меньшее что я могъ сдѣлать—это принять мѣры предосторожности. Вооруженія въ герцогствѣ Варшавскомъ продолжались непрерывно. Число войскъ въ этомъ герцогствѣ было увеличено несравнѣнно съ количествомъ народонаселенія. Не переставали возводить новые укрѣпленія. Тѣ же, которыхъ я воздвигъ съ своей стороны, возводятся на Днѣпѣ и Днѣпрѣ. Ваше величество слишкомъ хорошо знаетъ военное дѣло, чтобы не понимать, что когда строатся новые укрѣпленія на такомъ разстояніи отъ границъ, на какомъ находится Страсбургъ отъ Парижа; то безъ сомнѣнія, они дѣлаются не съ наступательной, но исключительно съ оборонительной цѣлью. Моя вооруженія ограничиваются только улучшеніемъ устройства уже существующихъ полковъ. Это и ваше величество дѣлали у себя постоянно. Впрочемъ все, что дѣлается въ герцогствѣ Варшавскомъ, а также постоянное увеличеніе вашихъ силъ на сѣверѣ Германіи, обазываетъ меня къ тому. Таково истинное положеніе дѣла.

„Слѣдовательно, мои укрѣпленія доказываютъ, что я не имѣю въ виду никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Мой тарифъ, установленный только на одинъ годъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ только уменьшить невыгоды нашего курса и доставить мнѣ средства неуклонно слѣдовать той системѣ, которую я разъ уже принялъ, и отъ которой не отступалъ. Мой протестъ, который я долженъ былъ сдѣлать, чтобы сохранить достоинство моего государства и моего дома, будучи вынужденъ къ тому явнымъ нарушениемъ условія Тильзитскаго договора, доказываетъ однакоожъ очевиднымъ образомъ мое желаніе со-

хранить союзъ съ вашимъ величествомъ. Впрочемъ, не желая никакихъ пріобрѣтений отъ моихъ союзей, любя Францію, къ чему бы мнѣ думать о войнѣ съ нею? Россіи не нужно завоеваній; она, можетъ быть, и такъ уже слишкомъ обширна. Зная великий военный гений вашего величества, могу ли я думать, что эта война не представить мнѣ большихъ затрудненій? Притомъ, мое личное самолюбіе связано съ политическою системою, основанною на союзѣ съ Франціей. Принять его за основание для русской политики и защищая его, въ продолженіе долгаго времени, отъ нападеній всѣхъ, кто придерживался старыхъ мнѣній, могъ ли бы я разрушать мое собственное дѣло и начать войну съ вашимъ величествомъ? Если вы столько же желаете этой войны, какъ и я, то нѣть никакого сомнѣнія, что ея не будетъ. Чтобы убѣдить васъ еще болѣе въ этомъ, предлагаю нашему величеству разрешить дѣло обѣ Ольденбургѣ по собственному нашему усмотрѣнію. Назначьте такое вознагражденіе, котораго вы сами пожелали бы, будучи въ подобномъ положеніи. Ваше величество обладаете всѣми способами устроить дѣло такъ, чтобы еще тѣснѣе соединить обѣ имперіи и предотвратить навсегда возможность разрыва. Съ своей стороны я готовъ въ этомъ случаѣ оказать всякое содѣйствіе. Повторю, если начнется война, то лишь потому, что вы ея желали, и употребивъ всѣ усилия чтобы предотвратить ее, я склонъ сражаться и дорого продамъ мое существованіе (je saurais alors combattre et vendre chÃ©rement mon existence). Если же вместо того, вы захотите имѣть въ моемъ лицѣ друга и союзника, то найдете во мнѣ тѣ же чувства привязанности и дружбы, которыхъ вамъ уже извѣстны¹⁾.

Читая, въ присутствіи Чернышева, это письмо императора Александра, Наполеонъ часто прерывалъ чтеніе, дѣлая замѣчанія на разныя мысля и выраженія. Когда онъ прочелъ строки, где говорилось о военныхъ приготовленіяхъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и о томъ, что число польскихъ войскъ несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія, онъ замѣтилъ: „Это невѣрно, въ герцогствѣ отъ трехъ до четырехъ миллионовъ жителей, поэтому по всѣмъ правиламъ оно можетъ имѣть 40-тысячное войско. Я не могу понять, какъ можно до сихъ поръ упорствовать въ той мысли, будто я хочу восстановить Польшу; стоитъ не много подумать обѣ этомъ, чтобы замѣтить, что изъ этого восстановленія я не могъ бы извлечь для себя никакихъ

¹⁾ Письмо императора Александра къ Наполеону въ маѣ (въ отпускѣ члено не обозначено) 1811 г., посланное съ Чернышевымъ.

существенныхъ выгодъ. Я не стремился къ этому въ болѣе благопріятныя времена, а теперь я объявляю торжественно и готовъ поклясться всѣмъ, что есть священное на свѣтѣ, что менѣе всего меня озабочиваетъ мысль о восстановлѣніи этого королевства".

Продолжая чтеніе и дойдя до того мѣста, гдѣ Александръ возвращалъ на мысль Наполеона, что союзъ съ Франціею доставилъ Россіи обладаніе Финляндіей и Дунайскими княжествами, и замѣчалъ, что Франція извлекла изъ этого союза еще большия выгоды,—Наполеонъ рѣзко замѣтилъ: „Послѣ Тильзитскаго мира, и ничего не присоединилъ отъ Италии; Голландія прежде была завоевана, при конвентѣ, точно также и Ганзейскіе города".

Чернышевъ отвѣчалъ, что Голландія послѣ этого завоеванія была сначала самостоятельной республикой, а потомъ хотя союзною съ Франціей, но самостоятельной монархіей, и независимою; между тѣмъ какъ теперь она—только одинъ изъ департаментовъ Французской имперіи... Чернышевъ хотѣлъ продолжать свой отвѣтъ, но Наполеонъ прервалъ его, начавъ слова громко читать письмо императора Александра.

„Вашему величеству", писалъ Чернышевъ государю объ этой сценѣ,—„хорошо знакома личность императора Наполеона, и потому вы изволите понять, что простому офицеру, котораго онъ допустилъ къ себѣ на аудіенцію, не возможно продолжать говорить безъ нарушенія уваженія къ его особѣ, когда онъ нашелъ излишнимъ его слушать; поэтому я рѣшился молчать".

Продолжая чтеніе письма, Наполеонъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о тарифѣ. „Я полагаю", сказалъ онъ уже съ иѣкото-рымъ раздраженіемъ,—„что меня никто не считаетъ до такой степени безумнымъ, чтобы я позволилъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла внутреннаго управления Россіей или противиться тѣмъ постановленіямъ, которыхъ она издастъ въ этомъ отношенії². Онъ объяснилъ, что жалобы его направлены не противъ сущности указа, который хороша сама по себѣ, но противъ формы, и въ этомъ отношеніи, въ качествѣ *перваго друга* и *искреннею союзника* Россіи, онъ полагалъ, что имѣть полное право жаловаться, тѣмъ болѣе, что той же цѣли, къ которой направленъ указъ, можно было достигнуть, употребивъ тотъ способъ, который онъ предлагалъ, чтобы оба государства уплачивали одинъ другому *за товары товарами*, а *не деньгами*, то-есть, чтобы одно государство не брало у другого столько товаровъ, сколько ему нужно, а другое брало бы болѣе, нежели сколько ему нужно. Впрочемъ въ этомъ слу-

чай", продолжалъ онъ,— вопросъ не касается только выгоды. Вся торговля Франціи съ Россіей простирается до 12 миллионовъ, и половина этой суммы покрывается ввозомъ русскихъ произведений, и только другая половина уплачивается деньгами. Но дѣло въ томъ, что это произвело дурное впечатлѣніе на всю Европу, какъ признакъ непріязненныхъ отношеній между двумя имперіями. „Хорошъ союзъ“, сказалъ онъ;— „вы конфискуете все, что приходитъ отъ меня, и я дѣлаю то же съ своей стороны; этотъ союзъ похожъ болѣе на войну! Но, что выходитъ уже изъ всѣхъ предѣловъ, чего я не могу терпѣть, и что возмущаетъ всѣхъ моихъ торговцевъ, это предписаніе ваше—жечь всѣ товары, которые приходятъ къ вамъ изъ Франціи. Я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на величайшее оскорблѣніе, которое только можно было мнѣ нанести“.

Чернышевъ отвѣчалъ на это, что товары не сожигаются публично, что это впрочемъ старинный законъ, существующій съ временемъ Екатерины, и онъ вовсе не направленъ противъ произведеній того или другаго государства; но противъ нарушителей нашихъ постановленій.

„Позвольте сказать вамъ, милостивый государь“, съ возрастающимъ раздраженіемъ отвѣчалъ Наполеонъ— „во времена Екатерины Россія предписывала законы всей Европѣ и притомъ причислялась къ числу недостаточно просвѣщенныхъ народовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась европейской страною, должно знать, что есть приличія, которыхъ и она обязана исполнять. Я тоже жгу англійскіе товары, но это потому, что веду съ Англіей войну на смерть и притомъ не въ тѣхъ собственно видахъ, что это можетъ причинить ущербъ ихъ торговли, но чтобы узвить ихъ честь, нанести имъ нравственно зло. Знайте же, что я приказалъ во всѣхъ Портахъ, находящихся въ моей власти, жечь лѣсъ, поташъ, пеньку и вообще все, что вывозится изъ Россіи. Вотъ прекрасный союзъ, поучительная дружба между нами!“

Продолжая чтеніе письма и дойдя до вопроса о герцогствѣ Ольденбургскомъ, Наполеонъ замѣтилъ, что не извѣстилъ предварительно Русскаго императора о присоединеніи этого герцогства къ Франціи, полагалъ, что Александръ можетъ принять участіе только въ личности герцога, какъ члена своего семейства, которому, изъ уваженія къ Русскому государю, онъ и предложилъ, какое могъ, вознагражденіе, но вовсе не въ самой странѣ. „Эту страну“, говорилъ Наполеонъ,— я присоединилъ потому, что находилась между Франціей и Англіей она могла служить поводомъ къ разнымъ спорамъ и пререканіямъ именно съ Россіей. Будь она на берегахъ Средиземного моря

или въ срединѣ Германіи, и конечно, не коснулся бы до нея. Вирочемъ, если изъ бездѣлицъ хотятъ дѣлать важные вопросы, то какія бы объясненія я ни представилъ, ихъ найдутъ недостаточными".

Затѣмъ, онъ дочиталъ письмо до конца и, конечно, не найдя въ немъ той покорности своей волѣ, которую найти желалъ, ухватившись за послѣднія выраженія, разразился слѣдующею рѣчью: „Кто угрожаетъ вашему существованію (*qui est ce qui en veut à votre existence*), кто намѣревается наложить на васъ! Конечно, и не до такой степени не понимаю своихъ выгодъ, чтобы ринуться въ войну противъ великой державы, которая обладаетъ огромными средствами, и которой храбрыя войска будуть защищать свои собственныя жизни. Письмо, которое мы мѣсъ привезли, не похоже на прежнія письма. Императоръ Александръ не хотѣлъ понять моего письма, ни отдать справедливости той откровенности, съ которой я приглашалъ его скорѣе возвратить согласіе между нами для обоюдныхъ нашихъ выгодъ. Онъ забыть Тильзитъ и Эрфуртъ и слушаетъ внушенія Англичанъ и извѣстія своихъ послѣдователей. Вы говорите, что онъ искренно желаетъ мира, но развѣ не жаждетъ побужденіемъ къ войнѣ можетъ служить его распоряженіе о передвиженіи многихъ дивизій изъ Дунайской арміи къ границамъ Варшавскаго герцогства. Чѣмъ вы сказали бы, еслибы въ настоящее время я вызвалъ свои войска изъ Испаніи стъ тѣмъ, чтобы двинуть ихъ на сѣверъ Германіи? Не произвело ли бы это на васъ того же самаго впечатленія, и не принесли бы вы этого съ полной справедливостію за объявленіе войны. Скажу болѣе: во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, вы дѣлаете большую политическую ошибку. Я буду съ вами разсуждать не какъ императоръ Наполеонъ, но какъ ревностный слуга императора Александра, какъ настоящій Русскій долженъ разсуждать. Предположимъ, что вы твердо рѣшились разорвать союзъ со мною и соединиться съ Англіей; въ такомъ случаѣ для васъ необходимо было совершенно отказаться отъ Дунайскихъ княжествъ, чтобы достичнуть слѣдующихъ выгодъ: если бы вы только рѣшились на это, то взять миръ съ Турками бытъ бы заключенъ безъ всякихъ затрудненій, потому что этимъ вы исполнили бы ихъ желанія. Тогда мы могли бы быть совершенно спокойны съ этой стороны, потому что Турки, неохотно вмѣшиваясь въ чужія распри, безъ сомнѣнія, остались бы спокойными. Доказательствомъ можетъ служить то, что мы въ продолженіе четырехъ лѣтъ не удалось побудить ихъ къ объявлению войны Англичанамъ. Заключивъ миръ съ Турками, вы имѣли бы въ полномъ распоряженіи всѣ тѣ войска, которыхъ противъ

нихъ дѣйствуютъ и могли бы употребить ихъ для большей войны. Но этимъ самимъ вы достигли бы другой важнѣйшей цѣли: поправили бы ваши отношенія къ Австрии; между тѣмъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, если я не могу вполнѣ разчитывать на эту державу, то вы еще менѣе можете на нее разчитывать съ тѣхъ поръ, какъ ей извѣстны ваши виды на Турцію. Такое поведеніе съ вашей стороны даетъ мнѣ возможность употребить противъ васъ всѣ мои итальянскія войска, чего я прежде никакъ не могъ бы сдѣлать безопасно. Если же, напротивъ, Россія желаетъ поддерживать союзъ съ Франціей, или по крайней мѣрѣ не отступать отъ ея системы; то вы сами теряете всѣ выгоды вашего положенія отъ того, что отзовали часть вашей Дунайской арміи — подъ влияніемъ воображаемаго страха. Я вамъ сказала передъ послѣднимъ вашимъ отѣзгомъ, и вы сами могли въ этомъ убѣдиться, что я не могу, если бы даже и хотѣла, начать съ вами войну ранѣе октября мѣсяца. Въ такомъ случаѣ вы имѣли бы достаточно времени, чтобы совершить ваше завоеваніе, предпринять миръ Портъ и еще двинуть ваши войска къ границамъ герцогства, еслибы я также двинула мои войска. Между тѣмъ, при тендерешнемъ положеніи, вы ни того, ни другого не можете достигнуть. Я сержусь на императора Александра не какъ французскій императоръ, но какъ человѣкъ, искренно ему преданный и никогда еще не встрѣчавшій человѣка, въ которомъ доброта характера была бы соединена съ такими любезными и очаровывающими пріемами въ обхожденіи, какъ въ немъ. Предписывая такое движеніе войскамъ, онъ, очевидно, дѣйствовалъ вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ. Съ одной стороны, вы враги Англіи и Турціи, потому что слѣдуете системѣ Франціи; съ другой, не рѣшаясь заключить мира съ Турціей, вы угрожаете и возбуждаете неудовольствіе Австрии въ то самое время, какъ выводя свои войска изъ Турціи, вы возбуждаете тревогу во Франціи, гдѣ не могутъ не внушать недовѣрія всѣ ваши движения. Послѣдствіемъ всего этого было то, что вы поставили себѣ въ дурныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ, а Пруссію — даже въ худшее положеніе. Меня уже извѣщаютъ что Гарденбергъ явился къ Сент-Марсану для объясненій по слушаю движенія войскъ, предназначеннѣй для Данцигскаго гарнизона. Онъ говорилъ, что эту мѣру Франція оправдываетъ тѣмъ, что она направлена противъ Англичанъ; но она точно также можетъ быть направлена и противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ, спрашивалъ онъ, — что должна дѣлать Пруссія, — она будетъ поставлена въ ужасное положеніе. Должна ли она объзвѣтъ себя на сторонѣ Франціи, или Россіи

сіи, или можетъ оставаться нейтральною? Такое положеніе дѣлъ можетъ привести еще и къ тому, что вы насильно заставите Пруссію броситься въ руки Франції. Я, съ своей стороны, уже дѣлаю попытки къ сближенію съ Портой и предписалъ Латуръ-Мобуру пригласить султана написать ко мнѣ (чего онъ еще не сдѣлалъ со вступленія своего на престоль) и прислать ко мнѣ посланника, дозвѣнть, что я приему его благословенно. Я думаю, что императоръ Александръ заблуждается изъ счета моихъ средствъ и думаетъ, что мы слабѣемъ въ настоящее время, нежели дѣйствительно. Онъ ошибается, я сильнѣе его, я могу воевать съ нимъ, не вызывая ни одного солдата изъ моей испанской арміи, потому что я уже не хочу болѣе, чтобы быть королемъ въ этой странѣ и надѣюсь также властствовать въ Кадикесѣ, какъ властную въ Бердо. Я желаю мира, мои выгоды заставляютъ меня желать его; но если, къ несчастію, продолжится такое положеніе дѣлъ, и мы не прийдемъ къ соглашенію между собою, то я даю честное слово, если только вы сами не начнете, я не сдѣлалъ на васъ нападенія въ продолженіе четырехъ лѣтъ; выжидать для меня — значитъ выигрывать, мой расчетъ сдѣланъ. Это остановить моя морскія приготовленія и будеть стоять мій денегъ; но 600 миллионовъ, которые лежатъ въ моихъ подвалахъ, будуть мій достаточны. Употребивъ уже изъ нихъ 100 миллионовъ въ этомъ году на чрезвычайные расходы, я буду имѣть къ октябрю мѣсяцу готовыхъ 300 тысячъ французскихъ войскъ въ моемъ распоряженіи, не считая войскъ конфедерациі. На скідующій годъ, истративъ 50 миллионовъ, я доведу ихъ до 600 тысячъ. Наконецъ, въ нѣсколько лѣтъ я въ состояніи буду располагать 800 или 900 тысячъ человѣкъ, — а тогда можетъ ли Россія противопоставить мнѣ такое количество! Если вы мнѣ не вѣрите, я готовъ васъ сейчасъ же повести въ боковую часть моего дворца, гдѣ хранятся дамыги, чтобы вы ихъ сочли, а въ октябрѣ мѣсяцѣ показать вамъ всѣ мои войска, собравъ ихъ изъ внутренней Франціи, изъ Италии, Неаполя, Иллірии, Голландіи. Я хочу корпусъ Даву довести до 100 тысячъ человѣкъ и устроить еще два лагера, такой же силы, въ Уtrechtѣ и Ліонѣ. Изъ 144 полковъ семьдесятъ находятся у меня въ Испаніи, а всѣ другіе въ моемъ распоряженіи, и я дѣль приказаніе въ каждомъ изъ нихъ пребавить по шестому баталіону. Изъ семнадцати моихъ кирасирскихъ полковъ, которые находятся въ Голландіи, каждый будетъ въ 1000 лопадей. Консириція этого года доставить мнѣ 120 тысячъ человѣкъ, да къ намъ еще пребавится 40 бѣглецовъ (*r  fractaires*), для ловли я отправилъ 15 отрядовъ. Моя

гвардій, французской, итальянской и голландской, также многочисленны, какъ вами известно. Все это, соединенное вмѣстѣ, составить огромное, гигантское войско, которое будетъ снабжено не менѣе чмъ 800 пушекъ. Но не смотря на все это, я повторю вамъ, мое искреннее желаніе состоять въ томъ, чтобы сохранить миръ, потому что даже въ случаѣ счастливой войны противъ васъ, я увѣренъ, что ничего не выиграю и никогда не буду въ состояніи вознаградить тѣ пожертвованія, которыхъ потребуетъ такое вооруженіе. Притомъ только я могу двигать такія огромныя массы, а моя жизнь слишкомъ дорога для моихъ дѣтей и моихъ народовъ, чтобы я могъ подвергать ее опасности для такихъ незначительныхъ выгодъ".

Нельзя не замѣтить, что въ этой длинной рѣчи, которую Наполеонъ началъ съ жаромъ, и постепенно смягчаясь, заключилъ совершенно скромно, онъ очень вѣрно очертилъ международные отношенія Россіи; но что же поставило ее въ такое положеніе, какъ не политика самого Наполеона? На его слова Чернышевъ отвѣчалъ, что Русскій императоръ никакъ не заблуждается ни въ отношеніи къ силамъ Наполеона, ни въ его военныхъ дарованіяхъ; все, что ни дѣлалъ онъ до сихъ порь, сдѣлано единственно въ видѣ предосторожности. Если онъ рѣшился отдѣлить часть отъ Дунайской арміи и приблизить ее къ западнымъ границамъ имперіи, то лишь послѣ получения вѣрныхъ извѣстий о военныхъ приготовленіяхъ, которыхъ дѣлаются во Франціи, и о которыхъ самъ императоръ Наполеонъ теперь сообщилъ ему. Расположеніе къ миру императора Александра слишкомъ извѣстно, чтобы можно было сколько нибудь сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ отвергъ выслушать предложения, которыхъ могли бы способствовать возобновленію прежнихъ отношеній между двумя имперіями, основанныхъ на дружбѣ и довѣріи. Онъ тѣмъ болѣе изъявилъ на это готовность, что та мѣра, въ которой онъ вынужденъ быть прибѣгнуть, лишаетъ его средствъ къ скорѣйшему окончанію войнъ съ Турцией.

"Но" прервалъ его Наполеонъ, — "въ письмѣ вашего императора не указано никакого способа, чтобы достичь соглашенія. Я очень радъ сохранить деньги въ моемъ карманѣ, и признаюсь, ожидаю вашего приѣза съ большими потеряніями, въ надеждѣ, что онъ разсѣть все недоразумѣнія и позволить намъ избѣжать огромныхъ расходовъ, которыхъ требуютъ наши обѣднѣяния приготовленія; однако же я теперь вижу, мой любезный (mon cher ami), что не смотря на быстроту вашихъ поѣздокъ, письмо, которое вы мнѣ при-

везды, и все ване посольство ограничивается лишь тѣмъ, чтобы сдѣлать миѣ нѣсколько упрековъ. И вотъ мы на столько ушли впередъ, на сколько были и до вашего отъѣзда".

Когда Чернышевъ въ отвѣтъ на это началъ говорить, что дѣль его посольства заключалось именно въ томъ, чтобы объяснить дѣйствія Россіи, которыми придавали совершенно ложное значеніе, и въ то же время, конечно, выразить совершенно справедливыя жалобы на поведеніе Франціи въ послѣднєе время,—Наполеонъ снова его прервалъ, говоря: „Все это очень хорошо, но все-таки я не могу догадаться, чего желаетъ Россія въ вознагражденіе герцогу за Ольденбургъ".

„Послѣ этого", писалъ Чернышевъ императору, — „онъ взялъ меня за ухо,—что служить признакомъ особенной ласки у императора Наполеона,—и сказалъ: „Будемъ теперь говорить какъ солдаты, безъ дипломатической болтовни: чего желаетъ императоръ въ вознагражденіе герцогу за Ольденбургъ?"

„Русскій императоръ", отвѣчалъ Чернышевъ, — „ничего не сообщаю миѣ о своихъ желаніяхъ въ этомъ отношеніи, и миѣ невозможно по своему усмотрѣнію отвѣтить на этотъ вопросъ".

„Но, считая это мгновеніе благопріятнымъ для того, чтобы исполнить привезеніе, данное миѣ канцлеромъ при моемъ отъѣздѣ", доносилъ Чернышевъ, — „я прибавилъ, что все, что я могу еще сообщить его величеству въ этомъ отношеніи, ограничится лишь тѣмъ, что во время моего пребыванія въ Петербургѣ графъ Румянцевъ нѣсколько разъ говорилъ миѣ, что предполагаемый общий договоръ съ Франціей, заключеніе котораго миѣ поручено предложить вашему величеству, долженъ касаться и дѣла Ольденбурга и Польши. Такъ какъ канцлеръ постоянно оказывалъ миѣ расположение и довѣріе, то я осмѣялся, если ваше величество дозволите, передать вамъ нѣкоторыя изъ его словъ, по этому вопросу, сокращая даже употребленные имъ выражения; по его словамъ, еслиъ удалось дѣла Польши и Ольденбурга уложить въ одинъ мѣшокъ, перемѣщать ихъ тамъ хорошенько и потомъ выбросить, то графъ Румянцевъ былъ увѣренъ, что союзъ между двумя имперіями могъ бы укрѣпиться сильнѣе прежнаго, въ досаду не только Англичанъ, но и Нѣмцевъ. Лишь только я это сказавъ, Наполеонъ началъ большими шагами ходить по комнатѣ въ сильномъ волненіи, съ заносчивостю говоря миѣ: „Нѣтъ, милостивый государь, мы еще не доведены до крайности. Отдать герцогство Варшавское за Ольденбургъ было бы верхомъ без-

умія. Какое впечатлѣніе произвела бы на Поляковъ уступка, хотя бы на одинъ шагъ ихъ земли въ то время, когда Россія намъ угрожаетъ. Ежедневно мнѣ доносатъ со всѣхъ сторонъ, что ваше намѣреніе заключается въ томъ, чтобы вторгнуться и занять герцогство. Ну что же, мы еще не всѣ перемерли. Я не хочу только хвастаться своими силами, я знаю, что ваши средства велики, что ваши войска также храбры и хороши, и я слишкомъ много давалъ сраженій, чтобы не знать—отъ какихъ иногда случайностей зависятъ ихъ успѣхъ; но какъ виды на успѣхъ будуть для обѣихъ сторонъ одинаковы, и если богъ побѣдъ будетъ за насъ, то я заставлю раскаиваться Россію за эту попытку, и тогда-то она можетъ потерять не только польскія губерніи, но и Кримъ".

Лишь только Чернышевъ улучилъ возможность выговорить слово, онъ поспѣшилъ замѣтить, что, можетъ быть, онъ очень дурно поступилъ, что передалъ Наполеону простое соображеніе канцлера, выраженное имъ передъ человѣкомъ, котораго онъ удостовѣръя. Притомъ, можетъ быть, онъ и не хорошо понялъ мысль графа Румянцева. Успокоившись послѣ сильнаго волненія, Наполеонъ сказалъ на это: „Теперь я догадываюсь; вы хотите получить въ замѣтъ Данцигъ. Годъ тому назадъ, даже шесть мѣсяцевъ только, я отдалъ бы его вамъ; но теперь, когда я пытаю недовѣріе къ Россіи, когда она угрожаетъ мнѣ, какъ же вы хотите, чтобы я уступилъ вамъ единственную крѣпость, которая, въ случаѣ войны противъ васъ, можетъ служить тѣчкой опоры для всѣхъ моихъ дѣйствій на Вислѣ. Поэтому вы хотите, чтобы я добровольно перенесъ черту моихъ дѣйствій на Одеръ, если бы меня вызвали на военные дѣйствія".

„Хотя, по моему личному соображенію, Данцигъ могъ бы служить лучшимъ вознагражденіемъ за потерю Ольденбурга, нежели Эрфуртъ", отвѣчалъ Чернышевъ, „но мнѣ рѣшительно неизвѣстны взгляды моего государя на этотъ вопросъ".

— „Наполеонъ отвѣчалъ мнѣ на это", доносить Чернышевъ императору, — „съ тѣмъ видомъ откровенности и благородства, который такъ знакомъ вашему величеству: „Скажите мнѣ откровенно, неужели императоръ Александръ и графъ Румянцевъ дѣйствительно полагаютъ, что восстановленіе Польши входитъ въ мои виды?" Я отвѣчалъ, что не знаю положительно, предполагаютъ ли они такое намѣреніе съ вашей стороны; но все, что дѣлается въ герцогствѣ Варшавскомъ со временемъ войны 1806 года, безъ сомнѣнія, должно ихъ беспокоить". Взявъ меня снова за ухо, онъ сказалъ, что непремѣнно

хочеть знать, что именно я объ этомъ думаю. На это я отвѣчалъ, что я слишкомъ молодъ и неопытей, чтобы имѣть свое въ этомъ случаѣ мнѣніе; притомъ я обязанъ смотрѣть на вещи глазами моего государя. Принуждалъ меня отвѣчать, Наполеонъ забавлялся тѣмъ, что все сильные и сильные дергалъ меня за ухо, уѣдая, что онъ не перестанетъ до тѣхъ поръ, пока я не отвѣчу на его вопросъ. Эта шутка уже становилась немѣртина, потому что мнѣ было уже больно, и я рѣшился ему сказать: „Если уже ваше величество желаете не-премѣнно знать мое мнѣніе, то и выражай би его вами, если бы могъ знать, такъ: считаете ли вы для себя выгоднымъ исполненіе такого предположенія, или нетъ? Если считаете выгоднымъ, то я бы былъ бы уѣдѣнъ, что вы имѣете его въ виду, не смотря на вашъ союзъ съ Россіей, и что вы будете стремиться возстановить Польшу, лишь только освободитесь отъ другихъ войнъ“. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ, какъ можно такъ настойчиво приписывать ему такое намѣреніе. Это даже неблагоразумно, потому что постоянно повторяя эту мысль, можно, въ самомъ дѣлѣ, дать поводъ испробовать, нельзя ли действительно привести ее въ исполненіе въ томъ случаѣ, если нельзя найти средства, чтобы успокоить Россію. „Я убѣжденъ“, говорилъ онъ, — „что вскій Русскій, который заподозрилъ бы, что я имѣю такое намѣреніе, и следовательно, хочу отторгнуть отъ его отечества до шести миллионовъ жителей и иѣсколько лучшихъ губерній, смотрѣть бы на меня какъ на величайшаго врага своего отечества, и следовательно, готовъ быть бы дратться со мною на смерть. Посудите же сами, могу ли я имѣть подобной войны“. На это я возвра-зилъ, что не я началъ разговоръ объ этомъ предметѣ, а вынуж-денъ быть принудительными средствами, употребленными его вели-чествомъ высказать мое личное мнѣніе“.

„А сколько вамъ лѣтъ“, улыбаясь спросилъ его Наполеонъ?

„Двадцать пять лѣтъ, государь“, отвѣчалъ Чернышевъ.

„Каково, какъ рано вы начинаете вашу дѣятельность“ (*j'aime cela, vous faites votre noviciat bien jeune*) и началъ подшучивать надъ молодымъ человѣкомъ.

“

Наконецъ, онъ вдругъ замолчалъ и чрезъ иѣсколько времени отры-висто спросилъ: „Скажите же мнѣ, сдѣлайте милость, хотятъ у васъ мира или войнъ?“ Чернышеву въ отвѣтъ на этотъ вопросъ пришлось снова повторять то, что уже иѣсколько разъ выражалъ онъ въ про-долженіе этого свиданія о миролюбивомъ настроеніи Русскаго импера-тора. „Однако“, замѣтилъ Наполеонъ, — „императоръ Александръ,

очень недавно, разговаривая со шведскимъ посланникомъ о политикѣ, сказалъ, что въ случаѣ войны онъ будетъ имѣть то преимущество надо мною, что можетъ не опасаться за свой тылъ, между тѣмъ какъ за мною будетъ вся Германія, чѣмъ заставитъ меня опасаться за мой тылъ въ виду враждебнаго ея ко мнѣ настроенія. Такія рѣчи доказываютъ, что императоръ замыслилъ дѣйствовать противъ меня со стороны Германіи, и вовсе не сидѣтъ съ миролюбивомъ его настроеніемъ".

Чернышевъ отвѣчалъ, что такого рода извѣстія обыкновенно измѣняютъ и даже исказяютъ то, чѣмъ действительно говорилось, по крайней мѣрѣ онъ увѣренъ, что это такъ и случилось въ этомъ случаѣ.

"Теперь", отвѣчалъ Наполеонъ, — "я выражу мое окончательное мнѣніе. Вотъ оно: меня увѣряютъ, что императоръ Александръ желаетъ мира, тогдѣ же хочетъ и императоръ Наполеонъ; графъ Румянцевъ желаетъ мира, точно таково же, безъ сомнѣнія, мнѣніе Шампаны; но это не препятствуетъ, однакоже, безпокойствамъ и опасеніямъ, что начнется война. Впрочемъ, если правда то, что вы сообщаеете мнѣ о миролюбивомъ расположении императора Александра, то для обоихъ государствъ будетъ выгодно, какъ можно скорѣе прійтти къ соглашенію. Я, съ своей стороны, возобновляю предложеніе объ Эрфуртѣ для герцога Ольденбургскаго, взявъ назадъ всѣ имѣнія, которыя я уже раздалъ въ этомъ герцогствѣ, и прибавлю къ нему все, чѣмъ будетъ нужно для полнаго вознагражденія герцога. Что касается Польши, то можете быть увѣрены, что я желаю только сократить герцогство Варшавское въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ оно теперь находится, но вовсе не хочу сдѣлать изъ него великую державу, съ которой мнѣ пришлось бы вести переговоры и заключать трактаты. Если потребуется, то я снова готовъ подписать соглашеніе, о которомъ у насъ уже были ведены переговоры. Какія будутъ нужны обезспеченія для вашего спокойствія въ этомъ отношеніи, я всегда готовъ ихъ предоставить, лишь бы только они не затрагивали мою честь. Одно, чѣмъ я требую, это — чтобы вы отказались отъ обычай жечь товары, и тогда я предложу взаимное обезоруженіе (*de désarmer simultanément*)".

Спросивъ Чернышева, не имѣетъ ли онъ чѣго-либо сообщить ему отъ имени Русскаго императора по этимъ предметамъ, и получивъ отрицательный отвѣтъ, Наполеонъ поручилъ ему письменно передать императору весь изложенный разговоръ; но въ то же время поручилъ замѣтить, что какъ привезенное имъ письмо, такъ и словесныя его

сообщения и несколько не измѣнить положенія дѣлъ и не позволяютъ ему пристановить своихъ приготовленій. „Я буду готовиться по прежнему“, сказаъ онъ, — „и прошу императора послѣдить присыпкою князю Курлянну полномочій или назначить другое лицо по своему выбору для переговоровъ, чтобы скорѣе положить конецъ тѣмъ недоразумѣніямъ и недовѣрію, которыя существуютъ между двумя имперіями, и избавить отъ недоружекъ, отяготительныхъ для нихъ и бесполезныхъ“.

Ласково простившись съ Чернышевымъ посль разговора, продолжавшагося четыре съ часовиной часа, Наполеонъ заявилъ, что скоро призоветъ его опять на свиданіе.

Если письмо императора Александра и съѣдѣнія, сообщенные Чернышевымъ, ни на шагъ не подвинули импіантъ соглашеній съ Франціей, то чего же требовалъ отъ Россіи императоръ Наполеонъ? Конечно, не того, о чёмъ говорилъ, а того, о чёмъ счѧть нужнымъ умолчать.

Если, хвастаясь передъ молодымъ русскимъ офицеромъ, и быть можетъ, желая запугать его, онъ преувеличивалъ свои военные средства, то во всякомъ случаѣ они были такъ велики, что значительно превышали средства Россіи. При такомъ отношеніи войскъ обѣихъ имперій, безъ сомнѣнія, не могло въ глазахъ Наполеона имѣть большаго значения переданіе пяти дивизій изъ Дунайской арміи и нѣсколькоихъ тысячъ изъ Финляндіи къ западнымъ границамъ имперіи. Еще менѣе могли его тревожить тѣ угрозы, которыя возводились въ Россіи на дальнемъ разстояніи отъ границъ, а потому, очевидно, лишь съ оборонительными видами. Вопросъ объ Ольденбургѣ не разрывалъ союза Россіи съ Франціей, какъ было заявлено императоромъ Александромъ въ самомъ протестѣ; следовательно, онъ не угрожалъ войной и могъ быть предметомъ мирныхъ переговоровъ и соглашеній. Постановленіе о томъ, чтобы сожигать ввезенные незаконно въ Россію, запрещенные къ ввозу въ нее иностранные товары относилось не къ Франціи или какому-нибудь иному государству, а къ тѣмъ лицамъ, которыхъ, прибѣгая къ обману, нарушили ея постановленія. Казался ли императору французовъ варварскимъ этотъ способъ наказанія? Но онъ самъ жегъ всѣ ввозимые товары въ Европу, считая ихъ английскими, и притомъ очень хорошо понимая, что это обстоятельство легко могло быть устранено, и русское правительство не стало бы поддерживать старинаго постановленія, какъ и доказало

это, немедленно предложивъ заключить новый торговый договоръ съ Францией.

Все это, конечно, были простыя придирики; но былъ существенный вопросъ, о которомъ умолчалъ императоръ Наполеонъ, хотя письмо его союзника давало ему поводъ остановиться именно на этомъ вопросѣ. Самый тарифъ и частные, заключавшіяся въ немъ предписанія, какъ уже мы замѣтили, были простимъ приложениемъ къ постановленіямъ о нейтральной торговлѣ, и въ письмѣ императора Александра прямо сказано, что эти постановленія изданы въ видѣ облегченія упомянутой торговли, производившейся преимущественно подъ американскими флагами. Миѣни Русскаго императора, послѣдствіемъ котораго и было это постановленіе, было давно известно Наполеону. Вопросъ о нейтральной торговлѣ составлялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ переговоровъ его посланника въ Петербургѣ, и Коленкуръ подробно передавалъ ему взгляды на него资料ного правительства.

Наполеонъ долженъ былъ умолчать объ этомъ вопросѣ именно потому, что на него уже положительно отвѣтчила Россія. Еслибъ онъ согласился съ этимъ отвѣтомъ, то есть, допустилъ бы нейтральную торговлю хотя бы въ одной Россіи, то это противорѣчило бы принятому имъ повсюду мѣрамъ противъ этой торговли и подривало бы его систему континентальной блокады. Еслибъ онъ отвергъ отвѣтъ Россіи, то разорвалъ бы союзъ съ нею и объявилъ бы войну. Въ этомъ смыслѣ вопросъ и былъ имъ решенъ: онъ считалъ войну неизбѣжною и готовился къ ней со свойственною ему дѣятельностью. Но Наполеонъ тщательно скрывалъ свое рѣшеніе и желалъ отсрочить начало этой войны, опасаясь немедленныхъ дѣйствій со стороны Россіи, которая, безъ сомнѣнія, заключались бы въ занятіи герцогства Варшавскаго и восточной Пруссіи, чтѣ повлекло бы за собою союзъ Россіи съ Пруссіей, а можетъ быть, и съ Австріею. Поэтому, онъ старался вовлечь Россію въ новые переговоры и обмануть увѣреніями и даже клятвами, что онъ лично питаетъ самые миролюбивыя чувства къ ней и искреннюю дружбу къ ея государю, вовсе не желаетъ войны и не будетъ ея зачинщикомъ.

Чтѣ же вынуждало Наполеона медлить въ исполненіи уже принятаго рѣшенія? Всѣ распоряженія къ войнѣ съ Россіей были имъ уже сдѣланы въ январѣ мѣсяцѣ 1811 года; онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ ней и выражалъ при каждомъ случаѣ и съ особенной рѣзкостью въ рѣчи, обращенной къ депутациіи отъ торговыхъ

палать. Въ Парижѣ носился уже говоръ во всѣхъ слояхъ общества о скорой войнѣ съ Россіей, на театральныхъ представлениахъ уже глушились надъ нею, и въ периодической печати, въ которой принималъ участіе самъ Наполеонъ и его министерство полиції, появились оскорбительныя на ея счетъ и угрожающія статьи. Министръ полиції, Саварі герцогъ Ровіго, встрѣтивъ въ обществѣ старшаго секретаря нашего посольства графа Нессельроде, подшучивалъ надъ Чернышевымъ, говоря: „Пора ему перестать писать дипломатическія депешіи, это дѣло посольствъ, пусть себѣ плашетъ и веселится, сколько хочетъ“.

Но въ началѣ апрѣля мѣсяца, все замолкло, не потому что измѣнилось настроеніе императора Наполеона относительно Россіи, но потому, что онъ счелъ нужнымъ сдержать его въ это время. Плохое положеніе дѣль въ Испаніи было тому причиной. Отступленіе маршала Массена, неудача Виктора при Кадиксѣ, нѣсколько проигранныхъ сраженій, потеря Баядова и вообще бѣдственное положеніе французскихъ войскъ, голодъ солдатъ, ссоры начальниковъ и постоянное усиленіе народной войны убѣдили, наконецъ, Наполеона въ необходимости усилить войска въ Испаніи. Но усиливая ихъ, онъ долженъ былъ ослаблять тѣ, которые приготовилъ для войны съ Россіей. Ему нужно было собрать новыя силы и потому отсрочить войну съ нами. „Печальнія извѣстія о положеніи дѣль въ Испаніи и Португалії“, писалъ Чернышевъ императору Александру, — „послужили поводомъ къ тому, что императоръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Россіи. Увѣряють, что эта перемѣна произошла въ немъ такъ быстро, что поразила всѣхъ. Ея послѣдствіемъ было немедленное отправленіе въ Петербургъ Лористона, между тѣмъ какъ прежде было предположено дождаться извѣстій изъ Россіи и потомъ уже рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли его отправить или нѣтъ. Я ужъ имѣлъ счастіе, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, выразить вашему величеству мнѣніе, что императоръ Наполеонъ желаетъ выиграть только время. Настоящія обстоятельства не только не опровергаютъ этого, но, напротивъ, подкрѣплютъ его справедливость. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ почетъ и предупредительность во всевозможныхъ случаяхъ, которая мнѣ оказываютъ. Я довольно знакомъ съ нравами Тюльерійскаго дворца и знаю, что тамъ ничего не дѣлается безъ намѣренія, и каждый оттѣновъ вниманія неизменно имѣеть значеніе“⁴. Дѣйствительно, любезности императора Французовъ, повелителя всей Европы въ то время, оказанныя молодому

русскому офицеру гвардії, должны были удивить всѣхъ. Черезъ два днѧ послѣ описанного свиданія (14-го апрѣля), принимая дипломатическій корпусъ, Наполеонъ, разчитывавшій на этихъ пріемахъ каждое свое слово, каждый шагъ, которые ловили и замѣчали дипломаты всѣхъ державъ сть тѣмъ, чтобы немедленно описать ихъ своимъ правительствамъ,— два раза подходилъ къ Чернышеву и говорилъ ему любезности. Послѣ пріема русскій офицеръ обѣдалъ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ за гофмаршальскимъ столомъ. На другой день его пригласилъ на обѣдъ герцогъ Кадорскій, а въ его отсутствіе, по случаю этого обѣда, къ нему два раза пріѣзжалъ самъ гофмаршалъ Дюрокъ, герцогъ Фріульскій, чтобы по порученію Наполеона, пригласить его на другой день на императорскую охоту въ Сенъ-Жерменскій лѣсъ и для переговоровъ съ нимъ. Подобныхъ приглашеній, служившихъ признакомъ особенного благоволенія, удостоивались немногія, почетные лица.

Пріѣхавъ въ назначенное для сбора мѣсто, Чернышевъ нашелъ уже тамъ герцога Фріульскаго, который ему объявилъ, что императоръ, полагая, что при свиданіи съ нимъ не дать ему возможности выразить все, что онъ имѣлъ ему сообщить, поручилъ ему продолжать съ нимъ бесѣду. Чернышевъ, отвѣчалъ, что онъ ничего не имѣеть сообщить болѣе, и повторилъ ему съ нѣкоторою подробностію то же самое, чѣмъ говорилъ и императору Наполеону. „Герцогъ Фріульскій“, доносилъ потомъ Чернышевъ Александру, — „долженъ быть признать справедливыми всѣ мои соображенія и не представилъ никакихъ противъ нихъ опроверженій“. Желая оправдать лишь дѣйствія императора въ отношеніи къ герцогу Ольденбургскому, онъ замѣтилъ, что это герцогство входитъ въ составъ Рейнскаго союза, а потому императоръ Наполеонъ могъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. „Это вовсе не даетъ права на подобная дѣйствія, которыми Русскій императоръ иначе объяснить не можетъ, какъ умышленнымъ желаніемъ его оскорбить“, отвѣчалъ я. — „Въ составѣ Германской имперіи находились владѣнія прусскія и англійскія, на которыхъ, однакоже, никогда никто не покушался. Ганноверъ былъ захваченъ Франціей только послѣ объявленіи войны Англіи“. Обѣща передать императору все, что слышалъ отъ Чернышева, Дюрокъ просилъ его, съ своей стороны, написать къ императору Александру и убѣдить его немедленно войти въ переговоры, чтобы достигнуть соглашеній и избавить обѣ имперіи отъ огромныхъ расходовъ. „Если его величество императоръ“, отвѣчалъ Чернышевъ, — „желаетъ скораго

соглашения съ Россіей, то я прошу васъ предложить ему, чтобы онъ опредѣлилъ, что онъ готовъ для насъ сдѣлать. Тогда его предложеніе съ первымъ же курьеромъ я доведу до свѣдѣнія моего государя, и, вѣроятно, его окончательный отвѣтъ не заставитъ себя долго ждать".

„Герцогу Фріульскому", писалъ Чернышевъ государю,— „кажется понравилось мое предложение, и онъ обѣщалъ довести его до свѣдѣнія императора Наполеона. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что по приказанію императора онъ имѣть сообщить мнѣ нѣчто лично до меня касающееся. „Его величество", сказалъ онъ,— „съ гнѣвомъ и негодованіемъ прочелъ статью *Официальной газеты* (*Journal de l'empire*), направленную противъ васъ. Въ справедливомъ негодованіи онъ сдѣлалъ выговоръ герцогу Ровиго, вѣльги выгнать изъ службы при министерствѣ полиціи Эменара, сочинителя этой статьи, и на три мѣсяца уволить отъ издания редактора журнала. Императоръ полагаетъ, что вы будете этимъ удовлетворены". Я отвѣчалъ, что лично подобный поступокъ не могъ меня оскорбить; но онъ поразилъ меня потому, что я ношу званіе флигель-адъютанта русскаго императора".

Въ это время извѣстили о прибытии на охоту императора Наполеона, и Чернышевъ бытъ приглашенъ въ числѣ немногихъ лицъ раздѣлить приготовленный для него завтракъ. Замѣтивъ, что Чернышевъ бытъ блѣденъ, онъ съ участіемъ спрашивалъ его о здоровьѣ и вообще часто обращался къ нему въ общемъ разговорѣ. Во время охоты, при первой остановкѣ, зная, что Чернышевъ находится въ его свитѣ, но какъ будто его не замѣчая, онъ громко благодарилъ окружавшихъ его лицъ за удовольствіе, которое они доставили ему устройствомъ этой охоты и особенно тѣмъ, что приготовили для него лошадей, подаренныхъ ему Русскимъ императоромъ. Потомъ, какъ будто только теперь замѣтивъ Чернышева, Наполеонъ спросилъ его о томъ, какое употребленіе сдѣлать императоръ Александръ изъ тѣхъ лошадей, которыхъ онъ ему подарилъ, и услыхавъ, что онъ находится на императорскомъ конномъ заводѣ, сказалъ, что ему приятѣло было бы, еслибы императоръ Александръ ѣздилъ на нихъ, потому что они напоминали бы ему о прежнемъ ихъ владѣльцѣ.

Когда вновь послѣдовала остановка на охотѣ, императоръ Наполеонъ подошелъ къ Чернышеву, говоря: „Герцогство Варшавское страшно васъ боятся, также какъ боялась Баварія въ 1809 году". Чернышевъ разговаривалъ въ это время съ баварскимъ генераломъ Вреде, который отошелъ въ сторону, услыхавъ эти слова. Наполеонъ продол-

жалъ: „По просьбѣ Полѣковъ, я позволилъ имъ удалить артиллерию отъ пограничныхъ городовъ и вывезти архивы; меня извѣщаютъ, что на границахъ герцогства уже собрано до 150 тысячъ войскъ и постоянно приходятъ новые“. Повторивъ затѣмъ все то же, чѣдь и прежде говорилъ Чернышеву, онъ прибавилъ, однако же, что „по всѣмъ доходящимъ до него свѣдѣніямъ, онъ не могъ открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ нашихъ соглашеній или сношеній съ Англіей, и что это обстоятельство еще даетъ ему надежду достигнуть соглашеній съ Россіею“.

На другой день, герцогъ Фріульскій въ третій разъ посѣтилъ Чернышева, чтобы узнать, по порученію императора, который замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ былъ здоровъ,—не сдѣлала ли ему вреда продолжительнаяѣзда верхомъ на охотѣ, послѣ его труднаго путешествія. При этомъ онъ вновь вступилъ въ переговоры и настаивалъ, чтобы Чернышевъ заявилъ, въ чёмъ заключаются требованія императора Александра, и что, не имѣя ихъ въ виду, императоръ Наполеонъ не можетъ приступить къ переговорамъ. Однимъ словомъ, лаская и ухаживая всѣми способами даже за молодымъ русскимъ офицеромъ и ставя вопросъ о сношеніяхъ съ Россіею въ такое положеніе, что не только новые переговоры не могли подвигаться впередъ къ соглашенію, но даже и начаться, Наполеонъ, очевидно, только желалъ протянуть время. „Вопросъ заключался лишь въ томъ, только, которой изъ двухъ державъ это можетъ быть выгоднѣе“, справедливо замѣтилъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, Чернышевъ, прибавивъ, что при такомъ положеніи дѣлъ „намъ предстояло выбрать одинъ изъ трехъ плановъ дѣйствія: 1) Немедленно и во что бы то ни стало заключить миръ съ Турками, соединить всѣ собранныя нами силы и двинуть ихъ впередъ съ возможной быстротою, чтобы воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что войска Наполеона находятся еще въ дальнемъ разстояніи. Это помогло бы намъ достигнуть важныхъ цѣлей: присоединить къ себѣ силы Пруссіи, поднять духъ народовъ, угнетенныхъ Наполеономъ и втайни сочувствующихъ намъ, и сосредоточить наши военные дѣйствія на кратчайшей линіи, упирающей съ одной стороны въ море, съ другой—на нейтральное государство (то-есть, Австрію). 2) Воспользоваться мыслью Наполеона о переговорахъ, требовать Данцига въ замѣну Ольденбурга, очищенія трехъ прусскихъ крѣпостей и тѣхъ обезпечений въ отношеніи къ Польшѣ, которыхъ онъ самъ вызывается дать. Но эти переговоры склоняются къ вести съ твердостію и не поддаваться задержкамъ и отсроч-

камъ. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ немедленно приступить къ приведенію въ исполненіе первого предположенія. 3) Начать переговоры, казаться даже сговорчивыми, не щадя увѣреній и всевозможныхъ дѣйствій, которыхъ могли бы успокоить Наполеона на нашъ счетъ, согласиться на единовременное обезоруженіе, отодвинуть даже нѣсколько наши войска, однако не слишкомъ ихъ удалая отъ границъ, заставить его направить свои силы на Испанію, и когда тамъ разгорится дѣло, воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать диверсію¹⁾.

Послѣдній проектъ показывалъ, что Чернышевъ хорошо изучилъ политику Наполеона и соѣтовалъ подражать ему: Наполеонъ желалъ мирными увѣреніями успокоить Россію, поджигая въ то же время войну съ Турками и приготовляясь напасть на насъ върасплохъ.

A. Поповъ.

¹⁾ Письмо Чернышева къ императору 9/21 апрѣля 1811 г. изъ Парижа.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Обзоръ германской конституціи.

Отдѣлъ первый.

Овщія начала имперской конституціи.

I.

Необходимость определенія общаго принципа имперской конституціи. — Ораторы учредительного рейхстага и ихъ отношеніе къ теоретическимъ началамъ «соязного государства». — Твествъ и его докладъ о проектѣ конституціи. — Микель объ оригинальности германской конституціи. — Замѣчаніе Зибеля о «реальныхъ» силахъ Германии. — Советъ Финке нѣмецкимъ профессорамъ. — Нѣсколько словъ объ отношеніи теоріи къ практикѣ.

Изученію частностей каждого государственного устройства должно, конечно, предшествовать определеніе его родовыхъ и видовыхъ признаковъ. Только съ определеніемъ общаго принципа извѣстной государственной формы возможна научная конструкція и критика соответствующаго ей конституціоннаго права. Къ какому же классу государствъ относится новая Германия? Какая форма правленія создана конституціями 1866 и 1871 годовъ?

Прислушаемся прежде всего къ ораторамъ учредительного рейхстага 1867 г., имѣвшимъ возможность разсмотрѣть проектъ новой конституціи съ высоты нѣкоторыхъ теоретическихъ началъ, хотя бы для того, чтобы видѣть, насколько въ ней осуществились идеалы, вдохновлявшіе много лѣтъ образованное германское общество. Большинство ораторовъ, препиравшихся теперь о существѣ нового государственного устройства, составило себѣ определенное теоретическое

представление о различныхъ формахъ правлениі; та форма, къ которой нѣмецкіе патроты издавна вели свое отечество, именно союзное государство (Bundesstaat), была ими изучена во всѣхъ подробностяхъ. Можно было ожидать, что нѣмецкій умъ, вообще склонный къ теоретическимъ изслѣдованіямъ, проявится въ полной силѣ въ преніяхъ учредительного рейхстага. Но случилось иначе. Практические вопросы, разборъ частностей, отгѣснили на задній планъ вопросы сколько нибудь отвлеченнаго характера.

Докладчикъ парламентской комиссіи, Твестенъ, едва коснулся общей оценки конституціи, какъ основного закона союзного государства. Онъ замѣтилъ, правда, что проектъ не устанавливаетъ особой, независимой отъ съѧзъ отдѣльныхъ государствъ союзной власти, вѣяния главныхъ функций союзного управления прусскому королю. Но онъ тотчасъ же согласился, что въ Германіи и невозможенъ другой порядокъ вещей¹⁾. Даже въ этомъ видѣ союзная власть съ ея функциями представляется, по его мнѣнію, чѣмъ-то незаконченнымъ, разрозненнымъ²⁾; но это замѣчаніе не получило дальнѣйшаго развитія въ его рѣчи. Другіе ораторы шли еще дальше. Они хотѣли гордиться своеобразными характеромъ новой конституціи, тѣмъ, что ее нельзя подвести подъ какой-нибудь "теоретический" идеалъ.

Та жеnota, конечно, звучала всего сильнѣе въ рѣчи князя Висмарка³⁾. Но и другіе ораторы, въ свое время проявившіеся "теоретической и принципіальной" оппозиціею противъ этого практическаго государственного человѣка, спѣшили отречься отъ излишнаго теоретизированія и стать на почву "реальныхъ отношеній".

"Господа, говорилъ Микель, ходъ развитія германского единства, нами переживаемый, не соответствовалъ всѣмъ духовнымъ идеаламъ, бывшимъ въ ходу въ Германіи. Оказалось, что основаніе, на которомъ могла бы быть построена германская имперія, должно было создать не идеальными средствами нравственного убѣжденія, но могуществен-

¹⁾ Bebold, Materialien, I, 78.

²⁾ Тамъ-же, 81 и слѣд.

³⁾ Тамъ-же, 171. «Es hat nicht unsere Absicht sein knnen, ein theoretisches Ideal einer Bundesverfassung herzustellen, in welcher die Einheit Deutschlands einerseits auf ewig verbrgt werde, auf der anderen Seite jeder particularistischen Regung die freie Bewegung gesichert bleibe. Einen solchen Stein der Weisen, wenn er zu finden ist, zu entdecken, mssen wir der Zukunft berlassen; einer solchen Quadratur des Cirkels um einige Decimalstellen nher zu rcken, ist nicht die Aufgabe der Gegenwart».

нымъ напряженiemъ силъ прусского государства, силою и войною. Многie идеалы оскорблены, многiя надежды посрамлены. Но предложенный проектъ соотвѣтствуетъ основанію, изъ котораго онъ возникъ. Онъ представляется, на первый взглядъ, шероховатымъ и угловатымъ; онъ не удовлетворяетъ ни политическому, ни теоретическому идеалу; онъ не соотвѣтствуетъ историческимъ примѣрамъ: его нельзя сравнивать ни съ американской, ни съ швейцарской конституціею, ни поставить на одну линію съ конституціею имперской; онъ не доставляетъ ни централизованнаѧ государства, ни союза государствъ, ни союзноѧ государства. Проектъ вполнѣ оригиналъ, какъ ново и оригинально политическое положеніе, которое онъ долженъ формулировать. Великіе народы не копируютъ; великие народы въ великихъ обстоятельствахъ всегда самостоятельны. Я отказываюсь, поэтому, заранѣе отъ всякой критики проекта съ точки зрѣнія историческихъ воспоминаній или теоретическихъ идеаловъ. Проектъ — трудъ практическій, и я, съ своей стороны, намѣренъ опѣнить проектъ со стороны его практической годности. Затѣмъ мнѣ все равно, какъ онъ выглядитъ¹. Ораторъ допускалъ, что проектъ не удовлетворяетъ началамъ правильнаго союзного государства. „Со стороны единства, проектъ, во многихъ отношеніяхъ, идетъ дальше идеи имперской конституціи (1849 г.) и правильнаго, теоретически-научнаго союзного государства. Постановленія проекта о единствѣ военному, о флотѣ, о развитіи союза изъ него самого, безъ согласія отдѣльныхъ государствъ, слѣдовательно, допустимость развитія и разширѣнія компетенціи союза союзнымъ путемъ — эти постановленія не могутъ быть согласованы съ правильнымъ, научнымъ союзнымъ государствомъ¹). Тѣмъ не менѣе, я принимаю ихъ съ радостю, потому что они—практическая необходимость и идутъ на встрѣчу настоятельнымъ практическимъ потребностямъ. Съ другой стороны, проектъ оставляетъ отдѣльными государствами, гдѣ практическая необходимость не требуетъ безусловно противнаго, права, который также мало могутъ быть согласованы съ правильной теоріею союзного государства и намекаютъ склонѣ на союзъ государство².

Въ 1870 г., по поводу разсмотрѣнія договоровъ съ южными государствами, Микель говорилъ: „я не забочусь о томъ, что эту конституцію нельзя подвести теоретически и научно подъ опредѣленное

¹) Намекъ на порядокъ редакціи союзной конституціи. См. ниже.

²) Bezzold, I, 106 и слѣд.

юридическое понятие, не забочусь о томъ, что я, какъ это намъ было невозможно и относительно конституціи 1866 г., не могу сказать. есть ли это союзное государство, централизованное государство или союзъ государствъ. Это—*конституція 1866 г.*"¹).

Другой членъ прусской „принципіальной“ оппозиції, ученый историкъ Зибель, высказался въ 1867 г. столь-же рѣзко. Напомнивъ о неудачѣ теоретическихъ проектовъ во Франкфуртѣ и въ Эрфуртѣ, онъ продолжалъ: „настоящій проектъ, если я не ошибаюсь, совершенно оставилъ избитые пути. Предлагаемая намъ схема союзной или имперской власти, есть все что угодно, только не конституціональная монархія; она не есть также союзное государство, согласное съ распространеною теоріей, съ теорію, выработанную въ университетахъ и особенно съ теорію... выработанную въ Гётtingенѣ²), изъ которой нашъ почтенный товарищъ докторъ Цахаріе неутомимо предлагаетъ намъ поправку за поправкой³). Такого союзного государства нѣтъ въ проектѣ, отъ первого до послѣдняго его слово⁴.... „Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Зибель, творцы этого проекта пошли дорогой, прямо противоположной обычному въ Германиѣ пути; они не брали учебника политики и не перенесли изъ него на бумагу основы формального конституціонаго государства.... они выискали въ хаосѣ прежніаго положенія Германіи существующія реальныя силы и стремились, по мѣрѣ въ числу этихъ силъ, создать легальные формы“⁴).

Даже бывшій „Франкфуртецъ“, повинный въ теоретическихъ увлеченияхъ 1848 г., Финке, иронически относился теперь къ научнымъ требованиямъ. Послѣ опроверженія многихъ возраженій оппозиціонныхъ ораторовъ, онъ замѣтилъ: „другія возраженія, дѣлаемыя изъ известныхъ политическихъ учебниковъ, я могъ бы сказать по шаблону—составляемъ ли мы въ дѣйствительности союзное государство, союзъ государствъ, или абсолютное государство, я не буду разбирать; въ нашей средѣ есть довольно профессоровъ, чтобы когда-нибудь основательно изслѣдоватъ этотъ вопросъ и, конечно, для нашего общаго политического просвѣщенія будетъ полезно узнать изъ какой-нибудь распространенной здѣсь газеты, на чёмъ согласились эти гос-

¹) *Bezold*, III, 206 и слѣд.

²) Намекъ на теорію гёттингенскаго профессора Георга Вайца, о которомъ см. ниже.

³) Объ этихъ поправкахъ см. ниже.

⁴) *Bezold*, I, 582 и слѣд.

вода. До тѣхъ порь мы не желаемъ давать себѣ никакого другаго имени, кромѣ носимаго нами теперь; мы хотимъ говорить о Сѣверо-Германскомъ союзѣ, и пусть каждый думаетъ объ этомъ, что онъ хочетъ”¹⁾.

Нельзя не согласиться, что ораторы учредительного рейхстага, выдвигая на первый планъ вопросъ о практической годности проекта союзной конституціи, дѣйствовали вполнѣ разумно. Тонъ рѣчей, произнесенныхъ въ 1867 г., ясно указывалъ на огромный успѣхъ Германіи съ 1848 г. Но новые „практическіе“ люди Германіи, рѣшившись принести въ жертву требованія „теоріи“ злобѣ дня, съ истинною решительностью изгнали изъ дѣла „практики“, умалили чрезъ мѣру значеніе только что оставленной ими теоретической почвы. Слова Микеля, что онъ „съ радостью признаетъ постановленія союзной конституціи, хотя постановленія эти противорѣчать идеѣ правильнаго союзного государства“, сильно напоминаютъ знаменитое „*credo quia absurdum*“. Въ особенности они были не правы относительно идеи союзного государства. Теорія этой формы далеко не принадлежитъ къ числу теорій, добытыхъ путемъ чистаго умозрѣнія. Напротивъ, мы увидимъ ниже, что идея союзного государства, съ точки зрѣнія логическихъ признаковъ государства, нѣкоторый абсурдъ—на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ. Теорія федераціи установлена весьма практическими государственными людьми Сѣверной Америки; она пропагандирована однимъ изъ основательнѣйшихъ наблюдателей, изучавшихъ американскія учрежденія безъ всякой предвзятой мысли—Токвилемъ. Въ ней нѣть ни одной черты, которой бы нельзя было провѣрить на дѣйствующихъ установленіяхъ Америки и Швейцаріи. Конечно, Микель правъ, утверждая, что „великіе народы не копируютъ“²⁾. Но между слѣпымъ подражаніемъ чуждымъ учрежденіямъ и усвоеніемъ общихъ началъ данной формы правленія, выработанной другими народами,—разница значительна. Безъ такихъ общихъ началъ врядъ-ли можно организовать чтѣ-нибудь даже истинно практическое. Теорія, напримѣръ, учить, что правильная конституціональная монархія не мыслится безъ ответственности министровъ и безъ ответственности монарха. Французскій имперіализмъ пренебрѣгъ этимъ

¹⁾) Тамъ же, 298 и слѣд. Ср. также мнѣніе Ласкера, тамъ же, стр. 140, и Брауна, стр. 150 и слѣд. Конечно, дѣло не обошлось безъ сильныхъ возраженій. «Теоретические идеалы», кромѣ Цахаріе, встрѣтили защитниковъ въ лицѣ Вальдека и другихъ.

указаниемъ теоріи, основаннымъ на историческомъ опыте; онъ' былъ дѣйствительно оригинальнымъ явлениемъ,—явлениемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Но Франція, не смотря на конституцію 1852 г., не была государствомъ конституціоннымъ; были ли ея учрежденія практическимъ, это доказать конецъ имперіи.

События 1866 и 1870 гг. создали истинно оригинальное политическое устройство. Микель выразился совершенно справедливо: германское политическое устройство не есть ни союзъ государствъ (Staatenbund), ни союзное государство (Bundesstaat), ни государство централизованное, это—конституція 1871 года. Ироническое замѣчаніе Финке оказалось вѣрнымъ. Германские учёные, съ свойственнымъ имъ трудолюбіемъ, до сихъ поръ препираются „о существѣ“ новаго имперскаго устройства и до сихъ поръ ни одна изъ „распространенныхъ газетъ“ не оповѣстила общества, къ какому соглашенію пришли „эти господы“. Для уразумѣнія смысла этого спора, необходимо остановиться на существѣ теоріи союзного государства.

II.

Теорія союзного государства въ Америкѣ.—Конституція 1781 г. и ея невыгоды.—Ревизія конституціи; задача Гамильтона и его друзей.—Начала конституціи 1787 г.—Национальное и политическое единство.—Права отдельныхъ штатовъ.—Ограничение и раздѣление правъ государственной власти.—Критика американской конституції.—Кальгунъ.—Мотивы и характеръ его оппозиціи.—Теорія «нулификаціи» и ея примѣненіе въ 1860 году.—Разборъ теоріи Кальгуга.—Вебстеръ.—Развитіе теоріи союзного государства въ Германіи до 1848 года.—Теорія Вайца.—Ея источники, содержание и значеніе.

Идея союзного государства не выработана, какъ мы замѣтили, путемъ чистаго умозрѣнія. Ея отчество—Америка; ея отцы—практические государственные люди, замѣнившіе неудовлетворительную конституцію 1781 года нынѣ дѣйствующую конституцію 1787 г. Впослѣдствіи они развили и уяснили свои идеи въ знаменитомъ журнальѣ „Федералистъ“¹⁾). Журналъ этотъ сдѣлался неизсакаемымъ источникомъ новыхъ идей для всѣхъ комментаторовъ американского права. Онъ имѣлъ весьма большое влияніе и на Токвилля. Остановимся на теоріи авторовъ „Федералиста“ и на совершенномъ ими дѣлѣ.

¹⁾ Издавался тремя знаменитыми американскими публицистами: Александромъ Гамильтономъ (1757—1804 г.), Джемсомъ Мадисономъ (1751—1836 г.) и Йау'емъ.

Конституція 1781 года дала штатамъ Сѣверной Америки политическую форму, извѣстную подъ именемъ „союза государствъ“. Каждый изъ штатовъ оставался независимымъ государствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ права верховенства сосредоточивались въ рукахъ мѣстныхъ правительствъ. Только для осуществленія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей, прежде всего для национальной защиты¹⁾), было организовано центральное правительство, если его можно было назвать правительствомъ. Оно не имѣло никакихъ верховныхъ правъ, которыми бы пользовалось самостоятельно. Члены его были простыми уполномоченными отдѣльныхъ штатовъ, подобно членамъ бывшаго Германскаго сейма. Въ его распоряженіи не было ни арміи, ни финансовъ. Постановленія его не были актами законодательной власти, но плодомъ соглашенія отдѣльныхъ правительствъ. Они приводились въ исполненіе чрезъ правительства отдѣльныхъ штатовъ и только чрезъ нихъ получали обязательную силу для гражданъ. Поэтому не было рѣчи объ *американской націи*, въ политическомъ смыслѣ. Союзъ состоялъ изъ народовъ многихъ самостоятельныхъ государствъ и народы эти не имѣли никакого непосредственного отношенія къ центральному правительству и его распоряженіямъ.

Невыгоды такой слабой государственной связи не замедлили обнаружиться какъ только остылъ энтузиазмъ, воодушевлявшій націю во время борьбы за независимость²⁾). Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ союзъ готовъ былъ рушиться; дѣлу Вашингтона и его сподвижниковъ грозила опасность худшая, чѣмъ нашествіе Англичанъ. Тогда небольшой кружокъ друзей Вашингтона, руководимый знаменитымъ публицистомъ Гамильтономъ, рѣшился дать Америкѣ новое и прочное устройство. Агитація ихъ имѣла успѣхъ. Конституція была выработана и прината народомъ, не смотря на все противодѣйствіе партикуляристовъ, въ 1787 г. Подъ ея владычествомъ Сѣверная Америка достигла своего изумительного благосостоянія.

Дѣло Гамильтонна и его друзей заслуживаетъ удивленія тѣмъ болѣе, что созданная ими форма общежитія не имѣла готовыхъ образцовъ. Американскіе штаты не могутъ быть названы федерацію въ смыслѣ прежней нѣмецкой имперіи или старого швейцарскаго

¹⁾ Ср. первую с. статью этой конституціи.

²⁾ Ср. Лабуле, Histoire des Etats-Unis III, стр. 70 и слѣд. «Comme le disait Washington, la confédération n'etait qu'une ombre sans corps et le congrès qu'une assemblée de parade; ses décisions n'avaient aucune portée, et n'étaient pas écoutées».

союза. Конституція 1787 г. не ограничилась установлениемъ прочнаго союза многихъ независимыхъ штатовъ. Она создала *единое американское государство, не нарушая, въ то же время, самостоятельности штатовъ.*

Единство Америки выражается, впервыхъ, въ политическомъ единстве націи. Націа, *какъ цѣлое*, приняла и утвердила конституцію. Это видно изъ начальныхъ ея словъ: „We, the people of the United Staates“, мы, народъ Соединенныхъ штатовъ и т. д.¹⁾). Для всей націи установлено общее право гражданства²⁾). Затѣмъ, организована общая национальная власть, въ своихъ распоряженіяхъ и средствахъ не зависящая отъ правительствъ отдѣльныхъ штатовъ. Она не есть уполномоченный отдѣльныхъ государствъ, котораго распоряженія имѣютъ *договорный* характеръ, то-есть, разсматриваются какъ результатъ соглашения штатовъ. Ея права, законодательныя, административныя и судебнныя, основываются на *конституціи*, принятой американскимъ народомъ. Ея законы и распоряженія обнародуются и вступаютъ въ силу независимо отъ согласія штатовъ; они обязываютъ каждого американского гражданина *непосредственно*, а слѣдовательно, и всю массу гражданъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому штату. Эти признаки: национальное единство, общій основной законъ, центральная независимая власть, достаточно свидѣтельствуютъ о единствѣ Американскаго государства.

Но и федеративное начало обеспечено конституціею 1787 года. Центральная власть пользуется известными державными правами; но права эти ограничены. Ея компетенція составляется изъ предметовъ, прямо изчисленныхъ въ конституції³⁾). Это начало проводить рѣзкую черту различія между государствомъ федеративнымъ и централизованнымъ. Въ послѣднемъ компетенція верховной власти, по идеѣ своей, *неограничена*. Ея законодательству и распоряженію подпадаетъ каждое явление и правоотношеніе, важное съ государственной точки зрѣнія. Сѣверо-американскій конгрессъ долженъ строго держаться въ предѣлахъ, указанныхъ VIII отд. I гл. конституціи. Затѣмъ все права, не переданные конституціонными актами власти центральной, остаются за отдѣльными штатами. Въ этомъ смыслѣ Токвилль справедливо замѣчаетъ, что въ Сѣверной Америкѣ центральное прави-

¹⁾ Введеніе въ конституцію.

²⁾ Гл. IV, отд. II, § 1.

³⁾ Гл. I, отд. VIII.

тельство дѣйствуетъ по исключенію, а правительство отдѣльныхъ штатовъ по общему правилу¹⁾). Каждый штатъ имѣть свою конституцію, начала которой не должны, впрочемъ, противорѣчить конституціи союзной²⁾). Въ предѣлахъ данной конституціи, правительства отдѣльныхъ штатовъ дѣйствуютъ самостоятельно. Въ самомъ центральномъ управлѣніи дано широкое мѣсто федеративному элементу. Законодательная власть союза, конгрессъ, состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты представителей и сената³⁾). Палата представителей есть, по своему составу, органъ всей націи, какъ одного цѣлого⁴⁾). Напротивъ, сенатъ организованъ въ виду обезпечения интересовъ отдѣльныхъ штатовъ⁵⁾.

Первое, что поражаетъ наблюдателя, особенно составившаго свои представленія о государствѣ по европейскимъ понятіямъ, это отсутствие въ Америкѣ верховной власти съ правами неограниченного суверенитета. Права верховной власти раздѣлены тамъ между органами центральной и помѣстной власти, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ называться властію верховною⁶⁾). Центральная власть не имѣть полновластія, такъ какъ ея компетенція ограничивается строго опредѣленными предметами. Мѣстная власть не верховна, такъ какъ изъ ея компетенціи исключено много правъ, перенесенныхъ на центральное правительство.

Затѣмъ, не менѣе удивленія возбуждаетъ и отношение центральной власти къ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ. Съ понятіемъ центральной власти у Европейца связывается представление объ извѣстныхъ іерархическихъ ея преимуществахъ предъ правительствами мѣстными. Онъ ожидаетъ найти въ центральномъ управлѣніи совокупность высшихъ инстанцій, облеченныхъ правомъ управлять всѣми движеніями низшихъ. Ничего подобнаго онъ не найдетъ въ Соединенныхъ штатахъ. Органы государственной власти построены здѣсь на началѣ *раздѣленія правъ верховенства*. Если центральная власть независима въ дѣйствіяхъ своихъ отъ правительствъ мѣстныхъ, послѣднія вполнѣ независимы отъ нея въ пользованіи своими правами.

¹⁾ De la *démocratie en Amérique*, I, 69 (тринадцатое изданіе).

²⁾ Конституція, гл. IV, отд. IV.

³⁾ Тамъ же, гл. I, отд. I.

⁴⁾ Представители избираются въ отдѣльныхъ штатахъ пропорционально вѣкъ народонаселенію. Тамъ же, отд. II.

⁵⁾ Тамъ же, отд. III, § 1.

⁶⁾ Лабуле, III, 406.

Конституція 1787 года создала, . такъ сказать, два параллельныхъ правительства, дѣйствующія самостоятельно каждое въ своей сферѣ¹⁾.

Это удивительное государственное устройство казалось кѣкоторою загадкой, не только въ Европѣ, выросшей на другихъ понятіяхъ, но даже въ Америкѣ, гдѣ оно возникло. Конечно, значительная партія, взрослая подъ вліяніемъ сподвижниковъ Вашингтона, горячо поддерживала унію. Но идея „раздѣленного верховенства“ встрѣтила сильныхъ противниковъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ знаменитый американский публицистъ Калькунъ²⁾. Онъ принадлежалъ къ числу горячихъ защитниковъ полной автономіи отдѣльныхъ штатовъ, при чёмъ дѣятельность его имѣла въ виду цѣли не особенно похвальные. Извѣстно, что уже издавна³⁾ въ средѣ Соединенныхъ Штатовъ произошелъ великий расколъ между сѣверомъ и югомъ, разыгравшійся въ 1860 и слѣдующихъ годахъ. Калькуну пришлось жить въ то время, когда великий кризисъ подготовлялся, хотя медленно, но неизбѣжно. Сѣверное большинство грозило, рано или поздно, путемъ союзной власти, уничтожить институтъ рабства, столь дорогой южному меньшинству⁴⁾. Въ виду этой опасности, Калькунъ подвергъ строгой критикѣ всю теорію „Федералиста“ и общепринятое изложеніе смысла союзной конституції.

Ходъ его аргументаціи довольно простъ и, съ точки зрењія отвлеченной теоріи государства, неопровергнімъ. Государственное верховенство, говорилъ онъ, по идѣи своей недѣлімо и неотчуждаемо. Оно или существуетъ во всей его цѣлости, или уничтожается. Въ каждомъ государствѣ верховенство въ чьихъ-нибудь, но въ однѣхъ рукахъ (одного лица или массы). Кому принадлежитъ верховенство въ Сѣверной Америкѣ? Отдѣльнымъ штатамъ, создавшимъ союзъ и пере-

¹⁾ Х-е дополненіе къ конституції: «права, не делегированные конституцією и не отнятые ею у отдѣльныхъ штатовъ, остаются за посѣдами и за народомъ».

²⁾ John Caldwell Calhoun, грандманъ южной Каролины, родился въ 1782 году, умеръ въ 1850 членомъ американского сената.

³⁾ Краткій, но полный очеркъ этого раскола и развитія Калькунова ученія см. у Генеля (Haenel), *Studien zum deutschen Staatsrechte*.

⁴⁾ Сепаративные стремленія и теоріи южныхъ штатовъ проявлялись по многимъ вопросамъ, независимо отъ вопроса о рабствѣ. Таково знаменитое столкновеніе по тарифному вопросу между протекціонистами юга и фрѣтредѣрами сѣвера (1828 и слѣд. годы). Но, конечно, главной причиной раздора между двумя частями Америки и побудительной причиной полемики Калькуна было дорогое южанамъ рабство негровъ.

несшимъ на центральное правительство известныя ограниченныя права, въ видахъ общей пользы. Чрезъ это не произошло никакого *отчуждения* верховныхъ правъ отдѣльныхъ штатовъ. Верховныя права не отчуждаются; возможно только передать *пользованіе* этими правами, не *jus*, но *exercitium juris*. Отсюда само собою слѣдуетъ, что штатъ и послѣ принятія конституціи 1787 г. остались такими же независимыми государствами, какъ и до того Союзная конституція и союзные законы не суть совокупность нормъ, стоящихъ выше отдѣльныхъ штатовъ. Они суть *часть местныхъ законовъ* каждого штата, свободное согласіе которого дало имъ силу и дѣйствіе въ его предѣлахъ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы союзная власть могла что-либо измѣнить въ политическомъ бытѣ отдѣльного штата, безъ его согласія. Вся конституція основана на *договорѣ* между штатами и остается *договоромъ*, содержаніе которого не можетъ быть измѣнено иначе, какъ по волѣ всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ. Если поэтому союзное правительство предприметъ что-либо не согласное съ выгодами отдѣльного штата, послѣдній можетъ уничтожить (*нульифицировать*) его постановленіе и *выйтти* изъ союза.

Эта теорія „*нульификаціи*“ имѣла большой успѣхъ въ южныхъ штатахъ. Идеи Кальгана дали свой плодъ во время ужасной войны за освобожденіе негровъ. 20-го декабря 1860 г. южная Каролина слѣдующимъ образомъ провозгласила свое отпаденіе отъ союза:

„Распоряженіе о расторженіи унії между штатомъ южной Каролины и другими штатами, соединенными съ нимъ *договоромъ* (сопѣраст), называемымъ *конституцією Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ* (entitled the Constitution of the United States of America).

„Мы, народъ штата Южной Королины, собравшись въ конвентъ, объявляемъ и постановляемъ и симъ объявляется и постановляется, что распоряженіе, принятое нами, собравшимися въ конвентъ¹⁾ 23-го мая въ лѣто Господне 1788, которымъ была ратификована конституція Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а также всѣ акты и части актовъ общаго (законодательнаго) собранія этого штата, заключившія дополненія къ этой конституціи, симъ отмѣняются²⁾, и что унія, существующая теперь между южной Каролиной и другими

¹⁾ Исторію и значеніе конвентовъ, принявшихъ конституцію 1787 г., см. у Лабуде, III, 505 и слѣд.

²⁾ ... ате *hercby repealed*.

штатами, подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, симъ рассторгается¹⁾.

Съ точки зрења „неограниченаго“ верховенства отдѣльныхъ штатовъ, эта и подобныя ей декларациіи вполнѣ законны. Но теорія Кальгуна имѣть только видъ убѣдительности. Не подлежитъ сомнѣнію, что государственное верховенство съ формальной стороны не ограничено²⁾; ограниченная верховная власть не была бы уже верховна. Несомнѣнно также, что права верховенства не отчуждаемы, что законъ можетъ передать другому лицу не *jus*, но только *exegitum juris*. Но весь вопросъ состоять въ томъ, гдѣ въ данномъ государствѣ помѣщается центръ самодержавія?

Для Америки этотъ вопросъ разрѣшается просто: права государственного самодержавія принадлежать американскому народу, какъ политическому цѣлуому. Его державная воля создала унію и дала ей конституцію, поставленную выше воли отдѣльныхъ штатовъ. Она распредѣлила функции государственной власти между центральнымъ и мѣстными правительствами и остается единственнымъ источникомъ ихъ правъ. Вотъ почему, права правительства, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, ограничены, то-есть, прямо опредѣлены конституціями. Каждому правительству предоставляется только *exegitum juris*, въ силу народной delegaciіи. „Суверенитетъ правительства, говорилъ знаменитый противникъ Кальгуна, Вебстеръ³⁾, есть идея, принадлежащая той сторонѣ Атлантическаго океана. Въ Сѣверной Америкѣ она неизвѣстна. Всѣ наши правительства ограничены. Европейскій суверенитетъ—феодальнаго происхожденія и не означаетъ ничего

¹⁾ ..is hereby dissolved.

²⁾ То-есть, что границы государственной власти юридически опредѣляются ею самою.

³⁾ Webster, Daniel, родился въ одинъ годъ съ Кальгуномъ, то-есть, въ 1782; ум. въ 1852. Въ противность ученію Кальгуна, онъ выразилъ существо, американской конституції въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Она есть договоръ, поддерживаемый согласiemъ суверенныхъ штатовъ, и составляетъ государственный законъ, основанный на полѣ всего американского народа, стоящаго въ *непосредственномъ* отношеніи къ союзной власти.

2. Никакое отдѣльное правительство не можетъ уничтожить этого отношенія и отторнуть свой штатъ отъ союза.

3. Что судьюю конституціонности союзныхъ законовъ является не мѣстная законодательная власть штата (какъ училъ Кальгунъ), а союзный судъ.

4. всякая попытка отдѣльного правительства отмѣнить дѣйствіе союзныхъ законовъ въ конституціи въ предѣлахъ штата, есть актъ революціонный.

иаго, кромъ положенія властителя. Онъ объемлетъ его права, доходы, привилегіи и власть.¹⁾ У настъ всякая власть поконится въ народѣ. Народъ одинъ суверенъ; онъ организуетъ свое правительство, какъ ему угодно, и даетъ ему столько власти, сколько желасть. Ни одно изъ этихъ правительствъ не верховно въ европейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ всѣ они ограничены писанными конституціями²⁾.

Американскій народъ, какъ цѣлое, можетъ произвести всѣ измѣненія въ гражданскомъ быту всѣхъ отдѣльныхъ государствъ. Для этого ему стоитъ только занести въ союзную конституцію извѣстное постановленіе, предписывающее или воспрещающее что-либо отдѣльнымъ штатамъ. Конституція 1787 года прямо указываетъ, какимъ путемъ совершаются эти измѣненія. Каждое дополненіе къ конституціи, принятое конгрессомъ и $\frac{2}{3}$ законодательныхъ или учредительныхъ установлений (конвентовъ) въ отдѣльныхъ штатахъ, получаетъ законную силу. Такъ послѣ великой войны 1860 и слѣдующихъ годовъ въ союзную конституцію занесено извѣстное XIII дополненіе, которое гласить: „рабство и недобровольная зависимость не будуть существовать въ Соединенныхъ Штатахъ“.

Если не имѣть постоянно въ виду этого верховнаго начала американской политической жизни, конституція Соединенныхъ Штатовъ остается загадкою. Оно служило путеводною нитью для всѣхъ комментаторовъ американского права, для Кента³⁾, Стори⁴⁾, и для человѣка, впервые познакомившаго какъ слѣдуетъ Европу съ духомъ этихъ учрежденій,—для Токвилла⁵⁾.

Въ Германіи теорія союзного государства имѣетъ свою обширную исторію⁶⁾. Еще во времена священной римской имперіи явились попытки возвести въ теорію эту организацію „государства изъ государствъ“⁷⁾. Но возврѣнія тогдашнихъ ученыхъ, каковы Гуго⁸⁾ и

¹⁾ Ср. также Токвилла, I, 76

²⁾ Авторъ «Комментаріевъ на американскіе законы».

³⁾ Авторъ «Комментаріевъ на америк. конституцію».

⁴⁾ Alexis de Tocqueville, знаменитый авторъ книги «О демократіи въ Америкѣ», род. 1805 г., умеръ въ 1859 г.

⁵⁾ Критическому изложению этой исторіи посвящена первая часть почтеннаго труда г. Бри (Brie) «Der Bundesstaat».

⁶⁾ Навъ, соч., стр. 26.

⁷⁾ Ludolf Hugo, авторъ «Disseratio de statu regionum Germaniae etc. 1661 г.» По мнѣнію Бри, онъ первый ввелъ въ науку идею сложнаго государства. Назв. соч. стр. 17.

Іог. Пюттеръ¹⁾), рѣзко отличались отъ идей „Федералиста“ Теорія ихъ была гораздо проще, какъ и самое устройство имперіи. Германскія имперія, по ихъ учению, составляла единое государство, составленное, однако, изъ многихъ независимыхъ государствъ. Послѣдня, оставаясь независимыми въ дѣлѣ внутренняго управлениія, подчинены, относительно нѣкоторыхъ общихъ цѣлей, высшей власти центральнаго правительства. Оно есть какъ бы правительство надъ правительствами²⁾. Въ такомъ учениіи неѣтъ ни одной черты, напоминающей начала, развитыя Гамильтономъ. Его нельзя назвать даже теоріе союзного государства,—оно имѣло въ виду главнымъ образомъ систематизацію положительнаго германскаго права.

Попытки создать действительную теорію союзного государства явились подъ вліяніемъ оппозиціи германскому союзному устройству 1815 года. Послѣднее наглдно и постоянно указывало, чего недостаетъ Германии, чтобы быть организованою нацією. Съ другой стороны, идеи американскихъ публицистовъ, сочиненіе Токвилля, политическое движение въ Швейцаріи, вліали на образование положительнаю идеала нѣмецкихъ патріотовъ. Время отъ 1830 до 1848 г. было особенно богато изслѣдованіями этого рода³⁾. Наконецъ, въ 1853 г., известный ученый Вайцъ⁴⁾ издалъ свой трудъ „Существо союзного государства“ (Das Wesen des Bundesstaats), перепечатанное въ его „Основаніяхъ Политики“.

Теорія Вайца можетъ быть рассматриваема какъ систематической итогъ всѣхъ идей о союзномъ государствѣ, бывшихъ до того времени въ ходу во всей Германиі. Вліяніе ея было чрезвычайно велико. Для настъ она важна именно какъ теоретический идеаль, съ точки зреінія которого оцѣнивалось всякое движение къ единству Германи. Основныя ея черты состоять въ слѣдующемъ.

Въ союзномъ государствахъ мы замѣчаемъ два порядка государства:
а) государство всеобщее, обнимающее въ извѣстныхъ отношеніяхъ

¹⁾ Johann Stephan Pütter, знаменитый нѣмецкій государствовѣдъ XVIII ст. Род. въ 1725, умеръ въ 1807 г. Сочиненія его: «Elementa juris publici Germanici» (1754 г.), «Institutiones J. P. Germanici» (1770 г.), «Beiträge zum Deutschen Staats- und Fürstenrechte» (1777 г.) и друг.

²⁾ Извѣстие Пюттера.

³⁾ Таковы сочиненія Фридриха Гагерна, Пенцера, Велькера и др.

⁴⁾ Georg Waitz (не должно смѣшивать съ философомъ-антропологомъ Теодоромъ Вайцомъ) род. въ 1813 г. Извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими историческими трудами (напр. Deutsche Verfassungsgeschichte, 4 т.). Его «Начала политики», Grundzüge der Politik, вышли въ 1862 г.

всю націю; б) совокупность отдѣльныхъ государствъ, объемлющихъ лишь части этой націи и независимыхъ въ своей сферѣ. Слѣдовательно, раздѣльное осуществленіе государственныхъ цѣлей, а потому раздѣленіе правъ верховенства, есть первый существенный признакъ этой политической формы. Какъ цѣлое, такъ и отдѣльные государства одинаково построены на национальномъ основаніи; каждое изъ нихъ имѣетъ дѣло непосредственно съ массою гражданъ по всѣмъ зависящимъ отъ него вопросамъ. Непосредственное отношеніе центрального правительства къ массѣ народа населенія—второй характеристический признакъ союзного государства. Для полной раздѣльности центрального и мѣстнаго управления въ союзѣ, первое должно обладать всѣми средствами самостоятельного управления. Оно должно имѣть особую организацію, особыя средства и способы дѣятельности.

Въ союзномъ государствѣ должны быть отдѣльныя: правительство, народное представительство и судъ. Правительство, составленное изъ уполномоченныхъ, посланныхъ отдѣльными государствами, противорѣчить идеѣ этой политической формы. Рядомъ съ правительствомъ должно существовать союзное народное представительство. Союзный парламентъ не можетъ быть составленъ изъ делегатовъ отъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній. Онъ долженъ представлять собою всю націю въ ея непосредственныхъ отношеніяхъ къ центральному правительству, слѣдовательно, его члены должны быть избираемы всѣмъ народа населеніемъ. Конечно, интересы отдѣльныхъ государствъ должны быть обеспечены въ самомъ центральномъ представительствѣ. Только этимъ путемъ могутъ быть устраниены пререканія между центральною и мѣстными властями. Поэтому Вайцъ, имѣя въ виду американскую и швейцарскую конституціи, требуетъ двухъ палатъ для союзного представительства; рядомъ съ рейхстагомъ (палатою депутатовъ), представляющимъ націю какъ цѣлое, онъ предлагаетъ учрежденіе „палаты государствъ“, Staatenhaus. Наконецъ, правильная организація союзного государства предполагаетъ существованіе особаго союзного суда.

Имѣя свои задачи, центральная власть должна имѣть и всѣ средства для ихъ самостоятельного осуществленія, то-есть, свои правительственные органы и свой бюджетъ. Законы и распоряженія ея не будутъ имѣть практической силы, если приведеніе ихъ въ дѣйствие будетъ предоставлено отдѣльнымъ государствамъ; правительства послѣднихъ также будутъ низведены на степень служебныхъ органовъ высшей власти, чтѣ не согласно ни съ ихъ независимостью, ни съ

идею союзного государства. То же самое должно сказать и относительно финансовыхъ средствъ союзного правительства. Оно должно имѣть особыя средства содержанія, устанавляемыя союзнымъ закономъ, свой бюджетъ, свою финансовую администрацію и т. д.

Таковы, въ общихъ чертахъ, идеи Вайца, выработанные имъ, какъ это легко видѣть, путемъ основательнаго изученія существующихъ формъ союзного государства. Нельзя, конечно, не принять въ разчетъ, что никакая „идея государства“ не можетъ быть проведена на практикѣ во всей ея чистотѣ, особенно же идея союзного государства, выработанная демократіями Америки и Швейцаріи. Монархическая Германия, очевидно, не могла создать „союза“, организованного Вашингтонами и Гамильтонами. Тѣмъ не менѣе Германия объявляетъ себя союзнымъ государствомъ и хочетъ имъ быть. Нынѣ действующая конституція создана въ прямую противоположность, такъ сказать, въ укоръ конституціи 1815 г. Вотъ почему наука обязана исследовать это устройство съ точки зрѣнія основныхъ началь той формы, которая, какъ утверждаютъ, примѣнена къ Германии въ 1867 и 1871 гг.

III.

Мнѣніе комментаторовъ конституціи о субъектѣ союзной власти.—«Идеальная личность публичного права», Рённе.—Мнѣніе Зейделя, Мартица и другихъ.—Примирительное мнѣніе Моля.—Взглядъ ученыхъ на общий характеръ имперіи.—Догматические тезисы Тудихума, Рённе и Ауэрбаха.—Критические доводы Вестеркампа и Моля.—Теорія Зейделя.—Значеніе подобнаго разнообразія мнѣній.—Слова Бри.—Заключеніе.

Прежде всего послушаемъ корифеевъ современной государственной науки въ Германии. Всѣ они почти или усвоили, въ свое время, теорію Вайца или внесли въ нее каплю своего меда. Всѣ они, во всякомъ случаѣ, рассматриваютъ современное государственное устройство съ точки зрѣнія теоретическихъ началь союзного государства.

Одинъ изъ главныхъ комментаторовъ германского государственного права, Рённе¹), высказываетъ по этому поводу чрезвычайно решительно²).

„Союзъ, составляющій имперію, говорить онъ, имѣть самостоятельную, отличную отъ совокупности членовъ союза союзную власть, которой субъектомъ или юридическимъ обладателемъ являются не

¹⁾ Извѣстный авторъ «Государственного права прусской монархіи».

²⁾ «Das Verfassungsrecht des Deutschen Reiches», стр. 29.

германскія государства въ договорной общности, но отличная отъ нихъ, самостоятельная идеальная личность (*ideale Persönlichkeit*) публичного права, именно самъ союзъ, какъ особая политическая личность, слѣдовательно, не простая совокупность союзныхъ единичныхъ суверенитетовъ¹⁾ (*Einzel-Souverainetäten*). Подобное же мнѣніе высказывается и Герберъ²⁾.

„Идеальная личность публичного права“³⁾, выставляемая Рѣнне въ качествѣ субъекта союзной власти, подверглась строгой и, нужно сказать, вполнѣ заслуженной критикѣ талантливаго публициста Зейделя²⁾, который, впрочемъ, самъ впадаетъ въ противоположную крайность. Принимая вполнѣ теорію Кальгуна³⁾, Зейдель старается доказать, что субъектомъ верховной власти въ имперіи является совокупность союзныхъ правительствъ, нисколько не ограниченныхъ въ своемъ верховенствѣ даже съ 1866 г. Не соглашаясь съ крайними выводами автора (о которыхъ будетъ сказано ниже), нельзя не признать, что „идеальная личность“, придуманная Рѣнне, не выдерживаетъ критики. Между тѣмъ, подобная фикція совершенно необходима для писателей, стремящихся доказать, что современное имперское устройство удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованиямъ теоріи союзного государства, и что ни одно изъ „оригинальныхъ“ постановлений конституціи 1871 г. нисколько не противорѣчить началамъ, установленнымъ „Федералистомъ“.

Въ виду такого стремленія, конечно, необходимо найти „самостоятельный и вполнѣ отличный отъ прочихъ государствъ субъектъ союзной власти“. Но воззрѣнія Рѣнне и Гербера раздѣляются далеко не всѣми публицистами. Многіе ученые, изслѣдовавшіе еще конституцію 1866 г., дававшую менѣе простора федеративному началу сравнительно съ конституціею 1871 г., видѣли субъектъ союзной власти не тамъ, гдѣ усматриваетъ его Рѣнне. Исходя изъ того положенія, что сѣверо-германскій союзъ былъ созданъ договоромъ многихъ самостоятельныхъ государствъ и что его конституція остается договоромъ, они признали субъектомъ власти союзныхъ правительства. Конституція признала и гарантировала верховенство и территориальную цѣлость отдѣльныхъ государствъ. Центральная власть дѣйствуетъ по delegacij союзныхъ правительствъ и имѣетъ свое юридическое

¹⁾ Grundzüge eines Systems des Deutschen Staatsrechts, 237 и слѣд.

²⁾ Zeitschrift für die ges. St.-Wiss. 2 и 3 тетрадь, 1872 г., 229 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 198.

основание въ верховенствѣ этихъ отдельныхъ членовъ союза. Таково мнѣніе Мартица¹⁾ и Г. Мейера²⁾.

Р. Моль³⁾ думаетъ примирить эти противоположныя воззрѣнія. И то, и другое мнѣніе, говорить онъ, несправедливо. Сторонники втораго мнѣнія (Мартицъ и Мейеръ) права въ томъ отношеніи, что туманныя понятія (объ „идеальной личности“) не ведутъ ни къ чему и что изъ нихъ нельзя вывести никакихъ правъ и обязанностей. Но изъ этого, продолжаетъ Моль, никакъ не слѣдуетъ, что необходимы физическій носителемъ имперской власти суть союзный правительства. Истина очевидна. Конституція указываетъ на трехъ носителей имперской власти: 1) наследственнаго императора; 2) союзный совѣтъ, составленный изъ уполномоченныхъ отдельныхъ государствъ, и 3) рейхстагъ, какъ представителя цѣлаго народа. На каждую изъ этихъ единичныхъ или собирательныхъ личностей *перенесены* известныя функции имперской власти, отчасти для самостоятельнаго осуществлѣнія, отчасти для совмѣстнаго съ одною или двумя прочими. *Ихъ совокупная дѣятельность образуетъ имперскую власть*, и каждой, по мѣрѣ ея участія, соответствуютъ известныя права и обязанности. Подобная организація сложнѣе организаций, возможной въ централизованномъ государствѣ, но она не содержитъ никакого противорѣчія и возникаетъ изъ реальныхъ отношеній. Предложенный вопросъ разрѣшается, слѣдовательно, просто и не требуетъ никакой тонкой юридической конструкціи. Скорѣе она можетъ только ввести въ заблужденіе.

Не трудно замѣтить, однако, что аргументація Моля построена на нѣкоторой *petitio principii*. Вопросъ, предложенный ученою литературую, состоитъ въ томъ, где должно искать источника имперской власти, а не въ томъ, кому вѣрено ея осуществленіе. Самъ Моль говоритъ, что на императора, союзный совѣтъ и рейхстагъ *перенесены* нѣкоторыя права; слѣдовательно, они не суть самостоятельные субъекты власти, въ смыслѣ ея первоначальнаго источника. Какъ ни слаба философія, предложенная Рѣнне, но она болѣе удовлетворяетъ требованиямъ „юридической конструкціи“, неожиданнымъ противникомъ которой сдѣлся ветеранъ государственныхъ наукъ. При такой

¹⁾ Von Martitz, «Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes», стр. 41.

²⁾ G. Meyer, Grundzüge des norddeutschen Bundesrechts.

³⁾ Das Deutsche Reichsstaatsrecht, стр. 49 и слѣд.

аргументациі вопросъ о юридическомъ характерѣ Германской имперіи остается нераарѣшенніемъ. Моль какъ будто принимаетъ безпрекословно извѣстное намъ мнѣніе Микеля.

Такъ шатко поставленъ въ нѣмецкой литературѣ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ государственного права, именно вопросъ о субъектѣ имперской власти. Нѣть ничего удивительного, если относительно общаго характера имперскаго устройства господствуетъ значительное разногласіе.

Большинство изслѣдователей стремится доказать, что Гермапія, въ настоящее время, составляетъ истинное союзное государство. Нѣкоторые заявляютъ это мнѣніе догматически, безъ предварительной критики началъ конституціи; у другихъ подобное убѣжденіе является какъ бы результатомъ предварительного и добросовѣстнаго изслѣдованія.

Тудиумъ, авторъ капитального труда о сѣверо-германскомъ союзѣ, опредѣлялъ его какъ „государство, состоящее изъ 19 монархій и 3 республикъ и управляемое *самостоятельную союзною властью*“. Это „союзное государство“, продолжаетъ онъ, создано путемъ соглашенія между правительствами отдельныхъ государствъ и учредительнымъ общегерманскимъ рейхстагомъ. Они дали союзу конституцію, въ смыслѣ общегосударственного закона (а не договора) и самостоятельную, независимую отъ прочихъ государствъ Германіи, союзную власть. Изъ существованія такой власти слѣдуетъ, что въ предѣлахъ союза не имѣется суверенныхъ, но только полусуверенныхъ государствъ¹⁾. Въ цѣломъ союзъ принадлежитъ къ разряду союзныхъ государствъ, хотя въ частностяхъ онъ напоминаетъ, съ одной стороны, союзъ государствъ, съ другой—централизованное государство. Подобное же мнѣніе высказываютъ Ауэрбахъ²⁾ и Рѣнне³⁾.

Другимъ путемъ идетъ Вестеркампъ, авторъ талантливаго труда „Объ имперской конституції“ (Ueber die Reichsverfassung). Вестеркампъ принадлежитъ къ числу горячихъ приверженцевъ творенія князя Бисмарка. „Имперская конституція, говорятъ онъ, есть *лучшая, свободнѣйшая и народнѣйшая* изъ всѣхъ конституцій, какими только Германія или ея отдельные государства пользовались въ теченіе мно-

¹⁾ Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes, стр. 51—53.

²⁾ Das Neue Deutsche Reich, 88 и слѣд.

³⁾ Назв. соч. стр. 31 и слѣд.

гихъ столѣтій¹⁾). Затѣмъ авторъ всѣми силами старается доказать принадлежность Германской имперіи къ разряду „союзныхъ государствъ“. Но онъ не довольствуется догматическимъ заявлениемъ этого мнѣнія. Въ главѣ, посвященной изслѣдованію „существа имперской конституції“²⁾, онъ останавливается подробно на общихъ юридическихъ началахъ.

Составляетъ ли Германская имперія государство, цѣлость котораго не можетъ быть расторгнута произволомъ отдѣльныхъ правительствъ? Является ли германская конституція дѣйствительнымъ основнымъ закономъ для всей страны и основаніемъ всѣхъ правъ имперской власти, или она есть только договоръ между государствами, сохранившими полную свою независимость даже послѣ его заключенія? Вестеркампъ справедливо указываетъ на важность этихъ вопросовъ, въ виду событий въ сѣверной Америкѣ, гдѣ теорія Кальгуна имѣла такой печальный успѣхъ³⁾. Решеніе ихъ зависитъ отъ уясненія существа имперской конституціи и основанной на ней власти. Определеніе же этого понятія вытекаетъ 1) изъ происхожденія и 2) изъ содержанія конституціи⁴⁾.

Имперская конституція, въ общихъ своихъ началахъ, есть конституція сѣверо-германского союза⁵⁾; поэтому происхожденіемъ послѣдней опредѣляется и существо первой. Авторъ соглашается вполнѣ, что происхожденіе сѣверо-германской конституціи — чисто договорное. Но какими контрагентами заключенъ этотъ договоръ? Этими сторонами являются: 1) правительства отдѣльныхъ государствъ⁶⁾; 2) мѣстные ландтаги, давшіе свое согласіе на принятіе договора, и 3) весь сѣверо-германскій народъ, въ лицѣ избранного имъ учредительнаго рейхстага. Въ этомъ отношеніи, замѣчаетъ Вестеркампъ, сила германской конституціи была обеспечена больше, чѣмъ сила конституціи американской, гдѣ народъ, *in corpore*, не утверждалъ своего основнаго закона⁷⁾.

¹⁾ Über die Reichsverfassung, введеніе, стр. 1.

²⁾ Стр. 15 и слѣд.

³⁾ Стр. 17 и слѣд.

⁴⁾ Стр. 19.

⁵⁾ Стр. 20.

⁶⁾ Это подтверждается и введеніемъ въ конституцію.

⁷⁾ Американская конституція дѣйствительно прината конвентами отдѣльныхъ штатовъ, но это никакъ не говоритъ противъ единства американского народа.

Принятие въ союзъ южныхъ государствъ совершилось на основаніи 79. ст. конституціи и имперское устройство не видоизмѣнило существа прежняго союза¹⁾.

Содержаніе конституціи также, по мнѣнію автора, опредѣляетъ характеръ союза. Во введеніи къ конституціи сказано, что договаривающіеся государи и вольные города „заключаютъ вѣчный союзъ, для защиты союзной территории и дѣйствующаго въ ней права, равно какъ для попеченія о благосостояніи германскаго народа“. Ради этихъ цѣлей, конституція учредила союзное правительство, въ составѣ котораго имѣются: а) законодательная власть, б) власть исполнительная и в) по крайней мѣрѣ въ зародыши, власть судебнай. Имперскій союзъ имѣеть, слѣдовательно, всѣ органы государства. Онъ признанъ всѣми государствами европейскаго международного союза. Поэтому онъ не только „международный договоръ“, но самъ есть независимое, суверенное государство, съ своею конституціею, съ своими органами и правами, принадлежащими, по началамъ международного права, сувереннымъ государствамъ²⁾.

Въ итогѣ оказывается, что въ союзной конституціи и въ основаніи ею правительства смыщаны национальныи и федеративныи начала, что и соответствуетъ существу союзного государства³⁾. По своему происхожденію конституція и правительство союза преимущественно федеративны. Такой характеръ носить основавшіе союзъ договоры между правительствами и ратификація ихъ мѣстными ландтагами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ согласіи учредительнаго рейхстага проявился и национальный элементъ. Органы союзной власти, по своему составу, отчасти федеративны, отчасти национальны. Союзный совѣтъ „федеративенъ“, рейхстагъ националенъ. Имперская власть национальна, въ томъ смыслѣ, что ея права основаны на имперской конституції, и федеративна въ томъ смыслѣ, что она предоставлена королю одного изъ отдѣльныхъ государствъ⁴⁾.

¹⁾ Это не вѣрно. Южныи государства, какъ мы видѣли, вступили въ союзъ союза на основаніи особыхъ договоровъ и «существо» прежней конституціи породочно измѣнено въ ихъ пользу.

²⁾ Стр. 23.

³⁾ Стр. 24 и слѣд.

⁴⁾ Эта двойственность „президіума“ и составляется одно изъ рѣзкихъ отличий имперіи отъ „союзного государства“, проповѣданаго дѣятелемъ 1848 года. Центральная власть, въ теоретически правильномъ союзномъ государствѣ должна быть независима отъ всякихъ отдѣльныхъ правительствъ.

По объему своихъ правъ имперское правительство федеративно, такъ какъ его компетенція ограничена извѣстнымъ кругомъ дѣлъ, изчисленныхъ въ конституції, остальная же функции власти остались за отдельными правительствами¹⁾.

По дѣйствию своему союзная власть и конституція национальны. Конституція и распоряженія правительства действуютъ непосредственно на всю массу гражданъ и на каждого въ отдельности.

Порядокъ изменения конституціи федеративенъ въ силу *veto*, предоставленного 14 голосамъ въ союзномъ совѣтѣ.

Къ такимъ же результатамъ приходитъ и Моль. Конечно, онъ, съ самаго начала своего труда, заявляетъ, что при обсужденіи началъ имперской конституції, должно исходить не изъ теоретическихъ представлений, а изъ реальныхъ отношений²⁾. Но, не смотря на всѣ отклоненія германской имперіи отъ теоретического идеала союзного государства, она относится именно къ этому политическому типу³⁾. „Вопросъ“, говорить онъ, „сводится къ тому, принадлежитъ ли еще государствамъ и ихъ правительствамъ, входящимъ въ составъ имперіи, полная независимость и самостоятельность въ международномъ и государственномъ отношеніи?“ На этотъ вопросъ, по его мнѣнію, должно отвѣтить *отрицательно*. Въ международномъ отношеніи конституція создала, конечно, довольно сложное положеніе. Съ одной стороны признается, что императоръ представляетъ Германію во всѣхъ государствахъ; съ другой—право посольствъ и заключенія договоровъ не отнато и у отдельныхъ государствъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что верховенство послѣднихъ ограничено, и ограничено по существеннѣйшимъ пунктамъ. По внутреннему управлению постановленія конституціи гораздо рѣшительнѣе. Компетенція имперской власти простирается на множество важныхъ предметовъ; она самостоятельно издаетъ по этимъ предметамъ законы и распоряженія; они приводятся въ дѣйствіе органами, зависящими прямо отъ нея. Конституція создала общее право осѣдлости; изменения въ конституціи, следовательно, распространение компетенціи имперской власти, производится путемъ имперского законодательства, хотя съ цѣкоторыми ограничительными условіями. Императоръ открываетъ, отсрочиваетъ

¹⁾ Это также не вѣрно, въ виду существованія права имперской власти самостоятельно разширять свою компетенцію. См. ниже.

²⁾ Назв. соч. стр. 2 и слѣд.

³⁾ Стр. 27 и слѣд.

и распускаетъ какъ союзный совѣтъ, такъ и рейхстагъ. Военная сила Германіи во время какъ войны, такъ и мира, состоить подъ его начальствомъ; она приносить ему присягу. Въ виду такихъ правъ, говорить Моль, какъ будто противно здравому смыслу толковать о полномъ верховенствѣ отдѣльныхъ государствъ. Съ другой стороны, послѣднія принимаютъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ въ союзномъ совѣтѣ, участіе въ имперскихъ дѣлахъ. Но заключеніе союзного совѣта не есть международный договоръ между независимыми государствами, а постановлѣніе *государственнаго установления*, принятое большинствомъ голосовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, заключаетъ Моль, что мы имѣемъ дѣло съ *раздѣленіемъ верховенствомъ*, равно какъ съ государственными властями и правительственный установлѣніемъ, организованными для общихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что имперія, въ общихъ чертахъ и независимо отъ привилегій, данныхыхъ нѣкоторымъ ея членамъ, есть союзное государство, а не союзъ государствъ.

Баварскій публицистъ Зейдель¹⁾ смыло заявилъ мнѣніе, „противное, по словамъ Моля, здравому смыслу“. Именно, онъ доказываетъ, что Германія, даже послѣ событий 1866—1871 гг., осталась „союзомъ государствъ“, вполнѣ самостоятельныхъ. Аргументація автора любопытна въ томъ отношеніи, что онъ отрицає существованіе союзного государства не только въ современной Германіи, но и *вообще*. Вотъ какъ онъ формулируетъ тему своего критического труда: „всѣ государственные формы, которыя думаютъ обозначить именемъ союзного государства, суть или простыя государства, или союзы государствъ“²⁾). Въ основаніи этой формулы лежитъ аргументація Кальгунна, споръ котораго съ Вебстеромъ Зейдель думаетъ перенести на германскую почву³⁾). Государство, говоритъ Зейдель вмѣстѣ съ Кальгуномъ, есть верховный и независимый организмъ. Верховенство не дѣлимо и не отчуждаемо. Во всякомъ государствѣ оно сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Разбирая затѣмъ политическое устройство Сѣверной Америки, Швейцаріи и Германіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ права верховенства принадлежать здѣсь отдѣльнымъ

¹⁾ *Zeitschrift für gesammte Staatswissenschaft*, 2 и 3 тетр. за 1872 г., стр. 1872 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 208 и слѣд.

³⁾ О полномъ тождествѣ своихъ мнѣній съ ученіемъ Кальгунна заявляетъ самъ авторъ, стр. 198.

государствамъ, передавшимъ союзному правительству лишь *exercitium juris*.

Къ прямо противоположнымъ выводамъ приходитъ известный учёный Гельдъ¹⁾), хотя въ сущности онъ стоитъ на одной почвѣ съ Зейделемъ. Подобно послѣднему, онъ отрицааетъ возможность раздѣленія верховенства. Оно едино и требуетъ единаго субъекта. Но конечный результатъ его изслѣдованій говоритъ противъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ Германіи. Германская имперія создана, говорить онъ, рядомъ договоровъ; но договоры эти организовали дѣятельное государство и дали ему конституцію. Поэтому, центромъ государственного верховенства является теперь союзное правительство; отдѣльные державы стали въ зависимое положеніе и перестали быть государствами. Конечно, по словамъ самого Гельда, мелкія права, оставшіяся еще за отдѣльными государствами и отсутствіе многихъ правъ въ компетенціи имперской власти, свидѣтельствуютъ противъ исключительного верховенства послѣдней. Но это, по мнѣнію автора, нисколько не противорѣчить его теоріи; это свидѣтельствуетъ только о томъ, что принципъ, выразившійся въ имперской конституції, не доведенъ до конца, что имперія—еще не готовое государство. Посему емъ устройство не поддается строгимъ юридическимъ опредѣленіямъ. Но таково свойство всѣхъ составныхъ государствъ, особенно комбинацій, называемыхъ союзными государствами. Ихъ нельзя назвать правильной, съ юридической точки зренія, формою; они суть формы *переходныя* отъ разъединенія къ единству, или наоборотъ²⁾). Строгія начала правильнаго государственного устройства не примѣняются къ этимъ колеблющимъ, переходнымъ формамъ, соответствующимъ переходнымъ же моментамъ национального развитія.

Таково разнообразіе мнѣній о новой германской конституції. Оно свидѣтельствуетъ не только о томъ, что имперское устройство въ

¹⁾ Йосинъ Гельдъ, вюрцбургскій профессоръ, авторъ многочисленныхъ, но не знаменитыхъ трудовъ, каковы: *Staat und Gesellschaft* (три тома), *System des Verfassungsrechts der monarchischen Staaten Deutschlands*, etc.; *Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts, oder Institutionen des öffentlichen Rechts*. Новой имперской конституціи посвященъ его трудъ: *Die Verfassung des Deutschen Reiches vom staatsrechtlichen Standpunkt aus betrachtet*. Leipzig, 1872. Должно замѣтить, что взгляды, изложенные имъ въ этомъ трудѣ, не согласны съ возврѣніями, проповѣденными въ предыдущихъ сочиненіяхъ.

²⁾ То же мнѣніе высказывается и Ауэрбахъ въ назв. соч.

значительной степени отклоняется отъ „теоретического идеала“, но и о томъ, что возврѣнія ученыхъ на сущность союзного государства поколеблены. Хотя большинство „профессоровъ“ и подводить новую имперію подъ понятіе союзного государства, но, не смотря на это, или, лучше сказать, *по этому самому* многіе изъ нихъ видоизмѣнили свой взглядъ на эту политическую форму. Многое изъ того, что прежде считалось „не совмѣстимымъ“ съ идею федераціи, теперь совмѣщается и одобряется, какъ „необходимый результатъ реальныхъ отношений“. Это отношение „науки къ практикѣ“ вѣрно опредѣлить г. Бри¹⁾:

„Подобно тому, говорить онъ, какъ прежнія преобразованія обще-германской конституції, со времени вестфальского мира, существенно вліяли на возникновеніе и развитіе ученія о союзномъ государствѣ, такъ въ особенности великое национальное преобразованіе, начавшееся въ 1866 и законченное въ 1871 г., должно было имѣть руководственное вліяніе на теорію союзного государства. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣдніе годы именно новое обще-германское устройство вызвало новый преобразовательный процессъ въ теоретическихъ возврѣніяхъ на союзное государство. Конечно, этотъ процессъ не привелъ еще къ твердому положительному результату, онъ еще носить характеръ броженія и даже, *по нѣкоторымъ признакамъ, можетъ бы быть рассматриваемъ какъ процессъ разложения*“.

Нельзя не замѣтить, что Бри выдаетъ далеко не лестный атtestатъ своимъ ученымъ соотечественникамъ. Положительное государственное устройство всегда имѣло и должно имѣть вліяніе на теорію,—вліяніе положительное или отрицательное. Подъ вліяніемъ иныхъ конституцій создавались положительные теоріи, идеалы политической жизни. Таковы конституціи англійская, американская. Критика недостатковъ другихъ наводила на положительные требованія тѣхъ или другихъ преобразованій,—таково германское устройство 1815 г. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отреченіемъ отъ многолѣтней, прочно усвоенной теоріи, съ „процессомъ броженія“, даже „разложениемъ“. Чѣмъ вызвалъ этотъ процессъ? Военными ли успѣхами нового союза, чувствомъ ли, заставившимъ Микеля воскликнуть, что „великія націи не копируютъ, но вѣчно оригиналны“, желаніемъ ли успокоиться на какомъ-нибудь положительномъ *фактѣ*, послѣ многолѣтней погони за отвлеченными идеалами? Повидимому, всѣ эти причины вліяли на

¹⁾ Назв. соч., стр. 155.

современное „брожение“. Замечательное и поучительное явление! Приятно утверждать, что брожение понятий, разномысле, есть пагубный результат излишне-теоретического направления умовъ, пренебрежения къ „фактамъ“ и „реальнымъ потребностямъ“. Современная Германия учить настъ другому. Здѣсь „брожение“ есть прямое послѣдствіе поклоненія совершившемуся факту, поклоненія самодовольного, радующагося устами Микеля, что „многіе идеалы оскорблены и многія надежды посрамлены“. Что выйдетъ изъ этого броженія — угадать трудно. Но постороннему наблюдателю остается пока изучать имперскую конституцію такъ, какъ она сложилась, подъ вліяніемъ „реальныхъ отношеній“.

IV.

Основные факты германской политической жизни. — Характеръ германского конституционализма.—Значеніе монархического принципа въ Германии и его послѣдствія.—Различіе въ степени могущества отдѣльныхъ государствъ въ его вліяніе на имперское устройство. — Слова Зибеля. — Вліяніе специальнѣ прусскихъ интересовъ.—Слова К. Франца.—Практическое достоинство германской конституціи.—Слова Бисмарка и его министровъ.—Отсутствие шахитпіт'a имперской компетенціи.—Поправка Цахаріе и ея неудача.—Значеніе 78-й ст. конституціи.—Ея происхожденіе и смыслъ.—Микель.—Ласкеровское предложеніе 1869 года.—Борьба въ рейхстагѣ.—Вагнеръ и Вандгорстъ.—Возраженія Ласкера.—Содержаніе имперской компетенціи и ея отношеніе къ правамъ отдѣльныхъ государствъ. — Совѣтная компетенція, ея значеніе и послѣдствія.—Значеніе имперской конституціи съ точки зрѣнія конституціонаго права.—**Заключеніе.** — Обзоръ содержанія имперской конституціи.

Постараемся опредѣлить въ немногихъ словахъ основные факты германской политической жизни, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось новое союзное устройство. Ихъ немного и они доступны самому поверхности наблюденію.

1) Германия есть, по преимуществу, страна *откроющихсяъ конституцій*. Не смотря на всѣ революціонныя бури 1830 — 1848 г., ни въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ парламентаризмъ не былъ основанъ на принципѣ народнаго верховенства, никогда не поколебалъ онъ твердаго, основанаго на божественномъ правѣ, монархического начальства. Наредное представительство никогда не получило значенія первенствующаго элемента государственной власти; оно призвано къ участію въ законодательствѣ, въ предѣлахъ, указанныхъ пожалованной отъ королевской власти конституцією. Монархическая прерогатива осталась руководящимъ, первенствующимъ началомъ государственного управления. На этомъ же принципѣ должно было основаться и новое

союзное устройство. Начало народовластия, шумно провозглашенное франкфуртскимъ парламентомъ, въ качествѣ основы будущаго имперскаго устройства, потерпѣло полную неудачу. Основатели сѣверо-германского союза и новой имперіи были проникнуты уваженіемъ къ монархическому началу. Правда, прусское правительство низвергло нѣсколькоихъ монарховъ съ престола и присоединило ихъ владѣнія къ своему государству, но оно нисколько этимъ не колебало монархического принципа.

Король Ганноверскій, курфирстъ Гессенскій и герцогъ Нассаускій лишились престоловъ по праву *закоеванія*; государи же, сохранившіе свои владѣнія, должны были сохранить и свое монархическое положеніе въ новомъ союзѣ. Г. Бисмаркъ не разъ отвергалъ всякую мысль о „*медиатизированіи*“ союзныхъ государей¹⁾). Вотъ почему основаніемъ сѣверо-германского союза (а затѣмъ имперіи) явился не конституціонный законъ, данный странѣ общимъ волею (подобно имперской конституції 1849 г.), а *договоръ* между независимыми правительствами Германіи. Вотъ почему, далѣе, вся сила союзной власти сосредоточилась въ рукахъ представителей германскихъ правительствъ (императоръ, союзный совѣтъ), а рейхстагу дано второстепенное значеніе.

„Осуществленіе функций имперской власти, справедливо замѣчасть Ринне, предоставлено конституціею императору, вмѣстѣ съ союзнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ представителей членовъ имперіи, подлѣ которыхъ (императора и союзного совѣта) рейхстагъ, состоящій изъ представителей германского народа, является *несамостоятельнымъ* элементомъ имперской власти, но только ихъ *окраинчивающимъ* факторомъ, коего такимъ образомъ въ имперской конституції осуществлено начало, лежащее въ основахъ конституціонаго права отдѣльныхъ монархическихъ государствъ Германіи“²⁾.

2) Признаніе монархического начала въ союзномъ устройствѣ ведетъ къ тому важному послѣдствію, что конституція не могла создать центральной власти, совершенно независимой отъ отдѣльныхъ правительствъ, какъ это предполагалось сдѣлать въ 1848 году. Одинъ только рейхстагъ есть общегражданское учрежденіе, не имѣющее никакой связи съ мѣстными ландтагами. Императорская власть при-

¹⁾ Напримѣръ, въ своихъ рѣчахъ по поводу проекта ответственного имперского министерства. См. ниже.

²⁾ Назв. соч., стр. 29.

надлежитъ прусской коронѣ; союзный совѣтъ составляется изъ уполномоченныхъ отдельныхъ правительствъ, дѣйствующихъ по инструкціямъ послѣднихъ. Не трудно замѣтить, что въ этомъ установленіи, въ значительной степени, воспроизведенъ plenipot прежняго германскаго сейма.

3) Въ силу того же начала, конституція не признала, съ другой стороны, равенства всѣхъ членовъ союза, этой коренной черты демократическихъ федерацій¹⁾. Положеніе монархій въ союзѣ опредѣляется степенью ихъ *могущества*. Различие въ степени могущества отдельныхъ державъ — фактъ, имѣвшій огромное вліяніе на организацію союзной имперіи. Положеніе каждой державы опредѣляется ея „мѣромъ и вѣсомъ“. Одной изъ нихъ обеспечено *первенство* въ имперіи; другія пользуются нѣкоторыми *приоритетами*; всѣ имѣютъ *неодинаковое число голосовъ* въ союзномъ совѣтѣ. Прусскій монархъ наслѣдственно облечеинъ правами императорской власти; государи Баварскій, Виртембергскій и Баденскій изъѣти отъ дѣйствія нѣкоторыхъ союзныхъ законовъ. Число голосовъ, принадлежащихъ каждому государству въ союзномъ совѣтѣ, весьма различно²⁾. Этимъ объясняются, далѣе, особенности имперскаго устройства въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, конституція, по крайней мѣрѣ формально, дѣлаетъ уступки *партикуляризму*, въ размѣрѣ, не согласномъ съ началами союзного государства. Съ другой стороны, та же самая могущественнѣйшій монархіи часто сообщаетъ имперіи характеръ государства централизованнаго.

Всѣ эти соображенія вполнѣ подтверждаются краснорѣчивыми словами Зибела о „реальныхъ силахъ“, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась новая конституція. „Силами этими, какъ всѣмъ известно“, говорилъ онъ, „были, впервыхъ, могущественная и побѣдоносная *Пруссія*, по тогдашнему своему положенію, по своему великому прошедшему и, еще болѣе, по своему мощному будущему, колоссально выросшая для схемы гѣттингенского союзного государства“ пред назначенная, въ силу современного положенія Европы, почти необходиимо, къ диктаторскому собиранію силъ здѣсь и тамъ. Вторыхъ, *отдельныя государства Германіи*, конечно, стяжавшія лавры не въ войнѣ противъ Пруссіи, а въ союзѣ съ нею, именно въ силу этого

¹⁾ Въ Швейцаріи кантонъ Бернъ съ 506.000 народ. имѣетъ два представителя въ «совѣтѣ», также какъ Ури съ 16.000 жит.

²⁾ См. ниже.

отношения, чрезъ исполненій ростъ прусской силы, оставленныя далеко въ тѣни, но, не смотря на отношенія, обнаруживавшія крѣпкую жизненную силу, отчасти пользовавшіяся сильною вѣтшнею защищой и — что очень важно — не смотря на всѣ унитарныя стремленія образованныхъ классовъ, обладавшія весьма реальными симпатіями на туземной почвѣ, въ туземномъ народонаселеніи. Наконецъ, въ-третьихъ, *либеральное общественное мнѣніе* въ Пруссіи, въ Германіи, въ Европѣ... Вотъ съ какими силами должно было, следовательно, считаться, — съ военными требованіями Прусской великой державы, съ популярными притязаніями отдѣльныхъ государствъ, съ тяжестью общественного мнѣнія. Предлежащій проектъ даетъ по брану каждой изъ этихъ силъ: прусской коронѣ президентство, меньшимъ государствамъ — союзный совѣтъ, общественному мнѣнію — рейхстагъ. Онъ надѣляетъ эти органы отчасти богатыми, отчасти иѣсколько уже отмѣренными правами: львиную часть, по природѣ вещей, получаетъ прусская корона; весьма приличную, какъ мнѣ кажется, въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ опасно-обширную компетенцію получили отдѣльные государства; скуднѣе всего надѣленъ рейхстагъ, хотя я надѣюсь и здѣсь доказать, что если пища не чрезмѣрна, то, по крайней мѣрѣ, весьма питательна¹⁾.

4) Наконецъ, въ числѣ „фактовъ“, вліявшихъ на образованіе новой Германіи, нельзя не имѣть въ виду роли и потребностей великой державы, разрушившей старый союзъ и сдѣлавшейся центромъ новаго. Мы видѣли, что Пруссія издавна положила начало „Германскому союзу безъ Австріи“; онъ былъ основанъ на экономическихъ потребностяхъ и принялъ форму *таможеннаго союза*. Затѣмъ министерство князя Бисмарка чрезъ новый союзъ и конституцію разрѣшило второй существенный вопросъ внутренней политики Пруссіи — вопросъ военный. Въ значительной степени справедливы слова К. Франца. „Изслѣдуйте, прошу васъ“, говорить онъ, „новую союзную конституцію въ ея учредительныхъ элементахъ. Чѣмъ найдете вы въ ней? Ничего, кроме прусской военной системы и таможеннаго союза, — остальное просто приклеено къ нимъ. Вотъ два фактора, осуществившие дѣло 1866 г., какъ отецъ и мать. Въ цольферайнѣ дана была связь, обнимавшая уже почти всю не-австрійскую Германію; тогда Пруссія вынула саблю, разнесла старый союзъ и распространила

¹⁾ *Berzold*, I, 583 и слѣд.

прусскую военную систему на таможенный союзъ¹⁾). Конечно, новая империя заключаетъ въ себѣ не только это, но и многое другое. Но нельзя не согласиться, что таможенный союзъ остается одною изъ существенныхъ ея основъ, а примѣненіе прусской военной системы ко всей Германии — одною изъ главныхъ цѣлей новой конституціи.

При разнообразіи и оригинальности условій, вліявшихъ на образование имперіи, ея конституція не могла удовлетворить извѣстнымъ теоретическимъ идеаламъ, даже оставаться вѣрно одному основному принципу. Но нельзя не согласиться, что она вѣрно направлена къ извѣстной цѣли — къ установлению единства въ законодательствѣ и въ управлѣніи по такимъ вопросамъ, гдѣ административное и законодательное разнообразіе вредно отражалось на благосостояніи и могуществѣ Германіи.

„Мы поставили себѣ цѣлью, говорилъ г. Бисмаркъ въ учредительномъ реїстрагѣ 1867 г., помня и, думаю я, вѣрно опѣнивая силы сопротивленія, о которыхъ разбились прежнія попытки во Франкфуртѣ и въ Эрфуртѣ—найдти *minima* тѣхъ уступокъ, которыхъ частные организмы²⁾ должны сдѣлать общности, дабы эта общность имѣла способность къ жизни“³⁾.

Ораторъ не даромъ употребилъ выраженіе „*minima* уступокъ“. Въ данную минуту, исхода изъ интересовъ „общности“, ему предстояло опредѣлить, какіе предметы *безусловно* не могутъ быть оставлены въ компетенціи законодательной и административной власти отдельныхъ государствъ. Первоначальный проектъ⁴⁾ ограничивался довольно скромными требованіями, въ виду упомянутыхъ г. Бисмаркомъ „противныхъ силъ“. Союзная компетенція была расширена впослѣдствіи, по инициативѣ реїстрага⁵⁾. Но, съ другой стороны, союзный канцлеръ наимѣренно не установилъ *maxima* для компетенціи союза, границы, за которую „общность“ не могла бы переступить въ ущербъ самостоятельности отдельныхъ государствъ. Между компетенціей власти союзной и частныхъ правительствъ не было проведено прочной межи. Права членовъ союза, оставленныя имъ за определеніемъ союзной компетенціи, не были гарантированы конституціею, какъ это сдѣлано въ Америкѣ и въ Швейцаріи. Американская

¹⁾ Das neue Deutschland, 51.

²⁾ Въ подлинникахъ Sondererlassen.

³⁾ Bevold, I, 171.

⁴⁾ См. Истор. очеркъ, гл. VIII, II.

⁵⁾ Тамъ же.

конституція прямо постановляетъ: „права, не делигированныя соединеннымъ штатамъ конституцію, и тѣ, пользованіе которыми она не воспрещаетъ отдельнымъ государствамъ¹⁾), остаются за соотвѣтствующими штатами или за народомъ“²⁾). Профессоръ Цахаріе указывалъ учредительному рейхстагу на этотъ пробѣлъ въ проекѣтѣ и внесъ по-правку, составленную въ духѣ швейцарской и американской конституцій³⁾). Противъ этой поправки возражали, между прочимъ, депутаты Вагенеръ, Эллизенъ, Микель и друг. Всѣ они въ сущности доказывали одно и тоже, а именно, что подобное постановление стѣснить свободное развитіе и расширеніе союзной компетенціи въ угоду партикуляристическимъ интересамъ⁴⁾.

Къ отсутствію maxимум'а должно прибавить, что союзное правительство можетъ само расширять предѣлы своего вѣдомства, то-есть, конфисковать въ свою пользу права, оставшіяся еще за отдельными государствами, простымъ законодательнымъ порядкомъ, хотя съ нѣкоторыми ограничительными условіями. Значеніе этого права лучше всего можно видѣть на практическомъ примѣрѣ его примѣненія.

Должно замѣтить, что 78 ст. конституціи, въ настоящемъ своемъ видѣ, не существовала въ первоначальномъ проекѣтѣ; она создана учредительнымъ рейхстагомъ, по предложению Ласкера⁵⁾). Проекѣтъ не заключалъ въ себѣ особыя постановленія о порядке пересмотра конституціи. Только въ 7-й ст., касавшейся правъ и порядка засѣданій союзного совѣта, говорилось, что постановленія этого учрежденія требуютъ простаго большинства голосовъ, кроме измѣненій въ конституціи, требующихъ большинства $\frac{2}{3}$. Изъ словъ, въ которыхъ выражалось означенное постановленіе, многіе вывели заключеніе, что инициатива по ревизіи конституціи будетъ принадлежать только союзному совѣту⁶⁾). Это предположеніе подтверждалось другими поста-

¹⁾ См. напр. гл. первую, отд. X, конституціи, гдѣ исчисляются ограничения правительственной власти отдельныхъ штатовъ.

²⁾ Х дополненіе къ конституціи.

³⁾ «Die Bundesgewalt wird durch die ihr in dieser Verfassung zugewiesenen Competenz bestimmt und begrenzt. Die im Bunde begriffenen Staaten behalten ihre Selbstst ndigkeit, soweit sie nicht durch diese Verfassung beschr nkten ist; sie haben alle staatlichen Hoheiten und Rechte, soweit sie nicht der Bundesgewalt ausdr cklich  tragen sind.. Bezold, I, 381. Рѣчь Цахаріе 394 и слѣд.

⁴⁾ Bezold, I, 396 и слѣд.

⁵⁾ Bezold, I, 651.

⁶⁾ См. рѣчь Ласкера, тамъ же, стр. 653 и слѣд.

новленіями проекта. 5 ст. проекта конституції гласить, правда, что *законодательная* власть принадлежитъ совѣтно рѣхстагу и союзному совѣту. Но пересмотръ конституціи не принадлежитъ обыкновенной законодательной власти. Затѣмъ 23 ст., касающаяся специально *рѣхстага*, гласить, что послѣдній имѣетъ право почины *законовъ*, въ предѣлахъ компетенціи союза, то-есть, 4-й ст. конституціи, исчисляющей предметы вѣдомства союзной власти. Въ виду этихъ недоразумѣй, Ласкеръ предложилъ помѣстить въ концѣ конституціи, въ видѣ особой статьи и отдельного раздѣла, постановление, гласящее, что „измѣненія въ конституціи совершаются законодательнымъ порядкомъ, но для нихъ необходимо большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ въ союзномъ совѣтѣ“. Такое постановление давало рѣхстагу право почины и въ дѣлѣ ревизіи конституціи: новая статья гласила, что измѣненія эти совершаются *законодательнымъ* порядкомъ, то-есть, принадлежать обыкновенной законодательной власти, осуществляемой, на основаніи 5-й ст., союзнымъ совѣтомъ и рѣхстагомъ. Предложеніе Ласкера было принято и составило XIV раздѣлъ и 78 ст. союзной конституціи¹).

Но когда нѣкоторые члены рѣхстага пожелали сдѣлать употребленіе изъ своего права, они встрѣтили въ самой палатѣ сильнейшую оппозицію. Въ 1869 г. депутаты Микель и Ласкеръ внесли предложеніе о распространеніи правъ союзного законодательства на *гражданское право и судоустройство вообще*²). Рѣчь шла, сдѣловательно, о *расширѣніи компетенціи союза*³). Противъ такого примѣненія 78 ст. востали депутаты крайней правой стороны (напримѣръ, Вагенеръ) и партикуляристы-клерикалы (напримѣръ, Виндгорстъ). Ни одинъ изъ противниковъ Ласкера и Микеля не отрицалъ за рѣхстагомъ права предлагать измѣненія въ конституціи. Но оно, по мнѣнію ихъ, ограничено извѣстными предѣлами. 23 ст. ясно опредѣляетъ эти границы: члены рѣхстага могутъ предлагать измѣненія въ конституціи только въ предѣлахъ 4-й ст. союзного акта; отъ нихъ не можетъ исходить предложеній о расширѣніи компетенціи союза; послѣдняя создана договоромъ между всѣми отдельными государствами, согласившимися уступить часть своихъ верховныхъ правъ союзной власти. Союзъ не можетъ, безъ ихъ согласія, расширять своей власти. Виндгорстъ согла-

¹) Тамъ же, II, 611.

²) *Webold*, III, стр. 1042.

³) См. рѣчь *Микеля*, тамъ же, 1042 и слв.

ился съ мнѣніемъ Твестена, выраженнымъ въ его докладѣ о союзной конституціи прусскому ландтагу. „По моему мнѣнію, говорилъ Твестенъ, расширение союзною властью своей компетенціи не можетъ быть допущено съ точки зренія государственного права. никто же можетъ самъ расширить границы своего вѣдомства. Поскольку существующія конституціи отдѣльныхъ государствъ, а между ними и наша (prusская), не измѣнены, постольку они не могутъ быть болѣе измѣнены безъ согласія этихъ отдѣльныхъ государствъ. Если, слѣдовательно, союзъ пожелаетъ распространить свою компетенцію, то ему, по моему мнѣнію, не остается ничего больше, какъ испрашивать всякий разъ, прежде или послѣ, согласіе законодательныхъ властей отдѣльныхъ державъ“¹⁾. Безъ этого, заключилъ Твестенъ, члены союза были бы скоро медіатизированы, или, какъ говорилъ Виндгорстъ, уподобились бы „выѣденному яйцу“.

Запитники Микель-Ласкеровскаго предложенія¹⁾ опровергли, впрочемъ, эти возраженія безъ особенного труда. 78 ст., установляя порядокъ конституціонныхъ поправокъ, *не дѣлаетъ различія между поправками, касающимися предметовъ, исчисленныхъ въ 4-й ст. конституціи, и поправками, касающимися компетенціи*. Гдѣ не различается самъ законъ, тамъ не должно различать и толкованіе, *ubi lex non distinguit, nec judex distinguat*. Кроме этого и многихъ другихъ аргументовъ, не лишено значенія то обстоятельство, что нѣкоторые противники предложенія, въ учредительномъ рейхstagѣ, говорили совершенно другое. Когда въ учредительномъ рейхstagѣ Микель внесъ предложеніе, имѣвшее въ виду обеспечить за союзною властью право расширять свою компетенцію²⁾, Вагенеръ нашелъ его *измѣніемъ*. „Мы имѣемъ, говорилъ онъ, конституціонное право на измѣненіе конституціи, намъ нѣть нужды предоставить его себѣ посредствомъ поправки и я думаю, что депутатъ Микель ошибается, полагая, что между измѣненіемъ конституціи и тѣмъ, что намъ здѣсь предлагаются, имѣется вещественное и глубокое различіе“³⁾. Подобное же мнѣніе высказалъ членъ союзного совѣта Гофманъ⁴⁾.

Послѣ того какъ означенное предложеніе было принято рейхстагомъ

¹⁾ Кромѣ рѣчи Микеля, см. рѣчь Брауна (тамъ же, 1085—1091) и Ласкера (тамъ же, 1097—1107).

²⁾ Тамъ же, 1101.

³⁾ Тамъ же, 1102.

гомъ, уже не можетъ быть сомнѣнія въ смыслѣ 78 ст.¹⁾). Компетенція союзного законодательства можетъ быть распространена на законодательнымъ порядкомъ. Права отдельныхъ государствъ обезпечиваются однако тѣмъ, что всякая конституціонная поправка можетъ быть отвергнута въ союзномъ совѣтѣ 14-ю голосами.

Такимъ образомъ между компетенцію союза и правами членовъ его не проведено строгой раздѣльной черты. Быть можетъ, отсутствие этой границы представляетъ большія практическія удобства. Новый германскій союзъ, говорили органы національно-либеральной партіи, можетъ развиваться органически и свободно, тогда какъ Америка по поводу подобного же вопроса выдержала страшную войну; но такой порядокъ далекъ отъ началъ союзного государства. Устраиваетъ ли онъ возможность междуусобной войны? Это также довольно спорный вопросъ. Расколъ между югомъ и сѣверомъ, какъ доказываютъ и современные события²⁾, весьма возможенъ и мы будемъ свидѣтелями сильной распри, если имперская власть пожелаетъ распространить свою компетенцію на всю область церковныхъ дѣлъ. Дѣло ультрамонтановъ на югѣ Германіи можетъ разыграть такую же роль, какъ дѣло плантаторовъ на югѣ Америки.

Согласно съ тѣми же практическими цѣлями опредѣлено и *отношеніе центральной власти къ местной*. При опредѣлении компетенціи власти центральной, очевидно имѣлось въ виду сосредоточить въ ея рукахъ осуществление отдельныхъ экономическихъ и военныхъ цѣлей, особо важныхъ для единства и благосостоянія Германіи. Такимъ стремлениемъ специально отличался первоначальный проектъ союзной конституціи. Многіе предметы, касавшіеся области права гражданскаго, уголовнаго и государственного, введены въ 4-ю ст. конституціи только вслѣдствіи и далеко не составляютъ главного предмета дѣятельности союзной власти. При разрѣшеніи вопроса, какія задачи имѣютъ особенно важное значеніе съ точки зренія имперской конституціи, мы имѣемъ очень опредѣленный критеріумъ: степень исключительной осуществленія ихъ союзною властію. Мы увидимъ ниже, что законодательная власть въ союзѣ по нѣкоторымъ предметамъ принадлежитъ исключительно имперской власти, по друг-

¹⁾ Предложеніе Ласкера не было принято въ союзномъ совѣтѣ, но вовсе не по соображеніямъ «компетенціи».

²⁾ Клерикальная агитация.

гимъ послѣдняя конкурируетъ съ дѣятельностью мѣстныхъ властей¹⁾. Такое право исключительной компетенціи принадлежитъ имперской власти: 1) по дѣламъ военнымъ; 2) по финансовому управлению имперіи (таможенное управление и нѣкоторые другие предметы); 3) по дѣламъ торгового управления; 4) по предметамъ управления почтами, телеграфами, желѣзными дорогами и нѣкоторыми водными путями. Такимъ образомъ имперія осуществляетъ прежде всего экономическое и военное единство Германіи. По другимъ предметамъ, исчисленнымъ въ 4-й ст., мѣстное законодательство конкурируетъ съ имперскимъ, конечно, подъ условиемъ согласія первого съ послѣднимъ²⁾. Сила имперского законодательства и имперской администраціи по предметамъ ея вѣдомства обеспечена особо строгими постановлениями, дѣлающими изъ имперской власти дѣйствительно высшую инстанцію надъ мѣстными правительствами.

По смыслу 2-й статьи конституціи, имперскіе законы идутъ впереди мѣстныхъ законовъ каждого государства. Поэтому каждый актъ мѣстной власти, несогласный съ имперскимъ закономъ, изданнымъ по тому же предмету, не имѣетъ юридической силы. Это постановление особенно важно потому, что оно касается той области, где имперское законодательство конкурируетъ съ мѣстнымъ. Тамъ, где дѣло идетъ объ исключительной компетенціи имперіи, не можетъ быть и рѣчи о столкновеніи двухъ разрядовъ властей. Но именно существование смѣшанной компетенціи влечетъ за собою установление юридической зависимости мѣстныхъ властей отъ центральной.

Первенство имперской власти надъ мѣстной обеспечивается, во-первыхъ, правомъ надзора первой надъ послѣдними и, во вторыхъ, правомъ экзекуціи.

Право надзора выражается въ томъ, что имперская власть (ближайшимъ образомъ императоръ) можетъ требовать отъ мѣстныхъ властей представленія всѣхъ ихъ актовъ и распоряженій, касающихся предметовъ смѣшанной компетенціи, и принимать жалобы заинтересованныхъ лицъ на дѣйствія мѣстныхъ властей. Въ случаѣ подобного конфликта, имперская власть сама является судьею законности мѣстныхъ распоряженій, чѣмъ, при отсутствіи федерального суда, даетъ особенную силу имперской исполнительной власти.

¹⁾ Этотъ вопросъ весьма хорошо разсмотрѣнъ у Вестеркаппа, стр. 37 и слѣд.

²⁾ Напримеръ, по предметамъ, исчисленнымъ въ п. 13, 15 и 16 ст. 4.

Права экзекуції противъ правительства, оказавшихся виновными въ несоблюдении конституції, въ настоящее время организовано гораздо цѣлесообразнѣе, сравнительно съ правилами о союзной экзекуції прежняго времени. Выѣсто прежней сложной процедуры, 19-я ст. имп. конст., устанавливаетъ слѣдующій порядокъ: экзекуція предписывается, по абсолютному большинству голосовъ, союзнымъ совѣтъмъ, и приводится въ исполненіе императоромъ.

Постановленія этого рода, конечно, учреждаютъ значительную зависимость, даже вѣкоторый родъ подданства мѣстныхъ властей относительно центральной. Моль справедливо говорить, что имперскій союзъ, въ предѣлахъ своей компетенціи, имѣть *право суверенитета и надъ отдельными государствами* (*die Souveränität auch über die Gliederstaaten*). Того же мнѣнія держится и Тудикумъ. Но въ данномъ случаѣ, мы далеки отъ идеи союзного государства; съ большими основаніемъ можно сказать, что 2-я, 4-я и 19-я ст. открываютъ двери централизованному государству, осуществление котораго, по мнѣнію вѣкоторыхъ публицистовъ, есть вопросъ времени.

Сосредоточивая въ рукахъ имперской власти права законодательства и администраціи по важнѣйшимъ вопросамъ международнаго и внутреннаго управления, даже по гражданскому и уголовному праву, конституція въ весьма слабой степени касается предметовъ *государственного права*. Ее нельзя назвать конституционнымъ закономъ, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется съ этимъ терминомъ. Какъ ни односторонни были требованія клерикальныхъ депутатовъ въ рейхstagѣ 1870 г., нельзя не согласиться, что въ имперской конституціи не достаетъ отдѣла, существующаго въ каждой писанной конституціи, — отдѣла основныхъ *правъ* германскихъ гражданъ. Уже въ учредительному рейхstagѣ 1867 г. были сдѣланы попытки пополнить эту пробѣгу, но конституція сократила свой оригиналный характеръ. Только одно общегражданское право, вытекающее изъ экономическихъ цѣлей, прямо обезпечено ею. Мы говоримъ объ установлениіи *общаго туземства* для всѣхъ жителей имперіи и о связаннымъ съ нимъ, правѣ передвиженія. З ст. конституціи дѣйствительно сбываетъ изъ всей совокупности германскихъ „народовъ“ одинъ народъ. Но она не создаетъ общности политическихъ правъ этого народа. Конституція 1871 года ввела въ 4-ю ст. новый пунктъ, 16-й предоставляемый имперской власти право законодательства по дѣламъ печати и ассоціаций. Законъ о печати даже изданъ въ настоящее время. Но коренные принципы, опредѣляющіе отношеніе госу-

дарственной власти къ печати и ассоціаціямъ, остались *сюю* конституціи, въ качествѣ объекта простаго органическаго закона.

Изслѣдованіе этихъ отдельныхъ чертъ имперской конституціи даетъ намъ возможность опредѣлить общее значеніе имперскаго устройства.

Своеобразность этого устройства, какъ легко замѣтить, зависитъ отъ двухъ условій: вонпервыхъ, отъ монархического образа правленія въ отдельныхъ государствахъ, во вторыхъ, отъ особыхъ практическихъ цѣлей, имѣвшихся въ виду при основаніи нового союза. Первое изъ этихъ условій имѣло неотразимое вліяніе на *смѣшную форму* имперского устройства, второе — на его *содержаніе*.

Въ качествѣ союза *монархій*, имперія (а прежде сѣверо-германскій союзъ) должна была сохранить отдельнымъ государствамъ весь вицѣній видъ ихъ *верховенства*, устранить отъ себя упрекъ въ попыткѣ ихъ *медиатизаціи*. Поэтому, 1) имперская конституція, болѣе чѣмъ какая нибудь другая союзная конституція, должна была настаивать на своемъ происхожденіи изъ *свободнаю договора между правительствами*. Введеніе въ конституцію 1867 г. гласить, что его величество король прусскій, его величество король саксонскій и т. д. (следуетъ исчисление 22 *государей и сенатовъ* трехъ вольныхъ городовъ), заключаютъ вѣчный союзъ для защиты союзной территоріи и т. д. То же повторено и въ введеніи къ имперской конституціи, съ тою разницей, что договоръ значится заключеннымъ между прусскимъ королемъ, какъ президентомъ сѣверо-германскаго союза и государями баварскими, виртембергскими, баденскими и гессенскимиъ. 2) Конституція не могла устранить отдельныхъ правительства отъ *непосредственной участія* въ союзномъ законодательствѣ и управлениі, ни создать дѣйствительно единую главу союза, что, какъ мы увидимъ ниже, повлекло за собою невозможность организовать *отдельственное министерство*.

Съ другой стороны, практическія цѣли, имѣвшіяся въ виду при основаніи союза, вытекали какъ изъ потребностей Пруссіи, такъ изъ необходимости *объединенія*, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, Германіи. Увеличеніе территоріального объема Пруссіи, сосредоточеніе въ рукахъ ея монарха президентскихъ правъ, начальствованіе надъ арміею и флотомъ, значительное число голосовъ, предоставленное ей въ союзномъ совѣтѣ, все это ведетъ къ *преобладанію* этого могущественнаго члена союза надъ всѣми другими, чего нельзя найти въ другихъ союзныхъ государствахъ. *Единоство* Германіи, въ экономическомъ,

военномъ и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, обезпечивается обширными правами центральной власти, способной въ саморасширенію, имѣющей права *верховной* власти даже надъ мѣстными правительствами, по предметамъ смѣшанной компетенціи.

Такимъ образомъ имперія, строго федеративная по внѣшнимъ своимъ формамъ, по внутреннимъ своимъ отношеніямъ и структурѣ открываетъ широкую дорогу *централизации*. Имперская конституція не выставила никакихъ твердыхъ началъ, не провела никакихъ точныхъ границъ между союзнымъ и частнымъ. Составленная подъ вліяніемъ практическихъ потребностей, она открываетъ широкую дорогу ко всѣмъ перемѣнамъ въ смыслѣ единства, какія только могутъ быть вызваны *новыми* практическими потребностями. „Мы думаемъ, говорилъ г. Бисмаркъ отъ имени союзныхъ правительствъ, что если проектъ конституціи будетъ принятъ, нѣмецкому народу будетъ открыто свободное поприще; можно довѣриться генію нашего народа, что онъ найдетъ на этомъ поприщѣ путь, ведущій къ его цѣлямъ“. Что такою пѣстью у огромного большинства современного германского общества можетъ быть только расширение союзной компетенціи, въ этомъ, кажется, нѣть сомнѣнія.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей имперской конституціи, не безполезно будетъ заключить этотъ отдѣлъ внѣшнимъ очеркомъ ея системы и плана.

Имперская конституція состоитъ изъ введенія и 78 ст., распределенныхъ въ XIV отдѣлахъ.

Во *введеніи* опредѣляется существо и цѣль имперскаго союза. *Первый отдѣлъ* (ст. 1-я) опредѣляетъ объемъ союзной территории (*Bundesgebiet*). *Второй* (ст. 2—5) носить общее заглавіе „*Имперское законодательство*“ (*Reichsgesetzgebung*). Здѣсь опредѣляются: 1) Сила имперскихъ законодательствъ и порядокъ обнародованія законовъ (ст. 2). 2) Нѣкоторыя общія права всѣхъ имперскихъ гражданъ, главнымъ образомъ, право общаго туземства (ст. 3). 3) Компетенція имперской власти (ст. 4). 4) Субъектъ законодательной власти и порядокъ изданія законовъ (ст. 5). *Третій* (ст. 6—10)—посвященъ союзному совѣту. *Четвертый* (ст. 11—19)—говорить о президентствѣ имперіи (*Präsidium*), то-есть, объ императорѣ. *Пятый* (ст. 20—32)—о рейхстагѣ. *Шестой* (ст. 33—40)—о таможенномъ и торговомъ управлѣніи (*Zoll-und Handelswesen*). *Седьмой* (ст. 41—47)—о железнодорожномъ управлѣніи (*Eisenbahnwesen*). *Восьмой* (ст. 47—52)—

о почтахъ и телеграфахъ. *Девятый* (ст. 53—55) — о флотѣ и мореходствѣ. *Десятый* (ст. 56) — о консульствахъ. *Одиннадцатый* (ст. 57—68) — объ имперскомъ войскѣ. *Двѣнадцатый* (ст. 69—73) — объ имперскихъ финансахъ. *Тринадцатый* (ст. 74 — 77) включаетъ въ себѣ: а) уголовную санкцію противъ всѣхъ посягательствъ на цѣлостность и безопасность имперіи (74 и 75); б) постановленіе о порядке разрѣшенія споровъ между отдѣльными государствами (76) и в) определеніе способа доставленія судебнной защиты, въ случаѣ отказа въ правосудіи (77). *Четырнадцатый* (ст. 78), подъ заглавиемъ „общія постановленія“ (Allgemeine Bestimmungen), опредѣляетъ порядокъ пересмотра конституціи.

А. Градовскій.

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѣ¹⁾.

I.

Гунны-Болгаре въ Тавридѣ и на Тамани.—Союзство съ Херсономъ, Боспоромъ и Готией.—Первый христианскій князь у Таврическихъ Болгаръ.—Дѣйствіе Византійской политики.

Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. почти прекращаются извѣстія о самостоятельномъ Босперскомъ царствѣ, существовавшемъ на обѣихъ сторонахъ Керченского пролива; а въ концѣ X вѣка на тѣхъ же мѣстахъ, по нашимъ лѣтописямъ, является русское Тмутараканское княжество. Откуда взялось это княжество, и какія были судьбы Боспорского края въ теченіе периода, обнимающаго пять или шесть вѣковъ? На эти вопросы доселѣ не было почти никакого отвѣта. Въ предыдущемъ своемъ изслѣдованіи мы указали, что послѣ изгнанія Остъ-Готовъ изъ южной Россіи часть Болгаръ, именемъ Кутургуры, двинулась за ними и заняла страну между Днѣпромъ и Дунаемъ, а другая часть, то-есть, Утургуры, осталась на обѣихъ сторонахъ Азовскаго моря и въ восточной части Крыма (см. *Русский Архивъ* 1874 г.).

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе, съ нашей точки зренія, можетъ быть разсмотрѣваемо какъ введеніе въ русскую исторію, начало которой такъ долго было затѣняемо господствомъ норманской школы и ея яко-бы научными выводами. Что касается до современныхъ представителей этой школы, то къ сожалѣнію, тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ можно было ожидать болѣе логики и болѣе добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, уклонились отъ борьбы. Уже самыи фактъ этого уклоненія не говоритъ въ пользу вѣкъ теоріи. Но если ить разъ впереди, то мы всегда рады доброму противнику. Въ предыдущемъ изслѣдованіи мы, по возможности, опредѣлили народность Болгаръ (*Русский Архивъ* 1874 г. № 7), а въ настоящемъ указываемъ иту связь съ начальною русскою исторіей, и между прочимъ, ставимъ опредѣлить другія темные народности, имѣвшія тѣсное отношеніе къ этой исторіи, именно—Хазарь и Аваръ.

№ 7). Эти Утургуры на съверѣ, по замѣчанію Прокопія, граничили съ безчисленными племенами Славянскими Антовъ; но не одни Славяне были ихъ сосѣдями на съверѣ: есть сомнѣнія, что въ степяхъ Азовско-Черноморскихъ кочевали въ то время остатки настоящихъ Гунновъ, то-есть, племена Угорскія. На югѣ, кромѣ Херсонскихъ Грековъ, сосѣдилъ съ ними небольшой остатокъ Готовъ Тетракситовъ, которые заняли горную область южнаго Крыма, извѣстную подъ именемъ Дори. Благодаря горамъ, эти Готы отстоили себя отъ окончательного истребленія со стороны Болгаръ Утургurovъ. По словамъ Прокопія, они послѣ отчалиной войны заключили союзъ съ своими врагами, но очевидно, союзъ не совсѣмъ искренній: Готы отстаивали себя не однимъ оружиемъ, но и хитрою политикой. Они отдались подъ покровительство Византіи; отправляя къ Юстиніану I посланство съ просьбой о назначеніи имъ нового епископа, они, какъ мы видѣли, совѣтовали императору поддерживать распри между варварами, то-есть, между Кутургурами и Утургурами. Но поддержаніе подобныхъ распри и безъ того было обычною политикою Византіи. Во время нашествія Кутургуровъ на имперію въ 551 году, когда по просьбѣ Юстиніана Сандиль, князь Утургуровъ, пошелъ на своихъ родичей, онъ присоединилъ къ своему войску 2.000 Тетракситовъ. Отсюда можно заключить, что послѣдніе, признавая надъ собою протекторатъ Византіи, въ то же время играли иногда роль подручниковъ и по отношенію къ своимъ сильнымъ сосѣдямъ Болгарамъ Утургурамъ.

Итакъ, въ первой половинѣ VI вѣка, мы встрѣчаемъ утургурскія поселенія примыкающими къ Азовскому морю съ его восточной, южной и отчасти западной стороны. Средоточіемъ ихъ являются преимущественно берега пролива, то-есть, главная часть древнаго Боспорскаго царства, которому они, очевидно, нанесли окончательный ударъ. На восточной сторонѣ пролива они завладѣли Фанагорійскимъ или Таманскимъ островомъ и его городами, которые, какъ извѣстно, вели свое происхожденіе отъ древнихъ греческихъ поселенцевъ. Завоеванія эти, по обычаю варваровъ, сопровождались разрушениемъ и опустошеніемъ. Прокопій называетъ два города, именно Кипы и Фанагорію, которые были разрушены варварами; но и другіе, менѣе значительные города, конечно, подверглись той же участіи. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи мы видимъ, что здѣсь только одинъ пунктъ получилъ иѣкоторое значеніе въ исторіи; это Таматарха или Тмутракань нашихъ лѣтописей, очевидно, возникшая на мѣстѣ разоренной Фа-

нагоріи. На другой сторонѣ пролива находилась бывшая столица Боспорского царства, Пантикея, у византійскихъ писателей известная болѣе подъ именемъ Боспора. Этотъ знаменитый городъ, благодаря своимъ укрѣплѣніямъ, нѣкоторое время оборонялъ себя отъ напора Гунновъ Утургуроў; наконецъ, чтобы не попасть въ руки варваровъ, онъ поддался Византіи. Подчиненіе это, по словамъ Прокопія, относится ко времени императора Юстиніа I; „а до того времени Боспориты управлялись собственными законами“ (*De Bell. Pers. L. I.*, сар. 12). Нѣть сомнѣнія, что варвары пытались завладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ; однако Византія успѣла отстоять отъ нихъ не только Херсонесъ и Пантикею, но и нѣкоторые укрѣпленіе пункты на восточномъ берегу, каковы Гурзуфъ и Алустонъ (ихъ называетъ Прокопій; но были, вѣроятно, и другие, которыхъ онъ не называетъ, напримѣръ, Сугдея). За исключеніемъ такихъ пунктовъ, восточное побережье Таврики, по словамъ Прокопія, было занято варварами, и преимущественно Гуннами, то-есть Болгарами Утургурами (*De B. Goth. L. IV*, с. 18).

Главная причина, почему остановились успѣхи Болгаръ, и они не могли овладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ, заключалась, конечно, въ томъ, что они не имѣли единства. Борьба съ Ость-Готами, очевидно, соединила ихъ; но по окончаніи этой борьбы, они снова раздѣлились и распались на отдѣльные роды, находившіеся подъ управлѣніемъ своихъ мелкихъ князей. Тогда не замедлила возымѣть свое дѣйствіе обычная политика Византіи—сдерживать сосѣднихъ варваровъ, посѣвая между ними раздоры (наслѣдованное отъ древнаго Рима: *divide et impera*). Императоры заключали отдѣльные союзы съ князьями варваровъ противъ ихъ же сосплеменниковъ; осыпали ихъ подарками; а относительно наиболѣе сильныхъ князей эти подарки нерѣдко обращались въ постоянные или ежегодные, такъ что имѣли видъ дани. Иногда византійской политикѣ удавалось поставить этихъ варваровъ въ вассальныя къ себѣ отношенія. Византія пользовалась ихъ силами въ своихъ вышніхъ войнахъ, то-есть, нанимала ихъ дружины въ свою службу. Первое упомянаніе о наймѣ болгарскихъ дружинъ на Таврическомъ полуостровѣ относится также ко времени императора Юстиніа I. Прокопій въ своей *Персидской войне* (L. I., с. 12) разказываетъ слѣдующее: Гургенъ, князь кавказской Иверіи, угрожаемый Персидскимъ царемъ Кабадомъ, обратился съ просьбой о помощи къ императору Юстиніу. Тогда послѣдній отправилъ въ Боспоръ Киммерийскій съ большою суммою денегъ

патриція Проба, который долженъ былъ нанять войско изъ Гунновъ, обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ. Пробъ исполнилъ свое порученіе, и Юстинъ часть этого войска отправилъ съ другимъ военачальникомъ въ Лазику на помощь Гургеню. Особенно видную роль играли болгарскія наемныя дружины въ войнахъ Византіи во времена Юстиніана I. Велизарій не мало былъ обязанъ имъ своими успѣхами въ Азії, Африкѣ и Италии. Эти дружины вербовались въ странахъ пріазовскихъ и придунайскихъ, слѣдовательно, между обѣими вѣтвями Болгарскаго народа, Кутургарами и Утургарами.

Для укрощенія варваровъ на помощь Византіи вскорѣ является могущественный союзникъ, греческая религія. Византія ревностно исполняла свое высокое призваніе на востокѣ—распространять христіанство. Отчасти по духу грековосточной церкви, отчасти по недостатку материальныхъ средствъ, она въ этомъ отношеніи составляла совершенную противоположность съ западною или Латинской имперіей, которая со времени Карла Великаго вводила христіанскую религію между языческими племенами преимущественно силой меча. Византія же болѣе действовала проповѣдью и притомъ проповѣданія на языкѣ туземцевъ; кромѣ того, она старалась привлекать къ христіанству варварскія племена блескомъ своей цивилизациіи, особенно великолѣпіемъ своего церковнаго обрада, красотою храмовъ, дорогими подарками, привѣтливымъ обхожденіемъ и т. п. Извѣстны наши лѣтописные преданія о томъ, какъ Греки, при заключеніи договора съ Олегомъ, показывали русскимъ посламъ свои храмы и царскія палаты, и какъ потомъ послы Владимира были поражены великолѣпіемъ Софійского собора и патріаршаго служенія. Но подобное гостепріимство не было оказано только Русскимъ; это была обычная политика Византіи по отношенію къ сосѣднимъ языческимъ народамъ. Различіе въ латинскомъ и греческомъ способахъ распространять христіанство имѣло своимъ главнымъ послѣдствиемъ и то обстоятельство, что народы, принявши вѣру отъ Византіи, получили Священное Писаніе на родномъ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ начала развиваться и свою собственную письменность; тогда какъ народы, обращенные западными миссионерами и признавшіе свою духовную зависимость отъ Рима, получали латинское богослуженіе и латинскую письменность. Извѣстно также, что и начало національной нѣмецкой письменности, то-есть, переводъ священного писанія на готскій языкъ, который приписываютъ Ульфиль, епископу IV вѣка, принадлежитъ именно восточной половинѣ Римской имперіи, а не западной.

Первое упоминание о христианствѣ между Таврическими Болгарами относится къ тому же знаменитому царствованію Юстиніана I. Начало же христианской проповѣди на Таврическомъ полуостровѣ восходитъ къ I вѣку по Р. Хр. Преданіе говоритъ, что апостолъ Андрей изъ Синопа пріѣзжалъ въ Херсонъ и здѣсь проповѣдывалъ христианство. Затѣмъ во времена Траяна прославился своею апостольскою дѣятельностью сосланный сюда Римскій епископъ св. Климентъ, который и былъ здѣсь утопленъ по приказанію императора за свою проповѣдь. Христианство, впрочемъ, медленно возросло и укрѣплялось на полуостровѣ и должно было выдерживать упорную борьбу съ языческою религіей. Послѣдователи его принуждены были скрывать свое богослуженіе въ пещерахъ и пата-комбахъ. Но со времени Константина Великаго появились здѣсь открытые христианскіе храмы, и успѣхи проповѣди пошли быстрѣ. Впрочемъ, христианство и языческое язычество и послѣ того долго еще жили рядомъ въ этихъ главныхъ пунктахъ. Въ Херсонесѣ христианство восторжествовало ранѣ; а на Боспорѣ оно, по всейѣ вѣроатности, окончательно утвердилось только съ присоединеніемъ къ Византійской имперіи, то-есть, въ первой половинѣ VI вѣка. Въ это же время христианская проповѣдь начинаетъ проникать и въ среду соѣдніихъ Гунновъ-Болгаръ. Кромѣ влиянія Херсона и Боспора, на нихъ могъ, конечно, дѣйствовать и примѣръ соѣдніихъ Готовъ-Тетракентовъ. Извѣстно, что христианская религія распространялась между Готами первоначально въ формѣ аріанской ереси; къ этойѣ эпохѣ принадлежитъ дѣятельность ихъ епископа Ульфилы и переводъ Священнаго Писанія на готскій языкъ. Получили ли христианство таврические Готы отъ своихъ аріанскихъ сънлеменниковъ, или непосредственно изъ соѣднѣтого Херсона—это точности неизвѣстно; но послѣднее имѣть болѣе вѣроатности. Въ первой половинѣ VI вѣка у нихъ встрѣчаемъ уже собственнаго епископа. По поводу его смерти и готскаго посольства въ Константинополь, Проконій замѣтилъ слѣдующее: „Были ли эти Готы когда-либо аріанской секты, подобно прочимъ аріанскимъ народамъ, или какой другой—я не могу утверждать“. Отсюда прямое заключеніе, что въ его время они были православными; да иначе они не обращались бы къ Юстиніану съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа. Слѣдовательно, Таврические Болгаре съ разныхъ сторонъ соприкасались съ православному населенію, и византійское влияніе не замедлило отразиться на нихъ въ дѣлѣ религіи.

Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, именно въ 528 году, князь.
часть CLXXVII, отд. 2.

Гунновъ, союзникъ съ Боспоромъ, по имени *Гордасъ*, лично отправился къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія святаго крещенія. Императоръ былъ его восприемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами. Въ свою очередь князь обѣщался охранять отъ варваровъ римскія владѣнія, особенно городъ Боспоръ, и кроме того, доставлять известное количество рогатаго скота; следовательно, въ сущности онъ признавалъ себя вассаломъ и данникомъ Византіи. Императоръ послалъ еще некоторое количество войска подъ начальствомъ военныхъ трибуновъ для защиты Боспора отъ Гунновъ и для собирания съ нихъ освященной дани рогатымъ скотомъ. „Въ этомъ городѣ“, прибавляютъ византійскіе историки, — „присходила значительная торговля Римлянъ съ Гуннами“¹⁾). Приведенное свидѣтельство представляетъ для настѣнъ несомнѣнную важность. Воинскихъ, самое проявленіе гуннского князя, Гордъ или Гордай, обнаруживается, что дѣло идетъ о Болгарахъ славянскихъ или таѣ называемыхъ Гуннахъ-Утургурахъ. Вторыхъ, путешествіе Горда въ Византію — и конечно, съ значительной свитой — указываетъ на морскія плаванія таврическихъ Гунновъ, следовательно, подтверждѣсть ихъ славянскій, а не угро-турецкій характеръ. Въ исторіи нашего христіянства князь Гордъ является предшественникомъ русской княгини Ольги, которая почти по тому же поводу предпринимала плаваніе въ Византію. Слѣдовательно, во временахъ Ольги подобный путешествія зошли уже въ некоторый обычай у восточныхъ Славянъ.

Но этотъ первый христіанскій князь таврическихъ Болгаръ имѣлъ печальную судбу, по извѣстію тѣхъ же византійскихъ лѣтописей. Когда Гордъ вернулся въ свою страну, то онъ началъ не только открыто исповѣдывать новую религію, но и принался истреблять языческіе идолы, вторымъ поклонялись Болгари; а тѣ, которые были сделаны изъ серебра и электрона, онъ приказывалъ расплавлять. Но язычество было еще очень крѣпко въ народѣ, и уничтоженіе идолоў возбудило его къ матежу. По всей выразительности, къ религіозной ревности присоединилось еще и неудовольствие на князя за вассальное подчиненіе Византіи и за обязательство платить ей дань. Мятежники убили князя и преемникомъ ему поставили его брата Моагера.

¹⁾ Феофанъ, Анастасій и Кедренъ. Замѣчательно, что, по извѣстію тѣхъ же историковъ, около того же времени принялъ крещеніе отъ императора Юстиニアна князь Придунайскихъ Геруловъ Гретисъ съ своими приближенными и обязался почти тѣми же условіями (Mem. Pop. I. 430). Очевидно, что всѣмъ союзникамъ варваровъ Византія прилагала одинаковіе политическіе пріемы.

Всльдъ затѣмъ, опасаясь мщенія со стороны Римлянъ, занимавшихъ Боспоръ, они внезапно напали на этотъ городъ и избили византійскій гарнизонъ съ трибуномъ Далматіемъ. Но Болгары на этотъ разъ не долго владѣли Боспоромъ. Императоръ отправилъ противъ нихъ и моремъ, и суходѣмъ путемъ многочисленныя войска, набранныя „изъ Скиѳовъ“ (следовательно, главнымъ образомъ, изъ Славянъ). Очевидно, онъ рѣшился употребить болѣшія усилия, чтобы смирить таврическихъ Болгаръ и упрочить свою власть въ такомъ торговомъ и стратегическомъ пункте, каковъ былъ Киммерійскій Боспоръ. Успѣлія его увѣнчались успѣхомъ. Варвары, устрашенные вѣстью о приближеніи сильного войска, покинули городъ, и Византійцы окончательно въ немъ утвердились. По видимому, Боспориты или Пантикопеицы, признавшіе надъ собою верховную власть императора Юстиніана I, чтобы имѣть защиту отъ варваровъ, до этого времени еще сохранили тѣнь своего самоуправленія; а теперь они должны были подчиниться византійскимъ начальникамъ. Тогда же, вѣроятно, и были возстановлены Юстиніаномъ обетшавшія стѣны Боспора; императоръ, по словамъ Прокопія, укрѣшилъ его преимущественно передъ другими своими городами въ Тавридѣ¹).

Упомянутыя события относятся къ первой, то-есть, блестящей эпохѣ Юстиніанова царствованія, которое отличалось энергическою, многостороннею дѣятельностью государя и громкими подвигами его легіоновъ. Не то видимъ во вторую половину этого царствованія (явление довольно обычное въ исторіи; для сравненія достаточно напомнить Людовика XIV). Когда Юстиніанъ устарѣлъ, упала его энергія; вѣсты съ тѣмъ возросли, конечно, подозрительность и ревность къ людямъ, выдигавшимъ своими талантами и заслугами; на мѣсто

¹) Что дѣйствительно Византійцамъ только въ это время удалось окончательно подчинить себѣ Боспоръ, видно изъ сдѣлавшаго явѣстіе Прокопія въ его «Персидской войнѣ» (L. II. Cap. 3). Въ 540 году Ариане, отшавшіе отъ союза съ Византіей и перешедшіе на сторону Персовъ, жалуясь Персидскому царю на Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ, «носивши войско на Боспоритовъ, подчиненыхъ Гуннамъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ихъ городъ, на который не имѣлъ никакого права». Судя по этимъ словамъ и по той легкости, съ какой Болгаре захватили городъ и истребили византійскій гарнизонъ, можно предложить вопросъ: не сами ли Боспориты или Пантикопеицы помогали имъ въ этомъ случаѣ? Можетъ быть, у нихъ была антивизантійская партия, недовольная образомъ дѣйствія Византіи. Не надобно также забывать, что въ данную эпоху населеніе этого города было болѣе варварское, нежели греческое.

ихъ получили вліяніе люди неспособныи въ государственномъ отношеніи, но умѣвшіе тонко льстить. Историкъ Агаой говоритъ, что упадокъ дѣятельности особенно былъ замѣтенъ въ военномъ дѣлѣ, которое не замедлило прійті въ разстройство: вмѣсто 645.000, которые должны были находиться подъ знаменами по положенію, армія византійская въ это время едва насчитывала 150.000 человѣкъ для защиты своихъ предѣловъ, и эти войска были разбросаны на весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, именно: на Дунаѣ, въ Италии, Испаніи, Нуридіи, Египтѣ, на персидской границѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Это обстоятельство, конечно, не замедлило отразиться на отношеніяхъ имперіи къ сѣвернымъ варварамъ, и преимущественно, на отношеніяхъ къ обѣимъ вѣтвямъ Болгарского народа, то-есть, Кутургурѣ и Утургурѣ. Первые усилили свои набѣги на имперію; тщетны были тѣ многочисленныи укрѣпленія, которыми Юстиніанъ покрылъ берега Дуная. Болгаре массами врывались въ Мизію и Фракію и особенно пользовались для своихъ нашествій тѣмъ временемъ, когда Дунай замерзалъ.

Въ эту-то вторую эпоху своего царствованія Юстиніанъ усилилъ обычные пріемы византійской политики по отношенію къ варварамъ; онъ откупался золотомъ отъ враговъ, а также золотомъ пріобрѣталъ себѣ между ними союзниковъ и вооружалъ однихъ варваровъ на другихъ. Самый значительный вторжепія Кутургуроў, какъ извѣстно, произошли въ 551 и 559 года. Хотя оба раза эти варвары подверглись нападенію своихъ единоплеменниковъ Утургуроў, однако ихъ междуусобія не могли вознаградить императора за тѣ бѣдствія и опустошенія, отъ которыхъ страдала имперія, и никакія крѣпости, никакіе союзы не могли замѣнить сильныхъ и хорошо устроенныхъ легіоновъ, которые должны были бы охранять ея сѣверные предѣлы. Въ союзъ съ Византіей въ эту эпоху снова усиливается восточно-болгарское племя, то-есть, Утургуры. Таврическіе и Таманскіе Болгаре составляли только часть этого племени; жилища другихъ его вѣтвей, по видимому, простирались тогда на западъ приблизительно до Дибрія, гдѣ онѣ соприкасались съ землями Кутургуроў. Между тѣмъ какъ у послѣднихъ изъ числа вождей выдвигался особенно Заберганъ, во главѣ утургурскихъ князей является въ то время Сандиль (по нашему мнѣнію то же, чтѣ Судило или Судисланъ). Прокопій замѣчаетъ, что это былъ мужъ, одаренный замѣчательнымъ разумомъ, болышио твердостію духа и весьма опытный въ военномъ дѣлѣ (De B. G. L. IV, с. 18). Подъ его начальствомъ Утургуры взяли верхъ надъ сво-

ими соплеменниками и заняли отчасти ихъ земли; такимъ образомъ нѣкоторыя ихъ вѣтви отодвинулись далѣе на западъ. Враждя между собою, Болгарскія племена въ то же время по нѣкоторымъ признакамъ приходили въ столкновенія и съ другими Славянскими народами, особенно съ многочисленными племенами Антовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Болгаръ. Кромѣ того, они, безъ сомнѣнія, сталкивались и вели частныя войны съ Угорскими ордами, кочевавшими въ степяхъ Пріазовскихъ. Растиженіемъ болгарскихъ вѣтвей и ихъ взаимными расприями вскорѣ воспользовались другіе варвары, надвинувшіе съ востока. Мы говоримъ о Хазарахъ и Аварахъ.

Но чѣмъ это были за варвары, и къ какой семье народовъ они принадлежали?

II.

Сбивчевыя мѣнія о Хазарахъ.—Пришлый турецкій элементъ и туземный хазаро-черкесскій.—Двойственный составъ Аварскаго народа изъ Угромъ и Черкесъ. — Отношенія къ Антамъ и Болгарамъ.

Если обратимся къ начальнымъ судьбамъ Хазаръ, то относительно ихъ найдемъ въ историческихъ сочиненіяхъ такую же путаницу попыткъ, какую нашли по отношенію къ Болгарамъ. Мы видѣли, что исторію Болгаръ обыкновенно начинаютъ съ половины VII вѣка, то есть, со времени Куврата и мнимаго ихъ раздѣленія между его сыновьями, подъ предводительствомъ которыхъ они будто бы разошлись въ разныя стороны. При этомъ упускалось изъ виду весьма простое обстоятельство, а именно, что Болгаре за долгое время выступили на историческое поприще, уже давно раздѣлившись на разныя части (Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры и пр.) и заняли большое протяженіе земель (См. *Русскій Архивъ* 1874 г. № 7). То же недоразумѣніе по недостатку исторической критики повторилось и относительно Хазаръ. Исторію послѣднихъ обыкновенно начинаютъ со времени императора Ираклія, когда они являются его союзниками въ войнѣ съ Персидскимъ царемъ Хозроемъ, то есть, съ 626 года, и къ этому именно времени приурочиваютъ извѣстіе византійскихъ писателей Феофана и Никифора о томъ, что Хазары пришли изъ „внутренней Бериліи“ или „Берзеліи“. Безъ всякой проверки повторалось свидѣтельство тѣхъ же писателей, что Хазары только во второй половинѣ VII вѣка наложили дань на часть Болгаръ, которая осталась за Азовскимъ моремъ, или на удѣльъ Батбая, старшаго Кувратова сына. А между тѣмъ почти за 60 лѣтъ до упомянутаго союза съ Иракліемъ

болѣе ранніе византійскіе писатели повѣствуютъ о вторженіи въ Европу новыхъ завоевателей, именно Турокъ, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря и покорившихъ нѣкоторые народы юго-восточной Европы, въ томъ числѣ и Болгаръ Утугуротовъ. Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ вводили въ заблужденіе тѣ же писатели, которые баснословятъ о Болгарахъ, то - есть, Феофанъ и Никифоръ; у нихъ впервые встрѣчаются и самое название *Хазаръ*. Впрочемъ вмѣстѣ съ тѣмъ они называютъ ихъ и „восточными Турками“.

Извѣстно, что народность Хазарь до сихъ поръ составляетъ вопросъ въ европейской исторіографіи. Нѣкоторые писатели считаютъ ихъ народомъ турецкимъ или татарскимъ, большинство относить къ финскому семейству и считаетъ соплеменниками Угровъ; третыя называли ихъ предками Черкесовъ (Сумъ, датскій ученый прошлаго столѣтія); четвертые, наконецъ, считали ихъ Славянами (Венелинъ). Сличивъ по возможности разныя извѣстія объ этомъ народѣ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Около половины VI вѣка произошло второе великое движение Урало-Алтайскихъ народовъ на восточную Европу. (Первое было произведено въ IV вѣкѣ Гуннами, народомъ угорского поколѣнія). Начало этого втораго движенія восходитъ впрочемъ къ половинѣ V вѣка; судя по извѣстію Приска, византійскаго писателя того же вѣка, какой-то закаспійскій народъ потеснилъ Аваръ и другія приволжскія и прикавказскія племена. (*Excerpta de Legationibus*). Затѣмъ въ теченіе почти ста лѣтъ византійскіе историки молчатъ объ этомъ народѣ, пока въ VI вѣкѣ онъ не выступилъ, подъ именемъ Турокъ, въ качествѣ новаго завоевателя юго-восточной Европы. Около этого времени въ средѣ кочевниковъ алтайскихъ и сѣвернаго Туркестана, по всей вѣроятности, произошли тѣ же перевороты, которые въ XII вѣкѣ совершились въ средѣ родственныхъ имъ и еще далѣе къ востоку обитавшихъ татаро-монгольскихъ ордъ, то-ссть, возвышение какого-либо ханскаго рода и объединеніе подъ его верховенствомъ значительной части турецкихъ племенъ. А слѣдствіемъ этихъ переворотовъ были такія же движенія на югъ и на западъ. Въ южныхъ областяхъ Аму и Сырь-Дары нѣкогда процвѣтала греко-бактрийская цивилизациѣ, и существовали еще богатые промышленные города. На югъ распространѣе турецкаго владычества, по видимому, не пошло далѣе Туркестана, потому что истрѣтило отпоръ со стороны сильнаго въ то время Персидскаго государства. Но на западъ отъ Каспійскаго моря Турки не пашли ни одного организованнаго противника, а

только разноплеменные народы, разделенные на мелкія владѣнія и враждебные другъ другу; а потому ихъ завоеванія вскорѣ распространились отъ Каспійскаго моря до Кавказа и береговъ Азовско-Черноморскихъ. Завоеванія эти перешли за Кавказъ и проникли до Армени; но и въ той сторонѣ они столкнулись съ тѣми же Персами. Хотя Турки дѣлились на разныя орды, подъ управлениемъ особыхъ хановъ, однако первое время всѣ онѣ подчинились великому хану, жившему въ Туркестанѣ. Это единство продолжалось не долго. Тутъ мы встречаемъ то же самое явленіе, которое видимъ вноскѣдствіемъ въ исторіи татаро-монгольского ига. Турки, поселившіеся между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, въ VII вѣкѣ составили особыхъ хаганатъ, средоточиемъ которого сдѣлался потомъ городъ Итиль, лежавший на нижнемъ теченіи рѣки Итиля, то-есть, Волги. Этотъ хаганатъ съ городомъ Итилемъ былъ прямымъ предшественникомъ Золотой орды съ си столицею Сараемъ. Съ VII же вѣка онѣ сдѣлались извѣстны преимущественно подъ именемъ царства Хазарскаго. Турки хазарскіе, подчинивъ себѣ многіе города и осѣдлый населенія, и сами сдѣлались народомъ полуосѣдлымъ. А тѣ орды, которымъ въ своемъ движении съ востока остановились въ стенахъ Яицкихъ и Волжскихъ, продолжали вести свой прежній кочевой образъ жизни; они встрѣчаются потомъ въ исторіи подъ разными именами, преимущественно Нечеңѣровъ и Узовъ или Кумановъ (Половцевъ). Нечеңѣги сдѣлались извѣстны своими набѣгами на Хазарское царство, основанное ихъ соплеменниками.

Итакъ, Хазарское царство основано собственно турецкими племенемъ; въ этомъ сдѣла ли можетъ быть сомнѣніе. Но почему же оно стало называться Хазарскимъ? Было ли принесено это имя изъ Средней Азіи турецкими завоевателями, или оно было туземное?

Оно принадлежало не пришлымъ Туркамъ, а туземному прикаспакскому народу.

Не восходя ко временамъ болѣе отдаленнымъ, въ которыхъ можно найти это имя, укажемъ на двухъ писателей V вѣка: армянского историка Моисея Хоренскаго и греческаго ритора Приска. Моисей Хоренскій упоминаетъ о паштствіи на армянскія владѣнія Хазаровъ, народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, и это паштество относить въ концу II или началу III вѣка по Р. Х. (см. въ переводѣ Эмина, стр. 134). Государъ Хазаровъ Моисей Хоренскій называетъ хакакомъ, словомъ, которое вообще означаетъ у него вла-

дыку (*ibid.* 309¹). Греческий современник армянского историка Приска говорить о скиескомъ народѣ Акацирахъ или Кацирахъ, обитавшемъ за Азовскимъ моремъ около Кавказскихъ горъ. По его словамъ, этотъ народъ управлялся многими князьями; старшій изъ нихъ, по имени Куридахъ, находясь въ распѣ съ другими, призналъ Аттилу судею этихъ распѣй и помогъ Гуннамъ подчинить себѣ народъ Акацирскій. Хотя зависимость эта окончилась при сыновьяхъ Аттилы, но подобно соседнимъ Болгарямъ, Акациры съ того времени причислялись византійскими писателями къ народамъ гуннскому. Вероятно, это былъ тотъ же храбрый и сильный народъ, который у Прокопія, то-есть, въ VI вѣкѣ, является подъ именемъ Ефталитовъ или *Бѣльгъ Гуннозъ*. Они играли важную роль въ войнахъ Византійцевъ съ Персами, большую частью какъ союзники первыхъ. Бѣльмы эти Гуны, по объясненію Прокопія, назывались потому, что отличались отъ другихъ Гунновъ бѣльмъ цвѣтомъ кожи и красивою наружностию. Слѣдовательно—ясно, что это не были настоащиѣ Гуны или Угры, а принадлежали къ туземнымъ народамъ, то-есть, къ семье индоевропейской, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, къ группѣ Мидо-Сарматской, къ которой должно причислить почти всѣ народы кавказские до появленія между ними гуннскихъ и турецкихъ завоевателей. Рядомъ съ именемъ Ефталитовъ или Бѣльхъ Гунновъ у писателей VI вѣка встрѣчается и ихъ собственное, народное имя, какъ то показываетъ Йорнандъ. Въ своемъ описаніи Скиѳіи онъ упоминаетъ храброе племя Акацировъ, которыхъ помѣщаетъ союзами Болгаръ, хотя, очевидно, не имѣть точного представленія объ ихъ географическомъ положеніи. Итакъ, Кациры или Казиры было одно изъ черкесскихъ племенъ. Какъ въ V столѣтіи они, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, подпали подъ иго Аттилы, такъ въ VI вѣкѣ, по той же самой причинѣ, они сдѣлались добычою турецкихъ завоевателей. По словамъ Менандра, какой-то знатный Ефталитъ, по имени Катульфъ (имя, очевидно, не гуннское), мѣстѣ своему государю за безчестіе жены, предалъ своихъ соплеменниковъ Туркамъ. Это произошло въ 560-хъ годахъ.

Всѣдѣ затѣмъ Турки покорили и другіе прикаспазсіе народы;

¹) Г. Эминъ притомъ совершенно справедливо выражаетъ сомнѣніе въ турецкомъ происхожденіи этого слова. Очевидно, титулъ «хаканъ» или «хаганъ» существовалъ у народовъ прикаспазсіи прежде пришествія туда турецкихъ завоевателей.

между прочими принуждены были платить имъ дань и азовско-черноморские Болгаре или Утургурь, ослабленные внутренними раздорами и удалениемъ на западъ значительной части своего племени. У византійскихъ писателей VIII и IX вѣка завоеватели этихъ народовъ являются иногда подъ своимъ названіемъ Турукъ; но присуществоственно они именуются Хазарами, то-есть, на нихъ перешло имя покоренного ими черкесского народа Хазаровъ. Слѣдовательно, то, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ Хазиры или „Хазары“, въ періодъ приблизительно отъ VII до XI вѣка, не представляло собственно одного опредѣленного племени. Это было государство, составленное изъ разныхъ народностей. Тутъ находились, впервыхъ, истые Турки, прішедши изъ-за Каспійскаго моря, потомъ племена мидосарматскіи или черкесскіи, изъкоторая часть восточно-славянскіхъ народовъ и изъкоторыхъ орды гуннскія или угорскія, кочевавшія въ степяхъ Нижней Волги и Дона. Кроме того, въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населения. Довольно продолжительное существованіе Турецко-Хазарского государства способствовало, конечно, изъкоторому смѣшанію этихъ народовъ и ихъ языковъ; по всей вѣроятности, здѣсь зарождались новые, переходные типы. Но прочной и однородной национальности здѣсь не выработалось; это отчасти и объясняетъ намъ, почему впослѣдствіи Хазарское государство сошло со сцены, не оставивъ никакого опредѣленного этнографического типа въ исторіи. Существование различныхъ племенъ, не слившіхся въ одинъ народъ, объясняетъ намъ и то замѣчательное разнообразіе религій, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ эпоху процвѣтанія Хазарского государства. По изъкоторому родству языковъ, по образу жизни и близкому сосѣдству турецкіе завоеватели, поселившіеся, главнымъ образомъ, около Нижней Волги, по всей вѣроятности, наиболѣе тяготѣли къ народамъ Угорскаго или собственно Гуннскаго племени. Но они неизѣбѣжно подверглись влиянию болѣе одаренныхъ и болѣе развитыхъ народностей славянскіхъ и особенно кавказскіхъ. Послѣдній элементъ, очевидно, взялъ верхъ надъ всѣми другими съ тѣхъ поръ, какъ пришли Турки отѣнѣлись отъ своихъ среднеазіатскихъ соплеменниковъ и составили особое государство. Посредствомъ своихъ женщинъ хазарскій или черкесскій элементъ повлиялъ смягчающимъ образомъ, конечно, и на самый внешній типъ турецкихъ завоевателей.

Одновременно съ Турко-Хазарскимъ государствомъ, выступаетъ на историческое поприще другой народъ завоевателей, Авары. Хотя

народность и исторія Хазаръ до сихъ поръ остаются не выясненными, и извѣстія о нихъ очень мало разработанными критически, однако на ихъ счетъ европейская исторіографія имѣть уже довольно богатую литературу. Назовемъ труды Стриттера, Сума, Лерберга, Френа, Доссона, Языкова, Григорьева, Дорна, Вивьен-де-сент-Мартена, Бруна, Хвольсона и др. Но что, кромъ извлечений Стриттера изъ византійскихъ историковъ, имѣемъ мы для исторіи и этнографіи Аваръ? Венелинъ въ своей не оконченной (исходившей отъ предвзятой идеи) монографіи объ Обрахъ справедливо замѣтилъ: „Если перелистуешь каталогъ всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что Обры или Авары почти совершенно забыты, вмѣстѣ съ ихъ имперіей, не смотря на то, что почти всікий изыскатель, или компиляторъ историческихъ сочиненій, больше или меньше спотыкается объ Аварской имперію или объ Обрской пародѣ“ (Чтения въ Обществѣ истории и древностей российскихъ 1847 г. № 3). А между тѣмъ этотъ народъ свирѣпствовалъ въ средней и восточной Европѣ въ продолженіе 250 лѣтъ!

Не вдаваясь въ особое изслѣдованіе объ Аварахъ, мы предложимъ относительно ихъ нѣсколько своихъ замѣчаній и соображеній, предоставляемъ будущему окончательное рѣшеніе этого темнаго вопроса.

Объ Аварахъ существуютъ такія же разнообразныя мнѣнія, какъ о Хазарахъ. Господствующимъ изъ этихъ мнѣній можно назвать то, которое отожествляетъ ихъ съ Гуннами, слѣдовательно, относить къ именемъ угро-финскимъ. Мнѣніе это основано на томъ, что часть византійскихъ писателей иногда какъ-бы смѣшиваетъ Аваръ съ Гуннами; особенно же подобное смѣщеніе замѣтно у важнѣйшихъ латинскихъ или западно-европейскихъ лѣтописцевъ VI — VIII вѣковъ, каковы Іорнандъ, Григорій Турскій, Фредегарій и Павелъ Діаконъ. Но такъ какъ средневѣковые историки этого периода вовѣщѣ щедры на имя Гунновъ и сообщаютъ его иногда самимъ разнообразнымъ народамъ, то подобное доказательство требуетъ еще подтверждения.

Первый изъ Византійцевъ, упоминающій объ Аварахъ, былъ Прискъ, писатель V столѣтія. По поводу упомянутаго нами выше движенія заскапійскихъ народовъ (Турокъ) онъ говоритъ, что нѣжнѣе ими Авары обрушились на Савицовъ, а послѣдніе — на другіе гуннскіе народы. Затѣмъ византійскія извѣстія молчатъ объ Аварахъ до второй половины VI вѣка, то-есть, до захвата Турками странъ, лежащихъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Тогда Авары, не

желая сносить турецкое иго, вступили въ переговоры съ императоромъ Юстинианомъ I и просили у него земель для поселенія, обѣщаю охранять его имперію отъ вѣшнихъ враговъ. Императоръ, по видимому, былъ доволенъ ихъ предложеніемъ, надѣясь посредствомъ этихъ новыхъ варваровъ сдерживать Болгаръ, угнетавшихъ сѣверныхъ провинцій имперіи. Какъ бы то ни было, значительная часть Аварскаго народа изъ-за Дона и Азовскаго моря перешла на сѣверную сторону Дуная въ Паннонію. Но тутъ скоро оказалось, что Византійская имперія приобрѣла себѣ сосѣда еще болѣе свирѣпаго и опаснаго, чѣмъ Болгаре. О переговорахъ съ византійскимъ правительствомъ и переходѣ Аваръ въ Паннонію повѣтствуетъ въ особенности Менандръ, писатель конца VI и начала VII вѣка. Изъ того же писателя мы видимъ, что Турки смотрѣли на Аваръ, ушедшихъ на Дунай, какъ на своихъ бѣглыхъ рабовъ и требовали отъ преемника Юстиніапова, Юстина II, чтобы онъ не давалъ убѣжища въ своихъ земляхъ ихъ непокорнымъ подданнымъ. Но обстоятельства въ то время не мало покровительствовали этимъ новымъ завоевателямъ средней Европы, а именно: съ одной стороны—слабость имперіи и ея отношенія къ Болгарамъ, а съ другой—взаимные отношенія германскихъ народовъ, побудившія Лонгобардовъ искать союза Аваръ противъ Гепидовъ.

Затѣмъ, обращу вниманіе изслѣдователей на извѣстіе младшаго современника Менандрова, Феофилакта Симокаты. По его словамъ, новые завоеватели, поселившіеся на Дунай въ Панноніи, были не настоящіе Авары. Онъ говоритъ, что эти *Псевдоавары* принадлежали собственно къ племени Огоръ, которое обитало около реки Тиль (Атель или Волга), и что часть этого племени по именамъ двухъ своихъ древнихъ князей называлась *Варъ* и *Хуни*. Когда, уѣгая отъ Турокъ, они приблизились къ Сабирамъ, послѣдніе приняли ихъ за Аваръ и почтили дарами. Тогда Варъ и Хуни, замѣтивъ эту счастливую для себя ошибку, начали уже сами выдавать себя за Аваръ. „Ибо“, прибавляетъ Феофилактъ, — „изъ всѣхъ скіескихъ народовъ Авары отличаются наибольшою даровитостю“ (*Theophilacti Historiarum lib. VII*). Въ этомъ извѣстіи скрывается, конечно, какое-либо недоразумѣніе, но должна быть и иѣкоторая доля правды. Несомнѣнно то, что во времена Феофилакта паннонскіе Авары назывались отчасти *Варъ*, отчасти *Хуни* (или сложнымъ, искусственнымъ словомъ *Вархониты*, какъ иногда находимъ у Менандра). Но что такое имя „Варъ“ какъ не то же „Аваръ“ (какъ Тиль вмѣсто Атель)? Слѣдовательно, этотъ народъ состоялъ собственно изъ Аваръ и Гуни-

новъ. Феофилактъ называетъ ихъ Псевдоаварами, и говорить, что они принадлежали къ племени Огорь; въ послѣднемъ мы можемъ узнать Угровъ. Позволимъ себѣ предложить догадку, что къ Уграмъ принадлежала именно та часть народа, которая называлась „Хунни“, и этихъ Гунновъ дѣйствительно можно было назвать Псевдоаварами, но что другая часть, то-есть, „Варъ“, была настоящими Аварами. Однимъ словомъ, мы усматриваемъ два различные элемента въ томъ народѣ, который подъ именемъ Аварь долгое время господствовалъ на Дунаѣ.

На эту догадку, главнымъ образомъ, навелъ насъ разказъ Константина Багрянороднаго о хазарскомъ племени Кабарахъ или Каварахъ. Въ своемъ сочиненіи „объ управлении имперіей“ (гл. 39 и 40) Константинъ разказываетъ, что Кабары составляли нѣкогда одно изъ племенъ базарскихъ, потомъ возмущились и произвели междуусобную войну, но были побѣждены. Тогда часть Кабарь ушла къ Уграмъ, соединилась съ ними и поселилась сначала въ той странѣ, которую (во времена Константина) занимали Печенѣги. Эта часть Кабарь, соединясь съ семью угорскими колѣнами, составила восьмое колѣнѣ, которое въ войнахъ первенствовало надъ другими своею храбростю. Оно доселѣ (то-есть до временъ Константина) сохранило между панонскими Уграми свое особое народѣчие.

Константинъ не говоритъ, когда именно происходило приведенное сейчасъ событіе, то-есть, переселеніе Кабарь съ Кавказа въ южно-русскія степи. Исторіографія обыкновенно пріурочивала его къ IX вѣку, такъ же какъ и начало угорской династіи Арпада, о которомъ тутъ же баснословитъ Константинъ. Вообще, этотъ писатель представляетъ драгоцѣнныи источникъ во многихъ отношеніяхъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ эпохѣ ему современной. Но его извѣстія о временахъ прошедшихъ иногда сбивчивы и легендарны. Менѣе всего онъ заботился о хронологіи. Между прочимъ у него говорится, что Угры находились въ вассальной зависимости отъ Хазаръ *три года*, пока хазарскій каганъ рѣшился поставить имъ собственнаго цара. Тутъ очевидная ошибка. Если считать со временемъ основанія Турками Хазарскаго государства до появленія Арпада, то выйдетъ не три, а триста лѣтъ. Даѣше, въ тѣхъ же извѣстіяхъ заключается и слѣдующее противорѣчіе. Если Угры были зависимы отъ хазарскаго хагана, то какъ могли уйти къ нимъ Кабары, убѣжившие отъ той же зависимости? Соображая всѣ обстоятельства, мы выводимъ такое заключеніе: Константинъ, повѣствующій о возмущеніи

Кабарь, переселеній ихъ изъ Прикавказья на западъ и соединеній съ Уграми, въ сущности вспоминаетъ о тѣхъ же событияхъ, о которыхъ говорять Менандръ и Феофилактъ по отношенію къ Аварамъ, то-есть, что часть ихъ ушла изъ Хазаріи, спасаясь отъ ига пришлыхъ Туровъ. Эти писатели взаимно одинъ другого пополняютъ и поясняютъ. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что Авары и Кавары или Кабары суть одинъ и тотъ же народъ, принадлежавшій къ хазарскому или черкесскому семейству. (Имена ихъ и доселѣ живутъ на Кавказѣ, гдѣ встрѣчаемъ и Аваръ и Кабарь или Кабардинцевъ). Въ степяхъ азовско-днѣпровскихъ Авары соединились съ нѣкоторыми угорскими ордами, которыхъ соплеменники, остававшіеся между Волгой и Дономъ, также какъ и кавказскіе Хазары, подпали зависимости Туровъ. Теперь намъ понятно, почему Аваръ, завоевавшихъ Паннонію, Феофилактъ называетъ Псевдоаварами, иначе племенами Варъ и Хунни. Онъ только ошибся по отношенію къ племени Варъ, которое было то же, что Аваръ; но Хунни были дѣйствительно не аварское, а угорское племя. Константинъ, который ясно свидѣтельствуетъ о присутствіи черкесскаго элемента посреди паннонскихъ Угровъ, сохранившаго свои отличія еще въ его время, говорить, что эти Угры (которыхъ онъ именуетъ Турками) въкогда назывались *Савартіасфами* (*Савартоаззрою*), чѣмъ еще болѣе подтверждаетъ нашу догадку о присутствіи хазарскаго элемента у паннонскихъ Аваръ. Приведенное название справедливо считаютъ искаженіемъ сложнаго слова, составленного изъ двухъ имёнъ: Савиры и Эфталиты. Послѣднее имя, по всей вѣroятности, какъ мы уже говорили, обозначало у нѣкоторыхъ писателей Хазаръ; а Савиры или Савары у Византійцевъ иногда называются и Авары. (У Йорнанда вмѣсто Авиры въ нѣкоторыхъ спискахъ также стоитъ Савиры). Слѣдовательно, Угры, завоевавшіе Паннонію во второй половинѣ IX вѣка, повторили то же самое, что сдѣлали ихъ предшественники Авары съ помощью ихъ соплеменниковъ во второй половинѣ VI вѣка. Конечно, далеко не всѣ Аваро-Угры были истреблены Франками и Болгарами, разрушившими ихъ государство въ началѣ VIII вѣка. Остатки ихъ, безъ сомнѣнія, облегчили потомъ новое завоеваніе Панноніи Уграми (какъ остатки Гунновъ Аттилы, по всей вѣroятности, облегчили завоеваніе ея Аварами). Притомъ, движеніе изъ-за Азовскаго моря и Дона Угровъ и хазарскихъ Аваръ не ограничилось VI вѣкомъ; по нѣкоторымъ признакамъ, оно продолжалось и послѣ того¹⁾.

¹⁾ Феофилактъ. Симоката сообщаетъ, что во времена императора Маврикия

Не даромъ черкесское или хазарское племя отличалось своею наружностию, характеромъ и языкомъ посреди Угровъ еще въ Х вѣкѣ, то-есть, въ эпоху Константина. (Не даромъ и лучшее, самое дочтаемое, войско у нихъ стало называться *хусари*, то-есть, хасары или хазары). По этому поводу обратимъ внимание на извѣстіе русской лѣтописи, которая дѣлить Угровъ на *Бѣлыя* и *Черныя*. Подъ Бѣлыми Уграми обыкновенная исторіографія разумѣла только Хазарь; но по смыслу лѣтописи это название съ такою же вѣроятностію можно отнести и къ Аварамъ¹⁾). Теперь, когда мы предполагаемъ, что настоящие Хазары и Авары принадлежали къ одному и тому же чёркесскому племени, и что это племя въ соединеніи съ истыми Уграми дѣйствовало и въ южной Россіи, и на Дунаѣ, теперь намъ понятно, откуда произошло название Бѣлыхъ Угровъ, и въ какомъ отношеніи они находились къ Чернымъ, то-есть, настоящимъ Уграмъ.

Иракъ, Аварскій народъ, пришедший на Дунай во второй половинѣ VI вѣка, состоялъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ элементовъ: хазарского или чёркесского и угorskаго или собственно гунскаго. Во главѣ этого союза, очевидно, находился чёркесскій элементъ, болѣе даровитый и храбрый, хотя, можетъ быть, и менѣе многочисленный. По извѣстію Менандра, часть Аваръ, ушедшая на западъ отъ турецкаго ига, будто бы заключала въ себѣ до 200.000 человѣкъ; число это, по всей вѣроятности, преувеличено. Замѣчательно, что та же двойственность типа, какую мы находимъ въ государствѣ, основанномъ

турецкій каганъ окончательно покорилъ племя Огорь (или Угровъ), при чёмъ число избитыхъ Угровъ простиралось будто бы до 300.000, такъ что трупы ихъ были разбросаны на разстояніи четырехъ дней пути. Послѣ того часть Угровъ удалилась къ дунайскимъ Аварамъ и присоединилась къ имъ въ числѣ 10.000 человѣкъ.

¹⁾ «Посемь придоша Угри Бѣли, наслѣдища землю Словѣнську (то-есть, Дунайскихъ Славянъ); сибо Угри начаща быти при Иракліи цари, иже нако-диша на Хоздроя цара Персидска». (Въ войнѣ Ираклія съ Хоздроемъ равно участвовали и Авары, и Хазары). Бѣлые Угры или Хазаро-Аварскій народъ у Русскихъ позднѣе нѣтрячется подъ общимъ именемъ кавказскихъ горцевъ или Чёркесовъ; это посѣдѣніе или восходить ко временамъ глубокой древности (кавказские Керкеты или Черкеты у Страбона). Извѣстіе Константина Багрянород-наго о деселеніи Кафаръ въ западное Черноморье объясняетъ намъ, откуда явилось впослѣдоватіи именование южно-русскихъ казаковъ Чёркесами. (См. по этому поводу любопытныя соображенія профессора Бруна въ Записк. Од. Общ. Ист. и Др., т. V). И самое название казаки, вопреки всѣмъ попыткамъ объяснить его изъ татарскихъ языковъ, есть, конечно, то же, чтоб Казары съ его вариан-тами: Касахи у Константина Багрянороднаго и Касоги въ нашей лѣтописи.

Аварами на Дунай, встречается и въ государствѣ собственно Хазарскомъ, то-есть, около Кавказа. Пришли Турки, заимствовавъ ими отъ тузенцевъ Хазаръ, впослѣдствіи хотя и смѣшались съ ними отчасти, но очевидно, не успѣли совершенно слиться съ ними въ одинъ народъ и выработать новый этнографический типъ. Объ этой двойственности ихъ типа свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія X вѣка. Такъ, у Истахри говорится, что одни Хазары назывались Кара-Джуръ и были цвѣта столь же смуглаго, что казались черными, другіе же были бѣлы, прекрасны и стройны (Си. *Мордтмана Das Buch der Lander von Istachri.* 105). Ибнъ-Даста замѣчаетъ, что воины хазарского вице-царя (иша) „красивы собою“, и что они „одѣты въ прочныя брони“ (*Хвальсона Извѣстія о Хазарахъ* и пр. 18). О чистомъ турско-татарскомъ племени никакъ нельзя было сказать, что оно красиво, бѣло и стройно; это извѣстіе относилось, конечно, къ туземнымъ Хазарамъ, то-есть, къ Черкесамъ, между тѣмъ какъ весьма смуглая, некрасивая часть Хазаръ принадлежала къ настоящему Татарскому племени. О присутствіи этого некрасиваго Татарскаго элемента между Хазарами свидѣтельствуетъ и сѣдующее извѣстіе Симеона Логоѳета: Однажды государственный секретарь сообщилъ императору Михаилу III, что патріархъ Фотій проповѣдуетъ о двухъ душахъ въ человѣкѣ, и что служители поэтому требуютъ двойнаго содержанія. Императоръ, разсмѣявшись, сказалъ: „Такъ вотъ чему учить эта хазарская рожа!“

Наконецъ, принадлежность Аваръ къ Хазарскому или Черкесскому племени подтверждается и общимъ у нихъ титуломъ кагана или хагана, — титуломъ, который, какъ мы замѣчали, не встречается ни на сѣверѣ у Финновъ, ни на востокѣ у Татаръ, а первоначально упоминается у народовъ прикавказскихъ.

При своемъ движеніи изъ-за Азовскаго моря на западъ, Авары и Угры должны были неизбѣжно столкнуться съ южно-русскими Славянами, извѣстными въ тѣ времена подъ общимъ именемъ Антовъ. Хотя послѣдние были многочисленны и храбры, но они въ тѣ времена еще не успѣли объединиться усилиями Днѣпровской Руси и управлялись своими мелкими князьями или своими шумными вѣчами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осѣдлое населеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ и не имѣющее для своей залиты многихъ крѣпкихъ городовъ, съ трудомъ можетъ устоять противъ пришлыхъ ордъ, дѣйствующихъ подвижными и плотными массами; однако Славяне по всѣмъ признакамъ оказали мужественное сопротивленіе. Феофилактъ не даромъ назвалъ Аваръ самымъ изворотливымъ

изъ скиескихъ народовъ. Дѣйствительно, въ своей дальнѣйшей исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи, они являются довольно ловкими политиками и даже своего рода дипломатами,—чѣмъ помимо храбрости и объясняются ихъ первые успѣхи и завоеванія. Источники только мимоходомъ упоминаютъ о ихъ столкновеніяхъ съ Антами. А именно, Менандъ разказываетъ, что когда Авары начали своими набѣгами опустошать земли Антовъ, послѣдніе отправили къ нимъ одного изъ своихъ старшинъ Мезаміра для выкупа пленныхъ. Мезаміръ, человѣкъ тщеславный и рѣчистый, началъ вести переговоры высокомѣрнымъ тономъ. Тогда вѣкто Котрагеть, находившійся въ союзѣ и дружбѣ съ Аварами, далъ аварскому кагану такой совѣтъ: „Этотъ человѣкъ пользуется у своего племени большими значеніемъ и можетъ вывести въ поле столько людей, сколько захочетъ; надобно его убить, и тогда смѣло нападай на ихъ земли“). Авары послушались этого совѣта, и прерѣбъ обычай, охраняющіе особу послы, убили Мезаміра. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ они еще свободнѣе опустошали земли своихъ сосѣдей, брали большую добычу и уводили толпы пленныхъ. Это извѣстіе Менандра бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Аваръ къ южно-русскимъ Славянамъ въ VI вѣкѣ. Упомянутый Котрагеть есть, конечно, то же, чтѣ Котрагъ; а это слово, какъ извѣстно, было одно изъ видовыхъ названий болгарского племени: Котраги или Котригурь въ то время обитали въ Черноморье между Днѣпромъ и Дунаемъ. Подъ именемъ Котрага тутъ разумѣется, конечно, одинъ изъ князей или знатныхъ людей этого племени. Упомянутый совѣтъ намекаетъ на обычное явленіе, то-есть, на раздоры и усобицы славянскихъ народовъ. Между Болгарами и Антами шла, очевидно, мелкая вражда изъ-за земель или изъ-за добычи и пленныхъ (то-есть, рабовъ). Авары, конечно, ловко пользовались этой враждою для своихъ цѣлей.

Относительно Антовъ изъ византійскихъ источниковъ не видно, чтобы они находились собственно подъ аварскимъ игомъ; вѣроятно, имъ удалось отстоять или вскорѣ возвратить свою независимость¹⁾). Но западную вѣтвь Болгаръ, то-есть Кутургурь, мы

¹⁾ Къ этому-то столкновенію Антовъ съ Аварами, можетъ быть, относится то смутное преданіе, которое наша лѣтопись разказываетъ по поводу хазарского напѣстія на днѣпровскихъ Славянъ: такъ какъ владѣнія Турокъ, основавшихъ собственно Хазарское государство, никогда не простирались до Днѣпра, и они никогда не господствовали въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

видимъ потомъ въ теченіе 70 или 80 лѣтъ (то-есть, до временъ Кубрата) подъ игомъ Аваръ, которымъ они платять дань и даютъ вспомогательный войска. Авары пользуются преимущественно болгарскими силами въ своихъ войнахъ съ Византіей и дунайскими Славянами. Напримеръ, уже въ 574 году аварскій каганъ Баалы посылаетъ 10.000 Котригуровъ разорять Далмацию (Менандръ). Около того же времени онъ отправляетъ въ Византію посольство, которое между прочимъ требуетъ отъ императора Юстина II, чтобы та дань, которую его предшественникъ; Юстиніанъ I, платилъ Котригурамъ и Утригурасъ, была теперь вносима Аварамъ, такъ какъ они покорили оба эти народа. На такое требование императоръ отвѣчалъ отказомъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, въ числѣ покоренныхъ упоминаются обѣ вѣтви Болгаръ—и западная, и восточная. Но Утургуры тутъ должны быть понимаемы только отчасти; ибо большую ихъ часть, обитавшую къ югу и востоку отъ Азовскаго моря, въ то же время мы встрѣчаемъ подъ игомъ Турко-Хазаръ.

III.

Союзъ Турко-Византійскій. Посолъ Земаркъ у Дизавула. Валентинъ и Турсантъ. Покореніе азовскихъ Болгаръ и Тавреды.

Въ царствованіе Юстина II, именно въ 568 году, въ Константинополь прибыло посольство изъ-за Каспійскаго моря отъ Турокъ, и вотъ по какому поводу (Менандръ in Excerptis de Legationibus): Турки покорили Согдайтовъ, обитавшихъ въ странѣ, занятой теперь ханствомъ Бухарскимъ (древняя Согдiana). Согдайты были народъ промышленный и торговый, который между прочимъ велъ торговлю шелкомъ. По ихъ просьбѣ турецкій ханъ Дизавуль отправилъ посольство къ знаменитому персидскому царю Хозрою съ предложеніемъ своего союза и съ просьбою дозволить Согдайтамъ свободно торговать шелкомъ въ предѣлахъ персидскихъ. Но по совѣту Катульфа (того самаго, который предалъ Туркамъ своихъ сосплеменниковъ Ефталитовъ, а по-томъ бѣжалъ къ Персамъ), Хозрой отвергъ эту просьбу и не пожелалъ быть въ союзѣ съ Турками. Тогда князь согдайтскій Маныакъ предложилъ Дизавулу отправить посольство къ императору Византійскому, говоря, что союзъ съ нимъ будетъ выгоднѣе для Туровъ, а шелкъ у Грековъ въ большемъ употреблении, чѣмъ у другихъ народовъ. Маныакъ вызвался самъ руководить этимъ посольствомъ. Дизавуль послушалъ и отправилъ его, снабдивъ дружескими письмомъ, а также богатыми подарками изъ шелковыхъ тканей. Посоль-

ство это должно было проходить многія страны, болотистыя прорастающія, лѣсистыя земли и высокія Кавказскія горы, покрытыя туманами и снѣгами. Наконецъ, послѣ долгаго странствія они достигли Константинона. Подарки и письмо были ласково приняты Юстиниономъ. Императоръ много спрашивалъ о турецкомъ государствѣ. Послы отвѣчали, что оно дѣлится на четыре владѣнія или ханства, но что верховная власть надъ всѣми принадлежитъ Дизавулу; рассказывали о покореніи имъ сильного народа Ефталитовъ и о завоеваніи ихъ городовъ. Затѣмъ перевели рѣчь на Аваръ, вопросъ о которыхъ составлялъ одну изъ задачъ посольства. Турки считали Аваръ своими бѣглецами и просили императора не принимать ихъ въ союзъ и не давать имъ земель; при этомъ они сообщили, будто число бѣгавшихъ отъ нихъ Аваръ простирилось до 200.000. Маныаку дѣйственно удалось заключить союзный договоръ съ византійскимъ правительствомъ. Союзъ этотъ имѣлъ будущность, потому что у Туровъ и Византійцевъ оказался одинъ общий непріятель, могущественный царь Персидскій.

Всѣдѣ за первымъ турецкимъ посольствомъ въ Византію послѣдовало и первое византійское посольство къ Туркамъ. Чтобы скрыть новый союзъ, императоръ, при возвращеніи турецкихъ пословъ въ Азію, отправилъ съ ними Киликійца Земарха, который тогда начальствовалъ въ восточныхъ городахъ. Послѣднему за Менандромъ въ его любопытномъ описаніи этого посольства.

Земархъ и Маныакъ покинули Византію въ августѣ слѣдующаго 569 года. Многіе дней провели они въ дорогѣ; наконецъ прибыли въ страну Согдантовъ. Здѣсь встрѣтили ихъ злобные, которые почитались охранителями отъ всякихъ золъ и бѣдствій. Приблизясь къ Земарху и его спутникамъ, они начали шептать какія-то слова, ударяя въ бубны и потрясая колокольчиками, а также производя окуривание ладаномъ. Они съ неистовыемъ шумомъ дѣлали движения, которыми какъ бы прогоняли все, что иноземцы могли принести съ собою зловреднаго. Затѣмъ самого Земарха обвели вокругъ священнаго пламени, который имѣлъ очистительное значеніе. По совершеніи этихъ обрядовъ, посольство въ сопровожденіи особо назначенныхъ для того людей продолжало путь къ той мѣстности, которая называлась Эк-таиз, что означало: „Золотая гора“¹⁾. Она служила тогда мѣстопре-

¹⁾ Другой византійскій писатель, Феофилактъ Симоката, поясняетъ, что мѣсто это получило у туземцевъ такое название вслѣдствіе своего плодородія и обиль-

бываниемъ главного турецкаго кагана, и здѣсь въ одной долинѣ расположено было его жилище. Послы были введены въ ханскій шатерь и представили предъ лицо Дизавула. Палатка его была обита архопестрими коврами, а каганъ сидѣлъ на блиставшей золотомъ колесницѣ, которая служила ему трономъ. Совершивъ обычные поклоны и представивъ императорскіе дары, Земархъ отъ имени своего государя произнесъ высокопарное привѣтствіе, а также пожеланія постоянной побѣды надъ врагами и неизмѣнной дружбы между Римлянами и Турками. Дизавулъ отвѣчалъ такими же пожеланіями всякаго благополучія для Римлянъ. Пословъ пригласили послѣ того къ ханскому пиршеству, за которымъ прошелъ весь остатокъ дня. Но ихъ угостили не винограднымъ виномъ, къ которому они привыкли, а какимъ-то особымъ варварскимъ напиткомъ, впрочемъ на вкусъ очень сладкимъ (медомъ?). На другой день угощеніе происходило въ иной ханской ставкѣ, которая также была изукрашена шелковыми тканами съ разными на нихъ изображеніями. По срединѣ разставлены были дорогие сосуды, вазы и золотые кувшины съ напитками. Дизавулъ возвѣдалъ на золотомъ ложѣ. Сгѣдующее угощеніе происходило опять въ иномъ шатрѣ, который былъ утвержденъ на деревянныхъ столбахъ, покрытыхъ золотыми листами, а золотое ложе кагана покоялось на четырехъ павлинахъ изъ того же металла. У входа стояли многія колесницы, наполненные серебраною посудой и серебряными изваяніями животныхъ, которыхъ красотой и изяществомъ не уступали византійскимъ изѣдѣямъ этого рода, и которыхъ каганъ очень любилъ. Вся эта масса золотыхъ и серебряныхъ вещей свидѣтельствовала о промышленности и богатствѣ городовъ Средней Азіи, разграбленныхъ турецкими завоевателями, или присылавшихъ имъ большие дары, чтобы избавиться отъ грабежа.

Дизавулъ щедро одарилъ византійское посольство, а самого Земарха почтилъ молодою плѣнницей изъ племени Керхись (Киргизъ?). Отправившись въ походъ противъ Персовъ, каганъ взялъ съ собою пословъ съ частью его свиты; эта часть состояла изъ 20 человѣкъ. Во время похода на встрѣчу Дизавулу прибыло персидское посольство. Когда оно вмѣстѣ съ римскимъ было приглашено къ столу кагана,

ныхъ пастицъ, на которыхъ паслись многочисленныя стада и конские табуны. Э: -ъ Эктағъ, можетъ быть, есть та горная гряда, которая называется теперь Актау, въ бывшей ставрной части Бухарского ханства, именъ въ русскихъ властніяхъ.

то послу римскому воздавалось болѣе почестей, чѣмъ персидскому, и первый былъ посаженъ на болѣе почетное мѣсто. Во время пира зашла рѣчь о причинахъ ссоры Туровъ съ Персами. Дизавулъ возвысилъ голосъ и началъ осыпать упреками поведеніе Персовъ. Но и персидскій посолъ, забывъ соблюдаемый за столомъ обычай молчанія, началъ рѣзко возражать, чѣмъ привелъ кагана въ сильный гнѣвъ; впрочемъ, онъ ограничился только бранью. Послѣ того персидское посольство было отослано назадъ, а каганъ продолжалъ свой походъ. Но Земарха онъ отпустилъ въ отчество и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Византію новое турецкое посольство, главою котораго назначенъ былъ иѣвето Тагма, имѣвшій санкт тархана, таѣвъ какъ Маньякъ въ это время умеръ. По своей благосклонности къ умершему, каганъ назначилъ его сына, по имени также Маньяка, товарищемъ послы; молодой человѣкъ имѣлъ также достоинство тархана. Прямой цѣлью вторичнаго турецкаго посольства было удрочить союзъ съ Римлянами и побудить ихъ къ немедленной войнѣ противъ Персіи. Когда въ Туркестанѣ распространілось извѣстіе о новомъ посольствѣ въ Византію, то князь какого-то племени Холатовъ проеилъ у Дизавула позволенія отправить и съ своей стороны иѣсколько человѣкъ ради знакомства съ Римскимъ государствомъ; остальные начальники племенъ обратились съ тою же просьбою. Очевидно, на востокѣ въ то время еще сильно было обаяніе римского имени и греко-римской цивилизації. Дизавулъ далъ разрешеніе одному только начальнiku Холатовъ. Въ городѣ этого племени Земархъ промедлилъ иѣсколько дней и послалъ отсюда впередъ себя гонца, чтобы уведомить императора объ успѣхѣ своего посольства. Гонецъ взялъ съ собой, кроме собственныхъ людей, еще 12 Туровъ и побѣхалъ тою же дорогою, хотя пустынною и безводною, но болѣе короткою, то есть, мимо южныхъ береговъ Каспійскаго моря. А самъ Земархъ, вѣроятно, изъ опасенія попасть въ руки Персовъ, съ остальнойю свитой направился окольнымъ путемъ вокругъ сѣверной части того же моря.

Въ 12 дней, по песчанымъ, холмистымъ и мѣстами топкимъ краямъ, караванъ достигъ рѣки Гихъ (Аму или Сыръ-Дарья?); затѣмъ миновалъ рѣку Даихъ (Яикъ?), и по тонкому Каспійскому прибрежью достигъ рѣки Атила (Волга), откуда прибылъ въ степи. Угурровъ (Угровъ?) Князь этого племени, находившійся подъ рукою Дизавула, наполнилъ водою мѣхи путниковъ, такъ какъ имъ предстояло еще путь по тѣмъ безводнымъ степямъ, гдѣ въ наше время кочуютъ

Ногайцы и Калмыки. Тотъ же угурскій князь предупредилъ Земарка, что гдѣ-то за рѣкой Кофенъ (Кубань?), въ лѣсистыхъ мѣстахъ скрывается 4.000 Персовъ, которые устроили засаду, чтобы захватить въ пленъ посольство. Всѣдѣствие того, когда Римляне приблизились къ болотамъ, съ которыми сливаются рѣка Кофенъ, они остановились и выслали лазутчиковъ, чтобы провѣрить слухъ о персидской засадѣ. Лазутчики воротились и донесли, что никого не видали. Тѣмъ не менѣе посольство двинулось въ страну Аланъ съ большими опасеніемъ, потому что боялось племени Горомосковъ (иначе Мосховъ или Мескіевъ, гдѣ-то въ западной части Кавказа. См. Мешог. Роп. IV).

Князь Аланъ, Сародій, принялъ благосклонно Земарка и его римскую свиту, но отказался допустить къ себѣ вооруженными его турецкихъ спутниковъ. Три дня продолжались споры объ этомъ предметѣ при посредствѣ Земарка; наконецъ Турки уступили и явились къ князу безъ оружія. Сародій, также какъ и угурскій князь, увѣщевалъ Земарка не направлять пути черезъ страну Миндимьянъ, ибо Персы приготовили засаду около Сванії, но лучше воротиться домой такъ называемымъ Даріевымъ путемъ (Дареицѣ атракоо. Дарьалъ?)¹⁾. Земаркъ послѣдовалъ совету Сародія. Чтобы обмануть Персовъ, онъ отправилъ черезъ страну Миндимьянъ десять коней, нагруженныхъ пурпуровыми тканями, какъ-бы свой передовой отрядъ; а самъ пересѣкъ Кавказскій хребетъ и направился въ Апсилію, потомъ повернувшись къ устью Фазиса или Риона, откуда моремъ поплылъ въ Трапезундъ, а изъ Трапезунда большою конной дорогой воротился въ Константинополь.

Описание Земаркова путешествія къ турецкому кагану какъ нельзя болѣе походить на путешествія Евромейцевъ въ црнокаспійскіи и среднеднѣпровскіи степи къ позднѣйшимъ кочевымъ завоевателямъ, то-есть, къ Татарамъ. Особенно сходны черты можно найти у Илано Карпини. Турецкие каганы съ окружающими ихъ обычаями и ихъ дворомъ являются прямыми предшественниками татарскихъ хановъ. То же поклоненіе огню и тѣ же обряды очищенія, исполняемые шаманами надъ чужеземцами, которые должны предстать предъ ханско

¹⁾ Дѣйствительно, въ это время владѣнія Персовъ въ Закавказье простиралась почти на всю Лазику (Мингрелію) съ примыкающими къ ней съ вѣра областями. По извѣстію Иоанна Епифанійскаго, Персы старались подкупить Аланъ, чтобы послѣдніе истребили оба посольства, и римское, и турецкое, но, очевидно, безъ усѣска (См. въ той же книгѣ, гдѣ исторія Льва Діакона, стр. 168 рус. изд.).

лицо. Тѣ же шатры, наполненные огромною добычей и особенно набралленныемъ золотомъ; то же золотое ханское сѣдалище, и самое название резиденціи Золотою Горою напоминаетъ Золотую Орду. Тѣ же отношения покоренныхъ народовъ и одноклъеменныхъ хановъ къ главному или великому хану. Относительно турецкихъ завоеваній мы видимъ, что до конца 60-хъ годовъ VI столѣтія эти завоеванія распространились пока на страны Туркестана, а на западной сторонѣ Каспійскаго моря имъ повинуются собственно Угорскія племена, обитавшія въ степахъ Нижней Волги, и отчасти племена Хазарскія, или Аварскія, другая часть которыхъ удалилась на западъ. Но Алане и народы внутренняго Кавказа пока сохранили свою независимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще не упоминается о покореніи Утургуротовъ или авовско-черноморскихъ Болгаръ.

За этимъ первымъ греко-римскимъ посольствомъ къ Туркамъ послѣдовали цѣлый рядъ другихъ. Византійское правительство, очевидно, дорожило своими новыми союзниками противъ могущественной монархіи персидскихъ Сассанидовъ. Наиболѣе замѣчательное послѣ Земарха посольство было предпринято Валентиномъ, спустя ровно десять лѣтъ. Описаніе его составлено тѣмъ же Менандромъ; уже самъ фактъ описанія свидѣтельствуетъ, что это посольство было болѣе торжественное, чѣмъ другія предшествовавшия ему, и вообще имѣло болѣе значенія. Официальной задачей его было возвѣстить турецкому хану о восшествіи на престолъ императора Тиверія, Юстинова преемника, и подтвердить союзъ, заключенный съ Дизавуломъ противъ Персовъ. Кромѣ того, изъ хода событий выясняется, что Византіячувствовала теперь особую потребность дружескихъ отношеній съ Турками, ибо завоеванія ихъ все болѣе и болѣе расширились на западъ отъ Каспійскаго моря, такъ что грозили захватить и самыя греческія владѣнія въ Тавридѣ и на берегахъ Боспора Евпаторійскаго.

Въ число своихъ спутниковъ Валентинъ выбралъ и 106 Турокъ. Надобно замѣтить, что въ Константинополѣ тогда проживало ихъ довольно большое количество; они прибыли сюда въ разное время, по разнымъ порученіямъ, и преимущественно въ свитѣ возвращавшихся греческихъ пословъ, то-есть, Земарха, потомъ Ананкаста, Евтихія, Геродіана, Павла Киликійца и того же Валентина, который въ 579 году Ѳхаль посломъ уже во второй разъ. Валентинъ, бывшій однѣмъ изъ приближенныхъ императора Тиверія, сѣлъ съ своимъ посольствомъ въ Константинополѣ на скороходные „олькады“ (olcades, лады?) и вдоль азиатскаго берега направился къ Синопу, а отсюда

поворнуль на съверъ къ Херсонесу, и такимъ образомъ, пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Изъ Херсонеса онъ, вдоль юговосточныхъ береговъ Тавриды, достигъ страны Апатуровъ и другихъ племенъ, жившихъ на песчаныхъ берегахъ Киммерийскаго Боспора и Тамани¹⁾). Здѣсь посольство съ судовъ пересѣло на коней и продолжало свой путь посреди болотистыхъ низменностей рѣки Кубани, поросшихъ камышемъ и отчасти лѣсомъ. Тутъ оно миновало страну Анхагась, названную такъ по имени своей царицы, которая управляла туземными Скиеами подъ рукой Анагая, начальника племени Утургировъ. Послѣ долгаго и труднаго пути, посолъ прибыль, наконецъ, въ тѣ мѣста, гдѣ непосредственно властвовалъ Турксантъ; такъ именовался каганъ одной турецкой орды, и именно той самой, которая расположилась въ степахъ между Волгой и Кавказомъ.

Представъ передъ лицо Турксанта, Валентинъ съ обычнымъ византійскимъ витѣствомъ привѣтствовалъ кагана и изложилъ цѣль своего посольства. Но приемъ, ему оказанный, совсѣмъ не походилъ на тотъ, съ которымъ былъ встрѣченъ Земархъ. Обстоятельства уже нѣсколько измѣнились. Посольство имѣло въ виду все того же Диавула; но послѣдній только что умеръ передъ прибытіемъ пословъ, а сынъ его Турксантъ нравомъ своимъ не походилъ на отца. По всѣмъ признакамъ это былъ жестокій, высокомѣрный деспотъ. Притомъ Турки, по видимому, уже нѣсколько разочаровались въ дружбѣ Византійцевъ, имѣя случаи ознакомиться съ ихъ лѣтивою дипломатіей и съ ихъ коварной, по отношенію къ другимъ народамъ, политикой. Очевидно, въ борьбѣ съ Персіей Византійцы старались заграбать жаръ преимущественно руками Турокъ; кромѣ того, поводъ къ неудовольствіямъ подавали двусмысленные отношенія Византіи къ Аварамъ, которыхъ Турки продолжали считать своими бѣглыми рабами.

На рѣчу Валентина Турксантъ отвѣчалъ упреками и угрозами. Онъ показалъ ему свои десять пальцевъ. и сказалъ: „Вы, Римляне,

¹⁾ На Тиманскомъ полуостровѣ въ древности упоминаются городъ Апатуръ и храмъ Венеры Апатурійской. Въ данную эпоху на этомъ полуостровѣ жили уже другие народы, и главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, Болгаре-Утургуры; но византійские писатели, имѣвшіе притязаніе на ученость, любили иногда употреблять географическіе названія изъ временъ Птоломея и Страбона. Такіе народы, какъ Апатуры, Аспурги, Сиды, Цихи и другие, обитавшіе на Тамани и близинѣ Кавказскому берегу, принадлежали, нѣроятно, къ сармато-черкесскимъ племенамъ, а можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ были родственны сармато-славянскому племени Утургировъ.

съ разными народами употребляете десять разныхъ языковъ; но всѣ они суть одна и та же ложь". Въ явительныхъ выраженіяхъ онъ распространился о томъ, какъ Римляне, обольстивъ какой-нибудь народъ сладкими рѣчами и заставивъ его очерти голову броситься въ опасности, потомъ пренебрегаютъ имъ и стараются только воспользоваться плодами его трудовъ. „И государь вашъ", прибавилъ онъ.— „заплатить мнѣ за то," что, ведя со мною дружескіе переговоры, онъ въ то же время принялъ въ свой союзъ нашихъ рабовъ Вархонитовъ (то-есть, Аваръ). А вы, Римляне, зачѣмъ пословъ своихъ отправляете ко мнѣ чрезъ Кавказъ и говорите, что нѣтъ другой дороги? Вы дѣлаете это для того, чтобы трудностью пути отвратить меня отъ нападенія на васъ самихъ. Но я очень хорошо знаю, гдѣ текутъ Днѣпръ, Истръ и Гебръ, черезъ которые перешли наши рабы Вархониты, чтобы вступить въ вашу страну. Я знаю также и ваши силы. Мнѣ же повинуется вся земля, которая начинается отъ первыхъ солнечныхъ лучей и кончается съ послѣдними (то-есть, отъ востока до запада). Посмотрите, несчастные, на Аланскій народъ и даже на самыя племена Утригуровъ. Одаренные крѣпостью тѣла и дерзостью духа, гордые своими многочисленными дружинами, они вступили въ борьбу съ непобѣдимымъ Турецкимъ народомъ, однако обманулись въ своихъ надеждахъ и теперь находятся въ числѣ нашихъ рабовъ".

На эти грозныя слова Валентинъ отвѣчалъ смиренной рѣчью. Онъ указалъ на обычай всѣхъ народовъ, охраняющіе особу пословъ; просилъ кагана смягчить свой гнѣвъ, не упрекать во лжи императора и напоминаль о дружбѣ Римлянъ съ его отцомъ Дизавуломъ, который первый, по собственному желанію, отправилъ къ нимъ послыство, предпочитая римскій союзъ персидскому. Въ заключеніе аудіенціи Турсантъ замѣтилъ посламъ, что такъ какъ они прибыли въ печальное время, то-есть, вслѣдъ за смертью его отца, то и имъ надлежитъ почтить память умершаго по обычая турецкому, то-есть, изрѣзать себѣ лица. Валентинъ послѣдши исполнить желаніе варвара: онъ и его свита исцарапали свои физиономіи остріями мечей. Въ одинъ изъ этихъ дней печали Турсантъ, между прочимъ, привнесъ въ жертву покойному отцу четырехъ плѣнныхъ Гунновъ (вѣроятно, Болгаръ). Онъ велѣль умертвить ихъ вмѣстѣ съ отцовскими конами, при чемъ громкимъ голосомъ поручилъ имъ отправиться къ отцу вѣстниками отъ его народа. Когда всѣ погребальные обряды были исполнены, Турсантъ допустилъ пословъ къ себѣ для перего-

воровъ и затѣмъ отправилъ ихъ во внутреннія турецкія владѣнія къ своему родственнику Тарду. Послѣдній имѣлъ пребываніе на Золотой Горѣ, следовательно, послѣ Дизавула остался старшимъ въ книжескомъ родѣ, то-есть, верховнымъ каганомъ.

Между тѣмъ какъ римское посольство пребывало у Турукъ, Турксантъ находился въ открытой войнѣ съ Римлянами. Войска его предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерийскомъ Боспорѣ. На берегахъ пролива уже стоялъ лагерь подручный Туркамъ князь Утургурский, Анарай, съ войскомъ собственнымъ и турецкимъ; кроме того, Турксантъ въ бытность у него Валентина послалъ съ новыми силами своего военноначальника, Бохана, для скорѣйшаго завоеванія города Боспора или Цантиапеи. Римское посольство, послѣ многихъ скитаній и униженій, наконецъ было отпущено Турксантомъ въ отчество.

Описаніе Валентинова посольства замѣчательно для настъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: впервыхъ, самое направленіе его пути къ Боспору Киммерийскому показываетъ, что морское плаваніе между Константинополемъ и сѣвернымъ прибрежьемъ Чернаго моря совершалось не исключительно вдоль береговъ, какъ мы привыкли думать на основаніи извѣстнаго описанія судовыхъ русскихъ каравановъ у Константина Багрянороднаго. Очевидно, для сообщенія съ Тавридой Греки пользовались самымъ узкимъ мѣстомъ Чернаго моря и переплывали его именно между Синопомъ и Корсуномъ. Это указаніе вполнѣ объясняетъ намъ извѣстіе Льва Диакона въ X вѣкѣ о томъ, что Игорь, послѣ своего пораженія у ближнихъ къ Константинополю береговъ Анатоліи, отплылъ не къ устью Днѣпра, а именно въ Босфоръ Киммерийскій, то-есть, къ восточнымъ берегамъ Тавриды. Далѣе, часть турецкихъ ордъ, какъ видно, ужъ основалась на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Менандръ не говоритъ, гдѣ именно находилось мѣсто пребыванія Турксанта, но по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о степахъ собственно Астраханскихъ или нижней Волги. Въ этомъ отношеніи орда Турксанта является прямымъ предшественницей орды Батыевої. Какъ потомъ Батый, Турксантъ отправляется европейскихъ пословъ (а также, вѣроятно, и подчиненныхъ князей) въ Среднюю Азію на поклонъ верховному хану. Какъ волжские Татары отдѣлились и составили особое ханство, такъ и волжские Турки составили вскорѣ особое, самостоятельное государство подъ именемъ Казарскаго, средоточиемъ котораго сдѣлался впослѣдствіи городъ Итиль, предшественникъ Сарая. Турецкія завоеванія VI вѣка, впрочемъ, не имѣли,

по видимому, такого опустошительного характера, какъ монголо-татарскія XII и XIII столѣтій; слѣдовательно, при всей своей свирѣпости, Турки не были такими безпощадными дикарями, какъ Монголы. Да и вся исторія показываетъ, что при столкновеніи съ образованными странами, первые обнаружили болѣе воспріимчивости къ началамъ гражданственности, нежели вторые.

Затѣмъ, для насъ очень важны въ рѣчи Турксанта нѣсколько словъ, относящихся къ Аланамъ и Утургурамъ или азовскимъ Болгарамъ. Во время Земархова посольства, о зависимости этикъ народовъ отъ Туровъ еще не было и рѣчи. Напротивъ, мы видѣли, что Аланскій князь допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе, какъ безъ оружія. Но въ слѣдующій затѣмъ десятилѣтній періодъ турецкія завоеванія распространились до сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря. Алане и Утургуры были приведены въ зависимость, не смотря на ихъ храбрую оборону, на что прямо указываются слова Турксанта. Онъ называетъ ихъ своими рабами; но разумѣется, подчиненіе ихъ выражалось, по обычаямъ того времени данью и обязанностю выставлять вспомогательные дружины. И дѣйствительно, мы видимъ, что князь Утургурский, Анарай, вмѣстѣ съ Турками покоряетъ тѣ боспорскіе города, которые принадлежали Византійской имперіи. Но этотъ князь на столько еще силенъ, что въ свою очередь имѣеть и своихъ вассальныхъ или подручныхъ владѣтелей; напримѣръ, подъ его рукой находится влагина племени Анкагасъ.

Итакъ, покоривъ Утургуротовъ, Турки приступили къ завоеванію боспорскихъ городовъ; но тутъ рѣчъ идетъ, конечно, о Пантикалеѣ и другихъ греческихъ колоніяхъ на западномъ берегу Боспорскаго пролива; ибо восточный берегъ, то-есть, Таманъ, былъ уже во власти Болгаръ Утургуротовъ, и слѣдовательно, вмѣстѣ съ ихъ покоренiemъ перешелъ подъ турецкое владычество. Изъ описанія посольства видно, что наиболѣе упорною защитой отличился городъ Боспоръ или Пантикалея, благодаря, конечно, своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, построеннымъ при Юстиніанѣ I. Объ окончаніи осады Менандръ че упоминаетъ; но несомнѣнно, что Турки и Болгаре овладѣли этимъ все еще значительнымъ торговымъ городомъ. По всѣмъ привнакамъ, они нанесли ему окончательное раззореніе, и Боспоръ послѣ того уже не поднимался до степени важнаго и богатаго города. О его древнемъ величиѣ и богатствѣ доселѣ свидѣтельствуетъ множество драгоцѣнныхъ предметовъ, находимыхъ въ безчисленныхъ Керченскихъ курганахъ, а также въ развалинахъ его акрополя на такъ-называемой Митрида-

товой горѣ. За берегами Боспора послѣдовало покореніе всей съверной и восточной части Таврическаго полуострова; вмѣстѣ съ тѣмъ подчинились Туркамъ и обитавшія здѣсь племена тѣхъ же Гунновъ Утургуроў, то-есть, Болгаръ. Но всей Тавриды имъ не удалось завоевать. Спустя года полтора или два, именно подъ 582 годомъ, Менандръ сообщаетъ извѣстіе объ осадѣ города Херсонеса; онъ опять не говоритъ объ исходѣ осады; очевидно, однако, что она кончилась неудачно. Херсонесъ и его окрестныя области, укрѣпленная многими замками и длинными валами, отстояли себя отъ иги варваровъ. Не покореннаю осталась пока и Готія или южное горное прибрежье Тавриды, можетъ быть, до Судака (Судака) включительно.

IV.

Древняя Болгарія и Турко-Хазарское государство. — Второй христіанскій князь у Болгаръ. — Корсунцы и Юстиніанъ Риностметъ. — Иудейство въ Хазаріи.

Послѣ извѣстія Менандра о подчиненіи Гунновъ Утургуроў Туркамъ, византійскіе историки уже не упоминаютъ объ Утургурахъ. Но это молчаніе нисколько не означаетъ, чтобы послѣдніе исчезли изъ исторіи. У болѣе позднихъ историковъ они являются подъ другимъ племеннымъ названіемъ, но совершенно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ оставилъ Менандръ. А именно, Феофанъ и Никифоръ, писавшіе два вѣка спустя послѣ Агаеія и Менандра и около двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Прокопія, уже не знаютъ Гунновъ Утургуроў, а вмѣсто нихъ говорятъ о Гуннахъ, Болгарахъ и Котрагахъ, которыхъ родина, *Дреенія* или *Великая Болгарія*, по ихъ словамъ, лежала между Меотійскимъ озеромъ и Кавказомъ, то-есть, тамъ же, откуда Прокопій выводить своихъ Кутургуроў и Утургуроў. Въ извѣстной легенды о раздѣленіи Болгаръ по смерти Куврата, Феофанъ и Никифоръ говорятъ, что часть старшаго Кувратова сына Батбая осталась на родинѣ, гдѣ и была вскорѣ покорена Хазарами, которымъ платить дань „до сего дня“ (то-есть, до времени Феофана и Никифора, писавшихъ въ первой четверти IX вѣка). Мы ужъ имѣли случай показать несостоятельность этой легенды и всю ее несообразность съ дѣйствительностью исторіей Болгаръ. (См. *Русский Архивъ* 1874, № 7). Таврические и кубанскіе Болгаре подпали игу восточныхъ завоевателей не послѣ смерти Куврата, то-есть, не во второй половинѣ VII вѣка, а гораздо раньше, во второй половинѣ VI вѣка, какъ это мы сейчасъ видѣли изъ разказовъ Менандра, писавшаго о событияхъ ему современныхъ; только Менандръ называетъ этихъ завоевателей Турками и не упо-

требляетъ имени Хазарь; точно также не употребляетъ онъ имени Болгаръ, а называетъ ихъ Утургурами.

Название Хазары впервые является у Феофана подъ 626 годомъ, по поводу союза ихъ съ императоромъ Ираклиемъ и дружескаго свиданія его съ ихъ предводителемъ подъ стѣнами Тифліса. Отсюда заключали обыкновенно, что Хазары только въ это время явились въ странахъ прикаспийскихъ, и совершенно упустили изъ виду то, что повѣствуетъ Менандръ о турецкихъ завоеваніяхъ въ VI вѣкѣ; хотя Феофанъ, употребляя впервые имя Хазары, помнитъ, что такъ назывались „восточные Турки“; а его современникъ, Никифоръ, разказывая объ упомянутомъ свиданіи Ираклія, союзниковъ его именуетъ просто Турками, и потому оба они, Феофанъ и Никифоръ, не разъ еще называютъ ихъ Турками. Никифоръ впервые приводить имя Хазарь въ упомянутой легендѣ о Кувратѣ и Батбѣ. Поэтому, оба писателя замѣчаютъ, что Хазары пришли изъ Внутренней Верзеліи (Феофанъ) или Вериліи (Никифоръ), страны соѣдней съ Сарматами, и покорили всѣ народы до Понта. На основаніи этикъ-то неточныхъ указаний, исторіографія выводила заключеніе о прішествії въ прикаспийскія страны какого-то новаго народа Хазарь въ XII вѣкѣ, тогда какъ здѣсь надобно разумѣть все тѣхъ же Туровъ, на которыхъ перешло туземное название древнихъ Казировъ или Акацироицъ. Вообще въ средневѣковой исторіи народовъ мы видимъ постоянную смѣшну имень и довольно сбивчивое ихъ употребленіе въ источникахъ; это явленіе сильно отразилось также въ исторіи Руссовъ, Болгаръ и Хазарь; но исторіографія по большей части упускала его изъ виду, и встрѣчая новые народныя имена, обыкновенно разумѣла подъ ними и новые народы¹⁾.

¹⁾ Не могу при этомъ не замѣтить, какъ филология, ложно примѣняемая, поддерживаетъ эту сбивчивость. Напримеръ, мы знаемъ филологовъ, пользующихся известностью, которые продолжаютъ трактовать о финскомъ происхожденіи Хазарь на основаніи одного только названія ихъ города «Саркель», голякая его корни изъ финскихъ нарѣчій и преимущественно изъ Богульскаго. Но впервые эти филологи не подозрѣваютъ того, что въ данномъ случаѣ название прикаспийскаго народа Казировъ перешло изъ пришлыхъ изъ-за Каспийскаго моря Туровъ (впрочемъ, вина такого недоразумѣнія падаетъ на недостатокъ собственно исторической критики источниковъ); а во вторыхъ, отъ Казарь, кроме Саркела, осталось еще исконико названій географическихъ и личныхъ. Наконецъ, и самое слово Саркель можно еще съ болѣшьмъ успѣхомъ толковать изъ языковъ турецко-татарскихъ (къ чьему склоняется и Лербергъ въ своемъ исследованіи о Саркеле); напомнимъ только объ участіи татарскаго слова кала,

Уже въ концѣ VI вѣка мы находимъ у Туровъ междуусобную войну изъ-за каганскаго престола. На этотъ разъ верховному кагану съ помощью трехъ остальныхъ удалось подавить мятежъ (См. у Феофилакта Симокаты подъ 597 г.). Но междуусобія, конечно, потомъ возобновились, и волжско-каспійская орда Туровъ (какъ впослѣдствіи орда Батыева или Золотой), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ Хазарскаго. Здѣсь господствующее турецкое племя подчинилось вліянію покоренныхъ народовъ, отчасти смѣшалось съ ними и мало по малу утратило свою первоначальную дикость и свирѣпость.

Послѣ того какъ азовско-черноморскіе Болгаре вошли въ составъ Хазарскаго государства, исторія ихъ въ теченіе иѣсколькихъ столѣтій скрывается иногда подъ именами Хазаръ и Хазарія, а отчасти подъ прежнимъ именемъ Гунновъ. Но все-таки есть возможность слѣдить за нею и въ этотъ періодъ. Такъ во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ Персами, союзниками Хозроя противъ Византіи, какъ извѣстно, были Авары. Въ 626 году они подступили къ Константинополю съ европейской стороны, а на азіатскомъ берегу Фракійскаго Босфора расположилось персидское войско. Въ числѣ вспомогательныхъ дружинъ Аварскаго кагана находились и подчиненные ему дунайскіе Болгаре (въ хроникѣ Манассіи названные Тавропскими). Между тѣмъ союзниками Ираклія противъ Хозроя были Турко-Хазары, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и тѣ племена, которые состояли къ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, въ числѣ хазарскихъ войскъ находились и азовско-черноморскіе Болгаре. Здѣсь мы видимъ нѣкоторое продолженіе тѣхъ же отношеній, какъ и въ VI вѣкѣ при Юстиніанѣ I, когда Болгаре Кутургурь были врагами имперіи, а Болгаре Утургурь явились ея союзниками и даже сражались за нее противъ своихъ родичей. Это соображеніе подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, которое свидѣтельствуетъ о

означающаго крѣпость, въ названії нѣкоторыхъ черноморскихъ городовъ позднѣйшаго турецко-татарского періода (Чуфутъ-кале, Ени-кале, Сухумъ-кале и проч.). При решеніи подобныхъ вопросовъ не надобно упускать изъ виду и родство многихъ корней въ народчикахъ финскаго и тюркскаго семейства, а также переходъ названий, особенно географическихъ, отъ одного народа къ другому; Хазары же являются именно смѣшью пришлыхъ Туровъ съ разными туземными элементами, каковы угорскій, славянскій и особенно черкесскій.

соловныхъ отношенияхъ азовскихъ Болгаръ къ Ираклию. По словамъ патріарха Никифора, въ 618 году какой-то гуннскій князь, въ сопровождении своихъ родственниковъ, приближенныхъ и даже ихъ женъ, отправился въ Константинополь и просилъ о даровании ему святаго крещенія. Желаніе его было окотно исполнено; его воспринимали самъ императоръ, а восприемниками знатныхъ Гунновъ и ихъ женъ были римскіе вельможи съ своими женами. Новокрещеннымъ сдѣлали приличные наставленія, чтобы укрепить ихъ въ новой вѣрѣ, одѣли въ богатыми царскими подарками и римскими титулами, при чёмъ самому князю дали титулъ патриція; затѣмъ ихъ отпустили на родину. Это извѣстіе для насъ очень драгоценно. Рѣчь идетъ, конечно, о томъ же Гуннскомъ племени, къ которому принадлежалъ князь Гордасъ; а послѣдній, какъ мы узнаемъ изъ Феофана, 90 лѣтъ назадъ ѿзвѣтился въ Константинополь принять крещеніе изъ рукъ Юстиніана I (Феофанъ и Никифоръ, какъ извѣстно, Болгаръ называли и Гуннами). Гордасъ погибъ жертвою своей ревности къ вѣрѣ, и послѣ того распространеніе христіанства между таврическими Болгарами, конечно, замедлилось на нѣкоторое время. Но потомъ оно дѣлаетъ успѣхи: мы видимъ, что другой князь принимаетъ крещеніе съ своими боярами и даже съ ихъ женами, при чёмъ источникъ не говоритъ, чтобы судьба его была похожа на судьбу Гордаса. Слѣдовательно, христіанство съ этого времени болѣе прочно утверждалось между азовско-черноморскими Болгарами, хотя большая ихъ часть оставалась въ язычествѣ, чему способствовало и ихъ раздробленіе на разныхъ племена, подчиненные различнымъ князьямъ.

Для исторіи этихъ Болгаръ важны также нѣсколько дальнѣйшихъ извѣстій о Херсонѣ, Боспорѣ и Фанагоріи, сообщаемыхъ по поводу Юстиніана Ринотмета или Безносаго. Это былъ послѣдній императоръ изъ династіи Ираклія, отличившійся чрезвычайною жестокостію. Однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обычны въ византійской исторіи, Юстиніанъ былъ сверженъ съ престола и съ обрѣзаннымъ носомъ сосланъ на заточеніе въ Херсонесъ Таврический, въ 702 году. Въ ссылкѣ онъ, по видимому, пользовался нѣкоторою свободою, при чёмъ не скрывалъ своей надежды снова овладѣть престоломъ. Херсониты не только не показывали охоты помочь ему, но опасались преслѣдованія со стороны нового императора Тиверія Апсимара, который или убить изгнанника, или схватить его и отослать къ Тиверію. Пронѣдавъ о томъ, Юстиніанъ бѣжалъ сначала въ городъ Доросъ, то-есть, въ сосѣднюю Готію, а отсюда къ Хазарскому кагану.

Послѣдній принялъ его съ честю и, вѣдаль за него свою сестру. Послѣ того Юстиніанъ съ молодою супругою, названною въ крещеніи Феодорою, поселился въ Фанагоріи и здѣсь питалъ планы о возвращеніи престола съ помощью своего нового родственника, то-есть, Хазарскаго кагана. Тогда Апсимаръ отправилъ посольство, которое обѣщаніемъ великихъ даровъ склонило кагана или выдать Юстиніана живымъ, или приносить его голову въ Константинополь. Каганъ не устоялъ противъ золота и поручилъ своимъ намѣстникамъ Пападу Фанагорійскому и Бальгизу Боспорскому убить его зятя, когда поданъ будетъ къ тому знакъ. Объ этомъ провѣдала Феодора и сообщила своему мужу. Юстиніанъ поступилъ съ обычною ему рѣшительностью и смѣрѣстью: онъ пригласилъ намѣстниковъ къ себѣ на свиданіе по одиночкѣ и обоихъ задушшилъ веревкой; затѣмъ, отославъ жену къ кагану, самъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ къ Тервелю, царю дунайскихъ Болгаръ. Съ помощью послѣдняго ему удалось дѣйствительно воротить престолъ, послѣ чего онъ призвалъ къ себѣ и свою хазарскую супругу.

Злопамятный Ринотметъ не могъ простить Херсонитамъ ихъ непріязни къ нему во время ссылки и готовилъ имъ жестокое мщеніе. Въ 708 году онъ снарядилъ флотъ и войско и послалъ ихъ въ Тавриду, съ тѣмъ чтобы опустошить Херсонскую область мечемъ и огнемъ; а правителемъ Херсона назначилъ спаearія Илью. Отправленное войско исполнило свое порученіе и побило многихъ жителей Херсонской области. Между прочимъ оно схватило здѣсь хазарскаго вельможу Тудуна и знатѣйшаго изъ гражданъ Збила съ сорока патриціями города и подвергло ихъ пыткѣ, а двадцать другихъ патриціевъ потопило въ лодкѣ, наполненной камнами. Молодымъ людямъ была оставлена жизнь съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ рабство. Юстиніанъ велѣлъ привести ихъ въ Константинополь; но дорогой бури потонули корабли, при чемъ погибло пѣсколько тысячъ Корсунской молодежи. Но месть Юстиніана все еще не насытилась. Онъ снарядилъ новый флотъ и отправилъ его съ приказаніемъ произвести въ Корсунской области всеобщее безпощадное избиеніе. Извѣстіе о томъ привело Херсонитовъ въ отчаяніе; они единодушно возстали и отправили къ кагану просьбу прислать имъ хазарскій гарнизонъ. Къ этому восстанию присоединились и сами предводители императорскаго войска, именно спаearія Илья и начальникъ флота Варданъ. Тогда Юстиніанъ назначилъ въ Херсонъ новыхъ начальниковъ и послалъ ихъ съ дружиной въ 300 человѣкъ. Онъ приказалъ отослать къ

кагану Тудуна и Зеила съ ~~измененіями~~. Корсунцы сквишили новыхъ начальниковъ и умертвили, а ихъ трехсотенную дружину вмѣстѣ съ съ Тудуномъ и Зоиломъ выдали Хазарамъ. Дорогою къ кагану Тудунъ умеръ; сопровождавшіе его Хазары (Турки) при его погребеніи принесли въ жертву своимъ богамъ всѣхъ триста Византійцевъ. Между тѣмъ Херсониты отложились отъ Юстиніана и провозгласили императоромъ чомянутаго Вардана, давъ ему прозваніе Филиппика. Юстиніанъ опять вооружилъ новый флотъ и снабдилъ его осадными машинами для совершенного разрушенія Херсонскихъ стѣнъ и башень. Машины эти начали дѣйствовать успѣшно и уже разрушили двѣ башни (по имени Кентенарезій и Синагръ), когда прибытие хазарскаго войска остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Варданъ убѣжалъ къ Хазарскому кагану. Флотъ и войско, потерпѣвъ неудачу и опасаясь мстительного императора, предпочли пристать къ мятежникамъ, признали государемъ Вардана Филиппика и послали за нимъ къ кагану. Послѣдній взялъ съ мятежниковъ большой окупъ, и кромѣ того, клятву, что они не измѣнить новому императору, и прислали имъ Филиппика. Этому претенденту вскорѣ удалось дѣйствительно свергнуть, убить Юстиніана и занять его мѣсто.

Такъ повѣствуютъ Феофанъ, Анастасій, Никифоръ и другіе болѣе поздніе компиляторы. Для нась въ этихъ событияхъ важны, между прочимъ, отношенія къ Хазарамъ. Откуда явился въ Херсонѣ хазарскій вельможа Тудунъ, у Никифора названный даже архонтомъ, то есть, намѣстникомъ Херсона? Поведеніе Херсонитовъ относительно Юстиніана во время ссылки не вполнѣ объясняетъ намъ его ненасытное мщеніе. Притомъ онъ начинаетъ эту месть только пять лѣтъ спустя послѣ возвращенія себѣ престола. Очевидно, источники передаютъ намъ события не полно и не точно. Соображая всѣ обстоятельства, позволяемъ себѣ предположить слѣдующее. Херсонская область была собственно вассальнымъ владѣніемъ Византійской имперіи; она все еще сохранила свою автономію, а также свою торговую привилегію, которыми, конечно, дорожила. Мстительный, деспотичный Юстиніанъ, вѣроятно, началъ стѣснять эту автономію. Тогда Корсунцы воспользовались сосѣдствомъ Хазарского государства, можетъ быть, задумали отиться подъ покровительство кагана и приняли къ себѣ хазарскаго сановника съ его свитою. Отсюда-то, вѣроятно, и возникла такая ожесточенная война со стороны Юстиніана. Странно однако, что Хазары, въ концѣ VI вѣка тщетно осаждавшіе Херсонъ, не воспользовались обстоятельствами, чтобы завладѣть имъ во время этой

войны. Но Корсунцы, вѣроятно, совсѣмъ и не желали наложить на себя хазарское иго и не пускали въ свой городъ сильнаго хазарскаго гарнизона; они хотѣли только воспользоваться помощью кагана для спасенія своей автономіи и для сверженія Юстиніана, чтѣ имъ и удалось. За хазарскую помошь они заплатили деньгами и остались въ соединеніи съ Византійскою имперіей. Свою автономію и своихъ выборныхъ правителей Корсунцы сохранили до временъ императора Феофила, то-есть, еще болѣе столѣтія.

По отношенію къ таврическимъ и таманскимъ Болгарамъ приведенные событія подтверждаютъ только ихъ полную зависимость въ то время отъ Хазаръ. Мы находимъ хазарскихъ намѣстниковъ на обѣихъ сторонахъ пролива, то-есть, и въ Боспорѣ, и въ Фанагоріи. Въ теченіе VIII вѣка уже весь почти Таврический полуостровъ подпалъ власти Хазаръ, за исключеніемъ Корсунской области; между прочимъ около этого времени они завоевали и сосѣднюю съ Корсунью область Готію.

Во второй половинѣ VII вѣка Персидское государство, какъ извѣстно смѣнилось Арабскимъ халифатомъ. Новые завоеватели вошли въ столкновеніе съ Хазарами въ странахъ закавказскихъ, которыхъ всегда служили спорными владѣніями для сильныхъ сосѣднихъ государствъ. Отношенія Хазаръ къ Византії почти не измѣнились съ появлениемъ мусульманскаго халифата. Пунктами столкновеній съ византійскимъ правительствомъ по прежнему оставались владѣнія въ Тавридѣ и отчасти на восточномъ Черноморскомъ берегу; но столкновенія эти, какъ и прежде, уступали място общимъ интересамъ по отношенію къ сильному азіатскомусосѣду. Союзы противъ Арабовъ сдѣлались продолженіемъ прежнихъ союзовъ противъ Персіи. Византійскіе императоры иногда вступали даже въ родственныя связи съ хазарскими каганами. Такъ, послѣ Юстиніана Ринотмета императоръ Левъ Исаакіянинъ женилъ своего сына (Константина Копроніма) на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, нареченная въ крещеніи Ириной, впослѣдствіи прославилась во времена иконоборства: она была почитательницей иконъ, между тѣмъ какъ ея мужъ Константинъ и сынъ Левъ, прозванный по матери Хазаромъ, были извѣстные гонители иконъ.

Около этого времени Хазарія сдѣлалась поприщемъ борьбы между разными религіями, изъ которыхъ ни одна не получила окончательнаго преобладанія, чтѣ имѣло важное вліяніе на судьбу Хазарскаго государства.

Мы видѣли, что Турки, въ VI вѣкѣ пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря, были дикіе огнепоклонники. Кроме поклоненія огню, они, по свидѣтельству Феофилакта, поклонялись вѣтрамъ и водѣ и слагали молитвы землѣ; однако чтили и верховное божество, творца вселеной, которому приносили въ жертву коней, быковъ и овецъ. Они имѣли родъ жрецовъ-шамановъ, которымъ приписывали даръ прорицанія. Христіанская проповѣдь рано проникла въ страну Туровъ, но по видимому, падала на бесплодную почву. Тотъ же Феофилактъ разказываетъ, что къ императору Маврикию (въ концѣ VI вѣка) разъ привели пленныхъ Туровъ. На лбу у нихъ оказалось изображеніе креста, отмѣченное черными точками. На вопросъ, чѣмъ это значить, Турки разказали слѣдующее: Однажды въ ихъ странѣ свирѣпствовала моровая язва; некоторые жившіе между ними христіане убѣдили ихъ матерей отмѣтить на лбу мальчиковъ крестное знаменіе, обѣщаючи имъ спасеніе отъ смерти. Эти спасенные однако остались такими же язычниками, какими были ихъ отцы.—Мы говорили, что Турки, поселившіеся на западной сторонѣ Каспійскаго моря, подверглись влиянию покоренныхъ ими вардовъ. Вліяніе это отразилось, конечно, и на религії. Въ концѣ VII вѣка появился между ними исламъ, внесенный силою меча. По извѣстію Эльмакина, во время халифа Абдул-мелека сына его Мослимъ послѣ одного сильнаго пораженія, нанесенаго Хазарамъ, многія ихъ тысячи принудилъ принять магометанскую вѣру. Эта фанатическая религія, конечно, болѣе подходила къ дикому турецкому племени, нежели христіанство, и дѣйствительно потомъ распространилась между ними, однако не получила преобладанія. Она встрѣтила здѣсь счастливаго соперника въ лицѣ іудеевъ.

Евреи распространялись на Кавказѣ и въ Крыму изъ Палестины, Вавилоніи и другихъ мѣстъ Передней Азіи еще до Р. Хр. Какъ народъ промышленный, они рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, и между прочимъ, на Боспорѣ Киммерійскомъ. Одна Пантикопейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говорить объ отпущеніи еврейского раба съ согласія синагоги (*Voeckh Corp. Inscript. № 214*), а синагога предполагаетъ уже цѣлую общину. Давнее пребываніе Евреевъ въ Крыму подтверждается также замѣтками на старыхъ свиткахъ Пятикнижія и надгробными надписями, особенно такъ называемой Іосафатовой долинѣ въ Чуфутъ-Кале¹). Эти памятники

¹⁾ Большое количество подобныхъ свитковъ и надписей собрано было тру-

заключаютъ въ себѣ указанія на притокъ еврейской колонизаціи на Кавказъ и Крымъ изъ Передней Азіи и Византійской имперіи, колонизаціи, продолжавшейся въ теченіе всей первой половины среднихъ вѣковъ. Особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ то время на восточномъ берегу Киммерійского Боспора въ Фанагоріи или въ Матархѣ, какъ она называется въ еврейскихъ памятникахъ. Эта община въ свою очередь высыпала колоніи въ ближніе таврическіе города, напримѣръ: въ Керчь, Кафу, Солматъ, Судею, Мангупъ и другіе. Въ этомъ отношеніи съ еврейскими памятниками вполнѣ согласуется свидѣтельство византійского историка Феофана. Говоря о Кубанской странѣ какъ о родинѣ Болгаръ, онъ замѣчаетъ, что Фанагурія (означающая тутъ вообще Таманский полуостровъ) населена разными племенами, при чёмъ поименовывается только Евреевъ, следовательно, въ этой области они были особенно многочисленны.

Этимъ обилиемъ въ томъ краю еврейского элемента, весьма подвижного и промышленного, притомъ имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ мужей, и объясняется успѣхъ іудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успѣхъ былъ столь значителенъ, что является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религию Моисея—событіе, единственное въ своемъ родѣ. О томъ, какимъ образомъ произошло это обращеніе, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; ибо разказы о принятіи іудейства царемъ Хазарскимъ Булой или Буланомъ, около половины VIII вѣка, должны быть отнесены къ легендамъ; они черпаются только изъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ еврейскихъ источниковъ и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомнѣвающійся въ истинѣ язычества и испытывающій проповѣдниковъ трехъ религій: іудейской, христіанской и магометанской,— это весьма общий мотивъ для разказовъ подобного рода¹⁾). Трудно сказать, въ какой именно формѣ утвердилось іудейство между Хазарами, въ видѣ раввинскаго талмудизма или въ видѣ караизма, издавна су-

дами известнаго еврейскаго ученаго Фирковича. Любопытные выводы изъ этого собранія, см. въ сочиненіи г. Хвольсона: *Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim (Mémoires de l'Acad. VII-e série. T. IX).*

¹⁾ Хотя г. Хвольсонъ въ своемъ сейчасъ названномъ трудѣ и настаиваетъ на томъ, будто отвѣтъ хазарскаго царя Йосифа испанскому Еврею Хисдаю, заключающей упомянутую легенду, представляетъ подлинный памятникъ, но мы пока остаемся при господствующемъ мнѣніи, что этотъ отвѣтъ есть не болѣе какъ мистификація, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ Евреемъ (русскій переводъ его см. въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847. № 6).

ществовавшаго въ Крыму и на Кавказѣ. Вопросъ этотъ спорный въ ученомъ мірѣ; но болѣе вѣроятности, по нашему мнѣнію, находится на сторонѣ караизма. Во вскомъ случаѣ существованіе еврейской религіи у Хазаръ не подлежитъ сомнѣнію, ибо о немъ свидѣтельствуютъ разные независимые другъ отъ друга источники. Извѣстенъ разказъ нашей лѣтописи о прибытіи іудейскихъ миссіонеровъ отъ Хазарь. То же подтверждаютъ и арабскіе писатели, особенно Ибнъ-Даста и Ибнъ-Фадланъ. Послѣдній впрочемъ, поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а что остальной народъ состоять изъ мусульманъ, христіанъ и язычниковъ¹⁾.

Обращеніе хазарской династіи въ іудейство, по нѣкоторымъ признакамъ, неблагоопріятно повлияло на дальнѣйшее развитіе государства. Между тѣмъ какъ царь былъ іудеемъ, войска его состояли преимущественно изъ магометанъ и язычниковъ; собственно же еврейское населеніе, разсѣянное въ хазарскихъ городахъ и занятое своими меркантильными интересами, представляло, конечно, весьма слабую опору для поддержанія государственного единства и могущества. Соперничество разныхъ религій не могло содѣйствовать образованію одной плотной націи, и Хазарское государство до конца осталось собраніемъ разныхъ народностей. Постепенному упадку хазарского могущества способствовало и самое раздвоеніе власти. Въ рукахъ верховнаго кагана (*хазаръ-хакана*, по Ибнъ-Даста) съ течениемъ времени осталась власть почти номинальная, хотя особа его и была окружена чрезвычайнымъ почитаніемъ; а действительная власть сосредоточилась въ рукахъ его намѣстника, начальствовавшаго надъ войскомъ. Послѣдній назывался, по Константину Багрянородному, просто *пехъ* (то-есть, бегъ), по Ибнъ-Фадлану *хаканъ-безъ*, а по Ибнъ-Даста *иша* (то-есть, почти то же чтѣ *шахъ*, какъ объясняетъ г. Хвольсонъ въ своей книжѣ объ этомъ писателѣ, стр. 56). Подобное раздвоеніе власти, конечно, имѣло свою долю участія во внутреннихъ смутахъ и разложеніи государства.

Мы думаемъ, что нѣкоторый упадокъ хазарского могущества обна-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: «Хазаре и царь ихъ вѣдь Евреи». Но тутъ подъ словомъ Хазаре должно разумѣть также дворъ или хазарскую аристократію, какъ это съ вѣроятностію tolkнутъ г. Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ, 108). Вообще вѣдь арабскія извѣстія согласны въ томъ, что іудейскую религію исповѣдуvala наименьшая часть Хазарь (см. *Лерберга*, 349).

ружился уже въ первой половинѣ IX вѣка по поводу построенія крѣпости Саркела.

V.

Хазарскій Саркелъ, построенный для защиты отъ Печенѣговъ и Руси.—Посольство Русскаго кагана въ 839 году.—Рядъ извѣстій о Роксаманскомъ или Русскомъ народѣ отъ I до IX вѣка включительно.

Около 835 года Хазарскій каганъ и Хазарскій бекъ (*такъ*), по раз-
казу Константина Багранороднаго, прислали къ императору Феофану пословъ съ просьбою построить имъ на Дону крѣпость. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ на своихъ хеландіяхъ спаеваро-
канндидата Петрону съ мастерами и рабочими. Въ Херсонѣ Петронъ пересѣль на плоскодонныя суда, которыхъ могли ходить по Азовскому морю и по рѣкѣ Танаису. Онъ дошли до назначенного мѣста этой рѣки и здѣсь остановился. Такъ какъ въ томъ краю не оказалось камня, годнаго для зданій, то Греки устроили печи, приготовили кир-
пичи, и затѣмъ воздвигли крѣпость, названную *Саркелъ*, что значитъ „Бѣлая Гостинница“, по объясненію Константина (а въ русской лѣ-
тописи „Бѣла Вежа“). Современникъ Константина Леонтій (одинъ изъ продолжателей Феофана), сообщающій то же извѣстіе о построеніи этой крѣпости только въ болѣе короткихъ словахъ, прибавляетъ, что въ Саркеле находился хазарскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ, которые времена отъ времени смѣнялись. Съ построениемъ Саркела связана важная перемѣна въ жизни Херсонеса Таврическаго. Дотолѣ, какъ извѣстно, этотъ городъ съ своею областью пользовался автономіей: внутренними дѣлами его завѣдывали городскіе патриціи подъ пред-
сѣдательствомъ выбраннаго изъ ихъ среди протевона. По совѣту Петronы, воротившагося изъ своей экспедиціи, Феофанъ чтобы имѣть Херсонъ въ полной своей власти, назначилъ туда императорскаго намѣстника или стратига, которому подчинилъ протевона и патри-
ціевъ. Первымъ херсонскимъ стратигомъ былъ назначенъ тотъ же Петронъ, какъ хорошо знали мѣстныя дѣла, при чемъ изъ спаеваро-
канндидатовъ онъ былъ повышенъ въ слѣдующее достоинство, то-
есть, протоспаеварія.

Для защиты отъ какого народа построена была крѣпость Саркелъ?

Главный источникъ, то-есть, Константинъ Багранородный, ничего не говоритъ на этотъ счетъ; но онъ указываетъ на Саркелъ какъ на пограничную крѣпость съ Печенѣгами, обитавшими къ западу отъ

Дона; а Кедринъ, писатель XI вѣка, уже прямо говорить, что Саркель былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ. На это Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи „О положеніи Саркела“ замѣтилъ, что въ эпоху его построенія Печенѣги кочевали въ степяхъ поволжскихъ, то-есть, къ сѣверу отъ Хазарскаго государства; а на западную сто-рону Дона они перешли нѣсколько позднѣе; слѣдовательно, эта крѣ-пость не имѣла цѣлью защиту отъ Печенѣговъ. По его мнѣнію, еще менѣе могла она имѣть въ виду защиту отъ Руссовъ. Но при болѣе точномъ и беспристрастномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, то и другое его положеніе должно оказаться несостоятельнымъ.

Не даромъ Саркель стоялъ на судовомъ ходу изъ Азовскаго моря въ Каспійское: онъ, конечно, стерегъ этотъ важный путь! По всѣмъ признакамъ, онъ находился тамъ, гдѣ караваны должны были остав-лять Донъ и волокомъ перетаскиваться въ Волгу, то-есть, около того мѣста, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходить другъ къ другу. Этотъ волокъ служилъ, конечно, главнымъ средствомъ защиты противъ су-довой рати, такъ какъ Турко-Хазары сами не были искусны въ судо-ходствѣ и не имѣли флота. Саркель преграждалъ дорогу Руссамъ, которые изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою переходили въ Кас-пійское море съ цѣлью грабежа; слѣдовательно, онъ долженъ быть охранять отъ ихъ нападеній столицу Хазарскаго царства Итиль. Лер-бергъ отрицалъ такое предположеніе, какъ послѣдователь норман-ской школы. (Вѣдь Руссы, если вѣрить извѣстной баснѣ, еще не су-ществовали на Руси въ первой половинѣ IX вѣка; они только во вто-рой его половинѣ были *призваны изъ за-моря!*). Но для насъ немы-слимы народы и государства, внезапно упавшіе съ неба. Подтверж-деніемъ нашего мнѣнія о назначеніи Саркела защищать Хазарію отъ . Руси служатъ послѣдующія события.

Арабскій географъ Масуди, писавшій въ первой половинѣ X вѣка, въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ повѣствуетъ о походѣ Руси на Кас-пійское море въ числѣ 500 судо-мъ, въ 913 году. Онъ говорить, что Руссы вошли въ рукавъ Нейтаса, соединяющійся съ Хазарской рѣ-кою. Подъ именемъ послѣдней разумѣется Волга; а подъ рукавомъ Нейтаса (то-есть, Азовскаго моря) надобно разумѣть нижнее теченіе Дона отъ его устья до крутаго изгиба на сѣверъ. Масуди поясняеть, что здѣсь стояла многочисленная хазарская стража, чтобы удер-живать какъ приходящихъ Азовскимъ моремъ, такъ и наступающихъ сухимъ путемъ. Онъ именно указываетъ на турецкихъ кочевниковъ Гузовъ, которые обыкновенно приходять къ этому мѣсту зимовать.

Когда же реки замерзаютъ, то Гузы переправляются по льду и вторгаются въ страну Хазарь; но лѣтомъ они не имѣютъ переправы (следовательно, не могутъ обойти Саркела). Когда русские корабли—продолжаетъ Масуди — подошли къ устью рукава (то-есть, къ волоку между Дономъ и Волгой), то они послали къ Хазарскому царю просить, чтобы онъ дозволилъ имъ войти въ его реку (то-есть, Волгу) и вступить въ Хазарское море. Они обѣщали отдать ему половину изъ всего, что пограбятъ у народовъ, живущихъ по этому морю. Царь согласился. Исходъ предприятия извѣстенъ. Руссы пограбили и опустошили прибрежныя Каспійскому морю магометанскія страны и отдали по договору часть добычи Хазарскому царю. Но мусульманскій отрядъ, находившійся у него на службѣ, и другіе мусульманскіе жители Хазаріи выпросили у него разрешеніе отомстить Руссамъ за избѣженіе своихъ единовѣрцевъ. Даѣтъ въ извѣстіи Масуди, очевидно, есть некоторая неточность: по его разказу, битва произошла будто бы около Итила. Руссы, увидавъ мусульманъ, вышли на берегъ, сразились и послѣ трехдневного боя были разбиты. Остатокъ ихъ отправился на судахъ въ страну, примыкающую къ Буртасамъ; тамъ они были окончательно истреблены Буртасами и мусульманскими Болгарами. Но зачѣмъ же Руссамъ послѣ ихъ пораженія надобно было отправляться въ страну Буртасъ и Камскихъ Болгаръ? Не естественнѣе ли было спѣшить домой тѣмъ же обычными путемъ, то-есть, Дономъ и Азовскимъ моремъ? А также, къ чѣму имъ было выходить на берегъ и три дня сражаться съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, когда они могли спокойно уйти на судахъ, такъ какъ Хазары не имѣли флота, и путь на рекѣ былъ болѣе или менѣе свободенъ? Эти несообразности даютъ понять, что битва происходила именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Руссы, обремененные добычей, должны были покинуть Волгу и идти волокомъ въ Донъ. Здѣсь-то, около крѣпкаго Саркела, враги, конечно, и загородили имъ дорогу. Тогда, не могши пробиться послѣ трехдневной отчаянной битвы, остатокъ Руси естественно долженъ былъ сѣсть на суда и плыть вверхъ по рекѣ на сѣверъ — единственнѣй остававшійся у нихъ путь отступленія. Но тутъ встрѣтили ихъ новые враги и доказали.

Описаніе этого похода, между прочимъ, ясно показываетъ всю ложность представлений норманской школы о походахъ Скандинавовъ, которые будто бы свободно разгуливали по рѣчнымъ путамъ Восточной Европы, куда имъ вздумается,—и въ Черное море, и въ Азовское, и въ Каспійское. Нѣтъ, походы эти были очень и очень трудны, а

волоки дѣлали ихъ иногда невозможными. Дѣлье изъ словъ Масуди мы можемъ вывести заключеніе, что упомянутая имъ многочисленная хазарская стража на томъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ Азовскаго моря, то-есть, Донъ, подходитъ къ Волгѣ, и есть въ сущности не что иное, какъ гарнизонъ Саркела, хотя Масуди не приводить имени крѣпости. Этотъ гарнизонъ препятствовалъ Руссамъ перейти изъ Дона въ Волгу, и они могли совершилъ переходъ только съ дозволенія Хазаръ.

На основаніи того же извѣстія мы думаемъ, что построение Саркела въ одно время достигалось двѣ цѣли, ибо онъ занималъ очень выгодное оборонительное положеніе. Съ одной стороны, онъ препятствовалъ кочевымъ турецкимъ народамъ вторгаться въ Хазарское царство перешейкомъ, лежащимъ между Дономъ и Волгой, за исключеніемъ того времени, когда эти реки покрывались такимъ толстымъ льдомъ, который могъ выдержать цѣлую конную орду, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ случалось не каждую зиму. Разумѣется, перешеекъ этотъ былъ не на столько узокъ, чтобы гарнизонъ Саркела могъ загородить дорогу конницѣ, и по всей вѣроятности, въ связи съ главною крѣпостью устроенъ былъ рядъ другихъ укрѣплений, защищенный болѣшимъ валомъ; длинные валы служили въ то время обычнымъ средствомъ для защиты своей земли отъ непріятельскихъ вторженій. Во времена Масуди около этого перешейка кочевали Узы; но вѣкомъ ранѣе на мѣстѣ Узовъ жили Печенѣги (изгнанные потомъ на западную сторону Дона Узами или Половцами); а слѣдовательно, извѣстіе Кедрина, что Саркель построено противъ Печенѣговъ, имѣло основаніе. Съ другой стороны, эта крѣпость своимъ положеніемъ около волока, очевидно, служила оплотомъ противъ судовыхъ походовъ Руси. Отсюда понятно, почему она такъ непріятна была для Руси, и почему Святославъ взялъ Саркель и разорилъ его.

Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи Русскаго княжества въ южной Россіи замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по времени съ извѣстіемъ о построении Саркела. Послѣднее происходило повидимому въ 835 году, при Византійскомъ императорѣ Феофилѣ. А спустя около четырехъ лѣтъ, то-есть, въ 839 году, по извѣстію Бертианскихъ лѣтописей, тотъ же императоръ, отправляя къ Людовику Благочестивому посланство, препровождаетъ вѣстѣ съ нимъ и нѣсколько человѣкъ, которые называли себя Рось. Послѣдніе были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хакомомъ*; но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли,

то Феофиль просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. Подъ именемъ этого хакана или кагана, конечно, разумѣется Киевский князь, а не какой-нибудь изъ скандинавскихъ владѣтелей, которые никогда каганами не назывались; равнымъ образомъ никакой Руси въ Скандинавіи того времени источники не упоминаютъ, и всѣ натажки норманистовъ (на основаніи неясной фразы: „изъ рода Своновъ“) перетолковывать это мѣсто въ свою пользу останутся безплодны. Очень возможно, что упомянутое хронологическое совпаденіе не было простой случайностью. Возможно, что помочь, оказанная Греками въ построеніи Саркела, то-есть, въ защитѣ Хазарскихъ владѣній со стороны Печенѣговъ и Руси, побудила также и Русского князя войти въ непосредственный сношенія съ Византійскимъ дворомъ, чтобы отвлечь его отъ союза съ Хазарами. При этомъ возможно, конечно, и даже очень вѣроятно, что подобные сношения начались еще раньше, особенно по дѣламъ торговымъ, и что посольство это было совсѣмъ не первое; но хазарскія дѣла могли оживить и усилить стремленія Русскихъ князей къ непосредственнымъ сношениямъ съ Византійскимъ дворомъ¹⁾.

Прежде же пойдемъ далѣе, спросимъ себя: откуда же взялось это Русское княжество или каганство, о существованіи которого съ первой половины IX вѣка свидѣтельствуетъ современное извѣстіе Бертицкихъ лѣтописей?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою, если припомнить извѣстія греко-латинскихъ источниковъ о скіео-сарматскомъ народѣ, Роксаланахъ или Рост-Аланахъ, и если отнесемся къ источникамъ просто, безъ всякихъ умствованій. Для решенія данного вопроса достаточно только привести въ хронологическомъ порядке важнѣйшія изъ этихъ извѣстій.

Наиболѣе раннія и вмѣстѣ наиболѣе обстоятельный свидѣтельства принадлежать двумъ знаменитымъ писателямъ первого вѣка по Р. Хр.—Страбону и Тациту. Страбонъ говоритъ, что Роксалане жили между Дономъ и Днѣпромъ; онъ считаетъ ихъ самыми сѣверными изъ извѣстныхъ (ему) Скіеовъ. Онъ разказываетъ, что они принимали участіе

¹⁾ Нѣкоторую аналогію съ извѣстіемъ о русскихъ послахъ при дворѣ Людовика Благочестиваго въ 839 году представляетъ свидѣтельство хроники Рогириона о послахъ книги Ольги при дворѣ Оттова I въ 959 году. То и другое свидѣтельство темно и подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ, и оба они несомнѣнно относятся къ Киевской Руси.

въ войнѣ знаменитаго Митридата, царя Понтійскаго и Боспорскаго, съ царемъ Скиескимъ Скилуромъ, какъ союзники послѣдняго, въ 94 г. до Р. Хр.; они явились на войну подъ предводительствомъ Тасіа, въ числѣ будто бы 50.000, въ шлемахъ и панцырахъ изъ воловьей кожи, вооруженные копьемъ, лукомъ, мечомъ и щитомъ, плетеными изъ тростника. Они потерпѣли пораженіе отъ полководца Митридатова Діофанта, имѣвшаго 6000 отлично устроеннаго войска. Этотъ народъ живеть въ войлочныхъ кибиткахъ, окруженный своимъ стадами, питающими ихъ молокомъ, сыротѣ и мясомъ и передвигаясь постоянно на мѣста, богатыя пастищами. Лѣтомъ онъ почуетъ на равнинахъ, а зимою приближается къ болотистымъ берегамъ Меотиды. (Strabo. Lib. II и VII.)

По извѣстію Тацита, сарматское племя Роксалане, числомъ 9000 конницы, вторглись въ римскую Мизію въ 69 году по Р. Х. Сначала они имѣли успѣхъ и истребили двѣ римскія когорты. Но когда варвары разсыпались для грабежа и предались беззечности, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ совершенное пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель; кони Роксаланъ спотыкались, всадники падали и несложно поднимались при своемъ довольно тяжеломъ вооруженіи; они имѣли длинные мечи и копья, а у знатныхъ панцыри сдѣланы были изъ желѣзныхъ блакѣ или изъ твердой кожи; но щиты будто бы не были у нихъ въ обыкновеніи. Въ пѣшемъ бою они были неискусны. (Taciti Hist. L. I.).

Кромѣ того, въ первомъ вѣкѣ имя Роксаланъ встрѣчается у Плиния въ его „Естественной Исторіи“ и въ одной надгробной надписи изъ временъ императора Веспасіана. Въ послѣдней говорится именно о возвращеніи Римлянами князьямъ Бастарновъ и Роксаланъ ихъ сыновей (бывшихъ, конечно, заложниками).

Во II вѣкѣ о Роксаланахъ упоминаютъ римскіе писатели Спартианъ и Капитолинъ и греческіе—Птоломей и Діонъ Кассій. Первый говорить о договорѣ императора Адріана съ княземъ Роксаланъ, который жаловался на уменьшеніе суммы, платимой ему Римлянами. Ко времени того же императора относить одну латинскую надпись, въ которой упоминается Роксаланскій князь Элій Распарасанъ (принявший имя Элія, конечно, въ честь Элія Адріана). Капитолинъ въ числѣ понтійскихъ народовъ, угнетавшимъ Римлянъ на нижнемъ Дунѣ, называетъ Роксаланъ. Географъ Птоломей помѣщаетъ ихъ около Меотиды. Но ясно, что въ это время жилища ихъ простирались и на

западную сторону Днѣпра, откуда они могли нападать на римскія области Дакію и Мизію. Діонъ Кассій разказываетъ, что императоръ Маркъ Антонінъ позволилъ Языгамъ изъ ихъ новыхъ жилищъ пройти черезъ Дакію къ Роксаланамъ.

Въ III вѣкѣ Роксалане, по словамъ Требеллія Поліона, убили Регіліана, одного изъ такъ называемыхъ тридцати тиранновъ. По словамъ Вописка, въ тріумфѣ императора Авреліана въ числѣ другихъ участвовали и пленники роксаланскіе со связанными руками. Относимые къ этому вѣку Певтингеровы таблицы помѣщаются „Роксуланъ Сарматъ“ вблизи Меотиды.

Въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцеллінъ приводить Роксаланъ въ числѣ народовъ, обитавшихъ все около того же Меотійскаго озера, къ сѣверу отъ Понта.

Юрнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ Готскому царю Германриху, приводить Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одною знатнаго Роксаланина (по видимому, передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, исти за смерть сестры, нанесли тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. (Cap. 24). Изъ этого извѣстія, какъ мы и прежде говорили, можно заключить, что движение Гунновъ произошло въ связи съ восстаніемъ Роксаланъ противъ Готскаго владычества¹⁾. Послѣ удале-

¹⁾ Юрнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ озвѣ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преемникъ Германриха Віннтаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣженъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидесятю вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на вистѣлацѣ, чтобы навести страхъ па Антовъ. Очевидно, онъ истигалъ Антамъ-Роксаланъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Только благодаря этой племенной враждѣ двухъ главныхъ туземныхъ народовъ, царю Гунновъ Валламіру удалось потомъ побѣдить Віннтара, и такимъ образомъ, подчинить себѣ всѣхъ Остроготовъ. Обратимъ также вниманіе на роксаланскія имена у Юрнанда. Санелга, очевидно, заключаетъ въ себѣ коренное древнерусское имя Ольга или Елія (въ этой форме см. у Константина Багрянородного), встречающееся также въ названіяхъ рекъ Олегъ, Волга, ольга (болото) и пр. А ея братъ Амміусъ доселѣ слышится въ названіи Міусъ и Калміусъ, двухъ рекъ, впадающихъ въ Азовское море и протекающихъ въ странѣ древнихъ Роксаланъ.

нія Готою и Гунновъ на западъ, Роксалане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положение въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Йорнанда, въ его время Дакія (теперь называвшаяся тоже Гепидія) опять на востокѣ граничила съ Роксаланами. (Cap. 12).

Совокупность этихъ греко-латинскихъ извѣстій оть I до VI вѣка включительно, кажется, ясно указываетъ намъ на сильный, многочисленный народъ, которого средоточиемъ былъ Днѣпро, а отдельные вѣтви простирались, съ одной стороны, до Азовскаго моря, съ другой—до Днѣстра или до предѣловъ древней Дакіи. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта; въ тѣ времена не только часть Славянъ, но и часть Германскихъ племенъ еще не вышла изъ этого быта, чтò и объясняетъ намъ послѣдующую эпоху, извѣстную подъ именемъ великаго переселенія народовъ, и особенно передвиженіе Готскихъ народовъ оть сѣверныхъ береговъ Чернаго моря до предѣловъ крайнаго запада. Но въ теченіе дальнѣйшихъ столѣтій Роксаланское или Русское племя, конечно, все болѣе и болѣе приобрѣтало привычки быта осѣдлого, сохранивъ однако свой подвижной, предпримчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ, на что указываютъ его столкновенія съ Римскимъ міромъ. Тѣ же извѣстія ясно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и знатнаго сословія, отличающагося на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ.

Извѣстна сбивчивость и путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ писателей. Особенно велика эта путаница по отношенію къ народамъ Скиѳіи или Восточной Европы. Одинъ и тотъ же народъ не только въ разныя времена, но иногда въ одну и ту же эпоху является у нихъ подъ различными именами. Такъ, Роксалане въ VI вѣкѣ скрываются у византійскихъ писателей (Прокопія и Маврикія) преимущественно подъ именемъ Антовъ, не говоря о болѣе общихъ именахъ — Скиѳовъ и Сарматовъ, которыхъ долго еще не выходили изъ употребленія. Относительно византійскихъ писателей естественно забвеніе имени Роксаланъ, ибо они никогда его и не употребляли въ этой сложной формѣ; она встрѣчается болѣе у латинскихъ писателей; но и тотъ же Йорнандъ, перечисляя народы Скиѳіи, забываетъ о Роксаланахъ, а на мѣстѣ ихъ ставить Антовъ. Однако название Роксалане, вопреки мнѣнію норманской школы, не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и онъ наль у латинского писателя, именно у географа Равенскаго. Онъ два раза

упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксаланъ, за которой, далеко къ океану, лежитъ великий островъ Скиея или Сканда, то есть, Скандинавіа. (L. I. с. 12 и L. IV. с. 4.).

Точно также, вопреки норманской школѣ, народное имя *Русь* или *Рось*, вмѣсто своей сложной формы *Рось-Алане*, упоминается нѣкоторыми источниками по отношенію къ южной Россіи ранѣе второй половины IX вѣка, то-есть, эпохи минимаго призванія Варяговъ-Руси изъ-за моря. Уже Іорнандъ употребляетъ эту простую форму (ибо его *Rocas* есть ничто иное какъ *Rox* или *Ross*); далѣе, мы видѣли ее, по поводу народа *Рось* и *Русскаго каганата*, въ *Бертинахъ лѣтописяхъ*. Ту же простую, несложную форму употребляетъ географъ Баварскій, который наряду съ *Угличами* (*Unlizi*) и *Казарами* (*Saziri*) помѣщаетъ и *Руэль* (*Ruzzi*). Сюда же можно отнести и *руссія хеландія* 774 года у византійскаго историка Феофана, писавшаго въ началѣ IX вѣка, хотя норманская школа эти *руссія хеландія* и обратила въ *бесмысленныя красныя хеландіи*¹⁾. Упоминаніе о туземномъ

¹⁾ Замѣчательно, къ какимъ натяжкамъ и произвольнымъ выводамъ приходили иногда даже наиболѣе ученые и добросовѣтные представители этой школы, прививъ за несомнѣнныи историческій фактъ басню о призваніи изъ-за моря небывалаго народа Варягоруссовъ. Такъ, Шафарикъ, опредѣляя эпоху замѣтокъ Баварскаго географа, говорить, что онъ написаны не раньше 866 года (Славян. Древн., т. II, ил. 3). И чѣмъ же онъ при этомъ руководствуется? Тѣмъ, что въ нихъ упоминается Русь; а она-де только въ 862 году призвала, и сѣдователно, только въ 866 году могла сдѣлаться известною на западѣ изъ окружного посланія патріарха Фотія. Такимъ образомъ, въ наукѣ было время, когда не басня о призваніи подвергалась исторической критикѣ, а наоборотъ, историческія свидѣтельства провѣрялись на основаніи этой басни! Точно также гадательны и нѣкоторыя другія соображенія Шафарика о времени Баварскаго географа (например, его соображенія о Печенѣгахъ). По нѣкоторымъ признакамъ, напротивъ, эпоху Баварскаго географа едва ли можно относить позднѣе первой половины IX вѣка. (Въ этомъ убѣждается, между прочимъ, сопѣдство Болгаръ съ Нѣмцами въ Панноніи). Подобный пріемъ употребляетъ г. Куникъ по отношенію къ другому географу, Равеннскому. Шафарикъ, на его счетъ замѣтилъ, что онъ жилъ около 866 г. «а можетъ быть, и нѣсколько прежде». А г. Куникъ прямо поясняетъ, что онъ не могъ писать ранѣе второй половины IX вѣка, ибо у него упоминается о Русскомъ государствѣ. (Если онъ писалъ именно въ эту эпоху, то какой бы отличный случай упомянуть о переходѣ Руси изъ Скандинавіи! Однако онъ не сдѣлалъ на то ни малѣйшаго намека). Равеннскій *аконимъ* употребляетъ при этомъ вмѣсто Русь ек сложное название «Роксалане»; по словамъ г. Куника это только пустое подражаніе древнимъ писателямъ. Роксаланскій народъ, по его мнѣнію, съ появлениемъ Гунновъ «исчезъ изъ исторіи». Доказательствомъ того, что Роксалане не Русь, и

народъ Русь, подъ этими именемъ, встрѣчается также у арабскихъ писателей второй половины IX вѣка, именно у Хордадбega и Табари¹).

Въ теченіе восьми вѣковъ, протекшихъ отъ Страбона до извѣстія

что они исчезли, г. Куника посвятилъ цѣлое особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Pseudorussische Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik. Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der Antiquit es Russes. (Bulletin hist. phil. de l'Acad. des Sciences, t. VII, № 18—23)*. Да простить намъ авторъ, но мы находимъ, что доказательства эти состоятъ изъ ряда всякихъ рода историческихъ, этнографическихъ и этимологическихъ натяжекъ и предположений, весьма гадательныхъ и сбивчивыхъ. Между прочимъ, главнымъ признакомъ того, что Роксалане были не арійское, а какое-то монгольское племя, выставляются извѣстія о ихъ кочевомъ бытѣ и конныхъ набѣгахъ. Но какой же изъ арійскихъ народовъ вѣ прошелъ черезъ кочевой бытъ? У какого народа, окруженнаго отчасти степною природою, не играли главную роль стада и табуны въ извѣстный періодъ его развитія? Авторъ этого изслѣдованія вообще держится теоріи исчезанія народовъ, которая основана на исчезаніи именъ. Такимъ образомъ, многие народы Сквея будто бы уничтожились вмѣстѣ съ пропашею ихъ именъ. Мы уже достаточно разсудили о томъ, что извѣняются и путаются имена въ историческихъ источникахъ, а народы остаются по большей части тѣ же. Въ противномъ случаѣ, племена Аланъ еще скорѣе Роксаланъ исчезли съ лица земли, потому что имъ ихъ, столь часто упоминаемое у писателей VI вѣка, по-тому пропадаетъ; по крайней мѣрѣ, въ этой формѣ оно почти не встрѣчается у писателей позднѣйшихъ. Прочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упомянутое изслѣдованіе г. Куника относится еще къ вѣкѣ 40-хъ годовъ, къ вѣкѣ его *Die Berufung der Schwedischen Rosasen*, то-есть, къ періоду увлеченія и полнаго господства норманской школы. Дальѣшіе произведенія этого многоуважаемаго и добросовѣстнаго ученаго показали, что онъ не принадлежитъ къ крайнимъ норманистамъ, и что для него на первомъ планѣ — исканіе исторической истины.

¹) Чтобы объяснить подобныхъ извѣстій, норманисты предполагаютъ невозможное: будто Русь, въ 860-хъ годахъ пришедшая изъ Скандинавіи, въ нѣсколько лѣтъ могла распространить свое имя и свои колоніи на всю юго-восточную Европу до самой извѣнной Волги, где totчасъ же она сдѣлалась извѣстны Арабамъ. Подобное предположеніе еще менѣе научно, чѣмъ то, по которому западная Европа о существованіи народа Русь въ южной Россіи узнала только въ 866 г. изъ окружного посланія патріарха Фотія. А какъ не скоро доходили до Арабовъ извѣстія не только изъ Россіи, но и съ ближайшихъ къ нимъ береговъ Каспійского моря, показываетъ слѣдующій примѣръ: Масуди въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ» повѣствуетъ о русскомъ походѣ 913 года въ Каспійское море и прибавляетъ, что послѣ того Руссы не нападали болѣе на эти страны. Онь не зналъ еще обѣихъ походовъ 943 года, хотя книгу свою закончили въ сороковыхъ годахъ спустя послѣ этого вторичнаго извѣштія, и слѣдовательно, имѣть довольно времени исправить ошибку. (См. *Relations csc. par Chantreau*, 300).

Бертиныхъ лѣтописей, Роксаланскій илл. Русскій народъ пережилъ, конечно, много испытаний и много перемѣнъ. Онъ выдержалъ напоры разныхъ народовъ и отстоялъ свою землю и свою самобытность, хотя и не разъ подвергался временной зависимости, напримѣръ, отъ Готовъ, Гунновъ и отчасти отъ Авартъ. Не одни чужія племена вступали съ нимъ въ борьбу и иногда угнетали его; сосѣднія славянскія племена также воевали съ нимъ за земли, за добычу, за дань. Особенно сильныя столкновенія онъ долженъ былъ выдерживать съ племенами Болгарскими, которыхъ въ V вѣкѣ, то-есть, послѣ изгнанія Остроготовъ изъ южной Россіи, широко распространілись по Черноморскому краю отъ Тавриды до Дуная. Но рано или поздно, мучественный, упругій Роксаланскій народъ бралъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдами. Главная его масса мало по малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію ко чvezыхъ пародовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Киевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической организации. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространяла свою объединительную дѣятельность на родственныхъ ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то-есть, въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпримчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предприятиямъ; дружины русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечомъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Но возвратимся къ русскому посольству 839 года, и спросимъ: кто были тѣ жестокіе варварскіе народы, которые въ эту эпоху пренебрегали сношеніями Киевской Руси съ Византіей?

Безъ всякаго сомнѣнія, это были, вонервыхъ, Хазары, а вовторыхъ, соплеменники настоащихъ Гунновъ, по ихъ слѣдамъ подвигавшихися къ Черноморью изъ степей задонскихъ, то-есть, Угры или Мадьяры. Мы видѣли, что часть угорскихъ кочевыхъ ордъ была покорена Турками въ VI вѣкѣ, а другая часть ушла на западъ и потомъ

явились на Дунаѣ въ соединеніи съ Аварами. За хазарскими Турками явились, по сю сторону Урала, другія турецкія орды, именно Печенѣги; эти послѣдніе и потѣшили Угровъ волжскихъ. Случилось то же, что и всегда происходило при подобныхъ движеніяхъ въ степяхъ юго-восточной Европы: часть волжскихъ Угровъ смѣнила хазарскую зависимость на печенѣжскую; а другая, и вѣроятно, еще большая часть передвинулась далѣе на западъ по пути, давно проложенному ея со-племенниками, то-есть, въ степи черноморскія. Суда по извѣстію о построеніи Саркела, Печенѣги въ первой половинѣ IX вѣка уже находились въ степяхъ придонскихъ; стало быть, послѣднее передвиженіе Угровъ въ западное Черноморье совершилось не позднѣе конца VIII вѣка. И дѣйствительно, въ той же первой половинѣ IX вѣка мы встрѣчаемъ ихъ тамъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей (именно Льва Граматика и Георгія Миха). Македонскіе плѣнники, поселенные болгарскими царемъ Крумомъ на сѣверной сторонѣ Дуная, вздумали бѣжать оттуда съ помощью греческихъ кораблей. Такъ какъ главные силы Болгаръ въ то время воевали Солунскую область, то Болгарскій царь Владіміръ пригласилъ на помощь Угровъ (которыхъ Византійцы при этомъ называютъ и Гуннами, и Турками). Угры явились въ большомъ числѣ на берега Дуная, однако не помѣшили бѣгству Македонянъ. А это событие происходило въ эпоху императора Феофила (829—842 гг.), то-есть, именно въ эпоху упомянутаго выше посольства Днѣпровской или Киевской Руси къ этому императору¹⁾.

Извѣстіе о русскомъ посольствѣ къ Феофилу, сохраненное намъ Бертиńskими лѣтописами, есть драгоценный лучъ свѣта, прорѣзывающій тотъ мракъ, который покрываетъ судьбы Руси передъ ея грознымъ появлениемъ подъ стѣнами Константинополя въ 865 году. Это извѣстіе, несомнѣнно указывающее на существование Днѣпровско-Русского княжества и на его мирныя сношения съ Византіей уже въ первой половинѣ IX вѣка, находится въ полномъ согласіи съ послѣдующимъ свидѣтельствомъ патріарха Фотія о Руси 865 года. Онъ

¹⁾ Вотъ еще явное доказательство произвольной хронологии въ нашей начальной лѣтописи. Она помѣщаетъ пришествіе Черныхъ Угровъ въ южную Россію подъ 898 годомъ и ошибается при этомъ по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе. (Ранѣе означенного года Угры явились уже въ Панноніи). По всей вѣроятности, наши книжники извѣстіе Византійцевъ о войнѣ съ Уграми Симеона Болгарскаго истолковали въ смыслѣ первого пришествія Черныхъ Угровъ. А между тѣмъ исторіографія наша принимала на вѣру эту хронологію и пыталась согласить ее съ событиями!

говорить, что „варвары справедливо разсвирѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ; они благословно требовали и ожидали кары, равной аподѣлію“. И въ другомъ мѣстѣ: „Ихъ привель къ намъ гибѣль ихъ, но, какъ мы видѣли, Божья милость отвратила ихъ набѣгъ“. (Четыре бесяды Фотія—архим. *Порфирий Успенская*). Изъ этихъ словъ можно понять, что нападенію Руси предшествовали ея посольскія и торговыя сношенія съ Византіей, и не только сношенія, но и договоры (ибо известные договоры Олега и Игоря являются только продолженіемъ прежнихъ). Ясно, что какое-то умерщвленіе Русскихъ людей въ Греціи вызвало набѣгъ Руси на Константинополь.

Подобно латинскому извѣстію о русскомъ посольствѣ 839 года, византійское свидѣтельство о построеніи Саркѣла также бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на русскую исторію того времени. Это свидѣтельство устранимѣтъ нашу лѣтописную басню объ Аскольдѣ и Дирѣ, освободившихъ Кіевъ отъ хазарской дани; ибо оно показываетъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка границею Хазарского государства на сѣверѣ было нижнее теченіе Дона и Волги, и что Хазары стараются съ этой стороны защитить себя отъ нападеній другихъ народовъ, именно Печенѣговъ и Руси. Очевидно, лѣтописное преданіе или, какъ мы замѣтили, смѣшивало Турко-Хазарь съ Аварами, или спутывало Днѣпровскую Русь съ Русью Тмутараканской, собственно Болгарской, которая дѣйствительно находилась въ зависимости отъ Хазарь. Точно также невѣроятны извѣстія лѣтописи о хазарской дани у Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей, если принять въ разчетъ географическое ихъ положеніе. Но вопросъ нѣсколько измѣняется, если названія двухъ послѣдніхъ племенъ пріимѣть въ болѣе обширномъ значеніи, нежели какое онъ имѣетъ у нашихъ лѣтописцевъ. Извѣстно, что наша Севера есть то же, что Сервы или Сербы, имя, когда-то бывшее не видовынѣ, а родовымъ названіемъ для значительной части Славянскихъ племенъ. Точно также и название Вятичи есть только видоизмѣненіе другого родового имени, то-есть, Антовъ или Вантовъ, Вятовъ (Венетовъ). А „безчисленны“ племена Антовъ, какъ замѣчаетъ Прокопій, соприкасались своими жилищами на югѣ съ таврическими и кубанскими Гуннами, (то-есть), Болгарами¹⁾.

¹⁾ Что касается до Сѣверянъ, то довольно трудно провести границу между этой славянской вѣтвью и тѣми Гуннами Савирами, о которыхъ повѣствуютъ византійскіе писатели. Выше мы замѣтили, что этихъ Савировъ или Аваровъ можно отождествлять съ Аварами. Но можно также ихъ и раздѣлить, какъ раз-

Вообще, Славянскія племена въ тѣ времена далеко распространялись на юго-востокъ, до самаго Кавказа и нижней Волги. Только въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ многократнымъ напливомъ кочевыхъ ордъ, начиная съ Гунновъ и кончая Татарами, юговосточный вѣтви Славянъ были отторгнуты отъ своихъ соплеменниковъ и вслѣдствіи утратили свою народность. Но въ эпоху, о которой идетъ

дѣлаютъ Прискъ и Феофилактъ, которые упоминаютъ о нападеніи Аваровъ на Савироў. Византійскіе писатели, причисляющіе Савироў къ Гуннамъ, суть преимущественно тѣ же самые, которые Гуннами называютъ и славянскихъ Болгаръ, то-есть, Промопій, Агаѳій и Менандъ. Йорданъ также относитъ къ Гуннамъ Савироў или Авароў наряду съ азовскими Болгарами. Прокопій говоритъ, что «Савиры, народъ гуннскій, обитаютъ окрестъ Кавказа», что они «очень многочисленны, чрезвычайно воинственны и разделены на многія княжества». Агаѳій также отзыкается о нихъ, какъ о народѣ весьма многочисленномъ и очень опытномъ въ войнѣ и грабежахъ. По его извѣстію, въ 566 г. въ римскомъ войскѣ, защищавшемъ западноказакскіи владѣнія отъ Персовъ, участвовало около 2.000 тяжело-вооруженныхъ Савироў подъ начальствомъ трехъ знаменитѣшихъ вождей—Балмака, Кутильгиза и Илигера. А эти имена едавали могутъ быть признаны за чисто гуннскія, то-есть, угро-финскія, особенно посльднее: оно весьма близко отзыкается древне-русскимъ Еагъ (Олегъ), литовскимъ—Олегердъ и болгарскимъ—Вулагъ (который встрѣчается въ томъ же VI вѣкѣ какъ предводитель Болгаръ, вторгшихся въ Мизію. См. у Феофана и Анастасія). По извѣстію Феофана, у Савироў кавказскихъ была княгиня Воарисъ или Воарикъ, которая наслѣдуетъ своему мужу Балаху, является также союзницей императора Юстиніана I въ его войнахъ съ Персами и сама предводительствуетъ войскомъ. Имя ея, по всейѣѣности, одного корня съ славяно-русскимъ Борисъ или Богорисъ. Не забудемъ при этомъ, что Кавказскіе края въ древности назывались родиной Амазонокъ. Название Савиры или Савары слышится также въ древнемъ названіи Савароматы или Савроматы; а этотъ народъ быть извѣстенъ своими воинственными женщинами, и по мнѣнию древнихъ, вѣль происхожденіе отъ Скиевъ, сочетающихся съ Амазонками.

Вообще, трудно найти гдѣ-либо болѣе сбивчивую и запутанную массу народныхъ именъ сравнительно съ именами тѣхъ народовъ, которые вышли изъ странъ Прикаспийскихъ. Какъ подъ именемъ Савироў могутъ скрываться разно и наши Сѣверине, и Черкесы Авары, такъ, напримѣръ, и имя Аланъ когда-то распространялось на разные народы, о чёмъ прямо говорить Аміанъ Марцелінъ въ IV вѣкѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣенно, что въ его время подъ этимъ именемъ скрывались, между прочимъ, и волжско-кубанскіе Болгаре. Въ посльдствіи оно сосредоточилось преимущественно на одному кавказскомъ племени, остатки которого мы узнаемъ въ современныхъ Осетинахъ (Ясы нашихъ автописей). Исследованія филологовъ (особенно Шѣгрена) показали, что это посльднее племя принадлежитъ къ арійской семье, именно къ группѣ сармато-идейскихъ народовъ, которая, по видимому, была родственна, съ одной стороны, съ группою германо-славяно-литовскою, а съ другой—съ языками иранскими.

рѣчъ, часть этихъ Славянъ дѣйствительно входила въ предѣлы Хазарского государства. О томъ въ особенности свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія. Въ этихъ извѣстіяхъ Донъ и Волга нерѣдко встречаются подъ именемъ „Славянской рѣки“. Баладури, писатель IX вѣка, говоритъ, что арабскій полководецъ Мерванъ, во время набѣга на Хазарію, взялъ въ плѣнъ 20.000 Славянъ, которыхъ поселилъ за Кавказомъ; а такая цифра ясно указываетъ на присутствіе многочисленнаго славянскаго населенія въ предѣлахъ Хазарского государства. Масуди прямо говоритъ, что нѣкоторыя племена язычниковъ, обитающихъ въ земляхъ хазарскаго царя, суть Славяне и Руссы, что изъ нихъ набираются отряды въ его войско, и что они населяютъ щѣлую часть его столичнаго города Итиля.

Д. Иловайскій.

(*Окончаніе следуетъ.*)

ВАНСКІЯ НАДЛІСИ И ЗНАЧЕНІЕ ІХЪ ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕРЕДНІЙ АЗІИ.

II¹⁾.

Источники древней истории Армении. Монсей Хоренский. Марь-Абасъ-Катина.

Древнейшая история Армении, то-есть, та, которая предшество-вала VIII—VII вѣкамъ до Р. Х., намъ рѣшительно не извѣстна. Ни у самихъ Армянъ, ни у сосѣдей ихъ не сохранилось никакихъ сказаний относительно истории этой эпохи. Въ преданіяхъ библейскихъ разказъ о мѣстоположеніи Эдема и о горѣ, на которой остановился ковчегъ, касается болѣе географіи страны, чѣмъ ея исторіи. Мы не знаемъ до сихъ поръ, какие народы населяли Арmenію въ эту эпоху, чтѣ ими сдѣлано. Ктезій (Diod. II, 1) упоминаетъ обѣ одномъ царѣ армянскомъ Барзанесѣ (Βαρζάνης), современникѣ Нина; но этотъ раз-казъ принадлежитъ къ области вымысла, какъ и вся его ассирийская исторія. Только въ послѣднее время открылась возможность нѣсколько познакомиться съ тѣмъ, что происходило въ Армении между X—V вѣками до Р. Х., благодаря успѣшному чтенію памятниковъ ассирийской и персидской клинописи. Но чтобы оцѣнить услуги, оказанные исторіи дешифровкою клинописи, необходимо предварительно разсмотрѣть, въ какомъ положеніи находилась древняя исторія Армении до новѣйшаго времени, и на сколько можно положиться на тѣ сказанія, которыя выдавались до сихъ поръ за исторію Армении.

Взявъ въ соображеніе географическое положеніе Армении, мы можемъ смѣло утверждать, что она была населена въ самыя отдаленныя времена. Переходъ одной отрасли Арийцевъ изъ Азіи въ Европу совершился черезъ Армению, и первые арийскіе колонисты, двинув-

¹⁾ Первая статья помѣщена въ яварьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1874 годъ.

шісся на западъ, должны были прежде всего занять Арменію, если горы и долины ея не были заняты такъ-называемыми *aborigenами*. Уже послѣ занятія Армянской плоской возвышенности, послѣдующія эмиграціи могли мало по малу пробираться въ Малую Азію, и не выдержавъ напора новыхъ пришельцевъ, постепенно уступать имъ мѣсто и двигаться далѣе на западъ, въ свою очередь вытѣсняя и истребляя древнѣйшихъ обитателей южной Европы.

Многія собственныя имена въ Фессаліи, Фракіи и Греціи, тожественные съ тѣми, которые встрѣчаются въ Арmenіи, могутъ служить намекомъ на то, что народы, населившіе эти страны, жили когда-то въ Арmenіи или проходили черезъ нее. Позднѣйшіе Греки, замѣтивъ это совпаденіе собственныхъ имёнъ, вывели противоположное заключеніе о населеніи Арmenіи эмиграціей съ запада и даже имя Арmenіи производили отъ имени одного миѳического сподвижника Язопова, Арменоса, уроженца фессалійского города *Armenion* (Strab. XI, 530).

Съ другой стороны, въ Священномъ Писаніи не мало указаний на то, что если не всѣ вообще Семиты, то часть ихъ имѣла точкой отправленія Арmenію, южная границы которой касались Низибиса въ Месопотаміи (*Roman—Hist. des langues Sém.*, стр. 31 и 45).

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что Арmenія была населена съ незапамятныхъ временъ, и находясь въ центрѣ цивилизованныхъ народовъ древнаго міра, была въ то же время мѣстомъ, гдѣ происходили до позднѣйшаго временія всѣ столкновенія запада съ востокомъ. Не смотря на это Арmenія, какъ государство, не играла особенно важной роли въ исторіи человѣчества, и имя ея было только географическимъ терминомъ страны, въ которой рѣшили свои споры сильные сосѣди: Ассирийцы, Мидянине, Персы, Греки, Римляне, Шарояне Арабы, Турецкія племена, Монголы, Персіянине, Османцы, Русскіе...

Занимая почти столько же пространства, какъ Франція въ наше время, пользуясь счастливымъ географическимъ положеніемъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями, отъ которыхъ отдѣлалась лишь небольшимъ ключицомъ земли или цѣлью горъ, Арmenія съ самой глубокой древности представляла страну, богатую всѣми произведеніями природы. Поля и долины ея снабжали не только своихъ жителей, но и сосѣдей, хлѣбомъ, виномъ и масломъ; на покатостяхъ горъ паслись стада превосходнаго скота и лошадей, достоинства которыхъ были известны древнему міру. Горы, прорѣзающія ее въ разныхъ направленияхъ, позволяли ей легко защищать себя отъ испрѣательскихъ

вторжений. Тигръ и Евфратъ служили легкимъ сообщацемъ от Месопотаміи и Персидскимъ заливомъ. Значительная часть индійской торговли до послѣдняго времени шла черезъ Арменію къ Понту. И при всѣхъ этихъ выгодахъ, при всемъ счастливомъ положеніи, какимъ не пользовалась ни одна страна въ Передней Азіи, Арmenія не была, сколько извѣстно, родиной культурнаго народа, и жители ея никогда почти не были завоевательнымъ, или по крайней мѣрѣ, на долго и вполнѣ самостоятельнымъ народомъ. Причину такого явленія искать въ перевѣсѣ политического могущества сосѣдей не совсѣмъ основательно. Эти сильные сосѣди должны были сдѣлаться сильными. Почему же жители Арmenіи не могли сами образовать сильного политическаго тѣла? Вместо того, мы видимъ ихъ въ вѣчной зависимости отъ сильныхъ сосѣдей и въ подчиненіи чужеземцамъ. Хотя решеніе этого вопроса и не относится къ нашей статьѣ, скажемъ однако, что не недостатокъ мужества, храбрости и патріотизма въ жителяхъ ея препятствовалъ ей явиться грозною для сосѣдей и цвѣтущею внутри, а совершенное у нихъ отсутствіе политическаго смысла и тѣхъ принциповъ, которые созидаются крѣпкія царства. Прошло слишкомъ двадцать-четыре вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Армяне, подъ своимъ именемъ, появились въ исторіи; отъ цѣлаго народа остались, даже на родинѣ, разбросанные клочки древняго населенія, но Армяне остались тѣмъ же, чѣмъ были и тогда: худыми хозяевами своей родной земли, хорошими слугами чужаго народа...

Даже въ рѣдкіе моменты самостоятельности Арmenія не составляла государства съ сильной центральною властью. Она, сколько намъ извѣстно, постоянно была раздроблена на множество болѣе или менѣе мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ и сатрапій, изъ которыхъ каждое жило отдѣльною жизнью. Этой раздробленности не мало способствовалъ физический характеръ страны. Горы, ее прорѣзывающія въ разныхъ направленіяхъ, образуютъ множество отдѣльныхъ кантоновъ, изъ которыхъ въ каждомъ жилъ самостоятельный владѣтельный князь или сатрапъ, *махараръ*. Нѣть сомнѣнія, бывали случаи, что энергичнѣйшии царимъ или болѣе крупными князьями удавалось временно поработить вассаловъ своей власти и заставлять ихъ помочь имъ противъ внѣшнихъ непріятелей или непокорныхъ князей; но это не могло продолжаться долго. Строптивые вассалы при первой возможности удалялись въ свои неприступные замки и встрѣчали силу силою. Царская власть, когда она и существовала, не имѣла того прочнаго значенія, какимъ она пользовалась у сосѣдей—Асси-

рійцевъ, Церськъ и др. Армяне того времени еще не доросли до сознания важности сильной центральной власти. Такъ было и въ средневѣковой Германії. Каждый князь личные свои интересы не только не подчинялъ интересамъ государства, но напротивъ того, въ ослабленіи его находилъ себѣ выгоду. Всякій, нѣсколько болѣе другихъ сильный князь сносился прямо съ сосѣднимъ государствомъ и въ цѣль искалъ поддержки своей независимости противъ царской юрисдикції.

Изъ преданій, сохранившихъ Ксенофонтомъ (Сугоред. III, с. 1) и Монсеемъ Хоренскимъ, мы видимъ, что при первыхъ Ахеменидахъ въ Армении были цари. Въ этихъ преданіяхъ сохранилась память о *Гирагъ* и отцѣ его, царяхъ Армянскихъ; но перенесла ли власть ихъ къ преемникамъ, или Ахемениды лишили Арменію царей древнаго рода (Гайкідовъ),—мы не знаемъ. Изъ Біссутуйской надписи намъ известно, что Дарій нѣсколько разъ выводилъ свои войска въ поле и только послѣ жестокихъ войнъ могъ сломить упорство Армянъ. Въ этой надписи, однако, не упоминается о какомъ-нибудь Армянскомъ царѣ, а только о народѣ, между тѣмъ какъ въ той же надписи, говоря о своихъ войнахъ съ другими народами, Дарій каждый разъ приводитъ имя цара или главнаго предводителя. Описавъ войны первой половины своего царствованія, Дарій въ LI параграфѣ¹⁾ этой надписи снова перечисляетъ ихъ вкратце и говоритъ: „Царь Дарій возвѣщаетъ: то, что я сдѣлалъ, то совершилъ я по волѣ Ормузда. Противъ возмущившихся царей я далъ девятнадцать битвъ. Волю Ормузда я уничтожилъ ихъ войска и побѣдилъ девятъ царей. Одинъ магъ, по имени *Гаумата*, лгалъ и говорилъ: „я *Бардія* (Смердистъ), сынъ *Кира*“ и возмущилъ противъ меня Персію. Одинъ *Сузіецъ* (*H*uagaiu), по имени *Атріна*, лгалъ и говорилъ: „я царь *Сузіанъ*“ и поднялъ противъ меня Сузіану. Одинъ *Вавилонянинъ*, по имени *Надітабира*, лгалъ и говорилъ: „я *Набукудрасара* (Навуходоносоръ), сынъ *Набоніда*“ и возмущилъ Вавилонъ. Одинъ Персъ, по имени *Мартія*, лгалъ и говорилъ: „я *Иманицъ*, царь Сузійскій“. Одинъ *Мидянинъ*, по имени *Фразартисъ*, лгалъ и говорилъ: „я *Кишатрита* изъ рода *Увакшатра* (*Kiаксара*)“ и поднялъ Мидію. Одинъ *Сагартіецъ* (*Asagartiya*), по имени *Читратахма*, лгалъ и говорилъ: „я царь *Сагартія* изъ рода *Киаксара*“ и возмущилъ Сагартію. Одинъ *Маргіанецъ*, по имени *Фрада*,

¹⁾ См. текстъ: Archetypa inscriptionis Behistani, tabula IV, 2, въ Inscriptiones Palaeo-Persicae проф. Коссовича, стр. 36—37.

ягаль и говорилъ: „я царь Маргіаны“ и возмутиль Маргіану. Одинъ Персъ, по имени *Вајсадата*, ягаль и говорилъ: „я Смердисъ, сынъ Кира“ и возмутиль Персю. Одинъ Армянинъ (Арминія), по имени *Арака*, ягаль и говорилъ: „я Навуходоносоръ, сынъ Набонида“ и возмутиль Вавилонъ“.

„Царь Дарій возвѣщаетъ: Вотъ тѣ девять царей, которыхъ я захватилъ въ тѣхъ битвахъ“. Объ Армянахъ, какъ видить читатель, совершенно не упоминается, потому что Армянинъ Арака быть предводителемъ Вавилониа. Между тѣмъ въ параграфахъ XXVI—XXX Дарій подробно разказываетъ о походахъ въ Арmenію между началомъ и концемъ мидійскаго похода противъ возмутителя *Фравартиса*. Въ этихъ пяти параграфахъ говорится только объ Армянахъ, но ни слова о какомъ бы то ни было ихъ царѣ. Весьма вѣроятно, что въ то время потомки древняго царскаго рода Гайкідовъ были истреблены и не было особенно выдающагося представителя Армянъ¹⁾.

Вслѣдствіе шаткости власти, границы Арmenіи, какъ государства, также не могли прочно установиться. Армянскія племена жили, по всей вѣроятности, не въ одной Айрапатской провинціи, но и въ другихъ областяхъ югу и западу. Не составляя однако съ ядромъ армянского населенія на сѣверо-западѣ политически сплоченнаго тѣла, они считались особыми народами съ особыми названіями. Ксенофонтъ, прошедшій всю Арmenію поперекъ съ своимъ отрядомъ, встрѣчаетъ въ ней различные народы и только въ одномъ мѣстѣ видитъ Армянъ.

Разъ только Арmenія имѣла случай собраться подъ одною сильною властью. То было при Пареннахъ, когда Аршакиды, почти безъ борьбы заняли Арmenію, дали ей династію, которая просуществовала около 500 лѣтъ. Въ первое время этой династіи, въдарившейся за 150 лѣтъ (?) до Р. Хр., Арmenія составляла сильное государство, и влияніе ея стало замѣтно, какъ на востокѣ въ Персіи, такъ и на западѣ въ стояненіяхъ съ Римлянами. Границы царства Армянского обозначились въ это время съ достаточной ясностью: Кавказъ, Мидія, средина Месопотаміи, Каппадокія, рѣка Галисъ. До того же времени и самыя Армянскія племена, жившія отдѣльными самостоятельными княжествами, очевидно, долго не имѣли сознанія о своей другъ съ другомъ соплеменности и назывались не общимъ національ-

¹⁾ Въ такомъ же смыслѣ отзывается Тома Ариури о временахъ, наступившихъ послѣ смерти Тиграна Гайкіда, стр. 42.

нымъ именемъ, а частными названіями племени или области. Созданіе о единстве національности приходитъ довольно поздно: когда усиливается центральная власть, связующая племена, когда возникаетъ общий литературный или официальный языкъ, и распространяется общая религія, и когда политические интересы становятся общими.

Говоря о древней истории Армении, мы необходимо должны познакомиться съ *Моисеемъ Хоренскимъ*, который первый написалъ полную исторію своего народа, начиная отъ временъ миеническихъ, и довелъ ее до своего времени, то-есть, до V-го вѣка по Р. Хр. Прозваніе свое Моисей получилъ отъ селенія *Хоренъ*¹⁾ въ Таронской провинціи, лежавшей къ западу отъ озера Вана. Подробной біографіи этого историка мы не знаемъ. Изъ извѣстій, мимоходомъ сообщаемыхъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ, мы узнаемъ, что Моисей былъ ученикомъ католикоса *Саака* и сотрудника его, вардапета *Месропа*, изобрѣтателя, или точнѣе сказать, усовершенствователя армянской азбуки. Имѣя въ виду приступить къ окончательному исправленію армянского перевода Библіи, Саакъ рѣшился отправить въ сколько молодыхъ даровитыхъ людей въ греческіе города, славившіеся въ то время своими высшими школами, для усовершенствованія себя въ греческомъ языке. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находился также будущій нашъ историкъ Моисей Хоренскій. Путь его лежалъ на Едессу и Палестину въ Александрию. Въ Едессѣ, славной въ то время своими школами и книгохранилищами, онъ пробылъ не долго, или какъ онъ самъ выражается; „пронесся слегка надъ глубиною архивовъ“ Въ Палестинѣ онъ также оставался короткое время, успѣль однако поклониться святымъ мѣстамъ и въ сколько познакомиться съ тамошними школами. Отсюда онъ спѣшилъ въ Александрию, куда влекли его желанія и жажда науки. Здѣсь въ центрѣ эллинской образованности Моисей Хоренскій провелъ многие годы, учась подъ руководствомъ одного философа, котораго онъ называетъ „новымъ Платономъ“. Чѣмъ онъ занимался въ это время, какимъ наукамъ посвящалъ свои досуги, объ этомъ онъ не говоритъ ни слова. По всей вѣроятности, онъ усовершенствовался здѣсь въ греческомъ языкѣ и познакомился основательно съ учениемъ неоплатониковъ. Кончивъ свои занятія въ Александрии, онъ поплылъ въ Египетъ, но выброшенный вѣтрами на берега южной Италии, воспользовался случаемъ, чтобы посѣтить Римъ.

¹⁾ Или Хорни; но прозвище Хоренаци могло произойти только отъ первой формы, тогда какъ отъ второй должно было быть Хорнечи.

Отсюда онъ отправился въ Аени, провелъ тамъ зиму, а весной предпринялъ обратный путь на родину, пробывъ нѣкоторое время въ Константинополѣ.

Между тѣмъ въ его отсутствіе многое измѣнилось въ Арmenіи. Хоренскій покинулъ Арmenію, когда въ ней царствовалъ одинъ изъ послѣднихъ Аршакидовъ. На патріаршемъ престолѣ сидѣлъ покровитель его, католикосъ Саакъ, также изъ славнаго рода персидскихъ Аршакидовъ. Воротившись на родину, онъ нашелъ Арmenію окончательно лишенную независимости и обращенную въ персидскую провинцію. Сасаниды, свергнувъ Аршакидовъ въ Персіи, не могли и въ сосѣдней странѣ терпѣть господство этой династіи¹⁾). Воспользовавшись представившимся случаемъ, они низвели съ престола послѣдняго армянского царя, Артасира и положили, такимъ образомъ, конецъ политическому господству Аршакидовъ. Дворъ персидскій не могъ равнодушно смотрѣть и на то, что во главѣ Арmenіи оставался католикосъ Саакъ. Онъ былъ вдвойнѣ непріятенъ новому персидскому двору: впервыхъ, какъ Аршакидъ, бывшій въ близкомъ родствѣ съ членами павшей въ Персіи династіи, пользовавшейся громаднымъ въ Арmenіи вліяніемъ; во вторыхъ, какъ христіанинъ, симпатизировавшій болѣе Византіи, чѣмъ Персіи, гдѣ въ это время была возстановлена религія Зороастра. Вслѣдствіе этого Саакъ былъ также подъ ничтожными предлогами низложенъ, а на патріаршій армянскій престолъ были возведены люди безъ всякаго политического значенія.

При такихъ обстоятельствахъ, Хоренскій воротился на родину послѣ долголѣтнаго отсутствія. Встрѣченный не привѣтомъ друзей, а клеветой и злословіемъ завистливыхъ монаховъ, онъ удалился отъ свѣта, и въ этомъ уединеніи, забытый всѣми, посвятилъ себя любимымъ занятиямъ—переводамъ съ греческаго языка.

Около 460—470 годовъ марзпанъ (правитель) Арmenіи Саакъ, изъ знаменитаго рода князей Багратуни, обратилъ къ нему съ предложениемъ написать исторію Арmenіи. Хоренскій съ радостью принялъ за этотъ трудъ и посвятилъ ему досуги послѣдніхъ годовъ своей жизни. Изъ многихъ мѣстъ этой исторіи видно, что Хоренскій отдельными главы своей книги, по мѣрѣ того какъ они выходили изъ-подъ его пера, посыпалъ къ Сааку Багратуни и получалъ отъ послѣдняго отвѣтныя письма съ извѣстными указаніями. По видимому, Саакъ не вполнѣ

¹⁾ См. мой Опытъ Исторіи династіи Сасанидовъ по свѣдѣніямъ, сообщающимъ армянскими писателями. Спб. 1863. Введеніе, стр. 1—18.

быть доволенъ системой изложения Хоренского и не разъ заявлялъ желаніе, чтобы авторъ болѣе обращалъ вниманіе на народный элементъ, на связь армянской исторіи съ персидской и на смыслъ тѣхъ сказаний, которыя ходили въ народѣ въ его времена. Но Хоренскій, вынесшій изъ греческихъ школъ полнѣшее презрѣніе ко всему не-греческому, подозрительно относился къ тому, что не было имъ вы-читано изъ греческихъ книгъ. Много выиграла бы книга Хоренского, еслибы онъ пошелъ тѣмъ путемъ, на который постоянно ему указы-валъ Саакъ, искаливъ отвѣта на занимавшіе его вопросы армянской исторіи. Но Хоренскій не слушаетъ его, снисходительно называетъ его неопытнымъ и молодымъ и продолжаетъ свое. Еслибы вмѣсто того, чтобы пользоваться ничтожными трудами безгѣстныхъ греческихъ памфлетистовъ, онъ обратилъ вниманіе на народныя сказанія Церсовъ и Арманъ и привелъ изъ нихъ болѣе или менѣе крупные отрывки, не ограничиваясь одними трудно-понятными намеками, книга его выиграла бы вдвое и въ настоящее время имѣла бы для насъ несомнѣнныи интересъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто сѣтовать на то, чего нельзя передѣлать. Хоренскій былъ сыномъ своего вѣка, ученымъ Александрийской школы, и могъ сдѣлать только то, что сдѣлалъ. Прав-дивый историкъ тѣхъ событий, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или свидѣтелемъ, честный патріотъ, Моисей ослабилъ значеніе своего капитального труда излишнимъ довѣріемъ къ книгамъ, писаннымъ погречески и некритическимъ выборомъ источниковъ.

Хоренскій умеръ въ глубокой старости, въ концѣ V вѣка, про-живъ, какъ увѣряетъ Тома Арпруни (стр. 82), сто двадцать лѣтъ¹⁾. До насъ дошла только незначительная часть его трудовъ, если при-нять въ разчетъ неутомимую его дѣятельность въ теченіе долгихъ лѣтъ, посвященныхъ ученымъ занятиямъ, въ особенности переводамъ съ греческаго, а именно: а) *Риторика*²⁾, названная имъ „Книгою хрій“, по Теону Александрийскому; б) Очеркъ географіи по Птоло-меню и Шаппу; в) Жизнеописаніе св. мученицы Рипсимы и ея спод-вижницъ; г) Письмо къ византийскому императору Константину; д) Слово на Преобра-женіе Господнє,—все это напечатано Мехитаристами въ полномъ со-браніи сочиненій Моисея Хоренского (Венеция, 1843)—и нѣсколько

¹⁾ Впрочемъ, не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ полагаться на утвержденіе Тома Арпруни, который на той же страницѣ даетъ католику Сааку также 120 лѣтъ жизни.

²⁾ Болѣе подробное описание его трудовъ можно найти въ Collection etc. T. I., стр. 397—398. T. II., стр. 48—52.

молитвъ и гимновъ. Ему же приписываются переводы биографій Александра Великаго — Исаудо-Калиссея и хроники Евсевія Кесарійскаго. Лучшимъ трудомъ его считается безспорно „Исторія Армени“, состоявшая первоначально изъ четырехъ, но дошедшая до насъ въ трехъ книгахъ. Не имѣя въ виду, въ настоащемъ случаѣ, заняться критикой исторіи Хоренского въ цѣлости, обратимъ вниманіе на первую книгу ея, содержаніе которой будетъ предметомъ настоащей и слѣдующей главъ нашего труда.

Независимо отъ того значенія, какое имѣть Исторія Хоренского для исторіи Армени, она долгое время пользовалась репутацией книги, составленной по такимъ источникамъ, которые нынѣ безвозвратно исчезли, и слѣдовательно, заключавшей въ себѣ важныя библіографіческія указанія. Она въ нѣкоторомъ отношеніи могла считаться таковою до открытия, въ началѣ настоащаго столѣтія, армянского перевода хроники Евсевія. Но съ тѣхъ порь обстоятельства нѣсколько измѣнились. По мѣрѣ того, какъ критика стала болѣе и болѣе углубляться въ сущность изложенія Хоренского, число этихъ утраченныхъ источниковъ видимо стало уменьшаться, и въ настоащее время въ первой книгѣ исторіи (за исключеніемъ *Марѣ-Ибаса*, о которомъ будемъ говорить ниже) едва ли остается три-четыре отрывка, относительно которыхъ не вполнѣ еще опредѣлено и неяснено, гдѣ ихъ черпалъ Моисей Хоренскій. Все остальное, при внимательномъ чтеніи, оказывается дошедшими до насъ въ разныхъ отрывкахъ изъ древнихъ писателей и другими путями, преимущественно же въ хроникѣ Евсевія. Имѣя въ виду обстоятельно поговорить объ этомъ въ критическихъ примѣчаніяхъ къ предпринятому нами переводу исторіи Хоренского, мы ограничимся въ настоащей статьѣ легкимъ обзоромъ этихъ источниковъ (I кн.) и уясненіемъ того, дѣйствительно ли пользовался Хоренскій прямо тѣми утраченными письменными памятниками, имена которыхъ у него встрѣчаются, или только черпалъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ въ источникахъ, и для насъ въ настоащее время доступныхъ.

Къ числу источниковъ Хоренского, имѣющихъ для насъ несомнѣнную важность и историческое значеніе, слѣдуетъ отнести *народныя сказанія и эпическая пѣсни*, въ которыхъ передавался взглядъ народа на свое прошлое¹⁾). Они существовали во время Хоренского и

¹⁾ См. также *Ed. Dulaurier—Études sur les chants historiques et les traditions populaires de l'ancienne Arménie* въ *Journ. Asiat.* Janvier. 1852.

ходили въ народѣ. Къ сожалѣнію, къ нимъ нашъ историкъ относился не какъ къ самостоятельнымъ источникамъ. Онъ имъ пользуется только мимоходомъ для подтверждѣнія того, что имъ вычитано въ книгахъ. Рѣдко приводитъ онъ отрывки изъ нихъ, но часто упоминаетъ о пѣсняхъ, которая пѣлись въ его время въ сопровожденіи струннаго инструмента — *бамбірна*¹⁾.

Въ первой книгѣ своей *Исторіи* Хоренскій дѣлаетъ указанія на труды слѣдующихъ писателей: халдейскаго историка *Бероза*, *Александра Поліомистора*, *Абидена*, *Кефалеона*, епископа *Епифанія*, и главнымъ образомъ, на историческое сочиненіе ученаго Сирійца II вѣка до Р. Хр., *Марѣ-Абаса-Катиму*. Многіе изъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ Исторіи Хоренскаго, считали вышеизванныхъ писателей пряммыми источниками Хоренскаго. Другіе сомнѣваются въ томъ, чтобы Хоренскій имѣть въ рукахъ подлинныя тексты этихъ сочиненій. Мы держимся послѣдніго мнѣнія и постараемся въ короткихъ словахъ оправдать нашъ взглѣдь.

1) Берозъ, которому приписываются два историческихъ сочиненія: *Ваѣлѡнчаха* и *Халдахаха*, говорить, быть современникомъ Александра. До насъ дошли только небольшіе отрывки изъ его трудовъ о древностяхъ Ассирии и Вавилоніа. У Хоренскаго имя *Бероза* (Бюроſъ, Бюроſь, кн. I, гл. II, IV) встрѣчается только два раза и оба раза мимоходомъ, такъ что его даже нельзя назвать источникомъ, такъ какъ изъ его сочиненій не приводится ничего. Очевидно, Хоренскій познакомился съ его именемъ изъ Евсевія. Въ третій разъ это имя встрѣчается у нашего автора въ формѣ прилагательнаго, когда онъ говоритъ о *Берозовской Сивилль*, изъ которой онъ заимствуетъ разказъ о трехъ доисторическихъ царяхъ — *Зерванѣ*, *Титанѣ* и *Лакетосте*. Но и здѣсь онъ не прямо заимствуетъ изъ того произведения, которое въ половинѣ II вѣка по Р. Хр. получило извѣстность подъ именемъ оракуловъ Берозовской Сивиллы и сохранилось частью до нашего времени²⁾. Это мы заключаемъ изъ того, что въ III-й книгѣ Сивиллиныхъ Оракуловъ приведены другія имена, и самый разказъ во многомъ разнится отъ сообщаемаго Хоренскимъ. Хотя Хоренскій и могъ познакомиться съ этимъ

¹⁾ См. также *Petermann—Ueber Moses Chorenensis und die Quellen seiner Geschichte der Armenier* въ *Monatsberichte*, 1851, с. 456—458.

²⁾ *Fr. Lenormant—Essai de commentaire des fragments cosmogoniques de Bérose d'apr s les textes cunéiformes et les monuments de l'art asiatique*. Paris. 1872. стр. 415—420.

Καὶ βασίλευσε Κρόνος καὶ Τιτάν, Ἰαπετός τε
И царствовали Кроносъ, и Титанъ, и Япетось.

Во первыхъ, здѣсь и рѣчи идти о Зервамъ, которымъ замѣнилъ Кроносъ. Но эту замѣну сдѣлалъ не самъ Хоренскій, а нашелъ его въ этомъ видѣ въ своемъ источнике, потому что онъ тутъ же говоритъ, что „въ странахъ восточныхъ Сима называются Зерманомъ“; а въ слѣдующей главѣ прибавляетъ: „Я полагаю, что Кроносъ и Бель, то же, что Нимродъ“. Однимъ словомъ, самъ онъ не соноставляетъ Кроноса съ Зервамомъ. Во вторыхъ, третье имя, приводимое имъ, Япетосте, есть худое и непонятное чтеніе греческаго 'Ιαπετὸς τε, то-есть, авторъ другой редакціи не понялъ смысла греческой частицы, и при克莱ивъ ее къ имени Япетоса, создалъ новое имя, введенное въ заблужденіе не одного европейскаго ученаго¹). Но самъ Хоренскій провелій много лѣтъ жизни въ центрахъ греческой образованности и зналъ до совершенства греческий языкъ, не могъ впасть въ эту грубую ошибку, еслибъ предъ нимъ лежалъ подлинный греческий текстъ. Что Хоренскій имѣлъ при этомъ другую редакцію, составленную не Грекомъ, редакцію, въ которой форма Іапетосте была уже образована, доказывается еще и тѣмъ, что онъ передаетъ имя не такъ, какъ оно встрѣчается въ греческомъ въ слѣніи съ частицей τε, то-есть, не 'Ιαπετὸς τε, а 'Ιαπετὸς θε, чего уже никакъ не могъ сдѣлать не только Хоренскій, но и ни одинъ изъ его товарищѣй, до педантизма державшихся соотвѣтственности буквъ греческаго и армянского алфавитовъ при своихъ переводахъ Священнаго Писанія на армянскій языкъ.

Что Хоренский пользовался другою редакціей Сивиллинъхъ книгъ, редакціей, которую онъ встрѣтилъ у Маръ-Абаса, подтверждается также однимъ мѣстомъ текста Хоренского (гл. IX), гдѣ, передавалъ содержаніе книги Маръ-Абаса, онъ прибавляетъ: „Въ на-

⁴⁾ Берлинский профессоръ Петерманъ и магистратъ Индивильдъ, сколько
намъ известно, первые объяснили случайное происхожденіе имени Япосте,
обязанное дурному чтенію греческаго текста. См. *Monatsberichte*, 1852, стр. 97.

ВАНСКИЕ НАДПИСИ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ.

чалѣ этой книги говорится о Зерванѣ, Титанѣ и Іапетостѣ¹⁾. Очевидно, эту форму имени Япетоса Хоренскій усвоилъ себѣ изъ книги Марѣ-Ибаса. Такимъ образомъ, мы убеждаемся въ томъ, что Берозъ не можетъ быть названъ источникомъ Хоренскаго, и что съ Берозовскою Сивиллой онъ познакомился изъ книги Марѣ-Ибаса¹⁾.

2) Имя Александра Полицистора²⁾ только разъ понаадается у нашего автора вмѣстѣ съ именемъ Бероза (гл. IV), и ничего не приводится изъ его сочиненія. Съ нимъ тоже знакомъ Хоренскій, но видимому, изъ Евсевія, переводъ хроники котораго ему приписываютъ.

3) Абиденъ, древній историкъ, время жизни котораго не известно. У Хоренскаго это имя встрѣчается три раза. Въ первый разъ (гл. IV) приводится изъ него разказъ о первыхъ людяхъ и о потопѣ, въ другой (ки. II, гл. 8)—о Навуходоносорѣ. Но оба эти мѣста почти буквально встрѣчаются также у Евсевія, такъ что и съ нимъ знакомъ былъ Хоренскій на столько, на сколько отрывки изъ его трудовъ были сохранены Евсевіемъ. Въ третій разъ говорятъ объ Абиденѣ (гл. VI), онъ приводить генеалогію ассирийскихъ царей отъ Бала до Нина и армянскихъ—отъ Арменака до Арая. Слѣдовато полагать, что на этотъ разъ Хоренскій прямо заимствовалъ у Абидена. Но и въ этомъ приходится усомниться, такъ какъ онъ прибавляетъ: „Генеалогія отъ Арменака до Арая также находилась въ первой истории Абидена, но вспомогательно выпущена“. Чѣмъ это значить: выпущена? Переписчикомъ случайно выпущена въ одномъ экземпляре, или намѣренно кѣль-то во всѣхъ экземплярахъ Абиденова труда? Что-то не совсѣмъ понятно на первый разъ. Но дѣло объясняется просто, когда мы снова обратимся къ Евсевію. Тамъ (на стр. 87.

¹⁾ Замѣчательно, что Тома Аридиана (стр. 3—4) совершенно иначе передаетъ содержаніе этихъ оракуловъ: «Титанъ, одолѣвъ Зервана, пятаго преемника Ксистугра, береть Вавилонъ и въ немъ устраиваетъ свою резиденцію. Но Кроность, жившись на Рей, изъ поколѣнія Зервана, самъ овладѣвъ царствомъ и никому не позволяя господствовать (надъ владѣніемъ) Зервана. Онъ плутовски обѣщался умерщвлять всякаго мужескаго потомка жены своей, Рей, бывшей изъ поколѣнія Зервана. Однако мать успѣла спасти только одного младенца—Діоса. Съ тѣхъ поръ никто не смѣлъ господствовать надъ владѣніемъ Зервана, кроме одной женщины, сладострастной и распутной Діонисіи, которая по имени предка своего «Сина, назвала себя Семирямъ, чтѣ, согласно звукамъ армянского языка, передается черезъ Шамирамъ». Очевидно, въ этой передѣлкѣ первоначальнаго имена господствуетъ позднѣйшее влияніе маздеизма. См. также Fr. Lemortman—Essai de Comment. de Beroe, p. 415—439.

²⁾ См. Asorpias въ Fragmenta historicorum graecorum, Ch. Muller, t. III.

изд. Авгера) дѣйствительно встрѣчаемъ генеалогію ассирийскихъ цацей отъ Бела до Нина, но объ армянскихъ царяхъ ни слова. Откуда же взялъ Хоренскій, что эта генеалогія существовала у Абидена и впослѣдствіи была выпущена? По нашему мнѣнію, изъ того же Марѣ-Абаса.

4) Имя *Кефалеона* въ Исторіи Хоренского встрѣчается два раза. Въ первый разъ находимъ его въ разказѣ о походѣ Семирамиды въ Индію (гл. XVII). Это мѣсто встрѣчается также у Евсевія (стр. 44). Во второй разъ сообщается изъ Кефалеона отрывокъ въ семь строкъ (гл. V). Смыслъ этого отрывка встрѣчается въ извлеченияхъ Евсевія изъ Кефалеона (стр. 45), но очевидно, Хоренскій заимствовалъ не у Евсевія, а въ другомъ мѣстѣ.

Мы видимъ, что приведенные нами имена писателей фигурируютъ у Хоренского преимущественно въ четырехъ главахъ (IV—VII) при его общихъ разсужденіяхъ о первобытномъ доисторическомъ времени; что Хоренскій знакомъ съ твореніями ихъ лишь на столько, на сколько они встрѣчаются у Евсевія, и что собственно ихъ нельзя отнести къ источникамъ его исторіи. Обратимъ вниманіе еще на одно мѣсто. Въ главѣ XXI, разговаривъ по Ктезію о паденіи Ниневіи, Хоренскій прибавляетъ отъ себя: „Если спросить нась, гдѣ я нашелъ имена и дѣянія нашихъ предковъ,—я отвѣчу: изъ древнихъ халдейскіхъ, ассирийскихъ и персидскихъ архивовъ“. Это мѣсто, конечно, не слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ Хоренскій, сколько намъ известно, не былъ ни въ той, ни въ другой, ни въ третьей странѣ¹⁾.

Но приступая въ VIII-й главѣ I-й книги къ изложенію собственной исторіи Армени, Хоренскій обращается къ главному и почти единственному своему письменному источнику, съ которымъ онъ и не разстается до X-й главы II-й книги. Этотъ источникъ—*Марѣ-Абасъ-Катина*.

О немъ говорить Хоренскій въ первый разъ въ VIII-й главѣ I-й книги. Установивъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ большую частью

¹⁾ Извѣстный арианскій историкъ X вѣка, Иоаннъ Католикосъ, сообщивъ вкратце древнюю исторію Армени по Хоренскому, и доведя ее до Тиграна, повторяетъ вопросъ Хоренского: если спросить нась, откуда мы узнали эти имена и сказания,— я отвѣчу также: пусть знаютъ, что *записи доступны* были халдейской книги, которые были писаны при Тиберіѣ и находятся въ Ниневіи и Едессѣ. Само собою разумѣется, что Иоаннъ Католикосъ не выдалъ никакихъ халдейскихъ книгъ, хранившихся въ Ниневіи и Едессѣ и писанныхъ при Тиберіѣ.

у Евсевия, связь родоначальниковъ Армінъ съ прямымъ потомствомъ Іафета, онъ приступаетъ къ изложению мнимо-фактической истории своего отечества и указываетъ какъ на главный и единственный свой источникъ на книгу Маръ-Абаса-Катини¹), которая по словамъ самого Маръ-Абаса, обозна своямъ происхождениемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. При этомъ слѣдуетъ обратить внимание на то, что Хоренскій, приступая къ составленію древней исторіи своего народа, ссылается на автора, которого никто не знаетъ и не цитуетъ ни до, ни послѣ него, и которому онъ безотчетно довѣряется на основаніи лишь того, что самъ авторъ о себѣ говоритъ. Это мѣсто Исторіи Хоренскаго весьма для насъ важно, и потому мы выпишемъ его цѣлкомъ. Вотъ что говорить о себѣ Маръ-Абасъ²): „Аршакъ Великій, царь Персовъ и Парѳянъ, родомъ Парѳянинъ (Parthev), возставъ противъ Маведонанъ, завладѣлъ всѣмъ Востокомъ и Ассирией. Умертвивъ цара Антіоха въ Ниневіи и покоривъ своей власти всю вселенную, онъ назначаетъ брата своего Валаршака, царемъ Арменіи, считая это полезнымъ для прочности своего государства. Онъ назначаетъ ему резиденціей городъ *Месибинъ* (Nisibis) и подчиняетъ его власти западную часть Сиріи, *Памотину* (?), Азію, Средиземныя страны, Теталію (?) отъ Понтійского моря до того мѣста, гдѣ Кавказъ придвигается къ Западному морю и Арапатаканъ. А большее, говорить Аршакъ, будетъ зависѣть отъ ума твоего и мужества; ибо границы героеvъ—ихъ мечь: чтѣ отрѣжетъ, тѣмъ и владѣть“.

„Валаршакъ, великолѣпно устроивъ свою власть и утвердивъ государство, пожелалъ узнать, кто и какие мужи царствовали до него въ Арmenіи,—чье мѣсто пришлось ему занять: храбрыхъ или трусовъ? Отыскавъ одного Сирійца, Маръ-Ибаса-Катину, человѣка мудраго и

¹⁾ См. также: *Etudes sur les sources de l'histoire d'Arménie de Moïse de Khorêne*, par Victor Langlois, 1861. (Tiré du *Bulletin* etc. t III, p. 531—583). Petermann—Über die schriftlichen Quellen des Moses Chorenensis, въ *Monatsberichte*, 1852, стр. 87—104.

²⁾ Въ редакціи Себеоса это мѣсто передается вѣсколько иначе: «Тогда Аршакъ поставилъ царемъ Арmenіи сына своего, Аршака Малаю, въ Мецбинъ; подчинилъ ему Антестанъ въ смежности съ землями Таджиковъ и Спирѣцевъ. Далъ ему Каппадокію, находившуюся близъ Киликіи, до великаго Западнаго моря. Къ югу уступилъ ему земли до великой горы Еламаза, который простираясь на Востокъ, подходитъ къ предѣламъ укрѣпленной страны Маровъ (Мидіи), достигаетъ горы Бараспа и касается страны Норъ-Ширакъ». Нѣ сколько ниже говорится, что Аршакъ Младшій воцарился въ Арmenіи вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Валаршакомъ; см. стр. 12—14, армянского текста.

съѣдущаго въ письменности халдейской и греческой, онъ отправляеть его въ великому брату своему Аршаку, съ дорогими дарами и съ просьбою открыть его посланному царскій архивъ. При этомъ Валаршакъ пишетъ ему слѣдующее письмо:

„Аршаку, царю земли и моря, особа и образъ котораго на подобіе боговъ нашихъ, а счастье и судьба выше всѣхъ царей, а широта ума подобна широтѣ неба надъ землею,— Валаршакъ, младшій братъ твой и сподвижникъ, поставленный тобою царемъ Армени. Будь здравъ и побѣдоносенъ.

„Получивъ отъ тебя совѣтъ служить мудрости и храбрости, я ни разу не пренебрѣгъ твоимъ наставлѣніемъ и посвятилъ себя заботѣ обо всемъ, на сколько достало у меня ума и разумѣнія. Нынѣ, благодаря твоимъ попеченіямъ, сдѣлавшись царемъ въ этой странѣ, я по желаль узнать: кто до меня царствовалъ въ Армени? Откуда княжеские роды нынѣ существующіе? Не видать, чтобы адѣль существовали какіе-нибудь порядки или богослуженія при храмахъ. Не известно, кто первый между главными лицами страны и кто послѣдній: нѣтъ ничего опредѣленаго; все перепутано и дико.

„И потому прошу твое величество, прикажи открыть царскій твой архивъ человѣку, явившемуся передъ твоимъ могущественнымъ величествомъ, дабы онъ, отыскавъ желанное братомъ твоимъ и сыномъ, принесъ ему въ скоромъ времени вѣрныя обо всемъ свѣдѣнія“.

„Аршакъ Великій, получивъ письмо изъ рукъ Марь-Абаса-Катрины, съ большою готовностью приказалъ показать ему царскій архивъ въ Ниневіи. При этомъ онъ радовался тому, что братъ его, которому онъ поручилъ половину своего царства, возымѣлъ подобное желаніе.

„Марь-Абасъ, порывшись въ книгахъ, отыскалъ между ними книгу на греческомъ языкѣ съ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Эта книга по повелѣнію Александра переведена съ халдейскаго языка на греческій и заключаетъ въ себѣ подлинныя сказанія древнихъ (или о древнихъ)...“

„Извлекши изъ этой книги достовѣрную исторію только нашего народа, Марь-Абасъ приноситъ ее на сирійскомъ и греческомъ языкахъ въ царю Валаршаку въ Мецбинъ...“

„Получивъ (эту исторію) Валаршакъ хранить ее, какъ лучшую драгоценность, въ своей сокровищницѣ, приказалъ часть ея начертать на столбѣ“.

Еще Катрмеръ обратилъ вниманіе на несообразность извѣстія о

Ниневійскомъ архивѣ во II вѣкѣ до Р. Х., сомнѣвалъся, чтобы въ то время Ниневія, предположивъ даже, что она существовала, могла за-ключать въ себѣ царскіе архивы. Въ вынѣкѣ мы приводимъ цѣлкомъ мѣжнѣе объ этомъ предметѣ Катрера, разчѣ другихъ выражавшаго свое сомнѣніе въ подлинности исторіи Маръ-Абаса¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ относился къ Маръ-Абасу и другіе знатоки си-

¹⁾ «Cette narration pr  sent , ´ vrai dire, tous les caract  res de la fable: d'abord, il est fort douteux que, du temps d'Arsace, la ville de Ninive, en supposant qu'elle existait, ait renferm  des archives royales; en second lieu, Alexandre, durant sa courte carri re, n'eut ni le temps, ni probablement la volont  de faire traduire du chald  en un monument historique; 3^e, le nom Mar-Abbas-Katina n'appartient probablement pas ´ l' poque d'Arsace; les mots dont il se compose ne figurent chez les Syriens que depuis l' poque du christianisme. *Mar*, comme on sait, signifie *seigneur*; *Abbas* est le nom *Iba*, assez commun chez les Syriens chr  tiens, le mot *Katina*, comme l'avait soup  onn  Lacrose, est le terme syriaque, qui signifie *subtil*. On peut donc croire, que toute cette histoire repose sur une imposture; que le pretendu livre traduit en grec par ordre d'Alexandre,  tait peut- tre un exemplaire de l'histoire de B  rose. Qu'un chr  tien de Syrie, ayant eu ´ sa disposition ce monument litt  raire, et en ayant tir  des renseignements historiques, aura voulu relever la gloire de cet ouvrage, en lui attribuant l'honneur d'avoir fix  l'attention d'un prince aussi ´clair  qu'Alexandre; que cette fable qui flattait l'orgueil des Orientaux, aura  t   accueillie avec transport par Moise de Chor  ne, et, ´ son exemple, par tous les historiens d'Arm  nie». См. *Quatrem re—Observations sur la ville de Ninive*, troisi me article, въ *Journal des Savants*, 1850, p. 365. Не можемъ не привести здесь цитату изъ Фрета (*Fr  ret.—De l'ann  e arm  nienne*, t. XII, p. 207—208), который еще въ прошломъ столѣтіи съ свойственнымъ ему остроумiemъ опровергъ Маръ-Абаса: «Mar-Ibas, qui a  crit environ un si  cle avant J. C. pouvait- tre t  moignier croyable sur les  v  nements voisins de son temps; mais il est visible, que tout ce qu'il avait dit de l'histoire ancienne, n' tait qu'un ramas indig ste des fables historiques r  p  ndues dans les ouvrages des Juifs H  l  nistes ou Syriens, qui avaient voulu ajuster les fictions chald  ennes, assyriennes et grecques avec l'histoire de Moise. Nous pouvons juger de l'ignorance et m  me de la hardiesse de ce Mar-Ibas ´ debiter des mensonges, par ce qu'il avance d'un manuscrit traduit du chald  en, en grec par les ordres d'Alexandre et conserv  dans les archives de Ninive, d'o  Arsac , roi des Parthes, permit qu'on le tir  pour l'envoyer ´ son fr  re Vakarsac , premier roi Assacide d'Arm  nie, qui a r  gn  depuis l'an 128 jusqu' l'an 106 avant J. C.. Mar-Ibas pouvait-il ignorer que Ninive, prise l'an 608 avant J. C. par les Babylonien s et par les Medes, avait  t   enti  rement d  truite, qu'elle  t  tait inhabit  e depuis pres de 500 ans et que tous les monuments historiques en avaient  t   port s ´ Ecbatane, o  ils  taient sous les premiers rois de Perse, ´ ce que nous apprend Esdras. La pr  face de Mar Ibas ne peut  tre compar e qu' ces prologues, qui se trouvent ´ la t  te de romans espagnols de chevalerie, on y voit toujours que l'histoire du h  ros ´ t  r e de quelque vieille chronique grecque ou m  me chald  enne, trouv e dans un souterrain...»

рійской литературы и истории, Ренанъ, Лавижи и пр. Если не всѣ возраженія Каттмера (какъ, напримѣръ, о немѣніи Александромъ времени заниматься такими пустаками, о Веросѣ и пр.) основательны, то и некоторые изъ нихъ довольно вѣски. При внимательномъ чтеніи „Исторіи Арменіи“ легко обнаруживается, что Хоренскій былъ введенъ въ заблужденіе своимъ источникомъ и сдѣлался жертвой мистификаціи. Правдивость и честность Хоренскаго признается даже тѣми¹⁾, кто вовсе не раздѣляетъ его довѣрія къ Марѣ-Абасу, и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы отгораживаемъ Хоренскаго и относимся прямо къ Марѣ-Абасу. Литературный подлогъ въ большей части случаевъ въ самомъ себѣ хранитъ признаки, по которымъ онъ рано или поздно обнаруживается, и самъ снабжаетъ изслѣдователя ясными противъ себя уликами. Обвиная Марѣ-Абаса въ поддѣлѣ, мы постараемся въ его же словахъ найти подтвержденіе нашему мнѣнію.

Въ приведенной нами выше выпискѣ обратимъ вниманіе на слѣдующіе пункты:

- 1) что Марѣ-Абасъ-Катина, сирійскій ученый, живъ за 150 лѣтъ до Р. Х., такъ какъ онъ считаетъ себя современникомъ Аршака Великаго, то-есть, Митридита I, жившаго около этого времени;
- 2) что онъ работалъ по документамъ, хранившимся въ архивахъ Ниневіи;
- 3) что въ этихъ архивахъ онъ нашелъ книгу подъ заглавиемъ: „Эта книга по повелѣнію Александра переведена съ халдейскаго языка на греческій и заключаетъ въ себѣ подлинныя сказанія древнихъ“;
- 4) что Марѣ-Абасъ сдѣлалъ изъ нея извлеченія на сирійскомъ и греческомъ языкахъ, принесъ ихъ къ царю Валаршаку, который приказалъ часть ихъ начертать на столбѣ, и
- 5) что за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени въ самой Арmenіи не существовали историческія сочиненія о ея древнихъ судьбахъ, и для получения какихъ-либо о нихъ свѣдѣній пришлось отправить сирійскаго ученаго въ архивы Ниццейскіе.

Разберемъ эти пункты и посмотримъ, не заключается ли въ каждомъ изъ нихъ обстоятельствъ, возбуждающихъ сомнѣніе, а во всѣхъ вмѣстѣ — совокупность столькихъ несообразностей и анахронизмовъ,

¹⁾ Molise de Khorène si cr  dule et si honn  te... Renan, Hist. des lang. S  m. p. 244. K. Blum, Herodote und Ktesias, Heidelberg, 1836, s. 148—164.

что мы будемъ въ правѣ смыло назвать Маръ-Абаса или автора книги, приписываемой послѣднему, мистификаторомъ.

Начнемъ съ Ниневійскаго архива. Въ настоящее время уже всѣмъ известно, что изъ цѣлѣй народовъ Азіи раньше другихъ ввели въ употребленіе историческую письменность жители Месопотаміи, изъ которыхъ Ассирийцы, а послѣ нихъ Вавилоняне, довели развитіе этого дѣла до возможныхъ, по характеру ихъ письменъ, предѣловъ. Въ Ниневіи, одноктѣ изъ древнѣйшихъ городовъ Ассирии, уже съ XIII столѣтія до Р. Х. введено было обыкновеніе выставлять на монументальныхъ зданіяхъ надписи, гласящія о тѣхъ или другихъ подвигахъ ихъ воинственныхъ царей. Часть изъ изъ настоящего времени перенесена въ музей Лондона и Парижа. Въ этихъ надписяхъ говорится часто весьма подробно о дѣяніяхъ царей и разъясняется о цѣлѣмъ рядѣ ихъ походовъ въ различныя страны. Таковы громадныя надписи Саргона, прочитанныя и объясненные Оппертомъ¹⁾. Но подобныя надписи, встрѣчаемыя въ развалинахъ древнихъ городовъ Ассирии, хотя и представляютъ собою исторические документы первостепенной важности, архивомъ царскихъ называться не могутъ.

Однимъ изъ послѣднихъ царей Ассирии былъ Ашурь-бани-палъ, тотъ самый Сардаканаэзъ, котораго Ктесій (Diod. Sic. II, 23—27) рисуетъ изнѣженнымъ сластолюбцемъ, проводившимъ все время въ гаремѣ, предававшимъся постыднымъ порокамъ, и наконецъ, скжевшимъ себя со всѣми женами и богатствами. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Ашурь-бани-палъ (668 — 647 — 628 гг. до Р. Х.), сынъ Асарь-Гадома, внукъ Сенакхериба, былъ одинъ, если не изъ лучшихъ, то изъ самыхъ воинственныхъ царей Ассирии. Побѣдитель Египтанъ и Еlamитовъ²⁾, Ашурь-бани-палъ большую часть своего царствованія провелъ въ походахъ. Онъ подчинилъ своей власти Вавилонъ, распространій свои завоеванія на сѣверъ за Таврскія горы и не разъ наносилъ чувствительные пораженія варварскимъ народамъ Малой Азіи. О дружбѣ и союзѣ съ ними хлопоталъ Гигесъ Лидійскій, а армянскіе (урартскіе) князья въ первый разъ въ теченіе ассирийской истории, какъ видно изъ надписей, добровольно согласились

¹⁾ Les Inscriptions de Dour-Sarkayan (Khorsabad) provenant des fouilles de M. Victor Place, dѣchiffrées et interprétées par Jules Oppert. Paris, 1870. Grande Inscription du palais Khorsabad, publiée et commentée par MM. Jules Oppert et Joachim Menant, въ Journ. Asiat. 1863, Janvier—Fevrier, p. 1—26.

²⁾ G. Smith—History of Assur-bani-pal, translated from the cuneiform inscriptions. London. 1871.

подносить ему дары, чтò равнялось уплатѣ дани. Въ его правлѣніе границы Ассирии раздвинулись до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Но не одними завоеваніями прославилъ себѣ Ашурь-бани-паль. Онъ былъ въ то же время покровителемъ науки и искусства¹), и въ его правлѣніе искусство ассирийское дошло до высшей точки своего развитія. Лайардъ (*Nineveh and Babylon*, p. 345—349) открылъ въ 1850 году въ Ниневіи (нынѣ называется жителями *Куимджикъ*) ту часть Ашурбаниаполова дворца, въ которой помѣщался царскій архивъ и книгохранилище. Конечно, не книги были имъ найдены, а цѣлая зала, наполненная до верху мелко исписанными кирпичами, частью обожженными въ печахъ, частью высушѣнными на солнцѣ. Каждый кирпичъ носить на себѣ известный знакъ, соответствующій цифрамъ на страницахъ нашихъ книгъ. Работники Лайарда успѣли собрать до 10.000 кирпичей, большая часть которыхъ разбита на мелкія части, и все это было отправлено въ Англію, гдѣ они составляютъ вмѣстѣ лучшее украшеніе Британскаго музея. Изъ того, что успѣли въ настоящее время на нихъ прочитать, оказывается, что въ этихъ глиняныхъ таблицахъ заключаются сочиненія по части граматики, исторіи, права, миѳологии, естественной исторіи, астрономіи, астрологіи, а также контракты, договоры, документы на владѣніе²) и пр. Значительная часть ихъ въ настоящее время уже публикована стараніями Роулісона, Норриса, Смиса и др. Между этими-то глиняными обломками Смисъ открылъ отрывокъ эпопеи о всемирномъ потопѣ, блестящимъ образомъ доказавшей древность библейского сказанія.

Изъ сказанного ясно, что въ Ниневіи дѣйствительно существовали архивы и книгохранилища, но въ VII, а не въ II вѣкѣ до Р. Х. Еще въ царствование Ашурь-бани-пала, или вскорѣ послѣ его смерти, совершилось опустошительное нашествіе Сасновъ, которые разрушили Ниневію, разорили и сожгли ея дворцы и нанесли Ассирии ударъ, послѣ которого она уже не могла подняться. Этимъ только объясняется ея быстрое паденіе послѣ самаго цѣнѣннаго состоянія. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее завоеваніе и разрушеніе Ниневіи *Кіаксаромъ* положило конецъ какъ Ассирийскому царству, такъ и политическому

¹⁾ G. Rawlinson—*The five great Monarchies of the ancient world*. Second edition, London, 1871. Vol. II, p. 211—217.

²⁾ Болѣе подробныхъ сведѣній объ архивахъ и библиотекѣ ниневійской можно получить у Ленормана: *Essai de commentaire des fragments cosmogoniques de Beroe, d'aprѣs les textes cunéiformes et les monuments de l'art asiatique*. Paris, 1872, p. 13—35.

значению Ниневии, которая съ тѣхъ поръ и не возвставала изъ своихъ развалинъ. Мало по малу развалины занесло землей и пескомъ, и уже въ IV—V вѣкѣ до Р. Х. имя Ниневии, какъ существовавшаго города, не встрѣчается у писателей. Царство Ассирийское и для древнихъ было уже забытою древностью. Такимъ образомъ, во II вѣкѣ до Р. Х. говорить объ архивѣ Ниневійскомъ есть явный анахронизмъ. Но если бы случайно и открыть былъ Марѣ-Абасъ доступъ въ этотъ архивъ, то чѣмъ сталъ бы онъ несть дѣлать? Самое чтеніе клинописи было въ то время уже забыто, а Марѣ-Абасъ говорить о *кимиахъ* Ниневійскаго архива, а не о *табличкахъ* или *cociles laterculi* (*Hist. Nat.* VII, 57), какъ ихъ называетъ Пліний¹). Но предположимъ двѣ невозможности: допустимъ, что Марѣ-Абасъ какимъ-нибудь путемъ забрался въ Ниневійскій (въ то время подземный) архивъ, и что онъ умѣлъ, паче чаянія, разбирать гвоздеобразныя письмена за 150 лѣтъ до Р. Х. Въ такомъ случаѣ мы были бы въ правѣ ожидать отъ него такихъ свѣдѣній, которые въ некоторой степени должны были согласоваться съ новѣйшими результатами, добтыми ассириологами изъ чтенія подлинныхъ документовъ ассирийскаго архива. Но чѣмъ же встрѣчаютъ мы вѣсто ожидаемаго, хотя бы относительно исторіи Ассирии? Поразительное, даже часто дословное, сходство сказаний Ктезія объ Ассирии съ тѣмъ, чѣмъ сообщается о томъ же Марѣ-Абасъ, бросается каждому въ глаза и возбуждаетъ новое соянѣніе въ правдивости писателя, работавшаго, будто бы, въ Ниневійскихъ архивахъ. Лѣтъ за 80 до Александра и за 280 лѣтъ до Марѣ-Абаса, все сообщаемое синь послѣднимъ (кромѣ исторіи Арманіи, конечно) было извѣстно всему читающему греческому миру. Стоило ли Александру приказывать снова переводить на греческій языкъ то, чѣмъ уже давно ему самому лично было извѣстно изъ чтенія Ктезія лучше тѣмъ кому-нибудь другому? Такимъ образомъ обнаруживается, что Марѣ-Абасъ никакъ не могъ за 150 лѣтъ до Р. Х. работать въ Ниневійскомъ архивѣ и добывать тамъ свѣдѣнія, за долго до него сообщенные Ктезіемъ, свѣдѣнія, которыхъ именно въ наше время опровергаются чтеніемъ документовъ настоящаго Ниневійскаго архива.

Намъ могутъ возразить²), что подъ именемъ *Ниневійской архива*

¹) *Epigenes apud Babylonios DCCXXM annorum observationes siderum cociles laterculis inscriptas docet, gravis anctor imprimis.*

²) Такъ старается оправдать г. Лангуа Марѣ-Абаса: «On peut croire que par archives de Ninive il faut entendre soit les dbris de ce dpt, qui avoient t

авторъ разумѣлъ часть этого архива, перенесенную Ахеменидами, Селевкидами или даже Парѳенами въ одинъ изъ своихъ столичныхъ городовъ, или въ Экбатану. Дѣйствительно, нѣчто подобное называется Ездра: „Тогда Дарій царь повелѣ, и искаша въ книгохранительницахъ, идѣже сокровище лежить въ Вавилонѣ. И обрѣтеся во Амаѳѣ, градѣ иудейскомъ, въ каматѣ главына едага и сіе писано бѣ въ ней на память (I гл. VI, 1—2). Тогда царь Дарій повелѣ иската въ царскихъ книгохранительницахъ сущаго въ Вавилонѣ, и обрѣтено бысть, во Екбатанѣхъ, во градѣ сущемъ въ странѣ Мидейской, мѣсто едино (въ лѣтописцѣ), въ немъ же написана баху сія (II, VI, 23)“.

Но это мѣсто относится ко временамъ первыхъ Ахеменидовъ и къ архиву Вавилона, а не къ Ниневіи. Кроме того, подобное возвращеніе только подтверждаетъ наше мнѣніе о непосѣщеніи авторомъ Ниневіи. Если-жь онъ былъ въ другомъ городѣ и тамъ рѣлся въ такъ-называемомъ Ниневійскомъ архивѣ, то чѣмъ мѣшало ему назвать этотъ городъ по имени; между тѣмъ онъ буквально говорить *объ архивѣ въ городѣ Ниневіи*, а не просто о Ниневійскомъ архивѣ.

Другой писатель, гораздо болѣе известный, чѣмъ Марѣ-Абасъ, Берозъ, говоритъ о себѣ, что онъ жилъ въ дни Александра и писалъ исторію по вавилонскимъ источникамъ. Но онъ сообщаетъ намъ свѣдѣнія совершенно другаго достоинства. Все, чѣмъ дошло до насъ въ отрывкахъ изъ его сочиненій, составляетъ такой исторический материалъ, который оправдывается и частью уже оправдался чтенiemъ надписей, открытыхъ при раскопкахъ Ниневіи и Вавилона. Книга Бероза пользовалась въ древности большимъ авторитетомъ, и существовало преданіе, что кто-то (можетъ быть, Александръ, современникъ котораго Берозъ себя называетъ) внушилъ ему мысль перевести ее на греческий языкъ. Намъ кажется, что и Марѣ-Абасъ пожелалъ дать своему минимому источнику такое же авторитетное происхожденіе, и поэтому онъ повторяетъ при этомъ почти слово въ слово то, чѣмъ говорилось о книгѣ Бероза, то-есть, будто бы онъ (вымыненный источникъ Марѣ-Абаса) также съ халдейского переведенъ на греческий языкъ по повелѣнію Александра. Оттого она и вышла безымянная съ какимъ-то страннымъ заглавиемъ: „Эта книга по повелѣнію Александра переведена съ халдейскаго“, и пр.

rassamblés par les soins de Séleucides et seraient ensuite passés aux mains des rois parthes, qui les possédaient quand Mar-Abas-Catina vint les consulter; soit enfin les archives d'Ecbatane, qui existaient encore sous les premiers rois de Perse, à ce que raconte Esdras.. Collection, t. I, p. 13.

Въ вымыслиности источника Марь-Абаса (или Марь-Ибаса) нась убѣждаетъ и то обстоятельство, что книга исторического содержания, переведенная по повелѣнію Александра (следовательно, книга достойная особеннаго вниманія) на греческій языкъ (следовательно, приготовленная для того, чтобы ее читали Греки), подобная книга, остается неизвѣстною самимъ Грекамъ. Никто ее не знаетъ и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о подобномъ сочиненіи. Самъ Марь-Абасъ поставленъ въ необходимости скрыть имена автора, такъ и заглавіе книги. Да и послѣ II вѣка до Р. Хр. до самого Моисея Хоренскаго, историческая книга, написанная по гречески, остается никому неизвѣстною¹⁾. Итакъ, можно ли себѣ представить, чтобы книга, на которую обратилъ вниманіе Александръ, и которую онъ приказалъ перевести на греческій языкъ, въ теченіе 800 лѣтъ осталась неизвѣстною самимъ Грекамъ, и только М. Хоренскій обратилъ на нее вниманіе. Очевидно, не въ древности она была написана, а незадолго до самого Хоренскаго кѣмъ-то, и приписана какому-то Марь-Ибасу, современнику Аршака Великаго. Даже и въ это время она, по ничтожности своего содержанія и по церквициальному изложенію, не обратила на себя вниманія серьезныхъ людей. Хоренскаго она подкупила именно своимъ содержаніемъ, то-есть, изложеніемъ исторіи Арmenіи, о которой ничего не было написано. Обстоятельства сложились такъ, что Моисею во чтѣ бы ни стало нужно было добыть исторію Арmenіи. Относясь съ уваженіемъ ко всякому литературному труду, добросовѣстный по природѣ, Моисей не былъ способенъ самъ на сочиненіе исторіи безъ источниковъ, безъ авторитета, однимъ словомъ, безъ

¹⁾ Ветрѣтвъ иия Катина въ сочиненіяхъ св. Иеронима, т. Iантуа (Collect. t. I, Introduction, p. 10) высказываетъ свое убѣжденіе, что означенный святитель имѣлъ въ виду нашего Марь-Абаса-Катана, и будто бы оагъ зналъ его труды. Винкнувшись въ дѣло, мы только замѣчаемъ, что св. Иеронимъ знакомъ съ небольшимъ трактатомъ какого-то Катина, который не имѣть ничего общаго съ разбираемымъ нами авторомъ. Вотъ это мѣсто: «*Legi, et cujusdam Catinæ, quem Syri λεπτόν, id est acutum et ingeniosum, vocant brevem disputatiunculam, punitis castrorum ordinem duodecim tribuum describi in solitudine, ad Orientem et Occidentem, Septentrionem et Meridiem, que sibi invicem, et charitate et consanguinitate sociantur et hac esse rotam in rota, quae ducantur a Spiritu, et nube protegantur in eremo, et columnæ ignis illuminentur in nocte, nec revertantur in Aegyptum, sed semper ad terram repromissionis ire festinent.*» Sancti Eusebii Hieronymi Opera Omnia, t. V, cap. I, 12. Въ Patrologia, series latina, t. XXV, 1865. Очевидно, здѣсь говорится объ одномъ изъ множества лицъ, носившихъ это прозвище. См. ниже.

руководящей книги. Но, разъ найдя таковую, онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ ее и уже не входить въ критической разборъ ея достоинствъ. Онъ нашелъ книгу, которая освобождала его изъ затруднительного положенія. Его просить написать исторію Арменіи, но у него нѣть рѣшительно письменныхъ источниковъ¹⁾), а сказанія устными онъ не вѣрить, называя ихъ бреднями. Напротивъ того, встрѣтить нужную ему книгу, съ заманчивымъ заглавіемъ, съ авторитетною давностью, — онъ вполнѣ и смѣло довѣрился ей.

Обратимся къ Марь-Абасу. Почему онъ не назвалъ свой источникъ сочиненіемъ Бероза или другого извѣстнаго лица? По нашему мнѣнію, это объясняется весьма просто. Назвавъ Бероза, ему слѣдовало бы во всѣмъ говорить согласно Берозу; а въ его время цѣлаго творенія Бероза уже не существовало, а были только отрывки, сокращенные Полигисторомъ и Абиденомъ. Кроме того, Берозъ и не говорилъ объ Армянахъ; а Марь-Абасу необходимо было сослаться на такого древнаго историка, который бы о нихъ говорилъ. Но такого не было. Вотъ почему Марь-Абасъ былъ поставленъ въ необходимости или молчать, или выдумать себѣ мнимый авторитетъ для убѣжденія читателей. Изучивъ первую книгу Исторіи Хоренскаго, не трудно прийтіи къ убѣжденію, что Марь-Абасъ сочиняетъ исторію Арmenіi, взявъ ея содержаніе изъ народныхъ армянскихъ сказаний и в克莱ивъ ихъ въ рамку Ктезіевої исторіи Передней Азіи, такому же плоду народныхъ преданій. Этому-то своему дѣтищу ищетъ Марь-Абасъ предка, и не найдя ничего подходящаго, онъ увѣряетъ читателя, что не самъ сочинилъ свою книгу, а выписалъ только изъ древней книги, переведенной по предписанію Александра. Въ другомъ мѣстѣ (кн. I, гл. 14) онъ называетъ свой источникъ подлинною царской книгой. Это выраженіе напоминаетъ извѣстное мѣсто у Ктезія (Diod. II, XXXII), где онъ говорить, что сказавія свои заимствовалъ

¹⁾ По увѣренію Тома Арируни, въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. Клеопатре, дочь Птоломея Діонісія, добыла въ Александрийскомъ архивѣ пергаментный папирусъ, въ которомъ на греческомъ языке изложена была исторія рода Арируни, князей армянскихъ изъ поколій Сенекерима Аеспрійскаго. Этотъ папирусъ, вмѣстѣ съ другими богатыми дарами, она отправила къ Тиграну, царю армянскому, четвертому Аршакиду, извѣстному своими завоеваніями и несчастной войной съ Римлянами. По отсутствію другихъ данныхъ, нельзя судить о достовѣрности этого плавѣтія, хотя въ немъ не заключается ничего невозможнаго. Томо, сообщая это извѣстіе, ссылается на Мамбрѣ, брата Хоренскаго, историческія сочиненія котораго не дошли до насъ. Си. стр. 46—47.

иъ царскихъ книжъ (éch tōu вазылкын биғвары), выражение, часто передаваемое черезъ: изъ царскихъ архивовъ, между тѣмъ какъ оно значить просто: царская книга въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выражение употребляется у Фирдуси: *Шахъ-наме*, то-есть, Царская книга, или Книга царей. Зависимость Маръ-Абаса отъ Ктезія ясна до очевидности. Но не изъ чего не видно, чтобы Маръ-Абасъ пользовался непосредственно оригиналомъ Ктезія. Такъ какъ все имя заимствованное у него послѣднаго встречается у Діодора и даже у Евсевія, то и съ этой стороны возбуждается сомнѣніе — не заимствовалъ ли онъ свои свѣдѣнія о древности у одного изъ двухъ послѣднихъ.... Вообще все заставляетъ насть предполагать, что Маръ-Абасу были въ его время доступны только тѣ источники, канич могъ располагать и Хоренскій. Только Хоренскій, заимствулъ свои сказанія изъ народныхъ преданій, эпическихъ пѣсенъ и историческихъ писателей, не рѣшился бы солгать читателю, а прямо сказать бы, что и гдѣ онъ слышалъ, между тѣмъ какъ ученый Сиріецъ добытыя тѣмъ же путемъ свѣдѣнія приписываетъ какому-то историку, жившему въ эпоху Александра.

Обратимся къ имени разбираемаго нами автора: *Маръ-Абасъ Катина*¹⁾). Одни полагаютъ, что прозвище *Катина* Маръ-Абасъ получилъ отъ города *Котина* (Катина по древне-сирийскому произношению). Но въ такомъ случаѣ его слѣдовало бы называть *kötinojō* (*kätinajā*), то-есть, уроженецъ Катинскій. Гораздо вѣрнѣе предположить, что оно произошло отъ слова *katino* (*katina*), мудрый, то-есть, Маръ-Абасъ мудрый, ученый. Титулъ *маръ* (*Mâr*) давался въ христіансскую эпоху²⁾ въ Сиріи лицамъ почетнымъ, святымъ, и означалъ: господинъ, владыко, отецъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ послѣднее слово употребляется у насть при именахъ духовенства: отецъ Петръ, отецъ Иванъ. Такимъ образомъ, все имя будеть значить: господинъ

¹⁾ Nomen, ut La-Crosius monet, proprio Syriacum. *Mar-Ibas-Catinensis*, quod est, Dominus Ibas ex oppido Catinâ, qui locus idem fortasse est, atque ille, cuius in Syria positi mentio fit apud Assemani Bibliothec. Orient. tom. II, p. 351. Notat etiam La-Crosius vocem Catina in lingua Syriaca *Subtilem* significare, quasi id non men inde ei potuerit esse datum. См. *Вистока*, стр. 21.

²⁾ У Хоренскаго (II, 30) встречается имя *Маръ-Ихабъ*, принадлежавшее, будто бы, современнику Аблара и Спасителя, изъ чего можно было бы заключить, что титулъ *Маръ* былъ въ употреблении и въ до-христіанскую эпоху. Но это жесто не противорѣчить нашему мнѣнію, такъ какъ источникъ, откуда его заимствовалъ Хоренскій, есть сочиненіе Лабубынъ (см. ниже), писателя III—IV вѣка, но выдавшаго себя за современника Аблара.

Абасъ Мудрый, отецъ Абасъ Мудрый, для отличія отъ другихъ соплеменниковъ, такъ какъ имя *Маръ-Абасъ* или *Маръ-Ибасъ*, весьма обыкновенное у Сирійцевъ въ христіанскую эпоху, было носимо многими епископами. См. *Renan—Histoire des langues Sémitiques*, р. 256; *H. Petermann — Ueber die schriftliche Quellen des Moses Choren.* въ *Monatsberichte* 1852, стр. 87—104.

Чтобъ устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, прибавимъ, что мистикаторъ, сочиненіями котораго пользовался Хоренскій, скрылъ свое имя и приписалъ свой трудъ какому-то *Маръ-Абасу*, лицу вымышленному, но мы удерживаемъ это имя по недостатку другаго, и разумѣемъ подъ нимъ того Сирійца, который ввелъ въ заблужденіе Хоренскаго.

Если анатоми сирійской литературы почти единогласно утверждаютъ, что имя *Маръ-Ибасъ* могло быть въ употребленіи только въ христіанскую эпоху, то нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что сочиненіе, написанное Сирійцемъ Едесской школы, выдано авторомъ за до-христіанское.

До начала V вѣка по Р. Х. у Армянъ не было своей азбуки, и по всей вѣroятности, никакой письменной литературы, хотя трудно себѣ представить, какъ могло обширное государство въ теченіе многихъ столѣтій обходиться безъ употребленія своего языка въ письмѣ, когда всѣ его сосѣди издавна владѣли письменностью. Однако, кажется это было такъ въ Арmenіи, потому что до сихъ поръ ни одинъ памятникъ не убѣдилъ настъ въ противномъ. Съ другой стороны, предположивъ полное отсутствіе литературнаго языка у Армянъ до V вѣка, чѣмъ объяснить почти внезапное его появленіе въ первой половинѣ V вѣка вполнѣ выработаннымъ, установившимся навсегда, способнымъ принять на себя не только передачу Священнаго Писания на армянскій языкъ, но и всего, чтѣ греческая литература произвела замѣчательнаго со времени появленія греческой письменности и до V вѣка¹⁾? Подъ первомъ людей, получившихъ образованіе въ гре-

¹⁾ См. *Sukias Sosai. Quadro delle opere di vari autori, anticamente tradotte in Armeno.* Venezia. 1825. Въ этой книгѣ собраны названия сочиненій, переведенныхъ съ греческаго и сирійскаго языковъ. Большая часть ихъ сохранилась до нашего времени. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: Сочиненіе Аристотеля, Жизнь Александра Великаго, написанная псевдо-Калисеономъ, Еіссауфъ Порфирий, Творенія Евсевія, Филона, Комментаріи на Ноопуса, Граматика Діонисія Фракійскаго, Географія Паппа Александрийскаго, Хроника Юлія Африканы, Исторія Іосифа Флавія, Историческая Библіотека Діодора Сіцилійскаго, труды Олімпіодора, Каллимаха и друг. Мы не говоримъ здѣсь о переводахъ, сдѣланыхъ послѣ V вѣка.

ческихъ школахъ, литературный армянский языкъ въ течениѣ одного поколѣнія не только обогатился переводами съ греческаго языка, но и самъ произвелъ оригинальныи творенія по части богословія, истории, реторики, математики, грамматики, философіи и пр. Мы уже не разъ высказывали убѣжденіе, что народъ говорилъ въ то время языкъ бѣлье близкимъ къ нарѣчіямъ нашего времени¹⁾, чѣмъ къ литературному языку, появившемуся вдругъ въ V вѣкѣ. Можно было бы сдѣлать такое предположеніе, что образованіе Армянъ того времени приняли за образецъ греческий языкъ, каждый по своему, вырабатывали изъ народнаго языка литературный, и что такимъ образомъ, мало по малу, образовался тотъ литературный языкъ, кото-рый сдѣлался у Армянъ на долгое время *классическимъ*.

Но такому предположенію противорѣчать многія обстоятельства. Вонерыхъ, въ формахъ его мы замѣчаемъ значительное уклоненіе отъ формы народнаго языка того времени. Удивительное единство грамматики у всѣхъ писателей того времени, не смотря на то, что эти послѣдніе были уроженцами разныхъ провинцій Арmenіи, и слѣдовательно, въ изустной рѣчи придерживались различныхъ нарѣчій, представляющихъ и нынѣ значительное между собою несходство. Вовторыхъ, все они въ письмѣ держатся известнаго правописанія, болѣе рациональнаго чѣмъ то, которое въ настоящее время въ употребленіи у большинства Армянъ. Втретыхъ, бѣдный, не культивированный языкъ, дѣлаясь литературнымъ подъ влияніемъ изученія греческой литературы, долженъ быть въ первое время замѣстовать изъ греческаго языка не только термины и техническія выраженія, но и большую часть словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій, идей, чуждыхъ необразованному народу. Вместо того мы встрѣчаемъ въ языкѣ уже готовый и для всѣхъ равномѣрно доступный словарь. Если въ этомъ литературномъ языкѣ и встрѣчается масса чуждыхъ словъ, то они большей частью не греческія, а персидскія и пехлевійскія. Конечно, у разныхъ писателей замѣтны попытки образования новыхъ словъ, преимущественно философскихъ терминовъ, по образцу состава греческихъ словъ, но подобные попытки сравнительно немногочисленны, и языкъ выкинуль ихъ изъ себя вскорѣ, какъ ему несродныя. Такимъ образомъ мы въ правѣ думать, что и до изобрѣтенія армянскихъ буквъ существовалъ учennyи, искусственный языкъ, во многомъ раз-

¹⁾ См. мое Исследование о составѣ Армянского языка. 1864. Предисл. XIV. Также, Исследование о диалектахъ армянского языка, 1869. Предисловіе.

личный, какъ въ лексикѣ, такъ и въ формахъ, отъ народнаго. И такой, искусственный, условный языкъ, известный всѣмъ писателямъ и прозванный *трабаръ*, то-есть письменный, неизменно предполагаетъ литературу или употребленіе его въ письмѣ. На этомъ мы должны остановиться. Болѣе осознательны доказательства о существованіи литературнаго армянскаго языка до начала V вѣка мы не имѣемъ. До насъ не дошло ни одного литературнаго памятника раньше этой эпохи. Всѣ писатели V вѣка, писавшіе въ разныхъ концахъ Армении, часто не знаяше другъ о другѣ и о трудахъ другъ друга, какъ будто условились между собою краинѣ глубокое молчаніе о состояніи армянскаго языка и литературы до ихъ времени. Мы до сихъ поръ не можемъ добиться отъ нихъ прямого отвѣта на то, на какомъ языкѣ писали Армане, употребляя азбуки персидскую, сирійскую, греческую, о чёмъ они такъ часто говорятъ¹⁾). Исторія изобрѣтенія армянскихъ буквъ, событие, произведшее крупный переворотъ въ Армении, остается для насъ также болѣе чѣмъ темною, а между тѣмъ о ней говорять лучшіе писатели V вѣка и ученики самого изобрѣтателя. Вообще подобныхъ странностей не мало встрѣчается изслѣдователь при изученіи армянскихъ древностей.

Употребленіе языковъ персидскаго, греческаго, сирійскаго въ офиціальныхъ документахъ не подвержено сомнѣнію. Съ принятіемъ христианства въ богослуженіи стала господствовать языкъ сирійскій и всѣ книги религіознаго содержанія были написаны по сирійски. Настоятели монастырей, епископы и другіе должностные лица избирались между Сирійцами, такъ что периодъ времени отъ принятія Армян-

¹⁾ Приведемъ для примѣра самое ясное изъ подобныхъ мѣсто у Хоренского (I, 3): «Намъ всѣмъ известны дары и предковъ нашихъ пренебреженіе къ наукѣ и ограниченность разума. Хотя мы народъ малый, немногочисленный, слабый и потому часто подчиненный чужимъ царствамъ, но и въ нашей странѣ совершились часто доблестные подвиги, достойные того, чтобы память о нихъ была хранена въ письмѣ. Но никто не позаботился записать ихъ... Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что причиной тому были отсутствіе письменъ и литературы и постоянные войны, безпрерывно следовавшіе другъ за другомъ. Но подобное возраженіе не справедливо, ибо, съ одной стороны, были и промежутки между войнами; съ другой — существовали письмена персидскія и греческія, которыми и нынѣ пишется безчисленное множество книгъ, заключающихъ въ себѣ дѣла деревень, областей и отдалѣнѣй домовъ, тѣжбы и договоры, въ особенности же документы ва владенія дворянскихъ родовъ.» На какомъ языке были писаны эти документы? Не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что дѣло идетъ о времени, предшествовавшемъ изобрѣтенію армянскихъ буквъ.

нами христианства въ началѣ IV вѣка и до изобрѣтенія письменъ въ началѣ V вѣка, слѣдуетъ считать эпохой абсолютнаго господства сирійской литературы въ Армении.

Въ это время Сирійцы были учительными Армянъ и единственными поставщиками икъ по части умственной пищи. Еще въ III вѣкѣ гностикъ Бардесанъ написалъ исторію Арmenіи, отрывки которой сохранились у Хоренскаго. Въ христианскую эпоху, Сиріецъ Зенона написалъ по сирійски исторію обращенія Армянъ въ христианскую вѣру. При такихъ обстоятельствахъ нѣть ничего удивительнаго, что какому-нибудь ученому Сиріцу пришла охота написать цѣлую исторію для Армянъ, когда у послѣднихъ явилось желаніе знать свою исторію. Какъ теперь, тѣмъ болѣе въ то время, въ Месопотаміи жила масса Армянъ. Со II вѣка по Р. Х. ихъ было тамъ такъ много, что такие города какъ Низамибисъ и Едесса, считались армянскими и даже столицами Армянскихъ царей. При частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Армянами, не трудно было ученому Сиріцу познакомиться съ ихъ преданіями и сказаніями, и составить на основаніи ихъ сказанный разказъ о прошлыхъ судьбахъ Арmenіи¹⁾. Что въ основѣ всего разказанного Маръ-Абасомъ объ Армянахъ лежали древнія армянскія сказанія, известныя между прочимъ изъ того, что Хоренскій приводя свои извлечения изъ Маръ-Абаса, почти каждый разъ прибавляетъ отъ себя, что они (то-есть, сообщаемые Маръ-Абасомъ факты) оправдываются существовавшими въ его время народными сказаніями и пѣснями. Но народные сказанія, пѣсни и проч. тогда только имѣютъ важное историческое значеніе, когда они сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ творилъ народъ. Передложите поэтическое твореніе въ прозу, передайте сухое содержаніе пѣсни, вы лишаете ихъ души и тѣла и держите въ рукахъ безжизненный скелетъ, утратившій оживившій его народный духъ. При такомъ обхожденіи съ произведеніями народной поэзіи вѣдѣтъ съ поэтической оболочкой исчезаетъ и историческое ихъ значеніе; и потому крайне ошибаются тѣ исто-

¹⁾ Въ историческихъ сочиненіяхъ Себоса (VII в.) и Тома Апракса (X в.) при изложеніи древней исторіи Арmenіи, независимо отъ того что разказывается или согласно Хоренскому, встречается многое, что ему противорѣчитъ: приводятся другія имена царей, другие подвиги именъ приписываются. Все это, по нашему мнѣнію, говорятъ въ пользу того, что въ Арmenіи существовали исторические преданія, и что до Маръ-Абаса были дѣланы опыты для составленія сколько-нибудь сказанной исторіи Арmenіи. Маръ-Абасъ, какъ видно, воспользовался одною какою-нибудь редакціей этихъ преданій и по-своему обработалъ ихъ.

рики, которые обнаживъ оставъ народного сказанія отъ позавѣшеніи
имъ излишнихъ вымысловъ, выдають этотъ оставъ за исторію.

Такъ поступилъ съ армянскими сказаніями Сирецъ Маръ-Абасъ, и
только благодаря прибавкамъ Хоренскаго, мы видимъ въ его размѣрѣ
не совершенный вымыселъ, а передачу фактъ лежавшихъ въ основѣ
народныхъ сказаній¹⁾). Но излишняя трезвость Хоренскаго, отсутствіе
въ немъ пониманія народной поэзіи, его сѣйшая вѣра въ греческихъ
историковъ и презрѣніе къ устнымъ памятникамъ, если послѣдніе не со-
гласовались съ тѣмъ, что онъ вычиталъ въ книгахъ, были причиной
того, что до нась не дошли живые отголоски народного взгляда Ар-
мани на свою древность. Не эпическая пѣсня сохранила еть для нась,
а ихъ сухое и краткое содержаніе. Примѣръ уважаемаго Армянами
перваго ихъ историка пагубно отозвался и на послѣдующихъ исто-
рикахъ. Всѣ они, по-своему, критически отнеслись къ народной ли-
тературѣ, конечно устной, заразились сухостью и краткостью изло-
женія и создали, съ малымъ исключеніемъ, цѣлую историческую ли-
тературу, состоящую не изъ живыхъ разказовъ о событияхъ, а изъ
сухихъ и краткихъ конспектовъ. Конечно, не одно вліяніе Хорен-
скаго, но и другія причины, какъ-то: аскетическое направленіе жизни
и образа мыслей, неблагопріятныя политическія обстоятельства,
игралы при этомъ роль, но Хоренскій во всѣкомъ случаѣ даѣтъ тонъ
исторической армянской литературѣ, изгнавшей изъ себѣ все, что
напоминало поэзію или представляло обстановку дѣйствительной
жизни.

Цвѣтущее состояніе Едесской школы, начинная со II вѣка по Р. Х.,
перодило богатую историческую литературу, черпавшую въ рудни-
кахъ древней арамейской литературы, служившей продолженіемъ той,
представителемъ которой былъ Беровъ. Въ это время, говорить Хо-
ренскій (II, 10, 38), Римляне основали въ Едессѣ двѣ школы, сирій-
скую и греческую. Туда же перенесли они храмовой архивъ, бывшій
въ Сионопѣ. Хоренскій, лично знакомый съ Едесскимъ архивомъ, во
многихъ мѣстахъ своей исторіи неоднократно говорить о богатствѣ
историческими сочиненіями этого архива, которымъ пользовались
Юлій Африканъ, Евсевій и многие другие сирійские хронографы того
времени. Здѣсь же процвѣталъ и написалъ свои сочиненія Вардесантъ
въ концѣ II и въ началѣ III вѣка. Но вмѣстѣ со многими цѣнными

¹⁾ См. въ *Revue de deux Mondes*, 1882, стр. 225 — 255, статью г. Джалоре:
Les chants populaires de l'Arménie.

и талантливість въ Едессѣ писались книги съ спекулятивнимъ напраленіемъ, обрабатывались апокрифи и вошли въ ходъ мистификація и поддѣлки. Къ числу послѣдніхъ принадлежало, по нашему мнѣнію, и твореніе Маркъ-Абаса. И примеръ его вовсе не одинокъ въ древней сирійской литературѣ. Тотъ же самый Хоренскій, который на слово повѣрилъ предисловію Маркъ-Абаса, съ такою же довѣрчивостію отнесся и къ другому писателю, называвшему себя въ послѣдовствіи современникомъ Авгера Едесскаго и Спасителя. Мы говоримъ о Лабубинѣ или Лебубонѣ, который по ошибкѣ переписчика названъ у Хоренскаго *Лерубной*. Во II-й книзѣ, гл. XXXVI, рассказывая о дѣяніяхъ Авгара и Саватрука, Хоренскій ссылается на этого Лабубну и приводить его разказъ о принятии Едессянами христіанства въ первой половинѣ I вѣка по Р. Х.

Оригиналь этого сочиненія долгое время считался утраченнымъ, но недавно оно открыто въ Парижской библиотекѣ между другими армянскими рукописями въ уже изданъ и переведено нѣсколько разъ¹⁾. Въ 1864 году найдены и напечатаны въ изданіи доктора Бюретона²⁾ сирійскій текстъ исторіи Лабубни, такъ что въ настоящее время мы сами можемъ судить о достоинствахъ и достовѣрности этого произведения. Издатели какъ армянского, такъ и сирійского текстовъ отнеслись къ Лабубинѣ съ полнымъ довѣріемъ, и все не соответствующее эпохѣ приписали позднейшимъ вставкамъ. Они, подобно Хоренскому, на слово повѣрили *приміску*, которая встречается въ обоихъ текстахъ и въ извлеченіяхъ Хоренскаго и Еасевія (*Hist. Ecc.* I, 13). Вотъ эта примѣска въ переводахъ съ армянского и съ сирійского: „Какъ существуетъ обѣщованіе (въ текстѣ: дни) у всѣхъ царей, такъ и въ царствѣ Абгара, все, что цари повелѣваютъ и все, что происходитъ въ нихъ присутствіи, записывается и кладется въ архивъ; точно также въ городѣ Уроѣ (Едесса) *Лебубна*, сынъ Анака, сына

¹⁾ Французскій переводъ армянского текста изданъ подъ заглавиемъ: *Lettres d'Abgar ou Histoire de la conversion des Edesséens*, par Laboubnia, écrivain contemporain des apôtres, traduite sur la version arménienne du V-e siècle. Venise, 1868. Другой переводъ изданъ въ *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie*, t. I, 1867, подъ заглавиемъ: *Léboubna d'Edesse — Histoire d'Abgar et de la prédication de Thaddée*, p.313—331.

²⁾ См. *Ancient Syriac Documents relative to the earliest establishment of Christianity in Edessa and the neighbouring countries, from the year after our Lord's ascension to the beginning of the fourth century discovered, edited, translated and annotated by the late W. Curteon... with a preface by W. Wright*, London, 1864.

Абдаиараама, писецъ царский, записалъ все, что совершилось при апостолѣ Адѣѣ сначала до конца, при содѣйствіи Азана, догрѣннаго цара, и они помѣстили свое описание въ архивѣ, гдѣ храниются книги и законы царскіе, контракты по куплѣ и продажѣ съ засвидѣтельствованіемъ печатей и гдѣ все хранится тщательно¹. Въ сирійской редакціи: „And as is the custom in the Kingdom of the King Abgar, and in all Kindgoms that whatsoever the King orders and whatsoever is spoken in his presence is committed to writing and laid up among the records; so also Labdina¹), son of Senac, son of Ebed-haddai, the king's scribe, wrote these things of Addaeus the Apostle from the beginning to the end; while Hanan the tabularius, the king's sharir, set to the hand of witness, and placed it among the records of the kings, where the ordinances and the laws are laid up, and there the contracts of the buyers and sellers are kept with care, without any negligence whateier..“ Казалось бы, что можетъ категоричеѣ этой пріиски говорить въ пользу давности и подлинности этого документа. А между тѣмъ при внимательномъ чтеніи книги легко обнаруживается, что она не могла быть написана раньше начала III вѣка. Авторъ книги имѣлъ свои причины мистифицировать благочестивыхъ читателей.

Точно такую же мистификацію, по нашему мнѣнію, позволилъ себѣ и главный источникъ для „Древней Исторіи“ Хоренскаго, Маркъ-Абасъ-Катина, который жилъ вовсе не во II вѣкѣ до Р. Х., а никакъ не раньше III—IV вѣка по Р. Х., и собирая свои свѣдѣнія вовсе не въ Ниневійскихъ архивахъ, ему совершенно недоступныхъ, а у себя дома въ Месопотаміи, въ городахъ Низибисъ и Едессѣ, гдѣ не трудно было учемому Сиріцу съ помощью армянскихъ преданій, народныхъ сказаний, пѣсень, народныхъ этимологій и известныхъ въ его время историческихъ сочиненій Еасенія и другихъ составить связный разказъ о древней исторіи Арmenіи, взявъ въ образецъ то, что у Ктезія разказывается объ ассирийскомъ царствѣ².

¹) Странно, что авторъ рецензіи «Collection des historiens», Н. Е. (*Götting. Gelehr. Anzeig.* 24 juni, 1866, S. 1039), говоря о сирійскомъ текстѣ, открытомъ Кюретономъ, положительно утверждаетъ, что въ немъ не встрѣчается имя автора рукописи; между тѣмъ какъ оно стоитъ въ англійскомъ переводѣ, какъ и въ сирійскомъ текстѣ, въ томъ же мѣстѣ пріиски, какъ и въ армянскомъ. См. стр. 23 англійского перевода.

²) Въ статьѣ своей: *Etudes sur les sources de l'histoire d'Arménie de Moïse de Chorène* (*Bulletin*. t. III, стр. 343) г. Лангуза замѣчаешь въ сочиненіи Марк-

Но мы еще не кончили разбора Маръ-Абасова предисловия. Оно начинается словами: „Аршак Великий, царь Персия и Парфии, родоначальник Парфянской, восстая противъ Македонианъ, завладѣлъ всѣмъ Востокомъ и Ассиріею. Умертвивъ цара Антиоха въ Ниневии и покоривъ своей власти всю вселенную, онъ назначилъ брата своего, Валаршака, царемъ Армени...“ Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ встречаются нѣсколько важныхъ историческихъ неточностей. Аршакъ Великий не могъ царствовать, не хронологіи Хоренского, за 153 или за 141 до Р. Х. Если мы примемъ первое счисленіе, то окажется, что онъ не могъ возвести на армянскій престолъ Валаршака, который по его же хронометру началъ царствовать за 150 лѣть до Р. Х. Между тѣмъ Аршакъ послѣ того еще жилъ много лѣтъ. Принимъ второе, чтѣ болѣе подходитъ къ общепринятымъ изѣніямъ, встрѣчаемъ другое неудобство. По словамъ Маръ-Абаса, Аршакъ возвелъ брата своего на армянскій престолъ уже послѣ умерщванія имъ Антиоха, но этотъ послѣдній могъ быть только Антиохъ Сидетъ, царствовавшій отъ 139 по 131 годъ, что совершенно измѣняетъ всю хронологію, иль же придуманную, и дѣлаетъ Валаршака царемъ Армении послѣ 181 года. Кроме того, Хоренскій (II, 2), по всейѣѣроятности, на основаніи того же Маръ-Абаса, говоритъ, что Аршакъ, до умерщванія Антиоха Сидета, нанесъ еще пораженіе Дмитрію Никатору. Изъ Юстина же (lib. XXXVII, IX) мы узнаемъ, что не побѣдитель Дмитрій разбилъ Антиоха, а другой, то-есть, не Митридатъ I, а

Абас явные признаки спиритизма, чтѣ, по его мнѣнію, служить доказательствомъ того, что книга Маръ-Абаса написана незадолго до христіанской эры. Что же касается до посольства, отправленного Валаршакомъ въ Ниневію для обозрѣнія архива, и до всѣхъ подробностей этого путешествія, то Г. Ланглуа считаетъ все это басней и изобрѣтеніемъ Хоренского. Онъ склоненъ видѣть въ этомъ вымысли со стороны Хоренского томкую лесть Исааку Багратуні, которому онъ посыпаетъ свою книгу. Исаакъ Багратуні, поручившій Хоренскому написать исторію Армени, приправленъ будто бы въ этомъ разказѣ Валаршаку, отправившему ученаго Сарійца въ Ниневію добывать ту же исторію... Мы, конечно, не можемъ согласиться съ этимъ изѣніемъ покойнаго Ланглуа. Въ теченіи своей Исторіи, Хоренскій и не прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, имѣть случаѣ сказать много лестнаго князю Багратуні. Такъ онъ производитъ родоначальника этого княжескаго рода отъ одного знатнаго Еврея, препровожденаго въ Арmeniц Навуходосоромъ. Царствовавшая впослѣдствіи въ Грузіи династія Багратуні воспользовалась этимъ указаниемъ Хоренского и произвѣдала себя уже прямо отъ царя Давида... Если можно въ чёмъ либодѣ обвинять Хоренскаго, то въ излишней довѣрчивости и въ отсутствіи исторической критики, но никакъ не въ подлогѣ.

Фраатъ II. Для членовъка, который называетъ себя современникомъ Аршака Великаго (Метридата I, 174—198) и Валарника, и который имѣлъ съ нимъ личныя сношения, подобная неточности непростительны и порождаютъ въ изгѣдователѣи новые сомнѣнія. Мы знаемъ, что исторія и хронология Парѳенскіхъ царей одна изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ; но отъ кого же мы и могли ожидать болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, какъ не отъ Марѣ-Абаса, который долженъ быть имѣть всѣ средства сообщить намъ вѣрные данные хотя о своей эпохѣ и о такомъ важномъ событии своей жизни.

Такимъ образомъ, до чего мы ни коснулись въ небольшомъ предисловіи Марѣ-Абаса, все оказалось шаткимъ, не выдерживающимъ критики, возбуждающими сомнѣніе и дающими новодѣйство подозрѣвать автора въ литературномъ подлогѣ.

Резюмируемъ наши выводы:

1) Марѣ-Абасъ не могъ посѣтить Ниневійскаго архива, потому что въ его время означенный архивъ физически бывъ ему недоступенъ, будучи покрытъ толстымъ слоемъ наносной земли.

2) Онъ не могъ пользоваться этимъ архивомъ, еслибы и получиль въ него доступъ, такъ какъ въ его время утратено было узъвые читать клинопись. Отъ говорить о клинцахъ, а не о клинцахъ и кирпичахъ.

3) Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ объ исторіи Ассиріи и Мидіи, взяты имъ изъ отрывковъ, сохранившихся отъ Ктесія, а не изъ Ниневійскаго архива, заключавшаго въ себѣ данныхъ, совершенно противоположныхъ Ктесіскаго историка.

4) Такъ-называемая книга, переведенная по предисказанію Александра, есть явный вымыселъ Марѣ-Абаса и существовала только въ его воображеніи.

5) Самъ Марѣ-Абасъ жилъ, что въ какой-то степени доказывается его именемъ, въ христіянскую эпоху, если только это имя не придумано анонимнымъ авторомъ. Если нельзя опредѣлить съ точностью время его жизни, то можно съ вѣроатностью предположить, что онъ писалъ никакъ не раньше III—IV вѣковъ по Р. Хр., то-есть, съ небольшимъ за 100 лѣтъ до Хоренскаго.

6) Источниками Марѣ-Абаса при написаніи исторіи Ассиріи и Мидіи были тѣ самые, которыми пользовался Евсевій, вѣроатнѣе всего,—самъ Евсевій. Для составленія исторіи Арmenіи онъ пользовался армянскими и сирійскими преданіями, связавъ ихъ въ одно цѣлое по образцу Ассирійской исторіи Ктесія.

Прежде чѣмъ разстаться съ Марѣ-Абасомъ, намъ слѣдуетъ обратиться къ одному сочиненію, которымъ мало пользовалось до сихъ поръ для критической оценки истории Хоренскаго. Мы говоримъ о письменѣ VII вѣка, Себеосѣ, сочиненіе котораго было открыто въ Эчмиадзинской библиотекѣ и издано только въ 1861 году въ Константинополѣ. Главной задачей Себеоса было описать походъ императора Иракла за Церкви противъ Хозроя II. Но въ рукописномъ сборникѣ, въ которомъ помѣщается история Себеоса о походахъ императора Иракла, находятся въ началѣ двухъ отдельныхъ статей, вовсе не относящихся къ этой эпохѣ. Вторая изъ этихъ статей есть краткое изложеніе содержания некоторыхъ главъ изъ исторіи Хоренскаго и Стефана Асогника (XI в.) съ нѣкоторыми вставками изъ неизвѣстныхъ писателей. Эта вторая статья не можетъ быть произведениемъ Себеоса. Что касается до первой статьи, въ которой сохранились отрывки, относящіеся до древнѣйшей исторіи Армении, то и здѣсь нѣтъ уважительныхъ причинъ предполагать, чтобы она принадлежала перу Себеоса, такъ какъ собственно исторія Иракла (въ изданіи третья глава) снабжена особымъ предисловіемъ и составляеть особенное сочиненіе. Но таъкъ какъ авторъ этой первой статьи неизвѣстенъ, а издаатель напечаталъ ее какъ первую главу исторіи Себеоса, то и мы, до пріисманія болѣе точного названія, будемъ продолжать называть ее *первою главой Себеоса*. Къ сожалѣнію, эта первая глава, самая важная для насъ въ настоящемъ случаѣ, чрезвычайно пострадала отъ переписчиковъ и донынѣ до насъ въ весьма испаженномъ состояніи и съ большими пропусками.

Мы говорили, что Марѣ-Абаса никто изъ армянскихъ писателей не читалъ ни до, ни послѣ Монса Хоренскаго. Въ виду книги Себеоса мы повторяемъ наше мнѣніе, но не безусловно. Никто ни до, ни послѣ Хоренскаго не цитировалъ намъ Марѣ-Абаса въ томъ видѣ, какъ Хоренскій. Но нѣсколько иначе читаетъ его Себеосъ подъ именемъ *Мараббы, философа Миурнійскаю*, и слова, которыми онъ сопровождается свое знакомство съ его твореніемъ, проливаютъ особый свѣтъ на самого Марѣ-Абаса, такъ и на время его жизни. Изъ дальнѣйшаго изложения мы убѣждаемся въ тождественности *Марѣ-Абаса-Катина* Хоренскаго съ *Мараббой философомъ Миурнійскимъ* Себеоса. Въ самомъ началѣ книги, Себеосъ, желая коснуться древней исторіи Армении, слѣдующимъ образомъ начинаетъ свою рѣчь: „Пользуюсь книгою Мараббы, философа Миурнійскаго, который нашелъ надпись, начертанную на столбѣ въ городѣ Мецбинѣ (Низибисѣ) во дворцѣ

царя Сасантука, противъ воротъ дворца. Этого столба было покрыть развалинами царского жилища. Когда колонны этого дворца были потребованы ко двору персидскаго цара, то для удобства ихъ пришлось разрывать развалины. При этомъ встрѣтили начертанную на камѣкъ на греческомъ языке надпись, въ которой описаны были дни и годы язмы (*sic?*) царей Армянскихъ и Парфянскихъ. Встрѣтили эту надпись у его (Мараббі?) учениковъ въ Месопотаміи, и сообразно ее взяли. Заглавие было слѣдующее:

„Я писецъ Агаангель начерталъ свою рукою на этомъ столбѣ годы первыхъ царей Армянскихъ, вавъ (содержание надписи) изъ царского архива, по повелѣнію храбраго Тердата“. Ниже вы найдете содержаніе документа.“

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе именческой исторіи первыхъ родоначальниковъ Армянъ, во многомъ согласное съ изложеніемъ Хоренскаго, но во многомъ также отступающее, такъ что никакъ нельзя предполагать, чтобы авторъ заимствовалъ крамъ у Хоренского. Вине въ предисловіи Марѣ-Абаса, у Хоренского мы читали, что царь Вадаршакъ приказалъ начертать на столбѣ въ городѣ Мецбинѣ часть исторіи, привезенной Марѣ-Абасомъ изъ Никеміи, по гречески. Здѣсь у Себеоса мы встрѣчаемъ человѣка, прочитавшаго и списавшаго эту надпись. Обстоятельства, предшествовавшія начертанію надписи, какъ и время ее начертанія означаются у двухъ авторовъ различны. Себеосъ опредѣляетъ время написанія надписи на 500 лѣтъ позже времени, упоминаемаго Хоренскаго. Онь приписываетъ ее царю Тиридату и секретарю его, Агаангелу. Тиридатъ, первый изъ царей Армянскихъ, принявший крещеніе со всѣмъ своимъ народомъ, жилъ въ концѣ III и въ началѣ IV вѣка, какъ и его секретарь, не менѣе извѣстный Агаангель¹⁾. Мы выше уже замѣтили, что Марѣ-Абасъ Хоренского

¹⁾ Агаангель, секретарь царя Тиридата, жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Онъ оставилъ намъ описание принятія Армянами христіанства. Сочиненіе его дошло до насъ, подвергшись большими сокращеніями и измѣненіямъ. Даже греческая редакція Агаангела (VII в.) несомнѣнно армянской. Агаангель жилъ за долго до изобрѣтія армянской азбуки, склоняясь писать по гречески или по сирийски, и трудъ его только вѣдомствомъ могъ быть переведенъ на армянскій языкъ. Есть поводъ сомневаться, чтобы существующая въ Греческой редакціи была первоначальная, которая по нашему мнѣнію вынѣкъ утрачена. Изъ словъ Лазаря Парпеці можно было бы заключить, что въ его время въ книгѣ Агаангела сообщались стаціи о древней исторіи Арміи, въ неѣ исторіи языка обращенія Армянъ. Но изложеніе Парпеці не вѣртъ такъ неопределенно и темно, что мы остаемся только при предположеніи, стр. 9. Греческая редакція книги Агаангела помѣщена у Болландистовъ и въ Collection etc. t. I.

не могъ жить раньше III—IV. вѣка не Р. Х. Отрывокъ Себеоса валь-
юльскіи лучше поддерживаетъ такое мнѣніе. Надпись была написана,
но всей вѣроятности, незадолго до принятія Армянами христіанства,
и не смотря на некоторое сходство, значительно отличается отъ напо-
ложенія Хоренскаго. Мы додали до такого пункта, где только возможно
одно предположеніе, которое можетъ согласить сказанное нами выше
о Марѣ-Абасѣ съ началомъ отрывка Себеоса. Это предположеніе слѣ-
дующее: Марѣ-Абасъ (или тотъ кто за нимъ скрывается), ученый Си-
риецъ III—IV вѣка, случайно находился при упомянутой Себеосомъ
раскопкѣ дворца и списалъ ту надпись, въ которой заключалась ми-
тическая исторія Армении. Эта надпись разошлась въ спискахъ, изъ
которыхъ одинъ попалъ даже въ руки Себеоса. Но эта же надпись
дала Марѣ-Абасу первую идею къ подѣлкѣ болѣе престранной и бо-
лѣе связной исторіи Армении. Съ одной стороны, надпись, слѣдоват-
ельно, довольно важный документъ, съ другой — Исторія Евсевія,
которая въ то время уже была написана, съ третьей — преданія,
пѣсни и проч. были достаточными для Сирийца матеріаломъ для со-
ставленія такъ-называемой исторіи для народа, который не имѣлъ
еще собственной письменности и, слѣдовательно, не имѣлъ средствъ
контроля надъ достовѣрностью Марѣ-Абасова сочиненія. Впрочемъ,
то обстоятельство, что книга Марѣ-Абаса, за исключеніемъ Хорен-
скаго, осталась не известною и въ свое время не пользовалась попу-
лярностью, ясно говоритъ въ пользу того, что она была составлена
не въ духѣ народа. Мы говорили уже о томъ, что князь Саакъ Ба-
гратуни тоже не находилъ по своему вкусу, когда Хоренскій слиш-
комъ рабски ея придерживался.

Хоренскій жилъ и писалъ въ такую эпоху, когда десятки Армянъ,
получившихъ свое образованіе въ лучшихъ въ то время греческихъ
школахъ, писали и действовали въ Армении. Лазарь Парпеці, Коръ-
юнъ, Егише, Езникъ и другие оставили описанія о событияхъ своего
времени. Изъ нихъ Лазарь Парпеці въ предисловіи къ своей исторіи
говорить объ историкахъ, писавшихъ до него. Онъ упоминаетъ объ
Агаангелѣ, Фаустѣ, но ни слова не говоритъ о книжѣ Марѣ-Абаса.
Еслибы эта книга пользовалась въ то время какою-нибудь репутацией
или почетною известностью, то онъ не преминулъ бы сказать о ней
несколько словъ. Но вотъ что говоритъ онъ о книгахъ сомнитель-
ной репутации: „Агаангелъ писалъ и сообщилъ намъ вѣрныя свѣдѣ-
нія о древнихъ событияхъ... Но послѣ него, когда настали для Ар-
мении годины бѣдствія, люди невѣжественные и дерзкие стали отъ

себя писать статьи: пустыя и негодянина и вставками изъ въ сочиненія лицъ известныхъ. Но практическому уму ясно, что въ нихъ принадлежитъ дѣйствительно ученымъ и чѣмъ составлять пустословіе неизѣдъ... Подобные случаи (поддѣлки) встречаются довольно часто между Греками, но еще болѣе у *Сирійцевъ*".

Намъ кажется, что Лазарь Парпеци разумѣлъ здѣсь книги въ родѣ той, которая подъ именемъ Маръ-Абасовой исторіи, ввела въ заблужденіе Хоренскаго, а за нимъ и всѣхъ его читателей.

Въ настоящей главѣ мы постарались иѣсколько подробнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь до сихъ порь поговорить о Маръ-Абасѣ, и доступными намъ доводами уличить его въ литературномъ подлогѣ, въ которомъ давно уже подозрѣвали его ученые. Но большая часть ихъ трактовала о немъ мимоходомъ, при случай, такъ что читатель не вполнѣ убѣжался ихъ сомнѣніемъ. Я ждалъ, что люди болѣе мелка компетентныя возьмутся за это дѣло и дадутъ притомъ возможность отѣлить чисто историческое отъ того, что не принадлежитъ области исторіи. Между тѣмъ новые открытия въ области археологіи и лингвистики дѣлали пересмотръ нашихъ старыхъ свѣдѣній необходимымъ. Новое требуетъ себѣ мѣста. Приходится пересмотрѣть старое: все ли тамъ цѣнное, или между многимъ нужнымъ набралось достаточно хлама, который нужно выкинуть, чтобы можно было помѣстить новое въ приличномъ и болѣе ему соотвѣтственномъ мѣстѣ. Это новое, въ данномъ случаѣ, явилось намъ въ каменныхъ документахъ Ниневии, Вана и Бегистана. Содержаніе ихъ произвело переворотъ во всей древней исторіи передней Азіи и не могло поэтому остаться безъ вліянія на исторію Арmenіи. Но чтобы дать имъ принадлежащее имъ мѣсто, слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, имѣютъ ли они прямую связь съ тѣмъ, что разжигалось помимо ихъ. До сихъ порь исторія Арmenіи ассирийской эпохи представлялась намъ въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ она въ дѣйствительности была. Арmenія, казалось, жила особнякомъ, своюю патріархальною жизнью, не принимая участія въ событияхъ, волновавшихъ Азію отъ X до VI вѣка до Р. Х. Между тѣмъ новые памятники, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, открываютъ передъ нами забытыя страницы исторіи Востока и вносятъ жизнь и движеніе въ эпохи, казавшіяся намъ мертвыми и неподвижными. Все, что мы могли прочитать въ клинописныхъ памятникахъ Ассирии, Персіи и Арmenіи относительно исторіи этой послѣдней страны, такъ мало ладить съ тѣмъ, что мы привыкли счи-

тать за та исторію, что ~~мы~~ принуждены глубже взглянуть на нее, и факты сообщаемые ею подвергнуть исторической критикѣ. Въ настоящей главѣ мы отчасти разсмотрѣли главный источникъ древней исторіи Армениіи; въ слѣдующей — постараемся разобрать сущность рассказа Мары-Абаса.

К. Паткановъ.

(*Окончаніе следуетъ*).



1

▼

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Старые итальянские монастыри. I codici e le arti a Monte-Cassino, per D. Andrea Coravita 3 vv. Monte-Cassino 1869—70.

Codex diplomaticus Cavensis, I-й томъ. Napoli, Piazzi. 1873.

Съ уничтожениемъ монастырей изчезнутъ въ Италии видимые слѣды цѣлого периода отечественной культуры. Монастырскія зданія обращаются въ помѣщенія подъ казармы или табачныя фабрики — или, что еще характернѣе, въ казематы, какъ будто XIX вѣкъ не умѣлъ лучше замѣнить добровольное заключеніе кельи, какъ обративъ его въ недобровольную схиму тюрьмы. Картины и другія произведения искусства вывезены изъ упраздненныхъ стѣнъ и размѣщены по музеямъ, монастырскія рукописи обогатили разныя „национальныя“ и муниципальные библіотеки. Говорить, что этими мѣрами обеспечена не только сохранность, но и большая доступность тѣхъ и другихъ: картины болѣе не подвергаются опасности закоптѣть отъ свѣтнаго дыма, полинять и облупиться отъ церковной сырости; рукописи, когда-то хранившіяся подъ монастырскимъ затворомъ, открыты теперь публикѣ и научному изслѣдованию. Во всемъ этомъ много теоретической правды; на практикѣ же оказываются многія невыгоды: такъ, напримѣръ, рукописи, снесенные изъ упраздненныхъ монастырей въ общественные библіотеки, остаются пока, несмотря на свою доступность, столь же малоизвѣстными, какъ были прежде за рѣшеткою клаузуры. Нѣкоторыя собранія (изъ находящихся въ Неаполѣ) даже не были описаны; другимъ (напримѣръ, во Флоренціи) составленъ вѣнчаній, не полный каталогъ, далекій отъ совершенства тѣхъ классическихъ каталоговъ, которыми столь богата Италия. — Наука, стало быть, пока мало выиграла отъ мѣръ, специально разчитанныхъ въ ея пользу. Въ другомъ отношеніи она потерпала. Едва ли

уверкнуть из начинания романтизма замечание, что для характеристики учёного дьятеля неизменно бывает заслужество съ его библиотекой, съ орудиями его работы, съ тѣмъ, что въ разное время приводило его внимание, отражалось на содержании книгъ, которыхъ онъ окружалъ себя. Но даромъ итальянский муниципальный советъ положилъ сохранить въ непривычности библиотеку покойного Манцини; и разъѣ не характерно для истории позднаго возникновенія народной идеи на югѣ Италии то обстоятельство, что въ сохранившихся каталогахъ библиотеки короля Роберта, покровителя Петrarки и Бокаччо, нетъ ни одного итальянского сочиненія? Теперь увеличьте размыры и забудьте личныхъ отношеній: въ истории европейской мысли монашеское учрежденіе явится вамиъ такою же особою, самостоятельными научными дѣятельностями. На вопросъ: что сдѣлало это для общаго развитія, какими умственными силами одолжены мы дѣятельности того или другого ордена — на все это можно отвѣтить въ бывшее время монастырскихъ библиотекъ. Ихъ каталоги были для нась учеными дневниками монаховъ, ихъ послужными спискомъ въ дѣлѣ служенія знанію. Ихъ значеніе, ихъ общественная личность возникали передъ вами, какъ живы. Теперь восстановить все это тѣмъ труднѣе, что ихъ собранія разнесены и въ каталогахъ рукописей „упраздненныхъ монастырей“, который вамиъ покажутъ въ той или другой библиотекѣ Италии, красуются безъ разбора! рукописи, взятые у имущиновъ или доминиканцевъ, весьма мало различащихъ о простыненіи, и рядомъ съими бенедиктинскіе фолианты, столь же цѣнныя, какъ полезна была въ старое время дѣятельность самого ордена.

Въ истории итальянской, какъ и вообще европейской культуры, былъ дѣлый періодъ, который можно бы назвать бенедиктинскимъ. Въ XI вѣкѣ сѣверо-итальянскіе коммуны заняты выработкой народной идеи и сдѣле не выработали народнаго языка; до литературы имъ дѣла мало и нетъ времени для науки. Языкъ является позднѣе и тогтѣ же сдѣлается въ поэтическия формы при дворѣ сицилійскихъ свѣзовъ; но литературно-художественное и научное преданіе не исподѣлялось и въ предидущую пору, благодаря усилиямъ бенедиктинцевъ, особенно монаховъ Monte-Cassino. XI и XII столѣтія были золотымъ вѣкомъ этого монастыря, давшаго римскому престолу, въ теченіе какого-нибудь пятидесятилѣтія, трехъ папъ (Стефана IX, Виктора III и Геласія II) и произведшаго нѣсколько замѣчательныхъ по времени дѣятелей въ литературѣ и науки. Я назову латинскіхъ поэтовъ Альфана, Руффера и Амата; лѣтописца — того же Амата и Льва Остій-

скаго; Альберика изъ Sette Frati, автора двухъ компиляцій: De Musica и De dialectica; Иандольфа Калуанского, написавшаго De calculatione и De luna; Константина Африканы и его учениковъ въ мединицѣ: Акционе и Джованни; ваконецъ въ XII вѣкѣ онъ Брунона и политиескаго Петра Диакона, позаботившагося охранить на память по-томству (данный) перечень своихъ творений. — Передъ этой деревней именъ и трудами, особенно ярко проступающими на фонѣ окружающей обстановки, начинается история прихода въ восторгъ и говорить о возрожденіи науки въ XI вѣкѣ, усиленіи монтекассинскихъ монаховъ (Gianovis), приравнивая аббата Дезидерія Льву X (Сагавита). Мнѣ это кажется крайностью. Сущность дѣла и заслуги не въ возрожденіи, а въ сокращеніи, въ томъ, что на чредѣ между періодами народной борьбы и національной литературы, бенедиктинцы умѣли сохранить преданіе науки и искусства, поддерживать къ нимъ любовь, такъ чтобы поздѣйшимъ поколѣніямъ не приходилось тратить время на открытие того и другаго. Съ этой точки зрѣнія важно не столько то, что писалось, сколько то, что переписывалось и такимъ образомъ сохранилось. Аббать Дезидерій заботился о перепискѣ Йордана и Юсифа Флавія, Тацита и Гомера, Пцицерона De natura deorum, Теренція и Горациі, Овидіевыхъ Faсть, Вергилия и Эвзога Теокрита, Сенеки, Доната и Кресконія De bellis lybiciis и т. д. Въ XIV—XVI вв. все это начнутъ читать съ жадностю; Вергилий и Теренцій слова сдѣлаются итальянцами и произойдетъ то, что мы называемъ классическимъ возрожденіемъ. Въ XI—XII вѣкахъ важно было и то, что перепиской греческихъ и латинскихъ текстовъ поддерживалась въ періодъ варварскаго застоя никогда не потухавшая въ Италии весенняя исма классицизма.

Пѣніе псалмовъ, ручная работа и чтеніе книгъ должны были со-
ставлять, по уставу св. Бенедикта, главное занятіе его монаховъ. Чет-
внью каждый изъ братіи долженъ быть предаваться два-три часа въ
день; съ этимъ требованиеемъ тѣсно связывается для насъ вымѣненная
имъ обязанность—обучать мальчиковъ, и распространенное между бе-
недиктинцами занятіе списыванія книгъ. Лишь въ періодъ упадка мо-
настыря начинаютъ появляться въ его библиотекѣ рукописи куплен-
ные, писанные на сторонѣ: въ началѣ всѣ онѣ изготавливались по воз-
можности въ самой обители и ея монахами, которые въ одно и то же
время были и переписчиками и миниатюристами, такъ какъ, по мнѣ-
нию Каравиты, обѣ работы исполнялись обыкновенно однимъ и тѣмъ
же лицомъ. Если это справедливо, то подписи конистовъ, обычно-

венно стоящія въ концѣ кодексовъ, принадлежащихъ ихъ перу и кисти, дадуть новый материалъ и новые имена для истории итальянской живописи въ ту глухую пору, когда живописное преданіе сохранилось еще только въ миниатюрахъ и заставныхъ буквахъ рукописей. Подпись эти вызываютъ интересы: совладѣть съ цѣлью фольклоръ—дѣло не легкое; писецъ чувствуетъ всю тяжесть подъятаго труда и, конечно, его, говорить: слава Богу! (*Deo gratias*). Онъ совершилъ богоугодное дѣло и просить читателя помолиться о немъ. Иная подпись даетъ ненагодное напоминаніе о чистоплотности братій, которыхъ писецъ Иоаннъ уполномоченъ не прикасаться къ его страницамъ грязными руками:

Hunc (librum) Johannes scribere decrevit
 Atque complevit.
 Qui quis quem tetigerit,
 Sit illi lata manus.
 Aperiat dominus lectori
 Per omnia sensum,
 Scriptori autem
 Perpetuum regnabit. Amen⁴⁾.

Рукопись, съ благословеніемъ Божиимъ, окончена; но она не поступала въ библіотеку, чтобы покоиться тамъ на полкахъ добычей моли и разъѣдающей пыли. Она попадала поочередно въ руки каждого монаха, и не одинъ, и не два раза. Уставъ св. Бенедикта (*Regula S. Benedicti* cap. 48) обязывалъ братію въ теченіе великаго поста (*Quadragesima*) предаваться чтенію каждый день отъ утра до третьаго часа. Въ эти дни они должны были брать изъ библіотеки по рукописи каждый и по порядку прочесть ихъ сполна. Рукописи раздавались въ началѣ поста; одинъ или два старыхъ монаха обходили монастырь въ часы, назначенные братіи для чтенія, и присматривали, пѣтъ ли какого лѣтніаго, предающагося бездѣйствію, занимающагося розказнями (*fabulis*). Воскресные дни также нужно было отдавать чтенію. И братія по неволѣ занималась. Что было дѣлать въ долгіе дни, въ часы болѣзни? Рукопись прочитывалась отъ доски до доски, для пользы, а потомъ и отъ скучи, какъ деревенскій житель изучаетъ отъ первой до послѣдней строки столичную газету. Она перечитывалась по нѣсколько разъ. Такъ на одной рукописи VI

⁴⁾ Иоаннъ предпринималъ написать эту книгу и кончилъ еѣ. Да будутъ омыты руки у всякаго, кто до неї дотронется. Читателю Господь да подастъ всепольное пониманіе, переписчику же царствіе небесное. Аминь.

вѣка помѣчено: „Въ третье лѣто по консульствѣ Юстиниа Августа, я Донатъ, по милости Божией пресвитеръ, будучи боленъ въ днѣ св. Петра въ Луккулловомъ замкѣ, собственную рукопись читалъ, читалъ, читалъ“¹⁾). Это были толкованія Оригена на посланія апостола Павла.—Творенія, раздававшіяся въ папізданіе монахамъ, были, вѣроятно, такого же богословскаго-правоучительного характера. Свѣтскую литературу они создавали себѣ сами, кѣ, какъ ужъ. Просмотрите первые и послѣдніе листы какой-нибудь монастырской рукописи: въ началѣ они были не записаны, служили для красы и охраны помѣщающагося внутри текста; съ тѣмъ первъ поколѣній монахъ-читателей обратили ихъ въ свой альбомъ или въ записную книжку. Какъ ни хотѣли они хорониться отъ мира и его соблазновъ, мірскія вѣсти проникали въ ихъ затишье и волновали воображеніе; практическіе разчеты и соображенія искали себѣ пріюта рядомъ съ сухимъ богословскимъ трактатомъ; иной разъ чувство просыпалось наружу, не удовлетворенное догматическими восторгами. Все это отражается въ замѣткахъ и припискахъ монастырскихъ рукописей. Случалось ли какое-нибудь событие, болѣе или менѣе близко касавшееся монастыря, или даже вовсе не касавшееся его, какъ напримѣръ, появленіе кометы (*stella cometes*)—монахъ-читатель записывалъ его на память себѣ и поученіе другимъ; затѣмъ скѣдовали дѣловыя помѣтки, письма къ аббату или отъ него, дарственныя записи или купчія крѣпости съ монастыремъ — и рядомъ замѣтка о дняхъ счастливыхъ и несчастныхъ съ наставлениемъ, что въ какой день можно дѣлать и за что не скѣдуетъ приниматься. Большую роль играетъ въ монашескихъ сборникахъ, примѣнувшихъ ко всѣму рода священнымъ текстамъ, элементъ рецептовъ, нерѣдко соединенныхъ съ причитаніемъ или таинственной формулой: рецепты противъ лихорадки, заговоры на кровь, рецепты противъ быденства, овладѣвающаго человѣкомъ весною (*genesis si fuerit tempore veris*); тутъ же предлагается средство, какъ сдѣлать мужчину неспособнымъ къ дѣторожденію, или какъ узнать, умреть ли больной или нетъ: возьмикусокъ сала, потри имъ пятки больного и брось собакѣ; коли сѣсть, здравъ будетъ человѣкъ. Иногда вниманіе читателя привлечено было какой-нибудь отреченою легендой, и онъ отмѣчалъ ее. Такъ въ началѣ одной рукописи VIII-го вѣка читается слѣдующее эти-

¹⁾ «Donatus, gratia Dñi presbiter, proprium codicem Justino Augusto tertio post consultatum ejus in edibus B. Petri in castello Lucullano infirmus legi, legi, legi».

монахическое измышление по поводу названия Иерусалима: „Рассказывают евреи, что Симъ, старший сынъ Ноя, создалъ этотъ городъ въ Ассирии и назвалъ его своимъ именемъ: *Salem*, иначе онъ назывался Мелькиседекомъ. Затѣмъ въ честь сына Иевуса и дали ему свое имя *Jebus*. Изъ соединенія этихъ двухъ названій, *Jebus* и *Salem*, перенѣнавь букву *b* въ *r*, выйдетъ Иерусалимъ (Hierusalem). Тамъ же Соломонъ соорудилъ знаменитый храмъ и, увеличивъ городъ, назвалъ его отъ своего имени Иерусалимъ (Hierosolima), то-есть *Hierosolyma*, градъ Соломона. Затѣмъ онъ былъ разрушенъ халдеями и восстановленъ Эздрой и Зоробабелемъ; разрушенъ римскими императорами Титомъ и Веспасианомъ, и восстановленъ римскимъ императоромъ Адрианомъ, которому было также имя *Helias*. Онь и городъ называлъ по себѣ *Helias*; почему и теперь въ канонахъ читается объ синоптическіи города Гелия”¹⁾.

Не менѣе значительное мѣсто занимаетъ въ этихъ монахическихъ замѣткахъ стихи, большую частью выбрана наставительныхъ наречий изъ классическихъ авторовъ, или такъ называемый *Anticlaudianus*; выражаютъ противъ пылкства и женшинъ, съ которыми стоитъ въ разномъ контрастѣ два-три стихотворныхъ рассказа, замѣтванные, быть можетъ, изъ латинской антологіи содержанія нѣсколько вольного. Другія стихотворенія обращены къ обету, къ ослевагою ордену, или воспѣваютъ святую обитель Монтевассино, которая сравнивается съ Сиеной, или съ св. Бенедиктомъ. „Гора Кассино и Сиена — разнаго достоинства и сминости. Сиена дасть скромныя законъ, Кассино — правило св. Бенедикта”. Или Кассино — священная гора, дома Вокий, вокругъ Сиены, съ когораго во второй разъ Богъ веяѣстъ свой законъ людемъ. Во ложѣ Италии лежить долина, окаймленная горами, ее украшаетъ зеленая лоза; не лѣниста она, но обильна водами и многообразными плодами. На ся горы красуется

¹⁾ «Venerunt Hierosolimam dicentes, et caetera. Tradunt enim Hebrei Sem primitus Noe condidisse hanc urbem in Assyria et vocasse eam suo nomine Salem, qui alio nomine dictus est Melchisedech. Deinde habitaverunt ibi Jebusei et vocaverunt eam suo nomine Jebus. Hic itaque duobus nominibus juxta, id est Jebus et Salem, verum b in r, fit Hierusalem. Id etiam Solomoni aedificavit famosissimum templum et auxit eamdem urbem vocavitque eam suo nomine Hierosolimam, quasi Hierusalem, hoc est civitas Solomonis. Post ea vero delecta est a Chaldeis et reaedita est ab Esra et Zorobabel, et delecta est a Tito et Vespasiano, principibus Romanorum, reaedita est Adriano imperatore Romanorum, qui alio nomine dictus est Helias, vocavitque eam suo nomine Heliam, unde nunc in canonibus legitur de episcopis Heliis civitatis».

олива, вѣдръ и высокій кипарисъ; съ єѣвера ее орошаешь и кѣшить Лирикъ. О прекрасное Божіе окно! Ты соединилъ съ высшими сферами, отъ тебя души поднимаются къ нимъ и весь людской миръ видѣнъ съ тебя однимъ игновеніемъ ока. Какъ Эдемъ, ты краине всяаго другаго земнаго уголка; ты полна ароматами. Тебѣ ничего неѣсть подобного".

На такихъ сюжетахъ мозакъ могъ отводить свое чувство, выражать свою любовь къ природѣ, къ уединенію, единственный поэтические сюжеты ему открытые, замкнуты мозаикой религіи.

Языкъ этихъ замѣтокъ — латинскій, языкъ писали средневѣковые грамоты, думавшіе каждый на своемъ народномъ языке, на своясъ синтаксисѣ, и ограничивавшіеся тѣмъ, что то и другое прилагали, какъ умѣли, къ своему бѣдному идеалу латинской рѣчи. Изъ этого выходило, напримѣръ, что латинскія сочиненія, принадлежащи старымъ итальянскимъ грамотамъ, представляются на первый взглядъ переводами съ латинскаго, сдѣланными людьми, плохо знакомыми съ его грамматикой и постоянно путающими его лексикографію съ своей, народной. Акты VIII-го и слѣдующихъ вѣковъ, изданные въ первомъ, только что вышедшемъ томѣ Codex Cavenensis, представляютъ тому многочисленные примѣры. Такъ, среди латинской фразы итальянское (неаполитанское) *scippare* вм. *extirpare*, *- dare in combio* вм. *recipiunt timtuare*; *si salierit irosit gramin* вм. *si grani præcium amitterit*. Что въ названіяхъ мѣстностей и въ собственныхъ именахъ народный элементъ долженъ былъ пропустить всего раньше, понятно само собою. Такъ встречается Sergius, qui dicitur *Bocavitiello*; Joannes qui vocatur *Spiessacansone* (то-есть, *facilis* сантор); *in loco qui dicatur a bi Mercati* и т. п. Такой уступки народности требовалъ самъ характеръ актовъ, имѣвшихъ практическій, общественный интересъ, — если вообще можно говорить объ уступкахъ со стороны людей, которые писали не обинаясь *dennere* вм. *vendere*, какъ и теперь еще произносить это слово неаполитанское простонародье.

Такимъ же двуличнымъ характеромъ отличается языкъ монашескихъ замѣтокъ на рукописяхъ Монтеакассино. Чѣмъ ближе ко времени первыхъ литературныхъ проявленій итальянской рѣчи, тѣмъ болѣе ея слѣдовъ въ латинскихъ текстахъ; въ то же время замѣчается наибѣнность тѣмъ строже отдѣлить латинский элементъ отъ итальянскаго, чѣмъ болѣе крѣпнетъ и обособляется послѣдній, требуя и себѣ право литературной гражданственности. По латини начинаютъ писать чище и въ то же время пробуютъ писать и на на-

родномъ языке, не смѣшивая, какъ прежде, двѣ области. Такъ мы доходимъ до XI-го вѣка, когда на первыи листахъ одной рукописи Дѣяній и Посланий апостольскихъ какой-то монахъ записалъ, можетъ быть, самое древнее изъ дошедшихъ до насъ итальянскихъ стихотвореній. Оно нѣсколько разъ было издано: впервые Federici въ его *Storia degli antichi duchi e consoli di Jpati di Gaeta*, потомъ въ предисловіи къ *Codice cassinese della Divina Commedia* (1865), наконецъ, Каравитой. Если оно точно сохранилось въ рукописи XI-го вѣка, а не внесено въ нее позднѣе, то представляетъ для исторіи зарожденія итальянского языка болѣе цѣнныи матеріаъ, чѣмъ всевозможныи стихотворенія древнихъ итальянскихъ поетовъ, дошедшихъ до насъ въ позднѣи спискахъ и透过 руки переписчиковъ-передѣльвателей. Здѣсь я могу привести для примѣра лишь нѣсколько начальныи стиховъ:

•

*Eo, siniari, s'eo fabello,
Lo bostru audire compello,
De questa bitsa interpollo
Et dell'altra bene spello;
Poiké 'nn'altu me'ncastello
Ad altri bia renubello и т. д.*

Надъ рукописями VI—IX вѣковъ нѣсколько поколѣй монаховъ склонили свои головы, и многіе изъ нихъ оставили на пожелѣвшихъ страницахъ память о себѣ. Тутъ не только цѣлая внутренняя исторія монастыря, но и интимная исторія монаха; поэтому-то всего привлекательнѣе второй томъ труда Каравиты, въ которомъ авторъ собралъ замѣтки и записи, оставленные монахами на страницахъ монте-кассинскихъ рукописей.

Немногіе монастыри избѣжали общей участіи расхищений ихъ литературыи и художественныхъ сокровищъ. Монте-кассино съ своею богатою библіотекой, Кава съ своимъ архивомъ представляли сами по себѣ столы замѣчательныхъ собраній, что ихъ оставалось только переименовать изъ монастырей въ національные музеи. Такъ и сдѣляли, и въ этихъ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, цѣльность собраній не была нарушена. Большинство монаховъ разошлось послѣ закона, лишавшаго монастыри ихъ угодій и средствъ къ общежитію; лишь немногіе остались при церкви, для храненія библіотекъ и работы въ архивахъ. Плодомъ ихъ трудовъ, продолжающихъ ученое преданіе бенедиктинскаго ордена, явилось сочиненіе Каравиты, бывшаго начальника монте-кассинскаго архива: *I codici e le arti a Monte Cas-*

sino, и только что отпечатанный первый томъ кодекса монастыря Кавы,—издания, разчитанного на 8-ть томовъ и назначенного заключить въ себѣ всѣ главнѣйшіе документы архива, столь важнаго для исторіи лонгобардскаго и норманнскаго владычества въ южной Италии.

Трудъ Каравиты нѣсколько сборнаго характера. Авторъ не столько имѣлъ въ виду дать намъ толковое описание всѣхъ монтекассинскихъ рукописей, сколько выбиралъ изъ нихъ тѣ, которые казались ему важнѣйшими въ палеографическомъ и художественномъ отношеніяхъ и, будучи по преимуществу писаны монахами Монтекассино, или вышедшихъ оттуда братствъ, могли представить прочные материалы для исторіи монтекассинской культуры. Описанія рукописей расположены по вѣкамъ, и такъ какъ онѣ по большей части украшены миниатюрами и заставными буквами, то мы усматриваемъ въ одной и той же перспективѣ развитіе школьнной образованности и развитіе живописи. Показанія ~~получаются~~ тѣмъ болѣе прочны, что палеографическая данная повѣраютъ всегда шаткія сужденія о стилѣ и вѣкѣ той или другой миниатюры и, наоборотъ, послѣднія позволяютъ установить съ большою точностью первыя. Такой методъ привѣтъ для всего первого тома, обнимающаго VI—XV вѣка; второй томъ занять извлеченіями изъ монашескихъ замѣтокъ и приписокъ (я уже говорилъ о немъ); третій продолжаетъ первый въ томъ смыслѣ, что хронологическая вить танется въ немъ отъ XVI до XIX вѣка. Но съ этихъ поръ рукописи становятся рѣже, или вовсе не пишутся; началось книгопечатаніе и упадокъ монастыря оказывается на бѣдности монашеской самодѣятельности. Оттого третій томъ преимущественно наполненъ разказами о вышнемъ устроеніи монастыря, исторіей образовательныхъ искусствъ и художниковъ, побывавшихъ и работавшихъ въ Монтекассино. Есть новые материалы, но и это по большей части подрядные записи, счеты и инвентари. Это совсѣмъ измѣняетъ характеръ книги. Правда, и въ первомъ томѣ авторъ часто заходитъ въ область образовательныхъ искусствъ въ обширномъ значеніи этого слова; но тамъ показанія рукописей и миниатюръ давали ему прочную основу, къ которой пристроившись, въ порядкѣ времени, все, что изъ сохранившихъ памятниковъ зодчества и живописи могло быть отнесено къ той же эпохѣ, что было сдѣлано не столько для Монтекассино, сколько монахами Монтекассино. Такое соченствленіе вызывало сравненіе и служило для повѣрки. Съ этой же цѣлью авторъ присоединилъ извлеченія изъ монастырскихъ и другихъ лѣтописцевъ, говорившихъ о памятникахъ и рукописяхъ, которые они застали или

видѣли въ обители, и каждому вѣку предпосыпалъ обозрѣніе главныхъ событій вѣчной истории монастыря: обозрѣнія краткія, служащія лишь къ общей характеристицѣ вѣка и не избавляющія читателя отъ необходимости прибѣгать къ прекрасной истории падре Тости.

Но возвращаемся къ первому тому сочиненія Каравиты съ цѣлью остановиться на немъ нѣсколько дольѣ — и прежде всего пожалѣть, что къ собраннымъ тамъ описаніямъ рукописей не приложено палеографическихъ снимковъ. Самое точное описание никогда не дастъ понятія о вѣнчанемъ видѣ рукописей, особенно же когда дѣло идетъ о томъ, чтобы прослѣдить въ ихъ цѣломъ рядъ измѣненія начертаний и каллиграфическихъ стилей. Такую задачу поставилъ себѣ, между прочимъ, Каровита. Начиная съ двухъ сохранившихся кодексовъ VI вѣка, онъ слѣдить по столѣтіямъ переходы почерковъ и письма, отъ римскаго въ англо-саксонское, лонгобардское, *gotica* и *semi-gotica*, и наконецъ опять въ римское. Въ этой смынѣ и въ этомъ возвращеніи къ старому заключена цѣлая страница истории культуры, интересная не для однихъ только специалистовъ. Это не различные роды написанія, а все одно и то же старое римское письмо, которое никогда не исчезало, а только видоизмѣнялось и мельчало, принимая ту или другую причудливую форму, пока въ XVI вѣкѣ наука возрожденія не возстановила его въ первобытной чистотѣ. Такъ бываетъ съ рѣкой, когда, начавшись съ видимаго всѣмъ источника, она вдругъ прачется въ горахъ и вы не узнаёте ее въ потокахъ и водоемахъ, тамъ и здѣсь разбросанныхъ по ущелью, — и вдругъ она показывается снова, плесневодная, если и не такая прозрачная, какъ прежде. Съ староримскими образовательными преданіемъ произошло нѣчто подобное. Когда Римъ утратилъ значеніе культурного центра, наслѣдіе его аристократической образованности перешло въ руки народа не грамотнаго, кромѣ того, перемѣшавшагося съ разнаго рода инородческими элементами. Не связанный постановленіями классической грамматики, онъ продолжалъ на свой страхъ развитіе языка, упрощая синтаксисъ, обрывая формы, иные развивая, если онѣ казались ему не слишкомъ изобразительными. На почвѣ Галліи, напримѣръ, романскій поселеній не забылъ латинскаго *sol* = солнце, но въ его говорѣ оно стало солнцемъ, *soleil* = лат. *solliculus*; *luscina* — не соловьевъ, а соловушкомъ, *rossignol* = лат. *luscinia* и т. п. — все уменьшительныя, характеризующія сердечныя отношенія народной поэзіи къ природѣ. Въ такихъ случаяхъ формальное распространеніе слова объ-

аснало плебейской средой, въ которой отныне исключительно продолжаетъ развиваться латинское слово. Но когда лат. *nix* = снѣгъ обращалось во французское *neige* = лат. *nivæa*, то-есть, нѣчто снѣженое, покрытое снѣгомъ, напримѣръ, сѣжная поляна, то мы едва-ли найдемъ психологическое объясненіе такого не нужнаго нарости. Это просто наклонность къ узорчатости, къ наивно-замысловатой вытѣватости, которая въ области языка произвела изъ одного и того же латинскаго корня разнообразныя формы романскихъ народовъ: итальянскаго, французскаго и др.; классическое искусство измѣнилось причудливыми порослами такъ называемаго романскаго стиля; между тѣмъ какъ въ то же время и подъ тѣми же влияніями красивый римскій уставъ переходилъ поочередно въ вычурную очертанія англосаксонскаго, лонгобардскаго и т. д. стилей: буквы смѣшивались, иногда продолжаясь подъ строкой, иногда переростая ее и спаиваясь въ фантастическойвязи — совсѣмъ или почти такъ, какъ латинское слово удлинялось или сокращалось въ своей романской формѣ. Аналогія превращеній довольно интересна, чтобы надѣть неизъ задуматься. Названія англосаксонскаго, лонгобардскаго, готическаго стилей не должны смущать насъ: это названія поздніяя, обязанные своимъ происхожденіемъ палеографамъ и ничего не доказывающія. Названія часто обманываютъ. Мы не далеко бы ушли, еслибы приняли на вѣру название готической архитектуры, въ которой ничего нѣть нѣмецкаго, тѣмъ менѣе готскаго: любимый предметъ спора Карла Трои съ Яковомъ Гриммомъ, носившимъ тогда съ своею теоріей Готовъ — Гетовъ¹⁾. Она зародилась на сѣверныхъ окраинахъ Франціи и на столько французская, на сколько можетъ быть названъ итальянскимъ такъ называемый ломбардскій архитектурный стиль, вынесенный изъ Ломбардіи и въ VI вѣкѣ распространенный во Франціи, Германіи и Англіи южными мастерами (*magistri somacini longobardi*). Точно то же можно сказать и о ломбардскомъ письмѣ: лонгобардское владычество въ Италии кончилось съ исходомъ VIII вѣка, а письмо появляется въ IX, распространяясь въ слѣдующемъ столѣтіи и достигло наибольшаго совершенства во второй половинѣ X-го.

¹⁾ Слышалъ отъ адвоката Кавеллы, поощдавшаго молодымъ человѣкомъ кругомъ Карла Трои въ Неаполѣ. Гриммъ бывалъ тамъ постоянно. Пріѣхавъ въ Неаполь, онъ помчалъ узнать адресъ известнаго историка, и когда ему не съумѣли указать его тогчасъ же, онъ удивился, что въ Неаполѣ такъ мало "наиотъ человѣка, приобрѣвшаго себѣ европейскую известность. По итальянски Гриммъ говорилъ замѣчательно свободно и безъ акцента.

Каравита полагаетъ, что его съ большимъ правомъ можно бы назвать монтекассинскимъ, или, еслибы это название показалось не сколько муниципальнымъ, то итальянско-бenedиктинскимъ. Оно встрѣчается всюду, куда проникали итальянскіе монахи ордена и вмѣстѣ съ ними ихъ литературное и каллиграфическое преданіе. Название „ломбардскаго“ объяснялось бы въ такомъ случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣнія Монтекассино и Кавы, главныхъ бенедиктинскихъ центровъ на югѣ Италии, стояли на старой лонгобардской землѣ, почему ихъ монахи вносили въ свои временніки генеалогію сосѣднихъ лонгобардскихъ властителей наравнѣ съ именами своихъ аббатовъ. Какъ бы то ни было, название лонгобардскаго письма, какъ и ломбардской архитектуры, ничуть не даютъ повода заключать о какомъ бы то ни было сильномъ участіи иноземнаго элемента въ самостоятельномъ развитіи римско-итальянской культуры.

Развитіе монтекассинского искусства, на сколько его можно прослѣдить въ живописи рукописей и стѣнной, защищаетъ эту самостоятельность съ другой стороны. Во второй половинѣ XI-го вѣка знаменитый Дезидерій затѣялъ обновить и украсить монастырь, аббатомъ которого онъ былъ избранъ, и вызвалъ съ этой цѣлью византійскихъ художниковъ. Обновленіе или возрожденіе итальянскаго искусства, утратившаго жизненность въ долгій періодъ варварства, привели начинать съ прибытія этихъ мастеровъ, какъ позднѣйшее литературное возрожденіе съ прилива бѣглыхъ византійскихъ Грековъ. То и другое предположеніе равно не доказаны, и надо имѣть большую вѣру въ живыя силы Византіи, чтобы утверждать, что въ XI-мъ вѣкѣ и позже они способны были сообщить электрическую искру дремавшимъ силамъ Италии. Наконецъ, оживить можно еще только живаго; мертваго оставляютъ съ мертвыми. Если въ XI-мъ, какъ и въ XIV-мъ столѣтіи, Италия могла произвести такъ много замѣчательнаго, значитъ, что въ ней самой никогда не переводилось преданіе жизни. — Въ отношеніи къ литературѣ и наукѣ этотъ вопросъ уже поставленъ и изслѣдователи начинаютъ приходить къ заключенію, что никакого византійского возрожденія не было. Бѣглые Греки захватили съ собой драгоценныя рукописи, но прочли ихъ и сдѣлали изъ нихъ дѣло западные люди. Съ искусствомъ было то же самое. Предпринятое Каравитой изслѣдованіе старыхъ монтекассинскихъ миниатюръ и не многихъ памятниковъ стѣнной живописи привело его къ заключенію, что до аббата Дезидерія, т. е. до начала предполагаемаго вліянія византійской школы, живопись вовсе не такъ упала, чтобы она не могла

подняться безъ необходимости посторонняго толчка. И вдѣсь Греки были случайностью, могли передать вѣкоторые механическіе пріемы, тоныше выработанную технику, напримѣръ, въ мозаикѣ или такъ называемомъ орнамъ *alexandrinum*. Они приносили не идеи, а усовершенствованное или крѣпче сохраненное рабочее преданіе.

Разумѣется, чтобы прийти въ точными заключеніями въ этомъ вопросѣ, необходимо наглядное знакомство, если не съ самыми памятниками, то по крайней мѣрѣ съ большимъ количествомъ снимковъ. Въ книгѣ Каравиты ихъ лѣтъ, какъ недостаетъ и палеографическихъ образцовъ, что заставляетъ насъ ожидать съ тѣмъ большимъ ветер-пѣніемъ труда, обѣщанного монтекассинскими монахами *Oderisio Riccicelli* и *Bonifazio Maria Krug*. Оба они уже шесть лѣтъ работаютъ надъ собраниемъ образцовъ миниатюры и письма, выбранныхъ изъ монтекассинскихъ рукописей VI—XVI-го вѣковъ. Миниатюры предполагается изготовить въ настоящую величину подлинника, съ приложениемъ факсимиле рукописей, изъ которыхъ онѣ извлечены, заставныхъ буквъ и другихъ подобныхъ украшений. Трудъ этотъ, бѣзъ сомнѣнія, займетъ въ наукѣ почтенное мѣсто; не для ея же пользы нельзѧ не пожелать, чтобы помимо ближайшихъ своихъ цѣлей, палеографической и живописной, издатели не теряли изъ виду другія, столько-же важныя. Иная миниатюра, или даже рядъ миниатюръ, не интересна по исполненію, но онѣ могутъ быть интересны въ археологическомъ отношеніи. Таковы многочисленныя изображенія въ рукописи XI-го вѣка, заключающей *De origine gentium Rabana Mavra*: епископы и монахи, церкви съ церковною утварью, шкафы для храненія рукописей и орудія письма; воины, сраженія и различное оружіе; телѣги и колесницы, музыкальные инструменты; плѣнники, рыбаки, мясники; мѣри и вѣсы, принадлежности разныхъ ремеслъ, напримѣръ стеклянного дѣла; наконецъ, животные разныхъ видовъ; однимъ словомъ, все, что входило — а что не входило? — въ планъ, обозначенный заглавиемъ: „о началѣ вещей“. Тутъ цѣлая сокровищница для исторіи бытовой культуры.

Но мы имѣемъ въ виду еще другой интересъ, соединенный съ изученіемъ староитальянскихъ миниатюръ: онѣ могутъ разъяснить намъ характеръ вѣкоторыхъ литературныхъ сюжетовъ, которые привлекали вниманіе старого Итальянца задолго прежде, чѣмъ развернулись въ грандиозныя произведения его золотой, литературной поры. Исторія средневѣковой итальянской мысли, до наступленія флорентійскаго периода, еще не изслѣдована порядкомъ, и что сдѣлано въ этомъ отно-

ищемъ, не приведено въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ. Между тѣмъ иные разказы, сдѣланія въ послѣдствіи общимъ достояніемъ литературы, затѣмъ впервые въ монастырской кельѣ; ей въ значительной мѣрѣ принадлежитъ разнообразный міръ легендъ, видѣній и загробныхъ страшествованій. Миніатюры и вообще памятники живописи были бы къ нимъ самыемъ лучшимъ толкованіемъ, ихъ лицевымъ подлинникомъ. Еще и теперь пройдитесь по деревнямъ южной Италии: вы увидите на вѣтхихъ стѣнахъ церкви, на углахъ улицы, за висящими лампадами, изображеніе грѣшныхъ душъ, томящихся въ огнѣ чистилища. Зайдите въ праздничный день на кладбище: не большая гипсовая фигурка нагаго человѣка, на половину выходящая изъ гипсоваго пламени, приглашаетъ васъ опустить въ кружку вашу ленту на совершение закупокойной обѣдини по душамъ, прокодящимъ пути очищенія. Подвалъ кладбищенской часовни заваленъ грудами человѣческихъ костей — предметъ страха и любопытства деревенскихъ мальчиковъ; въ подземныхъ церквяхъ Кавы черепа и кости сложены въ нишахъ прачудливыми узорами: гробовой орнаментъ alexandrinus. Чистилищныя легенды до сихъ поръ съужили поддержать въ простонародье этотъ особаго рода „культъ предковъ“, не далекій отъ языческаго. Раньше это вѣрованіе должно было быть еще сильнѣе. Души умершихъ предполагались въ постоянномъ общеніи съ живыми; они настойчиво требовали ихъ молитвъ, являлись имъ въ очію, награждали благочестивыхъ, наказывая невѣрющихъ. Одинъ покойникъ, котораго сердобольный прохожій удостоимъ христіанскаго погребенія, явился къ нему на помощь въ образѣ прохожаго, присосѣлся къ нему и помогъ ему достать себѣ невѣсту. Иной разъ чистилищныя души приходили съ плачемъ и разказывали подробно о своихъ загробныхъ мученіяхъ. Легко представить себѣ, какимъ образомъ подобныя легенды и изобрѣтенія должны были дѣйствовать на впечатлительныхъ, нервныхъ натурахъ. Страшные образы воевали передъ ними такъ часто, воспринимались такъ непосредственно, что въ концѣ у нихъ могла явиться дѣйствительная вѣра, что все это они сами видѣли и испытали, спустившись въ тѣ темные области, куда никто еще не сходилъ съ надеждой на возвращатель. Такъ объясняются, порожденныя легендой и темпераментомъ, явленія обмирания и разказы о нихъ, въ свою очередь порождавшія легенды и еще нервнѣе настраивавшія темпераменты. Въ началѣ XII-го вѣка мальчикъ Альберикъ изъ Sette Frati обмеръ, и, очнувшись, рассказалъ о томъ, что онъ побывалъ въ чистилищѣ и видѣлъ его страшныхъ жертвства. Впослѣдствіи онъ

сдѣлался монахомъ въ Монте Кассино; его видѣніе было въ первый разъ записано по желанию аббата Герарда (III—1127 г.), но, испытанное многочисленными переписчиками, было исправлено, и его первоначальный текстъ возстановленъ при аббатѣ Signorette (1127—1157). Этотъ текстъ сохранился и до нашего времени въ одной изъ монте-кассинскихъ рукописей. Довольно распространено мнѣніе, что легенда Альберика оказала влияніе на замыселъ Дантовскаго ада; но для насъ въ настоящее время интереснѣе то обстоятельство, что видѣніе монте-кассинского монаха XII-го вѣка подтверждается фреской XI-го, писаною скорѣе итальянской, чѣмъ византійской рукой, и не всѣй вѣроятности артистами, работавшими въ Монте Кассино при аббатѣ Дезидеріѣ. Извѣстно, что онъ возстановилъ и украсилъ церковь S. Angelo in Formis, построенную не далеко отъ Бануи на развалинахъ античнаго храма Дианы. Съ тѣхъ поръ она нѣсколько разъ была перестраиваема, но кое-какія древнія фрески сохранились и были описаны Салазаромъ (Gli affreschi di S. Angelo in Formis) и недавно Карапитой, который весьма удачно сравниваетъ одну изъ нихъ съ эпизодами Альберикова видѣнія. Фреска представляетъ страшный судъ — съ ангелами, иззывающими трубнымъ звукомъ мертвыхъ, которые поднимаются изъ гробницъ, имѣющихъ форму римскихъ саркофаговъ; посрединѣ на престолѣ величественная фигура Спасителя съ руками распростертыми на право и на лѣво, къ праведникамъ и грѣшникамъ; по бокамъ апостолы, по шести съ каждой стороны; ангелы держать въ рукахъ свитки, на одномъ изъ которыхъ еще известны слова:... *tempus amplius non erit.* Внизу, отдельно другъ отъ друга, изображенія раю и ада: въ раю просвѣтленныя блаженствомъ лица праведниковъ, у нихъ въ рукахъ лилии, иные изъ нихъ срываютъ цветы и пальмовые вѣтви; въ аду, окруженному вьющимся сине-блѣдою полосой, представляющей адскую реку, много движенья и страховъ, но многое приходится болѣе угадывать, чѣмъ видѣть, по причинѣ плохой сохранности фрески. Здѣсь начинаются видѣнія Альберика: то же пламя, тѣ же змѣи и демоны, терзающіе грѣшниковъ; головы и руки, воздѣтныя къ-верху, выражаютъ отчаяніе; головы въ разныхъ положеніяхъ, вѣроятно, поднимавшіяся изъ какого-нибудь адскаго озера: некоторые фигуры высунулись изъ него больше, какъ будто затѣмъ, чтобы избѣжать мученій, другія снова погружаются туда усилиями демоновъ (Vis Alber. III). Голыхъ мужчину и женщину гонить впереди себя демонъ: у нихъ руки связаны назадъ и змѣя обвилась вокругъ шеи. Другаго грѣшника схватить, не смотря на его сопротивленіе, нечистый и по-

дастъ его въ пищу Луциферу: гигантская, обросшая шерстью и закованная въ цепи фигура, онъ готовится поглотить новую жертву и въѣсть съ тѣмъ не выпускаетъ изъ подъ мышки другаго великаго прѣшника—Иуду (Vis. Alber. IX).

*Quell'anima lassù ch'ha maggior pena,
Disse il maestro, è Giuda Scariotte (Inf. XXIV).*

Изображеній, подобныхъ этому, много произвела итальянская церковная живопись: они находятся въ S. Maria delle Grotte у подошвы горы Ocre, около Фоссы; въ церкви св. Петра in Montebuono и S. Maria di Fianello, обѣ въ Сабинѣ; вспомнимъ, наконецъ, фрески Джотто, Органы, наконецъ Микель-Анджело. До XVI вѣка Итальянцы не разставались съ этимъ сюжетомъ; но въ раду исполненій за фресками S. Angelo in Formis остается преимущество наибольшей древности. О заимствованіи, о деспредственномъ вліяніи одного образца на другой, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Легенда была общимъ достояніемъ, она распространялась въ народѣ вмѣстѣ съ церковной образованістю и монастырской колонизаціей, въ исторіи которой бенедиктинскій орденъ игралъ не послѣднюю роль. Одни монтекассинские монахи основали цѣлый рядъ выселковъ и обителей, частью по сосѣдству съ собою, частью въ Тосканѣ, подъ Флоренціей и Луккой. Они же положили основаніе самой замѣчательной изъ нихъ—Кавы.

Въ концѣ X вѣка нѣсколько монтекассинскихъ монаховъ, недовольныхъ правленіемъ аббата Мансона, удалились въ горы на берегу Салернского залива, гдѣ раньше ихъ поселился пустынникъ Эрмерикъ. Св. Алферій сдѣлался въ 1011 году первымъ настоятелемъ ихъ общины; въ 1092 году папа Урбанъ II, бывшій воспитанникъ монастыря, нарочно прибылъ въ Каву, чтобы освятить новую церковь въ присутствіи кардиналовъ и Рожера, сына Роберта Гискара. Лонгобардскіе и норманнскіе князья полюбили монастырь, одарили его богатыми угодьями и сами въ немъ постригались или завѣщали хоронить себя въ немъ. Въ XVI вѣкѣ сюда приходилъ, еще мальчикомъ, Торквато Тассо, и позднѣе, уже больной, любилъ возвращаться въ Метеллову долину (Vallis Metelliana),—какъ въ римское время звалась долина Кавы, по жившему въ ней Метеллову роду. Память Урбана II, живалъ въ преданіяхъ монаховъ, и связанныя съ нимъ повѣстъ крестового похода, зародила, быть можетъ, идею освобожденного Иерусалима. Такъ думаетъ одинъ изъ издателей кодекса Кавы, отецъ Моркальди. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что тихія воспоминанія мона-

стирского сожительства внушили поэту идею — ввести въ свой старческий эпосъ: *La Gerusalemme conquitata*, имя Урбана II, и что ины ми одолжены прелестнымъ описаниемъ Кавы, кроющейся въ утесахъ горъ, нависшихъ надъ нею облаковъ, задѣвающихъ то одну гору, то другую, и тѣней, падающихъ съ нихъ въ долину:

Non lunge in prezioso aureo contesto
Di color variato e di figure
Si scorge in umil Cava un vecchio onesto
Fuggire il mondo e sue fallaci cure;
E le nubi toccar quel monte e questo,
E cader le ombre nella valle oscura;
E il sagro albergo in solitarie e cupi
Luoghi celarsi infra pendenti rupi.

(С. III, ст. 4).

Это изображеніе, по идеѣ поэта, украшало шатерь Готфрида, который показываетъ его въ числѣ другихъ Алету и Арганту. Оно писано съ натуры. Старые монахи умѣли отыскивать живописныя мѣста для своего общенія съ Богомъ: далекіе виды, высокія горы, либо зеленыя ущелья, какъ въ Кавѣ, гдѣ монастырь притаялся такъ глубоко, что если подходить со стороны мѣстечка, пристроившагося къ нему, съ своими старыми стѣнами и льющимъ съ нихъ множествомъ ручьевъ, надо наклониться сверху стѣны, чтобы увидѣть у себя подъ ногами фасадъ новой церкви. Монастырь покинуть теперь братіей, то-есть, въ немъ всего осталось семь монаховъ, для совершенія требъ; трое изъ нихъ при архивѣ. Они-то затѣяли изданіе кодекса Кавы. „Нашъ орденъ долго упрекали въ недѣятельности“, говорилъ иѣ пріоръ Моркальди, „и, дѣйствительно, было время застоя, длившееся лѣтъ двадцать пять, благодаря неблагопріятнымъ политическимъ обстоятельствамъ страны. Мы и хотимъ отвѣтить на эти упреки, показавъ, что преданія бенедиктинскаго ордена еще не умерли“. Первый томъ изданія былъ ихъ первымъ отвѣтомъ; для слѣдующихъ четырехъ томовъ готова рукопись; для остальныхъ за материаломъ дѣло не станетъ; послѣдній будетъ заключать индексы собственныхъ и географическихъ именъ и списокъ латинско-романскихъ словъ, вошедшихъ въ словарь Дюканжа. Все это обѣщаетъ богатую жатву для этнографа и историка и, по крайней мѣрѣ, на столько же для изслѣдователей романскихъ нарѣчій, хотя послѣдній едвали раздѣлить мнѣніе Моркальди, выраженное имъ въ предисловіи къ первому тому, что начала италіанскаго языка не столько привязаны къ латинскому, сколько къ формамъ старо-италійскихъ нарѣчій, которыми еще про-

должали говорить провинциалы, когда латинский языкъ уже сдѣлался языкомъ имперіи. Всю черновую и чистую работу по изданію монахи исполняютъ сами, пользуясь весьма незначительной и притомъ устарѣвшей библіотекой, случайно собравшейся въ монастырѣ: сами переписываютъ, приводятъ въ порядокъ, дѣлаютъ факсимиле, комментируютъ. Карль Троа, сильно интересовавшійся изданіемъ Кавы, еще въ 1942 году соѣтствовалъ архивисту Бенедетто Каваселиче завести въ монастырѣ типографію, по приѣзу Монте-Бассино, и тамъ же печатать кодексъ. Но желаніе это не было исполнено во-время, а теперь, послѣ недавнаго финансового погрома, не хватило бы средствъ, недостатокъ которыхъ даже не позволяетъ довести до конца начатое возобновленіе церкви. Она такъ и осталась не конченной, съ голыми стѣнами, среди которыхъ тамъ и здѣсь мелькаетъ золото и картины довольно свѣжей кисти.

Пишущій эти строки сидѣлъ въ архивѣ, очень изящно и удобно устроенному, когда одного изъ монаховъ-архивистовъ позвали въ церковь. Начиналась большая обѣдня (messia cantata), а монахъ этотъ исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должностъ органиста. Мы сошли вслѣдъ за нимъ, чтобы послушать знаменитый органъ. Церковь была почти пуста, нѣсколько крестьянъ стояло по угламъ — большинство отбываетъ раннія обѣдни, — да три англичанки пуритански-чинно торчали на одной скамье, точно рѣзныхъ изъ дерева. Два-три монаха тамъ, гдѣ прежде была извѣтствованная братія; нѣсколько мальчиковъ изъ эпархіальной семинаріи, поѣзжавшей въ монастырь, крикливо вторили старому священнику-монаху. Только органъ наполнилъ эту пустоту и гремѣлъ какъ будто на зло ей, и мнѣ показалось, будто онъ гибвался. Въ самомъ дѣлѣ: не надо быть фанатикомъ, а просто вырости въ монастырѣ, поѣдѣть въ преданіяхъ его величія, чтобы считать себя глубоко обижденными новымъ разрѣшеніемъ монастырскаго вопроса. Когда-то Кава владѣла значительной частью салерскаго побережья; теперь на дорожкѣ, спускающейся изъ городка въ монастырь, читается на камнѣ надпись — вѣроятно, наполеоновскаго времени, но все еще вѣрная, съ тою, впрочемъ, разницей, что нынѣ ее не позволили бы поставить на большой дорогѣ. „Камень этотъ обозначаетъ начало и границу небольшой части, оставшейся во владѣніи святой и древней киновіи Кавы отъ обширныхъ помѣстій, дарованныхъ ей по милости первосвященниковъ. Не удивляйся, путникъ, этому оскудѣнію: все подъ луной погибаетъ, не по винѣ, а потому, что таковъ законъ. Ты же, измѣривъ льва по его когтямъ, иди съ миромъ.“

Старый послушникъ, водившій насъ до монастыря, не въ состояніи былъ возвыситься до такого иронического трагізма. И неудивительно: онъ былъ оставленъ на правительственный пенсіонъ въ двадцать франковъ въ мѣсяцъ, и то лишь потому, что ему подъ шестьдесятъ лѣтъ; тѣ изъ послушниковъ, что помоложе, принуждены жить на 17 и 15 франковъ, смотря по возрасту и категоріи. Тутъ было за что ожесточиться—и ожесточеніе нашего вожатаго принимало какоето комически-кулинарный характеръ.—„Какое тутъ общежитіе! говорить онъ: собираемся по двое, по трое, да кое-какъ и кормимся. То ли дѣло прежде: за завтракомъ подавали монахамъ три блюда, за обѣдомъ у нихъ было четыре: и мяжкое, и рыба, и сладкое“. То было общежитіе, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ въ духѣ устава св. Бенедикта. Но Неаполитанецъ, вѣроятно, никогда не вдавался въ подобныя сравненія.

А. Веселовскій.

-
- А. Котляревскаго. Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ. Прага. 1874.
- А. Котляревскаго. Древности права Балтійскихъ Славянъ. Часть первая. Прага. 1874.

Авторъ этихъ двухъ книгъ, изящныхъ изданий Пражской типографіи г. Клауди, уже давно пользуется въ нашей литературѣ известностью отличного библиографа, археолога и антиквара. Его библиографические и археологические статьи, разсыпанные въ различныхъ изданіяхъ, его магистерская диссертациія о „погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, правда, еще не показываютъ особенной глубины и силы критического таланта, широты воззрѣнія и образованія, словомъ, тѣхъ качествъ, которымъ обнаруживаются въ самыхъ мелкихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ такихъ славистовъ, какъ Добровскаго, Востокова, Коноптара, Шафарика и нѣкоторыхъ изъ ихъ ближайшихъ преемниковъ русскихъ. Но статьи и изслѣдованія г. Котляревскаго отличаются въ немъ трудолюбиваго изыскателя, стремящагося къ возможной полнотѣ, точности и вѣрности въ подборѣ и сличеніи данныхъ по занимающему его вопросу. Правда, авторъ по преимуществу останавливалъ свое вниманіе на вопросахъ и предметахъ тѣсной и ограниченной специальности, и притомъ такихъ, которые болѣе или менѣе выяснились уже трудами другихъ ученыхъ; но основательнѣйшее знакомство съ литературой избраннаго предмета и стараніе пополнить

прежним изслѣдованіемъ подборомъ мельчайшихъ данныхъ и подробностей составляютъ, если не ошибаюсь, одно изъ самыхъ существенныхъ и дорогихъ качествъ г. Котляревскаго, какъ ученаго. Мы не думаемъ, чтобы наука могла подвигаться только такого рода учеными качествами и трудами; мы не смѣемъ отрицать, что для усѣхъ всакой науки, особенно столь юной, какъ славистика, не безполезны и мното другія качества, желательны и труды другихъ ученыхъ, которые, напримѣръ, вращаючись въ болѣе обширной сферѣ изысканий, дорожа всѣми первоначальными источниками, въ постоянной погонѣ за открытиемъ новыхъ, естественно не могутъ, да не очень-то и любятъ щеголять богатствомъ своихъ библіографическихъ знаній, — особенно полнымъ знакомствомъ своимъ со всѣми когда-либо высказанными мнѣніями и сужденіями, даже самыми посредственными, о томъ или другомъ, хотя бы самонѣ мелочномъ вопросѣ. Само собою разумѣется, что въ трудахъ послѣдняго рода ученыхъ вѣшняя или наружная полнота и обиліе частныхъ подробностей иногда, и то больше — по видимому, бываютъ хуже представлены, чѣмъ въ трудахъ ученыхъ первого рода. Для усѣхъ науки полезны и необходимы, хотя и не въ одинаковой степени, оба направленія, лишь бы ученые, имъ слѣдующіе, выбирали себѣ задачи и обрабатывали ихъ съ полною добросовѣтностью и съ сознаніемъ своихъ силъ.

Книга г. Котляревскаго, заглавіе которой стоять на первомъ мѣстѣ, по задачѣ и трудности выполненія, имѣть гораздо менѣе общей научной важности, чѣмъ второе изъ вышеозначенныхъ его сочиненій. Такъ смотрѣть и самъ авторъ на эти два труда свои. Издавъ ихъ въ одно время, онъ второй свой трудъ, а не первый, представилъ какъ диссертацию на степень доктора. Съ такимъ взглѣдомъ автора трудно не согласиться. Любопытныя Житія Оттона Бамбергскаго (XII вѣка), два раза юзившаго крестить Поморскихъ Славянъ, особенно въ двухъ редакціяхъ Эбона и Герборда, такъ хорошо известны специалистамъ, что для нихъ не могутъ представить особенного интереса и важности тѣ обширнѣйшия части книги г. Котляревскаго, въ которыхъ онъ излагаетъ извѣстія объ Оттонѣ (стр. 1—4), общую оцѣнку его жизнеописаній, прекрасно изданныхъ Нерцемъ и Яффѣ (стр. 4—16), обстоятельства и причины, побудившія Болеслава III Кривоустаго пригласить знакомаго ему пѣмѣцкаго епископа проповѣдывать христіанство у поморскихъ язычниковъ (стр. 18—25), и представлять русскій переводъ сводныхъ мѣстъ изъ Эбона

и Герборда о Поморянахъ (стр. 26—93). Вторая часть книги занята критическими замѣтками о переведенныхъ извѣстіяхъ (стр. 94—100) и описаніемъ внутреннаго быта и историческихъ отношеній Славянскаго Поморья (стр. 101—142). Здѣсь, собственно говоря, любопытны для ученыхъ читателей замѣчанія автора о вліяніѣ для него вѣроятной гипотезѣ изъ русской древности: о заселеніи Новгорода и привозніи книгей съ Балтійскаго Поморья. Третья и послѣдняя часть книги г. Котляревскаго состоять изъ приложенийъ: 1) Отрывокъ неизвѣстнаго автора о нравахъ Поморянъ — перепечатанный авторомъ изъ VI тома „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Мацѣевскаго (1858). 2) Извѣстія Мартина Галла о бытѣ Поморянъ (по изданію Бѣлевскаго) на языкѣ подлинника, а не въ русскомъ переводѣ, который могъ бы быть желательнѣе для читателей русскаго перевода сводныхъ мѣстъ изъ Житій Оттона Бамбергскаго. Авторъ сообщаетъ тутъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Между ними любопытно его (стр. 151) объясненіе словъ М. Галла — *divitiae marinae, opes aequoreae* (II, 28). 3) Слѣди Оттоновой проповѣди въ грамотахъ. Здѣсь авторъ приводить изъ пяти грамотъ XII вѣка (у Клеммина Rom. Urkundenbuch) указанія на проповѣдь Оттона и ея послѣдствія. Не мѣнило бы тутъ же привести или указать и важное свидѣтельство Викентія Пражскаго. (*Dobner, Moimenti hist. Boem. Pragae. 1764. I, 38.*)

Второе сочиненіе г. Котляревскаго по своему предмету заслуживаетъ полнаго вниманія и справедливо возбуждаетъ интересъ въ ученыхъ, какъ историкахъ, такъ и юристахъ. Не присвоивъ себѣ рѣшающаго авторитета въ вопросахъ, которымъ посвящена эта книга, но просто по любви къ предмету и по давнему и частому обращенію съ этого рода вопросами, я позволяю себѣ остановиться на ней болѣе внимательно и высказать относительно ея нѣсколько замѣчаній. Быть можетъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ будутъ неизлишни какъ для разнообразныхъ читателей сочиненія г. Котляревскаго, такъ пожалуй и для самого автора, имѣющаго продолжать свой трудъ.

На однай изъ начальныхъ страницъ книги читаемъ: „Славянскія Древности“. Такъ авторъ даетъ замѣтить читателю, что первая часть его Древностей Балтійскихъ Славянъ есть только отрывокъ громаднаго, задуманнаго имъ труда, имѣющаго быть какъ-бы продолженіемъ великаго творенія Шафарика. Величіе предположенной г. Котляревскимъ цѣли готово заставить насъ измѣнить мнѣніе о его направлѣніи и еще болѣе внушить вниманія и уваженія къ его новому сочиненію. Въ немъ, такъ сказать, предлагается отрывокъ и образ-

чить будущихъ „Славянскихъ Древностей“, въ которыхъ наша наука такъ нуждается.

Рассматриваемая нами книга въ 168 страницъ состоитъ изъ шести главъ; въ первой авторъ излагаетъ задачу и методъ своего изслѣдованія и характеризуетъ источники (стр. 1—14); во второй—подъ заглавиемъ: земли и народъ (стр. 15—66), представлена характеристика территории, образа жизни и состоянія образованности Балтійскихъ Славянъ; въ третьей (стр. 67—72), озаглавленной авторомъ: „Древности права. Право. Обычай. Законъ. Постановленія власти“, наложены общія соображенія автора объ обычномъ правѣ вообще и у Балтійскихъ Славянъ въ частности. Вообще первые три главы составляютъ предисловіе и введеніе къ настоящему изслѣдованію. Главная же сущность и сила его содержится собственно въ четвертой главѣ (стр. 73—151), а пятая (Собственность, стр. 152—160) и шестая (Договоры, стр. 161—166), по недостатку материала, слишкомъ скучны содержаниемъ, и въ пятой главѣ (на стр. 160) любопытны развѣ общія разсужденія и заключенія, къ коимъ я буду имѣть случай обратиться.

Прежде чѣмъ перейдти къ частнымъ замѣчаніямъ, не скрою, что сочиненіе ничего бы не проиграло, если бы вся вступительная часть (первыя 72 страницы изъ 168 страницъ всей книги) была значительно сокращена. Общія разсужденія автора о нравственности и правѣ, о причинахъ гибели Славянъ Балтійскихъ, если бы даже и отличались большею ясностью и опредѣльностью, могли бы быть совсѣмъ выслушены безъ всякаго, кажется, ущерба для дѣла. Едва ли также не излишни занимающія слишкомъ много места, обширныхъ и частныхъ выписки цѣлыхъ мѣстъ изъ такихъ позѣстныхъ и общедоступныхъ по дешевизнѣ изданія (школьного Перцковскаго) источниковъ, каковы Видукиндъ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ. Напрасно также авторъ Эйнгардъ, не отсылаетъ читателя къ своему труду объ Оттонѣ Бамбергскомъ, а приводить въ разныхъ мѣстахъ книги большія выписки изъ Эбона и Герборда¹⁾). Нѣкоторыя извлеченія изъ подлинныхъ текстовъ повторяются у автора на разныхъ страницахъ его книги. Извѣст-

¹⁾ Изъ Эбона и Герборда стр. 17, пр. 24; стр. 28, пр. 39; стр. 52, пр. 104; стр. 58, пр. 122, 123; стр. 64, пр. 140; стр. 74, пр. 147; стр. 106, пр. 222, 223; стр. 107, пр. 225; стр. 126 (текстъ). Изъ Адама Бременскаго, Гельмольда Эйнгирда и Видукинда стр. 17, пр. 25; стр. 27, пр. 38; стр. 28, пр. 39, 40; стр. 39, пр. 67; стр. 44, пр. 83; стр. 46, пр. 89; стр. 47, пр. 92; стр. 51, пр. 102; стр. 58, пр. 124; стр. 121, пр. 260; стр. 127 (текстъ), стр. 140 (текстъ), стр. 141 (текстъ).

ное, и какъ увидимъ, мало относящееся къ дѣлу мѣсто хроники Мартина Галла о пирѣ у Паста подробно передано авторомъ въ текстѣ по руски, а въ примѣчаніи сообщено въ подлинникѣ, съ разными опечатками. Такимъ образомъ оно занимаетъ у автора почти полныхъ двѣ страницы, тогда какъ могло бы быть передано, если уже таѣль было нужно, въ нѣсколькихъ строкаго. Нѣкоторыя разсужденія автора, какъ въ первой, такъ и во второй части труда могли бы быть гораздо сжатѣе. Также можно бы было нѣсколько сократить и описание территории и образа жизни Славянъ Балтійскихъ. Отъ такихъ пропусковъ и сокращеній сочиненіе г. Котляревскаго могло бы только выиграть, особенно, еслибы онъ въ замѣнѣ этого внесъ въ него нѣсколько сжатыхъ и точныхъ указаний на нѣкоторые предметы, о коихъ онъ говорить теперь вскорѣ и неопределѣнно или даже вовсе умалчивается. Такъ, напримѣръ, вмѣсто многословныхъ и довольно туманныхъ разъясненій причинъ гибели Балтійскихъ Славянъ, вмѣсто слишкомъ пространного описанія земли, быта и образа жизни ихъ, было бы, кажется, умѣстнѣе нѣсколько опредѣленіе обозначить ихъ территорію, попытаться сдѣлать возможно приблизительный разчетъ ея населенности, точнѣе отмѣтить періоды полнаго и рѣшительного утвержденія нѣмецкаго элемента и изчезновенія элемента славянскаго въ различныхъ мѣстностяхъ этой территоріи, такъ какъ не всѣ ея части германизовались единовременно и равномѣрно. Такъ, напримѣръ, часть Славянъ Поморскихъ сохранился и понынѣ въ Кашубахъ. Для исследователя обычнаго права и его остатковъ, на сколько они выражались положительно и отрицательно въ позднѣйшихъ письменныхъ источникахъ, эта неравномѣрность и неединовременность германизации Славянъ Балтійскихъ есть обстоятельство великой важности. Многія подробности ихъ быта, приведенные авторомъ въ введеніи, могли бы найти себѣ болѣе приличное мѣсто въ послѣдующихъ главахъ его изслѣдованія. Общія же характеристики быта Балтійскихъ Славянъ, съ большинствомъ приводимыхъ авторомъ подробностей, уже болѣе или менѣе хорошо сдѣланы въ сочиненіяхъ Фабриціа, Бартольда, Вигтера, Гильфердинга. Что же касается общихъ заключеній автора о гибели этихъ Славянъ, то едва ли не слѣдовало ихъ приберачь къ концу всего изслѣдованія, а не предупреждать, не обременять и не стѣснять читателя разсужденіями и взглядами, которые могутъ быть пропрѣнены и оправданы только по окончаніи всего изслѣдованія. Ясности наложенія не мало вредятъ и неоднократныя возвращенія къ мыслямъ

и замѣчаніямъ, уже прежде высказаннымъ, и нѣкоторая изысканность слога автора, состоящая въ употреблениі словъ мало или вовсе не употребляемыхъ въ литературномъ языкѣ и извѣстныхъ выражений и оборотовъ, употребляемыхъ обыкновенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ ихъ авторъ, такъ, вмѣсто существовать, имѣется авторъ постоянно употребляетъ слово бытуетъ: „эти обычай бытовали у неофитовъ“ (стр. 93) и т. д., вмѣсто удобства — удобства жизни: „села и деревни со всѣми удобствами жизни, съ богатыми лѣсами, лугами“ (стр. 17), вмѣсто мирные договоры — договоры мировые (стр. 56), вмѣсто отечественныя — отечеснныя (patronymica) (стр. 32, пр. 47), вмѣсто воинственный — воинскій: „у племенъ воинскихъ“ (стр. 86); выраженія историко-органическое пониманіе предмета (стр. 1), Эннгардъ — лѣтописецъ политически-юсударственный (стр. 7), привязанность къ старымъ порядкамъ и язычеству до сознательной политической апостолии (стр. 29), страсть рабежа, повальная болѣзнь добычи (стр. 51), по личному опыту и личнымъ сношеніямъ (Гельмгольцъ) зналъ Балтійскихъ Славянъ (стр. 9), уже одно срединное положеніе страны, соединявшей Северъ и Востокъ съ Западомъ и Югомъ (стр. 45); эти и подобные имъ выраженія нерѣдко безъ пользы дѣлу задерживаютъ вниманіе читателя или даже затемняютъ простой въ сущности смыслъ тѣхъ или другихъ положеній автора.

Частини наши замѣчанія касаются и материальной, и формальной или методологической стороны сочиненія г. Котляревскаго. Перваго рода замѣчанія имѣютъ въ виду указаніе нѣкоторыхъ фактическихъ опущеній или неточностей. Замѣчанія втораго рода имѣютъ въ виду нѣкоторые пріемы автора въ разясненіи данныхъ, относятся до его метода.

Само собою разумѣется, что въ такомъ предметѣ славянской исторіи и древностей, каковы Славяне Балтійские, какихъ-нибудь крупныхъ пропусковъ, опущеній или неточностей трудно, почти, невозможно ожидать, особенно отъ такого опытнаго библіографа, какъ г. Котляревскій. Эта небольшой уголокъ славянскихъ древностей и исторіи обладаетъ такою обширною и богатою литературою, какою едва ли могутъ похвалиться гораздо болѣе обширные отдѣлы древней исторіи славянской. Даже и относительно источниковъ исторія Балтійскихъ Славянъ съ IX по XII вѣкъ богаче и полнѣе древнѣйшей исторіи Словенцевъ, Словаковъ, восточныхъ Сербовъ и даже, можетъ быть, Болгаръ. Благодаря высокому развитію вѣмецкой исторіографіи, прекрасными изданіямиъ источниковъ и отдѣльныхъ сборниковъ (регистръ) и

многочисленнымъ и дѣльнымъ монографіямъ, какъ напечатаннымъ отдельно, такъ и разсѣяннымъ во множествѣ томовъ современныхъ изданій мѣстныхъ археологическихъ и историческихъ обществъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, Бранденбургѣ—изученіе древностей и истории Балтійскихъ Славянъ стало дѣломъ очень легкимъ и благодарнымъ. Правда, съ другой стороны, оно можетъ также быть названо дѣломъ труднымъ и мало благодарнымъ, такъ какъ, при столь обширной литературѣ, отъ ученаго, принимающагося за этотъ предметъ, требуется слишкомъ много самобытнаго дарованія, оригинальности возврѣній, чтобы ему съ-умѣть сказать и сдѣлать что-нибудь новое и важное, а не повторять и не пережевывать стараго, давно высказаннаго и объясненнаго предшественниками. Въ доказательство же указанной легкости мы можемъ привести примѣръ изъ нашей ученой литературы. „Історія Балтійскихъ Славянъ“ Гильфердинга, именно первая часть, напечатанная въ *Москвитинѣ*, была написана покойнымъ нашимъ славистомъ, когда онъ еще былъ студентомъ, и имѣлъ лѣтъ двадцать... Конечно, эта юная работа Гильфердинга живо свидѣтельствуетъ о его замѣчательномъ трудолюбіи и рѣдкой, блестящей даровитости. Тѣмъ не менѣе, въ научныхъ работахъ, особенно въ такого рода историческихъ изслѣдованіяхъ, кромѣ даровитости и простой усидчивости, требуется основательная ученость, большой критической навыкъ, извѣстная умственная зрѣлость и осторожность въ сужденіяхъ, словомъ, тѣ условия, которыя не даются двадцатилѣтнимъ юношамъ, даже самымъ даровитымъ. Между тѣмъ, просматривая это сочиненіе Гильфердинга - юноши о Балтійскихъ Славянахъ, мы очень мало найдемъ въ немъ видныхъ ошибокъ, замѣтныхъ опущеній и неточностей, незрѣлыхъ сужденій, которыя, напримѣръ, встречаются въ другомъ историческомъ его сочиненіи: „Письма обѣ исторіи Сербовъ и Болгаръ“ (1-е изданіе), написанномъ тѣмъ же даровитымъ Гильфердингомъ черезъ годъ или даже два послѣ „Історіи Балтійскихъ Славянъ“. Эта разница произошла отъ того, что въ первомъ случаѣ молодой авторъ имѣлъ передъ собою богатую литературу пособій, которыми и руководствовался, а во второмъ случаѣ, по малой разработанности предмета, часто бывалъ предоставленъ собственнымъ, еще незрѣлымъ силамъ. Когда предметъ историческихъ изысканий мало разработанъ наукою, когда многіе или некоторые его источники не только не обработаны, но часто и не обнародованы, когда имѣющіяся о немъ пособія скучны и устарѣли, тогда изслѣдованіе, страдающее неудачной методой и дурными приемами, можетъ

все-таки имѣть важное значеніе въ наукѣ по богатству и новости приводимыхъ въ немъ данныхъ и извѣстій. Тогда достоинства материальной стороны изслѣдованія выкупаютъ самые крупные недостатки его стороны формальной. Но когда всѣ источники хорошо изданы, критически оцѣнены и разработаны, когда непрерывно до новѣйшаго времени издаются разнообразныя изслѣдованія о предметѣ, тогда въ каждомъ новомъ посвященному ему трудѣ центръ тяжести долженъ заключаться не въ материальной, а въ формальной сторонѣ его. Съ этимъ должна сообразоваться и критика при оцѣнкѣ нового труда. Такъ, и въ сочиненіи г. Котляревскаго обращаетъ на себя вниманіе не столько полнота данныхъ, какъ она ни необходима, сколько ихъ разработка и разыясненіе.

Въ первой главѣ авторъ заявляетъ, что главный предметъ его—древности права Славянъ Балтійскихъ, что онъ отказывается отъ сравненія, такъ сказать, всеславянскаго и будеть ограничиваться при сравненіи только источниками и данными сербо-лужицкими, чешскими и польскими; затѣмъ авторъ представляетъ краткую характеристику иѣхоторыхъ важнѣйшихъ источниковъ—Эйнгарда, Видукинда, Титмара, Адама Бременскаго, Житій Оттона Бамбергскаго, Эбона и Герфорда, Гельмольда, Саксона Грамматика и грамотъ по сборникамъ документовъ Мекленбургскихъ, Померанскихъ и Рюгенскихъ. „Таковы“, говоритъ авторъ,—„наши главные источники. Менѣе значительныхъ, а равно и польскихъ и чешскихъ пособій — не указываемъ особо“ (стр. 12). „Читатель видѣтъ скудость пособій, которыми мы располагаемъ“ (стр. 13). Напрасно здѣсь, вопреки общепринятому въ научномъ нашемъ языке обычаю, авторъ смѣшиваетъ источники съ пособіями¹). Еще напраснѣе, кажется, рисуетъ онъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ положеніе изслѣдователя древностей Балтійскихъ Славянъ. „Область древне-славянскаго права такъ еще мало изслѣдована въ культурно-историческомъ отношеніи, что изслѣдователь почти во всѣхъ важнейшихъ вопросахъ этого рода бываетъ предоставленъ своему собственному опыту и силамъ. По многимъ предметамъ онъ не только не найдетъ никакихъ удовлетворительныхъ объясненій, но даже и простаго указаніяного сбора материала. До всею онъ долженъ доходить непосильнымъ собственнымъ трудомъ“ (стр. 14).

¹) (Изслѣдователя) «отчасти выручаютъ пособія другихъ славянскихъ племенъ, которые въ жизни были счастливѣе балтійскихъ и владѣютъ древними письменными памятниками своего права» (стр. 13).

Тутъ останавливаешься въ невольномъ недоумѣніи. Полагаетъ ли авторъ, что древне-славянское право мало изслѣдовано вообще или только въ культурно-историческомъ отношеніи? Если онъ допускаетъ первое, то это несправедливо: древне-чешское, древне-польское, древне-русское право уже имѣютъ не вовсе ничтожную литературу, во всякомъ случаѣ слишкомъ достаточную, для оказанія нужной помощи автору „Древностей права Балтійскихъ Славянъ“? Или г. Котларевскій полагаетъ, что древнее право славянское таکъ мало изслѣдовано собственно въ культурно-историческомъ отношеніи? Но ие понимаемъ, какъ можно какое-либо древнее право изслѣдовывать иначе, какъ въ историческомъ отношеніи, и притомъ именно въ культурномъ. Недоумѣваемъ, какой истинный смыслъ въ словахъ: изслѣдователь почти во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ этого рода бываетъ предоставленъ своему собственному опыту и силамъ... Безъ собственнаго опыта (?) и силъ никакой изслѣдователь никогда не можетъ, да и не долженъ обходиться, иначе онъ будетъ компиляторъ. Всѣ важнѣйшии вопросы этого рода—выраженіе не совсѣмъ ясное. Если къ числу ихъ авторъ относитъ и тѣ вопросы, которымъ посвящена первая часть его книги, или хотя главнѣйшіе изъ нихъ, то въ подобномъ описанному имъ несчастному положенію нашъ изслѣдователь „Древностей права Балтійскихъ Славянъ“, вовсе, кажется, не находился. Для замѣчаній своихъ о многоженствѣ, о бракѣ, о приданомъ, о положеніи женщинъ, о правѣ наслѣдства и пр. въ древней Польшѣ и Чехіи (стр. 82—86, 96—97, 99—101, 109, 110, 125, 144—146) авторъ нашъ не былъ предоставленъ собственному опыту и силамъ и не долженъ былъ до всего доходить непосильнымъ трудомъ; онъ имѣлъ полную возможность пользоваться, и пользовался трудами Мацѣевскаго, Лелевеля, Губе, Рѣппеля, Шульгина, Попова, Спасовича, Шпилевскаго, Воцела, Иречка, Брандла, Стробаха, Ганеля и пр. Даже въ одномъ мѣстѣ авторъ счѣль излишнимъ много останавливается на развитіи одного своего взгляда, и ограничился замѣчаніемъ: „Укажемъ здѣсь сочиненія, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе подробное подтвержденіе нашего взгляда на правнѣе и нравственное состояніе женщины у Польскихъ и Чешскихъ Славянъ“ (стр. 109, пр. 228). Такимъ образомъ, историко-культурный изслѣдователь могъ указать рядъ сочиненій разныхъ покойныхъ и живыхъ ученыхъ по древне-славянскому праву, у коихъ онъ даже имѣлъ рѣдкое утѣшенье найти подробное подтвержденіе своего взгляда. Значить, положеніе изслѣдователя вовсе ужъ не такое безотрадное!

Вообще, не называя источниковъ пособіями и не преувеличивая передъ читателемъ безъ надобности трудностей избранной имъ задачи, авторъ нашъ постуцилъ бы рациональнѣе и согласнѣе съ общеупотребительнымъ въ современной наукѣ пріемомъ, еслибы онъ послѣ обзора источниковъ, просто или съ самыми краткими замѣчаніями поименовалъ всѣ главнѣйшія пособія, которыми онъ пользовался въ первой части и намѣренъ пользоваться въ послѣдующихъ частяхъ своего труда о древностяхъ права у Балтійскихъ Славянъ. При известной любви автора къ библіографіи, эта полезная работа не была бы и для него непріятна. Тогда, въ слѣдующихъ главахъ, при ссылкахъ на пособія, можно было бы ограничиваться самыми сокращенными указаніями. Списокъ этихъ пособій оказался-бы очень почтеннымъ и по количеству, и по внутреннему содержанію. Тогда стало бы еще очевиднѣе, что нашъ авторъ могъ бы и не жаловаться на свое положеніе, какъ такого наслѣдователя, который, по малой разработанности предмета, *бываетъ предоставленъ собственному опыту и сиамъ*, до всего долженъ доходить собственнымъ умомъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что во второй главѣ на стр. 23, въ прим. 33, говоря о древней *географіи* Балтійскихъ Славянъ (?), авторъ, указавъ на изслѣдованія Петерса и Квандта, прибавляетъ: „Самый же важный трудъ принадлежитъ Виггеру, въ его книгѣ: *Meklenb. Annalen. Schw. 1860....* Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать на книгу Виггера, какъ на одно изъ самыхъ замѣтныхъ, рѣдкихъ явлений отъ области науки славянскихъ древностей. Мы ей обязаны очень многимъ“.

Кажется, въ концѣ первой главы, послѣ обозначенія источниковъ, былъ наиболѣе удобный случай указать на книгу Виггера, равно какъ и на многія другія книги и статьи нѣмецкихъ и славянскихъ ученыхъ, которые если, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ книга Виггера, все же были весьма небезполезны для нашего автора.

На стр. 15, въ прим. 20, по поводу лѣсовъ и болотъ *Славянъ*, авторъ, между прочимъ, ссылается на Адама Бременскаго, II, 18. Эта ссылка сюда, кажется, вовсе не идетъ. Тутъ Адамъ Бременскій употребляетъ слово *Sclavania* не въ тѣсномъ смыслѣ родины Балтійскихъ Славянъ, а напротивъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ значеніи всего почти извѣстнаго ему мира славянскаго. Это мѣсто знакомить насъ съ общимъ географическимъ, употребительнымъ въ средніе вѣка у западныхъ Европейцевъ, названіемъ для всего славянскаго мира, котораго сами Славяне понимать не имѣютъ. Вообще

для западной Европы въ средніе вѣка Европа восточная представлялась по преимуществу Славянствомъ и Греціей. Вотъ слова Адама Бременскаго о Славонії: „Sclavania igitur amplissima Germaniæ provincia, a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali. Decies maior esse fertur, quam nostra Saxonia, *presertim si Boemiam et eos qui trans Oddaram sunt Polanos*, quia nec habitu, nec lingua discrepant, *in partem adieceris Sclavaniae*. Hæc autem regio cum sit armis, viris et frugibus opulentissima, firmis undique saltuum vel terminis fluminum clauditur“.

Это предиослѣднее предложеніе имѣть въ виду авторъ въ прим. 20, на стр. 60, когда говоритъ: „Адамъ Бременскій передаетъ молву своего времени, что „Славанія“ очень богата полевыми плодами“, и въ прим. 21 приводить начальные слова приведенного предложенія. Но изъ предыдущихъ словъ Адама Бременскаго видно, что онъ подъ Славаніей разумѣеть не только земли Балтійскихъ Славянъ, но и Чехію и Польшу. Въ сгѣдѣ за предыдущимъ Адамъ Бременскій говоритъ: „Eius latitudo (то-есть, этой Славаніи) est a meridie usque in boream, hoc est ab Albia fluvio usque ad mare Scythicum. Longitudo autem illa videtur, quæ initium habet ab nostra Hammaburgensi parrochia et portigitur in orientem, *infinitis aucta spatiis*, usque in Beguariam, Ungriam et Græciam“.

Прибавимъ, что слово Германія въ средневѣковыхъ латинскихъ памятникахъ употребляется нерѣдко въ такомъ же широкомъ смыслѣ, какъ и въ приведенномъ мѣстѣ Адама Бременскаго. Такъ, напримѣръ: 1) въ Vita Theodorici abbatis Andaginensis (XI в.) с. 26: *post illam longissimam et asperissimam hiemem, qua Galliarum maximi fluvii Rodanus, Ligeris et Rhenus et Germaniae Alba, Visclæ et Danubius, in Italia etiam Tiberis et rex fluviorum Eridanus, gelu et frigore concreti*“. (Pertz, SS. XII, 52); 2) въ Gestor. abbat. Trudon. Cont. tertia Pars I (XII—XIV в.), прямо различаются двѣ Германіи, верхняя и нижняя: „*due sunt Germaniae, superior scilicet et inferior. Superior autem est maxima regio in initio Europe, sub cuius nomine vocabulo Schitia et Alania cum aliis terris communiter optinent tytulum Germania. Que simul protensa iuxta oceanum septentrionale, paludes Meothidis a superioribus habet propinquas, quam etiam maximus fluvius Danubius... pertransiens habundanter irrigat. Est enim terra hec nimium ferax rictualium et barbaris hominibus populosa, que propter gignendorum populorum fecunditatem dicta est Germania. Ex his partibus condam egressi sunt Goti, Huni, Wandali, Longobardi ceterarumque nationum pagani, postremoque*

barbari Normanni christianorum fines zelo debellandi.... Inferior vero Germania est eadem que et Alemannia, terra fructifera et habundans in victualibus, repletaque cohabitatione hominum sapientium et fortissimorum, innumerabili multitudine et sacre fidei catholice professorum, quam Rhenus fluvius dulcis et amenus circumquaque irrigat¹. (P. SS. X, 379—380) ¹⁾.

Подъ этой верхней Германіей разумѣлся преимущественно міръ Славянскій, а какъ при верхней была еще и нижняя Германія или Alemannia или Theutonicae partes и пр., то естественно, что Sclavania, Sclavenia, Slavonia, Sclavia, Slavia и въ тѣсномъ, и въ обширномъ смыслѣ составляла часть Германіи вообще. Въ житіи св. Адальберта, I. Канапарія: *in partibus Germaniae est locus, quem incolae Sclaroniam cognomine dicunt* (P. SS. IV, 581). Этимъ именемъ (Славіи, Славоніи и пр.) западные Европейцы называли въ средніе вѣка какъ каждую маленькую землю славянскую, каждый уголокъ населенный Славянами, такъ и весь громадный просторъ славянского міра, и это на томъ же основаніи, по коему Нѣмцы, Итальянцы и за ними прочие Европейцы называютъ Славянами и каждый небольшой народецъ славянскій и все племя Славянское: *Sclaros qui vocantur Liplai..., Sclaros qui dicuntur Abotriti, Sclaros qui nominantur Lanai et Bochelenzi, Sclaros qui dicuntur Wilti* (Chr.-Moiss. 808, 811, 812. P. SS. II, 258, 9); *adversus orientales Sclaros quorum dux nominabatur Liduit* (то-есть, Хорватовъ) (Theg. Vita Hlud. 596); *contra Narrentanos Sclaros* (Joh. Diac. Chr. Ven. SS. IX, 22, 24), а *Croatorum Sclarorum oppressione* (ib. 29); Michael rex *Sclarorum* (Сербы. Ann. Benev. III, 175), *in principali urbe Sclarorum Praga* (Ann. Hild. III, 92), *in regione Sclarorum* (Чехія. Gehr. Vita S. Oudalr. SS. VI, 147); *regnum Sclarorum* (Польша. Ann. Hild. III, 97) и т. д.)

Еще въ XV вѣкѣ на западѣ большая часть восточной Европы носила название Славіи или Славоніи. Такъ, замѣчательный нѣмецкій путешественникъ, монахъ Феликсъ Фаберь въ своемъ драгоцѣнномъ сочиненіи (*Evagatorium in terra sanctae, Arabiae et Aegypti peregrinationem*) при описаніи Далматії замѣчаетъ: „Dalmatia regio secundum antiquam terrae partitionem est pars et provincia Graeciae, et ad hanc computabatur, nunc autem computatur ad Sclaronium, cui adiacet ad Orientem. Sclavia sive Sclaronia est provincia grandis,

¹⁾ И у Козьмы Пражскаго въ самомъ началѣ 1-й книги. См. Strab. L. II, 5, 30. р. 128.

continens regiones et regna multa, continet enim Moesiam, Ungariam, Boemiam, Polonię, Rutheniam et Dalmatiam, et plures particulares regiones alias sub illis, quae omnes sunt quasi eiusdem linguae et se intelligunt¹⁾.

Приблизительно въ этомъ же смыслѣ надо понимать Славянію Адама Бременскаго, и словъ его объ ея населеніи и плодородіи нельзя относить къ одной землѣ Славянъ Балтійскихъ.

Къ мѣстамъ, указаннымъ г. Котляревскимъ въ примѣчаніи 20, относительно слабой культуры ея и о многочисленныхъ болотахъ въ ней можно бы еще прибавить свидѣтельства Алтагскихъ лѣтописей — *Annales Altahenses maiores* подъ 1069 г.²⁾, Рудольфа Глаубера (1034, 1036 гг., *Pertz*, SS. VII, 68).

На стр. 15, въ примѣчаніи 19: „Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизации Балтійского Поморья, некоторые изслѣдователи утверждали, что населеніе страны — испоконъ вѣка, непрерывно было и оставалось немецкимъ, что дружины Славянъ покорили его, составили высшее, численно незначительное сословіе, которое, въ качествѣ представителя (?), скрыло отъ глазъ исторіи германскую природу и языкъ низшаго слоя, основнаго народа населенія. Съ особенной обстоятельностью эта гипотеза изложена и развита К. Фабриціемъ и поддерживается его братомъ... Патротическая гипотеза эта встрѣтила, однако, такое основательное опроверженіе со стороны Козегартена и Болля, что представляется совершенно излишнимъ вдаваться въ ея разсмотрѣніе. См. также *Barthold, Geschichte v. Rügen und Pommern*, I, 152“.

На стр. 20, въ примѣчаніи 30: „Домыслы Шафарика, что переселеніе Славянъ въ Балтійское Поморье между Эльбою и Вислою должно было произойти между III и V вѣками по Р. Х., заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія..., но достовѣрными ихъ назвать нельзя“ (Иначе бы, разумѣется, они не были домыслами, догадкою)...

¹⁾ Fratris Felicis Fabri Evagator. edid. Cunr. Diet. Hassler. Stuttgartiae. 1842—49. Vol. III, p. 357 (*Bibl. d. liter. Vereins in Stutgari.* II, III, IV). Также называлось населеніе Славянами предмѣстье италіанскаго города Форли: *burgibus civitatis Forlini qui vocatur Sclavonia.* (Ann. Mant. 1282. P. SS. XIX, 29.)

²⁾ Terra illa paganorum (Лютичей) aquis et paludibus est plena, sed tunc hemis scilicet tempore, nimirum erat congelata, et ideo exercitui facta est facilis ingrediendi et egressiendi via. Levi igitur congressione urbes aliquot cuperunt, villas innumerantes vastandes succederunt, predam et captitatem immensam secum abduxerunt. (Шк. изд. стр. 88.)

„Замѣтимъ, что приверженцами мнѣнія о древнѣйшемъ славянскомъ заселеніи Балтійскаго Поморья являются люди, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ узкомъ славянскомъ патріотизмѣ; см. предисловіе *Латама* къ книгѣ Кембла: *Hogae ferales*, 1863, а также его изданіе и комментарій къ *Тацитовой Германії*“.

Намъ кажется, авторъ нашъ напрасно по поводу вопроса чисто учеваго заводить рѣчь о патріотическихъ увлеченіяхъ. Онъ, конечно, бываютъ, но не единственнымъ же источникомъ научныхъ ошибокъ и заблужденій. Бываетъ множество разнообразныхъ ошибокъ наблюденія, обобщенія, разсужденія, смышенія и независимо отъ какихъ-либо патріотическихъ увлеченій. Такъ, Апгличанинъ Латамъ могъ быть совершенно свободенъ отъ узкаго славянскаго патріотизма, и все-таки его мнѣніе о древнѣйшемъ славянскомъ заселеніи Балтійскаго Поморья отъ этого чисто отрицательного обстоятельства нисколько не приобрѣтаетъ большаго вѣроятія. Что касается первой гипотезы, то ее нѣтъ надобности объяснять увлеченіемъ нѣмецкаго патріотизма. Въ пользу того, что Славяне явились въ Балтійское поморье или въ земли между Эльбою и Вислою послѣ III в., что еще во II в. по Р. Х. оно было нѣмецкимъ имѣются неопровергнутые свидѣтельства древнихъ. Изъ Веллея Патеркула и Птолемея известно, что на востокѣ отъ Гермундровъ черезъ Эльбу до р. Одера (чѣхрѣ той *Соунѣвъ* потокомъ) жили нѣмецкій народъ Семноны, по Тациту, самые древніе и благородные между Свевами (G. 39) и, по Стравону, народъ большой (L. VII, p. 290). На сѣверѣ и юго-востокѣ жили—Варини и Лигіи; на востокѣ отъ Семноновъ между Одеромъ и Вислою—Бургунды, на востокѣ отъ Лигіевъ между Прегелемъ и Вислою—Готы; по морскому прибрежью на востокѣ отъ Эльбы до Вислы, по показаніямъ же Тацита и Птолемея, жили Свардоны, позднѣйшіе Герулы, приблизительно отъ р. Травны до Одера—Руги, вѣроятно у его устьевъ, и на востокѣ отъ нихъ до Вислы Туркинги, Лемовіи¹). Все это несомнѣнно были вѣти Германскаго племени. Дабы считать Германцами упомянутыя колѣна и племена, помѣщаемыя Тацитомъ и Птолемеемъ между Эльбою и Вислою, для этого вовсе не требуется нѣмецкаго патріотизма, а дабы считать ихъ Славянами еще мало одного—патріотизма славянскаго, а нужно, прежде всего, обладать смылою рѣшимостью—свободно и

¹⁾ *Zeuss. Die Deutsch. und die Nachbarstämme.* SS. 130 ff. *Ukert-Geogr.* III. 1 abth. *Germ. antiqua*, ed. K. *Muellenhoffius*. Berolini. 1873. Его же. *Deutsche Alterth.* Berlin. 1870. I, (въ концѣ).

развязно обращаться съ важными научными вопросами, безъ научной подготовки и безъ соблюденія необходимыхъ критическихъ пріемовъ. При такихъ удобныхъ условіяхъ, безъ всякаго славянскаго патріотизма, Англичанинъ Латамъ, напримѣръ, легко могъ отдаться своимъ пустымъ и нелѣпымъ догадкамъ и положеніямъ о томъ, что Тацитовскіе и Птолемеевскіе Варини, Лонгобарды были Славяне, Готы—Литовцы и проч. Признаюсь, мнѣ удивительно, какъ нашъ авторъ, задумавшій изданіе Славянскихъ Древностей, въ такомъ важномъ и для славянства вопросѣ, могъ упомянуть серьезно подобныя дилетантскія бредни, которая положительно ниже всякой критики. Такъ какъ одинаково несомнѣнно, что во II вѣкѣ по Р. Х. въ земляхъ между Вислою и Эльбою живутъ и господствуютъ Нѣмцы, а въ VI—XI вѣкѣ эти же земли заняты Славянами Полабскими или Балтійскими, то независимо отъ всякаго нѣмецкаго патріотизма естественно могъ возникнуть такой вопросъ: Славяне, занимая эти земли, приблизительно, какъ можно полагать, въ III—V вѣкахъ, нашли ли въ нихъ хотя остатки и обломки прежняго нѣмецкаго населенія, или же еще до прихода, или же съ приходомъ Славянъ всѣ нѣмецкіе поселенцы до единаго выселились и совершенно очистили свою родину? Вопросъ, такъ поставленный, а иначе, надѣюсь, его и ставить нельзя; само собою допускаетъ одинъ отвѣтъ, именно такой, котораго прямо и рѣшительно не хочеть допустить г. Котляревскій, считая его вымысломъ нѣмецкаго патріотизма (примѣчаніе 19). Онъ даже выставилъ для диспута особый тезисъ (11): „Народонаселеніе Балтійскаго Поморья отъ р. Лабы по р. Вислу до времени введенія нѣмецкихъ колонистовъ (конецъ XII и XIII вѣкѣ) было исключительно славянское“.

Мы замѣтили, что отвѣтъ на представленный вопросъ можетъ быть одинъ. И вотъ почему. Что въ періодъ III—V вѣковъ Нѣмцы ушли изъ земель между Вислою и Эльбою, и пришли сюда Славяне, это допускаетъ и самъ г. Котляревскій; такъ какъ онъ считаетъ вѣроятнымъ предположеніе Шафарика (пр. 30) о переселеніи въ эти земли Славянъ въ III—V вѣкахъ, значить самъ же онъ не утверждаетъ рѣшительно, что до этого времени Славянъ тутъ не было. Прибавимъ, что это предположеніе не одного Шафарика, но и Цейssa и всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ сколько-нибудь основательныхъ ученыхъ. Это долженъ допустить и г. Котляревскій, ибо нельзѧ никакъ считать Славянами Тацитовскихъ и Птолемеевскихъ обитателей этого Балтійскаго Поморья. Вышли ли всѣ Нѣмцы, или часть ихъ осталась? При

недостаткъ положительныхъ данныхъ, обязательно предположеніе вѣроятнѣйшее. Нѣмцы II вѣка по Р. Х. уже занимались земледѣліемъ, не были кочевниками. И кочевые племена, какъ показываютъ примѣры изъ исторіи Угровъ, Половцевъ, Калмыковъ и проч., никогда почти не выселялись въ новые, дальняія земли всѣ сполна,—нѣсколько родовъ, кибитокъ всегда оставалось на мѣстахъ старыхъ, давно излюбленныхъ. Не вѣроятно, такимъ образомъ, чтобы все осѣдлое нѣмецкое населеніе Балтійскаго Поморья выселилось въ III—V вѣкахъ цѣликомъ, безъ всякаго остатка. Не вѣроятно также, чтобы оно выселилось до прихода въ эти земли Славянъ: населеніе осѣдлое, земледѣльческое безъ вѣнчаного принужденія и крайней необходимости не бросаетъ земли своей, и тѣмъ болѣе все сполна не расходится въ дальняія незнакомыя страны. Нѣкоторыя собственныхыя мѣстныя имена Балтійскаго Поморья въ періодъ славянскій (VI—XI в.) объясняются изъ языка нѣмецкаго, а не изъ славянскаго, напримѣръ, рр. Гавель, Спree. Одеръ, которыхъ мы не сдѣлаемъ славянскими, называя ихъ даже Гаволею, Спревою и Одрою, какъ название и самая земля *Силезія* не станутъ коренными славянскими, если даже будемъ называть ее *Шленскомъ* или *Слезкомъ*. Такъ какъ иной вѣнчаной необходимости и причины выселенія Нѣмцевъ въ III—IV вѣкахъ цѣльзя предполагать, кроме прихода и переселенія Славянъ въ эти земли, то естественно и основательно предположить, что населеніе Балтійскаго Поморья между Вислою и Эльбою въ VI—XI вѣка отнюдь не было исключительно славянскимъ. Замѣчанія Козегартена и особенно посредственная статья Болля, на которыхъ ссылается г. Котляревскій, не представляютъ никакого, а тѣмъ менѣе, основательного опроверженія догадокъ о томъ, что новые, славянскіе насељники Балтійскаго Поморья должны были найти остатки старыхъ нѣмецкихъ поселеній. Этотъ старый германскій элементъ славянскаго Балтійскаго Поморья, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ съ самаго начала, долженъ быть получать естественную поддержку и приростъ отъ массы нѣмецкихъ и датскихъ воениоплѣнныхъ и рабовъ, которыхъ немало было въ историческое время у Балтійскихъ Славянъ, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ войнъ и дракъ съ Саксами, Датчанами. Такимъ образомъ, 11-й тезисъ нашего автора никакъ не можетъ быть допущенъ во всей своей силѣ. Правда, что мы опровергаемъ его не положительными свидѣтельствами, а умозаключеніями и предположеніями. Но и самый тезисъ автора есть не иное чѣто, какъ предположеніе, только не имѣющее вѣроятности. Да и въ томъ видѣ, какъ этотъ тезисъ изложенъ у автора, онъ долженъ

быть отвергнутъ, даже на основаніи историческихъ данныхъ. Такъ, восточные Саксы—*Nordalbingi, Nordliudi, Saxones transalbiani*, уже въ VIII—IX вѣкахъ являются старожилами на востокѣ отъ р. Эльбы и на сѣверъ до р. Эйдера, въ сосѣдствѣ Датчанъ, какъ о томъ положительно извѣстно изъ Франкскихъ лѣтописей (*Chr. Moiss., Ann. Laur., Ann. Einb.*). Положимъ, Эйнгардъ, какъ „лѣтописецъ политически-государственный“, „знаетъ и излагаетъ только событія“ и имѣть для нашего автора „важность не особенно значительную“ (с. 7); но авторъ отмѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ своихъ источникомъ Адама Бременскаго и Гельмольда. Правда, и объ Адамѣ Бременскомъ авторъ нашъ произносить сужденіе довольно оригинальное. Онъ говорить: „Правда Бременскій магистръ сообщаетъ очень значительныя замѣтки о религиозныхъ древностяхъ (?) Славянъ, ихъ правъ, торговорѣ и отношеніяхъ племенъ между собою; но во внутреннее устройство и порядки жизни ихъ онъ не входитъ“ (стр. 8). Вѣроятно, по причинѣ очень значительныхъ замѣтокъ о религії, правѣ, торговлѣ Славянъ и пр. г. Котляревскій и утверждаетъ, что для него „произведеніе Адама гораздо болѣе важно въ историко-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ юридически-бытовомъ“ (стр. 9). Вотъ у этого-то Адама авторъ могъ бы найти (I. II, стр. 15) важныя „въ историко-географическомъ отношеніи“ свѣдѣнія о трехъ колѣнахъ Нордалльинговъ—Дитмарсахъ, Гольтзатахъ и Стурмариахъ, которые все жили по сю сторону Эльбы. При болѣе внимательномъ чтеніи Адама Бременскаго, авторъ убѣдился бы, что напримѣръ, во второй половинѣ X вѣка, благодаря дѣятельности архиепископовъ Магдебургскихъ и епископовъ Ольденбургскихъ, между Балтійскими Славянами построено было много церквей и монастырей мужскихъ и женскихъ: „Ecclesiæ in Sclavania ubique erectæ sunt; monasteria etiam virorum ac mulierum Deo servientium constructa sunt plurima. Testis est rex Danorum, qui hodieque superest, Suein; cum recitaret Sclavoniam in duodeviginti pagos dispergitam esse, affirmavit nobis, absque tribus ad christianam fidem omnes fuisse conversos, adiciens etiam: Principes eius temporis, Missizla, Naccon, et Sederich. Sub quibus, inquit, pax continua fuit, Sclavi sub tributo servierunt“ (I. II, с. 24). Эти данные прямо указываютъ, какое значительное число Нѣмцевъ должно было быть въ то время въ различныхъ мѣстностяхъ славянскихъ. Мы знаемъ, какъ распространяли Нѣмцы христіанство у своихъ восточныхъ сосѣдей, знаемъ и расположение къ нему Балтійскихъ Славянъ. Всѣ эти церкви и монастыри съ нѣмецкими священниками, причетниками, монахами и монахинями могли

держаться и между Славянъ только при нѣмецкихъ властяхъ, военныхъ отрядахъ и болѣе или менѣе многочисленныхъ нѣмецкихъ поселенцахъ. Тотъ же Адамъ Бременскій говорить нѣсколько ниже, по поводу смерти императора Оттона III (1002 г.): „Post mortem eius regnum in contentione remansit. Tunc vero et *Sclavi a christianis iudicibus plus iusto compressi*, excusso tandem iugo servitutis, libertatem suam armis defendere coacti sunt. Principes Winulorum erant Mystivoi et Mizzidrog, quorum ductu sedition inflammata est. His ducibus Sclavi rebellantes, totam primo Nortalbingiam ferro et igne depopulati sunt. Deinde reliquam peragrantes Sclavoniam, omnes ecclesias incenderunt et ad solum diruerunt. Sacerdotes autem et reliquos ecclesiarum ministros variis suppliciis enecantes, nullum christianitatis vestigium trans Albiam reliquerunt“ (I. II, с. 40). Далѣе, разказавъ объ убийствѣ и мученіяхъ 60 священниковъ въ Ольденбургѣ, какъ о томъ слышалъ онъ отъ Датскаго короля, Адамъ Бременскій прибавляеть: „Multa in hunc modum per diversas Sclavorum provincias tunc facta inmemorantur, quae scriptorum penuvia habentur pro fabulis. De quibus cum regem amplius interrogarem: Cessa, inquit, fili, tantos habemus in Dania vel Sclavonia martyres, ut vix possint libro comprehendendi“ (ib. стр. 41).

У Гельмольда есть нѣсколько драгоценныхъ показаний (I. I, с. 12, 13, 14, 88), которые дополняютъ приведенные извѣстія Адама Бременскаго о нѣмецкомъ христіанствѣ у Славянъ Полабскихъ въ Х вѣкѣ, и подтверждаютъ необходимое, вытекающее изъ извѣстій Адама Бременскаго предположеніе о различныхъ нѣмецкихъ поселеніяхъ между ними въ Х вѣкѣ. У Гельмольда же авторъ нашелъ бы извѣстія и о Нордалбингахъ, между прочимъ, и объ ихъ гостепріимствѣ: „Hospitalitatis gratiam sectantur“ (I. I, с. 47). Помни это мѣсто, авторъ, говоря о славянскомъ гостепріимствѣ, не сталъ бы, вѣроятно, тверждать, что „Нѣмцы въ своей средѣ не зывали ничего подобного“ (стр. 173).

Впрочемъ, нашему автору трудно даются всякия формулы и определенія. Даже въ тѣхъ положеніяхъ его, съ которыми и можно бы согласиться, нужно бываетъ кое-что измѣнить или прибавить, прежде чѣмъ принять ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, четвертый его тезисъ: „Поддѣланныя латинскія грамоты не только представляютъ важный историческій памятникъ, но во многихъ отношеніяхъ важнѣе грамотъ подлинныхъ“. Противъ того, чтѣ хотѣлъ тутъ сказать авторъ, никто не будетъ спорить. Дѣло въ томъ, когда, кѣмъ, вѣроятно, и какой поддѣланъ историческій документъ или памятникъ.—всякій, а не только

латинскій. Но съ формулою положенія автора, допускающею много недоразумѣній, никто не согласится, ибо поддѣланнаѧ, напримѣръ, въ XIX или XVIII вѣкѣ средневѣковая латинская грамота отнюдь не важнѣе никакой самой неважной подлинной грамоты, и никогда не можетъ быть позвана важнымъ историческимъ памятникомъ. И что значить: „грамота представляетъ памятникъ“?

Третій тезисъ автора: „Сравнительный методъ въ изученіи славянского права до сихъ поръ не имѣть прочныхъ основаній. Примѣненіе его тогда только пойдетъ успѣшно, когда въ подробностяхъ опредѣлится вліяніе чужеземныхъ правъ на славянское“. Если сравнительный методъ не имѣетъ до сихъ поръ прочныхъ основаній, то понятно, что и примѣненіе его пойдетъ успѣшно тогда только, когда онъ получитъ прочныя основанія: неосновательный методъ съ успѣхомъ не можетъ быть примѣняемъ. Авторъ же нашъ, конечно, не думаетъ, а только по ошибкѣ говорить, что этотъ неосновательный методъ будетъ примѣняемъ успѣшно, когда въ подробнотахъ опредѣлится вліяніе чужеземныхъ правъ на славянское. Едва ли и самъ авторъ думаетъ, что чужое вліяніе на славянское право можетъ быть опредѣлено, да еще въ подробнотахъ, безъ прочнаго сравнительнаго метода. Въ примѣръ такого кругаю, ничего не дающаго опредѣленія укажу въ книгѣ г. Котляревскаго, на стр. 69, слѣдующія слова „Въ дѣлахъ и отношеніяхъ общественныхъ обычное право имѣло дѣйствующую силу тамъ, где общественные порядки и учрежденія велись по старинѣ, иѣ они связывались съ нею непорваннымъ нитью преданія“.

Пятій тезисъ обличаетъ не совсѣмъ ясное представление автора объ обычномъ правѣ и письменномъ законодательствѣ: „Эльбинген-скій кодексъ древне-польского права (у Гельцаля Роти. II) есть сборникъ правовыхъ обычаевъ, дѣйствовавшихъ въ XI—XIII вѣкахъ, но никакъ не памятникъ законодательства“. Безъ сомнѣнія, и авторъ не думаетъ, чтобы этотъ сборникъ былъ составленъ въ видахъ простой или научной любознательности, въ родѣ, напримѣръ, недавно изданнаго Юго-славянскою академіей, подъ редакцію г. Богилича, сборника юго-славянскихъ юридическихъ обычаевъ. Очевидно, этотъ сборникъ былъ написанъ и составленъ съ практическою, юридическою цѣлью. Если же народный юридический обычай преданъ письму съ цѣлью практическою, онъ ужъ извлеченъ изъ сферы живаго обычного права и вошелъ въ письменное законодательство. Исторія представляетъ цѣлый рядъ письменныхъ и законодательныхъ памятниковъ раз-

личныхъ странъ, которые суть ничто иное, какъ сборники народныхъ юридическихъ обычаевъ.

При нелюбви или непривычкѣ автора выражаться ясно, точно и определительно, онъ зачастую самъ же себя опровергаетъ. Такъ, напримѣръ, читаемъ

13-й тезисъ:

«Многоженство у древнихъ Славянъ было явленіемъ частнымъ и не имѣло широкаго распространенія...»

Въ сочиненіи, стр. 86.

... «Во времена древнія, предшествовавшія положительной исторії, у племенъ воинскихъ (Славянскихъ), где положеніе женщины было особенно сурово, оно имѣло довольно значительную силу и распространеніе и было правнымъ обычаемъ».

Явленіе частное противополагается авторомъ народному обычаю. Желательно было бы знать, какъ во времена древнія, предшествовавшія положительной исторії, умѣеть различать авторъ воинственные племена Славянскія отъ не воинственныхъ.

Обращаемся снова къ однаждатому тезису автора. Мы видѣли, что мнѣніе его объ исключительно славянскомъ населеніи Балтійского поморья отъ р. Эльбы до Вислы до конца XII вѣка не совсѣмъ вѣрно. Но принявъ гипотезу о томъ, что во время независимости Балтійскихъ Славянъ, въ земляхъ ихъ не было никогда даже остатковъ нѣмецкихъ старожиловъ, и строго осудивъ гипотезу Фабрициевъ и Гизебрехта о завоеваніи нѣмецкихъ старожиловъ явившихся въ ихъ земли Славянами въ III—V вѣкахъ, авторъ нашъ совершенно спокойно принимаетъ затѣмъ такія мнѣнія и толкованія этихъ ученыхъ относительно нѣкоторыхъ сторонъ быта Балтійского Славянства, которыя безъ этой гипотезы не имѣютъ никакого значенія и оправданія.

Стр. 32: „Большинство сель и деревень на Балтійскомъ Поморѣ, какъ кажется, образовалось путемъ не родовою нарошенія, а дружинного завладѣнія, то-есть, изъ частныхъ владѣній отдельныхъ лицъ, дружинниковъ, которые заняли свободную землю или овладѣли ею оружиемъ и постепенно привлекли сюда насељниковъ“.

Стр. 138. „Съ той поры, какъ семейная собственность начинаетъ быть замѣтна въ источникахъ исторіи Балтійскихъ Славянъ, она ограничивается въ кругѣ быта простаго народа уже только предметами движимости. Недвижимой повемельной собственности семья не имѣть; они сидятъ на чужой земль, пользуются и владѣть ею; но право

собственности на нее принадлежитъ княжескому роду и немногимъ знатнымъ лицамъ. Такой строй жизни мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, у важнѣйшихъ историческихъ вѣтвей Балтійского племени—Поморянъ, Руанъ, Оботритовъ и отчасти Лютичей¹⁾). Какимъ путемъсталось это „безземельство“ народа, мы попытаемся отвѣтить въ заключительномъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія“.

Обратимся теперь къ объясненіямъ автора того любопытнаго „безземельства“ народа, при которомъ онъ пользуется и владѣть землемъ, принадлежащею въ собственность княжескому роду или немногимъ знатнымъ лицамъ, слѣдовательно, непосредственно не пользующимся и не владѣющимъ этой землей, а уступившимъ ее народа въ пользованіе и владѣніе.

Стр. 152—153: „Странное явленіе встрѣчаетъ насъ здѣсь: казалось бы, отсталые въ своей общественной культурѣ и въ государственномъ объединеніи отъ другихъ родственныхъ племенъ, Поляковъ и Чеховъ, Балтійские Славяне должны были оставаться при старой, общинной земельной собственности гораздо въ большей степени, чѣмъ первые. На дѣлѣ выходитъ обратное: уже съ давнихъ временъ Поморяне, Руане и Оботриты живутъ въ условіяхъ (?) замкнутой, опредѣленной, строго размежеванной, частной поземельной собственности, находящейся въ рукахъ князей и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Собственности общинной въ строгомъ смыслѣ нѣть, существуютъ только предметы, предоставленные общинному пользованію ихъ собственниками. Такое явленіе должно быть объясняемо, какъ кажется, тѣмъ, что первоначально, во времена, предшествовавшиа исторіи, частной поземельной собственности здѣсь не существовало, вся земля была собственностью общинною; въ этотъ періодъ произошелъ захватъ ея военною дружиною, земля перешла въ частную собственность немногихъ лицъ, народъ же, фактически утративъ право общинной собственности, остался безземельнымъ, то-есть, стала пользоваться землею единственно на основаніи особыхъ условій, поставленныхъ завоевателями-собственниками. Въ справедливости этой мысли нась убѣждаетъ обстоятельство, что такимъ же точно образомъ общинная

¹⁾ Въ своей книгѣ объ Отто въ Бамбергскомъ, стр. 116, авторъ нашъ говоритъ: «Племя осѣдающее, земледѣльческое, Поморяне (слѣдовательно, не княжескій родъ и не немногія только знатныя лица) естественно должны были имѣть недвижимую, то-есть, поземельную собственность». (И тутъ цвѣлый рядъ ссылокъ на Герборда).

собственность переходила въ Польшѣ и Чехахъ, хотя здѣсь раннее образованіе частной собственности значительно ограничено дѣйствіемъ правительства захвата, такъ что многие знатные роды и, кажется даже, общины остались при нашей поземельной собственности".

У Балтійскихъ Славянъ дружиинники, нѣкоторыя знатныя лица, по автору, захватываютъ общинную землю вооруженною рукою еще въ доисторическое время. И это не кажется ему еще раннимъ образованіемъ частной собственности, такъ какъ иначе и у Балтійскихъ Славянъ дѣйствіе правительства захвата было бы значительно ограничено.

"Можно впрочемъ", прибавляетъ г. Котляревскій, — „объяснить переходъ общинной собственности въ князю и безъ посредства насильственного военного захвата, какъ естественное слѣдствіе возышшія власти князя, первоначально—только надсмотрщика, судью и защитника общаго достоянія, а потому — полновластнаго представителя общественныхъ правъ собственности. Но намъ кажется, что таиніи мирный путь начало регалии не могло достигнуть тѣхъ широкихъ, всеобъемлющихъ размѣровъ, въ какихъ мы находимъ его въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ. Къ тому же, для существа дѣла рѣшительно все равно, совершился ли захватъ съ-разу, вооруженою рукой, или происходилъ постепенно, такъ сказать, постепеннымъ давленіемъ силы, не находившей равновѣснаго отпора: въ обоихъ случаяхъ оно (то-есть, захватъ) остается, какъ главное дѣйствующее начало" (стр. 153).

Извиняемся передъ читателемъ за эти длинныя извлечения изъ разбираемаго сочиненія, но задача нашей рецензіи — не полемика съ авторомъ, а возможное разъясненіе внутреннаго содержанія и смысла его книги. При бѣгломъ ея чтеніи, любопытныя ея особенности могутъ не обратить на себя вниманія большинства читателей, а общія замѣчанія рецензента — показаться преувеличеніемъ и увлеченіемъ.

Итакъ, г. Котляревскій не хочетъ слышать о разноплеменномъ составѣ населенія Балтійскаго Поморья между Эльбою и Вислою, въ VI—XI вѣкахъ, признаетъ его исключительно славянскимъ, считаетъ вѣроятнымъ, что Славяне явились сюда въ III—V вѣкахъ, и не допускаетъ возможнымъ признавать тамъ остатки нѣмецкихъ старожиловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объясняетъ, что масса народа была тамъ обезземелена вооруженною силой дружиинниковъ-завоевателей. У этихъ же Балтійскихъ Славянъ, полагаетъ онъ въ VI главѣ, княжеская

власть, правительство туземное, такъ сильно была развита, что постепенно или съ-разу — *рѣшительно все разно* — совершенно обезземелила народъ. У Чеховъ и Поляковъ было нѣсколько иначе, тамъ правительственный захватъ встрѣтилъ отпоръ въ раннемъ образованіи частной собственности. У Балтійскихъ же Славянъ такого ограничения не было, хотя у нихъ еще въ доисторическое время нѣкоторыя знатныя лица, дружинники, захватили общинную землю вооруженою рукою.

Съ такими замѣчательными выводами автора о силѣ княжеской и правительственной власти у Балтійскихъ Славянъ, обезземелившей еще въ доисторическое время свой же славянскій, а не иноплеменій народъ, не Нѣмцевъ-старожиловъ, какъ полагали Гизебрехтъ, Фабрицій, я попрошу читателя терпѣливо сличить слѣдующія замѣчанія нашего автора, изъ той же небольшой его книжки, о развитіи государственного начала и вообще обѣ отличительныхъ, по его мнѣнію, народныхъ особенностяхъ Балтійскихъ Славянъ.

Стр. 24. „*Со временемъ глубокой древности* Славянскіе племена заняли Балтійское Поморье.“ (Значить ли это въ III — V вѣкахъ по Р. Х. или гораздо раньше?). „*Выѣстъ съ добрыми качествами своей природы, общественного и семейного быта, они принесли съ собою въ новое отечество и исконные, роковые политические недостатки* (въ глубокой древности!): безотчетную привязанность къ старымъ порядкамъ вообще и въ формѣ различного политического существования въ особенности, привычку жить интересомъ дня безъ заботы о будущемъ и какую-то враждебную антипатію къ политическому разумѣ и предпріятію.

„*При всѣхъ своеорыстныхъ стремленіяхъ своихъ*“ (стр. 27) Нѣмцы стараются поощрять у Балтійскихъ Славянъ „возникновеніе и утвержденіе среди нихъ государственной власти; эти мѣры оказались не-дѣйствительными“ (стр. 26). „Столь же безуспѣшины были попытки Нѣмцевъ ввести христіанство и утвердить государственную туземную власть среди Славянъ“ (стр. 26). „То же должно сказать (признать безуспѣшность) и о попыткахъ (Нѣмцевъ) ввести и установить между Славянами—государственный нарядъ. Переходъ отъ племенной розни въ организованное государство—вообще труденъ для народа, привыкшаго къ неограниченной свободѣ: для него яснѣе стѣснительная, враждебная сторона государственныхъ порядковъ, чѣмъ выгоды ихъ“ (стр. 28). „У нѣкоторыхъ племенъ (Балтійскихъ Славянъ) княжеская власть устанавливается и пускается, по видимому, твердые корни, но

привязанность народа къ старому быту, къ старой розни, долго не даетъ ей (то-есть, княжеской власти) возвыситься до объединяющаго государственного значения; князья почти всегда возвращаются на старый путь предводителей удалыхъ дружинъ, то-есть, въ качествѣ воеводъ руководить набѣгомъ и добываніемъ добычи" (стр. 28—29).

Стр. 29. „Исторія Балтійскихъ Славянъ принимаетъ, такъ сказать, *неисторический характеръ*; въ ней много *энергетической*, иногда болезненной *движения*, но нѣтъ *движения впередъ*, нѣтъ въ собственномъ смыслѣ *политическихъ стремлений*“. „Усобицы, клеменные раздоры, набѣги и грабежи сосѣдей, борьба за *независимое существование и законъ отца*—вотъ основная, вѣками повторяющаяся, явлѣнія исторіи Балтійскихъ Славянъ въ періодъ икѣ *политической самостоятельности*"¹⁾.

Итакъ, исторія Балтійскихъ Славянъ собственно лишена *исторического характера*; ибо въ ней нѣтъ *движения впередъ*, нѣтъ *настоящихъ политическихъ стремлений*. И не историческая исторія этого народа, лишенного настоящихъ политическихъ стремлений, имѣть своимъ основнымъ явленіемъ, въ періодъ его политической самостоятельности, борьбу за независимое политическое существование и за сохраненіе законовъ отцевъ. Удивительный народъ были эти Балтійские Славяне! „Народъ съ рѣшительными наклонностями къ мирному занятію земледѣліемъ, промыслами, ремеслами и торговлей..., сильно привязанный къ старымъ формамъ, порядкамъ и обычаямъ жизни, къ старой свободѣ, не умѣющій поступаться ею даже для достиженія высшихъ спасительныхъ цѣлей... племя буйное, одичающее въ безпрерывной борьбѣ со врагомъ чужеземцемъ и между собою" ... (стр. 65), народъ, „въ отношеніи земледѣлія, огородничества,

¹⁾ Стр. 29—30. «Борьба принимаетъ *жестокий и ожесточенный характеръ*, когда среди *мирно водворяется къмѣцкое христіанство*». То-есть, посрѣди ожесточенной борьбы Славянъ съ Нѣццами за языкчество мирно водворяется у славянскихъ язычниковъ кѣмѣцкое христіанство.

Стр. 27—28. «Понятно, почему въ умахъ Славянъ идея новой религіи не разлучно соединялась съ идеей политического рабства, грабежа и мученій, почему они не только относились къ христіанству съ упорнымъ противодѣйствиемъ, но даже и обращеннымъ—снова отпадали въ темное изысканіе и разинались лучше погибнуть, чѣмъ быть христіанами и платить подати Саксамъ». Неправда ли, понятно, почему кѣмѣцкое христіанство водворяется мирно?

садоводства стоявшій нисколько не ниже прочей европейской культуры того времени" (стр. 40), народъ, не имѣвшій крѣпкой княжеской власти даже въ историческое время, враждующій съ своеокорыстными Нѣмцами за ихъ безкорыстныя стремленія утвердить среди его государственную туземную власть, этотъ удивительный народъ, "преимущественно земледѣльческій" (стр. 39), даетъ себѣ обезземелить своимъ князьямъ и правительству, еще "во времена, предшествовавшія исторіи", какъ это доподлинно известно г. Котляревскому.

Въ заключеніе этой мастерской характеристики Балтійскихъ Славянъ онъ говоритъ: "Мы имѣмъ передъ собою какъ будто два совершенно различныя народа! Первые свойства (добрья) были свойствами природы и естественныхъ условий и обстоятельствъ жизни,— вторыя (худыя) были результатомъ условий и отношений историческихъ" (стр. 65).

Въ чёмъ заключалась разница обстоятельствъ жизни и условий и отношений историческихъ, авторъ не объяснаетъ, предполагая ее, конечно, слишкомъ известной. Даѣше авторъ, вѣроятно, для разясненія этой разницы, называетъ исторію съ одной стороны, представляя ее чѣмъ-то вѣшнимъ народу—въ родѣ домъ нашихъ пѣсень, а съ другой—"природу характера и долговременная привычки, отвердившая въ характерѣ" (стр. 66).

"Жизнь (Балтійскихъ Славянъ) проходила подъ дѣйствіемъ этикъ двухъ не примиренныхъ и другъ друга исключающихъ силъ, и потому была полна глубокихъ внутреннихъ противорѣчій.... Въ этой борьбѣ и взаимодѣйствіи двухъ разнородныхъ началъ заключается, на нашъ взглядъ, разладка не только многихъ непонятныхъ явлений, но и вообще всего быта и исторіи Балтійскихъ Славянъ. Здѣсь ключъ къ правильному изѣ пониманію" (стр. 66).

Авторъ, по видимому, не подозрѣваетъ, что народовъ исключительно добродѣтельныхъ по природѣ нѣть, не было, и конечно, никогда не будетъ,—что такихъ противоположныхъ письменныхъ (и устныхъ) отзывовъ, какіе авторъ нашелъ о Славянахъ Балтійскихъ, имѣется множество о различныхъ племенахъ и народахъ древнихъ и новыхъ. Какая масса совершенно разногласныхъ сужденій дошла до насъ отъ древности и высказывается понынѣ о Евреяхъ, Грекахъ, Римлянахъ, Англичанахъ, Французыахъ, Русскихъ! Въ этомъ отношеніи и Балтійские Славяне не представляютъ никакого исключенія. Имѣя передъ собою много различныхъ трудовъ нѣмецкихъ и славянскихъ изслѣдователей, нерѣдко самыхъ противоположныхъ взорѣній, авторъ

не съумѣл осилить ихъ и подняться надъ ними, не могъ самъ пріѣдти къ какому-нибудь положительному взглѣду. По причинамъ, разгадать которыхъ не мудрено, авторъ запутался въ паутинѣ противорѣчій и развелъ свою книгу тою путаницею представленій и мнѣній, которая также затрудняетъ неблагодарный трудъ рецензента. Противорѣчія, находимыя имъ у Балтійскихъ Славянъ, имѣютъ не объективное, а чисто субъективное значеніе. Онъ дѣйствительно служатъ разгадкою многихъ неспонятныхъ мѣстъ его книги; въ нихъ—ключъ къ *правильному пониманію древностей права Балтійскихъ Славянъ*, но не настоящихъ, а тѣхъ, которыхъ представилъ г. Котляревскій въ своемъ сочиненіи. Но пусть говорить за нась и противъ себя самъ авторъ.

Стр. 18.

«Географическое положеніе (территорія! Балтійскихъ Славянъ) вполнѣ благопріятствовало промышленности и торговлѣ; она занимала, такъ сказать, середину Европейского материка, соединяя югъ и западъ съ сѣверомъ; большія рѣки облегчали сообщеніе внутри ея, сосѣднее море открывало дальнѣйшій путь къ рынкамъ Да-ниа», и пр.

Стр. 24.

Славяне.... «принесли съ собою въ новое отечество и исконные, роковые политические недостатки: безответную привязанность къ старымъ порядкамъ вообще.... какую-то врожденную антипатію къ политическому разчету и предприятію. Эти недостатки, усиленные и развитые, быть можетъ, влияниемъ природныхъ условій (какихъ? отмѣченныхъ ли на стр. 16-й, или на стр. 18-й?), отозвались на ходѣ исторіи Балтійскихъ Славянъ. Несмотря на смирующую потребность... они, какъ были, такъ до конца и остались въ язвочествѣ (sic!).... Задачи времени не были ими сознаны. Отвергнувъ христианство и форму государственной жизни, Балтійские Славяне оказались безъ корысти въ настоящемъ» и пр.

Стр. 16.

«Огромные лѣса, непроходимыя пущи и болота тянулись и по окраинамъ, и внутри страны, сообщая ей характеръ дикой заключенности, уединенія отъ сосѣдей (sic) и внутренняго разобщенія въ отдѣльныхъ частяхъ».

Стр. 27.

«Несправедливо, думаемъ, поступаютъ тѣ историки, которые противодѣйствіе Славянъ введенію христианства объясняютъ одною привязанностью ихъ къ старымъ, исконнымъ порядкамъ жизни, однимъ духомъ политической и религиозной застола. Эти причины (то-есть, исконные роковые недостатки, врожденная антипатія и пр.) были далеко не малыми причинами противодѣйствія» и пр.¹⁾.

¹⁾ Сравн. вышеприведенные разсужденія нашего автора объ обезземеленіи народа. Чѣмъ же тутъ состоятъ выводы?

Стр. 25.

«Выйди на дорогу истории воспитанными среди насилій, Славяне не могли уважать свободы и спокойствія сосѣдей: они платили тѣмъ же, чѣдъ получали¹⁾. Набѣги и грабежи стали обычными занятіемъ иссѣ жизни»...

Стр. 30.

«Постановленное среди такихъ тревожныхъ, раздражающихъ историческихъ обстоятельствъ, среди такой непрестанной супорной воинской обстановки, въ какихъ проходила жизнь Балтійскихъ Славянъ, оно (это племя) неминуемо должно заарубить и утратить мягкость нравовъ.... Въ тревогахъ воинскаго быта менеѣ возможно развитіе частной семейной жизни, чѣмъ общественной, менеѣ имютъ място мирныхъ занятій земледѣлія, чѣмъ сложнѣй добычи (то-есть, занятія?!), менеѣ признается способность мирною труда, чѣмъ способность вѣнчайшей силы, отвага и удача».

Стр. 38.

«Страстъ къ легкому пріобрѣтенію добычи и промысловая дѣятельность увлекали много силъ, но еще болѣе ихъ оставалось при исконныхъ занятіяхъ земледѣльцемъ».

Стр. 39.

«Изъ Гельмольда видно, что Балтійские Славяне имѣли не только обработанные поля, но и считались народомъ преимущественно земледѣльческимъ».

Стр. 40.

«Должно признать, что земледѣльческія занятія Балтійскихъ Славянъ имѣли не только широкое распространение, но и были главными, господствующими занятіями».

Стр. 31 — 32.

«По нѣкоторымъ мѣстамъ, а также среди лѣсовъ, пущей и топкіхъ болотъ населеніе жило разрозненно, отдельными поселками и хуторами, въ болѣнныхъ непрочныхъ хижинахъ. Такой образъ жизни прямо вытекалъ изъ тревожныхъ историческихъ обстоятельствъ времени; расточенные и залуганные вторженіемъ враговъ и войнами, обитатели или садились врозь, укрываясь по безошибнымъ, уединеннымъ и мало доступнымъ пристанищамъ и основывали свои обиталища. Чѣмъ болѣе извѣстный край подвергался тревогамъ войны, тѣмъ шире въ немъ должна была быть распространена форма розничной осѣдлости».

Лѣса были огромные, пущи непроходимыя, а болота тянулись и по окраинамъ, и внутри страны (см. стр. 16). Набѣги, грабежи, даже занятія случайной добычи были постоянныя. Можно бы, кажется, ожидать, что эта форма розничной осѣдлости была очень распространена. Оказывается однако, изъ той же стр. 32, что

«....форма розничной осѣдлости» (Гельмольдъ, I, 88) «нельзя рассматривать, какъ господствующую норму осѣдлого общежитія Балтійскихъ Славянъ или какъ типическое выражение степени бытоваго развитія народа: она — явленіе случайное, вынужденное частными условіями исторической жизни, но не ко-

ренной необходимый фактъ народной культуры;.... господствующими родами сельского общежитія были села или деревни, то-есть, больше или мене обширными соединеніемъ различныхъ семій или родовъ».

Стр. 149.

Приведя слова Гельмольда (I, 83) о формѣ различной осѣдлости, авторъ продолжаетъ: «Это живое свидѣтельство современника какъ нельзя лучше раскрываетъ предъ нами картину той обстановки, среди которой суждено было жить и действовать семьи Балтійскіхъ Славянъ».

Стр. 38.

«Не всѣ села и деревни имѣли значительный объемъ; большинство, конечно, состояло изъ немногихъ дворовъ съ необходимыми службами».

Стр. 27.

«При такомъ положеніи (набѣгъ и грабѣжи) не только затруднялись, но и становились почти невозможны прочные успѣхи гражданственности и дальнѣйшаго развитія».

Стр. 59.

«Одна существенная черта народного характера, черта роковая, бывшая причиной гибели Балтійскихъ Славянъ, проходитъ чрезъ весь бытъ и всю ихъ исторію: это *безечность существованія*, умственная малоподвижность, *безечность о будущемъ*, какое-то инстинктивное отвращеніе отъ дальнѣго разчета, отъ привычки осматриваться и взвѣшивать свое положеніе и идти впередъ путемъ сознательныхъ дѣйствій къ твердо опредѣленной цѣли. Такой историческій порокъ обусловилъ другіе: бытовую консервативность и застой, неумѣніе жертвовать частными интересами — общему благу, наклонность къ мелкой приходской враждѣ и раздору»¹⁾.

Стр. 36.

«Съ течеіемъ времени интересы развивавшагося общежитія, промышленности и торговли произвели существенные измѣненія въ бытовомъ устройствѣ».

Стр. 40.

Въ отношеніи земледѣлія, огородничества, садоводства «народъ стоялъ нисколько не ниже прочей европейской культуры того времени»²⁾, и вопросъ о вліяніи славянскаго земледѣлія на пѣмецкій экономический бытъ все же не такъ страненъ, какъ онъ кажется кѣкоторымъ ученымъ германофиламъ».

Стр. 38.

«Забота о поддержкѣ мостовъ составила важную статью общественной администраціи».

Стр. 62.

«Забота о красотѣ храмовъ и кумирьевъ была одною изъ существенныхъ заботъ народа и составляла предметъ его гордости».

¹⁾ Это одинъ изъ обращиковъ пространныхъ разсужденій автора, отличающихся наборомъ словъ безъ внутренней логической связи. Въ бытовой консервативности, застой можно упрекать иногда и упрекаютъ Китай, Англію, до-Петровскую, Московскую Русь, въ наклонности къ приходской враждѣ, въ взаимѣ партократизма — древнихъ Грековъ, но развѣ тѣ и другіе отличались *безечностью о будущемъ* и пр.

²⁾ То-есть, не выдающая ассирийской, италіанской, арабской въ Сициліи и Испаніи, въ IX—XI вѣкѣ!

Стр. 151.

«Нигдѣ, кромѣ ихъ (Балтійскихъ Славянъ) мы не замѣчаемъ такого упадка силы, такой апатіи къ своему частному быту.»

Стр. 65.

Балтійские Славяне — «народъ хотя не чуждый вѣкоторой образованности, но все же близкій къ патріархальному времени и сравнительно съ сосѣдами на нѣсколько отколовъ опоздавшій въ историческомъ движеніи впередъ».

Стр. 53.

«Военное искусство стояло у нихъ (такъ мало занимавшихся грабежемъ и воинною) гораздо ниже, чѣмъ у ихъ сосѣдей, оно же имѣло никакой организаціи... ихъ образъ веденія войны (быть) очень не далекъ отъ искусства преобрѣтенныхъ временъ... (И не смотря на это, «покорить Славянъ завоеваніемъ было невозможно», стр. 26). Тактика ихъ годилась для внезапныхъ разбоевъ, для вѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, но оказывалась совершенно несостоятельной тамъ, югъ со стороны ерзовъ дѣйствовало яростливо организованное войско».

Стр. 150.

«Оскорблляемая, тѣсненная и иска-
жаемая исторіей, семейная жизнь
тратила энергию и впала въ состоя-
ніе застол, равнодушнаго ко вслѣдъ
стремленіямъ и заботамъ, кромѣ заботъ
о существованіи».

Стр. 151.

«Родъ распался въ семье, но новое
начало семейной жизни не создалось

Стр. 47.

«Все же... открывается и становится несомнѣннымъ существование обширной вѣнчаной торговли Поморскихъ Славянъ, простиравшейся далеко на востокъ и западъ».

Стр. 64.

«Допустимъ даже, что эти произве-
денія художественной архитектуры,
скульптуры и живописи были дѣломъ
рукъ и искусства чужеземныхъ худож-
никовъ (то-есть, христіанскіе европе-
йскіе художники, часто монахи, въ
Х—XII вѣкахъ работали по заказамъ
Славянскихъ изыщиковъ для языче-
скихъ храмовъ!!), все же — нельзѧ не
видѣть, что народъ, чувствовавшій по-
требность и умѣвшій цѣнить ихъ,
стоялъ не на тихой степени образо-
ванности».

Стр. 53.

«Въ осадномъ и оборонительномъ
искусствѣ нужда заставила Славянъ
усвоить иною усовершенствованія того
времени, имъ известны были осадные
постройки, разныя оборонительныя орудія,
метательные машины, фортифика-
ционныя укрѣпленія, потому ихъ кре-
пости и города выдерживали иногда
долговременные осады многочисленныхъ
непріятелей».

Стр. 87 — 88.

«Быть простаго народа — на сколько
онъ видѣнъ — вообще идеть въ направ-
леніи строго-моногамическаго: жен-
щина стоитъ уже гораздо выше посто-
женія рабыни, условливающаю полнам-
енію, она — лицо нравственно-признан-
ное, какъ матъ семьи и т. д.... семей-
ный союзъ является въ такомъ за-
ключеннѣи, крѣпкому видѣ, какой

(семья существуетъ, но безъ начала семейной жизни?); женщина осталась въ тѣхъ условіяхъ безправія, какъ и прежде: дочь по прежнему не имѣла никакихъ имущественныхъ правъ, и если получала часть имущества, то оно приходило ей не по праву, а по доброй волѣ отца или брата; жена—по прежнему была собственностю мужа и подлежала участіи имущественныхъ предметовъ; самая личность отца семьи не достигла полной самостоятельности, по крайней мѣре *въ имущественныхъ отношеніяхъ*.

Стр. 150.

«Семейный бытъ (у Балтійскихъ Славянъ) слагается изъ разнородныхъ, другъ съ другомъ не влажущихся и не соглашенныхъ началъ: на ряду съ мягкими, привѣтливыми чертами старой славянской природы и характера—порою выходятъ черты суровой первобытной грубости, на ряду съ случайно привившимися началами образованной жизни—дѣйствуютъ начала, порожденныя тяжелымъ историческимъ нуждой и одичавшемъ... (Да и фѣдь оно болѣе или менѣе такъ повсюду!). И никакой попытки соединить и привести *въ порядокъ эти нестройные элементы!*... Родовой союзъ давно распался: онъ него остались слабыя, едва замѣтныя черты; нормальною формою быта являются мелкія семьи... Казалось бы, жизнь должна была отразить въ себѣ это важное измененіе... Нѣтъ, *въ самомъ существенномъ оно проходитъ почти бесследно.* (Чѣмъ ужъ оно важно? И что же въ немъ самого существенного, если даже это измененіе родовой жизни *въ особную* не отразилось *въ жизни?*)... Распаденіе рода совершилось не вслѣдствіе внутреннаго развитія, не потому, чтобы личность *почувствовала стремленіе выйти изъ заключенныхъ, узкихъ условій совокупной родовой жизни — въ жизнь особную,* а

только можетъ быть при исключительномъ господствѣ моногамическаго начала и его порядковъ».

Стр. 95.

«Обычай (приданаго) даетъ такимъ образомъ значительное свидѣтельство о *некоторомъ нравственномъ положеніи женщины въ семье*, но еще не можетъ служить доказательствомъ ея *высокую нравственную положеніе*. (Да кто же его ищетъ въ IX—XI вѣкахъ).

Стр. 112.

«Въ племени со слабыми начатками государственной власти естественно предположить сильное развитие власти отцовской (например, Римляне?). Къ сожалѣнію, источники представляютъ очень мало данныхъ, способныхъ уяснить юридическое значеніе и пространство власти отца».

Стр. 98.

«Идея крѣпости семейного союза, вѣрности мужу была твердымъ нравственно юридическимъ правиломъ жизни».

Стр. 99.

«Цѣломудрие и вѣрность супружеству считались важнѣшими условиемъ и обязательствомъ семейного союза».

Стр. 101.

«Крѣпость семьи, обязанности супружескаго союза и ихъ нарушенія признавались, понимались и карались у нихъ одинаково строгимъ образомъ, какъ и у близкихъ къ нимъ Полаковъ и Чеховъ».

Стр. 108.

«Въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ для женщины не была закрыта возможность стать выше тѣсныхъ границъ, въ которыхъ замыкало ее строгое право. Какъ нерѣдко случается, жизнь, опредѣливъ законъ, уже давала женщины довольно широкія нравственные права: она могла стать лицомъ влиятельными, приобрѣсть дѣйствительную силу и

всѣдѣствіе историческихъ отношеній и обстоятельствъ, принявшихъ такое направлѣніе, что продолженіе родовой жизни становилось невозможнымъ¹⁾, тоесть, всѣдѣствіе причинъ вѣѣній (то-есть историческихъ отношеній и обстоятельствъ). Оттого, хотя размѣщеніе рода у Балтійскихъ Славянъ совершилось несравненно быстрѣ, чѣмъ у Поляковъ и Чеховъ, оно долгое время не приводить (значитъ—потомъ привело же) къ тѣмъ внутреннимъ послѣдствіямъ, которыхъ мы замѣчаемъ въ бытѣ послѣднихъ, — и которыхъ (послѣдствій) бывають обыкновенно и основной причиной и яности ялодома (послѣдствіями же—внутренними или вѣѣніями?) органическую, самостоятельную распаденіе родовой жизни. Упадокъ ея у другихъ Славянъ происходилъ въ тѣсной связи съ расширениемъ правъ семейной личности, и не только въ мужскомъ полѣ, но и въ женскомъ; жена или дочь въ особныхъ семьяхъ приобрѣтаютъ значение правыхъ членовъ, личность ихъ получаетъ большую или меньшую самостоятельность. У Балтійскихъ Славянъ этого не находимъ...».

Эти длинные извлечения достаточно, кажется, знакомить со степенью ясности и опредѣленности представленій и понятій автора

¹⁾ Откуда знаетъ все это авторъ? И отчего же личность не могла сознавать явившуюся невозможность продолжать родовую жизнь, и сознавая ее, не могла чувствовать стремленія выйти изъ жизни особную (sic)?

²⁾ Характеръ всѣхъ этихъ сужденій и способъ изложениія побуждаютъ меня, для внутренней полноты, отмѣтить кстати странную ошибку у автора. Въ «Древностяхъ права» слово свѣръ встречается всего четыре раза, да однажды въ книгѣ объ Оттонѣ Бамберскомъ, и постоянно съ *e*, а не *f*. Если это не ошибка наборщика, а самого автора, то какъ-то странна такая ошибка у по-сѣдователя Я. Гrimma.

пользоваться властью. Вмѣсто слабаго, зависимаго юридическаго лица, наскъ встрѣчаетъ здѣсь лицо, de facto гораздо болѣе правное, самостоятельное и свободное.

Стр. 108.

«Всѣ представленныя нами свидѣтельства о положеніи женщины у Балтійскихъ Славянъ относятся къ лицамъ высшаго сословія. Чѣмъ было у простаго народа—не известно (см. стр. 87—88); но вѣтъ никакихъ оснований полагать, чтобы въ этой свѣрѣ (sic!) право не сдѣлало никакихъ уступокъ и осталось бы не смягченными тѣмъ же чувствомъ еемѣнаго уваженія къ женѣ и матери».

Стр. 115.

Женщины «вовсе не стояли такъ низко и пользовались въ некоторыхъ отношеніяхъ довольно значительнымъ признаніемъ».

Стр. 111.

Указывается въ періодъ X—XII вѣковъ распространеніе «болѣе твердыхъ и человѣчественныхъ понятій о семейной жизни и ея необходимыхъ условіяхъ».

Стр. 124.

«Чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ яснѣе становятся человѣчественные отношенія дѣтей къ родителямъ, отношенія, столь опредѣленно и ярко за- свидѣтельствованыя Гельмольдомъ».

о древностахъ права Балтійскихъ Славянъ. Г. Котляревскій замѣтаетъ (стр. 223, прим. 33) про изслѣдованія Квандта: „Онъ содергать въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но къ сожалѣнію, страдаютъ отъ очень запутанного и неяснаго изложенія“. Рецензенту г. Котляревскаго едва ли удастся найти въ его сочиненіи много вѣрныхъ оригиналныхъ замѣчаній, и едва ли позволительно недостатокъ ясности въ его книгѣ приписать одному только изложенію или неудачному расположению материала. Приведенные отрывки изъ сочиненія г. Котляревскаго указываютъ, конечно, на недостатокъ въ немъ литературной отдѣлки, пе-рѣдко встрѣчаемый и ученыхъ самыхъ почтенныхъ. Впрочемъ, труды послѣднихъ чаще страдаютъ сухостью изложенія, чрезмѣрною краткостью, а не утомительнымъ многословiemъ, не наборомъ словъ, не разведеніемъ какой нибудь самой простой мысли или подобія ея разными ненужными описаніями. Истинные и строгіе ученыe всего менѣе позволяютъ себѣ вдаваться въ подробнѣ объясненія предметовъ, о коихъ они еще не составили себѣ вѣрныхъ и точныхъ представлений, не допускающихъ противорѣчій и явнаго смыщенія понятій. Г. Котляревскій говорить (стр. 4), что стремился обработать избранный имъ предметъ въ направлениі и по образцу труда Я. Гримма: „Deutsche Rechtsalterthümer“. Онъ даже совѣтуетъ другимъ пройти эту „превосходную, трезвую школу“. Мы знакомы съ классическими тру-домъ великаго германіста, очень внимательно изучили „Древности права Балтійскихъ Славянъ“ и должны признаться, что не можемъ не пожелать русской наукѣ учениковъ Гримма, болѣе проникнутыхъ духомъ учителя, болѣе старательныхъ и умѣлыхъ въ подражаніи ему, наконецъ болѣе научно подготовленныхъ къ предпринимаемымъ ими трудамъ, болѣе скромныхъ и яснѣе понимающихъ свои силы. Обширные извлечения изъ разныхъ мѣстъ книги г. Котляревскаго достаточно, надѣемся, показываютъ, что особеною глубиною мысли и силою діалектики онъ не обладаетъ. Мы за это и не упрекаемъ его, но только жалѣемъ, что онъ, забывъ свой образецъ—столь многодер-жательный и въ высшей степени сжатыя „Нѣмецкія древности права“, безъ всякой надобности такъ любить пускаться въ пространныи и бесполезныи мудрствованія, самъ запутывается въ нихъ и безъ нужды отымаеть между тѣмъ время у читателя, ничего ими не сообщая ему, кромѣ скуки, порою смыляемой улыбкою сожалѣнія. Эти выписки во-обще обличаютъ въ нашемъ авторѣ слабур историко-филологическую подготовку. Безспорно, г. Котляревскій трудолюбивъ и кропотливъ. Онъ очень много читалъ, особенно археологическихъ изысканій. При

извѣстной вѣшней бойкости, онъ забросаеть любого ученаго разными мелочными свѣдѣніями, преимущественно по литературѣ предмета, библиографіи. Но онъ не умѣеть критически относиться къ прочитаннымъ имъ книгамъ и изслѣдованіямъ. Примѣръ этому—минѣнія его о Латамъ, Боллѣ... При массѣ своихъ свѣдѣній, г. Котляревскій поражаетъ иногда самыми грубыми ошибками и промахами, которые—*sit venia verbo*—неизвинительны даже юношамъ-филологамъ. Разными замѣтками и выводами своими онъ обличаетъ странную незрѣлость своихъ критическихъ пріемовъ въ обращеніи съ источниками.

Къ такимъ ошибкамъ и промахамъ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не отнести какъ вышеуказанные, такъ и слѣдующія странности, не понятныя въ ученомъ трудаѣ, авторъ котораго съ приличною важностью разсуждаетъ о задачахъ нисшей и высшей критики (стр. 3):

Стр. 139. „Въ 817 г., по извѣстію Энгарда, Обориты и князь ихъ Славомиръ отпали отъ Германской имперіи“.

Стр. 139. „По смерти Славомира княземъ остался Чедрагъ. Въ 826 г. къ Карлу Великому явились послы Оборитовъ съ жалобой на своего князя“.

Здѣсь годы помѣчены авторомъ настоящіе. Опечатками этихъ ошибокъ извинять нельзя. Что авторъ имѣетъ самыя темныя представленія о средневѣковой Римской имперіи Франковъ и Нѣмцевъ, это видно еще изъ столь же странной ошибки его, которою онъ называетъ свой биографическій очеркъ Оттона Бамбергскаго († 1139): „Въ исторіи послѣднѣхъ временъ Нѣмецкой имперіи мы встрѣчаемъ одно имя... Мы говоримъ объ Оттонѣ Бамбергскомъ“. (Книга о древн. и ист. Поморскихъ Славянъ, стр. 1).

Во всемъ сочиненіи авторъ нашъ вообще избѣгаетъ точныхъ хронологическихъ и историческихъ указаний; кроме сейчасъ приведенныхъ данныхъ, мы встрѣтили еще одно историческое замѣчаніе, также не отличающееся особенной точностью—на стр. 26, въ прим. 35: „Нѣкоторые (Нѣмецкіе императоры), какъ напримѣръ, Оттонъ II и Конрадъ (какой?), приходили даже къ *решенію всесъестребитъ родъ сѣверныхъ язычниковъ*, что было въ духѣ времени и національного характера, но не въ духѣ благоразумія и удобоисполнимости“. Во все свое царствованіе (973—983 гг.) императоръ Оттонъ II не имѣлъ никакого дѣла съ Полабскими или Балтійскими Славянами, такъ какъ они все это время держали себя тихо, слушались нѣмецкихъ свѣтскихъ и духовныхъ начальствъ, понасаженныхъ имъ королемъ и императоромъ Оттономъ I, который и самъ лично, и черезъ маркграфовъ воевалъ съ Славянами,

стремясь ихъ покорить и обратить въ христіанство. Точно также и относительно Оттона III (983—1002 гг.), равно какъ Конрада II Саліца (1024—1039 гг.) и Конрада III Гогенштауфена (1137—1152 гг.) нѣть никакихъ свѣдѣній объ извѣстныхъ откуда-то автору рѣшеніяхъ ихъ истребить Славянъ Балтійскихъ. Вѣроятно, авторъ, приводя это примѣчаніе, дурно припомнилъ себѣ встрѣченныя имъ въ какой-нибудь книгѣ указанія на извѣстное письмо Оттона I изъ Капуи, отъ 968 г., по поводу восстания Ратарей— „totis viribus instate, ut *in destructione eorum finem operi imponatis*“ (Wid. I. III, 70. Шк. изд. стр. 101), на буллу папы Евгентія III (1145—1153 гг.) и на посланіе Бернарда Клервальскаго (1147 г.) о крестовомъ походѣ на Славянъ, съ обычными клерикально-канцелярскими выраженіями Римской курии (*ad delendas penitutus aut certe convertendas nationes illas*), въ царствованіе Конрада III; г. Котляревскій смѣшалъ годы и обстоятельства и приписалъ умныи Нѣмецкіи императорамъ неизѣное намѣреніе истребить родъ сѣверныхъ язычниковъ. Присвоеніе такого намѣренія этимъ императорамъ тѣмъ страннѣе со стороны нашего автора, что онъ, какъ увидимъ, насчитываетъ своихъ Балтійскихъ Славянъ не менѣе, можетъ быть, двухъ или трехъ миллионовъ.

Стр. 29. „На югѣ и западѣ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго—выступаютъ отдѣльные средоточія мѣстныхъ силъ, отдѣльные государства, на сѣверѣ укрѣпляется Данія, на востокѣ — Польша. Для всѣхъ ихъ одинаково важенъ славянскій вопросъ, одинаково видна необходимость положить ему немедленное рѣшеніе. Борьба принимаетъ постоянный и ожесточенный характеръ, когда среди нея мирно водворяется нѣмецкое христіанство. Оно рѣшаетъ побѣду, не рѣшенную оружиемъ“. Чьимъ оружиемъ — Даніи, Польши, или отдѣльныхъ средоточій, то-есть, отдѣльныхъ государствъ, выступившихъ на югѣ и западѣ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго? И какая внутренняя и внѣшняя связь между укрѣпленіемъ Польши и распадениемъ монархіи Карла Великаго? Она распадается впервые въ 843 г., и послѣ кратковременного возстановленія при Карлѣ Толстомъ, окончательно въ 888 году. Первое же историческое извѣстіе о Польшѣ относится приблизительно къ 963 г., ко времени образования Римско-Нѣмецкой имперіи. А объ укрѣпленіи Польши, особенно въ отношеніи къ имперіи, до смерти Мечислава († 992 г.) и до вступленія Болеслава Храброго—ничего и толковать. Авторъ говоритъ о нѣмецкомъ христіанствѣ, а куда же дѣвалась у него Германія? Не подразумѣваетъ ли онъ ее подъ государствами, выступившими на югѣ и западѣ съ распаде-

ніемъ монархіи Карла Великаго? Это христіанство утверждалось у Балтійскихъ Славянъ два раза, въ X вѣкѣ и потомъ въ XII вѣкѣ, ужъ окончательно. Судя по слѣдующимъ затѣмъ словамъ, авторъ разумѣлъ тутъ XII вѣкѣ, а судя по предыдущимъ — X вѣкѣ. Историческія события въ Романо-Германскомъ мірѣ и въ сѣверо-западныхъ земляхъ Славянскихъ IX—XII вѣковъ какъ-бы сливаются у автора въ туманное пятно, и онъ смѣшиваетъ и спутываетъ разнообразныя политическія явленія и цѣлыхъ столѣтій.

По разработанности предмета авторъ обыкновенно имѣть дѣло съ отдельными мѣстами и показаніями источниковъ, которыхъ толковались и разяснялись, приводились въ подлинникѣ и переводахъ во многихъ книгахъ и изслѣдованіяхъ. Но иногда, должно быть изъ желанія расширить кругъ данныхъ, авторъ устремляетъ свой взоръ на мѣста источниковъ, по видимому, не привлекавшія на себя съ этой стороны вниманія ученыхъ. Я могу указать на двѣ такія попытки автора:

Стр. 39. „Изъ хроники Гельмольда видно, что Балтійские Славяне не только имѣли обработанныя поля, но и считались народомъ преимущественно земледѣльческимъ“. При этомъ авторъ приводить много цитатъ въ примѣчаніи 67 — изъ Гельмольда, изъ грамотъ и ссылается на сочиненіе Билова: *Geschichtliche Entwicklung d. Abgabenverhaltuisse in Pommern u. Rugen*. 1843. Все это очень хорошо, но въ числѣ цитатъ изъ Гельмольда одна поражаетъ своею оригинальностью. По крайности мнѣ никогда не случалось нигдѣ видѣть ссылокъ на это мѣсто Гельмольда въ доказательство того, что „Славяне считались народомъ преимущественно земледѣльческимъ“. Впрочемъ, я не смѣю настаивать на новизнѣ и оригинальности этой цитаты. Очень можетъ быть, что и до г. Котляревскаго бывали ученые, которые такимъ же образомъ, какъ и онъ, объясняли себѣ слѣдующее мѣсто Гельмольда: (*Henricus*) „*precepit Sclavorum populo, ut coleret vir agrum suum et exegceret laborem utilem*“ (I. I, 34). Разказавъ о смерти Крута, убитаго съ помощью жены его Славинѣ княземъ Славанъ Генрихомъ, сыномъ Готшалка, Гельмольдъ говорить затѣмъ о дружественныхъ отношеніяхъ, которыхъ теперь, благодаря Генриху, завязались у Нордалбингскихъ Саксовъ съ пограничными Славянами. И вотъ восточные Славяне, узнавъ, что появился между ними князь *qui dicat subiacendum christianis legibus et tributa principibus solvenda*, вознегодовали и рѣшились воевать съ нимъ. Генрихъ собралъ войско изъ Саксовъ и пошелъ на Полабцевъ (in

terram Polaborum). Славяне были разбиты и стали подвластными Генриху. Precepitque Sclavorum populo, ut coleret vir agrum suum et exerceceret laborem utilem et commodum, extirpavitque latrunculos et viros desertores de terra. И стали съ того времени Нордальбинги спокойно предаваться мирнымъ занятиямъ.—Такимъ образомъ эта цитата изъ Гельмольда свидѣтельствуетъ совершенно противное тому, чтѣ думаетъ видѣть въ ней нашъ авторъ: именно Полабцы представлялись Гельмольду преимущественно разбойниками, грабителями, которыхъ только другъ Нѣмцевъ и христіанинъ, полуонѣмеченный Славянскій князь Генрихъ, уже въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ, наставилъ, научить заниматься земледѣліемъ, то есть, почти на глазахъ Гельмольда (род. въ первой половинѣ XII вѣка). Я не хочу этимъ сказать, что слова Гельмольда должны быть принимаемы „въ строку“: слова его, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ (чтѣ часто бываетъ въ средневѣковыхъ источникахъ), суть ничто иное, какъ просто на просто фраза, риторический оборотъ, или готовое библейское выраженіе въ родѣ: „loci horroris et vastae solitudinis“, „innumerabiles quasi arena maris“.

Еще, быть можетъ, любопытнѣе слѣдующее толкованіе г. Котляревскаго на одно мѣсто изъ Эбонова житія Оттона Бамбергскаго. Это толкованіе находится на одной изъ восьми страницъ, пространно передающихъ, въ подлинникѣ и переводѣ, извѣстныя свидѣтельства современниковъ о гостепріимствѣ у Балтійскихъ Славянъ и объясненіе автора о настоящихъ основаніяхъ этого обычая.

Стр. 128. „Приведемъ наконецъ еще одно свидѣтельство, которое хотя и не говорить прямо о гостепріимствѣ, но очень важно для объясненія этого обычая. Когда монахъ Вернгардъ явился на проповѣдь въ г. Волынъ, жители, принявъ его за обманщика, требовали, чтобы онъ удалился. На настоянія его жрецы и старѣшины составили совѣтъ и рѣшили, что это человѣкъ безумный, слушать его не годится, но не слѣдуетъ также и предать его смерти: онъ бѣдный странникъ, а убийство странниковъ, какъ дознано опытомъ, не проходить безъ возмездія, навлекаетъ бѣдствія. Этому обстоятельству Вернгардъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ:

„Non expedit nobis peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pruzenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicanter, occiderunt, et ex eo ombis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substancia eorum ad nichil redacta est“.

„Для насъ рѣшительно все равно—такъ или иначе говорила Волын-

ская скончка, одно не подлежит сомнению, что страннический характер Бернарда былъ ею спасеніемъ; благодаря этому же странническому характеру Войтиха, Поморяне особенно уважали память его⁶.

Намъ не случалось нигдѣ читать такое объясненіе этого мѣста Эбонова житія Оттона Бамбергскаго. Судя по всему, это должно быть собственное, оригинальное объясненіе г. Котляревскаго. Оно для насъ поэтому и дорого и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Эбонъ разказываетъ, что Испанецъ Бернардъ рѣшился проповѣдывать христианство у Поморянъ язычниковъ. Явившись къ Польскому князю Болеславу III, онъ былъ почтено принять имъ, какъ рабъ Божій. Онъ объявилъ князю о своемъ намѣреніи. Князь Польскій, конечно знаяшій Поморянъ, ихъ нравы и обычай лучше Бернарда, Оттона Бамбергскаго и его жизнеописателей, отвѣчалъ, по словамъ Эбонова житія, весьма правдоподобнымъ въ этомъ случаѣ, что люди эти столь суровы, что они скорѣе умертвятъ его, чѣмъ примутъ отъ него крещеніе. Послѣ объясненій Бернарда, что онъ съ радостью приметъ мученическую смерть, князь Болеславъ далъ ему переводчика и проводника. Бернардъ явился въ городъ Волынь — *despecto habitu et nudis pedibus* — и началъ „сѣять сѣмена вѣры“ — черезъ переводчика. *Cives* — обыватели, народъ — *ex ipso eum habitu despicientes* — спрашиваютъ, кто онъ и кѣмъ посланъ. На замѣчаніе его, что онъ посланъ Богомъ, дабы обратить ихъ на путь истины, они вознегодовали — *indignati*. „Какъ можемъ мы повѣрить, чтобы ты былъ вѣстникомъ Божіимъ? Богъ славенъ и богатъ, а ты такъ ничтоженъ и бѣденъ, что не могъ себѣ добить даже башмаковъ — *sunt ille gloriosus sit et omnibus diviciis plenus, tu vero despicibilis et tante paupertatis, ut nec calciamenta habere possis*. Мы не примемъ тебя и не станемъ слушать. *Non recipiemus te nec audiemus*. Вышній Богъ никогда не прислалъ бы къ намъ такого отверженаго посла; если онъ по истинѣ желаетъ нашего обращенія, то посыпти насъ черезъ способнаго и достойнаго его власти слугу. Если же ты хочешь сберечь свою жизнь, то скорѣе убирайся во-свои и въ обиду вышнему Богу не выдавай себя за его посланника, ибо ты пришелъ сюда только для облегченія своей нищеты. *Summus enim Deus nunquam tam abiectum nobis legatum dirigeret.... Quia pro sola tue mendicitatis inopia relevanda huc migrasti*“. Тогда, разчитывая ли на чудо, или на явную нелѣпость своего предложенія, театрально-восторженный Испанецъ предложилъ имъ поджечь какой-нибудь старый развалившійся домъ и бросить его, Бернарда, въ пламя. Потолковавъ между собою, жрецы и старшины народные (за-

cerdotes et seniores plebis) рѣшили, что это человѣкъ сумасшедшій и отчаянныи, и что, удрученный крайнею бѣдностью, онъ ищетъ смерти: „Увлекал насть своею краснорѣчию влобюю (*argutissimosa perciencia*), онъ хотеть отмстить намъ за свое удаленіе, чтобы самому не умереть безъ нашей гибели, ибо поджогъ одного дома необходимо повлечеть за собою пожаръ въ цѣломъ городѣ. Надо намъ остеречься, не слушать человѣка сумасброднаго. Но не слѣдуетъ и убивать босоногаго иноземца“ и т. д. Иламенъ ли желаніемъ мученичества, или надѣясь разразить толпу своею смѣлостью, Бернардъ началъ рубить топоромъ какой-то священный столбъ, и язычники бросились на него, и жестоко избивъ, оставили полумертваго... Постѣ этого Бернардъ, собравшися съ духомъ, снова началъ проповѣдывать народу. Жрецы, силу выхвативъ его изъ толпы, увели его вмѣтъ съ капланомъ и переводчикомъ на корабль и сказали: „Если ужъ у тебя такая охота проповѣдывать, то проповѣдуй рыбамъ морскимъ и птицамъ небеснымъ и берегись приходить въ нашу землю, ибо никто до единаго тебѣ не примѣтъ“ ¹⁾.

Этотъ разказъ Эбона въ высшей степени драгоцененъ, только вовсе не въ томъ отношеніи, какъ полагаетъ г. Котляревскій. Тутъ также, какъ и въ житіяхъ св. Адальберта, да и Оттона Бамбергскаго, весьма живо и наглядно раскрывается—какими скудными и жалкими часто до съѣшнаго миссіонерскими силами, какою беспособностью къ настоящей христіанской проповѣди и апостольству отличалась тогдашняя Романо-Германская Европа (X—XII вѣковъ), особенно же Германская, съ ограниченностью и грубостью своихъ христіанскихъ чувствъ и возврѣній. Жизнеописатель Оттона Бамбергскаго наивно передаетъ весьма правдоподобныя обстоятельства, ни на минуту не подозрѣвая, сколько комического и мелечного заключалось въ этомъ напускномъ донкихотствѣ Вернарда (какъ и Войтѣха), сколько сердечной жесткости и грубости, совершенно не христіанской, было въ желаніи Вернарда (и Войтѣха) называть простымъ грубымъ людямъ грѣхъ смертоубийства, соблазнить ихъ на злодѣяніе, для удовлетворенія тщеславнаго желанія прослыть мученикомъ и личнаго каприза избавиться, только не собственоручно, отъ постылой и надоѣвшей жизни ²⁾). Для г. Котляревскаго, по слѣдамъ

¹⁾ *Jaffe*, Bibl. V, 615—619.

²⁾ Григорій Богословъ говорить: «Законъ нашъ повелѣваетъ бѣдствовать за истину, когда потребуютъ обстоятельства, и не измѣнять благочестію изъ

новѣйшихъ учёныхъ нѣмецкихъ напыщенно расписзывающаго подвиги Оттона Бамбергскаго, и ставища его на ходули, этотъ разказъ Эбона о Бернардѣ, могъ бы быть очень полезенъ. Бернардъ своими рассказами и советами произвелъ сильное впечатлѣніе на Оттона¹). Послѣ всѣхъ своихъ проказъ и величияхъ выходокъ, такъ еще благополучно отѣлывшись, Бернардъ ругалъ Поморинъ, честилъ ихъ *смоками* (*Animales sunt... ib.*). Онъсовѣтовалъ Оттону одѣваться у Поморинъ попарандѣи и жить побогаче. Въ обѣихъ, очень мало плодотворныхъ для христіанства, ноѣздахъ разсудительного и самоувѣренного Нѣмца по Поморью комическій элементъ простирается довольно вразумительно, хотя и съ другими оттѣнками, чѣмъ въ совершенно бесполезныхъ мистическихъ театрального и неблагороднаго Испанца или надломленнаго, нигдѣ себѣ не находящаго мѣста, полуонѣмеченнаго Чеха. Мы не отрицаемъ великой важности этого мѣста о Бернардѣ, но не можемъ согласиться съ почтѣннымъ наимѣніемъ авторомъ, будто бы оно важно, какъ подтвержденіе имъ новое доказательство въ пользу его или собственно привнесенного имъ предположенія о томъ, что гостепримство оправдалось, такъ сказать, на *имени съ переодѣваніемъ*. Г. Котляревскій (стр. 131), ссылаясь на Гриммову „Миѳологію“, на „Илью Муромца“ г. Миллера, повторяетъ домыслъ послѣднаго о томъ, что у древнихъ Русскихъ и вообще Славянъ было вѣрованіе, что боги, говоря словами нашего автора, нисходять на землю, посыпаютъ людей, награждаютъ добро и зло, переодѣваются для сего (какъ напримѣръ, Одинъ у Гримма) и принимаютъ „земной образъ перехожихъ странниковъ“.

Уже не для г. Котляревскаго, а вообще для нашихъ любителей миѳологіи, я позволю себѣ замѣтить, что наше время далеко ушло на пути критики противъ тѣхъ миѳологическихъ возврѣній, которыхъ держалась великая германистка. Да притомъ же геніальный и строгій филологъ нѣмецкій не былъ чуждъ, особенно въ области миѳологіи и исторической этиологии, самыхъ странныхъ—отчасти и для его времени— ошибокъ и увлечений. Сюда относится легкость, съ которой Гриммъ вдался въ обманъ, принявъ (1859 г.) за подлинное под-

робости, во тѣмъ и не вызывавшись, пока можно, на опасность, какъ страшась за свою душу, такъ щадя и тѣхъ, которые поворгаютъ настъ въ опасность». (Твор. Гр. Бог. М. 1851. I, 254).

¹⁾ Любопытно для характеристики Бернарда, что впослѣдствіи онъ сошалъ, что ходить у Поморинъ дурно одѣтыми и босоногими (Ebb. I. II, 1, 2).

дѣланное Цапертомъ яко-бы древне-нѣмецкое стихотвореніе съ упоминаніемъ таинственной *Тамбами*¹⁾, а также его совершенно ложная и не выдерживающая критики теорія о германізмѣ Готовъ и Даковъ. Сюда же надо отнести и довѣріе Я. Гримма къ глубокой древности и высокой важности, какъ источника обще-германской мифологіи—народныхъ сказаний, пѣсень древней и новой Эдды, изъ конкѣ—какъ теперь все бѣлье оказывается—однѣ, древнѣйшия, писаны по большей части едва ли ратѣ конца XII вѣка и до настъ дошли въ рукописи половины XIII вѣка, а другія, позднѣйшия—въ XV вѣкѣ, или даже какъ какія-которыя цѣлкомъ (*Hrafnagaldr Odhins*) или въ отрывкахъ (9 послѣднѣхъ строфъ въ *Sigurdrifumal*) сочинены или поддѣланы въ XVI и XVIII вѣкахъ²⁾. Если же смѣло и маловѣроятно предполагать, что древніе Нѣмцы сами додумались до антропоморфизма, то еще неѣролитическое такое предположеніе о язычествѣ Славянъ, которые ничтѣмъ не отличаются своего высшаго въ этомъ отношеніи развитія противъ Нѣмцевъ. У послѣднѣхъ, въ послѣднія времена республики и первыя времена имперіи Римской, отъ служенія массы Нѣмцевъ въ римскихъ легіонахъ и отъ продолжительныхъ стоянокъ римскихъ легіонеровъ между Нѣмцами, подъ неизвестными вѣнцемъ Римланъ и романизованныхъ Кельтовъ, могли еще и даже должны были распространяться разказы и представленія о боже-

¹⁾ Grimm, I. Klein. Schriften Berlin. 1871. B. V, 418 ff. Ст. *Нѣфѣ* въ *Haupt Ztschr. XIII* въ *Gervinus Gesch. d. deutsch. Dichtung.* Lpzg. 1871. B. I, 26).

²⁾ Maurer, K. Ueber die Ausdr. alterd. altnorw. und isländ. Sprache. München. 1867. SS. 24, 25, 29—31, 215—216. Wessen. Ueber die Eddalieder. Halle. 1871 (изъ Höphner und Zacher Ztsch. für die Phil.). Gervinus, Ibid. Ss. 72 ff. Вотъ прекрасныя и золотыя слова Гервинуса, которыхъ должны бы быть или разбиты, или приняты къ свѣдѣнію достоуважаемыи Ф. И. Буллаевымъ для исправленія разныхъ старыхъ грѣховъ и во избѣжаніе новыхъ со стороны *di minorum gentium* нашей отечественной мифологической учности: «Was seit dem (съ Я. Гримма) in der weiten Welt geschehen ist, diesen Bodensatz aufzuröhren, um in jedem Ammenmährchen Quellen des alten heidnischen Götterglaubens zu entdecken, das, in seiner grossen Masse, kann ein erster Mann kaum mit weniger Widerwillen aussuchen, als die Urkundensammlungen zu Justinus Kerner's Geisterscherei: Trug und Selbstbetrug verblandete da wie dort die Klügsten, der Wahns und Wahnsitz ward zu einer Mode, die Mode zu einem guten Geschäft und die sinnloseste Unkritik walte in einer Materie, die, in sich selbst entblösst von sicheren Kriterien, schwer controllirbar ist, und leider auch uncontrollirbar bleiben wird, weil kein planer Kopf unternehmen möchte, die Natur der Quellen dieser Forschung oder auch die Natur dieser blendenen und gebludeneten Forschung selber aufzudecken». Ss., 27—28.

ствахъ человѣкообразныхъ. Но если бы даже и положительно было известно, что языческое сознаніе Славянъ доработалось до антропоморфизма, — а это еще предстоитъ доказать нашимъ мисиологамъ, — то и всего этого будетъ мало для возможнаго принятія такого мудренаго объясненія основаній гостепріимства, какое предлагаешь г. Котляревскій. Прійдется еще доказать, что гостепріимства у Славянъ и другихъ народовъ не было до антропоморфического периода ихъ религіи. Святость домашняго очага, покровительство домашней святыни, домашнихъ фетишей, божковъ, пепатовъ и т. д.— всего этого слишкомъ достаточно для освященія гостепріимства; отсутствіе полиції, безопасности на дорогахъ, гостинницъ, скуча и однообразіе жизни, известная доля тщеславія и самохвалства, общая всѣмъ *варварамъ*, такъ мастерски замѣченная великимъ ихъ знатокомъ Прокопіемъ—*ἀλαζονεῖα*, природное добродушіе и проч.—все это поддерживало и охраняло обычай гостепріимства. Г. Котляревскій не только видѣтъ въ разказѣ Мартина Галла о гостепріимствѣ Циста древне-славянское языческое вѣрованіе въ переодѣваніе боговъ въ странниковъ,—хотя этотъ разказъ носитъ явные слѣды христіанскаго влиянія, но и въ разказѣ Эбона о Бернардѣ усмотрѣлъ очень важное свидѣтельство въ пользу того, что у древнихъ Славянъ Балтійскихъ было такое вѣрованіе. Я понимаю, что, вѣра въ свою догадку, можно еще отводить свидѣтельства и данныя, ее опровергающія. Но ссылаться на такія именно свидѣтельства, какъ на важныя доказательства въ ее пользу,—нѣсколько странно, по крайности, не менѣе, чѣмъ страны всѣ вышесказанныя противорѣчія въ книгѣ г. Котляревскаго. Это мѣсто Эбона можетъ быть важно или не важно. Не важно оно будетъ, если оно не вѣрно или неправдоподобно передаетъ случай и народныя возврѣнія. Тогда не зачѣмъ на него и ссылаться. Оно важно, если вѣрно ихъ воспроизводитъ. Чѣмъ жъ оно говорить? Народъ, обыватели Волыни, увидѣвъ Бернарда дурно одѣтаго, босоногаго, гонять его отъ себя прочь, какъ нищаго, какъ лѣтнага, какъ бездомнаго бродагу,—ибо, по ихъ понятіямъ, человѣкъ породочный босоногимъ, нищимъ быть не могъ¹). Когда онъ сталъ выдавать имъ себя за

¹) Вѣлевскій (Wstup kryi. str. 412—418) указалъ на сходство этого разказа М. Галла съ разказами Неннія (Hist. Briton. c. XXX—XXXIV) и Henr. Mon. Miracula S. Germani Boll. Jul. VII, p. 272, оба IX в., одинъ—858 г., другой—878 г. Впрочемъ и тутъ фантазія почтеннаго ученаго о Лехитѣхъ помѣшила ему правильно объяснить это сходство. Миѣ известна легенда о подобномъ же чудѣ св. Георгія въ одной старо-сербской рукописи; очевидно, легенда эта перенесена съ греческаго.

Божьяго посла, то они пригрозили ему смертью, если онъ по добру по здорову не отправится во свояси. Еслибъ у Поморянъ было живо въ то время хотя бы воспоминаніе о найденномъ нациими мифологами древне-славянскомъ вѣрованіи въ переодѣваніе боговъ въ странники, то Поморяне повѣрили бы Бернарду. Еслибъ у языческихъ Славянъ пришелецъ, иноземецъ-ницій былъ persona sacrosancta или даже grata, и если бы въ данномъ случаѣ выразилось, какъ полагаетъ г. Котляревскій, это возврѣніе Поморянъ, то они не сказали бы Бернарду: „Богъ славенъ и богатъ и не выберетъ въ свои послы такого нищаго и дармоѣда, какъ ты“. Далѣе видно изъ того же разсказа, что жизнь Бернарду спасаютъ отъ разъяреннаго народа жрецы и старѣшины, люди болѣе развиты и благоразумны, — отчасти изъ осторожной предусмотрительности, дабы не навлечь ищения Польскаго князя, который въ убіеніи этого босоногаго христіанина отыскалъ бы только новый поводъ къ раззорительному вторженію въ ихъ землю, отчасти просто изъ жалости къ этому смѣшному въ ихъ глазахъ сумасброду: „иноземецъ-ницій, не стоитъ руку на немъ морать, пусть себѣ разглагольствуетъ рыбамъ да птицамъ“.¹⁾ „Одно“, говоритъ г. Котляревскій, — „не подлежитъ сомнѣнію, что странническій характеръ Бернарда былъ его спасеніемъ; благодаря же этому странническому характеру Войтѣха, Поморяне особенно уважали память его“. Да развѣ чѣмъ-нибудь выразилось уваженіе Поморянъ къ лицу Бернарда? Одни хотятъ убить его, какъ безпутнаго трутна, бродягу; другіе, спасая его, выражаютъ къ нему насмѣшливое презрѣніе. И откуда взялъ нашъ авторъ, что странническій характеръ Войтѣха, убитаго въ исходѣ X вѣка Пруссами, въ его нелѣпой у нихъ миссіи, могъ быть извѣстенъ Поморянамъ, да еще въ XII вѣкѣ? Убійство или вообще смерть Войтѣха было важнымъ современнымъ происшествіемъ для многихъ Нѣмцевъ, Поляковъ, отчасти Чеховъ, но у Пруссовъ оно не могло не быть слу-
чаемъ неважнымъ, малозвѣстнымъ. Только ужъ послѣ того, какъ Поляки и Нѣмцы стали его такъ раздувать и приписывать ему дѣй-
ствительно незаслуженную важность, только узнавъ объ этомъ почита-
ніи Поляками убитаго гдѣ-то у нихъ Адальберта, Прусы могли
отчасти вспомнить, отчасти вачать толковать объ этомъ случаѣ. Но
конечно, потолковавъ немногого, позабыли и Прусы объ убитомъ у нихъ
Войтѣхѣ, который еще меньше Бернарда у Поморянъ, могъ произвести
на народъ сильное впечатлѣніе и оставить по себѣ добрую память^{1).}

¹⁾ О Войтѣхѣ см. въ соч. Успенскаго: Первая Славянскія монархіи. Съ

Поморяне же тутъ рѣшительно не при чёмъ. Они, конечно, не могли и слышать въ свое время о Войтѣхѣ, тѣмъ менѣе могли интересоваться имъ и уважать его память даже въ XII вѣкѣ. Самъ авторъ нашъ не принимаетъ буквально словъ Эбона, что будто бы жрецы говорили: „наши братья Прусы убили Войтѣха“ и т. д. Онъ самъ видѣть въ этомъ сочиненіе Эбона (Книга о древностяхъ, стр. 23, прим. 29). Тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что Поморяне особенно уважали (въ первой половинѣ XII вѣка) память Войтѣха, и притомъ благодаря его странническому характеру. При этомъ онъ ссылается на Эбона (II, 15). Но тутъ у Эбона сказано, что Оттонъ Бамбергскій поставилъ церковь въ Волынѣ „*sub honore sanctorum Adelberti et Winezlae*“, то-есть, Войтѣха и Вячеслава (Чешского), „*qui magne apud barbaros opinionis erant*“. Тутъ подъ варварами Эбонъ разумѣлъ вообще Славянъ—Поляковъ, Чеховъ. Считая Поморянь почти за одинъ народъ съ послѣдними, Оттонъ Бамбергскій нашелъ всего приличнѣе посвятить первый христіанскій храмъ у нихъ памяти этихъ святыхъ. Если тутъ подъ варварами Эбонъ разумѣлъ собственно однихъ Поморянь, то нельзя же ему вѣрить на слово, будто язычники Поморскіе чтили память этихъ святыхъ. На чѣмъ имъ они были? И откуда было знать о нихъ? Съ Чехами они не находились въ тѣсныхъ спопеніяхъ, а Поляковъ не терпѣли. Положимъ даже, что Поморяне дѣйствительно почитали этихъ святыхъ. Изъ чего же таکъ остроумно заключаетъ нашъ авторъ, что Поморяне (въ первой половинѣ XII вѣка) особенно уважали память Войтѣха, *благодаря сю странническому характеру*. Вѣдь они уважали (конечно, столько же, какъ и Войтѣха) и св. Вячеслава, который не имѣлъ *странническаго характера*, значить—уважали, если только уважали,—что нисколько не вѣроятно — не за это, а за что-нибудь другое. За это же нѣчто другое могли уважать и Войтѣха, опять таки, если уважали, чтѣдѣ впрочемъ ни мало не вѣроятно.

Да, любопытнѣй ходъ развитія иныхъ научныхъ предположеній и

удовольствіемъ указываю это сочиненіе молодаго автора, какъ доказательство, что славистика (по отдѣлу исторіи) не стоитъ у насъ въ Россіи такъ низко, чтобы каждое новое сочиненіе по этой части могло однимъ своимъ появленіемъ обезоруживать критику. Я уже не говорю о талантѣ, а даже въ отношеніи знакомства съ литературою предмета, книга г. Успенскаго не ниже книги г. Котляревскаго. Относительно уѣзжая обращается съ источниками она можетъ только выиграть отъ такого сопоставленія. Точно также и сочиненіе Гильфердинга о Славянахъ Балтійскихъ (М. 1855) должно быть поставлено—какъ прежде было уже сказано—значительно выше разыбаемаго сочиненія.

догадок! Я. Гриммъ сочинилъ разказы индійские, греческие и римские (изъ Метаморфозъ Овидія—о Филемонѣ и Балкидѣ, изъ басенъ Федра) о земныхъ странствованіяхъ боговъ Брамы и Вишну, Зевса, Посидона, Эрмеса, Меркурия и проч. и о гостепріимствѣ, изъ оказаниемъ людьми, — съ разказомъ скандинавскаго стихотворенія (Rigsmal XV вѣка) о богѣ Геймдалѣ, съ литовской сказкой о Перкунѣ, съ легендами о странствованіи Христа и апостоловъ, награждающими людей за гостепріимство. Не отстранивъ возможности допустить тутъ вліяніе классическихъ и христіанскихъ разказовъ на стихотворенія скандинавскія и на новѣйшія народныя сказки литовскія и польскія, Гриммъ уже пришелъ къ заключенію о распрострашенности у древнихъ Германцевъ и Литовцевъ вѣрованій въ схожденіе боговъ на землю въ человѣческомъ образѣ, въ очеловѣченіе божества, и усмотрѣть въ этомъ религіозномъ представлѣніи самое возвышенное освященіе гостепріимства. Г. Миллеръ прибавилъ къ этому указания на наши народныя легенды о странствованіи Христа и апостоловъ и на разказъ о каликахъ, исцѣляющихъ Илью Муромца. Наконецъ, г. Котляревскій, въ свою очередь, обогатилъ науку новыми данными и соображеніями, присовокупивъ сюда разказъ Мартина Галла о гостепріимствѣ Паста и важное свидѣтельство Эбона о спасеніи Бернarda и объ особенномъ уваженіи памяти Войтѣха у Поморянъ, благодаря ихъ странническому характеру. Поучительна исторія мнѣній разныхъ ученыхъ...

es ist ein gross Ergetzen,

Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht,
Und wie wir's dann zuletzt so heilig weit gebracht.

Не лишено удовольствия и сравнительное изученіе разныхъ мнѣній одного ученаго, хотя, признаться, и отнимаетъ много времени.

Владиміръ Ламанскій.

(Окончаніе следуетъ).

Критикъ западной философіи противъ позитивистовъ. Владимира Соловьева.
Москва 1874.

Наши философскія силы еще очень не многочисленны. Людей, серьезно занимающихся наукой, у насъ вообще немного, философски образованныхъ и способныхъ размышлять объ отвлеченныхъ вопросахъ

сахъ—еще менѣе. Скудость нашихъ силъ простирается до того, что въ университетахъ не вѣдь еще замѣщены философскія каѳедры. И при такомъ безлюдіи русская философія въ послѣдніе два года потеряла двухъ замѣчательныхъ своихъ представителей: о. Сидонскаго и Юриевича. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ друзья русской мысли должны встрѣтить появленіе молодаго и даровитаго философа, неожиданно и такъ кстати являющагося на помощь дѣлу науки.

Мы полагаемъ, что именно такого философа встрѣтили въ г. В. Соловьевѣ. Познакомившись съ его трудомъ, заглавіе котораго выписано выше, мы пришли къ убѣжденію, что онъ есть новая, молодая, но серьезная философская сила. Не заглядывая далеко въ будущее, можно съ увѣренностью сказать, что онъ имѣть вѣдь условія, чтобы быть полезнымъ у настѣн философскимъ дѣятелемъ. Съ большою философскою начитанностью, съ гибко развитымъ умомъ, имѣя только двадцать одинъ годъ позади, онъ вступаетъ въ общество и литературу, очевидно, при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Его диспутъ, и да позволено мнѣ будетъ нѣсколько приподнять покровъ официальной тайны, его экзаменъ на степень магистра философіи, происходившіе въ здѣшнемъ университетѣ, произвели самое выгодное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ на нихъ. Поэтому всѣ сочувствующіе успѣхамъ русскаго образованія и науки не могутъ не пожелать, чтобы столь хорошее начало имѣло и столь же хорошее продолженіе.

Сочиненіе г. Соловьева есть плодъ внимательнаго изученія философскихъ учений новаго времени и серьезной работы надъ глубокими и труднѣйшими философскими вопросами. Познакомимся прежде всего съ его содержаніемъ.

I.

Въ своемъ сочиненіи авторъ имѣлъ въ виду показать смыслъ, значеніе и послѣдніе результаты долгаго развитія западной философіи отъ начала схоластики до настоящаго времени.

Западная философія начинается раздвоеніемъ между личнымъ мышленіемъ, какъ разумомъ, и общенародной вѣрою, какъ авторитетомъ. Это отношеніе между знаніемъ и вѣрою въ своеіь развитія проходитъ логически и исторически три слѣдующіе момента: 1) Раздвоеніе между разумомъ и вѣрою сознается какъ фактъ, но такъ какъ авторитетъ вѣры признается непоколебимымъ, то является сознаніе ложности разума и необходимости подчинить его авторитету вѣры. 2) Раздвоеніе вызываетъ потребность примиренія авторитета и разума, ибо мышленіе разумно, следовательно, истинно, и не можетъ въ сущ-

ности противоречить истинѣ вѣры. Наконецъ, 8) такъ какъ за разумомъ въ предшествовавшемъ моментѣ признано уже всерѣшающее значение, то авторитетъ вѣры признается, по скольку онъ ему не противорѣчить,—по скольку же несогласенъ съ нимъ, полагается ложнымъ, такъ что остается *de jure*, а не *de facto*, какъ во второмъ моментѣ, одинъ всерѣшающій авторитетъ—личный разумъ. Г. Соловьевъ находить, что этого послѣдн资料го момента мысль достигла уже въ лицѣ Иоанна Эригена, а окончательно вѣра признана чѣмъ-то противоположнымъ разуму въ воззрѣніяхъ Вильгельма Оккама.

Не смотря на то, что содержаніе новой философіи другое, чѣмъ было у схоластической, первая унаследовала духъ, принципъ и направление отъ послѣдней. „Сущность той и другой (схоластики и новой философіи)—борьба самочинного разума, мыслящаго я, съ вѣшнимъ ему началомъ; въ схоластикѣ съ вѣшнимъ авторитетомъ церкви, съ вѣшнотою историческою, въ новой же философіи—съ вѣшнимъ бытіемъ природы, вѣшнотою физическою“ (квд., стр. VIII). Декартъ призналъ дѣйствительную множественность отдѣльныхъ вещей или субстанцій, раздѣливъ ихъ вообще на два рода—субстанціи мышленія и протяженія. Эта множественность была устранина понятіемъ единой сущности Спинозы, обладающей атрибутами мышленія и протяженія. Но Лейбніцу, не протяженіе есть первоначальное свойство матеріи, но такъ какъ всякий атомъ представляетъ сопротивленіе давленію, дѣятельная сила именно составляетъ основу того, чтѣ мы называемъ матеріей. Такая сила получила название монады. Система Лейбница утверждала самостоятельность и дѣйствительность познанія, какъ психического акта отдѣльныхъ монадъ, но его всеобщее значеніе оставляла еще сомнительными. „Выражая во всей силѣ и полной логической ясности моментъ множественности и самостоятельности отдѣльного частнаго бытія, Лейбницева философія для противоположнаго момента общей сущности представляетъ только геніальныя догадки и остроумныя метафоры, принадлежащія лично философу, но не переходящія въ общее достояніе философіи“ (XVIII).

Къ тому же выводу пришла, хотя съ другой точки зренія, англійская эмпірическая школа, отъ Бакона до Юма и новѣйшихъ его послѣдователей. Для Локка все содержаніе познанія заимствуется изъ вѣшнаго и внутренняго опыта; наши субъективныя состоянія суть только знаки вѣшнаго бытія. Но если мы знаемъ только о своихъ личныхъ состояніяхъ, то значитъ, все содержаніе вѣшнаго міра имѣть субъективный характеръ, и о вѣшнѣй причинѣ мы ничего

знатъ не можетъ; она для настъ не существуетъ. Тотъ фактъ, что многія представлениа не производятся собственной нашою дѣятельно-стю и не зависятъ отъ нашей воли, слѣдуетъ объяснять дѣйствиемъ на насъ безконечнаго или абсолютнаго духа. Такова точка зрѣнія Беркли. У него міръ познающаго субъекта соединенъ съ своимъ выш-нимъ абсолютнымъ началомъ лишь тонкою нитью закона причинности. Давидъ Юмъ порвалъ эту нить, и объективный міръ превратился въ случайную послѣдовательность представлений, а истинно-сущее при-знано неизвѣстнымъ *x* (введ., стр. XXIII).

Въ „Критикѣ чистаго разума“ Кантъ ставитъ вопросъ не о бытіи, а о познанії. Все нами познается въ извѣстныхъ формахъ и по извѣст-нымъ категоріямъ, имѣющимъ характеръ всеобщности и необходимости. Такъ какъ все существующее есть сущее для насъ, только по скольку нами познается, то о бытіи вѣкъ насъ мы ничего знать не можемъ; вещи сами въ себѣ недоступны познанію, онѣ суть для насъ неизвѣстное *x*. Категоріи, по Канту, суть ряды объединеній чувствен-наго материала въ сознаніи, и слѣдовательно, въ концѣ концовъ они-раются на сознаніе нашего я, названное имъ первоначальнымъ син-тетическимъ единствомъ самосознанія. Поэтому для послѣдователей философіи возникла задача указать—какимъ образомъ формы и ка-тегоріи могутъ быть выведены изъ сознанія. Съ другой стороны, *Ding an sich*, оставленная Кантомъ, какъ неизвѣстная причина ощущеній, заключала въ себѣ очевидное противорѣчіе. Она мыслится какъ иѣ-что реальное (существующее) и какъ причина, производящая въ насъ ощущеніе. Но категоріи реальности и причины, имѣющія законное примѣненіе лишь для нити явлений, опыта, къ вещамъ самой вѣкъ себѣ, находящейся вѣкъ опыта, примѣняться никакъ не могутъ. Фихте от-вергъ поэтому ее и не призналъ никакой самобытной сущности вѣкъ познающаго субъекта. Изъ первоначального единства самосознанія, какъ первичнаго творческаго акта, онъ пытался вывести, съ одной стороны познавательные формы вообще, съ другой, то, что мы назы-ваемъ бытіемъ, объективнымъ міромъ. У Шеллинга это я преврати-лось въ абсолютное существо, въ которомъ духъ и природа, позна-ніе и бытіе, идеальное и реальное тождественны, а у Гегеля—въ твор-ческое саморазвивающееся понятіе. Это было полное отождествленіе бытія съ познаніемъ, ибо вѣкъ послѣдняго не могло быть, по Гегелю, никакой сущей дѣйствительности.

Г. Соловьевъ слѣдить за тѣмъ, какъ односторонність Гегелевской системы вызвала на сцену эмпирізмъ, поведшій къ образованію такъ-

называемаго поэтизмама и разныхъ материалистическихъ системъ, и наконецъ, переходитъ въ направлению, которое въ лицѣ Гартмана привлекло къ себѣ почти всеобщее внимание. Оно имѣло свое начало въ учени Шопенгауера. Обѣ системы—и Гартмана, и Шопенгауера излагаются у г. Соловьевъа довольно подробно.

II.

Ученіе обоихъ философовъ имѣть точку опоры въ системѣ Канта. Шопенгауеръ принимаетъ взглядъ послѣдняго на познаніе. Для насъ существуетъ только то, что нами сознается, слѣдовательно, вѣшній міръ по стольку существуетъ, по скольку нами познается; *миръ есть наше представление*. Но несомнѣнно съ другой стороны, что міръ имѣть самобитную сущность независимо отъ нашего сознанія, значитъ, не есть *только наше представление*.

Въ учени о мірѣ, какъ представлениі, упомянутый философъ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія Канта, отличаясь отъ него только подробнѣостями. Онъ также, какъ и Кантъ, признаетъaprіорность формъ пространства и времени; причинность есть также особая функция разсудка, которая интуитивно соединяетъ обѣ противоположныя формы чувственнаго возврѣнія, такъ что изъ ихъ взаимнаго проникновенія возникаетъ для насъ объективная реальность.

Но въ опредѣленіи сущности міра, его содерянія, Шопенгауеръ отступаетъ отъ Канта. Міръ, какъ представлениѣ, не заключаетъ въ себѣ никакого подлиннаго содерянія и не есть сущее въ настоящемъ значеніи этого слова. Его мы и не найдемъ, если будемъ отыскивать во вѣшнемъ опытѣ; въ немъ сущее всегда будетъ казаться какимъ-то *нечѣвѣтнымъ x*, своего рода *carum mortuum*, остававшійся въ репортажѣ алхимиковъ вѣка возрожденія. Только во внутреннемъ опытѣ, явился себѣ не только представляющими, но и дѣйствующими, мы можемъ постигнуть сущее. Во внутреннемъ сознаніи нашей воли мы познаемъ непосредственно, эмпирически подлинную природу сущаго, то, что Кантъ называлъ *Ding an sich*. „Если такимъ образомъ только во внутреннемъ сознаніи дается намъ настоящая сущность, то, что не есть представлениѣ, то мы должны чрезъ самихъ себя понять и объяснить вѣшній міръ, а не наоборотъ—себя чрезъ вѣшній міръ“. *Міръ есть воля*.

Воля въ своей сущности самобитна, и слѣдовательно, свободна; но проявляясь, она необходимо подчиняется закону явлений, именно закону достаточнаго основанія; она условливается закономъ необхо-

димости. Съ другой стороны, она не имѣеть никакого основанія въ себя, она автономична и безусловно свободна. Она есть метафизическая сущность. Она всеедина и объемлетъ себою всѣ индивидуальныя существованія. Чѣмъ мы называемъ силами природы, въ сущности есть проявленіе міровой воли, и такимъ образомъ, неизвѣстное начало явленій становится намъ извѣстнымъ. Обыкновенное воззрѣніе признаетъ два совершенно отдѣльныхъ начала движения; некоторые движения, именно сознательныя дѣйствія человѣка, оно приписываетъ исключительно внутреннему началу воли, считаетъ ихъ произвольными, другія же, именно движения вещественнаго міра, оно столь же исключительно приписываетъ вѣнчаниемъ причинамъ, опредѣляющимъ ихъ съ безусловною необходимостію въ противоположность свободѣ первого рода движений. Шопенгауэръ, напротивъ того, утверждаетъ, что оба начала совмѣстно и нераздѣльно обуславливаютъ всякое движение, будь то паденіе камня или дѣйствіе человѣка, такъ что нѣтъ собственно двухъ отдѣльныхъ началъ движения, а только одно, лишь съ двухъ различныхъ сторонъ познаваемое (стр. 50). Множественность индивидуумовъ есть только явленіе; внутренняя же сущность всѣхъ ихъ тождественна.

Воля, какъ хотѣніе, должна имѣть предметъ, къ которому должна стремиться; но міровая воля не можетъ имѣть предмета въ себѣ; она можетъ хотѣть саму себѣ и въ этомъ смыслѣ есть Wille zum Leben. Такъ какъ всякое хотѣніе, по своей природѣ, есть неудовлетворительное стремленіе, то, безконечно утверждая свое существованіе, какъ хотѣніе, міровая воля безконечно утверждаетъ свое недовольство и есть такимъ образомъ безконечное страданіе; существовать значитъ страдать; всякое существо, отожествляющее свое бытіе съ другимъ, сочувствуетъ, сострадаетъ ему; состраданіе поэтому есть основа нравственности. Тотъ, кто постигъ призрачность индивидуальныхъ существованій и понялъ сущность бытія, вообще, тотъ по необходимости станетъ отрицать волю, ничтожность ея стремленій, отрицать міръ какъ область страданій; для него цѣль есть чистое ничто, Нирвана.

„Philosophie des Unbewussten“ Гартмана примыкаетъ къ учению Шопенгауера. Воля послѣднаго неопределенна; воля первого есть представляющая воля: ибо нѣтъ воли безъ представлѣнія, какъ это давно уже было замѣчено Аристотелемъ. Какъ всеобщее первоначало, эта воля находится за предѣлами личного сознанія; мы не имѣемъ о ней

ниакого сознания, посему она есть несознаваемая воля и несознаваемое представление вмѣстѣ взятых (das Unbewusste).

Въ наше мѣсто, какъ внутреннемѣсто, такъ и вѣнчанемѣсто, мы находимъ факты, которые своимъ существованіемъ предполагаютъ такое метафизическое начало и требуютъ его признанія. Гартманъ эмпирически изслѣдуетъ факты, которые, по его мнѣнію, находить себѣ естественное объясненіе въ признаніи такого постоянно дѣйствующаго первоначала. Вещественный міръ, атомы суть элементарные акты воли, опредѣленные представлениемъ, то-есть, этой всеобъемлющей и всеединой воли. Ея дѣйствія представляютъ рядъ восходящаго развитія отъ неорганической матеріи до высшихъ организмовъ и до человѣка. Исследуя цѣлую міру у него также является небытіе, ничто, какъ у Шопенгауера, то-есть, какъ въ началѣ бытія возникло изъ того, что воля изъ состоянія возможности (потенції) перешла въ состояніе дѣйствительности, та же и въ концѣ концовъ она снова должна возвратиться къ состоянію возможности, то-есть, небытію, ничто.

III.

Г. Соловьевъ переходитъ къ оцѣнкѣ западнаго философскаго разви-
тия и находитъ, что оно въ яркомъ видѣ представляетъ недостатки
разсудочнаго мышленія вообще. Разсудокъ разъединяетъ, разлагаетъ,
образуетъ отвлеченные понятія, утверждаетъ въ ихъ отдѣльности и
поэтому гипостазируетъ ихъ. Начиная съ сколастики до Гегеля и
Гартмана ~~включительно~~, форма разсудочной отвлеченности осталась
преобладающей въ философіи. Гипостазированіе понятій достигло у
Гегеля своего апогея. Онъ привналъ, по словамъ автора (стр. 68), дѣй-
ствительное бытіе только за понятіемъ самимъ по себѣ, и его кате-
горіи суть своего рода сколастическія entitates, universalia ut realia.
Шопенгауэръ также пришелъ къ предположенію воли, какъ абстракта,
не содержащаго въ себѣ ничего неопределенпаго. Онъ гипостазиро-
валъ ее, то-есть, уподобилъ конечной индивидуальной волѣ и олице-
творилъ ее. Хотя онъ говоритъ о метафизической волѣ, однако все,
приписываемое ей, имѣеть смыслъ въ отношеніи только къ ограниче-
нію воли отдѣльныхъ субъектовъ, хотяние которыхъ не можетъ имѣть
метафизическаго значенія. Авторъ (стр. 71) подробно развиваетъ
анализмы Шопенгауеровой философіи и приходитъ къ слѣдующимъ
результатамъ: Впервыхъ, Шопенгауэръ выводить умъ изъ абсолютно
неопределенной воли, и принужденный вслѣдствіе этого подразумѣ-
вать подъ нею множественность волящихъ индивидуумовъ, существую-

щихъ реально, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: индивидуальное бытіе призрачно, а между тѣмъ въ своемъ выведеніи онъ даетъ ему метафизическое значеніе. Во вторыхъ, этотъ философъ утверждаетъ, что воля страдаетъ, между тѣмъ какъ всеединая воляничѣмъ вѣшнимъ опредѣляться не можетъ, слѣдовательно—выходить, что она не можетъ страдать ни въ метафизическому, ни въ психическомъ смыслѣ. Втретьихъ, по Шопенгауеру страдающая воля отрицаетъ саму себя. Но воля, какъ такая, не можетъ перестать хотѣть, то есть, потерять свою собственную природу, и если это утвержденіе имѣть смыслъ, то только въ приложеніи къ индивидуумамъ, которые такимъ образомъ отрицаютъ свою первопричину и въ то же время суть ея видоизмѣненія, слѣдовательно, имѣть только призрачное значеніе.

Равнымъ образомъ авторъ находитъ алогізмы, то-есть, противорѣчія, и въ ученіи Гартмана. Рядомъ съ волей оѣь ставить представление какъ первоначальные факты въ единомъ существѣ, и значить къ одному гипостазированному понятію присоединять другое. Оба начала сами по себѣ неопределены, суть только возможности представлія и воли; тѣль не менѣе они изъ состоянія возможности переходить у него въ состояніе дѣйствительности, полагаютъ дѣйствительный міръ и затѣмъ посредствомъ міроваго процесса снова возвращаются въ прежнее состояніе возможности. Но такъ какъ чистая возможность, по собственному же признанію Гартмана, равняется чистому небытію, то слѣдовательно, чистое небытіе является у него, какъ нѣчто существующее и дѣйствующее.

Къ какимъ же окончательнымъ результатамъ пришло западное философское развитіе? Г. Соловьевъ опредѣляетъ ихъ по отношенію, впервыхъ, къ діалектиѣ или ученію о познаніи, во вторыхъ, къ метафизикѣ или ученію о сущемъ, и наконецъ втретьихъ, по отношенію къ идейѣ или долженствующему бытію.

1) Существуютъ три источника знанія: опытъ вѣнчайший, внутренний и разсужденіе или чисто логическое познаніе, которое не имѣть дѣла собственно съ дѣйствительностью, а утверждаетъ только извѣстные необходимыя условія или законы бытія. Оба эти рода познаній всегда соединены вмѣстѣ, хотя въ различной степени, и не существуютъ отдельно другъ отъ друга. Слѣдовательно, не можетъ быть ни чистой эмпиріи, ни чистаго умозрѣнія. Самъ по себѣ опытъ даетъ только факты, установленные мѣстомъ и временемъ; всеобщій законъ, долженствующій имѣть мѣсто во всѣхъ одинаковыхъ случаяхъ,

онъ дать не можетъ. Послѣдніе открываются только для разсуждения, то-есть, априорного мышленія. Итакъ, познаніе эмпирическое и логическое не только не противорѣчать другъ другу, но и необходимы одно для другаго, такъ какъ познаніе эмпирическое возможно только при логическихъ условіяхъ, а познаніе логическое дѣйствительно только при эмпирическомъ содержаніи.

Западная философія, по мнѣнію автора, исчерпала оба основные элементы познанія въ ихъ особенной исключительности: направление рационалистическое выводило все познаніе изъ общихъ понятій, эмпирическое—изъ опыта. Каждое направление проходитъ въ своемъ развитіи три слѣдующіе момента: Рационализмъ выражается въ догматической метафизикѣ Декарта, Спинозы и Лейбница съ Вольфомъ, въ критицизмѣ Канта и панлогизмѣ Гегеля; эмпиризмъ сначала (Баконъ, Гоббесъ) утверждаетъ, что въ эмпирическихъ данныхъ мы познаемъ подлинную природу сущаго, затѣмъ (Локкъ)—что вицѣшій опытъ есть единственный источникъ нашего знанія о мірѣ, и что никакихъ природенныхъ идей въ нась нѣть; наконецъ, (Милль)—что такъ какъ въ опыѣ мы не находимъ ни духа, ни тѣла и не можемъ за ними признать субстанціального значенія, дѣйствительно сущаго должно искать въ различныхъ состояніяхъ сознанія.

Надлежащій синтезъ логического и эмпирическаго элементовъ познанія данъ впервые въ философіи „бессознательнаго“ у Гартмана, у которого логика и эмпірія совершенно равноправны. Ея девизъ—умерительные результаты по индуктивной естественно-научной методѣ. Къ сожалѣнію, онъ недостаточно высказалъ принципъ истинно философскаго метода и его общія теоретическія основанія.

2) Оба одностороннія направления западной философіи однозаково отрицательно относятся къ метафизикѣ. Рационализмъ, вполнѣ отождествляющій бытіе съ познаніемъ, упраздняетъ ее какъ учение о сущемъ, и на мѣсто ея ставить ученіе о познаніи. Въ эмпіризмѣ она устраивается признаніемъ непознаваемости сущаго, какъ неизвѣстной причины явлений, или отрицаніемъ метафизической сущности. Если въ некоторыя изъ системъ этихъ направлений и допускаютъ метафизическую, то это потому, что они какъ-бы еще не вошли въ разумъ своихъ основныхъ началъ и находятся еще на бессознательныхъ ступеняхъ своего развитія. Тамъ поступали абстрактный спиритуализмъ (Декарта и Вольфа, демокты) и материалисты, обобщающіе свой эмпірическій объектъ (вещество), принисывая ему всеобщее и необходимое значеніе. Въ философіяхъ Гартмана и Шопенгауера, напротивъ, предко-

лагается, что мы въ нашемъ познаніи имѣемъ дѣло съ самобытно сущимъ, чѣмъ полагается возможность метафизики—что метафизическая сущность тожественна съ познающимъ нашимъ духомъ. Такая сущность опредѣляется у нихъ какъ *всесединъ* духъ, котораго наилѣпшъ духъ есть частное проявленіе или образъ, такъ что чрезъ нашъ внутренній опытъ мы можемъ получить дѣйствительное познаніе о метафизическому существѣ. Намъ остается доказать его дѣйствительно духовную природу, и для этой цѣли мы должны показать, что въ мірѣ нашего опыта, кромѣ цѣлесообразныхъ или разумныхъ дѣйствій, принадлежащихъ отдельнымъ частнымъ субъектамъ, есть еще другія общія цѣлесообразныя дѣйствія, принадлежащія, очевидно, общей метафизической сущности. Это, дѣйствительно, и доказано Гартманомъ.

3) Рационализмъ и эмпиризмъ, отрицаю метафизику, также отрицательно относятся и къ иенкѣ или практической философіи. Иенка есть ученіе о *долженствующемъ* бытии, то есть, скажемъ, она отрицаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи дѣйствительность и предполагаетъ нѣчто за ея предѣлами. Но такъ какъ оба вышеупомянутыя направления все сводятъ въ одной дѣйствительности, одно—къ логическому мышленію, другое—къ чувственному сознанію, то они должны отрицать долженствующее бытие. Такъ и дѣлаютъ Гегель и его школа; то же въ сущности выходитъ и въ утилитарной теоріи Милля; восстановивъ метафизику, Шопенгауэръ вовставляетъ и иенку. Основою нравственности онъ признаетъ непосредственное чувство состраданія, понимаемое имъ какъ отожествленіе субъектомъ своего существа съ существомъ другихъ; это чувство выражаетъ истинную природу сущаго, тогда какъ начало згоязма, какъ исключительное самоутвержденіе частныхъ существъ, выражаетъ неистинное; обманчивое бытіе. Вопросъ о послѣдней цѣли всякой дѣятельности или о высшемъ благѣ решается у Шопенгауера скѣдующимъ образомъ: бытіе по существу своему есть страданіе, высшее благо есть, скажемъ, не бытіе, и послѣдняя цѣль состоять въ уничтоженіи бытія чрезъ самоотрицаніе жизненнаго хотѣнія..

Гартманъ несогласенъ съ Шопенгауеромъ, чтобы послѣдня цѣль могла быть вообще достигаема отдельною особью: она достичима только для совокупности всего существующаго посредствомъ мѣроюю процесса. Высшее благо, послѣдняя цѣль жизни, не содержится въ предѣлахъ данной дѣйствительности, въ мірѣ конечной реальности, а напротивъ, достигается только чрезъ уничтоженіе этого міра. „Ясно, что разъ абсолютнымъ началомъ признанъ всесѣмъ, конкретный

духъ, полагающій всякую дѣйствительность, то необходимо признать, что все происходящее—мировой процессъ— есть проявленіе того же духа, а следовательно, и конецъ этого процесса, уничтоженіе существующаго міра въ его исключительной реальности — полагается необходимо тѣмъ же всеединымъ духомъ^{*}. Авторъ не соглашается съ Гартманомъ, что конецъ мірового процесса есть уничтоженіе *всего* сущаго: временнай міровой процессъ имѣть значеніе только для *каждущагося бытія*, для міра реальныхъ явлений; онъ думаетъ, что этотъ конецъ не можетъ быть *уничтоженіемъ* въ безусловномъ смыслѣ, а только *уничтоженіемъ исключительного самоутвержденія частнаго бытія*, не явлений вообще, а только явлений *вещественныхъ, механическихъ*. Послѣдняя цѣль всего есть такимъ образомъ не Нирвана, а напротивъ *апокатастасіс тау пантону*, царство духовъ какъ проявленіе всеединаго^{**}.

Окончательные результаты своей критики философскихъ западныхъ учений, авторъ скжато излагаетъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ (стр. 124):

*1) По логикѣ или учению о познаніи: признаніе односторонности и потому неистинности обоихъ направлений философскаго познанія на западѣ, а именно направлений чисто рационалистического, дающаго только возможное познаніе, и направлений чисто эмпирическаго, не дающаго никакого познанія, и тѣмъ самимъ утвержденіе истиннаго философскаго метода.

2) По метафизикѣ: признаніе въ качествѣ абсолютнаго всеначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей и гипостасей — конкретнаго всеединаго духа.

3) По идейѣ: признаніе, что послѣдняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностю существъ посредствомъ необходимаго и абсолютнаго цѣлесообразнаго хода міроваго развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе исключительного самоутвержденія частныхъ существъ въ ихъ вещественной розни и возстановленіе ихъ какъ царства духовъ, объемлемыхъ всеобщностью духа абсолютнаго.

И тутъ оказывается, что эти послѣдніе необходимые результаты западнаго философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ рациональнаго познанія, тѣ самыя истины, которые въ формѣ вѣры и духовнаго совершенія утверждались великими теологическими ученіями Востока (отчасти древниго, а въ особенности христіанскаго). Такимъ образомъ, эта новѣйшая философія съ логическимъ совершенствомъ логической формы стремится соединить полноту содержанія духов-

ныхъ соверцій Востока. Опираясь, съ одной стороны, на данные положительной науки, эта философія, съ другой стороны, подаеть руку религії. Осуществленіе этого универсального синтеза науки, философіи и религії,—первый и далеко еще не совершенный начала кото-
рого мы имѣемъ въ философіи сверхсознательного, должно бѣть выс-
шою цѣлью и послѣднимъ результатомъ умственнаго развитія".

IV.

Сочиненіе г. Соловьевъ несомнѣнно имѣть много достоинствъ. Оно написано живымъ, простымъ и легкимъ языкомъ. У автора не замѣчается стремленія ковать по произволу новые термины; касаясь разнообразныхъ точекъ зренія и понятій, явившихся на чужой почвѣ, онъ легко обходится существующими запасомъ русскихъ словъ и об-
ротовъ. Языкъ сочиненія сверхъ того точенъ: авторъ умѣеть сказать именно то, что хочетъ сообщить своему читателю. Для того, кто имѣеть въкоторую философскую начитанность и въкоторыя историко-
философскія свѣдѣнія, авторъ вездѣ остается яснымъ и удобопонят-
нымъ. Трудность пониманія въкоторыхъ страницъ, напримѣръ, при изложеніи системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, зависитъ отъ край-
ней абстрактности самихъ учений. Сочиненіе вообще касается вы-
шихъ и труднѣйшихъ частей философіи, требующихъ отъ читателя извѣстной подготовки, и потому не удивительно, что иной читатель найдетъ его себѣ, какъ говорится, не по зубамъ. Со стороны языка критика можетъ выразить одно только сожалѣніе, что онъ по мѣ-
стамъ нѣсколько рѣзокъ. Критикуя понятіе возможнаго бытія, отож-
дествляемаго у Гартмана съ небытіемъ, авторъ рѣзко замѣчаетъ (стр. 75), что представлять чистое небытіе существующимъ и дѣй-
ствующимъ есть верхъ безмыслия. Встрѣчаются выраженія: ребаческія пред-
ставлениія древнихъ философовъ, пустѣйший деизмъ (стр. 110); ма-
теріалистовъ, поднимающихъ свой голосъ во время оскудѣнія истин-
ной философіи, авторъ уподобляетъ (стр. 111) волкамъ, хищничес-
твующимъ въ запустѣйшой деревнѣ. Читатель могъ бы подумать,
что авторъ нѣсколько нетерпимъ ко взглядамъ изъ чужаго лагеря,
еслибы не было очевидно его безпристрастіе въ этомъ отношеніи:
друзья его (какъ Шопенгауэръ, Гартманъ) получаютъ даже болѣе
жесткие укоры, чѣмъ позитивисты.

Г. Соловьевъ въ своемъ труду касается самыхъ разнообразныхъ философскихъ системъ, начиная съ сколастической эпохи и до по-
слѣднихъ учений включительно. Какъ видно, онъ знакомъ съ глав-

ными философиями не по руководствамъ изъ вторыхъ рукъ, но изъ первыхъ источниковъ. Въ столь молодомъ авторѣ такая начитанность большая рѣдкость. Правда, что большинства философскихъ системъ онъ касается только въ пунктахъ иль исторического соприкосновенія, не входя въ подробности содержания. Но и тутъ фактъ, что точки зрѣнія столь многочисленныхъ системъ указываются, за немногими исключеніями, вѣрно, слѣдуетъ, конечно, отнести къ основательному знакомству автора съ ними. Притомъ, не надобно забывать, что системы Гегеля, Шопенгауера и Гартмана изложены довольно подробно, особенно дѣлъ первыя.

Къ западнымъ философскимъ системамъ авторъ старается стать въ независимое отношеніе. Обзоръ его есть не только исторической, но и критической. Его замѣчанія на систему Гегеля весьма мѣтки, особенно если принять тутъ смыслъ, какой онъ даетъ ей. Недостатки эмпірии указаны также удачно, и слѣдуетъ только пожалѣть, что авторъ не развилъ свойкъ замѣчаній далѣе, не показавъ сколько-нибудь априорныхъ элементовъ заключающихся въ ихъ понятіяхъ и методахъ. Ось не скрываетъ отъ читателя, что его сочувствія на сторонѣ Шопенгауера и Гартмана. Но и къ нимъ онъ относится довольно самостоительно; онъ дѣлаетъ важное видоизмѣненіе въ ихъ основныхъ взглядахъ на сущее, вѣдѣто абстрактныхъ гипостасей воли и представления полагая конкретное существо и отсыкая отъ нихъ системъ тѣ части, которые даютъ имъ пессимистический характеръ. Такимъ образомъ, мысль г. Соловьевъ работаетъ самостотельно, и мы, конечно, съ удовольствіемъ готовы привѣтствовать такого нового дѣятеля философіи.

V.

Наше полное сочувствіе автору не мѣшаетъ намъ не сходиться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, какъ историческихъ, такъ и собственно философскаго. Послѣднее различіе, конечно, не родовое,— оно простирается на нѣкоторыя подробности убѣжденийъ.

Намъ кажется, что взглядъ автора на сколастику вѣсколько одностороненъ. Философія на Западѣ, по его мнѣнію (введ. стр. III), могла начаться только тогда, когда для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ учение католической церкви перестало соответствовать ихъ собственнымъ убѣжденіямъ, стало для нихъ вѣнчаниемъ авторитетомъ. Западная философія начинается развоеніемъ между личнымъ мышленіемъ, какъ разумомъ, и общенародной вѣрою, какъ авторитетомъ. И вообще сущность сколастики, по автору, состоять въ борьбѣ са-

мочимаго разума съ авторитетомъ вѣры. Отношение между знаніемъ и вѣрою преходитъ логически и исторически слѣдующіе три момента: 1) Христіанское учение, какъ божественное откровеніе, есть безусловная истинна; но разумъ не согласенъ съ нимъ; значитъ, мое мышеніе заблуждается, и разумъ долженъ подчиниться авторитету. 2) Но если мышленіе разумно, то оно не можетъ противорѣчить истинѣ, истинное учение церкви не можетъ противорѣчить разуму; они должны быть примирены. 3) Истина съ одинъ разумъ, авторитетъ во стольку признается, по скольку онъ не противорѣчить разуму; по скольку же онъ различается отъ разума, онъ ложенъ.

Взглядъ на сколастику, какъ на борьбу между разумомъ и вѣрою, по видимому, захватываетъ только одну сторону ея. Было дѣйствительно время, когда вопросы о разумѣ, о вѣрѣ имѣли главное значеніе для философіи. Но это было въ эпоху патристической, а не сколастической философіи. Напримеръ, этотъ вопросъ очевидно занималъ апостола Павла, когда онъ говорилъ о лжеимменномъ разумѣ гностиковъ, говорящихъ о тѣснѣ, какъ о высшемъ состояніи сравнительно съ яснѣ, занималъ Иринея и Тертулліана, ставшихъ во главѣ реакціи противъ апостолицизма, особенно Тертулліана, провозгласившаго безусловное подчиненіе разума вѣрѣ (*credo, quia absurdum: est*), и великихъ столповъ церкви, въ родѣ Григорія Нисскаго. Въ сколастикѣ же этотъ вопросъ не тяготѣлъ исключительно надъ умами. Онъ не возникалъ изъ потребностей внутренняго развитія, а скорѣе на-выводился сколастикѣ случайностями движения мысли. Онъ серьезно возникаетъ въ концѣ XI-го столѣтія по поводу ученія Росцепелліна, именно его, несогласнаго съ христіанскимъ, толкованіемъ догмата Святой Троицы. Затѣмъ, въ XIII-мъ столѣтіи снова является на сцену, но безъ всякаго отношенія къ религіозно-философской полемикѣ конца XI-го и первой половины XII-го столѣтія, вопросъ объ отношеніи разума къ религії. Нельзя однакоже забывать, что поводъ къ нему былъ данъ появленіемъ цѣлаго Аристотеля въ латинскихъ переводахъ и распространениемъ арабскихъ комментаторовъ его, представившихъ вообще идеи единобожія, не совсѣмъ подходившія къ христіанскому догмату. Возникъ вопросъ о примиреніи Аристотеля съ догматомъ, и умы успокоились не на томъ, что разумъ одинъ истина, а противорѣчашій ему, авторитетъ ложенъ, а на томъ, что кроме истинъ разума, есть истины сверхразумныя, почерпаемыя изъ откровенія и составляющія догматы церкви. Движеніе, начавшееся съ Альберта Великаго и Омѣи Аквината, шло въ томъ направленіи,

что одинъ догматъ за другимъ признавался не подлежащимъ вѣдѣнію разума, и къ концу среднихъ вѣковъ не только собственно догматамъ, но и съ-здавна признававшимъся философскими истинами (например, бытіе Бога, основные начала нравственности) были отнесены къ разряду познаваемыхъ изъ откровенія, а не изъ разума. Кромѣ этого вопроса, у схоластики много было истинно философскихъ потребностей и вопросовъ, которые она и решала по своему разуму. Никто изъ философовъ второй половины схоластического периода не решался провозглашать исключительное значеніе разума, и въ ихъ умахъ мирно уживались истинны разумъ и вѣры.

Г. Соловьевъ находитъ моментъ логического и исторического развитій отношенія разума къ вѣрѣ въ періодѣ схоластики. Но очевидно, что трудно приложить ихъ къ самымъ историческимъ фактамъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ автора (стр. IV), умы сильные и послѣдовательные сознавали и высказывали ложность авторитета и исключительную истинность разума еще въ началѣ періода схоластики. Къ какому же времени и къ кому слѣдуетъ отнести первые два момента? Да и самъ Эригена не есть ли представитель не столько схоластики, сколько восточныхъ вѣленій и интересовъ; онъ былъ мистикъ, сочувствовавшій идеямъ автора сочиненій Діонисія Ареопагита, и справедливо въ исторіи философіи считается звеномъ, связующимъ востокъ съ западемъ, патристическую эпоху со схоластической.

Нельзя, кажется, вполнѣ согласиться съ авторомъ и въ томъ случаѣ, когда онъ сущность новой философіи поставляетъ въ борьбѣ разума съ вѣшнимъ бытіемъ. Если мы и не соглашаемся, чтобы сущность схоластики состояла въ борьбѣ разума съ вѣшнимъ авторитетомъ, все же мы допускаемъ возможность такой борьбы. Разумъ и вѣра въ сущности суть два авторитета, и естественно, что между ними, какъ хозяевами одного и того же дома, можетъ возникнуть борьба. Но какимъ образомъ возможна борьба между разумомъ и бытіемъ? Неужели о естествоиспытателѣ, который въ лабораторіи изучаетъ бытіе, умѣсто было бы сказать, что онъ борется съ нимъ? О философѣ, изслѣдующемъ бытіе, также нельзя сказать, что онъ борется съ бытіемъ, какъ нельзя сказать о психологѣ, изучающемъ самого себя, что онъ борется съ самимъ собою. Да и не будетъ ли это определеніе *locus topicus*: ибо о всякомъ философѣ, древнемъ и новомъ, о греческой философіи также, какъ и о западно-европейской, можно сказать, что они боролись съ бытіемъ: ибо онѣ изучали, объясняли

ого; философская мысль то поглощалась, какъ-бы изнемогала предъ нимъ, то сама возводила и т. д.

Обозрѣвалъ различные фазисы этой борьбы, авторъ не упоминаетъ Малебранша, хотя, казалось бы, онъ представляетъ для него важнѣйшій моментъ ея. Мысль Малебранша, что мы все познаемъ въ Богѣ, окончательно разрѣшала бытіе въ рядѣ идей, напечатлѣваемыхъ въ нась познаваемымъ Существомъ Божиимъ. Сопоставивъ съ нимъ Беркли, котораго авторъ упоминаетъ въ числѣ представителей англійской эмпірической школы, онъ пришелъ бы къ выводу, что борьба съ бытіемъ, какъ борьба, въ сущности была покончена этими философами, и такъ какъ эти философы пришли къ подобнымъ выводамъ совсѣмъ не съ цѣллю побѣждать бытіе (Малебраншъ вышелъ изъ вопроса о взаимодѣйствіи души и тѣла), то быть можетъ, авторъ видоизмѣнилъ бы и свой общиі взглядъ.

Говоря о Декартѣ, авторъ утверждаетъ, что, по нему (стр. 14), если я ясно мыслю что-либо какъ существующее извѣстнѣмъ образомъ, то оно и въ дѣйствительности (внѣ мене) существуетъ, и существуетъ такимъ, какимъ я его мыслю. Трудно безусловно согласиться, что Декартъ утверждалъ, что вещи существуютъ такъ, какими мы ихъ мыслимъ. Это правда, что авторъ приводитъ (стр. VIII) выраженіе изъ Декарта, которое по видимому, говорить болѣе за него, чѣмъ за нась: „Toutes les choses, que nous concevons clairement et distinctement, sont vrais de la facon, dont nous les concevons“. Чѣмъ это значить, уграис de la facon? Конечно, слова эти могутъ имѣть значеніе и въ смыслѣ г. Соловьева. Но не могутъ ли они означать и то, что вещи даютъ насы истинны именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ представляемъ. Декартъ не сказалъ: les choses existent de la facon, a—sont vrais de la facon dont nous les concevons. Онъ могъ предполагать въ бытіи вещей плюсъ сравнительно съ нашимъ представлениемъ, который послѣднимъ не исчерпывался. Намъ кажется, что слова Декарта слѣдуетъ понимать такъ: чѣмъ мы ясно представляемъ о вещахъ, то истинно, и въ вещахъ истинно существуетъ то, чѣмъ мы въ нихъ ясно и раздѣльно представляемъ себѣ. Въ доказательство можно привести ученіе Декарта о Богѣ. Если приписываемая авторомъ Декарту мысль, совершенно вѣрна, то значитъ, Декартъ долженъ быть утверждать, что Богъ существуетъ такъ, какъ мы его представляемъ себѣ; въ немъ есть ни болѣе ни менѣе того, чѣмъ намъ представляется. Но тогда какъ согласить съ этимъ выводомъ разныя выраженія Декарта, которыхъ положительно тому выводу противорѣчатъ? Напримѣръ, въ

Principia Philosophiae (Renati des Cartes Opera phil., Francof. 1692, Pars prima p. 5) онъ говорить: „Hocque satis certum est et manifestum, iis qui Dei ideam contemplari, summusque ejus perfectiones advertere sunt assueti. Quamvis enim illus non comprehendamus, quia scilicet est de natura infiniti, ut a nobis qui sumus finiti, non comprehendatur, nihilominus tamen ipsus clarus quam *ullas res corpreas* intelligere possumus; quia cogitationem nostram magis implent, sunt que simpliciores, nec *limitationibus ullis* obsecrantur“. Затѣмъ на нижеслѣдующей (6) страницѣ: „necullo modo mirabimur multa esse, tum in immensa ejus natura, etiam in rebus ab eo creatis, quae captum nostrum excedant“. Замѣчательно, что здесь въ первомъ мѣстѣ Декартъ говоритъ, что хотя божественные совершенства не могутъ быть поняты по ограниченности пашней природы; однако мы можемъ познать ихъ яснѣе, чѣмъ *вещи тѣлесныя*, а во второмъ—предполагаетъ, что какъ въ божественной природѣ, такъ и въ *вещахъ, сотворенныхъ Богомъ*, есть многое, превосходящее наше разумѣніе. Слова, относящіяся до Бога, положимъ, могутъ быть объясняемы страхомъ предъ богословами, но что же побуждало Декарта утверждать не только то самое, что онъ говорилъ о Богѣ, но еще нѣчто и большее о вещахъ тѣлесныхъ? Во всякомъ случаѣ можно сомнѣваться, чтобы Декартъ рѣшительно утверждалъ, что вещи существуютъ именно такъ, какъ мы ихъ себѣ представляемъ.

Можетъ быть, не скрѣдевало бы автору рѣшительно утверждать, что дѣйствительный синтезъ понятій души и тѣла произвѣлъ собственно Лейбницъ своимъ принципомъ монады (стр. XV), тогда какъ субстанциальное тожество души и тѣла у Спинозы осталось совершенно отвлеченнымъ, и подъ нимъ нельзѣ мыслить ничего опредѣленного. Въ концѣ протяженія Лейбница, дѣйствительно, сдѣлалъ огромный шагъ впередъ, разрѣшивъ его въ понятіе силы или монады, и въ этомъ пункѣ онъ стоитъ выше Спинозы. Но что касается до синтеза души и тѣла, то, по моему мнѣнію, у Лейбница замѣчается даже регрессъ. Два атрибута—протяженіе и мышеніе, у Спинозы связывались единствомъ субстанціи, на подобіе того, какъ воля и умъ суть атрибуты единаго духа; недостатокъ его возврѣнія былъ тотъ, что это единство было совершенно отвлеченнное, и это справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ. У Лейбница же явилось множество монадъ съ центральною (Богомъ) во главѣ, ничѣмъ не объединенными, такъ что *hiatus*, отдѣляющій одну монаду отъ другой, остался ничѣмъ не наполненнымъ, и фактъ взаимодѣйствія между ними собственно ничѣмъ не объяснялся, даже просто отвергался.

Я не стоял безусловно за свое мнѣніе, но полагаю, что нельзя такъ рѣшительно, какъ это дѣлается и Гартманомъ, и г. Соловьевымъ, и многими другими, считать ученіе Гегеля системою однихъ понятій безъ субъекта. По автору (стр. 68 и 104), Гегель признаетъ дѣйствительное бытіе только за понятіемъ: въ дѣйствительности есть только спекулятивное понятіе; саморазвивающаяся идея Гегеля есть ничто иное, какъ гипостазированный абстрактъ, своего рода скола-стическая *enitatis universale ut reale*. Авторъ прямо утверждаетъ, что движение философской мысли отъ Фихте до Гегеля собственно въ томъ и состояло, что непознаваемый субъектъ постепенно упразднялся. „Непознаваемый объектъ былъ отвергнутъ у Фихте. Непознаваемый же субъектъ, какъ иѣчто пребывающее само по себѣ, еще остававшийся у Шеллинга, былъ окончательно устраненъ Гегелемъ“ (стр. 16). Не слѣдуетъ ли пересмотрѣть это опредѣленіе сущности Гегелевскаго ученія? Въ „Феноменологіи духа“ (стр. 14) онъ съ особымъ удѣреніемъ настаиваетъ на томъ, что истинное у него есть столько же субстанція, сколько и *субъектъ*: „Es kommt nach meiner Einsicht, welche sich nur durch die Darstellung des System selbst rechtfertigen kann, alles darauf an, das Wahre nicht als Substanz, sondern ebenso sehr als Subject aufzufassen und auszudrücken“. Въ „Энциклопедіи“, самой зрѣломъ труда Гегеля, онъ положительно опредѣляется (*Philosophie des Geistes*, 29) свое абсолютное, какъ духъ („Das Absolute ist der Geist, diess ist die höchste Definition des Absoluten“). Да и трудно понять, если удерживать вышеприведенный взглядъ на Гегелевскую философию, вслѣдствія главы его „Феноменологіи“ и „Философіи духа“? И когда Гегель, во введеніи въ „Феноменологію духа“ указывалъ недостатки точекъ зрѣнія Шеллинга, то онъ указывалъ не на то, что онъ допускаетъ непознаваемый субъектъ, а на то, что его субъектъ наподвижень, не способенъ къ саморазвитію. Мы думаемъ поэтому, что абсолютное Гегеля есть саморазвивающійся субъектъ, переходящій въ своеемъ творческомъ предметномъ мышленіи отъ одного понятія къ другому, какъбы отъ одной ступени къ другой, побуждаемый къ этому движению и саморазвитію противорѣчіемъ и сминающій его каждый разъ въ новомъ высшемъ понятіи. Что Гегель чаще говорилъ о саморазвивающейся идеѣ, понятіи, чѣмъ о субъектѣ,—это произошло отъ того, что его вниманіе, дѣйствительно, сосредоточивалось болѣе на процессѣ саморазвитія, чѣмъ на субъектѣ его, что онъ не отдѣлялъ абстрактно субъекта отъ его развитія, мышленія; оттого онъ могъ его именовать творческою идеей, понятіемъ и т. под..

Авторъ старается поставить во взаимную логическую и истори-ческую связь философскія и даже соціальныя ученія, явившіся на западѣ послѣ Гегеля, и въ концѣ концовъ связываетъ ихъ съ нимъ. Такъ, онъ выводить отъ Гегеля эмпирическое направлѣніе, материализмъ (стр. 21—23), изъ материализма—выводить развитіе позитивизма (стр. 28—24); въ связи съ Фейербахомъ ставить соціализмъ (стр. 91), показываетъ переходъ соціализма въ исключительный индивидуализмъ Макса Штирнера (стр. 92 и слѣд.). Авторъ, по обыкновенію, очень остроуменъ въ своихъ указаніяхъ логическихъ переходовъ отъ одной точки зрѣнія къ другой; но говоря откровенно, я не могу придавать имъ серьезнаго значенія. Несомнѣнно, что изъ лѣвой Гегелевской школы вышли захватные материалисты, напримеръ, Ноакъ; было бы, конечно, интересно прослѣдить психологическій процессъ, какимъ они дошли до такой извѣнности поэзії. Но философки говорятъ, логически общаго между материализмомъ и Гегелевскими ученіями только одна черта—та именно что и тѣ, и другое суть моноистической системы. Материалистамъ также легко было бы находиться послѣ Спинозы, Джордане, Бруно, какъ и послѣ Гегеля. Не Гегель довѣръ Ноака и другихъ до материализма, а скорѣе вопросъ, поставленный послѣ Гегеля умами: неужели бытіе есть только познаніе, мышленіе и болѣе ничто? Подобный выведенія уже потому извѣдѣты, что они перепутываютъ истори-ческіе связи и отношения ученій. Такъ, эмпірия и материализмъ существовали и до Гегеля, и о вѣнторыхъ изъ него послѣдователей справедливо сказать, что они привнесли уже въ ученія существо-вавшіе, чѣмъ во второй разъ оторвали Америку. Позитивизмъ, толь именно, который имѣеть въ виду авторъ (Контъ, Милль, Спенсеръ) не различался изъ материализма, но каждая форма его—французская и англійская—развивалась вслѣдствіе особыхъ хѣстнѣй условій. Французскій позитивизмъ явился какъ реакція официальной философіи Монть-де-Бирава и Кусена и собственно направлѣнъ про-тивъ нихъ; англійскій эмпіризмъ развился послѣдовательно изъ Юма чрезъ Бентама и Джемса Милля, чтѣ мъ теперь хорошо знаемъ изъ автобіографіи Джона Оттоарта Милля. Мы уѣдемъ, что г. Соловьевъ самъ все это знаетъ, равно какъ и то, что французскій соціализмъ вышелъ не изъ Фейербаха, а Максъ Штирнеръ не изъ среди соціали-стовъ. Логичнѣй не выгодно вступать въ противорѣчіе съ исторіей, фактами: гибкая и остроумная мысль автора наѣмѣрное въ состояніи была бы указать переходъ отъ Кonta къ Карнеаду (академику), отъ Аристотелемъ Цицерону и т. д., но изъ чemu бы это служило? Это,

конечно, годилось бы для классификации системъ, но не для исторического ихъ объясненія.

VI.

Я не намѣренъ защищать позитивистовъ передъ авторомъ, но ради беспристрастія долженъ сказать, что онъ въ своей книжкѣ, по видимому, направленной противъ нихъ, не занялся всестороннимъ разборомъ и оцѣнкой ихъ ученія. Равличные направления въ средѣ ихъ остались недостаточно выдѣленными, и какъ-то странно видѣть постоянно въ одной компаніи Контъ, Милль и Спенсеръ. Строгое сужденіе о нихъ является даже неожиданнымъ послѣ того, какъ самъ авторъ (стр. 26 и слѣд.), признавъ, что философская мысль въ моментѣ позитивизма пришла къ несомнѣнныи и *всемокой важности* результатамъ. И для позитивистовъ, какъ и для автора, *самобытная дѣйствительность, или истинно-сущее не есть* 1) *ни объектъ разсудка: ибо объектъ разсудка — иль же и полагается; 2) ни понятіе само по себѣ въ процессѣ чистаго мышленія, ибо это мышленіе не можетъ выдти за себя, и потому чистое понятіе есть лишь отрѣшенная форма, еще не имѣющая дѣйствительности, и замонецъ; 3) оно не представляетъ самобытной дѣйствительности и содержанія вѣнчаго опыта, ибо это содержаніе есть лишь обусловленное нашимъ сознаніемъ явленіе*. Спенсеръ, утверждала *многоточную* познаваемость непознаваемаго бытія, уже близко подходитъ къ самому автору. Противорѣчіе между позитивистами и авторомъ начинается тамъ, где они начинаютъ опредѣлять, какъ знаніе приобрѣтается, какъ далѣе можемъ мы простираять свои заключенія и т. д. Несомнѣнно, что противорѣчіе глубокое, и мы не станемъ затуманевывать его. Но какъ-то сходство взглѣдовъ на истинно сущее, хотя бы и отрицательное, обнаруживало автора далѣе повести анализъ позитивизма и показать несостоятельность его положительныхъ взглѣдовъ на познаніе, неудовлетворительность его объясненій происхожденія такъ-называемыхъ индуктивныхъ законовъ и т. д. Каковы бы ни были эти взглѣды, но позитивистовъ нельзя ставить за-урядъ съ грубыми эмпириками, наивно предполагающими, что въ опытахъ и наблюденіяхъ своихъ они открываютъ истинное бытіе.

Если авторъ найдетъ досугъ и послѣдствія, при второмъ изданіи, разширить размѣры своего труда, то онъ не преминетъ, надѣемся, обратить вниманіе вообще на собственную теорію познанія, особенно же на то, какъ мы доходимъ вообще до такъ называемыхъ индуктивныхъ всеобщихъ законовъ. Настоящая теорія автора состоитъ себ-

ственno въ слѣдующемъ: Въ опыте мы замѣчаемъ связь между фактами. Но еслибы эта связь ограничивалась однимъ нашимъ дѣйствительнымъ опытомъ, то мы не въправѣ были бы выходить изъ предѣловъ данного опыта, что мы однако, дѣлаемъ, возводя замѣченную связь въ безусловный и постоянный законъ. „Утверждать такую безусловно-постоянную связь двухъ явлений мы можемъ только, если съ самомъ существомъ или понятіемъ данного явленія, тѣ-естъ, въ его общихъ свойствахъ, отвлеченно отъ всѣхъ вышнихъ отношеній, заключается уже необходимость другого явленія“ (стр. 100). Напримеръ, если мы образовали понятія о волѣ и представлениіи посредствомъ опыта, то общая связь между ними, по которой всяко му дѣйствительному хотѣнію должно соответствовать известное представлениѣ, какъ предметъ или цѣль хотѣнія, — эта необходимая связь между волей и представлениемъ выводится ужъ изъ самыkhъ ихъ общихъ понятій или изъ существа ихъ, независимо отъ какихъ либо частныхъ опытовъ. Есть основанія не вполнѣ соглашаться съ авторомъ въ этомъ случаѣ. Законъ, по нему, является, когда изъ существа или понятіемъ данного явленія мы выведемъ необходимость другого явленія. Но здѣсь, очевидно, смѣшиваются отношенія основанія къ слѣдствію съ отношеніями причинъ къ дѣйствію. Я полагаю, что и съ точки зрѣнія автора, необходимо различать эти два рода отношеній. Мы въ состояніи вообще понять, почему изъ основанія логически необходимо вытекаетъ слѣдствіе, но никто не скажетъ, почему такое, а не другое дѣйствіе производится причиной. Камень, увлекаемый тяжестью, летитъ прямо внизъ, почему не въ бокъ, не вверхъ — на это логическихъ основаній нѣтъ. Тешло разширять тѣла, ходьба служивала, — логическихъ основаній, почему факты происходить не наоборотъ, авторъ, вѣроятно, не представить. Это давно уже разъяснено Давидомъ Юмомъ. То же самое видно и на примѣрѣ, приводимомъ авторомъ. Ignati nulla cupido — извѣстно съ давнихъ временъ. Но разѣй необходимо связь воли съ представлениемъ можетъ быть выведена изъ понятій о нихъ? Мы замѣчаемъ ихъ связь въ своемъ ограничении опыта, но почему воля непремѣнно предполагаетъ представление, а не представление — волю, на это основаній собственно нѣтъ. Индуктивный исследователь никогда и не сталъ бы утверждать всеобщность и необходимость этого закона: ибо это въ сущности обобщеніе существованія двухъ явлений, которыхъ мы не можемъ вывести изъ другого болѣе общаго и высшаго закона. По пріему, предлагаемому авторомъ, можно сочинять тавтологіи, anzienst: что будешь

положено въ понятіи причины, то будетъ повторяться и въ слѣдствіи, и мы, не сходя съ кресла въ своеімъ кабинетѣ, въ состояніи тогда будемъ сочинять всеобщіе и необходимые законы.

Повторимъ снова: и съ точки зреінія автора можно различать два вида априорности въ нашемъ знаніи. Всеобщность и необходимость, такъ называемаго индуктивнаго закона можетъ утверждаться не на логическомъ основаніи понятій о предшествовавшемъ и послѣдующемъ явленіи, а не метафизическомъ, возникшемъ въ рѣтѣ, предложеніи единства бытія и всеобщности и необходимости его проявленій, дѣйствій и т. д. Въ однихъ случаяхъ, эмпирически данную связь фактовъ, особенно, когда мы не замѣчаемъ ни единаго факта, съ противорѣчашаго, мы истолковываемъ въ смыслѣ необходимой и всеобщей связи, хотя бы и не понимали логически ихъ отношенія. Въ другихъ случаяхъ мы, сопоставляя факты, опираемся на понятія о нихъ и логически сводимъ ихъ какъ всеобщее и необходимое отношеніе между основаніемъ и слѣдствіемъ. Я полагаю, что упомянутое различіе отнюдь не противорѣчило бы вообще взглядамъ автора, а между тѣмъ онъ сталъ бы ближе къ современной теоріи индукціи, да и вообще въ естествовѣдной методикѣ.

Обращаясь къ окончательнымъ выводамъ автора, мы видимъ, что онъ признаетъ односторонность обоихъ направлений на саладѣ — чисто раціоналистического, дающаго только *возможное* познаніе, и чисто эмпирического, не дающаго *никакого* познанія. Этотъ выводъ стоитъ въ связи съ убѣжденіемъ автора, высказаннымъ на первой страницѣ введенія, что философія въ смыслѣ отвлеченного, исключительно теоретического познанія окончила свое развитіе и перешла безвозвратно въ мѣрѣ прошедшаго (подъ такою теоретическою философіей авторъ разумѣеть какъ чистый раціонализмъ, такъ и эмпирізмъ, или лучше сказать, позитивизмъ). Казалось бы, что трудно напередъ предсказывать, отжило ли, или нѣтъ известное направлениe. Что въ данную минуту мы не въ состояніи указать пути, по которому известные школы могли бы двигаться далѣе,—это не есть еще доводательство, что онѣ перешли уже въ область прошедшаго. Никто не рѣшился утверждать, что всѣ возможныя направления въ раціоналистическомъ или эмпирическомъ духѣ, ужъ исчерпаны. Послѣ великихъ греческихъ философій эклектики могли думать, что всѣ возможныя направления уже указаны, и наблюдателю со стороны могла представиться мысль, что философія вообще отжила свой вѣкъ. И однако же, мысль снова встрепенулась, и по старымъ слѣдамъ Пи-

еагора и Платона, дошла до новыхъ и грандиозныхъ системъ. При томъ, можно ли такъ безусловно говорить, что эмпирическое направление, существующее на западѣ, не даетъ никакого познанія? Оно даетъ знаніе и весьма цѣнное. Анализъ душевныхъ фактovъ всего лучше сдѣланъ въ англійской эмпирической школѣ. Цѣлый рядъ обобщеній относительно природы дѣлается индукціей, то-есть, орудіемъ, признаваемымъ эмпирістами за главный органъ познанія. Г. Соловьевъ можетъ сказать, что эмпірія, какъ таковая, общаго знанія дать не можетъ. Пусть такъ, пусть онъ обличитъ эмпіристовъ, что они дѣлаютъ обобщенія, основываясь на априорныхъ элементахъ знанія. Но надобно брать фактъ какъ онъ есть и съ нимъ считаться. Мы полагаемъ, что индуктивисты будутъ здравствовать еще весьма долгое время, чѣмъ они будутъ давать еще весьма цѣнныя познанія, и очень можетъ быть, чѣмъ среди ихъ явятся умы, которые съ другой точки зрѣнія подойдутъ къ выводамъ рационалистовъ.

Метафизический и иеніческий выводы г. Соловьева близки къ идеямъ Гартмана. Объективно являющійся духъ послѣдняго есть конкретный всеединый духъ г. Соловьева. Судя по замѣчаніямъ автора наозвѣзрія Гартмана и Шопенгауера, этотъ духъ представляетъ конкретное соединеніе воли и представлениія. Нѣтъ, не было и не будетъ момента, когда его хотѣніе не сопровождалось бы идеей. Авторъ устраиваетъ тѣмъ многіе алогіи въ возврѣніяхъ упомянутыхъ философовъ. Итакъ, соединеніе воли съ представлениемъ признается имъ просто какъ фактъ. Въ этомъ отношеніи ученіе Шопенгауера имѣло безспорное преимущество. Онъ допускалъ волю, какъ первоначало, умъ же, представленіе было ея порожденіемъ; у него допускалось не только единство первоначала, но и единство первоначальной творческой силы, тогда какъ у Гартмана и г. Соловьева все же допускается инойторый первоначальный дуализмъ въ первоначалѣ, который рано ли, поздно ли философская мысль должна побороть.

Иеніческий выводъ автора отчасти приближается къ выводу Гартмана, отчасти несходенъ съ нимъ. Авторъ, отвергая неопределеннную волю, какъ не удовлетворенное стремленіе, отвергаетъ и возможность для нея страданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отбрасываетъ весь пессимизмъ какъ Шопенгауера и Гартмана. Онъ предполагаетъ, что послѣдня цѣль достигается только совокупностю существъ посредствомъ абсолютно цѣлесообразного хода мироваго развитія, и что концомъ его будетъ уничиженіе исключительного самоутвержденія частныхъ существъ въ ихъ вещественной разнѣ и восстановленіе ихъ какъ царства духовъ. Но

понятіе страдающей воли у вышеупомянутыхъ философовъ имѣло и свои выгоды. Оно объясняло вообще фактъ чувствованій, область явленій сердца. Чѣм же поставить авторъ въ свое мѣсто конкретномъ всеединомъ существѣ на мѣсто страданія? Или же оно останется только съ атрибутами представлѣнія и воли? Не будетъ ли это уже очень холодное и слишкомъ бессердечное существо, и вмѣстѣ съ тѣмъ не заложатся ли основы пессимизма, кетораго, по андемому, желать извѣбнуть авторъ? Самый методъ, которымъ авторъ дошелъ до предположенія всеединаго существа, соединяющаго въ своей сущности волю и представлѣніе, не требуетъ ли допущенія въ немъ чего-нибудь похожаго на чувство? Вѣдь во внутреннемъ опыте мы находимъ себя не только волющими и представляющими, но и страдающими, и радующимися. Бессердечное существо въ состояніи ли находець дойти, въ міровомъ своемъ развитіи до возстановленія царства духовъ, до уничтоженія исключительного самоутвержденія частныхъ существъ, то-есть, до осуществленія блага: ибо ему рѣшительно было бы равно кончить міровой процессъ увѣковѣченіемъ зла, или бесконечнымъ страданіемъ всего утверждавшаго свое отдельное существованіе?

Но мы понимаемъ, что авторъ и не могъ вполнѣ и весь выскажаться въ своемъ изслѣдованіи, да это и не было бы нужно. Довольно и того, что онъ намѣтилъ пути своего мышленія и обозначилъ свои философскія симпатіи. Мы не въ правѣ требовать, чтобы писатель являлся съ готовою и всестороннею системою въ сочиненіи, въ которой дать ее онъ самъ не обѣщаетъ. Уѣшательно видѣть уже то, что хотя въ настоящемъ трудѣ зависимость автора отъ Гартмана простирается на весьма многіе философскіе пункты, однако онъ хочетъ выбраться изъ его учения и дойти до болѣе самостоятельныхъ философскихъ возврѣній. Мы понимаемъ, что въ своемъ направленіи авторъ можетъ работать далѣе и работать съ успѣхомъ. Всѣ, интересующіеся русской мыслью и наукой, будутъ сочувственно сгѣдѣть за дальнѣйшимъ развитіемъ его таланта.

Г. Соловьевъ не долженъ смущаться, что фельетонная литература отнеслась къ нему недоброжелательно, что его диспутъ послужилъ поводомъ для жалчныхъ выходокъ противъ его личности и убѣждений. Всѣ бывшіе на его диспутѣ вынесли самое выгодное мнѣніе о диспутантѣ; всякий добросовѣстный свидѣтель его долженъ быть со мнаться, что съ даромъ слова диспутантъ соединяетъ живую энергичную мысль, скорую на отвѣтъ всякому вопросивающему. Я лично, какъ главный возражатель г. Соловьеву, долженъ теперь публично

сказать, что вполнѣ удовлетворенъ его отвѣтами, обличавшими въ немъ столько же знаніе дѣла, сколько и остроуміе мысли; что хотя я остался при своихъ взглядахъ на предметы разнорѣчія, но какъ на диспутѣ говорилъ, такъ и теперь скажу, неправильности какъ упомянутыя мною на диспутѣ, какъ и тѣ, которыхъ указываются въ этой статьѣ, не суть ошибки въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе результатъ какойто односторонности взгляда, прошедшій изъ весьма похвального источника увлеченія своею философией. Нѣть въ мірѣ такого сочиненія, которое было бы безъ промаховъ, и присутствіе ихъ ни мало не рождаетъ труда, имѣющаго внутренняія большія достоинства. Начальца газетная колемина, затѣмънамъ противъ автора, только въ одномъ отношеніи: именно она свидѣтельствуетъ, какъ много есть у насъ людей, которые не умѣютъ переносить взглядовъ, несогласныхъ съ ихъ убѣжденіями, и не въ состояніи цѣнить новыѣ, являющіеся въ литературу и науку, сминыхъ силъ.

М. Владиславлевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ УЧЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Robert Flint. The philosophy of history in France and Germany. (Роберт Флінт. Філософія історії в Франції та в Германії).

Книга эта, возникшая изъ публичныхъ лекцийъ, написаныи авторомъ въ Эдинбургѣ, содержитъ въ себѣ критический обзоръ философскихъ воззрѣній на исторію, смилившихся одно другимъ съ половины прошлаго столѣтія. Въ появившемся нынѣ первомъ томѣ г. Флінта знакомить публику съ французскою и германской литературою по этому предмету, а второй томъ долженъ быть посвященъ литературѣ англійской и итальянской. Не вдаваясь въ подробное опредѣленіе понятія о философіи исторіи, авторъ береть исходною своею точкою, что человѣчество, въ историческомъ своемъ развитіи, непремѣнно подчинялось опредѣленнымъ законамъ, которые онъ и старается уяснить, заранѣе объясняя при этомъ, что, по твердому его убѣжденію, законы, управляющіе физическимъ міромъ, никакъ не могутъ быть примѣнныи къ міру нравственному. Философія исторіи есть для него что-то отдѣльное отъ историческихъ фактovъ, но нѣчто присущее имъ, заключающееся въ нихъ самихъ, — она должна состоять только въ истолкованіи смысла событій и внутренней ихъ связи. Конечною и главнѣшюю цѣлью исторической науки авторъ ставить признаніе Промысла, научное объясненіе того Божественнаго плана, который все хаотическое разнообразіе человѣческихъ дѣйствій приводить къ единству, направляетъ ихъ по пути прогресса. Изъ этого видно, что г. Флінты не имѣть ничего общаго съ материалистическою школою Бокля и его послѣдователей, вошедшою въ такую моду на нашихъ глазахъ.

Согласно своему воззрѣнію, авторъ относить начало философіи не къ тому только времени, когда начали заниматься ею научно, но

къ временамъ древнѣйшихъ христіанскихъ мыслителей, напримѣръ, блаженнаго Августина. Съ XVIII вѣка, впрочемъ,—но не прежде— становится она наукой въ настоящемъ смыслѣ слова, а потому съ этого момента г. Флинтъ и ведеть собственно свое изслѣдование. Упомянувъ вкратцѣ о предшественникахъ французскихъ писателей прошлаго столѣтія, начиная съ Бодена, онъ излагаетъ доктрины Монтескье, Тюро, Кондорсе, Вольтера, основателей современного соціализма — С. Симона и Фурье, съ продолжателями ихъ — Бюше, Леру и др.,—доктрины богословской школы, школы политическихъ теоретиковъ — Кузена, Жуфруа, Гизо, и наконецъ демократической школы Токвилля, Мишле, Кийе и Лорана. Вторая половина книги, посвященная германской литературѣ, знакомить настъ точно также съ воззрѣніями Лессинга, Шлѣцера, И. Миллера, Гердера, Канта, Шлегеля, Гегеля, Бунзена и др. Критики г. Флинта, отызывающіеся вообще съ большими похвалами объ его книгѣ, выставляютъ на видъ основательность и безпристрастіе его сужденій, обширное знакомство съ литературою и умѣніе излагать предметъ въ доступной и изящной формѣ: судя по этимъ отызвамъ, сочиненіе Эдинбургскаго ученаго принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ въ послѣдніе времена.

Одно существенное возраженіе было сдѣлано, между прочимъ, автору, а именно, на какомъ основаніи, занимаясь учеными о философіи исторіи, онъ начинаетъ изслѣдование свое съ Франціи? Въ странѣ этой, какъ въ XVIII, такъ и въ текущемъ столѣтіи, на первомъ планѣ стояли политические, а не философскіе интересы, и самыe лучшіе изъ ея мыслителей находились подъ влияніемъ ідей, возникшихъ и получившихъ господство въ сосѣднихъ съ нею государствахъ. Удобно ли поэтому говорить о Монтескье и Вольтерѣ, не упоминая о современнѣи имъ умственномъ движениі въ Англіи? Есть ли возможность характеризовать электизмъ Кузена, не коснувшись предварительно философской системы Гегеля?

Gfrörer. Byzantinische Geschichten. (Гфреръ. Исторические очерки Византіи).

Весьма известный авторъ этой книги умеръ въ 1861 году и уже послѣ его смерти профессоромъ Грацскаго университета, г. Вейсомъ, изданы были нѣкоторые изъ оставшихся отъ него трудовъ, какъ напримѣръ, „Исторія XVIII вѣка“, „Исторія германскаго народнаго права въ средніе вѣка“ и наконецъ то, заглавіе коего выписано выше. Заглавіе это не совсѣмъ соответствуетъ содержанию книги: она со-

стоить изъ двухъ частей, иль коикъ въ первой разказывается исто-
рия Венециі отъ основанія этого города до сраженія при Дураццо,
когда удалось ему окончательно порвать зависимость свою отъ ви-
зантійскихъ императоровъ; во второй части изложены судьбы восточ-
ной имперіи до Василія II. Не понятно поэтому, на какомъ основа-
ні цѣлую половину своего труда, гдѣ идетъ рѣчь о Венециі, авторъ
отнесъ къ византійской исторії. Эта странность отнюдь не объяс-
няется замѣчаніями, въ родѣ слѣдующаго: „путь въ Византію же-
житъ чрезъ Венецию; знакомство съ судьбами венецианской республики
необходимо для уразумѣнія судебъ имперіи Византійской,— и наобо-
ротъ“. Что касается достоинствъ посмертнаго труда Гфререра, то
нѣмецкая критика не слишкомъ высокаго о нихъ мнѣнія. Автора
упрекаютъ, что источниками пользовался онъ очень мало, а литера-
турными пособіями очень неразборчиво, что сужденія его, особенно
тамъ, гдѣ ему приходится говорить о церкви, крайне пристрастны
и т. д. Но наряду съ этими недостатками, книга Гфререра пред-
ставляетъ и много хорошаго: особенно удались тѣ главы, въ кото-
рыхъ изображаются царствование Юстиніана и исторія Венециі въ
первые времена ея существованія.

S. Riebler. Die litterarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baifers. (С. Риблер. Литературные противники папъ во времена Луд-
вига Баварскаго).

Въ XIV вѣкѣ происходила упорная борьба между католической
церковью и государствомъ, но какъ ни важна эта эпоха, многія ея
события еще не изслѣдованы до сихъ поръ во всѣхъ подробностяхъ.
Особенно нужно это сказать о Лудвигѣ Баварскомъ, который въ
распрѣ своей съ римскою куріею опирался на миноритовъ. Рицлеръ
впервые подвергъ теперь этотъ вопросъ самому тщательному разсмо-
трѣнію: въ первой части его книги изложены события борьбы, а во
второй представленъ перечень (съ біографическими и хронологиче-
скими свѣдѣніями) вызванныхъ ею сочиненій. Авторъ приходитъ къ
тому результату, что литературными сподвижниками Лудвига были не
минориты только, но и многіе члены бѣлого духовенства. Во главѣ
этихъ послѣднихъ находился Марсилій Падуанскій, о которомъ Риц-
леръ замѣчаетъ, что „онъ принялъ духовное званіе уже въ зрѣлыхъ
годахъ, много вращавшись предъ тѣмъ въ различныхъ слояхъ обще-
ства, переживъ весьма бурную молодость, — обстоятельство, проли-

вающее яркий свѣтъ на его дѣятельность, ибо въ тѣсныхъ, монастырскихъ стѣнахъ никогда не воспитался бы боецъ съ такою энергией и съ такою свѣтлою головою". Къ книгѣ Рицлера приложено не мало документовъ, по большей части еще никогда не обнародованныхъ.

Alfred Reumont. Lorenzo de Medici il Magnifico. (Альфред Реймонт. Лаврентій Медичісъ Великолѣпныи).

Г. Реймонтъ—весьма извѣстный ученый, посвятившій изысканія своимъ преимущественно итальянской исторіи. Онъ писалъ до сихъ порть очень много и все, что выходило изъ подъ его пера, отличалось замѣчательными достоинствами. Не говоря уже о нѣсколькихъ томахъ его „Beiträge zur italiänischen Geschichte“, ему принадлежитъ между прочимъ „Исторія города Рима“ (съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка), которую онъ составилъ по порученію баварскаго короля Максимилиана II. Въ монографіи, подъ заглавіемъ „Die Carafa von Maddaloni“ представилъ онъ въ высшей степени любопытный очеркъ Неаполя подъ испанскимъ владычествомъ. Большой успѣхъ имѣла также написанная г. Реймомонтъ біографія графини Альбани, супруги послѣднаго изъ Стуартовъ,—женщины, связанной тѣсно дружбою съ Альфieri, который, по собственному его сознанію, много руководился въ своей литературной дѣятельности ея указаніями и соображеніями. Изъ всего этого видно, что произведенія г. Реймента многочисленны, но къ сожалѣнію русская публика не знакома съ ними: если не ошибаемся, только объ одномъ изъ нихъ, а именно о томъ, которое носить название „Юность Катерины Медичисъ“, могла она составить себѣ понятіе по статьямъ покойнаго московскаго профессора Кудрявцева, помѣщеннымъ въ *Русскомъ Вѣстнике*.

По справедливости считается въ настоящее время Реймонтъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ итальянской исторіи и жизни, и даже тѣ, которые упрекаютъ его иногда за отсутствіе беспристрастія, когда касается онъ католицизма (авторъ—ревностный католикъ), не могутъ не признать очень высоко его многосторонней и глубокой эрудиціи. Новый его трудъ, заглавіе коего означено выше, упрочиваетъ за нимъ эту репутацію. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ монографій, которыхъ вполнѣ исчерпываютъ предметъ. Авторъ собралъ здѣсь все, что извѣстно о Лаврентіи и культурномъ движеніи, съ которымъ связано имя этого государственного человѣка. Борьба политическихъ

шартій во Флоренції, войны и дипломатические сношения этой республики въ концѣ XV вѣка, широкое развитіе ея торговли, общественная ея жизнь, главнымъ же образомъ состояніе литературы, науки и искусства—изображены имъ со всевозможной подробностью; такъ какъ Лаврентій стоялъ во главѣ всего, что совершилось тогда во Флоренціи, то на немъ преимущественно сосредоточивается вниманіе автора, но затѣмъ мы находимъ тутъ же обильныя свѣдѣнія о всѣхъ ученыхъ, литераторахъ, художникахъ, которыхъ знаменитый флорентійскій меценатъ поощрялъ своимъ просвѣщеніемъ покровительствомъ и участіемъ. Можно пожалѣть только, что авторомъ недостаточно соблюдены условія перспективы, что дѣятельность первостепеннымъ онъ отводитъ почти столько же мѣста, какъ и такимъ, которые далеко не выдвинулись впередъ своею дѣятельностью и талантами. Недостатокъ безпристрастія проглядываетъ и въ новомъ трудѣ Реймента: известно, что именно при Сикстѣ IV, современникѣ Лаврентія, папская власть выступаетъ на тотъ путь, который окончательно возстановилъ противъ нея значительную часть европейскаго общества,— почти вовсе забываясь о священномъ своемъ происхожденіи и призваніи и поглощается интересами свѣтской политики. Тщетно стали бы мы искать указанія на это въ книгѣ Реймента. Авторъ старается всячески уменьшить значение того участія, которое Сикстъ IV принималъ въ извѣстномъ заговорѣ Папы, хотя самъ же онъ не можетъ скрыть, что папа былъ въ личныхъ сношеніяхъ съ заговорщиками, которые прямо заявляли ему о намѣреніи своемъ убийствомъ отѣлиться отъ Лаврентія и его брата. Но помимо этихъ недостатковъ, условливаемыхъ возврѣніями автора, книга его должна принести вся кому огромное удовольствіе и пользу: читая ее, мы какъ бы переносимся въ среду итальянскаго общества конца XV вѣка, предъ нами всецѣло воскресаетъ жизнь, которую вели лучшіе люди того времени въ монастыряхъ, дворцахъ и виллахъ,—люди, связанные между собою, не смотря на различіе общественного своего положенія, единствомъ артистическихъ и литературныхъ интересовъ. Блестящее развитіе гуманизма на итальянской почвѣ изображено авторомъ особенно удачно. „Знаменательнымъ моментомъ въ исторіи возрожденія классической литературы въ Италии, преимущественно же во Флоренціи, говорить онъ, нужно считать то обстоятельство, что лица, принадлежавшія не только къ среднему, но главнымъ образомъ къ высшему обществу, съ необычайнымъ рвениемъ посвящали себя изученію этой литературы. Она не была какою-нибудь роскошью или прихотью, господство ея

простирадлось не на одни монастыри и школы; она владычествовала столько же въ скромныхъ жилищахъ, сколько и во дворцахъ; она сопровождала людей того времени и въ счастіи, и въ несчастіи,—въ изгнаніи была для нихъ утѣхой, на родинѣ и въ довольствіѣ—лучшее собесѣдницей. Флоренція могла указать на цѣлый рядъ своихъ государственныхъ людей, которые были основательно знакомы съ греческими классиками и посвящали все свободное время на переводъ и истолкованіе ихъ. Хризолай былъ постоянно окружено учениками изъ самыхъ знатныхъ фамилій, занимавшими впослѣдствії важнѣйшия должности въ государствѣ и оказавшими большія услуги своему отечеству".

P. Georges Fischer. *The Reformation.* (М. Джеральд Фишеръ. Реформація).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданы были Оикеномъ лекціи по-войного профессора Гейссера о реформації, читанные имъ въ Гейдельбергскомъ университѣтѣ. Съ книгою этого, снискавшою весьма заслуженный успѣхъ, имѣть много общаго и появившееся нынѣ сочиненіе американскаго писателя: оно также состоялось изъ лекцій, которые были читаны Фишеромъ въ Lowell Institut въ Бостонѣ; оно обнимаетъ почти такой же періодъ времени (до конца XVII вѣка), но періодъ этотъ изложенъ подробнѣе, чѣмъ у Гейссера. Авторъ весьма искусно распредѣлилъ свой обильный материалъ на 15 главъ: первыи три, служащи какъ бы введеніемъ къ эпохѣ реформації, содержать превосходный очеркъ исторіи папской власти до XVI вѣка въ связи со исторією тѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, которые она встрѣчала на своемъ пути, и изъ коихъ гуманизмъ служилъ однимъ изъ близкайшихъ предѣстниковъ реформаціонного движения; главы IV—XI посвящены изложению, какимъ образомъ учение Лютера, Кальвина и Цвинглія постепенно развивалось въ различныхъ европейскихъ государствахъ; глава XII говорить о борьбѣ, которую суждено было протестантизму выдержать въ XVII вѣкѣ; здесь же идетъ кстати рѣчь объ основаніи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Остальныи три главы заняты обсужденіемъ различныхъ общихъ вопросовъ, касающихся судебъ протестантизма, а именно: организаціи протестантскихъ церквей и отношенія ихъ къ свѣтской власти; отношеній протестантизма къ новѣйшей цивилизаціи и культурѣ; протестантского богословія, и т. д. Къ книгѣ приложена хронологическая таблица, а также перечень источниковъ и литературныхъ пособій, которыми пользовался авторъ для своего труда.

Въ книгѣ п. Фишера не болѣе 600 страницъ, но она отличается такою полнотою содержанія, что было бы весьма несправедливо при-
числить ее къ компиляціямъ. Авторъ пользовался, конечно, лучшими
литературными пособіями, но по всему видно, что ему хорошо
извѣстны и источники. Хотя оцѣнка ихъ не входила въ его планъ,
онъ очевидно очень часто обращался къ нимъ, не полагаясь слѣпо
на авторитетъ даже такихъ изслѣдователей, какъ Ранке. Съ Фроудомъ
приходится ему во многихъ случаяхъ вести весьма оживленную по-
лемику: такъ, напримѣръ, онъ возвастѣтъ противъ странного поклоне-
нія этого историка Генриху VIII; не согласенъ съ нимъ также въ
опѣнкѣ Маріи Стuardtъ (Фишеръ подробно занялся, между прочимъ,
вопросомъ о письмахъ, которые были найдены въ ящики у этой ко-
ролевы и считаетъ эти письма, послужившия однимъ изъ главныхъ
пунктовъ для ея обвиненія, подлинными). Не всѣ изслѣдованія евро-
пейскихъ ученыхъ извѣстны, конечно, американскому писателю, но
удивляться этому нечего. Изложеніе его отличается несомнѣнными
достоинствами: оставаясь вполнѣ объективнымъ, оно согрѣто однако
теплымъ чувствомъ; при всей своей скромности и краткости, оно изо-
билиуетъ весьма рельефными характеристиками главнѣйшихъ дѣятелей
реформаціонной эпохи. Нельзя не замѣтить, конечно, что авторъ —
прежде всего богословъ: этимъ объясняется, что онъ остановился не
такъ подробно какъ бы слѣдовало на исторіи гуманизма, преимуществен-
но гуманизма нѣмецкаго въ связи его съ великими открытиями
и изобрѣтеніями XV вѣка; недостаточно отѣнено у Фишера, что
подъ конецъ среднихъ вѣковъ свѣтскіе интересы начинаютъ все
болѣе и болѣе овладѣвать католической церковью; о движеніи въ
средѣ рыцарского сословія и о крестянской войнѣ ему слѣдовало бы
сказать гораздо болѣе того, что находится въ его книгѣ; личности
Генриха IV, Густава-Адольфа, Кромвелля вышли у него недостаточно
яркими; въ очеркѣ развитія искусства подъ влияніемъ реформаціи
онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Дюрерѣ и Гольбейнѣ; о
перекрещенцахъ говоритъ онъ лишь вскользь. А между тѣмъ онъ
могъ бы урѣзать изъ своей книги многое, нисколько не повредивъ
цѣльности ея содержанія, — напримѣръ, различные подробности о
Маріи Стuardtъ. Тѣмъ не менѣе трудъ Фишера отличается такими
достоинствами, что со стороны ученой нѣмецкой критики (см. статью
о немъ въ „Historische Zeitschrift“ Зибеля) онъ вызвалъ весьма
лестные отзывы.

Le Cte A. de-Gasparin. Luther et la réformation au XVI iècle. (A. Гаспаренъ. Лютеръ и реформація въ XVI вѣкѣ).

Если бы пылкое убѣждение и живое изложение составляли главное достоинство хорошей книги, то новый трудъ графа Гаспарена можно было бы смѣло рекомендовать каждому читателю. Авторъ — горячий защитникъ религиозной свободы и отстаиваетъ ее съ большими краснорѣчіемъ. Книга его, составившаяся изъ лекцій, изложена языкомъ гораздо болѣе пригоднымъ для устнаго изложенія, чѣмъ для печати. Фразы въ родѣ „*Laissions tomber une larme*“ (стр. 27), „*Qu' en pensez vous, messieurs?*“ „*Respirez-vous bien?*“ (стр. 31) или „*Messieurs, n'avez vous pas tressailli!*“ (стр. 88) быть можетъ дѣйствуютъ възбудительно на слушателей публичныхъ курсовъ, но въ серьезномъ печатномъ труде онъ не всегда уместны. Впрочемъ эти мелочи съ избыткомъ выкупаются многими несомнѣнными достоинствами книги, — весьма удачною характеристикою Лютера и его дѣятельности въ связи съ общимъ ходомъ событий реформаціи. Весьма хорошо выяснена также связь реформаціонного движенія съ эпохой возрожденія вообще, а также и всего того, въ чёмъ обнаруживалась ихъ противоположность. Объ отмененіи Франціи къ реформації, объ умственномъ движеніи въ Германіи въ началѣ XVI вѣка, о заслугахъ, оказанныхъ имъ просвѣщенію, разсказано у Гаспарена много умныхъ и тонкихъ замѣчаній. Нельзя, однако, не пожалѣть о множествѣ ошибокъ и неточностей, вкраившихся въ книгу, — ошибокъ часто непростиительныхъ для человека, столь горячо относящагося къ своему предмету. Гуттена авторъ заставляетъ умереть въ Швейцаріи, на какомъ-то островѣ Констанцскаго озера; хораль свой Лютеръ сочинилъ будто бы еще до Вормского сейма; известного живописца Альбрехта Дюрера авторъ безцеремонно переселяетъ въ Виттенбергъ и дѣлаетъ его однимъ изъ близкихъ друзей Лютера. Съ собственными именами французский писатель церемонится очень мало. Но всѣ эти и множество подобныхъ промаховъ — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что отцомъ Карла V г. Гаспаренъ считаетъ Фердинанда Арагонскаго...

F. Bavaissen. Les Archives de la Bastille. (Ф. Равессонъ. Архивы Бастилии).

Въ 1840 году извѣстный французский ученый, Ф. Равессонъ, состоялъ при библіотекѣ арсенала, случайно нашелъ въ его подвалахъ документы, касающіеся Бастилии, за время отъ 1659 по 1789 годъ. Посвятивъ много лѣтъ разбору этихъ документовъ, онъ издалъ ихъ

нынѣ вмѣстѣ съ открытыми имъ же документами парижской полиціи съ Кольбера до 1774 года. Тѣ и другіе пополнены имъ извлечениями изъ англійскихъ и итальянскихъ архивовъ и изданы въ 6-ти томахъ, доведенныхъ имъ пока до 1781 года. Каждому тому предпослано введеніе, въ которомъ авторъ вкратцѣ передаетъ содержаніе важнѣйшихъ документовъ и дѣлаетъ характеристику тогдашнихъ правовъ. Нельзя не сознаться, что изданные г. Равессономъ документы въ высшей степени интересны и нарисованная имъ, на основаніи ихъ, картина тогдашняго общества весьма замѣчательна.

Но прежде всего любопытна судьба этихъ документовъ, давшихъ г. Равессону возможность ознакомить публику съ таинами подробностями, касающимися Бастиліи, которыхъ, очевидно, не могли войти въ сочиненіе о томъ же предметѣ Сисмонди, Минле и Г. Мартена, не подозрѣвавшихъ даже ихъ существованія. Старая администрація крѣпко держалась государственной тайны, и даже тамъ, где было сказано о карѣ за обыкновенные уголовныя преступленія, она избѣгала шума и огласки. Въ особенности же тайна соблюдалась относительно преступниковъ политическихъ. До 1789 года документы, о которыхъ идеть рѣчь, лежали нетронутыми въ Бастиліи, но, по разрушениіи крѣпости, они были выброшены толпою на дворъ, где и оставались долгое время безъ всякаго призора. Наконецъ, комитетъ городской ратуши отдалъ приказаніе собрать ихъ и перенести въ С. Жерманское аббатство; хотѣли даже ихъ напечатать, но послѣдующими событиями рѣшеніе это было пріостановлено. Позднѣе бумаги были переданы въ арсеналъ, где и были, какъ уже сказано, найдены Равессономъ.

Первоначальное основаніе Бастиліи относится къ 1369 г., и по странному стечению обстоятельствъ, первымъ, кому послужила она тюрьмою, былъ ея строитель, герцогъ Немурскій, который томился въ ней 13 лѣтъ. При Людовикѣ XI и Генрихѣ IV въ Бастилію заключено было еще нѣсколько лицъ, которыхъ и оставались тайно нѣрѣдко до самой смерти; начиная съ Ришелье, она становится одною изъ главныхъ парижскихъ тюремъ. Если при Людовикѣ XIV особенно наполняется она преступниками, то причиной того была крайняя распущенность тогдашняго общества: страсть къ игрѣ и ко всякому предосудительному способу наживы денегъ, дуэли, презрѣніе ко всякимъ гражданскимъ и общественнымъ законамъ—все это было явленіемъ весьма обычнымъ въ его средѣ. Арестанты ежедневно почти поступали въ Бастилію, но содержали ихъ вообще такъ хорошо, что

многие изъ нихъ, по соглашению съ губернаторомъ, дѣлали даже обѣженія и выходили на свободу, поправивъ свои дѣла. Иные, съ истечениемъ срока, просили какъ милости, чтобы ихъ оставили еще въ тюрьмѣ.

Процессъ главного интенданта Фуке достаточно известенъ, но только теперь, съ обнародованіемъ новыхъ документовъ, видно до какой степени простиралась его вина. Еще Генрихомъ IV было определено, чтобы для каждого особаго вида расходовъ имѣлись свои специальные суммы. Дабы запутать отчеты, Фуке дѣлалъ постоянный перечисленія изъ однѣхъ суммъ въ другія, а иногда и вовсе даже уничтожалъ бумаги, которыхъ могли его компрометировать. Государственнымъ кредиторамъ онъ выдавалъ векселя, по которымъ казначеи должны были уплачивать имъ наличными деньгами, по предъявленію; вместо того, казначеи выдавали кредиторамъ векселя или на генеральныхъ откупщиковъ государственныхъ доходовъ (*fermiers-généraux*) или на немсправныхъ плательщиковъ казны. Часто по бумагамъ этимъ кредиторы не могли ничего получить; тогда, взамѣнъ ихъ, выдавались имъ другія бумаги, такого же сомнительного достоинства, и когда, потерявъ всякую надежду получить по этимъ бумагамъ слѣдующія имъ суммы, кредиторы иrodавали ихъ за безцѣнокъ на биржѣ, Фуке скушалъ ихъ и заставлялъ казначейство сполна уплачивать по нимъ себѣ наличными деньгами. Возобновленіе контрактовъ съ генеральными откупщиками доставляло ему новые незаконные барышни. Не рѣдко Фуке бралъ большиі валтки съ лицъ, заѣдывающихъ судебными или финансющими управлѣніями, грозя, въ противномъ случаѣ, уменьшить ихъ жалованье, или создать новые вѣдомства, которыя значительно должны были сократить ихъ собственные доходы. Когда казна пустѣла и правительство объявляло займы, Фуке открывалъ подписку на заемъ у себя и собирая по ней деньги, не передавая ихъ въ кассы государства: онъ становился, такимъ образомъ, въ одно и то же время и казначеемъ, и распорядителемъ, и плательщикомъ, воруя на расходахъ, послѣ того какъ воровалъ на займахъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, онъ учредилъ въ Руанѣ въ свою пользу монополію на продажу воска и сахара, и въ сѣверныхъ портахъ Франціи на рыбѣ жиръ, что совершенно разорило французскихъ судоходствъ и обогатило Голландію. Агенты и приказчики этого сановника были его соучастниками и, находя себѣ въ его примѣрѣ гарантію безнаказанности, обворовывали казну столь же бесстыдно, какъ и онъ самъ. Половина государственного бюджета

переходила, такимъ образомъ, въ руки взяточниковъ и Францію грабили тѣ самые люди, которымъ поручена была охрана ея интересовъ. Строгое разслѣдованіе дѣла, назначенное Людовикомъ XIV, привело къ тому, что Фуке, послѣ процесса, длившагося 4 года, былъ приговоренъ большинствомъ 22 голосовъ противъ 14 (изрѣзшихъ смертную казнь) — къ изгнанію. Людовикъ замѣнилъ изгнаніе пожизненнымъ заключеніемъ и изъ Бастилии Фуке былъ перевезенъ въ Пиньероль, укрѣпленный замокъ Сардинскихъ владѣній, перешедший ко Франціи въ 1630 году. Слѣдствіе надъ Фуке не ограничилось только временемъ его управления: оно раскрыло злоупотребленія, бывшія и до него, за все время, съ 1630 года, при чёмъ оказалось, что во времена Мазарена, не болѣе какъ въ 6 лѣтъ, казна была расхищена на сумму 360 миллионовъ.

Приведенный вѣдь извлеченія изъ книги г. Равессона не представляютъ еще полной характеристики упадка нравственности при Людовикѣ XIV; главнѣйшія черты этой характеристики, заимствованыя у г. Равессона, мы приводимъ ниже, не имѣя, впрочемъ, возможности исчерпать на вѣсколькихъ страницахъ весь материалъ, представляемый намъ „Arsenalами Бастилии“.

Несомнѣнно, что съ вѣкомъ Людовика XIV связаны воспоминанія о самыхъ страшныхъ преступленіяхъ, какъ съ ними же связаны воспоминанія о великихъ подвигахъ и о блестящемъ литературномъ періодѣ. Мрачныя стороны этой эпохи во мноромъ напоминаютъ времена упадка римской имперіи. Вѣра въ силу колдовства, всякаго рода суевѣrie, отравление, какъ самый обыкновенный способъ избавиться отъ докучливаго мужа или отца—вотъ, что было въ нравахъ второй половины XVII вѣка. Профессія вороженія или колдуна считалась весьма выгодною; къ этимъ людямъ обращались богатые и бѣдные, знатные и незнатные; они, почти безъ затрудненій, снабжали просителей различными ядами. Кому не известны имена Бреивилье, Ваненсъ, Ла - Шоссе, хирурга Далмаса, Глазера, алтѣкария Фуке, каноника Дюлона, Сент-Круа и Лавузенъ,—слава которыхъ гремѣла въ то время не только во Франціи, но и далеко за ее предѣлами? Отравители, подъ предлогомъ изученія алхіміи, на самомъ дѣлѣ изучали искусство лишать человѣка жизни и довели это искусство до совершенства. Сорочка, пропитанная мышьяковымъ мыломъ, производила на всемъ тѣлѣ сильнѣйшее воспаленіе, которое поддерживалось сжиганіемъ, тѣмъ же способомъ вымытіемъ бѣльемъ, чѣмъ неминуемо вело человѣка къ смерти; растворы мышьяка, притѣщанные къ пищѣ въ

налигкамъ, разрушали организмъ, не оставляя по себѣ ни малѣшаго признака отравы. Самыя ужасныя злодѣянія выплываются наружу только теперь, съ обнародованіемъ бумагъ, найденныхъ въ Бастилии: одна мать, напримѣръ, поручаетъ извѣстной отравительницѣ Ла-Вуазенъ отравить сына; толькъ, въ свою очередь, платить ей, чтобы она отравила мать; Ла-Вуазенъ торгуется съ обоими и служитъ тому, кто заплатилъ ей дороже. Въ обществѣ не только не слышно было протеста противъ подобныхъ преступлений,—напротивъ, многимъ представлялся даже комичнымъ толькъ легкій способъ, которымъ жена отправляла на толькъ свѣтъ своего мужа, наслѣдникъ — посредствомъ *poudre de succession*, разрѣшалъ вопросъ о наслѣдствѣ, но при всемъ томъ каждый былъ постоянно на-стражѣ и дрожалъ за свою жизнь. Въ это время металлические стаканы были замѣнены стеклянными, бѣлье мылось на глазахъ самой ховайки людьми, на преданность которыхъ можно было различивать; письма окуривались какъ во времена чумы, дамы отказывались отъ букетовъ, ибо и самые цветы бывали часто отравлены. Большинство не сомнѣвалось въ могущество нечистой силы: игроки заставляли благословлять карты; женщины носили на себѣ такъ-называемую *main de gloire*, которая была ничто иное, какъ выслушенная на солнцѣ или въ печи рука повѣшенного человѣка; скриги платили большія суммы колдуналъ за неразмѣнныи червонецъ. Сатаническія легенды совершенно омрачали разсудокъ людей. Исследители золота рыли по ночамъ клады; окруженные черными зажженными свѣчами, съ кабалистической книгою въ рукахъ, вызывали они нечистую силу, и въ отчаяніи, что она не является на ихъ призывъ, прибѣгали къ средствамъ, о которыхъ мы не рѣшаемся даже упомянуть здѣсь, — до такой степени они омерзительны.

Слѣдствіе, назначенное въ 1680 году Людовикомъ XIV, раскрыло массу преступлений: виновныхъ было толькъ много, что карать всѣхъ не было возможности; а потому только главнѣйшіе изъ нихъ поплатились за свои страшныя злодѣянія.

John Morley. Rousseau. (Д. Морлей. Руссо).

Новое сочиненіе Морлея, извѣстнаго англійскаго публициста, и издателя *Fortnightly Review*, о Руссо служить какъ бы дополненіемъ къ прежнему труду его о Вольтерѣ. Авторъ и здѣсь обнаруживаетъ большой запасъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и рѣдкое безпри-

страсті даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ему имѣть дѣло съ мнѣніями, совершенно противоположными его собственнымъ. Независимость и трезвость его приговоровъ о Руссо, къ которому никто не умѣлъ до сихъ порь отнести безпристрастно, особенно удивляетъ въ Англичаніи, ибо духъ и характеръ французскаго философа составляетъ вообще рѣзкій контрастъ съ духомъ и характеромъ англійской нації. Г. Морлеи — горячий, но далеко не безусловный защитникъ Руссо, какъ человѣка: многое въ его поступкахъ находитъ онъ весьма предосудительнымъ, но поступки эти объясняетъ онъ своеобразностью философа и возлагаетъ ответственность за нихъ на его болѣзненную организацію. Говоря, напримѣръ, о продолжительномъ сожитіи Руссо съ извѣстной Терезою, женщиной болѣе юной даминой, онъ полагаетъ, что Руссо, по обычной своей наклонности ко всяkimъ странностямъ, „хотѣлъ, быть можетъ, доказать свѣту, что онъ умѣеть найти хорошія качества даже въ такомъ существѣ, въ которомъ всякий другой не увидалъ бы ничего, кроме жалкаго ничтожества“. Не менѣе странны приговоры автора объ отношеніяхъ Руссо къ другимъ лицамъ, а также и о самыхъ этикъ лицахъ; для примѣра достаточно привести сдѣланное имъ сравненіе г-жи Варансъ съ Манонъ-Леско: что общаго нашель онъ между юною, легкомысленною, страстью подругою кавалера де-Грѣ и нассивною, невозмутимою владѣтельницю помѣстья Шарметъ? Впрочемъ, сужденіемъ такого рода нельзѧ придавать особаго значенія уже потому, что биографическая сторона занимаетъ вообще весьма незначительное мѣсто въ книгѣ г. Морлея: авторъ и на знаменитой „Исповѣди“ остановился главнымъ образомъ только для того, чтобы прослѣдить по ней различныя направленія, представителемъ которыхъ слушалъ французскій философъ. Руссо занимаетъ его исключительно какъ мыслитель: разбирая подробно его произведенія, онъ объясняетъ весьма тонко и искусно, въ какой мѣрѣ отразилась въ нихъ реакція стремленій, господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ. Характеристика внутреннаго міра и тѣхъ законовъ, подъ влияніемъ которыхъ сложился образъ мыслей Руссо, сдѣлана г. Морлеемъ превосходно. „Человѣкъ этого“, говорить онъ, „не руководился никакою опредѣленію мѣрою, постоянно былъ подъ влияніемъ минуты, извѣстного расположенія духа, случайной встрѣчи, воспоминанія, но никогда не подъ влияніемъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ цѣлей и живой дѣйствительности. Безпрерывно готовъ былъ онъ отказаться отъ зреѧ обдуманнаго плана

ради фантастическихъ грэзъ, возникшихъ въ очаровательной области воздушныхъ замковъ".

Очень мѣtemъ тѣ страницы въ книгѣ Морлея, гдѣ онъ старается доказать, что мнѣнія и убѣжденія Руссо были причудами ритора и софиста, хотя самому Руссо и хотѣлось увѣрить, какъ себѣ, такъ и другихъ, что онъ составляютъ стройную систему, являются результатомъ глубокаго и весьма послѣдовательнаго мышленія. Съ этой точки зрѣнія политическія его теоріи оказались особенно несостоятельными. Морлей, съ тѣмъ здравымъ практическимъ смысломъ, который такъ присущъ Англичанину въ вопросахъ политики, безпощадно разоблачаетъ заблужденіе Руссо, что одною лишь операциею мышленія, по внушенію произвола, безъ дальніхъ справокъ съ исторіею, можно устроить какой бы то ни было государственный бытъ.

Arnold Schaefer. Geschichte des siebenj  rigen Krieges. (Арнольд Шефер. Исторія семилѣтней войны, III томъ).

Недавно появившимся третьимъ томомъ оканчивается весьма почтенный трудъ Шефера, заключающій въ себѣ множество досадъ неизвѣстныхъ свѣдѣній. Всѣ прежніе историки семилѣтней войны обращали вниманіе преимущественно на военные дѣйствія, а дипломатической стороны этого важнаго событія касались не tanto подробно, какъ бы слѣдовало уже потому, что не могли располагать необходимыми для того материаломъ. Только теперь, когда значительно облегчился доступъ въ государственные архивы, когда, между прочимъ, документы архива вѣнскаго уже не окружены непроницаемою тайной, представилась для этого возможность и Шеферъ поспѣшилъ воспользоваться ею. Если обширный его трудъ и не отличается мастерствомъ изложенія, то относительно добросовѣтности и тщательности изслѣдованій онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Третій томъ своего сочиненія Шеферъ посвящаетъ изложенію тѣхъ послѣднихъ событій семилѣтней войны, когда, послѣ похода 1760 года, всѣ державы, участновавшія въ этой войнѣ, обнаруживали замѣтно миролюбивыя стремленія. Миръ состоялся бы, если бы австрійской политикой не руководилъ Кауницъ. Онъ не мечталъ уже, конечно, въ это время о возможности раздробить на части Пруссію, но болѣе чѣмъ когда-нибудь обольщался мыслью возвратить Маріи-Терезіи верхнюю Силезію и графство Глацъ — „ключъ къ обладанію Богеміей“, не хотѣлъ допустить Фридриха великаго утвердиться въ

Аншпахъ и Байрейтъ, считая подобное распространение прусского владычества въ глубь Германии гораздо худшимъ зломъ, чѣмъ даже потеря Силезіи. Вотъ почему война продолжалась еще два года, въ теченіе коихъ Кауница обнаружилъ рѣдкую ловкость и находчивость. Въ 1761 году, когда Франція и Англія готовы были заключить между собою отдельный миръ, Кауницъ успѣлъ помѣшать этому, заставивъ версальское правительство потребовать отъ Англіи, чтобы она отказалась отъ союза своего съ Пруссіею, о чёмъ не хотѣла и слышать Питтъ. Когда, по изверженію Питта, миръ между двумя державами все-таки состоялся, Кауницу удалось выговорить для своего двора значительную субсидію со стороны Франціи. Вообще въ теченіе всего этого времени дипломатическое искусство Кауница проявлялось въ весьма блестящемъ свѣтѣ. Шеферъ держится на этотъ счетъ такого же мнѣнія, какъ и другие историки, которые пользовались въ послѣднее время документами вѣнскаго архива, — Ранке, Арнетъ, Беръ. Не всѣ они одинаково сочувствуютъ австрійскому государственному мужу, но въ изслѣдованіяхъ ихъ фигура его однаково выступаетъ въ довольно величавомъ видѣ. Кауницъ старался измѣнить направление европейской политики, которая, до исхода XVIII вѣка, условливалась главнымъ образомъ антагонизмомъ Габсбургскаго и Бурбонскаго домовъ: цѣлью его было, напротивъ, установить солидарность интересовъ между Австріею и Франціею, направить ихъ силы противъ новой державы, которая съ блескомъ выступала тогда на историческое поприще западной Европы, и если бы эта цѣль ему удалась, то легко предугадать, какія могли бы произойти отъ того важныя послѣдствія. Съ этой точки зрѣнія событія семилѣтней войны не лишены значительного интереса и для современной политики.

Helfert. Der Rastadter Gesandtenmord. (Гельфертъ. Умерщвленіе Ращадтскихъ уполномоченныхъ).

Извѣстна печальная судьба французскихъ уполномоченныхъ на Ращадтскомъ конгрессѣ 1799 года: когда, вслѣдствіе перерыва дипломатическихъ переговоровъ, они (Робержѣ, Боннье и Жанъ Дебри) отправились на родину, то тотчасъ по выѣздѣ ихъ изъ города, ночью на 28-е апрѣля, напали на нихъ секлерскіе гусары, отняли у нихъ всѣ бумаги и нанесли имъ такие побои, что Робержѣ и Боннье умерли на мѣстѣ, а Дебри, покрытый тяжкими ранами, успѣлъ какъ-то скрыться во рву. Преступленіе это не было изслѣдовано въ свое время надлежа-

щимъ образомъ, и до сихъ порь подаетъ поводъ только къ предположеніямъ и догадкамъ. Одни историки обвиняютъ въ немъ тогдашнее австрійское правительство, другіе стараются свалить вину на французскую директорію или эмігрантовъ. Нужно сказатьъ, впрочемъ, что большая часть держится первого изъ этихъ мнѣній; къ нему присоединился также и Зибель въ вышедшемъ недавно V-мъ томѣ своей „Исторіи революціоннаго времени“. Съ другой стороны, еще весьма недавно Мендельсонъ-Бартольди старался снять этотъ упрекъ съ Австріи, а теперь и Гельферть, въ сочиненіи, заглавіе коего написано выше, имѣть въ виду ту же цѣль. Подъ влияніемъ весьма почтенного патріотического чувства, этотъ австрійскій историкъ доказываетъ, что вѣнское правительство не принимало ни малѣшаго участія въ упомянутомъ событии: онъ тщательно проверилъ обвиненія противъ него,убѣдительно выставилъ на видъ ихъ противорѣчія и сбивчивость,— вся эта отрицательная сторона вышла у него весьма хорошо, а между тѣмъ не производить желаемаго имъ впечатлѣнія. Дѣло въ томъ, что если, по мнѣнію Гельферта, нареканія противъ австрійскихъ властей отнюдь не убѣдительны, то доводы, съ помощью которыхъ старается онъ увѣрить, что нападеніе на французскихъ пословъ учинено было эмігрантами или тайными агентами директоріи, представляются уже никака не годными: до такой степени они слабы. Вотъ почему рассматриваемый имъ вопросъ по прежнему остается крайне загадочнымъ. Зибель, какъ видно изъ его статьи, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ *Historische Zeitschrift*, нисколько не отказался, по прочтеніи книги Гельферта, отъ высказаннаго уже имъ убѣжденія.

Fr. Wallon. *La terreur. Etudes critiques sur l'histoire de la révolution française.* (Валлонъ. Терроръ. Критическія вислѣдованія объ исторіи французской революції).

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей: первая посвящена разбору сочиненій, написанныхъ въ послѣднее время о французской революціи, вторая—самостоятельной оцѣнкѣ событий конца прошлаго столѣтія. Въ первой части г. Валлонъ выказалъ весьма сильный критический талантъ; онъ отдалъ полную справедливость замѣчательнымъ трудамъ Мортимера-Герно и Кине и отбросилъ смѣлые парадоксы Карлейля. Весьма интересны, сверхъ того, вѣкоторыя извлечения, сдѣланныя имъ изъ различныхъ сочиненій; особенно же интересно все, заимствованное имъ изъ „Tableaux de la révolution française“ Адольфа

Шмидта о событіяхъ, предшествовавшихъ 31-му мая. Тѣмъ не менѣе, эта часть разбираемаго нами труда г. Валлона не имѣть, сама по себѣ, важнаго значенія, тѣмъ болѣе, что авторъ не рѣдко останавливается свое вниманіе на мало замѣчательныхъ сочиненіяхъ, каковы, напримѣръ, „La démagogie en 1793 à Paris“ и „Paris en 1794“ Добана и „Le vandalisme révolutionnaire“ Дюнуа. Изъ этого послѣдняго, весьма слабаго, труда г. Валлонъ сдѣлалъ даже выписки объ отношеніи революціи къ искусству и наукамъ, и помѣстилъ ихъ рядомъ съ инѣмыми о томъ же предметѣ Аври Бодрильара, — инѣыми, имѣющими несравненно болѣе значенія и вѣса.

Во второй части дѣло идетъ о парижскомъ революціонномъ трибуналѣ, и вслѣдъ, у кого осталось еще сомнѣніе въ томъ, съ какой дикою, безумною и неподражаемою свирѣпостью творили свой судъ и расправу террористы, окончательно въ этомъ убѣдится, проптѣ труда г. Валлона. Особенный вѣсъ имѣть этотъ послѣдній отдѣлъ и потому, что здѣсь авторъ приводитъ весьма вѣрные, обнародованные уже Компардономъ, документы, но еще разъ сличенные и проѣврѣнныи авторомъ въ национальныхъ архивахъ.

H. von Sybel. Geschichte der Revolutionazeit. V Band, I Abth. (Зибелъ. Исторія революціонной эпохи. 1-й выпускъ V тома).

Въ этомъ новомъ отдѣлѣ превосходнаго сочиненія Зибеля изложены событія отъ кампоформійскаго мира (17-го октября 1797 г.) до начала войны второй коалиціи противъ Франціи (апрѣль 1799 г.). Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ авторъ останавливается наше вниманіе на самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ тогдашней политической жизни Европы. Прежде всего изображаетъ онъ, въ какомъ положеніи вышла Франція изъ подъ господства директорія: если мы хорошо знали и до сихъ поръ, что оно было далеко не завидно, то все-таки заслуга Зибеля состоять въ томъ, что онъ чрезвычайно ярко освѣтилъ его на основаніи множества точныхъ и неоспоримыхъ данныхъ. „Повсюду застой, упадокъ, бессиліе“, — такъ характеризуетъ одинъ изъ современниковъ тогдашнюю французскую администрацію, и всякий, кто ознакомится съ поразительными фактами, собранными Зибелемъ, увидѣть, что это была далеко не фраза. „Директоры, ихъ министры, депутаты весьма аккуратно получали свое жалованье; выдавалось оно также и войску, но что касается до гражданскихъ чиновниковъ, они были брошены на произволъ судьбы; торговля

находилась въ глубокомъ упадкѣ; никто не помышлялъ о мѣрахъ, которыхъ могли бы улучшить материальное благосостояніе страны; воровство господствовало повсюду. „Нѣть такого военного комиссара“, говорить одинъ изъ тогдашнихъ подрядчиковъ, „который при расплатѣ за поставку въ казну не набивалъ бы себѣ кармана; всѣ казначеи удерживаютъ въ свою пользу по крайней мѣрѣ по 30%“, утверждалъ, что они дѣлаютъ это по приказанію главныхъ военноначальниковъ; вотъ почему и я вынужденъ, чтобы свести концы съ концами, безсовѣтно обирать казну“. Не смотря на этотъ жалій упадокъ, воинственные замыслы были сильно распространены какъ въ обществѣ, такъ и въ правительстве. Если Австрия надѣялась, кампоформийскимъ миромъ, обуздатъ ихъ, то очень скоро должна была она убѣдиться въ своей ошибкѣ. Изъ чрезвычайно подробного разказа Зибеля о томъ, какъ распоражались Французы въ Пизальянской республикѣ и Швейцаріи, нельзя не убѣдиться, что не только не отступали они предъ войною, но, напротивъ, умышленно старались сдѣлать ее неизбѣжною. Въ этомъ случаѣ отвага ихъ превосходила всякое вѣроятіе. Постоянно раздражая великия державы, и преимущественно Австрию, своимъ образомъ дѣйствій въ Швейцаріи и Италии, генералъ Бонапарте не смущался опасностями, которыхъ могли угрожать ему съ этой стороны, и ни на минуту не упускалъ изъ виду упорную борьбу Франціи съ Англіею. „Ему была совершенно чужда мысль о томъ, замѣчаетъ Зибель, чтобы умѣренностью обеспечить успѣхъ своихъ плановъ, сосредоточить свои усилия на какомъ-нибудь одномъ предприятіи; тѣмъ болѣе возрастали вокругъ него затрудненія и опасности, тѣмъ болѣе находилъ онъ въ этомъ возбужденіе для своей дѣятельности: горячечная, всепоглощающая работа и борьба — вотъ чего постоянно жаждала эта демоническая натура“.

Безспорно, разказъ объ египетской экспедиціи Наполеона Бонапарте составляетъ самую лучшую часть книги Зибеля. Авторъ старается выставить это событие въ совершенно новомъ свѣтѣ, а именно онъ доказываетъ, что Наполеонъ вовсе не ставилъ отдаленою своею цѣлью — завоевать Ость-Индію, вовсе не мечталъ совершилъ одинъ изъ тѣхъ походовъ, которыми прославился Александръ Македонскій. Онъ стремился только овладѣть Египтомъ, а Египетъ долженъ быть служить ему точкою опоры для европейской его политики. Во Франціи сильно распространилось тогда убѣжденіе, что Россія и Австрия думаютъ возбудить восточный вопросъ съ цѣллю раздѣлить между собою турецкія владѣнія; Наполеонъ хотѣлъ получить участіе въ

этомъ предполагаемомъ дѣлѣжѣ, или же, возвративъ Египетъ султану, склонить его къ союзу съ собою противъ русскаго и австрійскаго дворовъ. По словамъ Зибеля, крайне несправедливо также распространенное доселѣ мнѣніе, будто бы Наполеонъ дѣйствовалъ въ египетской экспедиціи съ почти безумною отвагою, полагаясь главнымъ образомъ на свою счастливую звѣзду. Въ началѣ французскому флоту вовсе не приходилось бы пробираться тайкомъ къ берегамъ Египта, ибо Англичане, страшась угрожавшей имъ высадки, вывели почти всѣ свои корабли изъ Средиземнаго моря. Все это было принято въ разчетъ Наполеономъ: онъ думалъ, какъ это видно изъ достовѣрныхъ документовъ, воспользоваться столь благоприятными для него положеніемъ дѣлъ, но обстоятельства, не зависѣвшія отъ его воли, принудили его вѣсколько замедлить походомъ, а между тѣмъ Нельсонъ (въ маѣ 1798 г.) появился въ Средиземномъ морѣ. Вотъ почему французскому флоту предстоила крайне опасная роль, на которую Наполеонъ вовсе не разчитывалъ и при чемъ счастливая его звѣзда дѣйствительно помогла ему.

БЫЛГОРОДСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ.

Былгородская учительская семинария была открыта 2-го октября 1871 года.

Начальство Харьковского округа, избирая между уездными городами более удобный для учреждения семинарии городъ, остановилось на Былгородѣ, близость котораго къ Харькову и удобство сообщенія почти со всѣми губерніями округа посредствомъ желѣзныхъ дорогъ давали ему преимущества предъ другими, и должны были привлечь учениковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ¹). Выборъ этотъ сдѣланъ былъ еще и потому, что въ Былгородѣ нашлось и помѣщеніе—загородная дача, которая на первое время могла удовлетворять нуждамъ училища. Хотя при осмотрѣ этого старинного барского дома, со множествомъ маленькихъ комнатъ, онъ оказался тѣснымъ для трехъ классовъ семинарии, школы, библиотеки, кабинетовъ и проч., но все-таки могъ удовлетворять главныемъ потребностямъ.

Отдѣляясь отъ города рѣкою (Сѣв. Донецъ, весьма незначительный въ этой мѣстности) и обширнымъ лугомъ, черезъ который тянется плотина на $\frac{1}{4}$ версты, учительская семинария, съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ и громадными тополями, имѣть видъ настоящаго оазиса на сырчечемъ, глубокомъ пескѣ окружающей мѣстности. Эта единственность, какъ бы обособленность отъ городской, хотя далеко не суетливой жизни, служить не малымъ для нея преимуществомъ.

Съ ранней весны и до поздней осени воспитанники гуляютъ въ.

¹) Это предположеніе вполнѣ оправдалось: въ настоящее время въ семинарии учатся болѣе десяти донскихъ казаковъ, родина которыхъ за 700—900 верстъ отъ города Былгорода.

саду до уроковъ и во время перемѣнъ; тамъ же берутъ и уроки гимнастики, для которой устроены снаряды на открытой, возвышенной площадкѣ. Многіе изъ нихъ собираются сюда готовить уроки, приготовляться къ экзаменамъ, читать; вообще для нихъ этотъ садъ, единственный въ городѣ, представляетъ място для гулянья, и для занятій. Здѣсь же, въ саду, у каждого изъ нихъ есть участокъ земли (около 12 квадр. саж.), на которомъ они разводятъ овощи и разную огородную зелень. Подобныя занятія даютъ возможность ознакомить воспитанниковъ съ огородничествомъ и отчасти садоводствомъ¹⁾, что особенно важно для сельского учителя.

Въ зимнее время нѣкоторыя аллеи въ саду расчищаются самими воспитанниками для прогулокъ, а на небольшомъ пруду, занимающемъ центръ сада, устраивается катанье.

Первый пріемъ въ семинарію происходилъ 25-го сентября 1871 года; изъ 45 молодыхъ людей, подвергавшихся испытанію, было принято 40, составившихъ первый классъ, а второй—временный—образовался изъ 30-ти воспитанниковъ упраздненныхъ въ то время педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ и Курскому уѣздныхъ училищахъ, переведенныхъ въ семинарію для окончанія ученья. Въ юнѣ 1872 года они были выпущены съ тѣми правами, которыхъ предоставлены окончившимъ образованіе въ этихъ курсахъ.

Въ началѣ втораго академическаго года число желающихъ поступить въ семинарію возросло до 60 человѣкъ; но изъ нихъ было принято только 38; на третій годъ явилось на вступительный экзаменъ 52, поступили 38. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ въ семинарію поступило, со включеніемъ и воспитанниковъ упраздненныхъ педагогическихъ курсовъ, 146 молодыхъ людей разныхъ званій, но преимущественно духовнаго. Что касается до ихъ подготовки, то она была весьма не одинакова: нѣкоторые поступали съ самыми элементарными свѣдѣніями, не превышавшими курса сельскихъ училищъ, другіе же, наоборотъ, были достаточно свѣдущи и развиты.

Такое же различіе оказывалось и въ возрастѣ. Въ положеніи объ учителскихъ семинаріяхъ указанъ только шіцітъ этого возраста, вслѣдствіе чего при пріемѣ наблюдалось только, чтобы поступающему не было менѣе 16-ти лѣтъ; если же являлись молодые люди даже

¹⁾ До сихъ поръ еще не удалось развести школы фруктовыхъ деревьевъ, а потому воспитанники на своихъ участкахъ разводятъ только кустарные растенія (крыжовникъ, смородину).

25 — 27 лѣтъ¹), то не было никакого основания отказать имъ въ приемѣ.

Такая разница въ познаніяхъ, развитіи и возрастѣ учениковъ одного и того же класса чрезвычайно затрудняла успѣшный ходъ учебно-воспитательного дѣла; съ другой стороны, со введеніемъ нового устава о воинской повинности, воспитанникамъ семинаріи дается льгота для окончанія образованія лишь до 22-хъ лѣтъ; слѣдовательно, поступающіе 19 или 20-ти лѣтъ должны были бы оставлять семинарію до окончанія курса и идти на службу, отъ чего, конечно, могли бы страдать интересы какъ семинаріи, такъ и народнаго образованія.

Дабы устранить эти неблагопріятныя обстоятельства, педагогическій совѣтъ, чрезъ директора, входилъ съ ходатайствомъ къ вышнему начальству о томъ, чтобы поступающіе въ семинарію до вынужденія жребія были признаны не свыше 18-ти лѣтъ, а вынувшіе жребій, избавляющій ихъ отъ воинской службы,— не свыше 22-хъ лѣтъ. Это ходатайство было уважено и возрастъ поступающихъ определенъ согласно съ предположеніемъ педагогическаго совѣта.

Число поступавшихъ въ семинарію изъ сельскихъ школъ постепенно возрастило. На первый годъ такихъ не было вовсе, а на второй — поступило 4, и на третій — 6; въ настоящемъ академическомъ году—8. Число это, безъ сомнѣнія, будетъ постепенно возрастиать, чему особенно должно содѣйствовать распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи стипендій при двухклассныхъ образцовыхъ училищахъ для учениковъ, пожелавшихъ поступить въ учительскую семинарію. Прошло не болѣе года со времени обнародованія этого распоряженія, и въ Бѣлгородскую семинарію поступили уже двое изъ Борисовской двухклассной образцовой школы.

Съ другой стороны, всюду замѣтное улучшеніе сельскихъ училищъ будетъ также облегчать доступъ въ семинарію ихъ ученикамъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе осуществимо, что требованія вступительного экзамена не превышаютъ, согласно положенію (§ 19), курса начальныхъ школъ. Недалеко, слѣдовательно, время, когда въ семинарію будетъ поступать исключительно тотъ контингентъ, который вполнѣ можетъ отдаваться дѣлу народнаго образованія.

Сословіе и званіе поступившихъ въ Бѣлгородскую семинарію въ теченіе трехъ лѣтъ были столь же различны, какъ возрастъ и сте-

¹) Такого возраста было двое: одинъ въ вынужденномъ году окончилъ курсъ, а другой перешелъ во II-й классъ.

пень ихъ подготовки. Преимущество осталось, конечно, за духовенствомъ, изъ среды которого поступило (изъ 116 человѣкъ) 57, или почти 50%; но въ числѣ остальныхъ были дѣти дворянъ, канцелярские служители (2), сельскіе учителя, монастырскіе послушники, крестьяне-собственники и временно-обязанные.

Въ теченіе трехъ лѣтъ изъ семинаріи выбыло 82 воспитанника: 28 изъ I-го класса, 32 изъ II-го и 22 изъ III-го.

Изъ 28 воспитанниковъ, выбывшихъ изъ I-го класса, 20 остались заведеніе добровольно, не имѣя средствъ содержать себя. Поступая въ семинарію, всѣ эти молодые люди разчитывали на получение казенной стипендіи, но скоро разочаровались въ этомъ, такъ какъ ихъ было очень много, а казенные стипендіи назначаются по конкурсу лучшимъ ученикамъ, черезъ полтора мѣсяца по вступленіи ихъ въ семинарію.

Народному учителю предстоитъ трудъ усиленный, требующій энергіи, вниманія, аккуратности, а потому и учебная часть должна быть организована такъ, чтобы каждый научный предметъ и каждое практическое занятіе (напримѣръ, огородничество) были одинаково и безусловно обязательны для всѣхъ воспитанниковъ. Въ Бѣлгородской семинаріи нѣтъ главныхъ и не главныхъ предметовъ; каждое дѣло, признанное для воспитанниковъ полезнымъ и необходимымъ, должно быть исполнено ими возможно лучше. Такой взглядъ на семинарское образованіе, одобренный окружнымъ начальствомъ, устраиваетъ небрежность въ исполненіи работъ и пріучаетъ воспитанниковъ уважать трудъ, каковъ бы онъ ни былъ.

Для точнаго примѣненія этого правила на дѣлѣ, занятія ремеслами и огородничествомъ съ начала академическаго года подчинены строгому контролю и наблюденію директора и наставниковъ, для которыхъ присутствовать въ мастерскихъ также обязательно, какъ и быть на предметныхъ урокахъ.

Подобная организація учебной части дала возможность назначить для каждого класса по 6-ти уроковъ ежедневно и распределить ихъ такъ, что между предметными уроками, требующими умственного напряженія, помѣщены уроки пѣнія, гимнастики, ремесль и огородничества.

Ежедневное распределеніе уроковъ, какъ известно, имѣть весьма важное значеніе въ учебномъ дѣлѣ. Прежде, четыре дня въ недѣлю, въ I классѣ уроки оканчивались въ часъ, а послѣ обѣдъ назначеніе назначались въ 3 и оканчивались въ 6 часовъ, а два дня, когда

уроки въ I классѣ продолжались до 2-хъ, послѣобѣденные начинались въ 4 и оканчивались въ 7. Такимъ образомъ ученіе въ семинаріи, съ небольшимъ перерывомъ для обѣда, продолжалось 11 часовъ и поглощало весь день. Такое распределеніе уроковъ было сдѣлано потому, что предполагалось необходимымъ дать некоторый отдыхъ воспитанникамъ III класса послѣ занятій ихъ въ школѣ, дабы они со слѣжими силами могли продолжать ученіе. Но это предположеніе на дѣлѣ не оправдалось, такъ какъ большинство воспитанниковъ жило въ отдаленныхъ отъ семинаріи частахъ города, и 2 $\frac{1}{2}$, часового промежутка (уроки въ школѣ продолжались до половины 1-го) едва доставало на обѣдъ. Хотя уроки преподавателей и были расположены такъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ не менѣе 3-хъ часовъ свободныхъ между утренними и послѣобѣденными занятіями, тѣмъ не менѣе двойное путешествіе въ семинарію было весьма тяжело, особенно раннею весною, когда наступали грозы и распутица. Вслѣдствіе столь неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій мысль о послѣобѣденныхъ занятіяхъ была оставлена, и когда въ минувшемъ учебномъ году открылся III классъ, уроки были распределены такъ, что всѣ занятія въ семинаріи оканчивались въ 3 часа.

Вскорѣ послѣ открытия семинарія явилась потребность определить обязанности воспитанниковъ какъ по отношенію къ заведенію вообще, такъ равно и къ ихъ частной, домашней жизни. Незнаніе этихъ обязанностей служило въ началѣ источникомъ недоразумѣній, которымъ необходимо было положить конецъ. Поэтому были проектированы правила для воспитанниковъ, обсуждены въ совѣтѣ и утверждены г. попечителемъ округа.

Не смотря на свою скромную дѣятельность, народный учитель, стоящій лицомъ къ лицу съ сельскимъ населеніемъ, можетъ имѣть большое на него влияніе какъ透过孩子, такъ и непосредственно. Мало, поэтому, чтобы онъ умѣлъ хорошо учить, быть добрымъ, любящимъ воспитателемъ,— необходимо, чтобы вся жизнь его соответствовала его официальной дѣятельности; чтобы жизнь эта была примеромъ для окружающихъ, которые зорко следятъ за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ.

Примѣненіе выработанныхъ правилъ на практикѣ и строгій надзоръ за ихъ выполнениемъ не обошлисъ безъ жертвъ: въ средѣ разнобразной молодежи нашлись личности, испорченныя прежнею средою, для которыхъ безусловное исполненіе предписаний казалось невозможнымъ и которые пытались обойти ихъ. Такихъ лицъ было двое:

одинъ изъ нихъ выказалъ ослушаніе распоряженіемъ начальства семинаріи въ присутствіи своихъ товарищѣй — и былъ тотчасъ исключенъ изъ заведенія, а другой уклонился отъ занятій въ огородѣ и саду, а потому и былъ лишены стипендіи, вслѣдствіе чего покинулъ училище.

Эти два случая имѣли сильное вліяніе на настроеніе учащейся молодежи. Съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ лѣтъ никакихъ недоразумѣній не было, и буквальное, безусловное исполненіе правилъ и всѣхъ распоряженій вошло въ обычай.

Для наблюденія за точнымъ выполненіемъ правилъ были организованы надзоръ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ по штату въ семинаріи не полагается надзирателя, а одинъ директоръ, при множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, не въ состояніи посватить себя вполнѣ этой важной обязанности, то было установлено для надзора за порядкомъ въ заведеніи ежедневное очередное *дежурство наставника*, обязанность которыхъ выяснилась нѣсколькими правилами, одобренными совѣтомъ и утвержденными г. попечителемъ. Сущность этихъ правилъ заключается въ слѣдующемъ: дежурный наставникъ обязанъ явиться въ семинарію до начала уроковъ, чтобы, до прихода воспитанниковъ въ классы, осмотрѣть, соблюдені ли во всемъ чистота и порядокъ, есть ли все необходимое для уроковъ и проч. По распоряженію его воспитанники впускаются въ классы въ опредѣленное время, тѣ же изъ нихъ, которые собрались раннѣе, гуляютъ въ саду, занимаются въ огородѣ или на дворѣ; только въ случаѣ неблагопріятной погоды, они впускаются въ зданіе семинаріи до начала уроковъ, но остаются въ коридорѣ или въ сборной залѣ, а не въ классахъ. Дежурный наставникъ оставляетъ семинарію лишь по окончаніи всѣхъ уроковъ и по уходѣ воспитанниковъ, причемъ просматриваетъ инвентарную книгу, въ которую вносятся всѣ учебныя пособія. Веденіе этой книги поручается по очереди всѣмъ воспитанникамъ съ цѣлью пріучить ихъ къ выполненію предстоящей имъ обязанности завѣдывать имуществомъ школы.

Зорко наблюдана за всѣмъ, что дѣлается въ заведеніи въ теченіе учебнаго дня, дежурный наставникъ вноситъ свои замѣтки въ дежурную книгу; въ случаѣ же какихъ-либо недоразумѣній или сомнѣній обращается къ директору. Онъ слѣдить за своевременнымъ приходомъ учениковъ въ классъ, собираетъ справки о неявившихся, заболѣвшихъ наївшасть, по возможности, въ тотъ же день, какъ для того, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли они больны, такъ и съ тою цѣлью,

чтобы въ случаѣ нужды немедленно извѣстить семинарского врача о поданіи помощи больному. Дежурный наставникъ имѣть право дѣлать замѣчанія, внушенія и выговоры воспитанникамъ, нарушающимъ требования семинарской дисциплины; о случаяхъ важныхъ и серьезныхъ онъ немедленно доводить до свѣдѣнія директора. Какъ дежурный, такъ и всѣ другіе наставники обязаны заботиться о томъ, чтобы во время преподаванія не нарушалась типина въ классѣ и чтобы воспитанники съ должнымъ вниманіемъ слушали урокъ.

Каждый наставникъ, кроме обязанностей дежурства, долженъ принять на себя и надзоръ за воспитанниками въ заведенія, на квартирахъ, посѣщая ихъ отъ времени до времени; онъ обязанъ, насколько возможно, ближе ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, дабы въ случаѣ дурнаго направлѣнія наклонностей и характера, своимъ добрымъ вліяніемъ мало по малу изгнѣніи это направлѣніе къ лучшему. Съ другой стороны, близкое знакомство съ вѣнѣніемъ обстановкою воспитанниковъ даетъ наставникамъ возможность знать ихъ нужды и заявлять о нихъ, чрезъ директора, совѣту, располагающему материальными средствами заведенія. Для возможно точнаго выполненія этой послѣдней обязанности, квартиры воспитанниковъ распредѣляются между наставниками, не исключая и законоучителя, на участки, которые и избираются ими между собою по взаимному соглашенію. Такъ какъ посѣщеніе воспитанниками церкви для слушанія литургіи (если возможно по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то и утрени) составляетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей каждого изъ нихъ, то за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ ея наблюдаютъ наставники, по очереди посѣщаючи въ каждый праздничный день, избранную семинарию церковь. Наставники обязаны, кроме преподаванія предметовъ семинарскаго курса, давать образцовые уроки въ школѣ, присутствовать на пробныхъ урокахъ воспитанниковъ II класса, руководить ими, посѣщать уроки образцового учителя и практикантовъ и дѣлать указанія, по соглашенію съ директоромъ, на тѣ или другіе недостатки преподаванія; словомъ, они должны принимать самое дѣятельное участіе въ практическомъ приготовленіи семинаристовъ, удѣливъ на это не менѣе четырехъ недѣльныхъ часовъ.

Былгородская семинария была открыта по образцу Молодечнинской и въ ней былъ на первое время примѣненъ и штатъ, по которому на содержаніе казенныхъ стипендіатовъ назначалось 80 руб. въ годъ на каждого. Но уже черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца по открытіи семинарии стало очевиднымъ, что содержать сколько-нибудь порядочно

казенныхъ стипендіатовъ на эту сумму невозможно, а потому рѣшено было ходатайствовать обѣ увеличеніи стипендій. При осмотрѣ квартиръ воспитанниковъ оказалось, что большинство изъ нихъ помѣщается довольно тѣсно, содергится неопрятно, безъ соблюденія самыхъ необходимыхъ гигієническихъ условій; у многихъ не найдено отдельныхъ постелей, а на одной кровати спало по п'ять-шесть человекъ; въ некоторыхъ квартирахъ ученики жили вмѣстѣ съ семействами хозяевъ и т. п. Большинство изъ нихъ не имѣло ни верхнаго приличного платья, ни бѣлья, ни постели. Все это, главнымъ образомъ, происходило отъ того, что и за такія дурные квартиры приходилось уплачивать почти всю стипендію (6 руб. 66 коп.).

Вслѣдствіе разъясненія подобнаго бѣдственнаго положенія воспитанниковъ, ходатайство педагогическаго совѣта было уважено: число стипендій было уменьшено съ 60 на 40 и стипендія увеличена до 120 руб. въ годъ: сверхъ того разрѣшено было выдавать изъ остатковъ стипендіальной суммы единовременное пособіе стипендіатамъ. Эти мѣры дали возможность значительно улучшить бытъ семинаристовъ, къ чему было приступлено со второй половины первого учебнаго года. Мѣры, принятые въ этомъ отношеніи начальствомъ семинаріи, по обсужденію ихъ въ совѣтѣ, были слѣдующія:

- 1) Для дурно помѣщенныхъ воспитанниковъ были пріисканы другія квартиры, хозяева которыхъ согласились имѣть квартирантами только воспитанниковъ учительской семинаріи.
- 2) На этихъ лучшихъ квартирахъ устраниено совмѣстное сожительство воспитанниковъ съ учениками другихъ учебныхъ заведеній.
- 3) Плата за квартиру съ полнымъ содержаніемъ увеличена до 7 руб., которые ежемѣсячно и выдавались воспитанникамъ на руки.
- 4) На остававшіеся ежемѣсячно три рубля рѣшено было снабжать ихъ бѣльемъ, платьемъ, обувью, постелью и другими необходимыми вещами¹⁾.

Всѣ эти мѣры значительно содѣствовали лучшему устройству домашнаго быта воспитанниковъ. Пріисканы были квартиры, хозяева которыхъ, имѣя въ виду ручательство начальства семинаріи за аккуратную и своевременную уплату денегъ, нашли для себя выгоднымъ доставить молодымъ людямъ всѣ необходимыя удобства, какъ-то: для

¹⁾ Къ этой суммѣ присоединяется еще полная мѣсячная стипендія за іюль мѣсяцъ тѣмъ воспитанникамъ, которые уѣзжаютъ домой и не получаютъ ее.

каждаго отдельную коммюнику, необходимую мебель, устроить вентиляцию, двойные рамы и проч. .

Всѣ эти удобства были, конечно, относительны, но требовать большаго отъ содергателей квартиръ не было возможности. Особенно ощущалась потребность въ хорошихъ кроватахъ, такъ какъ хотя каждый воспитанникъ и спалъ отдельно, но кроватю нерѣдко служили короткие, узкие диваны, лавки, сундуки и проч. Поэтому признано было существенно необходимымъ пріобрѣсти желѣзныя кровати на счетъ остатковъ отъ суммы на содержание воспитанниковъ, полный комплекстъ которыхъ образовался лишь на третій годъ. Ходатайство семинарскаго начальства было уважено, вслѣдствіе чего были пріобрѣтены 40 желѣзныхъ складныхъ кроватей для казенныхъ стипендиатовъ, которымъ онѣ и выдаются на все времена пребыванія ихъ въ семинаріи.

На второй учебный годъ нѣкоторые воспитанники, жившіе до того на квартирахъ съ полнымъ содержаниемъ отъ хозяевъ, за которое уплачивали всѣ семь рублей, согласились имѣть свой столъ и платить хозяевамъ лишь за квартиру. Опять оказался удачнымъ, и артельное начало мало-по-малу развивается. Въ настоящее время изъ 86-ти воспитанниковъ 46 имѣютъ свой столъ, который, вмѣстѣ съ квартирой, обходится 5—6 руб., изъ коихъ собственно за квартиру съ отопленіемъ и прислугою уплачивается каждымъ отъ 2 до 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Постный столъ, особенно въ великий постъ, обходится дороже, почему за мартъ и апрѣль казеннымъ воспитанникамъ выдается по 8 руб. въ мѣсяцъ.

Хотя форменной одежды не полагается для семинаристовъ, но было признано болѣе удобнымъ и экономичнымъ одѣвать казенныхъ воспитанниковъ однообразно, такимъ образомъ: зимою — черный, суконный, однобортный сюртукъ, суконныя сѣрыя брюки и жилетъ, теплое пальто, теплая шапка; лѣтомъ — сѣрой парусины блузъ съ такими же брюками и легкая шляпа. Что касается бѣлъя, постели, то этими предметами воспитанники снабжаются постепенно въ теченіе трехъ лѣтъ и при окончаніи курса имѣютъ все необходимое на первое время.

Земскіе стипендиаты получаютъ также 120 руб.; управы высылаютъ деньги по третамъ или по полугодно впередъ, и деньги эти выдаются молодымъ людямъ въ концѣ мѣсяца.

Къ концу третьаго учебного года было въ Бѣлгородской семинаріи 32 земскихъ стипендиата; изъ коихъ 12 человѣкъ Курскаго гу-

берискаго земства, 10—Харьковскаго, 7—Купянскаго, 2—Харьковскаго, 1—Обоянскаго земствъ.

Земскіе стипендиаты одѣваются сами; нѣкоторые изъ нихъ присоединяются къ казеннымъ стипендиатамъ въ этомъ отношеніи, получающіе неполную стипендию и для нихъ дѣлается платье. Своекоштные воспитанники (13 человѣкъ) также по возможности одѣваются довольно оправто и однообразно; живутъ ири такихъ же условіяхъ, какъ и казенные стипендиаты, состояла съ ними артели.

Здоровье учащихся въ теченіе трехъ лѣтъ было вообще удовлетворительно, особенно въ послѣдній годъ. Разумѣется, весною и осенью бываетъ много болѣзней, преимущественно лихорадки и катаръ легкихъ. Кроме ненастной погоды, влекущей за собой неизбѣжныя простуды, развитію болѣзней между учащимися содѣйствуютъ нѣкоторыя низменныя части города, расположенные по гнилой рѣчкѣ Вазелѣкѣ, превращаемой множествомъ моекъ въ грязный, болотный ручей. Вязловичная, нижняя улица съ переулками, во время дождей и разлива воды, наводнется и напитывается влагой на столько, что просыхаетъ совершенно только въ срединѣ лѣта; вслѣдствіе этого большая часть домовъ, особенно домиковъ, гдѣ квартируютъ воспитанники, сыры, и сырость влияетъ на ихъ здоровье. А между тѣмъ эти улицы примыкаютъ къ лугу, раздѣляющему семинарію отъ города; квартиры на нихъ значительно дешевле.

Бѣлогородская учительская семинарія съ первыхъ дней существованія была поставлена въ весьма выгодныя условія относительно учебныхъ пособій. Все, что приобрѣтено было въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ и Курскомъ уѣздныхъ училищахъ, поступило въ собственность семинаріи. Такъ изъ Харькова былъ полученъ весьма богатый физическій кабинетъ съ сравнительно небольшою библіотекою, а изъ Курска очень цѣнная библіотека, большая коллекція столярныхъ и переплетныхъ инструментовъ. Къ этому присоединилось еще единовременное пособіе министерства народного просвѣщенія въ количествѣ 1.812 руб., что дало возможность построить хорошую классную мебель и удовлетворить всѣ другія нужды заведенія.

Скажемъ нѣсколько словъ о практическихъ упражненіяхъ учениковъ старшаго класса.

Дѣло преподаванія есть по преимуществу дѣло науки. Какъ бы хорошо практикантъ ни усвоилъ себѣ теорію, методы и приемы, но не практикуя, онъ не въ состояніи примѣнить ихъ на дѣлѣ, и при

обученіи неизбѣжно дѣлаетъ самыя грубыя и вредныя для развитія дѣтей ошибки. А такъ какъ дѣти поступаютъ въ школу не для экспериментовъ, а для того, чтобы ~~ихъ~~ разумно учили, то семинарія прежде всего обязана подготовить практиканта къ преподаванію, а потомъ уже допустить его преподавать. Если онъ, не смотря на подготовку, и будетъ дѣлать промахи, то они, вслѣдствіе навыка, не повлекутъ за собою вредныхъ послѣдствій для дѣтей. Принять этотъ принципъ за исходную точку при организаціи практическихъ занятій семинаристовъ, было признано необходимымъ пріучать даже учениковъ II-го класса къ преподаванію, чтобы они усвоили себѣ, по крайней мѣрѣ, самые обыкновенные его приемы. Достигается это такимъ образомъ: ученики II-го класса распредѣляются на группы по 5—6 человѣкъ (число это зависитъ отъ помѣщенія школы), и въ то время, когда остальные группы занимаются ремеслами, гимнастикой или огородничествомъ, одна или двѣ изъ нихъ присутствуютъ въ школѣ на урокахъ образцового учителя, наставниковъ или практикантовъ. Въ теченіе недѣли такихъ свободныхъ часовъ можетъ быть 7, 8; посѣщеніе школы чередующимися группами не причиняетъ, поэтому, ни малѣйшаго ущерба ~~ихъ~~ класснымъ занятіямъ. Если какая-либо изъ нихъ линчится одного урока гимнастики или одного часа занятій въ огородѣ, то она легко можетъ восполнитьъ этотъ пропускъ.

Группы, посѣщающія школу, распредѣляются такъ, чтобы въ данное время каждая изъ нихъ присутствовала на урокахъ грамотности и счисленія по нѣсколько разъ въ теченіе первого полугодія. Чтобы эти посѣщенія не были лишь исполненіемъ формальности, а дѣйствительно приносили пользу, воспитанники обязаны вести замѣтки, въ которыхъ излагается краткое содержаніе урока въ школѣ, приемы преподавателей и результаты, достигнутые преподаваніемъ. Эти замѣтки передаются въ опредѣленные сроки директору, который и разбираетъ ихъ въ присутствіи всего класса, при чёмъ указываетъ на сдѣланные недосмотры, объясняетъ значеніе приемовъ и касается отчасти методовъ преподаванія.

Въ теченіе втораго полугодія воспитанники II-го класса даютъ по четыре раза въ недѣлю пробные уроки въ своеѣ классѣ въ присутствіи директора и одного изъ наставниковъ, приглашенныхъ для образцовыхъ уроковъ въ школѣ. Учебный материалъ и приемы этихъ уроковъ тѣ же, что и въ школѣ; наканунѣ практикантъ обязанъ представить одному изъ наставниковъ конспектъ, по которому затѣмъ имѣеть право преподавать урокъ.

Чтобы дать воспитанникамъ возможность чаще практиковаться и усвоить самые необходимые приемы, устроено такъ, что каждый изъ нихъ даетъ вначалѣ получасовой урокъ, вслѣдствіе чего, въ теченіе недѣли, въ занятіяхъ этихъ участвуютъ 8 практикантовъ. При этомъ учебные предметы—грамота и счисление—чередуются, и когда все ученики дадутъ уроки по одному изъ этихъ предметовъ, то въ слѣдующую затѣмъ серію каждый изъ нихъ преподаетъ уже по другому предмету, практикуя тотъ же самый учебный материалъ. Такимъ образомъ, въ первыя двѣ серіи пробныхъ уроковъ каждый воспитанникъ даетъ два получасовыхъ урока.

Какъ директоръ, такъ и наставники, присутствуя постоянно на этихъ урокахъ, дѣлаютъ замѣчанія, указываютъ приемы и заставляютъ практикантовъ повторять ихъ.

По окончаніи второй серіи уроковъ, нѣсколько времени посыпается разбору преподаванія, для чего устраиваются, подъ предсѣдательствомъ директора, конференціи, гдѣ каждый изъ воспитанниковъ обязанъ сообщить свои замѣтки о преподаваніи товарищей. Результатъ этихъ конференцій записывается въ особую книгу и принимается во вниманіе при переводахъ учениковъ въ третій классъ. По окончаніи конференцій снова идутъ серіи пробныхъ уроковъ, для которыхъ назначается новый учебный материалъ, и т. д. Во время этихъ упражненій воспитанники II-го класса продолжаютъ посѣщать школу (по 3 или 4 часа въ недѣлю) и изучать преподаваніе вышеуказанныхъ лицъ. Подобныя предварительныя упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи на столько подготовляютъ ихъ къ этому дѣлу, что въ III-мъ классѣ имъ безъ опасенія можно поручить часть учениковъ школы для обученія.

Какъ важны подобныя упражненія — доказательствомъ этого служитъ опытъ первого учебного года, въ который воспитанники бывшихъ педагогическихъ курсовъ оканчивали курсъ. Ихъ было 29 человѣкъ; они были раздѣлены на семь группъ (6 группъ по 4 человѣка и 7-я—5 человѣкъ); въ главѣ каждой группы былъ назначенъ лучшій изъ нихъ. Порядокъ преподаванія былъ установленъ тотъ же: первый урокъ по каждому предмету давалъ наставникъ; второй—первый ученикъ группы, третій—второй ученикъ и т. д. Каждый практиканть подавалъ наканунѣ конспектъ урока наставнику; просмотрѣнныи и исправленныи, онъ представлялся директору, который и разрѣшалъ окончательно имъ руководствоваться на урокахъ. Отъ каждого практиканта сверхъ того требовалось, чтобы онъ вкратцѣ пер-

далъ содержаніе и ходъ своего урока. Казалось, что все было пред-
усмотрѣно и приспособлено къ тому, чтобы преподаваніе практикан-
товъ шло ровно и не задерживало бы успѣховъ школы. Но очень
скоро обнаружилось, что теорія не осуществлялась на практикѣ: прак-
тиканты совершенно терялись передъ классомъ, не умѣли связать
хорошо двухъ словъ, затруднялись въ постановкѣ самыхъ простыхъ
вопросовъ; наставнику и директору то и дѣло необходимо было на-
правлять ходъ урока, а часто и вполнѣ замѣнять практиканта. Очевидно,
что теоретической подготовки къ уроку было недостаточно;
необходимо было приготавлять каждый урокъ практическі, дѣлать
нѣчто въ родѣ репетицій, на которыхъ практиканты употребляль бы
всѣ приемы, пользовался бы всѣми учебными пособіями. Для достижени
этой цѣли было установлено, что практиканты, наканунѣ сво-
ихъ уроковъ въ школѣ, даютъ тѣ же уроки въ свою классъ, въ присутствіи всѣхъ товарищѣй, директора и наставниковъ.

Такъ какъ съ началомъ практическихъ уроковъ для воспитанни-
ковъ II-го класса были назначены послѣобѣднны уроки (16 въ не-
дѣлю), четыре дня продолжавшіеся до 6-ти и 7-ми часовъ вечера,
то для примѣрныхъ уроковъ и было назначено около двухъ часовъ
(чтѣ зависѣло отъ числа практикантовъ). Во время этихъ пробныхъ
уроковъ, каждое неточное выраженіе, неудачный приемъ, тотчасъ же
были исправляемы. Если же и это не помогало дѣлу, то практиканты
уступалъ свою очередь другому, для чего всегда назначались одинъ
или два кандидата. Лишенный права преподавать въ школѣ обязанъ
быть постоянно посыпать уроки товарищѣй и подготавляться къ
пробному уроку. Когда онъ чувствовалъ себя достаточно подготов-
леннымъ, ему назначался снова пробный урокъ, послѣ котораго, въ
случаѣ его удовлетворительности, онъ допускался къ преподаванію
въ школѣ.

Вначалѣ это шло очень туго; преподаваніе предъ товарищами-
судьями еще болѣе стѣсняло практикантовъ, но день ото дня они
освоивались съ этими упражненіями, вели дѣло смѣлѣ и обходились
уже безъ постоянныхъ остановокъ и поправокъ.

По мѣрѣ того, какъ улучшалось дѣло пробныхъ уроковъ, и пре-
подаваніе въ школѣ шло гораздо лучше. Пробные уроки были пре-
кращены, и отъ практикантовъ требовался только конспектъ. Въ концѣ
мая былъ назначенъ экзаменъ по преподаванію, и изъ 29-ти воспи-
танниковъ — 26 выдержали его удовлетворительно. По выходѣ изъ

семинарий, они были определены на места и заслужили самые лучшие о себе отзывы.

Въ виду того, что въ образцовой семинарской школѣ, какъ и во всякомъ народномъ училищѣ, само собою образовываются, въ теченіе трехъ лѣтъ, три отдѣленія, занятія въ которыхъ весьма различны по методу и приемамъ, практическія занятія воспитанниковъ III-го класса распредѣляются такъ, чтобы молодые люди сначала занимались въ каждомъ изъ отдѣленій, а потомъ — со всѣми тремя отдѣленіями одновременно, какъ это постоянно случается въ народныхъ училищахъ.

Въ началѣ учебнаго года воспитанники III-го класса распредѣляются на группы по 4, 5 человѣкъ. Одна группа начинаетъ практическія занятія въ младшемъ отдѣленіи школы, а другая — въ двухъ старшихъ. Затѣмъ группы меняются отдѣленіями: вторая группа преподаетъ въ младшемъ отдѣленіи, а первая — въ старшемъ. Такимъ образомъ, въ школѣ преподаются постоянно двѣ группы тремъ отдѣленіямъ¹⁾; тѣмъ же отдѣленіямъ въ определенные часы преподаются и наставники, и образцовый учитель.

Принято за правило, что каждой новой группѣ предшествуетъ образцовый урокъ, или наставника, или учителя; за образцовыми урокомъ слѣдуетъ урокъ лучшаго изъ практикантовъ этой группы; затѣмъ болѣе или менѣе способныхъ.

Преподаваніе практикантовъ происходитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ кого-либо изъ руководителей. Это необходимо во 1) потому, что въ случаѣ неудачнаго преподаванія руководитель самъ заступаетъ място практиканта и продолжаетъ его урокъ; а во 2) потому, что каждый урокъ практиканта долженъ быть оцененъ по достоинству и разобранъ во всѣхъ отношеніяхъ; оценка, главнымъ образомъ, должна принадлежать руководителю, хотя при этомъ выслушиваются и мнѣнія товарищей практиканта.

Кромѣ директора, какъ главного руководителя, и наставниковъ, наблюденіе за преподаваніемъ практикантовъ поручается и образцовому учителю.

Каждый практикантъ обязанъ предварительно составить конспектъ, руководствуясь совѣтами и указаніями образцового учителя, которому вмѣняется въ обязанность руководить въ этомъ дѣлѣ практикантовъ.

¹⁾ Два старшія отдѣленія (ученики второй и третьей зімы) помѣщаются въ одной комнатѣ.

Конспектъ этого наканунъ урока передается или наставнику, который долженъ присутствовать во время преподавания, или директору. Въ первое время практиканть можетъ преподавать по немъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ уроковъ, онъ долженъ преподавать безъ конспекта. Послѣ того какъ извѣстная группа оканчиваетъ уроки въ одномъ изъ отдѣлений, назначается конференція подъ предсѣдательствомъ директора или наставниковъ, на которой разбираются эти уроки, съ указаніемъ ихъ недостатковъ и сообщаются дидактическіе правила, вытекающія изъ самой практики.

Такимъ образомъ продолжаются занятія въ теченіе первой половины учебнаго года. Во второй половинѣ этотъ порядокъ измѣняется. Практиканть уже обязанъ преподавать во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ школы въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней (что зависитъ отъ числа учениковъ III класса), въ присутствіи образцового учителя, наставника или директора. Такъ какъ подобное преподаваніе гораздо труднѣе и требуетъ большей предварительной подготовки, то для каждой группы назначается одинъ или два свободныхъ дня, въ теченіе коихъ преподается въ школѣ образцовый учитель.

Эти занятія организованы такимъ образомъ: Группа A состоитъ изъ четырехъ воспитанниковъ; они преподаются по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ и четвергамъ; въ пятницу же и субботу преподаетъ образцовый учитель. На его урокахъ обязанъ присутствовать слѣдующая группа, B, дабы слѣдить за тѣмъ, что слѣдуетъ преподавать въ каждомъ отдѣлении. Что касается учебнаго материала, то о немъ происходитъ ежемѣсячные совѣщанія въ засѣданіяхъ педагогического совѣта, обсуждающаго и учебный материалъ семинарскаго курса. Кромѣ того, учитель школы распредѣляетъ этотъ материалъ по недѣлямъ и приблизительно заранѣе назначаетъ его каждому практиканту на определенный день.

Практическія занятія составляютъ главнѣйшую задачу воспитанниковъ III класса. Поэтому уроки ихъ оцѣниваются наравнѣ съ прочими предметами общепринятыми баллами, которые выставляются наблюдателемъ на конспектахъ. При этой оцѣнкѣ принимается во вниманіе какъ результатъ урока, такъ равнымъ образомъ и то, на сколько практиканть умѣлъ владѣть вниманіемъ класса и поддерживать въ немъ должный порядокъ. Изъ такихъ отмѣтокъ, выставленныхъ ежемѣсячно въ особой книжѣ, составляется годичный выводъ, имѣющій значеніе и для экзаменовъ.

Семинарское начальное училище имѣеть самую тѣсную связь съ

семинарию во всѣхъ отношеніяхъ, а потому мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о немъ.

Оно было открыто тремя мѣсяцами позднѣе семинаріи, а именно 11-го января 1871 года. Имѣя въ виду, что „Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ“ допускается существованіе смѣшанныхъ школъ, въ училище это были приняты и мальчики (20), и дѣвочки (15). Но съ началомъ учебнаго года, приемъ дѣвочекъ былъ прекращенъ вслѣдствіе неудобства помѣщенія, а къ Рождеству, почти черезъ годъ, и прежде поступившія дѣвочки были уволены, и семинарское училище превратилось въ мужское сть 17-ю учащимися. На слѣдующій годъ явилось очень много желающихъ отдать дѣтей въ эту школу, но весьма тѣсное помѣщеніе заставило отказать большинству и ограничить число поступившихъ 14-ю мальчиками, составившими младшее отдѣленіе; въ старшемъ же, за выигрѣемъ дѣвочекъ, оставалось 4 ученика; въ среднемъ, поступившимъ на второй учебный годъ — 12, всего 30. Изъ этихъ 30-ти учениковъ въ концу третьаго учебнаго года выбыло 4, изъ нихъ одинъ пробылъ въ школѣ три года, но не пожелалъ держать экзамена для получения свидѣтельства.

Въ учебно-воспитательномъ отношеніи школа находится въ непосредственномъ завѣдываніи учителя, который, по указаніямъ директора, организуетъ всѣ занятія. Программа занятій ежемѣсячно обсуждается въ педагогическомъ совѣтѣ: затѣмъ учитель распредѣляетъ эти занятія по-недѣльно и назначаетъ ихъ практикантамъ на каждый день, по каждому предмету.

Нельзя не сознаться, что успѣхи въ школѣ идутъ медленно. Главнѣйшая причина этому — постоянная смѣна учителей-практикантовъ; принять же другую систему практическихъ занятій воспитанниковъ, по которой каждый занимался бы въ школѣ опредѣленное время (например, недѣлю), едва-ли цѣлесообразно при большомъ числѣ оканчивающихъ курсъ. Въ школѣ учебныхъ недѣль не болѣе 30; при 22-хъ практикантахъ (какъ въ минувшемъ году), каждому пришлось бы заниматься по одной лишь недѣлѣ и притомъ имѣя дѣло съ однимъ и тѣмъ же учебнымъ материаломъ. Такъ, первые ученики научились бы обучать грамотѣ, но имъ не пришлось бы дать ни одного урока объяснительного чтенія, или систематического курса ариѳметики. Притомъ и недѣльная смѣна учителей не можетъ не имѣть столь же вреднаго вліянія на успѣхи учениковъ.

До какой степени замедляются успѣхи дѣтей этой постояннou перемѣнной учителей-практикантовъ, можно судить по слѣдующему

факту. Во второй учебный годъ не было III класса, и въ школѣ преподавалъ одинъ учитель: къ ноябрю новички, поступивши въ сентябрѣ, уже окончили алфавитъ и приступили къ „Родному Осогу“, а въ прошломъ году, когда преподавали практиканты, новички лишь къ половинѣ декабря окончили алфавитъ. Такое же замедленіе замѣчается и по другимъ предметамъ. И нельзя сказать, чтобы практиканты давали дурно уроки; многие изъ нихъ, особенно при подготовкѣ во II классѣ, даютъ ихъ хорошо и толково, но дѣти тѣмъ не менѣе не успѣваютъ такъ, какъ было бы желательно; страдаетъ и дисциплинарная сторона дѣла.

Невозможно до мелочей опредѣлить образъ понедѣнія учениковъ въ школѣ; невозможно поэтому и достигнуть того, чтобы требования практикантовъ были во всемъ согласны. Одинъ оставляетъ безъ вниманія такой беспорядокъ, устраненія коего требуетъ другой. Даже различіе характеровъ практикантовъ имѣетъ значительное вліяніе на школу. Конечно, присутствіе директора, наставниковъ и учителя устраиваетъ возможность большихъ беспорядковъ въ классѣ, но и по этому нельзя еще судить о вниманіи дѣтей къ уроку.

Переводные и окончательные экзамены въ семинаріи обыкновенно происходятъ въ теченіе мѣсяца (между 20-ми числами мая и июня). За мѣсяцъ до экзаменовъ разсылаются распределенія ихъ въ земскій управы, имѣющія стипендіатовъ въ семинаріи, съ просьбой приглашать членовъ земства присутствовать на испытаніяхъ. Приглашенія эти обыкновенно остаются безъ отвѣта; въ теченіе трехъ лѣтъ лишь одинъ изъ членовъ Курского губернскаго земскаго собранія присутствовалъ на экзаменѣ ремесль и гимнастики.

Экзамены идутъ одновременно во всѣхъ классахъ: для III-го назначается прежде всего экзаменъ практическій по преподаванію въ школѣ. Онъ состоится въ томъ, что каждый изъ воспитанниковъ, въ присутствіи всего совѣта, даетъ часовой урокъ одновременно всѣмъ тремъ отдѣленіямъ школы по грамотѣ, чтенію, наглядному обученію, численію и тактовому письму.

Выборъ предметовъ, по которымъ практиканты должны давать урокъ (по 20 минутъ въ каждомъ отдѣленіи) дѣлается заранѣе, причемъ указывается и учебный матеріалъ въ такомъ порядкѣ, чтобы занятія въ каждомъ отдѣленіи шли непрерывно. Въ день экзамена практиканты (четыре ежедневно) подаютъ конспекты своихъ уроковъ. Конспекты эти предъявляются въ совѣтъ и принимаются во вниманіе при оцѣнкѣ испытательныхъ уроковъ. Такимъ образомъ происходитъ

практическій экзаменъ по утрамъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней; послѣ обѣда, въ тѣ же дни, воспитанники I и II классовъ держать экзаменъ по предметамъ (изустный). По окончаніи практическаго испытанія, и воспитанники III класса, признанные способными преподавать, подвергаются теоретическому экзамену въ объемѣ всего семинарскаго курса, причемъ, кромѣ устнаго отвѣта, отъ нихъ требуются и отвѣты письменные.

С. Вобровскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНИЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Изъ отчета инспектора начальныхъ училищъ Полтавской губерніи извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи школъ въ этой губерніи за 1873 годъ.

Всѣхъ начальныхъ училищъ въ упомянутомъ году было 477, а къ 1874 г. число это возросло до 525. Роздѣляются они слѣдующимъ образомъ: 6 двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ образцовыхъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ; 61 городскихъ, которыми завѣдуютъ училищные совѣты; 456 сельскихъ и 2 воскресенія сельскія школы. Закрыто было 10 училищъ, вновь открыто 48. Что касается до этихъ послѣднихъ, то о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно замѣтить слѣдующее:

Полтавскій уѣздъ. Въ Полтавѣ открыты школы: при евангелическо-лютеранской церкви на средства церковнаго понечительства, и въ с. Ивачинцахъ на средства общества, съ надеждою получить со временемъ пособіе отъ земства.

Константино-градскій уѣздъ. Открыты были школы въ селахъ Ивановкѣ, Семеновкѣ, Петровкѣ, Берестовенкѣ, Ганебномъ и Жирковкѣ. Пособіе, хотя и незначительное, впервые въ 1873 г. оказанное со стороны кѣстнаго земства существовавшимъ уже училищамъ, безъ всякаго сомнѣнія, не мало повлияло на готовность обществъ и частныхъ лицъ открывать новые школы. Изъ отчета за 1872 г. видно, что въ этомъ году, по безучастію земства (какъ признавалъ это и

самъ мѣстный училищный соображеніе) въ ограниченномъ уѣздѣ закрыто было въ теченіе одного года 8 училищъ, и 7 учителльскихъ мѣстъ оставались вакантными; а въ 1873 г., когда между училищами была распределена только одна тысяча рублей земскаго пособія, съ-разу возникаетъ совершенно противное явленіе: только одна школа прекратила свое существованіе, а вновь возникло 6.

Кобелякский уѣздъ. Въ с. Комаровѣ открыта школа церковнымъ псаломщикомъ Литовченкомъ, который, при участіи мѣстнаго священника о. Лебединскаго, самъ бесплатно въ ней обучаетъ.

Хорольскій уѣздъ. Тутъ вновь было открыто 6 училищъ, а именно: въ с. Ивановѣ, Моисеевѣ, Горошинѣ (два), Кривой Рудѣ (также два). За исключеніемъ одной изъ нихъ, всѣ эти школы содержатся на частныя средства. О Хорольскихъ училищахъ можно сказать, что существованіе ихъ далеко не обеспечено, а потому и учебная ихъ часть большою частию не вполнѣ удовлетворительна. Земствомъ отпускалось на нихъ ежегодно по 600 рублей, изъ коихъ некоторымъ училищамъ выдавались не постоянныя, а лишь временные пособія. Въ 1873 году десяти изъ нихъ выдана была болѣе значительная сумма — 1.380 руб. (опять-таки временно), и это замѣтно повлияло какъ на улучшеніе учебной части, такъ и на готовность обществъ и частныхъ лицъ открывать новые школы. Въ отчетѣ своемъ г. инспекторъ упоминаетъ объ официальномъ сообщеніи, сдѣланномъ ему Хорольской земскою управой о томъ, что на текущій 1874 годъ земствомъ уже назначено на начальное народное образованіе, вмѣсто прежнихъ 600 руб., — 1.546 руб. 46 коп. О необходимости устроить въ Хорольскомъ уѣздѣ, по примеру другихъ мѣстностей Полтавской губерніи, земскія училища, или назначить постоянное пособіе, по крайней мѣрѣ, лучшимъ и многолюднѣшимъ общественнымъ и частнымъ школамъ, давно уже ведется переписка съ училищнымъ совѣтомъ и мѣстной земскою управою; но до сихъ поръ она еще не привела къ положительному результату. Въ неслѣднѣе время принялъ живое и дѣятельное участіе въ дѣлѣ народного образованія въ Хорольскомъ уѣздѣ мировой посредникъ, членъ отъ земства Хорольскаго училищнаго совѣта, К. В. Струве.

Въ Зеньковскомъ уѣздѣ открыты два училища: женское въ мѣст. Оломнѣ и мужское въ с. Лютеновицѣ-Будищахъ. Первое получаетъ отъ земства ежегодно по 300 руб., имѣть весьма способную и усердную учительницу, Л. Еричевскую, и по успѣхамъ ученицъ, которыхъ теперь уже болѣе 50, находится въ отличномъ состояніи; второе со-

НИЗШИЯ УЧИЛИЩА.

держится на средства общества, которое дает ему помѣщеніе, съ отопленіемъ и прислугою, и назначило жалованье учителю 75 рублей въ годъ.

Въ Лохвицкомъ уѣздѣ открыто 6 училищъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ селахъ Йобиахъ, Загребальи и Дощенкахъ на обществен-
ный счетъ; въ с. Вѣлогорѣвѣ—на средства попечительства; въ мѣст. Сенчѣ, при Николаевской церкви, на средства мѣстного священника о. Томашевскаго, который отвелъ въ своеимъ домѣ помѣщеніе школѣ и самъ занимается бесплатнію обученіемъ дѣтей; въ с. Бербеницахъ, при Покровской церкви, на средства пономара Пущинскаго, получающаго за свои труды нѣкоторое, неопределеннное вознагражденіе отъ родителей до ихъ усмотрѣнію.

Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, какъ и въ Константиновградскомъ, вслѣдствіе болѣе значительного участія со стороны земства и училищнаго совѣта, школьнное дѣло замѣтно улучшается. Въ 1872 году закрыто было здѣсь 6 училищъ, а въ 1873 не только ни одно не прекратило своего существованія,—напротивъ, вслѣдствіе назначенія преподавателямъ опредѣленнаго жалованья изъ суммъ земства, возникло 5 новыхъ училищъ въ селахъ: Сосиновѣ, Мамаевѣ, Каплинцахъ, Коломійцахъ и Сотниковѣ. Изъ нихъ два, въ Коломійцахъ и Сотниковѣ, приняты уже на содержаніе земства, а учителямъ назначено опредѣленное жалованье, по 120 руб. въ годъ, остальнымъ же три состоять еще на попеченіи лицъ духовнаго званія, но и имъ предполагается оказывать, въ скоромъ времени, подобное же пособіе. Въ с. Мамаевѣ содержать школу священникъ, о. Дмитревскій, а въ Сосиновѣ и Каплинцахъ—церковные служители.

Въ Роменскомъ уѣздѣ вновь было открыто 3 училища: въ заштатномъ городѣ Глинскѣ, въ с. Курманахъ и дер. Выонномъ. Помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугою Глинской и Курманской школамъ даютъ мѣстныя общества, а на жалованье преподавателямъ земство назначило каждой изъ упомянутыхъ школъ по 150 рублей въ годъ (100 руб. учителю и 50 зекономучителю); Выонское училище содержитъся на средства попечителя его, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шейко, который, между прочимъ, назначилъ отъ себя 65 руб. помощнику учителя; наставникъ же этой школы, священникъ Андріевскій, преподаетъ въ ней всѣ предметы бесплатно.

Въ Гадачскомъ уѣздѣ, на средства городскаго общества и земства, открыто въ гор. Гадачѣ женское училище. Мѣстная городская дума опредѣлила отпускать ему ежегодно 250 руб. и выдала единично-

временно 100 руб., а земство назначило изъ губернского сбора 200 руб. Учительницѣ, г-жѣ Н. Мельниковой, окончившей образованіе въ Киево-Подольской гимназіи, назначено жалованья 200 руб. и квартира съ отопленіемъ. Училище помѣщается въ домѣ земства бесплатно. По успѣхамъ училище это находится въ весьма хорошемъ состояніи; дѣвочки обучаются въ немъ также и румынскому. Въ томъ же уѣздѣ, на средства церковно-приходскихъ попечительствъ и мѣстныхъ обществъ, открыты въ 1873 году двѣ церковно-приходскія школы: въ м. Венрикѣ свящ. Яворскимъ и въ с. Погорщицѣ свящ. Тихоновичемъ, которые сами и обучаются въ этихъ школахъ всѣмъ предметамъ бесплатно.

Въ Лубенскомъ уѣздѣ вновь открыты 3 частныя женскія школы и 2 церковно-приходскія. Первые изъ нихъ, то-есть, частные, содержатся на счетъ платы, взимаемой за учение, простирающейся отъ 15-ти до 60-ти руб. въ годъ. Церковно-приходскія школы (въ с. Александровкѣ и Литвиакахъ) имѣютъ помѣщеніе въ общественныхъ домахъ и получаютъ нѣкоторую поддержку изъ общественнаго сбора, но болѣе обязаны существованіемъ своимъ усердию и заботамъ мѣстныхъ священниковъ, которые взяли на себя и труды по обученію. Въ первой изъ нихъ наставникомъ о. Базилевскій, а во второй— о. Рудичевъ, занимающіеся весьма усердно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ Литвиаковской школѣ въ настоящее время уже 54, а въ Александровской 14 мальчиковъ.

Въ Кременчуцкомъ уѣздѣ на средства мѣстныхъ обществъ открыты 2 училища: въ м. Манжелѣвѣ и въ с. Шушваловкѣ. Шушваловское общество получило уже для своей школы пособіе отъ земства Кременчугскаго уѣзда, а Манжелѣвскому оказалъ весьма важную помощь мѣстный владелецъ, мировой судья Ф. В. Григоренко, подаравшій подъ училище собственный, весьма удобный, домъ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ вновь были открыты одно земское (въ с. Старомъ) и 6 церковно-приходскихъ училищъ (въ селахъ: Харьковцахъ, Скощахъ, Пристромахъ, Люборцахъ, Денисахъ и Памфилахъ). Эти послѣднія существуютъ на полномъ содержаніи лицъ духовнаго званія, изъ коихъ только нѣкоторые получаютъ самое незначительное вознагражденіе за свои труды отъ родителей учениковъ. „Земство Переяславского уѣзда и мѣстный училищный совѣтъ“, замѣчаетъ инспекторъ, „оказали бы важную услугу народному образованію, если бы, по примеру другихъ уѣздовъ Полтавской губерніи (Золотоношскаго въ особенности), имѣли постоянно въ виду означен-

ныя школы и старались поддержать ихъ. Училища эти положили начало народному образованію и изъ нихъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возникли позже почти всѣ лучшія школы Полтавской губерніи, общественные, земскія и министерства народного просвѣщенія".

Въ Золотоношскомъ уѣздѣ училище, существующее при женскомъ Красногорскомъ монастырѣ, не смотря на то, что оно содержится на весьма небольшія монастырскія средства, занимаетъ, по усиѣямъ ученицъ и способу ихъ воспитанія, одно изъ первыхъ мѣсть въ губерніи. Въ училищѣ этомъ, кромѣ предметовъ, положенныхъ для начальныхъ школъ, обучаютъ дѣвочекъ церковному пѣнію, рукодѣлью, и для каждого предмета имѣется изъ монахинь особая учительница, специально приготовленная для своего дѣла; законъ Божій преподается монастырскій свящ. о. Дамаскинъ. Монастырь отвелъ этому училищу весьма приличное и выгодное помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Между ученицами, бирюзъ духовнаго званія принаѣти на полное монастырское содержаніе. Училище это обязано своимъ учрежденіемъ и существованіемъ особеннымъ заботамъ и старанію нынѣшней настоятельницы монастыря игумены Анатоліи.

Кромѣ 48-ми вновь открытыхъ училищъ, на казенные и частныя средства, а также на земскія суммы, преобразовано, то-есть, поставлено въ болѣе выгодныя материальныя и другія условія — 78. На суммы министерства народного просвѣщенія съ пособіемъ отъ земства улучшены: а) Чернухское одноклассное, Лохвицкаго уѣзда, и, съ пособіемъ частю отъ земства, а частю отъ мѣстнаго общества, б) Смѣлянское одноклассное, Роменского уѣзда. Въ нихъ назначено жалованья учителямъ по 250 и законоучителямъ по 100 руб. Оба училища имѣютъ способныхъ и весьма достойныхъ преподавателей, и снабжены не только необходимыми для учителей и учениковъ книгами и учебными пособіями, но и нѣкоторыми журналами (*Народная школа, Мірской вѣстнікъ, Семейные вечера*). Въ Чернухской школѣ теперь 96, а въ Смѣлянской 108 учащихся.

На суммы земства, частю съ пособіемъ, а частю безъ пособія отъ мѣстныхъ обществъ, преобразованы училища въ уѣздахъ: Полтавскомъ, Прилуцкомъ, Роменскомъ и Миргородскомъ. Преобразованіе училищъ Полтавскою уѣзда состоитъ въ томъ, что, въ замѣнъ пособія, которое до 1873 г. назначалось земствомъ 24 школамъ (отъ 200 до 65 руб.), положено, съ сентября 1873 года, выдавать на каждую школу по 200 руб. собственно на жалованье учителямъ;

сельскимъ же обществамъ предоставлено производить жалованье законоучителямъ, примерно по 60-ти руб. въ годъ, независимо отъ того, что они же должны давать школамъ и преподавателямъ помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугою, а также расходовать ежегодно известную сумму на учебныя пособія. На такихъ основаніяхъ преобразованы 24 училища Полтавскаго уѣзда: Рѣшетиловское, Докиньское, Сторожевское, Мачеховское, Старо-Сенжаровское, Байраковское, Чутовское мужское, Чутовское женское, Алексѣевское, Первозвановское, Площанское, Демидовское, Супруновское, Жуковское, Балиновское, Павленковское, Кобещанско, Никольское, Ковалевское, Васильевское, Васильцовское, Черняковское, Тахтауловское, Милорадовское и Песчанское.

Прилукскій уѣздъ, по свидѣтельству отчета, особенно изобилуетъ училищами; въ послѣдніе четыре года ихъ было тамъ не менѣе 70-ти, но положеніе ихъ до 1872 года представлялось весьма незавиднымъ, хотя для нихъ приносились такія пожертвованія, какихъ не видно ни въ одномъ изъ уѣзовъ губерніи (а именно, болѣе 4.000 руб. въ годъ). Еще въ 1870 и 1871 годахъ болѣе 40 законоучителей преподавали въ Прилукскихъ школахъ законъ Божій бесплатно, а учителя получали самое ничтожное вознагражденіе (по 20 руб. въ годъ); вслѣдствіе этого въ большей части училищъ ученіе шло или посредствомъ, или и совсѣмъ неудовлетворительно. Земство назначало на поддержаніе ихъ ежегодно по 1.500 руб., но изъ этихъ денегъ, за расходами на книги и ученыя пособія, оставалось на жалованье учителямъ очень немногого. Еще въ 1872 году стараніями Г. П. Галагана положеніе училищъ значительно измѣнилось къ лучшему. Выѣсто 1.500 руб. земство Прилукскаго уѣзда назначило уже 4.193 руб. на начальное народное образованіе и отдало эту сумму въ полное распоряженіе мѣстнаго училищнаго совѣта. Сверхъ времененныхъ денежныхъ наградъ преподавателямъ, благодаря значительному пособію отъ земства и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (Г. П. Галагана, Н. Н. Маркевича, В. С. Трифоновскаго), уже построены, или еще строятся новые, вполнѣ удобныя и приличныя помѣщенія (въ Туровкѣ, Березовкѣ, Сѣкиренцахъ, Дегтярахъ, Гнилицѣ), и назначены изъ суммъ земства, въ совокупности съ общественными, постоянные, вѣрные и соответственные трудамъ оклады жалованья преподавателямъ. Въ такомъ смыслѣ преобразованы въ отчетномъ 1873 году въ земскія слѣдующія 27 училищъ Прилукскаго уѣзда: Березовское, Туровское, Сѣкиренское, Иваницкое, Гнилицкое, Бережовское, Великодѣвицкое,

Ивановское, Савинское, Оробіевское, Калуженское, Дегтяревское, Лебединское, Деймановское, Петровское, Згурівське, Середовське, Дубогаєвське, Довгалевське, Ярошевське, Гурбінське, Карпилівське, Погребське, Харитонівське, Грицовське, Васильковське і Прилукське міські школи. Практическую пользу преобразуванням цихъ училищъ въ земскія инспекторъ видить въ томъ, что не только не умаляется, но, напротивъ, усиливается дѣятельное участіе обществъ въ улучшенні школъ, такъ что пожертвованія на нихъ со стороны обществъ возросли уже до 5.803 руб. Для примѣра можно указать на училище Березовское. Изъ суммъ земства назначено на него 300 р.; но и мѣстное общество дасть такую же сумму; затѣмъ законоучитель получаетъ здѣсь жалованья 50 руб., учитель 200 руб., помощникъ его 75 руб. и учительница 75 руб. Въ улучшенні состоянія нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ земскихъ училищъ привнесли живое и дѣятельное участіе, кромѣ земства и обществъ, и чѣкоторыя частные лица, особенно состоящія въ званіи попечителей. Такъ на училище Березовское попечитель его В. С. Трифоновский жертвуетъ ежегодно 50 рублей, на училище Згурівське попечитель В. А. Кочубей 100 рублей, на училище Харитонівське — попечительница О. Ю. Милорадовичъ тоже 100 рублей. Попечитель же училищъ: Сѣкиренськаго, Гнилицкаго, Дегтяревськаго, Лебединськаго, Г. П. Галаганъ, кромѣ ежегодныхъ не малыхъ денежныхъ взносовъ на каждое изъ нихъ, обеспечилъ на вѣчныя времена существованіе Гнилицкой школы арендою въ 48 десятинъ земли, а Сѣкиренской — капиталомъ въ 2.000 рублей.

Новое ходатайство Прилукского училищного совѣта черезъ посредство своего предсѣдателя, Г. П. Галагана, объ увеличеніи ежегодныхъ затратъ на школы этого уѣзда, не осталось безуспѣшнымъ. Уѣздная управа уведомила инспектора, что на текущій 1874 годъ, вместо прежніхъ 4.193 руб., назначено ею 6.693 руб.

Что касается до уѣзда Роменского, въ отчетѣ мѣстнаго училищного совѣта сказано, что мѣстнѣмъ земствомъ на народное образование въ этомъ уѣзде назначено 3.500 руб. въ годъ, въ томъ числѣ на содержаніе школъ—3.200 руб., на пособіе, награды учителямъ и на учебныя пособія—300 руб. Состоалось также совмѣстное предположеніе земской управы и училищного совѣта о томъ, чтобы, какъ уже существовавшія прежде, такъ и имѣющія открыться школы взять, относительно вознагражденія законоучителей и преподавателей, на содержаніе земства. Исполнено это было такимъ образомъ, что вся началь-

ныя училища уѣзда, кромѣ находящихся въ г. Ромнахъ, въ м. Смѣломъ и въ д. Вьюнномъ, раздѣлены на три категории: въ первой изъ нихъ, въ которой отнесено 5 сельскихъ школъ, назначено жалованья законоучителямъ по 60 и учителямъ по 120 руб. въ годъ; во второй, заключающей въ себѣ 9 училищъ,—законоучителямъ 50, учителямъ 120, и наконецъ въ третьей (6 школъ) законоучителямъ 25 и учителямъ 75 руб. На училище въ м. Смѣломъ, до преобразованія его въ образцовое, назначено въ 1873 году жалованья законоучителю 100 руб. и учителю 150 руб., а открытая съ октября мѣсяца въ дер. Вьюнномъ школа имѣть достаточныя средства, благодаря просвѣщенному вниманію и заботливости д. с. с. С. А. Шейко.

Такимъ образомъ общими заботами и стараніемъ Роменскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и Роменской земской управы, благодаря дѣятельному участію и значительно увеличеннымъ пожертвованіямъ мѣстнаго земства, 20 училищъ этого уѣзда замѣтно улучшились сравнительно съ прежнимъ, прежде всего въ томъ отношеніи, что преподаватели ихъ обеспечены теперь, хотя и небольшимъ, но вѣрнымъ и постояннымъ за свои труды вознагражденіемъ. Еще въ 1872 году со стороны земства Роменскаго уѣзда на народное образование назначено было всего только 691 руб., а нынѣ, какъ мы видимъ, это назначеніе возросло до 3.500 рублей.

Въ томъ же 1873 году преобразованы въ земскія 5 училищъ и въ Мириородскомъ уѣздѣ, но преобразованіе это, говорить инспекторъ, оказывается не вполнѣ удачнымъ. Оно соединено съ лишеніемъ весьма важной поддержки, и даже съ упадкомъ не малаго количества другихъ школъ того же уѣзда. Мириородскій уѣздный училищный совѣтъ замѣтилъ, что существеннѣйшою причиной безуспѣшности обучения въ мѣстныхъ школахъ было то, что незначительныя денежныя средства, отпускаемыя земствомъ, распредѣлялись безразлично между всѣми училищами; въ тому же и это дѣжалось весьма неисправно, ибо волостныя правленія расходовали деньги на совершенно другія потребности. „Установить, поэтому, штатное содержаніе училищамъ и привлечь болѣе способныхъ преподавателей, давъ имъ постоянное и притомъ обеспеченное содержаніе“, говорится въ отчетѣ училищнаго совѣта, „не было никакой возможности. Для устраненія такого существеннаго недостатка и совершенно непроизводительной затраты земскихъ суммъ, совѣтъ ходатайствовалъ предъ земскимъ собраніемъ, чтобы отпускаемыя на училища деньги, въ количествѣ 1.500 руб., были переданы въ его распоряженіе съ тѣмъ,

НИЗШИЯ УЧИЛИЩА.

чтобы на нихъ были открыты земскія школы въ болѣе населенныхъ мѣстахъ уѣзда. Земское собраніе, соглашаясь съ представленными ему доводами, передало денежныя средства въ распоряженіе училищнаго совѣта, который нашелъ возможнымъ открыть только пять училищъ, но вполнѣ обеспеченныхъ. Эта мѣра, могущая способствовать успѣшности обученія въ поминутыхъ пяти училищахъ, по ограниченности денежнаго средства, отпускаемыхъ на дѣло народнаго образованія земствомъ, не даетъ возможности поставить всѣ училища въ такое же обеспеченное состояніе, а потому остальные училища остаются исключительно на весьма ограниченномъ содержаніи мѣстныхъ обществъ и представляютъ собою печальную картину столь бѣдственнаго положенія, что врядъ ли могутъ соотвѣтствовать своему назначению. Открыть только пять училищъ вполнѣ обеспеченныхъ, училищный совѣтъ руководился тѣмъ взглядомъ, что они принесутъ несравненно болѣе пользы, чѣмъ десять училищъ, существующихъ только по названію".

Пять училищъ, о которыхъ упомянуто сейчасъ, были учреждены въ мѣстечкахъ: Коминой, Поповкѣ, Сорочинцахъ, Шишакахъ и Богачѣ, какъ въ пунктахъ, болѣе другихъ населенныхъ и имѣвшихъ для школъ удобныя помѣщенія; жалованье было назначено учителямъ по 200, а законоучителямъ по 50 руб. Мѣстные общества даютъ, съ своей стороны, этимъ школамъ опредѣленныя средства на исправное содержаніе зданій, отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги.

Миргородскій училищный совѣтъ замѣчаетъ далѣе, что если съ открытиемъ земскихъ школъ дѣло народнаго образованія должно пойти гораздо успѣшнѣе, то придется употребить еще не мало стараний, чтобы устранить другое явленіе, вліяющее очень дурно на училищное дѣло, а именно, непониманіе самими родителями пользы образования. „Оставляя дѣтей до начала зимы дома“, говорится въ отчетѣ совѣта, „родители и въ остальной короткій срокъ учебнаго времени посыпаютъ ихъ въ школу не аккуратно. Достаточно какой-нибудь маловажной причины, какой-нибудь ничтожной домашней работы, — и дѣти остаются дома. Неаккуратность посыпанія ими классовъ не даетъ возможности вести обученіе правильно, единовременно; самый опытный учитель терается, не знаетъ съ чего начать. Для устраненія на будущее время этого зла, Миргородскій училищный совѣтъ опредѣлилъ для народныхъ училищъ учебный періодъ съ 1-го октября по 15-е мая, съ тѣмъ, что послѣ 15-го октября дѣти безъ уважительныхъ причинъ не будутъ принимаемы. Если и эта мѣра не

приведеть къ цѣли, именно, къ своевременному поступленію учащихся и аккуратному посѣщенію ими классовъ, то училищный совѣтъ полагаетъ, что единственное средство устранить этотъ недостатокъ есть *введеніе обязательнаго обученія*". Инспекторъ народныхъ училищъ не считаетъ возможнымъ согласиться вполнѣ съ приведеннымъ здѣсь мнѣніемъ училищного совѣта. Онъ полагаетъ, что преобразованіе общественныхъ школъ въ земскія, съ назначеніемъ имъ постояннаго и опредѣленного пособія отъ земства,—дѣло само по себѣ очень хорошее и полезное, но оно имѣть и невыгодную сторону, а именно, возвышеніе однихъ училищъ можетъ повлечь за собою упадокъ другихъ, ибо Миргородскій училищный совѣтъ, назначивъ пяти школамъ по 250 руб., прекратилъ по этой самой причинѣ назначавшееся до того времени вспомоществованіе отъ земства (по 100 руб.) остальнымъ 10 училищамъ. Они пришли въ совершенный упадокъ, а между тѣмъ общее число учащихся простиралось въ нихъ до 500. Что касается злоупотреблений волостныхъ урядниковъ, то устранить ихъ было бы отнюдь не трудно: слѣдовало бы только принять надлежащія для этого мѣры. Прекращать же вовсе 10 школамъ существенно необходимое пособіе было несправедливо. Училищному совѣту, полагаетъ инспекторъ, можно было распорядиться этимъ пособіемъ точно такъ, какъ распоряжается онъ теперь назначенными отъ земства суммами въ пяти преобразованныхъ школахъ, а именно, назначить по 100 руб. на опредѣленный предметъ расхода, напримѣръ, на жалованье учителямъ, и вмѣнить въ непремѣнную обязанность обществамъ выдавать изъ своихъ суммъ, сверхъ отопленія, освѣщенія и прислуги, опредѣленное содержаніе законоучителю. „При настоящемъ же положеніи дѣлъ“, говоритъ инспекторъ, „обществамъ, лишеннымъ Миргородскимъ училищнымъ совѣтомъ пособія отъ земства, придется жертвовать на свои школы болѣе нежели жертвуютъ тѣ, школы коихъ получаются по 250 руб. Но и эти послѣднія (то-есть, преобразованные училища) вовсе не могутъ считать себя во всѣхъ отношеніяхъ обеспеченными, ибо они не имѣютъ средствъ удовлетворять многимъ необходимымъ и весьма важнымъ своимъ потребностямъ: не могутъ приобрѣтать въ достаточномъ количествѣ книги и учебныя пособія, содержать помощниковъ учителей, а между тѣмъ въ этихъ помощникахъ оказывается настоятельная необходимость, ибо число учениковъ въ означенныхъ школахъ простирается до 100 и даже болѣе. Заставить же теперь мѣстныя общества увеличить сборъ въ пользу земскихъ училищъ было бы весьма трудно“. Не соглашается инспекторъ и съ тѣмъ,

что родители действительно не понимают пользу образования; по мнѣнію его, если преподаватель хорошо ведеть дѣло, то всегда можетъ разчитывать на сочувствіе народа, который относится съ недовѣріемъ не къ самому дѣлу, а лишь къ тѣмъ, кто берется за дѣло, не имѣя ни надлежащей къ тому подготовки, ни особенного призыва. По наблюденіямъ инспектора, многие преподаватели толкуютъ о звуковомъ методѣ, а между тѣмъ вовсе не усвоили его себѣ; другие, мало знакомые съ церковно-славянскимъ языкомъ, признаютъ его бесполезнымъ въ школахъ, тогда какъ родители въ высшей степени дорожатъ церковно-славянскимъ чтеніемъ. Изъ всего того, что случилось ему замѣтить въ теченіе своей довольно продолжительной практики, инспекторъ выводить заключеніе, что недостатокъ хорошихъ учителей и плохое содержаніе школъ — зимой, напримѣръ, иную школу почти вовсе не отапливаютъ или же ученики страдаютъ въ ней отъ жестокаго угара, — вотъ главная причина, почему въѣхавшіе мѣстностяхъ дѣло народнаго образования мало встрѣчаетъ сочувствія. Относительно назначенней Миргородскимъ училищнымъ совѣтомъ для преобразованныхъ имъ пяти училищъ лѣтней вакаціи, съ 15-го мая по 1-е октября, инспекторъ замѣчаетъ: „Въ проектѣ инструкції для двукассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія сказано, что „начало и конецъ учебнаго года опредѣляется сообразно съ мѣстными условіями; но учебный годъ, во всякомъ случаѣ, долженъ продолжаться не менѣе 7½ мѣсяцевъ. Ученіе прекращается совершенно не болѣе какъ на 6 недѣль и не менѣе какъ на 4 недѣли въ теченіе лѣта. Эти свободныя отъ ученія недѣли не должны непремѣнно слѣдовать одна за другою, а могутъ быть и въ разное время лѣта, смотря потому, когда помочь дѣтей наиболѣе полезна семейству (§§ 14, 15 и 16)“ А § 17-мъ Высочайше утвержденной инструкції инспекторамъ требуется, „при опредѣленіи продолжительности учебнаго периода и времени лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, климату и господствующему роду занятій жителей“. Эти мѣстные условія и господствующій родъ занятій, сколько извѣстно, въ различныхъ мѣстахъ Полтавской губерніи весьма разнообразны. „При всемъ томъ, говорить г. инспекторъ, можно, хотя приблизительно, обобщить и подраздѣлить ихъ по особенностямъ занятій жителей: городовъ, мѣстечекъ, сель и деревень или хуторовъ. На основаніи этихъ особенностей, самый продолжительный периодъ учебнаго времени можетъ быть назначенъ для городовъ. Во всѣхъ городахъ Полтавской губерніи учение можетъ

начинаться (и обыкновенно начинается) послѣ 15-го авгуستа и оканчивается не ранѣе послѣднихъ чиселъ іюна. Такой же періодъ учебнаго времени можетъ быть назначенъ и для многихъ мѣстечекъ Полтавской губерніи. Въ м. Рѣшетиловкѣ, Полтавскаго уѣзда, послѣ 15-го августи можно застать обыкновенно не менѣе 50-ти учениковъ въ классѣ; а въ м. Смѣломъ, Роменскаго уѣзда, 7-го іюля прошедшаго года было болѣе 60-ти учениковъ. Затѣмъ, не только во многихъ мѣстечкахъ, но и въ селахъ, ученіе можетъ начинаться съ 1-го сентября и продолжаться до 1-го и 15-го іюня. Наконецъ, самый краткій періодъ учебнаго времени, для нѣкоторыхъ только сель и деревень, можетъ быть назначенъ съ 1-го октября по 15-е мая. Я долженъ прибавить къ этому, что, какъ между мѣстечками, такъ и между селами, встрѣчается въ этомъ отношеніи весьма большая разница, на которую, при назначеніи учебнаго періода времени, необходимо обращать надлежащее вниманіе".

Продолжительность учебнаго времени, говорится далѣе въ отчетѣ, зависитъ весьма часто не столько отъ мѣстныхъ условій, сколько отъ степени усердія и добросовѣтности учителя. Мѣстные жители неоднократно заявляли инспектору о своемъ желаніи, чтобы учебное время по возможности было болѣе продолжительно. Они жаловались, что ученіе начинается у нихъ осенью поздно, а прекращается весною рано. Предь Рождественскими праздниками слѣдовало бы прекращать ученіе въ начальныхъ, особенно сельскихъ, училищахъ не прежде 23-го декабря, а возобновлять ихъ 7-го января; передь Пасхой и на сырной недѣльѣ ученіе должно продолжаться непремѣнно до четверга. Передь праздниками ученики обыкновенно бываютъ въ полномъ сборѣ и родители чрезвычайно дорожатъ этимъ временемъ, сколько потому, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ взять дѣтей пораньше для весеннихъ работъ, столько и потому, что дѣти бываютъ въ это время только лишнею помѣхой дома. Упомянутый фактъ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ договорахъ своихъ съ учителями они требуютъ, чтобы въ праздники Рождества Христова и Пасхи дѣти ихъ не посещали школу только въ первые три дня. При ревизіяхъ своихъ инспекторъ неоднократно замѣчалъ, что учителя совершенно преждевременно распускали учениковъ, извиняясь единствено тѣмъ, что мѣстный училищный совѣтъ назначилъ тотъ или другой срокъ для распуска, хотя такимъ назначеніемъ срока училищный совѣтъ, безъ сомнѣнія, не воспрещалъ продолжать ученія. Случалось, что не-

довольные родители нанимали для своихъ дѣтей, на пропущенное ими время, особаго учителя.

Что касается опредѣленного срока для пріема учениковъ, то, по мнѣнію инспектора, онъ можетъ быть установленъ развѣ только въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ; въ сельскихъ же школахъ, пріемъ нельзя не допускать во всякое время, особенно послѣ Рождества, Пасхи и лѣтней вакаціи. Поступленіе дѣтей въ школу въ то или другое время, говоритъ инспекторъ, не всегда зависитъ отъ родителей. „Иной можетъ“, замѣчаетъ онъ, „посылать дѣтей своихъ въ школу только зимою, когда онъ менѣе нуждается въ ихъ помощи дома; другой же посыпаетъ ихъ только весною, лѣтомъ и раннею осенью, потому что не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ ни теплой одежды, ни обуви. Послѣ Пасхи обыкновенно вновь поступаютъ въ школу болѣе дѣти малолѣтніе, а зимою взрослые. Что же касается затрудненій для учителей отъ разновременного поступленія учениковъ, то эти затрудненія не особенно важны. Въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, въ каждомъ училищѣ непремѣнно есть нѣсколько разрядовъ учениковъ и какъ бы отдѣльныхъ классовъ. Учителю слѣдуетъ только вновь поступающихъ или долгое время по какой-либо причинѣ не посѣщашихъ исправно школу отнести къ тому разряду, къ которому они болѣе подходятъ по своему развитію и познаніямъ,—и они не причинять ему никакой особенной тягости и беспокойства. Если ученикъ, вновь поступившій, пробудетъ въ училищѣ хоть бы только одинъ или два мѣсяца въ теченіе учебнаго года, и научится хоть сколько-нибудь читать, писать и считать, то и это уже не малая польза“.

По уѣзду Пирятинскому хотя и не послѣдовало еще въ 1873 г. преобразованія общественныхъ училищъ въ земскія, но своевременная выдача имъ отъ земства пособія уже весьма замѣтно послужила къ ихъ улучшенію. На текущій 1874 г., уѣздное Пирятинское земство увеличило расходы на народное обученіе до 4.000 руб.

Въ истекшемъ году, въ двуклассныхъ и одноклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ, состояло 6 попечителей, 7 законоучителей, 13 учителей и одна учительница; въ школахъ, которыми завѣдывали училищные совѣты — одинъ почетный блюститель, 203 попечителя, 412 учителей — изъ нихъ 103 законоучителя, — 393 учителя, 47 учительницъ. Число учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи (къ 1 января 1873

года въ мужскихъ школахъ 16.119, въ женскихъ — 1.036) къ 1 января 1874 года простиралось въ мужскихъ до 18.269, въ женскихъ до 1.350; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 19.347, римско-католическаго — 18, лютеранскаго — 65, еврейскаго — 103; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 569, духовнаго званія — 382, сословій городскихъ — 1.637, сельскихъ — 16.977. Выбыли: въ отчетномъ году до окончанія курса 1.910; по окончаніи — 1.482.

Что касается до ученья въ Полтавскихъ школахъ, то г. инспекторъ замѣчаетъ, что религиозно-нравственное направление составляетъ главную его основу, благодаря тому особенно, что духовенство принимаетъ въ этомъ дѣлѣ самое живое и энергическое участіе.

Всѣ училища, о которыхъ идеть рѣчь, относительно материальныхъ своихъ средствъ, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ: содержанные министерствомъ народнаго просвѣщенія, духовенствомъ, земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами. Такъ какъ въ училищахъ министерства назначено жалованье учителямъ по 300, а законоучителямъ по 100 и 150 руб. въ годъ, то тутъ является возможность имѣть весьма хорошихъ преподавателей. Такихъ училищъ въ настоящее время въ губерніи находится 6,— 2 двуклассныхъ и 4 одноклассныхъ. Между всѣми школами занимаются они первое мѣсто. Старѣйшее изъ нихъ *Петровское*, Константино-градскаго уѣзда, вполнѣ удовлетворительно подготовило достаточное количество преподавателей для различныхъ школъ. Въ нынѣшнемъ году Константино-градскому земству опредѣлены въ него два стипендіата для приготовленія ихъ къ учительскому званію. Многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, даже пожилыхъ, замѣчая быстрое успѣхи обучения дѣтей грамотѣ, пожелали сами учиться, вслѣдствіе чего, съ разрѣшеніемъ попечителя округа, открыта при Петровскомъ училищѣ воскресная школа.

То же слѣдуетъ сказать и о Бѣлоцерковскомъ двуклассномъ училищѣ, въ которомъ, по желанію мѣстного общества, обучаютъ мальчиковъ портняжничеству, а дѣвочекъ рукодѣлью. Въ обѣихъ этихъ школахъ съ успѣхомъ занимаются и церковнымъ пѣніемъ. Изъ одноклассныхъ училищъ министерства обращаютъ на себя особенное вниманіе: Ращевское, Смѣлянское и Чернухское. Въ первомъ изъ нихъ въ прошломъ году обучались 164 мальчика и 26 дѣвочекъ, во второмъ — 102 мальчика и 6 дѣвочекъ, а въ послѣднемъ — 86 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Быстрое увеличеніе числа учащихся замѣчательно особенно въ Чернухскомъ училищѣ, въ которомъ, до преобразованія

его, бывало обыкновенно не болѣе 30-ти учащихся. Чернушское общество назначило въ нынѣшнемъ году 1.000 руб. на устройство новаго, болѣе обширнаго, дома для своей школы, такъ какъ прежній, построенный также очень недавно, оказывается уже тѣснѣмъ. Г. инспекторъ полагаетъ, что было бы необходимо преобразовать всѣ упомянутыя выше три училища въ двухклассныя, съ особыми при нихъ женскими отдѣленіями.

Между школами земскими и содержимыми на счетъ сельскихъ обществъ, встрѣчается также не мало весьма удовлетворительныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ попечители и волостные урядники ревностно исполняютъ свои обязанности. Нужно, однако, замѣтить, что повсюду ощущается недостатокъ въ наставникахъ. Что касается до библіотекъ, то лучшія изъ нихъ находятся въ школахъ министерства: оно доставляетъ въ эти школы значительное количество книгъ, а остальнымъ назначило на этотъ предметъ 1.200 руб. Въ школахъ, подлежащихъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, находилось въ истекшемъ году болѣе 60.000 книгъ различного содержанія.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

13/24 декабря 1874 года.

I.

Французская публика сильно заинтересована въ настоящее время вопросомъ о свободѣ высшаго преподаванія,—вопросомъ, возбужденнымъ католическимъ духовенствомъ, которому хочется учредить на свой счетъ университеты, зависящіе исключительно отъ него. Оно стремится въ этому по той причинѣ, что въ такой странѣ, какъ Франція, подверженной безпрерывнымъ переворотамъ, преподаваніе можетъ, въ теченіе даже непродолжительного времени, подвергаться самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Пренія по упомянутому вопросу начались 4-го и 5-го декабря, то-есть, немедленно послѣ того какъ національное собрание возвобновило свои засѣданія. Постараюсь представить здѣсь краткій о нихъ отчетъ. Первымъ, по очери, явился г. Полль Берь (Bert), профессоръ медицинской школы: онъ заявилъ, что въ принципѣ допускаетъ полную свободу высшаго преподаванія, но не думаетъ, чтобы подобная свобода могла возвысить его во Франціи; нигдѣ въ Европѣ не толкуютъ и не заботятся о ней такъ много, какъ въ Бельгіи, а между тѣмъ именно въ этомъ государствѣ уровень научныхъ занятій значительно понизился. Если духовенству будетъ предоставлено учредить свои университеты, то окажется невозможнымъ воспрепятствовать и учрежденію ихъ съ совершенно противоположнымъ направленіемъ: такимъ образомъ высшія учебныя заведенія раздѣлятся на два враждебные лагера; сильный антагонизмъ возникнетъ въ средѣ молодежи; науки будутъ преподаваться съ исключительно клерикальной или съ исключительно матеріалистической точки зрѣнія,—а все это только усугубить раздоры и распри въ странѣ, которая и безъ того заключаетъ въ себѣ не мало элементовъ неурядицы. По мнѣнію г. Бера, не слѣдуетъ раздроблять ученыхъ силы, и вмѣсто

частныхъ учебныхъ заведеній было бы полезнѣе подумать о сліяніи тѣперешнихъ факультетовъ; впрочемъ, онъ не противится безусловно принятію проекта, — пусть возникнутъ такъ-называемые свободные университеты, но пусть, въ такомъ случаѣ, правительство откажется отъ всякаго контроля надъ ними. Оно должно оставаться безучастнымъ даже въ томъ случаѣ, если *самыя странныя доктрины* (*les doctrines les plus étranges*) проникнутъ въ ихъ стѣны (!): чтобы противодействовать имъ, не нужно вовсе особыхъ законоположеній, ибо и существующіе уголовные законы предоставляютъ для этого власти вполнѣ достаточныхъ средства.

Таково мнѣніе г. Бера, одного изъ приверженцевъ крайней республиканской партии и ревностнаго поборника материализма. Въ отвѣтъ своему оратору, докладчикъ комиссіи, разсмотривавшей вопросъ о высшемъ преподаваніи, г. Лабуле, замѣтилъ, что, конечно, было бы благоразумно не раздроблять ученыя силы, которыми располагаетъ нынѣ Франція, но дѣло идетъ не объ этомъ, а о принципѣ свободы высшаго преподаванія. Онъ отиссятся къ нему совершиенно иначе, чѣмъ г. Поль Берь: по его мнѣнію, правительство вполнѣ можетъ допустить учрежденіе частныхъ высшихъ училищъ, но не иначе, какъ подъ бдительнымъ своимъ надзоромъ, а при такомъ условіи было бы несправедливо устранить инициативу католического духовенства въ этомъ дѣлѣ.

Г. Боссиръ, профессоръ философіи въ одномъ изъ провинціальныхъ нашихъ факультетовъ (гор. Нуайе), занялся преимущественно вопросомъ о практическихъ послѣдствіяхъ, которыхъ должна повлечь за собою задуманная реформа. Нужно прежде всего разъяснить, предоставлено ли будетъ частнымъ университетамъ право раздавать ученыя степени, — право, принадлежавшее доселѣ, какъ известно, исключительно университету, какъ государственному учрежденію. Ученые степени необходимы для цѣлого ряда профессій (профессоровъ, учителей, адвокатовъ, медиковъ); установленная за нихъ плата службы не маловажнимъ источникомъ дохода, и поэтому правительству следовало бы удержать его за собою. Пусть правительственные университеты по прежнему присуждаютъ ученыя степени, а университеты частные могли бы только выдавать дипломы. Въ доказательство того, что и этой привилегіи было бы для нихъ вполнѣ достаточно, г. Боссиръ ссылается на примѣръ Свободной школы политическихъ наукъ (*Ecole libre des sciences politiques*), возникшой въ Парижѣ въ 1871 году, которая ограничивается только выдачей ди-

пломовъ, а между тѣмъ эти дипломы очень цѣнятся. Если частнымъ высшимъ училищамъ предоставить присуждать ученыя степени совершенно наравнѣ съ правительственными факультетами, то слѣдствіемъ этого явится весьма гибельная между ними конкуренція: очевидно, что масса слушателей станетъ приливать туда, гдѣ можно будетъ добиться ученой степени съ меньшими затрудненіями; въ Бельгіи подобный порядокъ вещей уже отразился самымъ печальнымъ образомъ на высшемъ преподаваніи. Возражаютъ противъ этого, что правительство могло бы предоставить означенное право не всѣмъ, а только нѣкоторымъ частнымъ училищамъ, по своему выбору,—но въ такомъ случаѣ это было бы монополіею, о настоящей же свободѣ не можетъ быть тутъ и рѣчи.

Все почти засѣданіе палаты 5-го декабря было занято рѣчью монсеньора Дюпанлу, епископа Орлеанскаго, но хотя онъ славится своимъ ораторскимъ талантомъ, рѣчь его не представляетъ особенного интереса для вашихъ читателей, ибо отличалась она исключительно политическимъ содержаніемъ. Ораторъ сознался безъ всякой утайки, что предполагаемая реформа пользуется безусловнымъ его сочувствіемъ главнымъ образомъ потому, что ею должно быть обеспечено вліяніе духовенства; онъ напомнилъ о тѣхъ услугахъ, которыхъ духовное слово, преимущественно монашество, оказывало въ прежніе вѣка наукѣ. Республиканскій ораторъ, г. Шаламель-Лакуръ (бывшій профессоръ Бернскаго университета) энергически возсталъ противъ проекта закона на томъ основаніи, что при теперешнемъ положеніи дѣла только католическое духовенство обладаетъ всѣми необходимыми средствами, чтобы организовать высшія учебныя заведенія, чѣмъ лишь оно воспользуется новымъ правомъ, даруемымъ обществу. Ораторъ прибѣгнулъ къ самымъ запальчивымъ обвиненіямъ противъ клирикальной партіи,—обвиненіямъ, которыхъ опять вызвали на трибуну епископа Дюпанлу, который, въ свою очередь, заклеймилъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ принципы и дѣйствія революціи прошлаго вѣка. Среди этихъ взаимныхъ пререканій, страсти раздражались все сильнѣе. Докладчикъ комиссіи, г. Лабуле, послѣдний также выѣхалъ въ этотъ споръ и горячо возражалъ противъ доктрины г. Шаламеля-Лакура: онъ доказывалъ, что не слѣдуетъ отвергать свободу преподаванія подъ тѣмъ предлогомъ, что она можетъ принести пользу лишь той или другой партіи. Национальное собраніе втотъ присоединилось къ этому взгляду, утвердивъ проектъ закона, при первомъ его чтеніи, большинствомъ 500 противъ 150 голосовъ.

Изъ всѣхъ этихъ преній выяснилось только одно, а именно — крайне незавидное положение, въ которомъ находятся наши высшія школы,—за исключеніемъ, разумѣется, Парижа. Всѣ ораторы были согласны между собою относительно того, что провинціальные наши факультеты далеко не процвѣтаютъ: главный недостатокъ заключается не столько даже въ преподавателяхъ, сколько въ самыхъ необходимыхъ ученыхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ. Г. Лабуле упомянулъ, между прочимъ, объ одномъ обстоятельствѣ, которое произвело на палату довольно сильное впечатлѣніе, а именно, недавно умершій знаменитый геологъ Эли де-Бомонъ завѣщалъ парижскому Collège de France свою геологическую коллекцію,—и что же?—это учебное заведеніе должно было отказаться отъ коллекціи, потому что у него не хватило средствъ организовать ее и помѣстить сколько-нибудь приличнымъ образомъ. Я упомянулъ сейчасъ, что при замѣщеніи каѳедръ встрѣчается еще менѣе всего затрудненій, но и это справедливо только относительно: въ Страсбургскомъ университетѣ, напримѣръ, де отторженія Страсбурга отъ Франціи, было не болѣе пяти каѳедръ, и хотя профессора этого университета были люди весьма ученые и способные, но ни одинъ изъ нихъ не считался авторитетомъ въ своей науцѣ, не пользовался обширною извѣстностью. Теперь же, въ тамошнемъ нѣмецкомъ университетѣ, существуетъ болѣе 30 каѳедръ, и замѣщены онѣ такъ, что университетъ этотъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Германіи: подобная сравненія слишкомъ оскорбительна для нашего самолюбія, а между тѣмъ ничего нельзѧ возвратить противъ нихъ...

Французская Аенская школа подверглась, на основаніи декрета 26-го ноября, довольно значительнымъ преобразованіямъ, сущность коихъ состоить въ слѣдующемъ:

Упомянутая школа находится отныне въ вѣдѣніи министра народного просвѣщенія, подъ покровительствомъ министра иностраннѣхъ дѣлъ, а ученое руководство ея трудами поручено Академіи надписей и изящной словесности. Во главѣ ея стоитъ директоръ—членъ института или одинъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія,—назначаемый въ эту должность изъ кандидатовъ которые представляются совмѣстно Академію надписей и отдѣленіемъ высшаго преподаванія совѣщательного комитета при министерствѣ. Онъ утверждается на шесть лѣтъ, но срокъ этотъ можетъ быть продолженъ, не иначе, однако, какъ особымъ декретомъ высшаго правительства. Членами Аенской школы могутъ быть лица (не менѣе

30-ти лѣтъ отъ роду), имѣющія высшую ученую степень; избираются они по конкурсу, въ программу коего входятъ: греческій, древній и современный, языкъ, основанія эпиграфики, палеографіи и археологии, исторія и географія древней Греціи и Италии; требуется также и черченіе. Экзаменъ этотъ долженъ быть устный и письменный и проходитъ онъ, на основаніи программы, выработанной Академіею надписей, предъ особою комиссию изъ семи членовъ, которые назначаются министромъ народнаго просвѣщенія.

Коммісія представляетъ подробный докладъ министру, который, на основаніи ея доклада, и избираетъ членовъ школы. Число ихъ не превышаетъ шести: они остаются въ должности три года, включая сюда годъ предварительного пребыванія въ Римѣ.

Каждый изъ членовъ Аѳинской школы обязанъ, въ концѣ года, представлять Академіи, чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, отчетъ о своихъ занятіяхъ, который обсуждается специальной комиссией. Подробныя ея измѣнія объ этихъ отчетахъ читаются въ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи и затѣмъ печатаются въ *Официальномъ Журнале*; въ публичныхъ же засѣданіяхъ указываются изслѣдованія и темы, которыхъ Академія, сообразуясь съ инициативой специальной своей комиссіи, предлагаетъ членамъ Аѳинской школы; они, съ своей стороны, обязаны аккуратно извѣщать Академію, чрезъ посредство директора, объ археологическихъ открытіяхъ, дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія, и о результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ по ихъ инициативѣ, или въ которыхъ они принимали участіе.

Всѣ члены Академіи надписей, а также бывшіе члены школы состоять въ званіи ея корреспондентовъ; министръ народнаго просвѣщенія имѣеть право предоставить это званіе, по предварительному сношенію съ Академіею, и совершение постороннимъ лицамъ безъ различія даже ихъ національности.

Въ концѣ каждого года директоръ Аѳинской школы представляетъ министру подробный докладъ о томъ состояніи, въ которомъ она находится, о трудахъ ея, о необходимыхъ измѣненіяхъ въ ея устройствѣ.

Римское отдѣленіе Аѳинской школы принимаетъ отнынѣ названіе Археологической римской школы.

II.

Къ числу различныхъ ученыхъ учрежденій, состоящихъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, принадлежитъ также комиссія

историческихъ изслѣдований и ученыхъ обществъ (Commission des travaux historiques et des sociétés savantes), которая занимается обвародованіемъ неизданныхъ документовъ, относящихся до исторіи Франціи. Недавно появился подробный отчетъ объ ея дѣятельности со времени ея учрежденія. Изъ этого отчета видно, что въ 1833 году, тогдашній министръ народного просвѣщенія г. Гизо предложилъ королю Лудовику-Филиппу учредить на казенный счетъ и подъ наблюденіемъ правительства особую комиссию съ указаніемъ сейчасъ цѣли; король выразилъ полное согласие и палата депутатовъ даровала министру чрезвычайный кредитъ въ 120.000 франковъ. Въ числѣ лицъ, призванныхъ организовать задуманное предпріятіе, находились гг. Вильменъ, Минье, Кувантъ, Вите, Мериме, С. Бёвъ и другіе. Въ 1838 году императоръ Наполеонъ III раздѣлилъ означенную комиссию на три отдѣлія: 1) исторіи и филологіи; 2) археологіи и 3) точныхъ наукъ, предоставивъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ сношенія съ многочисленными провинциальными нашими учеными обществами и издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Revue des sociétés savantes*. Уже въ декабрѣ 1833 года г. Гизо могъ представить королю Лудовику-Филиппу три обширныхъ тома неизданныхъ и весьма важныхъ документовъ, а начиная съ этого времени комиссія не переставала издавать ежегодно подобные же сборники подъ редакціею болѣе или менѣе известныхъ ученыхъ. Въ этой коллекціи заключается нынѣ 104 тома документовъ историческихъ (изъ нихъ 38 относятся ко всеобщей исторіи и 40—къ исторіи различныхъ мѣстностей Франціи), 9 томовъ документовъ дипломатическихъ, 18—археологическихъ, 10—по филологіи и истории литературы и т. д. Значительное количество этихъ сборниковъ разсыпается бесплатно, напримѣръ, главнѣйшимъ европейскимъ библіотекамъ, библіотекамъ каждого изъ нашихъ департаментовъ и т. п. Въ Россію посыпается ихъ по 6 экземпляровъ. Отчетъ, знакомящій насъ съ дѣятельностью исторической комиссіи, содержитъ много статистическихъ срѣдній; кроме того, приложены къ нему еще три дополнительные отчета: 1) г. Леопольда Делиля о занятіяхъ исторического отдѣленія; 2) г. Леона Ренье, профессора эпиграфики въ Collège de France и директора Школы высшихъ наукъ, о занятіяхъ отдѣленія археологическаго, и наконецъ, 3) члена Института, г. Бланшара, о занятіяхъ отдѣленія точныхъ наукъ. Кроме того въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, помѣщены всѣ декреты и министерскія распоряженія, касающіяся комиссіи, съ самаго ея учрежденія.

И теперь, какъ бываетъ всегда предъ Рождественскими праздниками, появилось много роскошныхъ изданій, предназначенныхъ для подарковъ. Упомяну здѣсь только объ одномъ изъ нихъ, а именно, объ „Исторіи костюма во Франціи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“, соч. г. Жюля Кишрѣ (*Histoire du costume en France depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par Jules Quicherat*). Авторъ этой книги (котораго не нужно смѣшивать съ извѣстнымъ лексикографомъ Лудовикомъ Кишрѣ) занимаетъ нынѣ мѣсто директора въ Ecole des chartes и преподаетъ тамъ археологію; изъ подъ пера его вышло уже много историческихъ монографій, въ томъ числѣ сборникъ документовъ, относящихся къ процессу Жанны д'Аркъ. Новымъ трудомъ своимъ г. Кишрѣ доказалъ, что основательный и добросовѣтный ученый можетъ придать научный интересъ даже и такому предмету, который, самъ по себѣ, не имѣеть, кажется, особыго значенія. Онъ разсматриваетъ исторію костюма съ древнѣйшихъ временъ до конца прошлаго столѣтія, не ограничиваясь только сообщеніемъ техническихъ свѣдѣній, но стараясь прослѣдить связь между костюмомъ и общественными нравами, между нравами и политической жизнью. Къ книгѣ приложено около 480 рисунковъ: вообще это далеко не одно изъ тѣхъ изданій, которыя, появляясь предъ праздниками, разчитывались лишь на временный успѣхъ. Уже съ 1845 года г. Кишрѣ не переставалъ заниматься избраннымъ имъ предметомъ и отрывки изъ него печатали въ *Magasin pittoresque*.

Кому изъ читателей вашихъ неизвѣстно о пререканіяхъ, возникшихъ у насъ въ послѣдніе годы по поводу національного знамени, но едва ли люди, такъ ожесточенно спорящіе о немъ, знакомы съ его исторіею. Вотъ почему представляется нѣкоторый интересъ книга, изданная г. Дежарденомъ, версальскимъ архиваріусомъ и бывшимъ воспитанникомъ Ecole des chartes, подъ заглавиемъ: „Изслѣдованія о французскомъ знамени“ (*Recherches sur le drapeau fran ais, par Desjardins*). Авторъ — къ не малому, вѣроятно, удивленію публики — старается доказать, что бѣлое знамя никогда не было (за исключеніемъ флота) знаменемъ королевскаго Бурбонскаго дома и что до исхода прошлаго столѣтія вообще не существовало во Франціи знамени національнаго. Знамя это часто мѣнило цвѣта, было то бѣлымъ, то краснымъ, и окончательно только Вандейцы усвоили ему бѣлый цвѣтъ. Г. Дежарденъ не принадлежитъ ни къ какой партии и въ изслѣдованіи своемъ имѣлъ въ виду лишь историческую истину.

Недавно появился второй томъ сочиненія, о которомъ мнѣ при-

ходилось уже упоминать, а именно „Венгерские Сербы“ (*Les Serbes de la Hongrie*). Авторъ его — дипломатъ, долгое время жившій въ Венгрии, — пожелалъ скрыть свое имя, и нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо трудъ его отличается несомнѣнными достоинствами; во Франціи же, гдѣ такъ мало писано до сихъ поръ объ югоzapадныхъ Славянахъ, онъ представляетъ вполнѣ рѣдкое явленіе. Въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, особенное вниманіе посвящено новѣйшимъ событиямъ, национальному славянскому движенію 1848 — 1849 годовъ, австро-венгерскому дуализму и т. д., при чемъ авторъ отнюдь не скрываетъ своихъ симпатій къ Славянамъ; не ограничиваясь политикою, онъ сообщилъ много любопытныхъ свѣдѣній объ этнографіи сербского племени, о Военной Границѣ, устройствѣ сербской церкви, школахъ и литературѣ. Лучшую похвалою его изслѣдованію можетъ служить то, что Сербская Матица въ Новомъ Садѣ рѣшилась издать переводъ его на собственный счетъ.

Нельзя отозваться съ такою же похвалою о двухъ другихъ, недавно появившихся, книгахъ, а именно о „Югославянскихъ странахъ“ (*Pays jougo-slaves*), авторъ коей тоже не обозначилъ своего имени, и о „Происхожденіи южныхъ Славянъ“ г. С. Мари (*Les origines des Slaves meridionaux*). Не трудно замѣтить, что авторы мало изучали предметъ, о которомъ взялись говорить.

А вотъ еще сочиненіе, имѣющее связь съ названными мною сей-часъ, — „О происхожденіи Мадьяръ и языческомъ періодѣ ихъ истории“, г. Сейу (*Les origines et l'poque païenne de l'histoire des Hongrois, par Sayous*). Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма немногихъ, изъ нашихъ соотечественниковъ, которые основательно знакомы съ венгерскимъ языкомъ; онъ приготовляетъ въ настоящее время подробную исторію Венгрии, но прежде чѣмъ издать ее, пожелалъ ознакомить публику съ отрывкомъ изъ нея, который и составляетъ содержаніе упомянутой мною книги. Г. Сейу пользовался для своего труда мадьярскими сочиненіями, которыхъ не только во Франціи, но и вообще въ Европѣ извѣстны очень мало.

Л. Л-ръ.

О Т Д Ъ Л Ъ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

БОРЬБА ДЕМОСФЕНА СЪ ЭСХИНОМЪ ПО ПОВОДУ ПОСОЛЬСТВА КЪ МА- КЕДОНСКОМУ ЦАРЮ ФИЛИППУ II ВЪ 346 ГОДУ ДО Р. Х.¹⁾

II.

Исторія посольства Аенианъ изъ Филиппу для заключенія мира въ
346 г. до Р. Хр.

Неудачные дѣйствія Аенианъ противъ Филиппа все болѣе и болѣе побуждали ихъ желать мира; борьба съ союзниками, а потомъ съ Филиппомъ, утомила ихъ²⁾ и стоила имъ большихъ издержекъ. Одинъ только Харесь, во время союзнической войны, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 150 триремъ и издерживалъ 1.500 талантовъ³⁾. Снаряженіе экспедиціи на помощь Фокейцамъ стоило около 200 талантовъ⁴⁾. Между тѣмъ большая часть союзниковъ отпала отъ Аенианъ; Эвбей была для нихъ потерянна; попытка составить союз изъ греческихъ государствъ противъ Филиппа оказалась неудачною. Съ своей стороны Филиппъ также имѣлъ причины желать заключенія мира съ Аенианами, которые держали порты Македоніи въ блокадѣ, причиняя этимъ большой вредъ торговли и промышленности этой страны⁵⁾; при томъ послѣдній ударъ Фокейцамъ могъ быть нанесенъ имъ только по заключеніи мира съ Аенианами, въ интересѣ которыхъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Пром.*, декабрь, 1874 г.

²⁾ Эсхинъ, *de fals. leg.* 36, p. 38, приписывается Демосфену слѣдующія слова: εἰ τὸν Ἀθήνης πραγμάτεον ἐπιλέγομε, καὶ τὸν δῆμον χαταπεκοντημένον καὶ σφόδρα ἐπιθυμούντα τὰς εἰρήνης εἰ μὴ μέμνησι. Самъ Демосфенъ говорить, что неудачные дѣйствія аенинскихъ полководцевъ были причиной мира. *Demosth. de fals. leg.* 96, p. 371.

³⁾ *Aesch. de fals. leg.* 71, p. 37.

⁴⁾ *Demosth. de fals. leg.* 84, p. 367.

⁵⁾ *Demosth. de fals. leg.* 123, p. 379; 315, p. 442.

было всячески поддерживать Фокейцевъ противъ Филиппа и Оиванцевъ, чтобы воспрепятствовать имъ овладѣть Фермопилами¹).

Обстоятельства, предшествовавшія и способствовавшія началю мирныхъ переговоровъ между Аѳинянами и Филиппомъ, были слѣдующія. По разказу Эсхина, еще въ 348 году изъ Эвбей явились въ Аѳинны послы просить мира, и между прочими сказали, что и Македонскій царь желаетъ вступить съ Аѳинянами въ переговоры о мирѣ. Немного спустя, разказываетъ дафне Эсхинъ, Фринонъ Рамнузійскій²) въ мирное время Олимпійскихъ игръ (стократіс 'Олімпікіахіс') былъ захваченъ македонскими разбойниками. Онъ выкупился изъ неволи, и, пришедъ домой, просилъ согражданъ дать ему уполномоченного (презенту), съ которымъ бы онъ могъ отправиться къ Македонскому царю и получить деньги, заплаченныя имъ за свой выкупъ разбойникамъ. Его просьба найдена основательною, и съ нимъ былъ отправленъ Ктезифонтъ, который по возвращеніи въ Аѳинны не могъ нахвалиться хорошимъ обращеніемъ Филиппа; онъ говорилъ также, что Македонскій царь противъ своего желанія велѣтъ войну съ Аѳинянами и желалъ бы заключить съ ними миръ³). Народъ съ одобрениемъ выслушалъ разказъ Ктезифонта и похвалилъ его самого. Тогда Филократъ Агнузійскій⁴) внесъ въ народное собраніе предложеніе, чтобы Филиппу предоставлено было право прислать въ Аѳинны герольда, а потому и пословъ для переговоровъ о мирѣ; прежде же Аѳиняне не хотѣли входить съ Филиппомъ ни въ какія союшенія. Даже и теперь нашелся человѣкъ, по имени Ликинъ, который объявилъ предложеніе Филократа незаконнымъ (параюбон) и обвинилъ его самого. Демосоенъ предъ судомъ защищалъ Филократа, который и былъ оправданъ, между тѣмъ какъ обвинитель его не получилъ даже пятой части голосовъ⁵). Кроме того, перегово-

¹) Demosth. de fals. leg. 318, p. 443; ср. 83, p. 367; 180, p. 397.

²) Ραμνοῦς былъ одинъ изъ округовъ (бѣмос) Аттики. Со времени Клиссеона Аттика раздѣлилась на 10 фемъ (φεμѣ), изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на несколько округовъ или демовъ, доходившихъ числомъ до 174. См. Labket подъ словомъ *Demos*.

³) Aesch. de fals. leg. 12—13, p. 29. Демосоенъ подтверждаетъ справедливость этого разказа Эсхина, говоря, что Ктезифонтъ первый началъ распространять между Аѳинянами ложный слухъ о пріязни къ нимъ Филиппа. Demosth. de fals. leg. 12, p. 344; 18, p. 346; 94, p. 371.

⁴) Ἀγνοῦς, οὐνοῦς—одинъ изъ демовъ Аттики; см. прим. 37.

⁵) Aesch. de fals. leg. 13—14, p. 30.

рамъ о мирѣ способствовало слѣдующее обстоятельство. При взятіи Олинея попало въ плѣнъ много находившихся тамъ Аѳинянъ, и между ними Іатроклъ и Евкратъ, родственники которыхъ приступили къ народу съ просьбою о выкупѣ ихъ изъ плѣна. По свидѣтельству Эсхина, Демосфенъ и Филократъ поддержали ихъ просьбу¹⁾. Въ это время въ Аѳинахъ жилъ трагический актеръ Аристодемъ²⁾, славившійся своимъ искусствомъ не только въ Аѳинахъ, но и въ Македоніи, и пользовавшійся особеною благосклонностію Македонскаго цара Филиппа II. Онъ-то и былъ посланъ въ Филиппу для переговоровъ о выкупѣ изъ плѣна Іатрока и Евкрана. Филиппъ не только уважилъ просьбу Аѳинскаго народа, но даже освободилъ ихъ изъ плѣна безъ выкупа. По возвращеніи въ Аѳины Іатроклъ и Аристодемъ много рассказывали о расположении Македонскаго царя къ Аѳинянамъ, при чемъ Аристодемъ присовокупилъ, что Филиппъ желаетъ даже заключить съ Аѳинянами союзъ, и, по предложению Демосфена, получилъ вѣнокъ³⁾. Тогда Филократъ, отличавшійся своею приверженностью къ Филиппу, внесъ въ народное собраніе предложеніе избрать десять мужей и послать ихъ къ Македонскому царю для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, условія которого слѣдовало составить потомъ въ Аѳинахъ, въ присутствіи присланныхъ отъ Македонскаго цара пословъ⁴⁾. Предложеніе Филократа было принято; въ число пословъ были избраны: *Филократъ, Ктезифонъ, Іатроклъ, Кимонъ, Навзиклъ, Деркилъ, Фринонъ, Аристодемъ, Эсхинъ и Демосфенъ*⁵⁾. Къ нимъ былъ присоединенъ *Альтаокреонтъ* изъ острова Тенеда, въ качествѣ представителя аѳинскихъ союзниковъ⁶⁾. Когда

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 15, p. 30.

²⁾ Эсхинъ, у которого мы заимствуемъ этотъ разказъ, упоминаетъ только объ Аристодемѣ, тогда какъ у Демосфена имя Аристодема постоянно соединяется съ именемъ другого трагического актера — Неоптолема, который будто бы имѣетъ съ Аристодемомъ былъ посредникомъ между Аѳинянами и Филиппомъ при началѣ мирныхъ переговоровъ. Demosth. de fals. leg. 12, p. 344; 315, p. 442, и въ др. мѣст. Ср. 2 argum. къ рѣчи Демосфена de fals. leg., а также argum. къ рѣчи Эсхина.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 15—17, p. 30.

⁴⁾ Aesch. de falsa leg. 18, p. 30; Aesch. contra Ctesiph. 62, p. 62.

⁵⁾ 2 argum. ad Demosth. or. de fals. leg. p. 336.

⁶⁾ Aesch. de fals. leg. 20, p. 30; 97, p. 41. Это посольство было избрано и отправлено къ Филиппу весною (въ мартѣ) 346 года до Р. Хр. См. Clinton. Fast. Hellen., стр. 148, а также Wachsmuth's Hellenische Alterth. I, стр. 896. Здесь якстати замѣтить, что Клинтонъ и Вахсмутъ ссылаются не аттическому

посольство готово было отправиться въ путь, Аенинне предположили ему въ Македонію герольда, который долженъ быть объявить цѣль прибытия пословъ и испросить имъ свободный доступъ къ царю¹). Наконецъ, послы отправились въ г. Орей ("Ωρεόν, на сѣверномъ берегу Эвбей), гдѣ условились дожидаться имѣвшаго возвратиться изъ Македоніи герольда; однако, не дождавшись его, поплыли чрезъ Пагазскій заливъ, и прибыли къ осаждаемому Парменіономъ еессалійскому городу Галосу ("Αλός), а оттуда чрезъ г. Пагазы и Лариссу — въ столицу Македоніи, Целлу²).

Уже во время этого первого посольства между Демосееномъ и его товарищами сильно высказались взаимное недовѣріе и вражда. Эсхинъ очень подробно говорить о первомъ посольствѣ, при чѣмъ представляется дѣйствіе Демосеена въ крайне неблагопріятномъ для послѣдняго свѣтѣ; онъ явно старается показать, что суровый и злобный характеръ Демосеена былъ причиной вражды его къ своимъ товарищамъ по посольству, и что эта личная вражда заставила его потому начать процессъ противъ Эсхина. Такъ, Эсхинъ говоритъ, что всѣ послы удалялись отъ всякаго сообщества съ Демосееномъ; кроме того, онъ говоритъ, что хвастовство Демосеена своимъ ораторскимъ талантомъ не знало границъ и доходило до наглости. Когда, напримѣръ, послы совѣщались о томъ, чтѣ и какъ должно говорить предъ Филиппомъ, то Демосеенъ сказалъ, что у него являются неисчерпаемые потоки краснорѣчія, а обѣ Амфиполѣ и правахъ на него Аенинанъ онъ имѣть сказать нечѣто такое, чтѣ захметь (*ἀτορράπτειν*) ротъ Филиппу, что онъ убѣдить Аенинанъ принять Леосеена³), а Филиппа—возвратить Аенинанамъ Амфиполь⁴).

Когда послы были допущены къ царю, то, по сдѣланному ими предварительно между собою условію, они должны были говорить предъ нимъ по порядку старшинства; Эсхину и Демосеену, такъ какъ они

лѣтосчислѣнію, по которому годъ начинался только съ половины іюля, и по которому, следовательно, избрание аенинского посольства должно было бы быть отнесено не къ 346, а къ 347 году до Р. Хр.

¹) Demosth. de fals. leg. 163, p. 392: Κύρου δέ τις προξεπεῖλατε, βασικῶν σπείσεται.

²) Ibid.

³) Леосеенъ бѣжалъ изъ Аенинъ въ Македонію, потому что былъ заподозренъ въ изменѣ въ пользу Филиппа; послѣдній держалъ его въ большой по-чести. См. сколіи къ речи Эсхина de fals. legat. 21, p. 31.

⁴) Aesch. de fals. leg. 21, p. 31.

были самые младшіе, приходилось говорить послѣднимъ. Ктезифонть, самый старшій между ними¹⁾, долженъ былъ говорить прежде всѣхъ. Послѣ того, какъ всѣ другіе послы окончили свои рѣчи, выступилъ Эсхинъ. Напомнивъ Филиппу о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Аѳинанами его предкамъ, онъ перешелъ затѣмъ къ главному предмету своей рѣчи, въ которой доказывалъ, что право на Амфиполь принадлежало Аѳинамъ съ древнихъ, миѳическихъ временъ, и было признаваемо отцомъ Филиппа, Аминтою²⁾. Послѣ всѣхъ дошла очередь и до Демосоена. Всѣ ожидали услышать отъ него что-нибудь необыкновенное; объяснія, которыхъ Демосоенъ высказывалъ предъ своими товарищами, были переданы Филиппу и его друзьямъ. Аѳинскіе послы приготовились слушать Демосоена съ тайною завистью, и, можетъ быть, самъ Филиппъ не безъ волненія смотрѣлъ на выступавшаго предъ нимъ его величайшаго соперника. Но, едва сказавъ нѣсколько словъ, Демосоенъ окончательно смѣялся, память измѣнила ему и онъ наконецъ долженъ былъ замолчать. Тогда Филиппъ, съ тайнымъ удовольствиемъ видя это замѣшательство Демосоена, началъ ободрять его, говоря, что онъ дѣйствуетъ не на театрѣ, где это могло бы имѣть для него какія-нибудь непріятныя послѣдствія, совѣтовать ему быть спокойнымъ и продолжать рѣчь. Но Демосоенъ не могъ уже оправиться отъ своего замѣшательства, и хотя началъ было говорить опять, но также неудачно. Послѣ этого герольдъ вѣтъль послалъ удалиться³⁾.

Это замѣшательство Демосоена кажется довольно страннымъ, и, по всей вѣроятности, передано Эсхиномъ въ сильно преувеличенномъ и искаженномъ видѣ; тѣмъ не менѣе оно можетъ отчасти имѣть объясненіе въ томъ положеніи, среди которого очутился Демосоенъ. Онъ долженъ былъ говорить предъ царемъ, котораго считали непримиримымъ врагомъ своего отечества, котораго преслѣдовали всю силу своего краснорѣчія, ненавидѣль отъ всей души; Демосоенъ, конечно, не могъ свободно высказывать все, что онъ думалъ; онъ былъ окруженнъ людьми, отъ которыхъ могъ ожидать скорѣе ненависти, чѣмъ сочувствія къ себѣ. Одушевлявшія его чувства любви къ отечеству и ненависти къ врагамъ этого отечества, чувства, служившія главными источниками, изъ которыхъ Демосоенъ черпалъ силу

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 42, p. 33; Κτησιφόντος δὲ, ὅπερ ἦν ἡμῶν πρεσβύτερος; томе 47, p. 34.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 26—33, p. 31—32.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 34—35, p. 32—33.

своихъ словъ, должны были оставить его при такой обстановкѣ, а вмѣстѣ съ ними оставилъ его и ораторскій талантъ. Спустя нѣсколько времени, послы опять были позваны къ Филиппу и приняты имъ очень благосклонно. Онъ отвѣчалъ отдѣльно каждому изъ нихъ на его рѣчъ, и особенно много обращался къ Эсхину, не оставивъ безъ отвѣта ни одного его довода, между тѣмъ какъ Демосѳенъ не удостоилъ даже словомъ. Можетъ быть онъ сдѣлалъ это съ намѣренiemъ, чтобы показать, что Демосѳенъ, такъ громившій его въ аѳинскихъ народныхъ собраніяхъ, теперь не находился сказать ничего достойнаго вниманія¹⁾. Затѣмъ послы были приглашены на пиръ, во время которого Демосѳенъ, по замѣчанію Эсхина, вѣль себя неприлично²⁾. Не смотря, однако, на все свое видимое радушіе относительно аѳинскихъ пословъ, Филиппъ не согласился уступить Аѳинянамъ Амфиполя; онъ обѣщалъ только во время переговоровъ о мірѣ прекратить военные дѣйствія во Фракіи³⁾. Наконецъ, послы были отпущены Филиппомъ съ письмомъ къ аѳинскому народу, исполненнымъ выражений дружбы и миролюбивыхъ намѣреній⁴⁾. Онъ говорилъ, что въ непродолжительномъ времени пришлеть въ Аѳины пословъ для составленія условій мира и союза, выгоднаго для обѣихъ сторонъ, и написалъ бы подробнѣ, сколько онъ сдѣлаетъ добра для Аѳинянъ, еслибы наѣрное зналъ, что союзъ между ними состоится⁵⁾. Между тѣмъ Демосѳенъ встревоженъ былъ тѣмъ, что ему пришлось такъ сконфузиться предъ македонскимъ царемъ и всячески старался по возможности изгладить изъ памяти другихъ воспоминаніе объ этомъ неблагопріятномъ для него случаѣ, или придать ему нѣсколько иное значеніе. Онъ сталъ осуждать вольность рѣчи Эсхина, которая будто бы могла повредить Аѳинянамъ и ихъ союзникамъ. „Ужели ты наѣвешься“, говорилъ онъ Эсхину, „на тѣ 50 триремъ, которыя опредѣлено снарядить, но которыхъ никогда не будутъ наполнены войскомъ?“⁶⁾. Но чтобы въ Аѳинахъ не было разглашенъ слухъ объ его

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 38, p. 33.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 39, p. 33.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 82, p. 39.

⁴⁾ Aesch. de fals. leg. 45, p. 34. Demosth. de fals. leg. 316, p. 443: συνέγραψε

⁵⁾ (Αἰγίνης Φιλίππῳ) ἐπιστολὴν ὡς ὑμᾶς, ἣ μάλιστ' ἕν φέτο τῆς εἰρήνης τυχεῖν.

⁶⁾ Demosth. de fals. leg. 40, p. 353.

⁶⁾ Aesch. de fals. leg. 36—57, p. 33. Ср. Demosth. de fals. leg. 322, p. 444.

По свидѣтельству Демосѳена, послѣ заключенія мира съ Филиппомъ въ томъ же 346 г. до Р. Хр. у Аѳинянъ оставалось еще 300 триремъ. Demosth. de fals. leg. 89, p. 369.

неудачѣ, онъ самъ, на обратномъ пути, шутилъ надъ своимъ смятеніемъ предъ царемъ и удивлялся дарованіемъ и привлекательному обращенію послѣдняго. Эсхинъ говорить также, что Демосоенъ убѣждалъ его сказать въ народномъ собраніи, что онъ, Демосоенъ, съ достоинствомъ говорилъ предъ Филиппомъ объ Амфиполѣ¹⁾.

По возвращеніи въ Аениы, послы, по обыкновенію, донесли сперва пяти сотенному совѣту²⁾ объ успѣхѣ возложенного на нихъ дѣла и отдали ему письмо Филиппа. Демосоенъ, который самъ былъ членомъ пяти сотенного совѣта, сдѣлалъ предложеніе увѣнчать пословъ за хорошее выполнение ими своей обязанности оливковыми вѣнцами и пригласить ихъ къ слѣдующему дню на общественный обѣдъ въ пританей³⁾. Потомъ послы давали отчетъ въ своеемъ посольствѣ предъ народнымъ собраніемъ (ἐν τῷ δῆμῳ). Ктезифонтъ, самый старшій между ними, говорилъ первый. Онъ, между прочимъ, распространился о красотѣ Македонскаго царя, о пріятности его обращенія и манеръ, о его умѣніи ласково держать себя во время пировъ⁴⁾. Затѣмъ говорили Филократъ и Деркиль, послѣ которыхъ выступилъ Эсхинъ. Онъ сказалъ, между прочимъ, что было бы несправедливо считать Филиппа варваромъ, что по дарованіемъ своимъ онъ чистый Эллинъ и при томъ другъ аенискаго народа. Эсхинъ не забылъ также и просьбы Демосоена, и сказалъ, что ему предоставлено было говорить предъ царемъ, объ Амфиполѣ то, что будетъ упущено другими послами⁵⁾. Наконецъ,

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 40—43, p. 33.

²⁾ Совѣтъ этотъ (Βούλη) назывался пяти сотеннымъ потому, что состоялъ изъ 500 членовъ (Βούλεται), которые должны были быть не моложе 30 лѣтъ и перемѣнялись ежегодно.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 45—46, p. 34. Demosth. de fals. leg. 234, p. 414. Пританеемъ (πριτανεῖον) называлось въ Аениахъ зданіе, куда ежегодно собирались пританы (πριτάνεις), избиравшіеся поочередно, по 50 человекъ, изъ числа членовъ пяти сотенного совѣта, и завѣдававшіе текущими дѣлами государства. Застѣдая въ пританѣ, они имѣли тамъ казенный столъ, къ которому приглашались также лица, оказавши важныя услуги отечеству. Впрочемъ, это приглашеніе въ пританѣ лицъ, исполнявшихъ какія-либо порученія отъ государства, вошло потому въ обычай (Demosth. de fals. leg. 234, p. 414: τὸ νόμιμον ἔθος ποιῶν, καὶ ἐκπέμπον τούτους καὶ εἰς τὸ πριτανεῖον ἵκαλεσσα), такъ что Демосоенъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ, какъ на постыдный для пословъ фактъ, что послы ихъ возвращенія изъ Македоніи совсѣмъ не выразили имъ похвалы и не пригласили ихъ къ столу въ пританѣ. Demosth. de fals. leg. 31, p. 350.

⁴⁾ Aesch. de fals. leg. 47, p. 34.

⁵⁾ Aesch. de fals. leg. 47, p. 34. Demosth. de fals. leg. 308, p. 439; 253, p. 421.

всталъ Демосеенъ, и когда, какъ выражается его противникъ Эсхинъ, судороги на его лицѣ и сотрясеніе головы миновались, сказалъ, что онъ удивляется и слушателямъ и ораторамъ, которые болтаютъ о ничтожныхъ предметахъ и только напрасно трачатъ время. Затѣмъ Демосеенъ велѣлъ прочитать опредѣленіе народа о послѣдствіяхъ, и сказалъ: „мы исполнили то, что здѣсь содержится“; а потомъ, вѣлѣвъ прочитать письмо, принесенное послами отъ Филиппа, присо-вокупилъ: „вы имѣете отвѣтъ на ваши предложения; вамъ остается разсмотрѣть его“. Когда по собранію пробѣжалъ ропотъ, при чѣмъ одни удивлялись силѣ и краткости словъ Демосеена, а большая часть порицала его, какъ человѣка злого и завистливаго (*ποντρός καὶ φωνευρός*), онъ продолжалъ: „Вы увидите, какъ я въ краткихъ словахъ могу передать и все остальное, сказанное ими. Эсхину Филиппъ ка-жется краснорѣчивымъ, но еслибы и другаго кого-нибудь счастіе по-ставило въ такое положеніе, онъ бы былъ бы не хуже Филиппа; Ктеази-фонту Филиппъ кажется красивымъ, но Аристодемъ не уступитъ ему въ красотѣ; другіе удивляются памятливости Филиппа и его способ-ности хорошо пить, но Филократъ будетъ въ этомъ сильнѣе его; утверждали, что мнѣ оставлено было говорить объ Амфиболѣ, но ни вамъ, ни мнѣ этотъ ораторъ (Эсхинъ) не дадъ бы случая гово-рить“¹⁾). Вся эта рѣчь Демосеена, и особенно послѣднее его замѣ-чаніе объ Эсхинѣ, ясно показываютъ, что между ними существовалъ полный разладъ, который до времени только не обнаруживался и что Демосеенъ востанъ противъ увлечения своихъ товарищѣй Филиппомъ. Упрекнувъ такимъ образомъ пословъ за излишнее разглагольствіе и увлечение личными качествами Филиппа, Демосеенъ сдѣлалъ народ-ному собранію нѣкоторыя предложения (*φημізата*), а именно: 1) что-бы предоставленъ быть свободный проходъ герольду и посламъ, имѣв-шимъ вскорѣ прибыть отъ Македонскаго царя для составленія усло-вий мира; 2) чтобы члены притане назначили народное собраніе²⁾ на восьмой день мѣсяца элафеболіона³⁾, чтобы, когда прибудутъ въ Аѳини македонскіе послы (которые обѣщали прибыть именно къ 8-му числу элафеболіона) можно было немедленно приступить къ

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 49—52, p. 34.

²⁾ Одною изъ обязанностей притановъ было—собирать 500-ный совѣтъ (*Βουλѣ*) и народное собраніе (*ἐκκλησία*).

³⁾ Элафеболіонъ—девятый мѣсяцъ аттическаго года. Аттическій годъ начи-нался около половины юля, такъ что каждый мѣсяцъ его соотвѣтствовалъ двумъ, хотя не всегда равнымъ, половицамъ нашихъ мѣсяцевъ.

разсуждению о мирѣ и союзѣ съ Филиппомъ; наконецъ, 3) чтобы послать, то-есть, самому Демосфену и его товарищамъ, выражена была похвала, и чтобы они къ слѣдующему дню приглашены были къ столу въ пританѣ¹⁾).

Македонскіе послы—Антипатръ, Парменіонъ и Эвринохъ²⁾—прибыли въ Аѳини позже предположенного времени, такъ что совѣщанія не могли происходить 8-го алафеболіона, и потому, по предложенню Демосфена, народное собраніе перенесено было на 18-е и 19-е числа того

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 53, p. 35; привисываемы Демосфену слѣдующія слова: ἐγὼ δὲ φήμισμα γράψω καὶ τῷ κήρυκι στείλασθαι τῷ παρὰ Φιλίππου ἡχούτι καὶ τοῖς μέλλουσι παρ' αὐτῷ δεῦρο ἐπὶ πρέσβετι, καὶ τοὺς πρυτάνεις, ἐπειδὰν ὑχωσιν οἱ πρέσβεις, ἔκκλησίαν ἐπὶ δύο ἡμέρας ποιεῖν μὴ μόνον ὑπέρ εἰρήνης, ἀλλὰ καὶ περὶ συμμαχίας, καὶ τοὺς πρέσβετες ἡμᾶς, εἰ δοκοῦμεν ἄξιοι εἶναι, ἐπαινέσσαι καὶ καλέσσαι ἐπὶ δεῖπνον εἰς τὸ πρυτανεῖον εἰς αὔριον. Aesch. contr. Ctesiph. 67, p. 63: Δημοσθένης φήμισμα γράφει.... ἔκκλησίαν ποιεῖν τοὺς πρυτάνεις τῇ ὅγδῳ ἵσταμένου τοῦ ἀλεξηροῦ βολιώνος μηδέ...., ἵνα φησίν, ἐὰν ἥδη παρέδωσιν οἱ τοῦ Φιλίππου πρέσβετες, βουλεύσυται ὁ δῆμος ὡς τάχιστα περὶ τῶν πρὸς Φιλίππουν. Чтобы лучше понять счетъ чиселъ въ аттическихъ мѣсяцахъ, который будетъ встрѣчаться у насъ еще неоднократно, нужно замѣтить, что аттическій мѣсяцъ, начинавшійся съ новолуния, раздѣлялся на три декады, изъ которыхъ каждая содержала въ себѣ приблизительно десять дней; дни первой декады назывались цими мѣсяца начинаящагося (*ἀρχομένου*, или *ἱστάμένου*), дни второй—днями мѣсяца среднаго (*μεσοῦντος*, или *ἐπὶ δέκα*), дни третьей—днями мѣсяца убывающаго (*φθίνοντος*, *παυμένου*, *λήγοντος*, *ἐπίσιοντος*); дни мѣсяца убывающаго считались въ обратномъ порядке. Такимъ образомъ порядокъ и названія дней мѣсяца были слѣдующіе:

1-я луна	I—πρώτη	2-я луна	XVI—6 πρώτῃ μεσοῦντος, или
	II—2		XVII—7 , πρώτῃ ἐπὶ δέκα
	III—3		XVIII—8
	IV—4		XIX—9
	V—5		XX—εἰκάς
	VI—6		XXI—δεκάτῃ φθίνοντος;
	VII—7		XXII—9
	VIII—8		XXIII—8
	IX—9		XXIV—7
	X—δεκάτῃ (ἱστάμένου)		XXV—6
	XI—πρώτῃ μεσοῦντος, или πρώτῃ ἐπὶ δέκα		XXVI—5
	XII—2		XXVII—4
2-я луна	XIII—3	3-я луна	XXVIII—3
	XIV—4		XXIX—2
	XV—5		XXX—ēνῃ καὶ νεα, то-есть, встрѣча старой и новой луны.

²⁾ 2 argum. ad Demosth. de fals. leg. p. 336.

же мѣсяца, слѣдовавшія послѣ праздника въ честь Діониса ¹⁾). Послы Македонскаго царя были приняты въ Аѳинахъ съ большимъ уваженіемъ и даже торжествомъ. Демосѳенъ, желая поддержать достоинство аѳинскаго государства и отплатить за пріемъ, оказанный Аѳинянамъ въ Македоніи, принялъ теперь македонскихъ пословъ со всевозможнымъ почетомъ въ своемъ домѣ, и ходатайствовалъ предъ съѣтомъ, чтобы имъ доставлены были почетныя мѣста на праздникѣ въ честь Діониса ²⁾.

Послѣ праздника 18 и 19 чиселъ злафеболіона происходили народныя собранія, на которыхъ были составлены, въ присутствіи и при участіи македонскихъ пословъ, условія мира между Аѳинянами и Македонскимъ царемъ. Главнымъ дѣятельствомъ при составленіи этихъ условій и вообще при заключеніи мира между Аѳинянами и Филиппомъ былъ Филократъ, а потому и самыи миръ называется иногда *Филократовимъ миромъ* ³⁾. Важнѣйшия условія его были слѣдующія: впервыхъ, обѣ стороны, то-есть, Аѳиняне и Македонскій царь Филиппъ II должны оставаться при тѣхъ владѣніяхъ, какія они имѣли при заключеніи мира ⁴⁾; во вторыхъ, обѣ стороны заключаютъ между собою дружбу и союзъ, обязываясь помочь другъ другу противъ всякаго нападенія на ихъ или ихъ союзниковъ владѣнія ⁵⁾. Первое изъ этихъ условій, очевидно, было невыгодно для Аѳинянъ: оно лишало ихъ всякой надежды на возвращеніе потерянныхъ городовъ во Фракію; принятие втораго условія было для нихъ еще опаснѣе, потому что они могли, вслѣдствіе его, сдѣлаться орудіемъ Филиппа и служить его цѣлямъ, помогая ему воевать противъ его враговъ.

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 61, p. 36: Παρανάγωθι δὴ μοι καὶ τὸ τοῦ Δημοσθένους ψῆφισμα, ἐν φιλεύει τοὺς πρυτάνεις μετὰ τὰ Διονύσια τὰ ἐν ἀστεῖ καὶ τὴν ἐν Διονύσῳ ἐκκλησίᾳν προγράψαι δύο ἐκκλησίας, τὴν μὲν τῇ ὄχοιῃ ἐπὶ δέκα, τὴν δὲ τῇ ἑνάτῃ ἐπὶ δέκα. Ср. contr. Cleistiph. 67—68, p. 63. Здѣсь разумѣется большою праздникомъ въ честь Діониса—Діонісіа мегала; онъ праздновался въ злафеболіонѣ и продолжался сряду нѣсколько дней. Кроме того въ честь Діониса праздновались еще: Διονύσια μικρά, τὰ κατ' ἄγρούς—въ Посидонѣ; Λύγαια—въ Гамеміонѣ; Ἀνθεστήρα—въ Аноестрионѣ. Lübbker подъ словомъ Dionysos.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 55, p. 35; 110, p. 42. Demosth. de fols. leg. 234, p. 414.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 150, p. 387: ἐπειδὴ γὰρ οὐ μὲν εἰρήνη τέλος. εἰχεν αὐτη, η τοῦ Φιλοκράτους.

⁴⁾ Schol. ad. Demosth. de fals. leg. 161, p. 391: τὸ δὲ ψῆφισμα τοῦ Φιλοκράτους, δὲ ἔγραψεν ἔκατέρους ἔχειν, ἢ ἔχουσιν.

⁵⁾ Demosth. de fals. leg. 143, p. 385.

При заключении Филократова мира въ Аениахъ обнаружилась борьба между партией приверженцевъ Македонского царя, или олигархическою, и демократическою. Приверженцы первой партии оправдывали свои дѣйствія въ пользу мира, вовремя положеніемъ, въ которомъ очутились Аенины, и вовторыхъ, выгодою, которую получали Аенияне, сохранивъ за собою (остальную часть) Фракійскій Херсонесъ¹⁾; партия демократическая желала лучше продолжать войну съ Македонскимъ царемъ, чѣмъ согласиться на какія-нибудь уступки. Приверженцы этой партии старались тронуть своихъ соотечественниковъ, сопоставляя тогдашнее униженное состояніе Аенинъ съ прежними ихъ величіемъ, и возбудить въ нихъ чувство соревнованія къ своимъ славнымъ предкамъ. Они указывали на прошиліе акрополя какъ на свидѣтеля прежняго процвѣтанія и могущества Аенинъ, на памятники (*тѣфос*) и трофеи предковъ, вспоминали славную Саламинскую битву и т. д.²⁾.

Какъ происходило народное собраніе 18-го злафеболіона, чѣмъ говорили въ немъ народу Демосоенъ и Эсхинъ, сказать навѣрно нельзя, потому что показанія того и другого оратора относительно этого предмета находятся въ совершенномъ между собою противорѣчіи. По словамъ Демосоена, онъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ при заключеніи мира согласоваться съ рѣшеніемъ (бѣгущіи) своимъ союзникамъ, и ему удалось совершенно склонить мнѣніе народа въ свою пользу³⁾. Даѣте онъ говорить, что Эсхинъ въ этотъ день, въ своей рѣчи къ народу, хотя и признавалъ необходимость заключенія съ царемъ Македонскимъ мира, однако весьма рѣшительно высказывался противъ предложеній Филократа, говоря, что онѣ не могутъ быть приняты, пока останется въ живыхъ хотя одинъ Аениянинъ⁴⁾. Слѣдя даѣте показаніямъ Демосоена, мы должны предположить, что посѣгъ того, какъ разошлось народное собраніе 18-го злафеболіона,

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 73, p. 37. Demosth. de fals. leg. 78, p. 365. Фракійскій Херсонесъ, гдѣ была важныя для Аениянъ колодіи: Сестъ, Эгоспотамъ и др., былъ уступленъ имъ, за исключченіе городовъ Кардіи, Фракійскими царемъ Керсовентомъ. Annotation. ad Demosth. p. 365, изд. Диандре., тол. V, 510.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 74, p. 37.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 144, p. 385: καὶ κρατοῦντος ἐμοῦ τὴν προτέραν ἡμέραν, καὶ κεκτικότος ὑμᾶς τὸ τῶν συμμάχων δόγμα κυρῶσαι.

⁴⁾ Demosth. de fals. leg. 14, p. 345: ἐγὼ δὲ τεύτην τὴν εἰρήνην, ἵνες ἀνείσθησαν τοιούτην λαϊκήτην, οὐδέποτ' ἄν, συμβουλεύσασι: ποιήσασθαι τῇ πόλει, εἰρήνην μάντοι φημι διὰ ποιεῖσθαι:

македонскіе послы и Филократъ успѣли склонить Эсхина на свою сторону; по крайней мѣрѣ этимъ только, по видимому, и можетъ быть объяснена та перемѣна, которая произошла съ Эсхиномъ на другой день, то-есть, 19-го алафеболіона, когда онъ сталъ открыто на сто-рону Филократа, и началъ защищать его предложенія. Въ этотъ день Демосѳенъ, ничего еще не подозрѣвая, взошелъ на трибуну, и началъ доказывать, какъ и въ предыдущій день, что при заключеніи мира съ Филиппомъ должно обращать вниманіе на рѣшеніе союзниковъ, и что миръ не долженъ быть ни для кого унизительнымъ (βλασφημативнѣмъ) καὶ δικαιὰ γένυται). Послѣ Демосѳена пытался говорить Филократъ, но народъ не слушалъ его. Тогда выступилъ Эсхинъ. „Правда“, говорилъ онъ, отвѣчая на слова тѣхъ, которые порицали унизительныя для Аѳинянъ условія мира и указывали на славу предковъ, „мы должны помнить о славныхъ дѣяніяхъ нашихъ предковъ и подражать имъ, но въ настоящее время, находясь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, мы, Аѳиняне, должны остерегаться тѣхъ ошибокъ, которыхъ они допускали, а также несвоевременного желанія войны“. Затѣмъ Эсхинъ напомнилъ о Сицилійскомъ походѣ, о Декелійской войнѣ и о та же самыхъ для Аѳинянъ условіяхъ мира послѣ войны Целопонесской; виновниками всѣхъ этихъ несчастій, по мнѣнію Эсхина, были преимущественно тѣ демагоги, которые подстрекали народъ къ войнѣ. Даѣтъ Эсхинъ доказывать, что для Аѳинянъ лучше всего заключить миръ съ Филиппомъ только въ своихъ интересахъ, не обращая вниманія на тѣ изъ греческихъ государствъ, которымъ не помогали имъ во время ихъ войны съ Македонскимъ царемъ¹⁾). Большинство аѳинскаго народа, по видимому, согласилось съ доводами Эсхина. Филократъ, Эсхинъ и другіе предводители партіи мира были поставлены въ большое затрудненіе отказомъ со стороны македонскихъ пословъ приватнѣи союзниками Аѳинянъ Фокейцевъ и Галійцевъ, между тѣмъ какъ отказаться отъ союза съ Фокейцами для Аѳинянъ значило, какъ мы уже говорили выше, допустить Филиппа завладѣть Фермопилами и поставить себя относительно его въ очень невыгодное и опасное положеніе. Чтобы устранить это затрудненіе, приверженцы партіи мира, какъ можно думать, еще прежде 18 алафеболіона, начали распускать слухи, что хотя Филиппъ по причинѣ сво-

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 75 — 77, p. 37 — 38. Demosth. de fals. leg. 15 — 16, p. 345 — 346. Сравн. Aesch. de fals. leg. 68, p. 36; 172 — 177, p. 51. Demosth. de fals. leg. 307, p. 339; 311. p. 441.

ихъ отношеній къ Фессалійцамъ и Оиванцамъ (въ союзѣ которыхъ онъ нуждался во время войны съ Аенинами) и не можетъ открыто признать Фокейцевъ и Галійцевъ союзниками Аенинъ, на самомъ же дѣлѣ онъ очень не благоволитъ какъ къ Фессалійцамъ, такъ и къ Оиванцамъ, и лишь только заключеніемъ мира съ Аенинами онъ развязетъ себѣ руки, то немедленно станетъ поступать совершенно согласно съ видами и желаніемъ Аенинъ: будетъ поддерживать Фокейцевъ, смирить гордость (брю) Оиванцевъ; Феспія, Платея и другие беотійские города будутъ восстановлены и получать самостоятельность¹). Благосклонность Филиппа къ Аенинамъ, говорили они даље, простиралась до того, что онъ за потерю завоеванного имъ Амфиполя готовъ былъ вознаградить ихъ, предоставивъ опять въ ихъ власть островъ Эвбею и городъ Оропъ²). Весьма вѣроатно, что эти обѣщанія были высказываемы ораторами македонской партии и въ народныхъ собранияхъ 18-го и 19-го алфеболиона, и производили сильное дѣйствіе на народъ, склоняя его къ принятію условій мира, составленныхъ Филократомъ. Но самый сильный толчекъ народному рѣшенію въ пользу Филократова мира далъ Эвбуль. Онъ представилъ народу необходимость или вооружиться и отказаться отъ денегъ, которыхъ идутъ на его удовольствія (Фасрика), или же принять миръ на условіяхъ, предложенныхъ Филократомъ³). Тогда у Аенинъ исчезло всякое колебаніе: они видѣли съ одной стороны заботы, опасности и тягости войны, а съ другой—совершенно спокойную и приятную жизни; проектъ мира, составленный Филократомъ и одобренный Эскиномъ, былъ принять всѣми; народное собраніе, если не рѣшилось формально исключить Фокейцевъ и Галійцевъ изъ числа союзниковъ, то по крайней мѣрѣ согласилось не упоминать о нихъ въ мирномъ

¹) Оиванцы въ первой половинѣ IV в. до Р. Хр. усилии овладѣть большую частью Беотіи, покоривъ ее силою оружія, при чемъ некоторые беотійские города были разрушены, другие лишины своихъ укрѣплений. Къ послѣднимъ принадлежали Платея и Феспія—самые значительные города на югѣ Беотіи.

²) *Oropus*,—городъ въ юго-восточной части Беотіи, принадлежавшій издревле Аенинамъ, но былъ отнятъ у нихъ завладѣвшими большую частью Беотіи Оиванцами. О слухахъ, распространенныхъ приверженцами Филократа, см. Demosth. de fals. leg. 321, p. 444; 20—21, p. 347; 160, p. 391; 220, p. 409; 26, p. 349.

³) Ἐκεῖθὲ δὲ σὺ μὲν τοιτούοι δεδίξμενος καὶ φέρας καταβαίνειν εἰς Παιραιά δεινὸν ἥδη καὶ χρήματ' εἰσφέρειν καὶ τὰ θεωρικὰ στρατιωτικὰ ποιεῖν, ὃ χειροτονεῖν ἐς εὐείκεια μὲν οὗτος (Διογένης), ἔτραψε δὲ ὁ βελεφόρος Φιλοκράτης. Demosth. de fals. leg. 291, p. 434.

договорѣ съ Филиппомъ; въ договорѣ этомъ было глухо сказано, что Филиппъ заключаетъ миръ и союзъ „съ Аѳинянами и ихъ союзниками“¹⁾.

Теперь для Аѳинянъ было весьма важно, исполнить ли Филиппъ обѣщанія относительно Фокейцевъ,—обѣщанія, сдѣланные его именемъ и побудившія Аѳинянъ заключить съ нимъ миръ на довольно невыгодныхъ для себя условіяхъ. Этотъ вопросъ принялъ еще большую важность, когда потомъ, какъ увидимъ ниже, Филиппъ, во главѣ войска, выѣхавъ съ Фессалійцами и Оиванцами, направился къ Фермопиламъ. Другимъ не менѣе важнымъ вопросомъ въ настоящемъ случаѣ для Аѳинянъ было положеніе дѣлъ еракійскихъ. Филиппъ, отпустивъ аѳинскихъ пословъ, тотчасъ отправился съ войскомъ во Фракію, и безъ сомнѣнія могъ, нарушивъ свое обѣщаніе во время мирныхъ переговоровъ не трогать Фракійскаго Херсонеса²⁾, овладѣть имъ. Очевидно, что еслибы ему удалось овладѣть Фокидою и Фермопилами съ одной стороны и Фракійскимъ Херсонесомъ—съ другой, то онъ отнялъ бы у Аѳинянъ два пункта, „полезнѣе и важнѣе которыхъ для нихъ, по замѣчанію Демосѳена, никто не могъ бы указать мѣста во всей вселенной“³⁾, и сдѣлался бы почти полнымъ обладателемъ Греціи и на морѣ и на суши. Поэтому, въ интересѣ Аѳинянъ было каѣть можно скорѣе положить предѣль завоевательнымъ стремленіямъ Филиппа въ этихъ двухъ странахъ, а это можно было сдѣлать, утвердивъ присягую заключенный мирный договоръ и взять такую же присягу на исполненіе его отъ Македонскаго царя и его союзниковъ. Для этой послѣдней цѣли въ одинъ изъ ближайшихъ дней къ 19 злѣфоболіона, а можетъ быть даже и въ этотъ самыи день, и было опредѣлено

¹⁾ Demosth. de fals. leg. 159, p. 391: Τὴν τε γὰρ εἰρήνην οὐχὶ δυνηθέντων, ὃς ἐπεχειρήσαν, οὗτος τὸ πρῶτον «πλὴν Ἀλεάνων καὶ Φενέων τρέψαι, ἀλλ᾽ ἀναγκασθέντος ὑφ' ὑμῶν τοῦ Φιλοχράτους ταῦτα μὲν ἀπαλεῖψαι, τρέψαι δὲ ἀντίκρυς «Ἀθηναίους καὶ τοὺς Ἀθηναίων συμμάχους». 222, p. 346: Τὴν μὲν τοίνυν εἰρήνην ταῦταις ταῖς ἐλπίσι καὶ ταῖς ἐπαγωγαῖς εὔροντα καὶ τὸν ὑμῶν ὄντευ Φενέων.

²⁾ Leaon. de fals. leg. 82, p. 39: Επιφέναινε δὲ, διὰ τὴν προτέραν ἐπρεσβεύσμεν πρεσβείαν, ἐροι μὲν μετὰ τῶν σύμπρεσβων ἀπιέναι δεῦρο, Φιλίππων δὲ ἐπὶ Θράκην ἔξιέναι, πρὸς δὲ ἡμᾶς ὀμολογητέναι, ἥντις ὑπαῖς περὶ τῆς εἰρήνης βουλεύσηθε, μήτε ἐπιβήσεσθαι μεθ' ὅπλων Χερόνησου.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 180, p. 397: Καίτοι δύο χρησιμωτέρως τόπους τῆς αἰκεναμένης οὐδὲ ἀν εἰς ἐπιδείξει: τὴν πόλει, κατὰ μὲν τὴν Πολλῶν, ἐκ θαλάσσης δὲ τοῦ Ἑλλησπόντου. ἂ συναρμότερα οὗτοι πεπράκεσσιν σίγηρῶς καὶ καθ' ὑμῶν ἐγκέχειρίκεσσι Φιλίππῳ.

отправить къ Македонскому царю второе посольство¹⁾). 24 алафеболиона происходило опять народное собрание подъ предсѣдательствомъ Демосфена²⁾, на которомъ, какъ можно полагать, Аѳиняне дали торжественную присягу на соблюдение заключенного договора; по окончаніи народного собранія приносили такую же присягу въ домѣ стратеговъ (стратигії)³⁾ и въ присутствии македонскихъ пословъ аѳинскіе союзники, или, точнѣе сказать, находившіеся тогда въ Аѳинахъ икъ представители⁴⁾.

Вскорѣ затѣмъ жены Македонскаго царя отправились обратно въ Македонію черезъ Эвбейю, причемъ Демосфенъ нанялъ для нихъ запряженные мулями экипажи, въ которыхъ они ѻхали до Эврипскаго про- лива, и самъ провожалъ ихъ верхомъ на лошади⁵⁾. Аѳинское по-

¹⁾ ἡ ὑστέρα, ἐπὶ τοὺς δρόκους, οἷι δευτέρα πρεσβεία. См. Demosth. de fals. leg. 17, p. 346; 58, p. 359; 171, p. 394. Aesch. de fals. leg. 81, p. 38; 96, p. 40; 123, p. 44, и мн. др. мѣстъ.

²⁾ Изъ числа членовъ пятисотеннаго совета избирались для предсѣдательства въ пританеѣ и въ народныхъ собраніяхъ (прόεδροι) по жребию 9 человѣкъ, изъ всѣхъ філь, кроме той, которая заставала въ пританеѣ. Herm. Lehrb. I, § 127.

³⁾ Σтратηγίου — общественный дворъ въ Аѳинахъ, где собирались стратеги. Схол. къ рѣч. Эсх. о поуд. пос. 85, p. 39.

⁴⁾ Aesch. de fals. leg. 82, p. 39: ἡδη δὲ ἡμῶν κεχειροτονημένων ἐπὶ τοὺς δρόκους, οὐκω δὲ ἀπτηρότων ἐπὶ τὴν ὑστέραν πρεσβείαν ἐκκλησία γίγνεται, ἐν δὲ Δημοσθένης... λαγκάναι: προεδρεύειν. 90, p. 40: Δημοσθένης δὲ ἐν τῷ δήμῳ προήδρος τούτου τοῦ μηνὸς.... ἐβδόμη φείνοντος⁶⁾ 85, p. 39: ὡς δὲ παροῦσα ἐκκλησία διελθεῖ, ἐξώρχισαν τοὺς συμμάχους οἱ τοῦ Φιλίππου πρέσβεις ἐν τῷ στρατηγὶφ τῷ ὑμετέρῳ. Когда именно состоялось опредѣленіе о второмъ посольствѣ къ Филиппу, не это лѣть указаний ни у Демосфена, ни у Эсхила. Гроотъ (Geschichte Griechenlands, т. VI, стр. 317) говоритъ, что рѣшеніе отправить къ Филиппу второе посольство и избрание пословъ, а также присяга на мирный договоръ Аѳинянъ и всѣхъ союзниковъ происходили въ одномъ и томъ же народномъ собраніи, 24 алафеболионѣ, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ указаній уже выше текстъ изъ рѣчи Эсхила 82, p. 39: ἡδη ἡμῶν... и т. д.; между тѣмъ какъ изъ этого и другихъ приведенныхъ памятникъ есть видно только, что въ этотъ день приносили присягу аѳинскіе союзники. Но тогда ли же присягали и аѳинскіе граждане, это словами Эсхила не подтверждается, а извѣніе, что въ томъ же народномъ собраніи состоялось опредѣленіе относительно втораго посольства къ Филиппу и самое избрание пословъ, находится себѣ явное опроверженіе въ тѣхъ же словахъ Эсхила: ἡδη ἡμῶν κεχειροτονημένων... ἐκκλησία γίγνεται. Напротивъ, на основаніи словъ 82 и 88, p. 39 и 90, p. 40 слѣдуетъ несомнѣнно заключить, что упомянутое избрание послѣдовало ранѣе 24 числа алафеболионца.

⁵⁾ Aesch. de fals. leg. 111, p. 42: ὡς ἐμπισθέσατ' (Δημοσθένης) αὐτοῖς (тобъ Филиппу прѣбоети), ὅτι ἀπήσσαν, ὄρικα ζεύγη, καὶ συμπαρῆς ἐφ' ἵππου и т. д. Схол.

сольство также должно было немедленно отправиться къ Македонскому царю. Послами были избраны тѣ же самыи лица, которые участвовали и въ первомъ посольствѣ; и теперь, какъ и тогда, къ десяти афинскимъ посламъ быть присоединяется одинадцатый въ качествѣ представителя афинскихъ союзниковъ — Аглаокреотъ съ острова Тенеда¹).

Инструкціи, данныхыи посламъ, повелѣвали имъ принять присягу на соблюденіе мирного договора какъ отъ самого Македонского цара, такъ и отъ его союзниковъ, именно, отъ главныхъ должностныхъ лицъ каждого союзного Македонскому царю города. Послань запрещалось имѣть отдѣльно какія-нибудь сношения съ Филиппомъ. Кроме этихъ, точно опредѣленныхъ, инструкцій, посламъ давалася дѣлать все, что только могло быть полезно для афинского государства²). Демосѳенъ принялъ участіе въ этомъ посольствѣ подъ предлогомъ выкупа пленныхъ³); на самомъ же дѣлѣ могло случиться, что онъ посланъ былъ наблюдать за своими товарищами, большая часть которыхъ, какъ напримѣръ, Филократъ, Эсхинъ, Аристодемъ, Ктезифонтъ и др., были извѣстны своею приверженности къ Македонскому царю. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что изъ инструкцій, данной посламъ—не входить никому изъ нихъ отдѣльно въ сношения съ Филиппомъ—видно явное къ нимъ недовѣріе согражданъ.

Филиппъ, отпустивъ первое афинское посольство, изъ Македоніи

къ р. Дем. о неуд. пос. 235, р. 414: καὶ ὄρκοις ζεύγεσι ἐξέπεμψα μέχρις Εὐρίπου καὶ τῆς Χαλκίδος.

¹⁾ 1 arg. ad Demosth. de fals. leg. p. 333. Aesch. de fals. leg. 97, p. 41. Что во второе посольство были избраны тѣ же лица, что были и въ первомъ, можно видѣть изъ разныхъ мѣстъ, где упоминаются ихъ имена; напримѣръ, Demosth. de fals. leg. 229, р. 412; 189, р. 400; и во многихъ другихъ мѣстахъ какъ у Демосѳена, такъ и у Эсхина.

²⁾ Aesch. de falsa leg. 101—104, р. 41: τὸ φήμισμα τοῦθ' ἡμῖν προσέταττε... ἀπολαβεῖν τοὺς ὄρκους καὶ ἀλλ' ἄττα εἰπον συνειλεγμένων τῶν πρόσθεων, διτὶ μοι δοκοίησαν τὸ μέγιστον πρόσταγμα τοῦ δῆμου δεινῶς ἀγνοεῖν. «τό μὲν γάρ τοὺς ὄρκους ἀπολαβεῖν ἀφίγμεθα δ' ἡμεῖς ἔχοντες τοῦ δῆμου φήμισμα, ἐν φέργαρταις πράττειν δὲ τοὺς πρόσθεις καὶ ἀλλ', διτὶ δὲ δύνανται σταθόν. Сравн. 114, р. 43; 120, р. 44. Demosth. de fals. leg. 278, р. 430: οὗτοι δ' οὐ παρὰ τὰ γράμματα (ἐπρέβεσσαν); οὐ τὸ μὲν φήμισμα «Ἀθηναῖοις καὶ τοῖς Ἀθηναίων αὐτοῖς» τοὺς ἄρχοντας ὄρκουν τοὺς ἐν ταῖς πόλεσι οὐδαμοῦ μόνον εἴντυγχάνειν Φιλίππῳ. 151, р. 388: κατὰ τὸ φήμισμα αὐτὸν (Φιλίππου) ἐφερχεανταν. 161, р. 391; 158, р. 390.

³⁾ 2 argum. ad Demosth. de fals. leg. p. 336; orat. de fals. leg. 171, 395: ταῦτα μέμνησθε, διτὶ τούτοις ὑμεῖς λόγοι γίγνεσθε (ὑπειν) οὐδὲ ἀλισσάμην, καὶ κομισθεῖν λύτρα καὶ σῶσειν εἰς δύναμιν.

двинулся съ войскомъ во Фракію, противъ Фракійского царя Керсовлента¹). Еще прежде, чмъ аенискіе послы отправились во второе посланство, въ Аениахъ было получено отъ Хареса, который начальствовалъ тогда надъ флотомъ, стоявшимъ въ Геллеспонтѣ, письмо, въ которомъ онъ изъбѣгъ, что Керсовлентъ потерпѣлъ свои владѣнія, и что Филиппъ 25 эдафеболіона (Ѣхтъ фѣврѣна) взялъ такъ называемую „священную гору“²). Потомъ онъ овладѣлъ принадлежавшимъ Аенианамъ Фракійскимъ городомъ Дорискомъ и разными другими мѣстами Фракіи, известными подъ именемъ „Фракійскихъ смыкъ“, (Ѳракікъ таѣ таїхѡнъ)³), и взялъ къ себѣ въ заложники сына побѣженаго имъ Керсовлента⁴). Эти завоеванія Филиппа должны бы были заставить аенискіихъ пословъ спѣшить къ нему во Фракію и остановить дальнѣйшіе его усѣихъ. Мы уже упоминали, что по договору Филиппа съ Аенианами обѣ стороны должны были оставаться при тѣхъ владѣніяхъ, которыхъ они имѣли во время заключенія мира; следовательно, Филиппъ по настоящему обязанъ былъ возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя имъ послѣ заключенія мира. Но дѣло въ томъ, что Аениане могли считать, что это заключеніе мира окончено составленіемъ мирныхъ условій и утверждениемъ ихъ присягою въ Аениахъ, а Филиппъ для своей выгоды могъ считать его дѣйствительнымъ съ того только времени, когда онъ утвердить его самъ. Такимъ образомъ можно было полагать навѣрное, что Македонскій царь не возвратить завоеваній, сдѣланныхъ имъ теперь во Фракіи, на счетъ Аенианъ и ихъ союзниковъ, и что Аениане не пожелаютъ и не осмѣлятся начинать съ нимъ изъ-за этого другой войны⁵). Поэтому Де-

¹) Aesch. de fals. leg. 82, p. 39.

²) Aesch. de fals. leg. 90, 91, p. 40. Тѣ ієрѡн брос., или 'Нраіон брос.—портъ во Фракіи при Геллеспонтѣ. Схол. къ рѣч. Фсч. о неуд. пос. 90, p. 40.

³) Demosth. de fals. leg. 156, p. 390: Δορίσκον, Θράκην, τὰὶ τειχῶν, πάντα τὰ πράγματα ἐν εἰρήνῃ καὶ σπουδαῖς ἔρει: καὶ διφεύθ' ὁ Φιλίππος. 334, p. 448: ποῖος στρατηγὸς Ἀλον, τὶς δὲ Φωκέας ἀπολώλεκεν; τὶς δὲ Δορίσκον, τὶς δὲ Κεροβλέπτην, τὶς δὲ ιερὸν δρός. Сравн. Aesch. in Cres. 82, p. 66. Какая мѣстность Фракіи получила название «стѣны», или «укрѣпленій» (τὰ τειχη, τὰὶ τειχῶν), неизвѣстно. См. Annotat. ad Demosth. de fals. leg. 156, p. 390, изд. Диандре. vol. V, 535—536.

⁴) Aesch. de fals. leg. 81, p. 39.

⁵) Demosth. de fals. leg. 151, p. 388: Ήδειν γὰρ ἀκριβῆς, δτι πάνθ ὅσ' ἀν ἀκολέμου γιγνομένης εἰρήνης προεθῆ, ταῦτα τοῖς ἀμελήσασιν ἀπόλλοται. οὐδεὶς γὰρ πόκοθ' ὑπὲρ τῶν δλων πεισθεῖς εἰρήνην δγειν ὑπὲρ τῶν ἐγκαταλειφθέντων ἐξ ἀρχῆς ἡθὲλησε πολεμεῖν.

мосеенъ настаивалъ на томъ, чтобы аенинскіе послы какъ можно ско-
ре отпралились на мѣсто военныхъ дѣйствій Филиппа и взяли съ
него присягу на соблюденіе заключеннаго мира. Чѣмъ скорѣе они
прибыли бы къ царю и чѣмъ скорѣе онъ утвердилъ бы заклю-
ченія съ его послами условія мира, тѣмъ менѣе онъ успѣлъ бы
сдѣлать завоеваній. Но, несмотря на настоянія Демосеена, аенинскіе
послы и не думали о скромѣ исполненіи возложенныхъ на нихъ по-
рученій, оставалось въ Аениахъ. Между тѣмъ вопросы, касавшіеся
заключенія мира съ Филиппомъ, избранія пословъ и т. д., были уже
рѣшены и народное собраніе поэтому не собиралось. Тогда пятисо-
тенный совѣтъ, по предложенію Демосеена и въ силу дарованной ему
народомъ власти, 3-го числа мѣсяца мунихиона издалъ рѣшеніе¹⁾,
которымъ повелѣвалось послать немедленно (τὴν ταχίστην) оставить
Аенины и отправиться къ Проксену, стоявшему съ флотомъ у сѣвер-
наго берега Эвбеи, въ Орейской гавани, а Проксенъ долженъ быть
отправить ихъ на корабляхъ туда, где въ то время находился Фи-
липпъ²⁾. Но хотя вслѣдствіе этого опредѣленія послы должны были
немедленно оставить Аенины, это не много помогло дѣлу, потому что,
какъ сами они, такъ и Проксенъ, слишкомъ равнодушно, повидимому,
относились къ распоряженіямъ совѣта и не спѣшили къ Филиппу.
Пробывъ нѣсколько времени въ Ореѣ, они отправились въ Македонію,
и тамъ, въ Пеллѣ, оставались, ничего не дѣлая, до самаго возв-
вращенія Филиппа изъ Оракіи, послѣдовавшаго только черезъ 50 дней

¹⁾ Пяти сотенный совѣтъ не имѣлъ собственно права издавать окончатель-
ные постановленія (φѣнѣматата), а только предварительныя рѣшенія (пробоулѣ-
мата), поступавшія потомъ на обсужденіе народного собранія, которое имѣло
право принимать или отвергать ихъ. Но иногда, какъ и въ настоящемъ случаѣ,
совѣтъ бывалъ уполномоченъ издавать постановленія помимо народного собранія
и назывался тогда βουλὴ аўтохрѣтъ. Арист. ad Demosth. de fals. leg. 154, p. 389,
вид. Диад., vol. V, стр. 585. Вѣскѣ I, 58.

²⁾ Dem. de fals. leg. 154, p. 389: 'Ἐπειδὴ γὰρ ἐκκλησία μὲν οὐκέτ' ἦν ὑπόλοι-
πος οὐδεμίᾳ διὰ τὸ προκατεχρῆσθαι, οὗτοι δ' οὐκ ἀπήσαν, ἀλλ' αὐτοῦ διέτριψον,
τράφω φῆφισμα βουλεύων, τὴν βουλὴν κοιήσαντος τοῦ δῆμου χυρίαν, ἀπίειν: τοὺς
πράσβεις τὴν ταχίστην, τὸν δὲ στρατηγὸν Πρόξενον κομίζειν αὐτοὺς ἐπὶ τοὺς τόπους,
ἐν οἷς ἂν ὅντα Φιλιππον πυνθάνηται.. Сравн. 157, p. 390; 162, p. 392. Aesch. de
fals. leg. 91, 92, p. 40: ἔστι γὰρ αὐτῆς (βουλῆς) τὸ φῆφισμα, ὃ καλεῖται ἀπίειν τοὺς
πράσβεις ἐπὶ τοὺς δρόκους... Ἀκούετε, δὲ Μουνυχιῶνος ἐψηφίσθη τρίτη ίσταμένου.
Что Проксенъ стоялъ тогда въ Орейской гавани, см. Dem. de fals. leg. 155, p.
389.

послѣ ихъ отбытія изъ Аеинъ¹⁾). И такъ, вслѣдствіе нерадѣнія аеинскихъ пословъ обь общественныхъ интересахъ, а можетъ быть даже и вслѣдствіе ихъ подкупности, Филиппу предоставлено было около двухъ мѣсяцевъ лишняго времени продолжать свои завоеванія во Фракіи, потому что если бы они болѣе заботились обь исполненіи своихъ обязанностей, слушаясь совѣтовъ Демосеена, или по крайней мѣрѣ, повинуясь предписаніямъ совѣта, то могли бы прибыть къ Филиппу гораздо раньше.

По мѣрѣ того, какъ послы медлили исполнить предписанія совѣта, и продолжали оставаться въ Пеллѣ, ожидая прибытія туда Филиппа изъ Фракіи, протесты Демосеена противъ ихъ медлительности становились все болѣе и болѣе сильными. Сначала онъ, по его собственнымъ словамъ, совѣтовалъ имъ отправиться къ Филиппу ради общей пользы, потомъ вразумлять, наконецъ стать ихъ порицатъ, какъ людей продажныхъ и безстыдныхъ²⁾). Такое поведеніе Демосеена въ отношеніи къ своимъ товарищамъ крайне раздражало послѣднихъ. Эсхинъ разказываетъ, что во второе посольство послы не хотѣли имѣть ничего общаго съ Демосееномъ и даже во время пути старались, по возможности, останавливаться въ разныхъ гостинницахъ³⁾). Наконецъ послы дождались возвращенія Филиппа изъ Фракіи, послѣдовавшаго, какъ можно заключить, около 23-го таргеліона (отъ 3-го числа мунихіона до 23-го таргеліона приблизительно 50 дней), и теперь должны бы были приступить къ главному предмету своего посольства, то-есть, принять отъ Македонскаго царя и его союзниковъ присягу на заключенный миръ, но они откладывали это и ничего не говорили обь обязательствѣ Филиппа возвратить завоеванія, сдѣланныя имъ послѣ того, какъ миръ съ Аеинанами былъ заключенъ⁴⁾); а между тѣмъ эти завоеванія были такъ важны, что Филиппъ едва ли отказался бы отъ нихъ даже по настоятельному требованію со стороны Аеинанъ. Кромѣ аеинскихъ пословъ, Филиппа ожидали въ Пеллѣ послы и изъ другихъ греческихъ государствъ: изъ Оивы, Спарты,

¹⁾ Dem. de fals. leg. 155, p. 390.

²⁾ Dem. de fals. leg. 156, p. 390.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 97, p. 41. Что отношенія между Демосееномъ и другими послами были очень недружелюбны, обѣ этомъ говорить часто и самъ Демосеенъ, напримѣръ, de fals. leg. 177, p. 396; 188, p. 400.

⁴⁾ Démosth. de fals. leg. 158, p. 390; 2 argum. ad Démosth. de fals. leg. p. 337.

Фокиды и друг.¹⁾). Всѣ они замыкали расположени¤ Македонскаго царя и гордились, если имъ удавалось снискать его²⁾; такимъ образомъ, они представляли Филиппу право и случай вмѣшиваться въ дѣла Греціи (отъ него ожидали они рѣшенія своей судьбы)³⁾.

Послѣ прибытія Филиппа изъ Фракіи въ Македонію⁴⁾, но прежде аудиенціи у него аѳинскихъ пословъ, послѣдніе имѣли между собою совѣщаніе о томъ, что и какъ говорить предъ Македонскимъ царемъ, какимъ образомъ понимать и наилучше исполнить данныхъ имъ инструкціи. Эсхинъ, который, по его словамъ, лучше другихъ понималъ ихъ,⁵⁾ говорилъ, что принятие присяги отъ Македонскаго царя, переговоры о выкупѣ пленныхъ суть дѣла второстепенной важности, которые могли бы исполнить и слуги (*ὑπηρέται*), если бы только это исполненіе поручено было имъ государствомъ; обязанность же благоразумныхъ пословъ состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе на сущность дѣла и правильно опредѣлить отношенія Аѳинъ къ Филиппу. Эсхинъ доводилъ далѣе, что въ виду приготовленія экспедиціи въ Фермопиламъ нужно отклонить Филиппа отъ его намѣренія идти противъ Фокейцевъ и внушить ему, что его войско могло бы быть употреблено для того, чтобы смирить Оиванцевъ и возстановить беотійскіе города; послы, говорилъ Эсхинъ, не должны бояться гнѣва Оиванцевъ. Демосеенъ, по свидѣтельству Эсхина, противился этому совѣту, при чемъ особенно напиралъ на то, что аѳинскіе послы не должны мѣшаться въ споры, которые происходятъ въ другихъ государствахъ Греціи, и что онъ, Демосеенъ, не сдѣлаетъ въ своей рѣчи Филиппу даже намека на походъ его къ Фермопиламъ⁶⁾. Но едва ли будетъ справедливо представлять себѣ это дѣло такъ, какъ изображаетъ его Эсхинъ; это было бы въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ направленіемъ дѣятельности Демосеена, который и Эсхина

¹⁾ 2 argum. ad Dem. de fals. leg. p. 337: πρεσβευσαρένων πρὸς αὐτὸν (Філіппон) τῶν Φωκάων. Dem. de fals. leg. 139, p. 384: ἡλθον ως αὐτὸν πρεσβεῖς ἐκ Θῆβων, διε περ καὶ παρ' ὑμῶν ἡμεῖς ἡμεν ἔχει. Aesch. de fals. leg. 104, p. 41: πάρεισι μὲν τὰρ Θηβαίων, ἥκουσι δὲ Λασεδαιμονίων πρεσβεῖς; также 136, p. 46; 112, p. 42: παρόντων τῶν πρεσβεῶν ὡς ἕπος εἰπεῖν ἐξ ἀκάστης τὰς Ἑλλάδας.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 136, p. 46.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 104, p. 41: ἀπαντεις δὲ οἱ Ἕλληνες εἰς τὸ μέλλον ἔσσεθαι βλέπουσιν.

⁴⁾ Aesch. de fals. leg. 101, p. 41: ὡς δ' ἡμεν ἐν Μακεδονίᾳ, καὶ συνήθομεν εἰς τὰυτὸν καὶ Φίλιππον ἐκ Θράκης παρόντα κατειλήφειμεν...

⁵⁾ Aesch. de fals. leg. 101—107, p. 41—42.

главнымъ образомъ обвинялъ въ томъ, что онъ допустилъ Филиппа занять Фермопилы, и который такъ близко принималъ къ сердцу интересы и независимость Грековъ. Послѣ долгихъ совѣщаній послы Македонскіи согласились, чтобы каждый изъ нихъ говорилъ предъ царемъ Македонскимъ то, что найдеть лучшимъ, и чтобы самый младшій изъ нихъ, то-есть, Демосфенъ, выступилъ прежде другихъ¹⁾). Наконецъ они были позваны къ царю, который принялъ ихъ окруженный послыствами изъ большей части греческихъ государствъ²⁾). По сдѣланному между ними условію, Демосфенъ выступилъ первый и держа въ рѣчи, которая, по словамъ его противника, не заключала въ себѣ ничего дѣльного относительно тогдашняго положенія вещей, и была исполнена клеветы противъ другихъ афинскихъ пословъ и грубой лести Филиппу. Демосфенъ будто бы говорилъ, какъ много онъ сдѣлалъ для заключенія мира, какою заботливостію окружалъ македонскихъ пословъ во время пребыванія ихъ въ Аенинѣ и проч. Эта рѣчь, говорить Эсхинъ, возбудила только смѣхъ въ присутствовавшихъ и заставила покраснѣть афинскихъ пословъ³⁾). Послѣ Демосфена очередь была за Эсхиномъ. Указавъ въ короткихъ словахъ на неумѣтность содержанія рѣчи Демосфеновой, именно, что они (послы) пришли въ Македонію не для оправданія собственныхъ поступковъ, а для переговоровъ о дѣлахъ государства, онъ сказалъ о цѣли ихъ прихода и порученіяхъ, возложенныхъ на нихъ народомъ. Потомъ Эсхинъ говорилъ о предполагавшемся походѣ къ Фермопиламъ, о дельфійскомъ храмѣ, о союзѣ Амфіктіоновъ овомъ. Онъ убѣждалъ Филиппа рѣшить вопросы, касавшіеся Амфіктіоновъ и дельфійского храма, мирныхъ, третейскіи судомъ (μετὰ φύρου καὶ κρίσεως), а не оружиемъ. Если же вооруженное вмѣшательство необходимо, то Филиппъ долженъ, по крайней мѣрѣ, оказывать всякое уваженіе этой греческой сътнѣ и внимательно выслушивать тѣхъ, которые будутъ говорить предъ нимъ объ отечественныхъ обычаяхъ (τοῖς περὶ τῶν πατρίων ἀγαριστοῖς διδάσκειν προσέχειν τὸν νοῦν). Эсхинъ рассказалъ вкратцѣ Филиппу первоначальную исторію дельфійского храма и союза Амфіктіоновъ, перечислилъ племена, принадлежавшія къ этому союзу, и привелъ клятву, которая связывала его членовъ, запрещая имъ разорвать горо-

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 107, 108, p. 42.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 112, p. 43: τοιαῦτα ἦν, ἡ ἐλεύθερη παρόντων τῶν πρεσβεῶν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, εἰς ἀπάσης τῆς Ἑλλάδος.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 109—112, p. 42.

да, принадлежавшимъ къ нему, отводить отъ нихъ воду и грабить храмъ, или даже содѣйствовать этому святотатству; если же кто нарушить эту клятву, противъ того всѣ члены союза должны идти войною и мстить ему всѣми возможными способами (καὶ χειρὶ καὶ ποδὶ καὶ φωνῇ καὶ πάσῃ δούλωει). Разорение Оиванцами беотійскихъ городовъ, принадлежавшихъ къ союзу Амфіктіоновъ, было нарушеніемъ этой клятвы и не должно было оставаться безъ наказанія. Такая цѣль экспедиціи Филиппа къ Фермоніамъ—востановленіе правъ союза Амфіктіоновъ—права и свята (օστα καὶ δικαια); онъ долженъ вести ее до конца и наказать лицъ, участвовавшихъ въ разграбленіи храма, а не тѣ города, къ которымъ они принадлежали (то-есть, города Фокейскіе). Если же Филиппъ поступить вопреки этому совѣту и утвердить несправедливое преобладаніе Оивъ надъ беотійскими городами, онъ сдѣлаетъ несправедливость, увеличить число своихъ враговъ, а отъ тѣхъ, которымъ онъ благопріятствуетъ, не получить никакой благодарности¹⁾. Что дѣйствительно въ общихъ, существенныхъ чертахъ таково было содержаніе рѣчи, сказаний Эсхиномъ предъ Македонскимъ царемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Демосеенъ, говори, что Эсхинъ повторилъ въ афинскомъ народномъ собраниі длинную рѣчь, сказанную имъ предъ Филиппомъ²⁾; но трудно вѣрить тому, что Эсхинъ говорить относительно рѣчи Демосеена, напримѣръ, что онъ вспалъ предъ Филиппомъ въ лесть, что онъ не упомянулъ о по-рученіяхъ, возложенныхъ на афинскихъ пословъ согражданами, или, что онъ началъ разказывать о раздорѣ съ своими товарищами (τὴν προεργμένην κατὰ τῶν συμπράθετον ὑπὲ αὐτὸν διαβολήν). Изъ словъ самого же Эсхина³⁾ можно заключить, что Демосеенъ, подобно тому, какъ въ Аѳинахъ изложилъ отчетъ о первомъ посольствѣ, такъ точно и теперь предъ Македонскимъ царемъ кратко рассказалъ, что было сдѣлано Аѳинянами для скорѣйшаго заключенія съ нимъ мира, и насколько принимать участія въ этомъ онъ самъ. Можно также предположить, хотя и не имѣя на то никакихъ точныхъ указаний, что Демосеенъ требовалъ включенія въ число аѳинскихъ союзниковъ Фокеицевъ, Галіїцевъ и Керсовента. Но какъ бы то ни было, вполнѣ несомнѣнно, что Эсхинъ и Демосеенъ остались въ этомъ случаѣ вѣрными каждый своей партии: Эсхинъ признавалъ за Филипп-

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 113—117, p. 49.

²⁾ Demosth. de fals. leg. 20, p. 347.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 109—111, p. 42.

помъ право вмѣшиваться въ дѣла Греціи, рѣшать ея споры, и предоставлять Фокейцевъ, а съдовательно и Фермопилы, въ его распоряженіе; Демосоенъ держался совершенно противуположнаго взгляда на этотъ предметъ, и говорилъ предъ Филиппомъ только о дѣлахъ, касавшихся его отношеній къ Аенинамъ. Отвѣчалъ ли Филиппъ тотъ-чай на рѣчи аенинскихъ пословъ, и если отвѣчалъ, то чѣмъ именно, неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ противился принятию Фокейцевъ, Галійцевъ, Керсовлента въ число аенинскихъ союзниковъ, и сверхъ того требовалъ, чтобы жители города Кардіи, находившагося въ сѣверной части Оракійскаго Херсонеса, который тогда принадлежалъ Аенинамъ¹⁾), были признаны его союзниками. Аенинскіе послы уступили этимъ требованіямъ Македонскаго царя: Фокеицы, Галійцы и Керсовлентъ были теперь формально исключены изъ числа аенинскихъ союзниковъ²⁾). Такимъ образомъ, спорный пунктъ въ договорѣ между Аенинами и македонскими послами относительно союзниковъ, вслѣдствіе излишней преданности къ Филиппу аенинскихъ пословъ, былъ рѣшень въ его пользу. Жители Кардіи были причислены къ союзникамъ Македонскаго царя³⁾), и этимъ городомъ Филиппъ могъ воспользоваться, какъ удобнѣмъ пунктомъ, чтобы распространять оттуда свое владычество на Оракійскомъ Херсонесѣ и на Геллеспонтѣ⁴⁾). Всѣ эти уступки аенинскихъ пословъ привели, съдовательно, къ тому, чѣго такъ боялись Аенинамъ: Филиппу дана была возможность завладѣть Фермопилами и утвердиться на Геллеспонте. Но это была еще пока лишь возможность, и Аенинамъ продолжали вѣрить, что Филиппъ исполнить все, чѣгъ было обѣщано его приверженцами.

Мы уже упоминали, что главною цѣлью своего путешествія въ Македонію Демосоенъ представлялъ выкупъ находившихся тамъ пленныхъ Аенинъ; во время первого своего посольства онъ обѣщалъ имъ доставить, по возможности, средства избавиться отъ пленя⁵⁾.

¹⁾ Annotat. ad Dem. de fals. leg. p. 365, изд. Дианд. vol. V, 510.

²⁾ Dem. de fals. leg. 44, p. 355: ἐκσπόνδους ἀποφανθῆναι τοὺς Φωκέας ὑπὸ τούτων. 174, p. 395: Φωκέας ἐκσπόνδους καὶ Ἀλέας ἀπέφηγαν καὶ Κερσοβλέπτην παρὰ τὸ φήμισμα καὶ τὰ πρὸς ὑμᾶς ἐιρημένα. 278, p. 430.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 174, p. 395: ἵτα Καρδιανοὺς Φιλίππῳ συμμάχους ἐνέτραφαν.

⁴⁾ Dem. contr. Aristocrt. 81, p. 681: ἔχει δ' (Філіппос) ὄρμητήριον παρὰ πάντα τὸν χρόνον αὐτῷ τεττρημένον τὴν Καρδιανῶν πόλιν... ὄρμητήριον καταλιπεῖν χρήσιμον τοῦ πρὸς ἡμᾶς πολέμου.

⁵⁾ Dem. de fals. leg. 171—172, p. 394—395.

Въ то время, какъ аенинскіе послы дожидались въ Целлѣ возвращенія изъ Фракіи Филиппа, нѣкоторые изъ пленныхъ Аенинъ, кото-
рые за поручительствомъ были на свободѣ (вѣнчуримено), явились къ
Демосеену и начали занимать у него кто—три, кто—пять минь, сло-
вомъ, сколько каждому нужно было для выкупа себя изъ пленя, и
онъ подарили каждому изъ нихъ, просимую имъ въ залмы, сумму¹).
Когда Филиппъ возвратился въ Целлу, Демосеенъ просилъ его тѣ
деньги, которыхъ онъ предлагалъ въ подарокъ (сечна) посламъ, ·упо-
требить на выкупъ аенинскихъ пленныхъ отъ тѣхъ владѣтелей, кото-
рымъ они достались. Но Филиппъ не согласился на это, и обѣщалъ
остальныхъ пленныхъ (то-есть, не выпущившихся еще изъ пленя)
прислать въ Аенины къ Паваенейскому празднику²).

Демосеенъ, видя, что его товарищи дѣйствуютъ во вредъ интересамъ своего государства, рѣшился на конецъ послать донесеніе объ
этомъ въ Аенины; но они не только помѣнили этому, но еще отправили
отъ себя другое ложное донесеніе³).

Между тѣмъ отъѣзда аенинскихъ пословъ изъ Македоніи быть
отложенъ, такъ какъ Филиппъ желалъ, чтобы они выѣхѣть съ нимъ
отправились въ Фессалію и предложили свое посредничество между
Фарсалійцами и Галійцами⁴); кроме того Фессалійцы, какъ союз-
ники Филиппа, должны были выѣхѣть съ нимъ принести предъ аени-

¹) Dem. de fals. leg. 169, 170, p. 394.

²) Паваенейскій праздникъ праздновался въ концѣ гекатомбеона. Lübker.
О ходатайствѣ Демосеена за выкупъ пленныхъ, см. Dem. de fals. leg. 167—173,
р. 393—395. Аннот. ad Dem. de fals. leg. p. 393, изд. Дицд. V, 539. Эсхинъ
видимо старается уменьшить заслугу Демосеена относительно пленныхъ сограж-
данъ. По его мнѣнію посланіе вовсе не было даже надобности говорить о плен-
ныхъ; эту обязанность могли бы исполнить посланники отъ государства слуги
(бѣлѣтата). Извѣстно, говорилъ онъ дальше, что Филиппъ щѣфъль освободилъ
пленныхъ по заключеніи мира безъ выкупа; при томъ одного таланта, прик-
сеннаго Демосееномъ (Aesch. de fals. leg. 99, р. 41), достаточно было для вы-
купа развѣ одного, да и то не очень достаточнаго человѣка (Aesch. de fals. leg.
100, р. 42). Но это никакъ не отнимаетъ заслуги у Демосеена; онъ хотѣлъ
помочь не богатымъ, а бѣднымъ согражданамъ (Dem. de fals. leg. 170, р. 394:
222, р. 410; 338, р. 450, и друг.); для выкупа же одного изъ нихъ, мы видѣли,
достаточно было трехъ, много пяти минъ.

³) Dem. de fals. leg. 174, р. 396.

⁴) Dem. de fals. leg. 36, р. 352. Между жителями Фессалійскихъ городовъ:
Фарсала и Галоса былъ взаимный раздоръ, между тѣмъ какъ Фарсалъ нахо-
дился въ союзѣ съ Филиппомъ, а Галось — съ Аенинами. Сход. къ Демосе-
ену. р. 363.

скими послами присагу на миръ. Этю задержкой афинскихъ пословъ Филиппъ хотѣлъ только выиграть время и отнять у Аенианъ возможность подать помощь Фокейцамъ и занять Оермопилы, даже если бы они и пожелали сдѣлать это¹⁾). Итакъ Филиппъ, въ сопровождении афинскихъ пословъ и во главѣ войска, храня въ тайнѣ свои настоящія намѣренія, двинулся въ Фессалію. Тогда Демосеенъ, который, если и не имѣлъ возможности знать, въ чёмъ именно заключаются намѣренія Филиппа, но, безъ сомнѣнія, подозрѣвавшій, что онъ былъ неблагопріятенъ для Аенианъ и Фокейцевъ, рѣшился немедленно отправиться въ Аѳини самъ, чтобы обо всёмъ этомъ разказать своимъ согражданамъ, и уже началь для этого корабль, но ему воспрепятствовали въ этомъ²⁾). И такъ Демосеенъ, вмѣстѣ съ другими послами, долженъ былъ сопровождать Филиппа въ Фессалію. Главная цѣль предпринятаго Филиппомъ похода — занятіе Оермопилы — могла быть достигнута только въ такомъ случаѣ, если Аениане не подадутъ Фокейцамъ помощи; въ противномъ случаѣ овладѣть этимъ узкимъ проходомъ было невозможно. Поэтому для Филиппа было необходимо поддерживать слухи о томъ, что онъ двигается на югъ съ намѣреніями благопріятными для Фокейцевъ и Беотійцевъ и гибельными для Оиванцевъ, хотя съ другой стороны для него было опасно объявлять объ этомъ открыто, чтобы не отдалить отъ себя своихъ союзниковъ и враговъ Фокейцевъ — Оиванцевъ и Фессалійцевъ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Филиппъ, для распространенія этихъ слуховъ, употребилъ преданныхъ себѣ афинскихъ и другихъ пословъ и такимъ образомъ снималъ съ себя всякое обязательство сообразовать свои дѣйствія съ чими нибудь выгодами. Такое двусмысленное поведеніе царя разубѣдило Аенианъ предпринимать противъ него какія-либо рѣшительныя дѣйствія и серіозно беспокоило Оиванцевъ, которымъ стали открыто грозить лакедемонскіе послы³⁾). Наконецъ Филиппъ во главѣ войска достигъ до г. Феръ, при Пагазскомъ заливѣ, и только здѣсь съ союзниками далъ присагу на заключенный миръ, по словамъ Демосеена, въ гостиницѣ, находившейся противъ храма Діоскуровъ⁴⁾. Многіе изъ союзниковъ Филиппа не явились въ Феръ, и онъ обѣщалъ

¹⁾ Dem. de fals. leg. 322, p. 444.

²⁾ Dem. de fals. leg. 323, p. 445; 51, p. 357.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 136—137, p. 46. Dem. de fals. leg. 74, p. 364.

⁴⁾ Dem. de fals. leg. 158, p. 390: ὅτε δέορ' ἡδη τὸ στράτευμ' ἄγων ἐβάδιζε Φίλιππος.

прислать ихъ для принесения присяги въ Аеини¹); это подало поводъ Демосеену обвинять Эсхина и другихъ пословъ въ томъ, что они приводили къ присягѣ только тѣхъ лицъ, которыхъ представлялъ имъ Филиппъ²). Послѣ этого афинскіе послы немедленно возвратились чрезъ Эвбей³ въ Аеини, куда и прибыли 13-го скиррофоріона⁴), пробыть въ отсутствіи около 70 дней⁵). Когда они, по прибытіи своемъ въ Аеини, явились въ пяти сотенный совѣтъ, чтобы донести о результатахъ своего посольства, Демосеенъ сталъ открыто порицать ихъ дѣйствія. Онъ подробно раздавалъ всѣ обстоятельства посольства, при чемъ упомянула также обѣ общаніяхъ, которыми Эсхинъ и другие склонили Афинянъ согласиться принять условія мира, составленныя Филократомъ, обвиняя пословъ въ излишней угодливости Филиппу и предательствѣ союзниковъ. Демосеенъ высказалъ при этомъ свои опасенія по поводу движенія Филиппа къ Фермопиламъ, и убѣждалъ согражданъ, не смотря на заключеніе мира, хоть теперь принять рѣшительныя мѣры противъ замысловъ Македонскаго царя относительно Фонеїцевъ и Фермопилъ⁶); тѣмъ болѣе, что 50 триремъ готовы были воспрепатствовать занятію имъ Фермопилъ⁷). Большая часть членовъ пяти сотеннаго совѣта приняла сторону Демосеена, и отнеслась къ посламъ такъ неблагосклонно, что совѣтъ не выразилъ имъ обычной похвалы и не пригласилъ ихъ въ столу въ пританей, чтѣ, по словамъ Демосеена, составляло для нихъ не малый позоръ⁸).

Въ 16-й день скиррофоріона⁹), слѣдовательно три дня спустя

¹) Aesch. de fals. leg. 129, p. 45.

²) Dem. de fals. leg. 278, p. 430: οὗτοι δὲ, οὓς Φίλιππος αὐτοῖς προεπέμψε, τούτους ἔρχεσαν.

³) Схол. къ Дем. р. 347: δι' αὐτῆς (Εὐβοίας) παρῆλθον, ἐπανερχόμενοι ἐπὶ τὰς Αθήνας.

⁴) Dem. de fals. leg. 58, p. 359: Ἐκομεν δὲ δεῦρ' ἀπὸ τῆς πρεσβείας τῆς ἐπὶ τοὺς βράχους τρίτη ἐπὶ δέκα τοῦ σκιροφορίωνος.

⁵) Демосеенъ нѣсколько разъ повторяетъ, что послы были въ отсутствіи «пѣмъхъ три мѣсяца»—τρεῖς μῆνας δέους. (57, р. 369; 158, р. 390); но это очевидно преувеличено. Несомнѣнно, что послы отправились изъ Афинъ послѣ 3-го числа мунихіона (стр. 34), и слѣдовательно были въ отсутствіи остальное время, то-есть, около 27 дней мѣсяца мунихіона, весь таргеліонъ и наконецъ 13 дней скиррофоріона.

⁶) Dem. de f. leg. 18, p. 346.

⁷) Dem. de f. leg. 322, p. 444. Ср. Aesch. de f. leg. 37, p. 33.

⁸) Dem. de f. leg. 31, p. 350.

⁹) Dem. de f. leg. 58, p. 359.

послѣ возвращенія пословъ въ Аѳину, происходило народное собрание, на которомъ должно было быть представлено на обсужденіе народа постановленіе совѣта (проблема) относительно пословъ, но оно не было даже прочитано народу, потому что тогдѣ по открытіи собранія Эсхинъ началъ говорить къ народу рѣчъ, которой привлекъ все его вниманіе и возбудилъ сильную симпатію къ себѣ. Онъ прошелъ молчаниемъ протестъ Демоссена противъ пословъ, не сказавъ ни слова о неблагопріятномъ для нихъ постановленіи совѣта, даже не разсказалъ объ обстоятельствахъ и результатахъ послольства; онъ говорилъ только, что убѣдили Филиппа сдѣлать все, что можетъ быть полезнымъ для Аѳинянъ, что Филиппъ идетъ къ Фермопиламъ, какъ другъ и союзникъ ихъ, какъ покровитель Фокейцевъ, какъ восстановитель порабощенныхъ беотійскихъ городовъ, и какъ врагъ Оиванцевъ. Онъ и другие послы, говорилъ Эсхинъ даѣвъ, убѣдили Македонскаго царя въ томъ, что виноваты во всемъ Оиванцы: они незаконно поработили себѣ беотійскіе города, замыслили разграбить дельфійскій храмъ (Βούλεοσάντων κατάληψιν τοῦ ἵεροῦ), а известно, что тѣ, которые задумываютъ совершить какое-нибудь нечестивое дѣло, виновны не менѣе тѣхъ, которые совершили его. Пройдетъ еще нѣсколько дней, и Аѳиняне узнаютъ, что Филиппъ, помимо ихъ вѣдома и участія, возьметъ и разрушитъ Оивы, потребуетъ отъ Оиванцевъ вознагражденія за покищеннымъ изъ дельфійскаго храма сокровища, восстановить порабощенные ими города: Платею и Феспію. Кромѣ того, Филиппъ окажетъ Аѳинянамъ благодаѣнія, которыхъ до времени нельзѧ приводить въ исполненіе: Эубея будетъ предоставлена имъ за потерю Амфиполя и будетъ возвращенъ городъ Оропъ¹⁾.

Усѣхъ рѣчи Эсхина были необыкновенны²⁾: все, чего такъ сильно желали Аѳиняне, было имъ обѣщано³⁾. Напрасно Демоссенъ пытался говорить противъ Эсхина и разувѣрять народъ въ исполненіи высказанныхъ имъ обѣщаній; никто не хотѣлъ его слушать; Эсхинъ и Филократъ перебивали его рѣчъ; толпа вѣрила лестнымъ для нея обѣщаніямъ и всякое оспаривание ихъ принимала, какъ явный

¹⁾ Dem. de f. leg. 20—22, p. 347—348; 35, p. 352; 44, p. 355; 74, p. 364; 102, p. 373; 112, p. 375; 220, p. 409; 326—326, p. 445—446.

²⁾ Dem. de f. leg. 19, p. 347: ἀπαντας ὑμᾶς λαβὼν φέρετο. 23; p. 348; δοκῶν καὶ φῆται δρυστος εἶναι καὶ ἀνὴρ θαυμαστὸς κατέβη μάλα σερνῶς, 35, p. 352: ὅθε ὑμᾶς ἐκπεπληγμένους.....

³⁾ ὑμεῖς δ', ὅπερ εὑξαιοθ' ἀν ἀλπίσαντες. Dem. de f. leg. 328, p. 446. Сравн. 121, p. 378; 134, p. 382; Aesch. de f. leg. 136, p. 46.

знакъ аложелательства и ненависти къ Эсхину¹). Ниже не думай, что Филиппъ можетъ занять Фермопилы и погубить Фокейцевъ, и всакій быть убѣжденъ, что цѣль его похода — защита Фокейцевъ и наказаніе Оиванцевъ. Тогда Демосѳенъ, видя это общее увлеченіе ложными надеждами, открыто объявилъ, что онъ не раздѣляетъ убѣженія въ справедливости высказанныхъ обѣщаній и такимъ образомъ отклонилъ отъ себя ответственность за имѣвшія произойти отъ этого послѣдствія. На это Эсхин опять высказалъ твердую уверенность въ исполненіи всего обѣщаннаго, между тѣмъ какъ Филократъ острумно шутилъ съ народомъ: „неудивительно“, говорилъ онъ, „что мы не сходимся съ Демосѳеномъ; онъ пьеть воду, а я — вино“²). Здѣсь же прочитано было предъ народомъ принесенное отъ Филиппа послами письмо, тонъ которого былъ очень вѣжливъ и ласковъ³). Филиппъ писалъ, что онъ вѣѣтъ съ своими союзниками принести присягу на миръ; перечислять имена этихъ союзниковъ и города, изъ которыхъ они происходили; остальныхъ же союзниковъ, еще не принесшихъ присяги, обѣщалъ прислать въ Аѳени⁴). Въ письмѣ также говорилось, что аѳинскіе послы хотѣли идти и принимать присягу въ каждомъ союзномъ ему городѣ, но онъ удерживалъ ихъ при себѣ, чтобы они были посредниками между Фарсалійцами и Галітцами⁵); что онъ пришлетъ всѣхъ пленныхъ Аѳинянъ къ панаѳенейскому празднику⁶); что онъ не знаетъ, чѣмъ угодить Аѳинянамъ и согласенъ для нихъ сдѣлать все, что только не будетъ противно его чести и доброй славѣ⁷). Хотя въ этомъ письмѣ не говорилось ни слова (обѣдъ тѣр) о намѣреніяхъ Филиппа относительно Фокейцевъ и Оиванцевъ, значеніе которыхъ имѣло для Аѳинянъ такую важность, но этого никто даже не замѣтилъ, и всѣ были обрадованы вѣжливымъ и дружескимъ тономъ письма. Тогда партия приверженцевъ Македонскаго цара,

¹) Dem. de f. leg. 8, p. 343: "Αν μὲν ἔξαλέγεται καὶ δεῖξω σαρῶς Αἰσχίνην τούτοι.... κεκλωσότ" єрмоу тонъ бѣдомъ єкодїс тѣлѣтї. 23, p. 348: "Ἀναστάς δ' ἐγώ ταῦτα τούτους ἔφην εἰδέναι, καὶ ἐπειρώμην τι λέγειν.... καὶ παραστάς ὁ μὲν ἐνθεν οὐτοις καὶ Φιλοκράτης, ἀθόων, ἔβάρουσι με, τελευτῶντας ἀχλεύαζον. 26, p. 349; 85, p. 352; 45, p. 355; 248, p. 419.

²) Dem. de f. leg. 45—46, p. 355.

³) Dem. de f. leg. 39, p. 353: "Ἀκούετε, φίλοι Αθ., τῆς ἐπιστολῆς, ὡς καλὴ καὶ φιλάνθρωπος.

⁴) Aesch. de f. leg. 129, p. 45.

⁵) Dem. de f. leg. 36, p. 352.

⁶) Dem. de f. leg. 39, p. 353.

⁷) Dem. de f. leg. 41, p. 354; 48, p. 356.

ободренная благоволеніемъ къ себѣ народа, пошла еще даље: Филократъ сдѣлалъ народу предложеніе, чтобы заключенный съ Македонскимъ царемъ миръ и союзъ былъ признанъ обязательнымъ не только для тогдашнихъ Афинянъ, но и для ихъ потомковъ, и чтобы, въ случаѣ если Фокейцы откажутся сдать дельфійскій храмъ Амфіктіонамъ, Афиняне помогли принудить ихъ къ тому силой¹⁾). Такимъ образомъ, по выражению Демосеена, Фокейцы выдавались своимъ врагамъ со связанными назадъ руками²⁾.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, слѣдовавшихъ за возвращеніемъ пословъ въ Аѳинны, Филиппъ прислали Афинянамъ одно за другимъ два письма, которыми они приглашались занять вмѣстѣ съ нимъ Фермопильскій проходъ; на самомъ же дѣлѣ этимъ приглашеніемъ онъ хотѣлъ только поддержать въ нихъ ложное мнѣніе относительно своего расположенія къ нимъ³⁾.

Когда Филиппъ направился изъ Феръ въ Фермопиламъ и афинскіе послы возвращались въ Аѳинны, сюда же прибыли и послы фокейскіе узнать рѣшеніе афинскаго народа, отъ которого зависѣла судьба Фокиды⁴⁾). Хотя Филиппъ требовалъ у Фалека сдачи Фермопильскаго прохода, но тотъ медлилъ своимъ отвѣтомъ царю, дожидалась возвращенія изъ Аѳинъ пословъ⁵⁾. Интересы Афинянъ и Фокеянъ совпадали между собою въ томъ, чтобы 'не допустить Македонскаго царя завладѣть Фермопилами, и потому Фалекъ, не смотря на оскорбленіе, нанесенное имъ Афинянамъ, могъ, однако, надѣяться на ихъ помощь. Фокейскіе послы присутствовали въ афинскомъ народномъ собраніи 16-го скирофоріона, слышали объ объѣщаніяхъ Филиппа, высказанныхъ Филократомъ и Эсхиномъ, и узнали о рѣшеніи Афинянъ, если Фокейцы не отдадутъ Амфіктіонамъ дельфійскаго храма, принудить ихъ къ тому силой. Теперь Фокейцамъ ни-

¹⁾ Dem. de f. leg. 48, p. 356: Πρὸς δὲ τοὺς παρὰ τούτου (Φιλίππου) λόγους ὄμρηκότας λαβὼν ὑμᾶς ὁ Φιλοκράτης, ἐγγράφει τοῦτ' εἰς τὸ ψήφισμα, ἐὰν δὲ μὴ ποιῶσι Φωκεῖς, ἂ δεῖ καὶ παραδιδῶσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερόν, ὅτι βοηθήσεις ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναῖών ἐπὶ τοὺς διαχολύνοντας ταῦτα γίγνεσθαι. Собрание Амфіктіононъ въ это время, по словамъ Демосеена, составляли только Оиваицы и Фессалійцы.

Dem. de f. leg. 50, p. 356: οὐδενὸς δ' ἄλλου παρόντος τὸν Ἀμφικτυόνων πλὴν Θετταλῶν καὶ Θηβαίων.

²⁾ Dem. de f. leg. 47, p. 356.

³⁾ Dem. de f. leg. 51, 52, p. 357. Aesch. de f. leg. 137, p. 46.

⁴⁾ Aesch. de f. leg. 130, p. 46. Dem. de f. leg. 59, p. 359.

⁵⁾ Dem. de f. leg. 58, p. 359.

чего болѣе не оставалось, какъ безусловно покориться Филиппу¹⁾: защита Фермопилъ безъ помощи Аенианъ, а тѣмъ болѣе противъ ихъ воли, была невозможна.

Когда Фокейскіе послы возвратились изъ Аенинъ около 20-го скиррофоріона и донесли Фалеку обо всемъ, слышанномъ ими въ аенискомъ народномъ собраніи, онъ вступилъ съ Филиппомъ въ переговоры и 23-го числа скиррофоріона сдался ему на капитулацию²⁾. Филиппъ занялъ Фермопильскій проходъ вмѣстѣ съ господствовавшими надъ нимъ крѣпостями Алпономъ и Ниケーю; а вслѣдъ затѣмъ ему сдались безъ малѣшаго сопротивленія 22 фокейскіе города³⁾. Фалеку, вмѣстѣ съ его войскомъ, было позволено идти, куда онъ захочетъ; тѣ изъ Фокеїцевъ, которые не хотѣли слѣдовать за Фалекомъ, отдались на волю Филиппа⁴⁾. Тогда Филиппъ соединилъ свои войска съ войсками Оиванцевъ и объявилъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ пользу послѣднихъ: уступить имъ значительную часть Фокиды, возвратить имъ отнятые у нихъ Фокеїцами города: Орхоменъ и Коронею, и будеть держать и остальную часть Беотіи, не признававшую прежде надъ собою ихъ игемоніи, въ ихъ зависимости⁵⁾. Беотійцы должны были покориться его рѣшенію⁶⁾. Потомъ Филиппъ велѣлъ собраться членамъ Амфиктіонова союза, чтобы произнести приговоръ надъ Фокеїцами. По этому приговору они, преданные проклятию за разграбленіе дельфійскаго храма, исключались изъ союза Амфиктіоновъ, и на мѣсто ихъ принимался Филиппъ⁷⁾. Города ихъ были срыты⁸⁾ и обращены въ деревни, изъ которыхъ каждая должна была заключать въ себѣ не болѣе 50 домовъ⁹⁾; у нихъ было отобрано оружіе¹⁰⁾. Всякий, кто имѣлъ возможность, старался выселиться изъ

¹⁾ Dem. de f. leg. 53—54, p. 357—358.

²⁾ Dem. de f. leg. 59, 60, p. 359—360; 76, p. 365.

³⁾ Dem. de f. leg. p. 360; 77, p. 365; 123, p. 379. Aesch. de f. leg. 138, p. 46; 130, p. 45.

⁴⁾ Aesch. de f. leg. 140, p. 46. Φαλαίκου δὲ ...ἀπεληλυθότος ὑποσκόνδου. Grotts. Gesch. Griech. VI, 337.

⁵⁾ Grotts. Gesch. Griech. VI, 338.

⁶⁾ Aesch. de f. leg. 141, p. 46.

⁷⁾ Dem. de f. leg. 327, p. 446.

⁸⁾ Dem. de f. leg. 61, p. 360; 64, p. 361.

⁹⁾ Dem. de f. leg. 81, p. 366; 141, p. 385; 825, p. 445. Aesch. de f. leg. 9, p. 29.

¹⁰⁾ Dem. de f. leg. 128, p. 380; 287, p. 433.

отечества¹), а оставшіеся на мѣстѣ и избѣгнувшіе смерти или рабства были обложены ежегодною данью въ 50 талантовъ, которая должна была идти на пополненіе разграбленныхъ сокровищъ дельфійскаго храма²). Такъ окончилась 3-я священная война. Между тѣмъ Аѳеніи, не зная еще о случившемся съ Фокейцами, опредѣлили (вероятно это происходило того же 16 скиррофоріона, такъ какъ нигдѣ въ рѣчахъ Демосоена и Эсхина не говорится, чтобы народное собраніе происходило въ одинъ изъ ближайшихъ къ этому днѣмъ) отправить въ третій разъ къ Филиппу посольство, которое бы возвѣстило ему о рѣшеніи ихъ относительно Фокейцевъ и присутствовало бы при исполненіи обѣщаній, данныхыхъ отъ имени Филиппа Филократомъ, Эсхиномъ и другими его приверженцами³). Въ число пословъ были опять избрани Демосоенъ и Эсхинъ, но первый рѣшительно отказался участвовать въ этомъ посольствѣ, а Эсхинъ вдругъ сдѣлался, или по крайней мѣрѣ притворился, больнымъ, и послалъ своего брата и племянника вмѣстѣ съ врачомъ засвидѣтельствовать предъ согѣтомъ о своей болѣзни⁴). По мнѣнію Демосоена, эта болѣзнь была притворна и служила Эсхину только предлогомъ остататься въ Аѳеніяхъ; чтобы противодѣйствовать перемѣнѣ общественного мнѣнія относительно Македонскаго царя, неизбѣжной при дурныхъ вѣстяхъ изъ Фониды, которая предвидѣла Эсхинъ⁵).

И дѣйствительно, такая перемѣна общественного мнѣнія вскорѣ послѣдовала; народъ сталъ догадываться, что его обманывали, сталъ собираться группами на площадяхъ, гдѣ произносились рѣчи, порнавшія приверженцевъ Македонскаго царя; нѣкоторые говорили

¹) Dem. de f. leg. 310, p. 440.

²) Dem. de f. leg. 327, p. 446. Grote's Gesch. Griech. VI, 341.

³) Болѣшая часть пословъ были тѣ же самыя лица, которыхъ участвовали въ первомъ и во второмъ посольствахъ. Dem. de f. leg. 121, p. 378: ἐχιροτούσατε καὶ τοῖτον (*Διοχίνην*) καρέ καὶ τὸν ἀλλον τοὺς πλείστους τοὺς αὐτούς. Это третье посольство Эсхинъ часто называетъ посольствомъ къ аѳенитамъ; Aesch. de f. leg. 94, p. 40; 139, p. 46; 142, p. 47. Но изъ словъ самого же Эсхина видно, что оно отправлено было собственно къ Филиппу, 162, p. 49, съ которыми тогда члены союза аѳенитовъ, Фессалійцы, Оиваицы и Локрійцы, были въ союзѣ. Schol. od Aesch. de f. leg. 94, p. 40: Θετταλοὶ καὶ Λοκροὶ συνῆσαν τῷ Φλιτκῷ Ἀμφιτόους ὄντας.

⁴) Aesch. de f. leg. 94, p. 40.

⁵) Dem. de f. leg. 124, p. 379; 122, p. 378.

⁶) Dem. de f. leg. 122, p. 378.

даже, что опасно посыпать гражданъ къ Фермопиламъ по приглашению Филиппа, чтобы они не были схвачены имъ и оставлены, какъ заложники¹⁾.

Послѣ тогъ на мѣсто Эсхина былъ выбранъ другой послъ²⁾, посольство отправилось въ гор. Халкиду (на Эубей), и вѣдь полу-чилъ извѣстіе о капитулациіи Фалака, о сдачѣ Филиппу фокейскихъ городовъ и образѣ дѣйствій Филиппа относительно Оиваціевъ, Беотійцевъ и Фокейцевъ. Послы поспѣшили обратно въ Аенны³⁾, чтобы дать знать объ этомъ своимъ согражданамъ⁴⁾, и прибыли туда въ 27 день скиррофоріона, когда народъ сошёлся въ Пирѣ о предметахъ, касавшихся сооруженія флота⁵⁾. Впечатлѣніе, произведенное на народъ разказомъ пословъ, было чрезвычайно сильно; не только всѣ надежды, приводившіе Аеннанъ въ восторгъ, были раз-биты, но и сами они подвергались большой опасности отъ занятія Маледонскій царемъ Фермопилъ, — этого надежного оплота Аттики противъ всякихъ вторженій. Пораженные Аенны не знали, что предпринять; положеніе дѣлъ представлялось имъ какою-то за-гадкой⁶⁾.

Эсхинъ въ это время уже выздоровѣлъ, или, какъ говорить Демосеенъ, пересталъ притворяться больнымъ; ему и Демосеену было вторично предложено отправиться въ Филиппу въ качествѣ пословъ, но Демосеенъ опять отказался⁷⁾ а Эсхинъ принялъ предложеніе⁸⁾.

¹⁾ Aesch. de f. leg. 187, p. 46.

²⁾ Dem. de f. leg. 126, p. 380: πρεσβευτὴς ἀλλος ὑπέρτο ἀνθ' αὐτοῦ (Αἰσχύνου). Былъ ли выбранъ кто-нибудь посломъ на мѣсто Демосеена, неизвестно.

³⁾ Aesch. de f. leg. 95, p. 40; но Демосеенъ говорить объ одномъ только Деркии. Dem. de f. leg. 125, p. 379.

⁴⁾ Aesch. de f. leg. 95, p. 40. Dem. de f. leg. 125, p. 379; 60, p. 359.

⁵⁾ Dem. de f. leg. 60, p. 359 — 360; 125, p. 379. Болѣе обыкновеннымъ мѣстомъ народныхъ собраний въ Аенвахъ былъ Πνύξ.

⁶⁾ Dem. de f. leg. 328, p. 446: καὶ γέγονε τὰ πρόγραμτα πληνὸς ὅπερ αἰνιγμα τῷ πόλει.... ὄμεῖς δ', ἀπερ εὖξαςθ' ἐν ἀπίσαντες, τάναγτία τούτων ἐφράχατε γιγνόμενα. 126, 380: ἔτειδὴ ταῦτ' ἦν καὶ τοισύτῃ ταραχῇ καὶ τοισύτος θόρυβος τεργειστήκει τὴν πόλιν.

⁷⁾ Dem. de f. leg. 172, p. 395.

⁸⁾ Демосеенъ обвиняетъ Эсхина въ томъ, что онъ отправился посломъ къ Филиппу, не бывъ избранъ народомъ; Dem. de f. leg. 126, p. 380: δοφός καὶ δεινὸς αὐτος (Αἰσχύνης) καὶ εὑφωνος αὐτες βουλῆς αὐτες δήμου χειροτονήσαντος αὐτὸν ψήσετο πρεσβεύων. 131, 381: ψήσετο μὲν παρὰ τὸν νόμον. Эсхинъ опровергаетъ это обвиненіе, Aesch. de f. leg. 139, p. 46 п., повидимому, справедливо, такъ

Въ то время, какъ члены амфиктіонова союза, по повелінію Філіппа, открыли свои засѣданія (это собрание амфіктіоновъ, вѣроятно, происходило въ Дельфахъ), сюда явились и аеинскіе послы. Изъ словъ Демосоена¹⁾, не смотря на то, что Эсхинъ называетъ это посольство, посольствомъ къ амфіктіонамъ видно, что аеинскіе послы не участвовали вовсе въ совѣтѣ амфіктіоновъ; следовательно, они должны были вести переговоры относительно дѣлъ, касавшихся Аеинія. Они были прияты Македонскимъ царемъ съ почетомъ. Къ нему собралось въ то время около двухъ сотъ пословъ изъ разныхъ греческихъ государствъ. По случаю счастливаго для себя окончанія войны Філіппъ устроилъ большое празднество: совершили были въ честь боговъ торжественные жертвоприношенія и возліяни, вознесены молитвы, и затѣмъ прославлять веселый пиръ, на которомъ гости съ вѣнками на головахъ распѣвали гимны. Аеинскіе послы, по крайней мѣрѣ Эсхинъ, также приняли участіе въ этомъ торжествѣ, и этимъ доказали, какъ мало они дорожили интересами своего государства; Демосоенъ послѣ обвинилъ Эсхина за то, что онъ принялъ участіе въ этомъ пиршествѣ въ виду страшныхъ несчастій, постигшихъ аеинскихъ союзниковъ и даже въ виду опасности для самихъ Аеинянъ²⁾.

Аеиняне были оскорблены и устрашены такимъ поведеніемъ Філіппа относительно ихъ и ихъ союзниковъ и отказались даже отпраздновать священное посольство на Пиѳейскія игры³⁾. Когда отъ Філіппа

какъ Демосоенъ и Эсхинъ были избираемы въ это посольство два раза, и одно изъ этихъ избраний признаетъ Демосоенъ, Dem. de f. leg. 129, р. 381, а о другомъ умалчиваетъ. Aesch. de f. leg. 94, р. 40. Притомъ самъ Демосоенъ говорить о двукратномъ избраніи пословъ. Dem. de f. leg. 172, р. 395.

¹⁾ Dem. de f. leg. 132, р. 381: Πῶς γὰρ οὐκ αἰσχρὸν, φ. ἀ. Ἀθ., δημοσίᾳ μὲν ἀπαντας ὑμᾶς καὶ διοτὸν τὸν δῆμον πᾶσι τοῖς πεπραγμένοις ἐξ τῆς εἰρήνης ἐπιτιμᾶν, καὶ μήτε τῶν ἐν Ἀμφικτύοσι κοινωνεῖν.

²⁾ Dem. de f. leg. 128, р. 380. Эсхинъ не опровергаетъ прямо этого обвиненія, а только говорить, что Демосоенъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ распѣвалъ гимны, но самъ не присутствовалъ при этомъ и не имѣлъ никакого свидѣтеля изъ бывшихъ тамъ людей; затѣмъ Эсхинъ — что очень странно — прибавляетъ, что если бы онъ выѣхѣлъ съ другими и распѣвалъ гимны въ честь боговъ въ то время, какъ отечество его благоденствовало и общественные интересы гражданъ не потерпѣли никакого ущерба (?), то это не составляло бы никакого преступленія. Aesch. de f. leg. 162, 163, р. 49 — 50.

³⁾ Здѣсь должно разумѣть болѣшія пиѳейскія игры, праздновавшіяся близъ Дельфъ, въ Криссайской долинѣ, въ третій годъ каждой олимпіады (въ 346 г. былъ именно третьимъ годомъ 108 олимпіады. Clint. Fast. Hell., стр. 150). Съ

и Фессалійцевъ прибыло въ Аѳинамъ посольство съ требованіемъ, чтобы Аѳиняне признали Филиппа членомъ союза Амфіктионовъ, они не хотѣли давать на это своего согласія и готовы были опять воевать съ нимъ. Народъ шумѣлъ, громко выражая свое негодованіе противъ Филиппа, и никто изъ приверженцевъ послѣдняго не рѣшался защищать его; только Эсхинъ попытался было сдѣлать это, но его не слушали; тогда онъ, сходя съ трибуны, сказалъ: „много тѣхъ, которые умѣютъ шумѣть, но мало такихъ, которые, когда окажется необходимость, способны будуть воевать“¹⁾). Но первое увлеченіе прошло; какъ ни желали Аѳиняне отмстить за свое униженіе, однако послушались болѣе благоразумнаго совѣта—не начинать новой войны при стѣснительныхъ для себя обстоятельствахъ. Даже Демосѳенъ не совѣтовалъ Аѳинянамъ нарушать, хотя и унизительный для нихъ, миръ.

А. Фессаліо-Нацроцкій.

давнихъ временъ было въ обычай, что Аѳиняне отправляли къ этому празднику въ Делью торжественное посольство состоявшее изъ юнкеровъ и юношеского 500-наго совѣта. Dem. de f. leg. 128, p. 380: ὥστε μήτε τοὺς ἐκ τῆς βασιλῆς θεωροὺς, μήτε τοὺς θεοφόθετας εἰς τὰ Πυθια πέμψαι, ἀλλ ἀποστῆνα: τῆς πατρίου θεωρίας.

¹⁾ Dem. de f. leg. 111—113, p. 375.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ.

Число поэтическихъ произведений, дошедшихъ до насъ отъ эпохи процвѣтания греческой литературы, никакъ не можетъ считаться значительнымъ въ сравненіи съ первоначальнымъ богатствомъ этой литературы. Но всѣ эти потери оказываются, въ свою очередь, ничтожными, если сравнить ихъ съ потерями, понесенными наукой относительно сочиненій по *теории поэзіи*. При этомъ я имѣю въ виду, конечно, не тѣ сочиненія, которыхъ занимались только внѣшнею формою поэтическихъ произведений, — ритмомъ, метрами, да еще музыкальной композиціей. Сколь ни прискорбно, что у насъ нѣть, напримѣръ, всѣхъ трудовъ Аристоксена, однако, во всякомъ случаѣ, ясно, что достоинство поэтическаго произведенія зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ правильнаго употребленія метровъ. Уже древніе замѣтили, что стихотвореніе останется стихотвореніемъ, даже если передать его прозою, и что, съ другой стороны, нѣкоторые сюжеты никогда не могутъ послужить содержаніемъ стихотворенія, какъ бы ни была художественна передача ихъ въ метрическомъ отношеніи. Должны, слѣдовательно, существовать еще и такого рода изслѣдованія, предметомъ которыхъ служить, впервыхъ, содержаніе поэтическихъ произведеній и, вовторыхъ, способъ передачи этого содержанія; способъ передачи составить особый отдѣлъ такихъ изслѣдованій, такъ какъ одинъ сюжетъ можетъ служить содержаніемъ для драмы, романа, и т. д. Но именно въ области этого рода литературы до насъ дошло только очень не многое. Схолія, указатели содержанія драмъ, случайные указанія у нѣкоторыхъ авторовъ, нѣсколько замѣтокъ въ древнихъ словаряхъ, нѣсколько, большою частью, безъимянныхъ выписокъ изъ древнихъ специальныхъ сочиненій, — вотъ и всѣ представители цѣлаго отдѣла богатой греческой литературы. Стойти только взглянуть на еріметра, въ которыхъ Майнеке сопоставилъ остатки

сочиненій греческихъ граматиковъ о комедіи¹⁾, или подобный же сборникъ илладшаго Тренделенбурга относительно трагиковъ²⁾, чтобы убѣдиться, что мы находимся здѣсь на почвѣ, усѣянной развалинами громадныхъ построекъ.

Только двѣ колонны устоали среди этихъ развалинъ: Поэтика Аристотеля и Посланіе Горация къ Пизонамъ *De arte poetica*. Первое изъ этихъ сочиненій,—произведеніе величайшаго греческаго философа,—носить характеръ почти исключительно теоретической и писано прозою; другое, съ болѣе практическимъ назначеніемъ, излагаетъ въ стихахъ взглѣдь самаго тонкаго мыслителя изъ римскихъ поэтовъ. Посланіе Горация можно сравнить съ Буалѣ *L'art poétique*; Поэтику Аристотеля съ произведениями Диодора и Лессинга. Но Буалѣ жилъ раньше Лессинга, между тѣмъ какъ Гораций, пользуясь *Поэтикою* Неоптолема, находился, хоть косвеннымъ образомъ, подъ влияніемъ Аристотеля. Итакъ, если оставить въ сторонѣ случайныхъ разсужденій Платона о значеніи отдельныхъ родовъ поэзіи³⁾, то сочиненіе Аристотеля, посвященное исключительно этой области науки, должно въ ней считаться древнѣйшимъ и, вѣдѣтъ съ тѣмъ, важнѣйшимъ памятникомъ своего рода. Нѣсколько слѣдующихъ замѣчаній объ этомъ капитальномъ произведеніи представится, быть можетъ, не безъ интересными.

1) *Когда была написана Поэтика Аристотеля?* — На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что если и нельзя определить съ точностью годъ появленія, то все-таки можно указать предѣлы времени, между которыми она была, по всему вѣроятію, написана. Во всякомъ случаѣ это было не многимъ раньше или скоро послѣ перевода его отъ двора македонскаго въ Аеины, ол. 111, 2 (= 335 до Р. Хр.).

Такъ какъ въ этомъ отношеніи у насъ нѣть достовѣрныхъ извѣстій, то намъ самимъ приходится определить мѣсто, которое занимаетъ Поэтика въ ряду прочихъ сочиненій Аристотеля. На первый взглѣдъ, эта задача облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что у него мы на-

¹⁾ *Meineke, Fragmenta comicorum graecorum*, I, стр. 531—566; II, стр. 1234 въ сд.

²⁾ *Trendelenburg, Grammaticorum graecorum de arte tragica indiciorum reliquiae* (1867).

³⁾ Кто желаетъ убѣдиться, какъ многими обязанъ Аристотель Платону и въ этомъ отношеніи, тотъ можетъ узнать это изъ диссертaciи: *Chr. Belger, De Aristotele etiam in arte poetica componenda Platonis discipulo* (1872).

ходимъ множество ссылокъ на свои собственныя сочиненія. Аристотель, не связывая себя, въ дошедшыхъ до насъ сочиненіяхъ, диалогической формою, легко мрѣгъ замѣнить не ясные намеки Платоновскихъ диалоговъ пряммыми указаніями на свои сочиненія, которыхъ или намѣревался издать въ будущемъ, или уже издалъ ранніе. Къ счастію мы находимъ нѣсколько подобныхъ указаний и относительно Поэтики. Прежде всего слѣдуетъ только замѣтить объ одномъ изъ подобныхъ мѣстъ, *Пері ἐρμηνείας*, гл. 4, что оно не можетъ служить основаніемъ для правильнаго вывода. Если здѣсь Аристотель замѣчаетъ, что это логическое изслѣдованіе занимается только предложеніями, заключающими въ себѣ сужденіе, и что прочія предложения, выражавшія желаніе и т. п., относятся къ риторикѣ или поэтике (*ρυτορικῆς τὰρ η̄ ποιητικῆς οἰκαιοτέρα η̄ σχέψις*), то, впервыхъ, нѣть необходимости видѣть въ этомъ указаніе на будущее сочиненіе, и, вовторыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что все это сочиненіе *Пері ἐρμηνείας* считалось подложнымъ уже въ древности, именно, великимъ знатокомъ Аристотеля, Андроникомъ, а въ новѣйшее время Гумпощемъ и Валентиномъ Розе. Гораздо опредѣленнѣе кажется то объщеніе, которое мы находимъ въ *Политикѣ*, VIII, 7, стр. 1341, въ 38: *τι δὲ λέγομεν τὴν καθαρσιν, νῦν μὲν ἀπλῶς, πάλιν δὲ τὸις περὶ ποιητικῆς ἐρεῖμεν σεφάστερον*. Только, къ сожалѣнію, обѣщанное изслѣдованіе о катарсисѣ мы не находимъ въ Поэтике, такъ что И. Бернардъ и другіе, желавши выяснить значеніе темнаго слова *καθαρος*, не только не могли почерпнуть изъ Поэтики объясненія для приведенного мѣста изъ Политики, но, напротивъ, были принуждены воспользоваться намѣками послѣдней для объясненія неожиданно являющихся словъ Поэтики, гл. 6: *δι' ἐλέοο καὶ φόβου περιένοσα τὴν τῶν τοιούτου καθημάτου καθαροιν*. Итакъ, являются возможными слѣдующія два предположенія: или обѣщанное изслѣдованіе находилось нѣкогда дѣйствительно въ Поэтике, но не сохранилось только въ дошедшемъ до насъ текстѣ; или же нашу цитату слѣдуетъ понимать иначе, именно, какъ указаніе на одинъ изъ отдѣловъ Политики, въ которомъ Аристотель намѣревался говорить о поэзіи, точно также, какъ онъ это дѣлаетъ въ указанномъ отдельѣ относительно музыки, какъ одного изъ средствъ воспитанія¹⁾). И дѣйствительно, всю восьмую книгу можно озаглавить *Τὰ περὶ μουσικῆς*; отчего же не предполо-

¹⁾ Послѣдняго мнѣнія придерживается Гейтцъ. *Heitz, Die verlorenen Schriften des Aristoteles*, стр. 101.

жить, что подъ словами та пері поїтіхъс Аристотель понималъ одинъ изъ отдыловъ того же сочиненія? Вѣдь и Платонъ, въ своемъ „Государствѣ“, занимается между прочими и поэзіею, и музыкой; очень возможно, что Аристотель послѣдовалъ его примеру. — Однако, не стѣбѣтъ придумывать напрасно новыхъ затрудненій. Придерживаясь втораго изъ вышеуказанныхъ предположеній, мы должны были бы допустить, что Аристотель, подвергши данный предметъ основательному изслѣдованію въ своей Поэтицѣ, разработалъ его въ Политикѣ еще разъ, съ педагогической точки зрења, что должно было бы занять никакъ ни меныше цѣлой книги въ этомъ сочиненіи. Такимъ образомъ, во избѣженіе предположенія, что въ Поэтицѣ утратилась незначительная часть текста, быть можетъ, не больще одной главы, мы должны были бы допустить, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ Политики недостаетъ несравненно болѣе обширной части, такъ какъ объщанія Аристотелемъ изслѣдованія мы въ тутъ тоже не находимъ. Текстъ Политики подвергался уже и безъ того сильнымъ испытаніямъ со стороны критиковъ; поэтому, не станемъ наводить на него еще новое подозрѣніе. Согласимся лучше, что въ рассматриваемой цитатѣ дѣйствительно говорится о нашей Поэтицѣ; тогда мы должны будемъ признать, что послѣдняя появилась вскорѣ послѣ Политики, быть можетъ, въ видѣ дальнѣйшей разработки высказанныхъ въ ней взглядовъ.

Съ этимъ находится, повидимому, въ согласіи то обстоятельство, что въ Риторикѣ мы находимъ рядъ цитатъ, заставляющихъ полагать, что Политика и Поэтика появились уже раньше. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе производятъ слова Риторики, I, 8, стр. 1366 а 21: διηρίθμαται γὰρ ἐν τοῖς πολιτικοῖς περὶ τούτων. Подобныя формы прошедшаго совершенного времени: εἱργται, τεθεωρυται, διώρισται ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς, мы встречаемъ въ тѣхъ шести мѣстахъ, въ которыхъ Аристотель ссылается на Поэтику, именно: Rhet. I, 11 и III, 18, а также III, 1 и III, 2 (гдѣ мы находимъ три ссылки вмѣстѣ). Правда, что первымъ двумъ цитатамъ нѣть соответствующихъ мѣсть въ нашемъ текстѣ Поэтики, такъ что и здѣсь опять слѣдуетъ предполагать пропуски; но за то цитаты III, 1 и III 2 оправдываются и познѣ текстомъ Поэтики, гл. 21—22.

Такимъ образомъ, мы находимъ, что указанные сочиненія Аристотеля слѣдовали одно за другимъ въ слѣдующемъ порядке: Политика, Поэтика, Риторика. Если бы мы были въ состояніи опредѣлить, когда написана Риторика, то получили бы, повидимому, жела-

ный термин ad quem для времени появления Поэтики. Къ счастію, относительно появления Риторики до насъ дошелъ образчикъ послѣдованія изъ эпохи древне-классической филологии, именно *Epistola I ad Ammonium Dionisium Gallicanisskago*. Дионисий, прославившій свое имя не только какъ историкъ, но и какъ риторъ, старается въ этомъ посланіи опровергнуть мнѣніе одного перипатетика, что Демосѳенъ обманъ своимъ краснорѣчіемъ превыщественно Риторикѣ Аристотеля. Съ этого цѣлію онъ описываетъ сперва жизнь Демосѳена, потомъ жизнь Аристотеля, и древнимъ биографіемъ его, и затѣмъ, опираясь, съ одной стороны, на историческихъ данныхъ, упоминаемыхъ Аристотелемъ въ его Риторикѣ, а съ другой, указывая на время, когда Демосѳенъ держалъ свои рѣчи, онъ доказываетъ, что не только первыи, но даже и самыи послѣдніи изъ нихъ были уже произнесены имъ прежде, чѣмъ была написана или появилась въ свѣтѣ Риторика уроженца Стагирѣ. Относительно послѣдніхъ рѣчей Демосѳена придется, пожалуй, допустить, что Дионисій увлекся своею паремікою, и что въ упоминаемой Аристотелемъ *Δημοсθέους δικῆ* (Rhet. II, 23, стр. 1397, в 7) нельзя усматривать указаніе на рѣчь *De corona*, такъ какъ мы имѣемъ основаніе сильно сомнѣваться въ этомъ¹⁾). Тогда придется отнести появление Риторики раньше ол. 112, 3 (==330 г.), то-есть, раньше того года, въ которомъ Демосѳенъ занимался въ своей знаменитой рѣчи. Если тѣмъ не менѣе Штевгель, въ своемъ послѣдованіи, на стр. 496, относить появление Риторики къ 330 году, то на это онъ не имѣть достаточнаго основанія. Съ другой стороны, два другія мѣста Риторики, II, 28, стр. 1397, в 31 и II, 24, стр. 1401, в 33, на которыхъ ссылается Дионисій на стр. 739—746, убѣждаютъ насъ дѣйствительно, что тогда уже было рѣшено господство Филиппа надъ Элладою, вслѣдствіе сраженія при Херонѣ. Отсюда мы заключаемъ, что Риторика могла появиться не раньше 336 года. Но въ Политикѣ, V, 7, стр. 1311, в 1, упоминается даже объ умерщвленіи Филиппа (336 г.), следовательно, зналъ что означенное сочиненіе предшествовало Риторикѣ, мы заключаемъ, что эта послѣднія появилась послѣ 336 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получаемъ *terminus a quo* для Поэтики, такъ какъ и она появилась тоже послѣ Политики. Такимъ образомъ оказ-

¹⁾ См. L. Spengel, Ueber die Rhetorik des Aristoteles (въ *Abhandlungen der Münchner Akademie*, т. VI, стр. 498 сл.) и это же изданіе Риторики, т. II, стр. 296. Уже Викторій (*Victorius*), въ пріимѣчаніи къ Риторикѣ Аристотеля, стр. 475, противорѣчить въ этомъ отношеніи толкованію Дионисія.

вается, что *Поэтика* была написана немногим спустя послѣ 336 года, приблизительно въ первомъ или второмъ году учительской дѣятельности Аристотеля въ Афинахъ (335—322).

Противъ этого вывода нельзя ссылаться на общеизвѣстіе поэтическое трактатъ, гл. 19: τὰ περὶ τοῦ διάνυσμα ἐν τοῖς περὶ φητοράγης καίσθιο, ибо новелльная форма καίσθιο можетъ служить указаниемъ на будущее изслѣдованіе (такое пониманіе даже правильнѣе въ грамматическомъ отнешеніи). Но, несмотря на все это, Валентинъ Розе, De Aristotelis librogum ordine et auctoritate, стр. 118—134¹⁾, тѣмъ ожь говорить объ этой группѣ сочиненій, возводя къ другой порядокъ. Придерживаясь убѣжденія, что Аристотель руководился, при разработкѣ своихъ сочиненій, внутреннею связью и зависимостью излагаемыхъ имъ областей науки, Розе опредѣляетъ, въ своемъ Пісѣтѣ «Аристоса́лонъ соу́тториа́стъ» (стр. 24), слѣдующій порядокъ сочиненій Аристотеля: сперва Логика; потомъ Риторика; потомъ Этика, Политика и Поэтика; за нихъ Метафизика, и, наконецъ, Физика, Психология, Естественная Исторія и Физіология. Розе не отвергаетъ вполнѣ (стр. 118) значенія вышеуказанныхъ цѣтать, однако онъ отрицаѣтъ доказательную силу формъ прошедшаго совершенного времени, какъ εἰρῆται и т. д., утверждая, что этими формами Аристотель хотѣлъ только выразить, что извѣстныя изслѣдованія относятся къ той или другой области науки, — что онъ уже заключаются въ нихъ, если не *acti*, то, по крайней мѣрѣ, *potentia*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, εἰρῆται можетъ означать то же самое, чѣмъ и εἰρηνεῖται. Такъ какъ въ Риторикѣ встрѣчаются, относительно Политики и Поэтики, только эти формы прошедшаго совершенного, то, утверждаетъ Розе, вычѣто не мѣшаетъ согласиться съ его выводомъ, что тѣмъ не менѣе Риторика появилась раньше, такъ какъ «риторическая» изслѣдованія должны, по своему внутреннему содержанію, предшествовать политическимъ и поэтическимъ.

Но если согласиться даже и съ этимъ не вполнѣ убѣдительными доводами, то результатъ относительно времени появленія Поэтики останется, въ сущности, тотъ же. Ибо даже самъ Розе, придерживающійся, относительно подлинности и полноты всѣхъ интересующихъ

¹⁾ Ср. *εἰο же Aristoteles pseudepigraphos*, на первыхъ страницахъ, где при перечѣкѣ сочиненій отмѣчены олигіопіады, таikъ что тутъ читатель находить краткое сопоставленіе результатовъ его прежнаго изслѣдованія, которое, впрочемъ, читается съ трудомъ.

нась здѣсь сочиненій, самаго оптимистического взгляда, не отрицасть значенія указанного въ Политикѣ выраженія єройма. Но такъ какъ, по его мнѣнію, Политика появилась ол. 111, 2 (=335 г.), то опять-таки Поэтика должна была бы появиться приблизительно въ 335 или 334 году, причемъ пришлось бы только допустить, что слова євъ тойс пері футорихъ хгіс въ относятся къ Риторикѣ, изданной приблизительно двумя годами раньше, ибо появление послѣдней Розе опредѣляетъ тоже не прежде, какъ срокомъ, наступившимъ вскорѣ за смертью Искократа (338 г.).

2) Уже эти вѣшнія обстоятельства говорятъ въ пользу разматриваемаго сочиненія. Такъ какъ Аристотель родился въ 384 году, то отсюда вытекаетъ, что Поэтика была имъ написана въ зрѣломъ возрастѣ,—на пятидесятому году его жизни. Но еще болѣе мы должны будемъ дорожить этими сочиненіемъ, если бросимъ хотя краткій взглядъ на предварительныя работы, которыми предшествовали ему.

Въ концѣ 15-й главы, гдѣ Аристотель долженъ былъ бы перейти къ разсмотрѣнію вѣшнихъ сторонъ назначенныхъ для сцены произведеній: къ наружной обстановкѣ (бфс) и музыкальной композиції (мелодії), онъ ссылается на „*уаже изданныя изслѣдованія*“, въ которыхъ „говорилось съ достаточнou обстоятельностю“ о всѣхъ предметахъ, связанныхъ съ поэзіею только случайно¹⁾). Такъ какъ подъ этими єхдебоременою лбгто нельзя понимать одно изъ прежнихъ мѣстъ того же сочиненія, какъ это дѣлаетъ Розе (—*in superioribus*), и такъ какъ въ дошедшыхъ до насъ прежнихъ сочиненіяхъ,—напри-мѣръ, Политикѣ, Этикаѣ или въ Логическихъ изслѣдованіяхъ,—мы тоже не встрѣчаемъ мѣста, къ которому можно было бы отнести эту ссылку, то приходится согласиться съ И. Бернайсомъ, что тутъ слѣ-дуетъ видѣть указаніе на какое-нибудь другое, не дошедшее до насъ, сочиненіе²⁾). Въ каталогахъ произведеній Аристотеля³⁾ мы находимъ

¹⁾ Гл. 15, стр. 1454 въ 15: ταῦτα δὴ (δεῖ) διατηρεῖν, καὶ πρὸς τούτοις τὰς περὶ τὰς ἐξ ἀνάτκῆς ἀκόλουθοις αἰσθήσεις τῇ ποσπτικῇ· καὶ γὰρ κατ' αὐτὰς ἔστιν ἀμφα-τάναι πολλάκις. Εἰρηται δὲ περὶ αὐτῶν ὡς τοῖς ἐχδεδομένοις λόγοις ἵκανως.

²⁾ J. Burtnays, Die Dialoge des Aristoteles, стр. 5 сл. Но Бернайсъ указы-ваетъ для сравненія только на четыре заглавія, чтъ едва ли достаточно.

³⁾ Эти каталоги собраны и сопоставлены тщательно Валентиномъ Розе въ 5-мъ томѣ сочиненій Аристотеля, въ изданіи Берлинской академіи. Тутъ мы находимъ, кроме комментарія Сиріана (Σιριανός) къ Метафизикѣ (ed. Usener) и Боница Index Aristotelicus, еще и фрагменты Аристогелла, которые собрали

множество заглавій, въ которыхъ можно было бы подозрѣвать эти *éхдебормѣно*: лόгіо. Вотъ тѣ, которые указываются на изслѣдованія о поэзіи и о сродныхъ или связанныхъ съ нею предметахъ: у Диогена Лазарція,

- (№ 2.) Περὶ ποιητῶν α' β' γ',
- (88.) Πραγματίας τέχνης ποιητικῆς α' β',
- (116.) Περὶ μουσικῆς·
- (118.) Ἀπορημάτων Ὁμηρικῶν ε',
- (119.) Ποιητικόν α',
- (132.) Περὶ μουσικῆς,
- (135.) Νῦκαι Διονυσιακέ α',
- (136.) Περὶ τραγῳδῶν α',
- (137.) Διδασκαλία α',

Сюда же изъ каталога Искія слѣдуетъ прибавить:

- (115.) Κύκλον περὶ ποιητῶν γ',

и изъ Appendix Hesychiana:

- (142.) Τί δή ποτε Ὁμηρος ἐποίησε τὰς Ἡλίου βοῦς;
- (143.) Ἀπορήματα Ησιόδου,
- (144.) Ἀπορήματα Ἀρχιλόχου, Εὐριπίδου, Χοιρίου γ',
- (145.) Ἀπορημάτων ποιητικῶν α',
- (146.) Αἰτίας ποιητικάς,
- (147.) Προβλημάτων Ὁμηρικῶν α'.

Птолемей ничего особенного не упоминаетъ:

- (6.) De poetis III (= Περὶ ποιητῶν γ'),
- (19.) De arte poetica sec. disciplinam Pythagorae (!) (= Πραγματίας τέχνης ποιητικῆς),
- (91.) De epistolis e reconditis poematum Umiris, X sectionibus (= Ἀπορήματα Ὁμηρικά).

Прежде всего можно будетъ устраниить всѣ *ἀπορήμата* и *προβλήμата*, такъ какъ подобныя собранія интересныхъ вопросовъ врядъ ли были „изданы“ (*éхдебормѣна*). Но, видѣтъ съ тѣмъ, устраивается и заглавіе *Ποιητικέν* α' (Diog. n. 119), ибо предыдущее: *Ἀπορημάτων Ὁμηρικῶν*, и Искія № 145, *Ἀπορημάτων ποιητικῶν* α', доказываютъ, что слѣдуетъ читать: *Ποιητικῶν*, (sc. *ἀπορημάτων*) α' ¹⁾. За-

Розе. На стр. 1469 помѣщенъ каталогъ Птолемея, сохранившійся только на арабскомъ языке, въ новомъ переводе М. Штейншнейдера.

¹⁾ Того же мнѣнія придерживается Розе. Видѣтъ съ тѣмъ лишается основанія догадка Шпенгеля, что подъ этими *Ποιητικά* слѣдуетъ понимать нашу Пoэтику.

тѣмъ, Пратигматеіа тѣхнѣс ποιѣтичесъсъ означаетъ, по всему вѣроятію, нашу Поэтику. Кроме того слѣдуетъ устранить замѣтки объ исторіи сцены, какими оказываются Νіка: Διουσіахаі и Δідаскаліаі, особенно, если обратить вниманіе, что онѣ стоятъ рядомъ съ заглавіями: 'Олеоптичесъ, Пифонічесъ, Пифонічесъ ἀλεγхоі и т. д.¹⁾. Это обстоятельство проливаетъ свѣтъ и на заглавіе: Πεрі τραγῳδію. Такъ какъ это послѣднее находится въ томъ же ряду, то представляется вѣроятіе, что и оно имѣло больше историческое, чѣмъ теоретическое содержаніе. Подобнымъ образомъ, изъ мѣста, запоминаемаго въ ряду другихъ сочиненій, мы можемъ заключить и о содержавшемся дважды упоминаемаго сочиненія Πεрі μουсіхъсъ. Первый разъ ему предшествуютъ 'Астрапоміхонъ, 'Оптіхонъ и Πεрі κινѣзесъсъ, такъ что тутъ рѣчь шла, вѣроятно, объ акустикѣ, чтѣ позднѣйшіе писатели о гармоніи называютъ: φυсіхонъ μέросъ. Второй разъ это заглавіе встречается между Пифонічесъ и Νіка: Διουсіахаі, такъ что и тутъ болѣе вѣроятно предположеніе исторического содержанія, чѣмъ миѣніе, что въ этомъ сочиненіи говорилось о музыкальной композиції, откуда бы слѣдовало допустить, что подъ ἐκдебореіосъ λόγоі понималось именно это сочиненіе.

Остается только предположить, что въ приведенной нами цитатѣ Аристотель хотѣлъ указать на три книги „О поэтахъ“ (Πεрі τοιῃчѣу γ'). Эта догадка подтверждается хотя отчасти отрывками, дошедшиими до насъ изъ этого сочиненія. Что въ немъ встрѣчались и теоретические изслѣдованія, это подтверждается тѣмъ, что Аристотель говорилъ, какъ видно изъ пѣкоторыхъ отрывковъ, о различіи дидактической поэзіи Эпідокла и Гомера (ср. fr. 59 и 60, Rose) и о различіи философской формы діалога отъ чисто поэтической (ср. fr. 61 и 62 съ Poet. гл. 1, стр. 1447 b. 10). Кроме того, упрекъ, дѣлаемый относительно неправильной обуви Этолійцевъ въ драмѣ Эвріпіда,

¹⁾ Лессингъ (въ своей Dramaturgie, въ послѣднемъ номерѣ, изд.: Лахманна, т. VII, стр. 417) с眉ется надъ Казаубономъ, что тотъ понималъ подъ «Дидаскаліями» только хронологический перечень драмъ, поставленныхъ на Афинской сценѣ. Извѣстно, что Лессингъ хотѣлъ прежде назвать свою Драматургию «Гамбургскими Дидаскаліями». Но если подумаемъ, какъ рѣдко встрѣчается эстетическая оценка въ древнихъ дидаскаліяхъ, то придется хотя отчасти согласиться съ Казаубономъ, что Аристотель, если и не представлялъ въ своихъ Дидаскаліяхъ общей хронологіи, то все-таки давалъ въ нихъ, по всему вѣроятію, нечто въ родѣ исторіи сцены. «Оцѣнку поэтическихъ достоинствъ драмъ» онъ отложилъ для другихъ сочиненій.

(fr. 64) доказываетъ, что въ этомъ сочиненіи „говорилось съ достаточнoю обстоятельностью“ о костюмѣ и т. п., словомъ, о тѣхъ аi-*σθέσiс*, *καθ' ας* ёстi *ἀμάρτανειν πολλάχις*.

Сочиненіе „О поэтахъ“ было написано въ видѣ діалога. Это явствуетъ не изъ Плутарха, *De nobilitate*, гл. 7, гдѣ изъ слова *ἀκε-
δημόνον* нельзя съ достовѣрностю заключить о діалогической фор-
мѣ, но изъ того мѣста, которое занимаетъ означенное заглавіе въ
каталогѣ Диогена между другими діалогами, а также и изъ *Vita Aristotelis Marciana* (рукопись 257, листъ 276 а), гдѣ оно прямо
называется *διάλογος*. Эти діалоги, не разъ цитируемые Аристотелемъ
какъ *ἐν κοινῷ γεγονόντοι λόγοι* или *ἐξωτερικοὶ λόγοι*, славились въ древ-
ности своимъ гладкимъ, утонченнымъ и блестящимъ слогомъ,— то-
есть, именно тѣмъ, чего мы больше не находимъ въ прочихъ сочи-
неніяхъ Аристотеля,— и отличались отъ діалоговъ Платона тѣмъ, что
въ нихъ самъ авторъ участвовалъ въ разговорѣ (*πας Aristotelicus*,
который былъ уевоенъ Цицерономъ¹). Такимъ образомъ, мы убѣж-
даемся, что Аристотель, еще до своего возвращенія въ Аѳени, былъ
уже известенъ тогдашней публикѣ отлично обработаннымъ, обшир-
нымъ сочиненіемъ, рассматривавшимъ въ трехъ книгахъ предметы,
относящіеся къ поэтикѣ. Такъ какъ знакомство съ поэтами пред-
ставляетъ самое подходящее занятіе для юношества, то нельзя не
повѣрить тому, что говорится въ *Vita Marciana*, въ указанномъ мѣстѣ:
„Пока онъ еще былъ молодъ, онъ знакомился съ предметами необходимыми
для высшаго образования, о чёмъ свидѣтельствуютъ его „Го-
меровскіе вопросы“, издание Иліады, подаренное имъ Александру, и
діалогъ о поэтахъ“. Но если мы согласимся, такимъ образомъ, что
въ болѣе ранній періодъ его жизни появилось одно *ἀκεδѣμόνος*, то
тѣмъ легче будетъ отнести къ тому же періоду и тотъ рядъ
каталоговъ, гомеровскихъ вопросовъ и проч., которые, быть можетъ,
и не были даже назначены для появленія въ свѣтѣ. Ибо эти пред-
варительныя собранія материала должны были, по необходимости,

¹) Розе не только отрицаѣтъ подлинность большой части сочиненій, состав-
ляющихъ въ настоящее время сокращеніе *Aristotelicum*, но и сомнѣвается даже въ
томъ, чтобы были потеряны какiя-либо подлинныя сочиненія Аристотеля (за
исключенiемъ только «подлинныхъ» Проблѣмата). Особенно онъ отвергаетъ діалоги.
Но Бергайльсъ, въ указанномъ мѣстѣ, и Гейтцъ (Heitz), *Die verlorenen Schriften
des Aristoteles* (1865), доказали, по моему мнѣнію, убѣдительно, правильность
противоположнаго мнѣнія, которое, кажется, становится все болѣе и болѣе
общепринятнымъ.

предшествовать появлению его обширных сочинений: кроме того отъ „начитанного“ Аристотеля, какимъ онъ является уже у Платона, мы въ правѣ ожидать, что его выписки и замѣчанія уже были имъ начаты въ молодости. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ онѣ, судя по заглавиямъ и отрывкамъ, преслѣдовали двойкаго рода цѣль, одну — историческую и хронологическую, другую — касающуюся содержания, болѣе теоретическую.

Къ первому разряду придется отнести второе сочиненіе *Перὶ μοναрχῶς*, *Νίκαι Διονυσίακαι*, *Перὶ τραγῳδῶν καὶ Διδασκαλίας*¹), и, пожалуй, *Κόκλος περὶ ποιητῶν γ'*, упоминаемый Исхіемъ. Но можетъ быть, что это одно и то же сочиненіе съ вышеупомянутымъ *Перὶ ποιητῶν*, хотя и Исхій упоминаетъ означеннее заглавие отдельно.

Къ другому разряду слѣдуетъ отнести вопросы, касающіеся Гомера, напримѣръ, „почему Гомеръ вставилъ эпизодъ о стадѣ Геліоса“? и другіе тому подобные. Въ нихъ слѣдуетъ усматривать зачатки художественной критики. Изъ послѣднихъ главъ *Поэтики* (гл. 25 — 26), начинавшихся словами: *περὶ δὲ προβλημάτων καὶ λογισμῶν, ἐκ πόσου τε καὶ ποίου εἰδῶν ἀστίν,* ѿдъ *Ιεφροῦσα γένος* *ἄν φανερόν*, мы можемъ сдѣлать извѣстное заключеніе о предварительныхъ изслѣдованіяхъ Аристотеля, при чёмъ убѣждаемся, что онъ старался собирать по возможности больше данныхъ, чтобы приступить къ решенію всякаго затрудненія съ правильной точки зрѣнія, вмѣсто того, чтобы судить о всѣмъ на основаніи какого-нибудь принципа, не пр ovренного фактами²). Естественно, что эти изслѣдованія были посвящены преимущественно Гомеру, къ которому онъ питалъ безпрѣдельное уваженіе. Упоминается также и Архилохъ, Гезіодъ, Эвріпидъ и Херилъ; но если и не представляется невѣроятнымъ, что Аристотель занимался ими особенно тщательно (по крайней мѣрѣ, тремя первыми изъ нихъ), то мы все-таки не имѣемъ никакихъ средствъ разыскать это обстоятельство.

Зато извѣстіе, которое даетъ *Vita Marciana* объ єхдосіс *Ιλιάδος*, находится въ полномъ согласіи не только съ тѣми гомеровскими изслѣдованіями, о которыхъ мы только что говорили, но и съ педагогическими взглядами Аристотеля, которые онъ высказываетъ въ

¹) Софистъ Гиппій впервые напалъ на мысль, что слѣдовало собирать замѣтки на самихъ мѣстахъ, где давались древнія зрыніца, чтобы получить, такимъ образомъ, достовѣрныя хронологическія данные.

²) Огнительно слѣдовъ «гомеровского вопроса» въ *Поэтике* см. Heitz въ указанномъ сочиненіи, стр. 266.

своей Политикѣ, и которыми онъ воспользовался, безъ сомнѣнія, уже раньше, при воспитаніи Александра, восторженного почитателя Гомера. Во всякомъ случаѣ, Аристотель не могъ считать чтеніе Гомера вреднымъ для юношества, какъ это дѣлаетъ Платонъ. Описанное изданіе было, по всемуѣроятію, ничто иное, какъ только простой, привезенный изъ Аѳинъ списокъ съ аѳинскаго текста, хотя онъ, пожалуй, и былъ лучше другихъ списковъ, находившихся въ употребленіи въ Македоніи. Во всякомъ случаѣ оно не было предназначено *in usum Delphini*; также точно нельзя ссылаться на это изданіе съ тѣмъ, чтобы умалять заслуги Зенодота.

Наконецъ, Діогенъ приводить еще сочиненіе: „О прекрасномъ“ (п. 69), „О слогѣ“ (п. 87), „О страстихъ“ (п. 61), „О страстихъ гнѣва“ (п. 37)¹⁾. Подлинность ихъ очень сомнителна. Но можно представить себѣ, что ученый, усматривавшій цѣль поэзіи въ возбужденіи извѣстныхъ страстей, думалъ нѣсколько лѣтъ раньше о подобныхъ предметахъ, прежде чѣмъ изложилъ, наконецъ, въ своей Поэтике результаты своихъ размышлений. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что уже въ молодости онъ выступалъ учителемъ риторики.

Однимъ словомъ, мы выносимъ впечатлѣніе, что историческій указанный Аристотеля основанъ на тщательныхъ изслѣдованіяхъ, что, при решеніи своихъ вопросовъ, онъ не довольствовался общими соображеніями, и что тамъ, где онъ говорить о вліяніи различныхъ родовъ поэзіи на душу, мы имѣемъ дѣло съ мнѣніемъ знатока человѣческихъ страстей. Относительно же достоинства чисто философской стороны содержанія, одно имя Аристотеля, уже само по себѣ, служить вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ.

3) Высокое мнѣніе, внушаемое намъ Поэтикою Аристотеля, увеличилось бы еще больше, если можно было бы съ достовѣрностью утверждать, что она была издана самимъ Аристотелемъ. Мы уже говорили выше, что изданные имъ въ первое время діалоги отличались превосходнымъ слогомъ. Повидимому, Аристотель подвергалъ необыкновенно тщательной обработкѣ тѣ изъ своихъ сочиненій, которые были имъ назначены для публики. Спрашивается: можно ли то же самое ожидать и отъ Поэтики, и можетъ ли это соображеніе послужить критическимъ мѣриломъ? Спрашивается, однимъ словомъ: *была ли Поэтика єхдѣборѣону, или нѣтъ?*

¹⁾ Какое-то сочиненіе подъ заглавіемъ *Картикоі* упоминается у Эродіана, Expr. voc. Hippocr. a. v. Ήραλ. νόσου.

На этот вопрос трудно отвѣтить утвердительно. Ибо, не говоря уже о нѣкоторой—можетъ быть только кажущейся—запутанности и несистематичности отдельныхъ частей Пoэтики, мы должны признаться, что въ стилистическомъ отношеніи она никакъ не оправдываетъ ожиданий, которыхъ мы были бы въ правѣ возлагать на сочиненіе, подвергнутое Аристотелемъ окончательной обработкѣ. Различный *breviloquentiae*, частое отсутствіе подлежащаго, гдѣ оно должно было бы стоять въ винительномъ падежѣ, опущеніе вторыхъ предложенийъ, необыкновенные *infinitivi absoluti*, частое выпаденіе союза между предложениями, скобки и малые экскурсы, словомъ, большая небрежность относительно формы, иногда даже положительно затмняющая смыслъ,—все это поражаетъ даже самаго невзыскательнаго критика; хотя, съ другой стороны, и можно согласиться съ Шпенгелемъ, что нѣть основанія ставить, въ этомъ отношеніи, Пoэтику ниже всѣхъ, дошедшихъ до насъ, сочиненій Аристотеля¹⁾. Итакъ, если мы не желаемъ допустить, что Аристотель сталъ, со временемъ, небрежнѣе, что онъ, упрочивъ уже въ молодости свою славу въ стилистическомъ отношеніи, посыпалъ, подъ конецъ своей жизни, сохранить потомству, хотя бы въ менѣе обработанномъ видѣ, необразимый матеріалъ, накопившійся подъ его руками изъ всѣхъ областей науки, то придется придумать какое-нибудь другое объясненіе этого явленія. Но таъ кашь здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ гипотезами, то я ограничусь только указаниемъ на различные рѣшенія вопроса, представляющіяся возможными.

Если рассматриваемое сочиненіе не было издано самимъ Аристотелемъ, то представляется на выборъ слѣдующее: или оно вовсе не было написано Аристотелемъ, или же онъ дѣйствительно написалъ его самъ, но не для публики. Въ послѣднемъ случаѣ оно, опять-таки, могло имѣть двоякое назначение. Впервыхъ, оно могло быть написано для болѣе тѣснаго круга учениковъ въ видѣ руководства, при чемъ Аристотель, конечно, могъ довольствоваться намеками и т. п. Въ такомъ случаѣ мы бы имѣли предъ собою то, чѣмъ понималось подъ названіемъ єѡтерихої лóгикої, въ противоположность цитируемыхъ имъ єѡтерихої лóгикої. Это, дѣйствительно, мыслимо, лишь бы только не связывать съ

¹⁾ Spengel, Ueber Aristoteles' Poetik (*Abhandl. der bayr. Akad. der Wissenschaft.*, т. II, отдѣль 1. 1837), гдѣ онъ возвращается противъ словъ Г. Германна (G. Hermann, стр. IV его издания Пoэтики): *dictio... brevior, concisior, durior, aperior est quam in reliquis scriptis.*

еъштеріхі лóгос понятія о какомъ-нибудь таинственномъ учени. Геллій въ своихъ *Noctes atticae*, XX, 5, разказываетъ, что Аристотель уже рано началъ излагать въ видѣ ахростиха отдельные области философіи въ болѣе тѣсномъ кругу слушателей, и что Александръ, какъ видно изъ помѣщенныхъ тамъ же писемъ (ср. *Plutarch. Alex.* гл. 7), упрекалъ его, зачѣмъ онъ далъ проникнуть въ публику своимъ акроаматическимъ сочиненіямъ. Такъ какъ Аристотель читалъ расказывалъ, то понятно, что своимъ ученикамъ, которые въ это время не могли за нимъ записывать, онъ давалъ въ руки иѣчто въ родѣ конспекта или руководства, которое они должны были переписывать для себя, чтобы легче слѣдить за его чтеніемъ и лучше запоминать иѣкоторыя данныя¹⁾. Рассматриваемое сочиненіе называлось *трактатъ тéхнїкѣς*; не есть ли *трактатъ* техническое название такого руководства? Вторая возможность отстоять авторство Аристотеля состоитъ въ томъ, чтобы видѣть въ этомъ сочиненіи только *это-мѹжата*, то-есть, или замѣтки для своего собственного употребленія, которыми онъ руководился при своихъ чтеніяхъ, или же просто эскизъ, который онъ намѣревался разработать впослѣдствіи. Послѣдниго миѣнія придерживались прежніе толкователи Аристотеля, между ними и Г. Германъ²⁾. Но доказательства, приводимыя въ пользу этого миѣнія, могутъ служить одинаковымъ образомъ и въ подтвержденіе того предположенія, что мы видѣмъ дѣло съ замѣтками, которыми Аристотель руководился при своихъ чтеніяхъ. Въ подтвержденіе этого указываются на незаконченный видъ сочиненія, на слогъ, преимущественно же на непонятныя для читателя замѣтки, напоминающія вкравшіяся въ текстъ надписи на поляхъ рукописи, какъ напримѣръ, гл. 25, 6: *ταράδεψμα δὲ τοιoto ἐκ τῶν Νίπτρων*, гл. 26, 23: *ἡ ὁς Γλαύκῳ λέγει*, гл. 23, въ концѣ (гдѣ прибавляя къ одному числу слово *τλέον*, онъ указываетъ, что это число не точно), и гл. 26, 26—32 (гдѣ одна и та же мысль повторяется непосредственно два раза: во второй разъ въ болѣе обработанной формѣ, чѣмъ въ первый)³⁾. Но спрашивается, какъ объяснить, въ по-

¹⁾ Ибо трудно предположить, чтобы Аристотель диктовалъ предъ каждою лекціею отдельные параграфы, съ тѣмъ, чтобы потомъ распространяться о нихъ обстоятельно.

²⁾ Стр. I: *Sunt enim, qui hunc libellum adumbrationem esse existiment partis eorum, quae Aristoteles postea libris illis de arte poetica copiosius fuerit explicaturus.*

³⁾ Подобныхъ примеровъ можно было бы привести еще значительное количество.

добномъ случаѣ, что переходя въ новой мысли, онъ употребляетъ формы множественаго числа, какъ напримѣръ, λέγωμεν ὥσπερ εἴπομεν, καὶ ταὶ δὲ τὰ и т. п.? Употребление подобныхъ оборотовъ трудно согласить съ предположеніемъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою простыя замѣтки или иѣчто въ родѣ ковенцата. А вѣдь никто же не предположить, что Аристотель употребилъ тутъ *pluralis majestatis*.

Всѣ эти данныя легче можно согласить съ другимъ изъ вышеприведенныхъ предположеній, именно, что не самъ Аристотель написалъ разсматриваемое сочиненіе, а кто-либо изъ его слушателей, придерживавшійся его чтеній. Но и тутъ представляются двѣ возможности. Можно было бы подумать, что кто-либо изъ болѣе внимательныхъ слушателей Аристотеля записывалъ его лекціи у себя дома съ памяти, при чемъ, конечно, мысль Аристотеля явилась уже въ чужой формѣ. Этика Эвдема носить именно такой характеръ. Но въ такомъ случаѣ это сочиненіе было бы хорошо обработано, чему тоже противорѣчать упомянутыя *breviloquentiae*. Гораздо вѣроятнѣе, поэтому, другое предположеніе, а именно, что текстъ Поэтики, точно также какъ Политики и Этики, составленъ по запискамъ слушателей, писаннымъ во время самого чтенія, подобно тому, какъ и у насъ появляются лекціи Нибура, Шлѣйермахера и Гегеля въ позднѣйшей редакціи¹⁾. Съ одной стороны, правда, очевидно, что слушатели могли записывать только съ большимъ трудомъ во время расхаживанія учителя, *περιπατόυσας*. Но зато, съ другой, множество выражений и оборотовъ говорить въ пользу предположенія, что мы здѣсь имѣемъ предъ собою иѣчто въ родѣ стеноографической, хотя и отрывочной, передачи чтеній самого Аристотеля. На это указываетъ общее название *ἀκροاتικά*, и заглавія *Φύσικὴ ἀκρότης* и *Πολιτικὴ ἀκρότης* (въ каталогѣ Диогена № 75), а также обращеніе къ слушателямъ въ *Soph. el.*, гл. 33, стр. 184, б 6: λοιπὸν ἀνείη πάντων ὑμῶν ἡ [def. ?] τῶν ἡχραιμένων ἔργον κ. т. л., наконецъ, и множество діалогическихъ оборотовъ, какъ напримѣръ: περὶ ποιητικῆς λέγωμεν, ἀρέψαμενοι κατὰ φύσιν πρώτου ἀπὸ τῶν πρώτων, и мн. др. Кромѣ того, становится, такимъ образомъ, тоже понятными сокращенія, не связанныя предложенія, послѣднѣе *infinitivi absoluti* и тѣ замѣчанія, на которыхъ указываетъ Германнъ²⁾. Естественно, что ученикъ, записывавшій со словъ учи-

¹⁾ Обстоятельнѣе всѣхъ обосновываетъ эту гипотезу Онненъ. *Oncken, Staatslehre des Aristoteles*, I, 56.

²⁾ Хотя, впрочемъ, и не все. Напримѣръ, поправокъ этимъ путемъ объяснить нельзя. Для этого нужно было бы предположить, что ученикъ вносилъ

тема, не могъ избѣжать неровностей. Смотри по расположению, оно сгѣдилъ то съ большими, то съ меньшими вниманиемъ: иногда оно передавалъ съ точностью даже самый колоритъ и всѣ подробности рѣчи, иной же разъ излагалъ ее въ сокращенномъ видѣ, довольствуясь намеками, понятными только для него самого.

Но и противъ этой гипотезы можно выставить нѣкоторыя возраженія. Въ Поэтике всѣ выраженія являются очень обдуманными, все въ ней передается въ самой сжатой формѣ, текстъ фразѣ *ἀχρόασις* быть уже такъ опредѣленъ въ кругу непосредственныхъ учениковъ Аристотеля¹⁾, всѣ детали его были изложены такъ подробно, и въ другихъ сочиненіяхъ мы находимъ столь опредѣленныя ссылки на Поэтику, что трудно совмѣстить все это съ предположеніемъ, что нашъ текстъ представляетъ только простыя записки ученика. Слѣдовало бы предположить, что они были просмотрѣны и одобрены самимъ Аристотелемъ, чтò повлекло бы за собою новые гипотезы, — не говоря уже о томъ, что, такимъ образомъ, мы были бы принуждены внести въ древній міръ множество данныхъ изъ современной жизни, вовсе не имѣя достаточнаго, серьезнаго для этого основанія.

Можетъ быть, поэтому, должна считаться самой естественною та гипотеза, что Поэтика есть руководство или *compendium*, составленное самимъ Аристотелемъ для своихъ слушателей. Мы имѣемъ извѣстіе, что его чтеніе было отрывисто²⁾, чтò, конечно, не мѣшало, чтобы умные люди находили его „убѣдительнымъ“ (*πιθανός*). Съ другой стороны, не можетъ тоже подлежать сомнѣнію, что при своихъ дарованіяхъ вообще и при своемъ знакомствѣ съ риторикою въ особенности, онъ былъ въ состояніи писать сочиненія, превосходные въ стилистическомъ отношеніи, каковы и были его діалоги. Но въ сочиненіи, назначенномъ для болѣе тѣснаго кружка даровитыхъ слушателей, Аристотель могъ писать небрежнѣе, и желаніе ускорить работу сдѣлало то, что въ его трудахъ выразились недостатки его разговорнаго языка. Этимъ можно объяснить, почему, рядомъ съ при-

въ свою рукопись напечаталъ позднѣйшихъ лекцій, что онъ дѣлалъ свои собственные вставки, или, наконецъ, что дошедшій до насъ текстъ былъ составленъ изъ двухъ экземпляровъ записокъ.

¹⁾ См. Zeller, II, 2, стр. 85.

²⁾ Аспицій Тимоѳей (*Diag. V, 1*) называетъ его *τραιλὸς τὴν φυγήν*. Судя по дошедшемъ до насъ свидѣтельствамъ, этотъ Тимоѳей поставилъ себѣ задачу собрать и передать потомству въ своемъ сочиненіи *Περὶ βίου* всѣ мѣстныя, аеникія преданія о вѣнчности великаго философа.

мѣрами самого блестящаго слога, мы встрѣчаемъ въ этомъ сочиненіи и много темныхъ мѣсть, слишкомъ сжатыхъ или неловкихъ оборотовъ, и нѣкоторую неослѣдовательность и несистематичность въ изложеніи мыслей. Замѣчанія же и поправки, о которыхъ мы говорили выше, могли быть сдѣланы самимъ Аристотелемъ; для этихъ поправокъ онъ могъ, конечно, всякий разъ брать отъ учениковъ свое руководство назадъ. Или же, быть можетъ, кто-нибудь изъ учениковъ, или даже позднѣйшій перипатетикъ, дѣлалъ на своемъ спискѣ примѣчанія, конечно, тоже на основаніи чтеній самого Аристотеля. Такимъ образомъ, безъ труда можно объяснить и древнее преданіе о двоякаго рода сочиненіяхъ Аристотеля, и его ссылки на болѣе известные єстетарікої лѣгы, а также становится понятнымъ странное обстоятельство, почему въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Аристотеля его сочиненія такъ мало были распространены. Наконецъ, этимъ путемъ объясняются и заглавія *Філософії акрополіс*, *Політическії акрополіс*, и множество цитатъ Аристотеля изъ его собственныхъ сочиненій, и даже взаимныя ссылки въ различныхъ этихъ трудахъ. Если, напримѣръ, въ *Аналитикѣ* цитируется *Топика*, то и наоборотъ, въ экземплярѣ *Топики*, хотя она и появилась раньше, могла быть внесена вноскѣдствіемъ ссылка на *Аналитику*, такъ какъ оба эти сочиненія находились потомъ одновременно въ рукахъ тѣснаго кружка учениковъ.

Въ этомъ смыслѣ *Поэтика* все-таки могла бы называться єхвадореон. Если она и лишена въ стилистическомъ отношеніи тѣхъ достоинствъ, которыя должна была имѣть книга, назначенная для обширнаго круга читателей, то мы въ правѣ предполагать, что въ ней сохранилась не искаженная мысль самого Аристотеля, переданная въ сжатой формѣ, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ.

4) Прежде чѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію содержанія *Поэтики*, скажемъ нѣсколько словъ объ ея текстѣ и о главнѣйшихъ ея изданіяхъ и комментаріяхъ.

Долгое время сочиненія Аристотеля, въ особенности тѣ, которые касались дѣятельности человѣка, не были распространены какъ бы надлежало, судя по ихъ достоинству. Какъ *Политика* оставалась неизвѣстною до Цицерона и потомъ опять до XIII столѣтія, такъ же точно и *Поэтика* была, кажется, предана почти полному забвению. Напрасно было бы искать какого-нибудь специального комментарія къ *Поэтике* у Александра Афродизійскаго и у другихъ толкователей, жившихъ

въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Хр.¹⁾). Мы находимъ только незначительные слѣды ея употребленія; она цитируется или упоминается рѣдко, и то не раньше какъ въ III столѣтіи по Р. Хр., впервые въ каталогѣ Діогена Лаэрція, гдѣ цитируются еще *δέκα κίνηται πράγματα ταχυτῆς ποιητικῆς*. Отсюда, повидимому, вытекаетъ, что и Андроникъ, впервые составившій каталогъ въ I столѣтіи до Р. Хр., зналъ обѣ книги. Запутанное и безъ того мѣсто сколіаста, въ *scholia in Aristot. coll. Brandis*, стр. 299, въ 44: ἀπδιερθόσται δὲ τούτοις ἐν τῷ Ποιητικῷ, φάσι, Ἰππίας ὁ Θάσιος, — не можетъ служить доказательствомъ, что Александру Афродизійскому, современнику Діогена, была известна только одна книга (въ тѣхъ п. Пойнт.). Ибо здѣсь подъ именемъ Александра, который передаетъ намъ это свѣданіе, сльдуетъ понимать псевдонимъ²⁾). Напротивъ, есть еще и другія указанія, что существовавшій тогда текстъ былъ полноѣ творческаго. Для этого, правда, нельзя ссылаться на Порфирия, жившаго въ III столѣтіи, ибо въ *schol. B. Venet. K.*, 153, онъ имѣть въ виду, кажется, только 25-ю главу нашего творческаго текста. Но если Бернайсъ правъ, что Ямбликъ, ученикъ Порфирия, и также Проклъ (411—485 гг.) знали не дошедшій до насъ отрывокъ о катарасисѣ³⁾), то ясно, что въ IV и V столѣтіяхъ первая книга была полноѣ, чѣмъ теперь. Въ VI столѣтіи знаютъ и цитируютъ Пoэтику: Гермій (Herm

¹⁾ По крайней мѣрѣ, я не нашелъ ничего подобнаго у Целлера, Zeller, III, 1, стр. 695—717, такъ же точно въ Фабриція, *Fabricius, Bibl. gr. ed. Harles*, V, стр. 652 сл., въ перечинѣ сочиненій Александра Афродизійскаго, мы не встрѣчаемъ сочиненія о Пoэтикѣ. Напротивъ того, Венрихъ, Wenrich, *De auctorum graecorum versioribus et eomphilarib[us] Syriacis, Arabicis, Armeniacis Persicisque* (Лейпциг. 1842 г.), стр. 274, приводить обѣ Александра Афродизійскому замѣчаніе, опирающееся на свидѣтельства Джемалуддина: *De poetica liber... in sermonem Syriacum primum, ex hoc deinde in Arabicum ab Abu Baschar Mata et Jahja ben Ada translatus fuit.* Не вытекаетъ ли это изъ смѣшения съ Аристотелевскою Пoэтикою, о которой *тамъ же*, стр. 133, говорится: *De arte poetica tractatum... e Syriaco in Arabicum sermonem transtulerunt Abu Baschar Mata et Jahja filius Ada?*

²⁾ У Брандиса ошибочно сказано: с. 26.

³⁾ См. L. Spengel, *Aristotelische Studien*, IV, Poetik (*Abhandl. der K. Bayr. Acad. d. Wissenschaften*. 1868, philol.-philos. Cl., т. XI, стр. 285). Въ часѣ соображеній здѣсь «*testimonio auctorioum*» слѣдовало привести еще упомянутыя чѣмъ тексты изъ Ямблика и Прокла, а также и Ановима, въ Crameri Anecd.

⁴⁾ Bernays, *Grundzüge der verlorenen Abhandlung über die Wirkung der Tragödie* (*Abh. der histor. Gesellsch. in Breslau*, т. I, 1858 г.).

mias), его сынъ Аммоній, Симіліцій и Беозій. Если судить по способу ссылокъ Гермія (ad Plat. Phaedr., стр. 111, изд. Аста) и Симіліція (Schol. in Aristoph., стр. 43 a 12 и 25), которые цитируютъ: *ἐν τῷ περὶ ποιητικῆς*, то пришлось бы согласиться, что тогда существовала только одна книга *Поэтики*. Но Аммоній (Schol. in Arist., стр. 99 a 12) цитируетъ: *χαδάκερ ἐν τοῖς π. ποιητ.*¹); у Беозія же (Boetius, Comment. in librum Aristot. de interpr. II, стр. 290), читаемъ: *Aristoteles in libris, quos de arte poetica scripsit.* Спрашивается, действительно ли существовали тогда еще „книги“ *Поэтики*, или, можетъ быть, эти цитаты оцифрованы только на собственныхъ ссылкахъ Аристотеля: *ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς?* Я не вижу причины, которая заставила бы допустить особенно послѣднюю возможность. Правда, что и Арманинъ Давидъ, жившій въ срединѣ VI столѣтія, употребляетъ выраженіе (Schol. in Arist., стр. 19 b 25): (*ὁ περὶ ποιητ.* Но его современникъ, Иоаннъ Филопонъ, который, безъ сомнѣнія, самъ читалъ Аристотеля, и не имѣлъ поэту на добности довольствоватьсѧ свѣдѣніями, заимствованными у древнихъ комментаторовъ, цитируетъ тоже: *ἐν τῷ ποιητικῷ*, что можетъ означать и *ἐν τοῖς π. ποιητ.* (какъ видно изъ слѣдующихъ вслѣдь за тѣмъ словъ: *ἐν τῷ περὶ γενέσεως*). Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ говоритъ объ одномъ опредѣленіи, потерпнутомъ имъ изъ *Поэтики*, котораго мы не находимъ больше въ дошедшемъ до насъ текстѣ²). Нѣсколько столѣтій спустя, митрополитъ Никейскій Евстратій, Византіецъ, написавшій въ 1117 г. комментарій къ Аристотелевої Этикаѣ, говоритъ даже прямо: *ἐν τῷ πρώτῳ περὶ ποιητικῆς* (Scil. с. 4). Зналъ ли, слѣдовательно, Евстратій еще и вторую книгу? Нѣть въ этомъ ничего не вѣроятнаго, особенно если вспомнить, что всѣ наши рукописи вытекаютъ изъ одного кодекса³). Въ этотъ послѣдній какой - то

¹) Именно, гл. 20.

²) Мѣсто (Philop. εἰς τὸ π. φυχῆς, sign. h. р. 12 [р. 128]), на которое указалъ впервые Tyrwhitt, и котораго Риттеръ не могъ сличить, находится теперь у Шпенгеля, въ указан. соч. стр. 285: *διὰ τοῦτο φρεσίν δὲ: τὸ οὖτε ἔνεκα τοιτέστι τὸ τέλος διττόν ἔστι, τὸ μὲν οὖτε ἔνεκα, τὸ δὲ φ., ὅπερ ἐν τῷ ποιητικῷ κοιτάζει ἐν τῷ περὶ γενέσεως εἴπεν.* Правда, что Тимистій въ парарезѣ того же самого мѣста говорить: *ἐν τοῖς ἡθικοῖς*!

³) Cod. Paris. 1741, заес. XI. Рядомъ съ *Поэтикою* въ исмѣ находятся слѣдующія сочиненія риторическаго содержанія:

1. Dionys. Halic. Ars rhetorica,

2. Menander,

любитель Риторики внесъ Поэтику только случайно, безъ чего она бы совсѣмъ не дошла до насть. Нѣть необходимости полагать въ этомъ случаѣ, что Поэтика была списана съ полнаго экземпляра, на ряду съ которымъ не существовало болѣе полныхъ. И не доказывается ли возможность позднаго существованія полнаго сочиненія въ рукахъ Византійцевъ тою скемою поадѣльшаго граматика ¹⁾, на основаніи которой И. Бернардъ (Rhein. Mus. Neue Folge, VIII, стр. 561 сл.) старался опредѣлить въ общихъ чертахъ ходъ изслѣдованія о комедіи, составлявшаго, какъ кажется, содержаніе второй книги Поэтики? Словомъ, всѣ эти данные не только не доказываютъ, что вторая книга Поэтики погибла вскорѣ послѣ смерти Аристотеля ²⁾, а напротивъ, онъ не виолий лишаютъ насть надежды, что она хранится въ одномъ изъ монастырей Востока, и что когда-нибудь все сочиненіе будетъ еще возвращено наукѣ. Но слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что уже и скрійскіе переводчики юзъ имѣли предъ собою второй книги.

Мы сейчасъ упомянули, что древнійшій кодексъ, въ которомъ помѣщена Поэтика, находится въ Парижѣ. Онъ писанъ въ XI стол. Но когда онъ былъ привезенъ на Западъ,—трудно рѣшить. Врядъ-ли это могло произойти раньше XIV вѣка, ибо еще въ XIII читали это сочиненіе въ латинскомъ переводѣ съ арабскаго языка, такъ что, повидимому, Поэтика сдѣлала, до своего нового появленія на Западѣ, длинное путешествіе.

Поучительно прослѣдить до вышеуказанного времени ходъ странствованій этого сочиненія.

3. Aristides,
4. Dionysii Epist. ad Ammaeum,
5. Alexander, de figuris,
6. Aristotelis Rhetorica,
7. Aristotelis Poetica,
8. Dionysii de verborum compos.,
9. Demetr. Phal.,
10. Aprienes,
11. Minucianus,
12. Maximus,
13. Anonymus.

¹⁾ Cramer's Anecd. append. (отпечатано у Meineke, Fragm. Com. Graec., II, стр. 1254).

²⁾ Такъ утверждаетъ Rose, de Aristot. libr. ord., стр. 133.

Мы уже видѣли, что *Поэтика* была известна Сирійцу Порфирию (собственно, онъ назывался Малхъ). Въ Сиріи появился и первый переводъ ея. Въ концѣ II-го столѣтія тамошніе христіане перевели также и Новый Завѣтъ на свой народный языкъ. Этимъ было положено основаніе для обширной сирійской литературы. Вскорѣ появились въ сирійскомъ переводѣ не только постановленія соборовъ и сочиненія современныхъ отцовъ греческой церкви, къ которой причислялись христіане Сиріи¹⁾, но и греческіе свѣтскіе писатели, особенно врачи Гиппократъ и Галенъ и глава философовъ Аристотель. Сперва эта литература появилась въ приморскихъ городахъ, въ Антиохіи, Лаодицеѣ и др.; потомъ она распространялась даже по ту сторону Евфрата, гдѣ преимущественно стала играть важную роль городъ Эдесса. Утверждаютъ, что предсѣдатели Эдесской академіи, Кумасъ и Пробъ, вмѣстѣ съ Гибасомъ (Hibas), первые перевели Аристотеля на сирійский языкъ въ срединѣ V-го столѣтія. По другому извѣстію, эта заслуга принадлежитъ Сергию Резинскому, писателю, жившему въ VI столѣтіи. Но кажется, что это свѣдѣніе основано на недоразумѣніи. Въ это время, до появленія ислама, упоминаются еще и комментаріи, но, большою частію, къ сочиненіямъ логического содержания. Особенно процвѣтали тогда школы Несторіанъ, секты, придерживавшейся ученія сирійского монаха Несторія, выбранного въ патріархи въ Константинополѣ. Третій вселенский соборъ, состоявшійся въ Эфесѣ въ 431 г., отвергнулъ ученіе Несторія, и приверженцы послѣдняго въ Сиріи были принуждены, въ продолженіе V-го столѣтія, переселяться мало по малу въ Персию, вслѣдствіе преслѣдованій византійскихъ императоровъ. Такимъ образомъ, греческій языкъ про никъ въ персидскія школы въ Низибисѣ и Гандизапорѣ. Въ то время какъ въ Малой Азіи Арабы распространяли исламъ; въ то время какъ первые калифы и незнакомые тогда еще съ наукой Омайды (661 — 750) отставали тутъ принципъ очень еще неразвитой национальности, а на Западѣ Юстиніанъ закрывалъ философскія школы; въ то же самое время Персы, менѣе тѣсно связанные съ кириллицей, знакомились透过 Несторіанъ съ греческими писателями въ оригиналѣ или въ сирійскомъ переводѣ. Несторіане, несмотря на свое христіанство, пользовались расположениемъ Персовъ уже вслѣдствіе того, что были врагами византійскихъ императоровъ.

¹⁾ Поэтому, какоторме сирійскіе священники носили название «толмачей»; см. *Wenrich*, въ ук. соч. стр. 7.

Если правда, что царь Хозрой зналъ Аристотеля такъ хорошо, какъ Демосоенъ Фукидіда¹), то слѣдуетъ допустить, что сочиненія Аристотеля существовали нѣкоторое время и на персидскомъ языкѣ. Появился ли онъ и на турецкомъ языкѣ²), и заключалась ли въ арианскомъ переводаѣ Давида философа также и Поэтика³),—этого мы не знаемъ. Между тѣмъ, подготовлялось новое время. Потомки Аббаса, бѣжавшіе отъ преслѣдованій Омайдовъ въ Персію, гдѣ познакомились съ сирійско-греческою ученостью и полюбили ее, скрѣпили мало по малу, побѣдили Омайдовъ и заняли ихъ престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они снова подворили науку въ Сиріи и Малой Азіи (750 г.). Во времена царствованія Манзура, Мади и Гарунъ-аль-Рашида, великие вѣзни изъ персидского рода Бармакидовъ, помогавшаго Аббасидамъ добиться престола, покровительствовали искусству и философіи, и распространяли, такимъ образомъ, сѣять науки рядомъ со словомъ блестящимъ, но часто кровавымъ подвигомъ Багдада⁴). Самый иракчій поступокъ Гаруна состоялъ въ томъ, что онъ, наконецъ, все-таки истребилъ весь родъ Бармакидовъ. Не брошенное ими съмѧ не пропало даромъ. Свободомыслій Мамунъ (814—834), въ царствование которого возобновилось вліяніе персидское,—этотъ Мамунъ, видѣвшій однажды во снѣ, будто бы, самого Аристотеля, велѣлъ своимъ библіотекарамъ (*Sâhib Beit al-hikma*) свозить въ свой „домъ мудрости“ греческія рукописи съ острова Кипра и другихъ мѣсть, и переводить ихъ подъ руководствомъ Иоанна Ибнъ-аль-Барика⁵). Такимъ образомъ появились въ переводаѣ Галенъ и Аристотель. Но какъ самаго плодовитаго переводчика прославляютъ Гонайнъ (*Honain*), который, во времена царствованія Мотаккавеля (847—861), не вполнѣ, впрочемъ, достойнаго своихъ предшественниковъ, отчасти переводилъ самъ на сирійскій языкъ и исправлять старые переводы, отчасти же заставлять переводить своихъ учениковъ. Послѣ него подобная дѣятельность приписывается сыну его, Исааку (*Ishak ben Honain*) и Коста-бенъ-Лукѣ (*Kosta ben Luka*). Почти всѣ эти переводчики были

¹⁾ *Wenrich*, стр. 163.

²⁾ *Bayle*, *Diction. hist. et crit.* подъ словомъ *Aristote*, примѣч. к.

³⁾ *Wenrich*, стр. 162. Слѣдуетъ только замѣтить, что Давидъ живѣлъ не въ V столѣтіи, а въ срединѣ VI-го. См. *Rose*, *De ord.* стр. 244.

⁴⁾ См. перечень несторіанскихъ врачей и писателей, жившихъ во времена царствованія этихъ каліеевъ, у *Assemannii Bibl. orient.*, т. III, ч. 2, стр. 97.

⁵⁾ А не Йоанна Месне. Ср. *E. Renan*, *De philos. peripat. apud Syros.* (1852) стр. 57.

Персіане и, по своей религії, Несторіане¹). Гонанну, или одному изъ его приближенніхъ, приписывается также и сирийский переводъ *Поэтики*, который находится, вмѣстѣ съ Риторикою, въ дошедшемъ до насъ Cod. CLXXIX biblioth. Palat. Medic.²).

Но тѣ же самые переводчики, напримѣръ, Гонаннъ, переводили не только на сирийскій, но и на арабскій языкъ. Отсюда уже можно было бы заключить, что арабскіе переводы Востока были дѣланы не съ сирийскаго, а большей частью съ греческаго, подлиннаго текста³). Вѣдь не кто иной, какъ тѣ же самые Несторіане, знакомые съ греческими языками, составили и для Арабовъ тексты на ихъ собственномъ языкѣ, лишь только этотъ народъ сталъ интересоваться болѣе медициною, математикою и философіею, чѣмъ саорами, напримѣръ, о томъ, требовалось ли время для сочиненія корана, или нѣтъ. Кроме того, точность этихъ переводовъ доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что всякий изъ нихъ, до появленія въ свѣтѣ, долженъ былъ пройти чрезъ слѣдующія три стадіи: сперва онъ подвергался простой интерпретаціи, потомъ, его провѣрѣли знатоки греческаго и арабскаго языковъ, и, наконецъ, онъ подвергался транскрипціи, то-есть, окончательной редакціи съ приложеніемъ ученыхъ примѣчаній. Поэтому, относительно каждого арабскаго перевода приходится спрашивать, вонервыхъ, дѣланъ ли онъ прямо съ греческаго, или же съ сирийскаго языка, и вовторыхъ, подвергался ли онъ всѣмъ тремъ вышеуказаннымъ провѣркамъ? Мы уже упомянули, что начало этого рода переводной литературы, насколько она касается Аристотеля, относится къ царствованію Мамуна. Послѣ Гонанна мало по малу распространились по всему арабскому Востоку чутъ ли не всѣ сочиненія Аристотеля. Однако, переводъ *Поэтики* появился, кажется, не скоро: въ 930 г. перевѣль ее — опять-таки вмѣстѣ съ Риторикою — Несторіанецъ Абу Башаръ Мата⁴); другой переводъ дѣланъ тоже христіаниномъ, но принадлежавшимъ къ якобитской сектѣ, „діалектикомъ“ Яіа бенъ Ади (*Ja'ja ben Adi*), умершимъ въ 973 г.⁵). Оба

¹) Ср. A. Jourdain, *Recherches sur les anciennes traductions latines d'Aristote*, 2. ed. (1843), га. 8, стр. 78 — 95.

²) Wentrich, стр. 128.

³) Таково мнѣніе Журдана, стр. 86; иного мнѣнія придерживается, впрочемъ, Венриха, стр. 39.

⁴) Wentrich, стр. 127 и 133. Абу Башаръ Мата былъ ученикъ якобитовъ Руфии и Веніамина.

⁵) Тамъ же, стр. 118.

перевода сдѣланы съ смрійскою языкою, оторвтою, съ перевода Гонамма. Переводъ Яia находится, вмѣстѣ съ Риторикою, въ Cod. DCCCLXXXII, A. biblioth. reg. Paris. Немного позже сочиненія Аристотеля были также переведены на арабскій языкъ весторіанскимъ монахомъ Абуль Фараджемъ (Abul Faradsch), переводчикомъ всего священнаго писанія, умершимъ въ 1044 году. Но мы не имѣемъ прямаго свидѣтельства, заключалась ли въ его переводѣ *Поэтика*¹⁾.

Что во времена Аббасидовъ были дѣлами парадрази, выписки и комментаріи къ сочиненіямъ Аристотеля—труды, большою частію, не дошедши до насъ²⁾; что восточные Арабы даже сами начали строить философскія системы; что, въ особенности, Авиценна (980—1038) напала еще раньше, чѣмъ Альбертъ Великій, на мысль прибавить къ Corpus Aristotelicum новый Corpus подъ тѣми же заглавіями, и исполнить это въ своемъ обширномъ сочиненіи, состоявшемъ изъ двадцати томовъ: все это наскъ здѣсь не занимаетъ. Стдѣни только упомянутъ еще, что и *Поэтика* подверглась подобной же разработки однимъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ этого рода, Александри, жившемъ около 850 г.³⁾.

Въ непрерывной зависимости отъ этого развитія на Востокѣ оказывается и крайній Западъ, именно та часть Испаніи, которая находилась подъ господствомъ Арабовъ. Тутъ Оманды, спасшіеся отъ преслѣдованія Аббасидовъ, и основавшіе новое государство, совершили перемѣны свой прежній характеръ. Вліяніе христіанскаго Запада, связь съ восточной родиной⁴⁾ и желаніе вступить съ нею въ соперничество, все это вызвало процвѣтаніе наукъ и искусствъ въ Испаніи, не менѣе блестащее, чѣмъ на берегахъ Тигра, хотя отдѣльные фазисы этого процвѣтанія наступали вскій разъ немногого

¹⁾ Тамъ же, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 21 и 166 сл.

³⁾ Тамъ же, стр. 173: *De arte poetica tractatum in compendium rededit Alkendi.*

⁴⁾ Jourdain, стр. 88: Mais quels que fussent les secours, que l'etude des sciences trouvait en Espagne, l'Orient, la mère patrie, était toujours regardé comme la source de toutes les connaissances. De même qu'un docteur devait, parmi les chrétiens, parcourir les écoles de France, d'Angleterre, d'Italie, pour obtenir quelque renommée, de même le musulman espagnol, qui prétendait au titre mérité de docteur universel, de savant profond, s'éloignait du sol natal, traversait l'Afrique, fréquentait les écoles d'Egypte, se rendait en Syrie, à Bagdad, en Perse, en Khorasan, moissonnait la science partout où elle se trouvait, recherchant avec ardeur les leçons des maîtres habiles.

позже. Точно также и тут было начато съ математики и медицины, затѣмъ послѣдовала переходъ къ философии, и, наконецъ, мы видимъ ту же самую разработку этой послѣдней науки посредствомъ парадразъ, компендіевъ, комментаріевъ и отчасти самостоятельныхъ работъ. Одного только не доставало: въ Испаніи не было монаховъ, которые бы говорили по гречески. Относительно Италии, Германіи, Богеміи, Франціи и Англіи можно признать вѣроятнѣе, что въ этихъ странахъ знаніе греческаго языка никогда вполнѣ не исчезало; относительно же Испаніи это всего менѣе вѣроятно. Поэтому, если здѣсь были въ употребленіи греческіе авторы въ арабскихъ переводахъ, то эти переводы или были привезены съ Востока, или же были составлены въ Испаніи по сырійскимъ переводамъ. Нельзя, следовательно, основываться, что и переводъ *Поэтики*, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ въ употребленіи въ Испаніи, былъ тоже зе сырійско-арабскій переводъ *Абу-Башар-Мата* или *Яіа-бэн-Ади*.

Эти переводы, въ свою очередь, дѣлались доступными для христианскихъ ученыхъ, то-есть, переводились на латинскій языкъ, двоякимъ образомъ. Ничего не представляло необыкновенного, что христиане жили при дворѣ калифовъ, и вообще находились въ сношеніяхъ съ Арабами, которые, въ свою очередь, знакомились тоже хоть съ языкомъ простонародія. Въ коллегіи, которую устроилъ Раймундъ, епископъ Толедский (1130—1150) для перевода арабскихъ философовъ на латинскій языкъ, мы видимъ, что арабскій текстъ былъ сперва переведенъ Ереемъ Іоанномъ (Johannes Hispanensis) съ арабскаго языка на простонародный, а потомъ архидіаконъ Доминикъ Гундигальви придавалъ этому переводу ученую латинскую форму. Подобного рода дѣленіе труда было тогда часто въ употребленіи. Отсюда не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы не переводили иногда и отдельные лица прямъ съ арабскаго на латинскій языкъ. Другой способъ состоялъ въ томъ, что ту же роль, которую игралъ въ первомъ случаѣ простонародный языкъ, занималъ еврейскій. Евреи, знакомые съ арабскимъ языкомъ, переводили на свой языкъ, вмѣстѣ съ сочиненіями арабскихъ писателей, также и арабскіе переводы, и основали такимъ образомъ еврейскую литературу, опиравшуюся на греческой, сырійской, арабской и на національной каббалистической учености,— литературу, сильно напоминающую арабскую, которой она была обездана столь многими. Съ еврейскаго же переводили на латинскій (многда, вѣроятно, тоже при помощи предварительного перевода на

простонародный язык). Въ слѣдующей таблицѣ мы резюмируемъ, какой судѣй подвергалось иногда греческое сочиненіе:



Очевидно, что арабско-латинские переводы не могут иметь въ научномъ отношеніи особенныхъ достоинствъ, хотя, впрочемъ, и между ними существуютъ значительныя различія, смотря по количеству языковъ, на которые переводилось греческое сочиненіе, прежде чымъ появлялось на латинскомъ языкѣ. Такіе арабско-латинские переводы появляются на христіанскомъ Западѣ съ половины XI вѣка¹), а со второй половины XII-го встречаются уже въ недѣбныхъ переводахъ и сочиненія Аристотеля.

Къ счастію для нась, немного позже начини и болѣе прямой
путь знакомитъся съ философией Аристотеля. Начиная съ XIII
вѣка мы уже находимъ латинскіе переводы прямо съ греческаго
подлинника. Сочиненія логического содержанія были, впрочемъ, пе-
реведены на латинскій языкъ уже въ VI вѣкѣ Боеціемъ, и сдѣла-
лись, такимъ образомъ, доступными для всѣхъ послѣдующихъ вѣ-
ковъ: но всѣ прочія сочиненія оставались пока еще не переведен-
ными. Но послѣ того какъ на парижскомъ провинціальномъ соборѣ
1209 г., подъ предсѣдательствомъ архиепископа Пьера де Корбейль,
была осуждена Физика Аристотеля, въ томъ видѣ, какъ она понима-
лась арабскими толкователями ²⁾; и послѣ того какъ легатъ Робертъ
де Курсонъ (Courseon) внесъ въ 1215 г. въ статуты Парижского
университета запретъ читать Метафизику Аристотеля и его сочи-

¹⁾ Константи́н Африка́нский, которому Журденъ, стр. 95 сл., приписывает первые намъ известные арабско-латинские переводы, жилъ, приблизительно, до 1050 года. Но онъ переводил только врачей, Гиппократа и Галена. Переводчикомъ Аристотеля является впервые Альфредъ де Морз (Morlay), жившій въ концѣ XII вѣка (тамъ же, стр. 104 сл.).

²⁾) Объ этомъ соборѣ см.: Hauréau, De la philosophie scolastique (1850), I, стр. 393 сл.

иенія по естествознанію, кажется, во взглдахъ ученихъ на Аристотеля произошла коренная перемѣна, принесшая очень много пользы для науки. Мало-по-малу стали приходить въ убѣжденію, что все то, что казалось предосудительнымъ, принадлежало не самому Аристотелю, а арабскимъ толкователямъ его. Появилось желаніе познакомиться съ настоящимъ Аристотелемъ, хотя бы и въ латинскомъ переводаѣ, но въ переводѣ сдѣланномъ по греческому оригиналу, а не по арабскимъ текстамъ. Жили вѣдь и на Западѣ люди, знакомые съ греческимъ языкомъ! Знаніе этого языка никогда не вымирало въ школахъ, основанныхъ Карломъ Великимъ; въ южной Франціи жили греческие монахи и купцы; папа Сильвестръ II († 1003) самъ понималъ по гречески; жаждя знаній заставляла странствующихъ ученыхъ, какъ напримѣръ, Аделарда Батского, посѣщать Грецію; императоры изъ саксонского дома въ Германіи, а Гогенштауфены въ Сициліи поддерживали сношения съ Константинополемъ. Въ это самое время крестоносцы основали въ Византіи Латинскую имперію, а Филиппъ Августъ учредилъ въ Парижѣ Collegium Constantinopolitanum, въ которомъ Греки обучались латинскому языку¹). Къ тому же, въ 1167 г. въ Парижѣ было привезено нѣсколько греческихъ рукописей. Хотя эти рукописи и были только духовно-догматического содержанія, но все-таки ученые имѣли желаніе понимать ихъ. Вотъ вслѣдствіе какихъ причинъ, вскорѣ послѣ упомянутаго осужденія сочиненій Аристотеля, эти послѣднія стали появляться въ греческо-латинскихъ переводахъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Теперь уже противъ этихъ переводовъ никто больше не возставалъ. Яковъ Венеціанскій (1228) перевелъ часть сочиненій логического содержанія²); Робертъ, епископъ Линкольнскій, перевелъ Этику (около 1240 г.); Ёома Канті-прантанскій и Генрихъ Брабантскій переводили другія сочиненія³); наконецъ доминиканецъ Вильгельмъ де Мозрбекка (умершій архіепи-

¹) Правда, при этомъ имѣлось въ виду, чтобы молодые Греки слушали заложниками на случай неисполненія договоровъ!

²) Журденъ, на стр. 58, указываетъ—вѣроятно, по ошибкѣ—1128 г. Это не согласно съ его собственнымъ мнѣніемъ, что раньше XIII вѣка не существовало греческо-латинскихъ переводовъ, за исключеніемъ только перевода Бовдія. Штарѣ (Stahr), переведшій книгу Журдена (1831 г.), выставляетъ 1228 (см. стр. 63). Вѣроятно, это только опечатка 2-го французского изданія.

³) Какъ,—это трудно определить съ точностью: см. Jouydale, стр. 65 сл.

скопомъ Коринескимъ въ 1281 г.) представилъ, по желанию Фомы Акви-
ната, всего Аристотеля въ переводѣ¹).

Спрашивается теперь: на сколько были въ это время знакомы на
Западѣ съ Поэтико?

Первые слѣды этого знакомства мы находимъ у Арабовъ въ Испа-
ніи въ XII в., именно, у величайшаго изъ арабскихъ философовъ, Авер-
роesa изъ Кордовы (1126—1198). Аверроэсъ не переводилъ, но ком-
ментировалъ только. Его объясненія заключались отчасти въ па-
разфразахъ, отчасти въ такъ называемыхъ „комментаріяхъ средняго раз-
ряда“ (нѣчто въ родѣ *r  sum  t  *, *summ  t  *), отчасти, наконецъ, въ
подробныхъ комментаріяхъ. Относительно *Поэтики дошли до насъ*
*одна парабраза ею и одинъ „комментарій средняго разряда“*²). Ясно,
само собою, что тамъ, гдѣ писались комментаріи, должны были суще-
ствовать и переводы.

Въ слѣдующемъ, XIII-мъ вѣкѣ, который теперь считается обык-
новенно настоающимъ началомъ эпохи возрожденія, мы встрѣчаемъ
первый латинскій переводъ Поэтики. Спрашивается только: принад-
лежать ли онъ къ числу дурныхъ, арабско-латинскихъ переводовъ,
или же къ числу появившихся въ то время непосредственныхъ пе-
реводовъ съ греческаго подлинника? Къ сожалѣнію, не можетъ су-
ществовать никакого сомнѣнія, что означенный переводъ Поэтики отно-
сится къ первой изъ эпохи категорій. Онъ былъ составленъ нѣкимъ
Германомъ Алеманскимъ. На счетъ этой послѣдней личности было
дѣлаемо много ошибочныхъ догадокъ. Было видѣть въ немъ извѣст-
ного, разбитаго параличъ, бенедиктинскаго монаха, *Hermannus con-
tractus* († 1054), считающагося чудомъ XI-го вѣка³); другое, какъ

¹) *Chronic. Slavorum a. 1273: Wilhelmus de Brabantia, ordinis Pr  dicatorum,*
transtulit omnes libros Aristotelis de graeco in latinum, verbum ex verbo, qua transla-
tione scholares adhuc hodierna die utuntur in scholis, ad instantiam domini Tho-
mas de Aquino. Прочія сочиненія Мозрбекія перечисляется Журданъ, стр. 68 сл.
Его переводъ Риторики мы еще имѣемъ; но Поэтика — если только она суще-
ствовала когда-либо въ числѣ его переводовъ — до насъ не дошла.

²) *Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie*, II, 2, стр. 60.— Журданъ утверждаетъ, на стр. 138, что въ Парижской библиотекѣ хранятся пере-
водъ *d'un abr  g   de la Po  tique par Averro  s*. Германъ Алеманскій говоритъ
въ предисловіи къ своему переводу Аверроеса, что для уразумѣнія Поэтики,
онъ пользовался *editione Averrois determinativa dicti operis Aristotelis (Jouyda  n,*
стр. 141). На этотъ, писанный Германомъ, *prologus commentarii Averrois ука-
зываютъ уже: Roger Baco, Opus maior, стр. 59.*

³) *Wible, Aristotelis opera*, т. I, стр. 205.

напримѣръ, Морелли и Гарлесь указывали на уроженца Вестфалии, Hermannus de Schildis, августинского монаха, жившаго въ XIV вѣкѣ († 1357); можно было бы указать еще на одного Германна, уроженца Далмации, который, вмѣстѣ съ Робертомъ Ретинскимъ, перевѣлъ коранъ на латинскій языкъ (1143 г.) по совѣту Петра Достопочтенного (Petrus venerabilis). Но Журденъ доказалъ блестящимъ образомъ, что Hermannus Alemannus жилъ въ XIII столѣтіи (главная дѣятельность его относится къ 1240—1256 г.). Въ опроверженіе извѣстій нѣкоторыхъ лѣтописцевъ XV вѣка, будто онъ зналъ и греческий языкъ, онъ доказываетъ, что свои латинскіе переводы Этики, Риторики и Поэтики Германъ дѣлалъ не съ греческаго оригинала, а съ арабскихъ текстовъ¹). Онъ ссылается на собственные слова Германа, изъ которыхъ мы заключаемъ слѣдующее²):

‘) *Jourdain*, стр. 9 и 135—147. Жаль только, что между образчиками арабско-латинскихъ и греческо-латинскихъ переводовъ, которые даетъ Журденъ на стр. 402—459, онъ не приводить ни одного примѣра изъ перевода Поэтики, хотя въ немъ случаѣ познакомиться съ нимъ.

²) Два пролога Германа, начинаящіеся оба словами: *inquit Hermannus Alemanus*, помѣщены предъ переводомъ гlosсъ Альвараби къ Риторикѣ и упомянутой параѳразы Аверроэса къ Поэтике (*Jourdain*, стр. 138).—Въ концѣ перевода Поэтики мы читаемъ: *Explicit. Deo gratias! anno Domini millesimo ducentesimo quinqueagesimo sexto, septimo die martii, apud Toletum, igrarem nobilem.* Но писалъ ли это самъ Германъ, или же переписчикъ его перевода? И слѣдуетъ ли здесь видѣть наше или испанское лѣтосчислѣніе? (См. *Jourdain*, стр. 142).—Въ концѣ перевода Этики (въ одномъ изъ кодексовъ Лавренціанскихъ сказано: *expleta est ejus translatio ex arabico in latinum anno incarnationis Verbi 1243.* — Въ другой рукописи той же библіотеки за переводомъ слѣдуетъ еще эпилогъ Аверроэса, и затѣмъ слова: *Et ego complevi ejus translationem ex arabico in latinum, tertio die jovis mensis junii, anno ab incarnatione (!) MCCXL. Apud igrarem Toletanam, in capella Sanctae Trinitatis, unde sit Domini potens benedictum.* Этихъ словъ никакъ не могъ написать какой-нибудь мусульманинъ, какъ слѣдовало бы полагать по догадкѣ Мунка (во 2-мъ изд. *Jourdain*, стр. 144, прим. 4), будто все это чисто заимствовано изъ текста Аверроэса. Прійдется, съдовательно, подъ словомъ его понимать Германа. Но, въ такомъ случаѣ, подобное предположеніе становится вѣроятнымъ и относительно словъ, помѣщенныхъ въ концѣ перевода Поэтики. Если предположимъ обыкновенное лѣтосчислѣніе, то получится слѣдующій рядъ переводовъ:

1. Переводъ Этики съ арабскаго языка въ 1240 г. (Журденъ полагаетъ, что это былъ только переводъ параѳразы).

2. Перенодъ съ арабскаго «libri Nicomachiae, quem Latini Ethicam Aristotelis appellant»—1243 г.

3. Переводъ Риторики съ арабскаго (раньше Поэтики, съдовательно раньше 1256 г.).

4. Переводъ Поэтики съ арабскаго — 1256 г.

ЧАСТЬ CLXXVII, отд. 5.

5

Германнъ Алеманнскій (*Alemannus*) — какъ онъ самъ себя называетъ — жилъ въ городѣ Толедо или въ окрестностяхъ его (*apud urbem Toletanam in capella Sanctae Trinitatis*), гдѣ онъ уже въ 1240 году сдѣлался извѣстенъ своимъ переводомъ Этики съ арабскаго языка. Царство Альмогадовъ начало тогда распадаться, и городъ Толедо перешелъ уже къ Кастилии. Поэтому неудивительно, что Иоаннъ, епископъ Бургосскій и канцлеръ Кастилии, могъ пригласить Германна перевести также и Риторику, и Поэтику „какъ дополненіе къ Логикѣ“ (ибо такъ смотрѣлъ на нихъ, будто, самъ Аристотель). Эта задача была не легка: *Usque hodie, говорить Германнъ, apud Arabes hi duo libri neglecti sunt, et vix unum invenire potui, qui mecum studendo in ipsis vellet diligentius laborare.* Однакожъ ему удалось, при содѣствіи нѣсколькихъ Арабовъ (не Евреевъ!) и съ помощью гlosсъ Альфараби къ Риторику и паррафразы Аверроэса къ Поэтику, одолѣть громадныя затрудненія, хотя на столько, что, по крайней мѣрѣ, онъ довелъ кое-какъ свой переводъ до конца. Трудъ этотъ опять выпустилъ въ свѣтъ, гордясь хотя незначительною, по его мнѣнію заслугою, что опять познакомилъ Западъ съ сочиненіями Аристотеля. Онъ высказываетъ надежду, что вслѣдствіе появленія его перевода, рѣшился кто-нибудь представить лучшій переводъ на снованіи самого греческаго оригинала, какъ это уже было сдѣлано съ Этикою. Ибо, послѣ того какъ появился его переводъ Этики, епископъ Робертъ, — *Robertus Grossi Capitis, sed subtilis intellectus, Lincolniensis episcopus*, — представилъ лучшій, то-есть, греко-латинскій переводъ: *ex primo fonte, unde emanaverat, gracco videlicet.* Еще болѣе, чѣмъ на трудности, представляемыя Риторикою, жалуется Германнъ на тѣ громадныя затрудненія, съ которыми приходилось ему бороться при переводѣ Поэтики: *postquam cum non modico labore consummaveram translationem Rhetoricae Aristotelis, volens manum mittere ad ejus Poetram, tantam inveni difficultatem propter inconvenientiam modi metrificandi in graeco cum modo metrificandi in arabico et propter vocabulorum obscuritatem et plures alias causas, quod non sum confusus me posse sane et integre illius operis translationem studiis tradere latinorum.* Онъ прибавляетъ, что для уразумѣнія Поэтики Аристотеля ему много способствовала Поэтика Горация (*Poetica Horatii*, раньше: *Horatii Poetica*), хотя Горадій обращаетъ, будто, больше вниманія на грамматическую сторону, чѣмъ на теоретическую (*Horatius vero poeticam prout pertinet ad grammaticam potius [scil. quam ad logicam!]*) expedivit; — онъ хочетъ, повиди-

мому, сказать: стилистическую сторону). После всего этого становятся понятными слова: *Deo gratias!*, которыми Германнъ помѣстилъ въ концѣ своего перевода 7-го марта, anno Domini 1256, apud Toletum, *urbe nobilem*. Нельзя отрицать заслугу, что онъ принялъ на себя неблагодарный трудъ, вполнѣ сознавая ограниченность своихъ средствъ и охотно признавая свои недостатки, въ сравненіи съ достоинствами чужихъ работъ. Великий Баконъ (Roger Bacon † 1292), его современникъ, могъ, пожалуй, жаловаться на непонятность его переводовъ и на груевкость его оборотовъ (*squalor*); но обнаруживая готовность отрицать за нимъ уже всякую заслугу, онъ поступаетъ слишкомъ строго и несправедливо (*Hermannus confessus est se magis adiutorem fuisse translationum, quam translatorem, quia Saracenicos tenuit secum in Hispania, qui fuerunt in suis translationibus principales*)¹⁾.

Исполнилась ли надежда Германна на лучшій, греко-латинскій переводъ? Относительно Риторики, — да. Ее переводъ Вильгельмъ де Мозрбекка²⁾). Но существовалъ ли переводъ Поэтики, составленный тѣмъ же ученымъ, мы не знаемъ. Въ пользу предположенія, что такого перевода никогда не существовало, говорить то обстоятельство, что въ XV столѣтіи, когда стали распространять тексты посредствомъ печати, должны были прибѣгнуть къ переводу Германна, вслѣдъ за чѣмъ скоро появился новый переводъ. Это доказывается, что съ XIII до XV вѣка существовалъ только этотъ одинъ арабско-латинскій переводъ, и что его считали тогда еще удовлетворительнымъ. Онъ былъ отпечатанъ въ Венеции, въ 1481 г.; одинъ экземпляръ его находится въ Парижской библиотекѣ³⁾). Въ 1498 г. появился, также въ Венеции, переводъ Поэтики, сдѣланный по греческимъ рукописямъ Георгіемъ Валлою (*G. Valla*).

Если вспомнимъ, какъ важны для критики текста Аристотеля средневѣковые греко-латинскіе переводы, — такъ что, напримѣръ, переводъ Политики Мозрбекка считается „*instar optimi codicis*“, и поэтому приводится издателемъ Политики, Зуземилемъ, вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ безъ всякихъ сокращеній, — то придется поклясться, что нѣть подобного же перевода Поэтики. Что переводъ Германна Алеманнскаго не имѣть, въ этомъ отношеніи, никакого значения, — это ясно изъ того, что мы уже о немъ говорили. Болѣе

¹⁾ *Jourdain*, стр. 142.

²⁾ См. выше.

³⁾ *Jourdain*, стр. 142, прим. 1.

пользы для критики текста можно ожидать отъ сирійскаго перевода, составленнаго Гонаниномъ въ IX в. Этотъ переводъ, какъ мы уже замѣтили, сохранился. О сирійскихъ переводахъ утверждаютъ, точно также какъ о переводахъ Моэрбекка, что они составлены по греческому тексту „*verbum ex verbo*“. Въ такомъ случаѣ они должны свидѣтельствовать о состояніи греческаго оригинала въ IX вѣкѣ, между тѣмъ какъ древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ кодексовъ относится къ XI столѣтію. Къ сожалѣнію, эти сирійскіе переводы не могутъ возвратить намъ того, что для насъ особенно важно, именно, поте-рянной второй книги Поэтики.

Этимъ мы можемъ заключить обзоръяе переводовъ. Новый періодъ начинается съ появленія *editio princeps*, въ началѣ XVI вѣка.

Лейпцигъ, 23-го марта, 1874 г.

П. Шустеръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Dr Ed. Kammer. Die Einheit der Odyssee, nach Widerlegung der Ansichten von Lachmann, Steinthal, Koechly, Hennings und Kirchhoff dargestellt. Anhang: Homerische Blätter von Prof. Dr Lehrs (Д-р Эд. Каммеръ. Изложеніе единства Одиссеи и опроверженіе взглядовъ Лахмана, Штейнталя, Кёхли, Геннингса и Кирхгофа. Въ приложеніи: Гомеровскія замѣтки проф. д-ра Лерса). Лейпцигъ, 1873 г. VI и 806 страницъ, 8°.

Одинъ остроумный ученый замѣтилъ, что желательно было бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ было запрещено писать о гомеровскомъ вопросѣ. Это не простая острота, вызванная случайнымъ негодованіемъ. Въ наукѣ всегда существуютъ вопросы, которые, послѣ усиленной и многосторонней разработки, должны оставаться на какое-время въ покое, пока не разъяснятся всѣ взгляды на основаніи болѣе спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія.

Но какъ далеки ученые отъ того, чтобы придерживаться подобного правила относительно гомеровского вопроса, это явствуетъ изъ множества изслѣдований, появляющихся ежегодно въ журналахъ, программахъ и отдельныхъ сочиненіяхъ, и посвященныхъ все тому же вопросу. Поэтому, мы не особенно радостно встрѣтили и вышеуказанное обширное сочиненіе. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не обратить вниманія на него уже потому, что оно рекомендуется столь заслуженнымъ изслѣдователемъ Гомера, какъ Лерсъ, который прибавилъ къ нему нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній. Авторъ этой книги, ученикъ Лерса, поднесшій ее своему учителю въ видѣ юбилейнаго подарка, извѣстенъ своею основательною докторскою диссертациею о сколіяхъ къ Порфирию, а также нѣсколькими статьями „Къ гомеровскому вопросу“, не лишенными тонкихъ замѣчаній.

Обратимся прежде къ приложению, — къ „Гомеровскимъ замѣткамъ“ Лерса. Часть ихъ состоить изъ рецензій, появившихся уже

раньше. Между новыми „Замѣтками“ (Blätter) одна носить заглавіе „Монологъ“, возвѣдающее надежду, что тутъ мы познакомимся съ самыми задушевными мыслями почтенного учителя. Съ жаромъ высказываетъ онъ убѣжденіе, что только тотъ можетъ вполнѣ наслаждаться красотою Одиссея, кто въ состояніи, подобно ему самому, понимать это произведеніе какъ единое цѣлое; безъ этого можно удивляться только отдельнымъ красотамъ, и, пожалуй, даже всему сочиненію, но только въ чисто отвлеченномъ смыслѣ, не понимая внутренней жизни и развитія его.

Въ этомъ взглядѣ Лерса, на которомъ основано и все сочиненіе его ученика, мы усматриваемъ одну изъ основныхъ ошибокъ его школы. Каково же было бы, если бы мы стали упрекать анатома, что онъ не имѣть понятія о красотѣ человѣческаго тѣла! Вѣдь иное дѣло смотрѣть на что-нибудь съ наслажденіемъ, а иное разсматривать то же самое съ научною цѣлью. Что Гомеровскія пѣсни можно прочувствовать какъ единое цѣлое, въ этомъ нѣть сомнѣнія; лучшимъ доказательствомъ служить, что точно также чувствовали и наслаждались Гомеромъ сами Греки, именно, въ самую блестящую эпоху своего развитія. Но больше критическій вѣкъ открылъ въ нихъ нѣсколько противорѣчій и неровностей, и этимъ началось научное изслѣдованіе. Станемъ ли мы теперь усматривать въ этихъ противорѣчіяхъ и неровностяхъ стѣдь различнаго ихъ происхожденія, какъ дѣлаютъ приверженцы „теоріи пѣсней“ (Liedertheorie), или же будемъ, подобно Лерсу, Каммеру и другимъ, устранять ихъ предположеніемъ интерполяцій, пропусковъ, переставокъ и другихъ искаженій: въ томъ и другомъ случаѣ, мы уже не будемъ находиться на точкѣ зрѣнія наивнаго, непосредственно совершающаго наблюдателя. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, очень характеристична слѣдующая черта въ сочиненіи Каммера. Противники теоріи пѣсней особенно охотно повторяютъ, что Гёте, воодушевившійся въ началѣ теорію Вольфа, влосѣдствіи все-таки признался: „Мѣй легче представлять себѣ Гомера цѣльнымъ и наслаждаться имъ какъ таковымъ“ (*lieber als Ganzes denken, als Ganzes freudig ihn empfinden*). Каммеръ тоже цитируетъ эти слова, но только вместо „наслаждаться“, мы у него читаемъ „признавать“ (*bekennen*). Такимъ образомъ, эстетическую оценку онъ нарочно выставляетъ какъ научное убѣжденіе.

Изслѣдованіе, основанное на подобномъ смѣшкѣ совсѣмъ разнородныхъ точекъ зрѣнія, конечно, не можетъ считаться правильнымъ. Но кромѣ того мы усматриваемъ еще важную ошибку въ невѣрномъ

попиманій индивидуальности поэта. Каммеръ, также точно какъ и Лерсъ, безпрерывно сравниваетъ Гомера съ поэтами нашихъ временъ, напримѣръ, съ Гѣте. Но, не говоря уже о другихъ обстоятельствахъ, самый языкъ гомеровскихъ пѣсней, съ своими стереотипными выражениями и оборотами, указываетъ на традиціональный способъ распространенія этой поэзіи, вслѣдствіе чего и тогдашнимъ поэтамъ приходится приписывать значеніе, существенно отличающее ихъ отъ нашихъ поэтовъ. Этотъ выводъ, сдѣланный на основаніи данныхъ языка, подтверждается чрезвычайно важнымъ историческимъ извѣстіемъ, которое мы находимъ у Гарпократіона,—извѣстіемъ о родѣ Гомериадовъ ($\gamma\epsilon\nuος \cdot Ουτριέδην$) на островѣ Хіосѣ. Главный упрекъ, который можно сдѣлать сочиненію Каммера, состоитъ въ томъ, что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на эти два обстоятельства.

Такимъ образомъ, Каммеръ, на стр. 255, ссылаясь отчасти на изрѣченіе Кирхгофа (которое этотъ ученый, однако, совершенно измѣнилъ), утверждаетъ, что въ критикѣ гомеровскихъ пѣсней мы должны руководиться тѣми же правилами и пользоваться тѣми же средствами, какъ и при сочиненіяхъ другихъ классическихъ писателей. Но если мы, на основаніи исторіи текста, измѣняемъ иногда наши приемы при критическомъ изслѣдованіи другихъ сочиненій, то тѣмъ болѣе принуждены приступить съ особенными приемами къ критикѣ текста гомеровскаго, исторія которого представляетъ нѣчто совершенно своеобразное. Каммеръ же, дѣйствительно, приступаетъ къ гомеровской критикѣ чуть-ли не съ тѣми же приемами, которые прилагаются нѣкоторыми учеными, напримѣръ, къ произведеніямъ Горация.

Еще въ другомъ отношеніи взглядъ Каммера находится, какъ мнѣ кажется, въ противорѣчіи съ преданіемъ. Понятіе объ импровизаціи онъ прилагаетъ къ гомеровскимъ пѣснямъ въ слишкомъ обширной мѣрѣ. Если онъ, напримѣръ, считаетъ импровизацію всю десятую раисодію Иліады (*Δολώνεια*), то никакъ нельзя объяснить, какимъ образомъ эта импровизація могла сохраниться въ памяти народа и вообще дойти до насъ. Самъ Каммеръ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки объяснить это.

Обширное сочиненіе его распадается, главнымъ образомъ, на двѣ части. Въ первой онъ старается опровергнуть взгляды Лахманна, Штейнталя, Кѣхли, Геннингса и Кирхгофа и отчасти еще нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ подобного же направленія; во второй части онъ пытается отстоять единство Одиссеи, подвергая критическому разсмотрѣнію всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ заключаются первовнѣстіи и

противорѣчія, мѣшающія этому единству. Такъ какъ въ обѣихъ частяхъ рассматриваются сотни мелкихъ отдельныхъ вопросовъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться, то достаточно будетъ высказать только общее сужденіе. Въ обѣихъ частяхъ мы находимъ много тонкихъ замѣчаній, вполнѣ заслуживающихъ вниманія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы въ нихъ находимъ, по крайней мѣрѣ столько же, такихъ вещей, которыхъ должно назвать сомнительными или даже просто невѣрными. Тамъ гдѣ авторъ возражаетъ противъ чужихъ мнѣній, встречается не мало недоразумѣній; иныхъ возраженій его очень поверхностны. Съ другой стороны, во многихъ слу чаяхъ Каммеръ доказалъ, какъ неумѣстны бываютъ иногда приемы приверженцевъ пѣсненной теоріи. Во всякомъ случаѣ, изъ его изложенія яствуетъ, что это направление,— къ которому, въ сущности, причисляетъ себя и референтъ,— слишкомъ смѣло надѣется восстановить первоначальные составные части, чтѣ, на самомъ дѣлѣ, возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ,— и то не болѣе, какъ приблизительно. Ибо, еще до появленія Пизистратовской редакціи, процессъ ассимиляціи подвинулся, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко.

Что касается положительной стороны мнѣній Каммера, то и въ этомъ отношеніи мы находимъ въ его книгѣ много мѣткаго и прекраснаго. Для примѣра укажемъ на столь же оригинальную, какъ и убѣдительную разработку одиннадцатой рапсодіи. Но, въ сущности, мы всѣ-таки не можемъ согласиться съ его критическими приемами. Если Каммеръ упрекаетъ своихъ противниковъ, что они приступаютъ къ разработкѣ Гомера съ предвзятою теоріею, то въ этомъ можно упрекнуть его самого. Его способъ отыскивать не только интерполяціи, но и пропуски и перестановки,—иногда даже изъ одной рапсодіи въ другую,—слишкомъ часто бываетъ лишенъ прочного основанія, иногда даже всякаго вѣроятія.

Еще за одно слѣдуетъ упрекнуть автора, а именно за *форму изложения*. Лишнее многословіе, частыя повторенія, однообразіе выраженій и оборотовъ, все это только затрудняетъ чтеніе и увеличиваетъ не помѣрно объемъ книги.

Вотъ, почему, прочитавъ съ трудомъ эту объемистую книгу, мы ощутили истинное наслажденіе, обратившись къ разсужденіямъ Лахманна и статьямъ Кирхгоффа. Послѣ безцвѣтнаго изложенія Каммера, особенно приятно поразилъ насъ сжатый, строго научный языкъ этихъ ученыхъ, вмѣстѣ съ отчетливостью аргументаціи, которая не лишается своей привлекательности даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не вполнѣ

соглашаемся съ нею. Но и вообще, кажется, что острый критический ножъ всей этой школы, не смотря даже на множество промаховъ, менѣе вредить рассматриваемому предмету, чѣмъ заплатки Каммера. Итакъ, въ заключеніе, мы можемъ сравнить гомеровскія пѣсни съ платьемъ, состоящимъ изъ художественно соединенныхъ, различного рода превосходныхъ матерій, при гармоническомъ сопоставлении цветовъ, — но соединенныхъ такъ, что въ иномъ мѣстѣ пришелся лишній кусочекъ матеріи, въ то время какъ въ другомъ недостаетъ незначительного куска, вслѣдствіе чего платье, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, кажется кое-гдѣ разорваннымъ. Каммеръ и другие приверженцы этой школы хотятъ непремѣнно имѣть цѣлое платье: поэтому они отрѣзываютъ лишнее, сшиваютъ и кладутъ заплатки, и получаютъ, такимъ образомъ, нѣчто такое, что удовлетворяетъ, пожалуй, нашему субъективному вкусу, но никогда въ этомъ видѣ не существовало раньше.

Ф. С.

Лейпцигъ, январь 1874 г.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

КЕССЛЕРЪ, Э. Синтаксисъ латинскаго языка. 1874. Цена 1 р. 25 к., перес. за 2 фунта.

Продается въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера, на Невскомъ просп., д. 14, въ С.-Петербургѣ.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1875 ГОДУ.

Журналъ „Чтения въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1875 году.

Духовная журналистика въ послѣднее время обращаетъ все большее и большее вниманіе на журналъ „Чтения“ и нерѣдко даетъ о немъ благопріятные отзывы. Это обстоятельство приводитъ редакцію „Чтений“ къ мысли, что ея усилія—содѣйствовать, по возможности, преуспѣянію духовнаго просвѣщенія въ средѣ своихъ соотечественниковъ — не остаются напрасными и что выработанная ею программа журнала удовлетворяетъ, въ извѣстной степени, духовнымъ потребностямъ времени. Ободряемая этой мыслю, редакція „Чтений“ считаетъ своимъ долгомъ и въ наступающемъ году употребить все отъ нея зависящее къ дальнѣйшему улучшенію журнала какъ съ внут-

речеи, такъ и съ вѣшней стороны, и къ всестороннему выполнению своей программы.

Въ наступающемъ году, какъ и прежде, страницы первого отдѣленія „Чтеній“ будутъ открыты для статей по св. писанію, церковной исторіи — общей и русской и апологетикѣ. — Принимая во внимание неоднократныя замѣчанія текущей журналистики о неудобствахъ печатанія въ повременныхъ изданіяхъ обширныхъ изслѣдований и находя эти замѣчанія несправедливыми, редакція озабочится устраненіемъ указанныхъ неудобствъ чрезъ помѣщеніе въ журналѣ большаго количества статей, необширныхъ по объему, но во всякомъ случаѣ она никогда не откажется себѣ въ удовольствіи напечатать всякое дѣльное и интересное изслѣдованіе, не стѣсняясь его размѣрами. Въ будущемъ году редакція намѣрена помѣщать и переводные статьи и изслѣдованія по разрабатываемымъ въ журналѣ отраслямъ богословской науки — какъ сполна, такъ и въ извлеченияхъ.

Второе отдѣленіе журнала будетъ посвящено церковной хроникѣ, критикѣ и библіографіи. Такъ какъ помѣщеніе свѣдѣній о „событияхъ дна“ очевидно неудобно въ изданіи, выходящемъ однажды въ мѣсяцъ, то редакція „Чтеній“ будетъ давать въ своей хроникѣ лишь систематические обзоры наиболѣе замѣчательныхъ событий и явлений въ церковной жизни, облекая эти обзоры въ форму законченныхъ статей. Газетный же собственно свѣдѣнія найдутъ мѣсто въ другомъ изданіи Общества любителей духовн. просвѣщ. — въ Московскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ.

Третье отдѣленіе, состоящее изъ материаловъ по Русской исторіи, будетъ сохранено и въ наступающемъ году.

Сверхъ того съ 1875 года въ журналѣ будетъ приложеніе, въ которомъ будетъ печататься переводъ толкованій Вальсамона, Зонара и друг.

Такимъ образомъ программа „Чтеній“ на 1875 годъ будетъ слѣдующая:

а) Священное писаніе. Въ эту отдельную войдутъ статьи исагогического и истолковательного содержанія.

б) Церковная исторія — всеобщая и русская.

в) Православная христіанская апологетика.

По этимъ тремъ отдѣламъ будутъ помѣщаемы статьи и изслѣдованія какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

г) Церковная хроника.

д) Критика и библіографія.

е) Материалы для истории Русской церкви.

Приложение, переводъ толкованій *Вальсамона*.

„Чтения“ въ 1875 году будутъ выходить книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Годовая цѣна изданія — безъ доставки и пересылки 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою 7 р.

Приступая къ изданію Московскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей въ истекающемъ году, редакція рѣшилась измѣнить нѣсколько ихъ характеръ. — Не забывая о ближайшей задачѣ мѣстнаго епархиальнаго изданія — сообщать свѣдѣнія, потребныя прежде всего для духовенства одной извѣстной епархіи и имѣющія по преимуществу мѣстный интересъ, — редакція въ то же время сознавала, что недостаточно ограничиться выполнениемъ этой задачи въ такомъ изданіи, которое для значительной части епархиальнаго духовенства, особенно сельскаго, служитъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни, совершающей теченіе за предѣлами того или другаго прихода. Поэтому редакція пришла къ мысли о необходимости — сдѣлать М. Е. Вѣдомости болѣе разнообразными по содержанию и именно — сохраняя за ними значеніе мѣстнаго епархиальнаго органа — дать въ нихъ болѣе мѣста свѣдѣніямъ о событияхъ и явленіяхъ въ церковно-общественной жизни не только нашего отечества, но и другихъ странъ, и такимъ образомъ сообщить Вѣдомостямъ характеръ церковной газеты. Кроме того — имѣя въ виду развитіе въ нашихъ селахъ школьнаго дѣла и довольно значительное участіе въ этомъ дѣлѣ духовенства, редакція нашла не излишнимъ заносить на страницы Вѣдомостей извѣстія о болѣе или менѣе замѣчательныхъ явленіяхъ въ педагогической области. — Указанными соображеніями редакція намѣрена руководствоваться при изданіи Московскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей и въ наступающемъ году.

Программа Вѣдомостей на 1875 годъ — слѣдующая:

а) Передовыя статьи, въ которыхъ будутъ обсуждаться наиболѣе обращающіе на себя вниманіе факты и явленія въ современной жизни церкви.

б) Свѣдѣнія епархиальные.

в) Свѣдѣнія о современныхъ событияхъ въ церкви отечественной и въ иноземныхъ православныхъ церквяхъ.

г) Свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ событияхъ въ жизни инославныхъ обществъ.

д) Извѣстія о выдающихся явленіяхъ въ области педагогики и о ходѣ школьнаго дѣла на Руси.

е) По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ М. Е. В. будутъ помѣщаемы, вслѣдъ за передовыми статьями, воскресныя бесѣды.

Сверхъ того редакція предполагаетъ сообщать, по временамъ, свѣдѣнія о духовныхъ журналахъ, съ краткимъ указаніемъ содержанія и достоинствъ помѣщаемыхъ въ нихъ статей.

Съ начала текущаго года въ М. Е. В. былъ отведенъ особый отдѣлъ для извѣстій о дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ. Но такъ какъ съ февраля настоящаго года православное Міссіонерское Общество предприняло издание журнала, посвященнаго исключительно миссіонерству въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи: то особаго міссіонерскаго отдѣла въ М. Е. В. въ 1875 г. не будетъ. Заслуживающія вниманія свѣдѣнія о современной міссіонерской дѣятельности будутъ, время отъ времени, помѣщаемы въ 3 и 4 отдѣлахъ Вѣдомостей.

Редакція М. Е. В. неоднократно обращалась къ епархіальному духовенству съ просьбою о присылкѣ корреспонденцій. Эту же просьбу она рѣшается повторить еще разъ, при чемъ заявляется, что ею съ благодарностію будутъ принимаемы корреспонденціи, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о древнихъ, находящихся въ предѣлахъ московской епархіи храмахъ, иконахъ, надгробныхъ памятникахъ и под., о мѣстныхъ религіозныхъ обычаяхъ, народныхъ суевѣріяхъ, обѣ отношеніи прихожанъ къ причтамъ, объ участіи духовенства въ народномъ образованіи и под.

Цѣна М. Е. В. въ 1875 г.—безъ дост. и перес. 3 р. 50 к., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.

Лица, высыпающія „Чтения“ и „М. Е. В.“ вмѣсть, высыпаютъ за оба изданія 9 р. с.

Воскресныя бесѣды, издаваемыя Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія и печатаемыя первоначально за три недѣли впередъ въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и изъ нихъ въ тоже время переводимы въ отдѣльные оттиски для своевременнаго полученія во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, будутъ тѣмъ же порядкомъ продолжаемы и въ 1875 году.

Воскресныя Бесѣды выходить еженедѣльно. Цѣна годового изданія изъ 52 листковъ—50 коп., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москву и пересыпкою въ другіе города—1 р. 10 к.

Подписка на всѣ изданія Общества принимается въ Москву, въ

Епархиальной библиотекъ, въ Высокопетровскомъ монастырь, въ редакціи изданий Общества люб. дух. просвещенія—на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника В. П. Рождественскаго, въ типографіи А. В. Кудрявцевой, у большаго Каменного моста, домъ Котельниковой (быв. Сорокина) и у книгопродавцевъ Ферапонтова, на Никольской ул., и Соловьева, на Страстномъ бульварѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія журнала

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

въ 1875 году.

„Труды Кіевской духовной Академіи“ будуть издаваться въ 1875 году по прежней программѣ.

Въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи“ будуть помѣщаться:

I. Переводъ съ еврейскаго ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Лекціи наставниковъ Академіи и произносимыи ими церковныя собесѣданія.

III. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки.

IV. Переводы сочиненій иностранныхъ ученыхъ, замѣчательныхъ по отношенію къ богословской наукѣ.

V. Статьи, имѣющія предметомъ критическое обозрѣніе произведеній современной, по преимуществу богословской и философской литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной.

VI. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ только специалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

VII. Въ приложеніи къ журналу будутъ печататься протоколы засѣданій академического Совѣта.

Труды будуть выходить ежемѣсячно книжками отъ 12 до 20 листовъ. Цѣна годовому изданію 5 рублей, съ пересылкою въ другіе города 6 рублей.

Подписка принимается въ редакціи изданія при Киевской духовной Академіи, а также въ Москвѣ—у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ С.-Петербургѣ—у книгопродавца С. И. Литова.

Въ редакціи можно получать „Труды Киевской духовной Академіи“ прежнихъ годовъ (1860—1874 гг.) и „Воскресное чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), VI (1842—43), VII (1843—44) X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71).

„Труды Киевской духовной Академіи“ продаются по уменьшенню цѣнѣ: 1860—1869 годы по 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 руб. 60 коп.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, съ пересылкою 4 руб. 60 коп.; за 1874 годъ 4 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ пересылкою 5 руб. 50 коп.

„Воскресное Чтеніе“ продается на мѣстѣ по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки, а съ пересылкою и укупоркою 2 руб. 60 коп.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскресного Чтенія“ дѣлается уступка по 25 коп. съ рублем; покупатели „Воскресного Чтенія“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1861—1869 гг. отдельно продаются на мѣстѣ по 40 коп., съ пересылкою 55 коп., а 1870—1873 гг. по 50 коп. книжка, съ пересылкою 65 коп.

Въ редакціи продаются книги:

1) Толкованіе на первые 26 псалмовъ, высокопреосвященнаго Арсения, митрополита Киевскаго (въ 8 д. 634 стран.). Цѣна (вместо трехъ рублей) 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 75 коп.

2) Изъясненіе Божественной Литургіи, высокопреосвященнаго Арсения, митрополита Киевскаго (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 75 коп.

3) Бесѣды сельского священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ (дополненіе къ 5-му уже раскупленному изданію). Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

4) Книга для наиздательного чтенія. Издание второе. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

5) Сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.

6) Пятидесятилѣтній юбилей Киевской Духовной Академіи (28-го сентября 1869 года). Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 40 коп.

7) Исслѣдованіе о Талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

8) 9-ть историческихъ книгъ св. Писанія Ветхаго завѣта, въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. Гулаева. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.

9) Жизнь и творенія блаженнаго Августина. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

10) Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Ц. 60 коп., съ пер. 70 коп.

11) Послѣдніе дни жизни преосвященнаго Филарета, митрополита Киевскаго. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

12) Описаніе 50-лѣтнаго юбилея высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита Киевскаго и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Примѣчаніе. При покупкѣ этихъ 12 сочиненій на большую сумму, редакція дѣлаетъ уступку съ цѣны книгъ и съ пересыпочной суммы: 10 коп. съ рубля при покупкѣ ихъ на 10—15 руб.; 15 коп. съ рубля при покупкѣ на 15—20 руб. и 25 коп. съ рубля выписывающимъ болѣе, чѣмъ на 20 рублей.

13) Христіанская наука, или основанія св. герминевтики, твореніе блаж. Августина. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

14) Ученіе св. отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

15) Императоръ Феодосій. Ц. 30 коп., съ пер. 45.

16) Императоръ Юстиніанъ и его заслуги для церкви. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

17) Софоній, патріархъ Іерусалимскій. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

18) Михаилъ Керулларій. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

19) О времени крещенія св. Ольги. Ц. 10 коп., съ пер. 16 коп.

20) Киевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. В. И. Асконенскаго. Два тома. Ц. 2 руб. 50 коп., съ пер. 3 руб.

21) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

- 22) О чинѣ православія. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.
- 23) О первоначальномъ переводаѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.
- 24) Библейская хронологія. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.
- 25) Происхожденіе книги Іова. Ректора Кіевской академіи, архимандри́та (нынѣ епископа) Филарета. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 75 коп.
- 26) Ученіе о церкви въ первыс три вѣка христіанства. Инспекто́ра Кіевской академіи, архимандри́та Сильвестра. Ц. 1 руб. 20 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.
- 27) О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Постѣхова. Ц. 2 руб. 50 коп., съ пер. 3 руб.
- 28) Мелетій Сиагастъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви. Т. 1-й. Ив. Игнат. Малышевскаго. Ц. 3 руб. 50 коп., съ пер. 4 руб.
- 29) Руководство къ начальному обученію. Ц. 60 коп., съ пер. 70 коп.
- 30) Обзоръ философскихъ ученій. И. Ив. Линицкаго. Ц. 1 руб. 60 коп.
- 31) Философія отцевъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 85 коп., съ пер. 2 руб.
- 32) Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К. Ив. Скворцова. Ц. 65 коп., съ пер. 80.
- 33) Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 35 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.
- 34) Записки по церковному законопѣдѣнію, прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 руб. 5 коп.
- 35) О богослуженіи православной церкви. И. М. Скворцова. Ц. 65 коп., съ пер. 80 коп.
- 36) Ветхозавѣтная исторія. И. М. Скворцова. Ц. 55 коп., съ пер. 70 коп.
- 37) О видахъ и степеняхъ родства. Прот. И. М. Скворцова. Ц. 35 коп., съ пер. 45 коп.
- 38) О происхожденіи и составѣ Римско-католической литургіи и отличіи ея отъ православной. Ив. М. Бобровницкаго. Ц. 65 коп., съ пер. 80 коп.
- 39) Синайское дѣло. А. Д. Воронова. Ц. 80 коп., съ пер. 90 коп.
- 40) Сборникъ изъ лекцій бывшихъ паставниковъ Кіевской духовной академіи, архимандри́та Инонокентія, прот. Ив. М. Скворцова,

П. С. Авсеньева (архимандрита Феофана) и Я. К. Амфитеатрова.
Ц. 3 руб., съ пер. 3 руб. 40 коп.

41) Объ отношеніи древней христіанской церкви къ Римскому
государству. П. А. Лашкарева. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.

42) Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. Ф. А. Тер-
новского. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

43) Русская проповѣдь при Петрѣ I. Ф. А. Терновского. Ц. 50 коп.,
съ пер. 60 коп.

44) Беконъ Веруламскій. Куно-Фишера (съ портретомъ Бекона).
Ф. А. Терновского. Ц. 40 коп. съ пересылкою.

45) Общедоступная христіанская библіотека, т. 1-й. Послѣдніе
дни Йерусалима. Переводъ протоіерея К. Л. Кустодієва. Ц. 1 руб.,
съ пер. 1 руб. 15 коп.

46) Пособіе къ изученію евангельской исторіи. Діакона Держа-
вина. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

47) О богослуженіи воскресномъ и праздничномъ въ соединенной
церкви Англіи и Ирландіи. Кіевъ. 1870 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп.

48) Логика Гагемана. Переводъ съ нѣмецкаго Богоявленскаго.
Ц. 65 коп., съ пер. 80 коп.

49) Очерки быта древнихъ евреевъ. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

50) Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіев-
ской духовной академіи первыхъ XXIV курсовъ (1819 — 1860). П. 5 коп.,
съ пер. 10 коп.

51) Апокризисъ Христофора Филаleta, въ переводѣ на совре-
менный русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями и примѣча-
ніями. (Изд. въ память юбилея Кіевской духовной академіи 28-го
сентября 1869 г., большой томъ болѣе 600 страницъ). Ц. съ пер.
три рубля.

*Редакція „Трудовъ Кіевской Академіи“ покорнѣше просить ре-
дакціи журналовъ, газетъ и епархиальныхъ вѣдомостей, которая
обмѣнивались своимъ изданіями въ настоящемъ году, продолжать и
въ будущемъ таковой обмѣнъ и напечатать настоящее обображеніе,
по возможности, въ ближайшихъ книгахъ и нумерахъ. Съ своей сто-
роны редакція не замедлитъ отплатить тѣмъ же.*



ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Борьба Демосфена съ Эсхиномъ по поводу
посольства къ Македонскому царю Фи-
липпу II въ 346 году до Р. Х. .**

А. ФЕСЕНКО-НАВРОЦ-
КАГО.

Поэтика Аристотеля

Д-РА ШУСТЕРА.

Библиографія:

D-r Ed. Kammer. Die Einheit der Odyssee, nach Wider-
legung der Ansichten von Lachmann, Steinthal.
Koechly, Hennings und Kirchhoff dargestellt. An-
hang: Homerische Blätter von Prof. D-r *Lehrs*
(Д-р Эд. Каммеръ. Изложеніе единства Одис-
секи опроверженіе взглядовъ Лахманна, Штейн-
тала, Кѣхля, Геннингса и Кирхгофа. Проф. д-ра
Лерса). Лейпцигъ 1873 г.

Ф. С.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкою въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдельныя книжки журнала съ 1862 года — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ CLXXVII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Сношения Россіи съ Европейскими державами предъ отечественною войною 1812 года.

А. Н. Попова.

Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморѣ. Д. И. Иловайского.

Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константионополѣ XI и XII вѣковъ

В. Г. Васильевскаго.

Критика и библіографія:

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной зѣтописи. Изслѣдование Н. И. Барсова. Варшава, 1873 г.

Е. Е. Замысловскаго.

Отвѣтъ г. Свѣтилину.

М. И. Владиславлева.

Замѣтки по поводу первыхъ уроковъ греческаго языка

В. Боголюбова.

Начальные уроки рисованія и черченія. Шумскаго.

Обозрѣніе дѣятельности министерства народного просвѣщенія за 1874 годъ.

Ізвѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшая училища б) низшая училища.

Отдѣль КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

(См. на 3-й стр. обёртки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ CLXXVII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1875.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННЯ.

6. (25-го ноября 1874 года). *О наименованиі устроенной при погостѣ Марыняхъ школы „Чихачевской“.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія представленіе Псковскаго губернатора, по ходатайству Новоржевскаго уѣзднаго земскаго собранія, о наименованіи устроенной при погостѣ Марыняхъ, на средства мѣстнаго землевладѣльца Чихачева, нынѣ умершаго, народной школы „Чихачевской“.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ этомъ, Высочайше на сіе сеновалъ.

7. (23-го ноября 1874 года). *Объ упраздненіи при Институтѣ сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александриѣ должности механика и объ отдачѣ въ арендное содержаніе мастерской, состоящей при семъ институтѣ.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ засѣданіи 12-го ноября 1874 г., разматривалъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ упраздненіи при Институтѣ сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александриѣ должности механика и объ отдачѣ мастерской въ арендное

содержаніе, съ обращеніемъ имѣющіхъ образоваться отъ сего 1,500 руб. на учрежденіе одной должности доцента по лѣснымъ наукамъ и на усиленіе штатныхъ средствъ по содержанію зданій института.

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, разсмотрѣвъ это дѣло въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія и не встрѣчая препятствій къ утвержденію настоящаго представленія, съ тѣмъ, чтобы изложенные въ ономъ предположенія были приведены въ дѣйствіе съ 1-го января 1875 года, полагалъ:

- 1) Состоящую при Институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсводства въ Новой Александрии механическую мастерскую отдать въ аренное содержаніе, съ упраздненіемъ должности механика, завѣдывающаго сею мастерской и съ обращеніемъ въ государственное казначейство суммы, вырученной отъ отдачи означенной мастерской въ аренду; лице же, занимающее нынѣ должность механика, оставить за штатомъ на общемъ основаніи; и
- 2) Учредить въ семъ институтѣ еще одну должность доцента по лѣснымъ наукамъ, съ присвоеніемъ этому доценту тѣхъ же правъ и преимуществъ, какія предоставлены другимъ доцентамъ сего института и съ тѣмъ, чтобы жалованье сему лицу по *тысяче двѣсти рублей* въ годъ было назначено изъ кредита въ 1,500 руб., остающагося свободнымъ отъ упраздненія должности механика упомянутой мастерской, равно изъ суммы, отпускаемой на содержаніе оной; остающіеся же затѣмъ изъ означенного кредита *триста рублей* присоединить къ суммѣ, отпускаемой по штату института на ремонтъ его зданій и на другія хозяйственныя надобности.

Государь Императоръ на журналѣ комитета соизволилъ написать собственноручно: „*Исполнить*“.

8. (25-го ноября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Валуйской Маріинской женской прогимназіи.*

Валуйское дворянство, движимое чувствомъ приватности къ женѣ дѣйствительнаго статского совѣтника, Клеопатрѣ Ивановнѣ Струве, за заботы ея по званію попечительницы Валуй-

ской Маріинской женской прогимназии, пожертвовавъ четыреста руб., ходатайствовало объ учреждениі, на проценты съ этого капитала, при означенномъ учебномъ заведеніи стипендіи имени ея, Струве, для одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ прогимназии.

Государь Императоръ, по всеподданійшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе означенного ходатайства въ исполненіе.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователей.

9. (20-го ноября 1874 года). *О передачѣ въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ разныхъ наименованій.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о передачѣ въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ разныхъ наименованій, *министерствомъ положено:*

1) Въ областяхъ: Уральской и Тургайской, во внутренней Киргизской Ордѣ, и въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Пензенской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской, существующія нынѣ, но не состоящія въ вѣденіи министерства народнаго просвѣщенія, а равно имѣющія быть открытыми впослѣдствіи инородческія школы и училища: башкирскія, киргизскія и татарскія, подъ разными наименованіями (въ томъ числѣ мектебе и медресе), содержащія на счетъ казны или мѣстныхъ средствъ, а равно и занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ лицъ изъ числа инородцевъ - нехристіанъ, подчинить учебному начальству вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вѣдаются симъ министерствомъ подчиненные

ему нынѣ инородческія и русскія училища и школы въ поименованныхъ выше мѣстностяхъ.

2) Отпускаемыи нынѣ по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ казенные суммы на нѣкоторыи башкирскія и киргизскія школы, подлежащія, на основаніи ст. 1, подчиненію министерству народнаго просвѣщенія, а равно суммы на образованіе башкирскаго и киргизскаго юношества въ заведеніяхъ этого министерства, перенести съ 1-го января 1875 г. въ смѣту сего послѣдняго, передавъ также въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія имущество, принадлежащія училищамъ, поименованымъ въ настоящей статьѣ.

Государь ИМПЕРАТОРЪ такое мнѣніе государственного соѣзда Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

10. (25-го ноября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Астраханской гимназии.*

Чиновники Астраханской казенной палаты и подвѣдомственныхъ ей учрежденій, желая почтить память покойнаго управляшаго палатою, статского советника Пацукевича, собрали капиталъ въ пятьсотъ двадцать руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учредить при Астраханской гимназіи стипендию, съ наименованиемъ ей «стипендія въ память управляшаго Астраханскою казенною палатою, статского советника Дмитрия Францовича Пацукевича».

Вслѣдствіе сообщенія объ этомъ управлявшаго министерствомъ финансовъ и отзыва попечителя казанскаго учебнаго округа, Его ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество, по всеподанайшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйшѣ на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить.

11. (25-го ноября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университете.*

Члены семейства покойнаго статьи-секретаря Балугьянскаго, движимые чувствомъ благодарной памяти къ ихъ отцу и дѣду,

представили въ министерство народнаго просвѣщенія 2,150 руб., на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала, при юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, одной стипендиѣ имени статьи-секретаря Михаила Андреевича Балугынскаго.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему ministra народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше на сie соизволилъ; при чёмъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

12. (25-го ноября 1874 года). Объ учрежденіи стипендиї при Московскомъ университѣтѣ.

Вдова гвардіи штабсъ-капитана Кошелева, представляя закладной листъ Московскаго земельнаго банка въ тысячу руб., обратилась въ совѣтъ Московскаго университета съ прошеніемъ объ учрежденіи, на проценты сего капитала, при юридическомъ факультетѣ означенаго университета, стипендиї имени сына ея Федора Александровича Кошелева, для студентовъ изъ дворянъ

По донесенію объ этомъ попечителя Московскаго учебнаго округа и по всеподданѣйшему ministра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, Высочайше на сie соизволилъ; при чёмъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницу.

13. (25-го ноября 1874 года). Объ учрежденіи стипендиї при Московской третьей гимназіи, при Астраханской гимназіи и при Вольской прогимназии.

Фридрихсгамскій купецъ Александръ Кудиновъ, представивъ въ министерство народнаго просвѣщенія пять 5% билетовъ государственного банка, каждый по одной тысячѣ руб. и при каждомъ по одиннадцати купоновъ, всего, кромѣ купоновъ, на сумму пять тысяч руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи на проценты съ этого капитала четырехъ стипендій, а именно: 1) при Московской третьей гимназіи одной стипендиѣ на капиталъ въ 2,000 руб.; 2) при Астраханской гимназіи двухъ стипендиѣ на капи-

таль въ 2,000 руб., по одной тысячѣ рублей каждая, и 3) при Вольской прогимназіи одной стипендіи на капиталъ въ 1,000 р., съ наименованіемъ изъ нихъ: первой — «стипендія Фридрихсгамскаго купца Александра Алексѣевича Кудинова», а послѣднихъ трехъ «стипендіи коммерціи совѣтника и Астраханскаго перво-статейного купца Алексѣя Петровича Сапожникова, учрежденныя Фридрихсгамскимъ купцомъ Александромъ Алексѣевичемъ Кудиновымъ».

Вслѣдствіе отзывовъ по сему предмету попечителей Московскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, и по всеподданнѣйшему Его Императорскому Величеству докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить.

14. (20-го ноября 1874 года). *Объ учрежденіи въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ должности директора и о правахъ и преимуществахъ служащихъ и учащихся въ этомъ училищѣ.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ должности директора и о дарованіи правъ и преимуществъ служащимъ и учащимся въ этомъ училищѣ и соглашаясь въ существѣ съ заключеніями министерства, мнѣнiemъ положилъ:

I. Для управления Виленскимъ Маріинскимъ высшимъ женскимъ училищемъ и состоящимъ при немъ пансиономъ, учредить, съ 1-го января 1875 года, должность директора училища, съ тѣмъ, чтобы директоръ состоялъ въ училищѣ преподавателемъ одного предмета по собственному избранію, за особое вознагражденіе изъ штатной суммы.

II. Права и преимущества служащихъ въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ училищѣ, а также учащихся въ немъ, установить на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Директору училища производится содержание по *день* *тысяч* руб. въ годъ (1,200 р. жалованья и 800р. столовыхъ), при казенной квартире, и присваиваются: V классъ по должности, V разрядъ по мундиру, пенсія по учебной части и права по чинопроизводству наравнѣ съ директорами мужскихъ гимназий вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

2) Преподаватели училища, имѣющіе одобрительные аттестаты обѣ окончаніи полнаго университетскаго курса и свидѣтельства на званіе учителя мужской гимназіи, буде не состоять на государственной службѣ и имѣютъ не менѣе шести уроковъ въ недѣлю, пользуются по чинопроизводству и по пенсіи правами, присвоенными учителямъ мужскихъ гимназій.

3) Преподавательницы (въ томъ числѣ главная надзирательница и воспитательница, если онѣ преподаютъ въ училищѣ), коимъ предоставлено званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ, пользуются всѣми правами лицъ, носящихъ сіи званія. Пенсіи имъ назначаются въ установленномъ размѣрѣ изъ капитала министерства народного просвѣщенія для выдачи пенсій домашнимъ наставникамъ, наставницамъ и учительницамъ, съ вычетомъ 2% изъ ихъ жалованья на усиленіе сего капитала.

4) Врачу и письмоводителю училища предоставляются служебныя права, дарованные таковыми же должностными лицами мужскихъ гимназий вѣдомства министерства народного просвѣщенія; правами письмоводителя пользуется также и смотритель зданія (онъ же и экономъ).

5) Воспитанницамъ училища, при отличномъ поведеніи съ успѣхомъ окончившимъ полный общій (семиклассный) курсъ ученія, выдаются одобрительные аттестаты, а отличившія изъ нихъ награждаются сверхъ того книгами и медалями — серебряными и золотыми.

6) На основаніи выданного при выпускѣ аттестата, девицы, окончившія полный общій (семиклассный) курсъ ученія, получаютъ, установленнымъ порядкомъ, не подвергаясь особому ис-

питанію, свидѣтельства на званіе домашніхъ учительницъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ оказали отличные или хорошие успѣхи.

7) Воспитанницы, окончившія съ успѣхомъ курсъ въ специальномъ (педагогическомъ) классѣ, пріобрѣтаютъ званіе домашнихъ наставницъ.

8) Ученицамъ, хотя не получившимъ аттестатовъ, но окончившимъ полный общій (семиклассный) курсъ училища, предоставляется званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ народныхъ училищъ. Тѣмъ же правомъ пользуются ученицы, получившія одобрителныя свидѣтельства объ окончаніи курса въ низшихъ четырехъ классахъ училища, если ими, по достижениіи шестнадцатилѣтняго возраста, исполнены будуть, не менѣе полугода, обязанности помощницы учителя или учительницы при начальномъ училищѣ.

III. На содержаніе директора училища обратить, начиная съ 1-го января 1875 года: 1) изъ суммъ, ассигнуемыхъ по § 16 ст. 3, смѣты министерства народного просвѣщенія на пособіе: а) Виленскому училищу 300 руб. и б) частнымъ однокласснымъ женскимъ училищамъ въ городахъ Ошмянахъ, Лідѣ и Диснѣ, всего 1,155 руб., и 2) изъ специальныхъ средствъ училища 545 руб., прекративъ, съ того же времени, производство пособія называемымъ тремъ училищамъ, по 385 руб. въ годъ на каждое, изъ суммъ государственного казначейства.

IV. Воспитанницамъ, окончившимъ въ Виленскомъ Маринскомъ училищѣ полный общій курсъ ученія въ 1874 году, предоставить права, опредѣленныя въ § 46 Высочайше утвержденного 9-го января 1862 года, устава училищъ для приходящихъ дѣвидъ вѣдомства учрежденій Императрицы Марии и въ ст. 30 и 45 Высочайше утвержденного ^{24-го мая}_{5-го июня} 1870 г. положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народного просвѣщенія.

Государь Императоръ таковое мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

15. (25-го ноября 1874 года). *О наименовании открытой въ г. Бѣлгородѣ мужской гимназіи именемъ Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго.*

Бѣлгородское (Курской губерніи) уѣздное земское собраніе 22-го марта 1874 года постановило ходатайствовать о наименовании открытой въ г. Бѣлгородѣ мужской гимназіи именемъ Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго, въ память бракосочетанія съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Маріею Александровною Герцогинею Эдинбургскою.

Всѣдѣствіе сообщенія объ этомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и изъявленнаго на это согласія Его Высочества Герцога Эдинбургскаго, Его Императорское Величество, по всеподданѣйшему докладу ministра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ.

16. (25-го ноября 1874 года). *О присвоеніи учрежденному въ г. Курскѣ двухклассному начальному народному училищу наименования „Семеновскаго“.*

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство Курскаго городскаго общества о присвоеніи учрежденному въ г. Курскѣ, на средства мѣстнаго городскаго общества, двухклассному начальному народному училищу именованія «Семеновскаго», въ честь имени покойнаго астронома-самоучки Семенова, Курскаго уроженца.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу ministra народнаго просвѣщенія объ этомъ, Высочайше на сіе соизволилъ.

17. (25-го ноября 1874). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи.*

Купеческая вдова Пелагея Анисимова, препроводивъ къ ди-

ректору Рижской Александровской гимназии билетъ третьаго Рижскаго общества взаимнаго кредита (вѣчный вкладъ за № 9) на сумму шестысотъ руб., просила исходатайствовать разрѣшеніе на учрѣженіе изъ процентовъ съ означенаго капитала при названной гимназии стипендіи имени покойнаго ея мужа, съ наименованіемъ оной: «стипендія Федора Федоровича Анисимова».

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить.

18. (25-го ноября 1874 года). Относительно участія директоровъ и инспекторовъ классическихъ прогимназий и директоровъ учительскихъ институтовъ и семинарій въ дѣлахъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 8-й день октября 1873 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложеніи обязанностей по предсѣдательству въ педагогическомъ и участію въ попечительныхъ совѣтахъ женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на штатныхъ смотрителей уѣздныхъ и учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ въ томъ лишь случаѣ, когда въ мѣстонахожденіи женской гимназіи или прогимназіи не будетъ директора мужской гимназии или реальнаго училища, или инспектора классической прогимназіи.

Въ настоящее время, когда въ городахъ съ женскими гимназіями и прогимназіями открываются, кромѣ поименованныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній, еще шестиклассная прогимназія, учительскіе институты и учительскія семинаріи, министръ народнаго просвѣщенія, въ видахъ поднятія учебной и воспитательной частей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ къ Государю Императору докладомъ о Высочайшемъ повелѣніи: 1) возлагать упомянутыя обязанности по женскимъ учебнымъ заведеніямъ, послѣ директоровъ

мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, на директоровъ и инспекторовъ классическихъ прогимназій и директоровъ учителскихъ институтовъ и семинарій, если послѣдніе назначены отъ правительства, и затѣмъ уже на штатныхъ смотрителей уѣздныхъ и учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ, и 2) въ случаѣ открытия женской гимназіи или прогимназіи въ городаѣ, где не существуетъ ни одного изъ поименованныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній, исполненіе обязанностей по предсѣдательству въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи или прогимназіи поручать начальницамъ сихъ заведеній.

Его ИМПЕРАТОРСКОЕ Величество на приведеніе въ исполненіе изложенныхъ министромъ народного просвѣщенія предположений ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ СОИЗВОЛИЛЪ.

19. (25-го ноября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.*

Вдова Рижского купца, Пелагея Анисимова, препроводивъ къ директору Рижской Александровской гимназіи билетъ 3-го Рижского общества взаимного кредита (вкладъ вѣчный № 8) на сумму восемьсотъ руб., ходатайствовала объ учрежденіи при Рижской женской Ломоносовской гимназіи, на проценты съ этого капитала, стипендіи имени покойнаго мужа ея, Ф. Ф. Анисимова, съ тѣмъ, чтобы стипендія эта была выдаваема одной изъ бѣдныхъ и прилежныхъ ученицъ гимназіи, по выбору ея, жертвовательницы, а послѣ ея смерти, по усмотрѣнію педагогического совѣта заведенія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народного просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложенного ходатайства въ исполненіе.

При этомъ Его ИМПЕРАТОРСКОМУ Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвовательницу.

20. (25-го ноября 1847 года). *О присвоеніи открытому въ городѣ Селенгинскѣ женскому начальному училищу наименованія «Маріинскаго».*

Главное управление Восточной Сибири сообщило министерству народного просвещения приговоръ Селенгинскаго, Забайкальской области, городского общества, съ ходатайствомъ о присвоеніи открытому въ городѣ Селенгинскѣ, въ 1873 году, на городскія средства женскому начальному училищу наименованія «Маріинскаго», въ память бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народного просвещенія объ этомъ, Высочайше на сие соизволилъ и повелѣлъ благодарить Селенгинское городское общество.

21. (20-го ноября 1874 года). *О преобразованіи лицея князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ въ Историко-филологический институтъ князя Безбородко.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта о преобразованіи лицея князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ въ Историко-филологический институтъ князя Безбородко, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта

Константина.

Мѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народного просвещенія о преобразованіи лицея князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ въ Исто-

рико-филологической институтъ князя Безбородко, и соглашалась въ существѣ съ заключеніемъ его, министра, мнѣніемъ поломки:

I. Лицей князя Безбородко въ Нѣкоторъ преобразовать, въ будущемъ 1875 году, въ Историко-филологической институтъ князя Безбородко, на основаніи Высочайшѣ утвержденныхъ устава и штата Императорскаго историко-филологического института, съ слѣдующими въ семъ уставѣ измѣненіями и дополненіями:

1) Означенный институтъ состоять въ главномъ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія и подчиняется непосредственно попечителю Кіевскаго учебнаго округа, чрезъ котораго восходятъ къ министру всѣ представленія института по дѣламъ, требующимъ разрѣшенія высшаго начальства.

2) Секретарь правленія, бухгалтеръ, экзекуторъ и врачъ избираются директоромъ и утверждаются въ должностіи, а равно увольняются отъ оной, попечителемъ учебнаго округа.

3) Ученіе въ институтѣ раздѣляется на четыре годичныхъ курса. Распределеніе предметовъ преподаванія по курсамъ, раздѣленіе высшихъ курсовъ по специальностямъ и определеніе сихъ специальностей, порядокъ производства испытаний и репетицій, а равно и практическія упражненія студентовъ, опредѣляются особыми правилами, составляемыми конференціею института и утвержденными министромъ народного просвѣщенія.

4) Академическій годъ въ институтѣ продолжается съ 16-го августа до 15-го іюня.

5) Утвержденію попечителя учебнаго округа предоставляется:
 а) распределеніе суммъ, назначенныхъ по штату института;
 б) утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача; в) утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7.000 руб. на одинъ предметъ;
 г) утвержденіе постановленій конференціи института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ института и оставленіи ихъ на второй годъ въ курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по разнымъ причинамъ.

6) Всѣмъ вообще студентамъ, выпускаемымъ изъ института,

дозволяется, по окончаніи курса, оставлять при себѣ учебныя книги, по опредѣленію конференціи, по тѣмъ специальными предметамъ, къ преподаванію которыхъ они будутъ назначены, а равно и одежду.

7) Институтъ пользуется всѣми правами, присвоенными университетамъ въ статьяхъ 125 — 135 общаго устава университетовъ.

8) Институтъ имѣтъ собственный печати: большую и малую, съ изображеніемъ государственного герба и съ надписью: Историко-филологическій институтъ имп. Безбородко въ Нѣжинѣ.

9) Относительно пенсій и единовременныхъ пособій, служащіе по учебной части при институтѣ пользуются правами, изложенными въ статьяхъ 467—529 уст. о пенс. и единовр. пособ. (Св. Зак. изд. 1857 г., т. III). Директору назначается пенсія наравнѣ съ попечителями учебныхъ округовъ, профессорамъ — наравнѣ съ профессорами университета св. Владимира, а преподавателямъ и наставникамъ — наравнѣ съ учителями гимназій г. Киева.

II. Нѣжинскую гимназію обратить въ гимназію при институтѣ и поставить ее къ оному въ тѣ отношенія, въ какихъ находится гимназія Императорскаго историко-филологическаго института къ сему послѣднему, съ предоставлениемъ министру народнаго просвѣщенія права, не выходя изъ штатной суммы, назначенной на Нѣжинскую гимназію, и примѣнительно къ устройству гимназій, существующей при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, приспособить ее къ цѣлямъ новаго института.

III. Должность почетнаго попечителя лицея, изъ рода графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, сохранить и на будущее время съ тѣми же служебными правами, предоставивъ лицу, занимающему оную, участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія института по дѣламъ, въсажающимъ хозяйственной и административной частей, и возложивъ на него наблюденіе за своевременнымъ поступлениемъ, а равно предоставивъ ему право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи

графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взносу въ пользу лицея, прими́тительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденного 30-го июля 1871 г. устава гимназий и прогимназий вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Лицъ, служащихъ при лицѣ, которыхъ не получать назначенія съ преобразованіемъ заведенія по новому уставу, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

V. Предоставить министру народнаго просвѣщенія:

1) Избрать на первый разъ, при открытии института, инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ, съ тѣмъ, чтобы избраніе всѣхъ сихъ лицъ на будущее время было производимо на точномъ основаніи устава института.

2) Озаботиться, чтобы нынѣшніе стипендіаты лицея князя Безбородко, въ случаѣ нежеланія ихъ продолжать курсъ въ преобразованномъ заведеніи, обеспечены были въ денежныхъ средствахъ для окончанія начатаго ими юридического образованія, безъ испрошенія на то особаго кредита; и

3) Составить проекты устава и штата для учреждаемаго въ Нѣжинѣ института князя Безбородко прими́тительно къ уставу и штату Историко-филологического института, съ вышеозначенными измѣненіями и дополненіями, и затѣмъ, по сношениі со вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, представить упомянутые проекты на Высочайшее утвержденіе.

VI. Въ дополненіе къ получаемой нынѣ Нѣжинскимъ лицеемъ суммѣ (14.250 руб.), ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственного казначейства на институтъ князя Безбородко *семидесятъ три тысячи девятьсотъ четырнадцать рублей*, со временемъ сей суммы въ подлежащее подраздѣленіе расходной сметы министерства народнаго просвѣщенія.

VII. Отпускъ исчисленной въ предшешней статьѣ суммы начать съ 1-го января 1875 года, съ тѣмъ, чтобы, впередъ до открытия института, она могла быть, по усмотрѣнію министра народ-

наго просвѣщенія, употребляема на первоначальное обзаведеніе института учебными пособіями и хозяйственными принадлежностями.

22. (3-го декабря 1874 года). *Объ учрежденіи учительской семинарии въ г. Череповецѣ, Новгородской губерніи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народного просвѣщенія объ учрежденіи учительской семинарії въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи, мнѣніемъ положилъ:

1) Открыть въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи, учительскую семинарію, предоставивъ министру народного просвѣщенія примѣнить къ сему учебному заведенію Высочайше утвержденные 17-го марта 1870 года положеніе и штатъ Моло-дечинской учительской семинаріи.

2) Содержаніе Череповской учительской семинаріи отнести:
а) на средства Новгородского губернского земства, въ размѣрѣ *восьми тысяч рублей* въ годъ, и б) на счетъ государственного казначейства въ размѣрѣ *шести тысяч восемисотъ десяти рублей* въ годъ, со внесениемъ этой послѣдней суммы, начиная съ 1875 года, въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ счѣтъ министерства народного просвѣщенія.

3) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Череповской учительской семинаріи остатки раздѣлять на двѣ части: одну часть, пропорциональную ассигнуемой на сю семинарію изъ казны суммѣ, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, а другую часть оставлять въ распоряженіи начальства семинаріи для употребленія на нужды оной.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственного совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

23. (10-го декабря 1874 года). *Объ учреждении в г. Остроге, Волынской губернии, учительской семинарии.*

Государственный советъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, учительскую семинарію, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія применить къ сему учебному заведенію Высочайше утвержденные 17-го марта 1870 г. положеніе и штатъ Молодечнинской учительской семинаріи.

2) На содержаніе означенной вновь учрежденной семинаріи ассигновать въ ежегодному отпуску изъ государственного казначейства, начиная съ 1875 года, по четырнадцати тысячамъ восемьсотъ десяти руб. въ годъ, со внесеніемъ этой суммы въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ сметъ министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственного совета Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗЪ.

25-го ноября 1874 года (№ 14). Утверждается: Иваново-Вознесенскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ, тамошній 1-й гильдіи купецъ *Борисовъ*—почетнымъ попечителемъ Иваново-Вознесенскаго реального училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Люгбилью*—по 15-е августа 1875 года; экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Минаеву*—по 1-е января 1876 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлью: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ

Котляревскій и доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Бунге — на годъ; кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Шварц — на два года.

Уволняется въ отпускъ за границу и внутри Россіи: экстраординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій советникъ Вельяминовъ-Зерновъ — на годъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (14-го декабря 1874 года). *Правили о стипендіяхъ Агафии Сергеевны Коваленской, урожденной Тихоцкой, и Сергея Павловича Тихоцкаго при Императорскомъ Харьковскомъ университете.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университете учреждается на счетъ процентовъ съ завѣщанного штабъ-ротмистромъ Сергеемъ Павловичемъ Тихоцкимъ капитала въ двѣнадцать тысячъ пятьсотъ руб., заключающагося въ билетѣ Харьковскаго го родскаго купеческаго банка, три стипендіи въ 291 руб. 66 коп. въ годъ каждая.

§ 2. Означенныя стипендіи, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го сентября 1874 года, именуются, двѣ изъ нихъ: «стипендіями Агафии Сергеевны Коваленской, урожденной Тихоцкой», и одна «стипендіею Сергея Павловича Тихоцкаго».

§ 3. Стипендіи эти предоставляются бѣднѣйшимъ студентамъ, безъ различія факультетовъ, преимущественно изъ родственниковъ покойнаго Сергея Павловича Тихоцкаго и притомъ подъ условиемъ хорошаго поведенія и хорошихъ успѣховъ (не менѣе $3\frac{1}{2}$ балловъ въ среднемъ выводѣ) по факультетскимъ предметамъ, оказанныхъ на годовыхъ испытаніяхъ въ университетѣ или же, для студентовъ 1-го курса, таѣя же отмѣтка должна быть по гимназическому аттестату.

§ 4. Избраниe стипендіатовъ предоставляется опекуну надъ имуществоомъ г. Тихоцкаго, Александру Сергеевичу Левшину, а

послѣ его смерти совѣту университета, и въ семь послѣднемъ случаѣ назначеніе стипендиатовъ совѣтомъ, при существованіи конкурентовъ, съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ условій, про-исходитъ по старшинству балловъ, а при равенствѣ ихъ по же-ребию.

§ 5. Стипендиаты, остающіеся въ томъ же курсѣ на другой годъ, по уважительнымъ причинамъ, удѣрживаются за собою право полученія стипендіи еще на одинъ годъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендиатовъ причисляются къ основному капиталу.

9. (14-го декабря 1874 года). Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія и попечителямъ учебныхъ окруж-говъ о переводныхъ испытаніяхъ учениковъ гимназий и прогимназий.

Утвержденные мною 8-го декабря 1872 г. правила объ испы-таніяхъ учениковъ гимназий и прогимназий были впервые примѣнены къ дѣлу въ 1873 г. Изъ годовыхъ отчетовъ гг. попечите-лей учебныхъ округовъ за 1873 г. явствуетъ, что хотя примѣненіе этихъ правилъ на первый разъ нѣсколько и уменьшило число учениковъ, удостоенныхъ перевода въ ближайшій высшій классъ, но что, вовпервыхъ, уменьшеніе это было вообще не очень значительно, и что, вовторыхъ, тѣ же самыя правила, поставляя переводъ учениковъ изъ класса въ классъ въ зависимость не отъ случайно-удачныхъ отвѣтовъ ихъ на экзаменѣ, а отъ постоянного ихъ прилежанія въ продолженіе всего учебнаго года, въ слѣду-щее же затѣмъ полугодіе оказали благотворное дѣйствіе на воз-вышеніе успѣшности учениковъ гимназий и прогимназий по всѣмъ предметамъ вообще и по главнымъ предметамъ гимназического курса въ особенности. Такъ, напримѣръ, въ Московскомъ учеб-номъ округѣ число неуспѣвающихъ учениковъ въ 1-му января 1874 г. уменьшилось по всѣмъ предметамъ, сравнительно съ пре-дыдущимъ годомъ, на 8 процентовъ, и такое же уменьшеніе числа неуспѣвающихъ учениковъ въ то же время оказалось въ С.-Пе-

тербургскомъ округѣ по обоимъ древнимъ языкамъ и по математикѣ.

Признавая на основаніи этихъ и подобныхъ имъ данныхъ по другимъ учебнымъ округамъ, что вышеупомянутыя правила вообще соотвѣтствуютъ вполнѣ своей цѣли, и что разумное и послѣдовательное примѣненіе ихъ къ дѣлу будетъ имѣть несомнѣнныиъ своимъ результатомъ возвышеніе успѣшности ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и увеличеніе вслѣдствіе того, съ теченіемъ времени, числа удостоиваемыхъ перевода изъ класса въ классъ и числа успѣшно оканчивающихъ полный курсъ гимнази-ческаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — что имѣеть особенно важное значеніе,—пріучить учениковъ съ самаго низшаго класса къ постоянному, неослабному прилежанію и къ точному выполненію всѣхъ ихъ ученическихъ обязанностей, — я тѣмъ не менѣе, въ виду нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, считаю нужнымъ обратить особенное вниманіе вашего превосходительства какъ вообще на духъ этихъ правилъ, объясненный, между прочимъ, и въ циркулярномъ предложеніи, при которомъ правила эти были разосланы, и въ которомъ, въ п. 5 прямо сказано, что вниманіе испытателей должно сосредоточиваться на опредѣленіи, на сколько испытуемые вообще созрѣли для ученія въ слѣдую-щемъ высшемъ классѣ, таѣ и въ особенности на содержаніе статьи 25-й оныхъ. Въ статьѣ этой именно указано, что «пере-водныя испытанія имѣютъ цѣлью вполнѣшее удостовѣреніе въ томъ, что ученики достаточно усвоили себѣ все существенное изъ пройденнаго по предметамъ испытанія и что они могутъ съ пользою для себя продолжать ученіе въ слѣдующемъ классѣ». Какъ этою статьею правиль объ испытаніяхъ, такъ и вышепри-веденнымъ поясненіемъ къ правиламъ, рѣшеніе вопроса объ удо-стоеніи перевода учениковъ въ слѣдующій высшій классъ, постав-лено главнѣйше въ зависимость отъ общаго убѣжденія педагоги-ческаго совѣта въ томъ, могутъ или не могутъ тѣ или другие ученики съ пользою для себя продолжать ученіе въ слѣдующемъ классѣ, — убѣжденіе, которое, очевидно, должно быть основано

столько же, и еще больше, на оказанныхъ въ теченіе года вслѣдствіе постороннаго приложенія успѣхахъ учениковъ, сколько и на результатахъ бывшихъ въ концѣ года испытаний.

Между тѣмъ въ концѣ истекшаго учебнаго года было представлено на разрѣшеніе министерства нѣсколько случаевъ, въ которыхъ ученики оказались неудовлетворившими формальнымъ требованіямъ, изложеннымъ въ § 30 правилъ объ испытаніяхъ, тогда какъ педагогические совѣты въ полномъ своемъ составѣ высказывались въ пользу перевода тѣхъ учениковъ въ слѣдующіе классы.

Въ виду подобныхъ случаевъ я имѣю честь просить ваше пре-восходительство поставить въ извѣстность педагогические совѣты гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ ввѣренного вамъ учебнаго округа, что всякий разъ, когда окажется, что тотъ или другой ученикъ, по общему заключенію педагогического совѣта, достойный перевода въ слѣдующій классъ, тѣмъ не менѣе не подходитъ вполнѣ подъ тѣ формальные условія, которыя постановлены для перевода въ ближайшій вышшій классъ, то ему, педагогическому совѣту, предоставляется ходатайствовать предъ начальствомъ своего учебнаго округа объ удостоеніи такого ученика перевода въ слѣдующій классъ съ подробнымъ изложеніемъ побудительныхъ въ такому ходатайству причинъ и всѣхъ обстоятельствъ дѣла, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть окончательное разрѣшеніе означенныхъ ходатайствъ; о числѣ же такихъ случаевъ покорнейше прошу сообщать въ годовыхъ отчетахъ, съ обозначеніемъ учебныхъ заведеній, къ коимъ случаи эти относятся.

IV. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

книги —

- 1) «Граматика русскаго языка. Часть I. Этимология. (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Сочиненіе Тимофеевской (учителя

Одесской первой прогимназии). Одесса. 1874. Цѣна 1 руб. 20 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе, при обученіи граматикѣ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

2) «*Русская христоматія для употребленія въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края*. Составилъ Е. Козинъ. Отдѣлъ второй. Рига. 1874 г.»—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края.

3) «*Купеческая арифметика И. Хрущова*»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ.

4) «*Этнографическую карту славянскихъ народностей*, изданную С.-Петербургскимъ отдѣломъ славянского благотворительного комитета. С.-Пб. 1874 г.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ ученый комитетъ выразилъ желаніе, чтобы преподаватели исторіи и географіи употребляли эту карту въ классѣ, паклейвъ ее на толстую бумагу: въ III классѣ—при изученіи Греціи, Турціи, Австріи и Германіи, въ IV классѣ—при изученіи исторіи всеобщей и русской.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Изданныя книгопродающимъ Блиснеромъ брошюры: «*Вѣ притонъ лондонскихъ воровъ*» и «*Брачная одежда*». С.-Пб 1874—могутъ быть одобрены для народныхъ школъ.

2) Составленная С. Миропольскимъ книга: «*Обученіе грамотѣ*». Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей народныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. С.-Пб. 1874. Цѣна 50 коп.» — признается заслуживающею

одобрения для библиотек начальныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

3) Составленная С. Рождественскимъ книга: «*Краткая отечественная история въ рассказахъ*. Для начальныхъ народныхъ училищъ и вообще для народа. Съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Цѣна 30 коп.»—можетъ быть допущена въ библиотеки народныхъ школъ.

ОФИЦИАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 23 день истекшаго декабря, Высочайше соизволилъ разрѣшить: дефекты всѣхъ вообще принадлежащихъ Виленской публичной библиотекѣ книгъ, за исключеніемъ напечатанныхъ до половины XVI вѣка, продавать на вѣсъ, съ обращеніемъ вырученыхъ за оные денегъ на расходы по каталогизаціи книгъ этой библиотеки.

— ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 25 день ноября 1874 г., Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить поставить портреты въ актовыхъ залахъ: Николаевской гимназіи, Аланьевской шестиклассной прогимназіи и Николаевскаго реального училища—его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайного совѣтника графа Д. А. Толстаго и попечителя Одесскаго учебнаго округа тайного совѣтника Голубцева, Ревельской Александровской гимназіи—его сіятельства графа Д. А. Толстаго, Коломенской прогимназіи—г. попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Мещерскаго.

— ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія ходатайствъ начальствъ Харьковскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, въ 23 день декабря 1874 г., Высочайше соизволилъ на постановку портретовъ: бывшаго директора училищъ Воронежской губерніи дѣйств. ст. сов. Бѣлозорова въ помѣщеніи Нечаевской народной школы и почетнаго блюстителя Аниковскаго двухкласснаго начального народнаго училища мироваго посредника Суворова въ помѣщеніи Аниковскаго училища.

— Вследствіе представлениі г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа и согласно ходатайству совѣта Варшавскаго университета, г. министръ 28 декабря 1874 г., разрѣшилъ на основаніи § 48 літ. В. п. 3 Высочайшаго утвержденнаго 8 июня 1869 г. устава сего университета: ввести преподаваніе психіатріи въ курсъ наукъ, преподаваемыхъ студентамъ юридическаго факультета названнаго университета, начиная со втораго полугодія 187^{4/5} учебнаго года.

— Вследствіе ходатайства начальства Харьковскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія 14 декабря 1874 г. разрѣшилъ совѣту тамошнаго университета принять завѣщанный умершимъ 2 гильдіемъ купцомъ Василиемъ Ивановичемъ Болотовымъ билетъ харьковскаго городскаго банка въ *три тысячи* руб., съ цѣлью учрежденія, на счетъ процентовъ съ сего капитала, одной стипендіи при упомянутомъ университѣтѣ на условіяхъ, выраженныхъ покойнымъ завѣщателемъ.

— Повивальная бабка Шарлота Реппо, желая, чтобы благопріобрѣтенный ею капиталъ, послѣ ея смерти, служилъ на вѣчнныя времена къ облегченію естественнонаучнаго образованія одного изъ недостаточныхъ студентовъ университета, представила въ правленіе С.-Петербургскаго университета шесть тысячъ руб., заключающіеся въ облигацияхъ С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества, на учрежденіе, изъ процентовъ сего капитала, послѣ ея смерти, одной стипендіи при физикоматематическомъ факультетѣ сего университета въ 300 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы при жизни Реппо проценты съ означеннаго капитала были ей доставляемы правленіемъ университета. Г-жѣ Реппо выражена признательность министерства народнаго просвѣщенія за означенное ея значительное пожертвованіе.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія признано полезнымъ рекомендовать для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ: изъ числа 12 книжекъ, „Азбуки“, составленной графомъ Л. Н. Толстымъ (изд. 1874 г.) а, четыре книги для чтенія по русски (книги II, IV, VI и VIII) и б, три книги для чтенія по славянски (книги III, V, и VII), какъ заключающія отличный выборъ матеріала для чтенія въ классѣ и упражненія въ разказѣ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ гимназіяхъ: Нѣжинской съ начала будущаго 187^{5/6} учебнаго года, въ приготовительному классѣ, по *двѣнадцати* рублей, а въ прочихъ классахъ по *двадцати* руб. въ годъ, и въ Сумской Александровской въ приготовительному классѣ по *четырнадцати* рублей

въ годъ съ каждого ученика, и увеличить плату за учение въ Астраханской гимназии съ начала будущаго 18⁷⁶/78 учебного года до *тридцати* руб. въ годъ съ каждого ученика.

— 1-го минувшаго ноября, въ Гродненской губерніи, открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія, въ селахъ: *Мостовлянскомъ*, Гродненскаго уѣзда, *Клепачскомъ* и *Полонковскомъ*, Волковыскаго уѣзда, *Полонскомъ*, *Альянскомъ*, *Хорошанскомъ*, *Пасиничскомъ*, *Переволокскомъ* и *Козловичскомъ*, Слонимскаго уѣзда, *Тиховольскомъ*, *Кабакскомъ*, *Бакуновскомъ*, и *Песчанковскомъ*, Пружанскаго уѣзда, *Верхольскомъ*, Кобринскаго уѣзда, *Малозводскомъ*, *Остромечевскомъ* и *Коленковичскомъ*, Брестскаго уѣзда, *Наройскомъ* и *Лосинскомъ*, Бѣльскаго уѣзда,

— 6-го декабря 1874 г., по совершенніи молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, открыта въ м. Новомъ Бугѣ учительская семинарія, въ которую принято 20 воспитанниковъ и сверхъ того ожидается нѣсколько учениковъ Одесскихъ земскихъ школъ, о принятіи которыхъ въ семинарію, по выдержаніи испытанія, сдѣлано распоряженіе.

— 27 октября и 10 ноября 1874 года послѣдовало открытие слѣдующихъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: двухкласснаго въ селѣ *Пералюбѣ*, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губ., и однокласснаго въ селѣ *Печерскомъ*, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, въ которое поступило 28 мальчиковъ; такъ какъ домъ для сего училища не вполнѣ оконченъ постройкой, то въ настоящее время оно времѣнно подлѣ церкви въ зданіи старой школы.

— По донесеніямъ г. попечителя *Кievskаго* учебнаго округа, открыты слѣдующія одноклассныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: 1) въ м. *Останьѣ*, Хорольскаго уѣзда, Полтавской губерніи—27 минувшаго ноября и 2), въ селѣ *Малыхъ Дорогостахъ*, Дубенскаго уѣзда, Волынской губ.—7 декабря 1874 г. Открытие первого училища послѣдовало по совершенніи молебствія законоучителемъ училища, въ присутствіи попечителя сего заведенія, заѣздателя, и другихъ лицъ. Въ училище поступило 38 мальчиковъ.

— 1-го декабря 1874 г., по совершенніи молебствія, въ присутствіи попечителя училища, мѣстнаго волостнаго старшини и другихъ урядниковъ, а также и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, открыто въ м. *Горошинѣ*, Хорольскаго уѣзда, Полтавской губерніи, одноклассное

училище министерства народного просвѣщенія; при чмъ въ поманутомъ училищѣ было въ наличности 48 мальчиковъ.

— По донесеніямъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, на основаніи Высочайшѣ утвержденныхъ 25 мая (6 июня) 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи управлѣнія низшими учебными заведеніями министерства народного просвѣщенія и положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, въ семь году открыты слѣдующе уѣздныя училищные совѣты:

1) Въ Казанской губерніи: Спасскій — 16 июня.

и 2) Въ Симбирской губерніи: Алатырскій — 14 июня, Курмышскій — 18 июля, Симбирскій — 20 августа, Корсунскій — 21 августа, Ардатовскій — 24 августа, Буинскій — 11 сентября, Сызранскій — 30 сентября и Сенгилеевскій — 1 декабря.

— По донесеніямъ начальствъ учебныхъ округовъ Казанскаго, Харьковскаго и Киевскаго, на основаніи Высочайшѣ утвержденныхъ 25 мая (6 июня) 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи управлѣнія низшими учебными заведеніями министерства народного просвѣщенія и положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, открыты въ семъ году слѣдующе училищные совѣты:

Въ Казанской губерніи: уѣздны: Казанскій — 9-го августа, Царевококшайскій — 1 октября, Чистопольскій — 10 сентября.

Въ Харьковской губерніи: Изюмскій (уѣздный) — 6 ноября.

Въ Воронежской губерніи: Воронежскій (губернскій) — 26 октября; уѣздны: Землянскій — 19-го ноября, Нижнедѣвицкій — 7 ноября, Новохоперскій — 27 октября.

Въ Курской губерніи: Тимскій (уѣздный) — 22 октября.

Въ Пензенской губерніи: Инсарскій (уѣздный) — 12 сентября.

Въ Тамбовской губерніи: Тамбовскій (губернскій) — 9 октября, Усманскій (уѣздный) — 29 октября.

Въ Полтавской губерніи: Полтавскій (губернскій) — 17 июня, Полтавскій уѣздный — 1 сентября, Гадачскій — 9 сентября, Зеньковскій — 11 августа, Золотоношскій — 23 августа, Кобеляцкій — 7 августа, Константиновградскій — 8 августа, Кременчугскій — 17 августа, Лохвицкій — 17 июня, Лубенскій — 20 июня, Миргородскій — 20 августа, Переяславскій — 5 июня, Пирятинскій — 22 октября, Прилуцкій — 11 августа, Роменскій — 30 августа, Хорольскій — 5 августа.

Въ Черниговской губерніи: Черниговскій (губернскій) — 3 августа, Черниговскій уѣздный — 3 августа, Борзенскій — 1 сентября, Глу-

ховскій — 14 августа. Городнянскій — 28 августа, Козелецкій — 23 августа, Конотопскій — 6 июля, Кролевецкій — 23 сентября, Мглинскій — 2 сентября, Новгородсъверскій — 18 сентября, Ново-зыбковскій — 22 августа, Нѣжинскій — 8 июля, Сосницкій — 30 июля. Стародубскій — 10 сентября, Суражскій — 31 июля.

О ПРЕМІЯХЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія о конкурсаахъ на преміи Императора Петра Великаго.

I.

По разряду реальныхъ училищъ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣть честь объявить, что, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, для представленія руководства по механикѣ и составленію исполнительныхъ чертежей машинъ, для реальныхъ училищъ, на соисканіе премій Императора Петра Великаго, срокъ продолжается еще на одинъ годъ, то есть до 1 ноября 1874 года. За составленіе означенного руководства назначается премія — или большая въ 2000 руб., или малая въ 500 руб.

Вмѣстѣ съ симъ, на соисканіе таковыхъ же премій въ 1874 году назначается конкурсъ за руководство по химической технологии для реальныхъ училищъ. Представленное для соисканія преміи Императора Петра Великаго руководство по означеному предмету должно быть приспособлено къ учевому плану и примѣрной программѣ этого предмета, утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія на основаніи § 13 устава реальныхъ училищъ. Оно можетъ быть представлено въ ученый комитетъ печатное и рукописное; но послѣднее будетъ подвергнуто разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если оно окажется написаннымъ разборчиво. Притомъ, въ случаѣ одобренія рукописнаго сочиненія, на автора возлагается обязанность, прежде получения преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоенънаго преміи труда заявить, что онъ нуждается въ средствѣ къ на-

печатанію, то въ такомъ случаѣ можетъ быть ему выдана часть преміи, но не болѣе половины. — Какъ рукописныя, такъ и печатныя сочиненія, но безъ имени автора, должны быть представлены въ ученый комитетъ подъ какимъ-нибудь девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть объяснены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства. Срокомъ для представленія сочиненій назначается 1 ноября 1875 года.— Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ, съ отзывами о нихъ, 30 мая, въ день рождения ИМПЕРАТОРА Петра Великаго, будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе.

II.

По разряду гимназій.

A. О конкурсе на преміи Императора Петра Великаго за „Древнюю исторію Греціи и Рима“.

На основаніи § 2 Положенія о преміяхъ ИМПЕРАТОРА Петра Великаго, по опредѣленію ученаго комитета и съ разрѣшенія министра народного просвѣщенія, назначается конкурсъ на соисканіе означенныхъ премій (большой въ 2000 руб. и малой въ 500 руб.) за лучшія учебныя руководства по исторіи, и именно за *Древнюю исторію Греціи и Рима*, для VII класса гимназій.

Сочиненіе, представленное для соисканія премій ИМПЕРАТОРА Петра Великаго по означеному предмету, а) должно быть составлено по достовѣрнымъ источникамъ; б) должно удовлетворять требованіямъ учебнаго плана и примѣрной программы, одобренныхъ министромъ народного просвѣщенія на основаніи § 15 устава гимназій и прогимназій; в) должно быть приспособлено къ 2-му годичнымъ урокамъ въ VII классѣ гимназій. Въ руководствѣ должны быть указаны тѣ мѣста, которыхъ рекомендованы для домашнаго чтенія воспитанниковъ, и приложенъ подробный указатель изложенныхъ фактъ.— Сочиненіе, представленное для соисканія преміи въ ученый комитетъ, можетъ быть какъ печатное, такъ и рукописное; но рукописное сочиненіе будетъ подвергаемо разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если оно окажется написаннымъ разборчиво. Притомъ, въ случаѣ одобренія рукописнаго сочиненія, на автора возлагается обязанность, прежде получения преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоенного преміи труда заявить, что онъ нуждается въ средствахъ къ напечатанію, то въ такомъ случаѣ можетъ быть выдана ему часть преміи, но не болѣе половины. — Какъ рукопис-

ны, такъ и печатныя сочиненія, но безъ означенія имени автора, должны быть представлены въ ученый комитетъ подъ какимъ-нибудь девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета, подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть объяснены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства. Срокъ для представленія сочиненій по означеному предмету назначается 1 ноября 1875 года. — Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ, съ отзывами о нихъ, 30-го мая, въ день рождения ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе.

Б. О конкурсе на преміи Императора Петра Великаго за „Русско-латинский словарь“.

На основаніи § 2 Положенія о преміяхъ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, по опредѣленію ученаго комитета и съ утвержденіемъ министра народнаго просвѣщенія, назначается конкурсъ на соисканіе означенныхъ премій (большой въ 2000 руб. и малой въ 500 руб.) за составленіе Русско-латинскаго словаря, приспособленнаго къ курсу латинскаго языка въ гимназіяхъ. Требованія, коимъ долженъ удовлетворять подобный словарь, будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ непролongительномъ времени. Словари, представленные въ ученый комитетъ на соисканіе премій, могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные; но послѣдніе будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными разборчиво. Притомъ, въ случаѣ одобрения рукописнаго словаря, на составителя возлагается обязанность, прежде полученія преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, если авторъ удостоеннаго преміи труда заявитъ, что онъ нуждается въ средствахъ къ напечатанію, то въ такомъ случаѣ можетъ быть выдана ему часть преміи, но не болѣе половины. Какъ рукописные, такъ и печатные словари, но безъ означенія имени автора, должны быть представлены въ ученый комитетъ подъ какимъ-нибудь девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи или книгѣ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть объяснены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства. Срокъ для представленія означенныхъ словарей въ ученый комитетъ назначается 1 ноября 1876 года. Извѣстія о словаряхъ, удостоенныхъ премій, съ отзывами о нихъ, 30 мая, въ день рождения ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе.

СНОШЕНИЯ РОССИИ СЪ ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ ПРЕДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ВОЙНОЮ 1812 ГОДА¹⁾.

Въ то время какъ Наполеонъ игралъ съ молодымъ русскимъ офицеромъ, осыпая его ласками и всевозможными любезностями, поддерживая и усиливая такія однакоже отношенія къ Россіи, которыхъ не могли привести ни къ какимъ соглашеніямъ, его новый министръ иностранныхъ дѣлъ Маре, герцогъ Бассано, вѣль ту же самую игру съ престарѣлымъ нашимъ посланникомъ.

Чернышевъ, вмѣстѣ съ письмомъ императора Александра къ Наполеону, привезъ и депеши графа Румянцева къ князю Куракину. Русскій кабинетъ изъявилъ согласіе, чтобы онъ вошелъ въ переговоры съ французскимъ по двумъ вопросамъ: по вознагражденію герцога Ольденбургскаго и въ отношеніи къ тарифу. По первому вопросу ему поручалось просить французское правительство указать, чѣмъ намѣreno оно вознаградить герцога соотвѣтственно отобранному отъ него его владѣнію, по второму—предложить заключеніе нового торгового договора между Россіей и Франціей, которымъ и могли бы быть измѣнены правила тарифа, возбудившія пререканія со стороны Франціи.

Получивъ эти сообщенія, князь Куракинъ немедленно передалъ ихъ герцогу Кадорскому и просилъ доложить императору Наполеону, а черезъ два дня обѣщалъ пріѣхать къ нему, чтобы выслушать отвѣтъ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ черезъ два дня и выслушалъ слѣдую-

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за 1875 годъ.

щій отвѣтъ: „Я немедленно отдалъ отчетъ о нашемъ послѣднемъ свиданіи императору, моему повелителю“, сказалъ ему герцогъ Кадорскій, — „но его величеству не угодно было дать мнѣ никакихъ приказанийъ въ отношеніи къ тому, что я долженъ вамъ отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, какой же мы можемъ дать отвѣтъ? Вамъ не предпосылаютъ ничего положительнаго, вамъ не даютъ никакихъ полномочій. Протестовали противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго, представили этотъ протестъ всѣмъ европейскимъ дворамъ! Чѣмъ же отвѣтить на это? Императоръ желаетъ окончить это дѣло наиболѣе приятнымъ образомъ для вашего государя. Поэтому, теперь вашему государю остается только объявить — чего онъ желаетъ. Вы говорили, что по этому дѣлу нужна особая негоція, въ которой должны принять участіе и иѣкоторые другіе державы, именно Датскій король. Императоръ и на это согласенъ. Укажите — какъ должны быть устроены эти переговоры. Мы у васъ ничего не просимъ, мы желаемъ дружбы съ вами“.

„Нѣть вы просите“, отвѣчалъ князь Куракинъ, — „но того, что уже вы напередъ захватили; что же касается до дружбы, то чувства моего императора достаточно извѣстны, и вы не можете въ нихъ со мнѣваться. Говорили ли вы императору объ объясненіяхъ на счетъ тарифа?“

„Да, я передалъ ему всѣ ваши сообщенія по этому предмету“, отвѣчалъ герцогъ Кадорскій, — „но и въ отношеніи къ этому вопросу не могу дать вамъ никакого отвѣта“.

„Но въ депешѣ канцлера предлагается заключить новый торговый договоръ“, отвѣчалъ напрѣ посланникъ, — „кажется, это дѣло важное и стоить отвѣта“¹⁾.

Въ видахъ Наполеона это было бы очень важно, еслибы повело къ закрытию нейтральной торговли въ Россіи; но онъ зналъ очень хорошо, что и новый договоръ не поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Что же касается до измѣненія иѣкоторыхъ правилъ тарифа, то они не составляли для него ничего существеннаго, а служили только поводомъ къ придиркамъ, которыми, конечно, онъ устранить и не желалъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора князь Куракинъ получилъ извѣстіе о смѣнѣ Шампаны и назначеніи на его мѣсто Маре, герцога Бассано, и вслѣдъ затѣмъ, письмо отъ самого нового министра иностранныхъ

¹⁾ Депеша князя Куракина 4/16 апрѣля 1811 года изъ Парижа.

дѣлъ, въ которомъ послѣдній, извѣщая о своемъ назначеніи, увѣрялъ, что одною изъ цѣлей его дѣятельности будетъ — какъ можно тѣснѣе скрѣпить союзъ Франціи съ Россіей¹⁾.

На другой день князь Куракинъ посѣтилъ герцога Бассано и встрѣтилъ самъ любезный пріемъ. Новый министръ распространился о необходимости и пользѣ для Франціи находиться въ союзѣ съ Россіей, увѣрялъ, что онъ былъ постояннымъ защитникомъ этого союза, и что поэтому онъ даже и получилъ новое назначение, занявъ мѣсто герцога Кадорскаго, который не былъ расположены къ Россіи.

„Вамъ предстоитъ случай доказать на дѣлѣ это расположеніе“, замѣтилъ ему князь Куракинъ, — „испросивъ мнѣ положительный отвѣтъ императора Наполеона на предложенія, выраженные въ депешахъ канцлера, отвѣтъ, котораго я тщетно добивался получить чрезъ вашего предшественника“.

Маре обѣщалъ познакомиться съ этими депешами и немедленно доложить о нихъ императору. Дѣйствительно, на другой же день онъ сообщилъ нашему посланнику, что императоръ Наполеонъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда герцогъ доложилъ ему какъ содержаніе своего разговора съ княземъ Куракинымъ, такъ и предложенія, выраженные въ депешахъ канцлера графа Румянцева. Герцогъ Кадорскій, по словамъ герцога Бассано, представилъ столь поверхностный докладъ императору о разговорѣ своемъ съ княземъ Куракинымъ и о содержаніи депешъ, что императоръ, казалось, вовсе и не зналъ о томъ.

Сваливъ такимъ образомъ вину на отставленнаго отъ должности ministra, герцогъ Бассано объяснилъ, что императоръ Наполеонъ „съ удовольствіемъ узналъ, что его августейшій другъ и союзникъ хочетъ начать переговоры о герцогствѣ Ольденбургскомъ и о тарифѣ, и очень радъ пригласить къ участію Датскаго короля“. Но когда князь Куракинъ замѣтилъ на это, что теперь Франціи слѣдуетъ только объяснить, чѣмъ она намѣрена вознаградить герцога за потерю его владѣнія, герцогъ Бассано отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя. Императоръ Наполеонъ поставленъ въ затруднительное состояніе (*il érouve une sorte de pudeur*): „Жалобы, заявленныя Россіей по случаю этого вопроса всѣмъ Европейскимъ дворамъ, мѣшаютъ ему первому дѣлать предложенія; извѣстія о нихъ, получаемыя отовсюду, весьма ему непріятны,

¹⁾ Письмо герцога Бассано къ князю Куракину 18-го апрѣля 1811 г. н. ст. Отвѣтъ въ тотъ же день. Депеша Куракина графу Румянцеву 6/18 апрѣля.

хотя и не измѣняютъ его чувства дружбы къ императору Александру. Чтобъ уничтожить скорѣе это непріятное впечатлѣніе, онъ рѣшился считать эти жалобы (то-есть, протестъ) какъ-бы не существующими, не желая, чтобы въ его душѣ находило себѣ място хотя что нибудь могущее не согласоваться съ чувствами дружбы и расположения къ русскому императору. Императоръ пересталъ даже придавать значеніе тѣмъ статьямъ тарифа, которые первоначально возбуждали его негодованіе".

Не смотря на мирныя увѣренія, герцогъ Бассано нѣсколько разъ упоминалъ кназю Куракину объ огромныхъ будто бы военныхъ приготовленіяхъ Россіи, которыхъ не могутъ не озабочивать Францію. По Парижу начали ходить въ это время преувеличенные слухи объ огромномъ собраніи русскихъ войскъ на самыхъ границахъ герцогства Варшавскаго и о намѣреніи Россіи немедленно занять это герцогство. Разглашали эти слухи Поляки, а источникомъ ихъ былъ кназъ Понятовскій, военный министръ и главнокомандующій войсками герцогства, который пріѣхалъ въ это время въ Парижъ поздравить Наполеона съ рожденіемъ сына, короля Римскаго, по порученію Саксонскаго короля какъ герцога Варшавскаго.

Желая отсрочить войну съ Россіей, французское правительство, конечно, опасалось наступательныхъ дѣйствій съ ея стороны, и чтобъ отклонить ее отъ этого намѣренія, усилило свои увѣренія въ миролюбивыхъ расположеніяхъ къ Россіи, а въ то же время желало попугать ее своими военными приготовленіями. Такъ дѣйствовалъ герцогъ Бассано въ отношеніи къ нашему посланнику; точно такъ же дѣйствовалъ и самъ императоръ Наполеонъ.

Кназъ Куракинъ получилъ въ это время собственноручное письмо императора Александра къ Наполеону, съ поздравленіемъ по случаю рожденія короля Римскаго. Нашъ посланникъ просилъ свиданія для личного доставленія этого письма Наполеону, и немедленно былъ приглашенъ въ Сенъ-Клу, 25-го апрѣля, въ день, когда назначена была большая охота въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу. Если и хотѣлъ императоръ Наполеонъ подшутить надъ нашимъ посланникомъ и помучить старого подагрика, какъ получиль молодаго офицера, только что прискакавшаго на почтовыхъ отъ Коненгагена до Парижа, то дождливая погода, помѣшившая охотѣ, выручила его изъ бѣды. Но предстояла еще другая. Принявъ письмо императора, благосклонно выслушавъ привѣтъ и поздравленіе отъ его лица, выраженные кназемъ Куракинимъ, и отвѣтивъ на нихъ самымъ любезнымъ образомъ,

Наполеонъ вдругъ „по своему обыкновенію“, какъ доносилъ потомъ князь Куракинъ,—„началь ходить по комнатахъ, и эта прогулка, бывшая первою пробою для моихъ больныхъ ногъ, облеченныхъ въ бархатные сапоги, и которую я перенесъ благополучно, продолжалась около двухъ часовъ—во все время разговора“. Императоръ Наполеонъ, также по обыкновенію, когда онъ былъ чѣмъ-либо озабоченъ, проговорилъ длинную рѣчъ, не давая отвѣтать или почти не обращая вниманія на отвѣты. „Императоръ Александръ“, говорилъ онъ Куракину,—„не любить уже меня, какъ прежде, онъ окруженнъ злонамѣренными людьми, которые постарались возбудить въ его сердцѣ подозрѣніе и недовѣріе ко мнѣ. Никогда я не желалъ воевать съ нимъ и не могъ этого желать; его войска храбры, эта война не имѣла бы для меня никакой цѣли, она была бы для меня не выгодна. Но я не скрою отъ васъ, что вооружаюсь и долженъ это дѣлать. Ваши постоянныя вооруженія, въ которыхъ однажоже не сознаются, и которыхъ у васъ окружаютъ глубокою тайною, вынуждаютъ меня въ тому. Извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, убѣждаютъ меня въ ихъ дѣйствительности. Изъ Стокгольма мнѣ пишутъ, что изъ Финляндіи вывели три дивизіи и двинули ихъ къ границамъ Варшавскаго герцогства; изъ Бухареста и Константинополя мнѣ сообщаютъ, что пять дивизій вашей арміи оставили Дунай, чтобы двинуться туда же“.

„Хотя мнѣ не пишутъ объ этихъ передвиженіяхъ войскъ, и я ничего о нихъ не знаю“, прервалъ его князь Куракинъ,—„но считаю долгомъ повторить вашему величеству то же, чтѣ говорилъ герцогу Кадорскому и герцогу Бассано, что эти распоряженія находятся наявѣрное въ связи съ внутреннимъ устройствомъ нашего военнаго министерства, а вовсе не дѣлаются въ видахъ войны“.

„Положимъ такъ“, съ живостью возразилъ Наполеонъ,—„положимъ, что ваше мнѣніе справедливо, то зачѣмъ же этого не говорить? Это было бы по крайней мѣрѣ отвѣтъ, которымъ я могъ бы удовольствоватьсѧ и не имѣть бы повода жаловаться, какъ жалуюсь теперь на это таинственное молчаніе, котораго держатся у васъ въ отношеніи ко мнѣ по этому предмету. Вместо того, когда герцогъ Виченцкій, какъ мнѣ извѣстно изъ послѣдникъ его донесеній, завелъ объ этомъ рѣчъ съ графомъ Румянцевымъ, канцлеръ началъ отвергать дѣло явное и всѣмъ извѣстное. Когда, съ одной стороны, я вижу такую скрытность, а съ другой—что безъ всякой нужды отзывають большую часть войскъ, предназначенныхъ для войны съ Турками, и

которая, продолжая усилия и одерживая побѣды какъ въ прошломъ году, непремѣнно окончила бы ее въ это лѣто съ выгодой для васъ,— какъ вы хотите, чтобы я оставался равнодушнымъ и не видалъ бы въ этомъ намѣреній, прямо направленныхъ противъ меня?"

Князь Куракинъ снова перервалъ императора Наполеона и началъ повторять, что миролюбивыя намѣренія императора Александра не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію и всѣ принимаемыя имъ военныхъ приготовленія составляютъ простыя мѣры предосторожности.

"Позвольте, князь, теперь, когда вы входите ко мнѣ съ шлемомъ на головѣ, ваши миролюбивыя увѣренія не могутъ произвести на меня того впечатлѣнія, которое они произвели бы, еслибы вы вошли съ бѣлою тростью въ рукѣ".

"Но я могу васъ увѣритъ, что голова моя не покрыта шлемомъ, и — въ рукѣ моей трость бѣлая, а потому увѣряю ваше величество въ мирныхъ расположеніяхъ моего государя", отвѣчаль нашъ посланникъ.

"Ахъ, князь", воскликнулъ Наполеонъ, — "по всему, чтѣ вы говорите, я знаю, что вамъ вовсе неизвѣстны тайные виды вашего кабинета. Вы повторяете то, что вамъ пишутъ, вы выражаете ваши собственные мнѣнія и не знаете тѣхъ рѣшеній, которыхъ приняты въ Петербургѣ, потому что иначе не могли бы дѣйствовать такъ, какъ теперь дѣйствуютъ. Какъ можно приписывать мнѣ такія намѣренія, которыхъ я никогда не имѣлъ и не имѣю, какъ можно вѣрить въ призраки, не имѣющіе никакого основанія, такъ какъ тѣ слухи, которые могли васъ побудить къ мысли, что вамъ угрожаетъ какая-то опасность, не болѣе какъ призраки (*des fantômes*). Вы мнѣ угрожаете, но я никогда не пугался угрозъ. Я располагаю такими силами, что могу ихъ не бояться. Не угрозами можно заставить меня сдѣлать то, чего хотятъ. Вы хотите войны, а я не хочу ея. Но пусть будетъ такъ, мы будемъ драться, мы довершимъ раззореніе Европы, прольемъ много крови, снова заставимъ страдать человѣчество и — чтѣ же мы выиграемъ, тотъ или другой? Ровно ничего, мы только истощимъ одинъ другаго. Я не скрываю отъ васъ, что я вооружаюсь; ваши вооруженія вынуждаютъ меня продолжать мои. Необходимо, чтобы я держался въ уровни съ вами и съ своей стороны дѣлалъ то же, чтѣ вы дѣлаете. Ваши вооруженія стоятъ мнѣ уже 100 миллионовъ, которые я долженъ былъ употребить на свои, отклоняя ихъ отъ того назначения, для котораго они были опредѣлены; вы препятствуете мнѣ заключить миръ съ Англіей, вы заставляете меня ослабить уси-

лія для того, чтобы подавить возмущение въ Испаніи, вы вынуждаете меня возлагать на мою страну новые тягости. Одного принятаго вами положенія достаточно, чтобы связать меня во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. Когда такая великая держава, какъ Россія, возвастѣ на васъ, то естественно она отвлекаетъ васъ отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, которыхъ у васъ на рукахъ. Императоръ Александръ не любить меня болѣе. Онъ забываетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ, онъ не хочетъ знать, что чѣрезъ десять дней послѣ Фридландскаго сраженія, я могъ быть въ Вильнѣ, что я могъ возвстановить Польское королевство, чего вы такъ напрасно боитесь, но чего я не хотѣлъ тогда, да и никогда впослѣдствіи. Будемъ говорить прямо: вы хотите завладѣть герцогствомъ Варшавскимъ, хотите въ него вторгнуться".

Князь Куракинъ перервалъ потокъ его рѣчи замѣчаніемъ о своемъ совершенномъ недоумѣніи—изъ какого источника могутъ происходить подобныя предположенія, которымъ никогда, по его убѣждѣнію, и не входили въ виды Русскаго императора.

„Какъ бы вы ни усиливались, князь, разубѣдить меня", продолжалъ Наполеонъ,—„я остаюсь при моемъ мнѣніи и повторяю, что вамъ совершенно неизвѣстны намѣренія вашего кабинета. Все, что у васъ ни дѣлается, клонится именно къ этой цѣли. Но теперь моя честь уже требуетъ, чтобы я поддержалъ цѣлость этого государства, которое состоить подъ моимъ покровительствомъ. Въ этомъ замѣшана моя честь, и я не могу потерпѣть, чтобы отнали у этого государства хотя бы одну пядь земли. Отчего императоръ Александръ не принялъ первого плана, который я предлагалъ ему въ Тильзитѣ? Тогда онъ избавилъ бы себя отъ тѣхъ беззаконій, которыхъ причиняетъ ему теперь Варшавское герцогство. Почему въ 1809 году такъ медленно двигалось и дѣйствовало русское войско? Еслибы оно поспѣшило занять Галицию, что и должно было сдѣлать, Галиция осталась бы за вами. Не моя вина, что вы сами этого не хотѣли, и не смотря на то, статью Вѣнскаго договора я выговорилъ вамъ отъ Австріи одинъ округъ Галиции съ народонаселеніемъ въ 400 тысячъ человѣкъ. У васъ не могутъ не знать, что Австрійскій императоръ, для того, чтобы сохранить цѣлость своихъ нѣмецкихъ областей, предлагалъ мнѣ уступить обѣ Галиции, и что въ это время, еслибы я только хотѣлъ, я также могъ возвстановить Польское королевство. Для чего императоръ Александръ, чтобы совершенно успокоиться на счетъ своихъ новыхъ подданныхъ, прежде бывшихъ Поляковъ, и на счетъ мнѣаго востановленія Польши, не хотѣлъ заключить насательно ея кон-

венцію, въ которой мы ужъ условились, согласясь исправить по моему предложению лишь нѣкоторыя выраженія въ первой ея статьѣ? Графъ Руманцевъ заставилъ его принять эту статью, наложенную въ такихъ выраженіяхъ, что она возлагала на меня обязанности, превышающія человѣческія силы, и на чѣдѣ я, конечно, не могъ согласиться. Послѣ того вы не заводили и рѣчи объ этой конвенціи, и она предана забвѣнью, не смотря на то, что вы могли ожидать отъ нея весьма выгодныхъ и приятныхъ послѣдствій. Почему императоръ Александръ не поручилъ вамъ заключить ее со мною, зачѣмъ онъ не присыпаетъ вамъ полномочій? Мы согласились бы, и она давно бы была заключена. Миѣ вы угрожаете теперь уже на дѣлѣ; но я сказалъ вамъ, что я не привыкъ бояться угрозъ, не ими можно меня поколебать. Вы хотите герцогства Варшавскаго, вы хотите Данцига, — я знаю, что вы ихъ хотите. Вы отыскиваете только пустые предлоги, чтобы начать войну, въ надеждѣ, что посредствомъ войны вы достигнете своихъ цѣлей; но если императоръ Александръ, подчинаясь коварнымъ совѣтамъ, уже непремѣнно хочетъ воевать, я вамъ повторю, — я готовъ на войну; я вооружаюсь — я вамъ это сказалъ, — и вооружусь еще болѣе; лишь только получу извѣстія о враждебномъ движеніи вашихъ войскъ, сяду на коня, — воевать миѣ не учиться; войною, моими кампаніями, моими побѣдами, я сдѣлался тѣмъ, чѣдѣ я теперь. Чѣдѣ выигрываетъ императоръ Александръ, вступивъ въ борьбу со мною? Мы только причинимъ бѣдствія нашимъ странамъ. Ваши войска храбры, я могу потерпѣть неудачи; но если счастіе будетъ на моей сторонѣ, то Россія очень будетъ раскаиваться, что необдуманно предприняла войну, для которой я не подалъ никакого повода. По истинѣ, я не могу понять вашего ослѣпленія; по видимому, не хотѣть и подумать о случайностяхъ будущаго, и эта новая система, которую принимаютъ у васъ, и которой, какъ кажется, рѣшились слѣдовать, для меня необъяснима! Я, по крайней мѣрѣ, не понимаю ея. Развѣ только императоръ Александръ рѣшился предпочесть союзъ съ Англіей союзу со мною".

На замѣчаніе князя Куракина, что ему особенно поручено увѣритъ Наполеона въ искреннемъ желаніи императора Александра, а не разрывать союза съ Франціей, и въ томъ что мы не имѣмъ никакихъ сношеній съ Англіей, онъ отвѣчалъ, продолжая свою рѣчь:

„Хорошо, я готовъ этому вѣрить, потому что не имѣю извѣстій о противномъ; но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы эта мысль не существовала, и чтобы не могли думать о ея осуществленіи. Но,

во всякомъ случаѣ, вы оказываете большія услуги Англичанамъ уже тѣмъ, что принуждаете меня ограничивать тѣ мѣры, которыхъ я долженъ предпринять противъ нихъ, давая имъ поводъ предвидѣть возможность вашего разрыва со мною, и слѣдовательно, сближенія съ ними, что будетъ необходимымъ послѣдствіемъ этого разрыва. Сказавъ вамъ, что я вооружаюсь, и что вы принуждаете меня къ этому вопреки моему желанію, я долженъ вамъ сказать, что теперь я готовъ принять нападеніе. Данцигъ и крѣпости на Одерѣ, которыхъ въ моихъ рукахъ, уже приведены въ положеніе, готовое для защиты. Я вамъ признаюсь: я поручалъ герцогу Кадорскому сообщить вамъ, что я усиливаю гарнизонъ и укрѣпленія Данцига будто бы противъ Англичанъ; но это былъ только предлогъ, истинною причиной были вы, отъ вашего нападенія старался я обезпечить Данцигъ. Я предписалъ войскамъ герцогства Варшавскаго очистить его при малѣйшемъ движеніи вашихъ войскъ и сосредоточиться около Данцига и Одерскихъ крѣпостей; я приказалъ саксонскимъ войскамъ расположиться лагеремъ и быть готовыми въ случаѣ нужды оказать помощь войскамъ Варшавскаго герцогства. Если вы вступите въ область Рейнскаго союза, то берегитесь (*gare à vous*). Не заблуждайтесь на счетъ моихъ силъ, вѣсть обманываютъ ложные слухи, будто они поглощены Испанской войною. Я выступлю противъ васъ съ 400 тысячами чловѣкъ, соберу ихъ еще больше, если будетъ нужно. Я употреблю противъ васъ уже такія силы, какъ до Тильзитскаго мира. Состояніе ослѣпленія, въ которомъ у васъ находятся, точно такое же, въ какомъ находилась Пруссія до Іенскаго сраженія. Не могу этому не удивляться. Вы угрожаете мнѣ! Этотъ окружной протестъ по Ольденбургскому дѣлу, который вы разослали по всѣмъ Европейскимъ дворамъ, былъ угрозою противъ меня. Онъ доказывается, какъ мало дружбы сохранилъ ко мнѣ императоръ Александръ. Когда дѣлаются такого рода протесты, то значитъ, бросаютъ перчатку, говорить, что хотятъ вести войну за то дѣло, которое послужило поводомъ къ протесту. Но стоитъ ли того Ольденбургское герцогство, чтобы изъ за него перессорились двѣ великия имперіи и вступили въ войну между собою? Берега Ольденбурга способствовали англійской контрабандѣ, я долженъ былъ ихъ присоединить къ моей имперіи, вмѣстѣ съ ганзейскими городами, слѣдя принятой мною системѣ противъ морской войны и для избѣжанія войны на континентѣ, которую считаю великимъ бѣдствіемъ. Что-жъ, — если императоръ Александръ непремѣнно желаетъ, то я вновь водворю герцога въ его владѣніяхъ, но

онъ будетъ подавленъ французскими войсками и таможнями и будетъ служить постояннымъ поводомъ къ раздору между Россіей и Франціей, чего я именно хотѣлъ избѣжать. Не нравится Эрфуртъ,— пусть скажутъ, чего хотятъ, пусть начнутъ переговоры, поручать ихъ вамъ; но вамъ не даютъ полномочий. Такимъ образомъ нельзя достигнуть соглашеній и кончить дѣла, которыя такъ легко окончить. Неужели мы будемъ оставаться пять-шесть лѣтъ во всеоружіи, постоянно держать въ беспокойствѣ другъ друга и безъ нужды истощать наши силы и финансы? Я совершенно иначе поступилъ по случаю вашего протеста; онъ меня оскорбляетъ, онъ меня огорчаетъ, я не ожидалъ его отъ моего друга и союзника; онъ долженъ служить мнѣ угрозой, и не смотря на то, я не отвѣчаю на него, я храню о немъ совершенное молчаніе. Мнѣ приготовили было отвѣтъ на этотъ протестъ, но я отвергъ его. Если бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ протесту, императоръ Александръ написалъ ко мнѣ, выразивъ то участіе, которое онъ признаетъ въ близкомъ своемъ родственникѣ, еслибы онъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я сдѣлалъ для него еще болѣе, нежели намѣренъ былъ сдѣлать, то я непремѣнно исполнилъ бы и съ особеннымъ удовольствиемъ его желаніе. Если бы даже для своего дяди онъ попросилъ у меня нѣсколько округовъ герцогства Варшавскаго въ вознагражденіе за Ольденбургское герцогство, то я не поколебался бы побудить Саксонскаго короля къ этой уступкѣ. Но тогда я сдѣлалъ бы это потому, что требованіе было бы выражено мнѣ дружески,—угровой изъ меня ничего нельзѧ сдѣлать. Еслибы до своихъ вооруженій императоръ Александръ потребовалъ у меня Данцига съ его округомъ, то вѣроятно, я и на это бы согласился".

Князь Куракинъ счѣлъ долгомъ указать на миролюбивый смыслъ этого протеста, который императоръ Александръ считалъ нужнымъ сдѣлать лишь для огражденія правъ своего семейства на герцогство Ольденбургское.

„Все, чѣмъ вы говорите", продолжалъ императоръ Наполеонъ, не давая долго разсуждать нашему посланику, — „нисколько не измѣняетъ моего мнѣнія о смыслѣ и значеніи этого протеста. Впрочемъ, у васъ, какъ кажется, не хотятъ всмомнить, что вступленіе герцога Ольденбургскаго въ Рейнскій союзъ, значительно измѣнило права его семейства на это герцогство, и что нужно быть членомъ этого союза и принадлежать къ нему, чтобы имѣть право на владѣніе областью, вошедшую въ его составъ. Но я хочу вознаградить герцога, я сдѣлалъ мои предложения и тѣмъ исполнилъ мою обязанность. Ихъ от-

вергли и герцогъ, и Россія; теперь дѣло за императоромъ Александромъ, онъ долженъ объявить, чего желаетъ для вознагражденія герцога".

Ближайшимъ поводомъ къ этой рѣчи, безъ сомнѣнія, были извѣстія, привезенные княземъ Понятовскимъ¹⁾). Конечно. онъ сообщилъ императору Наполеону то же самое, что сообщалъ только что прибывшему передъ этимъ временемъ въ Варшаву новому французскому резиденту г. Биньону, именно—что въ первыхъ мѣсяцахъ этого 1811 г. русскимъ правительствомъ было рѣшено немедленно объявить войну Франціи. Планъ военныхъ дѣйствій былъ составленъ, средства приготовлены, съ Турками рѣшено было вести лишь оборонительную войну, которая не потребовала бы значительного количества войскъ, для обезпечения Финляндіи со стороны Швеціи, которой Россія не опасалась, также достаточно было небольшихъ силъ. Войско же въ 130 или 140 тысячъ человѣкъ, за которымъ непосредственно слѣдовалъ бы резервъ отъ 60 до 80 тысячъ, должно было занять герцогство Варшавское и немедленно двинуться къ Одеру, чтобы привлечь къ себѣ Пруссію и принудить къ нейтралитету Саксонію. Распоряженія объ этомъ походѣ уже были сообщены всѣмъ генераламъ въ запечатанныхъ пакетахъ съ приказаніемъ открыть ихъ тогда, когда послѣдуетъ особое о томъ повелѣніе. Такія вѣсти сообщали князь Понятовскій, увѣряя, что онъ до такой степени убѣжденъ въ ихъ достовѣрности, какъ будто слышалъ ихъ изъ устъ самого императора Александра. „Дѣйствительно", говорить Биньонъ,—„въ этомъ случаѣ былъ только одинъ посредникъ между нимъ и императоромъ Александромъ, посредникъ, которого честность выше всякихъ подозрѣній". а именно князь Адамъ Чарторижскій.

Вліяніе этихъ извѣстій отразилось на рѣчи, произнесенной Наполеономъ князю Куракину. Ему не хотѣлось, конечно, чтобы Россія заставила его вступить въ войну съ нею прежде, нежели онъ успѣлъ поправить свои дѣла на Пиренейскомъ полуостровѣ и достаточно приготовиться къ этой войнѣ. Онъ не хотѣлъ измѣнить ужъ обдуманного и рѣшенного имъ плана военныхъ дѣйствій и затягивать войну, которую онъ думалъ окончить скоро, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ ударовъ. Онъ опасался, что рѣшившись выступить противъ него наступательно, Россія привлечетъ къ союзу съ собою Пруссію и

¹⁾) *Bignon, Souvenirs d'un diplomate*, Paris. 1864, стр. 45 и слѣд. Его же *Histoire de France*, гл. XXVII. Брюссельское изданіе, стр. 376—377.

Австрію. Подъ вліяніемъ всѣхъ соображеній, онъ жалѣлъ отклонить это намѣреніе Россіи, увѣрая, давая честное слово и даже клятву, что никогда не желать воевать съ нею, не желаетъ и теперь и не будетъ зачинщикомъ войны. Чтобы выиграть время, онъ хотѣлъ втянуть русскій кабинетъ въ новые переговоры, увѣряя, что они помогутъ весьма легко устранить всѣ недоразумѣнія, которыхъ возникли между двумя имперіями. „Я не хочу войны“, заключилъ онъ свой разговоръ съ княземъ Куракінымъ, — а особено съ вами. Минѣ не учиться военному искусству, я занимался имъ всю жизнь, и кажется, умѣю разчитывать и подготовлять напередъ военные события“. Говоря, что ожидаетъ извѣстій отъ Лористона и возвращенія Коленкура въ Парижъ, чтобы на основаніи ихъ сообщеній опредѣлить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій въ отношеніи къ Россіи, онъ пользовался каждымъ случаемъ въ это время, чтобы убѣдить императора Александра въ своей любви лично къ нему и въ желаніи сохранить миръ между двумя имперіями.

Въ это время, по семейныхъ дѣламъ, находился въ Парижѣ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Собираясь возвратиться въ Россію, онъ счелъ долгомъ учтивости извѣстить объ этомъ императора Наполеона, и какъ генераль-адъютантъ Русского государя, — спросить его, не желаетъ ли онъ дать какихъ-нибудь порученій къ нему. Къ удивленію графа, онъ немедленно былъ приглашенъ въ Сен-Клу на свиданіе (^{1/13-го мая}), и Французскій императоръ часа полтора бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Въ своихъ рѣчахъ онъ повторилъ тѣ же самыя мысли, какія выразилъ незадолго передъ тѣмъ и нашему посланнику. Но съ какимъ увлеченіемъ и запальчивостью ни говорилъ бы Наполеонъ, онъ никогда не проговаривалъ той мысли, которую хотѣлъ скрыть. Онъ всегда говорилъ то, чтѣ хотѣлъ сказать въ это время, и если впослѣдствіи считалъ, что сказаъ что-нибудь, чего не слѣдовало, то лишь подъ вліяніемъ ужъ измѣнившихся обстоятельствъ, какъ это случилось съ его рѣчью къ депутаціи отъ торговыхъ палатъ. Но тѣмъ не менѣе, при каждомъ новомъ разговорѣ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, въ его рѣчахъ вырывались выраженія, ближе и ближе подходившія къ его тайнымъ мыслямъ. Графъ Шуваловъ, полтора года оставившій уже Россію, конечно, не могъ отвѣтить ничего положительного на его жалобы относительно нашихъ военныхъ приготовленій и потому заявилъ, что хотя онъ ничего не знаетъ о движениіи нашихъ войскъ, однако же увѣренъ, что императоръ Александръ не начнетъ войны съ Франціей, и всѣ его при-

готовления могутъ имѣть лишь оборонительное значеніе. „Но вы знаете“, возразилъ Наполеонъ,— „что обыкновенно отъ обороны переходить къ наступленію. Мнѣ то же, что вы говорите, пишутъ Колленкуръ и Ренваль, но я изорвалъ ихъ письма, — а вѣрю не письмамъ, а положительнымъ дѣйствіямъ. Меня увѣрали, что императоръ Александръ хочетъ объявить себя Польскимъ королемъ,—этому я не повѣрилъ, но меня увѣрали и увѣряютъ даже теперь, что хлопочетъ объ этомъ князь Адамъ Чарторижскій, вашъ бывшій министръ.“

„Вы однако не вѣрите этому, государь?“ засмѣявшись спросилъ графъ Шуваловъ.

„Не вѣрю“, отвѣчалъ императоръ Наполеонъ,— „но когда ваши войска подвигаются къ польскимъ границамъ, могу ли я спокойно на это смотрѣть? Я не ясно еще понимаю, что дѣлается, и потому приготовляюсь. Чего отъ меня хочетъ императоръ Александръ? Я желаю только, чтобы оставилъ меня въ покой. Я не хочу воевать съ Россіей, это было бы преступленіе съ моей стороны, потому что эта война не имѣла бы цѣли, а еще не потерялъ разсудка, слава Богу, я еще не сумасшедшій! Притомъ, я не могу начать войны, у меня 300 тысячъ войска въ Испаніи. Я не начну войны съ Россіей, пока она не нарушитъ Тильзитскаго трактата“.

Такъ говорилъ Наполеонъ, который съ самого заключенія Тильзитскаго договора не исполнялъ его условій и нарушилъ ихъ торжественно присоединеніемъ къ Франціи герцогства Ольденбургскаго. Но частные условія договора, можетъ быть, и не входили въ его соображенія въ эту минуту: онъ разумѣлъ общій его смыслъ, то-есть, союзъ Россіи съ Францией и разрывъ съ Англіей. Когда графъ Шуваловъ сталъ увѣрять, что императоръ Александръ, не будучи къ тому вынужденъ, не начнетъ войны, онъ отвѣчалъ: „Но когда онъ увидитъ въ сборѣ свои войска, въ немъ возвѣдится это желаніе, а общественное мнѣніе понудить его къ тому“.

„Если и найдутся въ Россіи люди, желающіе войны“, говорилъ графъ Шуваловъ, — „то ихъ не много; государь войны не желаетъ, и народъ точно также. Что можетъ заставить императора начинать войну, если ваше величество дѣйствительно желаете продолженія союза и будете этому способствовать вашими дѣйствіями?“

„Можетъ быть, Англичане“, прервалъ Наполеонъ.

„Этого быть не можетъ“, рѣзко перервалъ его графъ Шуваловъ, — „я готовъ подписать кровью своею завѣреніе, что этого быть не можетъ“.

Только это и желалъ знать Наполеонъ. Онъ былъ увѣренъ, что императоръ Александръ, чтобы начать съ нимъ войну, долженъ быть вступить въ союзъ съ Англіей. Если неѣть признаковъ этого сближенія, то онъ смѣло могъ разчитывать еще на годъ мира, который дасть ему полную возможность приготовиться къ тому, чтобы нанести грозный ударъ Россіи. Послѣ отвѣта Шувалова по этому вопросу, Наполеонъ уже спокойно и съ участіемъ къ Россіи началъ продолжать разговоръ:

„Вашъ курсъ очень дуренъ?“ спросилъ онъ.

„Чрезвычайно дуренъ“, отвѣчалъ графъ Шуваловъ,— „и причина отчасти заключается въ нашей войнѣ съ Турками“.

„Да, вы платите металломъ“, перервалъ его Наполеонъ,— ну, такъ отчего же не сказать, что вы убавляете число войскъ на Дунай потому, что содержаніе ихъ обходится вамъ слишкомъ дорого. Я стою еще на томъ, чтобы вы присоединили Дунайскія княжества, таѣль я заявилъ и Туркамъ. Чего мнѣ бояться, вы не пойдете въ Константинополь! Императоръ Александръ дружескими отношеніями ко мнѣ гораздо болѣе можетъ выиграть, нежели военными угрозами. Онъ знаетъ мою дружбу къ нему,— видѣть, Богъ какъ я его люблю (*Dieu sait si je l'aime*),— а онъ какъ поступаетъ? Публично заявляетъ протестъ, вмѣстѣ того, чтобы объясниться дружески со мною. Всѣдѣ есть чувство чести (*le point d'honneur existe partout*); когда я вамъ говорю: вы ошибаетесь, это не обидно; но если я скажу: вы солгали—это оскорблѣніе. Сколько уже выгодъ приобрѣла Россія отъ союза со мною. Это извѣстно вашему двору, и графъ Румянцевъ воспользовался этимъ, показавъ тайно шведскому посланнику одну ноту, въ которой было сказано, что я съ удовольствіемъ буду смотрѣть на то, что Россія приобрѣтетъ Аладскіе острова. Возможно ли, что на такомъ важномъ мѣстѣ, въ Парижѣ, на такомъ дальнемъ разстояніи, императоръ держитъ посланника, къ которому ни онъ, ни графъ Румянцевъ не имѣютъ довѣрія, который ничего не знаетъ, ничего объяснить не можетъ. Князь Куракинъ человѣкъ разумный и честный, онъ не орелъ, конечно, но что-жъ изъ этого, онъ—хорошій Русскій. Надо бы назначить къ нему достойнаго молодаго человѣка, и все бы пошло хорошо. Прежде у васъ не такъ дѣйствовали“.

Графъ Шуваловъ заявилъ, что постарается съ точностію довести до свѣдѣнія своего государя, что слышалъ отъ императора французовъ.

„Да“, отвѣчалъ Наполеонъ,— „скажите ему: государь, не слѣдуетъ

терять времени, чтобы прійти къ соглашению; если вы не желаете войны, пришлите скорѣе полномочіе для начатія переговоровъ, и если вы не желаете возстановленія Польши, то слѣдуетъ дѣйствовать миролюбиво, потому что въ противномъ случаѣ она непремѣнно будетъ возстановлена".

Постоянныя заявленія императора Наполеона, что онъ желаетъ поддержать миръ и для того вызываетъ Россію на новые переговоры, оказали дѣйствіе и на нашего посланника; онъ просилъ какъ императора, такъ и графа Румянцева, чтобы ему выслалискорѣеполномочія для переговоровъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго и о Польшѣ. „Я смѣю думать", писалъ онъ, — „что мнѣ удастся покончить здѣсь эти два дѣла лучше и скорѣе, нежели они могутъ быть покончены въ Петербургѣ, отдаленіе котораго отъ Парижа уже представляетъ значительное неудобство". Зная хорошо какъ характеръ Наполеона, такъ и всѣ его виды, князь Куракинъ, безъ сомнѣнія, не думалъ, что новый договоръ можетъ предотвратить войну, но вѣроятно, полагалъ, что онъ можетъ отсрочить ее и дать Россіи время приготовиться къ ней: онъ не считалъ ее достаточно приготовленной, особенно въ виду того, что не былъ еще заключенъ миръ съ Турцией¹⁾.

Какъ князь Куракинъ не получалъ отъ нашего правительства никакихъ извѣстій о военныхъ приготовленіяхъ, такъ и Коленкуръ былъ въполномъ нѣвѣденіи о томъ, что въ этомъ отношеніи дѣлялось во Франціи. Между тѣмъ императоръ Александръ получалъ вѣрные и своевременные о нихъ извѣстія и каждый разъ сообщалъ ихъ французскому посланнику. На его увѣренія, что эти слухи или не вѣрны, или преувеличены, онъ отвѣчалъ: „Не отрицайте, я знаю вѣрно то, что говорю. Очевидно, вѣсль оставляютъ въ нѣвѣденіи, потому что не имѣютъ къ вамъ болѣе довѣрія. Хотя я и желаю вамъ все объяснить и дѣлаю это охотно, потому что считаю васъ честнымъ человѣкомъ, но я знаю, что это потерянный трудъ. Императоръ Наполеонъ вамъ не повѣритъ, потому что вы говорите ему правду. То же будетъ и съ Лористономъ, который тоже честный человѣкъ, и скѣдовательно, будетъ говорить своему государю то же, что вы". Только въ то времена, когда на мѣсто Коленкура былъ назначенъ новый

¹⁾ Письмо князя Куракина къ императору изъ Парижа 25-го апрѣля (7-го мая) 1811 г. Деспеша къ графу Румянцеву 27-го апрѣля (9-го мая) и 2/14-го мая 1811 г. Письмо графа Шувалова къ императору 2/16 мая 1811 г. изъ Парижа.

посланникъ, французское правительство поручило ему сообщить о своихъ вооруженіяхъ и объяснить ихъ тѣмъ, что ихъ вызвала Россія своимъ военнымъ приготовленіями. „Вы предполагаете, что я вооружаюсь“, отвѣчалъ ему императоръ,—„я этого вовсе не отрицаю. Я дѣйствительно вооружаюсь, я готовъ, я совершенно готовъ съ силой отразить нападеніе; но что подумали бы вы обо мнѣ, еслибы я дѣйствовалъ иначе, еслибы я былъ такъ простъ, такъ не внимателенъ къ моимъ обязанностямъ, что оставилъ бы мое государство на жертву произвола вашего государя. Но я началъ вооружаться тогда, когда получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Данцигъ укрѣпляется, что увеличивается его гарнизонъ, что усиливаются и сосредоточиваются войска маршала Даву, что Польки и Саксонцы приведены въ военное положеніе, что оканчиваются укрѣпленія Модлина, исправляются укрѣпленія Торна, и всѣ эти крѣпости снабжаются запасами. Вотъ что сдѣлалъ я послѣ этого...“ При этихъ словахъ императоръ взялъ за руки Коленкура и ввелъ его въ другой кабинетъ, гдѣ были разложены военные карты Россіи. Онъ показалъ ему расположеніе всѣхъ войскъ, мѣста, гдѣ строились укрѣпленія, и объяснилъ при этомъ, какъ онъ увеличилъ и устроилъ войска. „У меня нѣтъ такихъ генераловъ какъ ваши“, продолжалъ онъ говорить,—„я самъ не такой генераль и администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня хорошие солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружиемъ въ рукахъ, нежели позволимъ обходиться съ нами, какъ съ Голландцами или Гамбургцами. Ноувѣряю васъ честью, я не сдѣлаю первого выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я васъ не обманываю, я не хочу войны. Мой народъ, хотя и оскорблена отношеніями ко мнѣ вашего императора, хотя возмущенъ вашими попытками и предположеніями на счетъ Польши, точно также, какъ и я, не хочетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то онъ съумѣеть защищаться всѣми силами“

Между тѣмъ какъ въ переговорахъ съ нашимъ посланикомъ въ Парижѣ французское правительство вовсе не выражало опасенія о возможности сближенія Россіи съ Англіей, и самъ императоръ Наполеонъ говорилъ, что не имѣть никакихъ данныхъ подозрѣвать въ этомъ отношеніи наше правительство, однакоже какъ въ послѣдніхъ депешахъ Коленкуру, такъ и въ наставленіяхъ Лористону поручалось обратить особенное вниманіе именно на этотъ вопросъ. Это опасеніе дѣйствительно питалъ Наполеонъ въ то время, но скрывалъ и какъ

бы нечаянно выразить его въ разговорѣ съ графомъ Шуваловыи. Торговля съ нейтральными казалась ему первымъ шагомъ нашего желанія сблизиться съ Англіей. Поэтому, на слова императора Александра Коленкуръ отвѣчалъ, что и независимо отъ войны между Россіей и Франціей положеніе дѣлъ можетъ быть таково, что по своей важности можетъ равняться войнѣ, что тайное желаніе Россіи, присоединивъ Дунайскія княжества, и заключивъ миръ съ Турками, сблизиться съ Англіей и возобновить торговыи сношения съ нею, императоръ Наполеонъ сочтетъ совершенно одинаковымъ съ объявленіемъ ему войны.

„Сближенія съ Англіей я вовсе не думаю“, сказалъ Александръ. — „Окончивъ войну съ Турками, присоединивъ къ моей имперіи Финляндію, Молдавію и Валахію, я буду считать политическія и военные дѣйствія моего царствованія оконченными. Я не хочу подвергать себя новымъ случайностямъ, я хочу спокойно пользоваться тѣмъ, чтобъ приобрѣсть, и заботиться о просвѣщеніи моей имперіи, а не обѣ увеличеніи ея предѣловъ. Чтобы сблизиться съ Англіей, я долженъ бы разорвать союзъ съ Франціей, слѣдовательно, вызвать войну съ нею, которую я считаю самою для себя опасною. И съ какою цѣлью? Чтобы служить Англіи, чтобы поддерживать ея морскія теоріи, которыхъ я вовсе не раздѣляю? Это было бы безуміемъ съ моей стороны. Окончивъ войну съ Турками, я желаю оставаться въ мірѣ, довольноый моими приобрѣтеніями, весьма незначительными въ сравненіи съ вашими, какъ говорятъ противники политики Тильзитскаго договора, но достаточными въ моихъ глазахъ. Я осталось вѣрить этой политикѣ, мои порты останутся закрытыми для торговли съ Англіей; но я вамъ уже говорилъ, и теперь повторяю, что не могу запретить моимъ подданнымъ всякую вообще торговлю и особенно съ Американцами. Конечно, этимъ путемъ входить въ Россію нѣсколько англійскихъ товаровъ, но вы выпускаете ихъ во Францію по крайней мѣрѣ столько же вашими исключительными разрѣшеніями (vos licences) и особенно вашимъ тарифомъ, облагающимъ ихъ пошлиною въ 50 на сто. Не могу-же я стѣснить себя болѣе, нежели вы сами себя стѣсняете. На этомъ надо остановиться, и я прямо вамъ объявию, что не прійму никакихъ болѣе стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи, къ нашей торговлѣ, хотя бы мнѣ угрожала война“.

Выразивъ рѣшительно свой взглядъ на нейтральную торговлю, императоръ изъявилъ готовность положиться на добросовѣстность Наполеона, предоставивъ ему разрѣшить недоумѣнія, возникшія по

другимъ вопросамъ, составившимъ предметъ пререканій между Россіей и Франціей. „Хотя Поляки слишкомъ шумятъ, причиняютъ мнѣ много затрудненій, провозгласивъ во всеуслышаніе скорое возстановленіе Польши“, говорилъ онъ Коленкуру, — „однако я полагаюсь въ этомъ случаѣ на обѣщанія Наполеона, хотя онъ и отказался подписать конвенцію“. Въ дѣлѣ Ольденбургскомъ онъ желалъ только, чтобы соблюдено было *приличіе* и вознагражденіе, назначаемое герцогу, не представлялось бы насыпью. На желаніе Коленкура, чтобы императоръ Александръ самъ указалъ, чѣмъ можно вознаградить герцога, онъ отвѣчалъ: „Гдѣ вы хотите, чтобы я указалъ ему вознагражденіе? Въ Польшѣ? Императоръ Наполеонъ скажетъ, что я желаю раздробить герцогство Варшавское и изъ-за Польши хочу воевать съ нимъ. Еслиъ онъ предложилъ все герцогство Варшавское, то и тогда я не согласился бы. Въ Германіи? Онъ скажетъ германскимъ государямъ, что я хочу ихъ разорвать!“¹⁾.

Конечно, поступокъ Наполеона съ герцогомъ Ольденбургскимъ былъ оскорбителенъ для императора Александра. Онъ долженъ быть, какъ самъ говорилъ Коленкуру, протестовать, чтобы поддержать свое достоинство, какъ предъ своимъ народомъ, такъ и передъ Европою. Но и въ самомъ-протестѣ онъ заявилъ, что этотъ поступокъ не послужилъ поводомъ ни къ разрыву союза съ Франціей, ни къ войнѣ съ нею. Считая его личнымъ оскорблениемъ, Александръ изъявилъ даже готовность положиться на добросовѣстность императора Наполеона, предоставивъ ему самому вознаградить герцога и изгладить то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ во всей Европѣ. Но уступая въ личномъ вопросѣ, Русскій императоръ положилъ рѣшительный предѣлъ всѣмъ требованіямъ Франціи въ отношеніи къ вопросу о нейтральной торговлѣ, отъ котораго зависѣло благосостояніе Россіи.

Новый посланникъ не привезъ никакихъ новыхъ извѣстій императору, — его наставленія заключали лишь то, что поручалось говорить и что говорилъ Коленкуръ. Но и Коленкуръ, и Лористонъ все-таки говорили о вопросахъ, на которые, не теряя своего достоинства, могли отвѣтить Русскій императоръ и его кабинетъ; но письмо Наполеона, которое привезъ къ императору Александру новый французскій посланникъ, выходило изъ предѣловъ даже простаго приличія. Вотъ это письмо:

„Лишь только я узналъ отъ герцога Виченцкаго, что назначеніе

¹⁾) *Thiers, Histoire de l'empire, liv. XXIII; Bignon, Histoire de France, гл. XXVI.*

Лористона приятно вашему величеству, какъ немедленно приказать ему отправиться къ мѣсту его назначенія. Я посыпаю къ вамъ человѣка неопытнаго въ дѣлахъ, но прямаго и честнаго и пользующагося моимъ расположениемъ. Однакоже, я каждый день получаю извѣстія о Россіи вовсе не мирнаго свойства. Вчера я узналъ изъ Стокгольма, что русскія дивизіи выведены изъ Финляндіи и должны приблизиться къ границамъ герцогства Варшавскаго. Незадолго передъ тѣмъ меня извѣстили изъ Бухареста, что пять дивизій выступили изъ Дунайскихъ княжествъ, чтобы двинуться въ Польшу, и что на Дувалъ войска вашего величества остались лишь въ числѣ четырехъ дивизій. Всѣ эти произшествія доказываютъ только, что *повтореніе* есть одна изъ самыхъ сильныхъ фигуръ въ реторикѣ. Вашему величеству тагль часто повторяли о моемъ недоброжелательствѣ, что поколебали ваше довѣріе ко мнѣ. Русскія войска оставляютъ ту границу, на которой необходимо ихъ присутствіе, чтобы перейдти туда, гдѣ у вашего величества только друзья. Но я долженъ былъ обратить вниманіе на эти дѣйствія и принять съ своей стороны предосторожности. Моя приготовленія послужатъ поводомъ для вашего величества увеличивать свои, а это, въ свою очередь, заставить и меня увеличивать мои вооруженія; между тѣмъ, все это вызвано пустыми призраками. Я вижу въ этомъ повтореніе того, что дѣжалось въ Пруссіи въ 1807 году и въ Австріи въ 1809.

„Что касается меня, я останусь другомъ особы вашего величества, если даже эта слѣпая судьба, увлекающая Европу, вынудить, наконецъ, оба народа выступить другъ противъ друга съ оружиемъ въ рукахъ. Я буду соображать свои дѣйствія съ дѣйствіями вашего величества и никогда не начну войны, и мои войска не двинутся впередъ до тѣхъ поръ, пока ваше величество не разорвете Тильзитскаго договора. Я первый готовъ обезоружиться и привести дѣла въ то положеніе, въ которомъ они находились годъ тому назадъ, если ваше величество возвратите мнѣ ваше довѣріе. Имѣли ли вы поводъ раскаиваться въ томъ довѣріи, которое вы ко мнѣ питали? Я поручаю особенно графу Лористону передать, что желаю вамъ всячаго счастія, — какъ непріятно мнѣ думать, что вась смущаютъ ложные слухи о моей политикѣ и моихъ чувствахъ, и какъ я бы былъ бы счастливъ, еслибы вы возвратились на тотъ путь, по которому слѣдовали въ Тильзитѣ и Ёрфуртѣ“ ²⁾).

²⁾ Письмо изъ Парижа 6-го апрѣля и. ст. 1811 г..

Въ этомъ письмѣ не было ни слова правды. Наполеонъ очень хорошо зналъ и даже признавался впослѣдствіи, что условия Тильзитскаго договора были имъ самимъ много разъ нарушены; онъ зналъ и то, что вооруженія Россіи были послѣдствиемъ его вооруженій, и что слухамъ о сосредоточеніи нашихъ силъ на границахъ Варшавскаго герцогства нельзя вѣрить уже потому, что ихъ сообщали ему Поляки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ часто заявлялъ, что въ Россіи есть собственно одинъ человѣкъ, который искренно къ нему расположень — это императоръ Александръ; иногда онъ говорилъ: два, присоединяя сюда графа Румянцева. Но въ такомъ случаѣ можно ли было говорить этому единственному человѣку и притомъ Русскому императору, что самъ онъ не видѣтъ ничего и не понимаетъ, а дѣйствуетъ подъ вліяніемъ постороннихъ внушеній, часто повторяемыхъ, и напоминать о фигурахъ холастической реторики?

Естественно, подобное письмо не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія на императора Александра, особенно если къ этому присоединить, что новый посланникъ Франціи не привезъ никакихъ новыхъ наставлений, которымъ могли бы пособить разрѣшенію недоразумѣній, существовавшихъ между двумя имперіями, но даже дать приличный поводъ къ началу новыхъ переговоровъ, какъ того желалъ императоръ Французовъ. Такое настроеніе императора Александра было такъ сильно, что явно выразилось въ слѣдующемъ его отвѣтѣ на письмо Наполеона:

„Мирныхъ выраженій письма и точно такія же заявленія вашего посланника доставили бы мнѣ большое удовольствіе, еслибы ихъ подтвердили самыя событія. Извѣстія о движеніи моихъ войскъ, о которыхъ ваше величество упоминаете, совершенно ложны. Я убѣдилъ въ томъ вашего посланника, показавъ ему во всей подробности размѣщеніе моихъ войскъ, и предлагалъ даже ему послать своего адъютанта повѣрить его на мѣстахъ. Дивизіи, находившіяся въ Финляндіи, никогда не оставляли ея и теперь находятся тамъ въ числѣ трехъ. Изъ пяти дивизій Молдавской арміи, о которыхъ вы упоминаете, три еще тамъ находятся, а двѣ подвинуты къ Днѣстру, а не къ границамъ герцогства Варшавскаго, какъ это было донесено вашему величеству. Слѣдовательно, моя Молдавская армія не убѣвлена до четырехъ дивизій, но состоитъ изъ семи. Никакого сбора войскъ не дѣжалось съ моей стороны на границахъ Варшавскаго герцогства, никакіе даже отряды не приближались къ этимъ границамъ. Конечно, распоряженіе, уменьшающее силу моей Молдавской арміи, весьма для меня не-

выгодно, препятствуя развитию военныхъ дѣйствій на Дунай; но оно вынуждено благоразумною осторожностию. Таково положеніе моихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ то самое время какъ графъ Лористонъ передавалъ мнѣ письмо вашего величества, и съ своей стороны, выражаясь самыя успокоительныя увѣренія, я получилъ положительныя извѣстія о сбѣрѣ и приведеніи на военное положеніе саксонскихъ войскъ, вслѣдствіе приказанія вашего величества, а равно и о движении французской кирасирской дивизіи для соединенія съ ними. И такъ, кто же изъ насъ двухъ приготовляется къ войнѣ? Моя армія занимаетъ постоянныя свои квартиры, а ваша вся въ движеніи. Всѣ эти данные могутъ достаточно объяснить, справедливы ли выражаемые вами упреки, и я мы подальше поводъ къ передвиженію вашихъ войскъ. Ваше величество указываете мнѣ на то, что случилось съ Пруссіей въ 1807 и съ Австріей въ 1809 годахъ. Позволю себѣ замѣтить на это, что обѣ указанныя эпохи не имѣютъ никакого сходства съ настоящею. Пруссія и Австрія желали войны, а я не хочу воевать, я ни отъ кого ничего не домогаюсь и не ишу пріобрѣтеній. Я желаю только точнаго исполненія Тильзитскаго договора; а ваше величество нарушили одно изъ его условій, лишивъ мое семейство владѣнія, которое принадлежало ему въ продолженіе девяти вѣковъ. Не смотря на то, я поручилъ герцогу Биченцкому объявить вамъ, что я удовольствуюсь восстановленіемъ силы этого договора въ его цѣлости. Позволю себѣ думать, что этотъ поступокъ съ моей стороны довольно умѣренъ. Я надѣлся, что послѣ шестимѣсячнаго ожиданія получу отъ графа Лористона свѣдѣнія о вашихъ намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи, но убѣдился въ противномъ.

„Повторяю снова, я не питаю никакихъ властолюбивыхъ видовъ, не желаю разширять предѣлы моего государства, а желаю только спокойствія и безопасности. То, что совершилось въ послѣднее время, оправдываетъ мои опасенія, и ваше величество, конечно, согласитесь со мною, что я имѣю право требовать, чтобы нашъ союзъ и вообще наши отношенія не подавали повода къ сомнѣніямъ“¹⁾.

Вручая это письмо на прощальномъ свиданіи Коленкуру, императоръ Александръ, въ присутствіи Лористона, снова со всемъ подробностію высказалъ свой взглядъ на отношенія къ Франціи и ея повелителю и поручалъ какъ тому, такъ и другому, довести его въ точности до свѣдѣнія императора Наполеона. „Впрочемъ“, сказалъ

¹⁾ Письмо 6-го мая 1811 г.

онъ, обращаясь къ графу Лористону, — „вамъ также не повѣрять, какъ и Коленкуру; скажутъ, что я въсъ увлекъ, соблазнилъ, что вы попались въ мои сѣти и сдѣлались болѣе Русскимъ, нежели Французомъ“.

Дѣйствительно, генералъ Лористонъ писалъ своему правительству тоже самое о намѣреніяхъ императора Александра, чѣд и его предшественникъ, и даже съ большою рѣшительностью. „Я могу видѣть только то, чѣд дѣйствительно вижу“, доносилъ онъ, — „и описывать то, чѣд вижу. Положеніе дѣлъ таково, какъ я его описалъ, и если не хотятъ удовольствоваться единственными возможными уступками, то будетъ война, а будетъ потому, что вы сами ея хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, чѣд я вижу вѣдь и чѣд замѣчать на моемъ пути“.

Извѣстія Лористона произвели однако совершенно иное впечатлѣніе на императора Французовъ, нежели иззвѣстія его предшественника, и онъ не говорилъ о немъ, какъ о Коленкурѣ, что онъ сдѣлялся Русскимъ. Впрочемъ, онъ остался весьма доволенъ и тѣми сообщеніями, которыхъ ему изустно заявилъ, возвратившись изъ Петербурга, Коленкуръ, и которыхъ ничѣмъ не различались съ прежними иззвѣстіями и даже съ письмомъ императора Александра. Убѣдясь, что Россія не начнетъ войны, не откроетъ наступательныхъ дѣйствій въ этомъ году, Наполеонъ радовался тому, что имѣть въ своеемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы приготовиться къ нанесенію ей болѣе сильнаго удара, чѣмъ какъ предполагалъ прежде. Онъ въ этомъ смыслѣ писалъ къ маршалу Удину и усилилъ военные приготовленія, намѣреваясь напасть на Россію несъ 400, но уже съ 600 тысячами войска¹⁾). Герцогъ Бассано немедленно сообщилъ князю Куракину, что императоръ Наполеонъ остался весьма доволенъ иззвѣстіями, сообщенными Коленкуромъ и Лористономъ, и особенно увѣдомленіемъ послѣдняго о словахъ, сказанныхъ ему императоромъ Александромъ, что онъ возвратилъ бы въ свою Дунайскую армию вызванныхъ оттуда дивизій, еслибы императоръ Наполеонъ убавилъ на половину гарнизонъ Данцига. „Это въ первый разъ“, говорилъ Бассано, — „вашъ кабинетъ сознался, что вызвалъ пять дивизій съ Дуная. Это откровенное заявленіе было очень пріятно императору. Какъ жаль, что не объяснились прежде, тогда не пришлось бы прибѣгать къ нѣкоторымъ военнымъ приготовленіямъ“.

„Но по крайней мѣрѣ теперь“, отвѣчалъ князь Куракинъ, когда

¹⁾) *Tiers. Histoire de l'empire, liv. XXIII.*

послѣдовало объясненіе,— „я съмъ надѣяться, что императоръ Наполеонъ послѣшитъ исполнить желаніе моего государя, чтобы тѣмъ доказать свою дружбу къ нему, и сдѣлаетъ распоряженіе объ уменьшении Данцигскаго гарнизона.“

„Судя по отвѣту, который получилъ я на этотъ вопросъ“,увѣдомлять князь Куракинъ нашъ дворъ,— „мнѣ кажется, императоръ Наполеонъ не расположень рѣшился на эту мѣру такъ скоро, какъ мы бы желали. Герцогъ Бассано сказалъ мнѣ, что это можетъ быть только послѣствиемъ общихъ переговоровъ, которые устраниятъ всѣ пререканія, существующія между двумя имперіями“ Эти пререканія онъ считалъ далеко не на столько важными, чтобы онъ могли повести къ разрыву; но напротивъ того, выражаясь увѣренность, что устранить ихъ очень легко, на предстоящихъ переговорахъ, къ которымъ французское правительство готово приступить немедленно, лишь только князь Куракинъ получитъ полномочія отъ своего правительства. Но выражая это мирное расположеніе со стороны Франціи, герцогъ Бассано сообщилъ нашему посланнику, по приказанію императора Наполеона, что онъ намѣренъ увеличить свои войска въ Германіи съ цѣлью обеспечить сѣверные берега отъ нападенія Англичанъ. Дѣйствительно, 32 баталіона перешли Рейнъ и двинулись къ Эльбѣ; для усиленія войскъ маршала Удино устроенъ былъ укрѣпленный лагерь при Утрехтѣ, и Саксонская армія приведена въ военное положеніе. Но въ то же время изъ Данцига были отозваны два баталіона Вестфальцевъ, и объ этомъ поручено было трубить всѣмъ газетамъ Франціи и Германіи, какъ о признакѣ миролюбивой политики императора Французовъ, рѣшившагося на уменьшеніе Данцигскаго гарнизона. Сообщая объ этихъ распоряженіяхъ нашему двору, князь Куракинъ писалъ графу Румянцеву, что не считается нужнымъ „входить въ какія бы то ни было соображенія объ этихъ дѣйствіяхъ, которыя говорять сами за себя. Я позволю себѣ только припомнить вашему сіятельству“, продолжать онъ,— „что подъ тѣмъ же самимъ предлогомъ былъ значительно увеличенъ Данцигскій гарнизонъ въ началѣ этого года, а между тѣмъ, нѣсколько недѣль спустя послѣ такихъ же увѣреній герцога Кадорскаго, какія повторилъ теперь герцогъ Бассано, самъ императоръ Наполеонъ, при свиданіи въ Сень-Клу, безъ всякихъ оговорокъ объявилъ мнѣ, что онъ принужденъ былъ усилить укрѣпленія Данцига и увеличить его гарнизонъ, чтобы обеспечить его отъ нападеній съ нашей стороны“¹⁾.

¹⁾ Депеши князя Куракина графу Румянцеву 2/14 и 4/16 іюля.

Такія распоряженія Наполеона, конечно, не внушили надежды нашему посланнику, что новые переговоры, которыхъ такъ настоятельно требовало французское правительство, поведутъ къ какимъ нибудь соглашеніямъ. Онъ считалъ долгомъ просить полномочій у нашего правительства, чтобы отклонить вноскѣствіи упрекъ, будто бы Россія отказалась отъ мирнаго разрѣшенія недоразумѣній; но былъ увѣренъ, что императоръ Наполеонъ только желаетъ выиграть время, и полагалъ, что эти переговоры могли бы еще повести къ достижению цѣли лишь въ томъ случаѣ, „еслибы Веллингтону удалось одержать хорошую побѣду надъ Французами въ Испаніи и намъ заключить миръ съ Турками. Съ самой женитбы Наполеона“, говорилъ Куракинъ,— „уже сдѣлалось явнымъ для всѣхъ, что онъ намѣренъ воевать съ Россіей, и что эта война не можетъ имѣть другой цѣли, какъ вдвинуть ее въ прежніе предѣлы; то-есть, отнять всѣ пріобрѣтенія отъ Швеціи и Польши, восстановить это королевство, и однимъ словомъ, поставить Россію въ то положеніе, въ которомъ она находилась до славнаго царствованія Петра Великаго, сдѣлать ее азиатскою державой, лишить того значенія, которое она имѣеть въ Европѣ“¹⁾. Возможность заключенія нами мира съ Турками чрезвычайно озабочивала императора Наполеона, и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы предотвратить это непріятное для него событие. При частыхъ посѣщеніяхъ герцога Бассано, нашъ посланникъ постоянно встрѣчалъ въ его залахъ посланника Оттоманской Порты. Извѣстіе о побѣдѣ при Рущукѣ сильно смущило Наполеона, но не надолго,— вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе объ отступленіи нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная, что, конечно, подало поводъ предполагать, что при Рущукѣ мы не только не побѣдили Турокъ, но напротивъ, потерпѣли пораженіе и должны были отступить. „Это извѣстіе“, доносилъ князь Куракинъ,— „герцогъ Бассано получилъ въ то время, когда императоръ Наполеонъ былъ въ театрѣ. Онъ немедленно отправился къ нему въ ложу, чтобы сообщить эту добрую вѣсть, которая произвела такое на его величество впечатлѣніе, какое трудно и выражить. Лица, которые присутствовали при его отправлѣніи ко сну (à son coucher) увѣряютъ, что рѣдко приходилось имъ видѣть его въ такомъ хорошемъ расположenіи духа, такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ имѣлъ причину радоваться, потому что для него

¹⁾) Депеши князя Куракина ^{5/17} июля и ^{9/14} августа, частное письмо къ граеу Румянцеву ^{4/16} августа 1811 г.

всего было бы неприятѣе — потерять эту диверсію, которая такъ благопріятствуетъ его намѣреніямъ¹⁾.

Намѣренія Наполеона были очень хорошо извѣстны императору Александру, и онъ не сомнѣвался въ нихъ болѣе. Когда Лористонъ говорилъ ему объ отзовкѣ двухъ вестфальскихъ баталіоновъ изъ Данцига, онъ отвѣчалъ ему, что 32 баталіона перешли Рейнъ и идутъ на подкрайненіе войскъ Удино. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, — „я не отсталъ отъ императора Наполеона, онъ заставилъ отступить два баталіона, а я — цѣлую дивизію“²⁾. Поэтому императоръ Александръ не соглашался, не смотря на усиленныя просьбы Лористона, ни объявить, какого желаетъ вознагражденія для герцога Ольденбургскаго, ни отправить уполномоченнаго въ Парижъ для новыхъ переговоровъ. Поэтому и князь Куракинъ не получалъ не только новыхъ полномочій, но даже отвѣта на свои требованія оныхъ. Напротивъ того, въ концѣ юля ему поручено было объявить французскому правительству, что Русскій императоръ считаетъ достаточными тѣ полномочія, которыми онъ ужъ облечень въ качествѣ посланника, для того, чтобы вести переговоры о тѣхъ предложеніяхъ, которыхъ могутъ быть ему сдѣланы со стороны Тюльерійскаго кабинета. Всѣ дѣйствія Русскаго императора — говорилось въ предписаніи князю Куракину — могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что онъ постоянно желаетъ сохранить союзъ съ Франціей, чѣмъ засвидѣтельствуютъ, конечно, Французскому императору, какъ герцогъ Виченцкій, такъ и графъ Лористонъ. Поэтому его намѣреніе заключается вовсе не въ томъ, чтобы поспѣшить вступленіемъ въ новые переговоры, а въ томъ, чтобы устранить поводы къ несогласіямъ и притомъ прочными способами, одинаково удовлетворительными какъ для Россіи, такъ и для Франціи, и который уничтожилъ бы навсегда опаски тѣхъ, кто желаетъ разорвать этотъ союзъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, его величество императоръ Александръ съ полной довѣренностю обращается къ императору Наполеону, своему союзнику, чтобы онъ самъ нашелъ средство успокоить Европу и устранить повсюду распространившуюся тревогу, въ виду слуховъ о скоромъ разрывѣ между двумя имперіями, союзъ которыхъ служилъ ручательствомъ продолжительного и благотворнаго мира.

¹⁾ Депеша Куракина 8/17 іюля и 8/17 августа 1811 г.

²⁾ Графъ Кутузовъ, принявъ начальство надъ Дунайскою арміей, возвратилъ назадъ одну изъ пяти дивизій, следовавшихъ уже къ Днѣстру въ это время.

Въ этомъ заявлениі повторялась та мысль, которую императоръ Александръ уже выразилъ прежде въ собственоручномъ письмѣ къ Наполеону; но теперь онъ поручалъ своему посланнику дополнить ее слѣдующими объясненіями: Русскій императоръ питаетъ надежду, основываясь на словахъ самого императора Наполеона, употребленныхъ имъ въ послѣдней рѣчи законодательному собранію, въ которой объявлялось о присоединеніи Голландіи къ Франціи, объ условіи занятія сѣверныхъ областей Германіи и о томъ, что герцогство Ольденбургское будетъ возвращено его законному владѣтелю. Это единственный способъ разрѣшенія вопроса, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Русскій императоръ. Такимъ объясненіемъ императоръ Александръ желалъ положить конецъ переговорамъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго и давалъ понять, что не вѣрить искренности Тюльерійскаго кабинета. Передавая изложенные соображенія герцогу Бассано, князь Куракинъ прибавилъ, что постоянное повтореніе требованія о томъ, чтобы русское правительство опредѣлило способъ вознагражденія герцога, измѣнная сущность самого вопроса, только затрудняетъ его разрѣшеніе. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы чѣмъ-нибудь обезпечить существованіе герцога Ольденбургскаго, но о томъ, чтобы возвратить ему законное его владѣніе, устроенное по желанию Россіи и обеспеченное особою статьею Тильзитскаго договора. Въ этомъ смыслѣ и былъ заявленъ нашимъ правительствомъ протестъ передъ лицомъ всей Европы о незаконномъ присвоеніи этого герцогства Франціей.

Такія заявленія крайне смущили герцога Бассано. Въ нихъ ясно выражались, что на материкѣ Европы есть, кроме Франціи, еще держава, которая считаетъ себя вполнѣ независимою, а не находящуюся въ покорныхъ къ Франціи отношеніяхъ, и что эта держава твердо рѣшилась сохранить за собою свободу дѣйствій и самостоятельность. Герцогъ понялъ смыслъ этихъ заявлений и смущился, зная, какое впечатлѣніе они произведутъ на его повелителя, признававшаго только свой произволъ рѣшителемъ судебъ всего міра, и какую, вѣроятно, придется ему выдержать бурю.

„Изъ вашихъ сообщеній я вижу“, отвѣчалъ онъ князю Куракину, — „что наши отношенія не подвинулись впередъ, и мы остаемся въ томъ же положеніи, въ какомъ находились до получения вами этихъ новыхъ наставлений отъ вашего двора. Вамъ отказываютъ въ полно-мочіяхъ, а безъ нихъ не возможно приступить къ новымъ перегово-рамъ, которые безъ сомнѣнія устранили бы весьма легко всѣ недо-

разумѣнія, послужившія поводомъ къ пререканіямъ. Вамъ не только не объявляютъ, что желали бы получить въ вознагражденіе герцогу Ольденбургскому, но изъ вашихъ сообщеній видно, что императоръ Александръ желаетъ, чтобы герцогу возвращено было его прежнее владѣніе. Но это рѣшительно невозможно. Это могло бы еще устроиться въ дружескихъ переговорахъ, если бы къ нимъ приступила Россія прежде, нежели вооружилась. Не съ оружиемъ ли въ рукахъ можетъ императоръ Александръ предъявлять подобное требование и ожидать согласія на него со стороны императора Наполеона. Императоръ Французовъ не можетъ отступиться отъ принятаго уже имъ рѣшенія, торжественно заявленнаго и приведеннаго въ исполненіе. Это затрагиваетъ его честь; онъ ничего не можетъ сдѣлать; чтѣ стала бы говорить Европа! Графъ Румянцевъ, вѣроятно, писалъ вамъ свою депешу, не зная, что императоръ Наполеонъ сказалъ прямо депутатамъ новыхъ департаментовъ, что они навсегда присоединяются ко Франціи. Впрочемъ“, прибавилъ герцогъ, — „я не могу вести съ вами никакихъ переговоровъ, вы не получили на то полномочій“.

„Еслибъ я даже и получилъ новыя уполномочія“, замѣтилъ ему князь Куракинъ, — „то это не измѣнило бы хода дѣла, я не могъ бы рѣшиться своею властію ни на какія окончательныя заключенія, а конечно, снесся бы предварительно съ своимъ кабинетомъ и просилъ бы его разрѣшенія довести доставленный имъ мѣрѣ извѣстія до свѣдѣнія императора Наполеона и затѣмъ сообщить въ Петербургъ отвѣтъ императора“.

Но ожиданія князя Куракина — получить отвѣтъ Наполеона не оправдались. Сначала герцогъ Бассано говорилъ ему, что передать всѣ извѣстія императору, но что Наполеонъ ничего не отвѣчалъ. Затѣмъ послѣ продолжительныхъ настоящій нашего посланника, герцогъ заявилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ отвѣтить на нихъ ни словесно, ни на письмѣ.

Унизительное положеніе нашего посланника вслѣдствіе отказа отвѣтить на заявленія русскаго правительства, и крайнее неприличіе такого поступка въ отношеніи къ нашему кабинету, конечно, вовсе не обращали на себя вниманія императора Наполеона; но по личному своему характеру, онъ не могъ сохранить надолго сдержанного положенія, когда его самолюбіе было задѣшо за живое, и ему показали явно, что поняли каковъ онъ есть, а не какимъ желаетъ казаться. Онъ подготовилъ нашему посланнику точно такую сцену, какая устроила лорду Витворту въ 1803 году, передъ разрывомъ Аміенскаго до-

говора, и графу Меттерниху въ 1809 году передъ началомъ послѣдней войны съ Австріей.

^{3/15}-го августа, въ день именинъ императора, былъ большой пріемъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ чиновъ имперіи, духовныхъ и свѣтскихъ, всего дипломатического корпуса и высшаго Парижскаго общества. Послѣ утренняго пріема, торжественной обѣдни въ дворцовой капеллѣ, параднаго обѣда и вечернихъ увеселеній, въ то время, когда всѣ присутствовавшиѣ уже начали разѣзжаться, и для самой императорской семьи готовы были экипажи, чтобы возвратиться въ Сенъ-Клу, императоръ Наполеонъ встрѣтилъ въ тронной залѣ князя Куракина и началъ съ нимъ разговоръ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ. Онъ началъ съ того, что выразилъ неудовольствие на послѣднія сообщенія, которыя получилъ нашъ посланникъ отъ своего двора.

„Они не объясняютъ ничего“, говорилъ онъ,— „не приводятъ никакому заключенію, которое такъ должно быть желательно для обѣихъ сторонъ. Я поручилъ герцогу Бассано сказать вамъ, что вмѣсто того, чтобы идти впередъ, мы сдѣлали шагъ назадъ. Вашъ дворъ рѣшительно не хочетъ объясниться и отвѣтить на попытки къ соглашенію, которыя мы дѣлаемъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Я желаю вознаградить герцога Ольденбургскаго, но Россія молчитъ и не говоритъ, чего хочетъ. Вамъ не сообщили полномочій, которыхъ я желалъ, и поэтому нельзя вступать съ вами въ переговоры и заключить договоръ, который такъ для насъ необходимъ. Вы не можете увѣрять, что эти полномочія для васъ излишни, что вы, какъ посланникъ, имѣете уже достаточные полномочія; я знаю, что они недостаточны для того, чтобы вести и окончить переговоры, еслибы я велѣлъ ихъ начать съ вами“.

Затѣмъ Наполеонъ распространился о томъ, что Россія не имѣть никакихъ непосредственныхъ правъ на Ольденбургъ, что это герцогство принадлежитъ къ Рейнскому союзу, и что онъ, какъ покровитель союза, могъ бы предать герцога имперскому суду за нарушенія имъ своихъ обязанностей, за то, что онъ не прислалъ своего военнаго контингента во время войны съ Австріей и за постованную контрабанду съ Англіей.

„Не смотря на то“, говорилъ Наполеонъ,— „я желаю его вознаградить вполнѣ, но вы не указываете чѣмъ, у васъ есть заднія мысли, вы хотите Данцига, но я не могу его уступить, такъ какъ Россія уже вооружилась; вы хотите части Варшавскаго герцогства, но на это я никогда не соглашусь: моя честь обязываетъ меня сохранить

цѣлость этого нового государства, созданного мною. Я обѣщалъ и сдержу свое слово,—не уступлю ни на шагъ земли въ герцогствѣ, ни одной деревни. Я отдалъ его Саксонскому королю, извѣстному своимъ благоразуміемъ, именно для того, чтобы избавить Россію отъ вѣчныхъ опасеній. Если я увеличилъ герцогство Варшавское, присоединивъ къ нему Галицію, то этого требовала моя честь: во время войны съ Австріей, Поляки принали мою сторону. Вы хотите захватить герцогство Варшавское, но мой долгъ побуждаетъ меня этому воспротивиться. Я не хочу войны, но вы меня вызываете. Постоянно увеличивая вооруженія, дѣлая для этого значительныя по-жертвованія, я приду наконецъ къ невозможности продолжать ихъ далѣе и долженъ буду начать войну. Но я ея не хочу, не пойду ее искать на дальнемъ сѣверѣ, я не намѣреваюсь восстановить Польшу. Я заявилъ объ этомъ въ рѣчи законодательной палаты, я это сказа-
зала князю Попяловскому, Поляки это знаютъ. Но когда я буду принужденъ начать войну, то конечно, могу потерпѣть пораженіе; если не потерплю, то восстановленіе Польши будетъ первымъ ея послѣдствіемъ. Но я и теперь готовъ въ этомъ отношеніи успокоить Россію, готовъ дать какія хотите обезспеченія и гарантію со стороны Австріи, готовъ заключить конвенцію въ томъ же родѣ, какъ мы было заключили, но которую я не могъ утвердить только изъ-за одного слова, изъ-за выраженія, которое графъ Румянцевъ непремѣнно же-
лали въ ней сохранить, на что я согласиться не могъ, потому что нельзѧ согласиться на то, что въ исполненіи превышало человѣче-
скія силы. Я согласенъ заключить конвенцію, только бы графъ Ру-
мянцевъ не настаивалъ на выраженіи, что *Польша никогда не будетъ
восстановлена*“.

Подагрикъ князь Куракинъ, едва вынося продолжительное стоя-
ніе, старался однако же сохранить спокойное и даже улыбающееся
выраженіе лица, какъ онъ доносилъ потомъ канцлеру,—и пытался воз-
ражать Наполеону; но онъ, едва выслушивая первыя слова, перерыва-
валъ его и возобновлялъ свою рѣчь. Особенно князь желалъ отклонить
обвиненіе, что Россія вызываетъ Францію на войну, и началь было
въ сотый разъ повторять утверждения въ желаніи императора
Александра поддержать мирная и дружескія отношенія съ своимъ
союзникомъ...

„А ванть манифестъ по Ольденбургскому дѣлу!“ прервалъ его
Наполеонъ.

Русскій посланникъ началъ было говоритьъ, что это простое заявленіе своихъ правъ, которое не нарушаетъ союза съ Франціей...

„Нѣть“, прерваль Наполеонъ, — „это формальный протестъ, вы обозвали меня грабителемъ (spoliateur) передъ Германіей, передъ Рейнскимъ союзомъ. Что касается до выраженія въ этомъ протестѣ чувствъ императора о желаніи сохранить союзъ, то это обычныя условные формы, которыхъ не имѣютъ значенія. Этимъ манифестомъ вы вызываете меня на войну. Мне известно, что этотъ манифестъ не произвелъ того впечатлѣнія на Пруссію и Австрію, какого вы ожидали. Пруссія не забыла, что вы взяли у нея Вѣлостокъ, и Австрія помнить, что для округленія границъ вы охотно отрѣзали у нея нѣсколько округовъ Галиціи. Я понимаю, что присоединеніе Гамбурга могло не понравиться Россіи въ виду его торговыхъ отношеній съ нею; но я не понимаю теперешняго образа дѣйствій Россіи и ея предначертаній. Въ Россіи есть люди съ дарованіями, но что у васъ дѣлается показываетъ мнѣ, что вы или потеряли голову, или питаєте заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у которого дробь въ головѣ, и который крумится то въ ту, то въ другую сторону, не зная куда побѣжитъ и куда добѣжитъ. Или же вы слушаете внушеній Англіи, которая увѣраетъ, что я намѣренъ воевать съ вами. Не понимая, что вы дѣлаете, я поступаю какъ человѣкъ въ состояніи природы: не понимая, онъ наблюдаетъ, и при видѣ, что направляются въ его сторону, не довѣряетъ и готовится къ защитѣ. Вы воюете съ Англіей, воюете съ Турками, да еще и ссоритесь съ Франціей. Я полагалъ, что свелъ свои счеты съ Россіей въ Тильзитѣ подъ Фридландомъ и Аустерлицемъ, такъ какъ разчитался съ Австріей, поведеніемъ которой по заключенію послѣднаго мира я очень доволенъ. Она думала воспользоваться мою войною въ Испаніи и возвратить то, что прежде потеряла, но она раскаялась въ этомъ“.

Постоянно увѣряя, что Россія прежде него начала свои вооруженія и тѣмъ побудила и его приступить къ военнымъ приготовленіямъ, Наполеонъ перечислилъ всѣ громадныя силы, которыхъ приготовилъ и еще намѣренъ приготовить: „Своими вооруженіями вы уже нанесли себѣ большой вредъ; отведя пять дивизій изъ Дунайской арміи, вы лишили себя средствъ нанести сильный ударъ Туркамъ и тѣмъ принудить ихъ къ заключенію выгоднаго для васъ мира. Не понимаю, на чёмъ основаны ваши надежды на мирные переговоры въ Бухарестѣ. Убоявшись мнимой опасности, разглашаемой нѣкоторыми газетами, вы

ослабили Дунайскую армию до такой степени, что она не можетъ успѣшно поддерживать даже оборонительное положеніе. Чрезвычайно трудно защищать такую растянутую линію, какъ отъ Видина до Чернаго моря. Нельзя защитить берегъ реки, не имѣя средствъ всегда перейти на противоположный берегъ, а для этого надо имѣть въ своихъ рукахъ береговыя укрѣпленія".

Князь Куракинъ началъ было говорить о храбости русскихъ войскъ и побѣдѣ при Рущукѣ....

"Да, да," прерваль его Наполеонъ,— „ваши солдаты храбры, это безъ труда мы, Французы, можемъ признать; но ваши генералы не стоятъ вашихъ солдатъ. Они дѣйствовали противъ всѣхъ правиль. Вы говорите, что побѣдили при Рущукѣ, а Турки говорять, что побѣдили они. Положимъ, съ точки зрѣнія военныхъ, какъ мы", продолжалъ онъ, взглянувъ на князя Шварценберга, который стоялъ рядомъ съ написавшимъ посланникомъ,— „это побѣда; но смотря на дѣло съ политической точки зрѣнія, надо сказать, что вы были побиты, потому что вы были въ необходимости оставить Рущукъ и отступить, между тѣмъ какъ должны были оставить его въ своихъ рукахъ, какъ мостовое укрѣпленіе. Императоръ Александръ говорить, что не хочетъ войны, вы мнѣ это повторяете безпрерывно, я желаю этому вѣрить; но слова не согласуются съ дѣлами. Герцогъ Виченцкій возвратился совершенно плененный Россіей и хотѣлъ меня увѣрить, что пять дивизій не двинуты изъ Дунайской арміи, тогда какъ я имѣю положительныя обѣ этомъ свѣдѣнія. Онъ повѣрилъ тому, что ему говорили въ Петербургѣ. Графъ Лористонъ также осыпанъ знаками благосклонности къ нему императора Александра въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, какъ онъ находится въ Петербургѣ. Я понимаю, что посланникъ долженъ быть признателенъ за такую благосклонность, но не долженъ забывать до того, чтобы только льстить, ухаживать за страною, куда посланъ: есть случаи, когда онъ долженъ дѣйствовать съ силой и раскрывать истину. Дѣло обѣ Ольденбургѣ должно быть окончено. Оно одно вызвало и поддерживаетъ всѣ наши недоразумѣнія. Вамъ не хотѣли дать полномочій, о которыхъ вы просили, такъ пусть же пришлютъ сюда уполномоченныхъ, чтобы договориться обѣ этомъ дѣлѣ и покончить его; я только этого желаю и требую. Между тѣмъ у васъ отнимаютъ хорошаго секретаря, къ которому вы привыкли, и ставить въ затрудненіе, лишая опытнаго помощника, который могъ бы облегчить ваши труды".

„Но графъ Нессельродъ долженъ быть юхать въ Россію", возразилъ

виль князь Куракинъ,— „для устройства своихъ частныхъ дѣлъ и потому испросилъ себѣ отпускъ“.

„Императоръ Александръ и графъ Румянцевъ“, продолжалъ Наполеонъ, не остававшая вниманія на отвѣтахъ нашего посланника,— „будутъ виновны въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя навлекутъ на Европу новою войною. Можно знать, когда хочешь ее начать, но нельзя знать—когда и какъ удастся ее окончить. Великія державы должны говорить между собою откровенно; но этого правила у васъ не держатся. Я былъ чрезвычайно обрадованъ, когда Лористонъ извѣстилъ меня о словахъ императора Александра, что онъ возвратилъ бы пять дивизій назадъ на Дунай, еслибы я уменьшилъ Данцигскій гарнизонъ. Въ этой откровенности я увидалъ было начало къ сближенію, я надѣялся, что окончатся всѣ недоразумѣнія между нами; но отъ васъ это скрыли, замѣть ничего не говорять въ депешахъ, которыхъ вы получили; не захотѣли даже, чтобы вы мнѣ подтвердили это офиціально. Конечно, вы сообщали, что я говорилъ съ вами, что я повторилъ потомъ графу Шувалову—и ни на что не отвѣщаютъ. Это молчаніе не ясно ли обличаетъ, что въ Петербургѣ шатаются заднія мысли, имѣютъ намѣренія, которыхъ прикрываютъ только мирными утвержденіями. Мнѣ не понятно это затѣяніе, я его не понимаю, они дѣйствуютъ какъ Пруссія, когда стремилась къ собственной гибели. Я не похожъ на графа Румянцева, который только надѣлъ всѣмъ посмѣивается и сочиняетъ остроты (*qui s'amuse à rire et à faire des calenibours*), я этого не умѣю, я на все смотрю серьезно и дѣйствую, соображаясь съ моими обязанностями, съ выгодами моего народа и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Мнѣ извѣстно, что вы хотите отправить нарочного въ Петербургъ. Пошлите его и сообщите императору Александру все, что вы слышали. Я знаю здравый смыслъ императора и разчитывалъ на него. Вотъ уже съ годъ, какъ я началъ замѣщать перемѣну въ его отношеніяхъ ко мнѣ. Я не офиціально говорилъ съ вами,— это простая бесѣда. Я искренно желалъ, чтобы осуществились и ваши желанія, и чтобы замѣть скоро удалось увидѣть, что всѣ затрудненія между нами, какъ вы полагаете, удалятся, и наши отношенія придутъ въ прежнее положеніе“¹⁾).

¹⁾ Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву. Парижъ, 8/15-го августа 1811 г. Въ нашемъ разказѣ мы руководствовались по преимуществу этого депеше, но разказъ нашего посланника въ главныхъ чертахъ совершенно склоняется къ разказомъ г. Тьера (*Histoire de l'empire*, кн. XXIII), который не зналъ де-

Въ этой рѣчи императоръ Наполеонъ не сказалъ ничего новаго въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ пререканія между двумя кабинетами, противъ того, что говорилъ прежде. Она замѣчательна не тѣмъ, что онъ говорилъ, но тѣмъ, что онъ умол-

пши князя Куракина и излагаетъ разговоръ на основаніи другихъ источниковъ. Самъ Наполеонъ подробно пересказалъ потомъ свои рѣчи герцогу Бассано и поручилъ ему передать ихъ въ окружной депешѣ всѣмъ европейскимъ дворамъ. Его рѣчи ясно слышали стоявшіе подъ нашаго посланника графъ Шварценбергъ и Виртембергскій посланникъ и подробно передали ихъ въ донесеніяхъ своимъ кабинетамъ. На этихъ источникахъ основана разказъ Тьера. Депеша герцога Бассано, составленная со словъ Наполеона, конечно, не могла бы служить достовѣрнымъ источникомъ для историка; извѣстно, какъ смотрѣть Наполеонъ на составляемыи имъ депеши: это тылый разговоръ въ передачѣ Тьера можетъ служить тому доказательствомъ. Отвѣтъ на заявленія князя Куракина о побѣдѣ нашихъ войскъ при Рущукѣ и о томъ, будто бы финансовые затрудненія заставили насъ вывести пять дивизій изъ Дунайскихъ княжествъ, онъ сказалъ: «Tenez, prince, parlons nous serieusement? Dictionnons ici *les dépêches* ou écrivons-nous pour les journaux? S'il en est ainsi, je tomberai d'accord avec vous, que vos généraux ont été constamment victorieux, que la gène de vos finances vous a obligé de retirer une partie de vos troupes, qui vivaient au dépens de Turcs, pour les faire vivre au dépens du trésor russe, j'accordeai tout cela; mais si nous parlons franchement devant trois ou quatre de vos collègues, qui savent tout, je vous dirai, que vous avez été battus, bien battus etc.». Но депеша герцога Бассано подтверждается отчестами австрійского и виртембергскаго пословъ. Эти три пересказа, замѣчаетъ Тьерь, въ главныхъ чертахъ не противорѣчатъ между собою, а дополняютъ другъ друга иѣсторыми подробностями, болѣе или менѣе важными, ускользнувшими изъ памяти одного и удержанными памятью другаго. Точно въ такомъ же отношеніи къ этимъ источникамъ находится и разказъ князя Куракина. Онъ даже болѣе другихъ могъ забыть подробности полуторачасового разговора, потому что, не смотря на навыкъ опытнаго дипломата, былъ уже довольно старъ въ то время, и притомъ этотъ разговоръ, безъ сомнѣнія, поразилъ его болѣе всѣхъ другихъ слушателей. Это самая депеша можетъ служить доказательствомъ сказанного нами. Въ концѣ ея, какъ случалось и въ другихъ его депешахъ, на другой день по написаніи она сдѣлала приписку, начинаящуюся сѣдующими словами: «При внимательномъ прочтеніи этой депеша, уже переписанной, моя память лучше послужила мнѣ, чѣмъ когда я писалъ ее между 12 и 6 часами утра, борясь со сномъ и усталостью. И вспомнилъ я сколько частныхъ мыслей и выражений императора, которая не припомнить при первомъ ее составленіи. Какъ все, сказанное этимъ государемъ, имѣть значеніе, то спѣшу ихъ сообщить вамъ». И вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ слова Наполеона: «Ne concevant rien à la marche, qu'on suit chez vous, je suis comme homme dans l'état de nature, qui, lorsqu'il ne comprend pas—se méfie. Il y a pourtant des talents en Russie, mais ce que s'y fait, prouve ou qu'on a perdu la tête, ou qu'on a des arrières-pensées. Dans le premier cas vous ressemblez à un lièvre, qui a du plomb»

чаль, и тѣми особыми обстоятельствами, при которыхъ она была произнесена. Онъ умолчалъ о главномъ и существенномъ вопросѣ, составлявшемъ постоянный предметъ его помысловъ и страстныхъ заботъ,—о нейтральной торговлѣ. Указывая на то, что съ нѣкотораго времени онъ замѣчаетъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему императора Александра, онъ умолчалъ о личной своей дружбѣ и расположении къ нему, о чмъ любилъ съ особымъ удареніемъ говорить прежде, пользуясь каждымъ случаемъ, съ тою цѣлью, чтобы своимъ союзомъ, основаннымъ не только на взаимныхъ выгодахъ обѣихъ державъ, но и на личныхъ отношеніяхъ ихъ повелителей, на дружбѣ его съ послѣднимъ могущественнымъ государемъ Европы, заставить молчать и преклоняться передъ собою всѣхъ другихъ. Но такая цѣль уже потеряла для него всякое значеніе въ это время. Онъ зналъ, что волею-неволею держитъ въ своихъ рукахъ всю континентальную Европу. Пруссія ужъ искала союза съ Франціей; Австрія, послѣ Вѣнскаго мира сближившаяся съ нимъ семьюными узами, за одно дѣйствовавшага противъ насъ въ Константинополѣ, не могла разчитывать даже на сохраненіе нейтралитета. Онъ не терялъ еще надежды на содѣйствіе Швеціи и на возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ насъ со стороны Оттоманской

dans la tÃªte, qui tourne et tourne sans savoir, quelle direction il suivra et oÃ¹ il arrivera. Тотъ же самый эпизодъ разговора у Тьера разказанъ такъ: «Vous Ãtes comme un liÈvre, qui recevant du plomb dans la queue, sa leve sur ses pattes pour regarder et s'expose ainsi Ã en recevoir Ã la tÃªte... Moi, je suis dÃ©fiant comme l'homme de la nature... j'observe... je vois qu'on se dirige de mon cÃ©tÃ©, je me dÃ©fie, je mets la main sur mes armes». Приведенные выписки показываютъ, что въ дешевѣ князя Куракина встрѣчаются только такія же разноречія, которыя находили Тьерь въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался; въ отношеніи же къ сущности передаваемыхъ рѣчей, они совершенно съ ними согласны. Но есть еще одно несогласие между ними. Нашъ посланникъ говоритъ, что рѣчи Наполеона—avec des formes plus amicales a Ã©tÃ© cependant rÃ¢g sa nature et par le but qu'elle indiquait, le pendant de celle, que l'empereur a eue le mÃªme 15 aÃ§ut il y a trois ans Ã St. Cloud avec le c-te de Metternich. Тьерь разказываетъ, что всѣ слова Наполеона имѣли насыщенный характеръ, и что онъ постоянно ставилъ въ недовѣренное положеніе князя Куракина и подтрунивалъ надъ нимъ. Соображая обстоятельства того времени, когда говорилъ Наполеонъ эти рѣчи нашему посланнику, и послѣдующій образъ дѣйствій французского правительства въ отношеніи къ нему съ личнымъ характеромъ Наполеона, кажется, надо поверить тѣмъ источникамъ, которыми руководствовался Тьерь въ своеѣ разказѣ. Сравнивая рѣчи Наполеона нашему посланнику съ рѣчами графу Меттерничу и лорду Витворту, нельзя не замѣтить, что первыи отличаются особенною сдержанностью. Но сдержанная волновавшій его гневъ въ отношеніи къ Россіи, не могъ онъ не выразить его хотя бы въ отношеніи къ нашему посланнику.

Порты. Наполеонъ, не смотря на свою гениальность, при одинаковыхъ обстоятельствахъ постоянно действовалъ одинаковымъ образомъ, повторялся, употреблялъ одни и тѣ же приемы, такъ что опытные наблюдатели очень вѣрно могли предугадывать послѣдствія его поступковъ. Мы уже сказали, что его разговоръ съ княземъ Куракинымъ былъ повтореніемъ разговора съ английскімъ посланникомъ въ 1803 и австрійскимъ — въ 1809 году: та же обстановка, тотъ же смыслъ рѣчей, тѣ же можно было предвидѣть и послѣдствія, то-есть, бѣдствія войны. Разговоръ съ Куракинымъ отличался отъ двухъ другихъ только умѣренностью; императоръ не возвышалъ голоса и говорилъ довольно тихо, не увлекался гнѣвомъ и, напротивъ, желалъ придать своимъ словамъ видъ откровенного доброжелательства. „Разговоръ этотъ“, писалъ нашъ посланникъ, — „продолжался болѣе двухъ часовъ и былъ такъ длиненъ и оживленъ, что долженъ быть приводить внимание всѣхъ присутствовавшихъ. Въ формахъ болѣе дружественныхъ онъ, по своему свойству и своей цѣли, былъ повтореніемъ того, который вель императоръ три года тому, въ то же число 15-го августа, съ графомъ Меттернихомъ въ Сент-Клу, и который въ свое время такъ много надѣлалъ шума. Признаюсь, я безутѣшенъ. Я испыталъ неудовольствие выслушать отъ императора *при всякомъ* все то, что онъ уже говорилъ мнѣ на частной аудіенціи, которую онъ мнѣ давалъ три мѣсяца тому назадъ, все то, что впослѣдствіи, въ томъ же смыслѣ и о тѣхъ же предметахъ, говорилъ онъ графу Шувалову“.

Безъ сомнѣнія, тотъ же самый разговоръ въ частной бесѣдѣ съ посланникомъ союзной державы имѣлъ бы совершенно иное значеніе. Онъ выражалъ бы, конечно, возникшія между государствами затрудненія, возбудилъ бы переговоры и сношения, но не обличалъ бы разрыва и возможности войны. Напротивъ того, будучи произнесенъ въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи дипломатического корпуса, и сообщенъ потомъ самимъ французскимъ министерствомъ иностраннѣыхъ дѣлъ всѣмъ европейскимъ державамъ, разговоръ этотъ получалъ именно значеніе прелюдіи къ войнѣ.

Такова была сущность этихъ рѣчей Наполеона; но онъ желалъ придать ей менѣе рѣшительное на видъ значеніе. Онъ говорилъ безъ той рѣзкости, безъ той заносчивости, которыми обыкновенно отличались его рѣчи въ подобныхъ случаяхъ. Онъ началъ разговоръ съ нашимъ посланникомъ, выждавъ времени, когда многіе уже разѣхались, и около него и Куракина находилось только нѣсколько лицъ дипломатического корпуса, — князь Шварценбергъ, герцогъ Кампо-Киаро

и нѣкоторые другіе. Онъ выжидалъ время, не смотря на то, что придворные экипажи уже были готовы, и что какъ онъ, такъ и его семейство, спѣшилиѣхать въ Сенъ-Клу. Онъ говорилъ такъ тихо, что, по словамъ нашего посланника, только „ближайшіе его сосѣди по обѣ стороны, послы австрійскій и неаполитанскій, могли слѣдить за ходомъ его мыслей и явственно слышать весь разговоръ; всѣ другія лица, остававшіяся еще въ залѣ, могли только дѣлать догадки и предположенія“.

Хотя время года до нѣкоторой степени уже устранило возможность немедленнаго начала военныхъ дѣйствій, котораго не желалъ и самъ Наполеонъ, не считая себя окончательно приготовленнымъ, тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ выражать и явнаго разрыва, явно вызывать на войну, и потому, прикрывалъ его вызовомъ на новые переговоры, увѣреніями, что первый не начнетъ войны, и обѣщающими, что начатые переговоры могутъ весьма легко повести къ соглашеніямъ между обѣими державами. Увѣренный въ своемъ вліяніи на Пруссію и Австрію, онъ однако опасался упустить ихъ изъ своихъ рукъ, потому что ихъ содѣйствіе въ войнѣ съ Россіей еще не было обеспечено никакими договорами, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался вынудить и Россію, вызванную имъ на войну, — къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя, конечно, открылись бы занятіемъ герцогства Варшавскаго и восточной Пруссіи.

Его хитрость увѣнялась полнымъ успѣхомъ, но потому только, что императоръ Александръ твердо рѣшился въ это время выжидать нападенія со стороны своего противника и не приступать къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но тѣмъ не менѣе, смыслъ рѣчей Наполеона, сказанныхъ ^{3/1}-го августа нашему посланнику, былъ очень опредѣленно и ясно понять какъ въ Россіи, такъ и во всей Европѣ. „Я желалъ бы“, говорилъ графу Лористону императоръ Александръ, — „не придавать особеннаго значенія этой рѣчи, но о ней говорять во всѣхъ домахъ Петербурга, и это новое обстоятельство укрѣпляетъ только мой народъ въ твердой рѣшимости, не вызывая войны, защищать свое достоинство и свою независимость до послѣдней крайности. Впрочемъ, императоръ Наполеонъ прибѣгаетъ къ такимъ рѣчамъ только рѣшившись воевать, — тогда онъ не считается нужнымъ сдерживаться. Я вспоминаю его разговоръ съ лордомъ Витвортомъ въ 1803 году и графомъ Меттернихомъ въ 1809. Поэтому, онъ служить для меня весьма дурнымъ признакомъ для поддержанія мира“ ¹⁾). Не смотря

¹⁾) Тѣрс. Histoire de l'empire, гл. XXIII. Correspondance diplomatique de J. de Maistre, т. I, стр. 25. Письмо ^{10/22}-го сентября 1811 года.

однако на эти слова, императоръ Александръ, не желая ускорять разрыва, поручалъ нашему посланнику постоянно заявлять французскому правительству, „что онъ твердо сохраняетъ союзъ съ Франциею, считая его полезнымъ какъ для своей имперіи, такъ и для общаго блага, и потому желаетъ поддержать его, устранивъ все то, что могло бы его ослабить“. Оставался вѣрнымъ тѣмъ начальамъ политики, которая были установлены въ Тильзитѣ, до тѣхъ поръ пока и Франція, съ своей стороны, будетъ имъ слѣдоватъ, императоръ поручалъ князю Куракину заявить, „что, не считая нужнымъ съ своей стороны дѣлать какія-либо предложенія, онъ готовъ выслушать всякия предложенія, которая сдѣлается ему императоръ его союзникъ, для устраненія пререканій, возникшихъ между двумя дворами“. Объ этихъ предложеніяхъ нашему посланнику поручалось доводить немедленно до свѣдѣнія нашего кабинета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Румянцевъ писалъ князю Куракину, „что императоръ узналъ изъ его депешъ, что императоръ Французовъ предполагаетъ, будто бы его величество желаетъ обладать Данцигомъ или частію герцогства Варшавскаго. Императоръ не можетъ даже объяснить себѣ, что подало поводъ къ такому предположенію, лишенному всякаго основанія, и предписываетъ вамъ заявить самымъ положительнымъ образомъ, что онъ не имѣтъ никакихъ видовъ ни на Данцигъ, ни на часть Варшавскаго герцогства и вовсе не желаетъ обладать ими. Довольный предѣлами имперіи, которую Провидѣніе ввѣрило его управлению, его величество не имѣтъ никакихъ видовъ на то, что составляетъ собственность другихъ, и заботится единственно о сохраненіи общаго мира и спокойствія, столь необходимыхъ для того, чтобы залечить глубокія раны, причиненные Европѣ двадцатью годами бѣдствій и страданій“¹⁾.

Какъ смыслъ рѣчей, произнесенныхъ торжественно Наполеономъ нашему посланнику, былъ очень хорошо понять нашимъ кабинетомъ, такъ, безъ сомнѣнія, были поняты и императоромъ Французовъ эти заявленія нашего правительства. Разрывъ между двумя имперіями совершился окончательно.

¹⁾ Депеша канцлера графа Румянцева князю Куракину 25-го сентября 1811 года (напечатана частію у Болдановича: Исторія Александра I, т. III, примѣч. къ га. XXIX, стр. 40—42).

А. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ¹⁾.

VI.

Судовой путь изъ Киева въ Азовское море и связи Днѣпровской Руси съ Боспорскимъ краемъ. — Угличи и Тиверцы суть племена Болгарскія. — Черная Болгарія и ея тожество съ третьею группой Руссовъ у арабскихъ писателей.

Сблизивъ, при помощи хронологіи и другихъ обстоятельствъ, построение Саркела съ извѣстіемъ о Руси Бертиныхъ лѣтописей, мы подходимъ къ уясненію исторической связи между Русью Днѣпровскою и тѣмъ краемъ, который является потомъ подъ именемъ Тмутраканского княжества. До прихода Печенѣжскихъ ордъ въ Черноморскія степи племена Антовъ, по всѣмъ признакамъ, еще жили почти сплошь отъ Днѣпра до Азовскаго моря. Послѣднее еще долго потомъ, до Половцевъ или даже до Татаръ, не было обнажено отъ славянорусскихъ поселеній на сѣверозападныхъ его берегахъ и славяноболгарскихъ—на юговосточныхъ. Если обратимъ вниманіе на положительное извѣстіе Масуди о томъ, что Руссы живутъ на одномъ изъ береговъ Русскаго моря, на которомъ никто, кроме ихъ, не плаваетъ, и если подъ этимъ моремъ признаемъ преимущественно Азовское (ибо о Черномъ никакъ нельзя было сказать того же), то убѣдимся, что еще въ X вѣкѣ Русь сохраняла свои поселенія на Азовскомъ побережїи и свою связь съ этимъ побережьемъ. Эта связь объяснить намъ многое въ начальной исторіи нашего государства. Обыкновенно думали, что Киевская Русь сообщалась съ Тмутраканью и ходила въ Азовское море Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, то-есть, вокругъ Таврическаго полуострова. Такое мнѣніе не выдерживаетъ

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Журн. Мин. Нар. Пром. 1875 г.

болѣе тщательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ. Наша исторіографія, очевидно, увлекалась картинымъ описаніемъ плаванія Руси въ Византію у Константина Багрянороднаго. Исторіографія доселѣ не задала себѣ простаго вопроса: Константина описываетъ только путешествіе въ Грецію, а какимъ способомъ Русь возвращалась назадъ въ Киевъ? Если плаваніе сквозь пороги внизъ по Днѣпру было сопряжено съ такими трудностями, то какъ же оно могло совершаться вверхъ, противъ теченія? Чтобы Русы переволакивали свои лады по - суху мимо всѣхъ пороговъ, то-есть, на разстояніи 70-ти или 80-ти верстъ, это совершенно не вѣроятно. Изъ описанія Константина видно, что когда они плыли внизъ, то большую частію и не вытаскивали своихъ лодокъ на берегъ, а проводили ихъ у самаго берега по мелкому каменистому дну или спускали по быстринѣ. При томъ Константина описываетъ собственно торговый караванъ; а какъ совершалось плаваніе военного флота въ нѣсколько сотъ и даже тысячи ладей, отправлявшагося грабить берега Чернаго или Каспійскаго морей, и какъ онъ возвращался домой, этого не объясняетъ намъ прямо ни одинъ источникъ.

Не было ли еще какого пути изъ Киева въ Азовское море?

Такой путь дѣйствительно былъ. На него указываетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Україны. Разказывая о возвращеніи Запорожцевъ изъ своихъ походовъ по Черному морю, онъ поясняетъ, что кроме Днѣпра, у нихъ была и другая дорога изъ Чернаго моря въ Запорожье, а именно: Керченскимъ проливомъ, Азовскимъ моремъ и рѣкою Міусомъ; отъ послѣдняго они около мили идутъ волокомъ въ Тачаводу (Волчью Воду?), изъ нея въ Самару, а изъ Самары въ Днѣпръ. Въ настоящее время такія степные рѣки, какъ Міусъ или Волчья Вода, не судоходны. Но онъ, какъ видимъ, были судоходны еще въ XVII вѣкѣ. Судя по Боплану, пространство между Днѣпромъ, Самарой и Міусомъ въ его время еще было обильно остатками большихъ лѣсовъ. Въ XIII вѣкѣ Рубруквісъ, описывая свое путешествіе къ Татарамъ, также говорить о большомъ лѣсѣ на западѣ отъ рѣки Дона. Отсюда можно заключить, какіе густые лѣса росли здѣсь въ болѣе глубокой древности; а они-то и обусловливали значительную массу воды въ рѣкахъ этого края. Особенно въ полную воду судоходство могло совершаться безпрепятственно, и самый волокъ между Волчью Водой и какимъ-либо ближнимъ притокомъ Міуса или Калміуса, по всей вѣроятности, покрывался водою.

Нѣтъ ли указаній на этотъ путь въ древнѣйшихъ источникахъ Русской исторіи?

Есть. Тотъ же Константинъ Багрянородный, въ своемъ сочиненіи „Объ управлениі имперіей“, говорить: „Къ сѣверу Печенѣги имѣютъ рѣку Диѣпръ, изъ котораго Русы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію“. Очевидно, авторъ имѣлъ только общее свѣдѣніе объ этомъ пути и не зналъ его такъ отчетливо, какъ путь Диѣпровскій или Греческій; однако указаніе это для настъ очень важно. Прежде затруднялись, куда отнести эту Черную Болгарію. Но для настъ ясно, что тутъ рѣчь идетъ о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ,сосѣднихъ съ Хазарами. Сирія также запутывается это свидѣтельство, если подъ нею разумѣть извѣстную страну, лежащую къ югу отъ Малой Азіи. Но чтобы достигнуть ея на судахъ, надобно было плыть мимо Константина Поля въ Мраморное море и т. д., о чемъ нѣтъ никакого помину. Поэтому толкованіе Савельева („Мухамеданская нумизматика“), что тутъ подъ Сиріей разумѣется Ширванъ, довольно вѣроятно. Это толкованіе согласуется съ походами Руссовъ изъ Азовского моря Дономъ и Волгою въ Каспійское, о которомъ рассказываютъ арабскіе писатели¹⁾). Далѣе, въ томъ же Х-мъ вѣкѣ, кромѣ Константина Багрянородного, мы имѣемъ и другое византійское указаніе на азовско-диѣпровскій путь. У Льва Діакона сказано, что Игорь послѣ своего пораженія у береговъ Малой Азіи съ оставшимися десятью судами отплылъ въ Боспоръ Киммерійскій. Если бы не существовало означенного пути, то зачѣмъ было ему плыть къ Таврическому проливу, а не къ Диѣпровскому устью?

Наконецъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть намекъ на то же сообщеніе, именно тамъ, гдѣ говорится о путяхъ Соляномъ и Залозномъ (Ипат. лѣт. подъ 1170 г.). Профессоръ Брунъ въ прекрасной своей статьѣ „Слѣды древнаго рѣчнаго пути изъ Диѣпра въ Азовское море“ (Записки Одесск. Общ., т. V) весьма удовлетворительно разъясняетъ, что пути эти шли изъ Диѣпра къ соланнымъ озерамъ Переокопскимъ, Геническимъ и Бердянскимъ по рѣкамъ Молочной, Калміусу и Міусу. Одну изъ послѣднихъ, по его мнѣнію, весьма вѣроятному, должно подразумѣвать подъ именемъ „Русской рѣки“ у Эдриси, арабскаго писа-

¹⁾ Можетъ быть, это—та страна, которая въ арабскихъ извѣстіяхъ встречается подъ именемъ Сериръ, въ соединѣ съ Хазаріей (Альбаки, Истакри и Ибнъ-Хаукарь). Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что здѣсь вместо Сирія надобно читать Зихія (такъ читаетъ г. Куникъ); а эта область соединяла съ Таманью.

тела XII вѣка, и на генуэзскихъ картахъ XIV и XV столѣтій. То же судоходное сообщеніе, по словамъ г. Бруна, объясняетъ и заблужденіе нѣкоторыхъ средневѣковыхъ географовъ, которые думали, что Днѣпръ однимъ рукавомъ изливается въ Черное море, а другимъ въ Азовское.

Такимъ образомъ для насъ становятся понятны связи Киевской Руси съ Тмутраканью. Кромѣ судового сообщенія, было, конечно, и сухопутное, существовавшее особенно въ зимнее время и необходимое для конныхъ дружинъ. (Для примѣра напомнимъ вспомогательную черкесскую конницу, приведенную Мстиславомъ Чернымъ на берега Днѣпра противъ своего брата Ярослава). Оно совершилось также при помощи Арабатской стрѣлки, какъ правдоподобно tolkuyetъ г. Брунъ, указывая на путешествіе равнина Петахія въ XII вѣкѣ. О сухопутномъ сообщеніи между Днѣпромъ и побережьемъ Азовского моря свидѣтельствуетъ и знаменитый походъ нашихъ князей въ 1224 году: переправившись за Днѣпръ около Хортицы, они восемь или девять дней шли потомъ до береговъ Калки (Калміуса), где произошла несчастная битва съ Татарами. Если въ XIII вѣкѣ Русскія дружины хорошо знали пути къ Азовскому морю, то тѣмъ болѣе послѣдніе были имъ извѣстны въ древнѣйшую эпоху, когда кочевыя орды еще не успѣли оттѣснить ихъ отъ этого моря; судя по извѣстіямъ Арабовъ, значительная русскія поселенія находились здѣсь несомнѣнно еще въ X вѣкѣ. Если бы не свидѣтельство Масуди о томъ, что Русь живеть на берегахъ Русскаго моря и на немъ господствуетъ, то намъ трудно было бы и объяснить ея морскія предпріятія, торговыя и военные, за которыми можно слѣдить отъ IX до XII вѣка включительно, то-есть, до той эпохи, когда она была совершенно оттерта отъ морскаго побережья. Иначе нельзѧ было бы понять, почему Киевская Русь въ IX и X вѣкахъ является смѣлымъ мореходнымъ племенемъ, и какимъ образомъ она могла объединить подъ своимъ господствомъ такія славянскія племена, какъ Кубанскихъ и Таврическихъ Болгаръ, обитавшихъ за моремъ. Жительство на берегахъ Азовскаго моря и исконные связи Киевскаго края съ этими берегами устраниютъ и самый вопросъ о томъ, когда начались сношения Днѣпровской Руси съ Азовско-Черноморскими Болгарами. Напомнимъ извѣстіе Прокопія, что къ сѣверу отъ Гунновъ-Утургуротовъ живутъ племена Антовъ; слѣдовательно, уже въ VI вѣкѣ мы видимъ Болгаръсосѣдями Руси. Отъ VI до IX вѣка въ ея положеніи еще не произошло большихъ перемѣнъ; движение Аваръ и Угревъ хотя и внесло новые этнографиче-

скіе элементы въ край, заключенный между Днѣпромъ, Азовскимъ и Чернымъ моремъ, но главная масса этихъ народовъ передвинулась далѣе на западъ въ Придунайскую равнину.

Многочисленный Болгарскій народъ во время движенія къ Дунаю оставилъ значительную часть своихъ племенъ въ южной Россіи, на пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Дунаемъ. У писателей VI вѣка (Прокопія и Агаеія) мы встрѣчаемъ здѣсь поселенія Утургурровъ и Кутургурровъ; а болѣе поздніе писатели (Ѳеофанъ и Никифоръ), въ извѣстной легендѣ о раздѣлѣ сыновей Куврата, отнесли это пространство къ удѣламъ его втораго сына Котрага и третьаго Аспаруха. Котрагъ занялъ мѣсто на западъ отъ рѣки Дона и Азовскаго моря, противъ части старшаго брата Батбая, оставшагося на родинѣ, то-есть, за Азовскимъ моремъ. Мы уже говорили, что эта легенда произошла изъ попытки объяснить широкое разселеніе болгарскаго семейства. (*Русский Архивъ*, 1874, № 7.) Затѣмъ, сближая разныя извѣстія, приходимъ къ тому выводу, что приводимыя нами начальную лѣтописью самыя южныя славянскія племена, сидѣвшія по Днѣстру къ Дунаю до самого моря, Улуши и Тиверци, были именно племена болгарскія. Лѣтопись замѣчаетъ, что племена эти (самостоянно мѣсто ихъ жительства) у Грековъ назывались *Великая Скуевъ*. Только предѣлы имъ она назначаетъ слишкомъ тѣсные, такъ какъ онъ, по всѣмъ признакамъ, отъ Днѣстра сидѣли не только къ западу до Дуная, но и къ востоку до Днѣпра или до Азовскаго моря. Улуши, съ ихъ варіантами Уличи, Улутчи и Лутучи, обыкновенно отожествляются, и совершенно справедливо, съ народомъ Угличи, у баварскаго географа *Unlizi*, у Константина Багрянороднаго *Оѣлтико*. Константинъ причисляетъ Ультиновъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыхъ платили дань Руси. Восходя къ болѣе раннимъ источникамъ, мы встрѣчаемъ тѣхъ же Ультиновъ въ VI вѣкѣ у Агаеія, только съ обычнымъ въ то время окончаніемъ на *уры* или *зуры*, а именно *Ультинзуры* (*Оѣлтикооръ*). Агаеій приводить ихъ какъ подраздѣленіе Гуннскаго племени вмѣстѣ съ Котригурами, Утригурами и Буругундами; а подъ Гуннами у него являются никто другой какъ Болгаре. У старшаго Агаеіева современника Іорнанда встрѣчаемъ тѣхъ же Ультинзоровъ, но подъ варіантомъ *Ульциннуровъ* (*Utzin-gures*); онъ приводить ихъ въ числѣ народовъ подвластныхъ Гуннамъ (сар. LIII). Что наши южные Угличи были племена Болгарскія, подтверждаетъ также упомянутая выше легенда. Она повѣствуетъ, что Аспарухова часть пришла на Дунай отъ рѣки или отъ мѣстности,

которая „на ихъ языѣ“ (то-есть, на болгарскомъ) называется *Онлонъ* или *Олонъ* (то-есть, Унгуль или Ингуль, а безъ носового звука—*Юль*).

Что касается до Тиверцевъ, то въ прежнихъ своихъ статьяхъ мы уже отожествляли это название съ византійскими *Тавроскиеами* (*Русский Вѣстникъ*, 1871 г., декабрь). Название Тавроскииы встрѣчается очень рано, именно у греко-латинскихъ писателей II вѣка по Р. Х. Штоломея и Юлія Капитолина. По ихъ свидѣтельству, они жили въ сосѣдствѣ съ Ольвіей около полуострова, который назывался „Бѣгъ Ахилла“, то-есть, около Днѣпровскаго лимана и Кинбурнскай косы. Какому народу первоначально дано было это имя, положительно сказать нельзя; оно намекаетъ только на смѣсь древнихъ обитателей Крымскаго полуострова или Тавровъ съ сосѣдними Скиеами; а подъ этими постѣдними мы разумѣемъ въ тѣхъ мѣстахъ племена готскія и славянскія. У писателей византійскихъ опять встрѣчаемъ то же имя, начиная съ VI вѣка. Именно, Прокопій въ своемъ сочиненіи „О постройкахъ“ говоритъ, что города Херсонъ и Боспоръ лежали за Таврами и Тавроскиеами. А въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы доказывали, жили тогда племена Болгарскія. Манасія, писатель XI вѣка, рассказывая о нападеніи Аварскаго кагана на Константинополь, въ числѣ его вспомогательныхъ войскъ упоминаетъ и Тавроскиеовъ, вмѣсто которыхъ въ данномъ случаѣ у писателей болѣе раннихъ (напримѣръ, у Феофана) поставлены Болгаре. Эти свидѣтельства заставляютъ насъ предполагать, что Византійцы называли Тавроскиеами сначала (приблизительно съ VI вѣка) часть Болгарскаго племени. Но позднѣе это имя перешло на тотъ родственный ему народъ, который завладѣлъ этой частью, то-есть, на Руссовъ. Извѣстно, что подъ именемъ Тавроскиеовъ являются они въ X вѣкѣ у Льва Диакона, который замѣчаетъ при этомъ, что на своеѣ родномъ языѣ они называютъ себя *Рось* (а не Тавроскиеами). Но въ то же время рединой ихъ онъ считаетъ страну, прилежащую къ Боспору Киммерійскому, — слѣдовательно, или смѣшивается азовскихъ Болгаръ съ господствующимъ тогда у нихъ народомъ, то-есть, съ Русью, или разумѣеть тутъ вообще Пріазовскія края. Между прочимъ, къ Скиеамъ или Тавроскиеамъ онъ относить Ахиллеса (который, по словамъ Арріана, былъ родомъ изъ меотійскаго города Мирміона). Какъ на признаки его скиескаго происхожденія, онъ указываетъ на слѣдующія его черты, общія съ Русью: покрой плаща съ пряжкою, привычка сражаться

пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, свѣтлые глаза, безумная отвага и жестокій нравъ¹).

Съ миѳомъ объ Ахиллѣ, не забудемъ, былъ связанъ въ особенности полуостровъ, образуемый Днѣпровскимъ лиманомъ и Переокопскимъ заливомъ; полуостровъ этотъ носилъ название „Тавроскиї“², а примыкающая къ нему Кинбурнская коса называлась „Ахилловымъ Бѣгомъ“ (Geogr. min. dd. Huds. T. 11, p. 87. См. *Skythien von Uker*. 164³). Но замѣчательно, что русскіе книжники, сколько извѣстно, не выводили свой народъ отъ Ахилла и его сподвижниковъ, между тѣмъ какъ мнѣніе о подобномъ происхожденіи встрѣчается именно у книжниковъ болгарскихъ. Такъ, въ одномъ болгарскомъ памятниѣ, передающемъ легенды о Троянской войнѣ, читаемъ: „Сій Ахиллеусъ имъ воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесь, нынѣ Болгаре и Унну“ (Калайдовича: „Іоаннъ эзархъ Болгарскій“, 181. Послѣднее слово показываетъ, что нѣкоторые болгарскіе книжники причисляли свой народъ къ Уннамъ или Гуннамъ, конечно, въ подражаніе Византійцамъ, отъ которыхъ они заимствовали и мнѣніе о скиескомъ происхожденіи Ахилла). Вообще, сказанія о Троянской войнѣ были любимымъ чтеніемъ у Дунайскихъ Болгаръ⁴). Итакъ, по

¹) Какъ извѣстія патріарха Фотія и Константина Багранороднаго, современниковъ легендарнаго Рюрика и историческаго Олега, не даютъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы Русь была народомъ не туземнымъ, тѣмъ и приведенное сейчасъ указаніе Льва Діакона, современника Игоря и Святослава, окончательно опровергаетъ басню о призваніи Руси изъ-за моря. Оно считается Ахилла ея соплеменникомъ, а Руссовъ производить отъ тѣхъ Скиевъ, у которыхъ были философы Анахарсистъ и Замонкистъ; по его словамъ, эти философы или товарищи Ахилла научили Руссовъ совершать надъ умершихъ жертвы и возліянія. Вспоминаемъ о жестокосердіи Ахилла, онъ прибавляетъ, что «Таврскіи и доселе обыкновенно рѣшаютъ свои распри убийствомъ и кровью; ю что сей народъ отваженъ до безумія, храбръ, силенъ, что нападаетъ на всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ, то многіе свидѣтельствуютъ и даже божественный Іезекінъ о семъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Се азъ назовжу на ти Гога и Мануа, князя Россы» (см. русскаго изданія, стр. 93). Еслибы Русь была не туземнымъ народомъ, а пришлымъ изъ-за Балтійскаго моря, то Левъ Діаконъ не могъ бы производить ея отъ древнихъ Скиевъ, родиной ея называть страну около Боспора Киммерійскаго и отожествлять ее съ библейскимъ Россью.

²) Отъ этого Ахиллова Бѣга или Дрома византійскіе писатели называли никогда Русь Дромидами, какъ то спрапедливо доказываетъ г. Кунинъ.

³) Болгарскіе переводы и передѣлки этихъ сказаний, конечно, переходили потому и на Русь, и здѣсь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что «вѣди Троиціи» Слова

всѣмъ соображеніемъ, Тавроскиеами Византійцы назвали собственно Черноморскихъ Болгаръ, а потомъ уже перенесли это название на родственное имъ и покорившее ихъ племя Руссовъ. Послѣдніе не называли себя Тавроскиеами, а именемъ подобнымъ, или отъ того же корня происходящимъ называли часть Черноморскихъ Болгаръ, то-есть, Тиверцевъ (собственно Тыричи или Тавричи). Между тѣмъ какъ племя Угличей жило преимущественно между Днѣпромъ и Днѣстремъ, Тиверцы, безъ сомнѣнія, обитали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и здѣсь ихъ поселенія сходились съ поселеніями Руси или древнихъ Роксаданъ¹).

Итакъ, связи между Русью, съ одной стороны, и Болгарами Таврическими и Таманскими, съ другой, существовали искони. Но начало русского вліянія у этихъ Болгаръ можно приблизительно опре-

о полку Игоревѣ, пожалуй, относится не къ императору Траяну, а собственно къ Троянской войнѣ. Впрочемъ, могло быть, что воспоминанія о томъ и другомъ перепутывались.

¹) Мы уже замѣтили, что Болгарскія племена, жившія около Нижнаго Днѣпра, то-есть, Угличи и Тверцы, объясняютъ намъ, откуда взялись двѣ параллели въ названіи Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Полагаемъ, что это были варианты славяно-русскіе и славяно-болгарскіе (*Русский Архивъ* 1874 г., № 7). Кстати, по этому поводу, предложимъ еще догадку относительно одного изъ названій пороговъ у Константина, именно *Есулы* ('Есупъ'), которое объяснялось словомъ «Не спи». Я уже указывалъ на странность подобного названія и его несогласіе съ духомъ славянскаго языка (см. *Русский Вѣстникъ* 1872 г., декабрь). Теперь прибавлю, что, по всей вѣроятности, здѣсь произошло столь обыкновенное осмысленіе слова, котораго первоначальный смыслъ давно утратился, при чёмъ воспользовались созвучиемъ. Ключъ къ первоначальному смыслу этого названія, я полагаю, заключается въ извѣстіи Геродота о томъ, что область, лежавшая между Гипанисомъ и Бористеномъ, на границахъ Скиѳовъ землемѣщевъ и Алазоновъ, называлась *Ексампей* ('Ексапайос), и что это скиѳское название значило: «Святые пути». Мы видимъ тутъ темное извѣстіе именно о Днѣпровскихъ порогахъ, около которыхъ находилась священная для Скиѳовъ страна Герросъ. Каменные грады, преграждающие теченіе Днѣпра, вѣроятно, у туземцевъ были связаны съ миѳическимъ представлениемъ о какомъ-либо божествѣ или герой, переходившемъ рѣку по этимъ скаламъ, или съ чѣмъ-либо подобнымъ. Слово Ексампї (при сокращеніи окончавшій) или Ессампї съ утратою носового звука (славянскаго ю) должно было произноситься «Есупъ». Такъ сначала назывались вообще Днѣпровскіе пороги; а потомъ, когда ихъ стали различать отдѣльными названіями, Есупъ осталось за первымъ. Затѣмъ явилось его осмысленіе въ формѣ: «Не спи». Еще позднѣе, подъ вліяніемъ этого осмысленія, одинъ изъ пороговъ сталъ называться «Будило», то-есть, названіемъ, болѣе соответствующимъ духу языка при данномъ осмысленіи.

дѣлить первою половиною IX вѣка. Построеніе Саркела, имѣвшаго назначеніемъ защищать хазарскіе предѣлы отъ Руси и Печенѣговъ, и посольство русскаго кагана въ Константинополь въ 838—839 гг. могутъ свидѣтельствовать о томъ, что Днѣпровская или Полянская Русь около этого времени значительно подвинула впередъ свое дѣло объединенія восточныхъ Славянъ и выступила на болѣе широкое историческое поприще, такъ что ея имя вскорѣ сдѣлалось знаменитымъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Слѣдующее за посольствомъ 839 года византійское извѣстіе о Руси относится уже прямо къ ея нападенію на Царьградъ въ 864—865 гг., нападенію, которое такъ ясно рисуютъ намъ бесѣды Фотія. Въ свою очередь, это нападеніе подтверждаетъ существованіе предварительныхъ связей Руси съ Болгарскими поселеніями на берегахъ Босфора Киммерійскаго; ибо только при такомъ условіи возможно было возвращеніе русскаго флота на родину, чѣмъ впослѣдствіи повторилось и съ флотомъ Игоря. Начало русскаго вліянія на Босфоръ въ первой половинѣ IX вѣка совпадаѣтъ и съ ослабленіемъ хазарскаго могущества, которое замѣтно обнаруживается около того же времени. Хазаръ начинаютъ тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные имъ народы: съ юга—Арабы и Закавказскія племена, съ сѣвера—Печенѣги, съ запада—Руссы; а нѣкоторыя покоренные племена свергаютъ съ себя ихъ иго. Такъ, въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянородного, Кавказскіе Алане не только являются независимыми отъ Хазаръ, но и своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ Черноморскими областями и съ Таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управлениіи имперіей“ Константина говорить: „Узы могутъ воевать Хазаръ какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ). Такъ и князь Аланіи, къ которой прилежатъ девять хазарскихъ округовъ; Аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять Хазарамъ великий вредъ и производить у нихъ нужду; послику изъ этихъ девяти округовъ Хазары получаютъ все свое удовольство“. И далѣе: „Если государь Аланіи предпочитаетъ римскую дружбу хазарской, то въ случаѣ разрыва Хазаръ съ Римлянами можетъ причинить Хазарамъ большой вредъ, устраивая засады и нечаянно нападая на нихъ въ то время, когда они отправляются въ Саркель, въ округи и въ Херсонъ. Если этотъ государь постарается преградить имъ путь, то въ Херсонѣ и въ округахъ (климатахъ) будетъ полное спокойствіе. Хазары, опасаясь аланскихъ вторженій и будучи не въ состояніи напасть съ войскомъ на Херсонъ и климаты,

принуждены оставаться въ мирѣ, такъ какъ не могутъ въ одно и тоже время вести войну съ обоими непріятелями”.

Азовско-Черноморскимъ Болгарамъ, раздѣленнымъ на разныя княженія и общины и притомъ жившимъ въ равнинныхъ и низменныхъ мѣстахъ, было труднѣе освободиться отъ хазарской зависимости, неожели Аланскимъ горцамъ, которые, по ясному смыслу Константина извѣстія, сосредоточены были подъ властью одного государя. Но на помощь Болгарамъ явились соплеменные Русы. Цѣлый рядъ войнъ Руси съ Хазарами, о которомъ вспоминаетъ и наша лѣтопись, очевидно, произошелъ не изъ—за Радимичей и Вятычей, а именно изъ за Боспорскихъ или Черныхъ Болгаръ. Окончательное освобожденіе послѣднихъ отъ Хазаръ и подчиненіе ихъ Руси совершились, по всѣмъ признакамъ, въ періодъ между 911 и 945 годами, то-есть, въ періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-есть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно Черныхъ Болгаръ и Корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы Русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать страну Корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора Черные Болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ Хазарамъ, а къ князю киевскому. Къ этимъ Боспорскимъ Болгарамъ, какъ извѣстно, спасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 г. Да и самъ походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда же, изъ Киммерийского Боспора. Онъ напалъ на виенскіе берега Малой Азіи; слѣдовательно, путь его былъ тотъ же, о которомъ мы говорили при описаніи византійского посольства къ Туркамъ въ VI вѣкѣ; то-есть: онъ туда и обратно пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, между Корсунемъ и Синопомъ.

Откуда взялось название Таврическихъ Болгаръ „Черными“ въ Игоревомъ договорѣ?

Очевидно, что оно буквально переведено съ греческаго, также какъ и весь договоръ. Замѣчательно, что и въ византійскихъ источникахъ оно встрѣчается только въ ту же самую эпоху, ни прежде, ни послѣ. А именно, Черные Болгаре упоминаются только у Константина Багрянородного въ его сочиненіи: „Объ управлениіи имперіей“, и не болѣе двухъ разъ. Въ одномъ мѣстѣ (которое приведено нами выше) онъ говоритъ, что изъ Днѣпра Русы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ, по видимому, хотѣлъ посвятить Черныхъ Болгарамъ цѣлую главу, которую и обозначилъ такъ: „О Черной Булгаріи и Хазаріи“. Но, къ великому

сожалѣнію, почему-то подъ этимъ заглавіемъ онъ ограничился только слѣдующими словами: „Булгарія, которая называется Черной, можетъ воевать Хазарь“. То-есть, Черныхъ Болгаръ, также какъ и Аланъ, византійское правительство въ случаѣ нужды могло вооружить противъ Хазарь. Слѣдовательно, въ это время, повторяемъ, и Черные Болгаре, и Алане были уже независимы отъ Хазарь.

Два одновременныхъ свидѣтельства, Игорева договора и Константина Багрянороднаго, относительно Черныхъ Болгаръ, соединившихъ съ Хазаріей и Корсунской областью, окончательно уничтожаютъ всякое сомнѣніе, съ одной стороны, въ томъ, что Гунины Прокопія (Утургурь), пришедши съ Кубани и поселившіеся между Херсономъ и Боспоромъ, были никто иное какъ Болгаре, а съ другой, что эти Болгаре существовали тамъ еще въ X вѣкѣ. Свидѣтельства эти подтверждаютъ, что Русь Тмутраканская явилась на основѣ болгарской, то-есть, родственной славянской. Отсюда понятно, почему Константинъ Багрянородный, сообщившій такія драгоценныя свѣдѣнія о Руссахъ, ничего не упоминаетъ о Руси Черноморской или Тмутраканской. Дѣло въ томъ, что эта область въ его время у Византійцевъ была извѣстна подъ именемъ Черной Болгаріи. А нѣсколько ранѣе, писатели VIII и IX вѣковъ, какъ мы знаемъ, называли ее Великою или Дрѣвнею Болгаріей. Название „Черная“, по всей вѣроятности, находится въ связи съ сѣвернымъ рукавомъ Кубани, который и въ настоащее время именуется Черной Протокой. Г. Брунь, въ упомянутой выше статьѣ, весьма правдоподобно отожествляетъ этотъ рукавъ съ Константиновою рѣкой Харакуль, которая изливалась въ Меотійское море съ востока и славилась ловлею рыбы берзетиконъ. Это извѣстіе Константина совпадаетъ съ извѣстіемъ Феофана о томъ, что около (полуострова) Фанагоріи въ рѣкѣ Куфисъ (то-есть, Кубани) ловилась булгарская рыба *ксистосъ*.¹ Г. Брунь эту рыбу считаетъ за одну и ту же съ Константиновою—берзетиконъ; а слово Харакуль, по его мнѣнію, слѣдуетъ читать Карагуль; что и будетъ буквально соотвѣтствовать названію Черная Протока. Впрочемъ и самая Кубань въ нижнемъ своемъ течениі отчасти называется Кара-кубань; также называется одинъ изъ ея притоковъ съ лѣвой стороны. А что касается до того, будто Харакуль или Карагуль есть турецкое название, то это еще вопросъ (ибо у восточныхъ Славянъ встрѣчаются названія рѣкъ, оканчивающихся на *гуль*; есть у нихъ и слово *карій*, въ смыслѣ темный).

Высказанное нами положеніе, что Черная Болгарія окончательно

подчинилась Руси въ эпоху Игоря, находить себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ арабскихъ извѣстіяхъ X-го вѣка, а именно у тѣхъ писателей (Истахри и Хаукала), которые рядомъ съ Киевомъ и Новгородомъ упоминаютъ третье племя Руси (*Артамію*); послѣднее иначе и объяснить нельзя, какъ Черною Болгаріей или Тмутраканью. Сюда же надобно отнести извѣстія (Ибнъ-Даста и Мукадеси) о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и незддоровомъ островѣ, подъ кото-рымъ, очевидно, разумѣется Фанагорія или Тамань¹⁾.

Не встрѣчается ли у Арабовъ этотъ край также и подъ своимъ собственнымъ именемъ Болгаръ?

Думаемъ, что встрѣчается, хотя и сбивчиво. До сихъ поръ все, чѣмъ у арабскихъ писателей говорится о Болгарахъ, толкователи обыкновенно относили или къ Дунайскимъ, или къ Камскимъ. Но они упускали изъ виду существование третьей Болгаріи, Кубанской, благодаря которой извѣстія арабскія иногда получаютъ болѣе смысла, чѣмъ имѣли его доселе. Напримѣръ, Масуди въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ говорить, что городъ Бургаръ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Это мѣсто сильно затрудняло толкователей, и они прибѣгали къ разнымъ натяжкамъ для его объясненія (для примѣра см. *Хвольсона*, „Ибнъ-Даста“ стр. 81). Но если возьмемъ въ расчетъ Черныхъ Болгаръ, то увидимъ, что подъ этимъ городомъ, вѣроятно, разумѣется Таматарха. Тотъ же Масуди говоритъ, что Болгаре воюютъ Грековъ, Славянъ, Хазарь и Турокъ. Толкователи думали, что онъ смѣшиваетъ здѣсь Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими; но Камскіе не могли воевать Грековъ, а Дунайскіе Хазарь; поэтому, съ большими вѣроятіемъ можно предположить смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными или Кубанскими. Это предположеніе будетъ совершенно согласно съ приведеннымъ выше и современнымъ извѣстіемъ Константина Багрянороднаго, что Черные Болгаре могутъ воевать Хазарь; а судя по

¹⁾ Этой характеристикѣ особенно соответствуетъ та низменная, съверо-восточная часть Кубанской дельты, которая лежитъ между съверными рукавами Кубани или Черной Протокой и Курчанскою или Верхнетемрюцкою лиманами. Эта низменность наполнена плавилинами, то-есть, тростникомъ и болотами. Вслѣдствіе своей непроходимой почвы и нездорового климата, она обыкновенно не посѣщается ни естествоиспытателями, ни археологами; а между тѣмъ, въ древности она была обитаема, и конечно, такому судоходному народу, какъ Руссы, доступъ къ ней не представлялъ затрудненій—тѣмъ болѣе, что Черная Протока шире и глубже, чѣмъ самая Кубань. (См. Археологич. Топограф. Таманск. полуострова — К. Гѣриа. Москва, 1870).

Игореву договору, они воевали и Грековъ, то-есть, Корсунцевъ. Да-лѣе нѣкоторыя черты болгарскихъ нравовъ, приводимыя у Масуди, также заставляютъ предполагать симѣніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными. Бурджане, говорить онъ, суть язычники и не имѣютъ священной книги; напротивъ того, у Дунайскихъ въ это время уже процвѣтала богословская литература, а Камскіе были магометанами; между тѣмъ какъ Черные только отчасти были христіанами, а большинство, по всѣмъ признакамъ, было въ язычествѣ. Къ послѣднимъ, вѣроютио, относится извѣстіе, что, когда умретъ Булгаринъ (конечно, знатный), то слугъ его сожигаютъ вѣсты съ мертвцемъ, или что у нихъ есть большой храмъ, и покойника заключаютъ въ этомъ храмѣ вѣсты съ женой и слугами, которые и остаются тамъ, пока умрутъ. Въ извѣстіи этомъ, конечно, есть неточности; но въ общихъ чертахъ оно достовѣрно. Два способа погребенія указываютъ, что у языческихъ Болгаръ, съ одной стороны, существовало сожженіе какъ у Русскихъ Славянъ, а съ другой—заключали жену и нѣкоторыхъ слугъ въ могилу покойника (которую надобно разумѣть подъ словомъ храмъ или покой); въ томъ и другомъ случаѣхъ надъ ними, конечно, насыпали курганъ¹). Второй способъ погребенія также существовалъ у языческихъ Руссовъ по ясному свидѣтельству Ибнъ-Даста (*Хвальсона*, 40). Послѣднее еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Болгари Масуди въ этомъ случаѣ суть Черные Болгари, которые не только имѣли съ Руссами много общаго въ обычаяхъ, но и находились въ то время съ ними въ политическомъ единеніи. Да-лѣе, Масуди замѣчаетъ, что Бурджане не имѣютъ ни золотой, ни серебряной монеты, а всѣ ихъ покупки и свадбы оплачиваются коровами и овцами. Это извѣстіе подходитъ и къ Дунайскимъ Болгарамъ и къ Чернымъ, но особенно къ послѣднимъ, а равно и къ языческой Руси. (Отсюда понятно, почему въ древне-русскомъ языкѣ слово скотъ имѣло значеніе денегъ). Наконецъ, въ большомъ Словарѣ Якута сказано, что Булгарія составляетъ область Хазаріи, и что мусульмане нападали на нее при халифѣ Османѣ. Это извѣстіе вошло въ Словарь, конечно, изъ болѣе древняго источника. Толкователи видятъ здѣсь необъяснимую путаницу (см. о томъ у Гаркази, стр. 20). Но вопросъ рѣшается очень просто существованіемъ Черной или Кубанской Булгаріи, когда-то дѣйствительно входившей въ составъ Хазарского государства.

¹) Болѣе тщательныя изысканія въ курганахъ Тамани и восточного Крыма, можетъ быть, подтвердятъ эти извѣстія Масуди.

По поводу арабскихъ извѣстій о Болгарахъ, обратимъ вниманіе людей компетентныхъ на то мѣсто „Золотыхъ Луговъ“ Масуди, гдѣ онъ описываетъ племена Славянъ. „Изъ этихъ племенъ“, говоритъ онъ, — „одно господствовало въ древности надъ остальными; царь его имѣновался Маджакъ (Махакъ, Бабакъ?), а само племя называлось Валинана. Этому племени прежде подчинились всѣ прочія Славянскія племена, ибо верховная власть была у него, и прочие цари ему повиновались“. И нѣсколько ниже: „Славяне составляютъ многія племена и многочисленные роды. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались въ прежнее время остальные цари ихъ; это былъ Маджакъ, царь Валинана, каковое племя есть одно изъ коренныхъ по-коѣній славянскихъ и обще почитаемое между ними. Но вслѣдствіи пошли раздоры между ихъ племенами; порядокъ былъ нарушенъ; они раздѣлились, и каждое племя избрало себѣ царя“ (Relation de Masoudy, etc., par Charmoy, въ Bulletin de l'Academie. VI-me serie). Это любопытное мѣсто подвергалось различнымъ толкованіямъ; но ни одно изъ нихъ, очевидно, не попало на истину, за исключеніемъ самаго имени Валинана, въ которомъ съ достовѣрностью узнаютъ Волынью. Все сказанное у Масуди объ этомъ племени, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ исторіей Болгарского народа, если припомнить его первоначальную судьбы. Онъ былъ могущественъ и страшенъ своимъ сосѣдамъ, пока жилъ въ юго-восточной Европѣ и не раздѣлился, не разсѣялся по разнымъ странамъ. Раздѣлившись, онъ потерялъ прежнюю силу и подпалъ отчасти подъ власть другихъ народовъ. Имя его царя читается разнымъ образомъ (о вариантахъ см. у Гаркави, 163); одинъ изъ вариантовъ его, Бабакъ, не напоминаетъ ли Батбая (иначе Баяна), который, по извѣстію Византійцевъ, властноваля когда-то надъ Болгарами Пріазовскими? А имя Валинанъ развѣ не въ связи съ Каспійскимъ моремъ, которое въ древней Россіи извѣстно было подъ названіемъ Хвалинского или собственно Валинского? Звукъ *х* есть не болѣе какъ приданіе. Въ свою очередь и буква *в* могла явиться приставочною (подобно тому какъ Аиты и Ванты, или Вяты), и тогда получимъ корень этого названія, то-есть, *Аланъ* или *Аланъ*. А что Болгаре также какъ Русь (то-есть, Роскалане) были когда-то извѣстны и подъ родовымъ названіемъ Аланъ, о томъ свидѣтельствуетъ Амманъ Марцеллинъ, который въ IV-мъ вѣкѣ описываетъ многочисленность и храбрость Аланскихъ племенъ, жившихъ въ его время тамъ, откуда вскорѣ потомъ двинулся на западъ Болгар-

скій народъ. Слова Масуди о Валиана въ особенности напоминаютъ это описание Аланъ у Марцеллина. Впослѣдствіи коренное название, то-есть, Алане, въ своемъ видовомъ, тѣснотъ смыслъ осталось, какъ извѣстно, за однимъ изъ Кавказскихъ племенъ, которое въ нашихъ лѣтописахъ называется Ясы (теперь Осетины); а видоизмѣненія этого названія встрѣчаются въ русскихъ *Паліахъ* и *Валыняхъ*.

Имѣли ли какое отношение къ Болгарамъ наши Волыньяне-Древляне, сказать трудно: нѣкоторыя племенные названія у Славянъ повторялись, и встрѣчаются въ совершенно различныхъ мѣстахъ (например, Сербы или Сѣвера, Друговичи, тѣ же Поляне и Древляне). Но принимая въ расчетъ невозможность опредѣлить, гдѣ кончались Угличи и начинались Древляне, а также извѣстный антагонизмъ между Полянами - Русью и Древлянами - Волынью, которые оказали Киевскимъ князьямъ наиболѣе упорное сопротивленіе, можно допустить, что Древлянское племя, подобное Угличамъ и Тверцамъ, было вѣтвью собственно не Русского, а Болгарского семейства, или по крайней мѣрѣ, имѣло значительную болгарскую примѣсь. Тогда, по-жалуй, мы придемъ къ возможности уяснить нѣсколько вопросъ, откуда пошли два главныхъ нарѣчія Русского языка, то-есть, откуда взялось нарѣчіе малорусское. Языкъ Киевской Руси, судя по письменнымъ памятникамъ, мы можемъ отнести именно къ нарѣчію великорусскому, а не малорусскому. Предлагая свои догадки по этому вопросу, мы, конечно, еще не думаемъ о его рѣшеніи, а указываемъ только на тѣть путь, который можетъ впослѣдствіи привести къ нѣкоторымъ болѣе положительнымъ выводамъ.

Итакъ, Черные Болгаре являются въ арабскихъ извѣстіяхъ отчасти подъ собственнымъ своимъ именемъ, но преимущественно подъ именемъ Руси. Повторяемъ, что арабскія извѣстія о дѣленіи Руси на три части: Куваву, Славію и Артанію (или Артсанію) невозможно объяснить помимо Руси Азовско-Черноморской или Болгарской. Относительно первыхъ двухъ всѣ согласны, что тутъ разумѣются Киевъ и Новгородъ; но прежнія толкованія Артаніи Мордвой Эрзянами (Френъ) или Біарміей, то-есть Пермью (Рено), какъ мы говорили, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Да и незачѣмъ отыскивать ее гдѣ-нибудь на сѣверѣ, когда сама лѣтопись наша съ конца X вѣка указываетъ на существование Руси Тмутраканской. А послѣдняя, какъ мы доказываемъ, возникла на почвѣ родственного намъ племени, то-есть, Черныхъ Болгаръ. Арабскія извѣстія объ этой части относятся

къ тому времени, когда имя Руси уже сдѣлалось славнымъ и гром-
кимъ на востокѣ, послѣ ихъ извѣстныхъ походовъ въ Каспійское
море и послѣ ударовъ, нанесенныхъ ими Хазарскому царству, и когда
Черная Болгарія была уже объединена съ Русью подъ властью того
могучаго княжескаго рода, который сидѣлъ въ Киевѣ. Впрочемъ и
вообще имя *Русь* гораздо болѣе было распространено въ тѣ времена
на востокѣ, нежели на западѣ: между тѣмъ какъ Арабы указываютъ
на поселенія Руссовъ въ Итильѣ, на ихъ торговцевъ въ Камской Бол-
гаріи и въ Хазаріи, прямо называя ихъ Руссами, Византійцы отчасти
продолжаютъ именовать ихъ Скиеами и особенно усвоиваютъ имъ
название Тавроскиеовъ¹⁾,

¹⁾ Относительно Артани прежде мы высказали мнѣніе, что это имя, вѣроят-
но, есть искаженіе греческаго названія Таматарха, русскаго Тиутраканъ. (*Рус-
ский Вѣстн.* 1871, № 12). Въ настоящее время не будемъ настаивать на этомъ
предположеніи: могло быть, что слово Артавія существовало независимо отъ
слова Тиутраканъ, потому что это название или подобныя ему повторяются
не одинъ разъ. Обратить вниманіе на впадающую въ Черное море въ Внешніи
рѣки *Артану*, на берега которой часть Болгарскихъ Славянъ переселилась съ
позвolenіемъ императора Константина Копронина. Далѣе укажемъ на *Артекъ*,
урочище на южномъ берегу Крыма у подошвы Аюдага, *Артаканъ*, мѣстечко въ
Закавказье недалеко отъ Ахалъыхъ, по малой и на *Артаксату*, древнюю сто-
лицу Арmenіи. Подобныя названія группируются преимущественно около Чер-
наго моря или около Кавказа. Слѣдовательно, въ той сторонѣ находилась и Русь
Артани, а не въ сѣверной полосѣ Восточной Европы.

Уже прежніе толкователи, отыскивавши Русь-Артанию въ глубинѣ мордов-
скихъ и пермскихъ лесовъ, предлагали догадки болѣе или менѣе невѣроятныя.
Но ихъ всѣхъ превзошелъ въ этомъ направлѣніи г. Гаркави, который упомя-
нувшую Русь сблизилъ съ извѣстіями объ островѣ Фудзі, и прямо переноситъ
ее на крайній сѣверъ, то-есть въ Скандинавію. (См. *Записки Академіи Наукъ*,
т. XXII, 1873). Сближеніе это, разумѣется, основано на соображеніяхъ и предпо-
ложеніяхъ весьма шаткихъ, при чѣмъ упущенъ изъ виду существованіе крымской
Фудзы (хоть мы уже имѣли случай о ней напоминать; см. *Русский Вѣстн.* 1871,
№ 12), которая у средневѣковыхъ писателей иногда спутывалась съ Фудзой
Сѣвернаго океана. Въ данномъ случаѣ это упущеніе особенно замѣтно, потому
что, по словамъ же г. Гаркави, въ рукописи одного Масудіева сочиненія вмѣсто
моря *Тумія* стоять Маютасть, то-есть Азовское. А между тѣмъ г. Гаркави пред-
ставилъ насколько дѣльныхъ замѣчаній, говорящихъ не въ пользу норманской
школы, въ своей добросовѣтно составленной книгѣ 1870 года: «Сказанія мусуль-
манскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ».

Интересно также и то, что Френцъ, отождествлявшій Русь-Артанию съ Морд-
вой-Эрдзинами, предлагаетъ цѣлый рядъ арабскихъ свидѣтельствъ, указываю-
щихъ на присутствіе Руси у береговъ Чернаго и Азовскаго морей (Мукодан,
Димешки, Едризи, Махреbi, Ибнъ-Эль-Варди). См. *Frachn—Ibn-Fo-zian's und
anderer Araber Berichte*, стр. 27 п далѣ.

Нѣкоторыя этнографическія черты, сообщенные тѣми же арабскими извѣстіями о Руси-Артаніи, подтверждаютъ наше предположеніе, что это край Азовско-Черноморскій. А именно: Русы, тамъ живущіе, будто бы убиваютъ всякаго попавшаго въ нихъ иностранца; они ведутъ торговлю водянымъ путемъ и ничего не рассказываютъ про свои дѣла и товары. Судоходство, конечно, можетъ указывать на приморское положеніе этой Руси; а слухи о жестокомъ обращеніи ея съ иноземцами сильно напоминаютъ древнія басни о Таврахъ, которые привносили въ жертву своей богинѣ всякаго иноземца, занесенного на ихъ берегъ. Баснословная примѣсь въ этихъ арабскихъ извѣстіяхъ несомнѣнна, ибо по другимъ арабскимъ свидѣтельствамъ (напримѣръ, Ибнъ-Дасты) Русы именно отличались гостепріимствомъ. „Изъ Арты“, говорить Истахри, — „вывозятся черные соболи, черные лисицы и свинецъ“. Пушные мѣха были однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли у древнихъ Руссовъ; водились ли соболи и лисицы въ самой странѣ Черныхъ Болгаръ, трудно сказать; во всякомъ случаѣ Русь Черноморская получала ихъ отъ своихъ болѣе сѣверныхъ единоплеменниковъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ металлахъ, если послѣдніе не добывались въ горахъ Крыма и соседнаго Кавказа; кромѣ того, они могли вымѣниваться у Грековъ, собственно у Корсунцевъ, и потомъ продаваться Русью въ Хазаріи и другихъ восточныхъ странахъ.

VII.

Русская церковь по уставу Льва Философа. — Сказаніе о хазарской миссіи Кирилла и Меѳодія и его историческія данныя. — Достовѣрность извѣстія о славянскихъ книгахъ, найденныхъ въ Корсуні.

Мы сказали, что название Черныхъ Болгаръ Русью встрѣчается по преимуществу у арабскихъ писателей X вѣка. Но его можно встрѣтить и у Византійцевъ. А именно въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) „О чинѣ митрополичьихъ церквей, подлежащихъ патріарху Константинопольскому“, въ спискѣ этихъ церквей находимъ на 61 мѣстѣ церковь Русскую (Рѡсѧ) рядомъ съ слѣдующею за нею церковью Аланскою; а далѣе, въ числѣ архиепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, находимъ на 29-мъ мѣстѣ Боспоръ и на 39-мъ — Метраху (та Метрахъ), то-есть, Таматарху или Тмутракань, рядомъ съ Готіей, Сугдіей и Фулой (Codini de officiis. Париж. изд. Т. I, стр. 379 и слѣд.). О какой Русской митрополіи тутъ упоминается? Едва ли подъ нею можно разумѣть церковь, собственно Киевскую; скорѣе можно видѣть здѣсь именно Черную Бол-

гарю или Русь Азовско-Черноморскую. Къ этой-то Руси, вѣроятно, и относится извѣстіе Фотія о ея обращеніи въ окружномъ посланіи 866 года. Трудно предположить здѣсь Киевъ, въ которомъ во времена Льва Философа княжилъ язычникъ Олегъ; не только Киевскій князь, но и вся дружина его была языческою, ибо въ Олеговомъ договорѣ о крещеніи Руси не упоминается; послѣдняя, а равно и христіанскій храмъ въ Киевѣ, встрѣчаются только со временеми Игоря (Мы оставляемъ въ сторонѣ легендарныя лица Аскольда и Дира; а отдалыи случаи обращенія въ Киевѣ до того времени, конечно, не могли составить особой митрополичьей церкви). Поэтому мы въ правѣ предложить вопросъ: подъ именемъ Россіи въ уставѣ Льва Философа не слѣдуетъ ли разумѣть соединенные Боспоръ и Таматарху? Не только у арабскихъ писателей, но и въ западныхъ источникахъ, встрѣчаємъ иногда Боспоръ или Керчь подъ именемъ города „Росія“ (например, въ договорѣ Генуезцевъ съ Греками въ 1170 г. (см. въ упомянутой статьѣ г. *Бруна*, стр. 132)). Собственно Боспорская церковь существовала, по крайней мѣрѣ, съ IV вѣка, и упоминаніе Боспорской архіепископіи рядомъ съ Русскою митрополіей можетъ быть объяснено тѣмъ, что Кодикъ приводилъ списки церквей, не различая строго времени, къ которому относились эти списки. Титулъ архіепископіи Боспорская церковь имѣла во времена болѣе ранніхъ; а въ эпоху Льва Философа она могла быть повышенна на степень митрополіи съ расширеніемъ своихъ предѣловъ, то-есть, съ соединеніемъ архіепископій Боспора и Таматархи въ одну митрополію; подобный примѣръ мы видимъ въ сосѣднихъ съ нею архіепископіяхъ Сугдейской и Фульской, которые были соединены въ одну митрополію (см. о томъ у преосв. Макарія: „Исторія христіанства до Владимира“, стр. 86). Херсонъ, Сугдя, Боспоръ и Таматархъ были именно тѣми пунктами, откуда христіанство постепенно распространялось между Болгарскими племенами, жившими по обѣимъ сторонамъ Боспорского пролива. А примѣры ихъ обращенія мы уже видѣли въ VI и VII вѣкахъ.

Тѣ Черные Болгаре, которые исповѣдывали христіанскую религію, по всей вѣроятности, получили богослуженіе на родномъ языкѣ, а слѣдовательно, ужъ имѣли переводъ Священнаго Писания, по крайней мѣрѣ, наиболѣе необходимыхъ богослужебныхъ книгъ. Это предположеніе, совершенно согласное съ духомъ греческой проповѣди и съ примѣрами другихъ восточныхъ народовъ, приводить насъ въ извѣстному спорному мѣсту изъ житія Константина Философа. Этотъ славянскій апостоль на пути своемъ къ Хазарамъ нашелъ въ Кор-

суни Евангелие и Псалтирь, написанные *русскими письменами*. Теперь, когда мы знаемъ о существованіи въ тѣ времена Таврическихъ и Таманскихъ Болгаръ и не сомнѣваемся въ ихъ исконныхъ свяяхъ съ Руссами, теперь мы не найдемъ ничего страннаго въ этомъ извѣстіи, которое предыдущимъ изслѣдователямъ казалось какимъ-то недоразумѣніемъ. Очевидно, тутъ разумѣется переводъ Священнаго Писания на древне-болгарскій языкъ, иначе называемый у насъ церковно-славянскимъ. Почему же письмена въ житіи названы „*русскими*“? На этотъ вопросъ можно отвѣтить двояко: или составитель житія употребилъ название Русь, подъ которымъ Черные Болгаре болѣе были извѣстны собственно въ его время, приблизительно во второй половинѣ X-го вѣка; или это позваніе употреблялось для обозначенія тѣхъ же Болгаръ уже во второй половинѣ IX вѣка, то-есть, въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Первое намъ кажется вѣроятнѣе; но и второе было бы соответственно упомянутой выше „*Русской митрополіи*“ временъ Льва Философа, которую мы также относимъ въ страну Черныхъ Болгаръ.

Но обратимся къ самому сказанію о миссіи Константина въ Хазарію. Напомнимъ содержаніе этого любопытнаго сказанія по наиболѣе полному его житію, такъ-называемому Паннонскому.

Къ императору Византійскому пришли послы отъ Хазарь и сказали: „Съ одной стороны Сарацины, съ другой — Евреи стараются насть обратить въ свою вѣру; просимъ у васъ мужа, свѣдущаго въ книжномъ ученіи; если онъ переспоритъ Евреевъ и Сарасинъ, то мы примемъ вашу вѣру. Царь послалъ къ нимъ Константина Философа. Послѣдній отправился въ путь и прибыль въ Корсунь. Здѣсь онъ научился живому языку и письму и перевѣзъ восемь частей грамматики. Тутъ жилъ нѣкій Самарянинъ, который далъ ему свою книгу; философъ съ Божіею помощью научился читать и самарянскія книги; вслѣдствіе сего удивленный Самарянинъ принялъ крещеніе. Константинъ нашелъ тутъ Евангелие и Псалтирь, написанные *русскими письменами*, и человѣка нашелъ, который говорилъ русскимъ языкамъ; бѣсѣду съ нимъ, онъ научился читать и говорить на этомъ языкѣ. Потомъ, услыхавъ, что мощи св. Клиmenta, папы Римскаго (сосланного въ Херсонесъ во времена гоненія на христіанъ при Траянѣ и утопленнаго здѣсь по его приказанію), все еще находятся въ морѣ, Константинъ, съ помощью Херсонскаго архиепископа и клира, предпринялъ трудъ отыскать моши, сѣль на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ.

Междъ тѣмъ казарскій воевода осадилъ какой-то христіанскій городъ. Узнавъ о томъ, философъ отправился къ этому воеводѣ и такъ подѣйствовалъ на него своею проповѣдью, что тотъ обѣщалъ креститься и отступилъ отъ города. Вслѣдъ затѣмъ на философа во время пути напали Угры въ тотъ часъ, когда онъ молился, и хотѣли его убить, но онъ не устрашился и продолжалъ свою молитву. Угры укротились, послушали его назидательныхъ словъ и отпустили невредимымъ со всѣми спутниками. Послѣ того Константина сѣлъ на корабль и отправился въ Хазарію по Меотійскому дзеру, къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ. Слѣдуютъ пренія о вѣрѣ съ хитрыми и лукавыми еврейскими учителями въ присутствіи Хазарскаго кагана о Св. Троїцѣ, о воплощеніи сына Божія, о Моисеевомъ законѣ обрѣзанія, объ иконопочитаніи и проч. Разумѣется, Константинъ „перепрѣлъ“, то-есть, побѣдилъ своихъ противниковъ. Каганъ далъ своимъ людямъ позволеніе креститься; изъ нихъ было окрещено двѣsti человѣкъ. Самъ каганъ однако ограничился похвалою Константину и благодарственнымъ письмомъ царю Византійскому. Выѣсто предложеніяхъ ему даровъ, Константинъ испросилъ у кагана освобожденія двадцати плѣннымъ Грекамъ. Послѣ того онъ воротился въ Корсунскую страну.

По сосѣдству съ этой страною лежала область Фульская, населенная какимъ-то племенемъ, хотя и принявшимъ уже христіанскую вѣру, но все еще не покидавшимъ своихъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Здѣсь стоялъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею; жители называли его Александромъ и совершали подъ его тѣнью свои языческие обряды; только женщинамъ было запрещено приближаться къ заповѣдному дубу. Константинъ отправился въ эту область и началъ уговаривать жителей оставить идолопоклонство и предать дубъ огню. Жители отвѣчали, что почитаніе дуба они наслѣдовали отъ своихъ отцовъ и привыкли обращаться къ нему въ своихъ нуждахъ, особенно съ моленіемъ о дождѣ; что, если кто дерзнетъ коснуться его, то будетъ пораженъ смертю, и не будетъ имъ болѣе дождя. Философъ, взявъ Евангеліе, своимъ поученіемъ наконецъ такъ подѣйствовалъ на нихъ, что старѣшина сдѣлалъ поклонъ и ободѣгалъ Евангеліе; за нимъ послѣдовали и другие. Константинъ ровдалъ имъ зажженныя свѣчи и съ пѣніемъ молитвъ повелъ ихъ къ дубу. Взявъ топоръ, онъ ударилъ тридцать-три раза по дубу; затѣмъ велѣлъ срубить его и сжечь. Въ ту же ночь Богъ послалъ обильный дождь.

Мы указываемъ преимущественно на эти подробности, потому что онѣ имѣютъ важность для вопросовъ, насъ занимающихъ,—между тѣмъ какъ главное вниманіе сказанія о путешествіи Константина къ Хазарамъ посвящено преніямъ его съ Евреями. Тутъ прямо указано, что разказъ объ этихъ преніяхъ взять изъ книги Меодія, который написалъ о нихъ особое сочиненіе и раздѣлилъ его на восемь главъ. Тому же сочиненію, конечно, принадлежать и указанные нами подробности о путешествіи Кирилла въ Корсунь и Хазарію, путешествіи, въ которомъ Меодій сопутствовалъ своему брату. Въ то время, когда составлены были Паннонскія житія обоихъ братьевъ, очевидно, дѣянія ихъ сдѣлялись уже предметомъ легенды, такъ что не легко выдѣлить исторический элементъ. Первое составленіе этихъ житій совершилось, конечно, не ранѣе X вѣка; а редакція, въ которой онѣ дошли до насъ, относится ко времени болѣе позднему. Постараемся теперь опредѣлить тѣ историческія данные, которыхъ можно извлечь изъ сказанія о Хазарской миссіи Кирилла.

Во первыхъ, самое посланство Хазарскаго кагана къ Византійскому императору съ просьбою прислать учителя по вопросу о религії есть общий мотивъ для подобныхъ сказаний. Но обыкновенно просьба о присылкѣ учителей слѣдуетъ уже послѣ принятія вѣры, собственно для утвержденія въ ней, и подобная просьба встрѣчается не только въ христіанскомъ мірѣ, но и въ мусульманскомъ (например, у Камскихъ Болгаръ по Ибнъ-Фодлану). А такъ какъ Хазарскіе каганы уже съ VIII вѣка исповѣдовывали іудейскую религію, то въ дѣйствительности едва ли они могли обращаться къ императору съ просьбою о присылкѣ христіанскихъ миссіонеровъ. Правда, между ихъ поданными, по извѣстію арабскихъ писателей (впрочемъ X вѣка), было много христіанъ; но и это обстоятельство едва ли могло побудить кагана къ особой заботливости объ успѣхахъ христіанской религіи. Результатъ миссіи при Хазарскомъ дворѣ, очевидно, не былъ особенно блестательный, такъ какъ онъ ограничился крещеніемъ двухъ сотъ человѣкъ, при чемъ самъ каганъ не принялъ христіанской вѣры. Поэтому въ просьбѣ верховнаго Хазарскаго кагана о присылкѣ христіанскихъ проповѣдниковъ мы сомнѣваемся. Но мы знаемъ, что христіанская проповѣдь въ странахъ Прикавказскихъ была предметомъ постоянныхъ заботъ и попечений со стороны византійскаго правительства. Примѣромъ этихъ попечений служитъ распространеніе христіанства въ Лазіи (Мингреліи), Иверіи (Грузіи), Авазгіи (Абхазіи) и Зихіи илисосѣдней съ Таманью части Кавказа. Мы знаемъ также при-

мѣры крещенія у тѣхъ Гунновъ, которые позднѣе являются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ. Нѣть никакого сомнѣнія, что византійское правительство неоднократно дѣлало попытки обратить въ христианство и народъ Хазарскій. Но очевидно, оно встрѣтило здѣсь сильное препятствіе въ лицѣ іудейства, которое успѣло укрѣпиться при Хазарскомъ дворѣ въ VIII вѣкѣ, то-есть, въ томъ вѣкѣ, когда греческая церковь была волнуема иконоборствомъ, и слѣдовательно, не могла сосредоточить свою энергию на борьбѣ съ этимъ препятствіемъ. Подобные соображенія приводятъ насъ къ вопросамъ: куда собственно путешествовалъ Кириллъ? Быть ли онъ дѣйствительно у Хазарскаго кагана, гдѣ-то подгѣ Каспійскихъ воротъ, то-есть, около Дербента? Эти „Каспійскія ворота Кавказскихъ горъ“ не представляютъ ли здѣсь какого-либо позднѣйшаго искаженія, когда миссія Кирилла облеклась уже въ легендарную форму? Можетъ быть, Кириллъ плавалъ Меотійскимъ моремъ (и рѣкою Кубанью) просто въ подошвѣ Кавказскихъ горъ (около Дарьальскаго пути), туда, гдѣ жило настоящее Хазарское племя? Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ вопросу о двойственномъ составѣ Хазарской народности и решаемся предположить, что Кириллъ путешествовалъ не къ тѣмъ Турко-Хазарамъ, которые жили около Каспійскаго моря и нижней Волги, а собственно къ Хазарамъ-Черкесамъ. Онъ могъ частью Меотійскаго моря приплыть въ правый рукавъ Кубани, то-есть, въ Черную Протоку, и потомъ пробраться въ Кабарду, при чёмъ собственно Кавказскія ворота (Дарьальскія) въ преданіи могли быть смѣшаны съ воротами Каспійскими, то-есть, съ Дербентомъ.

Въ языческой Черкесіи въ то время стояли проповѣдники трехъ сосѣднихъ религій: іудейской, магометанской и христіанской. Христіанская религія проникла сюда, вѣроятно, еще въ предыдущіе вѣка, и очень можетъ быть, что нѣкоторые черкесские князья обратились къ Константинопольскому двору съ просьбою прислать имъ учителей, которые могли бы утвердить ихъ въ вѣрѣ и вступить въ пренія съ проповѣдниками другихъ религій, особенно съ еврейскими раввинами; послѣдніе дѣйствовали тѣмъ настойчивѣе, что ихъ поддерживалъ и самъ верховный каганъ. Миссія Кирилла у Черкесовъ, конечно, могла быть гораздо успѣшнѣе чѣмъ у Каспійскихъ Туровъ: извѣстно, что христіанство потому дѣйствительно процвѣтало въ Черкесскихъ горахъ, чemu явнымъ свидѣтельствомъ служатъ остатки христіанскихъ храмовъ.

Кромѣ Черкесовъ Кавказскихъ миссія эта могла быть связана съ

отношениями къ Черкесамъ Таврическимъ. Извѣстно, что въ VII и VIII вѣкахъ Хазары были господствующими народомъ въ Крыму, который они завоевали, за исключеніемъ только южной его части. Владычество Хазарь-Черкесовъ оставило здѣсь глубокіе слѣды, особенно въ географическихъ названіяхъ. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Крымъ назывался у Генуезцевъ *Газаріей*, хотя владычество Хазарь давно уже перешло въ область преданій. Нѣкоторыя топографическія имена показываютъ, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизація, но не Турецкая, а собственно Аваро-Черкесская—явленіе совершенно естественное при близкихъ, сосѣдственныхъ отношеніяхъ Крыма и Кабарды. Таковы: замокъ *Черкесъ-Керменъ*, развалины которого существуютъ недалеко отъ Бахчисарайя, *Черкесъ-Эли*, деревня на рѣкѣ Альмѣ, *Черкесъ*, селеніе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, и другія названія разныхъ урочищъ, соединенные съ именемъ Черкесовъ¹⁾). Что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то Черкесы изъ племени Хазарь-Кабаровъ, на это указываютъ и верховья рѣки Бельбека, именуемыя *Кабардою*.

Въ житіи Константина, какъ мы видѣли, упоминается какой-то хазарскій вождь: онъ осадилъ христіанскій городъ, но уступилъ уѣщаніямъ проповѣдника и снялъ осаду. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-либо хазарскомъ или черкесскомъ князѣ, находившемся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ верховному вагану. Мы имѣемъ здѣсь намекъ на борьбу, которая шла въ то время между мѣстными племенами и пришлыми хазарскими дружинами. Не забудемъ, что вскорѣ потомъ, то-есть, въ 864 г., мы встрѣчаемъ уже Руссовъ, предпринимавшихъ походъ на Византію, и конечно, не безъ связи съ Боспоромъ Киммерийскимъ, на берегахъ которого обитали ихъ соплеменники Болгаре. Окончаніе этой борьбы и совершенное уничтоженіе хазарскихъ владѣній въ Крыму мы встрѣчаемъ въ началѣ XI вѣка, когда, по извѣстію Кедрена, соединенные греко-русскія силы покорили страну Хазаръ и взяли въ плѣнь ихъ князя Георгія Чула. Послѣднее имя указываетъ на то, что эти Хазары или часть ихъ была въ то время христіанами.

Въ сказаніи о миссіи Кирилла видна также историческая связь Хазарь-Черкесовъ съ Уграми. Всѣдѣ за пребываніемъ его въ станѣ Хазарского вождя онъ попалъ было въ руки Угровъ. Эти дочевники, по всей вѣроятности, встрѣчались тогда и въ сѣверной, степной части

¹⁾ О нихъ см. въ Крымскомъ Сборнику *Леппена*, стр. 251.

Крыма, или являлись сюда въ качествѣ казарскихъ союзниковъ и подручниковъ именно для войны съ Греками, Болгарами и Руссами. Такія отношенія совпадаютъ съ тѣмъ, что Константина Багранородный сообщаетъ о казарскомъ вліяніи на Угровъ и объ ихъ связяхъ съ Хазаро-Кабарами.

Далѣе, въ житіи упоминается какой-то языкъ или народъ Фульской, который уже принялъ христіанскую вѣру, но еще такъ мало укрѣпился въ ней, что продолжалъ совершать свои языческіе обряды и жертвоприношенія. Чѣдь это за Фульской языкъ? Городъ Фулла встрѣчается въ жизнеописаніи епископа Иоанна Готскаго, который жилъ въ VIII вѣкѣ. Потомъ въ уставѣ Льва Философа о порядкѣ церквей, Фульская епархія приводится въ числѣ архиепископій на 36-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за епархіями Готскою и Сугдейскою. Впослѣдствіи въ уставѣ императора Андроника встрѣчается епархія Сугдѣско-Фульская, то-есть, Сугдія и Фулла были соединены въ одну митрополію. Все это ясно говоритъ, что Фулла находилась въ сосѣдствѣ Готіи и Сугдіи (Судака); но положеніе ея мы можемъ опредѣлить только приблизительно¹⁾. Итакъ, подъ Фульскимъ языккомъ въ житіи Константина должно разумѣть какое-то племя, обитавшее между Готіей и Судакомъ. Это не могли быть сами Готы, потому что они вели свое христіанство по крайней мѣрѣ съ IV вѣка; у нихъ упоминается особый епископъ уже въ первой половинѣ VI вѣка. Прокопій еще въ то время засвидѣтельствовалъ о ихъ благочестіи и превосходности православію; слѣдовательно, трудно предположить, чтобы въ IX вѣкѣ они еще совершали языческіе обряды и приносили жертвы подъ дубомъ. Это не могли быть Хазары, ибо житіе называетъ ихъ своимъ именемъ и ясно отличаетъ отъ другихъ народовъ; притомъ Хазары-Черкесы если и жили въ Крыму, то преимущественно въ качествѣ дружинъ, разсѣянныхъ по городамъ и замкамъ, откуда они, конечно, собирали даніи съ подчиненныхъ туземцевъ. Остается предположить, что это была какая-либо часть все тѣхъ же Черныхъ Болгаръ или Гунновъ, по извѣстію Прокопія, занимавшихъ всю восточную полосу Крыма отъ Корсуня до Боспора. Мы уже приводили извѣстія объ ихъ обращеніи въ христіанство въ VI и VII вѣкахъ. Разумѣется, оно продолжало распространяться и въ послѣдующія вѣка, и преимущественно по сосѣдству съ такими греческими центрами,

¹⁾ Название Фуллы не скрывается ли въ названіи Русскофудей или Ускро-филь на Никитскомъ мысу, около Ялты? (См. Крымск. Сборн. Кеппена, 132).

какъ Корсунь и Сугдея. Эти языческіе обряды у народа, еще не твердаго въ вѣрѣ, и это поклоненіе дубу совершенно согласны какъ съ общимъ ходомъ христіанства у Черныхъ Болгаръ въ Крыму, такъ и вообще съ языческою религіей Славянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Кириллъ и Меѳодій, обращаясь къ туземцамъ, могли показать свое знаніе славянскаго языка. Послѣднее обстоятельство приводить настъ къ вопросу объ упомянутыхъ въ житіи русскихъ письменахъ, а также вообще къ вопросу о письменахъ Славянъ и переводѣ Священнаго Писанія на церковно-славянскій языкъ.

По смыслу житія Константина (и Меѳодія), прибывъ въ Корсунь, остановился здѣсь на нѣкоторое время и началъ изучать языки сосѣднихъ народовъ. Это извѣстіе весьма правдоподобно. Херсонесъ Таврическій былъ въ то время дѣятельнымъ торговымъ посредникомъ между византійскими областями, лежавшими по западному и южному берегу Чернаго моря съ одной стороны, и варварскими народами, обитавшими на сѣверѣ и востокѣ отъ этого моря, съ другой. На Херсонскомъ торжищѣ сколились весьма разнообразные языки. Здѣсь, между прочимъ, можно было встрѣтить Евреевъ, Хазаръ, Болгаръ и Руссовъ. Слѣдовательно, этотъ городъ представлялъ большое удобство для знакомства съ языками упомянутыхъ народовъ. Такъ Константинъ здѣсь научился „жидовской бесѣдѣ“ и еврейскимъ книгамъ. Въ данномъ случаѣ я думаю, что жидовская бесѣда и еврейскія книги суть не одинъ и тотъ же языкъ. Извѣстно, что Ереи давно уже перестали говорить на своеемъ древнемъ языку, а принимали обыкновенно рѣчь тѣхъ народовъ, посреди которыхъ они жили. Слѣдовательно, Константинъ съ помощью книгъ дѣйствительно могъ изучать древне-еврейскій языкъ. Въ житіи говорится именно о Самарянинѣ, и можетъ быть, Константинъ выучился понимать книжное самаританское нарѣчіе¹⁾. А что касается до живой разговорной рѣчи, которой онъ научился отъ Ереевъ въ Херсонѣ, то вѣроятно, это была рѣчь Хазаръ или Черкесовъ, посреди которыхъ жили Ереи, и часть которыхъ они обратили въ свою религію. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Константинъ отправлялся именно къ Хазарамъ и, слѣдовательно, имѣлъ нужду ознакомиться съ ихъ языкомъ. Далѣе въ Херсонѣ Кон-

¹⁾ Упоминаніе о Самарянинѣ принадлежитъ къ тѣмъ чертамъ, которыя свидѣтельствуютъ о достовѣрности этой части житія. Крымскіе Ереи среднихъ вѣковъ считали себя именно выходцами Самаравскими и имѣли Самаританскую зру. См. о томъ въ упомянутомъ выше любопытномъ изслѣдованіи г. Хвомльсона: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim. 1865 г.

станинъ нашелъ русскія книги, Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; у этого Русина онъ выучился читать и говорить порусски, „къ удивленію многихъ“.

На послѣднемъ извѣстіи мы остановимся и спросимъ: на какомъ языке были написаны означенныя книги?

По всѣмъ соображеніямъ эти книги были ничто иное какъ церковно-славянскій, то-есть, болгарскій переводъ Священнаго Писанія. Если бы подобный переводъ существовалъ въ IX вѣкѣ собственно на русскомъ языке, то естественно представляется вопросъ: зачѣмъ же Киевская Русь, принявшая христіанство въ X вѣкѣ, не воспользовалась переводомъ на своеъ родномъ нарѣчи, а приняла церковныя книги на языке болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ, то куда же онъ пропалъ? Затѣмъ: есть ли вѣроятность, чтобы около половины IX вѣка былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство Русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ Болгарамъ, то увидимъ всѣ данины на ихъ сторонѣ. Мы говорили о начаткахъ христіанской религіи у Таврическихъ Болгаръ въ VI и VII вѣкахъ. Съ того времени она, конечно, утверждалась все болѣе и болѣе, и около половины IX вѣка значительная часть Черныхъ Болгаръ исповѣдывала греческую вѣру, между тѣмъ какъ другая часть оставалась въ язычествѣ. Если христіанство не получило еще между ними окончательного господства, то конечно, вслѣдствіе ихъ раздробленія на мелкія общини и владѣнія, то-есть, вслѣдствіе недостатка централизации. Значеніе послѣдней въ этомъ отношеніи мы видимъ у Дунайскихъ Болгаръ при Борисѣ и въ Киевской Руси при Владимірѣ: когда принимали крещеніе верховный князь и его дружина, то съ помощью ихъ могущественной поддержки крещеніе подчиненныхъ племенъ пошло быстрѣ.

Если часть Болгаръ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно, имѣла и богослуженіе на своемъ языке. Греческая проповѣдь, какъ мы знаемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти вездѣ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на ихъ родномъ языке, а вмѣсть съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и Священное Писаніе. Еслибъ у Болгаръ VII, VII и первой половины IX вѣка было богослуженіе на греческомъ языке и греческія богослужебныя книги, то они успѣли бы на столько укорениться, что едва ли уступили бы потомъ безъ борбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перехода мы не видимъ. Но если существовали

болгарскіе переводы, то были и болгарскія, то-есть, славянскія письмена до Кирилла. Мы съ достаточнou вѣроятностю можемъ утверждать, что сказанія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ имѣютъ легендарную примѣсь.

Повторяемъ, изъ всѣхъ сказаний, вошедшихъ въ такъ называемыи Паннонскія житія Константина и Меѳодія, сказаніе о путешествії къ Хазарамъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе историческихъ данныхъ, хотя и въ немъ есть легендарная, то-есть, позднѣйшая примѣсь. Этотъ болѣе историческій характеръ подтверждается, что въ основу его дѣйствительно легло сочиненіе Меѳодія о хазарской миссіи, тогда какъ для другихъ частей житія основаніемъ послужили сочиненія и разказы его учениковъ, и слѣдовательно, эти части успѣли болѣе проникнуться духомъ легенды. А потому данные изъ первого сказанія послужать для насы исходными пунктами, и именно данныи, относящіяся къ пребыванію братьевъ въ Тавридѣ или собственно въ Корсуні, такъ какъ здѣсь мы находимъ наиболѣе точныи и обстоятельныи указанія. Напрасно ученые слависты относились съ пренебреженіемъ къ этимъ указаніямъ, и такъ сказать, обходили ихъ, предпочтительнo давая вѣру другимъ даннымъ, несогласнымъ съ ними и менѣе ихъ достовѣрнымъ. Они слишкомъ легко рѣшили вопросъ о русскіхъ, то-есть, славянскіхъ Псалтирѣ и Евангелии, найденныхъ въ Корсуні, предполагая въ нихъ то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это мѣсто о русскихъ письменахъ позднѣйшою вставкою. Впрочемъ, невозможно винить однихъ филологовъ въ этомъ случаѣ: главная вина должна пасть на историковъ, которые и не подозревали исконнаго существованія Славяно-Болгарскаго племени на Таврическомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ Корсунекою областью, а Русь IX вѣка считали народомъ норманскими¹⁾.

¹⁾ Исключеніе изъ ученыхъ славистовъ въ данномъ случаѣ представляетъ И. И. Срезневскій, который на первомъ археологическомъ съездѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ 1869 г., предложилъ извѣстные новые соображенія о началѣ славянской азбуки, связавъ ихъ съ извѣстіемъ житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуні. Вотъ сущность его соображеній: Онъ указалъ, впервыхъ, на то, что начертаніе буквъ или уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскiхъ рукописяхъ совсѣмъ не соответствуетъ греческимъ рукописямъ IX—X вѣка, то-есть, эпохѣ, къ которой относится изобрѣтеніе Кирилла; въ эту эпоху въ греческихъ рукописяхъ преобладаетъ уже скоропись. Слѣдовательно, буквы, вошедши въ славянскую азбуку, взяты изъ того греческаго письма, ко-

VIII.

Вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. — Недостовѣрное сказаіе Храбра. — Одновременное существованіе кириллицы и глаголицы. — Принесеніе первой изъ Корсуня Кирилломъ и Меѳодіемъ. — Домыслы позднѣйшихъ книжниковъ. — Труды ученыхъ славистовъ.

Константина и Меѳодія были родомъ, очевидно, Греки, и первоначально познакомились съ славянскимъ языкомъ, конечно, благодаря сосѣдству болгарскихъ поселеній съ Солунью, или вѣроятному присутствію болгарского элемента въ самомъ городѣ. Но едва ли они владѣли этимъ языкомъ вполнѣ. Особенно послѣднее можно сказать о Константинѣ, который еще во время отрочества былъ взятъ въ Константинополь, где и получилъ свое образованіе. Меѳодій, вѣроятно, долѣ оставался на родинѣ и ближе ознакомился съ языкомъ болгарскимъ. Не даромъ же въ одномъ древнемъ прологѣ сказано, что Кириллъ упросилъ брата Меѳодія сопутствовать ему въ Хазарію, *зане умѣяше языко словѣнскъ* (О времени происх. слав. письменъ, Бодянскаю, 73). Братья, по видимому, очень хорошо знали, что въ Хазаріи они прежде всего встрѣтять Болгарское племя. Въ Корсунѣ они нашли вѣкоторыя книги Священнаго Писания въ переводѣ на славянскій языкъ и принялись изучать эти славянскія письмена. Въ то же время они воспользовались проживавшими въ Корсунѣ Славянами, чтобы усовершенствовать себя и въ разговорной славянской рѣчи.

Затѣмъ, славянскій языкъ и найденный переводъ Псалтири и Евангелия проходять уже чрезъ все житіе Солунскихъ братьевъ¹⁾.

торовъ господствовало въ болѣе раннєе время, приблизительно въ VI—VII вѣкахъ. Даѣте онъ указаіе на господство надстрочныхъ знаковъ и правильное употребленіе знаковъ препинанія въ греческомъ письмѣ IX вѣка, чего нѣть въ славянскихъ рукописяхъ. Наконецъ, онъ напоминаетъ извѣстіе Константина о русскихъ письмехъ, найденныхъ въ Корсунѣ, извѣстіе, которое, «не смотря на многочисленность рукописей, вездѣ читается одинаковымъ образомъ». Противъ готскаго языка, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ само житіе, которое говоритъ, что Константина, услыхавъ Русскаго, долженъ быть только прислушиваться къ видоизмѣненіямъ гласныхъ и согласныхъ и вскорѣ началь «чести и сказать», то-есть, читать и объяснять. Это указаіе, по замѣчанію г. Срезневскаго, очень важно, и его «не сіѣдуетъ упускать изъ виду». (См. Труды сѣзда, т. I, стр. CXV).

¹⁾ См. Павловскій житія Константина и Меѳодія въ Член. Общ. истор. и др. отд. 1863 г., № 2 и 1865 г., № 1.

Такъ, еще не выѣзжая изъ Тавриды, Константинъ укрѣпляетъ въ вѣрѣ обитателей Фулы и обращается къ нимъ съ рѣчью, конечно, на ихъ родномъ языкѣ, а иначе они его не понали бы; при этомъ онъ даетъ имъ цѣловать святое Евангелие. А мы уже замѣтили, что эти обитатели Фулы, по всѣмъ соображеніямъ, были никто иное, какъ часть тѣхъ же Черныхъ Болгаръ. Послѣ его возвращенія изъ Тавриды является къ императору посольство отъ Моравскихъ князей съ просьбою прислать имъ учителей, и императоръ отправляетъ къ нимъ Солунскихъ братьевъ, какъ хорошо знающихъ славянскій языкъ. Снаряжалась въ Моравію, братья, какъ повѣствуетъ ихъ житіе, приготовляютъ прежде всего Евангелие и Псалтирь, какъ книги наиболѣе необходимыя для богослуженія. Конечно, это были тѣ самыя книги, которыя они нашли въ Корсуні и, по всей вѣроятности, взяли съ собою или списали. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ о переписываніи готовыхъ славянскихъ книгъ и о продолженіи переводовъ, и едва ли имѣть какую-либо вѣроятность извѣстіе житія о томъ, чтобы братья принялись изобрѣтать славянскія письмена только тогда, когда императоръ рѣшилъ отправить ихъ въ Моравію. Не возможно было бы въ такой короткій срокъ составить алфавитъ и перевести хотя одно Евангелие. Да притомъ и не было нужды изобрѣтать славянское письмо и переводить Евангелие, такъ какъ братья то и другое уже нашли въ Корсуні. Впрочемъ, въ житіи и не говорится объ изобрѣтеніи письменъ; а употребляются неопределенный и весьма краткія выраженія: „и тогда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую“. Это говорится въ Паннонскомъ житіи Константина; а въ житіи его брата Меѳодія по поводу отправленія въ Моравію сказано: „Да ту ави Богъ философу словенскы книги, и аbie устроивъ писмена и бесѣду ставль“; а далѣе упоминается, что „псалтырь бо бѣ токмо и евангелие съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложилъ первѣ“; то-есть, это сдѣлалъ Меѳодій еще вмѣстѣ съ братомъ, отчасти въ Моравіи, а отчасти (какъ свидѣтельствуетъ житіе Константина) до прихода въ Моравію. По смерти брата, когда Меѳодій одинъ подвизался въ Моравіи въ санѣ архіепископа, то онъ „отъ ученикъ своихъ посадъ два попы скоро-писца зѣло, приложи вѣбърѣ вся книги испѣльни, развѣ Макавѣи, отъ греческа языка въ словѣнскѣ шестію мѣсяцъ“. Уже самое указаніе на времена, то-есть, на шесть мѣсяцевъ, и на скоропись исключаютъ всякое вѣроятіе, чтобы тутъ шла рѣчь собственно о переводѣ почти всего Священнаго Писанія, отчасти переведенного прежде Кон-

стантина и Меодія, отчасти сдѣланного ихъ трудами, или подъ ихъ руководствомъ.

Что въ житіяхъ Константина и Меодія обозначается еще общими неопределеными выражениями, допускающими разнообразныя толкованія, тѣ въ болѣе позднemъ произведеніи, именно въ Сказаніи черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ, облекается въ болѣе определенныя формы. Послѣднее уже прямо приписывается Константину и Меодію изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Но въ хронологическомъ отношеніи между житіями и Храбромъ существуетъ непримиримое разногласіе. По смыслу житій, изобрѣтеніе письменъ предпринято было только вслѣдствіе посольства Моравскихъ князей, то-есть, въ 862 году; этотъ годъ принимаютъ и наиболѣе извѣстные слависты, напримѣръ, Шафарикъ и Бодянскій. (См. доказательства, собранныя въ книгѣ послѣднаго: О времени происхожденія славянскихъ письменъ). Но Храбръ приводить самый годъ изобрѣтенія, именно 855, и этого года держались нѣкоторые другие слависты (напримѣръ, Добровскій и Гильфердингъ). Но если принять послѣднюю хронологію, то уничтожится самый поводъ изобрѣтенія, приводимый житіемъ, то-есть, предстоявшая миссія въ землю Моравскихъ Славянъ, такъ какъ въ 855 году еще не было о ней рѣчи. Притомъ, по замѣчанію г. Бодянского, Храбръ говоритъ, что письмена были изобрѣтены во время Михаила царя Болгарскаго, Растица князя Моравскаго и Коцела Блатенскаго,— между тѣмъ какъ Коцель наслѣдовалъ своему отцу въ княжествѣ Блатенскомъ только въ 861 году. Г. Бодянскій указываетъ и другія обстоятельства, противорѣчащія 855 году, какъ времени изобрѣтенія письменъ. Кто былъ черноризецъ Храбръ, когда и где писалъ свое сказаніе, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Его относятъ обыкновенно къ X вѣку и даже считаютъ современникомъ царя Симеона, преимущественно на основаніи слѣдующаго выраженія: „суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ“, то-есть, живы тѣ, которые видѣли Константина и Меодія. Но это выраженіе встрѣчается только въ одномъ спискѣ сказанія (въ библіотекѣ Московской духовной академіи), и потому даетъ поводъ въ нѣкоторыхъ сомнѣніяхъ, то-есть, не есть ли это позднѣшшая вставка? А также: дѣйствительно ли подъ словомъ *ихъ* надобно подразумѣвать Кирилла и Меодія? Да же, мы не имѣемъ списковъ этого сказанія ранѣе второй половины XIV вѣка; по смыслу же сказанія совсѣмъ не видно, чтобы сочинитель по времени жилъ очень близко къ Солунскимъ братьямъ.

По нашему мнѣнію, изслѣдователи недостаточно обращали вниманія на полемическій характеръ Храброва сказанія. Оно, очевидно, было написано съ цѣлью защитить уже сложившееся представленіе о Солунскихъ братьяхъ, какъ изобрѣтателяхъ письменъ, отъ тѣхъ скептиковъ, которые не согласны были съ этимъ представлѣніемъ. Напримѣръ, онъ указываетъ на людей, утверждавшихъ, что Константинъ и Меѳодій не хорошо устроили письмена, такъ какъ они все еще продолжаютъ устраиваться. А въ концѣ сказанія, обозначая время изобрѣтенія письменъ, сочинитель прибавляетъ: „суть же и ини отвѣти, аже и индѣ речемъ“, то-есть, существуютъ и другіе отвѣты или мнѣнія объ этомъ предметѣ; но о нихъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, во времена Храбра были разныи мнѣнія о времени изобрѣтенія. Все это указываетъ, что онъ совсѣмъ не жилъ такъ близко къ эпохѣ Кирилла и Меѳодія, какъ это казалось. Мы полагаемъ, что сказаніе Храбра едва ли было написано ранѣе XI вѣка, а слѣдовательно, едва ли ранѣе того времени, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ и происхожденіе славянскихъ письменъ уже сдѣлялись достояніемъ легенды.

Храбръ не даромъ намекаетъ въ своемъ сочиненіи, что были и другіи мнѣнія, и дѣйствительно, если сравнить между собою всѣ известные намъ источники, относящіеся къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то мы найдемъ значительныи разиорѣчія. Наибольшую цѣну для насъ имѣютъ, конечно, источники, современные Солунскимъ братьямъ, именно, латинскія свидѣтельства папы Иоанна VIII и Зальцбургскаго анонима. Иоаннъ VIII въ письмѣ своемъ 880 года къ Моравскому князю Святополку говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „По справедливости хвалимъ письмена славянскія, открытыя нѣкимъ философомъ Константиномъ, по которымъ воздается должное славословіе Господу“ (*Litteras denique sclavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debitae resonent, jure laudamus.*). А Зальцбургскій анонимъ въ своей запискѣ объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанъ, составленной около 873 года, между прочимъ, выражается такъ: „Ноха не появился какой-то Грекъ, именемъ Меѳодій, со вновь изобрѣтеными славянскими письменами“ (*noviter inventis sclavinicis litteris; см. соч. Бодянскаго*). Чѣдѣ же можно извлечь изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ? Главнымъ образомъ то, что латинское духовенство того времени считало славянскія письмена недавно открытыми или изобрѣтеными. Это открытие, судя по словамъ Иоанна VIII, приписывалось Костантину; Зальцбургскій анонимъ не назвалъ из-

обрѣтателя, а замѣтилъ только, что Меѳодій принесъ въ Моравію эти вновь изобрѣтенные письмена. Мы не находимъ здѣсь яснаго отчетливаго представленія о самомъ открытии или изобрѣтеніи; несомнѣнно только одно, что письменность эта была новостью, принесеною въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Отсюда вытекаетъ вопросъ: въ какой степени Кириллъ и Меѳодій могутъ быть названы изобрѣтателями этихъ письменъ? Чтобы разыскать сколько-нибудь подобный вопросъ, мы все-таки возвращаемся къ ихъ Паннонскимъ житіямъ, въ основание которыхъ легли достовѣрные факты, но внослѣдствіи затемненные или запутанные нѣкоторыми легендарными примѣсями.

Упоминаніе о русскихъ Евангелии и Псалтири, найденныхъ въ Корсунѣ, мы считаемъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ, которое бросаетъ лучь свѣта на вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. Ужъ и прежде слышались возраженія противъ непосредственнаго изобрѣтенія; основательно указывали на то, что письмена обыкновенно не изобрѣтались вдругъ, однимъ человѣкомъ; что они создавались постепенно, съ помощью заимствованій, передѣлокъ и приспособленій. Слѣдовательно, говоря о Кириллѣ и Меѳодіи, невозможно понимать слово изобрѣтеніе въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Храбръ говорить, что Славяне уже употребляли греческія и латинскія письмена, но только съ затрудненіями, которая, конечно, происходили главнымъ образомъ отъ недостатка знаковъ, способныхъ выразить звуки шипящіе и свистящіе, почти чуждые классическому языкамъ. Основаніе нашего алфавита или большинство буквъ чисто греческое, и древній славянскій уставъ въ этомъ отношеніи немного отличается отъ устава греческаго VI—VII вѣковъ. Слѣдовательно, тутъ не было никакого изобрѣтенія, а прямое заимствованіе. Это заимствованіе, мы думаемъ, возникло преимущественно тамъ, где Восточно-Славянскій міръ соприкасался съ Греческимъ и находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношенияхъ, то-есть, на берегахъ Чернаго моря, въ греко-斯基ескихъ спархіяхъ Херсона и Боспора. Впрочемъ, относительно прямаго перехода 24 греческихъ буквъ въ славянскій алфавитъ теперь почти никто не сомнѣвается; вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ для передачи звуковъ носовыхъ, шипящихъ, свистящихъ и такъ-называемыхъ полугласныхъ. Откуда они взялись, и можно ли изобрѣтеніе ихъ приписывать Солунскимъ братьямъ? Мы думаемъ, что и эти буквы уже существовали, и что онѣ не были сочинены или взяты Константиономъ изъ другихъ восточныхъ алфавитовъ. Что подобные буквы существовали, доказательствомъ тому служить другой

славянскій алфавитъ, извѣстный подъ именемъ *глаголицъ*. Тамъ есть также шипящія и свистящія буквы, но при этомъ почти весь алфавитъ своимъ начертаніемъ не похожъ на греческій. Можно ли предположить, что и глаголица есть также изобрѣтеніе какого-либо лица?

Извѣстно, что Шафарикъ въ послѣднее время своей жизни отказался отъ прежняго мнѣнія и считалъ глаголицу изобрѣтеніемъ Константина и Меѳодія, а кирилицу — дѣломъ ученика ихъ Клиmentа, который будто бы отступилъ отъ изобрѣтенія своихъ учителей и приблизилъ славянскій алфавитъ къ греческому. Такое оригинальное мнѣніе не нашло послѣдователей и встрѣтило сильныхъ опроверженій. И дѣйствительно, оно не подтверждается никакими данными. Извѣстенъ также споръ между учеными славистами о томъ, какая азбука древнѣе: кирилица или глаголица? Главный источникъ подобного спора, также какъ причина недоумѣнія великаго славянскаго ученаго и вообще противорѣчивыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, заключается въ томъ, что исходный пунктъ былъ не вѣренъ. Доселѣ ученые въ своихъ мнѣніяхъ исходили отъ *изобрѣтенія письменъ*, совершенного извѣстнымъ лицомъ въ извѣстное время,—тогда какъ въ дѣйствительности подобного изобрѣтенія не было. Уже самое существованіе двухъ славянскихъ азбукъ, существованіе параллельное и стародавнее, показываетъ, что изобрѣтенія не было: если одна какая-либо азбука издавна существовала у Славянъ, то Константину и Меѳодію не было надобности изобрѣтать другую. Толкованіе, что глаголица изобрѣтена специально для отдѣленія Славянъ католическихъ отъ православныхъ, не подтверждается никакими данными; католическое духовенство могло только воспользоваться для этой цѣли уже существовавшимъ алфавитомъ. Мы думаемъ, что два означенныхъ алфавита и при са-момъ началѣ своемъ также относились другъ къ другу, какъ они относятся и теперь, то-есть: это—алфавиты западно-славянскій и восточно-славянскій.

Нѣкоторые (например, г. Григоровичъ) полагали, что русскія книги, найденные Константиномъ въ Корсунѣ, по всей вѣроятности, принадлежали собственно глагольской письменности. Но доселѣ ни одинъ памятникъ не позволяетъ думать, чтобы эта письменность получила начало въ южной Россіи. Почти всѣ значительные глагольские памятники принадлежать Славянамъ Иллірійскимъ и Дунайскимъ. (Нѣкоторые отрывки, найденные въ Россіи, еще не могутъ свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи глаголицы). Когда возникъ этотъ алфавитъ, мы не знаемъ; по всей вѣроятности, онъ издавна существовалъ

у этихъ Славянъ. Замѣчательно, что на западѣ, то-есть, въ латинскомъ мірѣ, онъ имѣлъ, между прочимъ, название алфавита „Булгарскаго“ (*Abecenarium Bulgaricum*). Но и это название еще не указываетъ на его происхожденіе. Мы можемъ предположить, что Дунайские Болгары нашли его у Иллірійскихъ и Мизійскихъ Славянъ, которыхъ они отчасти покорили въ VI—VII вѣкахъ. Между этими послѣдними уже распространилось христіанство, и оченьѣроятно, что у нихъ уже существовали начатки переводовъ Священнаго Писания на славянскій языкъ, написанныхъ именно глагольскими знаками. Но впослѣдствіи глаголица у Болгары была вытѣснена таѣ называемою кирилицей. Откуда же взялась послѣдня? Полагаемъ, что это былъ восточно-славянскій алфавитъ, именно тотъ, которымъ были написаны русскія книги, найденные въ Корсунѣ. Мы говорили, что между Черными Болгарами уже давно существовало христіанство, а слѣдовательно, можемъ предположить у нихъ существование славянскаго богослуженія и славянскихъ переводовъ Священнаго Писания. Изѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ совершенно соответствуетъ этому предположенію. Оно согласуется и съ тѣмъ выводомъ, что въ распространеніи христіанства здѣсь главную роль игралъ Корсунь. Мы видѣли, что та Фульская область, въ которой находилось полуязыческое, полухристіанскоѳ населеніе, лежала по сосѣдству съ Корсунской землею. Здѣсь-то въ Корсунѣ,ѣроятно, и были положены начатки восточно-славянскихъ переводовъ неизвѣстными міру миссионерами полугреческаго, полуславянскаго происхожденія, хорошо владѣвшими и тѣмъ, и другимъ языкамъ.

Переводы эти въ житіи названы письменами *русскими*. Но такое название чинсколько не должно насть затруднить. Оно могло быть уже въ первоначальной записѣ о путешествіи Константина въ Хазарію. Въ эпоху Солунскихъ братьевъ Русь уже проникла въ Крымъ, что подтверждается нападеніемъ ея на Царьградъ, нападеніемъ, которое, какъ мы говорили, обусловливалось присутствіемъ русскаго вліянія или русскаго владычества на берегахъ Боспора Киммерійскаго¹⁾.

¹⁾ Это присутствіе Руси въ томъ краю подтверждается и арабскими извѣстіями, на которыхъ мы уже не разъ ссылались. Между прочимъ, Табари разказываетъ, что уже въ VII вѣкѣ арабскіе завоеватели, проникнувъ на Кавказъ, очутились между двумя врагами, Хазарами и *Russami*. (*Dorn—Nachrichten ueber die Chasaren въ Mémoires de l'Acad. des Sciences*, t. VII). Если предположить даже здѣсь какую-нибудь ошибку со стороны Табари, то-есть, смященіе современной ему Руси съ какимъ-либо другимъ народомъ, то все-таки не забудемъ,

Но возможно также, что это название принадлежит собственно редакции жития, то-есть, тому времени, когда Русь, господствуя въ странѣ Черныхъ Болгаръ, уже получила болгаро-славянскую письменность, которую, поэтому, могли иногда вместо „славянской“ называть „русской“. Что корсунские Евангелие и Псалтирь были написаны собственно не на русскомъ, а на болгарскомъ языке, это ясно. Повторяемъ, никакихъ следовъ русского перевода мы не имѣемъ; а еслибы онъ существовалъ въ Корсуні, то крещеной Руси потомъ не было бы нужды усвоивать себѣ богослужение и переводы на языкъ древне-болгарскомъ. Между тѣмъ, всѣ данные подтверждаютъ, что и начало русского христианства было также въ Крыму; что оно возникло между Русами послѣ ихъ соединенія съ Черными Болгарами, и что въ нашемъ христианствѣ первенствующая роль принадлежитъ все тому же Корсуню. Не даромъ и самый главный актъ въ исторіи нашего христианства, то-есть, крещеніе Владимира, совершилось именно въ Корсуні. Археологическія изысканія доказываютъ, что и первые Киевские храмы, напримѣръ Десятинная церковь, были созданы по плану и образцу именно храмовъ Корсунскихъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что Солунскіе братья дѣйствительно нашли въ Корсуні восточно-славянскую азбуку и начатки собственно болгарскихъ переводовъ. Они благородно и искусно воспользовались этой письменностью для своей миссіи къ Славянамъ Моравскимъ. Мы собственно отрицаемъ изобрѣтеніе ими письменъ; но затѣмъ остаются за ними огромныя заслуги по устроенію и распространенію этой письменности. По всей вѣроятности, они привели въ болѣе стройный порядокъ славянскую азбуку, продолжали дѣло перевода, исправляли переводы прежніе и особенно много заботились о списываніи богослужебныхъ книгъ. Эти восточно-славянскія книги, принесенные ими въ Моравію, дѣйствительно могли показаться тамъ вновь изобрѣтенными письменами. Что же касается Дунайскихъ Болгаръ, то здѣсь эта письменность, по всей вѣроятности, была распространена собственно учениками Солунскихъ братьевъ, которые по смерти Меѳо-

что онъ жилъ во второй половинѣ IX и въ первой четверти X вѣка, следовательно, былъ младшимъ современникомъ Кирилла и Меѳодія. (Интересно, что норманизъ, отвергая это извѣстіе Табари, не заключающее въ себѣ ничего неизвѣстнаго въ виду исконного жительства Роксоланъ или Руси у береговъ Азовскаго моря, въ то же время отстаиваетъ извѣстіе Аль-Катиба о нападеніи Руси на Севилью въ 814 году—извѣстіе ни съ чѣмъ несообразное и основанное на очевидномъ недоразумѣніи).

діа принуждены были, вслѣдствіе гоненій, покинуть Моравію и уда-
литься въ Болгарію. Таковы знаменитые седмичисленники—Гораздъ,
Наумъ, Климентъ, Сава и Ангеларій. Кирилловское письмо тѣмъ
легче могло восторжествовать здѣсь надъ другимъ письмомъ (гла-
гольскимъ), что само оно (то-есть, кирилица) было собственно бол-
гарскаго происхожденія.

Краткое извѣстіе житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ
Корсуні, и о человѣкѣ, научившемъ Константина русской грамотѣ, не
осталось безъ кривыхъ толковъ и у нашихъ старинныхъ книжниковъ.
Оно служить нагладнымъ примѣромъ тому, какъ неудобопонятны
мѣста древнѣйшихъ памятниковъ подвергаются произвольнымъ тол-
кованіямъ со стороны позднѣйшихъ сподѣлывателей. Упомянутое извѣстіе
породило у русскихъ книжниковъ домыслъ о томъ, что русская гра-
мота никакъ не изобрѣтена, но самимъ Богомъ явлена въ Корсуні
нѣкоему благочестивому Русину во дни царя Михаила и матери его
Ирины, и что отъ этого Русина Константинъ Философъ научился рус-
ской грамотѣ, которую ввелъ между Моравами, Чехами и Лахами,
откуда она потомъ была вытѣснена ревнителемъ католического обряда
Войтехомъ. Это сказавіе встрѣчается въ рукописи XV вѣка, принад-
лежащей Московской духовной академіи, въ той же рукописи, гдѣ
находится Паннонское житіе Константина Философа (См. Чт. Общ. Ист.
и Др. 1863 г., № 2). Достоуважаемый авторъ изслѣдованія „О времени
происхожденія славянскихъ письменъ“ справедливо называетъ это сказ-
ваніе позднѣйшимъ домысломъ (стр. 101). Но мы не можемъ согла-
ситься съ его мнѣніемъ, что этотъ домыселъ породилъ вставку о рус-
скихъ письменахъ въ самомъ житіи Константина. Очевидно, дѣло
произошло наоборотъ, то-есть, какъ мы выше замѣтили, плохо поня-
тое извѣстіе Константина житія породило сказание о русскихъ
письменахъ, явленныхъ самимъ Богомъ нѣкоему Русину. Читая извѣ-
стіе, что Константинъ нашелъ въ Корсуні русскія письмена, пытливый
книжникъ не могъ не задать себѣ вопроса: а откуда же взялись
эти письмена,—и рѣшилъ его совершенно въ духѣ своего патріотизма
и своего благочестія.

Рядомъ съ этимъ толкованіемъ возникло другое сказание о про-
исхожденіи русскихъ письменъ. Это сказание приписывается изобрѣ-
теніе ихъ епископу, крестившему Русь во времена императора Васи-
лія Македоняніна. Оно дошло до насъ въ греческомъ сочиненіи,
принадлежащемъ неизвѣстному автору, и напечатано у Бандури въ его
Imperium Orientale съ латинскимъ переводомъ (т. II, стр 112). Сказа-

ніє это повѣстуетъ объ отправлениі Русскимъ княземъ пословъ сначала въ Римъ, потомъ въ Константинополь для испытанія обряда. Послы отдаютъ предпочтеніе обряду греческому. Тогда великий князь Русскій обращается къ императору Василію Македонянину съ просьбой о присылкѣ епископа, который крестиль бы его и народъ его. Императоръ отправилъ епископа съ двумя товарищами Кирилломъ и Асанасиемъ. Эти мужи дѣйствительно крестили народъ; но увидавъ его грубость и невѣжество, они составили для него азбуку изъ 35 буквъ, въ число которыхъ помѣстили 24 греческихъ буквы. (Слѣдуютъ славянскія ихъ названія, то-есть, азъ, буки, вѣди и пр.). Потомъ разказывается встрѣчающееся и въ другихъ греческихъ источникахъ чудо съ Евангеліемъ, которое епископъ по требованію князя и народа бросилъ въ зажженный костеръ, и оно осталось невредимымъ. Все это сказаніе есть, очевидно, ~~довольно~~ позднее сочиненіе и представляетъ смѣсь разныхъ легендъ, по всей вѣроятности, болѣе русского происхожденія, чѣмъ греческаго. О томъ свидѣтельствуютъ славянскія названія буквъ, представляющія слѣды южно-русского произношенія (какъ доказываетъ г. Бодянскій въ помянутомъ выше наслѣдованіи). Тутъ съ извѣстными разказами о посольствѣ русскихъ мужей для испытанія церковныхъ обрядовъ связалась и легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ изобрѣтателяхъ славянскихъ письменъ; но изобрѣтеніе это назначается собственно для Русскаго народа. Подобное назначеніе также указываетъ на русское происхожденіе самого сказанія. Можетъ быть, приведенное выше толкованіе о русскихъ письменахъ, явленныхъ вѣкоему Русину самимъ Богомъ, отчасти имѣло въ виду отпоръ другому миѣнію, которое считало ихъ изобрѣтеніемъ Грековъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какія разнообразныя миѣнія существовали въ старину о дѣятельности Кирилла и Меѳодія и о происхожденіи славянскихъ письменъ.

Для данного вопроса весьма важно то обстоятельство, что во всей обширной литературѣ византійской мы не имѣмъ ни одного греческаго источника, современного или близкаго по времени къ эпохѣ Константина и Меѳодія, источника, который хотя бы однимъ словомъ упомянулъ о дѣятельности Солунскихъ братьевъ на пользу Славянъ. Это полное молчаніе бросаетъ сильную тѣнь на достовѣрность сказаний объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ въ IX вѣкѣ. Трудно предположить, чтобы византійские историки умолчали о такомъ важномъ дѣлѣ двухъ своихъ соотечественниковъ, еслибъ это дѣло совершилось въ дѣятельности. Всѣ попытки объяснить подобное

молчаніе представляютъ крайнія наташки. Помянутое сочиненіе анонимо у Бандури хотя и написано по гречески, но какъ мы замѣтили, есть довольно позднее произведеніе, основанное не на греческихъ источникахъ. То же самое можно сказать о другомъ памятнике, именно о *Житіи святаго Климента, епископа Булгарскаю*, существующемъ на греческомъ языкѣ. Это сочиненіе приписывается болгарскому архіепископу Феофилакту (умершему въ 1107 году), родомъ Греку¹⁾. Но очевидно, что оно составлено въ Болгаріи и на основаніи болгарскихъ, а не греческихъ источниковъ. Житіе это приписываетъ изобрѣтеніе письменъ обоимъ братьямъ Кириллу и Меѳодію. Существуетъ еще другое, краткое житіе Клиmentа, также на греческомъ языкѣ (изданное г. Григоровичемъ въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.* 1847 г. № 1). Послѣднее составляетъ, по видимому, сокращеніе первого житія, но имѣеть сравнительно съ нимъ разныя прибавки и передѣлки. Такъ, въ этомъ краткомъ житіи встрѣчается извѣстіе, котораго нѣть въ полномъ, именно о томъ, будто бы Климентъ изобрѣлъ „другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ“. Извѣстіе это сдѣжалось источникомъ сильныхъ споровъ между нѣкоторыми представителями славянской науки. Шафарикъ, на основаніи его и нѣкоторыхъ открытыхъ памятниковъ глагольской письменности, восходящихъ въ X вѣку, измѣнилъ свой прежний взглядъ на кирилицу и началъ доказывать, что письмо, изобрѣтенное Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть глаголица, а что такъ называемая кирилица произошла изъ глаголицы и введена трудами Клиmenta (*Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J. Schafarik. Prag. 1858.*). Это мнѣніе не было принято наукой, не смотря на великий авторитетъ Шафарика; оно вызвало горячія опроверженія и вообще замѣтно оживило вопросъ о взаимномъ отношеніи кирилловскаго и глагольского письма²⁾. Упоминаніе краткаго житія Кли-

¹⁾ Нѣкоторые слависты, впрочемъ, не признаютъ его сочиненіемъ Феофилакта, считаютъ произведеніемъ собственно болгарской литературы, переведеннымъ впослѣдствіи на греческій языкъ (см. соч. *Бодянкаю*. стр. 9). Доказательства послѣдняго мнѣнія мы не находимъ убѣдительными; они направлены къ тому, чтобы житіе это перенести во время болѣе близкое къ Клименту (умершему въ 916 г.) и приписать его кому-либо изъ учениковъ Клиmenta; сдѣдовательно, эти доказательства отымаются предъзданою мыслию.

²⁾ Въ русской литературѣ указу на возраженіи Гильфердинга; но самое обстоятельное опроверженіе доводовъ Шафарика и сводъ мнѣній по этому вопросу см. въ прекрасной статьѣ г. *Викторова*: «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицахъ» (*Лѣтописи Русской литературы*: Изд. Тихонравова. Т. II и III).

мента об изобрѣтеніи имъ другихъ письменъ можно толковать только въ смыслѣ упрощенія, улучшенія и вообще дальнѣйшаго развитія кирилловскаго письма, что совершенно согласно съ свидѣтельствомъ Храбра о продолжавшемся устройеніи этого письма и послѣ Кирилла. То и другое свидѣтельство подтверждаетъ нашу мысль, что кирилловское письмо утверждено въ Болгаріи трудами не самихъ Солунскихъ братьевъ, но преимущественно ихъ учениковъ, удалившихся изъ Моравіи въ Болгарію, а процвѣло оно здѣсь постепенно уже трудами ихъ преемниковъ.

Извѣстно, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія и происхожденіе славянскаго письма представляютъ поприще, на которомъ пробовали свои силы многие славянскіе и нѣмецкіе ученые. Вопросъ этотъ имѣеть весьма богатую литературу; напомнимъ только труды: Шлецера, Добровскаго, Калайдовича, Венелина, Шафарика, архимандриста Макарія, епископа Филарета, отца Горскаго, Колитара, Милютича, Шлейхера, Ваттенбаха, В. И. Григоровича и И. И. Срезневскаго. Почти всѣ эти предшествовавшіе труды нашли себѣ тщательную оценку въ упомянутомъ выше сочиненіи О. М. Боданскаго: О времени происхожденія славянскихъ письменъ (Москва. 1855 г.). Но и послѣ этой книги разработка вопроса не прекратилась; напротивъ, онъ оживился и обогатился новыми трудами. Кромѣ сочиненія Дюммлера, появившагося почти одновременно съ книгою Боданскаго (*Die pannonische Legende vom heiligen Methodius* въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Wien. 1854), укажу на Гануша (*Zur slavischen Runen Frage*. Ibid. 1857), Гинцеля (*Geschichte der Slaven Apostel*. Leitmeritz. 1857), Рачкаго (*Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda*. U Zagrebu. 1859), Викторова („Послѣднєе мнѣніе Шафарика о глаголицѣ“ 1859—1861 годовъ и „Кирилль и Меѳодій“ 1865 г.), П. Лавровскаго (Кирилль и Меѳодій. Харьковъ. 1863 г.), Лежера (*Cyrille et Methode*. Paris. 1868) и Бильбасова (Кирилль и Меѳодій. 1868—1871 гг.).

Казалось бы, что можно прибавить къ столь подробной и многосторонней обработкѣ предмета? Но въ томъ-то и дѣло, что, несмотря на эту обработку, уже самое разнообразіе мнѣній говоритъ, что вопросъ все еще далекъ отъ положительного рѣшенія. Слѣдовательно, въ немъ самомъ, то-есть, въ его постановкѣ или въ его исходныхъ пунктахъ заключались условия, не благопріятствующія его разрѣшенію. Мы думаемъ, что эти условія прежде всего суть легендарный элементъ, отъ котораго наука все еще не могла вполнѣ освободиться. Изслѣдователи по большей частишли отъ изобрѣтенія письменъ Ки-

рилломъ и Меѳодіемъ и пытались опредѣлить: какое письмо изобрѣтено прежде, глагольское или кириловское? Мы лумаемъ, исходные пункты будутъ ближе къ истинѣ, если примемъ положеніе, что обѣ азбуки существовали до временъ Солунскихъ братьевъ и возникли независимо другъ отъ друга, хотя и могли оказывать потомъ взаимное вліяніе¹⁾. Повторяемъ, наука доселѣ слишкомъ мало обращала вниманія на извѣстіе Константина житія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуні. Очень вѣроятно, что это восточно-славянское письмо заключало въ себѣ ту азбуку, которая впослѣдствії была названа кирилицей; она, вмѣстѣ съ начатками переводовъ, была прінесена Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Моравію, трудами ихъ учениковъ и преемниковъ утверждена въ Болгаріи, откуда вытѣснила западно-славянское письмо или глаголицу, существовавшую у дунайскихъ Славянъ. Надѣемся, что нашимъ мнѣніемъ не умаляются заслуги Солунскихъ братьевъ. Безспорно имъ принадлежитъ честь лучшаго устроенія и приспособленія восточно-славянской азбуки къ потребностямъ крещенаго славянскаго міра, а также ея утвержденіе и распространеніе посредствомъ дальнѣйшихъ переводовъ Священнаго Писанія и дѣятельного размноженія его списковъ. Уже самое появленіе легендъ, относящихъ къ ихъ дѣятельности все начало славянской письменности, показываетъ, что они дѣйствительно совершили великие подвиги на этомъ поприщѣ и произвели значительный переворотъ въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе, филологи, занимавшіеся вопросомъ о славянскихъ письменахъ, повторяютъ, и не могли прійті къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса уже вслѣдствіе невѣрнаго представленія о народностяхъ болгарской и русской. Большинство ихъ считало эти народности чуждыми славянскому міру и еще менѣе подозрѣвало пріисутствіе чистаго Славяно-Болгарскаго элемента, притомъ элемента христіанскаго, въ Крыму по соѣдству съ Корсунемъ, въ эпоху пребыванія тамъ Константина и Меѳодія. Вотъ новое доказательство тому, въ какой тѣсной связи находятся филология и исторія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Какъ бы ни была тщательна филологическая разработка предмета, но если къ ней присоединились не-

¹⁾ Говоримъ только о совмѣстномъ существованіи двухъ славянскихъ азбукъ въ эпоху предкирилловскую; но не входимъ въ разсмотрѣніе вопроса обѣ ихъ происхожденія и обѣ ихъ связи съ древними runami (которую старается доказать, напримѣръ, Ганушъ) или съ тѣми чертами и рѣзами, на которыхъ указываетъ Храбръ. Этотъ предметъ еще слишкомъ мало обслѣдованъ, чтобы дѣлать какіе-либо вѣроятные выводы.

вѣрныхъ историческихъ положенія, то и выводы ея никогда не достигнутъ надлежащей ясности и точности. Мы, конечно, далеки отъ притязанія рѣшить положительно вопросъ о происхожденіи славянскихъ письменъ и о взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ; но смѣемъ надѣяться, что добытые нами выводы, относительно народности и разныхъ вѣтвей великаго Болгарскаго племени, могутъ принести свою долю участія въ рѣшеніи помянутаго вопроса.

IX.

Выводъ о времени русского владычества въ Черной Болгаріи.—Ізвѣстія о Руси въ житіи св. Георгія и св. Стефана. — Свидѣтельство Таврическаго анонима и его предполагаемое отношеніе къ Игорю.—Такетархъ.

Изъ всего предыдущаго выводимъ, что тѣсныя связи Черныхъ Болгаръ съ Руссами или Азовско-Днѣпровскими Роксоланами начались приблизительно въ первой половинѣ IX вѣка.

Представимъ въ сжатомъ видѣ сущность доказательствъ, на которыхъ мы основываемъ это положеніе. По извѣстію византійскихъ историковъ Феофана и Никифора, Кубанская или Черная—а по ихъ словамъ *Великая* или *Древняя*—Болгарія въ тѣ времена платила дань Хазарамъ; историки эти писали въ первой четверти IX вѣка. Въ 864—865 гг. Русь совершаєтъ морской набѣгъ на Царьградъ; а мы доказывали, что подобные набѣги сдѣлялись возможны только съ ея появленіемъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго. Бестѣды патріарха Фотія даютъ понимать, что это нападеніе Руссовъ на столицу Византіи произведено было въ первый разъ, но что самій народъ Русский не былъ тамъ неизвѣстенъ, то-есть, что русскіе послы и торговцы уже посѣщали Византію. Слѣдовательно, утвержденіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго совершилось въ періодъ времени между Феофаномъ и Никифоромъ, съ одной стороны, и Фотіемъ—съ другой. И дѣйствительно, на этотъ періодъ падаютъ два свидѣтельства, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ въ темную эпоху, насть занимающую: это извѣстіе Константина Багрянороднаго о построеніи Саркела около 835 года и упоминаніе Бертинскіхъ лѣтописей о послахъ Русскаго кагана къ императору Византійскому Феофилу около 839 года. Мы говорили, что эти два извѣстія, по всей вѣроятности, имѣютъ связь между собою, то-есть, намекаютъ на борьбу Руси съ Хазарами, при чёмъ тотъ и другой народъ искалъ союза съ Византійскою имперіей. Русское посольство не воротилось тѣмъ же путемъ въ Киевъ по причинѣ варварскихъ народовъ. По всей вѣроят-

ности, на югъ Россіи и на Таврическомъ полуостровѣ въ то время кипѣли жестокія войны Болгаръ, съ которыми соединились Руссы, противъ Хазаръ и Угровъ. Эти войны окончились освобожденіемъ Черныхъ Болгаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, хазарское иго они должны были промѣнять на нѣкоторую зависимость оть Русскихъ князей. Руссы, по всей вѣроятности, прежде всего утвердили свое господство на берегахъ Боспора Киммерійскаго, то-есть, изгнали хазарскіе гарнизоны изъ городовъ Боспора (Керчи), Фанагурії (Тмутракані) и нѣкоторыхъ другихъ и замѣнили ихъ своими дружинами; а разныемъ племенамъ Черныхъ Болгаръ, вѣроятно, предоставили управляться по прежнему своими вѣчами и мелкими князьями. Вообще, первая половина IX вѣка по всѣмъ признакамъ была эпохой упадка Хазарской дѣржавы. Съ сѣвера ее тѣснили Печенѣги, съ запада — Русь, съ юга — мусульманскіе халифы. Въ то же время покоренные народы возставали и завоевывали себѣ независимость. Такъ, около этой эпохи возвратили свою независимость Прикавказскіе Алале, ибо въ первой половинѣ X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, они уже не только свободны, но и тѣснятъ самихъ Хазаръ. Черкесскія племена, то-есть, собственные Хазары или Кабардинцы, иначе Ка-соги, неохотно сносили иго каспійско-волжскихъ хакановъ, на чѣо ясно указываетъ извѣстіе Константина о кабарскомъ восстанії. Хотя время этого восстанія и выселенія части Кабарь онъ не опредѣляетъ (мы относимъ его къ концу VI вѣка), но по всей вѣроятности, оно повторялось не одинъ разъ и подрывало крѣпость Хазарской дѣржавы. Въ первой половинѣ X вѣка находимъ Черкесскія племена только въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Итильскому верховному хакану, и конечно, подъ управлениемъ своихъ собственныхъ князей или кагановъ.

Мы уже говорили, что хазарское владычество въ Крыму держалось собственно черкесскими дружинами, и что съ этими-то дружинами должны были бороться Черные Болгаре, Русь и Греки. Борьба была продолжительна, такъ какъ Черкесы -Хазары, очевидно, засѣли во многихъ укрѣпленныхъ пунктахъ восточной и нагорной части Крыма; опираясь на эти пункты, они долго еще держались въ Крыму, и конечно, не разъ пытались вновь завоевать утраченные области. Ихъ союзниками въ этихъ войнахъ или просто наемниками служили Угры, кочевавшие на западной и южной сторонѣ Азовскаго моря. Одну изъ такихъ попытокъ мы усматриваемъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ житія Константина объ осадѣ Хазарами какого-то хри-

стянского города. Городъ этот могъ быть самимъ Боспоромъ или Корчевомъ, который уже давно служилъ резиденціей особаго епископа.

Союзъ Руси съ Греками противъ Хазаръ въ началѣ XI вѣка заставляетъ предполагать, что и прежде того хитрая, властолюбивая Русь, смотря по обстоятельствамъ, то дружила съ Греками противъ Хазаръ, то наоборотъ, воевала противъ Грековъ и нанимала въ свою службу черкесскія дружины (подобно Мстиславу Тмутраканскому, который имѣлъ у себя черкесскія дружины въ войнѣ съ братомъ Ярославомъ). До появленія Руси владычество въ Крыму раздѣлялось между Хазарами и Греками. Русь вѣтвилась между ними, и справившись съ Хазарами, не остановилась передъ Греками. Фотій намекаетъ на убієніе какихъ-то Русскихъ людей. На основаніи послѣдовавшихъ отношеній можемъ заключать, что тутъ дѣло идетъ о русскихъ торговцахъ; ибо Русь съ самаго начала является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ. Гдѣ произошло это убійство или обида русскихъ торговцевъ—не извѣстно; событие могло совершиться въ Царьградѣ или гдѣ-либо по близости его; но оно могло также произойти и въ Корсунѣ, этомъ важномъ торговомъ пункѣ, лежавшемъ на пограничѣ Византійскаго міра съ сѣверными варварами. Мы замѣтили, что житіе Константина можетъ указывать на присутствіе Русскихъ людей въ этомъ городѣ около половины IX вѣка.

Далѣе, если Русь въ 864—865 гг. считала себя достаточно сильной, чтобы напасть на самый Царьградъ, то по всей вѣроятности, она уже имѣла и прежде столкновенія съ Греками тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались съ Русскими землями, то-есть, на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, и преимущественно въ Крыму, котораго юго-восточный горный берегъ въ тѣ времена былъ покрытъ греческими городами и замками, именно пространство между Херсонесомъ и Судей. Извѣстная осада Корсунѣ Владимиromъ была, конечно, только послѣднимъ эпизодомъ въ стремленіи Русскихъ князей присоединить къ своимъ владѣніямъ и этотъ берегъ. Точно также, если Русь въ 864 году отважилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьградъ, то понятно, что она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и съ его берегами; что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ вообще ея первымъ морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ образомъ намъ становятся понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастрійскаго, и св. Стефана, епископа Сурожскаго. Въ этихъ

известіяхъ, не смотря на сильную легендарную примѣсь, мы можемъ признать действительную, то-есть, историческую, основу.

Въ первомъ житіи говорится, что русскіе пираты, разоривъ и плѣнивъ всю приморскую страну, начиная отъ Пропонтиды, напали, между прочимъ, на городъ Амастриду (на южномъ берегу Чернаго мора, въ Пафлагонії). Они вторглись въ храмъ, гдѣ покоялись мощи св. Георгія, и начали раскалывать его гробъ, думая найти тамъ сокровища, но были схвачены внезапно немощью и остались какъ-бы связанны невидимыми узами. Князь варваровъ, пораженный чудомъ, раскаялся въ своей жестокости и алчности и отпустилъ христіанскихъ пленниковъ; усердными молитвами послѣднихъ варвары получили исцѣленіе, и удалились, заключивъ миръ съ христіанами (Acta Sanct. подъ XXI февраля, III, 278).

Другое житіе даетъ еще болѣе любопытныя подробности, хотя, впрочемъ, еще болѣе заключаетъ въ себѣ легендарной примѣси. Каждой-то Русскій князь, поплѣнивъ всю страну отъ Корсуня до Корчева, съ великою силой приступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной битвы, онъ вломился въ городъ и устремился въ храмъ Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана. Забравъ всѣ золотые сосуды и драгоцѣнныя вещи, онъ захотѣлъ ограбить и самыя мощи святаго, прикрытыя многоцѣнными павловками. Но едва прикоснулся къ нему, какъ упала на землю съ искривленнымъ лицомъ и пѣной, исходившую изо рта: какая-то сила давила его и едва позволяла ему дышать. Князь велѣлъ тотчасъ возвратить въ храмъ все похищенное. Но тутъ онъ услыхалъ гласъ святаго: „Если ты не крестишься въ семъ храмѣ, то и не изыдешь изъ него“. Князь изъявилъ готовность креститься, чтѣ и было немедленно исполнено; послѣ того онъ получилъ исцѣленіе. Вмѣстѣ съ нимъ крестились и всѣ его бояре. По возвращеніи, князь далъ свободу всѣмъ своимъ пленникамъ и съ миромъ отошелъ отъ города¹⁾.

Тотъ и другой святой жили въ VIII вѣкѣ, и событія, на которыхъ намекаютъ ихъ жизнеописанія, могли совершиться еще въ IX вѣкѣ, чemu не противорѣчить общий исторический ходъ водворенія

¹⁾ См. Зап. Одесск. Общ., т. I и Описам. Румянц. Музея—Востокова, 689. Житіе Стефана Сурожского дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI вѣковъ, и очевидно, искажено разными прибавками. Такъ, князь Русскій, нападавшій на Сурожъ, будто прибылъ изъ Новгорода и назывался Бравлинъ; имя это, какъ объясняютъ, передѣлано позднейшими списателями изъ прилагательного «бранливъ».

Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ, ихъ морскихъ предприятій и ихъ постепенного обращенія въ христіанскую вѣру. Относительно послѣдняго обстоятельства укажемъ на окружное посланіе патріарха Фотія въ 866 году. Въ этомъ посланіи говорится о крещеніи Руссовъ, которое послѣдовало за ихъ нашествіемъ на Константинополь. По всей вѣроятности, они въ то время не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить и греческіе города въ Тавридѣ, и съдовательно, могли, между прочимъ, взять Судею или Сурожъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, мы можемъ пріурочивать обѣ легенды и къ другимъ историческимъ событиямъ и лицамъ. Такъ, описание русского нашествія на Амастриду своими чертами напоминаетъ византійскія описанія Игорева нашествія на Віенскіе берега, то-есть, на мѣста соцѣнія, и нѣть ничего удивительного, если во время этого нашествія Русь успѣла заглянуть и въ Амастриду. А чудо, совершившееся съ Русскимъ княземъ въ Сурожѣ и крещеніе его сильно отзываются извѣстной легендой о крещеніи Владимира, только не въ Сурожѣ, а въ Корсуні. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ исцѣленіемъ царицы Анны, о которомъ упоминается то же житіе св. Степфана.

Дѣятельность отважнаго и предпріимчиваго Игоря, по видимому, составила важную эпоху въ отношеніяхъ Черныхъ Болгаръ къ Русскимъ князьямъ. Мы имѣемъ поводы догадываться, что именно ему принадлежитъ окончательное утвержденіе русского господства на берегахъ Воспора Киммерийскаго и болѣе рѣшительное подчиненіе Черныхъ Болгаръ. Главнымъ поводомъ для этой догадки служить сравненіе двухъ извѣстныхъ намъ договоровъ съ Греками, Олега и Игоря. Въ Олеговомъ договорѣ 911 года нѣть помину ни о Черныхъ Болгарахъ, ни о Корсунской землѣ; тогда какъ въ Игоревомъ договорѣ 945 года прямо говорится о томъ, чтобы Русскій князь не имѣлъ никакихъ притязаній на города Корсунской области, не воевалъ бы этой странѣ и не позволялъ воевать ее Чернымъ Болгарамъ. Съдовательно, окончательное утвержденіе русского владычества въ Тавридѣ и подчиненіе Черныхъ Болгаръ русскому княжескому роду, сидѣвшему въ Киевѣ, совершилось въ періодъ между 911 и 945 годами; а этотъ періодъ приходится на княженіе Игорево. Что въ Олеговомъ договорѣ не случайно пропущено условіе о Корсунскомъ пограничии, подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующій за Игоревымъ договоръ Святослава: въ послѣднемъ опять повторяется условіе не

воевать страны Корсунской. Слѣдовательно, со временемъ Игоря Византійская имперія на этомъ своемъ пограничнѣ пришла въ непосредственное столкновеніе съ Руссами. Въ Святославовомъ договорѣ мы не встрѣчаемъ Черныхъ Болгаръ. Это могло произойти или оттого, что до насъ не дошелъ договоръ вполнѣ, и мы имѣемъ изъ него только небольшую часть, или потому, что Черные Болгаре къ тому времени уже находились на такой степени слабинѣ съ господствующею у нихъ Русью, что особое о нихъ упоминаніе дѣжалось излишнимъ. Приписывая Игорю подчиненіе Таврическихъ Болгаръ, мы, однако, не должны упускать изъ виду, что это было только дальнѣйшимъ шагомъ русского владычества въ восточной части Таврическаго полуострова. Самое естественное для Азовско-Днѣпровской Руси стремленіе было прежде всего завладѣть берегами этого пролива: черезъ него проходилъ главный ихъ судовой путь въ Черное море и области Византійской имперіи. Во времена Олега между русскими владѣніями на Боспорѣ и Корсунской областью еще лежала земля Черныхъ Болгаръ, хотя и освобожденная съ помощью Руси отъ хазарскаго ига и находящаяся къ ней въ полузависимыхъ отношеніяхъ; русскія владѣнія еще не пришли въ тѣсное соприкосновеніе съ греческими владѣніями, и потому въ Олеговомъ договорѣ нѣтъ условія объ этихъ пограничныхъ отношеніяхъ. Игорь распространилъ свои владѣнія дальше на юго-восточнѣ Таврическому берегу, и прежнія союзническія, полузависимыя отношенія Черныхъ Болгаръ къ русскимъ князьямъ обратилъ силу меча въ отношенія подчиненныхъ. Такой поворотъ находился, конечно, въ связи съ хазарскими дѣлами: русское владычество усиливалось по мѣрѣ того, какъ вытѣснялись Хазары. Пока борьба съ Хазарами еще была трудна, смѣтливые Русскіе князья ограничивались союзническими или полусвободными отношеніями Черныхъ Болгаръ; а когда удалось сломить хазарское могущество, они стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Но борьба съ Хазарами за обладаніе восточнымъ Крымомъ и Таманью еще далеко не кончилась, и Русскіе князья иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Греками. Это предположеніе мы выводимъ изъ того мѣста Игорева договора, гдѣ Византія, въ замѣнѣ обязательства Руси не воевать Корсунской области, обѣщаетъ давать Русскому князю военную помощь, сколько ему потребуется. Противъ кого могла быть направлена эта помощь? Естественнѣе всего предположить, что противъ соудѣнникъ Крымскихъ и Кавказскихъ Черкесовъ-Хазаръ.

Мы позволяемъ себѣ привести въ тѣсную связь съ дѣятельностю

6*

Игоря на Таврическомъ полуостровѣ одинъ изъ греческихъ отрывковъ, изданныхъ Газомъ (Leo Diaconus. Ed. Bon. 496 — 505. Nota ad p. 175). Въ этомъ отрывкѣ какой-то греческій военачальникъ доносить о войнѣ съ варварами. Судя по тому, что онъ упоминаетъ о Климатахъ, дѣйствіе происходитъ въ Тавридѣ, ибо Климатами называлась греческая область въ южной части Крыма по сосѣдству съ Корсунемъ. Начальника варваровъ онъ называетъ „княземъ страны, лежащей къ сѣверу отъ Дуная“. Эти варвары отличались прежде справедливостью, такъ что къ нимъ „добровольно“ присоединялись многіе города и цѣлые народы; но теперь они признались безъ жалости грабить и опустошать землю даже своихъ близкихъ союзниковъ и подчиненныхъ, чтобы поработить ихъ совершенно. Они разорили болѣе десяти городовъ и не менѣе 500 селений. Это опустошеніе приблизилось наконецъ къ предѣламъ греческимъ. Тщетно греческій начальникъ послалъ съ предложеніемъ о мирѣ; непріятеля ворвались въ его область, то-есть, въ Климаты, съ великою конницей и пѣхотой, и осадили какую-то крѣпость, но послѣ неудачныхъ приступовъ отступили. Однако война продолжалась. Авторъ донесенія послалъ звать на совѣщеніе тѣхъ сосѣднихъ жителей, которые были его союзниками (eos autem, qui ditionis nostrae erant). Когда они собрались, то онъ устроилъ совѣтъ изъ ихъ старшинъ и держаъ къ намъ рѣчь о мѣрахъ, какія надобно было принять въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но тѣ, „не имѣя понятія о дѣйствіи императорскаго благоволенія, или чуждались греческихъ обычаевъ и люби не зависимость, или по сосѣдству и сходству своихъ нравовъ съ княземъ варваровъ, обладающимъ большою военною силу, рѣшили заключить съ нимъ союз“, — къ чему склоняли и греческаго начальника. Тогда послѣдній отправился въ станъ непріятельскій. Князь варваровъ принялъ его очень ласково, возвратилъ ему Климаты, даже присоединилъ къ тому еще цѣлую область и опредѣлилъ въ его пользу какіе-то доходы съ собственной земли.

Подъ именемъ князя варваровъ, владѣвшаго землею къ сѣверу отъ Дуная, конечно, скрывается князь Киевской Руси, ибо никакой другой владѣтель подобной земли не могъ въ то же время имѣть области въ Крыму и вести тамъ войну съ Греками. Но исследователи терялись въ догадкахъ о томъ, кого изъ извѣстныхъ Киевскихъ князей здѣсь можно разумѣть. Одни предполагали Владимира и его походъ на Корсунь. Но это предположеніе не вѣроятно. Таврический анонимъ говорить о нападеніи только на Климаты и о неудачной оса-

дѣ какой-то изъ второстепенныхъ греческихъ крѣпостей въ Крыму, послѣ чего было заключенъ миръ; тогда какъ походъ Владимира окончился взятиемъ Корсуня и крещенiemъ кназы, а на эти событія тутъ нѣть никакого намека. Другіе думали видѣть здѣсь Святослава, и это предположеніе имѣть за себя уже болѣе вѣроятности. Русскіе и византійскіе источники довольно тѣсно связываютъ дѣятельность Святослава съ берегами Киммерійскаго Босфора, то-есть, съ Крымомъ и Таманью. По нашей лѣтописи, онъ воевалъ съ Ясами и Касогами, слѣдовательно, въ той же сторонѣ; а договоръ съ Цимисхіемъ обазываетъ его не нападать на Кореунскую область. Левъ Діаконъ разказываетъ, что императоръ Никифоръ Фока, приглашая Святослава напасть на Дунайскихъ Болгаръ, отправилъ къ нему патриція Калокира, котораго Кѣдринъ называетъ сыномъ херсонскаго начальника, и мы можемъ догадываться, что самыи эти переговоры происходили, вѣроятно, въ Крыму, то-есть, въ русскихъ владѣніяхъ, сосѣдникъ съ Корсунью. Левъ Діаконъ называетъ Киммерійскій Босфоръ отечествомъ Тавроскиеовъ или Святославовыхъ Руссовъ, говоря, что греческія суда на Дунаѣ отрѣзали имъ бѣгство въ ту сторону.

Оставляя за Святославомъ нѣкоторую вѣроятность по отношенію къ помянутому отрывку, мы однако думаемъ, что еще съ большемъ вѣроятностію можно отнести разказанное въ немъ событіе къ дѣятельности Святославова отца Игоря. Впервыхъ, отрывокъ повѣствуетъ о поработленіи кназемъ варваровъ соловнаго и родственнаго племени; это племя было, конечно, ничто иное какъ Черныхъ Болгаре, занимавшіе восточныя прибрежья Крыма; о подчиненіи же ихъ Киевскому князю впервые упоминается въ Игоревомъ договорѣ. Вторыхъ, тотъ же договоръ впервые упоминаетъ и о Корсунской области; слѣдовательно, владѣнія Киевскаго княза при Игорѣ вошли въ непосредственное съ нею соприкосновеніе, выѣстъ съ окончательнымъ подчиненіемъ Черныхъ Болгарь. Втретыхъ, въ договорѣ Греки обѣщаютъ военную помощь Русскому князу, и мы уже говорили, что это, безъ сомнѣнія, была помощь противъ общаго врага, то-есть, сосѣднихъ Хазаръ. Подтвержденіе нашему предположенію можно найти и въ извѣстіи Константина Багрянороднаго, который говорить, что въ случаѣ нужды, противъ Хазаръ можно вооружить или Аланъ, или Черныхъ Болгаръ. Недаромъ же варварскій князь, если вѣрить отрывку, легко помирился съ греческимъ начальникомъ и даже щедро наградилъ его; можетъ быть, хазарскія отношенія имѣли тутъ нѣкоторую долю вліянія. Вчетвертыхъ, Левъ Діаконъ подтверждаетъ связь Игоревой

дѣятельности съ восточной частью Тавриды: онъ сообщаетъ, что послѣ пораженія у береговъ Малой Азіи, Игорь съ остатками своего флота бѣжалъ въ Киммерийскій Боспоръ. Наконецъ, впослѣдствіи, Игорь является первымъ Киевскимъ княземъ, котораго по имени знаютъ византійские и западные писатели, и конечно, потому, что это былъ князь предпримчивый, властолюбивый и жадный къ добычѣ; онъ предпринимать дальние походы и заставлять много говорить о себѣ и своихъ Руссахъ. Жестокость и жадность, выказанные имъ особенно по отношенію къ Древлянамъ и причинившіе ему погибель, весьма походить на черты, которыми анонимный отрывокъ, не безъ примѣса реторики, описываетъ его образъ дѣйствія по отношенію и къ его Таврическимъ данникамъ, то-есть, къ Чернымъ Болгарамъ. Но главное историческое значеніе его дѣятельности, конечно, было болѣе важное, нежели раззореніе и вымогательства; судя по всѣмъ даннымъ, этотъ энергическій князь сильно подвинулъ впередъ объединеніе Восточно-Славянскихъ племенъ подъ властю великаго князя Киевскаго. Онъ-то и совершилъ,ѣроятно, полное подчиненіе Черныхъ Болгаръ, такъ что слѣдующій за нимъ договоръ Святослава съ Греками (или дошедшій до насъ отрывокъ этого договора) уже не упоминаетъ о Черныхъ Болгарахъ, а говорить прямо о сопредѣльности русскихъ владѣній съ Корсунской областью¹⁾.

Но кто были туземцы данного отрывка, нѣсколько зависимые отъ Грековъ, а въ тоже времясосѣдніе съ княземъ варваровъ и подобные ему нравами? Очевидно, это была та часть Черныхъ Болгаръ, которая обитала около греческихъ Климатовъ и находилась подъ нѣ-

¹⁾ Въ прежнихъ своихъ статьяхъ я уже доказывалъ, что имена первыхъ нашихъ князей, то-есть, впервые исторически известныхъ, Олега и Игоря, суть имена славянорусскія и вѣдѣтъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ древней Россіи. Я приводилъ ихъ въ связь съ названіями нашихъ рекъ Волги и Угры. Кроме того, съ именемъ Олега я отожествлялъ имя нашего мненческаго богатыря Волги, а привычнымъ именемъ Игоря объяснялъ произношеніе св. Георгія Егоромъ или Егориемъ. Пользуясь случаемъ упомянуть о томъ, чтѣ по этому поводу писалъ ко мнѣ профессоръ Харьковскаго университета Н. Я. Аристовъ въ мартѣ 1874 года. Соглашался съ моими толкованіями, отъ идти еще дальше, и между прочимъ, приводить имя Игоря въ связи съ языческимъ великаномъ нашихъ былинъ Святогоромъ (*Святъ-Горъ*). Прибавка слова «свѧтъ» къ имени Игоря, по его мнѣнию, получилась подъ влияніемъ христианства и примѣшившагося представлениѳ о св. Георгіѣ. Что дѣйствительно первоначальное его имя было несложное, г. Аристовъ подтверждаетъ стихомъ былинъ:

Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ.

которымъ вліяніемъ Грековъ, хотя и не успѣла еще проникнуться большімъ сочувствіемъ къ ихъ обычаямъ, а сохранила обычай сходные съ другою частью того же племени, то-есть, съ Руссо-Болгарскимъ элементомъ въ Тавридѣ. Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ въ этихъ туземцахъ тотъ Фульскій языкъ, который во времена Константина и Меѳодія хотя исповѣдывалъ уже христіанскую религию, однако еще поклонялся своему священному дубу и соблюдалъ прежніе языческіе обряды. По всей вѣроатности, и лѣтъ 70 спустя, то-есть, во времена Игоря, этотъ народъ еще не далеко ушелъ въ усвоеніи христіанскихъ нравовъ и все еще по своимъ понятіямъ и образу жизни былъ ближе къ своимъ соплеменникамъ (отчасти принявшимъ также крещеніе), нежели къ Грекамъ или къ сосѣднимъ Готамъ; послѣдніе уже во времена Юстиніана I отличались преданностью христіанству и были союзниками Грековъ противъ Утурголовъ-Болгаръ. Малая симпатія къ греческому господству и особенно племенное родство съ Русью, конечно, увлекли Фульскихъ туземцевъ на сторону Русского князя въ войнѣ съ Греками¹⁾). Послѣдніе, какъ извѣстно, старались привлекать на свою сторону сосѣднихъ варваровъ, обращая ихъ въ христіанство или склоняя ихъ подарками. Очень можетъ быть, что греческія интриги между Таврическими Болгарами не остались безъ вліянія на какія либо попытки къ отпаденію отъ Русскихъ князей, чтѣ, въ свою очередь, могло послужить поводомъ къ жестокому наказанію и окончательному подчиненію этихъ Болгаръ, а также и къ войнѣ съ самими Греками. Во всякомъ случаѣ склонная къ интригамъ византійская политика, умѣвшая сѣять раздоры между сосѣдями, очень хорошо всѣмъ извѣстна. То, что авторъ отрывка говоритъ о награжденіи его областью и о доходахъ, назначенныхъ въ его пользу изъ собственныхъ земель непріятельского князя, отзывается неточностью донесенія, то-есть, нѣкоторымъ хвастовствомъ. Конечно, тутъ надо разумѣть возвращеніе какого-либо клочка земли, занятаго варварами во времена войны, и обѣщаніе помочь хлѣбомъ и скотомъ, въ которыхъ Греки нуждались, и которые у варваровъ были въ изобилії. Указаніе отрывка на доходы непріятеля

¹⁾ Съ христіанскимъ элементомъ у Таврическихъ Болгаръ можно привести въ связь и христіанскій элементъ Игоревой дружины, о которомъ упоминается въ договорѣ. Этотъ энергическій и даже жестокій князь, очевидно, отличался терпимостью въ отношеніи къ христіанамъ; следовательно, религія не мѣшиала Фульскому народцу вступить съ ними въ союзъ.

тельского вождя съ собственныхъ земель, конечно, лежавшихъ по со-
сѣству, свидѣтельствуетъ, что Русскій князь не впервые только при-
шелъ и покорилъ сосѣднюю страну, но что дѣло идетъ именно объ
усмиреніи и окончательномъ подчиненіи Черныхъ Болгаръ. А иначе
было бы непонятно, о какихъ доходахъ идетъ рѣчь. Конечно, эти
доходы, то-есть, дани съ туземнаго населенія Киевскому князю, уже
существовали; впрочемъ, теперь они могли быть увеличены¹⁾.

¹⁾ На дняхъ мы прочли новое разсужденіе А. А. Куника «О запискѣ Гот-
скаго топарха» (изъ XXIV тома Зап. Акад. Наукъ); такъ онъ называетъ ано-
нимный отрывокъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь. Въ этомъ разсужденіи досто-
уважаемый ученый представляетъ иѣсколько очень дальнихъ соображеній, но
увы, еще болѣе такихъ, съ которыми нѣтъ никакой возможности согласиться.
При всей ученой обстановкѣ, то-есть, при богатствѣ ссылокъ на источники,
разсужденіе страдаетъ выводами, лишенными основаній. Такъ, г. Куникъ, по-
добно г. Ламбину, два разные отрывка, изданные Газомъ, приписываетъ одному
лицу и считаетъ ихъ автографами самого Готскаго топарха, хотя на это нѣть
никакихъ серьезныхъ доказательствъ. А главное, чтобы решить вопросъ о на-
родностяхъ, подразумѣваемыхъ въ отрывкѣ, надо было прежде произвести точ-
ное изысканіе о томъ, какие народы въ то время обитали въ Крыму, и как-
ковы были ихъ взаимные отношенія.. Такъ, г. Куникъ варваровъ, напавшихъ
на Климаты, считаетъ Хазарами, въ особенности потому, что они являются
туть могущественнымъ народомъ, хотя въ X вѣкѣ Хазары были уже стѣснены
въ Крыму Печенгами и Русью. Между прочимъ онъ считаетъ Аланъ въ числѣ
народностей, сопредѣляющихся съ Корсунемъ, а Черныхъ или Кубанскихъ Болгаръ
помѣщаетъ только на Кубани, хотя о положеніи Аланъ на сѣверѣ отъ Кавказа,
а не въ Крыму, ясно говорить Константина Багрянороднаго, а на сосѣдство
Черныхъ Болгаръ съ Корсунскою областью, то-есть, на жительство ихъ въ во-
сточной части Крыма, указываетъ договоръ Игоря. Кроме того, тожество Про-
копьевыхъ Гуниловъ, обитавшихъ между Херсонесомъ и Боспоромъ, съ Болга-
рами было уже доказано мною въ изысканіи о славянствѣ Болгаръ. Ни-
какихъ опроверженій на эти доказательства пока не вижу, и не знаю, на как-
кихъ основаніяхъ А. А. Куникъ называетъ Болгаръ «Тюркскую ордою». Въ
числѣ ошибочныхъ положений укажу и на то, что г. Куникъ помѣщаетъ въ
Керчи, въ VIII вѣкѣ, греческаго топарха, тогда какъ изъ источниковъ известно,
что Керчь еще въ концѣ VI вѣка была завоевана Хазарами, и что VIII вѣкъ
быть временемъ почти полнаго господства Хазаръ въ Крыму. Далѣе, Климаты,
о которыхъ говорится въ отрывкѣ, действительпо могутъ быть Готскими; но
отсюда еще не слѣдуетъ считать Готами и тѣхъ союзныхъ Грекамъ жителей,
которые передались на сторону князя варваровъ, властившаго къ сѣверу отъ
Дуная. Г. Куникъ идетъ дальше г. Ламбина, и связывая два разныхъ отрывка,
вместо поѣздки въ статьи непріятельскаго князя, заставляетъ греческаго воена-
чальника путешествовать въ Киевъ, единственно за основаніемъ того, что втотъ
князь властновалъ къ сѣверу отъ Дуная. Но владѣя Киевской землей, Русскіе

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, появленіе Руси на берегахъ Боспора Киммерийскаго восходить собственно къ первой половинѣ IX вѣка; но окончательное утвержденіе вдѣсь Киевскихъ князей и распространеніе ихъ господства на всю восточную часть Таврическаго полуострова совершилось не ранее эпохи Игоря, то-есть, приблизительно во второй четверти X вѣка. Въ это-то время, какъ надобно полагать, образовалось вдѣсь то русское владѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось известно подъ именемъ Тмутараканскаго княжества. Русское название Тмутаракань (позднѣе сокращенное въ Тамань), конечно, есть только видоизмѣненіе греческаго имени *Таматарха*. А послѣднее, въ свою очередь, произошло отъ слитаго названія *Матарха* или *Метраха* съ членомъ та. Въ церковномъ уставѣ Льва Философа—слѣдовательно, IX вѣка—въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, на 39-мъ мѣстѣ упоминается та *Метрахъ*. Константина Багрянородный, у которого впервые встрѣчается слитое название *Таматарха*, рядомъ съ нимъ употребляеть и название простое, то-есть, *Матарха*. Затѣмъ въ источникахъ находимъ слѣдующіе варианты этого названія: въ средневѣковыхъ еврейскихъ надписяхъ — *Матерха*, у Нубійскаго географа — *Метреха*, у Арабовъ и у Генуэзцевъ XII вѣка — *Матерха*, у Рубруквица — *Матрица* и *Матерха*, на итальянскихъ картахъ XIV и XV вѣковъ — *Матрека* и *Матрама* и пр.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ Фанагоріи древнихъ писателей и Фанагуріи Прокопія и Феофана встрѣчается у Константина Багрянородного *Таматарха* или *Матарха*. Но въ періодѣ времени между Феофаномъ и Константиномъ въ странахъ Азовско-Черноморскихъ совершились довольно важныя перемѣны. Хазарское могущество было сломлено восстаниемъ нѣкоторыхъ покоренныхъ племенъ, а также усиленіемъ двухъ соѣдніхъ народовъ — Печенѣговъ и особенію Руссовъ. Послѣднія своими судовыми походами въ Азовское и Каспійское моря нанесли сильные удары Хазарскому государству и уничтожили его господство на берегахъ Киммерийскаго Боспора, гдѣ и основали свою собственную колонію. Печенѣги долгое время тѣснили Хазаръ съ сѣвера и опустошали ихъ области; наконецъ, стѣсненные, въ свою очередь, союзомъ Хазаръ и Узовъ или Комановъ, они устремились на

князья въ X вѣкѣ господствовали и въ восточной части Крыма, на что указываютъ договоры Игоря и Святослава; не говоримъ уже о прочихъ соображеніяхъ, нами представленныхъ.

западную сторону Дона и нахлынули на черноморскія степи, занятыя дотолѣ племенами Угровъ и отчасти Кабаровъ. Угро-Кабары не выдержали этого нашествія и двинулись далѣе на западъ въ Дунайскія равнинны. Нѣкоторая часть Печенѣговъ осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ за Дономъ и Волгой, въ сосѣдствѣ съ Команами; но большая часть ихъ ордъ заняла огромное пространство отъ нижняго Дуная до нижняго Дона. Византійское правительство съ помощью золота и ловкой политики не замедлило воспользоваться этими варварами, чтобы сдерживать своихъ сосѣдей какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Черноморскихъ владѣніяхъ, то-есть, Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Впрочемъ, Печенѣги служили орудіемъ ободу-острымъ, то-есть, за плату и добычу давали вспомогательныхъ дру-жинъ и тѣмъ, которые воевали съ Греками, напримѣръ, Русскимъ князьямъ. Этотъ варварскій народъ, въ свою очередь, внесъ еще большее разореніе и запустѣніе въ Черноморскія области и расширилъ тамъ господство степной природы. Онъ также началъ затруднять Днѣпровской Руси ея связи съ берегами Азовскаго и Чернаго морей. Но онъ далеко не отрѣзалъ Русь отъ этихъ береговъ, какъ отрѣзали впослѣдствіи болѣе многочисленные и еще болѣе дикие вар-вары, то-есть, Половцы и Татары.

Печенѣги, между прочимъ, выгнали Угровъ и Хазаръ также изъ сѣверной, степной части Крыма, и такимъ образомъ, очутились на этомъ полуостровѣ сосѣдами греческихъ областей, то-есть, Херсона и Климатовъ. По словамъ Константина Багрянороднаго, они даже оказывали услуги Херсонитамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью, Хазаріей и Зихіей, а именно, за условную плату перевозили въ Херсонесъ и обратно разные товары, какъ-то: рыбу, воскъ, имѣ-ные запасы, сукна, разныя украшения одежды, пряности, дорогіе мѣха и пр. Сами они доставляли Грекамъ быковъ, овецъ, кожи и прочія сырья произведенія своего скотоводства.

X.

Географическія извѣстія Константина Багрянороднаго о Болгаро-Тмутраканскомъ краѣ.—Девять Хазарскихъ округовъ.—Русское Тмутраканское княжество и его судьбы.

Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ нѣкоторыя любо-пытныя географическія подробности о Болгаро-Тмутраканской области, а также и вообще о сѣверномъ Черноморѣ.

Вотъ чтò говоритьъ онъ въ 42-й главѣ своего сочиненія „Объ управлѣніи Имперіей“

„Пацинакія ограничиваетъ всю Русь и Боспоръ до самаго Херсона, а также до Серета и Прута. Морской берегъ отъ Дуная до Днѣпра (Днѣстра?) заключаетъ 120 миль (милю—тысяча шаговъ, съдовательно, около нашей версты). Днѣстръ отъ Днѣпра отстоитъ на 80 миль, и этотъ берегъ называется Золотымъ“. „Отъ Днѣпра до Херсона 300 миль; по срединѣ встрѣчаются гавань и озера, въ которыхъ Херсониты добываютъ соль. Между Херсономъ и Боспоромъ разстояніе въ 300 миль; тутъ лежать города Климатовъ. За Боспоромъ находится устье Меотійскаго озера, которое по его величинѣ всѣ называютъ моремъ; въ него впадаютъ многія и великия рѣки. Такъ, на сѣверѣ онъ имѣть Днѣпъ рѣку, изъ которой Русы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Заливъ Меотиды достигаетъ до Некропиль, отстоящихъ отъ Днѣпра на четыре мили, и соединяется съ ними тамъ, где древніе переплывали море каналомъ попрекъ Херсона, Климатовъ и Боспора на разстояніи тысячи или болѣе миль. Но съ теченіемъ времени путь этотъ засыпался и обратился въ густой лѣсъ, и теперь существуютъ двѣ дороги, по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты. Съ восточной стороны Меотійское озеро принимаетъ въ себя многія рѣки, каковы Такаисъ, который идетъ отъ Саркела, и Харакуль, въ которомъ ловится рыба берзетикъ (берѣгутчикъ), кромѣ того—рѣки Баль, Бурликъ, Хадыръ и многія другія. Устье Меотиды, изливающееся въ Понтъ, также называется Бурликъ; здѣсь есть городъ Боспоръ, а напротивъ его лежитъ городъ, называющійся Таматархъ. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой, низменный островъ, называемый Атехъ. Отъ Таматархи на разстояніи 15 или 20 миль есть рѣка, именуемая Укрухъ, которая отдѣляетъ Зихію отъ (области) Таматархи. Зихія простирается на разстояніи 300 миль отъ Укруха до рѣки Никопсисъ, на которой находится городъ того же имени. Выше Зихіи лежитъ страна Папагія, выше Папагіи Казахія, надъ Казахіей Кавказскія горы, позади Кавказа Аланія. Морской берегъ Зихіи имѣть острова, одинъ большой и три малыхъ, между которыми есть и другіе острова, населенные и воздѣланные Зихами, то-есть, Турганерхъ и Чарбагани; кромѣ того, еще островъ при устьѣ рѣки, и еще около Птелеевъ; на послѣдній спасаются Зихи во время нападенія Аланъ. Отъ Зихіи, то-есть, отъ рѣки Ни-

кописа до города Сотерополя по морскому прибрежью лежить Азаггия на протяжени 300 миль".

Излишне было бы ожидать отъ подобныхъ извѣстій полной ясности и точности. Очевидно, сѣверные берега Черного моря и особенно страны, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря, были извѣстны любознательному императору въ общихъ чертахъ, и только мѣстами онъ могъ сообщить нѣкоторыя вѣрныя подробности. Наиболѣе темная и запутанная сѣдѣнія относятся къ какому-то древнему каналу, который шелъ поперекъ Херсона, областей и Боспора и потомъ обратился въ густой лѣсъ съ двумя сухопутными дорогами. Мы предложимъ слѣдующій вопросъ: въ этомъ мѣстѣ у Константина не скрывается ли отголосокъ древнѣйшихъ преданий, вспоминающихъ о томъ времени, когда Крымъ былъ островомъ, и когда суда, напримѣръ, изъ Ольвіи, то-есть, Днѣпровско-Бугскаго лимана, могли проходить въ Азовское море и следовать до Боспора вдоль сѣверныхъ, а не южныхъ береговъ Крыма? А что касается до двухъ сухопутныхъ дорогъ, ведущихъ въ Крымъ изъ Печенѣжскихъ степей, то здѣсь, можетъ быть, подразумѣваются Перекопскій перешеекъ и Арабатская стрѣлка, которая только узкимъ Геническимъ проливомъ отдѣляется отъ сѣверного берега Азовскаго моря. Послѣднимъ путемъ, какъ мы замѣчали, по всей вѣroятности, происходили сухопутныя сообщенія Днѣпровской Руси съ Тмутраканской областью, и конечно, имъ пользовались въ особенности при движеніи конницы. Даѣже изъ словъ Константина можно понять, что самыи Днѣпъ какъ бы соединялся (какимъ-то протокомъ) съ Азовскимъ моремъ, и Русь ходила этой дорогою на судахъ въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Въ этомъ представлении, повторяемъ, заключается подтвержденіе того, что даѣствительно между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ существовало водное сообщеніе посредствомъ Самары, Миуса и ихъ притоковъ, при небольшомъ волокѣ. Что касается до рѣкъ, владающихъ въ Азовское морѣ съ восточной стороны, то опять повторяемъ, подъ Харакумъ можно разумѣть сѣверный рукавъ Кубани или такъ-называемую Черную Протоку, а Балъ, Бурликъ и Хадиръ или Хадыръ, по всей вѣроятности, суть ничто иное какъ другіе рукава той же рѣки или протоки, наполнившіе Кубанскую дельту. Не забудемъ, что въ X вѣкѣ Тамань имѣла нѣсколько иной видъ, нежели въ настоящее время: нѣкоторые протоки заволокло пескомъ и землею, другіе, вслѣдствіе засыпавшагося устья, обратились во внутренніе лиманы; такимъ образомъ, Кубанская дельта получила характеръ полуострова. Но въ X

вѣкъ, по всей вѣроятности, она представляла еще группу острововъ. Боспорскій или Керченскій проливъ у Константина называется устьемъ Меотиды, и дѣйствительно, его можно такъ назвать вслѣдствіе теченія изъ Азовскаго моря въ Черное. Упомянутый посреди этого пролива низменный островъ Атахъ, конечно, есть ничто иное какъ часть южной Таманской косы, въ тѣ времена еще представлявшая совершенно отдѣльный островъ. Области, лежавшія по восточному берегу Чернаго моря, то-есть, Зихія и Аваагія, обозначены вѣрою; но тѣ, которыхъ находились далѣе внутрь страны, очевидно, въ своемъ взаимномъ отношеніи опредѣлены только приблизительно, то-есть, Папагія, Казахія и Аланія. Аланія будто бы находилась надъ Кавказомъ, а Казахія подъ Кавказомъ; выходитъ, что между ними лежалъ Кавказъ. Но тутъ, конечно, заключается неточность, и можно понять такъ, что онъ были раздѣлены какимъ-либо отрогами Кавказа. Судя по тому, что Алане могли заграждать сообщеніе Каспійско-Волжскимъ Хазарамъ съ Кавказскими, то-есть, съ Кабардою или Папагіей и Казахіей, а также затруднять сообщеніе съ Саркеломъ, надо полагать, что Аланія въ тѣ времена простиралась довольно далеко къ сѣверу отъ хребта; а впослѣдствіи Команами и Татарами Алане были ограничены тою горюю областью, въ которой обитаютъ предполагаемые имъ потомки, то-есть, иныѣшніе Осетины.

Нельзя также не обратить вниманія на чѣмточные названія рѣкъ съ ихъ филологической стороны. Одинъ изъ рукавовъ Кубани, именно самый южный, назывался Укругъ, а другой рукавъ и вмѣстѣ съ самымъ проливомъ именовались Бурлыкъ — эти слова, очевидно, славянскія и принадлежали къ названіямъ болгаро-русскімъ. Въ Харакуль мы узнаемъ Кара-Ингуль или Черный (Карій) Ингуль (можетъ быть, то же, что впослѣдствіи Черная Протока); название Хадыръ (Хадиръ) представляетъ также славянскую форму. А слово Балъ и до сихъ поръ въ польскомъ языке означаетъ бревно (у насъ въ уменьшительной формѣ балка); если же греческое β· произносить какъ ε, то получимъ другое славянское слово, „валъ“, которое могло означать первоначально водяной валъ или волну, а потомъ уже и земляную насыпь¹⁾.

¹⁾ Какъ въ XI вѣкѣ Килимѣрскій Боспоръ по имени рукава Кубани, а вмѣстѣ и по характеру своему, назывался у славянскихъ туземцевъ Буриль (то-есть Бурильный), такъ въ XII вѣкѣ встрѣчаешь название Балысъ, напоминающее другой рукавъ Кубани, то-есть Балъ. Мы разумѣемъ тутъ известное извѣстіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Дивъ кличетъ вергу древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Владъ и Поморію, и Посулю, и Сурому, и Еороню, и тебѣ, Тму-

Въ 53-й главѣ того же сочиненія, въ главѣ, посвященной раззѣмъ изъ исторіи города Херсона и его борьбы съ Боспорскими царями, Константинъ даетъ еще слѣдующія подробности о Тмутраканіи и сосѣднихъ съ нею областяхъ:

„За городомъ Таматархомъ находятся многіе источники, которые послѣ питья производятъ сыпь во рту. Такжѣ и въ Зихіи, подлѣ мѣста, называемаго Пагисъ, около Папагіи, существуетъ девять источниковъ, производящихъ сыпь во рту. Но они имѣютъ неодинаковые цвета: одинъ красный, другой желтый, третій темный. Въ Зихіи, въ мѣстѣ, называемомъ Папага, по сосѣдству съ округомъ, именуемымъ Сапакси (Сапакіо), что значитъ „грязь“, есть источникъ, который также возбуждаетъ сыпь; существуетъ и другой подобный источникъ въ округѣ, называемомъ Хамухъ, по имени своего основателя Хамуха. Это мѣсто отстоитъ отъ моря на одинъ день коннаго перѣѣзда: Въ области Дерзинесъ, подлѣ двухъ округовъ, изъ которыхъ одинъ называется Сапикій (Сапікіо), а другой Епископій (Епікотіо) есть тоже производящій сыпь источникъ, а также и въ области Чилапертъ (Чілапертъ) въ округѣ Срекабарахъ (Срекабараѣ).“

Очевидно, Константинъ описываетъ здѣсь вулканическія грязи и источники Таманского полуострова и сосѣднаго Кавказа. Не замѣтно однако, чтобы эти источники были известны въ то время своими лечебными свойствами, такъ какъ Константинъ знаетъ о нихъ только то, что они для питья не годятся, ибо производятъ во рту сыпь. Интересны нѣкоторыя мѣстныя названія, здѣсь приведенные. Предоставляемъ объясненіе ихъ знатокамъ кавказскихъ языковъ и обратимъ вниманіе только на слово *Сапакси*. (Слѣдующее затѣмъ название *Сапікіу*, можетъ быть, происходитъ отъ одного съ нимъ коина). Предложимъ вопросъ: не есть ли это слово въ нѣсколько искаженной передачѣ славянское *солки*, то-есть, именно вулканы, извергающіе изъ себя грязные потоки? Даѣте: девять разноцвѣтныхъ источниковъ гдѣ-то за Таманскимъ полуостровомъ на западномъ

траканскій балванъ». Много было сдѣлано разныхъ догадокъ для объясненія послѣдняго выраженія, но все онѣ принимали слово *балванъ* въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь у насъ употребляется. Мы думаемъ, что ключемъ къ разъясненію этого выраженія можетъ служить польское *bałwan*, дословъ употребляемое въ смыслѣ воламъ. Отсюда приходимъ къ тому заключенію, что Тмутраканскій балванъ Слова о Полку Игоревѣ просто означаетъ «Тмутраканскій проливъ», а въ переносномъ значеніи «Тмутраканскій край». (См. наши соображенія о томъ въ изданіи Москов. Археол. Общества *Древности* 1874 г.).

концѣ Кавказа—это число не находится ли въ какой-либо связи съ названиемъ „Девати Хазарскихъ климатовъ“ (τα εννέα κλίματα της Χαζαρίας), о которыхъ Константина упоминаетъ въ 10-й главѣ того же сочиненія?

Хазарскіе климаты или округи надобно различать отъ климатовъ Греческихъ, которые лежали въ юго-восточномъ углу Таврическаго полуострова, по сосѣдству съ Херсонскою областью. Мы говоримъ: надобно ихъ различать, потому что у Константина иногда упоминаніе о нихъ довольно сбивчиво. Напримеръ, въ 11-й главѣ онъ говоритъ, что Алане могутъ преграждать Хазарамъ путь „въ Саркель, Климаты и Херсонъ“. Здѣсь подъ климатами въ географическомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы и тѣ, и другіе, если ваять въ разчетѣ, что тѣ и другіе лежали между Саркеломъ и Херсономъ; но соображаясь съ внутреннимъ смысломъ, надобно здѣсь разумѣть климаты Хазарскіе, о которыхъ Константина говоритъ въ предыдущей главѣ. Въ этой послѣдней онъ объясняетъ, что девять Хазарскихъ округовъ лежать по сосѣдству съ Аланіей, и, если Алане подвергали ихъ опустошеннію, то вносили тѣмъ большой вредъ Хазарамъ, таъ какъ изъ этихъ девяти округовъ Хазары получали все нужное для жизни. Очевидно, область этихъ округовъ лежала въ западной части Кавказа около Кубанской дельты, то-есть, тамъ, где находились упомянутые выше девять источниковъ; по видимому, то была часть Зихіи и Папагіи, подвластная собственнымъ Хазарамъ, то-есть, Касогамъ или Черкесамъ — Кабардинцамъ. Эта въ сущности небольшая область была дорога для нихъ, ибо, по словамъ Константина, отсюда они получали все нужное для жизни. Это все нужное, конечно, доставляла имъ торговля съ Греками и Руссо-Болгарами при помощи гаваней Азовскихъ и Черноморскихъ, изъ которыхъ товары шли въ Хазарію при посредствѣ области, прилегавшей къ Кубанской дельтѣ. Кроме греческихъ тканей и металлическихъ изделий, они получали отсюда хлѣбъ и рыбу. Послѣдняя особенно въ изобилии ловилась въ Кубанскихъ лиманахъ. Такъ, Феофанъ преимущественно указываетъ на булгарскую рыбу кисть, а Константина на берзетикъ (по весьма вѣроятному мнѣнію г. Бруна, это одна и та же рыба; но онъ не могъ узнать, какая порода тутъ подразумѣвается. См. Зап. Од. Общ. V. 147).

Берзетикъ ловился именно въ Карагулѣ, то-есть, въ сѣверномъ рукавѣ Кубани. А страна, прилегавшая къ этому рукаву въ тѣ времена, можетъ быть, еще не была отвоевана Руссами отъ Хазаръ, и следовательно, обитавшая здѣсь часть Черныхъ Болгаръ еще пла-

тила дань Хазарамъ, и конечно, платила естественными произведениями. Вотъ почему, въ случаѣ опустошенія Аланами девяти окрестъ, Хазары грозилъ голодъ. Это извѣстіе подтверждаетъ нашу мысль, что тутъ надобно разумѣть Хазаръ Кавказскихъ, а не Волжскихъ. У послѣднихъ, по извѣстію Ибнъ-Фодлана, главной пищею служили рисъ и рыба; но рыбью снабжала ихъ Каспійско-Волжская ловля; а рисъ они получали или отъ ближайшихъ покоренныхъ племенъ, или отъ торговцевъ, особенно восточныхъ. Однимъ словомъ, нѣтъ вѣроятности, чтобы Волжскіе Хазары питались хлѣбомъ и рыбой, доставившимися съ устьевъ Йубани или съ западнаго Кавказа. По всѣмъ признакамъ, Константинъ не имѣлъ яснаго представленія о положеніи и разныхъ частяхъ Хазарского государства; онъ счищивалъ Хазаръ Волжскихъ съ Черкесскими или Кавказско-Крымскими. Его извѣстія могутъ быть отнесены по преимуществу къ послѣднимъ, тогда какъ арабскія извѣстія того же вѣка относятся преимущественно къ первымъ.

Итакъ, мы можемъ положительно сказать, что около первой половины X вѣка Алане уже возвратили себѣ независимость отъ Хазарскихъ государей и тѣмъ нарушили связь Каспійско-Волжской Хазаріи съ западнымъ Кавказомъ или Кабардою. Но источники не даютъ определенныхъ указаний на то, въ какихъ отношеніяхъ послѣдняя находилась въ Италии. Мы можемъ только догадываться, что Черкесія или собственная Хазарія во времена Константина еще сохранила вассальные отношенія къ Италійскимъ каганамъ. Но безъ сомнѣнія, она также стремилась къ независимости, и восстание винственныхъ Кабаровъ, о которомъ вспоминаетъ Константинъ, конечно, повторилось не однѣ разы. Въ второй половинѣ X вѣка, когда Хазарское государство ослабѣло подъ ударами Аланъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ, которые разорили Сарматъ, тогда и собственные Хазары, то-есть, Крымскіе и Кавказскіе Черкесы, по видимому, возвратили себѣ самостоятельность и отдѣлились отъ Турко-Хазаръ Каспійскихъ. Указаніемъ на это обстоятельство могутъ служить войны Руси и Грековъ въ первой половинѣ XI вѣка съ Черкесскими князьями Георгиемъ Чуломъ и Редедею¹⁾.

¹⁾ Мы уже упоминали, что часть Кабаровъ или Аваровъ ушла къ Угрывъ и соединилась съ ними, и что хусарская конница, по всей вѣроятности, получила свое начало отъ этихъ Черкесовъ-Хазаръ. Точно также и уланская конница вѣдѣть свое происхожденіе отъ кавказскихъ Аланъ. У Татаръ подъ названіемъ

Теперь въ короткихъ словахъ доскажемъ дальнѣйшую судьбу Тмутраканской Руси.

Кіево-руssкіе князья, чтобы упрочить за собою обладаніе Тмутраканскимъ краемъ, не разъ должны были возобновлять борьбу съ Хазарами-Кабардинцами, а иногда и съ ихъ сосѣдями Аланами. Такъ, Святославъ, по словамъ нашей лѣтописи, воевалъ съ Касогами и съ Ясами. Затѣмъ мы имѣемъ извѣстіе византійскаго писателя Кедрина о предпріятіи Грековъ противъ Хазаръ при императорѣ Василіѣ II. Въ 1016 году онъ послалъ къ Хазаріи флотъ подъ начальствомъ Монга; послѣдній, „вспомоществуемый Сfenгомъ, братомъ Владимира, того самаго, который женился на сестрѣ императора Василія, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой же битвѣ князя ся Георгія Чула“. Извѣстіе это, по всѣмъ признакамъ, не совсѣмъ точно; но крайней мѣрѣ оно не совсѣмъ согласно съ russкою лѣтописью. Вопервыхъ, въ 1016 году Владимира уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ предыдущемъ году. Во вторыхъ, по russкой лѣтописи мы не знаемъ у него никакого брата, который назывался бы Сfenгомъ. Втретихъ, не понятно, о какой Хазаріи здѣсь говорится, во всякомъ случаѣ не о Волжской, куда греческія войска не проникали; притомъ имя князя Георгія показываетъ, что онъ былъ христіанинъ, а Итильскіе каганы исповѣдуютъ іудейскую вѣру. Здѣсь, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о какомъ-либо хазарско-кабардинскомъ владѣніи, которое уцѣльло до начала XI вѣка въ Тавридѣ, по соображенію съ Корсунской областью (можетъ быть, тамъ, где лежатъ развалины Мангупа и Черкесъ-Кермена). Russкие помогали тогда Грекамъ и въ этой сторонѣ конечно, также, какъ помогали имъ въ борьбѣ съ Болгарами Дунайскими (вслѣдствіе родственнаго союза съ Греческими императорами¹⁾).

Вскорѣ потомъ, именно подъ 1022 годомъ, наша лѣтопись помѣщаетъ извѣстіе о войнѣ съ Касогами Владимира сына Мстислава,

указъ разумѣлось сословіе благородныхъ, чтѣ свидѣтельствуетъ обѣ ихъ уваженіи къ воинственнымъ Аланамъ. Отличительнымъ оружіемъ гусаръ, какъ извѣстно, служитъ кривая сабля, а уланъ—кошѣ; вѣроятно, это вооруженіе отличало и самые племена Касоговъ и Ясовъ. О кривой хазарской или турецкой саблѣ упоминаетъ и наша лѣтопись, противополагая ее russкому обюдострому иечу.

¹⁾ По памятникамъ армянскихъ историковъ, вспомогательный russкий отрядъ сѣдоволь за императоромъ Василиемъ II и при его походѣ въ страны закавказскія. (См. изслѣд. г. *Васцилесскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Проеv.* 1874 года, ноябрь).

которому отецъ назначилъ въ удѣлъ Тмутракань. Эти Хазары-Касоги были сосѣдями Тмутраканской Руси съ восточной стороны, и конечно, между ними происходили споры за границы. Но не видно, чтобы въ эти споры вмѣшивались каганы Итильские; слѣдовательно, Касоги-Ка-бардинцы въ то время были уже самостоятельны и не имѣли политической связи съ Хазарами Каспійско-Волжскими. Мстиславъ, какъ известно, одолѣлъ въ единоборствѣ Касожского князя Редедю и за-кололъ его, послѣ чего, по условію, взялъ его семейство и наложилъ дань на Касоговъ, а по возвращеніи въ городъ Тмутракань, исполняя обѣтъ, построилъ церковь Богородицы. Эта церковь стояла еще во времія лѣтописца, то-есть, въ XII вѣкѣ. Какъ сильно было въ ту эпоху Тмутраканское княжество, показываетъ успѣхъ Мстислава въ борьбѣ съ старшимъ братомъ Ярославомъ. Съ своею руссо-болгарской дружиною и хазаро-черкесской конницею онъ побѣдилъ Ярослава и заставилъ уступить себѣ всю восточную сторону Днѣпра. Мстиславъ перепесъ свою резиденцію въ Черниговъ, гдѣ и умеръ (въ 1036 году); не оставляя послѣ себя дѣтей, онъ всѣ свои земли передалъ брату Ярославу. Послѣдній при раздѣлѣ Руси между своими сыновьями отдалъ Тмутракань второму сыну, Святославу, то-есть, причислилъ ее къ удѣлу Черниговскому. Съ тѣхъ поръ она, за нѣ-большими исключеніями, и оставалась въ родѣ Черниговскихъ Святославичей.

Святославъ отдалъ Тмутракань въ удѣлъ своему сыну Глѣбу. Деятельность Глѣба Святославича въ этомъ отдаленномъ концѣ древней Руси засвидѣтельствована дошедшими до насъ камнемъ съ слѣдую-щею надписью: „Въ лѣто 6570 индикта 6 Глѣбъ князь мѣриль море по леду отъ Тымуторокана до Кърчева сажени“¹⁾). На этой надписи мы впервые встрѣчаемъ болгаро-русское название Корчевъ или Корчевъ, откуда явилось сокращенное Керчь. Это название замѣнило греческія „Пантикапея“ и „Боспоръ“, также какъ имя „Тму-тракань“ смѣнило древнее „Фанагорія“. По видимому эти два города, лежавши противъ друга на берегахъ пролива, ужъ успѣли нѣ-

¹⁾ Камень этотъ найденъ былъ въ 1792 г. на островѣ Тамани. Онъ имѣетъ видъ плиты, и надпись высѣчена на боковой ея сторонѣ; хранится въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Число сажень (ЛИД) подвергается разно-чтѣніямъ: по одному вто 8054, по другому—14000. А что касается до обозна-ченія года, то мы читаемъ 6570 (СФО), то-есть, 1062, а не 6576 (1068), какъ это доселе полагали. Наше чтеніе болѣе согласно съ указаніемъ лѣтописи о времени княженія Глѣба въ Тмутраканіи.

сколько оправиться отъ раззореній, причиненныхъ имъ во времена гунно-болгарскаго и потомъ турко-хазарскаго завоеванія. Керчь-Пантакапея, конечно, не достигала уже никогда своего прежняго блеска; однако сохраняла свой торговый характеръ, благодаря выгодному положенію на торномъ пути между Русью и Хазаріей, съ одной стороны, и Византійскою имперіей, съ другой. О торговомъ характерѣ Тмутраканской Руси, какъ мы говорили, особенно свидѣтельствуютъ арабскія извѣстія. Тмутракань въ это время имѣлъ верхъ надъ Корчевомъ, ибо былъ столынмъ городомъ княжества.

Отдаленное отъ Киевской Руси положеніе, смѣшанный, разноплеменный составъ населенія и сосѣдство варварскихъ народовъ, готовыхъ доставлять наемныхъ дружины всякому предпримчивому вождю, дѣлали беспокойнымъ и довольно шаткимъ положеніе Тмутраканскихъ князей, когда начались междуусобія въ потомствѣ Ярослава I. Положеніе это сдѣлалось особенно шаткимъ съ того времени, какъ изъза Дона, около половины XI вѣка, надвинулись въ южно-русскія степи новыя орды кочевниковъ, дикие Половцы, которые мало по малу стали отрывать Тмутраканскую землю отъ остальной Руси и затруднять между ними сообщеніе.

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Ростиславъ Владимировичъ, послѣ смерти отца своего Владимира Новогородскаго, проживалъ въ Новгородѣ безъ удѣла. Этотъ смѣлый, воинственный князь, вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ посадника Остромира, ушелъ на югъ, набралъ дружину и изгналъ изъ Тмутракани своего двоюроднаго брата Глѣба Святославича. Отецъ послѣдняго, Святославъ, явился было на помощь сыну и возвратилъ ему Тмутраканскій столъ (въ 1064 г.). Но едва отецъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова выгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань, гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Храбрый Ростиславъ сдѣлался грозѣнъ для своихъ сосѣдей, то-есть, для Корсунскихъ Грековъ и Кавказскихъ Касоговъ; послѣдніе платили ему дань. Греки тяготились сосѣдствомъ такого воинственнаго князя и рѣшились извести его. Лѣтопись наша разказываетъ, что какой-то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому краю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его въ то время, когда онъ по обыкновенію пировалъ съ своею дружиною (1066 г.). Преданіе, записанное русскимъ лѣтописцемъ, прибавляетъ, будто катапанъ, успѣвшій бѣжать въ Корсунь, былъ побить камнями отъ самихъ Корсунцевъ, когда Ростиславъ умеръ; но по-

слѣднѣе извѣстіе едва ли вѣроятно, такъ какъ, по словамъ той же лѣтописи, сами Греки подослали его къ Ростиславу. Этотъ князь погребенъ въ томъ же каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

Послѣ Ростислава Тмутраканскій удѣльный снова перешелъ во владѣніе Черниговскихъ Святославичей. Тамъ мы встрѣчаемъ княземъ брата Глѣбова, Романа Святославича. Но и онъ не долгое время спокойно владѣлъ этимъ краемъ. Когда умеръ его отецъ Святославъ Ярославичъ, наступили извѣстныя междуусобія братьевъ его Изяслава и Всеволода съ племянниками Святославичами, которые хотѣли воротить себѣ отцовскую часть, то-есть, Черниговскую землю. Въ 1078 году знаменитый Олегъ Святославичъ убѣжалъ къ брату Роману въ Тмутракань, куда еще прежде явился и двоюродный братъ его Борисъ Вячеславичъ, тоже обдѣленный своими дядьками. Здѣсь эти беспокойные князья вошли въ связи съ варварами, особенно съ Половцами, и съ ихъ помощью начали рядъ своихъ попытокъ противъ дядей. Олегу и Борису не посчастливилось, и послѣдній палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Тогда Романъ, съ новыми толпами Половцевъ пошелъ на помощь Олегу, чтобы добывать Черниговъ. Но варвары измѣнили братьямъ и заключили союзъ съ ихъ дядею Всеволодомъ, конечно, склоненные къ тому золотомъ. Мало того, на обратномъ походѣ варвары убили Романа. Олегъ, по смерти братьевъ сдѣлавшійся наследникомъ Тмутраканского стола, былъ схваченъ и отправленъ за море въ Царьградъ (1079 г.). По поводу этихъ событій въ нашей лѣтописи упоминаются Тмутраканские Хазары: они подговорили Половцевъ убить Романа, они же схватили Олега и выдали Грекамъ (см. Ипатскую лѣтопись новое изданіе, 143—144). Итакъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что часть населенія въ Тмутраканскомъ княжествѣ, и конечно, часть владѣльца, состояла изъ Хазаръ или Черкесовъ-Кабардинцевъ, которые прежде владѣли этимъ краемъ. Въ данномъ случаѣ туземные Хазары, очевидно, дѣйствовали въ согласіи съ великимъ княземъ Всеволодомъ, то-есть, по всей вѣроятности, были подкуплены деньгами или обѣщаніемъ какихъ-либо льготъ. По крайней мѣрѣ послѣ удаленія Олега въ Грецию мы видимъ въ Тмутракани Всеволодова посадника Ратибора, но не надолго. Въ слѣдующемъ году здѣсь явились два новые искателя удѣловъ, Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ; они схватили Ратибора и заняли Тмутраканью. Всѣ эти быстрыя перемѣны, конечно, дѣла-

лись не безъ участія все того же влиятельного элемента въ Тмутракані, то-есть, Хазарь.

Между тѣмъ наследственный Тмутраканскій князь Олегъ Святославичъ изъ Константинополя былъ отправленъ далѣе на островъ Родось, гдѣ провелъ два года. Объ этомъ пребываніи его на Родосѣ упоминаетъ известный паломникъ игуменъ Даніилъ при описаніи своего хожденія въ Іерусалимъ. Въ то время на Византійскомъ престолѣ царствовалъ Никифоръ Вотаніатъ, который, конечно, былъ въ союзѣ съ врагами Олега; бромъ того, Греки, вѣроятно, опасались найти въ немъ такого же беспокойного сосѣда, какимъ былъ Ростиславъ Владимировичъ. Но когда Вотаніатъ былъ низвергнутъ, и на престолѣ вступилъ знаменитый Алексѣй Комненъ, обстоятельства, очевидно, измѣнились въ пользу Олега. Въ 1083 году онъ снова появляется въ Тмутраканіи, которую, по всей вѣроятности, воротилъ себѣ съ помощью прежнихъ непріятелей, а теперь новыхъ союзниковъ — Грековъ. Володаря и Давида онъ отпустилъ на свободу, но строго наказалъ крамольныхъ Тмутраканскихъ Хазаръ, предавъ смертной казни своихъ главныхъ враговъ¹⁾.

¹⁾) Очень можетъ быть, что именно къ этимъ Тмутраканскимъ Хазарамъ и соединились Касогамъ, платившимъ дань, относятся известныя слова нашей летописи о томъ, «что володѣютъ Русские князья Хазарами и до сего дnia».

Обратимъ особое вниманіе писавшему автору на двухъ наиболѣе знаменитыхъ преемниковъ Мстислава Тмутраканскаго, то-есть на Ростислава и Олега. Оба они проявили своею беспокойною дѣятельностью, и оба потерпѣли отъ своихъ сосѣдей Грековъ. Мы дозволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія догадки. Въ известной греческой легенды о походѣ Русского князя, такъ называемаго Бравлина, на Сурожъ говорится, что онъ пришелъ изъ Новгорода. Предлагаемъ вопросы: къ болѣе древнему преданію о дѣйствительномъ нападеніи Руссовъ на Сурожъ или Сугдею не приучали-ль позднѣйшия списатели воспоминаніе о князѣ Тмутраканскомъ Ростиславѣ, который дѣйствительно пришелъ въ Тмутракань прямо изъ Новгорода?

Другая догадка наша относится къ сказанію объ осадѣ Царьграда Евѣскимъ княземъ Олегомъ, тѣмъ Олегомъ, который заключилъ съ Греками два договора, въ 907 и 911 годахъ. Мы уже не разъ говорили, что это сказаніе по всѣмъ признакамъ есть не историческое, а баснословное. Теперь къ прежнимъ соображеніямъ прибавляемъ слѣдующее. Можетъ быть, поводъ къ означеному сказавшему о первомъ Олегѣ, на риду съ его договорами, поданъ былъ Олегомъ Святославичемъ, который дѣйствительно плавалъ въ Царьградъ, хотя въ качествѣ пленника, а не завоевателя. Но послѣднимъ обстоятельствомъ легенда не затрудняется. Для нея достаточно и одного имени, чтобы измыслить цѣлое событие. Не забудемъ, что Олегъ Святославичъ былъ одинъ изъ тѣхъ князей, о которыхъ наиболѣе говорили въ древней Руси. Онъ и весь родъ его имѣли

Послѣ того, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего не слышно объ Олегѣ. По видимому, онъ въ это время спокойно княжилъ въ Тмутракани. Но въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Тогда Олегъ снова выступилъ на сцену: онъ опять явился съ наемными Половцами добывать Черниговъ у Владимира Мономаха, и па этотъ разъ, достичь своей цѣли. Можетъ быть, къ тому же десятилѣтнему періоду относится одинъ вещественный памятникъ Олегова княжения въ Тмутракани. Мы говоримъ о серебряной монетѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдена на Тамани. На одной сторонѣ ея видно довольно ясно лицевое изображеніе, а на другой надпись: „Господи, помози Михаилу“. Олегъ Святославичъ въ крещеніи названъ Михаиломъ, и нѣкоторые изслѣдователи съ большою вѣроятностю приписываютъ ему эту монету (см. *Древности*, изданіе Моск. Археол. Общества, т. III, вып. II.)

Съ переселеніемъ Олега Святославича въ Черниговъ, въ лѣтописи нашей прекращаются всѣ упоминанія о Тмутраканскомъ краѣ. Можемъ только догадываться, что этотъ край въ XII вѣкѣ былъ на конецъ оторванъ отъ Руси Половецкимъ ордою. Но Чернигово-Сѣверскіе князья не забывали о немъ и дѣлали иногда попытки воротить его въ свое владѣніе. На эти попытки указываетъ знаменитое Слово о Полку Игоревѣ. Оно прямо говоритъ, что Игорь Сѣверскій и его братъ Всеволодъ Трубчевскій предприняли походъ на Половцевъ съ цѣлью „поискати града Тмутороканя“. Вообще это Слово не одинъ разъ и съ замѣтнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Тмутракани. Извѣстно обращеніе поэта къ „Тмутраканскому балвану“. Мы уже имѣли случай представить свои соображенія о томъ, что подъ словомъ *бальманъ* тутъ не скрывается какой-то воображаемый идолъ, но что это значить проливъ, а въ переносномъ смыслѣ здѣсь надобно разумѣть весь Тмутраканскій край. Какого либо половецкаго идола нельзя здѣсь разумѣть и потому, что этотъ край, оторванный отъ Руси, во второй половинѣ XII вѣка снова подпалъ господству Византіи.

Византійская исторіографія XIII, XIV и XV вѣковъ мимоходомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшія судьбы Тмутраканской Руси.

своихъ поэтовъ-панегиристовъ, къ которымъ принадлежитъ и авторъ Слова о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, легенда имѣетъ обѣ осады Царяграда Олегомъ, происхожденіе Черниговское, какъ легенда о призваніи троихъ Варяговъ — происхожденіе Новогородскаго; при чемъ имя Рюрика явилось не безъ связи съ известнымъ Рюрикомъ Ростиславичемъ (о чёмъ мы захѣтили въ *Русскомъ Вѣстнике* 1872 г. ноябрь)

Въ первой половинѣ XIII вѣка вмѣсть съ сосѣдними Зихами, Абасгами и Готами она была покорена Татарами Чингисхана, по извѣстію Никифора Грекоры (онъ называетъ здѣсь Черноморскихъ и Азовскихъ Руссо-Болгаръ Тавроскиеами и Бористенитами). Писатель второй половины XIII вѣка Георгій Цахимеръ говоритъ, что Алане, Зихи, Готы и Россы, покоренные Татарами, мало по малу стали усвоивать себѣ ихъ нравы, а вмѣсть съ одеждою стали употреблять и ихъ языкъ, будучи принуждены поставлять Татарамъ вслугомъ помощительные войска. Одежда, а отчасти и нравы завоевателей довольно легко переходять къ покореннымъ народамъ. Подъ этой перемѣной нравовъ, конечно, надобно разумѣть постепенное огрубѣніе и одичаніе, которому подвергались Тмутораканскіе Болгаро-Руссы подъ царемъ дикихъ монголо-татарскихъ ордъ, наводившихъ юго-востокъ Европы, Кавказъ и Закавказье. Но что касается до языка, то онъ, конечно, не скоро утратился изъ народнаго употребленія и замѣнился языкомъ господствующаго народа. По крайней мѣрѣ о Готахъ мы знаемъ, что они долго еще сохранили свой языкъ. То же можемъ предположить и относительно Азовско-Черноморскихъ Руссо-Болгаръ, пока христіанство не было у нихъ вытеснено мусульманствомъ. По крайней мѣрѣ во второй половинѣ XIII вѣка христіанская церковь еще вполнѣ соблюдалась, судя по извѣстію Кодина о томъ, что архіепископъ Зихі и Метраховъ былъ возвышенъ въ санъ митрополита.

Въ началѣ XV вѣка Болгаро-Руссы еще разъ упоминаются по поводу войнъ Тамерлана. По извѣстію Дуки, въ его полчищахъ находились дружины Тавроскиеовъ, Зиховъ и Авазовъ.

Открытие новыхъ историческихъ источниковъ и особенно мѣстныхъ изысканія, можетъ быть, дадутъ впослѣдствіи болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбахъ этой Азовско-Черноморской Руси.

Д. Иловайскій.

ВАРЯГО-РУССКАЯ И ВАРЯГО-АНГЛІЙСКАЯ ДРУЖИНА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ XI И XII ВѢКОВЪ.

V.

Варяжские баснословные разназы¹⁾.

Миѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Византійской варяжской дружины, представлениe о многочисленности и особомъ значеніи въ ней сѣверныхъ Нордманновъ основывается на свидѣтельствѣ исландскихъ сагъ, и въ частности, Гаральдовской саги. Въ послѣдней знаменитый сѣверный принцъ, а послѣ король Норвежскій и искатель англійской короны, сложившій свою голову при Стамфордбріджѣ

¹⁾ Первые четыре главы этой статьи напечатаны въ ноябрьской книжкѣ *Журн. Мих. Нар. Просв.* за 1874 годъ. Появленіе сѣдующихъ главъ замедлилось по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ указана въ текстѣ, а другая состоить въ очень пріятномъ для насъ вниманіи къ нашему косвенному вторженію въ область первоначальной русской исторіи со стороны ученаго авторитета въ этой области. А. А. Куника, котораго мы слегка упрекнули въ томъ, что онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ вопросъ, котораго хозяиномъ онъ уже былъ давно, въ послѣднее именно время напечаталъ въ *Запискахъ Академіи Наукъ* двѣ статьи, сюда относящіяся. Въ одной изъ нихъ («О запискѣ Готскаго топарха») онъ упоминаетъ, въ приложениі, о нашемъ паслѣдованіи и хотя признается за нимъ иѣкоторую заслугу, но эта заслуга состоить въ разъясненіи хотя важнаго, но побочнаго для всей статьи вопроса. По главному вопросу онъ высказываетъ свое почти полное несогласіе и если дѣлаетъ уступку, то самую маловажную. При этомъ онъ отсылаетъ настъ къ другой своей статьѣ, имѣющей скоро появиться въ «Каспіи» акад. Дорва. Благодаря благосклонной любезности автора, мы получили возможность ознакомиться съ этой второю статьей г. Куника прежде ея выхода въ свѣтъ и ради ея иѣсколько пріостановились своею работой. Прочитавъ большую и поучительную статью А. А. Куника, мы все-таки остаемся

(1066 г.), является предводителемъ Вэриговъ, состоящихъ на службѣ Византійского императора, совершаетъ со своими земляками чудеса храбрости и военной хитрости, завоевываетъ для Греческихъ царей десятки и едва не сотни городовъ, даже цѣлыхъ страны,— и потому возвращается на сѣверъ, не оставивъ послѣ себя яснаго слѣда ни въ хроникахъ Византійскихъ, ни въ лѣтописяхъ южно-италіанскихъ, близкихъ по мѣсту своего происхожденія къ театру его подвиговъ.

Ужь одно это можетъ оправдать сомнѣніе въ исторической достовѣрности *всего* разкзаза и возбуждаетъ вопросъ о свойствѣ и качествѣ того исторического материала, которымъ мы по необходимости должны пользоваться. Вопреки нашему первоначальному плану, оказалось, что мы не можемъ обойти вопроса объ исландскихъ сагахъ — безъ вреда для доказываемаго нами положенія. Мы не нашли въ русской ученой литературѣ сочиненія, на которое могли бы сослаться въ этомъ вопросѣ, а съ другой стороны — убѣдились, что самые почтенные и основательные изслѣдователи русской исторіи при пользованіи сагами рѣдко даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, съ какого рода источниками они имѣютъ дѣло, то-есть, забываютъ первую обязанность критики. Мы не можемъ идти впередъ, не разчистивъ предварительно пути предъ собою и не отыскавъ твердой почвы. Мы постараемся прежде всего выдѣлить въ сагахъ тотъ элементъ, который нужно признать совершенно неисторическимъ, и потому посмотримъ, что въ нихъ останется исторического. Съ этой цѣллю, мы сначала приведемъ нѣсколько образчиковъ, наглядно указывающихъ необходимость болѣе критического и благоразумнаго отношенія къ сагамъ, даже историческимъ, чѣмъ то, какое вообще принято въ нашей наукѣ. При выборѣ примѣровъ мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, чтобы они были прямо полезны для нашей темы и относились именно къ Варягамъ.

Мы уже упомянули о Греттировой сагѣ и о лицахъ, которыхъ,

также при своемъ мнѣніи. Сильные удары, нанесимыя въ ней противникамъ норманийской теоріи въ русской исторіи, на насъ не падаютъ, ибо мы разсуждаемъ исключительно о Византійскихъ Варягахъ. А что касается этихъ послѣднихъ, то мы еще не успѣли въ первой статьѣ высказать всѣ свои соображенія и доводы объ ихъ славяно-русскомъ происхожденіи. Поэтому мы воспользовались статьей А. А. Куника тѣль, какъ это, по нашему мнѣнію, болѣе всего требовалось интересами науки, то-есть, усиливъ нѣкоторыя кѣста, направленныя противъ противоположнаго нашему мнѣнія. Остальное пусть пока остается безъ перемѣны

еа свидѣтельству, отправились въ Константинополь для поступленія въ варяжскую службу. Разваѣ о нихъ находится въ концѣ саги и не относится къ самому ея герою, знаменитому скальду Греттиру, а составляетъ исторію мести за его убийство, совершившееся въ Византии. Вотъ этотъ разказъ:

Торбюря Аунгуль, убийца Греттира, избѣгая встрѣчи съ братомъ убитаго, удалился въ Миклагардъ, „куда въ то время отправились многіе Норманны и поступили тамъ на службу“ (*I thenna tima fórg margt Nordhmannna út i Miklagardh, ok ganga þar á málá.* См. Antiqu. Russes II, 298). Какъ скоро узналъ объ этомъ братъ Греттира, Торстейнъ Дромундъ, онъ сейчасъ же продалъ свои большія владѣнія въ Норвегіи и отправился вслѣдъ за преступникомъ. Оба прибыли почти въ одно время въ Миклагардъ, гдѣ въ то время былъ царемъ Михаилъ Каталакъ (*tha var Micael katalak konungr ubr Miklagardhī*), и оба безъ труда были приняты въ среду Взринговъ, какъ скоро сдѣлалось известно, что они Норманны; но Аунгуль и Дромундъ сначала не узнали другъ друга. Въ скоромъ времени случилось, что Взринги должны были отправляться въ походъ, а былъ такой законъ, чтобы при этомъ случаѣ предварительно совершался военный смотръ (*vorpnathing*), при чемъ каждый показывалъ свое оружіе. Аунгуль показалъ мечъ, принадлежавшій нѣкогда Греттиру, и когда его спросили, отчего такой прекрасный мечъ имѣть въ срединѣ зазубрину, онъ рассказалъ о томъ, какого храбраго человѣка побѣдилъ онъ, и какъ онъ разсѣкъ своему страшному противнику черепъ этимъ самымъ мечемъ: съ тѣхъ поръ и осталась зазубрина. Дромундъ взялъ вслѣдъ за другими диковинное оружіе, какъ будто желаю полюбоваться имъ, но тотчасъ же разсѣкъ имъ голову Аунгула. Власти распорядились немедленно схватить Дромунда, такъ какъ онъ оскорбилъ священное собраніе (*leilögu thingi*). Дромундъ въ оправданіе рассказалъ свою исторію и указалъ на долгъ мести, лежавшій на немъ, но такъ какъ онъ не могъ представить свидѣтелей, и такъ какъ было постановлено закономъ, что убийство наказывается смертною казнью, то онъ былъ заключенъ въ темницу, и затѣмъ должна была послѣдовать казнь, еслибъ его никто не выкупилъ. Въ тюрьмѣ Дромундъ нашелъ себѣ товарища въ другомъ осужденномъ, который находился въ совершенномъ уныніи. Чтобы нѣсколько ободрить его, Дромундъ запѣлъ пѣсню; онъ имѣлъ отличный громкій голосъ и на сей разъ не щадилъ его, такъ что стѣны дрожали. Проходила по улицѣ, соѣднею съ тюрьмой, одна знатная Византійская дама, по

имени Спесь (Spes), вышедшая замужъ за человѣка недостойнаго по своему происхожденію, за простаго Грека, по именіи Сигурда. Она услышала пѣніе; съ большою свитой, которая ее сопровождала, подошла она къ тюрьмѣ, вступила въ разговоръ съ Торстейномъ и узнавъ его исторію и уже заинтересовавшись имъ, она рѣшилась выкупить его, а вѣстати и его товарища по заключенію, такъ какъ Дромундъ не хотѣлъ свободы себѣ одному. Деньги были заплачены Вэригамъ, а Торстейнъ Дромундъ отправился въ домъ своей благодѣтельницы, которая приняла его и стала держать у себя тайно отъ мужа. Впрочемъ, когда Вэриги ходили въ походъ, то и Дромундъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, обнаруживая необычайное геройство. Въ то время въ Миклагардѣ былъ Гаральдъ, сынъ Сигурда; Торстейнъ приобрѣлъ его дружбу и тѣмъ болѣе отличался среди другихъ, что всегда имѣлъ видъ богатаго человѣка, такъ какъ Спесь въ изобилии снабжала деньгами своего любовника. Но Византіецъ Сигурдъ былъ недоволенъ какъ измѣнившимся обращеніемъ съ нимъ его жены, такъ и замѣтнымъ разореніемъ семейнаго состоянія, вѣренного попечѣнію госпожи дома. Угадывая причину, онъ хотѣлъ уличить свою супругу и однажды вечеромъ подстерегъ было ее съ Дромундомъ, но Спесь запрятала любовника въ сундукъ съ драгоцѣнными вещами. Въ другой разъ попытка мужа была также неудачна, ибо Спесь успѣла скрыть Варяга подъ грудою платя, на которую сама и сѣла; въ третій разъ она удалила его чрезъ потайную дверь, нарочно для такихъ случаевъ сдѣланную въ комнатѣ, и упорно отпиралась въ томъ, чтобы кто-нибудь былъ у нея предъ входомъ мужа, хотя это видѣть не одилъ онъ, но и многіе призванные имъ свидѣтели. Тогда Сигурдъ потребовалъ, чтобы Спесь очистила себя присягою предъ мѣстнымъ епископомъ. Невѣрная жена отвѣчала, что она этого желаетъ не менѣе его самого, потому что не хочетъ оставаться подъ тяжестью позора и безславія, навлеченного на нее ревнивымъ мужемъ. На слѣдующій день мужъ и жена явились къ епископу, Сигурдъ обвинилъ жену въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ расточеніи имущества: епископъ пригласилъ обвиняемую принести очистительную присягу, и когда на это послѣдовало согласіе съ ея стороны, назначилъ срокъ и день. Само собою разумѣется, что ранѣе, чѣмъ такой срокъ наступилъ, Спесь повидалась съ Торстейномъ, и оба условились какъ имъ дѣйствовать.

Въ тотъ день, когда слѣдовало присягать, была сырая, дождливая погода. Спесь, въ сопровожденіи многочисленныхъ спутницъ и

спутниковъ, пришла къ такому мѣсту, гдѣ была большая грязная лужа. Тутъ стояло много нищихъ; одинъ изъ нихъ, отличавшися высокимъ ростомъ и бѣлою бородой, учили предложилъ болѣе другихъ богато одѣтой госпожѣ перенести ее на рукахъ черезъ лужу. Она согласилась, и случилось вотъ что: когда нищій со своею ношкой достигъ средины лужи, онъ зашатался подъ тяжестю и страсти и бремени, но какъ-бы напрягши всѣ силы, успѣлъ донести даму до края грязнаго мѣста, а здѣсь уже не выдержалъ и повалился, но такъ, что уронилъ Спесь на сухой край лужи, а самъ погрузился въ грязь, и лежа здѣсь, запачканою рукой схватился за колѣно и бедро своей дамы. Та поднялась въ негодованіи и грозила прибить несчастнаго; но когда окружающіе вступились за услугливаго и ни въ чёмъ неповиннаго бѣдника, то она сама склонилась надъ нимъ и щедро наградила его, высыпавъ изъ своего кошелька много золотыхъ монетъ. Легко догадаться, что подъ видомъ нищаго скрывался не кто другой, какъ самъ Торстейнъ Дромундъ. Спесь явилась потомъ въ храмъ, гдѣ собралось много народа; мужъ повторилъ предъ епископомъ свои обвиненія, а она поклялась, что никто не касался ея, исключая мужа и того нищаго, который переносилъ ее черезъ лужу и теперь стоитъ въ толпѣ, и никому она не давала денегъ, кроме этого нищаго. Очистительная присяга была признана вполнѣ удовлетворительною, но послѣ этого родные оправданной женщины потребовали для нея развода съ мужемъ, который напрасно подвергъ ее безславію; и она сама настаивала на томъ же. Спесь получила разводъ и значительную часть изъ общаго имущества, а вслѣдъ затѣмъ вышла замужъ за своего любовника. Послѣ этого Дромундъ пробылъ еще два года среди Взинговъ въ Миклагардѣ и пользовался большими расположениемъ Гаральда Гардрада, который приходился ему родственникомъ и, какъ думали, помогалъ ему своими советами въ прежнихъ затруднительныхъ положеніяхъ. Возвратившись потомъ на родину, Торстейнъ пользовался общимъ уваженіемъ и былъ даже принятъ въ число придворныхъ (*hirdhmadhr*) короля Магнуса Доброго. Когда прошло еще девять лѣтъ, воротился изъ Миклагарда и Гаральдъ сынъ Сигурда, и царствовалъ сначала вмѣстѣ съ Магнусомъ, а потомъ, по смерти послѣдняго, единодержавно, но не пользовался такою любовию, какъ Магнусъ, особенно со стороны прежнихъ друзей и приверженцевъ послѣдняго, потому что онъ былъ суровъ и строгъ въ наказаніяхъ (*thviat hann var hardhr ok refsingasamr*). Торстейнъ Дромундъ былъ тогда старъ лѣтами (прошло

шестнадцать лѣтъ послѣ убѣйства Греттира), но еще бодръ и силенъ. Многіе совѣтовали ему вступить въ службу Гаральда (ок gjöast honum handgenginn), но Торстейнъ не давалъ отвѣта. За то онъ охотно послѣдовалъ внушенію и совѣту своей жены Спесь и вмѣстѣ съ нею отправился въ Римъ замаливать грѣхи юности.

Нечего говорить о томъ, что романтическая исторія Торстейна Дромунда хотя и разыгрывается въ Константинополь, но своимъ содержаніемъ весьма мало напоминаетъ Византійскіе нравы и обычай, а скорѣе противорѣчить имъ самымъ радикальнымъ образомъ. Если же любовная исторія Вэринга Дромунда и дамы, именуемой Спесь, не имѣть ничего не только достовѣрнаго, но даже правдоподобнаго, то какую историческую достовѣрность имѣть самое пребываніе ея героя въ Константинополь, куда онъ отправленъ разкащикомъ саги именно для того, чтобы тамъ быть героемъ романтическаго похожденія?

Разказъ о Византійцѣ Сигурдѣ и его женѣ, носящей имя, въ такой же степени чуждо Византійскимъ святцамъ, какъ и имя ея супруга, принадлежитъ не къ области историческихъ фактовъ, а къ литературной исторіи бродячихъ сказокъ, быть можетъ — къ исторіи „литературнаго общенія Востока и Запада“*. Въ книжѣ А. Н. Веселовскаго¹⁾ приведенъ разказъ изъ Монгольского сказочного сборника (Арджи-Борджи), совершившему напоминающей послѣднюю часть исторіи Варяга-Торстейна съ Византійскою дамою, то-есть, очистительную присягу и клятву съ reservatio mentalis. Тамъ на сценѣ находится царская дочь Нарань-Герель, также пойманная на мѣстѣ преступленія, но точно также ускользнувшая и не уличенная. Отъ царевны потребовали, чтобы она принесла очистительную присягу надъ яичнными зернами. Назначенъ былъ во всеобщее свѣдѣніе день, когда царевна принесетъ всенародно клятву. Но царскій министръ Сарань, играющій въ монгольской сказкѣ роль нашего Варяга, имѣлъ въ своей законной женѣ умную совѣтницу, которая убѣдила его вымазаться черною краской, полузакрыть одинъ глазъ, притвориться хромымъ и юродивымъ и въ этомъ видѣ вмѣшаться въ толпу, которая соберется на судилище и т. д. Царевна, конечно, замѣтила своего возлюбленнаго, узнала его въ юродствующемъ старикѣ съ клюкой, и поклялась, что она никогда не знала ни одного мужчины, кроме развѣ вотъ этого юроди-

¹⁾ Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказания о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 24.

ваго. Такъ какъ она говорила правду, то зерна и не поднялись вверхъ, что и послужило доказательствомъ правоты ея, а для всѣхъ присутствующихъ и ея невинности.

Бенфей (*Pantschatantra, Vorrede p. XXV*) указываетъ на почти буквальное сходство съ монгольскимъ разказомъ одного французского fabliau, а издатели и комментаторы саги о Греттире давно замѣтили сходство эпизода о Спесѣ съ судомъ Божиимъ въ средневѣковомъ романѣ о Тристанѣ и Изольдѣ. Романъ этотъ переведенъ былъ на норренскій языкъ въ 1226 году по приказанію короля Норвежскаго Гакона Гаконсона. Считается, однако, болѣеѣ вероятнымъ, что *Spesar thâtr* (сказание о Спесѣ), по крайней мѣрѣ въ устной редакціи, появилось раньше знакомства съ французскимъ романомъ и не находится въ зависимости отъ него.

Очень можетъ быть, что разказъ какъ на сѣверѣ, такъ и на западѣ Европы принесенъ съ востока. Весьма недавно (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь 1874 г.) напечатана, въ переводѣ И. П. Минаева, прелестная по своей наивной формѣ и лукавому содержанію индійская сказка, содержащая, вѣроятно, первоначальную основу какъ монгольского разказа, — Арджи-Борджи въ пѣломъ своемъ составѣ несомнѣнно представляетъ только пересказъ индійского подлинника, проникшаго къ Монголамъ вмѣсть съ буддизмомъ, — такъ и западныхъ его редакцій. Тамъ тотъ же судъ Божій, на которомъ жена, питомица брахмана, обманывавшая своего мужа вмѣсть съ однимъ плутомъ, приносить очистительную присягу: „не знала я прикосновенія руки другаго человѣка, бромъ брахмана“, и затѣмъ стала входить въ огонь. Въ тотъ же мигъ плугъ обратился къ народу: „полюбуйтесь на дѣло пурогиты: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь“, — и *схватилъ ее за руку* и т. д.

Самое имя византійской госпожи, которое также мало отзывается греческими звуками, какъ и скандинавскими, есть, быть можетъ, признакъ и оставшійся слѣдъ восточного происхожденія варяжскаго эпизода въ сагѣ о Греттире. Спесѣ напоминаетъ царскихъ стражей или часовыхъ, называемыхъ въ Зендавестѣ *Spas*, и слѣдовательно, напоминаетъ смотрителя царскаго сада, поймавшаго Наранъ-Герель на восходѣ солнца вмѣсть съ Сараномъ. Такое превращеніе именъ и ролей очень возможно при переходѣ сказки отъ одного народа къ другому.

Впрочемъ, пусть это рѣшаютъ тѣ, кого вопросъ ближе касается. Мы совершенно не имѣемъ въ виду изслѣдывать филіацію различ-

ныхъ редакцій одной и той же сказки у разныхъ народовъ. Наша цѣль состоить только въ томъ, чтобы отмѣтить неисторический характеръ того эпизода въ исландской сагѣ, въ которомъ Варягъ Торстейнъ является дѣйствующимъ лицемъ, и только намекнуть на возможность „посредничества Византіи“ въ передачѣ — литературной и устной — общаго востоку и западу сказочнаго достоянія.

По первому вопросу мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Намъ могутъ сказать: положимъ, что эпизодический разказъ о Спесь есть бродячая сказка, пріуроченная къ Варягу Торстейну Дромунду, но разказъ о его мести за скальда Греттира и о совершеніи этой мести именно въ Константинополѣ не имѣть внутренней связи съ романтическимъ, сказочнымъ эпизодомъ и засвидѣтельствованъ достаточно въ своемъ чисто историческомъ характерѣ ссылкою на Стурле Тордсона, помѣщеннюю въ концѣ саги и отдалѣнаго скаванія (*thâthr*). Но судья (*lögsmadhr*) Стурле Тордсона жилъ въ концѣ XIII столѣтія (\dagger 1284) и его замѣчаніе о Греттире, которому досталась мало завидная, хотя и совершенно исключительная судьба быть отомщененнымъ въ Миклагардѣ, основано, очевидно, на знакомствѣ съ устпою или съ первоначальною письменной редакціей Греттировой саги: ибо не будь саги, какъ Стурле могъ чрезъ 150 лѣтъ знать о такомъ частномъ фактѣ? Отсюда можно заключать только о существованіи двухъ редакцій Греттировой саги и объ очень позднемъ происхожденіи той редакціи, которую мы имѣемъ, то-есть, съ присоединеніемъ не только сказочнаго эпизода, но и учено-литературныхъ соображеній или замѣчаній. Характеръ литературной редакціи или даже сочинительства вообще не чуждъ Греттировой саги, по крайней мѣрѣ той ся части, которая только и важна для насъ. Несомнѣнно знакомство ея составителя не только съ устными преданіями, но и съ другими сагами. Уже разказъ о прибытіи Торстейна Дромунда въ Царьградъ и о встрѣчѣ его съ Аунгуломъ сильно напоминаетъ встрѣчу другаго Торстейна съ его противникомъ Гестонъ также среди Вэриговъ въ Миклагардѣ, и это сходство было бы, вѣроятно, еще сильнѣе, если бы Вига-Стирова сага дошла до насъ не въ такой новой, по памяти возстановленной редакціи (см. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Пар. Просв.*, стр. 115). Мы не относимъ вполнѣ этого сходства на счетъ возстановителя Вига-Стировой саги по двумъ соображеніямъ: 1) потому что Греттирова сага не была издана во время Арна Магнусона, и 2) потому что не въ этомъ только случаѣ замѣчается зависимость Гретты отъ другихъ сагъ.

Она несомнѣнно позднѣе по своему происхожденію саги о Гаральдѣ, ибо послѣдняя ничего не знаетъ о ея герояхъ и о Дромундѣ, будто бы находившемся въ такихъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ норвежскому принцу. За то никакъ нельзя отрицать знакомства у автора Гретты съ Гаральдову сагой. На основаніи этой послѣдней сдѣланы хронологическая, почти ученыя замѣчанія, приведенные нами выше съ намѣреніемъ. Все основано здѣсь на разчетѣ времени, протекшаго отъ битвы при Стиклестадѣ (1030 г.), послѣ которой Гаральдъ удалился сначала въ Гардарику, а потомъ въ Миклагардъ, до смерти короля Магнуса въ 1047 году. Убѣйство Греттира по сагѣ относится къ 1031 году, прибытіе Торстейна Дромунда въ Миклагардъ и месть надъ Торбюромъ Аунгуломъ, по видимому, къ 1033 или 1034 г.. Чрезъ 11 лѣтъ, то-есть въ 1044 или 1045 году, Гаральдъ, по сагѣ, возвращается въ Норвегію. Это, положимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, но только спрашивается: какъ народная память, предполагаемая хранительница сагъ до ихъ письменной, очень поздней редакціи, удержала такія искусныя и точныя хронологическія подробности? Несомнѣнно, повторяемъ, ученое соображеніе данныхъ Гаральдовой саги съ какимъ-либо хронологическимъ руководствомъ (книжка Аре Фроди?) или съ собственою ученой памятью саго-составителя. Точно также на основаніи знакомства съ Гаральдову сагой сдѣлана замѣтка о большемъ числѣ Скандинавовъ, отправившихся въ Миклагардъ и сдѣлавшихся тамъ Вѣрингами при Михаилѣ Каталакѣ. Въ первой части своей статьи мы почти повторили ошибку, которую всѣ дѣлаютъ, придавая словамъ Гретты, сюда относящимся, самостоятельное значеніе, находя здѣсь свидѣтельство о болѣе частыхъ, чѣмъ прежде, поѣздкахъ Скандинавовъ въ Византію (С. А. Гедеоновъ и А. А. Куникъ). Между тѣмъ, здѣсь просто говорится въ однократномъ смыслѣ и въ однократномъ глагольномъ видѣ: *eo tempore complures Nordmanni Miklagardum profecti, ibi militiae nomina dederunt*, и разумѣются спутники Гаральда Норвежскаго.

Сказаннаго достаточно о Греттировой сагѣ. Позднее происхожденіе ея также несомнѣнно, какъ и поздняя письменная редакція, всѣми относимая къ концу XIII или началу XIV вѣка. Послѣ того, что мы прибавили къ этому отъ себя, мы не считаемъ возможнымъ сколько-нибудь опираться на такомъ источникѣ. Болѣе къ нему мы не воротимся.

Обращаемся къ Гаральдовой сагѣ и къ подвигамъ этого предводителя Вѣринговъ въ Сицилійскомъ походѣ. Эти подвиги, по всѣмъ

редакціямъ, состояли въ завоеваніи четырехъ городовъ и всякий разъ посредствомъ новой военной хитрости. Первый городъ взять посредствомъ птицъ, которая имѣли свои гнѣзда въ городѣ и были паловлены въ лѣсу, куда онѣ летали для добыванія пищи. Къ спинамъ этихъ птицъ прикреплены были сухіе смолистные сучья сосноваго дерева, намазанные воскомъ и сѣрой, и потому съ одного конца воспламененный. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городѣ; жители испугались, вышли и стали просить мира и прощенія за свои дерзкія рѣчи, произнесенные ранѣе противъ императора, и потому сдались (*Heimskringla*, гл. 6). Давно замѣчено сходство и тожество этого рассказа съ извѣстнымъ взятиемъ Искоростена русской княгинею Ольгой, и даже тутъ находили какую-то опору для норманнского происхожденія Ольги. Д. И. Иловайскій, опровергая такой выводъ, замѣтилъ, что то же самое разказывается о Чингизъ-ханѣ. Но указаніе на Чингизъ-хана ничего не объясняетъ, потому что онъ могъ подражать либо Ольгѣ, либо Гаральду. Мы можемъ указать лицъ, которыхъ ту же хитрость употребляли вполнѣ самостоятельно. Это, впервыхъ, Александръ Македонскій и эмиръ Багдадскій Ибнъ-Хосровъ, жившій въ самомъ концѣ X-го столѣтія. Вотъ что о нихъ повѣствуетъ армянскій историкъ Асохинъ (см. о немъ въ III-й главѣ): „Ибнъ-Хосровъ мудростю своею, равной мудрости Александра, удивлялъ весь міръ. Приказаниемъ онъ бралъ города, словомъ изгонялъ жителей изъ крѣпостей. При осадѣ одного города жители не соглашались сдать его; тогда эмиръ, въ доказательство покорности, потребовалъ, чтобы изъ каждого дома дали ему по собакѣ въ видѣ дани. Городъ стоялъ недалеко отъ тростниковаго лѣса, и въ немъ все дома были построены изъ тростника. Когда онъ получилъ надлежавшее количество собакъ, приказалъ обмазать ихъ нефтью, поджечь и пустить. Всѣ онѣ сквозь водосточные отверстія городской стѣны, пролѣвали въ городъ по домамъ своимъ и такимъ образомъ зажгли весь городъ. Это мудрое дѣйствіе его напоминаетъ Самсона, который тремя стами лисицъ зажегъ нивы иноплеменниковъ, или Александра, который посредствомъ птицъ поджегъ деревянный дворецъ, находившійся на высокой скалѣ“.

Не знаемъ мы, какой это дворецъ подожгень былъ Македонианами посредствомъ птицъ; у псевдо-Каллиссеона мы не нашли вполнѣ подходящаго разказа, а только нѣсколько похожей и напоминающей извѣстную хитрость Ганнибала (см. *Pseudo-Callisthen ed. Didot*, p. 68). Но быть можетъ, Асохинъ зналъ о птицахъ изъ армянской редакціи псевдо-Каллиссеона, принадлежащей, вѣроятно, Моисею Хоренскому

и до сихъ поръ не переведеной и не вполнѣ изслѣдований (см. Zarnke, *Pseudo-Callisthen*, p. 87).

Къ этому мы должны прибавить, что и эмиръ Хосровъ не только собакъ мазалъ нефтью, но то же самое, для какой-то непопятной цѣли, дѣлалъ и съ голубями: „Зажегши у голубей крылья, смазанныя нефтью, онъ пускалъ ихъ по поднебесью“ и этими поступками вызвалъ даже негодованіе почтеннаго переводчика Асохика на русскій языкъ (стр. 137). Припомнимъ, что все это совершилось и все это разказывалось въ Армении современно съ пребываніемъ тамъ и вблизи русскаго корпуса, почти современно съ зимовками Варяговъ въ Халдіи, и тогда мы будемъ, по всей вѣроятности, гораздо ближе къ родословной Гаральдовыхъ птицъ и Ольгиныхъ воробьевъ и голубей. Но такие разказы, принесенные Варягами и Нордманнами съ береговъ Босфора, быть можетъ, подслушанные у военныхъ товарищъ, первоначально такъ мало прикрѣплялись къ опредѣленной личности, что Саксонъ грамматикъ, датскій историкъ XIII вѣка, считалъ себя въ правѣ перенести ихъ на датскихъ баснословныхъ королей Гаддинга (*Hadding*) и Фридлейфа.

Другой (по порядку четвертый) городъ, долго осаждаемый, былъ взятъ прсредствомъ такой хитрости: Гаральдъ притворился больнымъ и потомъ мертвымъ и устроилъ себѣ пышную похорону; горожане не только согласились на просьбу Вэринговъ—допустить погребеніе ихъ знаменитаго предводителя внутри городскихъ стѣнъ, но еще аббаты и монахи различныхъ монастырей спорили между собою о чести имѣть гробницу въ своемъ монастырѣ. Когда Вэринги принесли роскошно украшенный погребальный ящикъ къ городскимъ воротамъ, они опустили его и поставили здѣсь почерекъ, а сами выхватили мечи, которые у нихъ были подъ платьемъ, и т. д.

Но Сенъ-Кентенскій каноникъ Дудо, нѣсколько старшій современникъ Гаральда (писалъ около 1015 года), ту же самую хитрость приписываетъ извѣстному датскому (норманнскому) пирату Алстингу или Гастингу, имя которого долго хранилось въ народной памяти Франковъ, много отъ него пострадавшихъ, и который является предводителемъ разбойниччьихъ шаекъ отъ 866 до 892 года. Мы разумѣемъ исторію раззоренія города *Луны* (*Luna, Luni*) въ Тосканѣ: *Dudo, de actis Normannorum* (*Duchesne, Histor. Normann. scriptores*, pag. 62).

Всльдѣ за Дудо, ту же самую исторію о Гастингѣ повторяютъ Робертъ Васъ (*Wace*), англо-норманнскій труберъ второй половины XII-го вѣка, Бенуа де-Сент-Моръ, придворный труберъ Генриха II

Плантагенета, и Вильгельмъ Жюльежскій (Guilelmus Gemeticensis), авторъ „Дѣяній“ герцоговъ Норманнскихъ (около 1137 года). Можетъ быть, не лишнее замѣтить, что сочиненіе послѣднаго, для коего Дудо послужилъ источникомъ, было извѣстно и на Скандинавскомъ сѣверѣ.

Съ другой стороны, то же самое, что о Гастингѣ, разказывалось и о норманнскихъ герояхъ южной Италии, — прежде всего о самомъ Робертѣ Гвискардѣ — Вильгельмомъ Апулійскому, писателемъ конца XI и начала XII вѣковъ (*Gesta Roberti Wiscardi: Pertz SS. IX*, 260), потомъ о его знаменитомъ сыне, героѣ первого Крестового похода. Извѣстенъ интересный эпизодъ, въ которомъ остроумная дочь императора Алексія, Анна Комнина, съ большими юморомъ описываетъ переездъ притворно умершаго Боемунда въ гробницѣ съ востока (изъ Антиохіи) въ Италію (XI, 341): можетъ быть, это — настоящій и дѣйствительный путь распространенія сказки, которая въ XI и XII вѣкахъ разгуливала по Европѣ. Изъ Алексіады мы видимъ, что она была хорошо знакома въ Византіи. Оттонъ Фрейзингенскій дѣлаетъ изобрѣтателемъ Гаральдовы хитрости короля Рожера Сицилійскаго, но переносить сцену обманчивой погребальной процессіи въ предѣлы земли Греческой и обманутыми представлять греческихъ монаховъ (*Gesta Frederici*, р. 54 школьн. изд.).

Въ началѣ XIII вѣка или въ самомъ концѣ XII, Саксонъ грамматикъ приписываетъ какъ Гаральдовыхъ птицъ, такъ и Гаральдовы похороны баснословному Датскому королю Гадингу, и подобно Оттону Фрейзингенскому, то и другое событие помѣщается на востокѣ; но этимъ востокомъ для него служить наша Русь, которая и въ исландскихъ сагахъ часто сливаются въ одно съ Византійскою Греціей. Посредствомъ птицъ Гадингъ взялъ городъ Дуну (*Dunam*), принадлежавшій Гандувану, царю Геллеспонта, и потомъ, одержавъ еще другія побѣды на востокѣ (*multo orientalium robore debellato*), воротился въ Швецію¹). Король Датскій Фрото устроилъ себѣ притворные похороны въ войнѣ съ властителемъ „Русского народа“ (*Ruthenae gentis tyrapnum*) для взятія города Полotsка (арид *urbum Peltiscam*). Наконецъ, Матвѣй Парижскій похоронно-военную хитрость приписываетъ Фридриху II Гогенштауфену.

Не останавливаясь на двухъ другихъ хитростяхъ Гаральда, изъ

¹⁾ *Saxon Grammatici liber I*, p. 12 (ed. *Stepham*) *liber II*, p. 21. Ср. варочень *Annales Ryenses: Pertz, SS. XVI*, 392.

которыхъ одна напоминаетъ взятие Камилломъ города Вейи, а другая ужъ очень проста и потому не только правдоподобна, но и могла повторяться безчисленное множество разъ, мы вправѣ все-таки спросить: какую историческую достовѣрность имѣть сицилійскій походъ Гаральда, состоящій сплошь и всепѣль изъ подвиговъ такого рода, что они принадлежали всѣмъ и никому, и не падаетъ ли варяжество Гаральда и его Скандинавовъ въ область вымысла и фантазіи вмѣстѣ съ походомъ и его сказочными подробностями? Мы, правда, увидимъ, что такъ обставленъ только одинъ изъ южно-италіанскихъ походовъ Норвежского принца, а другой засвидѣтельствованъ гораздо лучше; но тѣмъ не менѣе, вопросъ остается пока въ своемъ ограниченномъ объемѣ. Считаютъ иѣста, въ которыхъ упоминаются скандинавскіе Вѣринги, насчитываютъ ихъ до сотни: но цѣлый десятокъ мѣстъ вышеозначенного характера, цѣлый десятокъ случаевъ, въ которыхъ Вѣринги являются съ птицами и въ похоронной процессіи, мы охотно промыслили бы на одно простое упоминовеніе какого-нибудь будь одного „скандинаво-византійскаю Вѣринга“ писателемъ современнымъ Олафа и Гаральду.

Мы увидимъ далѣе, что Гаральдъ въ сагѣ представляется героемъ одной романтической исторіи, основа которой состоитъ въ томъ, что влюбленный и ищущій руки племянницы (или внучки) принцъ возбуждаетъ ревность тетки (или бабки), а такъ какъ этой ревнивицею была сама императрица Зоя, то Гаральдъ былъ отправленъ въ темницу и освобожденъ былъ изъ нея только чудомъ; затѣмъ, поднявъ народное восстание противъ императора, мужа Зои, и похитивъ Византійскую принцессу, онъ увезъ ее на своемъ кораблѣ, но удовольствовалъвшись тѣмъ, что показалъ свое молодечество, отославъ принцессу назадъ въ полной неприкословенности. Другая редакція добавляетъ при этомъ, что Гаральдъ явился при Византійскомъ дворѣ подъ чужимъ именемъ и скрывая свое званіе (подъ именемъ Норд-брікта). Очень многое напоминаетъ здѣсь сюжетъ нѣмецкой поэмы о королѣ Ротерѣ, дѣйствіе которой также совершается въ Константинополѣ, и даже Византійский императоръ носить имя мужа Зои. Ротерь, король и владѣтель города Бари, точно также является въ Византію подъ чужимъ именемъ; въ него влюбляется молодая царская дочь; при ея помоши онъ устроиваетъ подземельный ходъ къ заключеннымъ въ тюрьмѣ своимъ рыцарямъ, которые были сюда посажены за то, что явились ранѣе со сватовствомъ Ротера той же молодой царевны; подобно Гаральду, который, по редакціямъ

болѣе полнымъ, сражался и побѣдилъ страшное языческое войско, угрожавшее императору, — Ротеръ разбиваетъ Вавилонского короля Имелота; присланный вѣстникомъ побѣды, онъ объявляетъ совершенное пораженіе Константина и близость страшныхъ язычниковъ; испуганные царица и царевна просятъ его взять къ себѣ на корабль и увезти за море, но онъ береть съ собою только дочь, а мать оставляетъ, впрочемъ объяснивъ ей обманъ. Этимъ исторія еще не кончается. Царевна была похищена изъ Бари обратно хитростю людей, посланныхъ Константиномъ; Ротеръ, переодѣвшись пилигримомъ, снова является въ Константинополь отыскивать свою невѣstu-жену, попадаетъ въ руки враговъ и быть уже присужденъ къ казни, но *возстаніе народа*, греческихъ графовъ и рыцарей, которымъ Ротеръ-Дитрихъ окказалъ прежде разныи услуги, освобождаетъ его; во главѣ *возстанія* стоялъ графъ Арнольдъ, предводительствуя 15-ю тысячами своихъ васалловъ. Воевавши Греки, одержавъ верхъ, однакоже рѣшили пощадить цара, и Ротеръ получилъ свою жену ужъ изъ рукъ отца.

Поэма о королѣ Ротерѣ имѣетъ себѣ двойника въ древне-сѣверной сагѣ о Дитрихѣ королѣ Бернскомъ, письменная редакція которой принадлежитъ второй половинѣ XIII вѣка. Роль Гаральда и Ротера, хотя въ видѣ значительно отличномъ, играетъ здѣсь Озантриксъ, сынъ Гертніда, короля Русскаго, получившій отъ отца Вилькинскую землю (*Wilkinaland*), тогда какъ его братъ *Владиміръ* (*Waldemar*) получилъ Россію и Польшу, а другой и самый младшій *Илья* (*Ilias*) — Грецію. Озантриксъ ищетъ руки Оды, дочери *Милія* (*Milias*), короля Гуналанда, и подъ ложнымъ именемъ Дитриха добываетъ ее не столько хитростью, сколько прямую силою. Сага о Дитрихѣ часто ссылается на разказы Вѣринговъ — совершенно также, какъ и относительно романтической исторіи Гаральда съ Зоей и его племянницей — Вѣринги, бывавшіе въ Миклагардѣ и вращавшіеся потомъ въ сѣверныхъ (Скандинавскихъ) странахъ, являются у Снорре Стурлесона ея поручителями и первыми сообщителями.

Не наше дѣло разбирать, которое сказаніе имѣло вліяніе на образованіе, складъ и развитіе другаго. Но, по видимому, повѣсть о Гаральдѣ въ XII вѣкѣ въ своей любовно-романтической части разказывалась нѣсколько иначе. Вильгельмъ Мальмѣсберійскій (\dagger 1141), смѣшивая Гаральда относительно прозвища, но вѣрно называя его братомъ св. Олафа, пишетъ, что онъ въ юности, находясь на службѣ Византійскаго императора, *обезчестилъ одну знатную женщину* и за

то, по приказанию императора, былъ брошенъ на съданіе льву, во однѣми голыми руками задушилъ страшнаго звѣра (Haroldus Horvagus, frater Olavi, qui etiam imperatori Constantinopolitano dum juvenis militaverat, cuius jussu pro stupro illustris fœminæ leoni objectus belluam immanem nudo lacertorum nisi suffocavit. Это повторяется и у другихъ позднѣйшихъ писателей). Теперь этого льва нѣть въ Гаральдовой сагѣ, но очень вѣроятно, что онъ въ ней былъ, точно также, какъ есть сцена съ убиваемымъ львомъ въ поэмѣ о королѣ Ротерѣ.

Съ другой стороны, дѣйствительная и не подлежащая сомнѣнію исторія Гаральда въ Константинополь представляетъ иѣкоторыя черты, близкія къ приключеніямъ сказочнаго короля Ротера. Трудно, конечно, предполагать, чтобы подъ баснословнымъ Ротеромъ скрывался дѣйствительный Гаральдъ, или чтобы сага о Дитрихѣ превратилась въ позднейшую поэму о Ротерѣ подъ вліяніемъ знакомства съ приключеніями Норвежскаго принца и слуховъ, распространенныхъ объ этомъ по всей Европѣ, благодаря разноплеменному и пестрому со-ставу тогдашней византійской арміи. Въ пей были и Русские, и сѣверные Норманны, и Франки, и Сарацины, вскорѣ послѣ Гаральда явились въ ней и Нѣмцы. Мы могли бы думать, что и въ Дитриховѣ сагѣ смѣщеніе именъ русскаго эпоса со всячими другими въ самомъ дѣлѣ идетъ отъ византійскихъ Варяговъ, подъ которыми тутъ разумѣлись бы византійские наемники изъ всѣхъ этихъ национальностей.

Въ той многолюдной и пестрой смѣси восточныхъ и западныхъ элементовъ, какая сосредоточивалась около береговъ Босфора въ XI вѣкѣ, гораздо раньше Крестовыхъ походовъ, былъ возможенъ самый широкій взаимный обмѣнъ всѣхъ продуктовъ народнаго творчества и всякаго рода имень и сказочныхъ сюжетовъ, а также и повѣстей о дѣйствительныхъ событияхъ, прошедшихъ чрезъ народную фантазію. Въ самой Гаральдовой сагѣ обращаютъ на себя вниманіе иныхъ греческихъ слова, какъ будто подслушанные спутниками Гаральда у ихъ русскихъ товарищѣй. Такъ, хорошо известный въ Византійской исторіи предводитель Сицилійского похода Георгій Маніацъ въ сагѣ постоянно называется Gyrgi, то-есть, Гюрги (г—окончаніе именительного падежа); императорскій дворецъ Византійскаго вла-дѣльки именуется polotuz (множеств.), то-есть, палатами (отъ palatiun, Pfalz).

Все это еще требуетъ разъясненія. Но что касается сходства

исторії Гаральда въ историческихъ ея чертахъ, которая будуть нами указаны ниже, съ приключеніями короля Ротера, то конечно, не одинъ Гаральдъ былъ въ Константинополѣ, не одинъ онъ тамъ сражался съ язычниками и мусульманами: дѣлали то и другіе принцы, графы и рыцари; не одинъ Гаральдъ сиживалъ въ Цареградской тюрьмѣ, если онъ сидѣлъ въ неї, и не одинъ онъ освобождался изъ нея вслѣдствіе нерѣдкихъ въ Византіи престолонаслѣдныхъ переворотовъ и народныхъ восстаній; не одинъ онъ изъ западныхъ людей игралъ важную роль въ такихъ движеніяхъ и участвовалъ въ низверженіи или даже ослѣпленіи императора. Мы можемъ, поэтому, сказать, что исторія Гаральда имѣла вліяніе на сюжетъ и подробности нѣмецкой поэмы на столько, на сколько она была *общею* исторіей западнаго рыцарства, приходившаго на службу къ Византійскому царю, точно также, какъ наоборотъ сага о Гаральдѣ сложилась въ ту форму, какая до насъ дошла, подъ вліяніемъ разнаго рода сказаний, относившихся первоначально къ совершенно другимъ лицамъ, историческимъ или фантастическимъ.

Приведемъ еще одинъ и послѣдній примѣръ. Сага о королѣ Сигурдѣ, палестинскомъ пилигримѣ, разъказываетъ въ числѣ другихъ баснословныхъ подробностей его путешествія о торжественномъ вѣзѣ: его въ Царьградъ, не замѣченномъ, конечно, византійскими хрониками. „Люди разъзываютъ“, повѣствуетъ Снорре Стурлесонъ, — „что король приказалъ подковать свою лошадь золотомъ, прежде чѣмъ онъ вѣзъхалъ въ городъ; это было устроено такъ, что одна изъ подковъ должна была свалиться на улицѣ, и никто изъ его людей не долженъ быть обращать на то свое вниманіе“ (*Antiquit es Russes I*, 385). Но старая французская хроника тоже самое приписываетъ герцогу Роберту Норманнскому: „A l'entr e de la ville, ou l'empereur estoit, il fist ferrer une mule, que on lui menoit apr s lui, de quatre ferres de fin or, et deffendit a tout ses gens que si la mule se deferoit que nul ne redre ast le fer.“ Весьма вѣроятно, что Исландцы заимствовали чужой разказъ и перенесли его на своего короля Сигурда. Подслушали они его въ самомъ Константинополѣ, что возможно, или списали его съ какой-либо французской хроники, что не менѣе вѣроятно: во всякомъ случаѣ такія подробности мало рекомендуютъ историческую достовѣрность саги и не свидѣтельствуютъ въ пользу неизмѣнности и точности исландского преданія. Припомнимъ, что время короля Сигурда гораздо ближе къ Снорре-Стурлесону, чѣмъ время Гаральда Гардрада.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ намъ легче будетъ отвѣтить на вопросы: что такое исландская сага, въ какой степени она можетъ служить историческимъ материаломъ, то-есть, на сколько въ ней обрѣтается дѣйствительной фактической исторіи, и какъ отдѣлить въ ней исторический элементъ отъ поэзіи и баснословія?

VI.

Пъсих скальдовъ, какъ единственный исторический материалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ.

Во первыхъ, чисто исторический элементъ находится не во всѣхъ исландскихъ сагахъ, а только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Всякій прозаический разказъ, относится ли его содержаніе къ области вымысла, или имѣть историческую подкладку, называется у Исландцевъ сагою (*saga, sögur*). Большое различіе въ самомъ содержаніи сагъ прежде всего было замѣчено наукой, и критика давно распредѣляетъ саги на нѣсколько видовъ, отдѣляя „вымышленныя“ отъ „историческихъ“. Было время, когда, по слѣдамъ Саксона Граматика, всѣхъ миѳическихъ героевъ саги, начиная съ Одина, выдавали за скандинавскихъ князей, но это время давно прошло. Всѣхъ болѣе и прежде другихъ содѣствовалъ этому датскій ученый епископъ Мюллеръ. Опь съ достаточнou для своего времени точностю изучилъ исторію развитія исландского дѣеписанія и сдѣлалъ опять подробнаго разбора отдѣльныхъ, до насъ дошедшихъ, прозаическихъ памятниковъ сѣверной письменности. Онъ пытался опредѣлить, какія саги имѣютъ дѣйствительную историческую основу, и какія вымышлены, и потомъ къ какому времени относится происхожденіе той или другой саги (не письменная редакція). Отъ его проницательности и — по времени — весьма здравой критики не ускользнуло то обстоятельство, что и саги съ историческою основой имѣютъ добавленія совершенно другаго характера. На основаніяхъ, указанныхъ Мюллеромъ, раздѣлаютъ саги на миѳическая, романтическая, полуисторическая и вполнѣ историческая¹⁾.

Твердой грани и точныхъ вѣшнихъ признаковъ нѣть и не могло быть. Мюллеръ очень часто считаетъ сагу историческою только потому, что лицо, о которомъ въ ней говорится, есть историческое, то-есть, упоминается въ исландскихъ родословныхъ, огромная масса

¹⁾ См. Rosselet, Islandische Litteratur, p. 290. (Въ Энциклопедіи Эрнса Грубера.)

которыхъ заключается въ *Landnámabók*, или упоминается въ другихъ сагахъ, уже признанныхъ историческими.—Ни тотъ, ни другой признаютъ въ настоящее время и предъ судомъ болѣе строгой критики не можетъ быть признанъ рѣшительныиъ. Если Илья Муромецъ упоминается въ русскихъ письменныхъ сказанияхъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что былины объ Ильѣ Муромцѣ заключаютъ въ себѣ чисто историческое фактическое содержаніе. Слагатели сагъ могли брать и дѣйствительно брали своихъ исландскихъ земляковъ въ герои такихъ разказовъ; материалъ которыхъ былъ заимствованъ изъ домашнаго сказочнаго запаса и народныхъ пѣсень, или же принесенъ съ далекой чужбини—и съ особенною охотою имѣнію въ послѣднемъ случаѣ. Новѣйшая критика причисляетъ Греттирову сагу уже не къ историческимъ, какъ Мюллеръ, а къ такъ-называемымъ „живымъ сагамъ“, *Lýgisögur*. Сюда же критика относить и Финнбогову сагу (*Finnuboga saga*), и мы не знаемъ, исключить ли она изъ этого рода и сагу о Рафнкельѣ (*Hrafnkels saga*), хотя герои обѣихъ будто бы извѣстны были въ самомъ Миклагардѣ. Помѣщать сказочные событія въ сказочную страну, въ тридесятное государство, также естественно для народной и непародионой фантазіи, какъ и украшать домашнихъ героевъ чужими перьями. Впрочемъ, разказъ о походѣніи Финнбога въ чужихъ странахъ даже издателемъ *Antiquités Russes* считается почти баснословнымъ, хронология его путешествія въ Царьградъ несоответственна съ дѣйствительною исторіей (*Antiquités Russes II*, 320 и сл.). Только русские изслѣдователи хотятъ быть *plus royalistes que le roi*. Для нихъ Норманнъ, сражавшійся на родинѣ съ какимъ то „синимъ человѣкомъ“ (*blámadhr* негръ, а по другому объясненію—великанъ), и потомъ отправленный Гакономъ, норвежскимъ ярломъ, въ Миклагардъ за получениемъ денежнаго долга, есть драгоценная находка,—не столько потому, что онъ показывается въ Константинополѣ снова свою необычайную силу, поднявъ императора и съ его престоломъ на воздухъ и пронеся его такъ значительное пространство, сколько потому, что должникъ, за которымъ снаряжена была маленькая норвежская экспедиція, сдѣлался изъ раззорившагося купца *hirdhmadhr'omъ* Греческаго короля Иоанна (*satelles*—гриденъ—*regis Johannis*). Такимъ образомъ получается Норманнъ. служившій въ греческой службѣ во время Иоанна Цимисхія (969—976 гг.). Положимъ, что онъ не называется Взрингомъ, но это еще лучше: онъ называется „гриденъ“. Слово *hirdhmadhr* объявляется такимъ же техническимъ словомъ, какъ и слово Взрингъ, и означаетъ точно также, какъ и послѣднее, Норманновъ,

служившихъ въ Византії, хотя на самомъ дѣлѣ оно рѣшительно не заимствуетъ въ себѣ ничего византійско-техническаго, и постоянно, даже въ той же самой сагѣ, употребляется для выраженія домашнихъ, то-есть, скандинавскихъ отношеній короля или князя къ его приближеннымъ. Слово Вѣрингъ, по своему происхожденію относящееся или относимое къ самой глубокой обще-тевтонской древности, по употребленіи превращается въ младшее, болѣе новое, чѣмъ „гирдмадъ“: съ начала оно, это послѣднее употреблялось для обозначенія Норманновъ, служившихъ въ Византії, и на раду съ ними стоять терминъ совершенно такого же характера (*hundgenginn*), а потому вошло въ употребленіе и болѣе дреесмѣс выраженіе. Все это намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ и думается, что мы поступили благородѣзно, не упоминувъ совершенно Финнобоги и Берси въ числѣ вѣроатныхъ скандинавскихъ Вѣринговъ. Вовсе не можетъ служить признакомъ историчности тѣхъ или другихъ событій, того или другого лица и то, что о немъ упоминается въ другихъ сагахъ. Такая взаимная порука, совершенно естественна, потому что слагатели и составители сагъ часто любили пользоваться готовымъ материаломъ, но только такая порука не имѣть никакого значенія въ вопросѣ о достовѣрности преданій.

Вторыхъ, допуская первоначальную историческую основу въ собственно исландскихъ сагахъ (*Islandinga Sögur*) и предполагая, что это основа народная, мы не можемъ въ нихъ видѣть, какъ это видѣлъ Е. Мюллеръ, вѣрное воспроизведеніе хронологически опредѣленной исторіи. Въ каждой героической сагѣ историческій элементъ будетъ находиться только въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ поэтическомъ созерцаніи народа, и какъ онъ постоянно съ теченіемъ времени измѣнялся въ постоянно живой народной фантазіи, прежде чѣмъ былъ закрѣпленъ письменною редакціей.

А эта письменная редакція во всякомъ случаѣ будетъ довольно позднею относительно времени предполагаемаго происхожденія саги. Въ началѣ своей статьи, говоря о сагахъ, интересныхъ для наскъ по упоминаемымъ въ нихъ Вѣрингамъ, мы принимали самое благопріятное для ихъ древности мнѣніе датскихъ и норвежскихъ ученыхъ. Но и при этомъ самыя древнія саги относятся по времени письменной редакціи къ первой половинѣ XII столѣтія, а событія и лица, въ нихъ дѣйствующія, къ самому началу XI вѣка¹⁾). Съ нѣкоторымъ

¹⁾ Конрадъ Мауреръ относителю собствено исландскихъ сагъ замѣчаетъ, что Мюллеръ и его послѣдователи все-таки слишкомъ рано полагаютъ письмен-

колебаниемъ и большимъ рискомъ можно еще допустить, что въ теченіе такого промежуточного времени устная сага могла не утратить своего первоначального колорита или не измѣниться въ своихъ подробностяхъ; что, напримѣръ, Вѣриаги не явились въ ней такъ, какъ явились Татары въ русскихъ былинахъ о богатырахъ Владимира. Но какъ мы поручимся за сагу о Рафикаѣ, события которой должны относиться къ началу X вѣка, а письменная редакція — по меньшей мѣрѣ къ концу XII столѣтія? Чѣмъ мы должны будемъ сказать съ этой точки зренія о сагѣ, въ которой дѣйствуетъ уже извѣстный намъ современникъ двухъ не современныхъ государей (Цимисхія и ирла Гакона; см. *Antiquit es Russes*, I. c.) — богатырь Финнобоги? Строгая критика не только имѣть право, но и обязана заявить самыя рѣшительныя сомнѣнія относительно того, чтобы всѣ частности и подробности, вся терминология, находящіяся въ письменной сагѣ, дѣйствительно относились къ той эпохѣ, которой должно принадлежать ея содержаніе, ея сюжетъ; она не повѣрить, чтобы все это было точно, вѣрно и сохранно донесено устнымъ преданіемъ, чрезъ пространство, считаемое двумя и тремя сотнями лѣтъ. Правда, есть особыя теоріи о происхожденіи сагъ, по которой все памятники считаемые невозможными оказалось бы совершенно естественнымъ. Но даже въ приложеніи къ сагамъ о норвежскихъ короляхъ (*S ogur Norgvegs konunga*), для которыхъ она преимущественно и создана, эта теорія не выдерживаетъ критики и въ настоящее время, кажется, можетъ быть почитаема оставленной и опровергнутой¹).

ную редакцію онъхъ. По его мнѣнію, предположеніе, что уже въ теченіе XII вѣка было записано значительное количество исландскихъ сагъ, основано на ложномъ объясненіи, и, быть можетъ, на ложномъ чтеніи одного единственного памятника въ *Sturlunga saga*, между тѣмъ какъ самыя полновѣтныя свидѣтельства отодвигаютъ начало сагописанія къ 1170—1180 годамъ. Стиль и языкъ сохранившихся до насъ сагъ вполнѣ сходится съ такими указаниями, такъ что памятники дошедшихъ до нашего времени исландскихъ сагъ — *Islendinga S ogur* — только самая древняя, именно *Heidarriga saga*, можетъ принадлежать концу XII вѣка. (Ueber die Ausdr cke, p. 497 и сл.).

¹) Говоря это, мы имеемъ въ виду, главнымъ образомъ, изслѣдованія и статьи Конрада Маурера въ Запискахъ Мюнхенской Академіи (*Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissenschaften. Philol. Classe*, XI Bd., S. 457—706, 1867 г.; много разъ цитируемое нами сочиненіе носятъ такое заглавіе: *Ueber die Ausdr cke altnordische, altnorwegische und isl ndische Sprache*), и въ *Журнале для немецкой филологии (Zeitschrift f r deutsche Philologie)*. Erster Bd., 1869: *Ueber die Norwegische Auffassung der nordischen Literaturgeschichte*, S. 25—88). Въ дальнѣйшемъ

Королевское общество съверныхъ антиквариевъ, издавшее великолѣпные томы, которые носятъ заглавие: „Древности Русскія по историческимъ памятникамъ Исландцевъ и древнихъ Скандинавовъ“ (*Antiquités Russes, d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*) оказали, конечно, великую услугу русской истории, но оно же упрочило у насъ ложный взглядъ на историческую цѣнность материала, предложенного ими къ услугамъ русской истории. Идея по слѣдамъ Мюллера, издатели „Русскихъ Древностей“ принимали, что записываніе сагъ, относящихся къ Исландіи и Норвегіи, было въ сущности дѣломъ совершенно механическимъ; нужно было записать разказъ вполнѣ законченный, давно окрыпшій и окаменѣлый въ своей формѣ и содержаніи и въ такомъ видѣ переходившій изъ устъ въ уста. Вотъ какъ отвѣчаютъ они на вопросъ, что такое историческая исландская сага:

„Слово *saga* происходит отъ *segi* — говорить, и значитъ просто разказъ, преданіе (*tradition*). Но это этимологическое опредѣленіе не исчерпываетъ вполнѣ идеи, которая должна соединяться съ представлениемъ объ исландской исторической сагѣ. Подъ сагою разумѣются не только устное преданіе, чтѣ, конечно, составляетъ существенную часть идеи слова, но разказъ чистый (*rig*), ясный и достаточно подробный о фактахъ, изложенный такъ, что онъ представляетъ намъ опредѣленное и законченное цѣлое. Если мы будемъ держаться этой идеи, то намъ легко будетъ опредѣлить отношеніе между сагами записанными и тѣми, которые передавались устно. Эти послѣднія совпадали, такъ сказать, съ фактами, о которыхъ они сообщали. Для того, чтобы онѣ моглиходить изъ устъ въ уста, не теряя на пути обстоятельствъ второстепенныхъ, но важныхъ, было необходимо тотчасъ же привести ихъ въ извѣстную форму, которая потомъ удерживалась постоянно, допуская только незначительныя измѣненія. Именно эта точно опредѣленная форма составляетъ существенный признакъ исландскихъ сагъ. Именно благодаря этой древней формѣ, столько же, сколько ихъ законченной округленности, обязаны мы ихъ сохраненіемъ, иначе не объяснимы, отъ времени, когда еще не было извѣстно искусство письма. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что при такихъ обстоятельствахъ отдельному лицу не было никакого случая проявить свою личность (*de se faire valoir*).

изложеніи мы не только опираемся на общепризнанный авторитетъ Маурера, но занимствуемъ у него иное буквально.

Саги, подъ которыми мы разумѣемъ первоначальную массу старинныхъ преданій, обязаны были своимъ происхожденіемъ себѣ самимъ. Онѣ получили свою редакцію и опредѣленную форму въ устахъ народа, такъ что нельзя было указать автора въ томъ или другомъ лицѣ, и послѣдующему разказчику или записчику оставалось только принять за основу готовый разказъ (*du r  c  t une fois fait*), убавляя или прибавляя въ разныхъ мѣстахъ, но не внося никакого замѣтнаго измѣненія въ первоначальной основѣ (*pouau*) исторії. Вотъ причина, по которой мы видимъ, что большая часть фактовъ, сообщаемыхъ намъ сагами, разказаны совершенно одинаковымъ образомъ, иногда даже тѣми же самыми выраженіями... Послѣдующіе списатели (*copistes*) сагъ не называли себя по имени изъ такого же естественнаго побужденія, какъ древніе исторіографы классическіе (?); они очень хорошо чувствовали, что исполняютъ только роль кописта и не имѣютъ никакой авторской заслуги" (*Antiquit  es Russes*, I, 235 и сл.).

Такой взглядъ пользуется тѣмъ болѣшимъ сочувствіемъ многихъ сѣверныхъ ученыхъ, что онъ служить особаго рода мѣстному патріотизму, основанному на взаимномъ соперничествѣ сѣверныхъ племенъ. Норвежцы и Датчане не хотятъ оставить за Исландцами всей литературной славы, которая имъ принадлежитъ, какъ авторамъ не только исландскихъ, но также норвежскихъ историческихъ сагъ и вообще сѣвернаго дѣеписанія. Такъ какъ устное преданіе по самой природѣ своей должно исходить отъ той географической мѣстности, съ которой связываются относящіяся сюда событія, то ясно, что Исландцамъ относительно норвежской исторіи по вышеперечисленной теоріи будетъ принадлежать только одна заслуга: они записали, придали письменную форму устному преданію, которое сложилось въ самой Норвегіи; обѣ авторской сочинительской дѣятельности въ собственномъ смыслѣ слова не должно быть и рѣчи.

Но болѣе беспристрастная и не замѣшанная въ такого рода вопросахъ, въ то же время болѣе трезвая и строгая, новѣйшая критика совершенно отвергаетъ всѣ основные положенія теоріи Мюллера, Мунха, Кейзера. Она допускаетъ, что, дѣйствительно, цѣлая масса устныхъ преданій могла обращаться у Исландцевъ и Норвежцевъ, прежде чѣмъ кто-нибудь вдумалъ записывать эти преданія; но эти преданія — совершенно также, какъ и въ настоящее время — переходили изъ уста въ уста чрезъ посредство отдѣльныхъ лицъ, и обусловлены этимъ, въ формѣ постоянно измѣняющейся, подвергались

и въ своемъ содержаниі въ разныя времена, въ устахъ различныхъ лицъ—разнообразнѣй измѣненіямъ. Конечно, въ тѣ времена, когда искусство письма было еще мало употребляемо, память была гораздо вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ въ наши письмоловивыя времена; конечно, все то, что было производимо людьми особенно даровитыми и что переступало границу общедоступности, большою частію сейчасъ же исчезало изъ памяти, такъ какъ толпа не въ состояніи была подхватить и нести далѣе то, что было ей не по плечу; а такъ какъ письмо еще не могло пріѣти на помощь, то приобрѣтенное указаннѣемъ путемъ не сохранялось и для не многихъ болѣе даровитыхъ; конечно, различіе, всегда существующее между образованными и необразованными членами націи, въ древности было менѣе — именно вслѣдствіе того, что оно образуется накопленіемъ произведеній умовъ выдающихся и постояннымъ пользованіемъ ими со стороны одинаково одаренныхъ натуръ. Но при всемъ этомъ рѣчь можетъ быть только о различіи въ степени, а не въ родѣ. И самая счастливая память обладаетъ только ограниченной степенью воспріимчивости. Такимъ образомъ, живущее въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ преданіе различнымъ образомъ ограничивалось, смотря по дарованію, склонности, жизненному положенію отдѣльного лица, а съ другой стороны—вновь образующающіяся преданія постоянно становились на мѣсто болѣе древнихъ, и эти послѣднія не могли жить рядомъ съ первыми. Вѣчный приливъ и отливъ старого и нового давалъ себя чувствовать; преданіе постоянно оставалось въ состояніи текучести и воспоминаніе хватало назадъ только до опредѣленного ряда поколѣній, а далѣе позади ихъ исчезало всякое твердое очертаніе и надежная опора; каждому индивидууму принадлежало личное участіе какъ въ передачѣ, такъ и въ самой духовной производительности, подобно тому какъ и теперь, на оборотъ, каждый индивидуальный сочинитель есть все-таки сынъ своего времени и народа.

Въ поэтической формѣ преданія, его вѣрность, правда, охраняется крѣпостію формы и гармоническимъ размѣромъ стиха; но сага именно не имѣла этой опоры, такъ какъ ея принадлежность — прозаическая форма. На раду съ этимъ простымъ (прозаическимъ) преданіемъ появляется, конечно, и поэтическое (пѣсни скальдовъ), которое можетъ простираться въ старину гораздо далѣе, но нѣть никакого основанія предполагать, чтобы поэтическое преданіе началось ранѣе, чѣмъ первое или съ самого начала служило для него опорой.

Никто не отвергаетъ, что исландско-норвежское дѣеписаніе, во

главѣ котораго по времени стоитъ Аре Фроди (1067—1148 гг.), какъ и всякое другое, первоначально зависѣло отъ устнаго древняго преданія. Оно зависѣло отъ него потолику, поколику не пыталось иногда дополнять данный преданіемъ материалъ собственными выдумками или заимствованіями изъ иностранныхъ сочиненій, каковы Вильгельмъ Жюньежскій, Адамъ Бременскій и другіе (см. *Maurer*). Но только отсюда никакъ не слѣдуетъ, что то устное преданіе привязано было къ какой-нибудь опредѣленной формѣ. Напротивъ, каждому отдѣльному сагописателю предоставлялась полная возможность и свобода собирасть свой материалъ отъ отдѣльныхъ знающихъ лицъ и потомъ придавать ему такую форму, какая ему нравилась.

Такъ поступилъ Аре Фроди, авторъ первого по времени историческаго сочиненія (*Islendingabóu*), написаннаго на древне-сѣверномъ языке. Его небольшая, но тѣмъ болѣе драгоцѣнная книжка содержитъ въ себѣ хорошо расположенный, но очень краткій и сухой хронологическій обзоръ важнѣйшихъ эпохъ Исландской исторіи. Она составлена на основаніи собственныхъ воспоминаній Аре Фроди и на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ отъ самыхъ различныхъ по своему положенію и званію лицъ, которыхъ онъ считалъ правдивыми и специально знающими факты въ той или другой области. Аре постоянно приводить имена своихъ поручителей и даже имена тѣхъ, отъ кого его поручители слышали о томъ или другомъ событии или лицѣ, и это дѣлаетъ онъ всегда по поводу какого-либо отдѣльнаго пункта или факта. Сочиненіе современника Аре, Сэмунда Фроди, писанное на латинскомъ языке и содержащее уже не Исландскую собственно исторію, а хронику Норвежскихъ королей, было такимъ же сухимъ и скучнымъ хронологическимъ перечнемъ, какъ и книжка Аре. Однакового съ послѣднимъ метода держались тѣ сочинители, которые во второй половинѣ XII вѣка писали исторію своего собственнаго или близкаго имъ времени: Ейрикъ Оддсонъ, авторъ потеряннаго сочиненія (*Hryggjarstykkki*, Хребтовая часть), монахи Оддъ и Гунилаугъ, сочинившіе оба по латинской легендѣ о королѣ Олафѣ Триггвасонѣ. Здѣсь тѣ же самые ссылки на отдѣльныхъ свидѣтелей для отдѣльныхъ фактовъ, какъ это видно изъ сохранившейся легенды монаха Одда, какъ это засвидѣтельствовано относительно его и относительно Гунилауга однимъ позднѣйшимъ сборникомъ (*Flateyargbók*), перечисляющимъ имена приведенныхъ ими поручителей. Притомъ сочиненіе Гунилауга, судя по слѣдамъ, которые отъ него остались въ позднѣйшихъ сборникахъ, подобно сочиненію Одда, имѣло болѣе

легендарный церковный характеръ, чѣмъ чисто исторический, имѣло въ виду болѣе духовное назиданіе читателя, чѣмъ сообщеніе точныхъ историческихъ свѣдѣній. Саги объ Олафѣ Святомъ, явившіяся также въ XII вѣкѣ, имѣли характеръ совершенно сконченный съ произведеніями двухъ монаховъ, сейчасъ названныхъ.

Первые историческія сочиненія, которыхъ можетъ выставить сѣверная литература, суть, очевидно, продукты чисто личнаго, совершенно индивидуального авторства. Историческая литература сѣвера не имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ записываніе сагъ, обращающихся въ устномъ преданіи, и нѣть никакихъ признаковъ, чтобы исторія Норвежскихъ королей получила полную закругленную форму первоначально въ устномъ пересказываніи и въ этой формѣ была записана. Что касается огромной массы тѣхъ сочиненій, которыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ XIII и XIV вѣкамъ, то и о нихъ нужно сказать то же самое. Тѣ изъ нихъ, которыхъ излагаютъ современную исторію, ссылаются на непосредственное знаніе ихъ сочинителей или на документы, находившіеся въ ихъ рукахъ, а также на свидѣтельства различныхъ названныхъ и не названныхъ поручителей, и ничто не даетъ права предполагать, что сагоставитель обязанъ быть этимъ послѣднимъ чѣмъ-нибудь болѣшимъ, кромѣ отдѣльныхъ сообщеній объ отдѣльныхъ фактахъ, которые онъ потомъ соединилъ въ одно цѣлое съ тѣмъ, чтѣ заимствовалъ изъ другихъ источниковъ, придавъ всему угодную ему форму.

Предположеніе, что раніе Исландцевъ Аре Фроди, Семунда и Одда, существовали собственно норвежскіе писатели, ближе сочувствующіе мѣстной народной литературѣ и положившіе начало записыванію готовыхъ сложившихся и цѣлыхъ сагъ, — ни на чѣмъ не основано. Первый несомнѣнного норвежского происхожденія исторіческій писатель есть монахъ Теодорикъ, который между 1176 и 1188 годами написалъ на латинскомъ языке свое сочиненіе „de antiquitate regum Norgwagiensium“. Но онъ прямо говоритьъ, что до него никто не принимался еще за Норвежскую исторію, то-есть, очевидно никто изъ Норвежскихъ уроженцевъ, ибо на Исландцевъ самъ же Теодорикъ нѣсколько разъ ссылается (См. Maurer, Ueber die Ausdrücke, р. 690, Anmerk. 52). Никакъ не видно также, чтобы въ его время въ Норвегіи существовали такие хранители народнаго преданія, въ устахъ которыхъ вся прошедшая исторія имѣла бы видъ полныхъ, законченныхъ и опредѣленныхъ разказовъ: ибо что заставило бы въ такомъ случаѣ Теодорика обращаться къ Исландцамъ

что помѣшало бы ему призвать къ себѣ въ келлію такихъ сказателей—вмѣсто того, чтобы воздавать честь чужестранцамъ, пренебрѣгая земляками?

Существовалъ, конечно, у Норвежцевъ, и преимущественно Исландцевъ, обычай рассказывать „саги“ о древнихъ и новыхъ, даже о живыхъ герояхъ—особенно при торжественныхъ случаяхъ и при народныхъ собраніяхъ: Но нѣть причины думать, что это были сейчасъ же окаменѣлые по формѣ и содержанію или художественные разказы. Одинъ изъ спутниковъ Гаральда Норвежскаго, Исландецъ Галдорь Снорресонъ, рассказывалъ сагу объ его путешествіяхъ и походахъ въ домъ своего знакомаго; другой Исландецъ Торстейнъ Фроднъ повѣствовалъ о томъ же предъ самимъ королемъ Гаральдомъ (*Scripta histor. Island.*, VI pag. 331). Когда король спросилъ Торстейна, откуда онъ такъ хорошо все это знаетъ, то разкащикъ отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ годъ за годомъ въ народныхъ собраніяхъ слушалъ разказы объ этомъ имению вышеупомянутаго Галдора Снорресона. Нужно ли представлять, что повѣствованіе Торстейна сколько-нибудь похоже было на сагу, которую мы теперь имѣемъ? Объ этомъ и думать нельзя — помимо другихъ основаній уже потому, что Торстейнъ объ однихъ странствованіяхъ Гаральда рассказывалъ цѣлые тринадцать вечеровъ, а то, что мы теперь объ этомъ имѣемъ, удобно можетъ быть разказано въ одинъ вечеръ.

Наконецъ, ни взаимное сходство между сагами и различными ихъ редакціями, ни безымянность многихъ сагъ ничего не доказываютъ относительно зависимости ихъ отъ устнаго преданія. Сходство просто объясняется литературнымъ заимствованіемъ, которое такъ было развито во всѣхъ средневѣковыхъ литературахъ, и которое, какъ это теперь уже во многихъ случаяхъ хорошо обнаружено новѣйшими изслѣдованіями, было въ обычаяхъ и сѣверныхъ сагослагателей. Безымянность же многихъ сагъ также не представляетъ чего-нибудь необычайного или неудобообъяснимаго. Притомъ она далеко не есть общее явленіе; однѣ саги не имѣютъ названий по имени авторовъ, а другія напротивъ принадлежать извѣстнымъ лицамъ.

Совершенно несомнѣнны признаки убѣждаютъ насъ въ томъ, что когда исландско-норвѣжское дѣпісаніе обратилось отъ современности или прошлаго, на столько близкаго, что оно еще не изгладилось изъ памяти отдельныхъ лицъ, въ болѣе отдаленнымъ временемъ, и особенно къ временамъ глубокой древности, то здѣсь именно и обпару-жилась слабость, скучность и безформенность народнаго преданія. Въ

первой половинѣ XIII вѣка знатный Исландецъ, Снорре Стурлесонъ († 1241 г.), близкій ко двору королей Норвегіи и хорошо знакомый со страною, взялъ на себя трудъ представить связную исторію Норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности. Онъ скоро убѣдился въ недостаточности средствъ, которыя находились у него подъ рукою. Онъ очень часто ссылается на устное преданіе, уже не называя опредѣленныхъ лицъ. Но видно сей-часъ же — какого труда ему стоило собрать разные элементы этого преданія. Большею частію это мѣстныя преданія, привязанныя къ различнымъ мѣстнымъ памятникамъ: могиламъ, погребальными холмами и насыпями, грудамъ камней, къ названіямъ разныхъ мѣстностей, а также фамильные преданія знатныхъ родовъ, начиная съ его собственнаго. Ссылки на „знающихъ людей“, на преданіе вообще — довольно часты въ Heimskringla. Но часть ихъ можетъ относиться къ письменному преданію, а другая остающаяся часть, несомнѣнно принадлежащая народной традиціи, носила общий характеръ преданія, отличалась смутностью, противорѣчіями, неопредѣленностью и недостовѣрностью. Это ценимѣло самъ Снорре. Въ исторіи Гаральда (с. 36; ср. с. 14) онъ увѣряетъ насъ, что многое изъ того, что онъ узналъ обѣ этомъ королѣ, онъ оставляетъ безъ всякаго упоминанія, потому что онъ не хочетъ писать неосновательныхъ „не засвидѣтельствованныхъ“ исторій. Онъ нерѣдко ставитъ рядомъ различные мнѣнія и преданія, оставляя своему читателю избирать болѣе достовѣрными. Это не показываетъ, чтобы Снорре былъ простымъ редакторомъ полныхъ и цѣльныхъ, вполнѣ готовыхъ устныхъ сагъ.

Литература давала ему также не особенно богатый запасъ готоваго и обработанного материала. Съ одной стороны, это были хотя совсѣмъ и точныя, но за то крайне сухія и скучныя хронологическія работы, подобныя „книжѣ“ Аре-Фроди, а съ другой — легенды, полныя помазанія и назиданія, полныя чудесъ и видѣній, но мало обращавшія вниманіе на хронологическую правильность и на чисто историческую дѣйствительность. Изъ такихъ ингредиентовъ предстояло Снорре Стурлесону строить исторію прошедшаго. Сильный поэтическій талантъ и глубокое знакомство съ родною поэзіей повредили при этомъ дѣлу, а также помогли ему. Снорре Стурлесонъ первый оцѣнилъ надлежащимъ образомъ тотъ совершенно подлинный, достовѣрный и современный событиямъ источникъ, который давно существовалъ въ пѣсняхъ скальдовъ. Это было уже не народное преданіе, измѣняющееся, искажающееся, а именно преданіе, обле-

ченное въ строгую, художественную, стихотворную и потому неизменную форму. Это были пѣсни придворныхъ поэтовъ, составленныя по извѣстнымъ точнымъ правиламъ и на извѣстные опредѣленные случаи, по извѣстнымъ поводамъ и на извѣстныхъ лицъ. Уже монахъ Теодорикъ указывалъ на пѣсни исландскихъ скальдовъ, какъ па главный источникъ знавія Исландцами норвежской исторіи. Въ древнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ сѣверной литературы стихи вовсе не встречаются, и ужъ это одно достаточно опровергаетъ предположеніе, что сагослаганіе было соединено съ самаго начала съ поэзіей въ лицѣ скальдовъ. Но есть признаки, что нѣсколько ранѣе Спорре Стурлесона стали обращаться къ этимъ пѣснямъ придворныхъ поэтовъ, вставляя отрывки ихъ въ разказъ въ видѣ украшенія; а иногда даже въ видѣ подтвержденія истины повѣствуемаго. Но Спорре Стурлесонъ первый возвелъ пользованіе пѣснями скальдовъ въ систему, сознательно принимая ихъ за лучшій исторический документъ, за лучшую опору исторической правды. Въ прологѣ къ *Heimskringla* мы читаемъ у него: „Когда Гаральдъ Прекрасноволосый былъ королемъ въ Норвегіи, тогда Исландія получила обитателей. При Гаральдѣ были скальды, и люди еще теперь знаютъ ихъ пѣсни (о немъ), а равно пѣсни о всѣхъ тѣхъ короляхъ, которые съ тѣхъ поръ были въ Норвегіи; и мы заимствуемъ наибольшую часть доказательствъ изъ того, чтѣ говорится въ пѣсняхъ, которыя были пѣты предъ самыми князьями и сыновьями ихъ: мы принимали за правду все то, что въ этихъ пѣсняхъ находится о походахъ или сраженіяхъ ихъ (князей). Пріемъ скальдовъ состоять въ томъ, чтобы болѣе всего хвалить лицо, предъ которымъ они находятся; однако ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы сказать предъ самымъ этимъ лицомъ о такихъ его дѣлахъ, о которыхъ всѣ слушающіе могли бы знать, что это пустой вздоръ и вымыселъ, также какъ (могъ бы знать) и онъ самъ. Это была бы насмѣшка, а не похвала“. Разумный взглядъ на поэзію скальдовъ, выраженный здѣсь, обнаруживается равнымъ образомъ и въ осторожной трезвости сужденія относительно народныхъ пѣсень и относительно порчи, которой подвергается устное преданіе въ противоположность пѣснямъ скальдовъ: „Одна часть исторіи написана по старымъ пѣснямъ, которыя люди сложили для препровожденія времени (для забавы). Хотя мы и не знаемъ, чтѣ въ нихъ есть правды, но знаемъ однако примѣры, что прежніе знающіе люди принимали ихъ за истину.“ — „Пѣсни, мнѣ думается, всего менѣе

подвержены измѣненію тогда, когда они *правильно пропѣты и разумно восприняты*¹⁾.

Но пѣсни скальдовъ, которыхъ разумѣются подъ правильно пропѣтыми, не представляли связнаго, подробнаго и длиннаго разказа о короляхъ или событияхъ; онъ касались отдельныхъ случаевъ, не всегда ясно указываемыхъ, а только подразумѣваемыхъ или намекаемыхъ; всего менѣе они могли удовлетворить запросу на точную хронологію для цѣлыхъ периодовъ. Многое приходилось Снорре Стурлесону дополнять своимъ соображеніемъ; многое въ сагахъ, которыхъ для настъ особенно важны, есть только личная комбинація автора, въ XIII вѣкѣ писавшаго о событияхъ первой половины XI столѣтія. Эти комбинаціи, при помощи которыхъ Снорре Стурлесонъ составлялъ изъ своихъ разнообразныхъ и вообще — то въ томъ, то въ другомъ отношеніи — недостаточныхъ источниковъ одностройное цѣлое, не могли быть всегда удачными. Снорре Стурлесонъ не хотѣлъ идти по слѣдамъ Аре-Фроди и не имѣлъ въ виду ограничиться изложеніемъ отдельныхъ скучныхъ фактovъ, приобрѣтенныхъ путемъ многотруднаго и скрупулѣзного изслѣдованія и постоянно возводимыхъ къ ихъ первоначальнымъ сообщителямъ и свидѣтеламъ. Его поэтическая натура требовала художественной и полной формы, цѣльной и связной исторіи. При помощи пѣсень, съ одной стороны, а съ другой — при помощи болѣе обширныхъ сочиненій Одда и Гунилауга, носившихъ церковно-легендарный характеръ, онъ успѣлъ дѣйствительно создать полную исторію, стройно и непрерывно изложенную. Пѣсни и народныя преданія дали ему не только новый и богатый матеріалъ, но также и возможность специфически-церковную окраску замѣнить болѣе свѣтской и народной. Изъ сочиненій своихъ, сейчасъ названныхъ, предшественниковъ онъ не гнушался черпать подробности для своей исторіи, заимствовалъ у нихъ многія легенды и разказы, но стремился въ нихъ послѣдовательность и порядокъ событий, на что тѣ не обращали вниманія, а иногда и отбрасывали излишекъ чудесъ и видѣній, когда они казались ему ненужными или совсѣмъ недостовѣрными. Нѣть недостатка и въ собственныхъ прибавкахъ автора; онъ допускалъ ихъ, когда являлась потребность въ болѣе картинной и подробной разрисовкѣ событий, переданныхъ только въ сухой и гольй основѣ; онъ прибѣгалъ къ остроумнымъ конJECTУрамъ и догад-

¹⁾ См. объясненіе къ этому мѣсту у Maupera, Ueber die Ausdrâcke, p. 608 и сл.

камъ, чтобы свзать отрывочных извѣстія, дополнить ихъ или даже исправить. Въ одпомъ отношеніи Снорре Стурлесонъ достичь своей цѣли. Его саги о Норвежскихъ короляхъ представляютъ живое и теплое, вполнѣ художественное произведеніе, которымъ онъ совершенно затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но при пользованіи его трудомъ, отъ новой исторической критики требуется двойная осторожность. Не весь матеріаиль, который вошелъ въ сочиненіе Снорре, имѣлъ характеръ историческій: легендами и преданіями, которыми онъ пользовался, мы не могли бы теперь пользоваться такъ, какъ онъ пользовался. Дополненія, догадки и комбинаціи самого автора также не имѣютъ для насъ обязательной силы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переносить сцену дѣйствія въ чужія и далекія страны. Средства его для возстановленія pragmatismu и по-слѣдовательности въ событияхъ были у него на сей случай крайне недостаточны. Признаю, что Снорре не былъ знакомъ съ иностранными языками, даже съ латинскимъ, на которомъ писались почти всѣ западныя лѣтописи и хроники. Только чрезъ какое-либо посредство могли дойти до него, напримѣръ, тѣ каталоги императоровъ Римскихъ и Византійскихъ, слѣды которыхъ съ вѣроятностю указываются въ сагѣ о Гаральдѣ, нась интересующей; но даже въ предполагаемомъ подлинникѣ эти каталоги не вполнѣ исправны и точны. На основаніи ихъ нельзя было отличить Михаила IV Пафлагонінина отъ Михаила V Калафата. Вопреки Византійцамъ, Калафатомъ здѣсь назывался Михаилъ IV, а не Михаилъ V (см. каталогъ, напечатанный у Муратори t. V, pag. 156). Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ мы въ настоящее время обладаемъ гораздо лучшими средствами. Мы гораздо скорѣе и вѣрнѣе дойдемъ къ исторической истинѣ, если оставимъ въ сторонѣ какъ комбинаціи автора — Снорре-Стурлесона, касающіяся событий, отдѣленныхъ отъ него и по времени, и по пространству, и если совершенно отбросимъ весь не историческій или сомнительный легендарный составъ его саги объ Олафѣ или Гаральдѣ. У насъ останутся тогда пѣсни скальдовъ, которые онъ самъ выдавалъ за основаніе своей исторіи. Мы, конечно, не имѣемъ ихъ теперь отдѣльно и вполнѣ, но тѣ многочисленные отрывки, которые приводятся въ разныхъ редакціяхъ сагъ, составленныхъ первоначально Стурлесономъ, могутъ служить для насъ замѣной. При ближайшемъ разсмотрѣніи сейчасъ же оказывается, что современныя свидѣтельства скальдовъ лучше согласуются съ современными же или происходящими отъ современныхъ источниками иностранными,

чѣмъ съ прозаическою частію саги, дополняющею и объясняющею ихъ на основаніи другихъ позднѣйшихъ материаловъ.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить объ отношеніи различныхъ редакцій, въ которыхъ являются намъ саги о Норвежскихъ короляхъ. Прежніе изслѣдователи, которые старались отказывать Снорре Стурлесону во всякой самостоятельности, ссылались на сборники, существующіе въ позднѣйшихъ рукописяхъ и содержащихъ тѣ же самыя саги, которыхъ мы читаемъ въ Heimskringla Снорре, но съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями; они находили здѣсь настоящую древнюю редакцію сагъ, записанныхъ такъ, какъ онѣ разказывались устно, и передѣланныхъ слегка Стурлесономъ. Новѣйшіе изслѣдователи (Мауреръ, Петерсенъ и др.) достаточно доказали, что на самомъ дѣлѣ существуетъ обратное отношеніе. Такъ называемый Flateyarbok, Morkinskinna и пр. представляютъ только позднѣйшую редакцію сагъ, составленныхъ Снорре Стурлесономъ, съ добавленіями и вставками, взятыми изъ тѣхъ же источниковъ, которыми пользовался Снорре, и только поэтому они имѣютъ иногда видъ большей древности.

VII.

Дѣйствительная исторія Гаральда и его Варинговъ въ Константино- полѣ.

Сага о Гаральдѣ начинается разказомъ о битвѣ при Стиkkлестадѣ, въ которой былъ убитъ братъ его Олафъ (1030 г.). По свидѣтельству скальда Бѣльверка, на „слѣдующій годъ“ Гаральдъ пащель себѣ убѣжище въ Гардарики, то-есть, на Руси, и здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ другой скальдъ—Тіодольфъ, принималъ участіе въ битвахъ и походахъ Русского князя, между прочимъ сражался съ Лихами (Læsim). Изъ русской лѣтописи извѣстно, что дѣйствительно въ 1031 году Ярославъ ходилъ на Лаховъ и взялъ Червенскіе города Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, Гаральдъ съ своими норвежскими спутниками ушелъ въ Миклагардъ.

Въ большей части редакцій (Hrokkinskinna, Flateyarbok Morkinskinna) скандинавскіе искатели приключений отправляются въ Константинополь далекимъ окольнымъ путемъ чрезъ земли Венедовъ (прибалтійскихъ Славянъ), черезъ Саксонію, Францію, землю Лонгобардовъ, Римъ и Апулію, и потомъ вступаютъ въ службу въ Миклагардѣ.

Но какая нужда была, отправляясь изъ Кіева, дѣлать такой длинный кругъ? Въ XI вѣкѣ Черное море носило ими Русскаго, вѣроятно — не потому, что Русскіе по немъ не плавали. Извѣстіе уже

само по себѣ не внушаетъ довѣрія, и спрашивается только, на чёмъ оно основано?

Въ подтверждение такого длиннаго путешествія сага приводитъ нѣсколько стиховъ скальда Иллуге Брицдалльскаго, гдѣ сказано только, что его господинъ (Гаральдъ) часто сражался до сѣту съ Франками при градѣ дѣвы (at by snötar), и два стиха скальда Тюдольфа, которые гласятъ, что „Гаральдъ съ (мужественнымъ) духомъ прошелъ землю Лонгобардовъ“:

Sá er vid land à landi
Langbardha redh gánga.

Ясное дѣло, что скальды въ этихъ стихахъ, приведенныхъ какъ единственное доказательство страннаго факта, вовсе не говорятъ того, что утверждаетъ сага. Если мы примемъ комбинацію, ею предлагаемую, то будемъ даже поставлены въ необходимости допустить самыя невѣроятныя вещи: именно, что изгнаникъ — Норвежскій принцъ, оружіемъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ Францію и Ломбардію, дабы достигнуть южной Италии. Скальдъ говоритъ, что Гаральдъ сражался съ Франками: онъ дѣйствительно могъ съ ними сражаться, послѣ того, какъ уже поступилъ въ службу Византійскаго императора. Подъ Франками скальдъ, конечно, разумѣлъ Французскихъ Норманновъ, которые во время Гаральда овладѣли Византійской частью Италии; въ борьбѣ съ ними Гаральдъ дѣйствительно участвовалъ. Лонгобардія Тюдольфа есть равный образомъ Лонгобардія Византійская, то-есть, старая Лонгобардская земля, иначе Апулія и Калабрия (ср. Cedren. II, 514, 525). Гаральдъ сражался съ Франками и былъ въ землѣ Лонгобардской не на пути въ Миклагардъ, а прибылъ сюда изъ Миклагарда вмѣстѣ съ Византійскою арміей, отправленной противъ Франковъ.

Не только нѣть никакой нужды предполагать, что Гаральдъ прибылъ въ Грецію не прямо изъ Россіи, но напротивъ, именно это говорить болѣе древняя редакція саги (Heimskringla) — на основаніи, по видимому, стиховъ скальда Бельверка, описавшаго морское путешествіе Гаральда и прибытие его въ Константинопольскую гавань.

Всего вѣроятнѣе, что Гаральдъ, прибывшій изъ Россіи, при вступлении въ византійскую службу присоединился вмѣстѣ съ своими спутниками къ тому большому русскому корпусу, существованіе котораго намъ извѣстно, и который около 1033 года дѣйствовалъ въ Малой Азіи. Это намъ кажется вѣроятнымъ аргументомъ, но это же слѣ-

дуетъ изъ современной поэзіи скальдовъ, хотя сага косвенно утверждаетъ совершенно противное.

Heimskringla и всѣ другія подробныя редакціи приводятъ восемь стиховъ скальда Тюдольфа:

„Юноша, ненавистникъ змѣйной руды (золота, то-есть, щедрый, расточительный), на подобіе краснаго пламени, подвергалъ себя опасностямъ; мокутъ бытъ названы восемьдесятю юродою, взятыми въ землю Сарацинскую, прежде чѣмъ страшный Сарацинамъ собиратель войска, покрытый щитомъ, отправился совершать игру Гильды (то-есть, воевать) въ равнинѣ Сицилійской“.

(*Segja má teknu atta togu borga à Serklandi, adhr herskokor-dhodhr gekk—Sikileyu;* слова поставлены по порядку естественной конструкціи. Словъ *adhr* въ одномъ латинскомъ переводаѣ переданъ *ante quanu—ibat*; въ другомъ—*quo facto*).

Итакъ, прежде чѣмъ Гаральдъ появился въ Сициліи, онъ воевалъ съ Сарацинами гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и тамъ, при его участіи, взяты были 80 городовъ. Сага во всѣхъ своихъ редакціяхъ представляетъ дѣло совершенно на оборотъ. Изъ Сициліи, куда онъ прибылъ съ Гирги (то-есть, съ Георгіемъ Маніакомъ) прямо изъ Константинополя и непосредственно послѣ вступленія въ Взринги, Гаральдъ переправился въ Сарацинскую землю, моль которой слагатель саги разумѣлъ Африку, и взялъ въ ней 80 городовъ. Только монахъ Теодорикъ (1176—1188 гг.) ставитъ подвиги Гаральда въ другомъ порядке, болѣе согласно съ точнымъ смысломъ стиховъ скальда Тюдольфа.

Iste Haraldus in adolescentia sua multa strenue gesserat, subvertendo plurimas civitates paganorum (80 городовъ?) magnaque pecunias auferendo in *Fussia*, in *Aetiopia*, quam nos materna lingua Blaland vocamus; inde *Hierosolymam* profectus est, ubique famosus et victoriosus Postea peragrata *Sicilia*, magna pecunia id locorum extorta, venit Constantinopolim, ibique apud imperatorem accusatus, inficta eidem imperatori satis probrosa ignominia, inopinabili fuga elapsus est. Lan gebeck, V cap. 28.

Здѣсь пропущена Сериландія—страна Сарацинская, но во всякомъ случаѣ Сицилія выдается вовсе не первоначальнымъ мѣстомъ подвиговъ Гаральда, какъ это дѣлается въ сагѣ.

Откуда происходитъ такое противорѣчіе между источниками первоначальными и сагой, ихъ истолковательницей?

Подъ Сарацинскую землю сага разумѣеть Африку, какъ это

примо обычно въ Исландии и Моркискинна: „Africa, ср Vaeringia et kalla Serkland“, Африка, которую Варяги называли Серкландией. Не знаемъ, какіе Варяги называли Серкландией Африку, но смыло утверждаемъ, что скальды не только могли разумѣть, но и дѣйствительно разумѣли подъ этимъ названіемъ нечто другое, куда можно было достичнуть, минуя Сицилію.

Въ географическомъ трактатѣ исландского аббата Николая, относившемся къ половинѣ XII вѣка, следовательно, гораздо болѣе близкомъ по времени къ скальдамъ Гаральда, при описаніи Азіи говорится, что третья рѣка, вытекающая изъ Рая, называется Тигромъ и течетъ по Серкландіи: Tigris—felli of Serkland (Antiquit es Russes, II, 400). Въ одной редакціи позднѣйшихъ исландскихъ лѣтописей говорится, что Ираклій, императоръ Византійскій, принесъ въ Минлагардъ крестъ Господа изъ Серкландіи (ibid. II, 373). Въ словарѣ Вигфусона-Камзы указано, что слово *Serkir*, или Сарацины, при переведѣ древнихъ латинскихъ писателей ставится тамъ, гдѣ въ подлиннике стоятъ Ассиріане или Вавилоняне. Въ сагѣ объ Александрѣ, перешедшей и на сѣверъ, Серкирами (*Serkir*) называются Персы. Серкиръ равняется Византійскому Сарахтѹ, Сарацинамъ, и обозначаетъ, какъ у среднегѣковыхъ писателей иныхъ литературъ, Сарацинъ вообще, то-есть, магометанъ или Арабовъ, другими словами, обитателей Калифата и областей, ему подвластныхъ. Слѣдовательно, подъ Серкландіей не было никакой необходимости разумѣть именно Африку, а можно было понимать Сарацинскія земли въ Азіи или Сиро-Месопотамскія земли, принадлежавшія калифу Багдадскому.

Несомнѣнно, что Гаральдъ Гардрадъ никогда не былъ въ той Африкѣ, которую разумѣть сага, и не участвовалъ во взятии городовъ африканскихъ, хотя и сражался противъ „короля Африканскаго“. Ходъ сицилійской экспедиціи, во главѣ которой стоялъ Георгій Маніакъ, хорошо известенъ; до перенесенія военныхъ дѣйствій въ Африку далеко не дошло. Но за то мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что на островѣ Сициліи Византійцамъ дѣйствительно пришлось сражаться съ Африканскими войсками (см. *Atati, Storia dei Musulmani di Sicilia*, II, 377, 387). Не Византійцы переплывали въ Африку, а Африканцы приходили въ Сицилію. Скальды, воспѣвающіе подвиги Гаральда въ Сициліи, хорошо знали это и заставляютъ его бороться съ Африкою не въ Африкѣ — Серкландіи, а именно въ Сициліи.

„Глупые трусы были далеко, когда метатель военной молнии покорилъ неожиданную (страшную) землю. Веню Африки (Africa

jöfti, jöfurr a wild boar, metaph a king, warrtjor) было не легко удержать богатую пастбищами (hagfaldinni) дочь Анара (то-есть, земли) или ея жителей, когда онъ (Гаральдъ) напалъ на нее".

Эти стихи скальда Тюдольфа, приводимые въ доказательство, что Гаральдъ былъ въ Африкѣ Серкландіи—и даже нѣсколько лѣтъ, вовсе не доказываютъ того, что ими доказывается. Богатая пастбищами дочь Анара есть просто Сицилія, а венрь Африки есть просто Абдаллахъ, сынъ Моесца, эмира Африканскаго, сражавшійся съ Греками при Трайнѣ (Amari 11, 397). Балверкъ также говорить о покореніи одной земли Гаральдомъ, но сейчасъ же объясняетъ, что это есть Сицилія: „на восточномъ берегу ея лежали на пескѣ тѣла убитыхъ“ (въ морскомъ сраженіи).

Новѣйшие комментаторы саги (Амари, Фримант), не угадывая, въ чёмъ дѣло, и не желая обвинять скальдовъ во лжи, полагали, что и 80 городовъ, взятыхъ Гаральдомъ въ Серкландіи Африкѣ, произошли отъ простаго столкновенія его съ африканскимъ венремъ на островѣ Сициліи. Но такое изъясненіе, очевидно, было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ. Это значило бы, что скальды смѣшали Сицилію съ Африкой. А главное, такое объясненіе совершенно противорѣчить прямому указанію скальдовъ, что Серкландія есть нѣчто другое, чѣмъ Сицилія, и что въ Серкландіи Гаральдъ сражался, прежде чѣмъ явился въ Сициліи.

Остается принять то, что ясно сказано было Тюдольфомъ и не попытто было слагателемъ саги. Гаральдъ, дѣйствительно, сражался въ Серкландіи, то-есть, въ азійско-сарацинскихъ странахъ около Евфрата, въ Месопотаміи и Сиріи; тамъ была первоначальная сцена его подвиговъ. Послѣ похода на Леховъ и занятія Червенскихъ городовъ въ 1031 году, на Руси настало мирное время:

Въ 1032 году „Ярославъ поча ставити города по Рѣси“.

Въ 1033 году „Мстиславичъ Еустафій умре“.

1034. Пустой годъ.

1035. Пустой годъ.

Значить „мирно бысть“. Что было дѣлать иному изгнанному принцу въ Кіевѣ? Онъ отправился, конечно, съ Русскими, и сопровождаемый своими норвежскими спутниками-приверженцами туда, гдѣ воевали Русские. Мы знаемъ, что у греческаго правителя пріевфратской страны, который овладѣлъ Эдессою, были подъ начальствомъ Русские люди (см. выше гл. IV). Этимъ правителемъ былъ именно Георгій Маніакъ, имя котораго такъ тѣсно связано съ исторіей Гаральда. Мы знаемъ,

ЧТО ВЪ 1033 году греческий эгерархъ Феоктистъ былъ отправленъ съ большимъ войскомъ въ Сирію. Мы знаемъ, что въ томъ же году Никита Пяговитъ, начальствуя русскимъ отрядомъ, овладѣлъ крѣпостью Перки, на границахъ Армении, вблизи Вавилона, — какъ говорить Кедринъ. Вообще Византійцы въ это время одержали нѣсколько весьма важныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ Сарацинами. Мы знаемъ, наконецъ, что въ 1034 въ Фракійской тѣмѣ стоялъ корпусъ Варанговъ.

Здѣсь и нужно искать Гаральда; въ это время онъ участвовалъ во взятіи 80 городовъ (сколькъ не говорить прямо, что города взяты Гаральдомъ и конечно не всѣ эти города были похожи на Эдессу или даже Перки) въ Серкандіи. Однимъ словомъ, онъ находился среди греческаго иностранного корпуса, среди Русскихъ и среди Варанговъ 1034 года.

Четверостишіе Скальда Бельверка, приведенное въ одной редакціи саги (*Antiquités Russes* II, 23) заставляетъ думать, что первый подвигъ Гаральда былъ совершенъ на морѣ. „Бодрый правитель оба-гриль носи корабельные въ сраженія и вступи въ число наемни-ковъ (ok gekk á nála — выраженіе, употребляемое о Взрингахъ); съ тѣхъ поръ (sidhan, ex quo) имѣль битвы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и онъ кончались желаннымъ образомъ“¹⁾). Это очень возможно. Въ 1032 и 1033 годахъ сицилійскіе и африканскіе Сарацины дѣлали морскіе набѣги на острова и береговыя страны собственной Греціи (*Cedren.*, II, 499 и 500); потомъ въ 1034 году ими разорены были Миры Ликийскіе (*ibid.*, p. 511) и далѣе въ 1035 г. острова Кикладскіе и побережье тѣмѣ Фракійской (*ibid.*, 513) и т. д. Въ одномъ изъ морскихъ сраженій, данныхъ имъ Никифоромъ Карапитомъ, могъ участвовать Гаральдъ.

Затѣмъ онъ вступилъ въ число наемниковъ (Варанговъ) и остался въ средѣ ихъ нѣсколько лѣтъ, то-есть, вѣроятно, до того времени, какъ Георгій Маніакъ и русскій корпусъ отправлены были въ южную Италію (1038 г.? 1040 г.?). Пребывалъ ли все это время Гаральдъ въ Серкандіи, на это отвѣтъ находимъ у монаха Теодорика. Не называя Серкандіи, этотъ послѣдній именуетъ Блааландію, какъ мѣсто подвиговъ Гаральда. О Блааландіи говорится и въ поэзіи скальда Бельверка (*Antiquites Russes*, II, 28 и въ другихъ мѣстахъ). „Краснорѣчивый воинъ, славный храбростю! Плыvia въ Блааландію,

¹⁾ Sidhan hildr hvert ár, sem ejalfrit vildub. (Прозаическая конструкція.)

ты подвергался опасности, когда сила вѣтра быстро гнала широкую корму. Бура потрясала край корабля, орошенный тяжелыми волнами⁴, и т. д. На первый взглядъ Блааландія, стоящая у Теодорика на мѣстѣ Серкландіи, есть та же самая сарацинская Азія. Но Теодорикъ переводить ее по латыни Эвіоніей и притомъ въ сагахъ, какъ утверждаютъ знатоки, Blámaðir (синий человѣкъ, Негръ), житель такой страны, обыкновенно отличается отъ Серкира-Сарацина (Словарь Клинби-Бигфуссона). Блааландія нужно искать въ той Африкѣ, которая не будетъ Серкландіей. Въ 1034 году византійский береговой флотъ, подъ начальствомъ протоскаѳарія Текнєи (Τεκνέας), отправился изъ Абидоса къ устью Нила; онъ достигъ Александрии, захватилъ здѣсь множество кораблей и безъ вреда воротился назадъ (Cedren, II, 502). Это и есть походъ Гаральда въ Блааландію. Наконецъ, прежде Сицилійского похода у Теодорика помѣщается путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ; въ сагѣ оно стоитъ совершенно на другомъ мѣстѣ, въ концѣ византійской службы Гаральда, и притомъ вѣсто простаго путешествія тамъ явилось завоеваніе Іерусалима и Палестини. Все это сага сообразила изъ слѣдующихъ стиховъ скальда Стуфа (Heimskr. c. 12. Morkinskinna, Flateyarbok, Fagrskinna): „Воинственный король, смѣлый въ битвахъ, отправился покорять Іерусалимъ (þóf leggja und sik Jorsali). Верхняя страна благопріятствовала (была расположена къ) виновнику битвъ (Гаральду) и Грекамъ; эта земля, не подвергшись какому-либо опустошению пожаромъ, по причинѣ огромной силы поступила въ справедливое владѣніе воителя“. Не совсѣмъ ясны эти слова, но конечно, исправлять текстъ мы не рѣшились, хотя это было бы и довольно легко при помощи хорошаго лексикона (вмѣсто leggja und sik, положить подъ себя, — leggja stund sik, положить близко къ себѣ, или въ перенесномъ смыслѣ—позаботиться). Во всякомъ случаѣ не сказано, чтобы Гаральдъ успѣлъ покорить Іерусалимъ; это скорѣе можетъ быть предполагаемо о „болѣе высокой“ или „лучшей“ странѣ, а что подъ нею разумѣется — сказать трудно. Изъ дальнѣйшей цитаты, приведенной сагой, мы убѣждаемся, что скальдъ Стуфъ говорилъ просто о пилигримствѣ Гаральда. „Мудрость и гиѣвъ Агдѣйского повелителя (Гаральда) многихъ неѣрныхъ (вѣроломныхъ) людей укротили (геррессит) на берегу Йордана; такъ говорила молва. За свои несомнѣнныя преступленія они получили худой приемъ отъ правителя и подверглись неизбѣжной гибели“ Невѣрные или вѣроломные люди, съ которыми Гаральдъ имѣлъ дѣло на берегу Йордана, были или собственные его люди, или

проводники, или же наконецъ, Бедуины, обычные враги пилигримовъ. Такъ или иначе, путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ должно находиться въ связи съ тѣмъ, чтѣ читается у Кедрина (II, 501) все подъ тѣмъ же 1034 годомъ. Послѣ египетскаго калифа Хакема (*Asia, Asios*) врага христіанъ, разрушившаго храмъ Іерусалимскій, взошелъ на престолъ сынъ его, рожденный отъ цѣпной Гречанки; онъ позволилъ желающимъ снова выстроить храмъ, и Византійскіе императоры Романъ Аргиръ и Михаиль IV приняли на себя эту заботу и послыали туда своихъ людей. Мирныя сношенія съ Египтомъ послѣ экспедиціи Текнєи (она предшествовала, по видимому, вступленію на престолъ новаго калифа), въ 1036 году увѣнчались даже заключеніемъ мира на 30 лѣтъ (*Cedren*, II, 515); а послѣ этого совсѣмъ не могло быть рѣчи о завоеваніяхъ византійскихъ въ Палестинѣ. Прибавимъ, что именно въ 1034 году относится пилигримство въ Іерусалимъ другихъ западныхъ людей—въ то время болѣе знаменитыхъ, чѣмъ Гаральдъ. Робертъ діаволь, герцогъ Нормандскій, приходилъ сюда со своими баронами замаливать тяжелые грѣхи свои; онъ умеръ на возвратномъ пути изъ Іерусалима въ Никуѣ, 2-го іюля 1035 года ¹⁾.

Всѣ эти совпаденія дѣлаютъ несомнѣннымъ пребываніе Гаральда въ *Asia* въ 1033 и 1034 годахъ, и слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе считать несомнѣннымъ историческимъ фактомъ участіе Гаральда вмѣстѣ съ Русскими въ борьбѣ православнаго Востока съ мусульмано-саарцинскимъ міромъ на украинахъ того и другаго въ Сиріи и Малой Азіи. Представляется при этомъ только одинъ вопросъ, который долженъ быть решенъ теперь же, прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе по слѣдамъ нашихъ Варяговъ. Нужно полагать, что Гаральдъ, сынъ Сигурда, былъ не единственный Нордманъ (скандинавскій), вступившій въ византійскую службу; есть указанія весьма достовѣрныя, что ранѣе его прибытія въ Миклагардъ уже находилось известное число Норвежцевъ и Исландцевъ, и самъ онъ, конечно, пришелъ не одинъ, но, какъ подобало принцу изгнаннику, окруженному толпою приверженцевъ. Итакъ, естественно думать, что Гаральдъ съ своими скандинавскими товарищами не просто служили на рѣду съ Русскими въ походахъ къ Эдессѣ и Баркири, а составляли особый отрядъ въ иностранномъ греческомъ корпусѣ. Вотъ этотъ отрядъ, согласно съ давно укоренившимся взглядомъ и съ самыми сагами, и могъ бы всего скорѣе быть принятymъ за настоящій

¹⁾ См. *Freeman*, *The Norman Conquest*, I, 473; II, 187.

и единственный варяжский отрядъ. Какъ, по видимому, просто и мирно разрѣшались бы тогда всѣ противорѣчія; какъ легко и удобно было бы сопоставить первое упоминаніе о Варангахъ византійскими историками въ 1034 г. съ современными подвигами Норвежского принца и его спутниковъ въ Серклавдії!

Но мы не должны увлекаться соблазномъ легкихъ соглашеній и обязаны строго держаться своего принципа. Мы пріобрѣли важный для исторіи фактъ присутствія Гаральда въ Малой Азіи только тогда, когда рѣшились, слѣдя законамъ исторической критики, держаться первоначальныхъ и современныхъ источниковъ (пѣсень скальдовъ) и отвергать позднѣйшія произвольныя объясненія, когда сіи послѣднія прямо противорѣчатъ точному смыслу первыхъ. Не будемъ же сбиваться съ своего пути и соблазняться тѣмъ, что сага постоянно твердить о Вэрингахъ и видеть этихъ своихъ Вэринговъ въ однихъ скандинавскихъ Нордманнахъ. Для нась авторитетъ—не сага, но ея источники, современные событиямъ пѣсни скальдовъ. А никто не укажетъ намъ, чтобы въ драгоценныхъ обрывкахъ сѣверной поэзіи XI вѣка именно Скандинавы назывались Вэрингами, чтобы Нордмани въ своей особности и отдѣльности отличались этимъ наименованіемъ отъ другихъ народностей, вмѣстѣ съ ними входившихъ въ составъ иностранной наемной греческой дружины. Слова Вэринги въ этомъ смыслѣ не найдется ни въ одномъ изъ многочисленныхъ двустишій, четверостишій и восьмистишій, приведенныхъ въ сагахъ Олафа, короля Магнуса и Гаральда. Совершенно напротивъ. Есть только одинъ поэтический отрывокъ, упоминающій о Вэрингахъ уже въ XI вѣкѣ: и этотъ единственный, но тѣмъ болѣе драгоценный отрывокъ заставляетъ принца Гаральда избивать Вэринговъ, то-есть, представлять Вэринговъ людьми чужими для Гаральда, не Нордманиами. Это важное свидѣтельство въ пользу нашего взгляда мы приведемъ ниже. Теперь же мы постараемся разъяснить поставленный выше вопросъ другимъ путемъ.

Скальдъ Тюодольфъ называлъ Гаральда „опустошителемъ“ или „раззорителемъ Булгарія“ (*Bolgara brennіг*). Восьмистишіе, въ которомъ мы встрѣчаемъ это указаніе, находится въ самомъ началѣ Гаральдовой саги въ *Heimskringla*, а равно и въ другихъ редакціяхъ. Важно при семъ то, что „опустошитель Булгарія“ есть въ глазахъ скальда такой признакъ, по которому всякий долженъ узнать Гаральда: онъ именуетъ своего героя такимъ образомъ пролептически (*per anticipationem*) уже при описаніи первой битвы, въ которой онъ участво-

валь (Стокгольмская битва 1030 года). Адамъ Бременскій (Lib. III, сар. 12 и 16) говоритъ, какъ извѣстно, о службѣ Гаральда въ Константинополѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись воиномъ императора, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ Сарациновъ на морѣ и противъ Скиѳовъ на суше. Подъ Скиѳами здѣсь также слѣдуетъ разумѣть Булгаръ, потому что съѣмъ же иначе, помимо Сарацинъ, могли Греки вести борьбу на суше? Печенѣги, правда, уже были грозой Задунайскихъ странъ, но около этого времени name извѣстенъ только одинъ набѣгъ ихъ на имперію въ 1034 году, при чемъ, однако, не дошло до сраженія (Cedren, II, 511). За то сами Византійцы, говоря о возстаніи Булгарскомъ 1040 года, называютъ Булгаръ Скиѳами (Pselli hist., р. 71). Въ двухъ наиболѣе подробныхъ редакціяхъ Гаральдовой саги (Morkinskinna и Flateyjarbok, см. Historica Scripta Islandor. VI, 135 и сл. и Antiquit es Russes, II, 31 и далѣе) находится разказъ о нашествії какихъ-то язычниковъ въ предѣлы Византійской имперіи. Одна изъ этихъ двухъ редакцій прямо говорить, что это было при „королѣ Михаилѣ“. Варинги составили лучшую часть войска, выведенного Византійскимъ императоромъ противъ варваровъ. Они же, по его приказанію, должны были первыми выйтти противъ страшныхъ враговъ, у которыхъ было „много желѣзныхъ колесницъ, снабженныхъ колесами“ и очень гибельныхъ въ сраженіи для противниковъ. Гаральдъ пригласилъ своихъ спутниковъ дать обѣтъ святому Олафу, его брату, что они построятъ храмъ въ честь его, если только онъ даруетъ побѣду надъ врагами, столь многочисленными и грозными. Всѣ на это согласились. Во главѣ языческаго войска стояло нѣсколько царей (marga konungar), изъ числа которыхъ одинъ былъ слѣпъ (blindr), но тѣмъ не менѣе, превосходилъ другихъ своимъ умомъ и потому стоялъ во главѣ всѣхъ и всего войска. Когда Варинги начали сраженіе, и язычники пустили свои колесницы, то эти колесницы не трогались съ мѣста, а слѣпой царь вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ впереди непріятельского строя человѣка, сидящаго на бѣломъ конѣ, который распространялъ кругомъ себя страхъ и ужасъ. Когда услышали объ этомъ отъ слѣпаго другіе цари, то всѣ обратились въ бѣгство".

Разказъ этотъ удивительнымъ образомъ напоминаетъ исторію осады города Солуя во время Болгарского восстанія 1040 года, какъ она читается у Кедрина (II, 532). Нѣсколько царей языческаго войска суть: Делеанъ, Алусіанъ, Тихоміръ и Ивака, стоявшіе одновременно и порознь во главѣ восстанія. Делеанъ, впослѣдствіи, именно вскорѣ

послѣ осады Солунской, оставленный (Psell. p. 73; Cedren. II, 533) отправилъ къ Солуни Алусiana, давъ ему 40 тысячъ войска. Булгары при осадѣ употребляли стѣнобитныя машины разнаго рода (Cedren., II, 532: ἐλεκτόλεσι καὶ μηχανῆς); нѣсколько послѣ у нихъ упоминается деревянная стѣна (δέρμα ξυλινὸν (*ibid.* p. 533) *septum lignaeum*). Послѣ шестидневной осады, устраженные жители Солуни обратились съ молитвой къ мощамъ св. Димитрія, и потомъ, внезапно растворивъ городскія ворота, неожиданнымъ нападенiemъ обратили въ бѣгство враговъ. Но побѣдой они одолжены были св. мученику Димитрію, который сражался впереди греческаго строя. *Пльнии Булгары* *жаждевно* утверждали, что они *видѣли спервѣ греческаго строя юношу, сидящую на конѣ* и пускающаго огонь на противниковъ. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ св. Димитрій является на *бѣломъ конѣ* и въ *бѣлой одеждѣ*¹.

Очень легко понять, какимъ образомъ св. Димитрій преобразился въ св. Олафа, а Булгары, подъ первомъ позднейшаго сагописателя,— въ язычниковъ. Еще легче объяснить, какъ извѣстіе о чудѣ Солунскомъ перешло въ скандинавскую сагу. Намъ стоитъ только предположить, что Гаральдъ съ своими Нордманнами дѣйствительно находился въ 1040 году въ Солуни; а это не представляетъ ничего невозможного, ибо онъ оставался въ Византіи до 1044 года. Изъ Атталіоты, сверхъ того, мы знаемъ, что не задолго предъ тѣмъ въ городѣ былъ императоръ Михаилъ со своими *тѣлохранителями* (Attaliot, p. 9: τοὺς ἑν τῇ ἀδλῷ σωματοφύλακας ἔχου). Но этого мало. Несомнѣнно, что при отраженіи булгарскаго нападенія на Солунь участвовали не царскіе тѣлохранители (не Варяги въ смыслѣ лейбъ-гвардіи?), а именно какой-то особый родъ войска, одинъ только разъ и упомянутый на страницахъ Византійской исторіи, никогда не появлявшійся ни до Гаральда, ни послѣ него. Будемъ читать Кедрина внимательнѣе, чѣмъ это до сихъ порь дѣжалось: Οἱ ἐπιχώριοι — ἀνακτέαντες τὰς πόλες ἐξέρχονται κατὰ τῶν Βουλγάρων. Συνῆν δὲ τοῖς Θεσσαλονικεῖσι τὸ τάγμα τῶν μεγαθύμων. ἐξελθόντες δὲ — τρέπουσι τοὺς Βουλγάρους. Итакъ: „смѣсть со Солунянами находился отрядъ велико-сердыхъ“.

Вотъ этотъ отрядъ велико-сердыхъ и есть скандинаво-нордман-

¹) Напримѣръ, въ исторіи осады 597 года той же Солуни Аварами: "Αὐδρα πορράχην καὶ λαμπρὸν, ἕππῳ λευκῷ ἐφεζόμενον καὶ ἴματιν φοροῦντα λευκόν. *Toni-gard*, De l'*histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes*. Paris, 1874, p. 116.

скій отрядъ Гаральда. Вотъ именно это чудесное отраженіе враговъ Византіи отъ стѣнъ Солуни и дало Гаральду титулъ „опустошителя Булгаріи“ у его современниковъ.

Всмотримся еще пристальнѣе въ эти два слова: „тѣ́гма тѣ́в
μεγάθυμον“.

Тѣ́гма на византійскомъ военномъ языкѣ означаетъ собственно баталіонъ или роту, а точнѣе — военный строй въ 300 или 400 человѣкъ. Такъ было во время императора Маврикія, и благодаря византійскому консерватизму въ понятіяхъ и всякихъ порядкахъ, не могло многое измѣниться послѣ него. Хрѣ́ тѣ́гматы діафора γίνεσθαι ἀπὸ τριακοσίων ἢ τετρακοσίων τὸ πλεῖστον ἀνδρῶν (Mavricii strategicum ed. Schef-ferus Upsalæ, 1664, pag. 30). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ родовъ войска, какъ напримѣръ, для оппиматовъ, допускалось нѣсколько большее число, какъ это видно изъ того же Маврикія (pag. 31). На этомъ основаніи мы должны думать, что отрядъ Гаральда, отрядъ собственно скандинавскій, состоялъ изъ 400 человѣкъ или немного болѣе. Это соображеніе разительнымъ образомъ подтверждается единственнымъ прямымъ указаніемъ скандинавской саги относительно количества Взринговъ, состоявшихъ на византійской службѣ. Въ томъ же самомъ сказаніи о чудѣ св. Олафа, только въ другихъ редакціяхъ, пріурочивающихъ его къ позднѣйшему времени, именно къ царствованію Алексія Комнина, и уже прямо, вмѣсто язычниковъ, именующихъ Печенѣжскую орду, число Взринговъ опредѣляется въ пол-пяти сотни = 450 человѣкъ¹⁾.

Что касается выражения μεγάθυμοι, то вонервыхъ, оно напоминаетъ другія византійскія названія подобнаго же рода для разныхъ особаго рода военныхъ отрядовъ; для примѣра могутъ служить очень часто упоминаемые „бесмертные“ ἀθάνατοι. А вовторыхъ, μεγάθυμος не можетъ быть переводимо словомъ „великодушный“, какъ это сдѣлано въ латинскомъ переводе Кедрина, ибо оно вовсе не равносильно съ μεγαλοφуχос.

¹⁾ Въ сагѣ св. Олафа, дополненной чудесами: hálfir fimta hundrat. Другое членіе «fimta hundradh tannar» (500 человѣкъ), очевидно, произошло изъ первого. См. Antiquité Russes, I, 469. Scripta Islandor., V, 147. Ср. Radius (Heisli), стилотвореніе, написанное въ честь Олафа около половины XII-го вѣка, Scripta V, 343. Въ немъ читается также hálfir fimta, но въ латинскомъ переводе ошибочно поставлено «quingenti quadraginta». Ср. Лексиконъ Клизби-Вицессона, р. 242. О сочиненіи Эйнера Скуласона (Heisli), см. Maierst, Ueber die Ausdrücke р. 553. У Кедрина (II, 523) начальникъ отряда (той тѣ́гматос) Аркянъ имѣеть подъ командою 500 пѣхотинцевъ.

(*magnanimus*), а означает человѣка или народъ „съ великимъ сердцемъ“ и выражаетъ полноту и энергию духа, а также силу и страсть темперамента. Въ такомъ смыслѣ оно употребляется у Гомера не только о людяхъ, но и о животныхъ (о быкѣ), и такой же смыслъ сохраняетъ у позднѣйшихъ писателей. Въ этомъ своемъ настоящемъ значеніи слово *μεγαθυμος* очень удобно могло служить для перевода скандинавскаго *hardhradhr* (или же наоборотъ?), особенно если мы допустимъ необходимость нѣкотораго евфемизма при наименованіи иностранного принципа и его товарищей. Въ словарѣ Клизби-Вигфуссона, „*hardhradhr*“ объяснено: *hardh* in counsel, tyrannical, въ латинскихъ переводахъ сагъ обыкновенно передается словомъ *severus*, строгій. Другіе скандинависты (Рафнъ) переводятъ то же самое выраженіе словами „смѣлый или храбрый“, что уже вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ греческаго *μεγαθυμος*. (См. статью Г. С. Дестуниса, о которой рѣчь будетъ ниже).

Во всякомъ случаѣ, если есть какой несомнѣнныи фактъ въ исторіи византійской службы норвежскаго героя, то такой фактъ есть его борьба съ Булгарами и его присутствіе въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года. Допустивъ это, мы, по необходимости, должны узнать его и его спутниковъ въ „отрядѣ великосердыхъ“, который только разъ, именно въ исторіи Солунской осады Булгарами, и упоминается у Византійцевъ. А изъ этого слѣдуетъ, что *отрядъ Гаральда*, сына Сигурдова, состоявшій изъ его соотечественниковъ-Скандинавовъ, въ своей отдѣльности и особности отъ цѣлаго союзного (русскаго) корпуса *не назывался у Византійцевъ Варангами*, и что Варанги означало нечто другое, а что именно — это мы уже высказали пока въ видѣ положенія, которое будемъ доказывать. Тѣ ученые, которые видать въ Варангахъ только императорскихъ тѣлохранителей, тѣмъ безпрепятственнѣе могутъ принять отмѣченный курсивомъ выводъ, что, по прямому свидѣтельству Атталюты, царскіе тѣлохранители во время осады Солуни были въ другомъ мѣстѣ.

Мы должны сказать еще два слова объ участіи норманнской дружинѣ Гаральда въ борьбѣ противъ Булгарского восстанія. Къ этому вызываетъ насъ любопытный памятникъ, извѣстный подъ именемъ рунической надписи на Пирейскомъ (Венеціапскомъ) львѣ. Надпись, или лучше сказать, надписи эти прочитаны датскимъ ученымъ Рафномъ и гласятъ слѣдующее: „Гаконъ, вмѣстѣ съ Ульфомъ, Асмундомъ и Ерномъ завоевали эту гавань. Сіи люди и Гаральдъ Высокій наложили (на жителей той страны) значительныя подати за возмущеніе народа“.

иреческою. Дальжъ остался въ плѣну (былъ задержанъ) въ отдаленныхъ странахъ. Егиль отправился въ походъ съ Рагнаромъ въ Руманию... и Армению".

Другая надпись, на другомъ боку льва, начертанная также, какъ и первая, рунами, прочитана слѣдующимъ образомъ: „Асмундъ начертилъ эти руны вмѣстѣ съ Асгейромъ, Торлейфомъ, Тордомъ и Иваромъ, по повелѣнію Гаральда Высокаго, не взирая на запрещеніе Грековъ".

Въ Гаральдѣ Высокомъ Раfnъ узнаетъ нашего героя Солунской исторіи, предполагая, что только позднѣе такое прозваніе замѣнено было въ сагахъ, другимъ, означающимъ строгій, смѣлый или храбрый. Мы очень готовы признать такую догадку основательно—съ тѣмъ только видоизмѣненіемъ, что первоначально, въ Византіи, „смѣлыми, храбрыми", *hardhradhr*, назывался скандинавскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Гаральда, а послѣ слагатели сагъ перенесли это название исключительно на одного предводителя „храбрыхъ" ¹⁾). Точно также въ Ульфѣ Раfnъ узнаетъ хорошо извѣстнаго по сагѣ спутника и вѣрнаго друга Гаральдова Ульфа Успаксона. Рагнаръ и Тордъ также могутъ найти своихъ двойниковъ въ сагахъ (въ самой Гаральдовской и въ Еймундовской сагахъ). Но и тѣ спутники, которые по сагамъ не извѣстны, конечно, отъ этого не становятся болѣе проблематическими, чѣмъ Торбюрий и Торнестейнъ Греттирой саги.

Чтобы объяснить, какъ Нордманнъ очутились въ Циреѣ, Раfnъ обратилъ вниманіе на исторію Булгарскаго восстания 1040 года. Оно, какъ извѣстно, распространялось на тему Никопольскую, которая тогда обнимала Акернанію, части Етера и Фессалии, и, повидимому, на самую Элладу. По крайней мѣрѣ мы читаемъ у Кедрина (II, 529) слѣдующія слова: Делеанъ пославъ значительный отрядъ (войска) подъ начальствомъ „такъ называемаго кавказа" ²⁾), взялъ Диракхій (Драчъ въ Эпирѣ). Онъ послалъ также другое войско въ Элладу, подъ начальствомъ Анеима. На встрѣчу этому послѣднему вышелъ Алакассей, и вступивъ въ сраженіе *при Оивахъ*, обращенъ былъ въ бѣгство, при чёмъ убито было большое количество Оиванцевъ". На

¹⁾ Нельзя ли думать, что: *Haf : if* есть рунически написанное (*με-*) γαθύμοι? Послѣ слова *Hafad*, совершенно ясного, въ обѣихъ надписяхъ слѣдуютъ знаки непознанные и неясные: см. у Фримэна въ нижеуказанномъ мѣстѣ (II, 578).

²⁾ τόυ λεγόμενου καικάου, а по другому чтенію — καικάου: и такъ кавказъ не имя, а титулъ, чѣмъ заслуживаетъ вниманія.

этомъ Кедринъ останавливается и говорить далѣе о добровольномъ переходѣ на сторону Булгаръ жителей темы Никопольской. Но чѣ же послѣдовало за побѣдой Булгаръ подъ Оивами? Кедринъ объ этомъ молчить, равно какъ молчить и о томъ, когда воротился Анеимъ изъ Эллады, и вообще воротился ли онъ оттуда добровольно. Но само собою разумѣется, что византійское правительство должно было принять какія-нибудь мѣры противъ успѣховъ мятежа, и Нордманны легко могли очутиться въ Элладѣ. Аргументъ *a silentio* не можетъ быть признанъ вполнѣ несомнѣннымъ, когда имѣешь дѣло съ компиляторами въ родѣ Кедрина. Мы не считаемъ возможнымъ отвергать цѣлый рядъ замѣчательныхъ совпаденій только на томъ основаніи, что у плохаго византійскаго компилятора не упомянуто о какомъ-либо восстаніи или волненіи въ Аениахъ, городѣ, въ то время весьма незначительномъ и вообще рѣдко упоминаемомъ на страницахъ Византійской исторіи. Тема Никопольская несомнѣнно заключала въ себѣ часть Фессалии и чисто греческое населеніе, а она *добровольно* пошла (*прозерроп*) подъ власть Делеана. Въ Элладѣ и Морѣ, чѣ бы ни говорили, безъ сомнѣнія, были еще въ XI вѣкѣ слѣды славянскаго населенія, не совсѣмъ уничтоженные побѣдою при Патрахъ, о которой говорится въ извѣстной грамотѣ патріарха Николая (около 1081 г.), и которая относится къ половинѣ IX вѣка, и не наобумъ шло сюда булгарское войско. Сверхъ того: кто допускаетъ, что надпись на Пирейскомъ львѣ дѣйствительно написана рунами, и кто принимаетъ хотя приблизительную вѣрность чтеніе Рафна, но отвергаетъ его объясненіе, тотъ долженъ быть принять на себя обязанность дать другое объясненіе и указать, въ какое иное время скандинавская надпись могла быть сдѣлана на Пирейскомъ львѣ. Периодъ времени, въ которомъ пришлось бы осмотрѣться, не быть бы очень длиненъ, особенно—если допустить вѣрность чтенія хотя въ названіяхъ Гаральда и Армении, въ чёмъ, по видимому, нѣть причины сомнѣваться. Въ XII вѣку, во времени Гаральда Іорсалафара (іерусалимскаго паломника), надпись не можетъ относиться потому, что Армения тогда не принадлежала Грекамъ и была далеко отъ пограничныхъ мѣстъ, гдѣ стояли византійскія войска. А къ X вѣку тѣмъ менѣе согласятся относить надпись тѣ, которые не желаютъ отнести ее къ лѣту 1040 года¹⁾.

¹⁾ Восстаніе темы Никопольской и походъ Анеима въ Элладу у Кедрина (II, 529—531) почти непосредственно предшествуютъ Солунской осадѣ, которая

Однимъ словомъ Пирейская надпись подтверждаетъ участіе скандинавского отряда въ борьбѣ съ Булгарскимъ восстаниемъ и присутствіе Гаральда въ Солуни, а въ свою очередь подтверждается въ своемъ значеніи, указанномъ Рафномъ, этими несомнѣнными фактами. Нападеніе Булгаръ на Солунь послѣдовало послѣ похода Анеима въ Элладу, и Гаральдъ, давшій приказаніе сдѣлать надпись въ Пирѣ, то-есть, укротившій восстание въ Аениахъ, могъ безъ труда очутиться въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года—моремъ или сушью. Но и Пирейская надпись ничего не говоритъ о *варягествѣ* Гаральда и его Нордманновъ, хотя, конечно, этого нельзя было отъ нея требовать, даже въ случаѣ, еслибы они были Варягами.

Съ чудомъ св. Олафа, явившагося на помощь брату, сага соединяетъ извѣстіе о построеніи въ Константинополѣ храма въ честь Норвежскаго короля. Вѣрнги тотчасъ послѣ возвращенія въ Миклагардъ выстроили, согласно съ даннымъ обѣтомъ, большую церковь, но императоръ препятствовалъ ея освященію, и Гаральду стоило нѣкотораго труда побѣдить егоупорство и т. д. Само собою разумѣется, что ни въ византійскихъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ мы не найдемъ и слѣдовъ, чтобы въ Цареградѣ когда-либо существовалъ храмъ въ честь норвежскаго Олафа, какъ утверждаетъ сага. Другіе скандинавскіе источники, сага объ Олафѣ въ самой краткой редакціи и гомилії на день святаго короля и мученика, принадлежащія та и другая второй половинѣ XII вѣка (*Maurer, Ueber die Ausdrücke*, примѣч. 18, pag. 351 и сл.) не гово-

у него относится къ сентябрю 1040 года. Наши замѣчанія по поводу пирейской надписи направлены противъ статьи Г. С. Деступиса, помѣщенной на французскомъ языке въ *Бюллетеинѣ Академіи Наукъ* (т. I, pag. 89—99), въ русскомъ въ *Запискахъ Археологическаго общества* (1857 года), и отвѣчающей на вопросъ: «подтверждаетъ ли византійская исторія содержаніе Пирейской греческой надписи?» Почтенный авторъ статьи отвѣчаетъ отрицательно, упирая главнымъ образомъ на Никопольскую тему, и доказывая, что Эллада не входила въ ея составъ, и что, следовательно, восстание въ темѣ Никопольской не предполагаетъ восстания въ Аениахъ. По нашему мнѣнію, больше вниманія при этомъ заслуживалъ бы походъ Анеима въ Элладу и побѣда его надъ правительственными войсками при Фивахъ. Сагою о Гаральдѣ, и въ частности, Пирейскою надписью занимается и англійскій ученый Фрименъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи (*The Norman Conquest*; см. особенно томъ II, стр. 75—78 и 578 втораго изданія, 1870 года); но его замѣчанія по этому частному и въ сущности постороннему для него вопросу не представляютъ ничего нового и важнаго. См. первѣштѣнныя замѣчанія въ III томѣ при сопоставленіи чисто историческихъ извѣстій съ сагами (пп. 333 и слѣд., пр. 710 и сл.).

рять, чтобы храмъ, построенный въ честь Олафа, былъ названъ его именемъ. Они представляютъ и самое событие несолько въ иной видѣ. Самъ императоръ Византійскій, угрожаемый врагами язычниками, обратился молитвенно къ заступлению св. Олафа и далъ обѣтъ построить въ Константинополь храмъ „подъ именемъ святаго и въ честь святой дѣвы“. Но при исполненіи обѣта оказалось, что Греческій императоръ не считалъ для себя и своей церкви обязательнымъ то опредѣленіе норвежскаго народнаго собранія, которымъ еще въ 1031 г. убитый въ сраженіи король Олафъ былъ признанъ и объявленъ святымъ. Храмъ былъ выстроенъ въ честь и во имя святой дѣвы: *lét gera kirkjuna*—*oc lét vigia hinni haeglu Marii* (*Antiquités Russes*, I, 476); Варнги только помогали его постройкѣ и украшенію. Въ такомъ видѣ дѣло гораздо правдоподобнѣе, если не относительно повода, то по крайней мѣрѣ, относительно слѣдствія, то-есть, построенія варяжской церкви св. Маріи. Мы узнаемъ здѣсь ту „варяжскую богородицу“—*Паңаңыа Варачүәттәсса*, существованіе которой въ Константинополѣ сдѣжалось известнымъ только въ самое послѣднее время по надписямъ, открываемымъ местными учеными. Очень жаль, что труды Паспали, которому такъ много обязана эпиграфика и древняя топографія Константинополя, остаются такъ мало доступными для русскихъ ученыхъ по отсутствію у насъ почти всякихъ сношеній съ Константинополемъ.¹⁾). Но вотъ что пишетъ французскій генеральный

¹⁾ Мы знали, что труды Паспали по средневѣковой эпиграфикѣ Константина опубликованы въ константинопольскомъ периодическомъ (двухмѣсячномъ) изданіи греческаго филологического общества, носящемъ заглавіе: 'О єу Константиноуполѣ: єллѹихѡс Філолоѹихѡс Ѕюллюѹос, и употребляли не мало стараний, чтобы получить возможность воспользоваться изслѣдованіями ученыхъ этого общества. Благодаря любезному участію посредству Л. Н. Майкова, мы получили несколько нумеровъ изданій изъ Константинополя; Г. С. Дестунистъ отыскалъ другія тетради у здѣшнихъ ученыхъ Грековъ; въ библиотекѣ И. В. Помяловскаго нашелся также одинъ годь греческаго Ѕюллюѹос: но все-таки мы имѣли въ рукахъ не цѣльное изданіе, и что особенно жаль, не видали послѣдніхъ новѣйшихъ выпусковъ. — Обращаемъ вниманіе русскихъ ученыхъ изслѣдователей и ученыхъ обществъ на этотъ интересный журналъ. Въ однѣмъ изъ выпусковъ, которые были у насъ въ рукавѣ, появилась большая статья о А:плѹихѹ — о памятникахъ, воздвигнутомъ, какъ предполагаютъ, въ память победы Грековъ надъ Игоремъ; по нѣкоторымъ указаніямъ намъ известно, что на стѣнахъ Константинополя недавно открыта надпись, имѣющая отношение къ походу Олега. Быть можетъ, знакомство съ этой надписью было бы поменено какъ для тѣхъ, которые считаютъ походъ Олега сказкою, такъ и для тѣхъ, которые негодуютъ на такое посягательство противъ русской летописи.

консулъ въ Константинополѣ, Белзінъ, въ сочиненіи, озаглавленномъ „Исторія латинской церкви въ Константинополѣ“: „Les Varanges, dit M. Paspati, avaient une église particulière Panaia Varanghiotica „N. D. des Varangues“ sise à la façade ouest de Sainte-Sophie, et presque contigüe à cette basilique“ (*Beelín, Histoire de l'église latine à Constantinople.* Paris, 1872, pag. 166). „Варяги имѣли особую церковь, которая называлась Варяжскою Богородицею, и была расположена при западномъ фасадѣ св. Софії, почти соприкасалась съ этой базиликою“. Какъ самое название, такъ и мѣстоположеніе храма заставляютъ думать, что эта была церковь не латинская, а греческая, православная, и Варяги, которые въ ней молились, которые дѣлали въ ней свои приношенія, были не латинами, а просто православными людьми, то-есть, по нашему мнѣнію,—Русскими. Темные слухи о ея существованіи и значеніи могли быть принесены на сѣверъ либо спутниками Гаральда, служившими въ русскомъ иностранномъ корпусѣ, какими-либо другими Нордманнами, ходившими чрезъ Кіевъ въ Византію. Въ какомъ отношеніи церковный пересказъ о чудѣ Олафа, не упоминающей о Гаральдѣ, находится къ выше нами приведенному—рѣшить весьма трудно; но для нась нѣтъ необходимости заниматься этимъ вопросомъ. Наше убѣжденіе объ участіи Гаральда въ булгарской войнѣ Михаила IV основано на его прозваніи „булгарораззорителемъ“ въ пѣсняхъ скальдовъ, на „отрядѣ великосердыхъ“, находившихся въ Солуни, на Пирейской надписи,—такъ что оно не будетъ поколеблено и въ томъ случаѣ, если бы разказъ нашей саги о чудѣ оказался только передѣлкою церковной легенды.

Дальнійшій пунктъ въ исторіи Гаральда, который мы считаемъ нужнымъ разыяснить въ настоящей главѣ, касается такого замѣчательного и громкаго события, какъ освѣщеніе Византійского императора, и служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ вѣрности нашего критического отношенія къ сагамъ вообще и въ особенности къ сагѣ Снорре Стурлесона о Гаральдѣ. Во всѣхъ редакціяхъ саги событие разказывается почти одинаково. Гаральдъ, возвратившись изъ Іерусалима въ Мицлагардъ, свѣль знакомство съ племянницей (по брату, а въ другихъ редакціяхъ по сестрѣ или даже съ дочерью сына) императрицы Зои, по имени Маріей; забывъ о дочери Ярослава Кіевскаго, Елизаветѣ, въ честь которой онъ слагалъ свои стихи, Гаральдъ просилъ руки принцессы, но получилъ отказъ отъ царицы, потому что Зоя сама хотѣла имѣть своимъ мужемъ юнаго и храбраго норвежскаго героя: такъ, по крайней мѣрѣ, разказывали „Вернги, бывавшиe здѣсь въ сѣверныхъ

стравахъ и служившіе въ Миклагардѣ“ (сага). Ревнивая Зоя обви-
нила Гаральда въ разныхъ преступленіяхъ, и Греческій царь Кон-
стантина Мономаха, раздѣлявшій тогда престолъ съ своей супругой
Зоей, заключилъ Гаральда въ тюрьму, а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ
его спутниковъ Галдора и Улфа. Сверхъестественнымъ заступничес-
твомъ св. Олафа спасъ своего брата. Одна византійская дама, ко-
торой Олафъ явился во снѣ, вывела Гаральда изъ темницы: побуж-
денія ея, конечно, были чисты, чѣмъ побужденія Спесь, освободившей
Греттира, но иѣкоторое сходство въ обоихъ разказахъ все-таки су-
ществуетъ. Получивъ свободу, Гаральдъ тотчасъ бросился къ Взери-
гамъ, которые при его входѣ встали и встрѣтили его привѣтствіями,
потомъ, по приглашенію вождя, скватили оружіе и устремились туда,
гдѣ почивалъ императоръ Константина, скватили его и вырвали ему
оба глаза. Слагатель саги приводить двухъ скальдовъ въ свидѣтели
своего разказа и все-таки самъ удивляется своему повѣствованію: „Въ
двухъ поквалахъ Гаральду и во многихъ другихъ стихахъ, къ нему
относящихся, упоминается о томъ, что самъ Гаральдъ ослѣпилъ царя
Греческаго, и иѣть основанія отрицать, что ослѣпленъ былъ именно
императоръ, потому что поэты могли бы совершенно спокойно ска-
зать, что это случилось съ графомъ или герцогомъ, еслибы они
знали это за болѣе истинное; самъ Гаральдъ и тѣ, которые съ нимъ
были, такъ передали событие“ (Morkinskinna, Flateyarþók и одинъ
списокъ Heimskringla: см. Antiquités Russes, I, 374; II, 55. Scripta
Island. VI, 156).

Посмотримъ, въ чёмъ дѣло. Что Гаральдъ такъ или иначѣ уча-
ствовалъ въ ослѣпленіи Византійскаго императора, вѣтъ не можетъ
быть никакого сомнѣнія. Два современные скальда обѣ этомъ сви-
дѣтельствуютъ. Одинъ изъ нихъ Тораринъ, сынъ Скегги (Thorarin
Skuggiason, упоминаемый у Аре Фроде), есть авторъ стиховъ, въ ко-
торыхъ говорится, что „превосходный воитель (Гаральдъ) наполнилъ
свои руки до красна раскаленнымъ угольемъ (то-есть, золотомъ) земли
Греческой, а престолодержатель (=императоръ), пораженный силою
рановъ, превращенъ былъ въ совершенную слепоту“. Еще яснѣе поэзія
Тіодольфа: „Убрутитель волчьяго голода приказалъ вырвать тотъ и
другой глазъ престолодержателя; тогда поднялось сильное смутеніе
(бунтъ, возмущеніе). Князь Агденскій (Гаральдъ) наложилъ позорный
знакъ сильному царю на Востокѣ, и царь Греческій подвергся боль-
шому бѣдствію“ Итакъ, Греческій императоръ действительно былъ
ослѣпленъ, но только этимъ императоромъ никакъ не могъ быть Кон-

стантина Мономаха. Очень хорошо известно всемъ и каждому, знакомому съ историей, что Константинъ Мономахъ сохранилъ зрѣніе до конца своей жизни и умеръ спокойно на престолѣ. Опять является предъ вами одна и та же дилемма: или мы должны отбросить прозаической пересказъ саги, или признать современныхъ событийъ исландскихъ скальдовъ повинными въ самой наглой лжи. Но послѣднее не возможно, а первое совершенно оправдывается уже самимъ позднимъ происхожденiemъ саги.

Скальды не говорятъ, какой именно императоръ былъ осѣпленъ. Но такимъ императоромъ могъ быть только Михаилъ V Калафатъ, дѣйствительно низверженный съ престола народнымъ возмущенiemъ и потомъ лишенный зрѣнія самимъ безчеловѣчнымъ образомъ. Низвержение случилось 20-го апрѣля 1042 года, а осѣпленіе — 21-го апрѣля. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ перенесенiemъ основного факта отъ Константина Мономаха на Михаила V, падаютъ и вся побочная подробности, передаваемыя сагой, разрушается вся экономія ея постройки, окончательно подрывается вся хронологія, порядокъ и связь ея эпизодовъ. Все это, впрочемъ, и само по себѣ крайне шатко. Не говоря о чудесахъ, совершаемыхъ Олафомъ, мы были бы поставлены въ большое затрудненіе племянницей Зои, Марией, еслибы считали сколько-нибудь обязательными для себя вѣрить прозаической поэзіи сагъ. Отецъ Зои, Константинъ VIII, не имѣлъ дѣтей мужскаго пола, а двѣ сестры Зои были тоже бездѣтны, какъ и она сама; старшая даже постриглась еще при отцѣ въ монахини¹⁾. Мария, конечно, упоминается въ современной Гаральду Византійской исторіи, но это была мать императора Михаила V, низверженаго и осѣпленаго. Если ее похитилъ норвежский герой во время Константина IX (сага разказываетъ о похищении вслѣдъ за осѣпленiemъ Мономаха), то нужно подивиться его выбору, потому что это была уже слишкомъ пожилая женщина.

Гораздо поучительнѣе и любопытнѣе будетъ сличеніе данныхъ, сообщаемыхъ современною поэзіей съвера, съ достовѣрными фактами Византійской исторіи. Быть можетъ, мы найдемъ при этомъ объясненіе той роли, какую Гаральдъ игралъ въ Константинопольскомъ мятежѣ. Восстаніе было вызвано привязанностью народа къ фамиліи Василія II и негодованіемъ противъ Калафата, который отплатилъ черною неблагодарностю племянницѣ Василія, Зоѣ, усыновившей его

¹⁾ Psell Hist., p. 26.

и возведшей его на престолъ. Псель, современникъ и очевидецъ, одинъ изъ секретарей Михаила, стоявшій, во время смутенія, предъ дворцомъ въ толпѣ народной (Histor., p. 92), сообщаетъ драгоценныя подробности о томъ, что происходило на глазахъ у него. Онъ говоритъ, что не только туземное Цареградское населеніе, мелкие купцы и лавочники, поднялись противъ Калафата, но и чужестранные наемники. Вотъ въ высшей степени важныя для нась слова историка: „*Даже наемники и союзники*, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры, я—разумлю *Тауроскиоео*,—или другіе какіе (люди) не могли удержать гиѣва, но всѣ готовы были положить душу за царицу“ (Pselli Hist., p. 91). „*Αλλ' οὐδὲ* ἐσούνται ταῦτα συμμαχίκον εἰώνται παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σχολαῖς, ἡ δὲτεροὶ τινὲς, κατέχειν ἥδουντο τὰς ὄργας и т. д. Мы видимъ: а) что и наемники, и союзники у Пселя здѣсь одни и тѣ же Русскіе, точно такъ какъ въ разказѣ о русскомъ корпусѣ, присланномъ изъ Киева въ 988 году¹⁾; и б) даѣте узнаніемъ, что Русскіе принимаютъ важное участіе въ апрѣльской престолонаслѣдной революціи 1042 года. Передъ дворцомъ императорскимъ Псель своими глазами видѣлъ людей, держащихъ топоры въ рукахъ и потрясающихъ тяжеломечтными сѣкирами (ό μεν πελέκου διηγκαλισμένος, ο δὲ ρόμφαιαν τινὰ κραδαίνον τῇ χειρὶ βαρισιδηρον π. 92). Въ этихъ людяхъ многіе узнаютъ Варанговъ, но тогда эти Варанги будуть Русскіе Варанги.. Въ самомъ началѣ восстанія, толпа разломала двери государственной темницы, и убивъ стражей, освободила узниковъ (Attalot., pag. 15). Усиленная ими, она осадила дворецъ, и когда опасность сдѣлалась грозно-очевидною, „императоръ боялся выйти впередъ, но опасался также и оставаться на одномъ мѣстѣ; у него не было союзной силы во дворцѣ, да и призвать ея не было возможно; ибо *самые наемники, содержащимые* (кормимые) во дворцахъ, — одни были какъ-то двусмыслины въ своемъ настроеніи и не совсѣмъ слушались приказаний, а другіе явнымъ образомъ стояли на противной сторонѣ, и выломившись (изъ подъ послушанья) пристали къ толпѣ“ (Pselli, p. 93 и 94). Συμμαχία τε αὐτῷ οὖτε ἐν τοῖς βασιλείοις ἦν, οὖτε ἐξῆν μεταπέμψειν.

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, построение вышеупомянутаго периода совершенно ясно. При глаголѣ ἥδουνтъ стоять два субъекта; первый: союзники и наемники, под которыми разумѣются Русскіе; второй: всякие другие люди, то-есть, не наемники и не союзники, и не Русскіе. Впрочемъ, некоторая неловкость словъ: ἡτεροι τινὲς не можетъ быть отрицаема: не сдѣлугаетъ ли читать вмѣсто ἡτεροι τινὲς (== ἡтер тиует), какъ стоитъ въ рукописи, ἡταριάς; или ιταιριαν?

хай аўтò ўар тò паратрефіевону ён таїс аўлаіс ёеукон, оі мèн амфі-
волові пас ѡсау таїс үншыкіс — — — оі дз — — апераравутоас тоїс плή-
вес суневрэвгозаан. — Если за двѣ страницы подъ наемнымъ войскомъ,
содержимымъ императорами, Псельь разумѣль Тавроскиевъ, то и
адѣсь несомнѣнно рѣчь идетъ о нихъ же. *Русскіе* составляли при
Михаилѣ V иноземный отрядъ, охранявшій дворецъ и его священ-
ную особу. Часть ихъ отложилась отъ него, такъ что императоръ
долженъ былъ вооружить придворную прислугу (Pselli Hist., p. 94)
на помощь немногимъ, оставшимся вѣрными. По словамъ Кедрина
(Ш, 538 = Скилица) дворецъ былъ взятъ все-таки послѣ упорного
сопротивленія. „Окружающіе императора, раздѣлившиися на три части,
сильно защищались, и было большое убийство. Говорять, что погибло
до 3.000 человѣкъ“ (изъ толпы большою частю безоружной). Импе-
раторъ Михаилъ успѣль бѣжать изъ дворца на морскому суднѣ, но
та же самая толпа, въ которой были опять люди военной службы
(Psell., p. 100), явилась предъ Студійскимъ монастыремъ, гдѣ искаль-
убѣжища уже постригшія императоръ. Утромъ 21-го онъ былъ ослып-
ленъ; варварская казнь была совершена какими-то людьми, кото-
рыхъ Псель называетъ ітамоус хай үрасеіс (p. 101), жестокими и смѣ-
лыми.

Касательно участія Русскихъ въ цареградскихъ событияхъ 1042
года, мы можемъ сообщить еще одно весьма цѣнное извѣстіе, кото-
рымъ мы обязаны ученой любезности товарища, профессора арабскаго
языка въ здѣшнемъ университѣтѣ, барона В. Р. Ровена. Свидѣтельство
принадлежитъ Ибнъ-эль-Атиру, автору Всеобщей истории, писанной хотя
и поздно (въ XIII вѣкѣ), но сообщающей чрезвычайно замѣчательныя
и точныя извѣстія о нѣкоторыхъ византійскихъ событияхъ X и XI
вѣковъ; еще не объяснено, изъ какихъ источниковъ взяты и
свѣдѣнія Ибнъ-Атира. Вотъ что онъ сообщаетъ о переворотѣ 1042
года: „Михаилъ V требовалъ настоятельно отъ Зои, чтобы она шла
въ монастырь... Сославъ ее, онъ хотѣль схватить патріарха, дабы
быть спокойнымъ отъ его приговоровъ; такъ какъ (иначе) царь не
могъ остановить (въ этомъ) патріарха. Царь потребовалъ отъ патрі-
арха, чтобы онъ устроилъ для него пиръ въ одномъ монастырѣ въ
Константинополѣ и хотѣль присутствовать у него (на пирѣ). Па-
тріархъ согласился на это и вышелъ въ указанный монастырь, чтобы
сдѣлать то, что сказалъ императоръ. Затѣмъ императоръ отправилъ
въ монастырь *сборище изъ Русовъ и Булгаръ* и приказалъ имъ убить
тайно патріарха. Они отправились ночью въ монастырь и здѣсь оса-

ждали его. Тогда онъ (патріархъ) раздавалъ имъ большии деньги и вышелъ тайкомъ. Затѣмъ, отправившись въ городъ, патріархъ велѣлъ звонить въ колокола и поднялъ народъ". Дальнѣйший разказъ вполнѣ согласенъ съ византійскими источниками, да и самое участіе патріарха въ возстаніі, низвергнувшемъ Михаила V, есть несомнѣнныи историческій фактъ. Кедринъ (II, 537) сообщаетъ, что Калафатъ смотрѣлъ на патріарха Алексія какъ на приверженца дочерей Константина VIII и сдѣлалъ попытку „извергнуть его изъ церкви“, и что при разгарѣ смутенія народъ устремился въ Софійскую церковь, „гдѣ нашелъ себѣ убѣжище патріархъ, который поносилъ императора и былъ за возвращеніе императрицы“. Изъ „великой церкви“, дѣйствительно, вышла толпа, которая, не удовольствовавшись возвращеніемъ Зои, отыскала сестру ея Феодору и провозгласила ее также императрицею (Cedren ibid.; cp. Pselli hist., p. 96). Нужно замѣтить сверхъ того, что роль, приписываемая въ разказѣ Ибнъ-Эль-Атира Русскимъ, вполнѣ согласна съ поведеніемъ Тавроскиюсъ у Пселла: тѣ и другіе не тверды въ своей вѣрности императору или даже прямо ему измѣняютъ.

Какъ же согласить всѣ эти данныи съ сагой о Гаральдѣ, а если не съ ней, то съ отрывками современныхъ событію пѣсень, сложенныхъ скальдами? Кто захочеть ловить мелькающіе признаки исторической правды въ подробностяхъ саги, не опасаясь увлечься призраками, тотъ можетъ, конечно, думать, что Гаральдъ находился въ числѣ тѣхъ освобожденныхъ мяѣжниками узниковъ, о которыхъ говорится у Атталіоты. Можно будетъ тогда удержать и другую черту извѣстія, сообщаемаго Вильгельмомъ Мальмесберійскимъ, именно—что Гаральдъ попалъ въ тюрьму за безчестіе, налеченное знатной византійской дамѣ. Чудесное явленіе Олафа, равно какъ и левъ, задушенный Гаральдомъ, конечно, будуть оставлены въ области мифа и легенды. Для насъ важно другое. Въ защитникахъ Византійского дворца, сожжимыхъ императорами, мы узнали Варанговъ, а по яснымъ и прямымъ указаніямъ Пселла эти Варанги суть Тавроскии, то-есть, Русские. Гаральдъ является тогда ихъ явнымъ противникомъ; мы должны предполагать его среди возмущившейся толпы, штурмовавшей дворецъ; мы должны предполагать, что именно тогда онъ учинилъ то, что сага (вѣроятно, вслѣдъ за скальдами) называетъ Polotaswurf—грабежемъ (царскихъ) палатъ, и наполнилъ руки византійскимъ золотомъ. Такимъ образомъ, имѣя въ рукахъ сагу, мы пришли къ рѣшительному отрицанію того, на чёмъ она всего болѣе настаиваетъ, или по край-

ней мѣрѣ, о чёмъ твердитъ на каждой страницѣ, именно—что Гаральдъ былъ главою Вэринговъ; онъ не глава Вэринговъ, а ихъ врагъ. Не слишкомъ ли смѣлы приёмы, приводящіе къ такимъ результатамъ? Они были бы слишкомъ смѣлы, если бы въ самой сагѣ, то-есть, въ приводимыхъ ею пѣсняхъ скальдовъ, мы не находили себѣ опоры. Не мы противорѣчимъ своему главному источнику, а сага противорѣчитъ тому, что она признала своимъ первымъ авторитетомъ. Вотъ повѣрка нашего вывода:

Въ небольшомъ пергаменномъ отрывкѣ, содержащемъ въ себѣ исторію Норвежскихъ королей (*Noregs konungatal*), и въ тожественной по содержанію, но болѣе обширной пергаменной рукописи, названной по красотѣ своего переплета Фагрскинною (*Fagr-skinnna*, прекрасная кожа) и содержащей біографіи Норвежскихъ королей (*Aettartal*—фамильный сказанія) то-есть, тѣ же самыя саги Снорре Стурлесона и между ними сагу о Гаральдѣ только въ отличной, и какъ думаютъ, наибогатѣйшей древней редакціи, при разказѣ о нападеніи на дворецъ и объ ослаѣніи императора приведены стихи скальда Валгарда, опущенные какъ въ *Heiþskringla*, такъ и въ другихъ редакціяхъ. Въ изложеніи прозаическомъ нѣтъ почти никакого отличія какъ во всей предыдущей части, такъ и въ той, которая нась теперь занимаетъ. Гаральдъ освобожденъ изъ тюрьмы женщиною, которой явился во снѣ братъ его, св. Олафъ; освобожденный узникъ тотчасъ отправился на варяжское подворье (*Vaeringjaskiptar*), то-есть, въ дома Вэринговъ; когда онъ туда пришелъ, то приказалъ всѣмъ встать и идти въ палаты цара, где онъ почивалъ; здѣсь они убили мѣсколькихъ Вэринговъ, которые держали стражу надъ царемъ, захватили самого цара живаго и выкололи ему оба глаза. Затѣмъ слѣдуютъ стихи Торарина Скеггіасона и Тюдольфа, уже извѣстные намъ, а далѣе отрывокъ сейчасъ упомянутаго скальда Валгарда, оправдывающей ту особенную черту въ разказѣ, которой не находится въ иныхъ редакціяхъ, и которая отмѣчена курсивомъ.

„Валгардъ изъ Велли упоминаетъ сверхъ того о стражахъ (объ убийствахъ стражей въ *Noregs konungatal*)“.

Тотчасъ ты, потомокъ шлемоносцевъ (то-есть, государей, князей),
Приказалъ повѣстить тѣхъ, чтѣ держали стражу (*skipt*).

Ты такъ повернула дѣло,
Что менѣе стало Вэринговъ (то-есть, что многіе были убиты).

Valgardhr of Velli hefir ok kredit um vardhmeuna (segir frá drapi vardhmannu: Noregsk-tal):

Helmingi bauttu hánga
hilmis kundr at stundu
skipt hafi thér svá at eptir
eru *Vaeringiar* faeri.

Латинский переводъ:

Mox tu, create regibus,
Pendere custodes iussisti
Rem ita administravisti
Ut pauciores Vaeringi supersint.

(Antiquités Russes, II, 107).

Не останавливаемся на томъ, что Гаральдъ приходить сначала на варяжское подворье (*Vaeringjaskiptar*) — по объяснению саги, „такъ назывались у Взинговъ дворы, въ которыхъ они жили“ (*svá kalla their thá gardba er Vaeringjar eru* ¹), — а потомъ, если сопоставить сагу съ четверосташемъ Валгарда, находить то же самое подворье въ императорскомъ дворцѣ. Слово „*Vaeringjaskiptar*“ (варяжское подворье), известное только изъ этого мѣста Фагрскинны, взято составителемъ саги изъ приведенныхъ имъ стиховъ скальда Валгарда. Но „*skipt*“, переведенное нами словомъ „подворье“ только на основаніи толкованія, прибавленного въ сагѣ объясняется въ Исландско-Англійскомъ словарѣ Клизби и Вигфуссона византійскимъ *έξούβιτον* (лат. *excubitum*, *Σχούβιτον*, *Σχούβιτορες*, по византійскому народному произношенню), и сообразно съ этимъ будетъ значить или придворную стражу, или мѣсто во дворцѣ, где стояла стража, а не какіе-либо особые отъ того „дворы“ Взинговъ ¹). Тамъ, где были убиты Взинги, и была стража варяжская или *skipt*. Ясное дѣло, что и здѣсь составитель саги не справился съ своимъ основнымъ источникомъ, не говоря о томъ, что разказъ его никакъ не соответствуетъ дѣйствительной исторіи.

¹) *Έξούβιτον*, *έξουβιτον*, *έξουβιτον* (*vulg. enim habet vox scribitur*) significat interdum cohortes praetoriaris, seu excubitores qui ad palatium excubabant, interdum locum ipsum circa palatium, ubi stationes agebant и т. д. Ducange sub v.

Σχούβιτορες, in Glossis Basil. οίωντι φύλακες ἄριπτνοι: об; прѣтв. хатѣ *Ρόμολον* *Τιβέριος* *χάισαρ* *έξειρε*. Ibid.

Замѣчательно, что въ самомъ разказѣ Византійцевъ о нападеніи бунтующій толпы на дворецъ, говорится, что одна изъ трехъ частей, на которыхъ толпа раздѣлилась, бросилась именно на караульную часть дворца — хатѣ *τὰ έξούβιτα*. Cedren, II, 538.

Остановимся лучше на словахъ скальда Валгарда, для которыхъ мы собственно и обратились къ Фагрскиннѣ.

Гаральдъ Гардрадъ является здѣсь вождемъ въ какомъ-то смятѣи или возстаніи; онъ ворвался въ ту часть императорскаго дворца, гдѣ стояла стража его (*skipt*) или тѣлохранители; онъ велѣлъ повѣсить стражей, и число этихъ повѣшеннѣхъ было такъ значительно, что количество Вѣринговъ сократилось. Вотъ подлинный и современныи разказъ скандинавскаго свидѣтеля. Справиваемъ: является ли здѣсь Гаральдъ Вѣрингомъ, ихъ главою? Нѣть, онъ ихъ убиваетъ. Кто же послѣ этого Вѣригги? Что они не были Гаральдовы единоплеменники, это даетъ чувствовать самый торжествующій тонъ придворнаго поэта, Валгарда: безъ всякаго сожалѣнія, и напротивъ того, съ яркимъ сочувствіемъ воспѣваетъ онъ истребленіе Вѣринговъ.

Повторяемъ, этотъ отрывокъ скальда Валгарда есть единственныи скандинавскій памятникъ XI вѣка, въ которомъ встрѣчается имя Вѣринговъ. Не мало драгоценныхъ для историка перловъ сѣверной поэзіи разсыпано на страницахъ Стурлесоновой прозы; но это, очевидно, самый драгоценныи изъ нихъ. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ отрывковъ, принадлежащихъ прочимъ скальдамъ XI столѣтія, мы не встрѣчаемъ имени Вѣринговъ; мы встрѣчаемъ его только одинъ разъ, и здѣсь оно не означаетъ Гаральда и его спутниковъ. Этимъ осуждена сага и оправдана исторія, оправданы современные византійскіе источники, Псевдъ и Атталіота, оправданъ Іоаннъ Скилица. Какъ объяснить, что сага, составленная въ XIII вѣкѣ, видѣть свѣтъ только въ своемъ окнѣ, ие хочетъ знать другихъ Вѣринговъ-Варяговъ, кромеъ своихъ либезныхъ Исландцевъ и Норвежцевъ,—это другой вопросъ, къ которому мы сейчасъ обратимся.

Теперь мы можемъ сказать, что Вѣригами, защищавшими Михаила V-го, были Русскіе, а Норвежскій принцъ былъ въ толпѣ, которая ломилась во дворецъ. Послѣдуемъ за нимъ далѣе: двумя скальдами засвидѣтельствовано участіе Гаральда въ ослѣпленіи императора, которымъ можетъ быть только Михаилъ V. Слѣдовательно, мы должны представлять себѣ, что Гаральдъ и его товарищи не удовлетворились разграбленіемъ дворца, мы должны думать, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ „стратіотовъ“, о которыхъ говорить Псевдъ, которые отправились ночью съ 20-го на 21-е апрѣля въ Студійскій монастырь, гдѣ нашель себѣ убѣжище низверженный императоръ. Псевдъ, очень подробно и наглядно описывающій сцену ослѣпленія, при которой онъ имѣлъ мужество присутствовать (pag. 100), ие

отмѣчаетъ на сей разъ виѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы опредѣлить национальность людей, исполнившихъ при ослѣпленіи мало почетную должность палачей. Это просто были „люди жестокіе и смѣлые“. Но еслибы мы захотѣли точнѣе опредѣлить степень участія Гаральда въ кровавой расправѣ съ императоромъ, то намъ слѣдуетъ прежде всего устраниТЬ предположеніе, что Норвежскій принцъ былъ здѣсь распорядителемъ и раздавалъ приказанія. У Пселла (pag. 101) указано, что распоряженіе объ ослѣпленіи вышло отъ лицъ, приближенныхъ къ парицѣ Феодорѣ. А у Кедрина—Скилицы (II, pag. 540), и также въ краткомъ каталогѣ Византійскихъ императоровъ; приписываемомъ Кодину (*Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*; p. 156), сохранилось и название того греческаго сановника, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при сценѣ ослѣпленія; это былъ городской эпархъ, Никифоръ Капанеръ или Капаней (παρὰ τοῦ λαοῦ καταχθεῖς—этотъ фразѣ, παρὰ Νικηφόρου ἐπάρχου τοῦ Καπανεως: Codin). Но ничто не мѣшаетъ намъ думать, что Гаральдъ находился въ толпѣ, которая вытащила Михаила Калафата, изъ храма и всячески издѣвалась надъ низвергнутымъ императоромъ а потомъ присутствовала при ослѣпленіи.

Такъ соглашаются византійскія извѣстія, подкрепляемыя арабскими и русскими, съ современными пѣснями скальдовъ. Обращаемся теперь къ объясненію того, какимъ путемъ сага разошлась со своимъ главнымъ авторитетомъ. Мы думаемъ, что это объясненіе очень легко. Припомните выраженія, которыми древнѣйшая исландскія саги обозначаютъ службу Нордманновъ въ Миклагардѣ и въ Гардарикѣ. „Онъ прибылъ въ Гардарикъ, сдѣлался тамъ наемникомъ и былъ съ Вѣрингами“ (*Heidarlvisa-saga*). Припомните, что въ Виго-Стировой сагѣ Нордманны хотя также служили въ тѣхъ или другихъ Вѣрингахъ, но часто отличались отъ нихъ (см. нашу первую статью въ ноябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Прогр.* 1874 г., стр. 118). И Гаральдъ былъ Вѣрингомъ, пока онъ состоялъ въ русскомъ военномъ корпусѣ. Въ 1034 году, во Фракійской тѣмѣ, онъ былъ Вѣрингомъ. Если ужъ особенно нужно будетъ спасать честь саги, то можно думать, что и въ 1042 году онъ продолжалъ быть Вѣрингомъ; то-есть, онъ былъ въ числѣ тѣхъ „Тавро-Скиевъ-наемниковъ“, которые прямо отложились отъ императора, и потому вмѣстѣ съ толпою штурмовали дворецъ хотя, по нашему мнѣнію, въ такомъ предположеніи нѣтъ необходимости. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что не только у Валгарда, но и у другихъ скальдовъ слово Вѣринги, вѣроятно,

встрѣчалось, но только въ такомъ смыслѣ, что оно не было прямо и исключительно относимо къ Гаральду и его спутникамъ. Для со-
ставителя саги было не только легко, но даже извинительно не по-
нять довольно темныхъ выражений и намековъ родной поэзии и нѣ-
сколько увлечься патріотизмомъ. Сага признала малую часть за все
цѣлое, или лучше сказать,—наоборотъ: цѣлое Варнги=Варяги—въ
глазахъ ея уравнялось съ малою долею Варяжского отряда.

В. Васильевскій.

(Окончаніе следуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Очерки русской исторической географии. География начальной льтоописи. Изслѣдовавіе Н. П. Барсова. Варшава, 1873 г.¹⁾.

При самомъ зарожденіи науки русской исторіи въ началѣ XVIII столѣтія изслѣдователи не могли не обратить вниманія и не остановиться на изученіи явлений, составляющихъ въ настоящее время предметъ особой отрасли знаній—исторической географії. Въ теченіе этого столѣтія область ея вѣдѣнія значительно расширилась открытиемъ новыхъ источниковъ, сборниками материаловъ по исторіи мѣстной, изданіемъ путешествій по Россіи, въ которыхъ были собраны драгоцѣнныя данныя и по этнографіи, и по археології²⁾. Не смотря однако на эти успѣхи, наша древняя географія, какъ самостоятельная отрасль исторического вѣдѣнія, въ которой опредѣлились бы до извѣстной степени ея пріемы и задачи, еще не существовала: въ историческихъ трудахъ XVIII вѣка произвольное словопроизводство было явленіемъ обычнымъ, мѣсто исторического дѣйствія нерѣдко или оставалось совсѣмъ не опредѣленнымъ, или было опредѣляемо невѣрно, наконецъ—понятія о народности племенъ, вошедшихъ въ составъ русского государства, были не ясны и ошибочны.

¹⁾ Помѣстивъ, въ августовской книжкѣ *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1874 годъ, критическую статью о замѣчательномъ сочиненіи Н. П. Барсова—Л. Н. Майкова, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто теперь другой критической статьѣ о томъ же сочиненіи—Е. Е. Замысловскаго, въ виду того, что оба эти разбора рассматриваютъ трудъ г. Барсова съ разныхъ сторонъ, и кромѣ того, имаютъ самостоятельное научное значеніе. *Red.*

²⁾ Много свѣдѣній о памятникахъ вещественныхъ сообщили, между прочимъ, акад. Лепехинъ въ описаніи своего путешествія. Такъ онъ одинъ изъ первыхъ представилъ подробное описание болгарскихъ развалинъ; см. его *Дневные записки*, ч. 1 (С.-Пб. 1771 г.), стр. 266—282.

Отсюда очевидно, почему не могло быть и ясного представлениј исторического прошлаго¹).

Тому, кто это прошлое сдѣлалъ доступнымъ пониманію большинства, принадлежитъ и важная заслуга въ дѣлѣ разработки предмета, нась занимающаго. Пользуясь географическими данными нашихъ письменныхъ памятниковъ на столько, на сколько эти данные были необходимы для построенія общей исторіи Россіи, Карамзинъ, не смотря на крайне неудовлетворительныя въ его время географическія пособія, избѣгъ тѣхъ произвольныхъ догадокъ и ошибокъ, въ которыхъ не рѣдко впадали его предшественники, и на основаніи его объясненій уже можно было составить вѣрную карту древней Россіи²).

¹⁾ Изъ трудовъ XVIII вѣка, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторической географіи, замѣчательны: 1) *Байера*. Перечень его соч. см. въ Истор. Акад. Наукъ, *Лекарскую*, т. I (С.-Пб. 1870), стр. 194—196. О значеніи его сочиненія о Варягахъ, см. въ Русской Исторіи К. Бестужева-Рюминъ, т. I (С.-Пб. 1872), стр. 90—92. 2) *Татищева*. Перечень его трудовъ по географіи Россіи см. въ соч. Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время (М. 1861), стр. 435—444. Татищевъ первый принадлежитъ за составленіе «Лексикона россійскаго, историческаго, географическаго, политическаго и гражданскаго», доведеннаго до буквъ К. Въ этомъ лексиконѣ «есть иѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собственной жизни автора и его личныхъ наблюдений» (см. соч. Попова, стр. 444). О географическихъ изысканіяхъ его, помѣщенныхъ въ Исторіи Россійской, см. ст. С. М. Соловьевъ въ *Архивѣ ист. юр., со., этик. до Россіи*, кн. 2, пол. I, стр. 26—33. Татищевъ причисляется Печелѣговъ, Помощевъ и Торковъ къ Сарматамъ (стр. 28), Хазарь — къ Славянамъ, Вѣлою Русью называется Ростовско-Сузальскую область (стр. 30 и 33). 3) *Миллера*. Перечень трудовъ его см. въ Исторіи Акад. Наукъ, т. I. Имъ быть наданъ «съ поправленіями и дополненіями». Географическій лексиконъ Россійского государства, составленный Ф. Полуминымъ 1773 г. (см. Исторію Акад. Наукъ, т. I, стр. 421). Извѣстие о ландкартахъ, касающихся до Россійского государства, напеч. въ *Ежем. соч.* 1761-года (Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 413)—по своему времени весьма замѣчательное. Въ Краткомъ руководствѣ къ географіи, изд. въ 1742 г. «не было ни слова о Россіи» (см. указанное выше соч. Попова, стр. 442). Ломоносову принадлежитъ «превосходное замѣчаніе о составленіи народовъ» (см. указанную выше ст. С. М. Соловьевъ, стр. 43): «Слѣдъ народовъ положившихъ во разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіинъ, должно приобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увѣдѣть оныхъ древность и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Рассуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почестъ ей въ уничтоженіе. Ибо ни о единомъ языке утвердить невозможно, чтобы онъ сначала стоялъ санъ союзомъ, безъ всякаго примѣщенія».

²⁾ При опредѣленіи есть, упоминающихся въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»,

Около того же времени явились превосходные, до настоящаго времени не утратившія своего значенія, изслѣдованія Лерберга, пріемы котораго въ изученіи вопросовъ историко-географическихъ до сихъ поръ остаются образцовыми.

Послѣ Карамзина изъ трудовъ по нашей древней географіи замѣтчательны труды Н. С. Арцыбашева¹⁾ и въ особенности М. П. Погодина, Н. И. Надеждина и К. А. Неволина. Въ изслѣдованіи г. Погодина „О городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ“²⁾, дополненномъ обстоительными замѣчаніями Надеждина и Неволина, всѣ имена географическія, находящіяся въ нашихъ лѣтописахъ съ 1054 до 1240 г., приведены въ порядке хронологическомъ по княжествамъ. Уже одно это приведеніе ихъ въ систему, облегчившее пользованіе ими, составляетъ несомнѣнно важную заслугу. Кроме того, г. Погодину, вмѣстѣ съ Надеждинымъ и Неволинымъ, удалось при помощи подробныхъ картъ Россіи Оппермана и Шуберта „опре-

Карамзинъ пользовался Книгою Большаго Чертежа (т. II, пр. 174), описаниемъ городовъ русскихъ; см. т. II, пр. 117: «сей географический отрывокъ достоянъ пріимѣчанія, хотя онъ писанъ уже въ то время, когда въ Москвѣ были каменные стены: следѣтъ, не ранее XIV вѣка». См. также т. II, пр. 192; Помѣ. Собрание русскихъ лѣт., т. VII, стр. 240—241. Объ этомъ же отрывкѣ см. въ разбираемомъ нами сочиненіи г. Барсова, стр. LIV, пр. 168), «пельмени картами» (т. II, пр. 146), картою Росс. государства, «сочиненіемъ при Импер. Депо» (т. II, пр. 21). Считаемъ не лишнимъ указать на извѣтствия пріимѣчанія Карамзина: въ т. I, пр. 70—опровергнуто извѣстіе Татищева и Миллера о томъ, что Витачи были не Славяне, а Сарматы; въ пр. 73—опровергнуто извѣстіе Шлецера, считавшаго Ему Игорцами; въ пр. 513—исправлена ошибка Вайера, обратившаго имя Витачевъ въ Витебскъ; т. II, пр. 61: «Шлецерь и другіе неоправдливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоцѣдовъ только въ XV вѣкѣ»; въ пр. 194 доказано, что Городецъ и Юрьевъ не одинъ городъ, какъ пріимѣчалъ Татищевъ.

¹⁾ Первые два тома его сочиненія: Повѣствование о Россіи вышли въ 1838 г. Онъ пользовался, кроме тѣхъ источниковъ и сочиненій, которые были у Карамзина, слѣдующими пособіями: соч. *Михаила Маркса*: «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи, какъ они сѣдѣютъ въ ней по порядку годовъ» (подъ посвященіемъ 1814. См. у *Арцыбышева* т. I, пр. 130); соч. *Берлинского*: Краткое описание Киева, Спб. 1820 г. (см. у *Арцыбышева*, т. I, пр. 124, 200). Между прочимъ Арцыбышеву принадлежитъ открытие извѣсторѣбыванія Ему (т. I, пр. 13).

²⁾ Оно было сначала помещено въ *Журн. Мин. Внтур. Дѣлъ*, 1848 года, т. XXIII, а потомъ въ его Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи, т. IV, М. 1850.

дѣлить много мѣстъ, остававшихся для Карамзина и Арцыбышева ненавѣстными¹).

Два десятилѣтія, прошедшія со времени выхода въ свѣтъ помянутаго сочиненія, ознаменованы важными явленіями въ нашей исторической наукѣ.

По частнымъ вопросамъ исторической географіи, кроме нѣсколькихъ обстоятельныхъ изслѣдованій, накопилось много замѣтокъ и указаний въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, изданы дотолѣ неизвѣстные памятники, новыхъ данныхъ которыхъ имѣли значеніе и для древней географіи, явились замѣчательныя пособія по географіи Россіи, критическая разработка древнѣйшихъ памятниковъ значительно подвинулась впередъ, впервые обратили вниманіе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ древней Руси, болѣе и болѣе выясняли вопросъ о вліяніи природы восточной Европы на народы, въ ней обитавшіе, указали также на важное значеніе вопроса, исполненнаго глубокаго интереса, о колонизаціи русской народности, вслѣдствіе чего и предметъ исторической географіи получилъ новое освѣщеніе²). Все это привело къ сознанію необходимости нового обширнаго труда, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое результаты частныхъ изысканій, дополнены и проявлены труды, нами поминутые, что требовало, конечно, вполнѣ самостоятельного изученія. Такого рода трудъ по географіи древнѣйшаго лѣтописного свода, трудъ, требующій продолжительного изученія и огромной начитанности, исполнилъ въ настоящее время Н. П. Барсовъ, уже извѣстный въ литературѣ нашей составленнымъ имъ весьма полезнымъ для занимающихся русской исторіей пособіемъ, изданнымъ въ 1865 году подъ заглавіемъ: „Материалы для историко-географического словаря Россіи“.

Въ предисловіи къ разбираемому нами сочиненію авторъ говорить, что трудъ его „имѣть цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую начальною лѣтописью; но главнымъ образомъ разясненіе только тѣль вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставить самая лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго материала, который

¹) Иаслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторії, т. IV, стр. 146.

²) Единственное замѣчательное по вѣрной оцѣнкѣ обзорѣніе трудовъ по исторической географіи съ 1846 года принадлежитъ А. И. Артемьеву. См. Двадцатипятилѣтие Ипп. Русск. Геогр. Общ. С.-Пб. 1872 г., стр. 91—240.

она представляетъ". Такъ скромно авторъ опредѣляетъ свою задачу, и мы не можемъ не замѣтить, что трудъ его представляетъ не только разборъ географического материала начальной лѣтописи ¹⁾), но и другихъ памятниковъ, какъ напримѣръ: „Устава Ярослава о мостахъ или о мостникахъ“ (стр. 173—175), уставной грамоты Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. (стр. 175—177, пр. 247). Разобраны также нѣкоторыя извѣстія и въ другихъ источникахъ, какъ напримѣръ, въ лѣтописяхъ Густынской (стр. XXI, пр. 55), Ипатьевской (стр. XXVIII, пр. 88; стр. LVIII, пр. 181). Вообще весьма замѣтно, что авторъ не ограничивалъ своего изученія только той цѣлью, о которой говорить въ предисловіи, и изучалъ избранный имъ предметъ всесцѣло, съ живѣйшимъ интересомъ, добиваясь удовлетворительного рѣшенія даже такихъ вопросовъ, которые, по видимому, не имѣли прямаго отношенія къ задачѣ его изслѣдованія. Такъ, упомянувъ о Колбагахъ,—название встрѣчающееся только въ Русской Правдѣ, г. Барсовъ, на стр. XIV и XV, въ пр. 44, для объясненія этого загадочнаго названія, приводить мнѣнія слѣдующихъ ученыхъ: Татищева, Караваина, Ходаковскаго, Розенкампа, Дубенскаго, свидѣтельство восточнаго писателя Демешки и затѣмъ предлагаетъ свою остроумную догадку: „Не было ли слово Колбагъ какимъ-нибудь болѣе или менѣе общимъ названіемъ для Чуди, прѣживавшей въ Новгородѣ или селившейся въ Новгородской области?... На всемъ финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбъ, Колбино“... По замѣчанію Кастрена Kolba, Kolva значитъ рыбная вода. На стр. XXVIII, въ пр. 88, разобрано сказаніе, находящееся въ лѣтописи подъ 1114 г., о падающихъ съ неба бѣлахъ.

Касаясь какого-нибудь еще мало выясненнаго или спорнаго вопроса, авторъ обстоятельно знакомить съ литературой по этому вопросу. Такъ, на стр. V—VI, въ пр. 20, изложены мнѣнія ученыхъ о Волохахъ; на стр. XVIII—XIX, въ пр. 53—о національности Ятлаговъ; на стр. XXXIV—XXXIX, въ пр. 111, приведенъ весьма обстоятельный сводъ мнѣній о важномъ значеніи топографической номенклатуры для исторіи географіи; на стр. XXXIX—XLIII, въ пр. 115—о городищахъ.

Вообще въ весьма немногихъ трудахъ нашихъ по историче-

¹⁾ Источникъ, извѣстный подъ именемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» или лѣтописи Несторовой, мы будемъ для ясности, слѣдя г. Барсову, называть начальною лѣтописью, хотя и то и другое названія не совсѣмъ точны.

ской географии встречается такое обстоятельное изучение источников в таёде знакомство съ сочинениями по древнейшему періоду русской истории; какимъ отличается разбираемое нами сочинение. Кроме русскихъ лѣтописей, г. Барсовъ пользовался Патерикомъ Нечерскимъ (стр. LII, пр. 156), Актами Историческими, изданными археографической комиссией, Собраниемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, сочинениями западныхъ, византійскихъ и арабскихъ писателей отъ X до XII вѣка, ливонскими лѣтописями, сочиненіями новльскихъ историковъ: Длугопша, Матвѣя Мѣховита, Кромера и Стрыковского. Этими источниками авторъ пользовался такъ, какъ того требуетъ современная историческая критика. „Разновременные списки, въ которыхъ донала до насъ начальная лѣтопись“, говоритъ онъ,—„не одинаковы; въ однихъ сообщаются факты, о которыхъ умалчиваются другіе или передается то, что въ другихъ разказано кратко... Очевидно, что позднѣйшіе переписчики передавали Сильвестровской сводѣ одни вполнѣ, другіе въ сокращеніи, а компилаторы имѣли, можетъ быть, подъ рукой и такие источники, какихъ не зналъ или оставилъ безъ вниманія составитель первоначального свода. Все это заставляетъ насъ имѣть насторожнѣйшее въ виду всѣ—даже позднѣйшіе—списки начальной лѣтописи, не ограничиваясь однимъ только древнейшимъ Лаврентьевскимъ, хотя и при этомъ необходимо будетъ обращаться за разъясненіями къ свидѣтельствамъ позднѣйшаго времени“... (стр. 4 и 5). Слѣдя тѣзому приему, г. Барсовъ обращалъ внимание на то, какое чтеніе въ различныхъ спискахъ лѣтописи можно считать болѣе правильнымъ. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее примѣчаніе (стр. XVII и XVIII, пр. 52): „Въ исчислении народовъ чтеніе „Норова“ встречается только въ Лаврентьевскомъ древнейшемъ спискѣ начальной лѣтописи; въ Ипатьевскомъ—„Норома“ и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ „Нерома“ Тѣмъ не менѣе нельзя признать правильности позднѣйшихъ чтеній, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Лѣтописецъ въ перечѣѣ племенъ несомнѣнно держится того порядка, въ какомъ они, по его представленію, разселились, и, по-видимому Норову, Нерому съ Йорсью и Любью тѣмъ самымъ указываетъ на ихъ близкое сосѣдство. 2) Сѣверно-русская лѣтопись, сообщая довольно подробныя сѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, о названіяхъ различныхъ Чудскихъ племенъ въ Прибалтийскомъ краѣ, вовсе не знаютъ племени Норовы: имъ известна только река Нарова, протокъ изъ Чудского озера въ Финскій заливъ“—Въ пр. 17 (на стр. IV и V) добавляется, почему чтеніе Бередникова: „Афетово бо и то колѣно:

Варзи, Русъ... не можетъ быть принято.—Въ пр. 69 (на стр. XXV и XXVI) приведены доводы, нѣсколько ослабляющіе предложеніе С. М. Соловьевънаго чтеніе: „Имаху днъ Варзи въ за моря на Чуди, и на Словѣнскѣ, на Мери, и на Веси, Кривичахъ” вмѣсто „и на всѣхъ Кривичахъ”, какъ во всѣхъ спискахъ.—Въ пр. 123 (стр. XLIV и XLV) сдѣлано нѣсколько новыхъ указаний, подтверждающихъ мнѣніе Арицышевъ, полагавшаго, что слова: сутѣсь, стѣнь—имѣть значение именъ нарицательныхъ.—Въ пр. 124 (стр. XLV и XLVI) указано на правильное чтеніе извѣстія изъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1268 годомъ. Въ этомъ же примѣтніи замѣчательны доказательства въ пользу того, что слово „ворота” въ Ипатьевской лѣтописи имѣть значение пограничныхъ укрѣплений. Доказавъ такое значеніе этого слова, г. Барсовъ представляетъ остроумную догадку для исправленія слѣдующаго мѣста въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1226 годомъ: „Даніль же и Василько посласта люди свои къ брату: не даста ему (Лестку) прити... Здѣсь, замѣчаетъ г. Барсовъ, слово братъ есть наименіе мѣстности. „Сколько ни приходилось намъ”, говорить авторъ, — читать подробныиъ карты, по крайней мѣрѣ, восточного славянства, мы не помнимъ ни одного географическаго названія подобнаго имени; въ данныхъ же исторической географіи до XVI вѣка такихъ названій положительно нѣтъ. Можетъ быть, переписчикъ или Ипатьевскаго списка, или первоначального варианта написалъ, по ошибкѣ или недоразумѣнію, „къ брату” вмѣсто къ „вратамъ”. См. также стр. XXII, прим. 55.

Приведенные нами примѣчанія могутъ, между прочимъ, служить доказательствомъ того, какъ важны для восстановленія правильного чтенія нашихъ лѣтописей историко-географические труды.

Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь составленный нами, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ полный списокъ сочиненій, на которые ссылается г. Барсовъ:

1. По всеобщей географіи: *Edwin Adam's: The geograph. Word Expositor* (стр. XXXV); *Hennig: Comment. de rebus Iazygum* (стр. XVIII, пр. 53; стр. XX, пр. 55); *Iacobii: d. Bedeutung d. böhmischen Dorfnamen* (стр. XXXV); *Ihre's Glossarium* (стр. IV, пр. 13); *Lelewel: Géographie du moyen âge* (стр. V, пр. 19; стр. VIII, пр. 24); *Müller: die Ugrische Volksst.* (стр. XXXI, пр. 95); *Schule: O znaczeniu Prus dawnzych* (стр. XVIII и XIX, пр. 53); *Stein: Handbuch d. Geographie* (стр. LIII, пр. 167).
2. По всеобщей истории: *Васильевскаго: Византія и Печенѣги* (стр.

XXXI, пр. 100); *Иречекъ*: Entstehen d. slav. Reiche in geb. d. heut. oesterr. Kaiserstaats (стр. XLIV, пр. 120); *Schlöser's Allg. Gesch.* (стр. IV, пр. 13); *Thunmann*: Untersuchungen üb. d. Gesch. einiger nördl. Völker (стр. XIX, пр. 53); *Финдея*: Исторія Византії (стр. XVI, пр. 49); *Voigt*: Gesch. Preussens (стр. XX, пр. 54).

3. По истории племени Литовского: *Juroszewice*: Obraz Litwy (стр. XX, пр. 55; стр. XXIII, пр. 56); *Нарбутъ*: Dzieje nar. Litewsk. (стр. XX, пр. 54 и 55; стр. XXIII, пр. 56; стр. XXIV, пр. 59; стр. LXII, пр. 199).

4. По географии и истории Славянъ: *Гильбердинъ*: Исторія Сербовъ и Болгаръ (стр. XXXI, пр. 99); его же: Ненайданное свидѣтельство современника о Владимірѣ св. и Болеславѣ храбромъ (стр. LXIII, (пр. 202); его же: Собрание сочиненій (стр. LXXI, пр. 256). *Голенбюэскій*: dziejopisech polskich (стр. XXXIII, пр. 108); *Иречекъ*: Slaw. prawo стр. I, пр. 142); *Кальдро*: Rozprawy o giewach (стр. XXXV); *Левесевъ*: Narody na ziemiach Slowian. (стр. XXXIX, пр. 114); *Машевскій*: Исторія первоб. христ. церкви у Славянъ (стр. LIII, пр. 165); *Шафарикъ*: Слав. древности (стр. VI, пр. 20); его же: Slovanské Starezitnosti (стр. XXXI, пр. 99); *Эрбенъ*: О слав. топогр. названіяхъ стр. XXXV).

5. По истории Россіи: *Амеросій*: Исторія Росс. іерархіи (стр. LXI, пр. 197); *Бестужевъ-Рюминъ*: О составѣ русскихъ лѣтописей (стр. I, пр. 1, 2) *Бутковъ*: Оборона русской лѣтописи (стр. I, пр. 4); *Гедевонъ*: Иасл. о варахъ вопросъ (стр. 29); *Дубенскій*: О Словѣ о полку Игоря (стр. LXX, пр. 253); *Зубрникій*: Исторія Галицкой Руси (стр. XXXIV, пр. 110; стр. LVIII, пр. 180; стр. LIX, пр. 183); *Иловайскій*: Исторія Рязанск. княжества (стр. LXXI, пр. 255), его же: Великій Новгородъ и Бѣлоруссія (стр. LXXI, пр. 256); *Карамзінъ*: Ист. госуд. Росс. (стр. IV, пр. 11; стр. VI, пр. 20 и др.); *Костомаровъ*: С.-руссія народоправства (стр. LXXI, пр. 256), его же ст. въ *Вѣстн. Европы* 1878 г. (стр. XXXIII, пр. 108); *Лавросякъ*: Іоаким. лѣтопись (стр. I, пр. 4); *Поповъ*: В. Н. Татищевъ (стр. I, пр. 4); *Самоквасовъ*: Древніе города Россіи (стр. XLII, пр. 115); *Соловьевъ*: Исторія Россіи (стр. VII, пр. 21, 23 и др.); *Срезневскій*: Чтенія о др. русск. лѣтописи (стр. I, пр. 2); *Строевъ*: О лѣтописи Амартола (стр. I, пр. 7); *Эсерса*: Krit. Vorarbeiten (стр. IV, пр. 18; стр. IV и V, пр. 17; стр. XIV, пр. 43).

6. По исторической географіи: *Арцибышевъ*: О Тиутрак. княжествѣ (стр. XVI, пр. 50); *Бестужевъ-Рюминъ*: О колонизации Великорусс. племени (стр. LXXIII, пр. 269); *Баллеевъ*: „Геогр. свѣдѣнія ѿ древ.

Россіи" (стр. IV, пр. 11; стр. LXXIII, пр. 269); *Горский*: О походѣ Руссовъ на Сурожъ (стр. XVI, пр. 48); *Европеусъ*: О народахъ ср. и сѣв. Россіи до Славянъ (стр. XXV, пр. 68; стр. XXXI, пр. 96); *Ешевскій*: Русс. колонизаціи сѣв.-вост. края (стр. LXXIII, пр. 269¹); *Закревскій*: Описаніе Киева (стр. XII и XIII, пр. 37); *Кастренъ* Ueber die Uhrsitze d. finnischen Volkes (стр. XXXI, пр. 95); *Лербергъ*: Извлѣданія (стр. XII, пр. 36; стр. XXIX, пр. 90); *Надеждинъ*: Опытъ ист. географіи русск. міра (стр. XXXV); *Рейнеке*: Гидрограф. описы сѣверн. берега Россіи (стр. IX, пр. 31; стр. XIV, пр. 42); *Срезневскій*: Слѣды древн. знакомства Русскихъ съ южной Азіей (стр. XVI, пр. 48); *Ходаковскій*: О путахъ сообщенія (стр. IX, пр. 31); его же: Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи (стр. XXV, пр. 61 и 67); его же: Географ. словарь (несколько томовъ его хранится въ Публ. Библ.) (стр. XXVI, пр. 72); *Шпрена*: „Ueber d. Wohnsitze der Jemen“ (стр. IV, пр. 11; стр. XXV, пр. 62); его же: Ueber die Wohnsitze und d. Verhaltnisse d. Jatwagen (стр. XVIII, пр. 53; стр. XX—XXIII, пр. 55); его же: Ueber d. finnische Bevalkerung Ingemannland's (стр. XXV, пр. 64); его же: ст. въ *Denkschr. d. Russ. Geogr. Gesellsch.* (стр. XIX, пр. 53); его же: Wann und wie war Zawolotschje russisch (стр. XXIX, пр. 91); *Кулаковская* Замѣтки о Гродн. губ. (стр. XXIII, пр. 55 и 58).

7. По археології: *Калайдовичъ*: Письма обѣ археол. изслѣд. въ Рязанск. губ. (стр. XLI, пр. 115); *Кеппенъ*: Замѣтки о Тмут. камѣ (стр. XVI, пр. 50); *Срезневскій*: Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ (стр. XLI и XLII, пр. 115); его же: О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ (стр. XLII, пр. 115); *Уваровъ*: Меране и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (стр. XXVI, пр. 71); *Фундуклей*: Обозрѣніе могиль, валовъ и городищъ Киевск. губ. (стр. LXIII, пр. 203).

8. По этнографії: *Кастренъ*: Reiseberichte (стр. XXV, пр. 66; XXVI, пр. 73); его же: Ethnolog. Vorlesungen (стр. XXVII, пр. 79); *Чернышъ*: Ethnographie d. Oesterreich. Monarchie (стр. LII, пр. 163; стр. LIV и LV, пр. 169).

Пособія у г. Барсова были слѣдующія: географическіе словари Щекатова и Семенова, списки населенныхъ мѣстъ, издававшіе центральнымъ статистическимъ комитетомъ, парты Россіи — Шуберга, военно-топо-

¹) Эта статья Ешевского была помещена не въ *Русскомъ Вѣстнике*, какъ указано, а въ *Вѣстнике Европы*, 1866 г., т. I.

графического депо трехверстная, рисунки и чертежи къ путешествию по Россіи, совершенному по Высочайшему повелѣнію Константиномъ Бородинымъ въ 1810 г. (стр. XI, пр. 35; стр. XII, пр. 37), карта бывшихъ губерній Иванъ-города, Яма, Копорья и Нотеборга, составленная въ 1817 г. Бергенгеймомъ изъ материаловъ, найденныхъ въ шведскихъ архивахъ, и показывающая раздѣленіе и состояніе оного края въ 1676 году (стр. LXXIV, пр. 273).

Какъ видно изъ этого перечня, г. Барсовъ не пользовался статьями и замѣтками, которыми разсыпаны въ мѣстныхъ сборникахъ и губернскихъ вѣдомостахъ. Этотъ фактъ мы рѣшаемся только отмѣтить. Извѣстно, какъ затруднительно пользованіе болѣею частью изъ сейчасъ указанныхъ изданій вслѣдствіе крайней скучности нашихъ библіографическихъ пособій.

При огромной начитанности автора, нельзя не считать случайнымъ то, что ему, какъ кажется, неизвѣстно изслѣдованіе академика Видемана: „Обзоръ прежней судьбы и нынѣшнаго состоянія Ливовъ“, С.-Пб. 1870. Г. Видеманъ доказываетъ, что Куры и Ливы суть „различны по мѣстности названія одного и того же народа“ (стр. 15), и что ливскій языкъ принадлежитъ къ „весмы распространенной семье финскихъ языковъ“ (стр. 133). Между тѣмъ г. Барсовъ относить Ливовъ къ племени Литовскому (стр. 36) и оставляетъ свое мнѣніе безъ доказательствъ. Что же касается до нашей начальной лѣтописи, то г. Барсовъ не рѣшается вполнѣ утвердительно сказать, что она относить Ливовъ къ племени Литовскому. Такъ, на стр. 42 замѣчено: „Съ юга къ Чуди и Сосоламъ прилегали поселенія Ливовъ, племени, которое лѣтопись относить, кажется, къ Литвѣ; по крайней мѣрѣ, она помѣщаетъ его отдельно отъ другихъ Финскихъ племенъ, и въ одномъ ряду съ Литвою, Зимигою и Корсью“.

Въ числѣ пособій у г. Барсова были списки населенныхъ мѣсть, изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Это весьма полезное для русской науки изданіе въ значительной степени облегчаетъ изслѣдователю точныхъ топографическихъ опредѣленія, и потому нельзя не пожалѣть, что авторъ разбираемаго сочиненія, приводя цѣлые ряды однородныхъ названій населенныхъ мѣстностей, найденныхъ имъ на подробныхъ картахъ Россіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія не дополнилъ и не проѣрилъ своихъ перечней тѣми данными, какія онъ могъ найти въ спискахъ населенныхъ мѣсть. Такъ, онъ могъ бы точнѣе и полноѣ опредѣлить населенные мѣста, названія которыхъ приведены на стр. 19,—по списку населенныхъ мѣсть

Калужской губерніи, и на стр. X—по списку Владимирской губерніи. Впрочемъ, авторъ иногда считалъ необходимымъ названія, найденные имъ на картѣ Шуберта, провѣрять по трехверстной картѣ военно-топографического депо (стр. XXIV, пр. 59).

Укажемъ здѣсь кстати на некоторые неточности, допущенные г. Барсовымъ:

На стр. 35: Ятвизъ Большой и Ятвизъ Малый.... „къ востоку отъ Суховолы“.... Оба эти селенія (Ясвичъ Большой и Малый) находятся не къ востоку отъ Суховолы, а къ западу отъ него (см. карту Шуберта, № 27).

На стр. 37: „Сел. Голади въ западной части Дмитровскаго уѣзда, на р. Буняткѣ, лѣвомъ притокѣ Яхромы“.... Въ спискѣ населенныхъ мѣсть Московской губерніи, подъ № 2646, указано селеніе Голади, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, при колодцѣ.

На стр. 40: „Озеро Вожинское, соединяющее р. Горынью съ Колпью (въ Тихвинскомъ уѣздѣ), въ окрестностяхъ котораго находится рѣчка Чудля, притокъ Сомнинки“.... Озеро Вожинское (Важинское или Вагинское) находится въ уѣздѣ Устюжскомъ. Рѣка Горынь (въ Словарѣ Семенова: Горюнь) — „левый притокъ Чагодощи. Беретъ начало въ восточной части Тихвинскаго уѣзда, подъ именемъ Валчины, течеть сначала къ юго-западу, потомъ къ юго-востоку, пройдя озеро Соймино, принимаетъ название р. Соймниной, которое сохраняетъ... до владенія въ озеро Вожинское; по выходѣ изъ озера принимаетъ название Горюнь“.... Рѣчка Чудля—притокъ Хвойни, впадающей въ озеро Заголодно (см. карту Шуберта, № 14).

На стр. 44: „Веснево на Ухтомѣ, притокѣ Увода въ Ковровскомъ уѣздѣ“ (карта Шуберта, № 25). На этой картѣ Веснево означено въ уѣздѣ Шуйскомъ. Въ спискѣ населенныхъ мѣсть Владимирской губерніи также есть Веснева въ Ковровскомъ уѣздѣ, а въ Шуйскомъ уѣздѣ въ томъ же спискѣ означено одно только Веснево (№ 5966) при рѣчкѣ Инижеѣ. Вероятно, авторъ принялъ на картѣ притокъ р. Ухтомы (Ухтохмы) за самую Ухту, на которой находится селеніе: Горшково (№ 6003), Ефремово (№ 6006), Федино (№ 6006).

На стр. 45: „Мералово въ Клинскомъ уѣздѣ на Сестрѣ рѣкѣ“. По списку населенныхъ мѣсть Московской губерніи въ Клинскомъ уѣздѣ находится только одно селеніе Мералово (№ 3221) при прудѣ.

На стр. 48: „Мордово на р. Вирѣ въ Рижскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Шацкимъ“. Такого селенія въ спискѣ населенныхъ мѣсть Рязанской губерніи въ Рижскомъ уѣздѣ—нетъ. Есть селеніе Мардово

(№ 2816), въ Сапожковскомъ уѣздѣ, по правую сторону тракта изъ Козлова въ Шацкъ, при рѣкѣ Парѣ (на карте Шуберта, № 31,—р. Пира).

На стр. 125: „Желань—сел. недалеко оть Киева, при которомъ Полоццы разбили Святополка въ 1098 году (Лавр. 94); теперь Жиляне или Жуляне—сел. Киевскаго уѣзда на р. Борщаговкѣ, правомъ притокѣ Ирпени“. Закревский въ своемъ изслѣдованіи: „Лѣтопись и описание гор. Киева“ (Чт. Московск. Общ. ист. и дрѣз., 1858, кн. 2. стр. 112) говоритъ: „Желань, уроцище, упоминаемое въ лѣтописяхъ подъ 1093, 1146, 1162 и 1169 годами. Сравнивая слова лѣтописей съ мѣстоположеніемъ, мы должны предположить, что оно находилось близъ Кирилловского монастыря.... Нельзя согласиться съ Барамзинымъ (т. II, пр. 167) въ томъ, что древнее Желань есть нынѣшняя деревня Жиляне, находящаяся въ 12-ти верстахъ оть Киева къ юго-западу, тѣмъ болѣе, что деревня сія произошла недавно отъ переселенія крестьянъ“.

На стр. 154: „Кривикъ на Соти Моложскаго уѣзда“. Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи въ Моложскомъ уѣзде такого селенія не указано. Есть селеніе Кривикъ въ Любимскомъ уѣзде, при р. Соти (№ 2158).

На стр. 157: „Крево къ юго-востоку оть Свенданъ и вблизи его Городечно, Городски, Городиловъ“.... Эти селенія лежать къ юго-востоку оть Ошманъ (Виленской губерніи; см. карту Шуберта, № 28).

Изслѣдованіе г. Барсова отличается яснымъ, стройнымъ изложеніемъ. Отъ характеристики понятія о мірѣ, „извѣстномъ начальной лѣтописи“, авторъ переходитъ къ обсанію рѣчныхъ системъ (гл. I), затѣмъ къ разбору извѣстій о племени Литовскомъ (гл. II), Финскомъ (гл. III) и Славянскомъ (гл. IV — VIII). Извѣстія о племени Тюркскомъ, къ сожалѣнію, не сведены въ одно цѣлое (см. стр. 56, 59, 116—118, 139—143; стр. LXVI—LXVIII, пр. 227).

Въ началѣ своего сочиненія авторъ прекрасно характеризуетъ нашу начальную лѣтопись, какъ источникъ извѣстій географическихъ. Онъ, какъ говорить авторъ, отличался „полнотой“ и „систематичностью“, вводить „въ особый міръ географическихъ понятій и представлений“ (стр. 2). Эта полнота была обусловлена тѣмъ, что составленіе начальной лѣтописи въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, относится ко времени „преобладанія идеи единства Русской земли“. Проникнутая этой идеей, начальная лѣтопись „не ограничивается интересами какой-нибудь одной области уже тогда (въ XII вѣкѣ) обширнаго государства, но заноситъ на свои страницы все, что

можно было узнать изъ народного преданія и немногихъ письменныхъ источниковъ о прошедшемъ судьбахъ всего Русского народа" (стр. 2). Признавая, что таъ - называемая начальная лѣтопись есть древнѣйшій лѣтописный сводъ¹⁾, г. Барсовъ отвѣтствуетъ какъ отъ точнаго опредѣленія объема одной изъ частей этого свода, къ которой собственно и должно быть отнесено заглавие: „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и пр., такъ и отъ болѣе точнаго опредѣленія „географическаго круговорота времени“ (стр. 4), въ которое мѣль составитель свода. На это мы не можемъ не замѣтить, что въ настоящее время до извѣстной степени возможно отдѣлить то, что вошло въ начальную лѣтопись изъ письменныхъ источниковъ, отъ того, что составитель свода могъ знать по личнымъ наблюденіямъ, и потому не можемъ признать вѣрными слѣдующаго замѣчанія: „Иислѣдователь не имѣть возможности судить ни о его (лѣтописца) подготовкѣ, ни о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда“ (стр. 4). Впрочемъ, это замѣчаніе опровергается, какъ увидимъ, тѣми справедливыми предположеніями и догадками, которыми самъ авторъ высказалъ въ своемъ сочиненіи относительно источниковъ, изъ коихъ составитель свода почерпалъ свои свѣдѣнія.

Опредѣливъ мѣръ, извѣстной начальной лѣтописи, которая не знаетъ „выработанное уже древними географами дѣленіе земли на части свѣта“ (стр. 5), авторъ весьма обстоятельно разбираетъ перечень областей и народовъ, внесенный въ нее, какъ онъ полагаетъ, позднѣе (стр. 6), указываетъ на свѣдѣнія, заимствованныя въ этомъ перечѣѣ изъ греческаго хронографа Георгія Амартолы, и на свѣдѣнія о восточной и западной Европѣ, почерпнутыя „изъ домашнихъ отечественныхъ источниковъ“ (стр. 7). „Говоря о западной Европѣ“, замѣчаѣ г. Барсовъ, — „лѣтописецъ ограничивается ея побережьями и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана. Континентального населенія ея онъ не знаетъ. Это обстоятельство открываетъ самый исто-

¹⁾ Ваганду автора не нанѣсть первоначальный сводъ противорѣчать только слѣдующія слова его, на которыхъ, впрочемъ, нельзя не смотрѣть, какъ на случайно неудачное выраженіе: «Несторъ оканчивалъ свой трудъ въ то время, когда, постановленіемъ Любецкаго сейма, князья впервые признали наследственность удѣловъ...» (стр. 2). Нестора г. Барсовъ не признаетъ составителемъ свода, чтѣ видно изъ слѣдующихъ словъ на стр. 3: «Трудно разшить, бывшъ ли игуменъ Сильвестръ только переписчикомъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего свода»....

никъ свѣдѣній на Руси о западной Европѣ. По справедливому замѣчанію извѣстного изслѣдователя отечественной старины И. Д. Бѣлляева, онѣ могли быть получены только отъ Норманновъ... Иного источника этихъ свѣдѣній не видно" (стр. 8). Съ этихъ замѣчаніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Свѣдѣнія на Руси о западной Европѣ могли быть распространены не только Норманнами, но и Прибалтийскими Славянами¹⁾.

Отъ опредѣленія источника этихъ свѣдѣній авторъ переходитъ къ характеристику представлений лѣтописца о западной Европѣ, при чёмъ дѣлается весьма любопытныя указания на сходство представлений лѣтописца о Варяжскомъ морѣ съ представлениями западныхъ и мусульманскихъ писателей, затѣмъ излагаетъ данные объ устройствѣ поверхности, исключительно ограничивающейся восточноевропейской равниной. „Лѣтописецъ," какъ догадывается авторъ, „понималъ важное значеніе Карпатскихъ горъ" (стр. 13). „Какъ отличительную особенность восточной равнинъ," продолжаетъ онъ, — „лѣтопись отмѣтила на ней центральное плоскогорье, съ которого въ различныхъ направленіяхъ стекаютъ главныя рѣки равнинъ... Цѣль покрытыхъ дѣвственными лѣсами холмовъ, которая связуетъ это плоскогорье съ естественными границами равнинъ, Уральскимъ хребтомъ, Олонецкими горами, и съ Карпатами... была въ глубокой древности извѣстна подъ именемъ Волока..." (стр. 13). Это важное для характеристики географическихъ свѣдѣній въ древней Руси замѣчаніе основано на изысканіяхъ нашего изслѣдователя въ области топографической номенклатуры, которыми онъ искусно воспользовался для опредѣленія слова *волокъ* (стр. VIII—XI).

Перечнемъ рѣкъ и озеръ, упоминаемыхъ въ начальной лѣтописи, и весьма обстоятельными опредѣленіями путей сообщенія въ древней Руси оканчивается первая глава разбираемаго сочиненія. Даѣшь, замѣчаетъ авторъ — „по возникновенію на сѣверо-западной равнинѣ Русского государства... обусловилъ быстрое распространеніе его границъ до этнографическихъ предѣловъ Славянства, быстрое подчиненіе ему разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ. Наконецъ, своимъ течениемъ на югъ, къ Понту, онъ поставилъ Русь въ слизь христіанскімъ востокомъ и его цивилизацией. Этимъ объясняется, почему въ началь-

¹⁾ См. «О Славянатахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи» В. И. Яланскаго. Уч. Зап. 2-го отд. Ак. Наукъ, кн. V, стр. 311—323. Ил. «историческія замѣчанія», стр. 68—75. Ср. «Русс. история» — Бестужева-Рюминъ, I, 95 и 96.

ной лѣтописи мы встрѣчаемъ наиболѣе данныхъ о его системѣ" (стр. 16—17). Важное также значеніе въ древнѣйшей исторіи разселенія Славянъ имѣла область рѣки Волги. Это значеніе такъ опредѣлено авторомъ: „Многочисленныя развѣтвленія Волги вообще открываютъ превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но и въ самихъ предѣлахъ ея бассейна... Движеніе Славянъ въ этомъ краѣ отъ коренныхъ ихъ обиталищъ съ Днѣпра, верховьевъ Волги и Оки, могло совершаться по нимъ шагъ за шагомъ, не большиими массами... постепенно, общность и сила, съ которыми оно является въ исторіи, зависятъ именно отъ выгоднаго расположенія рѣкъ верхняго Поволжья" (стр. 24 и 25).

Не смотря на отсутствіе общихъ опредѣленныхъ этнографическихъ понатій, „можно, кажется, привѣтъ", говорить г. Барсовоѣ, — „что въ начальной лѣтописи все населеніе Афетовой части раздѣляется на слѣдующія народныя группы: Варяги или Нѣмцы, Греки, Литва, къ которой относятъ Ятвяговъ, и Славяне" (стр. 28).

Не вдаваясь въ разборъ спорнаго вопроса о Варягахъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что „начальная лѣтопись употребляетъ слово „Варягъ" преимущественно въ значеніи географическомъ, обозначаетъ иже, съ одной стороны, вообще западно-европейское населеніе, съ другой — территорію западной, или по крайней мѣрѣ, съ-западной Европы" (стр. 29). Съ значеніемъ этого имени для западной Европы остроумно сопоставлено означеніе имени Влаховъ, подъ которыми начальная лѣтопись разумѣеть жителей Италии, и Грековъ, подъ которыми начальная лѣтопись разумѣеть все вообще населеніе Византійскаго государства (стр. 31). Отъ указанія на источники географическихъ свѣдѣній о Греческой землѣ и перечисленія всѣхъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ предѣлахъ ея области, исследователь переходитъ къ очерку племенъ Литовскихъ, съ которыми „въ XI вѣкѣ на Руси только начинали завязываться сношенія", и о географическомъ положеніи которыхъ „не было ясныхъ понатій" (стр. 37). Къ этимъ племенамъ лѣтопись причисляетъ и Ятвяговъ (стр. 28), сѣлавшихся известными на Руси ранѣе другиѣ литовскихъ племена (стр. 33). Изслѣдованіе о томъ, какую область занимали Ятвяги (вопросъ о национальности которыхъ авторъ не считаетъ решеннымъ), по обстоятельности доказательствъ и разнообразію ученыхъ приемовъ составляетъ одну изъ лучшихъ частей разбираемаго сочиненія. Какъ раннія, такъ и болѣе поздніяя извѣстія, находящіяся какъ въ русскихъ, такъ и въ польскихъ источникахъ, а также данныя географ-

фической номенклатуры приняты въ соображеніи г. Барсовыхъ. Выводъ его, отличный отъ общепринятаго до настоящаго времени определенія этой области, слѣдующій: „Первоначальныя поселенія Ятвяговъ, до первой половины XI вѣка, находились между собственною Русью, Червенскими городами и Лихами съ одной стороны, и Литвою съ другой; между старо-славянскими поселеніями въ области Нѣмана, Прицети, западнаго Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи, — то-есть, они занимали тогда пространство по Нѣману и по его южнымъ притокамъ: Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Прицетью и Побужьемъ — на сѣверо-западъ до того мѣста, где Нѣманъ принимаетъ сѣверное направление, у Гродна“ (стр. 34).

Размѣщеніе Финскихъ племенъ, на восточной равнинѣ носившихъ на Руси общее название Чуди, „было, хотя въ общихъ чертахъ, известно лѣтописцу“ (стр. 38). „Онъ раздѣляеть ихъ“, полагаетъ г. Барсовъ, — „на двѣ группы: южную, по сю сторону Волока, и сѣверную—въ Заволочье. На это указываетъ выраженіе „Заволоцкая Чудь“, которое стоитъ въ первомъ перечинѣ племенъ передъ племенами Перми, Печеры, Еми и Угры, жившими по ту сторону Волока... слѣдуетъ, кажется признать, что это имя употреблено лѣтописцемъ въ первомъ перечинѣ именно для обозначенія всѣхъ вообще племенъ, населявшихъ Заволочье: оно никогда болѣе не встрѣчается, ни въ исчисленіи данническихъ племенъ, ни въ изложеніи событій начальной лѣтописи, ни у ея переписчиковъ и продолжателей...“ (стр. 38 и 39). На такомъ объясненіи, какъ намъ кажется, нельзя успокоиться.

Въ Новгородскомъ лѣтописцѣ, изд. въ Прод. Древн. Вивл., во 2 ч. (здесь издана такъ называемая Новгородская 1 лѣт., по сп. Академическому), объ убіеніи Глѣба въ Заволочье сказано на стр. 312: „бѣжа Заволокъ и у.... Чудь“¹⁾). Въ Воскр. лѣт. подъ 6586 г.: „убиенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославъ, въ Заволочіи...“ (П. С. Р. Л., VII, стр. 2)²⁾). Это извѣстіе, будучи сопоставлено съ тѣмъ, что

¹⁾ Аргуньшевъ, кн. 2, пр. 181.

²⁾ Въ Татищевскомъ сводѣ прибавлено, что князь Глѣбъ убитъ отъ Еми (II, на стр. 132, а не на 112, какъ въ изслѣдованіи Барсова на стр. 50). Принять положеніе гг. Шегрена и Барсова, что Еми въ эпоху начальной лѣтописи занимала южное Заволочье отъ Ладожского озера до Сѣверной Двины, мы должны также допустить, что именно это племя и называло въ начальной лѣтописи Заволочкою Чудью. Остатки этой Еми у Русскихъ и до настоящаго времени называются Чудью (см. у Барсова, стр. 51). Потому же, почему въ начальной

намъ извѣстно о Заволочьѣ изъ позднѣйшихъ источниковъ, какъ напримѣръ, изъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода, въ которыхъ оно постоянно упоминается въ числѣ его волостей, дозволяетъ предполагать, что подъ Заволочскою Чудью въ перечинѣ Финскихъ племенъ можно разумѣть не общее название всѣхъ этихъ племенъ, жившихъ на сѣверѣ за волокомъ, а Финское племя, обитавшее въ области Сѣверной Двины. Намъ кажется правильнѣе, какъ дѣлалъ и Лербергъ, отъ извѣстнаго дѣлать заключеніе о неизвѣстномъ, чѣмъ судить о послѣднемъ, не принимая въ разчетъ перваго. Для дальнѣйшаго разясненія этого вопроса укажемъ также на извѣстіе, находящееся въ Двинскомъ лѣтописцѣ: „Двинскіе убо жителіе въ началь именовахуся Заволоческая Чудь...“ (Древн. Вивл., ч. XVIII, стр. 1).

Чудью называетъ также начальная лѣтопись и племя, жившее на восточномъ побережье Балтійского моря. Подъ этимъ же названіемъ, какъ полагаетъ г. Барсовъ, она разумѣеть и племя Воды или Вожане, „которые уже въ первой половинѣ XI вѣка составляли одну изъ пяти волостей или пятинъ Новгородскихъ... Мѣстное название племени Воды или Вожанъ могло быть неизвѣстно южному лѣтописцу, или же онъ считалъ за лучшее замѣнить его въ своемъ разказѣ болѣе общимъ и распространеннымъ названіемъ Чуди; но Вожане прямо называются въ одновременныхъ съ нею извѣстіяхъ Новгородского лѣтописца, и во всякомъ случаѣ, виѣ этого народца положительно негдѣ искать среди Финскихъ племенъ русской Чуди IX — X вѣка“ (стр. 40). Для опредѣленія области, которую занимало племя Весь, авторъ приводить много указаний изъ современной географической номенклатуры. Считая эти указанія полезными и любопытными для дальнѣйшей разработки исторической географіи, мы однако не можемъ признать вполнѣ вѣрнымъ выводъ изслѣдователя. Жилища Веси, говорить онъ, доходили на западѣ до Ладожскаго озера и рѣки Волкова на югѣ до р. Клязьмы. „Такимъ образомъ, племя Веси занимало все верхнее Поволжье, примыкала непосредственно къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ Кривичей; поэтому область ихъ рано должна была подвергнуться славянской колонизаціи“ (стр. 44). Если названія свидѣтельствуютъ, что Весь жила въ указанныхъ мѣст-

лѣтописи, какъ можно справедливо предполагать, название Воды было замѣнено названіемъ Чуди (см. ib., стр. 40), и название Еми, жившей на Сѣверной Двинѣ, было замѣнено названіемъ Чуди Заволочской.

ностяхъ, то отсюда еще не слѣдуетъ дѣлать заключеніе о томъ, что въ эпоху начальной лѣтописи она занимала ту обширную область, границы которой очерчены авторомъ¹⁾). На основаніи вѣсскихъ названий, имъ приводимыхъ, можно только дѣлать различныя, болѣе или менѣе удачныя предположенія, значеніе которыхъ въ научномъ смыслѣ будетъ одинакового достоинства съ выводомъ г. Барсова. Такъ, напримѣръ, можно допустить, что Весь даже въ ту отдаленную отъ насы эпоху, когда только что стали водворяться Славянскіе колонисты въ озерной области и Поволжьѣ, была уже вытѣснена изъ своихъ жилищъ сосѣднимъ финскимъ племенемъ Мерею. Въ области этого племени поселенія вѣсскія въ эпоху начальной лѣтописи могли быть явленіемъ случайнымъ. Не говорю ужъ о томъ, что необходимо было бы прежде всего доказать: названіе мѣстностей отъ корня *все* можетъ ли принадлежать исключительно племени Весь. Извѣстно, что называя отъ корня *мар* не всегда могутъ служить доказательствомъ мѣстожительствъ племени Мери (см. пр. 73 на стр. XXVI).

По вопросу о положеніи Емской области, авторъ принимаетъ мнѣніе Шегрена и подкрѣпляетъ его новыми убѣдительными доказательствами, — какъ извѣстіями историческими, такъ и названіями, напоминающими это племя. Оно, вѣроятно, замѣтаетъ авторъ, жило „первоначально гораздо далѣе на юго-западѣ, въ сосѣдствѣ съ одной стороны съ прибалтійскою Чудью, изъ языка которой объясняется племенное названіе Еми, съ другой — съ Кривичами, постепенно передвигалось на сѣверо-востокъ, уступая движенію другихъ Чудскихъ народовъ, вызванному колонизаціей Славянъ, и непосредственно наѣзду самого Славянства. Любопытно, что на водныхъ путахъ восточной равнины изъ бассейна балтійского въ Заволочье встрѣчается много хорографическихъ названий, родственныхъ племенному названію Еми, — а хорографическая названія принадлежать, какъ извѣстно, въ древнѣйшемъ и скорѣѣ другихъ могутъ быть принаты, какъ свидѣтельство старинныхъ поселеній того или другого племени“ (стр. 51 и 52).

Вопреки общеприятому мнѣнію, установленвшемуся еще со времени изслѣдованій Лерберга, г. Барсовъ на основаніи разбора древ-

¹⁾ Говоря обѣ области Еми также на основаніи названий, напоминающихъ это племя, г. Барсовъ замѣтилъ: «Конечно, нельзя думать, чтобы она занимала такое обширное пространство за одинъ разъ, въ одно и то же время» (стр. 51).

нѣйшихъ извѣстій о Югрѣ отъ XI—XIV вѣковъ обстоитѣльно доказывается, что югорскія земли прилегали къ поселеніямъ Печеры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ. Вслѣдствіе напора Новгородцевъ Югра постепенно передвигалась „за Ураль, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ихъ XV вѣкъ, и гдѣ они были покорены уже Московскими войсками. По всейѣроятности, двигались вслѣдъ за ними и Новгородскія дружины, привлекаемыя богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руси съ Сибирью въ XII—XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ одного темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Обирѣку въ 1364 г. Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Ураль, еще въ прошломъ столѣтіи сохранилась у ея потомковъ Богуловъ“ (стр. 56). Послѣднее замѣченіе имѣло бы болѣе важное значеніе, если бы г. Барсовъ не оставилъ безъ опроверженія мнѣніе г. А. Б. автора статьи: „Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ“, напечатанной въ *Вѣстникѣ Географическаго общества*, ч. XIV (1855 г.), доказывавшаго, что потомками Югры слѣдуетъ считать Обскихъ Остаковъ.

Весьма замѣчательнымъ объясненіемъ характера извѣстій началь-
ной лѣтописи о Финскихъ племенахъ заканчивается 3-я глава разби-
раемаго нами изслѣдованія. Уже Шегренъ обратилъ вниманіе на то,
что начальная лѣтопись болѣе знаетъ о сѣверо-востокѣ, чѣмъ о сѣ-
веро-западѣ. Такъ, она не знаетъ ни Лопи, ни Кореловъ, ни Воды и
пр., между тѣмъ какъ знаетъ Печору и Югру. Это явленіе Шегренъ¹
объяснилъ невѣрно, и его объясненіе должно уступить мѣсто тому,
что говорить г. Барсовъ: „сѣверо-восточные русскія владѣнія, сопри-
касавшіяся съ племенами Черни, Печеры, Угры, были въ XI вѣкѣ
въ зависимости отъ южно-русскихъ князей, которые или сами тамъ
жили, или же посыпали туда своихъ мужей для управления и сбора
дани. Финскій сѣверо-востокъ былъ такимъ образомъ лучше извѣстенъ
въ Киевѣ и Переяславлѣ, чѣмъ сѣверо-западъ, и естественно, что
южно-русскій лѣтописецъ сообщаетъ о немъ болѣе обстоятельный сѣ-
дѣнія, тогда какъ о сѣверо-западѣ говорить въ общихъ чертахъ...“
Необходимо также предположить, „что главный источникъ свѣдѣній
начальной лѣтописи о Чуди—былъ не Новгородскій“ (стр. 58).

Сопоставление находящихся въ началѣ „Повѣсти“ трехъ перечней Славянскихъ племенъ, привело г. Барсова къ отрицанію тѣхъ выводовъ, какіе были сдѣланы г. Соловьевымъ о порядке размѣщенія Славянъ на восточно-европейской равнинѣ. „Характеръ этихъ изг-

стій", по мнѣнію автора,— „послѣдовательно дополняющихъ другъ друга, ближе всего объясняется позднѣшими передѣлками и вставками, которымъ видимо подверглись „Повѣсти временныхъ лѣтъ“; или же, что еще вѣроятнѣе, безъискусственностью изложенія, которая позволяла составителю лѣтописи отъ разкза стародавнихъ преданій возвращаться каждый разъ къ исчисленію племенъ, дополняя то, что было имъ пропущено раньше“ (стр. 61).

Не сомнѣвалась въ томъ, что преданіе о нашествіи Волоховъ на Дунай и о выселеніи оттуда Славянъ жило въ народной памяти и отсюда занесено въ „Повѣсть“, что, какъ намъ кажется, можно только назвать болѣе или менѣе вѣроатнымъ предположеніемъ, авторъ сомнѣвается въ томъ, чтобы это преданіе „имѣло въ народномъ пониманіи такое широкое значеніе, какое придалъ ему нашъ лѣтописецъ“ (стр. 61). Съ этимъ, если только признать источникомъ извѣстія о движениіи Славянъ съ Дуная народное преданіе, нельзя не согласиться, такъ какъ Славяне и въ области Карпатской составляли древнѣйшее населеніе. Даѣве, на основаніи превосходнаго изслѣдованія Н. И. Надеждина: „Опытъ исторической географіи русскаго міра“, г. Барсовъ опредѣляетъ то пространство на равнинѣ восточной Европы, которое искони было занято населеніемъ славянскимъ, хотя этому опредѣленію онъ не придаетъ значенія строго научнаго, такъ какъ оно основано на разборѣ именъ географическихъ, которыми, какъ онъ говоритъ, — „только послѣ основательной филологической разработки ихъ, историческая географія можетъ воспользоваться...“ не рискуя слишкомъ точностью своихъ выводовъ я вѣроатностью своихъ предположеній“ (стр. XXXVII).

При опредѣленіи границъ той области, которую занимали Славяне въ восточній Европѣ, авторъ между прочимъ, замѣчаетъ: „Очень вѣроатно, что разселенія (Вятичей)... простирались въ область Дона, на плодородныя побережья Донскихъ притоковъ Сосны, Воронежа и Сѣвернаго Донца и въ эпоху сильнаго Хазарскаго ханства... спускались внизъ по Дону, къ побережьямъ Азовскаго моря и къ низовьямъ Кубани“ (стр. 66). Данныя, которыми можетъ быть отчасти доказано это предположеніе, изложены авторомъ въ другомъ мѣстѣ, а именно на стр. 129 и 130. Здѣсь, на основаніи извѣстій мусульманскихъ писателей IX—X вѣковъ, онъ говоритъ, что „Славяне составляли въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до Кавказскаго хребта, не только значительную часть городскаго населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сель-

ское населеніе" (стр. 129)... Если действительно Славяне жили въ устьяхъ Дона, то почему же именно эти Славяне, или часть ихъ, принадлежали къ племени Вятичей? Это не доказано.

Население Славянское въ Восточной Европѣ дѣлилось на племена. Давно уже наука замѣтила, что характеристика быта ихъ, находящаяся въ начальной лѣтописи, страдаетъ одностороннѣстю, и что отличія между ними были весьма слабы. Это признаетъ и г. Барсовъ. „По прямому смыслу лѣтописного изложенія“, говоритъ онъ, „всѣ эти отличія сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія, и можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту“ (стр. 67). „Также мало могли обособляться вѣти языкомъ, различія въ которомъ со-стоали не болѣе, какъ въ говорахъ...“ (стр. 67). Какъ ни слабы были отличія въ бытѣ, нравахъ и языкахъ, однако существованіе этихъ отличій, признаваемое самимъ авторомъ, не даетъ еще права, какъ намъ кажется, называть каждое племя единицею политico-географической, а не этнографической (стр. 68), какъ дѣлаетъ г. Барсовъ. Установленія такое название, онъ не могъ не впасть въ противорѣчіе самому себѣ. Такъ, онъ говоритъ на стр. 68: „Къ половинѣ IX вѣка восточно-славянскій вѣти выработали уже въ себѣ въ значительной мѣрѣ и внутреннее единство, и вицѣю самостоятельность, и сознаніе своей особности“.

Славяно-русскія племена, называемыя начальною лѣтописью княженіями или землями, получили, какъ предполагаетъ исслѣдователь, названія, происшедшія отъ именъ родоначальниковъ колѣнъ. „Это предположеніе“, замѣщаетъ онъ, — „находитъ подтвержденіе въ извѣстномъ лѣтописномъ преданіи о Радимѣ и Ваткѣ, родоначальникахъ и вождахъ Радимичей и Вятичей?“ (стр. 70). На это замѣтимъ, что свое предположеніе авторъ подтвердилъ преданіемъ, само по себѣ возбуждающимъ сомнѣніе¹⁾.

По мѣрѣ того какъ возрастало значение города, и онъ „дѣлалъ средоточіемъ, если не административнымъ, то религіознымъ и политическимъ своего округа или волости“ (стр. 71), названія земель

¹⁾ См. прег. къ VI т. Зап. Акад. Наукъ. № 2 (С.-Пб. 1864 г.). Замѣчанія А. Кунника. Стр. 57. Г. Барсовъ доказываетъ, что объясненіе лѣтописи названия Бужанъ («Зане сѣдоша по Бугу») не можетъ быть принято (см. стр. 85 разбираемаго исслѣданія), тѣмъ самымъ даетъ только новое доказательство того, что словоизъясненіе географическихъ именъ, встрѣчающееся въ начальной лѣтописи, не можетъ имѣть научнаго значенія.

уступали мѣсто названіямъ, заимствованнымъ оть городовъ. Значеніе этой перемѣны въ земельныхъ названіяхъ, знаменующей важный поворотъ въ жизни восточныхъ Славянъ въ до-русскій періодъ:— „разложение земель подъ вліяніемъ городовъ“ прекрасно охарактеризовано г. Барсовымъ (стр. 70—72), при чёмъ очень удачно подобраны имъ тѣ намеки на этотъ поворотъ, какіе сохранились въ начальной лѣтописи.

Говоря о томъ, что населеніе каждой земли распространялось по рѣкамъ, авторъ замѣчаетъ: „Это открывается, между прочимъ, въ томъ любопытномъ фактѣ, что и теперь еще многія рѣки сближающіяся между собою или устьями или истоками, носятъ одинаковыя названія, очевидно, перенесенные разселявшимся племенемъ съ одной на другую“ (стр. 72 и 73).

Земли имѣли „межи, рубежи, предѣлы и грани“ (стр. 72), сѣды которыхъ сохранились въ названіяхъ волоковыхъ уроцішъ и населенныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, Стражи, Рубежеви, Городокъ, Сутень, Ворота, Тверь, Оськъ.

Хотя цѣлость земель въ эпоху сложенія Русскаго государства, по мнѣнію г. Барсова, и не нарушалась, „тѣмъ не менѣе“, какъ онъ замѣчаетъ, „новая государственная жизнь обнаружила на нихъ свое вліяніе... Городъ гораздо сильнѣе тяготѣлъ надъ областью, когда въ немъ утвердился князь или его посадникъ съ дружиною, чѣмъ въ былое время, когда въ немъ сидѣлъ племенной князь въ зависимости отъ старѣшинъ и лучшихъ людей, управлявшихъ землею. Мало по малу значеніе земли стушевалось, уступая мѣсто княжеской волости“ (стр. 77).

Въ остальныхъ главахъ разбираемаго труда (V—VIII), въ которыхъ, на основаніи начальной лѣтописи и позднѣйшихъ извѣстій, а также данныхъ, представляемыхъ топографическою и хорографической номенклатурою, опредѣлены границы земель и волостей княжескихъ и перечислены населенные мѣста, упоминаемыя въ начальной лѣтописи, новыми и особенно цѣнными вкладомъ въ науку можно считать то, что сдѣлано для опредѣленія колонизаціи каждого славянскаго племени въ восточной Европѣ. Такъ авторъ, указавъ на сѣды распространенія Хорватовъ въ прикарпатской области (стр. 80), удачно объяснилъ темныя извѣстія объ Уличахъ, которые, по мнѣнію его, первоначально жили на юго-востокѣ по Бугу до Днѣстровскаго лимана, передвинулись на западъ, раньше завоеванія ихъ Игоремъ и взятія города ихъ Пересѣчна Сѣнельдомъ, и затѣмъ въ

теперешнюю Галицию и съверо-восточную Венгрию (стр. 83 и 84); далѣе, опредѣлено взаимное отношеніе равнозначащихъ именъ Дулѣбовъ, Бужанъ и Велынянъ или Волынянъ (стр. 85) и указаны слѣды ихъ поселеній въ области рр. Припети, Вислы и Днѣстра (стр. 87). Хорваты и Дулѣбы вошли, вѣроятно, въ составъ Русскаго государства еще при первыхъ князьяхъ. Въ концѣ X столѣтія центромъ управлѣнія земли Хорватовъ и Дулѣбовъ сталъ Владиміръ. „Могло бытъ“, замѣчаетъ изслѣдователь,— „что уничтоженіе земельной особности Хорватовъ, къ которому естественно должно было привести подчиненіе ихъ новому княжескому городу, возбудило въ нихъ стремленіе къ независимости и было причиной ихъ восстанія противъ Руси. Этимъ объясняется краткое и темное извѣстіе... о походѣ Владимира на Хорватовъ... въ 992 г.“ (стр. 88 и 89). Одна изъ главныхъ причинъ усобицы на юго-западѣ Руси въ XI и XII вѣкахъ коренилась въ томъ, что отъ Владимиրскаго княженія отнимали Теребовль, то-есть, юго-западную часть Червенской земли (стр. 90). Продолжительная, ожесточенная борьба окончилась тѣмъ, что Теребовль остался отторгнутымъ отъ Владимиирскаго княженія и вошелъ въ составъ Галицкаго княженія (стр. 91).

При опредѣленіи границъ Теребовольско-Перемышльской земли высказано нѣсколько новыхъ основательныхъ предположеній. „Весьма вѣроятно“, замѣчаетъ г. Барсовъ,— что въ XII — XIII вѣкѣ галицко-угорская граница „совпадала съ этнографическими предѣлами Руси“ (стр. 95). Определеніе съверо-восточной границы, отступающее отъ общепринятаго до настоящаго времени опредѣленія, нельзя не признать болѣе основательнымъ. Область Днѣстра съ лѣвыми притоками этой реки принадлежала землѣ Теребовольской (стр. 99 и 100).

Селенія Драговичей, по мнѣнію автора, простирались „на западъ въ область западнаго Буга...“ „Къ этой мысли приводятъ, впервыхъ, то обстоятельство, что Побужье, къ съверу отъ... предѣловъ Червенской земли, первоначально принадлежало непосредственно къ Киевскому княженію, но вторыхъ — названія урочища Сухой Дороги, въ XIII вѣкѣ бывшаго близъ границы Волынско-Польской, и селеній, находящихся теперь въ Побужжї“ (стр. 108). Предположеніе, что въ области Горыни населеніе было смѣшанное изъ Дулѣбовъ и Драговичей, довольно вѣроятно. Любопытно также слѣдующее замѣченіе, которое можетъ навести изслѣдователей, занимающихся изученіемъ исторіи удѣльно-вѣчеваго периода, на новые догадки: „Причины раздора въ XII вѣкѣ между Володимирскими и Киевскими князьями, раз-

дора, предметомъ котораго служила Погорина съ своимъ центральнымъ городомъ Дорогобужемъ, могли скрываться въ смѣшанности населенія этой области и въ нарушеніи Русскими князьями старыхъ, земельныхъ межей, которое запутало права и притязанія какъ съ той, такъ и съ другой стороны" (стр. 109). Весьма немногими извѣстіями начальной лѣтописи о землѣ Деревской, обособившейся задолго до образования Русского государства, г. Барсовъ искусно воспользовался и приблизительно возвстановилъ ея границы (стр. 109 и 110).

Отъ опредѣленій земельныхъ рубежей Полянъ, Древлянъ и Дреговичей авторъ разбираемаго сочиненія переходитъ къ географическому обозрѣнію княжества Киевскаго. Въ составъ его входили земли трехъ вышепоименованныхъ племенъ. По смерти Святослава Владимира-вича Деревская земля „уже не отдѣлялась отъ Киевскаго княженія во все время, обнимаемое начальною лѣтописью“ (стр. 111). Г. Барсовъ не сомнѣвается въ томъ, что и Дреговичи „еще при первыхъ Киевскихъ князьяхъ до-Юриковичахъ вошли въ составъ Русского государства. По крайней мѣрѣ“, говорить онъ, — „извѣстіе о войнахъ Аскольда съ Полочанами даетъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ Киевскихъ владѣній съ Полоцкою землею“... (стр. 111). Съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Извѣстіе о войнѣ Аскольда и Дира съ Полочанами находится въ Никоновской лѣтописи подъ 6373 г., а затѣмъ, подъ слѣдующимъ годомъ въ этой же лѣтописи разказывается о походѣ ихъ на Грековъ. Такъ какъ ранѣе этой войны въ Никоновской лѣтописи нѣтъ извѣстій объ Аскольдѣ, а въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о войнѣ ихъ съ Полочанами, то она можетъ быть отнесена къ тому времени, когда Аскольдъ и Дири еще не владѣли Киевомъ.

Изъ опредѣленій мѣстоположенія городовъ въ Киевскомъ княжествѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: Юрьевъ находился въ Пороссы, но не на р. Роси (см. пр. 205, на стр. LXIII), какъ полагали Карамзинъ, Погодинъ, Надеждинъ и Неволинъ. Любечъ, въ которомъ былъ сѣздъ князей въ 1097 г., находился близъ озера Подлюбскаго, къ югу отъ Городца (стр. 124).

Изъ трехъ славяно-русскихъ племенъ, жившихъ на восточной сторонѣ Днѣпра, были наиболѣе замѣчательны Сѣверяне¹⁾. Они

¹⁾ Выше мы уже говорили о неосновательномъ, по нашему мнѣнію, предположеніи автора о юговосточныхъ разселеніяхъ Сѣверянъ (см. у Барсова, стр. 129—130).

обнаружили „по отношению къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особности“ (стр. 137). „Уже при Олегѣ“, замѣчаетъ г. Барсовъ, „у поднѣпровскихъ Сѣверянъ возникли княжеские города Черниговъ и Переяславль“... Авторъ не указываетъ, на чёмъ онъ основываетъ это замѣчаніе, съ которымъ согласиться было бы слишкомъ смѣло. Черниговъ и Переяславль въ первый разъ упоминаются въ договорѣ 907 г. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что эти города не существовали раньше Олега. При немъ, точно такъ какъ и при Игорѣ, они уже имѣли значеніе „первенствующихъ городовъ на Руси послѣ Кіева“ (стр. 137). „Нѣть сомнѣнія“, говоритъ авторъ, — „что уже въ это отдаленное время, подъ вліяніемъ Чернигова и Переяславля, стало ослабѣвать земельное единство Сѣверянъ, что у нихъ тогда еще начали вырабатываться волости, во второй половинѣ XI вѣка окончательно сложившіяся въ особыя княженія Черниговское и Переяславское. Тѣмъ не менѣе изъ разг҃ла Русской земли между сыновьями Владимира Святаго и изъ послѣдующаго хода событий нельзя не заключить, что въ X и въ началѣ XI вѣковъ русскимъ центромъ Сѣверской земли служила отдѣленная Тмутаракань. При Владимѣрѣ Святомъ Тмутаракань является единственнымъ княжескимъ удѣломъ на восточной сторонѣ Днѣпра, удѣломъ, въ который должны были входить всѣ славянскія земли по лѣвую сторону этой реки, подчиненные Руси“... (стр. 137 и 138). „Въ началѣ XI вѣка Мстиславъ, овладѣвъ лѣвымъ побережьемъ Днѣпра, перенесъ свой столъ въ Черниговъ, и уже съ того времени Тмутаракань снизошла на степень второстепеннаго удѣла Черниговскаго княжениія“ (стр. 138).

Все, чѣмъ здѣсь сказано о Тмутаракани, не подкреплено доказательствами. Поэтому считаемъ нелишнимъ припомнить извѣстія объ удѣлахъ между сыновьями Владимира. Изяславъ получилъ Полоцкъ, Святополкъ—Туровъ, Ярославъ—Новгородъ, Всеволодъ—Владимѣръ-Волинскій, Святославъ—землю Древлянскую, Мстиславъ—Тмутаракань, Станиславъ—Смоленскъ, Судиславъ—Псковъ, Борисъ—Ростовъ, Глѣбъ—Муромъ. Такъ были распределены удѣлы, справедливо догадывается С. М. Соловьевъ, уже вслѣдствіе втораго распораженія Владимира, „потому что при первомъ распределеніи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено, что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ—Сузdalъ“¹⁾). Далѣе нашъ почтенный исто-

¹⁾ Исторія Россіи, т. I (М. 1857 г.), стр. 209.

рикъ, сравнивая волости сыновей Владимира съ волостями сыновей Ярославовыхъ, замѣчаетъ: „Странно, что размельчая такъ волости на съверъ и западъ, Владимиръ не далъ волостей на востокѣ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ объ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмутораканіи, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, отъ его завоеванія впослѣдствіи, уже при Ярославѣ¹⁾“). Это замѣчаніе основано на извѣстіяхъ лѣтописи, которыхъ никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу мнѣнія г. Барсова.

Съвернамъ далеко уступали по значенію въ исторіи русской колонизации ихъ соуди Радимичи. Сохранившіяся въ лѣтописи извѣстія свидѣтельствуютъ о крайней ихъ слабости. „Но еще болѣе она доказывается“, какъ говоритъ авторъ, — „отсутствіемъ въ лѣтописи даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на существование у нихъ городовъ, которые имѣли бы центральное значеніе для ихъ земли; видно, что племя это, войдя въ составъ Черниговскаго княжения, очень скоро потеряло всякую тѣнь самостоятельности“ (стр. 133).

Часть земли Съверской также составляло, по мнѣнію г. Барсова, обособившееся при сыновьяхъ Ярослава княженіе Переяславское (стр. 138). Къ этому княженію въ концѣ XI вѣка принадлежала область лѣваго притока Сейма — Выры, первоначально принадлежавшая Черниговскому княжению. Объясненіе, почему область этой рѣки получила важное значеніе въ исторіи удѣльной Руси, заслуживаетъ вниманія: „Посемье было одинаково важно и для Чернигова, и для Переяславля, ибо оно служило обычнымъ путемъ изъ поля въ съверскую Русь для Половцевъ, въ которыхъ Черниговскіе князья находили себѣ постоянныхъ союзниковъ. Естественно, что, враждуя съ ними, Мономахъ понималъ необходимость затруднить сношенія Святославичей съ кочевниками, перерѣзать пути, которыми ходили степняки къ своимъ русскимъ союзникамъ, и озабочился овладѣть въ Посеми Выремъ, какъ ближайшимъ пунктомъ къ своей Переяславской волости“ (стр. 143).

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія авторъ, воспользовавшись данными топографической номенклатуры, приблизительно опредѣлилъ на основаніи ихъ обширную область, на которой были раскинуты поселенія Кривичей, и указалъ на ихъ важное значеніе въ исторіи славянской колонизаціи на востокѣ Европы. Земля, занятая

¹⁾ Исторія Россіи, т. I (М. 1857 г.), стр. 210 и 211.

этимъ племенемъ, очень рано распалась на княжения Полоцкое и Смоленское. Обособление первого изъ этихъ княженій было обусловлено не тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что Полоцкіе князья, происходя отъ Ильиады Владимира, не имѣли права участвовать въ общемъ владѣніи Русскою землей, а существенными условіями, коренившимися въ его географическомъ положеніи. „Приведеніе въ зависимость“, говоритъ г. Барсовъ, — „подвинскаго населенія не могло совершиться безъ борьбы, требовало отъ Рогволодичей много времени и усилий и тѣмъ самымъ много способствовало ихъ обособленности и отдѣльности“ (стр. 159).

Скудость извѣстій начальной лѣтописи о землѣ Славянѣ Новгородскихъ г. Барсовъ восполнилъ данными, извлеченными изъ древнѣйшихъ памятниковъ Невгородской письменности, а также данными географической номенклатуры. „При чтеніи специальныхъ топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края“, говоритъ онъ, — „нельзя не замѣтить, что географическія названія чисто славянскаго происхожденія господствуютъ только на южной окраинѣ его, въ той части озерной области, которая непосредственно примыкаетъ къ Оковскому лѣсу и верхнему Подвінью, искони заселенными Кривичами“ (стр. 168). „Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть также, что славянство... рѣдворилось здѣсь на инородческой основе“ (стр. 169). Большая часть славянскихъ именъ на Бѣлоозерѣ „несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія—или отъ христіанскихъ личныхъ именъ... или отъ приходскихъ церквей...“ (стр. 171).

Источникомъ для географіи Новгородской земли въ XI вѣкѣ послужилъ для г. Барсова и уставъ о мостахъ, хотя онъ и дошелъ до насъ въ редакціи XIII вѣка, на томъ основаніи, что въ ней не упоминается о тѣхъ волостяхъ, въ которыхъ Новгородцы утвердились во второй половинѣ XI вѣка, и о которыхъ находятся упоминанія въ позднѣйшихъ новгородскихъ граматахъ. „Эта разница“, замѣчаетъ изслѣдователь, — „можетъ быть объяснена только тѣмъ, что, при расширѣніи Новгородскихъ предѣловъ, городовыя повинности не распространялись на вновь присоединяемыя волости, и что ихъ продолжали нести только тѣ, на которыхъ они пали въ старину“ (стр. 174).

9 мая 1874 г.

Е. Замысловскій.

Отвѣтъ г. Свѣтилину.

Въ августовской и октябрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія* за 1874 годъ помѣщена рецензія г. Свѣтилина на мое сочиненіе: „Логика. Обзоръніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной. С.-П. 1872“.—Критикъ съ особою тщательностью, какъ видно, просмотрѣлъ мой трудъ и отмѣтилъ все, чѣмъ возбуждало его недоумѣніе и казалось ему промахами съ моей стороны. Я могу быть только благодарнымъ ему за столь большое вниманіе къ моей книгѣ, и никакого другаго чувства, кромѣ благодарности, у меня не было бы. еслибы мой критикъ обнаружилъ желаніе вникнуть въ дѣйствительный смыслъ моихъ словъ и не старался отыскивать у меня противорѣчія тамъ, где, ихъ въ дѣйствительности нѣть, промахи тамъ, где только разногласіе съ учебникомъ, изданнымъ критикомъ, и наконецъ, ошибки, где, не довольствуясь ходячими въ учебникахъ логики опредѣленіями мыслительныхъ пріемовъ, я старался найти болѣе удовлетворительное, какъ мнѣ казалось, разъясненіе ихъ.

I.

Рецензія г. Свѣтилина касается только первой половины моей книги, собственно—логики. Сужденіе о достоинствѣ историческихъ очерковъ онъ предоставляетъ другимъ. Странно, что онъ, специалистъ по логикѣ, возлагаетъ такую оцѣнку на другихъ, когда ему, по видимому, всего легче было бы произвести ее. Однако, онъ нашелъ нужнымъ мимоходомъ замѣтить, что для читателей, не знакомыхъ съ исторіей древней и средневѣковой логики по Прантлю и индуктивной по Бэну, очерки полны интереса, и выразилъ сожалѣніе, что я прошелъ молчаниемъ логической работы Гегеля, Тренделенбурга и Ибервега. Въ первомъ замѣчаніи, очевидно, заключается косвенный намекъ, что очерки составлены по Прантлю и Бэну. Если это такъ, то есть осиозваніе думать, что онъ не читалъ или совсѣмъ очарковъ, или Прантля и Бэна. Въ изложеніи логики Аристотеля у меня принять совсѣмъ иной способъ изложенія, чѣмъ у Прантля. Трудъ послѣдняго не обнимаетъ всего схоластического періода, тогда какъ у меня обзоръ состоянія логики за это время доведенъ до конца. Читавшій историческія замѣтки у Бэна согласится, что у меня весьма подробно и по другому пріему дано изложеніе логическихъ взглядовъ Бакона и дать анализъ

логики Милля. Наконецъ, мой критикъ проглядѣлъ очеркъ формальной логики, составляющей въ цѣломъ самостоятельную работу.

Второе замѣчаніе показываетъ, что мой рецензентъ не совсѣмъ понялъ мою мысль, лежащую въ основѣ очерковъ. Я излагалъ не исторію логики, а происхожденіе историческихъ типовъ ея. Кто собственно имѣлъ главное вліяніе на образованіе современной формальной логики? Декартъ и вышедшая изъ его школы Порт-Рояльская логика, Вольфъ, Кантъ и его школа, и наконецъ, Гербартъ и его школа. Всѣ формально-логическія работы нашего времени примыкаютъ по духу своему къ вышеупомянутымъ мыслителямъ; идутъ впередъ въ ихъ направлѣніи, измѣняются и улучшаются частности, но общій тонъ остается тотъ же. Труды Ибервега, Тренделенбурга важны, конечно, но не имѣли существенного вліянія на форму логики въ цѣломъ, и потому о нихъ я ничего не говорю. Что же касается до логическихъ работъ Гегеля, то мнѣ всегда казалось, что его логика не есть та логика, историческимъ развитіемъ которой я интересовался: кроме названія, она ничего общаго съ обыкновенною логикою не имѣть.

Мой рецензентъ не потрудился вникнуть въ смыслъ введенія, которое я предполагаю въ моей книжѣ изложенію логическихъ пріемовъ. Сужденію его о немъ предшествуетъ опредѣленіе, въ какихъ случаяхъ такое введеніе вообще можетъ быть полезно, и по рецензенту оказывается, что пользу оно можетъ принести только въ томъ случаѣ, если составлено на манеръ покойнаго Карпова, или Ульрици (главный авторитетъ г. Свѣтилина), или Бана. Но мой критикъ упустилъ изъ виду, что во введеніи въ логику можно имѣть въ виду исторію умственнаго развитія человѣка до того момента, когда начинается зрѣлая логическая жизнь. Преслѣдуя такую цѣль, въ своемъ введеніи я старался намѣтить слѣды логической работы въ нашихъ представлѣніяхъ и указать послѣдовательныя ступени умственнаго развитія, начиная съ конкретныхъ представлений и кончая общими. Обыкновенно въ логикахъ понятія являются вдругъ, какъ *deus ex machina*; я же старался изслѣдовывать постепенный подъемъ ума до понятій и особенно указать вліяніе языка на наше мышленіе¹⁾.

¹⁾ Два-три замѣчанія, сдѣланныя г. Свѣтилинымъ въ примѣчаніи на стр. 286—289 (въ августовской книжкѣ) я не считаю сказанными серьезно. Изъ психофизическихъ фактовъ, открытыхъ Веберомъ и Фехнеромъ, я дѣлаю въ Логикѣ два вывода: 1) что наблюдение виѣшнаго міра посредствомъ виѣшніхъ чувствъ совершается въ порядкѣ, опредѣленномъ законами и, 2) что отнюдь не въ нашей власти

Присматриваясь къ приемамъ моего критика, я нахожу что онъ любить брать второстепенное въ изложениі и представляетъ читателямъ, какъ дѣло особой важности, дабы тѣмъ дать *raison d'être* своимъ возраженіямъ. Онъ не прочь и навязать мнѣ мысль, которой у меня совсѣмъ нѣтъ, или монимъ выраженіямъ дать не тотъ прямой смыслъ, какой очевиденъ по связи рѣчи, а свой, можно сказать, приложенный уже къ возраженіямъ. Справедливость сказанного мною я подтверждаю разборомъ замѣчаній, сдѣланныхъ г. Свѣтилинымъ мнѣ на главу о законахъ мышленія.

Въ рецензії мнѣ приписывается пониманіе логическихъ законовъ и въ смыслѣ логическихъ принциповъ, и въ смыслѣ законовъ, дѣйствующихъ съ естественною силою (стр. 289). Между тѣмъ я даже не называю ихъ законами, а принципами мышленія. Мышленіе, какъ и всякая дѣятельность, имѣющая опредѣленную цѣль, нуждается въ какихъ-нибудь руководящихъ принципахъ, известныхъ правилахъ; такъ-называемые законы мышленія суть начала, бѣзъ соблюденія которыхъ мысль и мышленіе становятся невозможными, при нарушеніи которыхъ мышленіе само же себя уничтожаетъ. Для меня не понятно, какъ г. критикъ изъ этихъ выражений могъ вывести заключеніе, что я понимаю законы мышленія и какъ логические принципы, и какъ естественные законы, тѣмъ болѣе, что выше я только что говорилъ о мышленіи, какъ о дѣятельности, имѣющей опредѣленную цѣль.

или произволъ увеличивать или уменьшать проницательность виѣнскихъ чувствъ. Первый выводъ совершенно понятенъ читателю: ибо на той же страницѣ передъ тѣмъ я говорилъ, какими законами управляется ощущеніе, и читавшій эту страницу не могъ подумать, что я желалъ сказать собственно то, что мы нюхаемъ носомъ и слышимъ ушами, а не ртомъ. Вѣтсто подобныхъ замѣчаній критикъ соѣтуетъ мнѣ указать на то, что законъ сохраненія силы не только находить себѣ примѣненіе въ области физическихъ явленій, но простирается и на сферу явлений психическихъ. Но законъ сохраненія силы, вѣтъ великий принципъ естествовѣдія, по словамъ г. Свѣтилина, предполагаетъ превращеніе одной силы въ другую, и пока онъ безъ крайнихъ натяжекъ, и то только въ материалистическомъ тонѣ, не можетъ быть введенъ въ психологію. Г. Свѣтилинъ въ томъ же примѣчаніи навязываетъ мнѣ неопредѣленную фразу и отмѣчаетъ ее какъ мои подлинныя слова: мышленіе есть дѣятельность самая достовѣрная, потому что существованіе его всегда для насъ несомнѣнно, между тѣмъ какъ чувственное воспріятие не рѣдко бываетъ ошибочно. Замѣчанія критика на эти слова падаютъ сами собою, потому что я въ книгѣ своей говорю о мышленіи какъ о фактурѣ самомъ достовѣрномъ, то-есть, я утверждаю самоудостовѣряющій характеръ мышленія, чтд со временемъ Декарта уже сдѣжалось философскою аксиомою.

Определение принципа тожества, данное у меня, по рецензенту, есть только переводъ определенія принципа состоятельности у Бэна¹⁾, и по этому поводу онъ разсуждаетъ, что эта формула недостаточно выражаетъ смыслъ закона тожества. Между тѣмъ у меня онъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ (Логика, стр. 46): принципъ тожества въ сущности имѣеть слѣдующій смыслъ: „*Всякій предметъ (конечно, не реальный, а мысленный), въ какихъ бы различныхъ выраженияхъ (формахъ) ни представлялся, долженъ быть признаваемъ однимъ и тѣмъ же, то-есть, тожественнымъ.*“ Если выразить ту же мысль въ болѣе субъективномъ смыслѣ, то она будетъ слѣдующая: что мы утверждаемъ въ одной формѣ словъ, то должно быть утверждаемо и во всякой другой“. Чѣмъ поставлено мною на первомъ планѣ, о томъ г. Свѣтилинъ не промолвился ни единимъ словомъ; чѣмъ я поставилъ на второмъ, то онъ взялъ за главное и противъ того сталъ возражать. Судя по замѣчанію критика, что мнѣ не слѣдовало бы держаться формулы Бэна и потому еще, что она имѣеть значеніе только для мыслей, выражаемыхъ въ словесной формѣ, читатель могъ заключить, что приведенное г. Свѣтилинымъ определеніе есть у меня единственное. Самъ онъ предлагаетъ толковать законъ тожества въ томъ смыслѣ, чтобы сходныя мысли (относительно содержанія) признавались за тожественные (Журн. Мин. Народн. Просв. авг. 291), то-есть, совѣтуетъ, чтобы мы въ силу логического закона дозволили себѣ обыкновенную ошибку дѣтей и неумѣлыхъ мыслителей, принимающихъ сходныя мысли за тожественные.

II.

Анализъ видовъ противорѣчія сдѣланъ у меня съ цѣллю перечислить главнѣйшіе случаи, въ которыхъ оно можетъ встрѣчаться. Этотъ анализъ подалъ поводъ къ замѣчаніямъ со стороны моего рецензента, съ которыми я никакъ не могу согласиться. Недоразумѣніе съ его стороны произошло оттого, что онъ смѣшилъ виды противорѣчія съ случаями, въ которыхъ они встрѣчаются. Собственно такихъ видовъ я признаю два—непосредственное и посредственное; случаевъ

¹⁾ Бэнъ говорить о principles of consistency; г. Свѣтилинъ полагаетъ, что consistency означаетъ посѣдовательность. Мне кажется, что справясь съ лексикономъ, а затѣмъ и съ самимъ Бэномъ, разумѣющимъ подъ этими принципами, кроме закона тожества, и законъ противорѣчія, г. Свѣтилинъ самъ нашелъ бы свой переводъ не совсѣмъ удачнымъ.

же, въ которыхъ они могутъ встрѣчаться, можетъ быть нѣсколько, и я указалъ таковыхъ по три въ каждомъ видѣ. Нигдѣ, однакожъ, я не утверждалъ, что во всѣхъ случаяхъ всегда встрѣчается противорѣчіе, запрещаемое закономъ. Что это такъ, доказывается вонервыхъ, тѣмъ, что, приступая къ указанію случаевъ непосредственного противорѣчія, я прямо говорю (Логика, стр. 52): „можетъ указать слѣдующихъ три случая непосредственного противорѣчія“; вонтервыхъ, тѣмъ, что, перечисливъ ихъ, я черезъ страницу задаюсь вопросомъ: всегда ли и вездѣ ли соединеніе противорѣчивыхъ признаковъ есть противорѣчіе, запрещаемое логическимъ закономъ? Значить, я предполагалъ, что хотя въ указанныхъ мною случаяхъ противорѣчія и могутъ встрѣчаться, они, однакожъ, не всегда логически запрещаются.

Съ этой правильной точки зреінія на дѣло, замѣчанія г. рецензента теряютъ всякое значеніе. Еслибы онъ задалъ себѣ вопросъ: правильно ли я указывалъ случаи противорѣчія, то онъ быль бы, чѣмъ называется, аи соображеніемъ моего изложенія и не сталъ бы тогда трудиться себя на двѣ-три линіи страницы. Въ самомъ дѣлѣ, я спрашивалъ г. Свѣтилина: можетъ ли встрѣчаться противорѣчіе: 1) когда одному и тому же предмету мы приписываемъ два противоположные признака, напримѣръ, когда одну и ту же линію считаемъ прямой и кривой; 2) когда двумъ противоположнымъ предметамъ приписываются один и тѣ же свойства и признаки, напримѣръ, считаются одинаково разумными человѣка и животное, приписываются одинаковые нравственные качества совершенно различнымъ людямъ; 3) когда приписываются предмету признакъ, прямо ему противорѣчашій? Точно также и относительно случаевъ посредственнаго противорѣчія, можно спросить г. рецензента: можетъ ли встрѣчаться противорѣчіе: 1) когда изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній дѣлается одинъ выводъ, 2) когда дѣлаются два противорѣчивые вывода изъ одного положенія, 3) когда дѣлается выводъ, противорѣчашій положенію? Кто хотя нѣсколько знакомъ съ логикою, непремѣнно дастъ утвердительный отвѣтъ. Я говорилъ въ своей „Логикѣ“ что въ этихъ случаяхъ можетъ оказаться противорѣчіе, и г. рецензентъ, самъ писавшій учебникъ логики, долженъ былъ бы понять, что я не отрицаю тѣмъ возможность того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ упомянутыхъ выше, противорѣчія можетъ не оказаться. Разборъ того, когда оказывается оно, и когда его нѣть, не входилъ въ мой планъ, когда я писалъ о фактѣ противорѣчія; не входилъ онъ въ мои виды потому, что въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы дѣлать анализъ понятій и ихъ при-

знаковъ, и вообще, входитъ въ разсужденія, которыхъ на первыхъ страницахъ логики, по моему мнѣнію, преждевременны и не педагогичны.

Такъ какъ всѣ замѣчанія г. рецензента сдѣланы на основаніи предположенія, будто я толкую въ логикѣ о видахъ противорѣчія, то они, въ сущности, меня и не касаются. Однако, не могу не отмѣтить неточную передачу моей мысли и приданіе моимъ словамъ такого смысла, какого они имѣть не могутъ. Г. рецензентъ предположилъ, что говоря о предметѣ, вещи, въ третьемъ случаѣ непосредственнаго противорѣчія, я разумѣю гес, объективный предметъ, то-есть, вещь, существующую въ нацѣ; смыслъ моего выраженія, однакожъ, очевиденъ; я говорилъ о предметѣ, какъ онъ представляется намъ, и противорѣчіе бываетъ, когда, не смотря на очевидность представленій (созерцанія), мы приписываемъ представляемому предмету признакъ, ему не свойственный. Выраженія, въ родѣ сказаннаго мною въ „Логикѣ“, употребляются вездѣ въ философскихъ сочиненіяхъ—на такомъ же основаніи, какъ и астрономы говорятъ: солнце взошло, закатилось. Неужели г. Свѣтилинъ скажетъ имъ, что они не знаютъ самаго важнаго открытия Галилея?

Далѣе, я никакъ не могу согласиться съ возраженіемъ рецензента на первый случай посредственнаго противорѣчія, когда изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній дѣлается одинъ выводъ. На мои слова (стр. 53): „нерѣдко мы замѣчаемъ, какъ люди совершенно противоположныхъ воззрѣй, принциповъ, приходить къ одинаковымъ выводамъ. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, кто-нибудь изъ нихъ нарушаетъ законъ противорѣчія, или вто-нибудь измѣняетъ своему принципу, ибо одно заключеніе изъ противорѣчивыхъ посылокъ вытекать не можетъ“,— г. Свѣтилинъ возвращается (авг., стр. 293): „Я говорю: солнце движется, а земля стоитъ неподвижно; вы говорите: солнце стоитъ неподвижно, а земля движется. Изъ вашего и моего утвержденія, не смотря на ихъ противоположность, одинаково слѣдуетъ фактъ видимаго движенія солнца. Утилитаристы въ основу нравственной философіи полагаютъ идею счастія, а индуктивисты—идею долга; тѣ и другіе, не впадая въ противорѣчіе съ собою и не измѣняя своему принципу, одинаково доказываютъ обязательность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ“ и т. д. въ этомъ родѣ. Но какъ въ этихъ примѣрахъ, такъ и въ приведенныхъ далѣе, г. рецензентъ допускаетъ самъ, какъ мнѣ кажется, ошибки. Изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній въ первомъ примѣрѣ никакъ не слѣдуетъ одно заключеніе: ибо

одни приходить только къ видимому движению солнца и къ реальному движению земли, другіе—къ дѣйствительному движению солнца и стоянію земли, такъ что мы имѣемъ два совершенно различныхъ заключенія изъ различныхъ посылокъ. Во второмъ примѣрѣ г. Свѣтилинъ, очевидно, ошибается; полагаю, что утилитаристы никакъ не могутъ доказать обязательность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ правилъ. Все, чѣмъ могутъ доказать они, это — пользу, выгодность для лица, общества, народа, человѣчества извѣстныхъ правиль поведенія. Обязательность же и выгодность, конечно, не одно и то же. Если и справедливо, что матеріалисты и идеалисты съ одинаковою послѣдовательностью могутъ отрицать, на основаніи своихъ принциповъ, дуалистическое міровоззрѣніе, то не потому одни отрицаютъ дуализмъ, что признаютъ подлинное существованіе только за *матеріей*, а другіе — не потому, что признаютъ таковое существованіе за *духомъ*, въ чемъ обѣ теоріи противоположны,—а потому, что оба направлениія утверждаютъ единство начала, основы бытія. Въ сущности, оба направлениія отправляются отъ одной посылки и потому приходять къ одинаковому отрицанію дуализма. Очевидно, примѣры г. Свѣтилина или не идутъ къ дѣлу, или поняты логически неправильно. Такжѣ неудачно ссылается онъ на примѣры борьбы теорій въ наукахъ (авг., стр. 294): „Борьба между свѣтовою теоріей истеченія и теоріей волненія въ физикѣ, между теоріей вулканической и теоріей нептунической—въ геологіи, между механической теоріей Лотце и динамической Фихте—въ психической антропологіи потому и возможна, что съ точки зрѣнія этихъ *противорѣчий* теорій *одинаково* удовлетворительно объясняются (или съ одинаковою послѣдовательностью вытекаютъ изъ нихъ) нѣкоторые факты, къ объясненію которыхъ теоріи направлены“. Здѣсь всего замѣчательнѣе, впервыхъ, то, что г. Свѣтилинъ считаетъ *противорѣчиями* въ логическомъ смыслѣ теоріи вулканическую и нептуническую, истеченія и волненія динамизма и механизма! Это просто *разные* теоріи, ибо одна признаетъ дѣйствіе воды впродолженіе геологическихъ эпохъ, а другая—огня, одна предполагаетъ дрожаніе земли, другая—истеченіе свѣтовой жидкости изъ солнца, одна допускаетъ механизмъ физическихъ причинъ и дѣйствій, другая говорить о проявленіи психической силы въ организмахъ: изъ разныхъ же (противорѣчивыхъ другъ другу) посылокъ могутъ быть выводимы одинаковые заключенія, и отрицать это мнѣ не приходило въ голову, да и ничего подобного нѣть въ моей „Логикѣ“. А вовторыхъ, г. рецензентъ говоритъ, что эти *мнимо-противорѣчія* теоріи, будто бы, одинаково удовлетвори-

тельно объясняютъ факты, къ объясненію которыхъ они направлены. Въ томъ-то и дѣло, что это не такъ: одна теорія удовлетворительно объясняетъ одну стороны явленія, другая—другія, но не однѣ и тѣ же. Напримѣръ, погашеніе одного свѣта другимъ (интерференція) объясняется удовлетворительно теоріей дрожанія, но неудовлетворительно—теоріей истеченія и даже ей противорѣчить. Вулканическая теорія хорошо объясняетъ образованіе нѣкоторыхъ каменныхъ породъ, гептуническая—другихъ, первая имѣть въ пользу себя одни факты, другая—другіе, и когда совокупность фактъ, объясняемыхъ одной теоріей, по вѣшности своей подходитъ близко къ совокупности фактъ, объясняемыхъ другою теоріей, то говорить, что обѣ теоріи одинаково удовлетворительны, но только въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ-либо другомъ. Существованіе противорѣчашіхъ объясненій одного и того же факта никакъ изъ научныхъ изслѣдователей не признавалось за доказательство, что дѣйствительное объясненіе найдено. Всѣ естествоиспытатели стремятся найти объясненіе факта одною какою-нибудь теоріей, справедливо предполагая, что онъ истинно и дѣйствительно можетъ логически слѣдоватъ не изъ двухъ противорѣчашіхъ предположеній, а изъ одного. Еслибы г. Свѣтилинъ былъ правъ то наука не существовала бы, не къ чему было бы хлопотать объ истинномъ разъясненіи явленій, когда они съ одинаковою удовлетворительностью могутъ логически слѣдоватъ и изъ гениальныхъ открытий въ родѣ идей Ньютона, и изъ вздорныхъ предположеній, фабрикуемыхъ какъ пошло.

Критику второй случай посредственнаго противорѣчія, г. рецензентъ допускаетъ подстановку одного выраженія вмѣсто дѣйствительно у меня находящагося и затѣмъ, выписывая изъ моей „Логики“ выраженія, подходящія къ измѣненной уже мысли, доказываетъ, что на стр. 52-й я говорю одно, а на 334-й какъ разъ противоположное. Я отношу къ случаю непосредственнаго противорѣчія тотъ, когда два *противорѣчимые* вывода дѣлаются изъ одного положенія, и говорю, что присутствіе подобныхъ вещей въ сочиненіи даетъ поводъ къ безапелляционному приговору надъ такими заключеніями. На стр. 334-й, въ главѣ о доказательствахъ, я говорю, что изъ одного положенія могутъ вытекать *противоположные* слѣдствія. Какъ известно, одно изъ самыхъ элементарныхъ правилъ логики есть то, которое говоритъ о различіи противорѣчія отъ противоположности сужденій. Одна и та же заповѣдь не можетъ намъ повелѣвать и запрещать одно и то же дѣйствіе въ одномъ и томъ же отношеніи, и

подобное правило было бы логическимъ абсурдомъ. Но одна и та же заповѣдь можетъ повелѣвать и запрещать одно и то же дѣйствіе въ разныхъ отношеніяхъ, помыслахъ или при различныхъ обстоятельствахъ. Такія вѣлѣнія заповѣди противоположны, но вообще логически не противорѣчивы. Напримеръ, заповѣдь любви къ ближнему говоритъ, что они должны всѣмъ своимъ имуществомъ помогать близкимъ и раздавать его для этой цѣли. Но если человѣкъ семьянинъ, имѣть, положить, много дѣтей, и избытокъ у него нѣтъ, то та же заповѣдь о любви къ близкимъ, которыми, очевидно, должны считаться собственные дѣти, должна повелѣвать воздержаніе отъ помощи отдаленнымъ близкимъ, когда собственные дѣти ищутъ и голодны. Одна и та же заповѣдь повелѣваетъ и запрещаетъ одно и то же, и ея внушенія вообще противоположны, но противорѣчать ли логически? Этого сказать нельзя. Они противорѣчили бы, еслибы въ одномъ и томъ же отношеніи, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, въ одномъ и томъ же смыслѣ говорили намъ: поступай такъ, и поступай такъ; но они говорятъ намъ, что при законныхъ обстоятельствахъ человѣкъ долженъ думать о близкихъ вообще, кроме своихъ близкихъ, при другихъ обстоятельствахъ думать сначала о своихъ, а потомъ и о постороннихъ лицахъ. Какъ въ противоположныхъ видахъ одного и того же рода есть известныя одинаковые родовые черты (например, черный и бѣлый цвета суть все же цвета, ощущенія одного и того же зренія, и т. д.), такъ и въ противоположныхъ выводахъ изъ одной заповѣди прилагается и сказывается одинъ и тотъ же принципъ, и какъ бѣлый и черный цвета противоположны вообще одинъ другому, но не противорѣчивы, по скольку они суть *общие* цвета, такъ точно и вышеупомянутое запрещеніе и повелѣніе суть *ничто* противоположное, но не логически противорѣчивое. Однимъ словомъ, я въ одномъ мѣстѣ говорю о противоположныхъ выводахъ, въ другомъ — о противорѣчящихъ, а это далеко не одно и то же.

Рецензентъ возводитъ приведенные у меня въ „Логикѣ“ частные примѣры на степень общихъ положеній, дабы затѣмъ возражать противъ послѣднихъ. Я считаю основнѣмъ законъ исключенного третьаго, хотя и допускаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и не прилагается, именно, когда на нѣльпый вопросъ невозможно отвѣтить ни да, ни нѣтъ. Однимъ изъ такихъ случаевъ я признаю тотъ, когда въ вопросѣ подлежащемъ находится какое-нибудь общее родовое понятіе, а сказуемымъ — признакъ, принадлежащий видамъ его, и когда нельзя отвѣтить ни положительно, ни отрицательно. Но могутъ быть и дру-

гіе подобные же случаи, напримѣръ, какъ вопросы, приведенные мною на стр. 62-й „Логики“ (былъ ли Фалесъ безбожникъ, признавалъ ли Сократъ религию). На такие вопросы нельзя отвѣтить разумно ни да, ни нѣтъ. Г. Свѣтилину показалось, что я говорю только объ одномъ первомъ вышеупомянутомъ случаѣ, и вотъ онъ старается доказать, что вопросы первого рода отнюдь не безсмысленны,—что можно отвѣтить разумно: прямоуголенъ ли треугольникъ, можно ли назвать животное млекопитающимъ? Я, напротивъ того, полагаю, что подобные вопросы нелѣпы не сами по себѣ какъ предположенія, а именно какъ вопросы; что на нихъ не возможно разумно отвѣтить: мы должны будемъ отрицать въ своемъ отвѣтѣ отъ треугольника вообще черту прямоугольности, тогда какъ въ нѣкоторыхъ изъ треугольниковъ она есть, или будемъ приписывать имъ ее, тогда какъ въ другихъ ея нѣтъ. Рецензентъ ссылается, будто бы я, на стр. 139 моего труда, не признаю этихъ вопросовъ нелѣпыми; но въ этомъ случаѣ онъ положительно неправо толкуетъ мои слова. Тамъ, разъясняя смыслъ частныхъ сужденій, я говорю: „Мы высказываемся частнымъ образомъ иногда вслѣдствіе нерѣшительности: мы не знаемъ, ко всѣмъ ли предметамъ известнаго рода идетъ данный признакъ, но знаемъ, что въ нѣкоторыхъ онъ есть, и это означаетъ частнымъ сужденіемъ.“ Но иногда мы должны судить такимъ образомъ потому, что беремъ слишкомъ частный видовой признакъ и имъ желаемъ опредѣлить родовое понятіе. Такъ какъ, составляя принадлежность вида, онъ со-рѣдѣне не можетъ опредѣлить весь объемъ рода, то по необходимости намъ приходится ограничивать подлежащее: напримѣръ, нѣкоторые люди геніальны и т. д.“ Я отвѣчу на это рецензенту, что на стр. 139 „Логики“ я ни одного слова не говорю, будто вопросы, признанные мною нелѣпими на стр. 59-й, въ сущности состоятельны, и что вообще въ первомъ мѣстѣ идетъ рѣчь о другой матеріи, чѣмъ во второмъ. По поводу закона исключенного третьаго, я говорю о нелѣпыхъ вопросахъ, въ главѣ же о сужденіяхъ я говорю о предположеніяхъ, въ которыхъ подлежащее—часть рода, а сказуемое—видовой признакъ, и которые посему должны быть частными. Такія частные сужденія суть отвѣты не на нелѣпые вопросы, геніальны ли человѣкъ, прямоуголенъ ли треугольникъ и т. д., а на совершенно состоятельный въ логическомъ отношеніи недоумѣнія: всѣ ли люди геніальны, всѣ ли треугольники прямоугольны.

Что касается до рѣшенія затрудненія, которое г. Свѣтилинъ предполагаетъ „съ помощью чисто граматическихъ соображеній“, то мнѣ

кажется, что оно основано на невѣрномъ анализѣ предложения. „Противорѣчіе между всеобщностью закона исключенного третьяго“, говоритъ онъ (*Журн. Минист. Народн. Просв.*, августъ, стр. 295) и его непримѣнимостію къ суждѣніямъ, выражающимъ общій фактъ, по нашему мнѣнію, говорить рецензентъ, не есть дѣйствительное, а иными словами, оно вытекаетъ не изъ существа дѣла, а изъ ложнаго взгляда на общія суждѣнія. Въ логикѣ принято общія суждѣнія: всѣ люди смертны, всѣ треугольники прямоугольны и т. д., толковать такимъ образомъ, что въ нихъ слово *всѣ* составляетъ часть подлежащаго; между тѣмъ, такое толкованіе неправильное, потому что словомъ *всѣ* подлежащее опредѣляется, слѣдовательно, это слово не составляетъ части подлежащаго, но относится къ нему какъ сказуемое, то-есть, составляетъ часть сказуемаго⁴. Что опредѣленіе *всѣ* въ вышеупомянутомъ суждѣніи составляетъ сказуемое—это едва ли вѣрно. Въ суждѣніяхъ опредѣлительные слова *всѣ*, *какомыя*, *одинъ*, употребляются въ одномъ и томъ же значеніи и слѣдовательно, по этой теоріи, всѣ эти опредѣленія должны быть понимаемы какъ сказуемое. Тогда выйдетъ, что сказуемое въ суждѣніяхъ показываетъ и что приписывается подлежащему или отрицается отъ него и въ такомъ объемѣ оно берется въ предложении. Но такъ какъ въ количественныхъ суждѣніяхъ все дѣло въ объемѣ ихъ, то выйдетъ, что въ сущности для количественныхъ суждѣній подлежащее не имѣть никакого значенія, а все дѣло въ сказуемыхъ, съ чѣмъ согласиться нельзя. Вѣдь въ этихъ суждѣніяхъ мы приписываемъ признакъ известному (всему или части) объему подлежащаго. Слѣдовательно, опредѣленіе объема есть несомнѣнно часть подлежащаго, или, лучше сказать, само подлежащее. Притомъ, ради послѣдовательности, тогда мы всякихъ опредѣленій подлежащаго должны будемъ признавать частями сказуемаго, а не относить ихъ къ подлежащему: напримѣръ, мы говоримъ: честные люди исполняютъ свой долгъ; адѣсь *честные* показываетъ о какомъ родѣ людей идетъ рѣчь въ суждѣніи; неужели же г. Свѣтилинъ считаетъ эпитетъ: честные—сказуемымъ? И если сказать просто: всѣ смертны, то неужели это будетъ безличное суждѣніе? Съ анализомъ суждѣнія у рецензента можно было бы согласиться только въ томъ случаѣ, еслибы онъ принялъ мой взглядъ на суждѣнія, и то онъ былъ бы вѣренъ лишь тогда, когда судащее лицо умственно сосредоточивалось преимущественно на опредѣленіи: всѣ. Но такъ-какъ онъ заявилъ себѣ моимъ противникомъ, то я поддерживаю вышесказанное противъ него. Равно ошибается, полагаю, г. Свѣти-

линъ, когда, основываясь на своемъ грамматическомъ разборѣ всеобщихъ суждений, устанавливается, что именно слѣдуетъ считать полнымъ ихъ отрицаниемъ: „отрицаниемъ этихъ суждений слѣдуетъ считать поэтому непротивоположный суждениія: всѣ люди бессмертны, всѣ треугольники непрямоугольны (это уже не противоположное суждение). Ясное дѣло, что законъ исключенного третьаго, не примѣнимый къ отношенію между противоположными суждениими: всѣ люди богаты, всѣ люди бѣдин, примѣнить къ суждениамъ противорѣчашимъ: люди всѣ богаты, люди не всѣ богаты“. Но вѣдь между этими суждениами противорѣчіе неполное: они отрицаютъ одно другое на подобіе того, какъ общеутвердительное предложеніе отрицается частно отрицательнымъ. Желая показать всеобщее значеніе закона исключенного третьаго, г. Свѣтилинъ доказываетъ слишкомъ мало: по нему, выходитъ, что этотъ законъ имѣть приложеніе лишь въ одномъ случаѣ противорѣчія между суждениами, и то неполнаго. Въ логикѣ, со временемъ Аристотеля (сочин. объ истолкованіи) всегда полагали, что полнымъ отрицаниемъ суждений: всѣ люди смертны, всѣ треугольники прямугольны, будуть слѣдующія: ни одинъ человѣкъ не смертенъ, ни одинъ треугольникъ не прямугольенъ. Что же дѣлать намъ съ такими суждениями? Вѣдь между ними ничего средняго, третьаго, быть не можетъ? Почему же о нихъ забыть упомянуть рецензентъ? Наконецъ, не то же ли самое, лишь не привлекая къ дѣлу грамматики и распространяя законъ на всѣ виды противорѣчія (а не противоположности), говорилъ я на 60 и 61 стр. своей Логики?

Рецензентъ не соглашается со мною въ вопросѣ о значеніи закона достаточного основанія. Онъ находитъ не логическимъ мое утвержденіе, что аксиомы утверждаются на основании закона тождества, когда я отрицаю вообще законъ достаточного основанія. Онъ не признаетъ за мною права говорить объ основаніяхъ, потому что я не признаю всеобщности помянутаго закона. У него образовалась неразрывная ассоціація между требованіемъ основательности, основаніемъ мысли вообще и закономъ достаточного основанія. Мы не говоримъ о законѣ достаточной ясности, хотя требуемъ, чтобы мысль была ясна; такого закона нѣть и въ учебникѣ г. Свѣтилина, и однакожъ я не думаю считать его недогличимъ, когда онъ говоритъ о необходимости ясности понятія и т. д. Съ другой стороны, когда говорится, что основные математическія аксиомы опираются непосредственно на законъ тождества, то это не значитъ, что они логически основаны на

немъ. Каждый непредубѣжденный мыслитель скажетъ, что мы непосредственно созерцаемъ ихъ необходимость, видимъ въ нихъ выражение, хотя въ другихъ словахъ, принципа тожества. Объосновываніе мыслей въ доказательствахъ, гдѣ собственно и прилагается иной законъ достаточнаго основанія, совсѣмъ другаго рода. По моему мнѣнію, это самый неопределенный законъ и потому не заслуживаетъ чести считаться логическимъ закономъ. Онъ требуетъ, чтобы всякая мысль была достаточно основана. Но что такое значатъ эти два слова: *достаточно основана*? Это все равно, что сказать: мысль должна быть достаточно ясна. Какъ *pia desideria* эти выраженія допустимы, но возводить ихъ въ законъ, принципъ логической, значитъ самимъ погрѣшать противъ своеего закона достаточнаго основанія. Каждый авторъ логики понимаетъ эти два слова „достаточное основаніе“ по своему. Въ художественныхъ произведенияхъ оно знаменуетъ, говорить г. Свѣтилинъ, согласие ихъ съ самими собою, частей съ цѣлымъ. Но вѣдь объ этомъ уже хлопочетъ законъ противорѣчія: именно, чтобы не было противорѣчій въ цѣломъ и частяхъ? Законъ достаточнаго основанія здѣсь является только лишнимъ конкурентомъ. Въ другихъ случаяхъ, говорить, будто этотъ законъ требуетъ согласія мысли съ фактами, съ дѣйствительностью, въ третьихъ, чтобы они цѣплялись за общее основаніе. Слово „достаточный“ даетъ закону характеръ чисто субъективный, и онъ въ сущности значить, — старайтесь такъ мыслить, чтобы вами казалась мысль достаточно основанной. Я не спорю, что это требование важно въ логическомъ отношеніи, но какъ я сказалъ, оно конкурируетъ съ другими требованиями въ родѣ: старайтесь мыслить ясно, которыхъ мы не возводимъ на степень логическихъ фактовъ.

Г. Свѣтилинъ даетъ упомянутому закону такое значеніе, что по нему „мысль получаетъ право на логическое существованіе не сама отъ себя, но отъ отношенія къ какой-либо другой мысли“, иначе-де мысль, поставленная въ отношеніи ко всякой другой мысли, можетъ имѣть психологическое существованіе, но не имѣть никакихъ правъ на то, чтобы мы логически признали ее (авг. стр. 297). Но такимъ образомъ г. Свѣтилинъ придетъ къ предположенію безконечнаго ряда основаній, или же долженъ допустить круговую поруку между мыслями. Если та только мысль можетъ быть почтаема разумною, которая стоитъ въ зависимости отъ другой, то рядъ основаній долженъ быть безконеченъ, какъ это замѣчено еще Аристотелемъ. До-

пуская круговую поруку, авторъ долженъ стать въ сторону скепсиса, куда, впрочемъ, я не намѣренъ за нимъ слѣдоватъ.

III.

Замѣчанія рецензента на главы о понятіяхъ и сужденіяхъ, въ сущности, сводятся къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) данныхъ мною опредѣленія этихъ логическихъ пріемовъ никакуа не годятся; 2) опредѣленія, данныхъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ Логикахъ и перенесенные оттуда г. Свѣтилининымъ въ свой „Учебникъ“, совершенно вѣрны. Поэтому, кроме защиты своихъ мнѣній отъ нападеній г. Свѣтилина, я считаю необходимымъ, съ своей стороны, показать неудовлетворительность идеального опредѣленія, мнѣ рекомендуемаго. Я относился къ дѣлу серьезно; я искренно сознавалъ недостаточность ходачихъ въ нѣмецкихъ Логикахъ опредѣлений, какъ понятій, такъ и сужденій, и старался, какъ могъ, найти лучшія. Мнеъ легко было бы, не мудрствуя лукаво, занимствовать направо и налево то изъ одной, то изъ другой Логики. Въ первомъ изданіи я, уступая съвѣжести воспоминаній, могъ бы въ предисловіи сказать, что многое мною взято изъ того или другаго автора; во второмъ же могъ бы уже прямо надписать надъ своею книгою, что я ее *составилъ*. Но я желалъ, по возможности, приблизиться къ разрѣшенію трудностей и свернуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ проторенной дороги. Въ эти мои намѣренія г. Свѣтилинъ не вмѣшъ и опровергаетъ меня въ сущности по своему учебнику.

При опредѣленіи понятія я старался указать, что собственно подразумѣвается, когда мы говоримъ: должно имѣть правильное *понятіе* о вещахъ, что должно быть мыслимо, когда имя предмета произносится, что это за мысль предмета, болѣе или менѣе его исчерпывающа. Такъ какъ всесфѣро возводить предметъ въ идея неѣть никакой возможности, то нашему уму остается изучать его стороны, признаки. Но такъ какъ иль мною въ предметахъ и не всѣ непремѣнно должны мыслиться въ понятіи ихъ, то необходимо произвести ихъ анализъ. Они могутъ быть прежде всего измѣнчивы и неизмѣнны; очевидно, что въ понятіе должны быть воспринимаемы неизмѣнны. Послѣдніе не могутъ, однако, исчерпывать предмета, и слѣдуетъ искать признаковъ, глубже корениящихся въ предметахъ. Это признаки существенные. Но такъ какъ представление предмета въ его неизмѣнныхъ и существенныхъ чертахъ не всегда ведеть къ пониманію его, чмому я представляю примѣры, нисколько не опро-

вернутые рецензентомъ, то я разбираю далѣе, чего еще не достаетъ такому представлению до понятія. Я полагаю, что ему недостаетъ въ этомъ случаѣ мысли, что именно роднитъ предметъ, представляемый въ неизмѣнныхъ и существенныхъ чертахъ, съ другими ему подобными, иначе говоря, признаками общихъ. Отсюда я вывожу, что имѣть понятіе о предметѣ значитъ представлять его въ неизмѣнныхъ, существенныхъ и общихъ чертахъ. Ни одинъ изъ упомянутыхъ признаковъ не можетъ быть опущенъ безъ нарушенія цѣлостности понятія. Признаки могутъ быть неизмѣнны и существенны, но не имѣть общаго характера; признакъ можетъ быть неизмѣнны, но по видимому несущественный. Таковъ ходъ мыслей въ моемъ опредѣленіи понятія.

Г. рецензентъ порицаетъ меня, зачѣмъ я вѣдь эти признаки внесъ въ опредѣление понятія. Отвѣчаю: потому что, какъ я выше сказала, безъ которыхъ либо изъ нихъ невозможно составить понятія. Г. Свѣтилинъ старается дать понятію другое опредѣленіе, но его усилия мнѣ кажутся тщетными. Онъ хвалитъ опредѣленіе, данное понятію Ибервегомъ, которому самъ слѣдуетъ. Но что даетъ оно? Понятіе, по нему, есть мысль о сущности предмета. Это значитъ, известное опредѣлять неизвѣстнѣмъ. Справившись далѣе, что такое сущность? И на это г. Свѣтилинъ не отвѣчаетъ какъ въ рецензіи, такъ и въ своемъ учебнику. Это молчаніе мы не будемъ ставить ему въ вину. Вопросъ о сущности занималъ философовъ, начиная съ Сократа, Платона и Аристотеля, и есть самый труднѣйший изъ всѣхъ метафизическихъ вопросовъ. Онъ не рѣшенъ и понынѣ: ибо еслибы мы знали, въ чёмъ сущность вещи, мы владѣли бы знаніемъ предмета adaequata, что до сихъ поръ приписывалось только Существу Высочайшему. Итакъ опредѣленіе понятія, противополагаемое г. рецензентомъ моему, есть опредѣленіе грязь.

Но г. рецензентъ сейчасъ же дѣлаетъ намекъ, что, говоря о понятіи, какъ мысли о сущности, онъ отнюдь не серьезно называть сущность; ибо въ томъ же мѣстѣ, где дается опредѣленіе, онъ поясняетъ его такъ: понятіе есть мысль о сущности (*то-есть*, существенныхъ признакахъ вещи). И такъ г. Свѣтилинъ сводить дѣло къ самому скромному утвержденію, что подъ понятіемъ разумѣется мысль объ однихъ существенныхъ признакахъ. Является одно только недоумѣніе, какъ это г. Свѣтилинъ, желавшій слѣдоватъ по стопамъ Ибервега, въ духѣ реальной логики, сейчасъ же сходить съ нея и становится на ту же почву, на которой стоялъ и я при опредѣленіи

понятія. Читатель въ правѣ недоумѣвать, неужели Ибервегъ, этотъ знатокъ логики и вообще исторіи философіи, допускаетъ такое смышеніе точекъ зренія? Ибервегъ (*System der Logik*, 1857) дѣйствительно опредѣляетъ понятіе, какъ представление сущности предмета или существенныхъ элементовъ (не признаковъ) его (стр. 108). Это определеніе имѣть у него смыслъ, ибо онъ вообще слѣдить за параллелизмомъ формъ мысли съ бытіемъ и, съ его точки зренія, такое определеніе послѣдовательно. Отъ остается логически вѣрить своему основному взглѣду, когда говорить о существенныхъ элементахъ предметовъ, которые, впервые, составляютъ общее и постоянное основаніе многоразличія другихъ элементовъ и, въторыхъ, отъ которыхъ зависить мѣсто и значеніе, какое имѣть предметъ въ ряду другихъ; оттого онъ разсуждаетъ далѣ, какъ и чѣмъ можно руководиться при познаніи этихъ существенныхъ элементовъ предмета. Элементъ однако не признаетъ. Подъ первымъ Ибервегъ разумѣеть самое построеніе вещи, стороны ея существованія, *modus дѣятельности*, форму взаимоотношенія частей, самыя части и т. д. Признакъ же есть свойство, отличающее одинъ предметъ отъ другаго или роднящее его съ другимъ. Любопытно, впрочемъ, что въ главѣ о понятіяхъ Ибервегъ и не говоритъ совсѣмъ о признакахъ, даже существенныхъ. Если бы я принялъ такое определеніе понятія, оно стоило бы уединенно въ Логикѣ и не имѣло бы смысла, и если г. Свѣтилинъ въ своемъ учебникѣ не оказался въ подобномъ положеніи, то потому, что онъ сейчасъ же измѣнилъ въ определеніи сущность на существенные признаки, чтѣ не одно и то же.

Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что Ибервегъ не на сторонѣ г. Свѣтилина. Сказавъ, что понятіе есть представление сущности, или существенныхъ элементовъ предмета, Ибервегъ имѣть все, что ему нужно. Вопросъ теперь въ томъ, чтѣ слѣдуетъ по г. Свѣтилину разумѣть подъ существенными признаками.

Я разумѣю подъ существенными признаками тѣ, безъ которыхъ понятіе, предметъ, соотвѣтствующій понятію, не можетъ быть мыслить тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Г. Свѣтилинъ возражаетъ (окт. 213): опустите въ понятіи любой признакъ, дѣйствительно принадлежащий предмету, и вы не будете мыслить послѣднаго тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что на самомъ дѣлѣ предметъ существуетъ съ этимъ признакомъ, а не безъ него. Это возраженіе достигало бы цѣли, еслибы я признавалъ понятіе мыслию о сущности предмета. Предметъ можетъ измѣниться, говоря абсолютно, если мы

отнимемъ отъ него ничтожную подробность, какой-нибудь дѣйствительно принадлежащий ему признакъ; но онъ остается неизмѣннымъ въ нашихъ глазахъ, по откинутіи многихъ случайныхъ, фактически существующихъ въ немъ признаковъ. И такъ какъ я болѣе скромно утверждаю, что сущность вещей не можетъ быть познана и мы не знаемъ вещи въ самой себѣ, то и заключаю, что существенные въ нашихъ глазахъ признаки предмета и понятія суть тѣ, безъ которыхъ они не могутъ быть мыслимы тѣмъ, чѣмъ суть на самомъ дѣлѣ, то-есть, какими кажутся намъ. Сѣрый цвѣтъ листьевъ (отъ пыли) не существуетъ въ понятіи дерева, ибо будетъ ли онъ, или нѣтъ,—предметъ (дерево) можетъ быть мыслимъ, какъ онъ существуетъ для насъ. Таковъ въ наукѣ несущественный признакъ практической пользы, ибо и безъ нея этой предметъ будетъ наукой. Къ области несущественныхъ признаковъ относится все, что въ предметѣ составляетъ какъ бы ненужный прилатокъ, что во внутренней связи съ нимъ не состоитъ, что можно отбросить, не переставая мыслить предметъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Такое опредѣленіе существенного признака дано у меня не на удачу. Надобно было дать читателю въ руководство признакъ, которыми бы можно руководиться при различеніи существенного отъ несущественного, при томъ не поднимая, что называется, метафизики вопроса, и я далъ, полагаю, практическое, каждому понятное, опредѣленіе такихъ признаковъ. Оно не полно, конечно, ибо возникаетъ даѣтъ вопросъ, какія это въ предметѣ черты, устраненіе которыхъ изъясняетъ въ нашихъ глазахъ предметъ основнымъ образомъ. Но онъ относится не до логики, а до другихъ философскихъ наукъ.

Но прежде, чѣмъ обращусь къ опредѣленію существенныхъ признаковъ, которое, очевидно, считается вполнѣ удовлетворительнымъ г. Сѣтилинъ, я сдѣлаю замѣтку на его разборѣ моего опредѣленія общихъ признаковъ понятія. Сказавъ, что неизмѣнныхъ и существенныхъ признаковъ предмета мало для того, чтобы образовалось понятіе о немъ, я продолжаю даѣтъ, что необходимо знать еще стороны предмета, которые роднятъ его съ другими подобными предметами, то-есть, составляющими съ нимъ одну группу, и что эти общія стороны должны быть внутренне, необходимо общими. „Посредствомъ такого общаго элемента (Логика, 82), мы легко можемъ отличить, что въ вещи дѣйствительно неизмѣнного и существенного: ибо общее есть вмѣстѣ типичное, родовое, сгѣдовательно неизмѣнно сопутствующее предмету“. Я говорю не о всякомъ общемъ признакѣ, ка-

кой можно найти въ предметахъ, но о типическомъ, родномъ. Г. Свѣтилинъ возражаетъ, что всякий признакъ есть общий и что индивидуальныхъ признаковъ нѣтъ, а есть только индивидуальный комбинаціи общихъ признаковъ. Съ такимъ же правомъ, какъ онъ утверждаетъ, что нѣтъ индивидуальныхъ признаковъ, я могъ бы возразить, что все въ сущности индивидуально, а общее есть наше измышеніе и общихъ признаковъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, следовательно, мы допускаемъ ошибку, говоря объ общихъ родовыхъ признакахъ *предмета*. Въ известномъ смыслѣ можно говорить и объ индивидуальныхъ признакахъ предмета (курносый Сократъ, признаки Рафаэлевской Мадонны). Догадавшись за тѣмъ, что я говорю объ общемъ родовомъ признакѣ, онъ спѣшилъ сдѣлать заключеніе (окт. 214): „такимъ образомъ его опредѣленіе или неправильно, или заключаетъ въ себѣ логический кругъ“. Такое заключеніе уже потому невѣрно, что собственно говоря, на дѣлѣ нѣтъ *corpus delicti*. Объ общихъ чертахъ предметовъ я говорю въ опредѣлѣніи понятія и указываю собственно важность ихъ для образованія его. Я не считалъ нужнымъ опредѣлять ихъ, а на разныхъ примѣрахъ указывая значение общаго элемента въ нашихъ знаніяхъ о предметѣ, какъ на главного руководителя при отличеніи случайного отъ существеннаго, измѣняющаго отъ неизмѣннаго. Не считалъ же я нужнымъ опредѣлять ихъ потому, что на стр. 79—82 Логики шла рѣчь о понятіи, а не о признакахъ его. Рецензентъ мой нашелъ въ моихъ словахъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

Обратимся теперь къ требованію существенныхъ признаковъ, ботого по рецензенту слѣдовало бы мнѣ держаться въ Логикѣ. Онъ говоритъ въ своемъ учебникѣ, что тавовыми называются тѣ, отъ которыхъ зависятъ другіе признаки предмета, какъ отъ своихъ условій. Слѣдовательно, признаки, которые не служатъ основою для другихъ, несущественны. Но есть много не служащихъ основою для другихъ признаковъ въ предметахъ, которые для непредубѣжденнаго человѣка совершенно существенны. Сократъ выпилъ ядъ. Это дѣйствіе есть признакъ Сократа, какъ гражданина. По теоріи г. Свѣтилина, онъ несущественъ для понятія Сократа, какъ конкретнаго исторического лица. Но попробуйте представить его безъ этого признака и историческое лицо Сократа измѣнится. Отрубленный хвостъ собаки Алкивиада есть признакъ, по упомянутой теоріи, также несущественный; курносость Сократа—также несущественна для понятія о его виѣшности; факты въ родѣ того, что Аристотель создалъ орга-

онъ, Платонъ писалъ о республике, въ данномъ суждениі его условная или категорическая форма и множество другихъ подобныхъ, будуть также не существенны, потому только, что эти признаки не служатъ основою для другихъ. Наоборотъ, г. Свѣтилину прійдется признать существенными признаками такие, которые на дѣлѣ не существенны. Въ понятіи архитектора его эстетическая состоятельность есть признакъ, служащій основою для многихъ другихъ признаковъ: отъ нея между прочимъ зависятъ отношенія его къ подрядчикамъ и рабочимъ, взглядъ его на постройки какъ на средство къ жизни, или какъ на служеніе искусству и т. д. Въ понятіи Аристотеля, какъ философа, его симпатіи и близкія отношенія къ македонскому двору служатъ основою для многихъ другихъ признаковъ и фактovъ, но на дѣлѣ онъ несущественъ. Затѣмъ подобная теорія существенныхъ признаковъ забываетъ, что во всякой вещи и предметѣ есть взаимодѣйствіе признаковъ и частей: часто бываетъ, что одинъ признакъ зависитъ отъ другого, но и этотъ другой зависитъ отъ первого. Въ кругѣ величина радиуса зависитъ отъ величины диаметра, этотъ отъ окружности его и, на оборотъ, окружность зависитъ отъ диаметра, и послѣдній отъ радиуса. Чѣмъ же считать тутъ существеннымъ и чѣмъ не существеннымъ? Въ человѣкѣ отъ способности разума зависитъ способность говорить, но не несправедливы и тѣ, которые полагаютъ, что отъ дара слова зависитъ и развитіе разума и т. д. Опредѣленіе г. Свѣтилина не даетъ никакого выхода изъ этихъ затрудненій, ибо указываетъ собственно вѣшнюю примѣту для рѣшенія о существенности и несущественности признаковъ. Различеніе родовыхъ признаковъ, какъ основныхъ существенныхъ, или просто существенныхъ, и свойствъ, какъ производныхъ существенныхъ" (см. Учебникъ Логики г. Свѣтилина, стр. 28) совершенно произвольно и сбивчиво. *Произвольно*, ибо почему, спрашивается, родового признака нельзя назвать свойствомъ, какъ дѣйствительно и имевшемъ его этимъ именемъ Аристотель? *Сбивчиво*, ибо въ одиомъ случаѣ существенный характеръ признака полагается въ томъ, что онъ служитъ основою для другихъ, въ другомъ — что онъ самъ зависитъ отъ нѣкоторыхъ признаковъ.

Таковъ взглядъ рецензента на существенные и не существенные признаки: понятно, что онъ ничего не разъясняетъ и вовсе не отвѣтываетъ на вопросъ, чѣмъ руководиться при различеніи признаковъ. А такъ какъ существенность признаковъ остается не выясненою, то и опредѣленіе понятія, предлагаемое авторомъ, ничего яснаго не даетъ.

IV.

Будучи знакомъ съ трудомъ г. Свѣтилица, я имѣлъ право ожидать, что онъ вникнетъ въ вопросъ, поднятый мною въ главѣ о сужденіяхъ. Мне казалось, что вообще въ этомъ пункте чувствуется недостаточность ходячихъ опредѣленій, и что старанія прийти къ болѣе удовлетворительному опредѣленію сужденій должны встрѣтить хотя не большое сочувствіе со стороны критики. Но г. Свѣтилицы поступилъ иначе. Изложеніе теоріи сужденія я начинаю анализомъ опредѣленія его, господствующаго со временъ Канта въ формальной логикѣ, а затѣмъ переходу къ опредѣленію, данному Миллемъ и Беномъ, и получившему ходъ въ индуктивной Логикѣ, и доказываю, что они или не обнимаютъ всѣхъ сужденій, или не точно указываютъ природу тѣхъ, которая, повидимому, подъ нихъ подходитъ. Между прочимъ, говоря объ опредѣленіи Милля, я указывалъ прежде всего, что онъ даетъ намъ опредѣленіе сужденія какъ психического факта, а не какъ логического приема. На стр. 125, послѣ изложения теоріи Милля, я говорю слѣдующее: „впервыхъ, это опредѣленіе выводить на сцену понятіе еще болѣе трудное, чѣмъ *definiendum*. Сужденіе выражаетъ убѣжденіе или вѣру (*belief*): спрашиваемъ, чѣто это за фактъ? Такъ какъ Милль (вмѣстѣ съ Беномъ) предполагаетъ участіе воли въ убѣжденіи, какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ, то этимъ опредѣленіемъ мы какъ бы выводимся изъ сферы умственной дѣятельности и какъ бы отказываемся отъ задачи чисто логическое опредѣленіе. Мы разсматриваемъ здѣсь сужденіе какъ приемъ ума и требуемъ опредѣленія его какъ логический приема, а не какъ психическая факта“. Къ изумленію нашему г. рецензентъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ слѣдующее (окт. 215): „впервыхъ, смѣемъ думать, что на основаніи замѣчаній автора читатель едва ли составить ясное понятіе о различіи между формальнымъ и индуктивнымъ опредѣленіемъ сужденія... Въ чѣмъ же тутъ разница (то-есть, между формалистами и индуктивистами)? Не въ томъ ли, что индуктивисты вносятъ въ опредѣленіе психической моментъ убѣжденія“? Очевидно, рецензентъ, при изложеніи моего анализа мнѣній школъ о сужденіяхъ, умалчиваетъ, о чѣмъ я говорю, съ тѣмъ, чтобы мнѣ же поставить на видъ что я не понялъ различія между формальнымъ и индуктивнымъ опредѣленіемъ сужденія¹⁾.

¹⁾ Разбирая опредѣленіе Милля, я говорю, что оно слишкомъ тѣсно: многія сужденія не подойдутъ подъ него и между прочимъ привожу примеръ: въ мате-

Г. рецензентъ сътуетъ, что я не обратилъ вниманія на одну варіацію формального определенія сужденія, (Ульрици), опредѣляющаго сужденіе, какъ подведеніе частнаго подъ общес. Это мнѣніе имѣть-де особенное значеніе, потому что имъ затрагивается вопросъ: слѣдуетъ ли смотрѣть на каждое предложеніе, какъ на выраженіе сужденія. Послѣ того какъ я высказалъ рѣшительное мнѣніе объ определеніи сужденія въ формальной логикѣ и указалъ на то, что многія сужденія не подойдутъ подъ него, я полагалъ излишнимъ упоминать о дії min-poges, говорящихъ въ томъ же тонѣ. Прочитавъ главу объ этомъ предметѣ въ моей Логикѣ, читатель легко можетъ заключить, какъ я отношусь и къ определенію Ульрици. Взглядъ его на сужденія я вижу также одностороннимъ и узкимъ. Подведеніе частнаго подъ общее есть то же мышленіе отношенія между понятіями, о которомъ говорить формальная логика, съ тѣмъ только различіемъ, что определеніе Канта, напримѣръ, обнимаетъ большее количество нашихъ сужденій, тогда какъ Ульрици еще съживаетъ эту область. Говоря точно, подъ его определенія подойдутъ только тѣ предложенія, въ которыхъ указывается отношеніе предмета къ виду, вида къ роду и т. п. Онъ поднимаетъ сужденія на такую высоту, что по нему мы не имѣемъ права о простомъ человѣкѣ, не образованномъ научно, сказать, что онъ логически судить. Г. Свѣтилинъ утверждаетъ, что, между прочимъ, въ вердиктѣ присяжныхъ всякий найдетъ настоящее сужденіе. Но съ точки зрѣнія его и Ульрици необходимо сначала спра- виться, изъ гимназіи или изъ университета вышли присяжные: ибо только получивъ образованіе, они могли подводить обсуждаемый фактъ подъ категоріи преступленія, и дать *настоящее сужденіе*. Если же присяжные, не мудрствуя лукаво, были не хитрые люди, и просто офор-

матическихъ сужденіяхъ $2+2=4$; $3+5=8$ разъ мы выражаемъ съданованіе двухъ явленій, а не равенство двухъ чиселъ? Г. Свѣтилинъ замѣчаетъ: (окт., 215) «Послѣдний примѣръ, замѣгимъ мы, приведенъ не кстати, потому что Милль не ограничивается содержаніемъ сужденій (предположеній) сосуществованіемъ въ преемствомъ, но присоединяетъ къ нимъ также и сходство (равенство по Бэну)». Въ этой замѣткѣ двѣ ошибки: одна та, что сужденія равенства и первенства Бэнъ относитъ къ *propositions of Quantity*, тогда какъ сходство или несходство и по Миллю суть сужденія качествъ; другая та, что определеніе Милля, составленное не мною, а самимъ Миллемъ, и приведенное въ подлинныхъ словахъ на 124 стр. моей Логики, не говоритъ ни о равенствѣ, ни о сходствѣ. *Predication may thus be defined, a form of speech which expresses a belief that a certain coexistence or sequence of sensation or ideas, did, does, or under certain conditions would take place.* Вотъ слова Милля.

мили свое впечатлѣніе о виновности или невинности подсудимаго, то это, по Ульрици, не будетъ *сужденіе*. Такъ легко рѣшать все на свѣтѣ. Даются факты сужденій и слѣдуетъ найти ихъ общее опредѣленіе. Изслѣдователи, въ родѣ Ульрици, отвѣчаютъ: мы подъ сужденіемъ подразумѣваемъ подведеніе частнаго подъ общее; если подъ это опредѣленіе приводимые примѣры не подходятъ, то они не заслуживаютъ этого имени.

Ульрици, послѣдовательно съ своей точки зреялъ, утверждаетъ, что не всякое предложеніе есть сужденіе. Я собственно стою за то, что не всякое сужденіе есть предложеніе, но готовъ вмѣстѣ съ Ульрици думать, что предложеніе можетъ служить только выраженіемъ сужденія и что пора изучать сужденіе какъ логическій приемъ и перестать заниматься вмѣсто того грамматическимъ анализомъ предложеній. И такъ Ульрици утверждаетъ, что не всякое предложеніе есть сужденіе. Какъ же, однако, отличить, которое предложеніе есть сужденіе и которое нѣть. Г. Свѣтилинъ совѣтуетъ подглядѣть, какой психолого-логической процессъ предшествовалъ сужденію и служилъ для него основою. „Предложеніе, говорить онъ (окт. 217), „идетъ дождь“ есть сужденіе, когда оно сказано человѣкомъ, который сидитъ въ комнатѣ и наблюдая надъ тѣмъ, что происходитъ на улицѣ, нѣкоторое время не можетъ опредѣлить что идетъ—снѣгъ или дождь; и только на основаніи ряда сравненій рѣшаетъ, что идетъ дождь, а не снѣгъ; но то же предложеніе, сказанное человѣкомъ, который пришелъ съ улицы и дѣлаетъ простое сообщеніе о фактѣ, не выражаетъ никакого сужденія“. Изъ этого примѣра оказывается, къ немалому удивленію, что всего важнѣе въ сужденіяхъ—не самое сужденіе, а то, что ему предшествуетъ. Если вы отлично знаете, въ чёмъ дѣло, и безъ всякой нерѣшительности судите о немъ,—это не будетъ сужденіе. Чтобы пріобрѣсти право на именованіе своихъ мнѣній сужденіями, вамъ слѣдуетъ предварительно колебаться, недоумѣвать, умственно кидаться изъ стороны въ сторону. Сидя въ комнатѣ, вы рѣшили, что идетъ дождь, и очень легко можетъ быть, что вы ошиблись, тѣмъ не менѣе вы произнесли сужденіе; знакомый башъ, который пришелъ съ улицы и поправилъ ваше сужденіе, что дождя нѣть, произнесъ не сужденіе, а только обобщилъ фактъ. Физикъ, наблюдая надъ напряженіемъ электричества въ извѣстный моментъ дня, и, безошибочно судя по указанію прибора объ его напряженіи, произноситъ не сужденіе; если же студентъ, идущій мимо обсерваторіи и мало понимающій дѣло, въ то же время будетъ, послѣ колебанія и недоумѣнія,

судить о томъ же, то онъ станетъ произносить сужденіе. По этому опредѣлению оказывается, что самый сильный врагъ суждений — твердое положительное знаніе предмета, дающее возможность обладателю его безъ нерѣшительности и колебанія произносить свое мнѣніе; нетвердость знанія и отсюда нерѣшительность, предшествующая мнѣнію, есть *conditio sine qua non*, сужденія.

Далѣе, мнѣ ставится на видъ, зачѣмъ я обратилъ мало вниманія на опредѣленіе сужденія у Бэнза. Рецензентъ отдаетъ въ этомъ случаѣ Бэнзу предпочтеніе предъ Миллемъ. Отнеся возврѣнія Бэнза на сужденія по направленію къ теоріи Милля, я совершилъ промахъ, который, съ книгою первого въ рукахъ, рецензентъ спѣшилъ обнаружить.

1) По рецензенту, „Бэнъ полагаетъ различіе между предложеніемъ (логическимъ фактомъ) и сужденіемъ (фактомъ психологическимъ). По его словамъ (окт. 218), Бэнъ говоритъ, что „сужденіе обыкновенно состоитъ въ разпознаваніи сходства и несходства какого-либо предложенія съ даннымъ случаемъ, какъ, напримѣръ, бываетъ при истолкованіи (примѣненіи) закона“. Нельзя не удивиться, почему такой актъ, какъ разпознаваніе сходства или несходства предложенія съ даннымъ случаемъ, Бэнъ могъ считать психологическимъ фактомъ, а не логическимъ. Отыскиваемъ 80-ю страницу логики Бэнза, цитируемую г. рецензентомъ, и что же мы находимъ? Бэнъ отвергаетъ терминъ сужденіе, какъ неудовлетворительный: ибо въ предложеніяхъ мы приходимъ не чрезъ сужденіе только, но и наблюденіе, классификацію, индукцію и дедукцію; Бэнъ опредѣляетъ вышеупомянутыми словами не сужденіе, а *функцию* судьи. Вотъ что онъ говоритъ: *Apart from this circumstance, the term judgement is not the most opposite word for expressing the formation of propositions. The function of a judge may require propositions to be stated; but more usually it (то-есть, function) consists in discerning the agreement or disagreement of a proposition with a given case; as in the interpretation of the law*“. И такъ г. Свѣтилинъ самъ небрежно отнесся къ Бэнзу, принявъ function за judgement, и вообразивъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ сужденіе.

2) „Бэнъ существенною особенностью предложенія въ его отличіи отъ понятія или класса, говорить рецензентъ, считаетъ то, что въ немъ сопоставляются двѣ вещи, совпаденіе между которыми мы утверждаемъ или отрицаємъ.... Опредѣляя, такимъ образомъ, сущность предложенія, Бэнъ сходится съ немецкими формалистами школы Гербарта, которые почти въ тѣхъ же словахъ выражаются объ опти-

чії сужденія отъ понятія: сужденіе соотносить представління, приводить ихъ къ единству; въ понятіи же (сложномъ) представління, то-есть, признаки, мысляться уже соединенными въ одно цѣлое". Но вотъ, что самъ Бэнъ говоритъ на той же 80-й страницѣ, которую цитировалъ г. Свѣтилинъ: *It is incorrect and misleading to describe a proposition as „judging two notions to be congruent“, conceiving them as one. All that a proposition can do is to link together two facts („as fluid“ and „level“), it does not in any sense make them one fact, or bring the one under the other*. Значитъ, Бэнъ положительно противъ мнѣнія о предложеніяхъ, будто бы „въ нихъ обсуждается соотношеніе представління, приведеніе ихъ къ единству“. Почему же рецензентъ приписалъ Бэну мнѣніе, имъ отвергаемое? Мы читали и 44 и 62 страницы, указанные г. Свѣтилинымъ, и признаемся, ничего не нашли, кроме того, что „предложеніе упоминаетъ о двухъ предметахъ, и, следовательно, образовано, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ именъ (42), что въ предложеніи два понятія встрѣчаются или не встрѣчаются вмѣстѣ (62), что, конечно, далеко отъ словъ: *сужденіе соотносить представління, приводить ихъ къ единству, какъ выражается за Бэна г. Свѣтилинъ.*

3) „Въ подкрайненіе своей мысли (слова г. Свѣтилина), что Бэнъ, въ сущности, смотритъ на сужденіе, какъ на выраженіе нашего убѣжденія въ сосуществованіи, или преемствѣ, или сходствѣ явленій, г. Владиславлевъ ссылается на 100—107 стр. его „Логики“, где трактуется о *содержаніи* (?), или *реальному смыслѣ* предложеній. Основаній этой ссылки мы, должны признаться, не понимаемъ. Бэнъ разсуждаетъ о томъ, на какіе общіе классы въ концѣ концовъ могутъ быть разбиты сказуемыя нашихъ сужденій и преимущественно научныхъ; *другими словами: изследуєтъ таблицу категорій, понимаемыхъ въ аристотелевскомъ смыслѣ этого слова*“. Въ своей Логикѣ я сослался на главу Логики Бэна, названную у него: *import of meaning of propositions* (значеніе и смыслъ предложеній, а не *содержаніе и реальный смыслъ* предложеній, какъ переводитъ г. Свѣтилинъ). Въ ней Бэнъ рассматриваетъ, какой смыслъ и значеніе имѣютъ предложенія и прежде всего критикуетъ теорію Гоббеса, затѣмъ другую, автора которой не называетъ, утверждающую, что *predication consists in referring something to a class*, потомъ двумя путями, чрезъ детальный анализъ предложеній и чрезъ классификацію вообще имеющихся вещей (*nameable things*), онъ приходитъ къ общему результату, что мы въ предложеніяхъ утверждаемъ сосуществованіе, преем-

ство, сходство или несходство (стр. 102), то-есть, въ сущности, онъ приходитъ къ тому же выводу, какъ и Милль. Да и что такое указаніе значенія и смысла предположеній, какъ не опредѣленіе того, что они означаютъ, указываютъ, то-есть, того самаго, что имѣется въ виду при опредѣленіи сужденій. Съ 103-й страницы начинается классификація сужденій, и такъ какъ тутъ выясняется сходство взгляда на нихъ Бэна со взглядомъ Милля, то я и цитировалъ цѣлую главу. Рецензентъ же удивляется, почему я сослался на нее; удивленіе его понятно, если онъ открылъ въ той же главѣ „изслѣдованіе таблицы категорій, понимаемыхъ въ аристотелевскомъ смыслѣ“.

Послѣ того какъ г. рецензентъ такъ небрежно обошелся съ Беномъ, нельзя было ждать и мнѣ, что онъ съ большою внимательностью вникнетъ въ смыслъ моего взгляда на сужденія. Въ критикѣ его я нахожу только стремленіе доказать, что мой взглядъ предполагаетъ нечто невозможное и не обходится безъ противорѣчій самому себѣ. Я опредѣляю сужденіе какъ логическій приемъ обозначенія предмета въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи, съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ, то-есть, въ сужденіи мы мыслимъ предметъ не съ какой-либо иной стороны, но только съ обозначаемой. „Мышька отравляетъ организмъ“: мы мыслимъ здѣсь идею мышьки не въ какихъ-либо иныхъ отношеніяхъ и не съ какой-либо иной стороны, какъ поскольку онъ вреденъ для организма. „Всѣдѣствіе закона тяжести тѣла падаютъ на землю“: мы мыслимъ здѣсь идею тѣль, но не со стороны химического состава, а съ той, поскольку они подчиняются закону тяжести и падаютъ“ (Логика 128 — 9). Чѣмъ же отличается сужденіе отъ понятія, въ которомъ мы мыслимъ предметъ тоже опредѣленнымъ съ извѣстной стороны, то-есть, въ чёмъ собственно состоять разница, когда мы говоримъ: листъ желтъ и желтый листъ. Я рѣшаю вопросъ такъ: говоря желтый или свѣтложелтый листъ, мы мыслимъ черту желтины слитно, или нераздѣльно съ предметомъ, листомъ. Когда же мы говоримъ: листъ желтъ, то мы мыслимъ ту же черту отдельно отъ имѣющаго ее предмета. Характеръ слитности черты съ самимъ предметомъ всегда присущъ понятіямъ, характеръ раздѣльности опредѣляющихъ черть отъ предмета, обладающаго ими, составляетъ характеристическую черту сужденія“. Г. рецензентъ полагаетъ, что я такими объясненіями уничтожаю самый фактъ. Какимъ образомъ предметъ можетъ быть мыслимъ въ сужденіи отдельно отъ опредѣляющаго его признака? Что такое для на-

шего мышления предметъ, лишенный всѣхъ признаковъ, всякой определенности? Мыслить нѣчто абсолютно неопределенное, значить—ничего не мыслить (окт. 221—2).

Признаюсь, такого возраженія и не ожидалъ. Г. Свѣтилинъ отправляется въ немъ отъ грубаго психического предложенія, что мыслить слитно что-нибудь, значить—на самомъ дѣлѣ сливать, смѣшивать одно съ другимъ, какъ одинъ цвѣтъ, напримѣръ, физически смѣшиваются съ другимъ; а мыслить раздѣльно —значить, фактически отставлять одну мысль отъ другой. Это предположеніе въ томъ же родѣ, какъ еслибы кто сталъ думать, что ощущеніе зеленаго цвѣта зелено само по себѣ, представление треугольника само имѣть углы, линіи, поверхность. Мы мыслимъ въ понятіи различныя свойства и признаки соединенными, слитыми съ предметомъ. Развѣ это значитъ то, что въ представляемомъ образѣ одна черта закрываетъ другую? Мы говоримъ: въ раздѣлительномъ сужденіи мы представляемъ родъ раздробленныхъ на виды,—развѣ это значитъ, что мы въ умѣ своемъ на самомъ дѣлѣ дробимъ его? Точно также слѣдуетъ понимать меня, когда я говорю: въ понятіи мы представляемъ черту предмета слитно съ нимъ, въ сужденіи мыслимъ раздѣльно. Это значитъ: въ понятіи мы мыслимъ предметъ имѣстъ съ известнымъ признакомъ и умственно не выдѣляемъ послѣдній изъ первого; въ сужденіи мы мыслимъ предметъ особенно со стороны признака, его обозначающаго, выдѣляемъ его не фактически, а какъ бы особенно настаиваемъ на немъ умственно. Предметъ и въ понятіи и въ сужденіи опредѣленъ, но modus procedendi ума въ двухъ этихъ случаяхъ различенъ. И такой взглядъ на сужденіе есть единственно возможный даже психологически. Г. Свѣтилинъ предполагаетъ, судя по его словамъ о сужденіи, что мы въ немъ одновременно мыслимъ, съ одной стороны, предметъ со всѣмъ многоразличиемъ частей и свойствъ его, съ другой—понятіе признака, качества, къ нему присоединяемаго. Но, говоря откровенно, вѣдь это психологическая нелѣпость. Одновременно, въ одинъ и тотъ же моментъ, мы не можемъ представлять себѣ за разъ нѣсколько представлений, или какъ выражается г. рецензентъ, „приводить къ сознанію“. Я могъ бы возразить г. Свѣтилину: если вы серьезно думаете въ моментъ сужденія о подлежащемъ со всѣмъ многоразличиемъ признаковъ, то должны забыть о сказуемомъ, и, думая о сказуемомъ, забыть о подлежащемъ, то-есть, психологическое сужденіе выходить у васъ невозможнымъ.

И такъ повторю свою мысль: когда я говорю, что въ сужде-

кіи мы мыслимъ раздѣльно опредѣляющее съ опредѣляемымъ,—это не значитъ, что мы фактически отставляемъ послѣднее отъ первого и что первое остается ни при чёмъ, чѣмъ-то абсолютно неопредѣленнымъ. Понятіе остается понятіемъ, но въ моментъ сужденія оно мыслится съ извѣстной опредѣленной стороны; мы отвлекаемся отъ прочихъ сторонъ его, за исключеніемъ опредѣляющихъ выдѣляемыхъ, и это раздѣльно для себя обозначаемъ.

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ о сужденіи г. рецензентъ обруга-
шается на примѣчаніе, сдѣланное у меня къ главѣ о сужденіяхъ.
Пересмотрѣвъ различные виды сужденій, познакомивъ съ ними чита-
теля, я снова счелъ нужнымъ возвратиться къ своему опредѣленію
сужденія и особенно разъяснить читателю, чтобы онъ не сбивался
граматическими толками о предложеніи, ибо сужденіе не всегда
совпадаетъ съ нимъ. Этотъ мой взглядъ на отношеніе сужденій къ
предложеніямъ можетъ быть принять въ томъ видѣ, какъ онъ изла-
гается, можетъ быть не принять совсѣмъ, видоизмѣнить, ни мало не
затрогивая сущности моего взгляда на сужденія. Г. Свѣтилинъ въ
рецензіи не оговариваетъ этого обстоятельства; онъ, напротивъ, фор-
мою своихъ возраженій даетъ чувствовать читателю, что эти замѣтки
у меня стоять на первомъ планѣ въ ученіи о сужденіяхъ.

Оговаривая упомянутое обстоятельство, я нисколько, однако, не
желаю хотя иѣсколько снять съ себя ответственность за это примѣ-
чаніе. Несоответствіе предложенія съ сужденіемъ я доказываю, во-
первыхъ, тѣмъ, что есть выраженія, для которыхъ граматическая
форма предложения, состоящая изъ подлежащаго, сказуемаго и связки,
оказывается неудобиою. Г. Свѣтилинъ указываетъ на одинъ рядъ
моихъ примѣровъ, въ родѣ: сиди, эй! Это уже такая манера его—вы-
бирать что нибудь изъ приводимыхъ мною соображеній, примѣровъ,
на что ему легче возражать и объ одномъ этомъ упоминать въ своемъ
изложениіи моихъ взглядовъ. Я указываю на рядъ фактовъ, относи-
тельно которыхъ онъ проходитъ молчаниемъ. Я привожу примѣръ без-
личныхъ сужденій, которыхъ, однако, не выражаются въ предложеніяхъ
(душно, скучно, гремитъ, стучитъ): это суть несомнѣнныя сужденія,
но предложеніями ихъ назвать нельзя. Далѣе, есть характеристика вы-
раженія въ языкѣ, въ родѣ слѣдующихъ: пойдти бы погулять, ну
кувыркаться, ну кататься и т. п. Это определенные сужденія, хотя
не суть граматическихъ предложенийъ съ подлежащимъ, сказуемымъ и
связкой. И о нихъ не упоминаетъ г. Свѣтилинъ. Наконецъ, я отмѣ-
чаю факты, приведенные имъ, только выражаясь осторожно о

нихъ; *инача* (не всегда, значитъ) одно слово выражаетъ цѣлое суждение, хотя граматического предложения нѣть, напримѣръ, сюда! эй! пошелъ! молодецъ! Противъ этого г. рецензентъ возражаетъ, что послѣднія слова ничего не означаютъ, по суть означенія душевныхъ состояній, какъ крики животныхъ. Они могутъ и ничего не означать (потому я не сказалъ *если*, а только *инача*), но могутъ имѣть смыслъ и значеніе полныхъ сужденій. Сюда! и эй! могутъ означать приказаніе пріѣти на глаза, остановиться, идти впередъ, похвалу и т. д., и въ такомъ случаѣ они суть сужденія. Всѣ, напримѣръ, глаголы, употребляемые въ повелительномъ наложеніи, имѣютъ подобный смыслъ и по-моему суть сужденія. Г. Свѣтилинъ говоритъ прямо (окт. 213), что онъ отрицаетъ возможность сужденій, которыхъ нельзя было бы выразить въ граматической формѣ предложенийъ, но резоновъ для этого никакихъ не представляется: я же по силамъ привожу резоны. Эта теорія, полагающая, что всякое суждение должно быть выражено въ предложениіи, но, что не всякое предложеніе есть суждение и что непредложеніе никакъ уже не можетъ быть сужденіемъ, погрѣшаетъ во многихъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, она, какъ это мы видѣли выше, должна непремѣнно подсматривать за говорящимъ, дабы решить, что онъ дѣлаетъ: судить или просто выражаетъ свои впечатлѣнія: для нея важны не сужденія сами по себѣ, а то, что имъ предшествуетъ, то-есть, въ решеніи вопроса о сужденіяхъ она смотрѣть, наблюдать не надъ сужденіями. Во вторыхъ, хотя на словахъ она и отдѣляетъ сужденія отъ предложенийъ, но только въ томъ смыслѣ, что не всякое предложеніе удостоивается у нея этого титула; на дѣль же она до нѣкоторой степени ихъ отождествляетъ, такъ какъ по ней, всякое суждение есть предложеніе. Это, пожалуй, и не особенная бѣда, тѣмъ болѣе, что мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое. Но бѣда въ томъ, что выраженіе сужденія въ предложениіи она дѣлаетъ какою-то неизбѣжною обрядностью для послѣднаго, посвященіемъ въ чинъ. Есть мысли, невыразимыя въ словѣ, творческія концепціи, которыхъ генію не удается разрѣшить въ рядъ предложенийъ; все это не можетъ быть отнесено въ разрядъ сужденій. Втретыхъ, эта теорія припоровлена къ языкамъ флексивнымъ, въ которыхъ существуютъ части рѣчи, обозначаемыя особыми суффиксами. Что же сказать о языкахъ приставныхъ и корневомъ китайскомъ? Тамъ нѣть предложенийъ въ нашемъ смыслѣ,—стало быть, нѣть у народовъ, говорящихъ этими языками, и сужденій? Если есть сужденія у Китайцевъ, Япон-

цевъ, Туровъ и т. д., то суждения могутъ не имѣть формы грамматическихъ предложенийъ. Напоминать ли, наконецъ, еще разъ, что эта теорія выросла не на изученіи фактъвъ; она приходитъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобы устранить изъ нихъ все подъ нее не подходящее.

Если слово есть только знакъ мысли, символъ ея, то, очевидно, суждение можетъ выбирать, какъ свой знакъ, и предложение и непредложение. По отношенію къ нему послѣдняя форма случайна, никакихъ внутренникъ узъ между ними нѣтъ; она не прирожденная форма суждения.

Вовторыхъ, неравносильность предложенийъ суждению я доказываю тѣмъ, что весьма часто грамматическія подлежащія и сказуемыя не совпадаютъ съ логическими, то-есть, главный объектъ 'мысли' въ суждении не всегда есть грамматическое подлежащее, такъ что центръ тяжести въ немъ какъ бы перемѣщается; что въ предложенийъ главное и управляющее, то въ суждении мыслится какъ второстепенное, что въ первомъ второстепенное, зависимое, то становится первымъ по значенію, преимущественно занимаетъ духъ судящаго субъекта. Г. Свѣтилину показалось, что сюда-то онъ можетъ по преимуществу направить свою критику. Всѣ его замѣчанія основываются, однакожь, на недоразумѣніи. Онъ признаетъ фактъ, но не соглашается, какъ онъ говорить, съ предлагаемымъ мною способомъ отысканія логического подлежащаго. Главное, значитъ, признано, не согласенъ онъ лишь съ подробностю. Съ чѣмъ же именно? Я говорю (Логика, 152): „въ живой рѣчи мы обыкновенно различаемъ, чего собственно касается рѣчь и на что въ ней преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе“. Мы говоримъ: я вижу это. Грамматическое подлежащее тутъ я, вижу—сказуемое, это—дополненіе къ сказуемому. Но гдѣ логическое подлежащее? Очевидно не слово „я“; оно было бы имъ, еслибы мы сказали: я вижу это. Главный объектъ, занимающій духъ говорящаго, есть обозначаемое словомъ *это*; оно и есть подлежащее, а „я вижу“ имѣть смыслъ дополненія. Здѣсь, очевидно, логическое подлежащее не совпадаетъ съ грамматическимъ. Но какъ мы указываемъ своему собесѣднику, слушателю, что логическое подлежащее есть тутъ „это“? Особымъ удареніемъ, поднятіемъ голоса на немъ; еслибъ его не было, какъ бы иначе нашъ слушатель могъ узнать, что мы особенно сосредоточиваемся тутъ не на себѣ, не на своемъ видѣніи, но на предметѣ, который наблюдается; какъ могъ бы онъ узнать, что предметъ есть подлежащее нашего видѣнія? Можно привести много и другихъ примѣровъ въ этомъ родѣ.

На вопросъ, что вы читаете, мы отвѣчаемъ: я читаю *Тургенева*. Гдѣ логическое подлежащее? Мы желаемъ сказать этою фразою, что именно Тургеневъ составляетъ предметъ чтенія и на немъ здѣсь сосредоточивается мысль, онъ—центръ тижесть въ сужденіи. Слѣдовательно, онъ и есть логическое, но не грамматическое подлежащее. Но какъ мы узнаемъ въ семъ случаѣ, что здѣсь логическое подлежащее *Тургенева*, а не я? По возвышенню голоса и по ударению, дѣлаемымъ надъ этимъ словомъ. Значить, я имѣлъ право сказать въ Логикѣ, что „въ разговорѣ мѣсто логического подлежащаго мы отмѣчаемъ оттѣнками произношенія“. Для совершенной точности мысли слѣдовало бы сказать, что это дѣлается во многихъ случаяхъ, но не всегда, что мысль можетъ съ особою силою останавливаться или на означаемомъ предметѣ, какъ мѣстѣ, гдѣ замѣчается извѣстная подробность, или на означаемой сторонѣ въ немъ. Слѣдовательно, если и про соединю къ вышеозначеному въ свободахъ предложенийъ эти три слова: „во многихъ случаяхъ“, то мои замѣчанія „будуть вѣзьтися съ замѣчаніями, сдѣланными по поводу дѣленія сужденій по количеству и т. д. и не будутъ опровергаться моими собственными замѣчаніями объ отношеніи подлежащаго въ сказуемому“. Мне кажется, критикъ долженъ быть бы вникнуть въ самый смыслъ моего взгляда, если онъ заслуживаетъ вниманія: обмолвки могутъ встрѣчаться вездѣ; эти случайности могутъ быть устранины однимъ взмахомъ пера, сущность же взгляда останется. Я имѣю маленькую гордость предполагать, что многія особенности живой русской рѣчи, народныхъ логоворокъ и пословицы могутъ быть выяснены логически и грамматически легче съ моей точки зрѣнія, чѣмъ со всякой другой.

V.

Рецензентъ справедливо замѣчаетъ, что свой взглядъ на суждениа я не провелъ въ ученіи о силлогизмахъ. Я намѣренно сдѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку рутинѣ. Съ одной стороны, я считалъ не нужнымъ налагать руку на вѣками установленную терминологію, освященную древностію и авторитетомъ Аристотеля. Съ другой стороны, я находилъ болѣе полезнымъ прежде всего услышать беспристрастное и просвѣщенное мнѣніе о моемъ взглядѣ на суждениа, и уже потомъ подвергнуть переработкѣ самый силлогизмъ. Само собою разумѣется, что я не премину сдѣлать это въ будущемъ. Я могу оставить силлогизмъ на старыхъ основаніяхъ, потому что въ сущности учение формалистовъ о суждениа не считаю абсолютно ложнымъ, но

недостаточными, узкими; положения же, изъ которыхъ по прѣимуществу слагается силлогизмъ, всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе формалистовъ. Это было бы нетерпимо въ учебникѣ, но я могъ въ своей книгѣ держать себя нѣсколько свободнѣе. Очень сожалѣю, что, вслѣдствіе такой своей осторожности, я былъ виновникомъ прискорбнаго чувства въ г. Свѣтилиѣ.

Онъ находитъ неудачными нѣкоторые примѣры силлогистическихъ modi. Такъ какъ я не бралъ привилегіи на непогрѣшимость, то охотно допускаю вообще возможность и промаховъ съ своей стороны. Можетъ быть, нѣкоторые примѣры можно было бы придумать лучше. Такъ какъ примѣры не имѣютъ первостепенной важности вообще въ Логикѣ, то очень могло быть, что произошли у меня недосмотры. Однако, г. Свѣтилинъ слишкомъ строгъ въ этомъ случаѣ; при такой строгости приговоровъ, естественно было ожидать отъ рецензента, что онъ будетъ совершенно точенъ въ передачѣ содержанія моей Логики. Читатели сейчасъ увидятъ, какого судьбы послала мнѣ строго-гаго, но не совсѣмъ справедливаго по отношенію ко мнѣ, критика.

Напримеръ, онъ en toutes lettres (окт. 225) прямо утверждаетъ, что у меня на modus Bamalip приведенъ слѣдующій примѣръ: худые проводники теплоты защищаютъ тѣло отъ холода; защищаютъ тѣло отъ холода шерстяныя одежды; слѣдовательно, шерстяныя одежды суть дурные проводники тепла. Второе предложеніе онъ называетъ не имѣющимъ смысла. Кроме того, что нельзя согласиться съ такимъ крайне рѣзкимъ о немъ сужденіемъ (мы говоримъ же: подставкою для зеркалъ служатъ столы; освѣщеніе домовъ производится газомъ; эти суждены хотя и не могутъ быть названы всеобщими, но подходитъ подъ типъ, названный у Аристотеля въ книгѣ объ истолкованіи неопределенно общими и потому могутъ быть употреблены и въ силлогизмахъ вместо всеобщихъ); но говорить такъ вообще не годится уже потому, что на Bamalip у меня приведенъ совсѣмъ другой примѣръ. Открываю 188 стр. Логики и на Bamalip нахожу слѣдующій примѣръ: „одежда изъ шерсти долго поддерживаетъ тепло въ тѣлѣ; поддерживаетъ тепло въ тѣлѣ всего лучше дурные проводники тепла; слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники тепла суть одѣянія изъ шерсти“. Примѣръ, кажется, удовлетворителенъ и почему же г. Свѣтилинъ позволяетъ себѣ уличать меня въ нелѣпости? И какъ столь строгий ко мнѣ авторъ учебника самъ пропускаетъ свой примѣръ на Bamalip, не замѣтивъ, что онъ имѣть заключеніе общее, тогда какъ въ этомъ modusъ оно должно быть частнымъ?

Онъ порицаетъ и примѣръ на Felapton: „ни одинъ исторический дѣятель не вступалъ на свое поприще безъ серьезнаго къ тому приготовленія; исторические дѣятели были люди, одаренные многими дарованіями; слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ при даровитости требуется еще сеьерзный подготовительный трудъ“ Этотъ примѣръ, по словамъ г. Свѣтилина, погрѣшаетъ противъ Логики въ двухъ отношеніяхъ: впервыхъ, въ немъ заключеніе насильственно присоединено къ посылкамъ, отнюдь не вытекаю изъ нихъ съ логической необходимости (изъ того, что талантливые люди выступали на поприще исторической дѣятельности послѣ предварительной подготовки, еще не слѣдуетъ, что это такъ и должно быть); во вторыхъ, онъ противорѣчитъ *modus*'у Felapton, гдѣ, по условію должно быть отрицательное заключеніе. Съ первымъ заключеніемъ согласиться нельзя. Оно попадало бы въ цѣль, еслибы заключеніе было всеобщее, но я говорю только: въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется и отъ талантливыхъ людей подготовительный трудъ, на чтѣ посылки вполнѣ уполномочиваются. Второе замѣчаніе вѣрно; заключеніе должно быть такое: слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ талантливые люди не могутъ выступить на историческое поприще безъ серьезнаго приготовленія. Но послѣдняя отрицательная мысль равносильна и вполнѣ можетъ быть приравнена первому положительному моему заключенію, и, слѣдовательно, можетъ быть вообще допущена, хотя не слѣдовало бы ее вводить въ примѣръ.

Третій примѣръ я готовъ защищать всецѣло отъ нападеній г. рецензента и представляю дѣло на судъ всякаго логического ума: „нѣкоторыя отступленія отъ нравственнаго закона требуются обстоятельствомъ и высшимъ долгомъ; но требованія обстоятельствъ и долга должны быть всегда въ такихъ случаяхъ всесторонне обсуждены и разсмотрѣны; слѣдовательно, только по всестороннемъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ дѣлу, могутъ быть допущены въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступленія отъ нравственныхъ законовъ“. По мнѣнію г. критика, первой посылкѣ не достаетъ точности; я не нахожу этого и ссылаюсь на судъ читателя; это положеніе извѣстно всякому моралисту. Затѣмъ, по его словамъ, заключеніе или совсѣмъ не слѣдуетъ изъ посылокъ, или должно быть понимаемо какъ перифразъ менышей посылки. Миѣ кажется, ни то, ни другое. Заключеніе вѣрно слѣдуетъ по правиламъ 4-й фигуры, именно по *modus'у dimatis*, и если сопоставить вторую посылку съ заключеніемъ, то послѣднее не будетъ перифразомъ ея: первая говоритъ, что требованія долга должны быть обсуждены въ такихъ случаяхъ; второе говорить, что отступле-

нія отъ закона могутъ быть допущены только въ нѣкоторыхъ слу-
чаяхъ и по всестороннемъ обсужденіи обстоятельствъ. Можетъ быть
въ четвертомъ примѣрѣ, изъ упомянутыхъ на 226 стр. (окт.) рецен-
зентомъ, заключеніе кажется страннымъ, но оно въ сущности вѣрно
и его странность зависитъ вообще отъ особаго строенія четвертой
фигуры силлогизма.

Изъ того, что г. Свѣтилинъ очевидно, желалъ, найдти въ примѣ-
рахъ на modi силлогизмовъ небрежность съ моей стороны, но ука-
залъ только одинъ, въ которомъ допущенъ недосмотръ, я заключаю,
что его общее сужденіе сдѣлано послѣшно и осталось не доказан-
нымъ. Изъ того, что онъ приписалъ мнѣ то, чего я не говорилъ, я
заключаю, что онъ самъ небрежно просмотрѣлъ эту часть моей книги.
Какъ мнѣ кажется, онъ просмотрѣлъ, что я приводилъ примѣры не
по всѣмъ правиламъ сколастической діалектики. Удовлетворяя общимъ
требованіямъ силлогизма, я не считалъ себя въ правѣ быть педа-
гическимъ въ этомъ случаѣ и старался дать примѣры, въ которыхъ
заключенія могутъ имѣть какой-нибудь смыслъ и подходить дѣй-
ствительно къ употребляемымъ въ наукѣ и жизни. Поэтому у меня
нѣтъ такихъ странныхъ заключеній на modi силлогизмовъ, которые
до сихъ поръ встрѣчались только въ логикахъ, которые возбудили бы
гомерический смѣхъ, еслибы кто попробовалъ ихъ употреблять въ
наукѣ или жизни. Самъ г. Свѣтилинъ во второмъ изданіи своей Ло-
гики, слѣдовательно послѣ того, какъ написана была рецензія, допу-
скаетъ въ заключеніи на Batalip подобного рода *неточность и не-
брежность*. Мало того, у него послѣ столькихъ просмотровъ учеб-
ника въ разныхъ инстанціяхъ, встрѣчается примѣръ, начинающійся
съ совершенно ложнаго предложенія: *кто счастливъ, тотъ не есть
порочный человѣкъ*, или такого рода заключенія, которыхъ нельзя
считать имѣющими смыслъ: нѣкоторые физические снаряды пригодны
для земледѣльцевъ, или нѣчто приятное есть работа. Ошибки и не-
брежность другихъ, конечно, не есть извиненіе для меня. Но я гово-
рю это потому, что легко быть ригористомъ относительно другихъ,
а не себя.

Я очень радъ, что особенность моего взгляда на способъ заклю-
ченія въ условномъ силлогизмѣ обратила на себя вниманіе г. рецен-
зента. Оставляю въ сторонѣ его нѣвѣрное предположеніе, будто
бы моя теорія въ этомъ случаѣ опирается на предположенія: для од-
ного слѣдствія можетъ быть только одно основаніе. Г. Свѣтилинъ
прямо говоритъ о мнѣ, что я не соглашаюсь съ господствующимъ уче-

ніемъ въ этомъ пунктѣ, и читатель можетъ подумать, что и въ самомъ дѣлѣ есть у меня что либо подобное. Можно справиться съ подлинными страницами (Логика, 193—5) и увѣриться, что это только предположеніе г. Свѣтилина. Дѣло вотъ въ чемъ. Обыкновенно въ Логикахъ указываютъ только два вида условнаго силлогизма: 1) отъ бытія основанія заключаютъ къ бытію слѣдствія, и 2) отъ небытія слѣдствія къ небытію основанія. Это основывается на томъ, что слѣдствіе, говорить, можетъ возникать не изъ одного только основанія, такъ что нельзя отъ небытія основанія заключать къ небытію слѣдствія и отъ бытія слѣдствія къ бытію основанія. Вообще— это справедливо, но не вполнѣ. Есть такъ тѣсно связанныя основанія и слѣдствія, что мы можемъ безразлично заключать отъ одного къ другому, какъ и вообще есть явленія въ природѣ, которыхъ имѣютъ только одну причину и не иначе возникаютъ какъ только отъ одной. Посему, между тѣмъ какъ Логика принимала только два modi условнаго силлогизма, наука и жизнь во многихъ случаяхъ безбоязненно умозаключали и по остальнымъ двумъ возможнымъ способамъ, то-есть, 3) отрица основаніе, мы иногда отрицаемъ и слѣдствія и 4) допускная слѣдствіе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ и его основаніе. Мнѣ думалось, почему же логика должна воздерживаться отъ этихъ, имѣющихъ свое значеніе способовъ силлогизма, и почему они не могутъ быть указаны въ числѣ возможныхъ умозаключеній. Положимъ, они не могутъ имѣть такого важнаго значенія, какъ первые два, но они тоже доброкачественные приемы ума. Понятно воздержаніе сколастической діалектики и чистыхъ формалистовъ отъ послѣднихъ приемовъ: они вѣрили и вѣрятъ, что силлогизмомъ можно открывать новые факты, разъяснять явленія. При такомъ назначеніи его, то-есть, въ приложеніи къ объясненію неизвѣстныхъ явленій, 3-й и 4-й modus не могутъ быть употребляемы. Но я держался и держусь мнѣнія, что силлогизмъ ничего не открываетъ, разъяснять новыхъ не изслѣдованныхъ явленій не можетъ. Онъ пользуется уже готовыми посылками, устанавливающими связи фактовъ; почему же, въ случаѣ тѣсной и установленной наукой связи между причинами и ихъ единственными послѣдствіями, не могутъ быть введены въ дѣло и упомянутые modi? Во многихъ случаяхъ чрезъ нихъ мы прийдемъ къ выводамъ только вѣроятнымъ, но и вѣроятность есть ступень знанія, а въ нерѣдкихъ случаяхъ мы прийдемъ и къ выводамъ несомнѣннымъ. Эти соображенія побудили меня дать, такъ сказать, ходъ заброшеннымъ способамъ условнаго силлогизма.

Г. рецензентъ признаетъ материально правильнымъ примѣръ, приведенный на способъ заключенія: отъ небытія основанія къ небытію слѣдствія. Примѣръ того, какъ мы, допуская слѣдствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ и его основаніе, приведенъ у меня слѣдующій: „еслибы Алкивиадъ безусловно любилъ свое отечество, то онъ не сталъ бы оказывать услуги Спартанцамъ; но онъ оказалъ имъ большую услугу во время пелопонесской войны, посовѣтовавъ навести ударъ Афинамъ экспедиціей въ Сицилію; слѣдовательно, въ немъ не было истинной любви къ отечеству“. Этотъ примѣръ бракуется рецензентомъ и онъ, разбирая его, въ заключеніе говоритъ (окт. 229): „ясно, что въ силлогизмѣ отрицаются основаніе, послѣ того, какъ отвергнуто слѣдствіе“. Достаточно перечитать снова примѣръ, чтобы видѣть, что во второй посылкѣ допускается слѣдствіе: услуга врагамъ, а въ заключеніи допускается и самое основаніе: отсутствіе истинной любви къ отечеству. Тысячи подобныхъ умозаключеній дѣлаемъ мы въ жизни. Напримѣръ, какъ часто мы говоримъ въ слѣдующемъ родѣ: если молодой человѣкъ цѣнитъ время своего образования, то онъ тратить его только на серьезные занятія; но этотъ молодой человѣкъ занимается серьезно; слѣдовательно, онъ цѣнитъ время своего образования.

Впрочемъ, въ концѣ концовъ г. Свѣтилинъ даетъ мнѣ болѣе, чѣмъ нужно, хотя сначала сдѣлалъ видъ, что желаетъ отнять у меня все. „Можно указать въ наукѣ случаи, говоритъ онъ (окт. 229), когда употребленіе защищаемыхъ г. Владиславлевымъ способовъ умозаключенія приводило къ блестящимъ результатамъ; укажемъ на спектральный анализъ и на изслѣдованія доисторической археологии. Въ обоихъ случаяхъ употребляется умозаключеніе отъ бытія слѣдствія къ бытію основанія“. Еслибы онъ подумалъ еще, то, можетъ быть, нашелъ бы, что когда геологи отрицаютъ возможность живыхъ существъ на землѣ въ то время, когда она была въ раскаленномъ состояніи, когда астрономы говорятъ объ отсутствіи организмовъ, подобныхъ земнымъ, на лунѣ и т. д.; когда отрицаютъ возможность нѣкоторыхъ растеній и животныхъ въ тѣхъ или другихъ странахъ, климатахъ, и т. д.; онъ нашелъ бы, что въ этомъ случаѣ ученые заключаютъ по другому отвергнутому имъ *modus'у*: именно, отъ небытія основанія къ небытію слѣдствія. Какъ же это случилось, что логика отрицаетъ такие способы и пріемы, которые даютъ блестящіе результаты въ наукѣ?

Никакого логического пріема нельзя употреблять, что называется,

зря: когда наука доказала повсюду и всегдашнюю связь между единственнымъ основаниемъ и слѣдствіемъ, можно безошибочно заключать и по отвергаемымъ логиками способамъ условнаго силлогизма. Собственно говоря открытій, достовѣрныхъ разъясненій явленій дѣлать ими нельзя, но какъ дедуктивное орудіе они очень важны и полезны для мыслителя. Оттого я и говорилъ въ своей книжѣ (195): „когда мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, дѣйствительно или прямо (мнимо-очевидная опечатка) выражаютимъ связь основаній съ слѣдствіемъ, то безъ всякаго колебанія можемъ заключать по всѣмъ четыремъ премамъ“. Ошибки возможны не только по отвергаемымъ двумъ, но и по патентованнымъ modus'амъ условнаго силлогизма. Замѣчу прежде всего, что примѣръ, приведенный г. рецензентомъ противъ мени, не идетъ собственно къ дѣлу. „Помолюсь Господу Богу, думаетъ купецъ, чтобы онъ помогъ сбытия попорченный товаръ; если Господь услышитъ молитву, то я успѣю сбыть. Товаръ проданъ, и суевѣрный купецъ дѣлаетъ пожертвованіе въ церковь, не сомнѣваясь, что Богъ услышалъ его молитву“. Виновенъ здѣсь не modus силлогизма, а убѣженіе купца, что если онъ помолится о чёмъ бы то ни было, то Богъ услышитъ молитву, что можно просить Его объ успѣхѣ обмана. Противъ защищаемыхъ мною способовъ заключенія г. Свѣтилини привелъ, что они не могутъ быть употребляемы для объясненія явленій по „множественности причинъ“ Я это вполнѣ признаю, и говорю, что не для цѣлей открытій эти modi предназначаются. Почему же г. рецензентъ забылъ о такъ-называемомъ смѣшаніи дѣйствій, которое дѣлаетъ тщетными и его патентованные modi. Ученіе индуктивной логики о смѣшаніи дѣйствій налагается рядомъ съ множественностью причинъ; теорія индукціи говоритъ, что 1) дѣйствія различныхъ причинъ могутъ соединяться въ одинъ результатъ, 2) что въ случаѣ противодѣйствія причинъ, часть дѣйствія одной можетъ уничтожаться другою, 3) что могутъ быть случаи взаимодѣйствія между причиной и дѣйствиемъ, 4) что одна причина можетъ производить нѣсколько дѣйствій. Можно ли заключать въ этихъ случаяхъ отъ бытія причины къ бытію дѣйствія и отъ небытія дѣйствія къ небытію причины? Очевидно, нельзя, иначе выходили бы вотъ какіе выводы: если человѣкъ трезвъ, то онъ твердо стоитъ на ногахъ, но N не стоитъ твердо на ногахъ (modus tollens), слѣдовательно, онъ пьянъ. (N можетъ быть въ обморокѣ, болѣнь подагрой и т. д.). Другой примѣръ: если въ комнатѣ температура высокая, то всѣ присутствующіе въ ней должны чувствовать тепло; но въ аудиторіи температура вы-

сокая, следовательно все присутствующие въ ней должны чувствовать тепло. Но и болѣе лихорадкою и на этотъ разъ чувствуетъ холода. Третій примѣръ: Если удобренія на пашнѣ много, то рожь растеть отлично; на этой полосѣ удобренія много, следовательно рожь растеть отлично; она можетъ однако и не рости, потому что на полосѣ хлѣбъ весною вымокаетъ. Вотъ какія ошибки возможны и по общепринятіи способамъ условного силлогизма. Следовательно, или вообще этотъ силлогизмъ не годится ни къ чему во всѣхъ своихъ modi, или ему надобно дать назначеніе иное, но при этомъ неѣть основаній исключать доселѣ отвергаемые способы.

VI.

Обращаясь къ учению объ индукціи, измѣненному въ моей Логикѣ преимущественно на основаніи работъ Милля и Бэна, г. рецензентъ подмѣтилъ у меня тревожное чувство, подъ влияніемъ котораго я какъ бы нѣхотя излагалъ ученіе своихъ руководителей. Этимъ будто бы объясняется нѣкоторая моя небрежность въ ихъ изложеніи. Тѣ, что я отступалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ взглядовъ „своихъ руководителей“, старался самъ переработать ихъ положенія, внесъ во многія части свой порядокъ—это онъ называетъ небрежностію съ моей стороны.

Онъ напоминаетъ мнѣ, почему я ничего не говорю о дедуктивной основе экспериментальныхъ методовъ, *представляющей логический фактъ высокой важности*; это объяснено у Бэна. Но, по моему мнѣнію, эти методы достаточно обосновываются теоріей причины, чтѣ я и указываю, говоря о логическомъ основаніи методовъ. Даѣе, онъ находитъ не точнымъ и не яснымъ изложеніе руководительныхъ правилъ методовъ: различія и остатковъ. Но правило различія разъяснено мною на примѣрахъ, такъ что ни малѣйшая неясность относительно его не можетъ остаться въ умѣ читателя (Логика, 261—3). Относительно метода остатковъ, г. Свѣтилинъ употребляетъ обыкновенный свой приемъ. Излагая логическое основаніе методовъ, я между прочимъ говорю, какое предположеніе лежитъ въ основѣ метода остатковъ (стр. 259 Логики); тамъ же, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ методѣ, я опредѣляю руководительное правило его (стр. 264). Г. Свѣтилинъ искалъ въ первомъ мѣстѣ Логики описание метода и прямо утверждаетъ, что на стр. 259 я описываютъ методъ и что непонятно, чтѣ я хочу сказать этимъ описаніемъ. Поэтому, я могу только посовѣтовать

ему обратиться къ 264 стр. Логики и тамъ потрудиться прочесть изложение этого метода.

Говоря о моемъ анализѣ множественности причинъ и смышленіа дѣйствій, г. Свѣтилинъ представляетъ его въ недостаточномъ видѣ, чтобы оправдать свои рѣвкія замѣчанія. „При разборѣ сложности причинъ (окт., 231) авторъ останавливается на двухъ сторонахъ этого факта: 1) Причина данного смышленаго дѣйствія только въ такомъ случаѣ производить это послѣднее, когда находятся на лицо всѣ условія, при которыхъ оно можетъ дѣйствовать безпрепятственно; въ противномъ случаѣ она не сопровождается этимъ дѣйствіемъ. 2) Причины явленія могутъ вступить въ такое соотношеніе, что достаточно ничтожнаго повода, чтобы явленіе произошло. Очевидно, г. Владиславлевъ говорить здѣсь о причинѣ въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ, то какъ объ одномъ изъ условій дѣйствія, то какъ о совокупности всѣхъ условій, необходимыхъ для дѣйствія. Держась строго одного взгляда на причинность явленій, онъ не сталъ бы говорить какъ о вещахъ одинаково возможныхъ, что 1) причина иногда не сопровождается дѣйствіемъ, и что 2) явленіе, дающее поводъ къ обнаруженню дѣйствія, не должно считаться причиной дѣйствія“. Читатель опредѣлить степень беспристрастія критика, если заглянуть хотя на минуту въ мою книгу. На 266 — 8 стр. я говорю о случаяхъ множественности причинъ, но выставляю не тѣ, которые указываетъ г. рецензентъ, а слѣдующіе два случая: 1) одно и то же дѣйствіе можетъ быть производимо разнообразными причинами, и 2) одно дѣйствіе есть результатъ взаимодѣйствія многихъ причинъ. Это г. Свѣтилинъ прошелъ молчаніемъ. Второй случай я разбиралъ подробнѣ, и указывая, что сочетанія причинъ могутъ быть разнообразны: въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе причинъ не будетъ сопровождаться обычнымъ слѣдствіемъ, и самое появленіе слѣдствія будетъ дѣйствіемъ отнюдь не настоящей причины, а какого-нибудь второстепенного условія. Можно ли узнать мой взглядъ на множественность причинъ въ изложеніи г. Свѣтилина? Онъ самъ за меня сдѣлалъ опредѣленіе, приспособилъ его къ своимъ возраженіямъ и затѣмъ навязалъ мпѣ мысль, что причина будто бы по моему взгляду иногда не сопровождается никакимъ дѣйствіемъ (тогда какъ я говорю объ отсутствії въ нѣкоторыхъ случаяхъ обычнаго дѣйствія, то есть, причина не обнаруживаетъ себя, хотя несомнѣнно дѣйствуетъ).

Также точно поступаетъ г. Свѣтилинъ при анализѣ моего взгляда на смышленіе дѣйствій. Умолчавъ, что я указалъ довольно разнообраз-

ные случаи смѣшения дѣйствій (гораздо болѣе, чѣмъ Бэнъ), онъ находитъ страннымъ, что у меня отнесены къ этой категоріи случаи, когда причина производить нѣсколько дѣйствій. Эти-де случаи не относятся къ смѣшению дѣйствій (неужели же къ множественности причинъ?). Онъ и здѣсь допускаетъ большую неточность при изложеніи моей мысли. У меня этотъ случай изложенъ такъ (Логика, стр. 271): „часто одна причина производить нѣсколько дѣйствій, но при осложненіи причинъ и условій, она остается намъ незамѣтною, тогда какъ повтореніе и сильна одною дѣйствіемъ другимъ составляетъ предметъ очевиднаго наблюденія (день слѣдуетъ за ночью, приливъ за отливомъ)“¹. У меня случай специализованъ, г. критикъ обозначеніе обстоятельствъ опускаетъ и мое положеніе получило совсѣмъ другой смыслъ. Причина намъ можетъ быть неизвѣстна, а между тѣмъ постоянное слѣдованіе ея дѣйствій составляетъ фактъ; очевидно, этотъ случай прямо относится къ смѣшению дѣйствій.

Г. Свѣтилинъ спрашиваетъ меня, почему я не вхожу въ объясненія при каждомъ случаѣ множественности причинъ и смѣшения дѣйствій, отчего экспериментальные методы не находятъ въ нихъ примѣненія? Въ однихъ случаяхъ я вхожу и въ эти разсужденія, въ другихъ—не вхожу, потому что кто знаетъ сущность методовъ, для того эта непримѣнимость ясна. Г. критикъ требуетъ отъ меня, чтобы я, разсуждая о непримѣнимости методовъ, доказывалъ, что въ случаяхъ множественности причинъ *приложимъ* методъ различія, а въ случаяхъ смѣшения дѣйствія — методъ сопутствующихъ измѣненій, то-есть, допускаль противорѣчіе себѣ. Я позволю себѣ уклониться на этотъ разъ отъ совѣта г. Свѣтилина.

Наконецъ, излагая мой взглядъ на законы природы, изслѣдованіе которыхъ и составляетъ цѣль индукції, г. Свѣтилинъ также значительно переиначиваетъ мой взглядъ. Разбирая понятіе закона, онъ находитъ, что указанные черты его: всеобщность, неизмѣнность и необходимость, въ сущности, составляютъ одно и то же свойство. Онъ полагаетъ, что это видно изъ моихъ собственныхъ разсужденій. Но изъ нихъ видно другое: можно быть всеобщимъ фактомъ въ данный моментъ, но не быть неизмѣннымъ; можно быть неизмѣннымъ и всеобщимъ, и не быть необходимымъ фактомъ: ибо „неизмѣнность (Логика, стр. 228) означаетъ постоянство образа дѣйствія закона; необходимость — неизбѣжность известного способа дѣйствованія или событія, означаемаго закономъ“. Для того, чтобы разъяснить законъ на примѣрахъ, я обращался къ словоупотребленію этого термина въ

юридической и нравственной области. Какъ ни различны по содержанию и способамъ дѣйствія юридические, нравственные и физические законы, они сохраняютъ, однакожъ, общія формальныя черты закона вообще и потому носятъ одно имя. Г. Свѣтилинъ дѣлаетъ видъ, что я смѣшиваю эти законы, и педантически начинаетъ разъяснять ихъ различіе, чтѣ давно извѣстно всѣмъ. Въ одномъ только пункте разногласіе между нимъ и мною кажется важнымъ. По его словамъ, я будто бы говорю о нарушеніяхъ физическихъ и нравственныхъ законовъ, тогда какъ онъ допускаетъ нарушеніе первыхъ, но не послѣднихъ. На дѣлѣ оказывается, что я не употребляю даже этого слова нарушенія закона; я говорю объ *упраздненіи дѣйствій* закона, что составляетъ огромную разницу. Онъ могъ бы, кажется, уже потому замѣтить свою ошибку, что о нарушеніяхъ закона мнѣ не пристало говорить тамъ, где я разсуждаю объ его неизмѣнности. Итакъ, я не говорю о нарушеніяхъ, а объ *упраздненіи дѣйствій* закона, и это вѣрио въ виду многочисленныхъ явлений, подтверждающихъ факты. Тѣло, опирающееся на подпору, не падаетъ; дѣйствіе закона тажести—паденіе — упраздняется противодѣйствіемъ подпоры. Г. Свѣтилинъ думаетъ, что тутъ нѣтъ противодѣйствія закону, потому что нѣтъ паденія тѣла и, слѣдовательно, законъ *alibi*. Но всякий свѣдущій человѣкъ укажетъ на фактъ тажести, съ какою падающее тѣло давить на подпору и, слѣдовательно, законъ дѣйствуетъ, но его дѣйствіе упраздняется противодѣйствіемъ. На вѣсахъ обѣ чашки могутъ покойиться, потому что тажесть (паденіе) однородна и нейтрализуется тажестію другой: дѣйствіе закона тажести, очевидно, парализуется, но не уничтожается. Подобнымъ же образомъ и нравственный законъ самъ по себѣ ненарушимъ: еслибы всѣ люди и всегда убивали и грабили, заповѣдь: не убий осталась бы неприкосновенна и неизмѣнна, хотя въ другомъ смыслѣ, чѣмъ законъ физической. Люди могутъ не исполнять его вѣльзій, упразднить его дѣйствія, но законъ, какъ таковой, не можетъ быть представленъ нарушеніемъ и уничтоженнымъ. Въ этотъ ходъ мыслей никакъ не хотѣлъ вникнуть г. Свѣтилинъ.

Критикуя опредѣленіе индуктивныхъ законовъ, г. Свѣтилинъ, по обыкновенію, не точенъ при передачѣ моего взгляда и, повидимому, не совсѣмъ даже ясно представляетъ себѣ смыслъ логической теоріи индукції. По моему мнѣнію, подъ закономъ въ строгомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать математически опредѣлимый способъ—*modus*—отно-

шения причинъ въ дѣйствію. По критику, это значитъ, что подъ законами природы я разумѣю только такія единообразія въ преемствѣ явленій, которыя подходятъ подъ начало сохраненія силы. Почему это такъ значитъ, остается неизвѣстнымъ: казалось бы, что можно стоять за вышеприведенное воззрѣніе на законъ и не раздѣлять ученія о сохраненіи силы. Правда, я ничего не говорю о методахъ открытія этихъ законовъ, но это потому, что вообще считаю невозможнымъ, вмѣстѣ съ Миллемъ и Бэномъ, учить способамъ открытій; такими задачами и не можетъ задаваться теорія индукціи. Затѣмъ г. Свѣтилинъ отвергаетъ мое различеніе между основными и эмпирическими законами съ тѣмъ, чтобы установить свое между эмпирическими и *раціональными*. Навязавъ мнѣ ученіе о сохраненіи силы, съ которымъ будто бы я хотѣлъ сообразоваться въ опредѣленіи законовъ, критикъ теперь уже прямо утверждаетъ, что мое опредѣленіе ихъ не вытекаетъ изъ понятія объ этомъ сохраненіи: ибо, при различеніи законовъ на основные и эмпирические, не можетъ держаться ученіе о сохраненіи силы. Но онъ опустилъ изъ виду, что это различеніе имѣеть для насть субъективный характеръ, что съ моей точки зреія оба рода законовъ выражаютъ только различныя ступени нашего знанія, или индукціи. Ко всему этому я долженъ замѣтить, что я говорю собственно не объ *основныхъ* законахъ, а о *первообразныхъ*, родовыхъ законахъ (Лог., стр. 273), господствующихъ надъ цѣлою областю явленій; эмпирическіе же законы суть частныя обобщенія фактъ, значеніе которыхъ (то-есть, обобщеній) и связь съ другими еще для насть не выяснены. Г. Свѣтилинъ вездѣ поставилъ вмѣсто *"первообразный, родовой"* эпитетъ *"основной"*, придалъ послѣднему объективный смыслъ, и направляетъ свои возраженія противъ *соображенія* моихъ основныхъ законовъ. Интереснѣе всего однакожъ, что самъ онъ въ копіѣ концовъ допускаетъ и основные и эмпирическіе законы: на стр. 236 (окт.) онъ говоритъ: *"существенное и важное въ научномъ отношеніи различие существуетъ не между основными и эмпирическими законами, но между эмпирическими и раціональными, то-есть, между эмпирическими, необъясненными изъ основныхъ (значить, критикъ признаетъ существованіе основныхъ законовъ), и эмпирическими, объясненными изъ соотвѣтствующихъ имъ основныхъ".* И такъ о чёмъ же споръ? Трудно понять противъ чего ратуетъ г. Свѣтилинъ, хотя читатель видѣть, пробѣгая 235 и 236 стр. его критики, что онъ чтѣ-то желаетъ разъяснить, съ чѣмъ-то не согласенъ. Мнѣ

кажется, онъ не согласенъ съ самимъ собою, потому что отрицаешь то, что самъ же и утверждается¹).

VII.

Въ учени о дедукції критикъ не согласенъ ни съ моими взглядами на синтезъ и анализъ, ни съ моей теоріей доказательствъ. Въ пониманіи того что такое дедукція и индукція, онъ находитъ у меня неточность и сбивчивость. Я заключаю отсюда, что есть читатели, которымъ никакими судьбами дѣла ясно не представишь. Я съ особенною обстоятельностью старался показать, что индукція и дедукція различаются одна отъ другой по исходнымъ пунктамъ, отъ которыхъ онъ отправляются, по способу перехода отъ одной мысли къ другой, наконецъ и по цѣли (стр. 304—6). Мои усилия остались тщетны. Г. Свѣтилинъ вывелъ только, что слова индуктивный и дедуктивный я употребляю въ смыслѣaprіорный и апостеріорный. Это, могу сказать, есть прямая ошибка въ толкованіи моего взгляда:aprіорный—понятіе болѣе узкое, чѣмъ дедуктивный; анализъ и синтезъ суть дедуктивные пріемы, а можно-ли сказать, что ониaprіорные пріемы? И что за смыслъ въ плаваніи:aprіорный пріесмъ? Затѣмъ критика затруднило то обстоятельство, что опредѣленія и классификаціи у меня отнесены къ общимъ элементарнымъ логическимъ пріемамъ, и онъ спрашиваетъ, куда ихъ отнести—къ дедукціи или индукціи, особенно если онъ основываются на опытѣ и наблюденій. Классификаціи и описанія суть пріемы смѣшанные, они могутъ быть и дедуктивные и индуктивные, смотря потому основываются ли на наблюденій, или на синтезѣ и анализѣ исключительно. Слѣдовательно, вообще ихъ нельзя относить ни къ которой области исключительно; оттого учение о нихъ я и помѣстилъ въ отдѣль о понятіяхъ.

Въ учени о синтезѣ и анализѣ, какъ пріемахъ развитія мыслей, мы разошлись съ г. Свѣтилинымъ оттого, какъ мнѣ кажется, что

¹) Кромѣ указанныхъ неточностей въ наложеніи моихъ взглядовъ, г. Свѣтилинъ представлялъ читателю, будто бы я существеннымъ отличиемъ первообразныхъ (по критику—основныхъ) законовъ отъ эмпирическихъ считаю математический характеръ первыхъ. Такого значенія, однакоже, я не даю математической формѣ выраженія. Я говорю только, что первообразный законъ, какъ выражающій modus дѣйствованія силы, долженъ имѣть математический характеръ, что онъ не можетъ быть только приблизительно точнымъ, а долженъ быть совершенно точенъ. Но никогда не говорю, что эмпирический законъ такой математической формы не можетъ и тѣмъ отличаться отъ первоначального. Послѣдній долженъ имѣть ее, первый можетъ имѣть и не имѣть ея.

опредѣлья анализъ, я имѣлъ въ виду самы простѣйшіа, чисто аналитическія дѣйствія ума; онъ же подъ нимъ разумѣеть совокупность умственныхъ премовъ, развивающихся при разчлененіи какой-нибудь мысли, такъ что въ его анализѣ подразумѣвается до нѣкоторой степени и синтезъ, а въ его синтезѣ виднѣется отчасти и анализъ. Я согласенье допустить, что нѣть анализа, который не довершался бы синтезомъ, и нѣть синтеза, не утверждающагося на анализѣ, по очевидно, что въ логикѣ мы должны строго различать одно умственное дѣйствіе отъ другаго. Тѣ логики, къ которымъ примыкаетъ въ вопросѣ объ этихъ премахъ мой критикъ, совершенно запутываются его до того, что нынѣ учащійся не знаетъ чего держаться: ему говорятъ объ анализѣ, въ которомъ никакого разчлененія нѣть, а есть отожествленіе, сведеніе, и трактуютъ о такомъ синтезѣ, въ которомъ нѣть никакого сочетанія, а есть, наоборотъ, разчлененіе. Мнѣ думалось, что въ этомъ случаѣ слѣдовало выйти снова на большую дорогу, проторенную еще Аристотелемъ, и дать о синтезѣ и анализѣ такое понятіе, которое для всякаго было бы яснымъ. Для этой цѣли, я полагалъ, достаточно остановиться на самыхъ простѣйшихъ умственныхъ — аналитическихъ или синтетическихъ — дѣйствіяхъ, и тогда всѣ мудрованія противной школы отпадутъ сами собою. Чѣдь такое анализъ? Какъ показываетъ самое слово, это есть разчлененіе умственного цѣлаго на части. Чѣдь такое синтезъ? — сведеніе, сочетаніе частностей въ одно умственное цѣлое. Слѣдовательно, гдѣ исключительно или преимущественно господствуетъ разчлененіе — тамъ анализъ, гдѣ образованіе цѣлаго изъ *disjecta membra* — тамъ синтезъ.

Съ прямымъ, даннымъ мною опредѣленіемъ синтеза и анализа, г. Свѣтилинъ не согласенъ. Онъ старается мнѣ объяснить, что не всякое разчлененіе есть анализъ. Когда мы разчленяемъ понятіе на виды, входящіе въ его объемъ, то синтезируемъ, а не анализируемъ. „Переходя отъ понятія четвероугольника къ понятіямъ: квадратъ, параллелограмъ, трапеція состоять въ осложненіи первого понятія новыми признаками; чтобы изъ понятія четвероугольника получить понятіе квадрата, нужно прибавить къ его признакамъ равенство сторонъ и угловъ — признаки, которыми квадратъ отличается отъ другихъ четвероугольниковъ“ (стр. 240, окт.). „То же замѣчаніе можетъ быть повторено и о соединеніи мыслей. Когда мы выражаемъ въ одномъ общемъ положеніи результаты наблюдений надъ отдѣльными случаями, то приводимъ эти частные результаты къ единству. Когда мы объясняемъ извѣстныя сложныя явленія изъ дѣйствія различныхъ

силъ и фактовъ — мы также соединяемъ нѣсколько фактъ (общихъ) въ одномъ (частномъ). Между тѣмъ, эти объединительныя операциі одна другой противоположны. Въ первомъ случаѣ, изъ сложныхъ наблюдений выдѣляется общая всѣмъ имъ черта (общій законъ), въ послѣднемъ — нѣсколько общихъ чертъ соединяется въ одинъ сложный образъ. Логика (конечно, г. Свѣтилина) только послѣднюю операцию считаетъ синтезомъ, процессы же обобщенія считаетъ не синтезами, но анализами" (*Ibid.* 239—241). Изъ послѣдующихъ объясненій г. критика оказывается, что существеннымъ моментомъ анализа онъ считаетъ отожествленіе частей сложнаго понятія съ какими-либо общими понятіями или подведеніе такихъ частей подъ общія понятія.

Мыѣ кажется, что эти примѣры нисколько не говорять противъ данного моего опредѣленія анализа и синтеза. Переходъ отъ понятія четырехугольника къ частнымъ видамъ можетъ быть и синтетическій, и аналитическій, смотря потому, имѣется ли въ виду указание связи частныхъ видовыхъ понятій съ общимъ, или указание подробностей его объема. Въ первомъ мыль будеть связывать и совокуплять, слѣдовательно, будеть синтезъ, во второмъ, разчленять умственное цѣлое (объемъ понятія) и это дѣйствіе будеть анализомъ. Въ примѣрѣ, указанномъ г. Свѣтилинымъ, собственно предполагается, что квадратъ, параллелограмъ и трапеція должны быть найдены мыслию, что они не даны фактически въ объемѣ понятія, и къ нимъ мыль должна найти себѣ доступъ отъ понятія четырехугольника. Такъ какъ здѣсь имѣется въ виду собственно указание связи частныхъ понятій съ общимъ, то и по моему взглѣду это будеть дѣйствіе синтетическое. Но этотъ же примѣръ можетъ быть и случаемъ анализа, если бы мыль брала объемъ понятія четырехугольника, какъ данный фактъ, и только разчленяла его на составныя части. Въ сущности, примѣръ, приведенный г. Свѣтилинымъ, есть случай синтеза прогрессивнаго, и слѣдовательно, противъ меня служить не можетъ. Тотъ же фактъ, что г. Свѣтилинъ существеннымъ моментомъ анализа считаетъ отожествленіе, я считаю результатомъ недоразумѣнія. Изъ примѣровъ, приведенныхъ имъ въ доказательство (на 242 страницѣ), видно, что многія сложныя умственныя дѣйствія онъ считаетъ *просытами*. „Аналлизировать сложную мыль, значитъ — не просто раздробить ее на частныя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отожествить эти частныя мысли съ соответствующими имъ частями другихъ сложныхъ мыслей, или подвести подъ одну съ ними категорію“. „Если я скажу, что предло-

женіе: всѣ люди смертны, состоять изъ трехъ частей: всѣ, люди и смертны, то не произведу никакого анализа. Но если я скажу, что это предложеніе состоять изъ подлежащаго „люди“, сказуемаго „смертны“ и опредѣленія „всѣ“, то я сдѣлаю анализъ“. Замѣчу прежде всего, что примѣръ совершенно правильенъ, только онъ не говорить противъ меня; если я скажу, что предложеніе „всѣ люди смертны“, состоять изъ трехъ частей: всѣ, люди и смертны, то я не произведу анализа *предложенія*, потому что предложеніе предполагаетъ подлежащее, сказуемое и связь, и вышеуказанный отвѣтъ бы данъ не на вопросъ; это не есть граматический анализъ; но съ другой стороны несомнѣнно, что и это есть анализъ, хотя и не мудрый, и онъ долженъ предшествовать и граматическому анализу: ибо кто не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ раздѣльности этихъ словъ, тѣль не анализируетъ ихъ и граматически. Вѣдь и лингвистъ скажетъ о данномъ г. Свѣтилинымъ анализѣ, что это не есть анализъ (филологический) и т. д. Г. Свѣтилинъ, кажется, полагаетъ, что, по моему мнѣнію, всякое дробленіе цѣлаго, даже обезмысленное, есть логический анализъ, и что когда исследователь самъ не знаетъ, какъ и на что онъ разложилъ что-нибудь, то, по моему мнѣнію, и онъ произвелъ анализъ.

Отожествление частныхъ мыслей съ соответствующими имъ частями другихъ сложныхъ мыслей, что по г. Свѣтилину составляетъ существенный моментъ анализа, я считаю дѣйствиѳмъ, относящимся не къ анализу, а къ синтезу. Отожествление есть выводъ, снесеніе одной мысли съ другою, и не есть разчененіе мысли. Химикъ разложилъ тѣло на составные части, но ошибся въ отожествленіи полученныхъ частей съ химическими элементами, что нерѣдко случается; о немъ говорить, что онъ анализъ произвелъ правильно, но ошибся въ выводѣ, или лучше, сдѣлалъ невѣрный синтетический выводъ. Объ алхимикахъ не говорить, что они не умѣли производить анализа тѣль, но что они неправильно толковали его результаты. То же говорить о филологахъ, правильно разчленяющихъ слова на корень, тему и суффиксы, но не умѣющихъ правильно отожествлять полученные результаты, то-есть, истолковывать ихъ. Аналитическое дѣйствиѳ правильно, но синтезъ не вѣренъ, вслѣдствиѳ ли состоянія науки вообще, или ихъ логического невѣжства. Многія клинообразныя надписи прочитаны, но не объяснены, то-есть, анализъ ихъ сдѣланъ, но синтетической работы еще нѣтъ, оттого, что не знаютъ, что значать

слова. Въ науки различается разчленение факта отъ его толкованія, разъясненія. Почему же логика должна смыывать ихъ?

Не могу согласиться и съ замѣчаніем рецензента по поводу синтеза. Обобщеніе и объединеніе мыслей, приведеніе ихъ къ единству, должно быть, по нему, какъ мы выше видѣли, анализомъ; соединеніе нѣсколькихъ общихъ чертъ въ одинъ сложный образъ есть синтезъ. Почему же? потому что въ первомъ случаѣ изъ сложныхъ наблюдений выдѣляется общая всѣмъ имъ черта (общій законъ), съдовательно, производится анализъ. Г. Свѣтилинъ понимаетъ обобщеніе мыслей и приведеніе ихъ къ единству, какъ механическій процессъ. Въ частныхъ явленіяхъ законъ-де данъ, стоять его только выдѣлить какъ общую черту. Такимъ способомъ было бы легко самому обыкновенному уму доходить до всеобщихъ законовъ, между тѣмъ какъ они даются только синтетическими умами. Мне кажется, что обобщеніе, объединеніе мыслей уже потому слѣдуетъ называть синтезомъ, что именно таково значеніе термина: синтезъ; все равно какъ нельзя улицу называть домомъ, а домъ — лошадью. Иначе, въ логикѣ будетъ смышеніе языковъ. Такое словоупотребленіе соотвѣтствовало бы и вообще словоупотребленію синтеза въ науки. Историкъ объединилъ одною идеей цѣлый рядъ историческихъ явленій (напримѣръ, Гротъ въ Исторіи древней Греціи), о немъ говорять, что онъ синтезировалъ ихъ, хотя о конструированіи явленій (приводимъ г. Свѣтилинымъ видъ синтеза есть собственно конструированіе фактовъ) онъ и не думалъ. Да и какое конструированіе фактовъ возможно въ исторії? или же въ исторіи вообще невозможенъ синтезъ? Филологъ снесъ факты археологии и лѣтописей вмѣстѣ и привелъ ихъ къ единству, развѣ это не синтезъ, а анализъ? Иль многихъ отрывочныхъ фактовъ онъ воспроизвелъ цѣлую картину (связь къ единству, въ одно цѣлое разрозненные свѣдѣнія), — развѣ онъ не синтезировалъ ихъ? Наконецъ, художникъ вывелъ общий результатъ изъ наблюдений жизни и представилъ ихъ въ одной художественной копированной картинѣ: развѣ онъ дѣйствовалъ синтетически?

Не уяснивъ себѣ моего основнаго взгляда на анализъ и синтезъ, г. Свѣтилинъ запутался, когда ему пришлось ознакомиться съ прямыми, прогрессивными и регрессивными, анализомъ и синтезомъ. Этому ли смущенію или чому другому, не знаемъ, слѣдуетъ приписать то, что онъ начинаетъ свои замѣчанія болѣшою неточностью въ передачѣ моей мысли. Онъ представляетъ дѣло такъ, будто бы я самымъ неопределѣннымъ образомъ указываю, что *въ иныхъ случаяхъ*

требуется анализъ прямой, иногда регрессивный, иногда же прогрессивный; самъ подставивъ неопределенные выражения (иногда, въ иныхъ случаяхъ), при каждомъ случаѣ г. критикъ спрашивается: когда же? Внимательно прочитавъ относящіяся сюда страницы, онъ увидѣлъ бы, когда, по моему мнѣнію, употребляется каждый изъ этихъ пріемовъ. Слѣдующее мое замѣчаніе, что „движение мысли въ этомъ аналитическомъ пріемѣ (прямомъ анализѣ) подобно тому, какое развивается при классификаціяхъ и дѣленіяхъ, при раздѣлительныхъ соритахъ; подобно, говоримъ, но не то же самое. Прямой анализъ есть завершеніе, полное развитіе пріема, проявлявшагося элементарно въ классификаціяхъ и раздѣлительныхъ соритахъ“ (Логика, 312)—передано критикомъ слѣдующимъ образомъ: „относительно дѣленія цѣлаю на части г. Владиславлевъ утверждаетъ, что оно проходитъ въ силлогистической формѣ дилеммы, тетралеммы и т. д., но это несправедливо, потому что дилеммы и т. д. основываются сами на дѣленіи, а не производятъ его (окт., 243).“

Г. рецензентъ не выяснилъ себѣ моего мнѣнія о различіи прогрессивного анализа отъ такого же синтеза. Въ Логикѣ (стр. 314) я замѣчаю, что они въ этомъ пункѣ близко сходятся и потому трудно рѣзко разграниチть ихъ одинъ отъ другаго, трудно, но не невозможно. Когда мы путемъ выдѣленія отдѣльныхъ выводовъ и обоснованія каждого изъ нихъ раскрываемъ положеніе, имѣя въ виду преимущественно ясность и раздѣльность мысли въ ея выводахъ, то этотъ ходъ мысли—аналитический; когда мы заняты выведеніемъ изъ положеній возможныхъ слѣдствій и имѣемъ въ виду образованіе яснаго представленія о мысли и ея слѣдствіяхъ, какъ одноза, связанныхъ цѣлою, то этотъ ходъ мысли будетъ синтетический. Говоря такъ, я имѣю въ виду, что весьма часто бываетъ нужно извѣстное положеніе прослѣдить въ его выводахъ, съ цѣлью дать себѣ ясный отчетъ въ каждомъ изъ нихъ, напримѣръ, при критикѣ какой-нибудь мысли, необходимо прослѣдить ее въ самыхъ ея послѣдствіяхъ, или при обсужденіи пользы какой-нибудь мыры прослѣдить обнаруженныя ею результаты. Часто бываетъ нужно просто установить фактъ, что извѣстное положеніе даетъ такіе-то выводы; въ такомъ случаѣ уено требуется прогрессивный или поступательный анализъ. Иногда же мы имѣемъ въ виду показать, что извѣстныя возможныя заключенія составляютъ одно логическое цѣлое съ положеніемъ, какъ ихъ основаніемъ, напримѣръ, какъ противники материализма синтетически выводятъ изъ принципа его отрицательные выводы относительно ре-

лигії, іравственности, или индуктивных обобщений распространяются на новые частные случаи тѣмъ путемъ, что мы синтетически сводимъ послѣднія къ первымъ, какъ ихъ основаніямъ. Г. Свѣтилинъ нашелъ тутъ сбивчивость въ пониманіи анализа и синтеза, ибо въ томъ и другомъ есть-де переходъ отъ основаній къ слѣдствіямъ, въ обоихъ прогрессивныхъ ихъ видахъ одинаково слѣдствіе рассматривается въ связи съ основаніемъ и, следовательно, нельзя считать это обстоятельство отличительной чертою только одного синтеза. Выше я словно привелъ свое опредѣленіе прогрессивного синтеза и читатель могъ видѣть, что такого выраженія нѣть у меня въ книгѣ И я, какъ и критикъ, могу вообще утверждать, что въ обоихъ приемахъ мысль рассматривается въ связи съ основаніемъ, но только въ одноть изъ нихъ мы идемъ отъ основанія къ слѣдствію, чтобы показать раздѣльность и логическую обособленность каждого вывода (въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда они запутаны), въ другомъ—тѣмъ же путемъ конструируемъ ихъ, съ цѣлью связать ихъ съ основаніемъ въ одно умственное цѣлое.

Критикъ нашелъ сбивчивость въ опредѣленіи регрессивного вида анализа и синтеза, потому-де, что оба они основаны на одной логическомъ процессѣ; различие между ними должно основываться на томъ, что дѣлается за нимъ и на основаніи его: именно, найденные основанія или подвергаются, каждое порознь, разбору, критической оцѣнкѣ, или же ставятся въ связь, рассматриваются въ томъ взаимоотношенинъ, въ какомъ они порождаютъ данную мысль (окт., 246). Но первое дѣйствіе будетъ, основанная на анализѣ, критика, которую слѣдуетъ отличать отъ анализа собственно, ибо она основывается на послѣднемъ, а не на оборотъ; второе дѣйствіе будетъ синтезъ, и именно регрессивный, потому что онъ не прямо имѣть дѣло съ даннымъ положеніемъ, а восходить къ его основаніямъ. Вообще, разсмотрѣть приведенные мною примѣры, г. Свѣтилинъ пришелъ къ заключенію, что есть основанія для различенія четырехъ приемовъ: простаго синтеза и анализа, затѣмъ регрессивного анализа и прогрессивного синтеза. Значить, онъ отвергаетъ прогрессивный анализъ и регрессивный синтезъ. Выходитъ по нему, что анализировать мысль можно только въ ея основаніяхъ, а не въ слѣдствіяхъ, и съ даннымъ положеніемъ синтезировать можно только слѣдствія его, а не основанія. Мне казалось бы, что послѣдовательность требовала бы отъ автора признанія только простаго синтеза и такого же анализа, а лишь только онъ допустилъ регрессивный анализъ и прогрессивный синтезъ, то

долженъ допустить и два другихъ приема, имъ забракованныхъ. Критикъ обходится теперь безъ нихъ потому, что регрессивные анализъ и синтезъ соединяется въ одинъ приемъ и то же дѣлаетъ съ прогрессивными. Но въ этомъ - то пункте мы и не можемъ согласиться съ нимъ. Аналитически разбирать основанія и синтетически ихъ изобрѣтать, находить, — не однѣ и тѣ же умственные дѣйствія, равно какъ разбирать слѣдствія, вытекающія изъ положенія, и синтетически прозорливо предвидѣть возможныя, не лежащи на поверхности дѣйствительности послѣдствія факта, принципа, — тоже не одни и тѣ же умственные акты.

VIII.

Перейду къ послѣднему ряду замѣчаній, сдѣланыхъ г. Свѣтилинымъ на мое изложеніе теоріи доказательствъ. Здѣсь замѣчательно прежде всего то, что не взирая на мою оговорку, сдѣланную въ книгѣ (Лог. 325), что я не намѣренъ въ логикѣ отыскивать послѣдній критерій всякаго познанія, всякой достовѣрности его, г. Свѣтилинъ всѣ свои возраженія на главу объ основаніяхъ въ доказательствахъ построилъ на томъ, зачѣмъ я не занялся такимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ безъ него всѣ указанныя основанія доказательствъ не заслуживаютъ этого названія. Но или мой критикъ не сознаетъ всей важности такого изслѣдованія, или онъ говоритъ только различая на непониманіе читателя. Есть цѣлая наука, называемая теоріей познанія, которая собственно этимъ вопросомъ и занимается, и было бы съ моей стороны столько же неумѣстно поднимать всю ее на ноги, сколько и бесполезно: что служить основаніями въ доказательствахъ — вотъ вопросъ, поставленный мною въ Логикѣ. Очевидно, я могъ взяться за практическое рѣшеніе его, разобрать, что въ обыкновенномъ, научномъ и практическомъ, мышленіи служить послѣдними основаніями доказательствъ? Такихъ основаній указано мною три вида; 1) основы фактическія, опирающіяся на свидѣтельствѣ вѣщнихъ чувствъ и на наблюденія другихъ, 2) аксиомы, какъ недоказываемыя положенія, вытекающія изъ законовъ мышленія, и 3) условно достовѣрныя истины, или общепризнанные принципы, которые составляютъ основные элементы образованія извѣстнаго времени. Слѣдовало ли изъ углубить изслѣдованія основаній еще далѣѣ? Не думаю, потому что въ концѣ концовъ мнѣ пришлось бы представить предъ читателя съ какимъ нибудь постулатомъ, или даже догматическимъ утвержденіемъ, взятымъ изъ готовой теоріи познанія.

Странно видѣть, какъ г. Свѣтилинъ замѣчаетъ по поводу первого рода основанийъ, чисто фактическихъ, что для него не ясно, чѣмъ такое фактъ (на этотъ разъ онъ забываетъ, что я тутъ же указалъ, что подъ нимъ разумѣю свидѣтельство виѣшнихъ чувствъ и наблюденія другихъ), что фактъ есть галлюцинація; онъ противопоставляетъ фактамъ виѣшнимъ факты сознанія (какъ будто г. Свѣтилинъ помимо сознанія можетъ знать что-нибудь о виѣшнихъ фактахъ), и утверждаетъ, что первымъ только можно приспать непосредственную очевидность; наконецъ, онъ заявляетъ, что фактъ, то-есть, свидѣтельство своего сознанія, еще нужно доказывать и вотъ поэтому-то нужно было мнѣ представить теорію доказательства фактъ! Представляемъ г. Свѣтилину доказывать достовѣрность свидѣтельства собственного сознанія; мы полагаемъ, что читатель нашей Логики, ознакомившись съ происхожденіемъ представлений, понатій, суждений, съ теоріей индукціи, уже знаетъ, чѣмъ мы разумѣли подъ фактическими основами доказательства.

Взыскательность критика возрастаетъ, когда онъ переходитъ къ другому роду оснований доказательствъ, къ аксиомамъ¹⁾). Его не удовлетворяетъ ни признакъ всеобщности ни признакъ непосредственной очевидности. Судя по „Учебнику Логики“, г. Свѣтилинъ стоитъ за сторону эмпириковъ, предполагающихъ постепенное возвышение гипотезъ въ аксиомы, такъ что непосредственно очевидныхъ истинъ не существуетъ (Учебникъ Логики стр. 118). Различие между нами, следовательно, заключается въ томъ, что я только относительно некоторыхъ положений предполагаю постепенное ихъ поднятіе до степени достовѣрныхъ положений, и отрицаю таковое поднятіе относительно другихъ положений, напримѣръ, стоящихъ во главѣ математики, тогда какъ г. Свѣтилинъ стоитъ за то, что всѣ положенія и аксиомы имѣютъ опытное происхожденіе. Возраженія г. Свѣтилина замѣстованы, въ сущности, изъ арсенала Милля, но только мѣй критикъ идетъ даже далѣѣ эмпириковъ, и впадаетъ въ чистѣйший скептицизмъ. Онъ отрицаетъ всеобщій характеръ аксиомъ, потому что мы не можемъ знать убѣжденія всѣхъ людей, которые жили или будутъ жить послѣ насъ, следовательно, отрицаетъ возможность обще-

¹⁾ Въ Логикѣ (стр. 328—329) я указываю признаки, по которымъ должно отличить кажущуюся аксиому отъ действительной. Критикъ, занятый мыслью о законѣ достаточнаго основания, замѣчаетъ по этому случаю: следовательно, аксиомы доказываются. Но вѣдь признакъ не есть доказательство?

обязательныхъ истинъ вообще. Общеобязательность аксиомъ, какъ это мы утверждали въ своей Логикѣ, основывается на единствѣ законовъ мышленія у всѣхъ людей всѣхъ временъ, и такъ какъ аксиомы суть выраженія требованій закона тожества, то всеобщность аксиомъ означала всеобщность признания требованій этого закона. Скажетъ ли г. Свѣтилинъ, что такъ какъ убѣженія людей, жившихъ прежде, намъ неизвѣстны, то можетъ быть ими не сознавалась обязательность закона тожества? Равнымъ образомъ, безусловная справедливость аксиомъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ есть также вѣрный признакъ (не доказательство, какъ вездѣ вместо признака подставляетъ г. Свѣтилинъ) аксиомы: ибо между тѣмъ какъ условныи истины въ нѣкоторыхъ возможныхъ случаяхъ сейчасъ же представляются не имѣющими силы, нельзя представить себѣ случая, когда бы аксиомы не были достовѣрны. Въ поясніе аксиомы этотъ признакъ входитъ и потому-то прежде тѣмъ называть какое-нибудь положеніе аксиомою, мы должны разсмотрѣть, представляются ли возможными случаи, когда бы это положеніе могло оказаться не вѣрнымъ. Второй признакъ аксиомы—очевидность, по автору, тоже не можетъ быть ея признакомъ, потому что есть-де очевидность субъективна. Это возраженіе походитъ на слѣдующее: ощущеніе не можетъ вести къ знанію, потому что между ними попадаются и галлюцинаціи. Очевидность можетъ быть и субъективна, но *ultima ratio* всякаго мышленія, и дискурсивного и интуитивного, основывается на очевидности. По ся огромному значенію въ знаніи, и слѣдуетъ быть осторожнымъ при называніи положеній очевидными. Вспомогательнымъ критеріемъ здѣсь можетъ служить, указанная мною въ Логикѣ, невозможность ни въ какихъ случаяхъ чего-либо противоположнаго аксиомѣ, то-есть, собственно невозможность для нашего ума представить что-либо противоположное аксиомѣ. Этотъ критерій въ концѣ концовъ основывается на томъ, что невозможное логически невозможно и въ дѣйствительности. Г. Свѣтилину этого мало: для него вопросъ тутъ не въ томъ, допускаетъ или не допускаетъ аксиома *возможности исключений*, но въ томъ, какъ узнать, что данное положеніе *дѣйствительно* не допускаетъ исключений.

Наконецъ, и относительно третьаго рода не доказываемыхъ истинъ—принциповъ практической дѣятельности — оказывается подобная же принципиальная разность между критикомъ и мною. Я считаю ихъ не доказываемыми въ томъ смыслѣ, что святость и обязательность ихъ непосредственно сознаются разумомъ, и потому они для насъ суть

всебоціе и очевидные постулаты. Не думаетъ ли критикъ, заодно съ утилитаристами, что святость и общеобязательность нравственныхъ принциповъ можетъ быть выведена изъ опыта?

Замѣчанія критика на изложенную мною въ Логикѣ теорію доказательствъ въ сущности повторяютъ сказанное мною же объ относительной силѣ доказательствъ, напримѣръ, если я говорю, что такое-то доказательство трудно ведется или требуетъ дополнительныхъ доказательствъ, критикъ обращаетъ моя слова противъ меня и выводить заключеніе, что, значитъ, такое доказательство никуда не годится.

Такъ какъ въторой регрессивный доказательства идутъ отъ слѣдствія къ основанію, то г. Свѣтилинъ, ограничивая виды условнаго сyllogизма только двумя, послѣдовательно долженъ быть отрицать и доказательства, построенные на двухъ другихъ, забракованыхъ имъ. Но повидимому, изъ того факта, что на послѣднихъ возможно обосновать вполнѣ состоятельные пріемы доказательствъ, онъ долженъ былъ бы убѣдиться, что нѣтъ серьезного основанія отвергать указанные подіи условнаго умозаключенія. Конечно, правда, что доказательства, на нихъ основанныя, я считаю гораздо слабѣе по убѣдительности, чѣмъ другія доказательства, но невѣрно критикъ утверждаетъ, будто бы я считаю ихъ несостоятельными (окт. 251); съ какой бы стати я помѣстилъ ихъ въ рядъ доказательныхъ прѣмовъ, еслибы не считалъ ихъ таковыми? Умъ можетъ быть введенъ въ обманъ не по нимъ только, но и по всякому другому состоятельному пріему доказательства. Напримеръ, посредствомъ втораго регрессивного доказательства мы исходимъ отъ доказываемаго положенія къ фактамъ, какъ и къ логическимъ слѣдствіямъ, и состоятельности послѣднихъ утверждаемъ первое. Такъ предприниматель желѣзной дороги, желая отстоять проектируемое направление, доказываетъ его пользу, которую будетъ приносить дорога, принявъ такое, а не другое направление; утилитаристы доказываютъ по этому пріему обязательность нравственныхъ правилъ, указывая на личныя выгоды для лица, исполняющаго нравственные требования. Противъ этого пріема доказательства критикъ возражаетъ, что мало указать выгодныя и невыгодныя стороны проекта, нужно доказать, что выгоды соединены только съ извѣстною вещью и не могутъ быть достигнуты другою. Но указываемое критикомъ вспомогательное доказательство требуется собственно для выбора между многими проектами одного, напримѣръ, когда между многими возможными направленими требуется избрать какое-нибудь одно; для доказательства же состоя-

тельности проекта такого доказательства и не требуется. Онъ остается доказаннымъ самъ по себѣ, если будуть указаны его выгоды и отсутствие важного вреда для какихъ-либо уважительныхъ интересовъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ приемъ, хотя и не особенной силы, можетъ быть употребляемъ съ извѣстными предосторожностями; онъ, дѣйствительно, постоянно въ ходу въ практической жизни и, какъ показываетъ примѣръ утилитаристовъ, даже не рѣдокъ и въ научномъ мышленіи. Это прямо доказываетъ состоятельность приема, а вмѣстѣ съ тѣмъ и забракованнаго *modi* условнаго силлогизма.

Во второмъ регрессивномъ доказательствѣ мы восходимъ отъ фактovъ, какъ слѣдствій, къ доказываемому положенію, какъ основанію. По поводу его я замѣчу, что при немъ требуется дополнительное доказательство, что доказываемое положеніе есть не только возможное, но и единственно удовлетворительное объясненіе фактovъ. Критикъ утверждаетъ, что, по собственному моему признанію, это доказательство не состоятельно. Но какъ же такое несостоятельное доказательство было употреблено даже Кантомъ, въ его телесологическомъ доказательствѣ бытія Божія; да и натуралисты, филологи и философы постоянно доказываютъ свои положенія тѣмъ способомъ, что въ виду такихъ-то и такихъ-то фактovъ слѣдуетъ держаться извѣстнаго положенія. Гартманъ въ своей книгѣ почти исключительно держится этого доказательства.

Въ первомъ регрессивномъ непрямомъ доказательствѣ, отъ положенія противоположнаго доказываемому мы восходимъ къ основанію его, и вѣрѣстю основанія доказываемъ нелѣпость противорѣчашей намъ мысли и слѣдовательно, состоятельность доказываемаго. Это есть одинъ изъ приемовъ *deductio ad absurdum*. И тутъ опять является у критика иное мое утвержденіе, будто бы я признаю этотъ приемъ несостоятельнымъ. Я говорю только, что и здѣсь нужно дополнительное доказательство, что противоположная нашему положенію мысль основывается именно на томъ нелѣпомъ основаніи, которое мы приводимъ: ибо если оно можетъ основываться на другомъ, не нелѣпомъ, то доказательство теряетъ всю свою силу. Это мое замѣчаніе г. Свѣтилинъ въ той же самой формѣ обращаетъ противъ меня. „Если доказано, что кто-либо, высказывая извѣстную мысль, выходитъ изъ ложнаго основанія, то этимъ еще не доказана ложность означенной мысли. Нужно кромѣ этого указать, что эта мысль не можетъ следовать ни изъ какою другою основанія, кроме тою, на

которомъ она обоснована на ототъ разъ". Я не только не признаю этого приема несостоятельнымъ, но нахожу его даже очень сильнымъ: не даромъ Кантъ употребилъ его въ своей третьей антиноміи.

Читатель, прошедший со мной всѣ возраженія, сдѣланныя г. Свѣтилинымъ на мою книгу, можетъ теперь видѣть, въ какой мѣрѣ онъ отнесся къ ней безпредвзятно. Я не обладаю столь чувствительнымъ самолюбіемъ, чтобы всякое указаніе на дѣйствительный промахъ съ моей стороны призывать оскорблениемъ себѣ, и чтобы, вопреки истинѣ, отстаивать ошибку, прикрывая ее софизмами. Но совсѣмъ другое дѣло, когда въ критикѣ замѣчаешь стремление представить въ нѣлькомъ видѣ мысли оцѣниваемой книги, когда для этой цѣли дѣлаются умолчанія, неточности въ изложеніи, или подчеркиванія того, что въ текстѣ имѣетъ совсѣмъ второстепенное значеніе. Я допускаю, и самъ хорошо знаю, что есть нѣкоторые промахи въ моемъ труда; многое могло бы быть сказано точнѣе; систематизація могла бы быть улучшена; нѣкоторые взгляды могли бы быть проведены рѣшительнѣе. Безпредвзятной критики я усердно желаю, но не могу не со- жалѣть, что г. рецензентъ предпочелъ только примѣрить мой трудъ къ готовой своей программѣ и не постарался вникнуть въ кругъ мыслей автора, хотя и не совсѣмъ сроднаго ему по убѣжденіямъ.

М. Владиславлевъ.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ПЕРВЫХЪ УРОКОВЪ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

Въ системѣ гимназического образованія произведены въ 1871 году значительныя измѣненія и дополненія. Греческій языкъ, между промежъ, бывшій до того времени достояніемъ только немногихъ гимназій, съ 187¹/₂ учебнаго года получилъ, такъ сказать, право гражданства во всѣхъ гимназіяхъ. Необходимо теперь нашимъ преподавателямъ этого предмета обратить свое вниманіе на тѣ средства, которыя имѣются у нихъ подъ руками, и посмотрѣть, достаточно ли этихъ средствъ для успѣшнаго достижениія цѣли. До сихъ поръ сами мы сдѣлали для греческаго языка весьма мало: кроме немногихъ учебныхъ монографій, писанныхъ болѣею частію съ специальными цѣлами, нѣтъ почти ничего самостоительно выработаннаго. Въ самомъ преподаваніи предмета, при ограниченномъ количествѣ гимназій съ двумя древними языками до 1871 г., далеко не было опредѣлено еще надлежащей системы и метода: преподаватели или руководствовались старинными традиціями, передаваемыми отъ одного къ другому, или пережевывали чужое, мало приспособляясь къ той почвѣ, на которой работали. Наши учебники и пособія по греческому языку составляли, если можно такъ выражиться, сколокъ съ таковыхъ же учебниковъ нѣмецкихъ: преподавателямъ самимъ предстоило (да предстоитъ и теперь) прилагать учебники и пособія къ русской почвѣ. До 1871 года, когда мало было гимназій, гдѣ преподавался греческій языкъ, не было обращено надлежащаго вниманія на разработку учебниковъ по этому предмету и приспособленіе ихъ къ нашимъ школамъ, и успѣхъ или неуспѣхъ учениковъ много зависѣлъ исключительно отъ личности преподавателя. Да и то сказать, изъ чего было биться преподавателямъ, когда греческій языкъ висѣлъ въ нашихъ гимназіяхъ

почти на волоскѣ, когда наше общество, по своей близорукости или изъ мелкихъ разчетовъ, не хотѣло или не умѣло понять всей важности этого предмета. Наши гимназіи не имѣли учебниковъ и пособій по греческому языку, хорошо обработанныхъ для учащагося юношества, а пользовались, какъ манной съ неба, тѣмъ, что вырабатывалось западно-европейскою наукой. О семинарияхъ и говорить нечего: хотя тамъ не-прерывно шло преподаваніе греческаго языка, но, по изолированному положенію семинарій, туда не проникало даже и то, чѣмъ пользовались гимназіи; преподаватели, если не всѣ, то большая часть, вели дѣло по издавна установленной программѣ, не внося въ предметъ ничего новаго. Мудрено ли, что преподаваніе греческаго языка въ семинарияхъ къ концу 60-хъ годовъ до того упало, что явилась настоятельная потребность, устранивъ причины, тормозившія дѣло, ввести преподаваніе на новыхъ началахъ и въ иномъ видѣ.

Самый распространенный въ настоящее время учебникъ по греческому языку — греческая грамматика Р. Кюнера¹). Считая неумѣстнымъ говорить о достоинствахъ и недостаткахъ этой книги, мы должны признаться, что она недостаточно еще приспособлена къ нашимъ школамъ. Учебникъ Кюнера — учебникъ переводный, возникшій на нѣмецкой почвѣ; чтобы сдѣлать его полезнымъ для нашихъ школъ, нужно проводить въ преподаваніи строгую параллель между этимологіей и синтаксисомъ греческаго языка и нашего отечественнаго. Затѣмъ, нужно располагать и преподавать материалъ такъ, чтобы учащіеся въ состояніи были усвоить преподаваемое сообразно со способностями и развитіемъ класса (извѣстно, что съ каждымъ курсомъ составъ и общий уровень способностей и развитія класса мѣняется; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должна мѣняться и метода преподаванія), и чтобы по мѣрѣ приобрѣтенія учащимися познаній развивалась бы въ нихъ любовь къ предмету и возбуждался интерес къ занятіямъ. Словомъ, для учителя открывается обширное поле приложить къ дѣлу свои педагогическія и дидактическія способности; притомъ, каждый изъ насъ долженъ сознавать, что ие смотря на громадныя услуги западныхъ ученыхъ и педагоговъ по разработкѣ древне-греческаго міра, предметъ нашъ далеко не на столько исчерпанъ, чтобы намъ оставалось только пользоваться ихъ трудами и пересаживать на русскую почву то, что выработано и вы-

¹). Отзывъ о ней см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* мартъ 1867. Наша учебная литература, стр. 740—779.

работывается западно-европейскою наукою; напротивъ, намъ самимъ предстоитъ еще много самостоятельной работы, какъ въ области дидактики предмета, такъ и въ области греческой литературы, при томъ наша связь съ греческимъ міромъ гораздо тѣснѣе и намъ ближе изслѣдовать предметъ въ его источникѣ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣремъ показать, какимъ образомъ можно облегчить ученикамъ первоначальное изученіе греческаго языка. Но прежде нежели перейдемъ къ дѣлу,бросимъ бѣглый взглядъ на то, въ какія условія поставлено первоначальное изученіе этого предмета въ нашихъ гимназіяхъ. Преподаваніе греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ начинается гораздо позже, чѣмъ преподаваніе другихъ языковъ, входящихъ въ учебный гимназический курсъ, именно съ III-го класса. Слѣдовательно, прежде изученія греческаго языка, ученики уже знакомятся съ теоріею языка вообще и съ нѣкоторыми особенностями каждого изъ нихъ порознь, а это даетъ имъ значительную подготовку къ изученію другихъ языковъ. Особенно важную услугу оказываетъ при этомъ латинскій языкъ, ибо никакой другой не имѣть столь много общаго съ греческимъ языккомъ; греческий языкъ и литература были постоянно предметомъ изученія въ римскихъ школахъ; въ латинскій языкъ съ давнаго времени вошло много словъ греческихъ, которымъ было усвоено опредѣленное правоисписаніе; самое произношеніе, наконецъ, нѣкоторыхъ греческихъ звуковъ можетъ быть опредѣлено точнѣе при посредствѣ звуковъ латинскаго алфавита, потому что другихъ данныхъ касательно этого произношенія, вслѣдствіе отдаленности отъ насъ древнегреческаго міра, мы имѣемъ весьма мало. Затѣмъ нашъ церковно-славянскій языкъ, а чрезъ него и русскій, даетъ не послѣднюю помощь для изученія греческаго языка. Начертаніе греческихъ звуковъ есть прототипъ для начертанія звуковъ церковно-славянскаго и русскаго языковъ; въ синтаксисѣ церковно-славянскаго языка, какъ извѣстно, вошло не мало оборотовъ греческихъ, которые, однакоже, и русскій языкъ давно привыкъ считать своими; не мало такихъ явлений въ русскомъ языкѣ, которыя могутъ быть поставлены въ параллель съ явлениями греческаго языка, напримѣръ, формы греческаго повелительного и неопределеннаго наклоненій и причастія, различающіяся въ учебникахъ по временамъ, вполнѣ могутъ быть сопоставлены съ таковыми же формами въ русскомъ языкѣ, различающимися по видамъ: *ο γράφω* = пишущій и писавшій; *ο γράφεις* = написавшій и проч. И новые языки иногда представляютъ случаи полнаго соответствія съ греческимъ

языкомъ. Такимъ образомъ преподаватель съ пользою для дѣла можетъ сопоставить явленія греческаго языка съ таковыми же явленіями въ языкахъ русскомъ, латинскомъ и иногда въ какомъ-нибудь изъ новоевропейскихъ.

Есть еще одно средство, которымъ можетъ быть облегчено изученіе греческаго языка, это—соединеніе преподаванія древнихъ языковъ, особенно въ самоть началь, въ одномъ лицѣ. По Высочайше утвержденіемъ 19-го июня 1871 года измѣненіямъ и дополненіямъ къ уставу гимназий и прогимназій 1864 года (§ 56) „каждый преподаватель, по представлению директора гимназіи или инспектора прогимназіи, основанному на опредѣленіи педагогического совѣта, можетъ, съ разрѣшения попечителя округа, давать уроки и по нѣсколькимъ различнымъ предметамъ, буде имѣть право на ихъ преподаваніе“. „Этимъ путемъ“ говорится въ объяснительной запискѣ къ этому § (стр. 56—57), „вносится большее единство въ преподаваніе различныхъ предметовъ, такъ что изученіе одного изъ нихъ можетъ въ значительной степени содѣйствовать и облегчать изученіе другихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устрашаются различные повторенія, влекущія за собою потерю времени, и что еще важнѣе, устраняются разногласія и противорѣчія (например, въ опредѣленіи граматическихъ терминовъ учителями разныхъ языковъ), и этотъ же порядокъ можетъ въ значительной степени устранить вредныя послѣдствія, проистекающія отъ неизмѣннаго преподавателей для тѣхъ или другихъ предметовъ. Наконецъ, осуществленіе этой мѣры весьма желательно въ видахъ оживленія преподаванія, которое несомнѣнно должно произойти отъ разнообразія дѣятельности преподавателей“. Изъ высказанного нами выше взгляда на отношеніе латинскаго языка къ греческому, уже само собою слѣдуетъ, какъ полезно было бы соединять преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ въ III и даже въ IV классѣ гимназіи въ одномъ лицѣ. Къ сожалѣнію, эта полезная мѣра не можетъ осуществиться въ каждой гимназіи, но для установленія возможнаго единства въ преподаваніи различныхъ языковъ дѣлаются уже надлежащія распоряженія. Преподаватели языковъ каждой гимназіи, напримѣръ, Казанскаго учебнаго округа, составляютъ себѣ для руководства и представляютъ на утвержденіе окружнаго начальника общую граматическую терминологію, и можно надѣяться, что со временемъ выработается граматическая терминологія для руководства преподавателями языковъ всѣхъ гимназій округа. Такимъ образомъ, предварительное знакомство учениковъ съ граматикой языка вообще, соединеніе преподаванія древ-

НИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ОДНОМЪ ЛИЦЪ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОГА ЕДИНСТВА ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ, ВХОДЯЩИХЪ ВЪ УЧЕБНЫЙ ГИМНАЗИЧЕСКІЙ КУРСЪ—ВОТЪ СРЕДСТВА, БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМЪ ОБЛЕГЧАЕТСЯ УЧЕНИКЪМЪ ТРУДНОСТЬ ИЗУЧЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

Сообразяясь съ высказаннымъ нами взглядомъ на преподаваніе греческаго языка, прослѣдимъ первыи уроки по учебнику Кюнера; при этомъ намъ нужно напередъ оговориться, что мы не имѣемъ въ виду строго разграничивать материалъ по часамъ классныхъ занятій; послѣднее обусловливается какъ личною опытностію преподавателя, такъ и составомъ класса; мы намѣрены показать только, какъ и въ какомъ порядке, по нашему мнѣнію, удобнѣе было бы вести первыи уроки греческаго языка. Изученіе языка начинается обыкновенно съ изученія основныхъ его элементовъ—звуковъ. Мы не будемъ вдаваться въ разсужденія относительно того, какое чтеніе вѣрнѣе—эразмово или ново-греческое; въ практическомъ отношеніи считается удобнѣе чтеніе по Эразму, оно и употребляется въ гимназіяхъ и только въ старшихъ классахъ сообщается ученикамъ чтеніе по новогреческому произношенію. Не отвергая достоинства эразмова чтенія, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что оно въ практическомъ отношеніи для насъ русскихъ представляетъ нѣкоторыя неудобства. Дѣло въ томъ, что въ нашъ языкъ вошло много словъ греческихъ: однѣ изъ нихъ пришли къ намъ съ запада и произносятся по Эразму, другія—непосредственно отъ Грековъ и усвоили себѣ ново-греческое произношеніе. Послѣднихъ словъ гораздо больше, особенно много собственныхъ имёнъ и церковныхъ терминовъ, поэтому намъ Русскимъ кажется непривычнымъ произношеніе словъ, напримѣръ, ἀλφѣтта какъ альфабетъ, Ἀѳѣна какъ Аѳена, βарбаросъ какъ барбаросъ, βазилеусъ какъ базилеусъ и др. Средины, примиряющей оба чтенія, нѣть, такъ какъ основанія для того и другаго различны. Лучшіе ученики сами подмѣчаютъ это явленіе и (какъ намъ случалось испытать) предлагаютъ вопросы въ такомъ родѣ: отчего мы греческія слова ἀлфѣтта произносимъ альфабетъ, а переводимъ алфавитъ, Ἀѳѣна: произносимъ Аѳенъ, а переводимъ Аѳина, βарбаросъ: произносимъ барбара, а переводимъ варваръ?

Какъ въ греческомъ, такъ и въ латинскомъ языке 24 звука, потому что j, считаемый въ латинскихъ учебникахъ отдѣльнымъ звукомъ отъ i, лучше считать только видоизмененiemъ i въ согласный элементъ j; въ новѣйшихъ лучшихъ изданіяхъ употребляется i вместо j, то-есть, пишется, напримѣръ, iam, а не iam, iambus, a

не *jambus*, Troia, а не Troja и проч. Изъ гласныхъ звуковъ выдѣляемъ сначала два короткихъ (*breves i. e. litterae*) ε и ο, употребляя при этомъ греческія названія, и затѣмъ два долгіе (*longae*) τ и φ и говоримъ, что послѣдніе два гласные звука суть тѣ же, что и первые, только удлиненные (что видно и изъ начертанія φ, гдѣ сливаются какъ будто два ο); первые два соответствуютъ латинскимъ ё и о, а послѣдніе — ё и б. Представимъ это въ слѣдующей схемѣ:

$$\begin{array}{ll} \epsilon, \circ = \text{ё} & \circ \\ \eta, \omega = \text{ё} \text{ } \bar{\text{o}}, \text{ или: } \circ, \omega = \text{o}, \text{ } \bar{\text{o}} & \end{array}$$

Остаются гласные, произносимые кратко и протяжно (*ancipites*), это — α, ι, υ, соответствующіе латинскому ю, или а, и, или і и ў, или у. Слѣдуетъ здѣсь напомнить ученикамъ, что латинское у есть буква греческаго алфавита и употребляется только въ словахъ греческихъ для замѣны греческаго ω. Гласные звуки ε, ο, α, υ въ соединеніи съ звукомъ ι образуютъ двойные гласные (*diphthongi*), произносимые, какъ одинъ слогъ, такъ:

α + ι или αι произносимъ какъ русское ай

ε + ι ει эй

ο + ι οι ой

υ + ι „ υι „ юй, или, вѣриѣ, какъ французское иу. Звуки τ и φ въ соединеніи съ ι тоже образуютъ двугласные, но только ι здѣсь подписывается подъ τ и φ и не слышится въ произношеніи (*iota subscriptum*); сюда относится еще ю и всѣ эти три звука съ подписаннымъ ι составляютъ двугласные несобственные φ, η, ψ = лат. ю, ё, б.

Гласные α, ε, ο, η и ω въ соединеніи съ υ образуютъ новые двугласные

α + υ или αυ произносимое какъ латинское аи

ε + υ ευ (ηυ) εи

ο + υ ου (ωυ) и

Мы не считаемъ нужнымъ предлагать ученикамъ строго логического дѣленія согласныхъ звуковъ (да едва ли и можно допустить это), а беремъ употребительное въ учебникахъ и признанное полезнымъ въ практическомъ отношеніи дѣленіе по органамъ произношенія или по различию другой рѣчи на

гортанные (gutturales)	{	χ	соответствующіе латинскимъ	} с (предъ а, о, у).
		γ		
		χ		

язычные (linguaes)	τ	соответствующие латинскимъ	t
	δ		d
	θ		th
и губные (labiales)	π		p
	β		b
	φ		ph

Если теперь мы будемъ всѣ эти звуки рассматривать со стороны того, на сколько органы принимаютъ участія въ ихъ произношениі, то получимъ:

средніе: β	тонкіе: π	придыхательные: φ
(mediae) γ (tenues) x (aspiratae)		χ
δ	τ и	θ

Всѣ эти девять звуковъ называются нѣмыми (mutae), потому что они не требуютъ отъ органовъ большаго напряженія при произношениі. Остаются еще восемь, изъ которыхъ λ , μ , ν , ρ соответствующіе лат. l, m, n, и r или $r\hbar$ называются плавными (liquidae), σ или s называется свистящимъ (spirans). Плавные звуки и свистящій или шипящій звукъ ближе другихъ подходитъ къ гласнымъ (они называются semi-vocales), потому что для произношениія ихъ требуется болѣе сильное напряженіе органовъ; по органамъ же произношениія ρ относится къ гортаннымъ, λ , ν , ς къ язычнымъ и μ къ губнымъ. Остальные три—сложные звуки: σ или s (= лат. s) въ соединеніи съ гортанными x и (γ и χ) образуютъ сложный звукъ ξ , по произношениію соответствующій латинскому x, а изъ соединенія губныхъ π (β , φ) происходитъ сложный звукъ ψ , выражаемый по латыни чрезъ ps:

$\gamma\xi, \chi\xi, \chi\xi$	$\beta\xi, \pi\xi, \varphi\xi$
ξ	ψ

Остается еще одинъ сложный звукъ ζ , перешедшій въ латинскій языкъ въ видѣ z и состоящій изъ соединенія одной изъ язычныхъ съ s .

При объясненіи преподавателемъ звуковъ, ученики пишутъ звуки греческаго языка въ свои тетради, показывая и соответственные звуки латинскаго алфавита; это необходимо для пріобрѣтенія учениками навыка къ начертанію греческихъ звуковъ и для поддержанія ихъ вниманія къ преподаваемому. Пусть затѣмъ преподаватель спрашиваетъ учениковъ порознь (ученики отвѣчаютъ, смотря въ свои тетради), какіе греческие звуки соответствуютъ латинскимъ сложнымъ

ph, ch, th, rh или наоборот? Изъ чего состоять ε или ϕ? Затѣмъ онъ пишеть на доскѣ нѣсколько латинскихъ словъ, напримѣръ, *Athenae*, *Rugrhus*, *philosophia*, *Demosthenes* и друг., и спрашиваетъ учениковъ, не съумѣютъ ли выразить какое-нибудь изъ предложенныхъ словъ въ греческомъ правописаніи. Если не найдется охотниковъ (что, впрочемъ, сомнительно), то преподаватель самъ долженъ выяснить, какъ писать, и почему такъ, а не иначе. Дома ученики пусть пишутъ буквы въ алфавитномъ порядке, какъ строчные, такъ и прописные; можно дать еще нѣсколько греческихъ словъ въ латинскомъ правописаніи— и требовать умѣнья писать эти слова по гречески.

Давъ понятіе о гласныхъ и согласныхъ звукахъ и показавъ соотвѣтствующіе имъ въ латинскомъ языѣ, преподаватель упражняетъ учениковъ въ чтеніи греческаго текста, причемъ сообщаетъ особенности произношенія нѣкоторыхъ звуковъ въ сочетаніи съ другими звуками; вмѣстѣ съ тѣмъ повѣряетъ учениковъ, какъ они усвоили пройденное, всѣ ли умеютъ изображать въ письмѣ звуки греческаго алфавита; если это будетъ опущено на первый разъ; то исправленіе ошибки будетъ сопряжено вноскѣдствіемъ съ большими неудобствами. Пусть ученики въ каждому классу пишутъ всѣ греческіе звуки въ алфавитномъ порядке и упражняются въ чтеніи; послѣ того, что имъ извѣстно о произношеніи звуковъ, чтеніе не представить особынной трудности. При объясненіи особенностей произношенія нѣкоторыхъ звуковъ въ сочетаніи съ другими, мы рекомендовали бы приводить примѣры съ указаніемъ латинскаго правописанія греческихъ словъ; напримѣръ, на правило о произношеніи γ предъ τ, χ, ς (ξ) какъ ν — ἄγγελος (*angelus*) Ἀγχίσης (*Anchises*), δίφθογγος (*diphthongus*), φάλαγξ (*phalanx*) и др. Пусть ученики наглядно видѣтъ основаніе такого произношенія и разрѣшеніе постоянно возникающаго у нихъ въ головѣ вопроса: почему? Въ трактатѣ о приданіяхъ выдѣляются сначала звуки ρ и ν и говорится, что они, стоя въ началѣ, имѣютъ надъ собою придыханіе сильное (*spiritus asper*), выражаемое знакомъ и соотвѣтствующее латинскому придыхательному звуку h; здѣсь можно привести въ примѣръ нѣсколько словъ и заставить учениковъ разобрать ихъ въ латинскомъ и греческомъ правописаніи; слова могутъ быть въ слѣдующемъ родѣ: ραψῳδία (*rapsodia*), πέμπην, ρήτωρ (*rhetor*) риторъ, υάκινθος (*hyacinthus*) гіацинтъ, υδρός (*hydrus*), гидра, водяная змѣя и друг. Остальные затѣмъ гласные и двугласные въ началѣ всегда имѣютъ или легкое придыханіе (*spiritus levis*), выражаемое знакомъ ' или сильное ', соотвѣтствующее латинскому h; spi-

ritus levis показываетъ только, что звукъ произносится безъ сильнаго приыханія; здѣсь можно привести для примѣра нѣсколько словъ: ἀρμονіѧ (harmonia), связь ἑβδомаς (hebdomas) недѣля, ἥρως (heros) герой, Ἡσιόδος (Hesiodus) Гезіодъ, "Омуроц (Homerus) Гомеръ, аїма произносится какъ гайма, ѿпюс какъ гипносъ, напротивъ ἄγγελοс, ἀπ۰mia произносится какъ ангелось, атиміа и др. До сихъ поръ вообще мало было обращено вниманія на латинское правописаніе греческихъ имён и на объясненіе значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, или если и обращалось вниманіе, то ученикамъ приходилось работать только памятью; оттого и выходило, что они безпрерывно дѣлали тѣ же самыя ошибки.

Отъ приыханій переходимъ къ удареніямъ. Многіе ученики предлагаются вопросы такого рода, отчего греческія слова въ латинскомъ произношениі принимаютъ ударенія часто на другомъ слогѣ? Отвѣтомъ до сихъ поръ было то, что всякий народъ произносить иностранные слова по законамъ своего языка, какъ и мы, русскіе, часто передѣливаемъ иностранные слова на русскій ладъ. Теперь же, когда дѣло шло до удареній, преподавателю предстоитъ, между прочимъ, основательно выяснить ученикамъ, почему въ латинскомъ произношениі греческія слова имѣютъ удареніе иногда на другомъ слогѣ. Ударенія въ греческомъ языѣ составляютъ для учениковъ въ началѣ камень преткновенія, да и впослѣдствіи, въ продолженіе всего гимназического курса, имъ трудно будетъ одолѣть ихъ, если въ самомъ началѣ правила объ удареніяхъ не будутъ основательно выяснены преподавателемъ и одинаково основательно усвоены учениками. Мы и здѣсь, въ выясненіи основныхъ правилъ при постановкѣ удареній на греческихъ словахъ, послѣдуетъ тому же приему, то-есть, выяснимъ эти правила сравнительно съ законами произношенія греческихъ словъ въ латинскомъ языѣ. Сначала повторимъ съ учениками вкратцѣ, какіе долгіе, короткіе и обоядные греческіе звуки, скажемъ, когда короткій слогъ дѣлается долгимъ по положенію и возьмемъ знаки для удареній ' и —. Знакъ (*accentus gravis*) замѣняетъ собою знакъ ' (*accentus acutus*) на первомъ отъ конца слогѣ и притомъ только въ томъ случаѣ, когда далѣе слѣдуютъ другія слова; знакъ — *accentus circumflexus* есть какъ бы соединеніе знаковъ ' и '= \ или —. Такъ какъ *accentus gravis* есть только видоизмененіе *accentus acutus*, то рѣчь должна идти лишь о двухъ знакахъ удареній ' и —. Преподаватель предлагаетъ ученикамъ вопросъ: на какихъ слогахъ (слоги считаются отъ конца)

удареніе можетъ стоять въ латинскомъ языѣ и получивъ отъ нихъ удовлетворительный отвѣтъ, говорить, что въ греческомъ языѣ accentus acutus можетъ стоять на первомъ, второмъ и на третьемъ отъ конца слогѣ и приводить нѣсколько словъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, напримѣръ, ἀρδομάς, ἥρως, Ήσίόδος; χαλός, λόγος, ἀνθρώπος. Новый вопросъ ученикамъ: какои слогъ при постановкѣ ударенія принимается въ разчетъ въ латинскомъ языѣ? Если ученики не поймутъ такого вопроса или не съумѣютъ на него отвѣтить, преподаватель повторяетъ съ ними правила объ удареніяхъ въ латинскомъ языѣ и затѣмъ уже говоритъ, что въ греческомъ языѣ постановка ударенія зависитъ отъ количества послѣднаго слога, а не предпослѣднаго, какъ въ языѣ латинскомъ, и если послѣдній слогъ — короткій, то accentus можетъ стоять на третьемъ отъ конца слогѣ (само собою разумѣется, что — и на первомъ и на второмъ), если же послѣдній слогъ долгій, то дальнѣе втораго слога (accentus) accentus простираться не можетъ. Слово: ἀρδομάς имѣеть слѣдующее количество — — —, θησαυρός — / — — —; отчего же, спрашивается, въ латинскомъ произношениі слово hebdomas имѣеть удареніе на третьемъ, а thesaurus на второмъ отъ конца слогѣ? Слово: Θεμιστοκλῆς имѣеть — — — —, Μιλτιάδης — — — —; какъ написать и произнести эти слова по латыни? Слово: "Ομήρος имѣеть — — —, Αἴγυπτος — / — — —, ποίημα — — —; отчего всѣ эти слова въ латинскомъ произношениі, имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ? Слова: ἄγγελος имѣеть — — — βιβλιοθήκη — — — —; отчего же здѣсь и въ латинскомъ произношениі удареніе падаетъ на одинъ и тотъ же слогъ? Представимъ сказанное въ скемѣ:

- по гречески: ἀρδομάς θησαυρός Θεμιστοκλῆς Μιλτιάδης
- по латыни: hebdomas thesaurus Thēmistrokles Miltiadēs
- по гречески: "Ομήρος Αἴγυπτος ποίημα ἄγγελος
- по латыни: Homerus Aēgyptus poemā angēlus
- по гречески: βιβλιοθήκη
- по латыни: bibliothēca

Само собою разумѣется, что преподаватель можетъ выбирать греческія слова, и не перешедшія въ латинскій языкъ, для того, чтобы ученики сами выставили на нихъ удареніе съ надлежащимъ выясненіемъ основанія для такой постановки. Намъ слѣдовало бы представить нѣсколько примѣровъ, гдѣ долгій греческій слогъ въ латинскомъ языѣ, по законамъ сего послѣдняго, переходить въ короткій (гласная предъ

гласной), но такъ какъ это явленіе встрѣчается рѣдко, то едва ли думаемъ, слѣдуетъ обременять учениковъ примѣрами въ этомъ родѣ.

Другой знакъ \wedge или — называется облеченнымъ удареніемъ (*accentus circumflexus*). Такой знакъ употребляется для означенія протяжного повышенія голоса (см. граматику Кюнера, § 10, 1, с). Облеченнное удареніе ставится на одномъ изъ двухъ послѣднихъ слоговъ въ словѣ и только тогда, когда этотъ слогъ по свойству своему есть долгій, напримѣръ, тѣхос, хѣтма, тиѳмев (§ 10, 3); на второмъ отъ конца, если послѣдній слогъ по своему свойству есть короткій, хотя бы въ данномъ случаѣ и былъ долгимъ по положенію, напримѣръ, тѣхос, прѣтте, прѣс, прѣтма, хрѣтма, аѣлакѣ (род. аѣлакхос), халѣбропѣ Дѣмашвасѣ (но фѣрѣ род. фѣрахос); если послѣдній слогъ повышается въ произношеніи и если этотъ слогъ долгій, то иногда и надъ нимъ ставится облеченнное удареніе, напримѣръ, тиѳмѣ (§ 10, 6). Мы свели здѣсь всѣ правила, относящіяся къ употребленію облеченнаго ударенія, и разброясанныя въ 10-мъ § учебника Кюнера. Оставляя въ сторонѣ систему, въ которой изложенъ трактать объ удареніяхъ, мы должны замѣтить, что не всѣ ученики удовлетворяются наими правилами. Намъ приходилось разрѣшать при этомъ два вопроса: отчего облеченнное удареніе можетъ стоять только на долгомъ слогѣ? отчего только на короткомъ нибудь изъ двухъ послѣднихъ? Какъ скоро возникаютъ въ головѣ учениковъ такие вопросы и предлагаются ими преподавателю, то онъ не вправѣ уже отказаться отъ ихъ разрѣшенія. Воспроизведемъ то объясненіе, какое въ свое время дали мы ученикамъ. На первый вопросъ: если припомнить, что accentus circumflexus есть ничто иное, какъ соединеніе accentus acutus съ gravis '+' = \wedge —, иными словами—если на слогѣ съ circumflexus требуется сначала повысить, а затѣмъ понизить голосъ, то само собою слѣдуетъ, что то и другое можно сдѣлать только на слогѣ, произносимомъ протяжно, то-есть, на долгомъ. На второй вопросъ: выдѣливъ изъ circumflexus \wedge первую его составную часть acutus, — и раздѣливъ долгій слогъ на два короткихъ, мы увидимъ, что acutus будетъ стоять на 3-мъ отъ конца слогѣ, дальше которого и простираться не можетъ. Такое объясненіе и совмѣстный разборъ, согласно объясненію, вѣсколькихъ словъ съ circumflexus, вполнѣ удовлетворять любознательность учениковъ; они наглядно убѣдятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что самостоятельное удареніе есть acutus, а gravis и circumflexus суть только видоизмѣненія первого.

Кромѣ упражненія въ чтеніи и предлагаемыхъ правилъ ученики

начинают заучивать греческія слова; при этомъ учителю необходимо имѣть въ виду, чтобы слова, бывъ годны на предложенные правила, вмѣстѣ съ тѣмъ служили материаломъ для упражненій въ переводѣ; такого рода упражненія должны уже начаться черезъ два-три класса, потому что заучиваніе вокабуль безъ примѣненія ихъ сейчасъ же на практикѣ, какъ дѣло одной памяти, непрочно и ведеть только къ обремененію учащихся, лишая ихъ возможности работать мыслѣю. Поэтому, какъ скоро ученики хорошо будутъ ознакомлены съ главными правилами обѣ удареніяхъ, имъ можно дать нѣкоторыя глагольныя формы; при этомъ все прошедшее повторяется учениками къ каждому классу и кромѣ того, прибавляется по нѣсколько глаголовъ и 1-е склоненіе существительныхъ на *α* (rigum) и на *η*. Съ новыми уроками практическое приложеніе материала постоянно будетъ расширяться. Формы глагола *εἰμί* можно дать нѣсколько позже, потому что съ ними соединяется трактатъ о словахъ энклитическихъ.

Ученіе обѣ энклитическихъ и проклитическихъ словахъ составляетъ трудную часть греческой грамматики, такъ какъ здѣсь учащимся приходится работать только памятью. Между тѣмъ, есть полная возможность и здѣсь заинтересовать учениковъ и облегчить имъ трудъ: стоять только разсматривать проклитики и энклитики въ связи съ подобнымъ же явленіемъ въ русскомъ и латинскомъ языкахъ, сколько возможно обобщить предложенные въ учебникѣ правила и короче и нагляднѣе наложить ихъ ученикамъ.

„Procliticae или atona называются нѣкоторыя односложные слова: въ связи рѣчи они такъ тѣсно примыкаютъ къ слѣдующему за ними слову, что какъ бы сливаются съ нимъ и потому теряютъ свое удареніе“ (§ 13); само собой отсюда слѣдуетъ, что атона часто удерживаетъ удареніе, когда впереди ихъ нѣть другихъ словъ, съ которыми они могли бы довольствоваться однимъ удареніемъ. Не приводя примѣровъ изъ греческаго языка, преподаватель можетъ спросить учениковъ: не укажутъ ли они подобныхъ словъ въ другихъ языкахъ? Вероятно найдутся такие ученики, которые укажутъ на прецлаги и союзы въ русскомъ и латинскомъ языкахъ и сопоставятъ ихъ съ понятіемъ о греческихъ проклитикахъ; въ противномъ случаѣ преподаватель указываетъ на эти слова самъ. Изъ греческихъ проклитикахъ довольно указать предлоги *ἐν* и *ἐκ* и отрицаніе *οὐ* (*οὐχ*, *οὐχι*).

Въ выясненіи значенія греческихъ *ἐγκλιτик* преподавателю слѣдуетъ имѣть въ виду то, что сказано было о проклитикахъ: какъ прокл-

такаі примыкаютъ къ послѣдующимъ словамъ, такъ є́хлітикаі примыкаютъ къ словамъ предыдущимъ; прохлітикаі, примыкая, не имѣютъ вліянія на измѣненіе ударенія въ словахъ, слѣдующихъ за ними (почему, — это выяснится ученикамъ не много позднѣе само собою). а ограничиваются только потерю своего ударенія; є́хлітикаі же. односоловыя и двуслововыя слова, составляя съ предыдущими словами какъ бы одно слово, иногда не могутъ довольствоваться однимъ удареніемъ. Само собою разумѣется, что и є́хлітикаі удерживаютъ свое удареніе, если позади себя не имѣютъ другихъ словъ. Приложимъ сказанное къ примѣрамъ и разсмотримъ правила инѣлинациіи по учебнику:

є́хлітикаі послѣ ѡбѣтона:

θήρ τις, вмѣсто θήρ τіс	καλός ёсті вмѣсто καλὸς ёсті
καὶ τινες	καὶ τινές,
καλός; τε	καλός; τέ

ποταμός γέ ποταμός γέ
ποταμοὶ τινές „ ποταμοὶ τινές

Если мы будемъ разматривать каждыя два слова какъ одно, то становится понятнымъ, почему *acutus*, который долженъ быть притупиться отъ близкой встрѣчи другихъ словъ, опять получаетъ свою силу; теперь *acutus* стоитъ уже какъ бы на второмъ, если *enclitica* односложная, или на третьемъ, если *enclitica* двусложная отъ конца, слогѣ, и въ данныхъ случаяхъ, по высказаннымъ выше правиламъ, не притупляется;

є́хлітикаі послѣ παρоѣбтона:

φілос мου вмѣсто φілос моû	φілос ёсті, φілос фасі
а) ἄλλος πως;	ἄλλος πώς; б) ἄλλος ποτέ, ἄλλων τινῶν

Въ первомъ случаѣ, когда є́хлітикаі односоловыя, для обоихъ словъ достаточно одного остраго ударенія, которое будетъ стоять уже какъ бы па третьемъ отъ конца слогѣ (долгіе слоги въ є́хлітикаі для ударенія считаются короткими); при двуслововыхъ є́хлітикаі, напротивъ, когда *acutus* уже становится какъ бы па четвертомъ отъ конца слогѣ, есть необходимость въ другомъ удареніи и здѣсь є́хлітикаі получаютъ удареніе.

'Е́хлітикаі послѣ προπароѣбтона и προερпісткѡнеа:

ἀνθρωπός τις вмѣсто ἀνθρωπός τіс,	σῶμά τι вмѣсто σῶμα τі
ἀνθρωποὶ τινές	ἀνθρωποὶ τινές σῶμά ёсті „ σῶμα ёсті

Въ обоихъ случаяхъ здѣсь является надобность въ двухъ удареніяхъ, ибо ни *acutus* не можетъ стоять на 4-мъ или 5-мъ, ни

cīcūmplexus на 3-мъ или на 4-мъ отъ конца слогѣ; но здѣсь получаются ударение не є́хлітихай, какъ во второмъ случаѣ приведенного выше втораго разряда, а прибавляется еще acutus на послѣднемъ слогѣ, предшествовавшаго є́хлітихай, слова.

'Е́хлітихай послѣ перістѣпненія:

- a) φῶς τι **вмѣсто** - φῶς τί φιλεῖ τις **вмѣсто** φιλεῖ τίς,
- b) φῶς ἐστι φῶς ἐστί **халоу тиуос** **халоу тиуос**.

Выраженія φῶς τι и φιλεῖ τις нисколько не противорѣчатъ правилу; напротивъ, φῶς ἐστи и халоу тиуос не подходитъ подъ правило, ибо cīcūmplexus здѣсь будетъ на 3-мъ отъ конца слогѣ, что не допускается: двуслоговый є́хлітихай послѣ перістѣпненія относительно инклинаціи, мы, поэтому, относимъ къ разряду є́хлітихай послѣ ѡ́бътона и говоримъ ученикамъ, чтобы они перістѣпненія въ этомъ случаѣ рассматривали какъ ѡ́бътона. Съ другой стороны, такъ какъ вообще, а особенно на первыхъ порахъ, є́хлітихай рѣдко могутъ встрѣтиться послѣ перістѣпненія, то можно пока и вовсе не сообщать ихъ ученикамъ.

Чтобы основательнѣе выяснить ученикамъ значение греческихъ є́хлітихай не мѣшаѣь обратиться за пособіемъ къ латинскому и русскому языкамъ. Въ латинскомъ языѣ за є́хлітихай можно принимать союзы: ne, que, quidem, напримѣръ, legistine hunc librum; senatus populusque Romanus; ne hili quidem illum duco, и вообще всѣ союзы, полагающіеся позади, подобно тому какъ предлоги и союзы, полагающіеся впереди, можно поставить въ аналогію съ греческими прохлітихай; тѣ и другіе въ произношеніи сливаются съ послѣдующими словами, напримѣръ, ἐν γῇ, ἐν νήσῳ = in terra, in insula. И въ русскомъ языѣ есть постоянныя є́хлітихай; это — союзы: же, ли, таки, мнѣст. себѣ и то и проч., напримѣръ, „Увертливъ напѣвъ комаръ, да онъ же и не трусиТЬ“; Крыл. „Тучки небесныя, вѣчные странники! Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе? зависѣли тайная? злоба ли открытая?“ Лерм. Разсѣлись, начали квартетъ: онъ все-таки на ладъ нѣйдетъ. Смотри, ужъ ты хранишь, а онъ себѣ идеть впередъ и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ. Вотъ то-то мнѣ и духу придается... Крыл.

Другіе русскіе союзы и предлоги большую частію прохлітихай. Какъ въ греческомъ языѣ глаголъ εἴναι въ praes. ind. кроме 2-хъ лишь есть є́хлітихай, когда бываетъ глаголомъ вспомогательнымъ и полу-

чаетъ удареніе, когда онъ глаголь самостоятельный; тоже самое повторяется въ латинскомъ и русскомъ языкахъ, напримѣръ:

Θεός ἐστι σοφός. Deus sapiens est. Богъ мудръ.

Ἄνθρωπός ἐστι θυητός. Homo mortalis est. Человѣкъ смертенъ.

Здѣсь єсті и est — глаголь вспомогательный и потому є́хлітихáу; въ русскомъ языкѣ, какъ видимъ, даже вовсе опускается глаголь „есть“. Напротивъ, когда тѣ же формы дѣлаются въ предложеніи сказуемыми, тогда принимаютъ удареніе, напримѣръ:

Ἐστι Θεός. Est Deus. Есть Богъ (то-есть, существуетъ).

Ἐστιν οὕτως. Res ita se habet. Дѣло находится въ такомъ положеніи.

Греческія мѣстоименія и нарѣчія вопросительныя, употребленныя въ смыслѣ неопределенныхъ, становятся є́хлітихáи, напримѣръ:

Οσφ σοφώτερός τις ἐστι, τοσούτῳ σφρονέστερός ἐστιν.

Τις ταῦτα ἐποίησε;

Τι φροντίζεις; Οὐ λέγω, τι φροντίζω.

Латинскій и русскій переводъ этихъ выражений:

Ut quisque est sapientior, ita est prudentior.

Чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ осторожнѣе.

Quis hoc fecit? Кто это сдѣлалъ?

Qua de re meditaris? О чёмъ ты думаешь? (Что замышляешь?).

Non dico, или лучше: ne dicam, qua de re mediter. Не скажу, о чёмъ я думаю. Какъ видимъ, и въ латинскомъ, и въ русскомъ языкахъ вопросительные мѣстоименія, переходя въ неопределенные, теряютъ удареніе. То же должно сказать и о нарѣчіяхъ, напримѣръ:

Ποῦ καταφεύγω; = quo fugiam? Куда мнѣ бѣжать?

Οὐδὲ οἶδα, δοκὶ καταφεύγω. = Nescio, quo fugiam. Не знаю, куда мнѣ бѣжать.

Мы далеки отъ мысли давать ученикамъ сейчасъ же заучивать все это наизусть; пѣтъ, мы хотимъ только показать имъ, что прохлітихáи и є́хлітихáи не исключительныя явленія въ греческомъ языкѣ, а повторяются въ латинскомъ и русскомъ языкахъ.

На первый разъ мы считаемъ достаточнымъ сообщить ученикамъ только слѣдующія є́хлітихáи: εἰμί, єсті, εἰσί; φημί, φησί, φασί замѣтіе, что сюда же относятся неопределенные мѣстоименія и нарѣчія. Формы φημί, φησί, φασί мы даемъ для того, чтобы ученики, зная формы неопределенного наклоненія дѣйствительного, страдательного и общаго залоговъ и глагола είναι, и познакомившись съ первымъ

склоненіемъ, могли обращать личные предложения въ accusativus cum infinitivo.

О другихъ надстрочныхъ знакахъ, а также о подвижныхъ согласныхъ въ концѣ словъ, было бы лучшее сообщать только при случаѣ.

Для первоначальныхъ упражненій учениковъ даются имъ глагольные формы. Въ учебникѣ Кюнера есть довольно примѣровъ, которые преподаватель можетъ разнообразить по числамъ и лицамъ. Необходимо при этомъ добиться, чтобы по возможности всѣ ученики, какъ скоро будетъ дана русская глагольная форма, могли сейчасъ же переводить ее правильно по-гречески, но мы допустимъ большую ошибку, если только будемъ довольствоваться устными отвѣтами учениковъ; необходимо, кроме того, заставлять ихъ писать слова и формы на доскѣ, ибо ничто такъ не сосредоточиваетъ вниманіе ученика. Сколько разъ не объясняйте ошибокъ на словахъ, всегда найдется много такихъ учениковъ, которые по разбѣянности или другимъ причинамъ не усвоютъ устнаго объясненія, а заставьте писать слова и формы на доскѣ, разбирайте ошибки при участіи всего класса и тогда убѣдитесь, что однѣ и тѣ же ошибки часто повторяться не будутъ.

Всѣдѣ за упражненіемъ учениковъ въ глагольныхъ формахъ, даются имъ парадигмы первого склоненія женскаго рода; въ то же время сообщается количество падежныхъ окончаний и переходъ удареній, чѣмъ можетъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ правилъ объ удареніяхъ. Отсутствіе въ греческомъ языкѣ общаго для латинскаго и русскаго языковъ творительного падежа можно объяснить замѣною его дательнымъ: пусть ученики греческій дательный падежъ переводятъ русскими дательнымъ и творительнымъ. Дайте затѣмъ ученикамъ нѣсколько предлоговъ, управляющихъ однимъ падежемъ, напримѣръ, *ἐκ* (*έξ*) соотвѣтствуетъ лат. *e* или *ex*, *ἐν* — лат. *in* съ твр., *ἐνέρχα* — лат. *causa*, *σύν* — лат. *cum*; кроме того слѣдуетъ дать еще предлоги *διά* и *ὑπό* съ родит., потому что нужны при переводѣ фразъ съ сказуемымъ въ страдательномъ залогѣ: предлогъ *διά* сопоставляется съ лат. *reg*, а *ὑπό* съ *a* или *ab* при страдат. залогѣ для означенія дѣйствующаго лица. Послѣ того можно приступить къ переводу фразъ по учебнику; при переводѣ обращать единственное число въ множественное, дѣйствительный оборотъ въ страдательный, изъявительное наклоненіе въ повелительное и обратно; въ примѣрахъ съ формою глагола *ἔστι* ученикамъ представится возможность прилагать къ дѣлу правила циклическіи удареній, имѣть понятіе о *έφελχости*.

хóн, различать по ударению двоякое значение формы ёстi, какъ глагола вспомогательного и самостоятельного; за примѣрами не ставить дѣло у опытного преподавателя. Мы предлагаемъ долѣе останавливаться на переводахъ съ русскаго на греческий; переводъ же съ греческаго языка, не представляя для учениковъ особенной трудности, не требуетъ частыхъ упражненiй и можетъ быть даваемъ ученикамъ на дому, а въ классѣ учитель можетъ только повѣрять заданное. Въ прежнее время у насъ мало обращалось вниманiя на переводъ съ русскаго языка, какъ на занятiе болѣе трудное для учащихся и менѣе практическое, оттого и выходило, что ученики, будучи иногда способны къ переводу трудныхъ фразъ съ греческаго языка, дѣлали множество ошибокъ въ переводѣ легкихъ фразъ съ русскаго. Вмѣстѣ съ упражненiемъ въ переводѣ ученики упражняются въ склоненiи, какъ устно во время класса, такъ и письменно на дому; съ существительными именами соединяется склоненiе прилагательныхъ въ женскомъ родѣ и сообщаются нѣкоторыя синтаксическiя правила: когда прилагательное имя становится сказуемымъ, то въ русскомъ языкѣ принимаетъ усѣченное или спрягаемое окончанiе, въ греческомъ же и латинскомъ къ прилагательному имени прибавляется еще личная форма вспомогательного глагола, напримѣръ:

δίκη σχολιά = кривой судъ.

'Н δίκη ёстi σχολιά = }
'Н δίκη σχολιά ёстiν = } судъ кривъ.

Μεταβολὴ μεγάλη=большая перемѣна.

'Н μεταβολή ёстi μεγάλη. }
'Н μεταβολὴ μεγάλη ёстiν. } Перемѣна велика.

Членъ не ставится ни передъ сказуемымъ, ни передъ словами, состоящими въ предикативномъ отношенiи къ другимъ словамъ, ни передъ существительными, если послѣднiя имѣютъ опредѣленiемъ имъ прилагательное, напримѣръ:

'Н τρυφή ёстi λόμη. Рокощь позорна (есть позоръ).

Φεῦγε τὴν τρυφὴν ως λόμην. Избѣгай рокощи, какъ позора.

Διὰ ἀρετῆς καὶ συνηθείας ἀληθινὴ φιλία γίγνεται. Отъ добродѣтели и сообщества рождается истинная дружба.

Предлагаемые примѣры мы заимствовали изъ учебника: само со-
бою разумѣется, что для прочнаго усвоенiя учениками данныхъ имъ
часть CLXXVII, отд. 3.

правилъ, является необходимость и въ другихъ примѣрахъ, выбираемыхъ или составляемыхъ преподавателемъ.

Кромѣ упражненія учениковъ на примѣрахъ такого рода во время урока, задаются имъ еще на дому склоненія существительныхъ съ прилагательными; вмѣстѣ съ тѣмъ составляется ими небольшой *glossarium* изъ тѣхъ словъ, которыхъ даются имъ для заучиванія ванзустъ.

В. Боголюбовъ.

НАЧАЛЬНЫЕ УРОКИ РИСОВАНИЯ И ЧЕРЧЕНИЯ.

Мы имѣли уже случай познакомить читателей¹⁾ съ извѣстною школою начальныхъ уроковъ рисованія и черченія чешскаго художника Петра Мужака, принятую у насъ въ реальныхъ училищахъ за руководство; большимъ успѣхомъ пользуется также начальная школа нѣмецкаго художника Роллера. По задачѣ своей она весьма тѣсно связана со школою Мужака, хотя и основана отчасти на другихъ началахъ.

Цѣль обѣихъ ихъ — выработать рациональный легчайшій пріемъ начальныхъ уроковъ рисованія и черченія, построенный на изученіи геометрическихъ формъ, какъ болѣе цѣлесообразномъ и научномъ основаніи. Школа Мужака приняла, какъ извѣстно, въ основаніе стиѳографическую сѣтку, которая, по свидѣтельству опыта, такъ хорошо руководить слабою и неопытною рукою ребенка во время первыхъ уроковъ, что едва ли будетъ возможно выработать болѣе легкій пріемъ; школа Роллера, не заключая въ себѣ вспомогательной сѣтки, съ большою ясностью, послѣдовательностью и цѣлесообразностью выработала цѣлый рядъ самостоятельныхъ элементарныхъ упражненій, которые съ значительнымъ удобствомъ и пользою могутъ служить продолженiemъ классныхъ занятій послѣ школы Мужака. Вотъ почему для преподавателей рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ весьма важно ознакомиться съ педагогическими пріемами и послѣдовательнымъ изложеніемъ школы Роллера, — особенно же необходимо это для преподавателей реальныхъ училищъ, гдѣ она прината въ руководство. Между тѣмъ еще до сихъ порь у насъ въ печати не

¹⁾ См. январскую книжку *Журнала Мин. Нар. Просв.* 1874 года.

появлялось ни малѣйшихъ указаний, относящихся къ изложенію или разбору этой школы. Отчасти можно это приписать весьма слабой у насъ разработкѣ педагогики въ искусствѣ, а отчасти слишкомъ ничтожному вознагражденію, которое можно извлечь за такой трудъ. Серьезный и строгій взглядъ на преподаваніе рисованія и черченія началъ у насъ устанавливаться еще весьма недавно, да и то только въ реальныхъ училищахъ, гдѣ предмету этому дано большее значеніе. Что касается другихъ учебныхъ заведеній, то хотя во многихъ изъ нихъ и введено преподаваніе рисованія и черченія, но оно обставлено такъ, что далеко не приноситъ желаемой пользы. Между учебными пособіями здѣсь можно часто встрѣтить совершенно устарѣллыя, а къ пріобрѣтенію новыхъ не принимается никакихъ мѣръ. Понятно, что при такихъ условіяхъ серьезная разработка педагогики въ искусствѣ не мыслима: она потребуетъ много труда, а результаты будутъ все-таки крайне недостаточны. Въ виду сказанного, нельзя искренне не порадоваться изданію у насъ школы Роллера, которая, по своему содержанію, составляетъ весьма отрадное педагогическое явленіе.

Авторъ не приложилъ почти никакихъ объясненій къ рисункамъ, составляющимъ его школу; отъ какъ бы предоставилъ самимъ преподавателямъ найти смыслъ какъ въ каждомъ рисунку отдельно, такъ и въ ихъ послѣдовательности. Чтобы имѣть возможность отнести сознательно къ подобной школѣ, необходимо обладать значительной опытностью. Впрочемъ, мало только понять педагогическую систему,— необходимо и критически отнести къ ней; а при недостаткѣ собственныхъ объясненій автора, лишь эмпирическая проверка можетъ указать достоинства и недостатки данной школы. Постараемся указать здѣсь на болѣе характеристическія стороны школы Роллера въ связи со школою Мужака.

Матеріалъ, предлагаемый для изученія школою Мужака, потребуетъ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ годичнаго курса. Пройдя эту школу, дѣти научатся вполнѣ сознательно понимать и отличать простѣйшія геометрическія формы, будутъ умѣть и въ довольно сложныхъ узорахъ указывать на преобладающія формы и общую связь въ ихъ построеніи, начнутъ сознавать симметрическое распределеніе формъ, а также будутъ въ состояніи перечерчивать рисунки Мужака въ точности и съ полной техническою выработкою, какая только доступна для дѣтскаго возраста. Все это докажетъ наглядно, что дѣтьми пріобрѣтенъ нѣкоторый запасъ свѣдѣній, что дѣтскій глазъ пріученъ къ размѣру и точности, а въ рукахъ стали проявляться сила

и твердость. Преподаватель вполнѣ убѣдится дѣтскими работами въ томъ, что наступило время устраненія вспомогательныхъ средствъ (сѣтки), и что слѣдуетъ давать дѣтямъ болѣе соответствующія ихъ силамъ занятія. Безспорно, каждый преподаватель согласится, что въ выборѣ новаго материала, главнымъ образомъ, нужно имѣть слѣдующія педагогическія соображенія: а) отсутствіе рѣзкости въ переходѣ отъ сѣтки къ самостоятельной работе; б) послѣдовательность и легкость пониманія учебнаго материала, который не долженъ насиливать дѣтской мысли и въ то же время сохранить полный для нихъ интересъ, и в) пригодность материала въ примѣненіи къ преподаванію въ многолюдныхъ классахъ.

При весьма скучной разработкѣ педагогики въ искусствѣ ни одна изъ извѣстныхъ у насъ школъ не можетъ удовлетворить приведеннымъ требованіямъ, — слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не можетъ оказать услугу правильному развитію дѣтской мысли, впечатлѣнія, вкуса, глазомѣра и техники. Любая изъ такихъ школъ представляется, по большей части, лишь простой сборникъ рисунковъ, не имѣющихъ ни общей связи, ни послѣдовательного изложенія, ни опредѣленной цѣли, хотя тутъ нерѣдко рисунки (взятые отдельно) поражаютъ своимъ изяществомъ. Многіе изъ преподавателей и въ настоящее время еще убѣждены, что скопировать нѣсколько такіхъ рисунковъ, ребенокъ можетъ научиться рисовать и развить свой вкусъ; поэтому, по ихъ мнѣнію, и вѣтъ особенной надобности въ строгой научной школѣ. Въ защиту своего взгляда они всегда приводятъ одно и то же устарѣлое доказательство, а именно, что со способными дѣтьми можно достигнуть отличныхъ результатовъ, а малоспособныхъ никакая школа ничему не научить. Заглянувъ въ классъ одного изъ такихъ преподавателей, вы всегда найдете у нѣсколькихъ учениковъ весьма порядочные работы, остальная же поразить васъ совершенной неумѣлостью. Плохіе ученики не умѣютъ ни сидѣть въ классѣ, ни держать карандашъ, ни положить предъ собою тетрадь (которая въ большинствѣ случаевъ переломаны и измяты), работы ведутся самыми небрежными образомъ, расположены въ беспорядкѣ и не имѣютъ ничего между собою общаго. На учениковъ не дѣйствуютъ ни слова, ни угрозы, ни даже наказаніе. Преподаватель теряется и не знаетъ, какъ помочь дѣлу. Такое обученіе какъ нельзя лучше соответствуетъ по-говоркѣ: „мученье, а не ученье“. Явление это намъ кажется вполнѣ нормальнымъ: странно же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы наказаніе могло всецѣло замѣнить собою отсутствіе системы и требо-

ваний педагогики! Много также приносить вреда классному успѣху и то, что преподаватели бѣльшую часть времени употребляютъ на занятія съ избранными учениками, а на остальныхъ почти не обращаютъ вниманія. По моему крайнему разумѣнію, пріятѣе видѣть классъ съ весьма посредственными общими успѣхами, чѣмъ съ успѣхами поразительными, но составляющими удѣль лишь весьма не многихъ. Перваго результата можно достигнуть только системою, а второй зависить отъ случайности.

Школа Роллера представляетъ весьма важныя особенности, заключающіяся въ слѣдующемъ: 1) предлагаемы для изученія матеріаломъ она стремится вызвать къ дѣятельности какъ дѣтскую мысль, такъ равномѣрно и техническія силы ребенка; 2) съ первого шага желаетъ пріучить дѣтей къ полной разумной самостоятельности, то есть, умѣнью приняться за работу, сдѣлать необходимыя вспомогательныя построенія линій и послѣдовательно вести рисунокъ до конца; 3) составлена она съ большой послѣдовательностью, ясностью и строго обдуманной цѣлью, сообразно педагогическимъ требованіямъ; 4) стремится достигнуть общаго развитія дѣтскихъ силъ, не занимая ихъ безцѣльными упражненіями, которыми такъ много увлекаются наши педагоги, и 5) всѣ чертежи и рисунки примѣнены въ этой школѣ къ общему классному преподаванію.

Разсмотримъ теперь школу Роллера по отдѣламъ, расположеннымъ въ шести тетрадахъ съ 24 листами въ каждой.

Первая тетрадь содержитъ въ себѣ элементарныя геометрическія формы и небольшия орнаментальные чертежи и рисунки, построенные изъ однѣхъ только прямыхъ линій. Курсъ начинается съ построенія линій въ разныхъ положеніяхъ и съ угловъ, а затѣмъ послѣдовательно переходитъ къ построенію геометрическихъ фигуръ: треугольниковъ, четырехугольниковъ и многоугольниковъ. Каждое построеніе сопровождается практическими примѣненіями правиломъ, которое облегчаетъ работу и дѣлаетъ ее вполнѣ осмысленною. Для избѣжанія сухости изложения, послѣ знакомства съ каждою геометрическою формою слѣдуетъ цѣлый рядъ орнаментальныхъ чертежей и рисунковъ, составленныхъ изъ тѣхъ же формъ съ разумною послѣдовательностью въ ихъ развитіи. Соединяя нѣсколько такихъ рисунковъ въ одинъ, можно составить цѣлый красивый узоръ, пригодный для разнаго рода украшеній. Всѣ чертежи и рисунки отличаются большой ясностью и точностью; каждый вытекаетъ изъ предыдущаго и имѣть общую связь съ послѣдующими. Не маловажное достоинство представляетъ эта тет-

радь и въ томъ отношеніи, что всѣ чертежи и рисунки, заключающіеся въ ней, свободно могутъ быть изображаемы учениками въ ихъ тетрадахъ лишь по словесному изложению преподавателя. Весьма мало такихъ случаевъ, гдѣ преподавателю нужно прибѣгать къ черченію на доскѣ для болѣе наглядного разъясненія рисунка. Пріемъ этотъ заключаетъ въ себѣ весьма много разумныхъ и хорошихъ сторонъ. Онъ пріучаетъ дѣтей къ полному вниманію во время классныхъ занятій; одновременно даетъ работу цѣлому классу и притомъ такую, которая одинаково вызываетъ къ дѣятельности какъ умственныхъ, такъ и техническихъ силъ ребенка; требуетъ, чтобы дѣти сознательно и толково относились къ преподаванію. Новизна занятій всегда вызываетъ въ дѣтяхъ большой интересъ и соревнованіе, тѣмъ болѣе, когда работы весьма разнообразны и привлекаютъ изяществомъ формъ и самостоятельнымъ трудомъ. Опытъ доказалъ, что заинтересованные ими дѣти весьма охотно и внимательно слушаютъ преподавателя, и прилежно исполняютъ все, что имъ приказано. Такіе уроки всегда идутъ оживленно; они устраниютъ и скучу, и лѣни.

Вторая тетрадь знакомить настъ съ построениемъ разнаго рода дугообразныхъ линій, эллисовъ и круговъ. Каждое упражненіе расположено въ геометрической формѣ и сопровождается также практическими объясненіями. Лишь только преподаватель укажетъ на нѣсколько точекъ, чрезъ которыхъ должна проходить часть дуги, какъ дѣти уже получаютъ вполнѣ ясное понятіе о цѣломъ кругѣ или эллісѣ. Съ такою же легкостью и простотой, по весьма краткимъ объясненіямъ преподавателя, они научаются располагать эллизы и круги въ разныхъ положеніяхъ, составляя изъ нихъ узоры. Послѣдовательное развитіе рисунковъ этой тетради, ихъ простота и несложность даютъ возможность безъ всякихъ затрудненій переходить къ изученію кривыхъ линій. Между тѣмъ нельзя не согласиться, что этотъ родъ линій принадлежитъ къ одному изъ труднѣйшихъ отдѣловъ черченія. Правда, на нѣкоторыхъ листахъ встречаются части орнаментальныхъ украшеній и другаго рода формы, состоящія только изъ однѣхъ кривыхъ линій, о которыхъ, въ словесномъ изложении, не представляется возможности дать яснаго понятія и подвести ихъ подъ какое-нибудь общее правило. Но такого рода рисунки, по моему мнѣнію, безъ ущерба системѣ можно пропустить до болѣе удобной минуты, и обратиться прямо къ третьей тетради.

Третья тетрадь предлагаетъ намъ совершенно новый матеріалъ для занятій, какъ по величинѣ формъ въ рисункахъ, такъ и по сим-

метрическому ихъ распределенію. Здѣсь каждый рисунокъ занимать цѣлый листъ, и каждая часть рисунка имѣть совершенно одинаковую форму съ остальными частями. Это особое свойство рисунковъ и чертежей даетъ преподавателю возможность указывать дѣтямъ на построение только одной части орнамента, по которой они уже сами должны строить его вполнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ требуется и участіе дѣтской мысли, а не одна только подражательность. Всѣ чертежи и рисунки составлены изъ смѣшанія разнаго рода линій. Тутъ въ первый разъ дѣти начинаютъ знакомиться съ черченіемъ длинныхъ линій въ разныхъ положеніяхъ, а также съ приемомъ составленія рисунковъ на цѣломъ листѣ. Простота, ясность формъ и послѣдовательное ихъ развитіе вполнѣ облегчаютъ ихъ примѣненіе. Рисунки, по правильности формъ, легко могутъ служить для разнаго рода серединныхъ украшений.

Четвертая тетрадь состоять изъ общихъ несложныхъ набросковъ кувшиновъ, вазъ и листьевъ разныхъ растеній, расположенныхъ большою частью въ геометрическихъ формахъ, между которыми встрѣчаемъ уже и неправильныя. Рисунки эти указываютъ дѣтямъ на тѣтъ весьма важный приемъ, по которому признается необходимымъ прежде всего строить общія характеристическая формы, выражая ихъ какою нибудь геометрическою фигурою, хотя бы послѣдняя была даже и формы неправильной, а затѣмъ только переходить къ отысканию частностей. Опытъ доказалъ, что чѣмъ яснѣе и сознательнѣе пріучены дѣти къ выражению сначала общихъ характеристическихъ сторонъ предмета, а не къ воспроизведенію его частностей, тѣмъ работа ихъ отличается болѣею послѣдовательностью и правильностью. Такимъ путемъ устраняется возможность теряться въ мелочныхъ подробностяхъ, которые всегда только запутываютъ дѣтей, отнимаютъ у нихъ слишкомъ много времени, а иногда и совсѣмъ останавливаютъ работу.

Пятая и шестая тетради содержать, болѣею частью, орнаментальные чертежи и рисунки, составленные съ строгимъ симметрическимъ распределеніемъ формъ и по которымъ можно наглядно судить о результатахъ годичныхъ классныхъ занятій. Исполнять такія работы придется дѣтямъ въ концѣ учебнаго года, когда они уже приобрѣтутъ достаточный запасъ свѣдѣній и силъ для самостоятельныхъ классныхъ занятій и не будутъ нуждаться въ частныхъ указаніяхъ и помощи преподавателя. Здѣсь главнейшимъ ихъ руководителемъ долженъ быть тѣтъ запасъ свѣдѣній, который они по-

черпнули при изучении материала предшествовавших тетрадей. Преподаватель весьма легко может съйтъ за правильнымъ исполнениемъ этихъ работъ, ибо въ большинствѣ случаевъ онъ будетъ ограничиваться только краткими указаниями или разъясненіями, а не объяснять дѣло каждому ученику отдельно. Тутъ привѣтливое слово преподавателя весьма кстати и съ большимъ успѣхомъ можетъ поощрять дѣтскій трудъ и вызывать искреннее расположение къ занятиямъ. Дѣти незамѣтно пріучатся къ усидчивому труду, который служить надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ уже потому, что требуетъ отъ нихъ большой сосредоточенности.

Не лишнимъ считаю прибавить нѣкоторыя замѣчанія, добытныя мною опытомъ при примѣненіи школы Роллера. Во всѣхъ отдѣлахъ школы встрѣчаются чертежи и рисунки, состоящіе только изъ линий и не покрытые штрихованіемъ тушовкою. По моему мнѣнію, преподавателю слѣдовало бы принять за правило, чтобы ни одинъ изъ такихъ чертежей и рисунковъ не былъ оставленъ безъ тушовки, потому что такое измѣненіе замѣтно оживляетъ школу, придаетъ ей большой интересъ въ глазахъ дѣтей. Опытъ доказалъ намъ, что однѣ сухія линіи не могутъ долго занимать дѣтей и при продолжительномъ изученіи нагоняютъ даже на нихъ скучу. Не безъ пользы и интереса можно бы также примѣнить видоизмѣненіе штрихованной тушовки и во всѣмъ остальнымъ чертежамъ и рисункамъ школы. Пріемъ этотъ вызывается и классною необходимостью, на томъ основаніи, что: а) не всѣ ученики одновременно могутъ оканчивать задаваемыя классныя работы, и б) многіе чертежи и рисунки заключаютъ въ себѣ основные правила построения, которыхъ слѣдуетъ запомнить для примѣненія къ послѣдующимъ работамъ; слѣдовательно, сдѣлать такое построеніе одинъ разъ для ребенка недостаточно. Изъ сказанного нами очевидно, что каждый чертежъ долженъ быть построенъ два раза въ однѣхъ линіяхъ, съ тѣмъ, чтобы штрихованная тушовка видоизмѣнялась, то-есть, тѣ площади, которыхъ въ первый разъ были не затушованы, при повтореніи покрывались тушовкою, а затушованные—оставлялись безъ тушовки. Видоизмѣненіе тушовки даетъ преподавателю возможность избѣжать скучнаго для дѣтей повторенія, достигая при этомъ двойкой цѣли: впервыхъ, оканчивающими прежде другихъ свои работы представляется полное удобство дать новое занятіе, которое нисколько не нарушитъ класснаго преподаванія; и во вторыхъ, дѣти легче могутъ усвоивать основные правила построения чертежей, при чѣмъ можно допустить исполненіе работъ въ одномъ

экземпляръ для тѣхъ учениковъ, которые еще не успѣли пріобрѣсти навыка скорой работы. При нѣкоторомъ вліяніи преподавателя, дѣти весьма легко поймутъ, что отставать отъ выполненія классныхъ работъ и вредно, и предосудительно; многие изъ нихъ примутся за работу съ большей энергией, такъ что, за весьма небольшими исключеніями, отстающіе ученики успѣютъ догнать своихъ товарищѣй (если они правильно посѣщали уроки).

Результатъ, который достигается системою Роллера, особенно очевиденъ, когда идетъ дѣло о выполненіи дѣтскихъ работъ въ концѣ учебнаго года, или о переходѣ къ болѣе сложнымъ и серьезнымъ занятіямъ. Дѣти только въ исключительныхъ случаяхъ обращаются къ преподавателю за разъясненіемъ, а между тѣмъ работы ихъ отличаются тѣми особенностями, которыя вполнѣ наглядно доказываютъ, что они получили правильныя и ясныя основныя понятія объ элементарныхъ приемахъ рисованія и черченія. Развитый глазъ и твердая рука проглядываютъ всюду. Дѣтей не стѣсняетъ больше ни проведеніе разнаго рода длинныхъ линій на цѣломъ листѣ тетради, ни построение геометрическихъ формъ, которыхъ должны служить вспомогательными средствами при работахъ, ни разнаго рода дѣленія и пропорциональные отношенія частей къ цѣлому, ни даже увеличеніе или уменьшеніе рисунковъ и чертежей: все это ими выполняется съ такою легкостью, что, судя по ихъ возрасту и употребленному ими на изученіе предмета времени, кажется даже малоѣроятнымъ. Подобіе и точность рисунковъ до такой степени поразительны, что весьма легко можно заподозрить употребленіе линейки и циркуля, тогда какъ работа была исполнена на глазомѣръ отъ руки. Развитіе вкуса дѣтей выступаетъ также ярко; нерѣдко просмотрѣвъ работы ученика за цѣлый годъ, не встрѣтишь рѣшительно никакихъ грубыхъ ошибокъ, никакого маранья. Тетради держатся опрятно и чисто, дѣти уже вполнѣ отвыкаютъ отъ нервишивааго отношенія къ своему труду. Разумѣется, при всемъ этомъ преподаватель долженъ избѣгать слишкомъ мелочныхъ требованій. Нерѣдко случается, что ребенокъ работаетъ очень прилежно, а между тѣмъ не успѣваетъ выполнить свою работу наравнѣ съ болѣе даровитыми товарищами: тутъ-то и нужно поддерживать его рвение, щадя его слабыя силы, не оскорбляя его самолюбія. Только при такихъ условіяхъ онъ не охладѣтъ къ занятиямъ, не утратить къ нимъ интереса.

В. Шумскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ОБОЗРЪНИЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРО- СВѢЩЕНИЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

I. Ученыя учрежденія и общества.

Наши высшія ученыя учрежденія справедливо пользуются заслу-
женной известностью относительно богатства своихъ ученыхъ силъ;
для поддержания ихъ на этомъ высокомъ уровнѣ оказывалось необ-
ходимымъ отъ времени до времени возвышать и материальный ихъ
средства, на что было обращено министерствомъ особое вниманіе:
Академія наукъ и почти всѣ высшія ученыя учрежденія получали
разновременно новые средства для болѣе широкаго развитія своей
дѣятельности. Въ истекшемъ 1874 году въ этомъ отношеніи сдѣланы
были слѣдующія улучшения:

Штаты содержанія Академіи наукъ, вошедши въ силу съ 1869
года, увеличивая значительно содержаніе личного ученаго состава
Академіи и средства ея ученыхъ коллекцій, требовали пополненія
относительно библіотеки и различныхъ академическихъ музеевъ, на
которые отпускалось по 19.925 руб. 28 коп. въ годъ. Высочайше
утвержденными 3-го июля 1874 г. мнѣнiemъ государственного совѣта
на эти предметы изъ суммъ государственного казначейства прибав-
лено еще по 14.889 руб. 2 коп., такъ что съ 1-го января 1875 г.
общее содержаніе библіотеки и музеевъ будетъ составлять 34.814
руб. 30 коп. Сверхъ того, назначено къ отпуску изъ государственного
казначейства на постройку шкафовъ для зоологического и минера-
логического музеевъ Академіи 9.000 руб., съ отпускомъ этой суммы
въ теченіе трехъ лѣтъ, считая по 3.000 руб. въ годъ. По огромной

важности, какую издание главной физической обсерваторией, состоящую при Академии наукъ, метеорологическихъ наблюдений имѣть для ближайшаго определенія климатическихъ условій нашего отечества, на издание этихъ наблюдений было назначено до сихъ поръ по 4.000 руб. въ годъ, чѣмъ было слишкомъ недостаточно, а потому, по ходатайству г. министра, Высочайше утвержденнымъ 5-го марта 1874 года мнѣніемъ государственного совѣта, ежегодная сумма на этотъ предметъ увеличена, начиная съ 1874 г., до 8.000 руб. Сверхъ того, Академія наукъ для поддержания связи съ научными занятіями этого рода въ Европѣ, приняла въ 1874 г. участіе въ содержаніи международного метеорологического съѣзда въ Уtrechtѣ, на что изъ суммы государственного казначейства назначено по 50 металлическихъ руб. въ теченіе 1874 и 1875 годовъ. Точно также для занятій на зоологической станціи профессора Дорна, устроенной въ Неаполѣ, по ходатайству Академіи Наукъ, пріобрѣтень, на основаніи Высочайше утвержденного 31-го декабря 1873 года мнѣнія государственного совѣта, одинъ рабочій столъ для русскаго ученаго, съ платою по 560 руб. въ годъ въ теченіе 5 лѣтъ изъ суммы государственного казначейства; въ виду пользы, ожидаемой отъ этихъ занятій, Академія признаетъ необходимымъ пріобрѣсти еще второй рабочій столъ на тѣхъ же основаніяхъ, о чемъ уже внесено въ истекшемъ году представление въ государственный совѣтъ. Весьма цѣнное пріобрѣтеніе для музея Академіи наукъ въ 1874 г. составила покупка богатой естественно-исторической коллекціи, собранной въ мѣстностяхъ центральной Азіи подполковникомъ Пржевальскимъ; уплата 10.000 рублей за эту коллекцію отнесена на средства государственного казначейства. Важнѣйшимъ дѣломъ Николаевской Пулковской обсерваторіи, состоящей въ научномъ отношеніи въ близкой связи съ Академіею наукъ, было въ 1874 году наблюденіе за прохожденіемъ планеты Венеры черезъ дискъ солнца; наблюденіе это было произведено въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи и заслуживаетъ особыго вниманія по важности своихъ результатовъ для науки и по тѣмъ огромнымъ приготовленіямъ, которыми дѣлались для него во всѣхъ образованныхъ странахъ мира; издержки нашего государственного казначейства на снаряженіе астрономическихъ экспедицій въ разныя мѣстности по этому предмету составили до 35.000 рублей. Въ числѣ обычныхъ трудовъ Николаевской Пулковской обсерваторіи въ истекшемъ 1874 году нужно упомянуть объ изданіи VI тома астрономическихъ наблюдений.—Императорская Публичная библиотека руко-

водствовалась съ 1871 года временнымъ расписаниемъ должностей и расходовъ, утвержденнымъ въ видѣ опыта на три года; въ истекшемъ году внесено было въ государственный совѣтъ представленіе съ проектомъ постояннаго штата, который и удостоился 25-го мая 1874 г. Высочайшаго утвержденія, при чмъ общая сумма содержанія по библіотекѣ достигла 80.007 руб. 76 коп., увеличившись, сравнительно съ временными расписаниемъ, на 4.450 рублей, которые обращены частью на усиленіе хозяйственныхъ расходовъ и частью на прибавочное содержаніе чиновникамъ.—Зданія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея требовали неотложнаго исправленія и приспособленія къ назначенію этого ученаго учрежденія; такое требование было удовлетворено въ 1874 году назначеніемъ на этотъ предметъ 33.236 руб. по счѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. Существующее при музѣ общество древне-русскаго искусства, съ цѣллю собирания и научной разработки памятниковъ русской древности во всѣхъ са отрасляхъ, получило въ 1874 году разрѣшеніе издавать Вѣстникъ, въ которомъ будуть помѣщаться труды общества; сверхъ того на расходы общества, по ходатайству г. министра, открыть былъ сверхсмѣтный кредитъ въ 3.000 рублей. Виленская публичная библіотека, составленная изъ множества частныхъ библіотекъ, не приведена еще въ полную извѣстность; множество книгъ и рукописей, имѣющихъ несомнѣнныи исторический интересъ, не внесены въ каталоги и такимъ образомъ остаются недоступными для публики; для ускоренія каталогизаціи оказалось необходимымъ усилить временно рабочія силы библіотеки, и съ этой цѣллю внесено представленіе въ государственный совѣтъ обѣ отпускѣ дополнительного кредита на этотъ предметъ, начиная съ 1875 года, по 2.000 рублей въ теченіе четырехъ лѣтъ. — Изъ ученыхъ обществъ Императорское Русское историческое общество удостоилось въ 1874 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго 30-го апрѣля миѣнія государственного совѣта, назначенія пособія по 6.000 руб. въ годъ въ теченіе шести лѣтъ, начиная съ 1875 года, на изданіе значительнаго числа собранныхъ имъ материаловъ, относящихся къ русской исторіи. Къ числу ученыхъ обществъ въ истекшемъ году присоединилось еще новое,—общество классической филологии и педагогики, утвержденіе устава коего предоставлено было министру народнаго просвѣщенія. Образованнныи при министерствѣ особыя временные комиссіи: одна въ 1872 году, подъ предсѣдательствомъ графа Д. А. Толстаго, для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, и другая въ 1873 году, подъ пред-

съдательствомъ сенатора Калачева для устройства русскихъ архивовъ, значительно подвинули свои работы въ теченіе 1874 года. Труды первой комиссіи состояли въ перепискѣ и повѣркѣ значительного числа писемъ, указовъ и различныхъ бумагъ Петра Великаго, выбранныхъ изъ государственного архива, архива правительствующаго сената, Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, архивовъ Тульскаго оружейнаго завода и Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генераль-губернатора, изъ библиотеки лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и изъ частной коллекціи кназя Волконскаго. Для изданія въ свѣтъ означенныхъ писемъ и бумагъ, назначено изъ суммъ государственного казначейства 5.000 рублей. Вторая комиссія успѣла собрать въ теченіе 1874 года свѣдѣнія о состояніи русскихъ архивовъ разныхъ министерствъ, обсудить добытые еще въ 1873 году материалы о положеніи архивовъ за границей и о способахъ приготовленія тамъ свѣдущихъ архиваріусовъ и затѣмъ остановилась на предположеніи о необходимости, съ одной стороны, образованія центральныхъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи и при нихъ историческихъ обществъ, а съ другой — учрежденія Археологическаго института съ цѣлью преподаванія въ ономъ иѣкоторыхъ специальныхъ предметовъ будущимъ ученымъ архиваріусамъ. Предположенія эти обрабатываются нынѣ въ подробности по плану, начертанному комиссию. Съ цѣлью содѣйствія археологіи и дальнѣйшаго развитія научныхъ археологическихъ разысканій въ 1874 году проходилъ, по примѣру бывшихъ археологическихъ съѣздовъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, третій археологический съездъ въ Киевѣ, представляющимъ, по богатому собранію памятниковъ старины, обильную пищу для археологіи; на расходы по этому съѣзду выдано было изъ суммъ государственного казначейства 4.000 рублей.

II. Университеты и высшія учебныя заведенія.

Общій планъ министерства народнаго просвѣщенія относительно университетовъ имѣть въ виду дальнѣйшее и соответствующее требованиямъ науки развитіе ученой и учебной дѣятельности этихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Для достижениія этой цѣли въ 1874 году также, какъ и въ предыдущихъ годахъ, служили главнымъ образомъ постепенное пополненіе каѳедръ, положенныхъ по уставу 1864 года, по мѣрѣ приготовленія лицъ, способныхъ занимать профессорскія должности, поощреніе дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ, умноженіе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ

учрежденій, необходиимъ для ученыхъ занятій, и вообще усиленіе матеріальныхъ средствъ университетовъ.

Изъ новыхъ каѳедръ, установленныхъ по уставу 1864 года, замѣщены были въ 1874 году въ Казанскомъ университетѣ—каѳедра сравнительной граматики индо-европейскихъ языковъ и доцентура оті-атрии или ушныхъ болѣзней при каѳедрѣ физиологической химіи. Особые курсы читались: въ Кіевскомъ университетѣ св. Владимира — по химії для студентовъ медицинскаго факультета, съ вознагражденіемъ преподавателя изъ специальныхъ средствъ; и въ Варшавскомъ университетѣ—по судебной медицине для студентовъ юридического факультета. Историко-филологический факультетъ Кіевскаго университета разширилъ въ 1874 году объемъ своего преподаванія введеніемъ обязательного для студентовъ слушанія политической экономіи и статистики въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ юридическомъ факультетѣ: признавая полезнымъ примѣнить эту мѣру къ историко-филологическому факультету всѣхъ университетовъ, г. министръ предложилъ ее на обсужденіе прочихъ университетовъ. Вийтъ съ тѣмъ, для необходимаго огражденія интересовъ правильнаго преподаванія университетскихъ лекцій и предупрежденія случаевъ уклоненія лицъ, приготовляющихся къ профессорскимъ должностямъ, отъ дѣйствительнаго и своевременнаго занятія этихъ должностей, предложено было попечителемъ учебныхъ округовъ обязывать профессоровъ, командируемыхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, возвращаться своевременно къ своей службѣ по истеченіи отпуска, или давать командировки подъ условиемъ возложенія чтенія лекцій отсутствующаго профессора на одного изъ наличныхъ преподавателей, съ согласія сего послѣдняго, а также на будущее время отъ молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и выдѣржавшихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ магистерскій экзаменъ, требовать обязательной выслуги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двухлѣтнаго срока за каждый годъ получения стипендіи.

Изъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ и продолжавшихъ обычную свою дѣятельность, общество естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университѣтѣ совершило въ 1874 году ученую экспедицію для изученія природы Арабо-Каспійской страны, при чемъ на расходы по этой экспедиціи отпущено было изъ суммъ государственного казначейства 10.000 рублей и, кромѣ того, успѣшному исполненію ея задачи оказано было существенное содѣйствіе

со стороны намѣстника кавказскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича. Общество испытателей природы при Харьковскомъ университѣтѣ получило въ 1874 году новый уставъ, въ которомъ, сравнительно съ прежнимъ, сдѣланы иѣкоторыя измѣненія и дополненія. касающіяся внутреннаго порядка распределенія занятій общества и точнѣе опредѣляющія кругъ его дѣйствій. При Киевскомъ университетѣ св. Владимира предположено учрежденіе юридическаго общества; оно должно возникнуть въ непродолжительномъ времени, по измѣненіи иѣкоторыхъ статей проекта устава, согласно предложенію министерства народного просвѣщенія.

Учебныя коллекціи университетовъ, независимо отъ приращенія на счетъ штатныхъ суммъ, увеличились въ 1874 году: въ С.-Петербургскомъ университетѣ—пріобрѣтеніемъ замѣчательной палеонтологической коллекціи академика Эйхвальда за 6.000 рублей, изъ которыхъ разрѣшено уплатить 2.000 рублей въ 1874 году, а остальные 4.000 въ теченіе четырехъ лѣтъ изъ суммъ государственного казначейства; въ Дерптскомъ университетѣ на счетъ остаточныхъ штатныхъ суммъ въ количествѣ 3.371 рублей 76 копѣекъ, съ разрѣшеніемъ министерства народного просвѣщенія, усилены средства анатомическаго театра, фармакологическаго и фармацевтическаго института, физического кабинета и акушерской и медицинской клиники. Изъ того же источника употреблены: въ Харьковскомъ университетѣ — 1.000 рублей на факультетскія клиники и 270 рублей на кабинеты физиологическій и судебнно-медицинскій, и въ Новороссійскомъ университетѣ—1.630 рублей на астрономическую обсерваторію и учебныя пособія. Московскій университетъ получилъ возможность пополнить и разширить свой зоологическій музей на счетъ суммъ, пожертвованыхъ г. Губонинымъ въ количествѣ 15.000 рублей и г. Цермикинымъ въ размѣрѣ 10.000 рублей. Сверхъ того, въ видахъ улучшенія помѣщеній для учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ С.-Петербургскомъ университетѣ приведены къ окончанію работы въ зданіи Jeu de roulette, принадлежащемъ университету, по устройству на чердачѣ павильона для спектроскопическихъ наблюдений, съ употребленіемъ на этотъ предметъ изъ хозяйственныхъ суммъ 1.250 рублей. Въ смѣту Московскаго университета внесено сначала 162.000 рублей, а потомъ еще 19.500 рублей на постройку двухъ каменныхъ зданій для анатомическихъ театровъ и Екатерининской больницы, съ отпускомъ этой суммы изъ государственного казначейства въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1874 года. Въ Дерптскомъ университетѣ на постройку бараковъ

для хирургической клиники, въ дополненіе къ отпущенными еще въ 1873 году 15.000 рубл., назначено Высочайше утвержденнымъ 20-го ноября 1874 года мнѣніемъ государственного совѣта на тотъ же предметъ еще 5.000 рублей; сумма эта оказалась достаточна только для виѣшней отдѣлки барака; на внутреннее же устройство и снабженіе его всѣмъ необходимымъ требуется еще до 8.000 рублей, о чмъ внесено уже представленіе въ государственный совѣтъ въ установленномъ порядке. По Киевскому университету св. Владимира Государемъ Императоромъ одобрены были соображенія г. министра народнаго просвѣщенія о необходимости построить новыя клиники для университета совмѣстно съ городскою больницей, на что потребуется до 150.000 рублей. Г. министръ финансовъ изъявилъ свое согласие на отпускъ означенной суммы изъ государственного казначейства съ разсрочкою кредита на три года; но представленіе по этому предмету въ государственный совѣтъ будетъ внесено по разсмотрѣніи строительныхъ смѣть въ техническомъ строительномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Штатныя суммы на содержаніе университетовъ увеличились только въ Дерптскомъ университѣтѣ, гдѣ, на основаніи Высочайше утвержденного 3-го юла 1874 года мнѣнія государственного совѣта, назначена прибавка до 21.750 рублей, начиная съ 1875 года, въ томъ числѣ: на усиленіе личного состава профессоровъ и ассистентовъ при клиникахъ—8.750 рублей, на патологический и фармацевтический институты, метеорологическую обсерваторію и химическій кабинетъ съ лабораторіею—4.000, и на хозяйственныя и другіе расходы—9.000 руб.

Въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ теченіе 1874 года важнѣшими мѣрами были измѣненіе плана изученія новыхъ языковъ и распределеніе студентовъ по двумъ только разрядамъ: а) древніхъ языковъ и б) русскаго языка и словесности, съ уничтоженіемъ разряда исторіи. Изъ новыхъ языковъ сдѣланъ обязательнымъ для каждого студента только одинъ по выбору и относительно языковъ студенты, безъ различія курсовъ, составляютъ лишь два отдѣленія: младшее — для болѣе слабыхъ и старшее — для болѣе успѣвшихъ. Разрядъ исторіи уничтоженъ временно, по неимѣнію въ виду въ ближайшемъ будущемъ учительскихъ вакансій по этому предмету и по большей надобности въ замѣщеніи учительскихъ вакансій по древнімъ языкамъ.

Нѣжинскій лицей князя Безбородко въ 1874 году успѣлъ выйті изъ того ненормального положенія, оставаясь въ которомъ онъ при-

надлежалъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ только по имени. Въ настоящее время, на основаніи Высочайше утвержденного 20-го ноября 1874 года мнѣнія государственного совѣта, Нѣжинскій лицей положено преобразовать въ Историко-филологический институтъ имѣзя Безбородко, для приготовленія учителей гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи, подобно Историко-филологическому институту въ С.-Петербургѣ. На содержаніе нового института, въ дополненіе къ прежней суммѣ 14.250 рублей, ассигновано изъ государственного казначейства по 73.914 руб., начиная съ 1-го января 1875 года съ тѣмъ, чтобы суммы, могущія образоваться до открытия института, были употребляемы, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, на первоначальное его обзаведеніе. Въ прошломъ же 1874 году, въ виду необходимости разширить помѣщеніе будущаго института, приступлено было къ передѣлкѣ лицейскаго дома, на что, по соглашенію съ г. министромъ финансовъ, назначено къ отпуску изъ государственного казначейства 54.208 рублей; въ то же время графиня Мусина-Пушкина, урожденная Кушелева-Безбородко, уступила, въ виду разширенія лицейскаго помѣщенія, принадлежавшій ей въ Нѣжинѣ участокъ земли, прилегающей къ зданію лица. Съ окончаніемъ постройки, новый институтъ предположено открыть еще въ нынѣшнемъ 1875 году, а между тѣмъ будетъ приготовляться все необходимое для этого заведенія, и теперь уже приобрѣтена для него специальная классическая библиотека покойнаго тайного совѣтника Штейнмана, состоящая изъ значительного числа сочиненій по части древней филологии.

Въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣ, достигшемъ уже полнаго развитія въ новомъ преобразованномъ видѣ, въ истекшемъ году окончился срокъ, на который были утверждены временно его уставъ и штатъ. Въ государственный совѣтъ внесены новый уставъ и штатъ, которыми долженъ руководствоваться лицей на будущее время. Въ теченіе 1874 года на счетъ остаточныхъ суммъ, съ разрѣшеніемъ министерства народнаго просвѣщенія, употреблено было въ Демидовскомъ лицѣ 2.000 руб. на пополненіе библиотеки и 1.500 рублей на печатаніе „Временника“, заключающаго въ себѣ ученыя труды профессоровъ.

Изъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, для специальныхъ классовъ Лазаревской института утверждены были министерствомъ правила для студентовъ, въ Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, недавно

еще преобразованихъ, даны были утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкціи для руководства директорамъ и соѣтамъ этихъ институтовъ и въ *Институтъ сельскаго хозяйства и земледѣльства* въ Новой Александрии, по Высочайше утвержденному 23-го ноября 1874 года положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, учреждена новая каѳедра лѣсныхъ наукъ, съ вознагражденіемъ преподавателя на счетъ суммы, оставшейся свободною отъ упраздненія въ институтѣ должности механика, за отдачею механической мастерской въ арендное содержаніе.

Гимназіи и прогимназіи.

Въ 1874 году были прияты нѣкоторыя дальнѣйшія мѣры къ правильному развитію гимназического образованія и къ лучшему удовлетворенію постоянно возрастающихъ потребностей населенія по этой части.

Къ числу важнѣйшихъ мѣръ въ этомъ родѣ принадлежитъ Высочайше утвержденное 8/20-го іюня истекшаго года инѣніе государственного совѣта обѣ открытии прогимназій въ составѣ не только четырехъ, но и шести классовъ, и о разрѣшеніи министерству преобразовать съ 1-го іюля 1874 года 15 прогимназій изъ четырехклассныхъ въ шестиклассныя.

Цѣлью этой мѣры было предоставить родителямъ способы къ воспитанію ихъ сыновей сколь можно долѣ, приблизительно до 16-ти и 17-ти лѣтнаго ихъ возраста, въ ближайшихъ къ ихъ мѣсту жительства учебныхъ заведеніяхъ, подъ непосредственнымъ своимъ присмотромъ и руководствомъ, чemu и могутъ удовлетворять шестиклассныя прогимназіи, тогда какъ при четырехклассномъ ихъ составѣ родителямъ приходилось отсылать дѣтей для дальнѣйшаго ихъ образованія въ губернскія гимназіи, гдѣ они продолжали развиваться безъ нравственной поддержки родителей, въ болѣе или менѣе чуждой имъ средѣ. Сверхъ того, прохожденіе курса четырехклассныхъ прогимназій не сообщало бы воспитанникамъ никакихъ особыхъ льготъ по воинской повинности, тогда какъ окончившие курсъ шести классовъ тѣмъ самимъ приобрѣтаютъ себѣ весьма важныя льготы, соотвѣтственно полученному ими образованію, которое признано достаточнымъ для будущихъ офицеровъ арміи. Наконецъ, и для поддержанія научныхъ стремленій въ самихъ преподавателяхъ прогимназій весьма важно, что съ преобразованіемъ этихъ училищъ, имъ предоставляется возможность преподавать свои предметы въ высшихъ, относительно, классахъ. По-

добная же мѣра, будучи прината въ свое время и подъ влияніемъ тѣхъ же побужденій въ сѣверной Германіи, привнесла тамъ весьма хорошие плоды; можно надѣяться, что и у насъ она окажется вполнѣ благотворною.

На основаніи вышеизложеннаго мнѣнія государственного совета, съ начала новаго учебнаго года былъ открытъ V-й классъ въ слѣдующихъ 15-ти прогимназіяхъ: трехъ С.-Петербургскіхъ, Виленской и Мозырской, Киевской, Острожской и Глуховской, Херсонской и Ананьевской, Пензенской, Елатомской и Корочанской, Якутской и Николаевской (въ Восточной Сибири). Въ выборѣ этихъ прогимназій для преобразованія ихъ въ шестиклассныя, министерство руководствовалось, главнѣйше, или отдаленностью ихъ отъ гимназій, или же неполненностью классовъ въ ближайшихъ гимназіяхъ.

Сверхъ того, въ виду все болѣе усиливающейся потребности въ гимназическомъ образованіи, открыты были 15 новыхъ четырехклассныхъ прогимназій: двѣ въ С.-Петербургѣ и по одной въ Москве, Одессѣ, Серпуховѣ, Вольске, Бѣломъ, Суражѣ, Прилукахъ, Коломнѣ, Егорьевскѣ, Рославлѣ, Касимовѣ, Ржевѣ и Ахтыркѣ, и преобразованы три прогимназіи (въ Казани, Киевѣ и Одессѣ) въ полныя гимназіи; 29-го января 1874 года Высочайше разрѣшено было открытие гимназіи въ Бѣлгородѣ, а 3-го декабря — открытие четырехклассной прогимназіи въ Павлоградѣ (Екатеринославской губерніи).

Такимъ образомъ, за истекшій годъ число гимназій въ имперіи увеличилось на четыре, прогимназій на 16, и положено начало преобразованію 15-ти прогимназій изъ четырехкласснаго состава въ шестиклассный. Въ этомъ отношеніи истекшій годъ достойно займеть свое мѣсто рядомъ съ 1873 годомъ, когда вновь были учреждены: одна гимназія, 10 прогимназій и 23 реальная училища.

Большая часть вновь учрежденныхъ въ 1874 году учебныхъ заведеній открыты, по принятому министерствомъ правилу, на совокупныя средства казны и мѣстныхъ земствъ и обществъ, чтѣ служить ручательствомъ и за дальнѣйшія ихъ заботы какъ о благосостояніи этихъ учебныхъ заведеній, такъ и о томъ, что учащіеся дѣйствительно извлекутъ изъ нихъ для себя пользу. Открытие большей части изъ нихъ сопровождалось приличными случаю торжествами и заявленіями благодарности за оказанное мѣстнымъ жителямъ благоѣяніе, равно какъ и сознательного пониманія той пользы, которую должно принести молодымъ поколѣніямъ правильное гимназическое образованіе на основаніи новаго устава гимназій и прогимназій.

Возбудившаяся въ обществѣ потребность въ гимназическомъ образованіи далеко, однакоже, не удовлетворяется существовавшими до селъ и вновь учрежденными гимназіями и прогимназіями, и число поступающихъ въ министерство прошеній объ учрежденіи вновь таиновъ же заведеній въ различныхъ мѣстностяхъ, съ пособіемъ на ихъ содержаніе со стороны мѣстныхъ земствъ и обществъ, весьма значительно. Еще въ исходѣ 1874 года (именно 11-го декабря) министръ долженъ былъ войти съ новымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ объ открытии четырехклассныхъ прогимназій въ Нарвѣ и въ Царицынѣ, съ отпускомъ изъ казны на содержаніе ихъ общихъ 19.914 рублей въ годъ, въ дополненіе къ суммѣ, назначенной для сего мѣстными обществами.

Скорѣйшее по возможности удовлетвореніе всѣхъ подобныхъ ходатайствъ въ высшей степени желательно, и министерство считаетъ своимъ долгомъ употреблять съ своей стороны всѣ къ тому усиленія. Затрудненія заключаются не столько даже въ денежныхъ средствахъ, сколько въ присканіи совершенно достойныхъ преподавателей, инспекторовъ и директоровъ гимназій и прогимназій.

Въ августѣ 1873 г. былъ учрежденъ новый разсадникъ учителей древнихъ языковъ за границею, при Лейпцигскомъ университѣтѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитѣйшаго изъ современныхъ филологовъ, профессора Риттла. Хотя эта русская филологическая семинарія въ Лейпцигѣ дастъ нашимъ гимназіямъ первый выпускъ подготовленныхъ въ ней учителей только чрезъ полтора года, тѣмъ не менѣе уже и теперь, по наблюденіямъ на мѣстѣ въ 1873 году попечителя Московскаго учебнаго округа князя Мещерскаго и въ истекшемъ году предсѣдателя ученаго комитета г. Георгіевскаго, можно обѣщать нашимъ гимназіямъ и даже университетамъ существенную пользу отъ этого нового учрежденія. Въ эту семинарію принимаются лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ молодые люди изъ окончившихъ полный гимназіческій курсъ въ гимназіяхъ, какъ Дерптскаго и другихъ учебныхъ округовъ имперіи, такъ и Австрійскихъ славянскихъ земель. Съ самаго уже начала, благодаря своему знаменитому директору и славѣ многихъ профессоровъ классической филологии въ Лейпцигскомъ университѣтѣ, она пріобрѣла такую отличную известность, что число желающихъ поступить въ нее далеко превышаетъ число имѣющихся въ ней вакансій. Независимо отъ лицъ, которыхъ имѣли быть отправлены въ нее изъ Россіи, къ началу новаго учебнаго года, поступило болѣе 60 прошеній отъ моло-

дыхъ людей, съ отличиемъ окончившихъ полный курсъ въ австрійскихъ гимназіяхъ, между тѣмъ какъ по положенію о семинарії г. Ритцль могъ принять въ неё только 11 человѣкъ для замѣщенія положенного въ ней числа 20 вакансій. Во вниманіе къ его ходатайству и еще болѣе къ нуждамъ нашихъ учебныхъ заведеній, министерство нашло возможнымъ разрѣшить ему принять еще 5 молодыхъ людей, такъ что въ настоящее время число нашихъ стипендіатовъ въ Лейпцигской семинаріи простирается до 25 человѣкъ, и, вмѣсть съ тѣмъ, внесено представленіе въ государственный совѣтъ объ увеличеніи на 7.500 руб. суммы, ассигнованной на содержаніе нашей филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, съ тѣмъ, чтобы довести число ея стипендіатовъ по меньшей мѣрѣ до 30, а также содержаніе ея директора и преподавателей хотя сколько-нибудь уравновѣсить съ количествомъ лежащаго на нихъ труда.

Состоящіе нынѣ въ Лейпцигской семинаріи 25 стипендіатовъ съ величайшимъ рвениемъ и успѣхомъ занимаются предметами классической филологии подъ руководствомъ своихъ знаменитыхъ наставниковъ, не теряя, можно сказать, ни минуты времени для своего образования. Всѣ они проникнуты любовью къ своему дѣлу и сознаніемъ высокихъ обязанностей наставниковъ юношества, которыхъ ожидаютъ ихъ впереди. Изъ этихъ 25 лицъ—12 уже по самому своему рождению принадлежать къ числу русскихъ подданныхъ, 4 вновь приняли русское подданство, остальные 9 предполагаютъ принять его въ ближайшее время и всѣ дали законное обязательство прослужить учителями русскихъ гимназій по два года за каждый годъ получения стипендій; 8 изъ нихъ владѣютъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ природнымъ, 7 тщательно и съ успѣхомъ обучались ему въ гимназіяхъ Дерптскаго учебного округа, и, наконецъ, 10, принадлежа къ числу западныхъ Славянъ, хотя и обучались русской грамматикѣ, но еще недостаточно навыкли въ русской рѣчи; но приняты уже всѣ мѣры для обучения ихъ русскому языку, по которому назначены для нихъ ежедневные уроки. Въ будущемъ, по мѣрѣ того, какъ наши гимназіи будутъ давать лучшую подготовку въ древнихъ языкахъ, предположено отправлять въ Лейпцигскую семинарію исключительно природныхъ русскихъ; для западныхъ же Славянъ, съ отличиемъ окончившихъ курсъ въ своихъ гимназіяхъ, если это окажется нужнымъ, открыть особую филологическую семинарію въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Обращаясь къ мѣрамъ для дальнѣйшаго благоустройства нашихъ

гімназій, упомянемъ, что 11-го декабря 1874 года г. министр народного просвѣщенія вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о раздѣленіи VII-го (высшаго) класса гімназій на два самостоятельные класса, вмѣсто нынѣшніхъ двухъ отдѣленій, его составляющихъ,— младшаго и старшаго, которыя обучаются вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же предметамъ и у однихъ и тѣхъ же учителей. Главнѣйшимъ къ тому побужденіемъ послужила многочисленность учениковъ въ старшемъ классѣ гімназій, ибо вопреки слухамъ, распространеннымъ извѣстною частью нашей печати, въ настоящее время, несмотря на болѣе строгія правила объ испытаніяхъ, высшаго класса гімназій достигаетъ если не большее, то, во всякомъ случаѣ, никакъ не меньше число учащихся, чѣмъ прежде. Такъ, въ среднемъ выводъ для 80-ти гімназій (за исключеніемъ изъ общаго числа — гімназій Варшавскаго и Дерптскаго округовъ) въ старшемъ классѣ каждого изъ этихъ учебныхъ заведеній обучается по 28 или 29 учениковъ; въ 37-ми изъ этихъ гімназій число учениковъ старшаго класса простирается до 40, а въ 14-ти превышаетъ даже и этотъ комплектъ, и нерѣдко въ значительной мѣрѣ; напримѣръ, въ старшемъ классѣ гімназій Полтавской и 2-й Московской въ 187^{3/4} учебномъ году было по 53 ученика въ каждой, въ Житомирской гімназії 56, въ Пензенской 65, а во 2-й Кіевской даже 79. При такой многочисленности учениковъ старшаго класса очевидно крайнее затрудненіе обучать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, особенно если принять во вниманіе, что въ старшемъ классѣ, и по возрасту учениковъ, и по содержанію самого преподаванія, необходимо преподавателямъ гораздо долѣе заниматься съ каждымъ ученикомъ въ отдельности, а чрезъ то, при многочисленности учащихся, весьма многихъ изъ нихъ приходится слишкомъ рѣдко спрашивать, слишкомъ мало контролировать ихъ вниманіе и прилежаніе, а это, естественно, ведетъ къ уменьшенію ихъ рвненія къ занятіямъ и можетъ оказать неблагопріятное вліяніе даже на нравственное ихъ настроеніе.

Г. министръ финансовъ, съ своей стороны, изъявилъ согласіе на отпускъ необходимой суммы для раздѣленія VII-го класса гімназій на два самостоятельные класса, съ тѣмъ, чтобы раздѣленіе это производилось постепенно и было вполнѣ совершено въ 4 года, на чѣмъ въ 1875 году потребуется сумма въ 43.335 руб., въ 1876 году — 86.670 руб., въ 1877 — 130.005 руб. и, наконецъ, съ 1878 года по 173.340 руб. въ годъ.

Мѣра эта, несомнѣнно, должна оказать благотворное вліяніе какъ

на успѣшность занятій учениковъ VII-го класса, такъ и на нравственное ихъ настроение.

Гимназіи, какъ учебныя заведенія, подготавливающія своихъ учениковъ ко вступленію въ университеты и другія высшія учебныя заведенія и тѣмъ самымъ открывающія имъ доступъ къ высшимъ должностямъ общественной и государственной службы, не исполнили бы своего высокаго назначения, еслибы, занявшиись исключительно умственнымъ развитіемъ своихъ учениковъ, остались равнодушны къ воспитанію ихъ въ добрыхъ правилахъ и привычкахъ нравственности и въ духѣ полнѣйшей преданности престолу и отечеству. Въ истекшемъ гражданскомъ году, г. министръ обратилъ особенное вниманіе всѣхъ учебныхъ начальствъ и наставниковъ юношества на важное значеніе этого нравственно-воспитательнаго значенія гимназій, и утвердивъ 4-го мая 1874 года, на основаніи § 35 устава гимназій, общія для всѣхъ учебныхъ округовъ правила для учениковъ и правила о взысканіяхъ съ нихъ въ случаѣ проступковъ, подробнѣ указалъ въ особой объяснительной къ этимъ правиламъ запискѣ на тѣ положительные способы дѣйствія, которыми располагаетъ каждая гимназія для нравственнаго улучшенія и облагорожденія своихъ питомцевъ, для пріученія ихъ къ духу порядка и строгой дисциплинѣ, для развитія въ нихъ сознанія долга, истинной религіозности и патріотизма.

Правила эти завершалитъ собою кругъ тѣхъ общихъ инструкцій, составленіе которыхъ возложено новымъ уставомъ на министерство народного просвѣщенія и которые обнимаютъ собою учебные планы, правила о приемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, наставленіе относительно управления пансионами при гимназіяхъ и наставленіе хозяйственныхъ комитетовъ. Всѣ эти болѣе или менѣе обширные и сложные работы въ настоящее время уже окончены, и министерству народного просвѣщенія остается лишь неослабно следить за возможно лучшимъ и разумнѣйшимъ примѣненіемъ ихъ къ дѣлу, которое станетъ тѣмъ болѣе легкимъ и сподручнымъ, чѣмъ болѣе сами учебныя начальства и наставники юношества освоются съ ними и проникнутся имъ духомъ, для чего, конечно, необходимо время и возможно большая устойчивость и немѣнѣемость всѣхъ означенныхъ правилъ.

Впрочемъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, педагогическое съсловіе нашихъ гимназій оказалось въ уровень съ увеличившимися, въ настоящее время, трудностями своей задачи, и лишь весьма рѣдко обнаруживало не совершенно ясное пониманіе самаго духа новыхъ требованій.

нїй. Такъ, между прочимъ, случалось иногда, что сами же педагогические союзы, чрезъ посредство попечителей учебныхъ округовъ, входили съ ходатайствомъ въ министерство народного просвѣщенія о дозволеніи перевести въ ближайшіе высшіе классы нѣкоторыхъ учениковъ, которые, по общему мнѣнію совѣтовъ, заслуживали того по своимъ успѣхамъ, но тѣмъ не менѣе оказывались не подходящими подъ формальныя требованія, установленные новыми правилами обѣ испытаніяхъ. Министерство сочло за должное указать, что во всѣхъ подобныхъ случайахъ необходимо обращать наибольшее вниманіе на то, можетъ ли ученикъ съ дѣйствительной для себя пользою научить предметы слѣдующаго класса, достаточно ли онъ для того зрѣль и подготовленъ, и если онъ признается за такового недидактическимъ союзомъ, то послѣдній можетъ всегда принять на себя ходатайство о переводе его въ слѣдующій классъ, и отъ попечителя учебного округа зависить, вникнувъ во всѣ обстоятельства дѣла, дать, или нѣть, разрешеніе на такое ходатайство.

Такъ какъ на гимназіяхъ лежитъ несомнѣннаѧ обязанность не только сообщать учащимся познанія, но и нравственно ихъ воспитывать такъ, чтобы они стали впослѣдствіи полезными членами общества и вѣрными, усердными слугами престола и отечества, то вслѣдствіе того и въ новыхъ правилахъ обѣ испытаніяхъ переводъ учениковъ изъ класса въ классъ поставленъ въ зависимость не отъ случайно-удачныхъ отвѣтовъ ихъ на взаменѣ, а отъ постояннаго ихъ прилежанія въ теченіе пѣлаго года, отъ течущаго и добросовѣстнаго исполненія ими всѣхъ своихъ обязанностей.

Это новое еще у насъ правило не могло на первыхъ порахъ не уменьшить до нѣкоторой степени числа учениковъ, удостоенныхъ перевода въ ближайшій высшій классъ; но уменьшеніе это оказалось вообще въ первый же годъ не очень значительнымъ: на два процента для цѣлаго Харьковскаго учебнаго округа, сравнительно съ среднимъ выводомъ за предшествовавшее шестилѣтіе (1865—1870 г.), и не болѣе какъ на 4 процента сравнительно съ предыдущими годами въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Виленскомъ. Но за то въ слѣдующее же затѣмъ полугодіе (именно къ 1-му января 1874 г.) успѣшность учащихся возвысилась на два процента въ С.-Петербургскомъ округѣ и на восемь въ Московскому, по всѣмъ предметамъ учения, и на восемь же процентовъ и въ томъ и въ другомъ округахъ по древнимъ языкамъ и по математикѣ въ отдѣльности.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что пріученіе учениковъ съ самыхъ низшихъ классовъ въ строгому и отчетливому исполненію всѣхъ ихъ обязанностей увеличить впослѣдствіи число успѣшащихъ между ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить ихъ въ нравственномъ отношеніи и положить конецъ той распущенности, которой все еще страдаетъ значительная часть нашего учащагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества.

Истекшій учебный годъ заключился, по обычаю, испытаніями зрѣлости окончившимъ полный курсъ гимназического ученія, происходившими въ 79 гимназіяхъ правительственныхъ (не считая здѣсь Варшавскаго и Дерптскаго учебныхъ округовъ, кромѣ однако же Рижской Александровской гимназіи, въ которой преподаваніе ведется на русскомъ языке), 8-ми частныхъ гимназіяхъ и 3-хъ церковныхъ училищахъ иностраннѣй исповѣданій въ С.-Петербургѣ. Подвергались испытаніямъ зрѣлости 1098 человѣкъ (на 49 человѣкъ болѣе противъ 1873 г.); изъ нихъ успѣшно выдержали испытаніе и удостоились аттестата или свидѣтельства зрѣлости—777 (на 92 человѣка болѣе 1873 г.). Такимъ образомъ изъ каждыхъ ста человѣкъ, державшихъ экзаменъ зрѣлости, выдержали онъ въ 1873 году безъ малаго 66 человѣкъ ($\frac{2}{3}$), а въ 1874 г., безъ малаго—71, чѣдѣ представляемъ увеличеніе почти на 5 процентовъ. Наибольшую безуспѣшность отмѣчался экзаменъ постороннихъ лицъ, изъ коихъ только четвертая часть (38 человѣкъ) получили свидѣтельства зрѣлости; затѣмъ экзаменъ учениковъ частныхъ гимназій, который однако же противъ 1873 г. шелъ вдвое успѣшнѣе (выдержавшихъ его было въ 1874 г. около 64% противъ 32% въ 1873 г.); что же касается до учениковъ самихъ гимназій, то изъ 872, подвергнувшихся испытанію зрѣлости, выдержали его 681 или 78%, чѣдѣ противъ 1873 г. представляетъ увеличеніе на 2 слишкомъ процента.

По мѣрѣ того какъ новые порядки, установленные въ гимназіяхъ въ силу устава 1871 г., будуть въ нихъ болѣе и болѣе упрочиваться и менѣе встрѣчать противодѣйствія извѣй, нѣть сомнѣнія, что и число успѣшно оканчивающихъ полный курсъ ученія будетъ увеличиваться. Въ этомъ отношеніи не безъинтересно однако же и теперь сравнить результатъ испытаній зрѣлости въ истекшемъ году въ 8-ми гимназіяхъ Дерптскаго округа (съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ) съ таковыми же въ прочихъ вышеозначенныхъ гимназіяхъ. Гимназіи Дерптскаго округа находятся не въ переходномъ состояніи, какъ всѣ остальные, а въ совершенно нормальныхъ и весьма благопріятныхъ

условіяхъ, которая при томъ непрерывно развивались въ одномъ и томъ же направленіи. Тѣмъ не менѣе изъ каждыхъ ста, подвергавшихся въ нихъ испытанію зрѣлости, выдержали его—68 (а въ прочихъ гимназіяхъ—71), но за то изъ каждыхъ ста учениковъ самихъ этихъ гимназій, подвергавшихся испытанію зрѣлости, выдержали его—85 (на 7 процентовъ болѣе противъ прочихъ гимназій). И здѣсь постороннія лица обнаружили наибольшую безусѣшность, и изъ нихъ только 46% признаны достойными свидѣтельства зрѣлости.

Сравненіе это показываетъ, что гимназіи, на которыхъ простирается дѣйствіе новаго учебнаго устава и которыхъ находятся, такъ сказать, въ порѣ своего перерожденія, по числу успѣшно оканчивающихъ въ нихъ полный курсъ ученика, не такъ далеко отстоятъ отъ гимназій, которыхъ постоянно развивались въ одномъ и томъ же направленіи и пользуются нынѣ нормальными и вообще весьма благопріятными условіями.

Полныхъ свѣдѣній о числѣ вновь поступившихъ и о числѣ наличныхъ учениковъ гимназій и прогимназій, при наступленіи 18^{74/75} учебнаго года, къ сожалѣнію, еще не доставлено изъ всѣхъ учебныхъ округовъ; судя же по таковымъ свѣдѣніямъ изъ округовъ С.-Петербургскаго и Киевскаго, числа эти должны были значительно увеличиться противъ начала 18^{73/74} учебнаго года: число наличныхъ учениковъ гимназій и прогимназій въ С.-Петербургскомъ округѣ возвросло до 200, а въ Киевскомъ—до 480 человѣкъ.

Реальные училища.

За открытиемъ въ 1873 году 23-хъ новыхъ реальныхъ училищъ, министерство народнаго просвѣщенія должно было заботиться преимущественно о правильномъ развитіи этихъ новоучрежденныхъ учебныхъ заведеній. Поэтому въ продолженіе 1874 г. вновь было открыто только одно реальное училище, въ г. Мелитополь, Таврической губерніи, преобразованное изъ содѣржавшагося на средства земства уѣзднаго училища. Объ этомъ преобразованіи земство ходатайствовало еще въ прошломъ 1873 г., постановивъ отпустить единовременно 10.000 руб. на приспособленіе зданія, занимаемаго уѣзднымъ училищемъ, подъ помѣщеніе реального училища и 2.000 руб. на пополненіе библіотеки и кабинетовъ учебными пособіями; на содѣржаніе же училища ежегодно ассигновать по 12.550 руб., въ дополненіе къ которымъ такую же сумму—12.550 руб.—придется отпускать изъ государственного казначейства. Училище, по желанію земства, предпо-

лагается 6-ти классное, приспособленное къ потребностямъ техноло-
гическимъ и агрономическимъ; къ началу текущаго года оно было
открыто въ составѣ трехъ низшихъ классовъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ открытыхъ въ прошломъ году четырехка-
сныхъ реальныхъ училищъ, по ходатайству и на средства мѣстныхъ
обществъ, разрѣшено открыть два низшия класса, то-есть, 1-й и 2-й,
а именно при училищахъ: Псковскомъ, Орловскомъ, Екатеринбург-
скомъ и Сарапульскомъ; сверхъ того разрѣшено открытие одного 2-го
класса при Костромскомъ реальному училищѣ.

Въ Привислянскомъ краѣ до 1874 г. существовали на прежнихъ
основаніяхъ двѣ реальная гимназіи и одна прогимназія.

Министерство народного просвѣщенія, въ виду предириятияго
правительствомъ полнаго объединенія Царства Польскаго съ осталъ-
ными частями имперіи, признавая необходимымъ распространить
уставъ реальныхъ училищъ на находящіяся въ Привислянскомъ краѣ
реальная*учебная заведенія, 3-го ноября 1873 г. входило въ коми-
тетъ по дѣламъ Царства Польскаго съ представлениемъ о примѣне-
ніи, съ нѣкоторыми отступленіями, къ реальнымъ гимназіямъ и про-
гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа устава и штатовъ реаль-
ныхъ училищъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

По разсмотрѣніи сего представленія, комитетъ полагалъ:

I. Дѣйствіе устава реальныхъ училищъ вѣдомства министерства
народного просвѣщенія распространить, съ начала 1874/75 учебнаго
года, на реальную гимназію въ Варшавѣ и Влоцлавскѣ и прогимназію
въ Ловичѣ, съ нѣкоторыми въ означенномъ уставѣ измѣненіями.

Измѣненія эти основаны на дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ
уложеніяхъ, при чѣмъ приняты во вниманіе Высочайше утвержден-
ные правила о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія,
служащихъ въ губерніяхъ Царства. Полагалось, между прочимъ,
исключить всѣ статьи устава о почетныхъ попечителяхъ, о попечи-
тельствѣ и о пансіонахъ при реальныхъ училищахъ; плату за ученіе,
которая, по уставу, должна составлять собственность сихъ заведеній,
предоставить вносить въ мѣстное казначейство въ установленные
сроки и т. д.

II. Предоставить министру народного просвѣщенія, на будущее
время, при открытии въ Варшавскомъ учебномъ округѣ новыхъ реаль-
ныхъ училищъ, руководствоваться уставомъ 15-го мая 1872 г. съ
упомянутыми измѣненіями.

III. Предоставить ему же составленную для реальныхъ училищъ

Варшавскаго учебнаго округа таблицу числа недѣльныхъ уроковъ ввести въ дѣйствіе.

IV. На покрытие издержекъ, въ количествѣ 62.184 руб. 48 коп., потребныхъ на преобразованіе въ реальнага училища упомянутыхъ реальныхъ гимназій и прогимназій, употребить 47.949 руб. 48 коп., отпускаемые на содержаніе реальныхъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа; остальные же 14.235 руб. вносить съ начала 1875 г. въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а потребную въ 1874 г., по разчету времени, добавочную сумму отпустить дополнительнымъ кредитомъ, съ отнесениемъ оной на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

V. Штатъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа поднести на Высочайшее утвержденіе.

Государь Императоръ, 11-го февраля 1874 года, на журналѣ комитета соизволилъ написать собственноручно: „исполнить“, удостоивъ въ тотъ же день Высочайшаго утвержденія и штатъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа.

О всемъ вышеизложенномъ было сообщено г. министромъ народнаго просвѣщенія попечителю Варшавскаго учебнаго округа отъ 23-го февраля 1874 г. съ предложеніемъ преобразовать Варшавскую и Влоцлавскую реальныя гимназіи и Ловичскую прогимназію въ 6-ти классныя реальнага училища: въ Варшавѣ—съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, а Влоцлавскѣ и Ловичѣ—съ отдѣленіемъ основнымъ. Преобразованіе это уже состоялось къ началу 18^{74/75} учебнаго года.

Относительно предполагаемаго къ началу будущаго учебнаго года открытия новыхъ реальныхъ училищъ слѣдуетъ замѣтить, что съ самого введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава, въ министерство народнаго просвѣщенія стали поступать въ большомъ количествѣ изъ разныхъ мѣстностей ходатайства объ открытии новыхъ реальныхъ училищъ, при чёмъ предлагаются единовременныя и постоянныя посильныя пожертвованія на содержаніе этихъ заведеній. Министерство не можетъ ие относиться сочувственно къ подобнымъ ходатайствамъ, вызываемымъ дѣйствительною потребностю въ полученіи реальнаго образования. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не можетъ упускать изъ виду, что одновременное удовлетвореніе всѣхъ заявлений такого рода, даже при пожертвованіяхъ мѣстныхъ обществъ, было бы крайне обременительно для государстvenнаго казначейства, а съ другой стороны было бы и неисполнимо, за недостаткомъ способныхъ преподавателей. Руководствуясь этими

соображениями и отзывами попечителей подлежащихъ учебныхъ округовъ, министерство остановилось въ настоящее время на тѣхъ пунктахъ, гдѣ ощущается особенная надобность въ реальныхъ училищахъ и гдѣ мѣстные общества выразили готовность оказывать имъ такую материальную поддержку, которую, по имѣющимся даннымъ, нельзя не признать достаточную. На сихъ основаніяхъ министерство признаетъ необходимымъ, съ начала 18^{75/76} учебнаго года, открыть реальные училища въ городахъ: Новгородѣ, Тулѣ, Твери, Екатеринославѣ, Муромѣ, Новозыбковѣ (Черниговской губерніи) и Калугѣ—всего 7 училищъ, на содержаніе коихъ, сверхъ жертвуемыхъ обществами суммъ, потребуется отъ государственного казначейства 115.110 руб. ежегодно, о чемъ и внесено представление въ государственный совѣтъ.

Еще въ 1873 году были приняты мѣры для подготовки учителей химіи и механики въ реальныхъ училищахъ, прикомандированіемъ для практическаго изученія этихъ предметовъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ по физико-математическому факультету, частію въ Императорскому высшему техническому училищу въ Москвѣ, частію же въ политехническимъ институтамъ за границей. Въ 1874 году, по поводу предстоявшаго открытия при нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій и по крайнему недостатку въ учителяхъ коммерческихъ наукъ, министерство должно было озабочиться подготовленіемъ преподавателей и по этой специальности. По сему было предложено гг. попечителямъ учебныхъ округовъ, циркуляромъ отъ 23-го мая, вызвать достаточное число молодыхъ людей изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ по юридическому факультету, предпочтительно по административному разряду или, по крайней мѣрѣ, оказавшихъ хорошеѣ успѣхи по политической экономіи, статистикѣ и финансовому праву,—съ тѣмъ, чтобы они занимались въ С.-Петербургѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ подъ руководствомъ опытнаго наставника, для приготовленія себя къ преподавательскимъ должностямъ коммерческихъ наукъ въ реальныхъ училищахъ, съ выдачею имъ, на все время приготовленія, стипендій по 500 руб. каждому. На этотъ вызовъ изъявили желаніе получить стипендію 12 молодыхъ людей, коимъ и было разрѣшено выдать ону; для занятій же съ ними избрали кандидатъ коммерческихъ наукъ Н. Ф. Повѣткінъ, участвовавшій въ составленіи программы реальныхъ училищъ.

На покрыtie потребныхъ для этихъ стипендіатовъ расходовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія входилъ съ представлениемъ въ

государственный советъ объ ассигнованіи въ минувшемъ 1874 году 7.850 руб. на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ сметъ.

Въ томъ же представлениі онъ ходатайствовалъ о внесеніи въ смету 1875 года 40.430 руб. на покрытие въ семъ году расходовъ по приготовленію учителей по механикѣ, химії и коммерческимъ наукамъ для реальныхъ училищъ.

Состоящій при министрѣ народнаго просвѣщенія для исполненія поручений по реальному образованію д. с. с. Гезенъ былъ вторично командированъ на три мѣсяца за границу, съ цѣллю ближе и подробнѣе ознакомиться съ устройствомъ и направленіемъ существующихъ въ западной Европѣ среднихъ техническихъ и реальныхъ учебныхъ заведеній, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ въ прошломъ году не былъ или не успѣлъ достаточно подробно ознакомиться съ подлежащими училищами, а именно въ Саксоніи и Бельгії,—двухъ государствахъ, гдѣ промышленность развита болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ материка Европы. Такимъ образомъ министерство имѣеть нынѣ объ организаціи техническаго и такъ называемаго реальнаго образованія въ главнѣйшихъ промышленныхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, гораздо болѣе подробнѣя свѣдѣнія чѣмъ тѣ, какія могутъ быть получены изъ печатныхъ источниковъ.

На основаніи §§ 17 и 72 устава реальныхъ училищъ министерство должно было озабочиться составленіемъ инструкціи хозяйственнымъ комитетамъ и правилъ испытаній на пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ. Для этой цѣли учреждены были двѣ комиссіи подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Гезена.

Составленная этой комиссіею, примѣнительно къ инструкціи, утвержденной для гимназій, инструкція хозяйственнымъ комитетамъ реальныхъ училищъ была разсмотрѣна ученымъ комитетомъ министерства и за тѣмъ утверждена г. министромъ.

Другая комиссія, для составленія правильъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ, примѣнительно къ правиламъ, утвержденнымъ для гимназій, также окончила возложенное на нее порученіе, но выработанный ею проектъ подлежитъ еще дальнѣйшему разсмотрѣнію.

Наконецъ, во исполненіе требованія § 31 устава реальныхъ училищъ, была составлена комиссія для пересмотра, примѣнительно къ реальнымъ училищамъ, правиль для учениковъ гимназій и прогимназій, а равно и правиль о взысканіяхъ, утвержденныхъ г. министромъ.

4-го мая 1874 г. Эта послѣдняя комиссія пришла къ заключенію, что какъ тѣ, такъ и другіе правила, должны быть обязательны также и для обучающихся въ реальныхъ училищахъ.

До окончательного утверждения и изданія выработанныхъ выше-означенными комиссіями инструкціи и правилъ, министерство разрѣшило реальнымъ училищамъ руководствоваться, на сколько ока-жется возможнымъ, таковыми же инструкціею и правилами, утверж-денными для гимназій и прогимназій. Возникшій же затѣмъ въ нѣко-торыхъ реальныхъ училищахъ недоумѣнія относительно производства испытавъ, были разрѣшены особыми пояснительными указаніями.

Циркулярнымъ предложеніемъ отъ 1-го июня начальствамъ учеб-ныхъ округовъ, вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія, было разъяс-нено, что на учениковъ гимназій и прогимназій, пробывшихъ нѣко-торое время въ одномъ изъ классовъ сихъ заведеній и перешедшихъ въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ, должно быть рас-пространено общее правило относительно срока пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ реальныхъ училищъ, то-есть, они могутъ оста-ваться въ томъ классѣ реальныхъ училищъ, въ который перешли изъ гимназій и прогимназій, только время недостающее до двухъ лѣтъ.

По § 25 устава реальныхъ училищъ воспитанники гимназій и про-гимназій принимаются въ соотвѣтственные классы реальныхъ училищъ безъ экзамена. Между тѣмъ, такие ученики могутъ не обучаться въ гимназіи и прогимназіи тому новому языку, который въ реальномъ училищѣ, куда они переходятъ, считается обязательнымъ. Въ видѣ сего, 23-го февраля 1874 г., было циркулярно разъяснено началь-ствамъ учебныхъ округовъ, что ученики гимназій и прогимназій, поступающіе въ реальные училища съ знаніемъ необязательного въ томъ училищѣ нового языка, могутъ продолжать заниматься въ учи-лищѣ этимъ языкомъ, который для нихъ долженъ быть обязатель-нымъ.

По § 27 устава гимназій и прогимназій, ученики этихъ учебныхъ заведеній, выбывшіе изъ нихъ добровольно или за невзносъ платы за ученіе уволенные изъ оныхъ, по внесеніи сими послѣдними всей, сѣ-довавшей съ нихъ въ это время платы, имѣютъ право поступать въ тѣ же классы безъ экзамена, если со дnia выбытія или увольненія по день поступленія прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Мѣра эта рас-пространена, съ 14-го мая прошлаго года и на бывшихъ учениковъ реальныхъ училищъ, а равно на переходящихъ въ реальные училища изъ гимназій и прогимназій.

V. Женскія гимназіи и прогимназіи.

Въ женскіхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, существующихъ на основаніи Положенія 24-го мая 1870 года, произошли въ теченіе 1874 года значительныя улучшенія относительно устройства учебной и административной части.

Положеніе 1870 года опредѣляетъ только въ общихъ чертахъ составъ и продолжительность учебного курса, а равно число классовъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ; затѣмъ опредѣленіе объема преподаванія указанныхъ въ Положеніи предметовъ предоставлялось до сихъ поръ педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій и вслѣдствіе этого явилось неизбѣжно отсутствіе единства въ учебномъ планѣ, вредное въ томъ отношеніи, что различныя гимназіи, равныя между собою по учебному курсу, нерѣдко оказывались въ дѣйствительности далеко неравными; недостатокъ этой чувствовался въ одинаковой мѣрѣ какъ въ основныхъ классахъ, такъ и въ высшемъ дополнительному классѣ гимназій, где педагогическое приготовленіе воспитанницъ совершалось въ разныхъ мѣстностяхъ по различнымъ планамъ. Для устраненія этихъ неудобствъ, въ министерствѣ народного просвѣщенія, при содѣйствіи учебныхъ окружныхъ начальствъ, составлены были и утверждены г. министромъ 31-го августа 1874 года подробныя правила, не только опредѣляющія съ точностью одинаковые для всѣхъ женскіхъ гимназій и прогимназій планы преподаванія по отдельнымъ предметамъ съ указаніемъ числа уроковъ въ каждомъ изъ основныхъ классовъ и дающія подробныя указанія относительно условій приема ученицъ, перевода ихъ изъ класса въ классъ и окончательного испытанія для получения аттестата. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ число необязательныхъ предметовъ, включены съ 1874 года для желающихъ языки: латинскій, греческій и педагогика. Равнымъ образомъ и въ восьмомъ, дополнительному, классѣ опредѣлены составъ учебного курса, способы занятій избранными предметами, какъ теоретические, такъ и практические, и требованія испытанія для получения званія домашней наставницы или учительницы. Правила эти напечатаны для всеобщаго свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ издано и Положеніе 24-го мая 1874 года со всѣми послѣдовавшими въ немъ измѣненіями и дополненіями. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣры эти будутъ способствовать возворенію въ женскіхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ основательного и правильнаго образованія, тѣмъ болѣе, что руковод-

ство учебною частію въ этихъ заведеніяхъ принадлежитъ предѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ, въ которые назначались до сихъ порь директоры мужскихъ гимназій или реальныхъ училищъ и инспекторы мужскихъ прогимназій, а съ 1874 года, будуть назначаться, сверхъ того, директоры шестиклассныхъ прогимназій, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, и только за неимѣніемъ этихъ лицъ въ какой либо мѣстности, могутъ назначаться штатные смотрители уѣздныхъ училищъ и учителя-инспекторы городскихъ училищъ; если же нѣть и сихъ послѣднихъ, то начальницы женскихъ гимназій и прогимназій.

Женскія гимназіи и прогимназіи по Положенію 24-го мая 1874 года содержатся преимущественно на счетъ общественныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій, получая изъ государственного казначейства только пособіе, размѣръ котораго, простиравшійся въ 1873 году до 125.000 руб., возросъ въ 1874 году до 150.000 руб., то-есть, до вышшей суммы, опредѣленной на этотъ предметъ еще въ 1870 г. вмѣсть съ изданіемъ Положенія. По числу женскихъ гимназій и прогимназій такое пособіе со стороны государственного казначейства нельзѧ не признать крайне умѣреннымъ. Важнѣйшия пособія женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, независимо отъ содержанія ихъ, оказали въ 1874 году: земства нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской губерніи—пожертвованіемъ 6.000 руб. на постройку дома для Казанской женской гимназіи, и министерство народного просвѣщенія—назначеніемъ на Павловскую женскую прогимназію въ Аккерманѣ изъ свободныхъ остатковъ 948 руб., сверхъ полученныхъ уже прогимназію 800 руб., и уступкою Сумской женской гимназіи дома уѣзданаго училища подъ ея помѣщеніе. Къ числу женскихъ гимназій и прогимназій, существующихъ по Положенію 24-го мая 1870 года, присоединилась въ 1874 году женская прогимназія въ Ревелѣ съ преподаваніемъ въ ней на русскомъ языке и съ назначеніемъ на ея содержаніе изъ государственного казначейства по 4.860 руб. въ годъ. Женская Ломоносовская гимназія въ Ригѣ, имѣвшая до сихъ порь особый уставъ, получинена была въ 1874 году дѣйствію общаго Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, съ нѣкоторыми только незначительными, отступленіями. Женское училище графини А. Д. Блудовой въ Острогѣ Высочайше утвержденнымъ 3-го іюля 1874 года инѣніемъ государственного совѣта передано въ вѣдѣніе министерства народного просвѣщенія съ назначеніемъ на его содержаніе по 11.000 руб. въ годъ пять суммъ государственного казначейства, и съ устройствомъ его, на

основаній особаго Положенія, составляемаго нынѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, примѣнительно къ общему Положенію 24-го мая 1870 года о женскіхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Точно также имѣется въ виду преобразовать Мариинское высшее женское училище въ Вильнѣ примѣнительно къ Положенію 24-го мая 1870 года о женскіхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и въ училищѣ этомъ, на основаніи Высочайше утвержденного 20-го ноября 1874 года мнѣнія государственного совѣта, опредѣленъ особый директоръ, всѣмъ служащимъ предоставлены права по службѣ и по пенсіи, наравнѣ съ служащими въ женскіхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и назначено семь основныхъ классовъ и восьмой дополнительный классъ. Дѣйствіе общаго Положенія 24-го мая 1870 года предполагается распространить и на женскія гимназіи и прогимназіи Варшавскаго учебнаго округа, для чего въ настоящее время уже собираются необходимыя данныя.

Изъ женскіхъ гимназій, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго Положенія, въ 1874 году для Сѣдлецкой гимназіи (Варшавскаго округа) приобрѣтенъ на счетъ кредитовъ на строительныя надобности по Варшавскому округу домъ за 11.010 рублей, а для Кіевской женской гимназіи назначено, на наемъ помѣщенія, изъ государственного казначейства въ 1874 году 1.000 руб., и, начиная съ 1-го января 1875 года, по 4.000 руб. въ годъ.

VI. Городскія училища.

Положеніе о городскіхъ училищахъ, по которому они должны преобразоваться изъ нынѣ существующихъ училищъ уѣздныхъ, Высочайше утверждено 31-го мая 1872 года; тѣмъ не менѣе, въ виду необходимости приготовить предварительно учителей для новыхъ этихъ школъ, оказалось возможнымъ начать преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскіи только въ 1874 году въ Московскомъ учебномъ округѣ, гдѣ подверглись такому преобразованію уѣздныя училища: 1-е Московское, Ярославское, Скопинское, Дорогобужское и Романово-Борисоглѣбское; со включеніемъ въ это число открытыхъ по разнымъ причинамъ еще прежде трехъ городскихъ училищъ въ Варшавѣ, Ревельѣ и Берданскѣ, оказывается къ 1-му января 1875 года всего восемь городскихъ училищъ, устроенныхъ по положенію 31-го мая 1872 года, и остается еще болѣе 400 уѣздныхъ училищъ, требующихъ преобразованія. Для приготовленія учителей служать учительскіе институты, начало которыхъ положено въ 1872 году на основаніи особаго положенія, утвержденного также

31-го мая 1872 года, вмѣстѣ съ положеніемъ о городскихъ училищахъ; въ этомъ году открыты были учительскіе институты сначала только въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ для учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго и Московскаго; въ истекшемъ году разрѣшено было открытие трехъ новыхъ институтовъ въ Феодосіи — для Одесскаго учебнаго округа, въ Глуховѣ — для Кіевскаго учебнаго округа и въ Вильнѣ — для Віленскаго округа; Феодосійскій и Глуховскій институты уже начали свое дѣйствія, а открытие Віленскаго отложено до 1875 года, по случаю передѣлки предназначеннѣй для него зданій, съ обращеніемъ суммы, слѣдующей на содержаніе института, на покрытие расходовъ по этой передѣлкѣ. Предстоитъ затѣмъ открытие еще двухъ учительскіхъ институтовъ: въ Казанскомъ и Харьковскомъ учебныхъ округахъ, къ чьему и принимаются уже надлежащія мѣры со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Какъ ни желательно ускорить преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскіи, все же еще потребуется нѣсколько лѣтъ для того, чтобы образовать достаточное число классныхъ учителей, которые могли бы обучать не одному какому-либо предмету во всѣхъ классахъ, а всѣмъ предметамъ каждого класса, кроме закона Божія, преподаваемаго особымъ законоучителемъ. Мѣрою, могущую облегчить въ значительной степени достижениѳ этой цѣли, служить, конечно, учрежденіе при учительскіхъ институтахъ дополнительныхъ курсовъ, на которые поступаютъ учителя нынѣшихъ уѣздныхъ училищъ, изъявившиe желаніе дополнить свое образованіе, дабы сдѣлаться потомъ учителями городскихъ училищъ.

Прикомандированіе уѣздныхъ учителей къ учительскимъ институтамъ съ этою цѣлью началось уже въ 1873 году, и на пособіе имъ назначено было въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ институтахъ по 2.000 руб. въ годъ; съ 1874 года сумма эта, оказавшаяся недостаточною, увеличена по каждому институту вдвое, то-есть, до 4.000 руб., при чьемъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено на счетъ остатковъ отъ этой суммы выдавать, по сношенію съ министромъ финансовъ, сверхъ стипендій, еще пособія учителямъ, прикомандированнымъ къ институтамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждены правила для дополнительныхъ курсовъ, подробно опредѣляющія, въ чьемъ именно должны состоять занятія на курсахъ, и правила для испытанія лицъ, желающихъ получить званіе учителя городскаго училища, при чьемъ предметамъ испытанія отнесены всѣ предметы, преподаваемые въ городскихъ училищахъ, и по каждому изъ этихъ предметовъ даны

программы, опредѣляющія объемъ знаній, требуемыхъ отъ испытуемаго.

Изъ вновь открытыхъ въ 1874 году институтовъ, Глуховскій имѣть собственный домъ, пожертвованный земствомъ и стоящей вмѣстѣ съ землею до 20.000 рублей; на передѣлку его и приспособленіе къ новому назначенню изчислено по сметѣ 29.759 руб., которые, на основаніи Высочайше утвержденного 20-го ноября 1874 года, минія государственного совѣта, разрѣшено употребить частью изъ суммы на первоначальное обзаведеніе института, частью изъ остатковъ отъ содержанія института, а частью изъ кредита на устройство помѣщений для городскихъ училищъ Югозападнаго края. Феодосійскій учительскій институтъ помѣщается, по найму, въ домѣ бывшаго армянскаго Халибовскаго училища; на передѣлку его съ этой цѣлью израсходовано было 3.000 руб. изъ суммы, назначеннай на первоначальное его обзаведеніе; сверхъ того, по причинѣ поздняго открытия института, представилась возможность назначить изъ предвидимыхъ остатковъ отъ содержанія 6.217 руб. 77 коп. на библиотеку и собраніе необходимыхъ во всѣмъ учебнымъ предметамъ пособій.

VII. Начальная народная училища.

Самое знаменательное событие въ жизни нашей начальной школы за 1874 годъ составляетъ, безъ сомнѣнія, изданіе новаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, удостоившагося Высочайшаго утвержденія 25-го мая 1874 года. Достаточно ограждая нашу народную школу отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, Положеніе это вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность принимать дѣятельное участіе въ развитіи и направленіи народнаго образования представителямъ духовенства, земства, городскихъ сословій и дворянства; послѣднее, въ лицѣ своихъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, поставлено во главѣ училищныхъ совѣтовъ, завѣдующихъ дѣлами народной школы; но въ тоже время и учебному вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, по этому Положенію, предоставлена, сравнительно съ прежнимъ, большая власть во всѣмъ, что касается учебной части народной школы и средства его, для надлежащаго вліянія на школу, значительно усилены; вмѣстѣ съ изданіемъ Положенія, учреждены новые должности директоровъ народныхъ училищъ въ 34 губерніяхъ съ земскими учрежденіями и, въ помощь директорамъ, для каждой губерніи, назначены еще по два инспектора. Эта важная реформа при-

ведено уже въ исполненіе въ истекшемъ году; всѣ мѣста директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ уже замѣщены, губернскіе и уѣздныя училищные совѣты образовались въ новомъ составѣ и большей частію начали свои дѣйствія по новому Положенію. Близкое будущее не замедлитъ обнаружить благіе плоды этой реформы, требующей еще довершенія, такъ какъ новое Положеніе не установило окончательно числа инспекторовъ народныхъ училищъ для каждой губерніи, а предоставило министерству народного просвѣщенія на будущее время опредѣлить это число, соразмѣрно съ пространствомъ и населеніемъ каждой губерніи и съ числомъ имѣющихся въ ней училищъ. По всей вѣроятности, въ скоромъ времени окажется необходимымъ усилить средства надзора за училищами со стороны министерства народного просвѣщенія. Необходимыя此刻и для рѣшенія вопроса о числѣ инспекторовъ въ каждой губерніи, собираются уже попечителями учебныхъ округовъ и будутъ представлены въ министерство въ началѣ нынѣшняго года, послѣ чего сдѣляется возможнымъ принятие окончательныхъ мѣръ.

Приготовленіе учителей начальныхъ училищъ, составлявшее предметъ особой заботливости министерства, получило въ 1874 году дальнѣйшее развитіе. Къ началу этого года всѣхъ учительскихъ семинарій и школъ было 45, въ томъ числѣ содержимыхъ на счетъ правительства 31; земскихъ школъ и семинарій 12, существующихъ на пожертвованія частнаго лица 1, и на средства братства св. Маріи въ Москвѣ 1.

Въ теченіе 1874 года вновь открыты на счетъ правительства учительскія семинаріи: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ — во Псковѣ, Харьковскомъ — въ Волчансѣ (Харьковской губерніи), Казанскомъ — въ Пензѣ, Одесскомъ — въ селѣ Новомъ-Бугѣ (Херсонской губерніи), и въ Московскомъ — въ селѣ Поливановѣ (Московской губерніи). Послѣднія семинарія замѣнила бывшую въ Поливановѣ земскую школу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ прекратила свое существованіе, при чёмъ земство передало правительственной семинаріи наличный капиталъ въ 28.000 рублей и имущество упраздненной школы на 8.000 рублей. На содержаніе означенныхъ пяти семинарій назначено къ ежегодному отпуску изъ государственного казначейства по 84.050 руб. Семинаріи Псковская, Пензенская и Поливановская помѣщены въ наемныхъ домахъ; Волчанской семинаріи отданъ домъ уѣзднаго училища, для котораго нанимается помѣщеніе на счетъ города, а семинаріи въ селѣ Новомъ-Бугѣ уступленъ принадлежавший

военному вѣдомству домъ, на передѣлку котораго назначено изъ суммъ государственного казначейства 10.000 руб. Изъ существующихъ уже семинарій и школъ, открыты въ 1874 году, на счетъ земства, при земской учительской школѣ въ С.-Петербургѣ женское отдѣленіе для приготовленія учительницъ, а при Казанской учительской семинаріи, на счетъ штатныхъ суммъ семинаріи,—начальная чувашская школа и приняты мѣры къ устройству такой же вотацкой школы.

Въ 1874 году послѣдовало разрѣшеніе на открытие еще трехъ учительскихъ семинарій: въ Несвижѣ (Минской губерніи), въ Острогѣ (Волынской губерніи) на счетъ правительства, съ отпускомъ на ихъ содержаніе по 14.810 руб. въ годъ на каждую, и въ Череповѣцѣ (Новгородской губерніи) съ ежегоднымъ пособіемъ 6.810 р. изъ суммъ государственного казначейства дополнительно къ 8.000 р., жертвуемыхъ отъ земства. Семинаріи эти предположено открыть въ 1875 г.; изъ нихъ Череповецкая и Острожская не могли быть открыты за позднимъ разрѣшеніемъ, а открытие семинаріи въ Несвижѣ отложено до 1875 года, дабы сохраненіемъ суммы на содержаніе ея пріобрѣсти необходимыя средства на передѣлку монастырского дома, уступленного подъ ея помѣщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по немнѣнію въ Острогѣ дома, годнаго для семинаріи, внесено г. министромъ въ концѣ 1874 года представление въ государственный совѣтъ о постройкѣ такого дома съ употребленіемъ требующейся для того суммы 86.980 рублей изъ кредита на народныя училища 1874 года и съ распространениемъ дѣйствія этого кредита на все время производства означенной постройки. Открытие семинаріи въ Острогѣ представляется особенно важнымъ въ виду того, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края находится до сихъ поръ одна только семинарія (въ Киевской губерніи), недостаточная для снабженія способными учителями всѣхъ училищъ даже означенной губерніи, и что Острогъ, по центральному своему положенію въ Волынской губерніи, признается лучшимъ мѣстомъ для устройства семинаріи.

Существующее число правительственныхъ учительскихъ семинарій по отношенію къ числу училищъ во всякомъ случаѣ еще нельзя признать достаточнымъ. Г. министромъ внесено было въ государственный совѣтъ представление объ открытии съ 1-го июля 1875 года въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскому, Харьковскому, Казанскому, Одесскому и Виленскому еще по одной учительской семинаріи, съ отнесеніемъ необходимаго ежегоднаго расхода по ихъ

содержанию, 99.760 руб. на средства государственного казначейства.

Къ числу предположений на будущее время можно отнести открытие новыхъ учительскихъ семинарій и школъ на счетъ правительства въ селѣ Елизаветинѣ (Уфимской губерніи) и въ Воронежѣ и въ Полтавѣ на счетъ земства съ пособіемъ отъ правительства.

Въ 1872 году, въ видахъ улучшения состава учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ, сдѣлано было распоряженіе о принятіі мѣръ къ приготовленію учениковъ для этихъ заведеній изъ окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ; распоряженіе это клонилось какъ къ возвышенню уровня знаній, требуемыхъ для поступленія въ семинаріи, такъ и къ тому, чтобы учителя выходили изъ сельского состоянія и по привычкѣ къ сельской жизни могли бы довольствоваться скромною обстановкою сельской жизни. Въ истекшемъ 1874 году означенная мѣра приведена въ исполненіе въ Виленскомъ и Варшавскомъ округахъ и въ восточной Сибири. Въ Виленскомъ округѣ при двухъ учительскихъ семинаріяхъ, Молодечненской и Полоцкой приготавлялось 38 учениковъ изъ окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ и на содержаніе каждого изъ нихъ употреблено было по 54 рубля въ годъ. Въ Казанскомъ округѣ, при Порѣцкой учительской семинаріи, имѣющей собственный домъ, предполагается на тотъ же предметъ обратить штатную сумму 2.000 руб. на помѣщеніе семинаріи, остающуюся свободною; но для приведенія въ исполненіе этой мѣры ожидается отзывъ г. министра финансовъ.

Важнѣйшия постройки въ теченіе 1874 года произведены были въ зданіяхъ учительскихъ семинарій въ Казани, въ селѣ Новомъ (Ярославской губерніи), въ Омскѣ и Иркутскѣ, на что ассигновано: въ Казани изъ суммы государственного казначейства 2.303 руб. 90 коп. въ дополненіе къ прежде отпущенными 90.000 рублей, въ селѣ Новомъ 6.000 рублей изъ специальныхъ средствъ семинаріи, въ Омскѣ 17.556 рублей и въ Иркутскѣ 88.835 рублей на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ сіѣть и частью на счетъ остаточныхъ суммъ отъ содержания Омской и Иркутской семинарій.

Важнѣйшия пожертвованія въ теченіе 1874 года были сдѣланы земствами: Орловскимъ—2.000 рублей въ пользу Карабевской учительской семинаріи, и Волчанскою—500 рублей на обученіе при Волчанской семинаріи ремесламъ, огородничеству и садоводству, для чего Волчанская городская дума уступила семинаріи двѣ десятины земли, на

которой могли бы производиться практическія занятія воспитанниковъ.

Мѣру, полезную для развитія нашихъ учительскихъ семинарій, составляло также командированіе въ 1874 году нѣкоторыхъ директоровъ и преподавателей ихъ за границу, на что изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія назначено было 11.400 р. Отчеты командированныхъ лицъ, представляютъ любопытныя и весьма полезныя данныя для лучшаго устройства нашихъ учительскихъ семинарій.

Учительские съѣзды, служащіе также для педагогического усовершенствованія учителей, собирались въ теченіе 1874 года въ 66 различныхъ мѣстностяхъ Имперіи и частью происходили при учительскихъ семинаріяхъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли специальный характеръ обсужденія пріемовъ преподаванія одного какого-либо предмета,—напримѣрь, закона Божія на съѣздѣ въ Серпуховѣ, состоявшемъ исключительно изъ законоучителей. Дабы придать съѣздамъ характеръ определенный и наиболѣе соответствующій ихъ цѣли, нынѣ составляются общія правила для педагогическихъ курсовъ на съѣздахъ, при чмѣтъ имѣется въ виду занятія на курсахъ примѣнить къ занятіямъ въ учительскихъ семинаріяхъ, на сколько это окажется возможнымъ.

Въ виду того, что многіе изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ поступаютъ потомъ въ учителя сельскихъ училищъ, при семинаріяхъ этихъ состоятъ воскресныя школы для приготовленія учителей; на поддержаніе этихъ школъ при 40 духовныхъ семинаріяхъ въ 1874 году выдано было изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 11.900 рублей.

Матеріальные средства народныхъ училищъ въ теченіе 1874 года получили слѣдующія приращенія изъ средствъ государственного казначейства. Въ смету на пособіе народнымъ училищамъ, въ дополненіе къ прежней суммѣ, включено еще 100 тысячъ рублей. Имѣя въ виду, что изъ этой суммы необходимо учреждать двухклассныя и одноклассныя сельскія училища министерства народнаго просвѣщенія, которыхъ весьма мало, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напримѣрь въ Екатеринославской, нѣть ни одного, что на эту сумму должны быть отнесены издеражки по устройству такихъ же училищъ въ Сибири, по учрежденію отдѣльныхъ женскихъ училищъ и по обученію ремесламъ, г. министръ внесъ въ концѣ истекшаго года представление въ государственный совѣтъ о новомъ дополнительномъ кредитѣ 200 тысячъ рублей на народные училища въ 1875 году. Независимо отъ сего, назначено, на основаніи Высочайше утвержденного

14 июня 1874 года именію государственного совета, 655 руб. ежегодного пособия начальнымъ женскимъ училищамъ Архангельской губерніи: Сумскому, Непокоскому и Онежскому.

Вопросъ о назначеніи пособія на училища въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, остался не решеннымъ и на поддержание школъ въ означенныхъ губерніяхъ въ теченіе 1874 года продолжался по прежнему сборъ съ государственныхъ крестьянъ, установленный въ 1868 году.

Въ 1874 году состоялась еще одна важная мѣра: на основаніи Высочайше утвержденного 20-го ноября 1874 года именія государственного совета, подчинены учебному начальству вѣдомства министерства народного просвѣщенія всѣ инородческія школы и училища: башкирскія, киргизскія и татарскія подъ разными наименованіями, въ томъ числѣ мектебе и медрессе, содержимыя на счетъ казны или мѣстныхъ средствъ, а равно и занимающіяся домашнимъ и частнымъ обучениемъ лица изъ числа инородцевъ - нехристіанъ; дѣйствіе этого законодательного акта распространено на области Уральскую и Тургайскую, внутреннюю киргизскую орду и приволжскія губерніи, гдѣ до сихъ поръ находились въ зависимости отъ министерства только немногія изъ инородческихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казенные суммы, отпускавшіяся на нѣкоторыя башкирскія и киргизскія школы, перенесены въ смѣту министерства народного просвѣщенія и переданы въ это министерство также имущество означенныхъ училищъ. Подчиненіе татарскихъ инородческихъ училищъ вѣдомству министерства народного просвѣщенія представляется важнымъ не въ одномъ только учебномъ, но и въ политическомъ отношеніи: мусульманскія школы, находясь до сихъ поръ въ всякомъ правительственнаго надзора, служили источникомъ для распространенія между населеніемъ враждебной всему русскому пропаганды и для развитія фанатизма, препятствующаго объединенію татаръ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи.

Соответственно мѣрамъ, принятымъ для инородческаго образованія, продолжалось начатое уже прежде составленіе и печатаніе книгъ для инородческихъ училищъ; въ 1874 году было назначено изъ сумъ министерства народного просвѣщенія 2.000 руб. на изданіе — для народныхъ татарскихъ школъ книги для чтенія и указателя для учителей при наглядномъ обученіи живой рѣчи по картинамъ Винкельмана; для татарскихъ учительскихъ школъ — приготовительныхъ курсовъ географіи и геометріи и для чувашскихъ школъ — перевода на чувашскій языкъ часослова, Евангелия отъ Марка и Луки и Священ-

ной исторії новаго завѣта; послѣдняя книга переведена и на лугскій черемисскій языкъ и напечатана на счетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ тѣхъ же видахъ сосредоточенія учебной части народныхъ училницъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, имѣется въ виду — всѣ начальныя училища въ западной Сибири, состоящія нынѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, подчинить министерству народнаго просвѣщенія и для надзора и управлениія ими учредить, по образцу Виленскаго учебнаго округа, въ Западной Сибири, по числу губерній и областей, 4 дирекціи и, по нынѣшнему числу штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, 13 инспекцій народныхъ училищъ, на что потребуется 36.000 рублей новаго ежегоднаго расхода изъ государственного казначейства. Представленіе по этому предмету, по полученіи всѣхъ необходимыхъ данныхъ, будетъ внесено въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядке. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается переустройство всей училищной части въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской; содержаніе училищъ въ этихъ областахъ, по примѣрному исчислению, составить 26.169 руб., которые однако не потребуются къ ассигновкамъ изъ государственного казначейства, а должны быть только перечислены въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія изъ смѣты другикъ вѣдомствъ, выдающихъ уже означеннюю сумму на училища. Для осуществленія этого предположенія ожидаются еще отзывы министровъ финансовыхъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ.

ІЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

ВЫСШІЯ УЧИЛИЩА.

I. Институтъ сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии.

Въ институтѣ сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии къ 1-му января 1874 года состояло преподавателей всего 16, именно: профессоровъ—5, доцентовъ штатныхъ—8, сверхштатный, исправляющей должность профессора—1, учителей—3; вакантныхъ должностей не имѣлось. Сверхъ того при институтѣ, по штату онаго, находились: лаборантъ, механикъ, завѣдывающій институтскимъ имѣніемъ, ученый садовникъ и помощникъ ученаго садовника.

Преподаватели и другія служащія при институтѣ лица, сверхъ занятій по должностямъ, издали или приготовили къ печати слѣдующіе ученые труды: профессоръ Карпинскій—„Замѣтки о рыболовствѣ и рыбоводствѣ въ Привислянскомъ краѣ“ въ журнальѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“; въ Gazeta rolnicza — статью объ искусственномъ размноженіи пчель въ обыкновенныхъ (колодныхъ) ульяхъ; Рихтеръ — напечаталъ въ журналѣ Русского химического общества и въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft статью „О дѣйствіи муравьино-натріевой соли на бензойную кислоту и объ изомерныхъ рядахъ бензоловыхъ производныхъ“; на съездѣ естествоиспытателей въ Казани сдѣлать сообщеніе о превращеніи терефена въ цимоль и объ опытахъ полученія третьаго изомернаго нитрофенола, препроводилъ въ Берлинское химическое общество корреспонденцію подъ заглавиемъ „Die Chemie auf der 4-ten russischen Naturvorscherversammlung in Kasan“, и приготавлялъ къ печати

учебникъ минеральной хімії для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній; Зелинскій — печаталь сочиненіе свое „О геодезическихъ линіяхъ на поверхности земного сфера“; Бердау помѣстіль въ изданіи Encyklopédia Rolniczta статью „Грибы съѣдомные и ядовитые“, приготовилъ къ печати „Материалы для флоры высшихъ споровыхъ растеній Царства Польского и о лишайныхъ Люблинской, Радомской и Кѣлецкой губерній“; доценты: Гудковъ — помѣстіль въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“ статью „Опытная ферма института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии“; Верминскій — напечаталъ: въ Земледѣльческой Энциклопедіи статью „Дождь“ и въ журналѣ Tydzienъ — „Майские морозы и бабье лѣто“; Голлякъ — напечаталъ въ Bibliotek Rolnicza статью „О причинахъ малаго успѣха въ облѣсеніи лѣсостепи въ высокоствольномъ хозяйстве“, и приготовилъ къ печати біографію Людовика Платера, первого лѣсвода въ Привислянскомъ краѣ; Цихоцкій — напечаталъ нѣсколько статей въ Encyklopédia Rolniczta; учennyй садовникъ Скро-бишевскій — помѣстіль въ Bulletin de la Société imperiale des Naturalistes de Moscou „Изслѣдованія о развитіи зародыша у Ваймутовой сосны“; лаборантъ Орловскій — напечаталъ въ Gazeta Lekarska статьи: а) „Химические признаки и способы добыванія физостигмина“ и б) „Феноль или карболовая кислота“; сверхъ того сообщилъ съѣзду естествоиспытателей, бывшему въ Казани: объ изслѣдованіяхъ тере-бена и цимола и его производныхъ, полученныхъ имъ изъ терпен-тическаго масла, и о новомъ приборѣ для полученія химически-чистой хлористо-водородной кислоты.

Въ 1873 году совѣтъ института имѣлъ 16 засѣданій. Испытанію подвергались: на должностіе подлѣсничихъ — 2, на должностіе над-лѣсничихъ — 2, на званіе ученаго агронома — 1, на званіе ученаго лѣсничаго — 1; всѣ они выдержали испытаніе удовлетворительно. Для соисканія медали въ 1874 году одобрена задача: „Произвести частное изслѣдованіе почвы какой-либо мѣстности Привислянского края въ отношеніи происхожденія, механическаго состава и физическихъ свойствъ; при этомъ предоставается желанію соискателя сдѣлать изслѣдованіе въ отношеніи химического состава и поглотительной способности“. По выдержаніи установленныхъ испытаній, удостоены аттестатовъ 10 студентовъ.

Денежные средства института въ 1873 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ: остатки отъ 1872 года — 4.833 руб. 32 коп., въ 1873 году поступило — 46.886 руб. 52 коп.,

израсходовано—48.712 руб. 89½ коп., осталось къ 1-му января 1874 года—3.006 руб. 94½ коп.; б) специальныхъ средствъ съ институтскіхъ имѣній: остатки отъ 1872 года—1.976 руб. 39½ коп., поступило въ 1873 году—13.664 руб. 71½ коп., израсходовано—15.627 руб. 30 коп., къ 1874 году числилось—613 руб. 81 коп.; в) сбора за слушаніе лекцій: остаточныхъ отъ 1872 года—3.218 руб. 38 коп., въ приходѣ за 1873 годъ—2.500 руб., въ расходѣ—5.003 руб. 71 коп. оставалось къ 1874 году—714 руб. 66 коп.; г) партикулярныхъ суммъ: остатка отъ 1872 года—1.434 руб. 15 коп., въ 1873 году поступило—2.062 руб. 26 коп., израсходовано—2.577 руб. 45 коп., осталось къ 1-му января 1874 года—918 руб. 96 коп.

Студентовъ состояло къ 1-му января 1873 года—43; въ теченіе года поступило—24, въ томъ числѣ: изъ университетовъ—4, изъ гимназій—16, изъ другихъ учебныхъ заведеній—4; въ теченіе года выбыло—15, изъ нихъ до окончанія курса—5; по окончаніи курса—16; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось—52, въ томъ числѣ: по хозяйственному отдѣленію—33, по лѣсному—19. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы—5, то-есть, 10% общаго числа; стипендіей пользовался одинъ, по записи Лѣсневскаго на сумму 120 рублей.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ состояло 6.296 названій въ 10.036 томахъ на сумму 23.086 руб. 98 коп. Въ физическомъ кабинетѣ—424 прибора на сумму 7.962 руб. 22 коп. Метеорологическія наблюденія производились съ помощью 9 приборовъ, стоящихъ 273 руб. 63 коп. Въ кабинетѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій—844 нумера на сумму 2.745 руб. 8 коп. Во вновь устроенномъ кабинетѣ лѣсоводства—579 нумеровъ на сумму 284 руб. Въ кабинетѣ сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи—682 нумера стоимостію въ 5.883 руб. 30 коп. Въ собраніи землемѣрныхъ инструментовъ и орудій—207 нумеровъ, цѣною въ 2.390 руб. 27 коп. Въ естественно-исторической коллекціи: а) зоологической—712 нумеровъ на сумму 745 руб. 16 коп.; б) въ пчельникѣ и шелководиѣ—51 нумеръ стоимостію 154 руб. 50 коп.; в) въ гербаріи—2.710 нумеровъ на сумму 844 руб. 50 коп.; б) въ садовыхъ учрежденіяхъ—11.067 экземпляровъ стоимостію 2.002 руб. 30 коп., д) въ минералогическомъ кабинетѣ—12.963 предмета на сумму 2.682 руб. 56 коп. Въ собраніи ветеринарныхъ инструментовъ и зоотомическихъ препаратовъ—376 экземпляровъ на сумму 1.630 руб.

89 коп. Въ ветеринарной клинике — 198 штукъ стоимостю 336 руб., 50 коп.; въ клинике пользовало было: принадлежащихъ институту—23 лошади, 27 штукъ рогатаго скота и 60 овецъ, и представленныхъ посторонними лицами—30 лошадей, 7 штукъ рогатаго скота, 3 овцы, 1 свинья и 5 собакъ; всего пользованныхъ животныхъ было 156. Въ химической лабораторіи — 1.408 нумеровъ стоимостю 4.238 руб. 52 коп. и разной химической посуды и матеріаловъ на сумму 550 руб. 22 коп. Въ механической мастерской разныхъ предметовъ на сумму 8.054 руб. 98 $\frac{1}{2}$ коп. При опытной фермѣ—14 лошадей, 35 штукъ рогатаго скота; орудій, машинъ и другихъ предметовъ—287 штукъ, на сумму 3.346 руб. 25 $\frac{1}{2}$ коп. Эти послѣднія въ теченіе учебнаго года служать преподавателямъ пособіемъ, чтобы дѣлать по возможності преподаваніе нагляднымъ, демонстративнымъ; въ лѣтнее время ими пользуются студенты при практическихъ занятіяхъ, подъ руководствомъ завѣдывающихъ ими лицъ. Въ принадлежащихъ институту двухъ фольваркахъ, Консковолѣ и Пожогѣ, пространствомъ въ 1.290 морговъ 191 рута и стоимостю 37.812 руб. 10 коп., скота — 920 штукъ на сумму 8.273 руб., мертваго инвентаря—114 штуки на сумму 4.961 руб. 94 коп.

II. Ветеринарные институты:

a) Харьковский.

Въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, преобразованномъ изъ бывшаго ветеринарного училища, согласно Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1873 года уставу и штату, положено имѣть 10 преподавателей, именно: ординарныхъ профессоровъ—3, въ томъ числѣ директоръ института, экстраординарный—1, доцентовъ—4, прозекторъ—1, ученый кузнецъ—1. Въ 1873 году вакансій преподавательскихъ было 3: 1—ординарного профессора, 1—экстраординарного и 1—доцента. Сверхъ того состояли по найму: преподаватель русскаго языка при фельдшерской школѣ института и помощникъ ученаго кузнеца.

Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе 1873 года 24 засѣданія. Главными предметами ихъ было приведеніе въ исполненіе тѣхъ новыхъ мѣръ и законоположеній, которыхъ требовались вновь изданнымъ положеніемъ объ институтѣ, именно: составленіе инструкцій для студентовъ института и учениковъ фельдшерской школы, для директора, инспектора и совѣта, правилъ объ испытаніяхъ студентовъ вообще и испытаній для получения ученыхъ степеней ветеринара и магистра ветеринарныхъ наукъ, а также правилъ объ испытаніяхъ фельдшер-

сихъ учениковъ для полученія званія фельдшера; распределеніе существенныхъ предметовъ институтскаго курса на каѳедры и предметовъ фельдшерской школы по классамъ. Для усиленія учебной дѣятельности и поощренія учащихся, лучшимъ изъ нихъ назначены были стипендіи, а нѣкоторымъ другимъ выданы пособія изъ остатковъ отъ стипендіальной суммы 1872 года.

Занятія служащихъ въ институтѣ, сверхъ исполненія прямыхъ обязанностей, заключались въ слѣдующемъ: директоръ Мельниченко закончилъ свои клиническія наблюденія надъ дѣйствиемъ Indigo при параличѣ у собакъ послѣ чумы, повторилъ опыты прививанія чумы рогатаго скота субъектамъ, перенесшимъ натуральную и прививную чуму, и вполнѣ закончилъ опыты надъ дѣйствиемъ Ung. Saponato-Camphorat. при специфическомъ рожистомъ воспаленіи кожи на задней части штурмово-вѣнечно-копытного сустава у цѣльно-копытныхъ (мокрецъ); сверхъ того напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о мѣрахъ противъ развитія и распространенія чумы рогатаго скота въ южныхъ губерніяхъ Россіи“ Ординарный профессоръ Полюта началъ рядъ сравнительно-патологическихъ опытовъ въ своей физиологической лабораторіи и приготовилъ къ печати статью по этому предмету; сверхъ того написалъ на русскомъ и французскомъ языкахъ статьи: о способѣ распознаванія происхожденія овечьей шерсти по наскѣкомымъ, въ ней находимымъ; о хининѣ, какъ предохранительномъ средствѣ противъ холеры; о леченіи азиатской холеры. Исправляющей должность доцента Попова произвелъ, по требованіямъ мировыхъ судей и мѣстной полиціи, 20 судебныхъ ветеринарныхъ изслѣдованій, изъ нихъ 8—надъ живыми животными и 12—надъ трупами. Сверхъ того, во время свирѣпствованія чумы на рогатомъ скотѣ, по просьбѣ Харьковской земской управы, многократно былъ командированъ въ разныя волости Харьковскаго уѣзда какъ для поданія помощи заболѣвшимъ, такъ и для принятія мѣръ противъ распространенія болѣзни.

Командированы были за границу съ ученой цѣлію: директоръ института Мельниченко, профессоръ Полюта, исправляющей должность доцента Павловичъ и исправляющей должность прозектора Ладинъ.

Денежные средства Харьковскаго ветеринарного института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: оставалось отъ 1872 года—4.411 р. 9 $\frac{1}{4}$ к.; ассигновано по финансовой сметѣ 1873 года—30.650 р. 80 к., а именно: на личный составъ—12.981 р. 80 к., на учебные и хозяйственныя расходы—7.480 р., на стипендіи

студентамъ—2.600 р., на командировки преподавателей съ ученою цѣмью—595 р., на награды и пособія—769 р., на строительныя надобности—835 р., дополнительныхъ при переименованіи института изъ училища—5.390 р.; въ 1873 году израсходовано—28.554 руб. $10\frac{3}{4}$ к.; затѣмъ къ 1874 году оставалось—6.607 р. $78\frac{1}{2}$ к.; б) специальныхъ средствъ: оставалось отъ 1872 года—473 р. $29\frac{1}{2}$ к., въ теченіе 1873 года поступило—1.564 р., израсходовано—1.114 р. 88 к., къ 1874 году оставалось—922 р. $46\frac{1}{4}$ к.; в) партикулярныхъ суммъ: остатка отъ 1872 года—10.819 р. $66\frac{1}{2}$ к., поступило въ 1873 г.—2.542 р. 12 к., израсходовано—12.381. р. $87\frac{1}{2}$ к., къ 1874 году въ остаткѣ—979 р. 91 к.

Учащихся въ институтѣ къ 1-му января 1873 года состояло 230; въ теченіе 1873 года вновь поступило—60, въ то же время выбыло—104, въ томъ числѣ: по окончаніи курса—23, прежде окончашія курса—67, уволено за незвѣстность платы за слушаніе лекцій—14; затѣмъ къ 1-му января 1874 года находилось на лицо—186; въ томъ числѣ: студентовъ института—144; воспитанниковъ бывшаго училища, коимъ предоставлено право окончить курсъ начатаго ими образованія—28 и фельдшерскихъ учениковъ—14. Въ теченіе 1873 года удостоено степени магистра ветеринарныхъ наукъ—1, ветеринара—15, ветеринарного помощника—8. Изъ находившихся на лицо въ 1873 г. студентовъ было: казенныхъ стипендіатовъ—11, пансионеровъ коннозаводскаго вѣдомства—18, стипендіатовъ Кубанскаго казачаго войска—1, стипендіатъ Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказскаго—1, своеюштныхъ—142, воспитанниковъ изъ поселянъ—14.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ института состояло книгъ, periodическихъ изданій, плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ—3.114 названій въ 5.429 томахъ, цѣнностю на 10.514 руб.; при библіотекѣ имѣлось собраній растеній—8.749 на сумму 280 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ препаратовъ: въ спиртѣ—703, сухихъ—2.371, на сумму 4.616 руб. Для упражненій въ практической зоотоміи употреблено 55 большихъ и 23 малыхъ животныхъ, приготовлено препаратовъ: сухихъ—15 и въ спиртѣ—31. Въ прочихъ кабинетахъ: минералогическомъ—1.666 на 430 р., физическомъ—246 на 4.420 р., сельско-хозяйственномъ—277 на 415 р., хирургическомъ—322 на 1.893 р., физіологическомъ—156 на 1.979 р. $31\frac{1}{4}$ к. Въ аптекѣ съ химическою лабораторіею—1.283 на 2.577 р. 10 коп. Въ кузницѣ—148 названій на

сумму 543 р. Въ кузніцѣ учащіеся изучали способы приготовленія подковъ, какъ для нормальныхъ, такъ и для болѣзнейныхъ коньтъ, а также способъ подковыванія здоровыхъ и больныхъ коньтныхъ животныхъ. Въ клиникѣ пользовало было животныхъ—723, въ томъ числѣ въ клиникахъ постоянныхъ—375 и въ амбулаторной—348; въ поликлиникѣ пользовало было разныхъ животныхъ—9.217. Изъ находившихся въ постоянныхъ клиникахъ животныхъ выздоровѣло — 235, пало—50, признано неизлечимыми и взято владѣльцами до окончанія исхода болѣзни—67; затѣмъ къ 1-му января 1874 года больныхъ животныхъ осталось—23.

б) Дерптскій.

По штату Дерптскаго ветеринарнаго института положено: ordinarnykhъ профессоровъ—3 (въ томъ числѣ и директоръ), экстраординарный—1, доцентовъ — 4, прозекторъ — 1, всего 9 лицъ. Къ 1-му января 1874 года на лицо состояло: преподавателей—6; вакантными были должности: доцентовъ русскаго языка, сельскаго хозяйства и общей патологіи и патологической анатоміи.

Въ теченіе 1873 года совѣтъ института имѣлъ 42 засѣданія. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій; контролемъ же надъ ихъ занятіями служили полугодичныя испытанія. На заданную совѣтомъ въ 1873 году тему: „Ueber die physiologische Wirkung des Chlorhydrats im Thierkörpere“ разсужденій представлѣно не было. На 1874 годъ совѣтомъ предложена задача: „Untersuchungen über den Bau der Taenia Echinococcus“.

Преподаватели института напечатали, въ 1873 году, слѣдующіе ученыя труды: профессоръ и директоръ Ф. Унтербергерь—„Das erste Jubiläum der Dorpater Veterinair-Schule“, въ Müller und Röll Vier-teljahrsschrift „Gutachten über das Orlow'sche Träberpferd“, „Извлѣченіе изъ годового отчета Дерптскаго ветеринарнаго училища за 1872 годъ“ въ Военно-медицинскомъ журнале, въ Журналѣ конно- заводства и въ Herings Repertorium; профессоръ Лессемъ—въ Baltische Wochenschrift: „Anzeige der Zeitschrift für praktische Veterinärwissenschaft“, „Anzeige von Th. Adams landwirthschaftliche Thierkunde und Thiersucht“, „Anzeige von Sergejew's Dissertation und Director Melnitschenko's Festrede über die Kinderpest und deren Impfung“, „Beitrag zur Geschichte der Kinderpest und deren Impfung“, „Beitrag zur Geschichte der Kinderpestimpfung“, „Das Land der Kop-

peln und Knicke"; въ Oesterreichische Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Veterinairkunde и въ особенномъ оттискѣ — „Zur Frage über die Reinheit der Race des Orlowschen Träberpferdes“; въ датскомъ журналь для ветеринаровъ, на датскомъ языке — „О прививаніи чумы рогатаго скота“. Прозекторъ Заммеръ: въ Müller und Röll Vierteljahresschrift — „Pathologische und pathologisch-anatomische Mittheilungen mit besonderer Berücksichtigung der bösartigen Neubildungen der Hausthiere“.

Денежные средства института представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ: остатка отъ 1872 года — 1.283 руб. 93 коп., въ теченіе года ассигновано — 32.934 руб. 14 коп., въ то же время израсходовано — 31.381 руб. 80 коп., осталось къ 1-му января 1874 года — 2.836 руб. 27 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій: въ 1873 году поступило — 114 руб., израсходовано — 108 руб. 20 коп., въ остатокъ къ 1874 году — 5 руб. 80 коп.; в) пожертвованныхъ: осталось отъ 1872 года — 866 руб., въ 1873 году поступило — 6.044 руб. 61 коп., израсходовано не было, къ 1874 году составилось — 6.910 руб. 61 коп.

Учащихся къ 1-му января 1873 года состояло — 28; въ теченіе 1873 года поступило — 7, въ томъ числѣ: изъ гимназій — 5, изъ реальныхъ училищъ — 1, изъ уѣздныхъ — 1; въ теченіе года выбыло — 5, изъ нихъ до окончанія курса — 1, по окончаніи курса — 4; затѣмъ, къ 1-му января 1874 года имѣлось на лицо 30. Постороннихъ слушателей въ теченіе года не было. Изъ находившихся въ институтѣ въ 1873 году студентовъ 21 получали стипендіи по 150 руб. въ годъ каждый. Утверждены въ 1873 году въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: ветеринарного врача — 3, ветеринарного помощника — 1.

Что касается до учебно-вспомогательныхъ учрежденій Дерптскаго ветеринарного института, то къ 1-му января 1874 года въ библіотекѣ состояло на лицо 4.353 сочиненія въ 8.631 томѣ, на сумму 23.529 руб. 62 $\frac{1}{2}$ коп. Преподавателямъ и студентамъ института, постороннимъ лицамъ, преимущественно же профессорамъ и студентамъ университета отпущено было въ теченіе 1873 года для чтенія 1.922 тома. Въ кабинетахъ: физическомъ — 479 нумеровъ снарядовъ, инструментовъ и проч. на 5.954 руб. 85 коп., химическомъ — 227 нумеровъ, цѣною въ 1.313 руб. 45 коп., химикалій и реагентъ — 330 нумеровъ, цѣною въ 480 руб. 18 $\frac{1}{2}$ коп.; фармакогностическомъ — 686 нумеровъ на 259 руб. 57 коп.; минералогическомъ — 3.079 нумеровъ, цѣною въ 1.272 руб.; въ гербаріи и бота-

ническомъ саду — 1.585 нумеровъ на сумму — 416 руб.; въ зоологическомъ собраниі — 430 нумеровъ на 67 руб. 1 коп.; въ музей анатомического театра: въ отдѣлении физиologo-анatomическомъ — 999 нумеровъ, стоимостью въ 232 руб. 88 $\frac{1}{2}$ коп.; въ отдѣлении патологично-анatomическомъ — 1.143 нумера на 266 руб. 47 коп.; сверхъ того въ обоихъ отдѣленіяхъ аппаратовъ, инструментовъ и проч. 572 нумера, цѣною въ 7.894 руб. 2 коп. Въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ — 186 нумеровъ на сумму 179 руб. 32 коп.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ — 94 нумера на 387 руб. 83 коп.; въ кузнiciѣ — 65 инструментовъ и различныхъ предметовъ на сумму 514 руб. 93 $\frac{1}{4}$ коп. Въ продолженіе года изготовлено студентами 280 подковъ, и независимо отъ сего студенты старшаго курса упражнялись въ подковываніи здоровыхъ и поврежденныхъ коньтъ. Въ сельскохозяйственномъ кабинетѣ — 19 нумеровъ, цѣною 645 руб. 53 коп.; въ физиologischo-химическомъ кабинетѣ 50 нумеровъ, стоимостью 601 руб. 47 коп. Въ аптекѣ: медикаментовъ — 275 нумеровъ на сумму 314 руб. 87 коп.; банокъ, горшковъ и другихъ приборовъ — на 35 руб. 17 коп. Отъ вольной продажи выручено по 2.381 рецепту 581 руб. 67 коп.; въ клинику отпущено по 1.571 рецепту на 250 руб., для зоотомического театра — по 66 рецептамъ на 37 руб. 65 коп., для физического кабинета — по 23 рецептамъ на 62 руб. 74 $\frac{1}{2}$ коп. Кроме того, въ аптекѣ находилось разнаго рода мебели, посуды и проч. 315 нумеровъ, цѣною въ 1.663 руб. 2 $\frac{1}{2}$ коп. Въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода коньтъ — 374 нумера на сумму 304 руб. 87 коп. Въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 142 нумера, цѣною въ 78 руб. 90 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 236 нумеровъ, цѣною въ 96 $\frac{1}{2}$ руб. 80 коп. Въ клиническомъ институтѣ: инструментовъ и другихъ различныхъ предметовъ — 309 нумеровъ, стоимостью 2.473 руб. 63 $\frac{1}{2}$ коп. Больныхъ животныхъ состояло въ клиникѣ въ 1-му января 1873 года — 9; въ теченіе 1873 года поступило — 3.553, изъ коихъ въ клиникѣ было пользовано 319, амбулантно — 1.675 и вѣкъ института — 1.568; въ теченіе года выздоровѣло — 3.374; пало — 45; съ согласія владѣльцевъ, для анатомическо-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдований, предано смерти — 14; пациентовъ, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями, было 52; исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 57; къ 1-му января 1874 года находилось больныхъ животныхъ 20. Операций въ клиникѣ произведено было 366, изъ нихъ менѣе важныхъ — 268, болѣе значительныхъ — 98.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Представляемъ здѣсь точныя свѣдѣнія о состояніи низшихъ училищъ С.-Петербургской губерніи въ 1873 году.

Въ теченіе означенного года, вслѣдствіе ходатайствъ сельскихъ обществъ и приходскихъ попечительствъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія были разрѣшены къ открытию въ Петербургской губерніи 6 двухклассныхъ и 6 одноклассныхъ училищъ, а именно: двухклассная въ селахъ—Емельяновѣ (2-й Александровской волости), Рыбаковѣ и Усть-Ижорѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, Ястребинѣ и Удосольѣ, Ямбургскаго, Путиловѣ, Шлиссельбургскаго; одноклассная въ селахъ—Ивановскомъ и Лезѣ, Шлиссельбургскаго уѣзда, Онстопель, Ямбургскаго и Доможировѣ (Пономарево тоже), Новоладожскаго, и женскія самостоятельныя школы при Рыбаковѣ и Усть-Ижорскому двухкласснымъ и Доможировскому одноклассному училищахъ. Кроме того открыто, по окончаніи постройки дома, двухклассное училище въ селѣ Лядахъ, Гдовскаго уѣзда. Такимъ образомъ С.-Петербургская губернія имѣла въ 1873 году 9 двухклассныхъ и 9 одноклассныхъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Изъ этого числа не были преобразованы въ двухклассныя—Путиловское, Рыбаккое и Удосольское, за не окончаніемъ постройки зданій, по существовавшія въ этихъ селеніяхъ школы продолжали свою дѣятельность, приспособдавшись по возможности къ программѣ, предписанной для двухклассныхъ училищъ (за исключеніемъ, впрочемъ, Удосольскаго), такъ что съ устройствомъ училищныхъ помѣщеній онѣ могли быть тотчасъ же преобразованы.

Означенныя выше училища находились въ уѣздахъ:

	Двухклассныя.	Одноклассныя.
С.-Петербургскому.	3	2 (женскія).
Царскосельскому.	1	—
Шлиссельбургскому.	1	2 (женскія).
Новоладожскому.	1	3 (женскія).
Ямбургскому	2	1
Гдовскому	1	1

Въ Петергофскомъ и Лужскомъ уѣздахъ не было училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ устройству ихъ уже принимались надлежащія мѣры.

На постройку 5 домовъ для двухклассныхъ училищъ было назначено: изъ суммъ министерства по сметѣ 1872 г. 3.000 руб., и по сметѣ 1873 г. 8.000 руб., отъ сельскихъ обществъ 9.000 руб., отъ попечительствъ и пожертвованій различныхъ лицъ 5.159 руб. 29 коп., всего 25.159 руб. 29 коп.

На содержаніе, первоначальное обзаведеніе и приспособленіе помѣщеній 7 двухклассныхъ и 7 одноклассныхъ школъ было назначено: изъ суммъ министерства по сметѣ 1872 г. 1.000 руб. и по сметѣ 1873 г. 6.352 руб., отъ сельскихъ обществъ 4.982 руб. 80 коп., отъ попечительствъ и частныхъ лицъ 1.200 руб. и отъ земствъ до 900 руб., всего 14.434 руб. 80 коп.

Кромѣ того пожалованы Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 300 руб. въ пользу Ястребинского училища. Это сумма, по постановлению мѣстного попечительства, внесена въ одно изъ кредитныхъ учрежденій для содержанія изъ процентовъ съ вея одного изъ бѣднѣшихъ учениковъ.

Если присоединить къ показаннымъ суммамъ содержаніе ранѣе открытыхъ 2-хъ двухклассныхъ и 2-хъ одноклассныхъ училищъ, а именно: отъ министерства 2.437 руб., отъ сельскихъ обществъ 873 руб. и пожертвованій постороннихъ лицъ 299 руб., всего 3.609 руб., то расходы по содержанію и устройству 9 двухклассныхъ и 9 одноклассныхъ училищъ вѣдомства министерства въ С.-Петербургской губерніи за 1873 г. простирались до 43.503 руб., болѣе противъ 1872 года на 39.894 руб.

Всѣ училищныя помѣщенія были устроены, по возможности, удобно и сообразно гигиеническимъ и учебнымъ условіямъ. Внутренняя обстановка двухклассныхъ училищъ весьма удовлетворительна: они имѣютъ хорошія библіотеки, снабжены въ достаточномъ количествѣ учебниками для классныхъ занятій, книгами для чтенія, руководствами для учителей и учебными пособіями. Меблированы училища тоже хорошо: классные ученические столы удобны, устроены на трехъ учениковъ каждый, въ размѣрахъ, сообразныхъ возрасту дѣтей.

При вновь открываемыхъ училищахъ возникали ремесленные отдѣленія, а именно: при Путиловскомъ, Удосольскомъ и Царскославянскомъ токарно-столярныхъ, при Рыбакскомъ, Гостинопольскомъ и Лядскомъ—столярное и при Ястребинскомъ — сапожно-башмачное. При Усть-Ижорскомъ и Александровскомъ училищахъ ремесленныхъ отдѣленій еще не было. Отдѣленія эти учреждаются по желанію мѣстныхъ жителей, которымъ предоставляется и выборъ ремесла.

Занятія ремесломъ могли бы приносить дѣйствительную пользу, ио, къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не давалъ возможности ни имѣть постояннаго и свѣдущаго мастера-учителя, ни пріобрѣтать необходимые материалы. Вследствіе этого, занятія ремесломъ вскорѣ получали характеръ дѣтской забавы, гимнастическихъ упражненій и приятного препровожденія времени; а потому и не достигали своей цѣли. При двухклассныхъ училищахъ, за исключеніемъ Гостинопольскаго, Усть-Ижорскаго и Александровскаго, поставлена инструментальная гимнастика для дѣтского упражненія подъ руководствомъ и наблюденіемъ учителей.

Въ теченіе отчетнаго года учащихся въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія было: въ 6-ти двухклассныхъ и 9-ти одноклассныхъ 533 мальчика и 374 девочки, болѣе противъ 1872 года на 300 мальчиковъ и на 279 девочекъ. Составъ законоучителей, учителей и учительницъ въ образцовыхъ училищахъ довольно удовлетворителенъ. Всѣ они исполняли свои обязанности разумно и добросовѣстно. Болѣе свѣдущими и опытными могутъ быть призваны: законоучители Царскославянскаго двухкласснаго училища о. Положенскій и Ястребинскаго — о. Врудскій; учители двухклассныхъ училищъ: Царскославянскаго — Добромысловъ, Усть-Ижорскаго — Пиросскій, Александровскаго — Листовъ и Ладскаго — Трошинъ и учительница Онстопелескаго училища Левашева.

Обученіе въ образцовыхъ училищахъ расположено концентрическими кругами (курсами) и состоитъ для двухклассныхъ школъ изъ 5 концентровъ (5 лѣтъ), а для одноклассныхъ изъ 3 концентровъ (3 лѣтъ), такимъ образомъ, что сообщенные въ первомъ году свѣдѣнія служать главнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ занятій во второмъ годѣ, посредствомъ разширенія и пополненія этихъ свѣдѣній и т. д.

Обученіемъ въ названныхъ училищахъ преслѣдуются, главнымъ образомъ, слѣдующія цѣли: вселить въ дѣтяхъ религіозно-нравственныя убѣжденія, посредствомъ разумнаго преподаванія закона Божія и воспитательныхъ началь, сообщить необходимыя азиметарныя свѣдѣнія по всемъ предметамъ, обозначеннымъ въ программѣ и обучить осмыслиеннымъ путемъ грамотѣ на столько, чтобы подѣйствовать на любознательность дѣтей и захотѣть ихъ къ чтенію.

Училищная дисциплина заключается, главнымъ образомъ, въ самомъ воспитаніи и классномъ порядкѣ, заведенномъ и строго поддер-

живаемомъ учителями. Учителя стараются вліять на нравственную сторону дѣтей словомъ, добрыми совѣтами и убѣжденiemъ.

Вообще, училища министерства находились въ удовлетворительномъ состояніи и могли бы еще болѣе улучшиться, еслибы не одно препятствіе, съ которымъ учителямъ приходится вести постоянную борьбу. Это неаккуратное посвѣщеніе дѣтьми уроковъ.

Инспекторъ училищъ былъ поставленъ въ необходимость объявить чрезъ волостныя правленія и приходскія попечительства жителямъ, что свидѣтельства объ окончаніи курса въ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ будутъ выдаваться только тѣмъ дѣтямъ, которые успѣшно пройдутъ положенный 5-ти и 3-хъ лѣтній курсъ учения, при чёмъ будетъ принато во вниманіе и аккуратное посвѣщеніе уроковъ; а потому, если родители желаютъ предоставить своимъ дѣтямъ возможность воспользоваться льготами воинской повинности, то должны строго исполнять законные требования относительно правильного посвѣщенія дѣтьми училищъ. Нужно падѣяться, что уставъ о воинской повинности окажеть свое благодѣтельное вліяніе на поднятіе во мнѣніи народа значенія образованія и послужить лучшимъ средствомъ къ установлению правильного ученія. Принимаемыя же до того различныя мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ. Довольствуясь тѣмъ, что ихъ дѣти мало-мальски выучивались грамотѣ, родители отбирали ихъ для домашнихъ работъ.

Всѣхъ училищъ было осмотрѣно г. инспекторомъ 69, въ томъ числѣ 19 вѣдомства министерства, которыхъ онъ посвѣщалъ по нѣскольку разъ.

Положеніе икъ сравнительно съ прошлогоднимъ было гораздо лучше, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ земскими управами и училищными совѣтами. Возросли, впервыхъ, икъ материальная средство, кромѣ того улучшилась учебная ихъ часть. Этому послѣднему обстоятельству способствовали, главнымъ образомъ, учительскіе курсы, устроенные лѣтомъ 1873 г. губернскою земскою управою въ селѣ Царской-Славянкѣ, въ городахъ Лугѣ и Гдовѣ. Прослѣдивъ болѣе обстоятельно занятія на курсахъ въ Царской-Славянкѣ, руководимые учителемъ мѣстнаго двухкласснаго училища Добромусловымъ, г. инспекторъ свидѣтельствуетъ, что занятія эти велись весьма разумно. Объ улучшеніи учебной части заботились также нѣкоторыя земства и училищные совѣты; первые — посредствомъ усиленія содержанія школъ, вслѣдствіе чего явилась возможность замѣнить многихъ учителей лучше подготовленными (въ Новоладожскомъ и С.-Петербургѣ).

скомъ уѣздахъ земствомъ увеличено жалованье учителямъ до 240 и до 300 руб. въ годъ), а училищные советы начали тщательнѣе слѣдить за ходомъ учебного дѣла, устраивать библиотеки, снабжать училища мебелью лучшаго образца, учебными пособіями, замѣняты плохія училищныя помѣщенія лучшими, даже строить особые дома. Словомъ, они обратили должное внимание на народныя школы, вслѣдствіе чего и крестьянскія общества стали охотнѣе увеличивать свои назначенія на эти школы и принимать болѣе дѣятельное участіе въ ихъ устройствѣ. Первое мѣсто принадлежитъ тутъ Новоладожскому уѣзду, съ которымъ отчасти могутъ быть сопоставлены уѣзды С.-Петербургскій и Гдовскій.

Всѣхъ училищъ было въ уѣздахъ:

	въ 1872 г.	въ 1873 г.
С.-Петербургскому.	25	26
Царскосельскомъ	31	34
Шлиссельбургскому	26	36
Новоладожскому	50	54
Петергофскому	27	29
Ямбургскому.	22	20
Лужскому.	35	33
Гдовскому	53	49
	2 9	281

Среднимъ числомъ, одна школа приходилась на 1.978 жителей обоего пола.

Учащіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1872 году.		Въ 1873 году.	
	Мальчик.	Дѣвоч.	Мальчик.	Дѣвоч.
Въ С.-Петербургскомъ.	984	531	908	513
Царскосельскомъ	1.104	460	1.028	419
Шлиссельбургскому	503	117	875	274
Новоладожскому	1.092	271	1.203	343
Петергофскому.	925	434	870	420
Ямбургскому	755	264	667	231
Гдовскому	1.723	290	1.672	310
Лужскому	1.374	229	1.275	216
Итого	8.460	2.594	8.453	2.726

Присоединивъ къ этому учениковъ, обучавшихся въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія (въ 1872 г. 232 мальчиковъ и

95 дѣвочекъ и въ 1873 г. въ 6 двухклассныхъ и 9 одноклассныхъ училищахъ 533 мальчика и 374 дѣвочки), мы увидимъ, что въ отчетномъ году обучалось всего 13.086 (8.986 мальч. и 3.100 дѣвоч.).

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ С.-Петербургскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1872 г., въ губерніи находилось 282.434 жителей мужскаго и 273.405 женскаго пола, всего 555.839, за исключеніемъ городскаго народонаселенія. Поэтому число учащихся мальчиковъ относилось къ мужскому народонаселенію какъ 1 къ 31 (или 3,5%), а дѣвочекъ къ женскому народонаселенію—1 къ 88 (или 1,1%). Изъ всего этого видно, что народное образованіе въ губерніи было еще въ незавидномъ состояніи.

Что касается до средствъ содержанія, то всего израсходовано было въ губерніи: въ 1872 г. на 270 сельскихъ школъ 57.600 руб., а въ 1873 году—77 017 руб. (въ томъ числѣ изъ суммы министерства 4.020 руб., отъ сельскихъ обществъ и платы отъ учащихся 23.728 руб., отъ земствъ 40.549 руб. и отъ частныхъ лицъ 8.719 руб.). Присоединивъ же сюда расходы по содержанію училищъ вѣдомства министерства, получится всего въ 1873 г. на 296 училищъ 120.520 рублей, болѣе противъ 1872 года на 59.600 руб. (почти на 50%).

Значительнейшія увеличенія назначеній принадлежали: С.-Петербургскому земству—на 9.834 руб. 50 коп., Новоладожскому—на 2.756 руб. и Гдовскому—на 3.384 руб. 32 коп.

О Т Д Ъ Л Ъ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

БОРЬБА ДЕМОССЕНА СЪ ЭСХИНОМЪ ПО ПОВОДУ ПОСОЛЬСТВА КЪ МА- КЕДОНСКОМУ ЦАРЮ ФИЛИППУ II ВЪ 346 ГОДУ ДО Р. Х.¹⁾

III.

Процессъ между Демоссеномъ и Эсхиномъ по поводу втораго посоль-
ства ихъ къ Филиппу II Македонскому.

Болѣе трехъ лѣтъ прошло послѣ описанныхъ происшествій, когда Демоссенъ началъ противъ Эсхина процессъ по поводу втораго посольства къ царю Македонскому²⁾, доказывая, что Эсхинъ, подкупленный Филиппомъ, дѣйствовалъ въ пользу цара, жертвуя интересами своего отечества. Изъ словъ Демоссена можно заключить, что Эсхинъ всячески старался устранить, или, по крайней мѣрѣ, отсрочить этотъ процессъ. Такъ, напримѣръ, когда Демоссенъ намѣренъ былъ послѣ втораго своего посольства въ Македонію дать предъ логистами (логиста?)³⁾ подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, также какъ и

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Прое.*, январь, 1875 г.

²⁾ *2 argum. ad Dem. de fals. leg.* p. 338: μετὰ τρία ἐτη τῆς γραφῆς εἰσῆλθεν (Δημοσθένης) ἔχων τὴν κακηγορίαν; следовательно, процессъ Демоссена противъ Эсхина былъ веденъ въ 343 году до Р. Хр. *Clint. Fast. Hell.*, стр. 153. Неизвѣстно, на какомъ основаніи, въ книгѣ *Стыевенара: Основы сопр. de Dem. et d'Aesch.* этотъ процессъ отнесенъ къ 342 году (Историч. указатель въ концѣ книги).

³⁾ Логисты составляли комиссію изъ 10 человѣкъ, избиравшихся по требованію и имѣвшими своею обязанностію требовать отчета у должностныхъ лицъ по истечениіи срока ихъ должности. *Herm. Lehrb. d. gr. Alt. I*, § 154, 14. *Вѣckh Sth. I*, 267.

послѣ первого¹), то Эсхинъ явился въ судъ и въ присутствіи многочисленной публики (έχων μάρτυρας τολλοός) сталъ доказывать, что быть Демосеена не слѣдуетъ принимать отчета послѣ втораго посольства, такъ какъ онъ далъ его уже послѣ первого и такъ какъ второе посольство, отправленное къ Филиппу для утвержденія мирнаго договора, было какъ бы дополненіемъ и продолженіемъ первого; здесь дѣло имѣлось съ тѣмъ, что уже было совершено²). Изъ этого слѣдовало, что если послы послѣ первого посольства, давъ отчетъ въ немъ³), не были подвергнуты отвѣтственности, то не слѣдовало, и даже было незаконно, подвергать ихъ ей послѣ втораго посольства. Но противъ этого можно возразить, что для втораго посольства послы избирались вновь, что они получали для расходовъ ассигнованную имъ сумму денегъ въ 1.000 драхмъ⁴), что имъ даны были новыя инструкціи; слѣдовательно, требовать отчета въ томъ, какъ они исполнили возложенное на нихъ порученіе, было совершенно основательно. Понятно, что если бы Эсхину удалось доказать, что отъ пословъ не слѣдовало требовать отчета въ ихъ дѣйствіяхъ во время втораго посольства, то обвиненіе противъ него со стороны Демосеена не могло бы имѣть мѣста. Но этого онъ не достигъ. Другіе послы, по видимому, освобождены были отъ всякой отвѣтственности⁵), хотя Демо-

¹) Этого отчета не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ донесеніемъ, которое было сдѣлано послами, по прибытии ихъ изъ Македоніи, предъ пятисотеннымъ совѣтомъ и народнымъ собраниемъ.

²) Demosth. de fals. leg. 211, p. 406: βουλομένου γάρ θροῦ τὰ δικαία, ὥσπερ ἐκρέθενται δις, οὕτω καὶ λόγον ὅμιν δούναι δις, προσελθὼν Αἰσχίνης οὕτοι τοῖς λογισταῖς ἔχων μάρτυρας τολλοός, ἀκτηγρέψει μὴ καλεῖν ἐμ' εἰς τὸ δικαστήριον ὡς δευτέρα αὐθύνας καὶ οὐκ δυν' ὑπεύθυνον. 215, p. 408. Aesch. de f. leg. 123, p. 44: ἡ δὲ ὑστέρα (πρεσβεία) ἐπὶ πεκραγμένοις ἔγινετο. Трудно рѣшить, давалъ ли Демосеенъ отчетъ во второмъ посольствѣ. Составитель предисловія къ рѣчи Демосеена о неудачномъ посольствѣ (2 arg. ad Demosth. de fals. leg. p. 338) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но склонность изъ словъ Демосеена (118, p. 377) о μὲν οὐχ ὑπεύθυνος ἦν....) заключаетъ, по видимому, противное, примѣчая къ приведеннымъ словамъ: ἀντὶ τοῦ ἐγώ ὁ Δημοσθένης, ἀλλ' ἡ σὺ δῆλον δὲ Φιλοκράτης.

³) Что послы первого посольства послы давали отчетъ, это можно заключить изъ приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи текста изъ рѣчи Демосеена.

⁴) Dem. de fals. leg. 158, p. 390: χιλίας λαβόντες δραχμὰς ἐφδίον παρ' ὅμιν.

⁵) Dem. de fals. leg. 118, p. 377: καὶ τῶν μὲν ἄλλων (πρεσβεων) ἐσθ' ἐκάστῳ τις πρόφατος ὁ μὲν οὐχ ὑπεύθυνος ἦν, ὁ δὲ οὐχὶ παρῆν ἵστως, τῷ δὲ κηδεστῆς ἐστιν ἔκεινος, τούτῳ δὲ (Αἰσχίνῃ) οὐδέν τούτων, ἀλλ' οὕτω καθάπαξ πέπρακεν ἐαυτὸν.... Aesch. de fals. leg. 178, p. 52: Δέκατος αὐτὸς πρεσβεύεται μόνος τὰς εὑθύνας διδωμι. 181, p. 52.

сеенъ часто называетъ ихъ участниками преступленій Эсхина¹); а противъ самого Эсхина явились два обвинителя: Демосеенъ и Тимархъ²). Тогда Эсхинъ, съ цѣлью если не вовсе устранить это обвиненіе противъ себя, то по крайней мѣрѣ ослабить его, обвинилъ Тимарха въ распутномъ образѣ жизни (*εἰαρτροεώς*) и такимъ образомъ лишилъ его возможности продолжать противъ него процессъ, такъ какъ въ Афинахъ существовалъ законъ, въ силу которого всякий гражданинъ, уличенный въ безнравственномъ поведеніи, не могъ принимать участія въ дѣлахъ общественныхъ³). И такъ Демосеенъ долженъ былъ теперь одинъ вести процессъ противъ Эсхина. Послѣдній, не имѣя возможности вовсе устранить противъ себя обвиненіе, умѣлъ однако затянуть дѣло на такое долгое время⁴), что къ нему стали, наконецъ, привыкать, а подробности его мало по малу вовсе исчезали изъ памяти гражданъ⁵). Тогда Демосеенъ, приведенный въ негодованіе такими дѣйствіями Эсхина, началъ вести дѣло съ большою энергией, и открыто говорилъ, что Эсхинъ подкупленъ Македонскимъ царемъ⁶). Обстоятельства вполнѣ оправдывали его въ этомъ случаѣ. Миръ, заключенный съ Македонскимъ царемъ, все болѣе и болѣе казался непрочнымъ и унизительнымъ. Главный виновникъ его и единомышленникъ Эсхина, Филократъ, обвиненный Гиперидомъ, не явился въ судъ для отвѣта, и, удалившись изъ Аѳинъ, былъ обвиненъ заочно⁷). Это осужденіе Филократа не могло не подействовать и на репутацію Эсхина, который стоялъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, и Демосеенъ естественно всячески старался показать солидарность стремленій Эсхина и Филократа, доказывая, что самъ онъ не имѣлъ ничего общаго съ ихъ измѣнническимъ образомъ дѣйствій⁸). Наконецъ, наряженъ былъ подъ предсѣдательствомъ логистовъ судъ, предъ которымъ и былъ позванъ Эсхинъ для отвѣта

¹) Dem. de f. leg. 33, p. 351; 335, p. 448; и мн. др. мѣстъ.

²) Argum. ad Aesch. de f. leg. p. 28; 2 argum. ad Dem. de f. leg. p. 338.

³) 2 argum. ad Dem. de f. leg. p. 338.

⁴) Эсхинъ обвинялъ Тимарха еще въ 345 году, следовательно, около двухъ лѣтъ раньше, чѣмъ былъ введенъ разбираемый нами процессъ. Clint. Fast. Hell., стр. 151.

⁵) Dem. de f. leg. 3, p. 342: καὶ τὸ χρόνον γεγενῆσθαι μετὰ τὴν πρεσβείαν πολὺν δέδοικα, μή τινα λήθην ἡ συνήθεια τῶν ἀδικημάτων ὑμῖν ἐμπεποίηκε. Сравн. 103, p. 374; 258, p. 423.

⁶) Dem. de f. leg. 270, p. 405. Aesch. de fals. leg. 145, p. 47.

⁷) Grote's. Gesch. Griech. VI, 348.

⁸) Dem. de f. leg. 33, p. 351; 188, p. 400; 233, p. 410. Сравн. 25—26, p. 349.

за свои дѣйствія во время посольства¹⁾). Положеніе Эсхина было очень опасно; въ рукахъ судей было право жизни и смерти; сохранивъ даже жизнь, онъ могъ лишиться гражданской чести²⁾ — наказаніе, налагавшееся на тѣхъ, кто вслѣдствіе подкупности жертвовалъ общественными интересами. Демосоенъ требовалъ примѣрного наказанія Эсхина какъ для Афинянъ, такъ и для остальной Греціи³⁾, потому что онъ, по мнѣнію Домосоена, обманывалъ народъ, дѣйствуя въ пользу немногихъ, то-есть, старался уничтожить демократію,—обвиненіе въ высшей степени ненавистное для Афинянъ. Достаточно вспомнить, что изъ-за одного подозрѣнія въ антидемократическихъ стремленіяхъ, даже безъ всякой вины съ своей стороны, подверглись осужденію такие великие люди, какъ Мильтиадъ, Аристидъ и другие.

Процессъ, возбужденный Демосоеномъ противъ Эсхина по поводу втораго посольства къ Филиппу II Македонскому, представляетъ борьбу двухъ величайшихъ ораторовъ своего времени. Оба они, несмотря на противоположность своихъ принциповъ, пользовались въ Афинахъ большими значеніемъ, которое они приобрѣли, благодаря своимъ великимъ талантамъ; кроме того, Демосоенъ отличался еще высокими нравственными качествами. Съ блестящими краснорѣчіемъ и необыкновенною силой слова онъ соединялъ также и глубокое пониманіе своей эпохи и страсти⁴⁾, почти безпредѣльную любовь къ отечеству и его демократическимъ учрежденіямъ. Его рѣчи, полныя

¹⁾ πραθεῖς εὐθύνας διδόναι. Dem. de f. leg. 103, p. 374; 17, p. 346; 69, p. 363; 81, p. 366; 82, p. 367; 132, p. 382; 182, p. 398; 223, p. 410; 256, p. 423; 334, p. 448; Aesch. de fals. leg. 80, p. 38; 96, p. 40; 178, p. 52.

²⁾ Гражданская честь—τιμή; противоположное этому понятіе выражалось словомъ ἀτιμία, которое обозначало лишеніе гражданскихъ правъ, такъ что ἀτιμίσθεις не могъ участвовать въ дѣлахъ общественныхъ, напримѣръ, не могъ говорить рѣчей и подавать гошь въ народномъ собраниі, не могъ быть избранымъ на присяжные, въ члены буле, не могъ принимать участія въ общественныхъ празднествахъ и жертвоприношеніяхъ, и проч. Wachsmuth's Hell. Alterth. II, 195.

³⁾ Dem. de f. leg. 343, p. 451: τιμωρησαμένους (συμφέρει) παράδειγμα ποιῆσαι, καὶ τοῖς πολίταις καὶ τοῖς ἄλλοις "Ελληνισιν. 341, p. 450: νῦν μὲν γὰρ ὑρῆται τοὺς πολλοὺς ἔξαπατῶν, ὀλίγοςς θεραπεύειν.... О наказаніи, которого требовалъ Демосоенъ для Эсхина, сравни. Dem. de f. leg. 101, p. 373; 262, p. 425; 313, p. 442; 3, p. 342; 8, p. 343; 66, p. 362; 110, p. 374; 179, p. 397; 240, p. 416; 210, p. 427. Aesch. de f. leg. 5, 8, p. 29; 59, p. 35; 70, p. 37; 127, p. 45; 1, p. 28, 158, p. 49; 167, p. 50; 179. 180—189, p. 52.

жизни и силы, управляли душевными движениями слушателей, то воспламеняя ихъ высокими чувствами мужества и патриотизма, то возбуждая въ нихъ ненависть къ врагамъ государства и демократіи. Онѣ служили для его современниковъ какъ бы школою, подготавлившую ихъ къ правильной политической и общественной дѣятельности, и привлекали къ нему сочувствіе и уваженіе его согражданъ. Эсхинъ по ораторскому таланту не уступалъ своему противнику — Демосфену. Правда, его рѣчи не заключали въ себѣ той страстности и силы, которая находилась въ рѣчахъ Демосфена, но за то Эсхинъ, какъ ораторъ, имѣлъ другія, хотя, правда, виѣшнія достоинства, которыхъ недоставало, или которая, по крайней мѣрѣ, были не въ такой степени развиты у его соперника. Такъ, напримѣръ, онъ отличался способностью излагать дѣло предъ слушателями съ особеннымъ спокойствіемъ, простотою и ясностю; кроме того, онъ владѣлъ громкимъ и чистымъ голосомъ¹⁾, и говорилъ обыкновенно въ народу съ театральными манерами²⁾— свойства, которыми сильно увлекается толпа. Эсхинъ пользовался благосклонностю Македонскаго царя и недавнимъ процессомъ противъ Тимарха стажалъ себѣ репутацію блестителя и защитника строгой общественной нравственности³⁾. Такимъ образомъ процессъ между Демосфеномъ и Эсхиномъ способенъ былъ возбудить въ Аѳинянахъ живѣшее участіе и любопытство⁴⁾. Но, независимо отъ участія, возбужденного личностями обоихъ противниковъ, этотъ процессъ долженъ былъ привлекать къ себѣ общее вниманіе еще и потому, что имѣлъ политическое значеніе; здѣсь дѣло касалось не однихъ Аѳинянъ, но и всей Греціи: оправданіе Эсхина предъ судомъ нѣкоторымъ образомъ узаконило преданность различныхъ лицъ Македонскому царю, или по крайней мѣрѣ заставляло

¹⁾ Dem. de f. leg. 126, p. 380: ὁ σοφὸς καὶ δεινὸς οὗτος (Αἰσχίνης) καὶ εὐφωνος. 199 p. 403: ἐρέι λαμπρὰ τῷ φωνῇ. 206, p. 405: τίνα δὲ φθέγγυεσθαι (φήσαιτ' ἄν) μέγιστον ἀπάντων καὶ ασφέστατ' ἄν εἰπεῖν διτὶ βούλοιτο τῷ φωνῇ; Αἰσχίνην οἰδ' διτὶ τουτοι. 337, p. 449, друг.

²⁾ Dem. de f. leg. 120, p. 378: δὲ γὰρ ἀγῶνας καινοὺς ὕσπερ δράματα, καὶ τούτους ἀμαρτύρους, πρὸς διαμετρημένην ἡμέραν αἱρεῖς διώχων, δῆλον διτὶ πάνδεινος εἰ τις.

³⁾ Dem. de f. leg. 285, p. 432: Νὴ Δί', οἱ νέοι: γὰρ ἡμῖν δι' ἔκεινον ἔσονται τὸν ἀγῶνα κατὰ Τιμάρχου βελτίους.... Aesch. de f. leg. 180, p. 52: δοσι μὲν ύμῶν πατέρες εἰσὶ παῖδες ἡ νεωτέρους ἀδελφοὺς περὶ πολλοῦ ποιεῖσθε, ἀναμνησθέντες, διτὶ τὴν τῆς ασφροσύνης παράκλησιν διὰ τῆς περὶ Τίμαρχον κρίσεως δειμνήστως αὐτοὺς παρακέλληκα.

⁴⁾ Aesch. de f. leg. 5, p. 28: σχεδόν δ' οἱ πλεῖστοι τῶν πυλιτῶν πάρεισιν.

смогутъ на эту преданность, не какъ на политическое преступление; напротивъ, осужденіе Эсхина имѣло бы для Афинянъ прямымъ слѣдствіемъ отреченіе отъ Филократова мира и вражду съ Македонскими царемъ¹⁾.

Нѣкоторые позднѣйшіе греческія писатели стали подвергать сомнѣнію, что процессъ между Демосееномъ и Эсхиномъ дѣйствительно былъ введенъ предъ судомъ. Такъ, напримѣръ, Плутархъ (жившій во II вѣкѣ по Р. Хр.) въ 15-й главѣ своего жизнеописанія Демосеена, приводи свидѣтельство Идоменея, что Эсхинъ былъ оправданъ по дѣлу о посольствѣ большинствомъ только тридцати голосовъ²⁾, съ своей стороны замѣчаетъ, что еслибы процессъ этотъ дѣйствительно былъ введенъ, то Демосеенъ или Эсхинъ не преминули бы упомянуть о немъ во время своего спора „о вѣнкѣ“³⁾. Но сомнѣніе Плутарха не совсѣмъ основательно: Демосеенъ и Эсхинъ могли не упоминать о процессѣ, потому что воспоминаніе о немъ для нихъ обоихъ было не приятно и могло произвести невыгодное впечатлѣніе на слушателей: такъ какъ Эсхинъ не былъ осужденъ по обвиненію Демосеена, то оно оказывалось ложнымъ и такимъ образомъ служило для Демосеена какъ бы укоромъ въ клеветѣ; съ своей стороны, Эсхинъ могъ сознавать, что своимъ спасеніемъ онъ одолженъ былъ не столько правотѣ своего дѣла, сколько другимъ обстоятельствамъ, какъ-то: боязни Афинянъ нарушить миръ съ Македонскими царемъ, заступничеству такихъ влиятельныхъ людей, какъ Эвбуль, Фокіонъ и друг., и наконецъ своему ораторскому искусству. При томъ же нѣкоторыя указанія, находящіяся въ самой рѣчи Эсхина о неудачномъ посольствѣ, повидимому, не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что процессъ дѣйствительно происходилъ. Такъ, напримѣръ, Эсхинъ говоритъ, что при введеніи этого процесса присутствовала въ качествѣ зрителей большая часть аѳинскихъ гражданъ⁴⁾; онъ часто обращается къ судьямъ⁵⁾ и

¹⁾ Dem. de f. leg. 134, p. 382: Τάχα τοίνοι ἰσως καὶ τοιοῦτος ἦει τις λόγος παρὰ τούτων, ὃς ἀρχὴ τενήσεται πρὸς Φιλιππον ἔχθρας εἰ τῶν αὐτοπρεσβευόντων τὴν εἰρήνην καταφῆφεισθε.

²⁾ То же самое говорится и во второмъ предисловіи къ рѣчи Эсхина о неудачномъ посольствѣ, р. 28: κεκινδυνευκένται (φασί) τὸν Αἰσχύνην τριάκοντα φῆροις ἀλώναι.

³⁾ Споръ этотъ велся около 13 лѣтъ спустя послѣ спора по поводу посольства къ Филиппу, именно въ 330 году до Р. Хр. (3-й в. 112 Олимп.). Clint. Fast. Hell., стр. 167.

⁴⁾ См. примѣч. выше.

⁵⁾ Aesch. de f. leg. 1. 5, p. 28; 7. 12, p. 29; 102, p. 41 и друг.

говорить о той опасности, которой ему грозило обвинение со стороны Демосфена¹).

Когда въ назначенный для процесса день собирались судьи и пропизнесли обычную при началѣ засѣданій клятву, Демосфенъ началъ говорить свою обвинительную противъ Эсхина рѣчъ. Но прежде, нѣжели приведемъ содержаніе этой рѣчи, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ и о расположениіи приводимыхъ въ неї Демосфеномъ обвиненій. Она обнаруживаетъ большое искусство отыскивать въ фактахъ известныя стороны, представлять эти факты въ известномъ свѣтѣ и рядъ догадокъ и предположеній обращать въ сильныя доказательства²). Всѣ доказательства, представляемыя Демосфеномъ, въ сущности ничто иное, какъ предположенія³), но они высказаны съ такою твердостію, обставлены такими сравненіями, противоположеніями и разсужденіями, что получаются, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ своемъ составъ, большую, почти неодолимую силу убѣдительности.

Что касается до содержащихся въ рѣчи обвиненій, то онѣ изложены далеко не систематически. Демосфенъ часто возвращается къ одному и тому же, и дѣлаетъ нерѣдко довольно большія отступленія отъ главнаго предмета, приводя разные примѣры изъ аѳинской исторіи или мыста изъ поэтовъ⁴). Еще чаще прерываетъ онѣ систематическое изложеніе своихъ обвиненій, обращаясь къ судьямъ, то проси ихъ не обращать вниманія на ходатайство и слезы родственниковъ, братьевъ и дѣтей Эсхина⁵), и не имѣть къ нему состраданія, то стараясь тронуть ихъ изображеніемъ постигшихъ Фокейцевъ несчастій⁶), то требуя для Эсхина соответствовавшаго его преступленіямъ таж-

¹) Aesch. de f. leg. 1—5, p. 28; 8, p. 29; 59; p. 35; 70, p. 37; 127, p. 45; 158, p. 49; 167, p. 50; 179. 180—183, p. 32.

²) Справн. Стьевенара Оеувг. compl. de Dem. et d'Esch., стр. 271.

³) 2 argum. ad. Dem. de f. leg. p. 340: ἡ μὲν ὑπόθεσις τοῦ λόγου (παρὰ τῆς παρακρεαθίας) στοχαστική.

⁴) Для прим. см. Dem. de f. leg. 243—255, p. 417—423; 271—275, p. 428—429 и друг.

⁵) Dem. de f. leg. 237—240, p. 415; 310, p. 440. Здѣсь нужно замѣтить, что у Аѳинян было обыкновеніе, что обвиняемые приводили въ судъ своихъ дѣтей, женъ и родственниковъ, чтобы ихъ просьбами и слезами смягчить приговоръ судей. Wachsmuth's Hell. Alterth. II, 275.

⁶) Dem. de f. leg. 64—65, p. 361.

ваго наказанія, то изображая опасное положеніе, въ которое поставлено было Аеинское государство измѣнническимъ образомъ дѣйствій Эсхина и другихъ приверженцевъ Македонского царя ¹).

Обратимся теперь къ изложенію самого содержанія обвинительной рѣчи Демосеена.

Онъ начинаетъ ее обращеніемъ къ судьямъ, въ которомъ убѣждаетъ ихъ ставить справедливость и клятву, которой они поклялись, выше всякой личной привязанности (*χάρις*), и не обращать вниманія на искательства и ходатайства, которыми доврачали имъ покровители Эсхина, потому что беспристрастное отношеніе къ дѣлу было полезно всему государству (*πόλει*), а просьбы и домогательства ходатаевъ (*παρακλήτων*) имѣли въ виду только личныя выгоды ²). Перехода по томъ къ обвиненію Эсхина, Демосеенъ говоритъ, что всѣ другіе послы, хотя и дали отчетъ въ посольствѣ ³), всегда были готовы къ отвѣту; Эсхинъ, напротивъ, прежде чѣмъ дать отчетъ, одного изъ своихъ противниковъ (Тимарха) устранилъ, другимъ угрожаетъ, вводя такимъ образомъ въ государство страшный и гибельный обычай, который, ко всеобщему вреду, лишалъ судей надлежащей власти ⁴). Демосеенъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ изобличить Эсхина въ тажкихъ преступленіяхъ, но опасался только, что долгіе годы, протекшіе со времени совершенія этихъ преступленій, могли заставить судей забыть о нихъ или приглядѣться къ нимъ и свыкнуться съ ними; поэтому Демосеенъ даетъ судьямъ программу, по которой они должны были требовать отъ Эсхина отчета въ его дѣйствіяхъ во время посольства, а именно: онъ обязанъ быть дать отчетъ, впервыхъ, въ томъ, что онъ разговаривалъ (*ἀπογεγέλε*). Здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣеться Демосеенъ увѣренія Эсхина въ намѣреніи Филиппа защитить Фокейцевъ и унизить Оиванцевъ. Вовторыхъ, какіе онъ давалъ согражданамъ совѣты (*φύεται*): здѣсь Демосеенъ хочетъ сказать, что Эсхинъ былъ причиной того, что Аеиняне заключили миръ съ Филиппомъ безъ Фокейцевъ и потомъ не подали имъ помощи; втретьихъ, какъ исполнилъ онъ возложенный на него обязанности; вчетвертыхъ, какъ онъ распорядился временемъ (мы уже видѣли, что послы

¹) Dem. de f. leg. 288, p. 433—434; 294—295, p. 435.

²) Dem. de f. leg. 1, p. 341.

³) То-есть, въ первомъ посольствѣ, потому что отчета во второмъ посольствѣ никто изъ пословъ, по видимому, не давалъ.

⁴) Dem. de f. leg. 2, p. 341.

медили отправиться изъ Аенинъ, долго оставались въ Пеллѣ и, по-
томъ медили возвращенiemъ въ Аенины до тѣхъ поръ, пока Филиппъ
съ войскомъ былъ уже близко отъ Фермопилъ); и впятыхъ, безкорыстно,
или нѣтъ, исполнилъ онъ свою обязанность¹⁾). Далѣе Демосоенъ пред-
ставляетъ резоны, почему именно по этой программѣ должно было тре-
бовать отчета отъ пословъ, а именно: отъ донесеній пословъ за-
висята и рѣшенія народа, такъ что, если эти донесенія будутъ вѣр-
ны, то и рѣшенія окажутся правильными, и наоборотъ. Что послы
должны въ точности исполнять данные имъ порученія, это ясно само
собою. Отчета въ распоряженіи временемъ слѣдуетъ требовать отъ
нихъ потому, что иногда въ короткое время могутъ быть совершены
важныя дѣла, а потерянное время ничѣмъ потомъ не можетъ быть
вознаграждено. Что отъ пословъ нужно требовать безкорыстного испол-
ненія обязанностей, это также очевидно, и законъ рѣшительно воспре-
щаетъ должностному лицу братъ подарки²⁾). Эсхинъ подлежитъ обви-
ненію по каждому изъ указанныхъ пунктовъ: онъ дѣлалъ ложныя доне-
сенія; давалъ Аенинамъ вредные для нихъ совѣты; не исполнилъ дан-
ныхъ ему порученій; пропустилъ время, въ которое могли бы совер-
шиться многія полезныя для государства дѣла; и все это онъ сдѣ-
лалъ, получивъ, вмѣстѣ съ Филократомъ, подкупъ отъ Македонскаго
царя³⁾). Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить направ-
леніе политической дѣятельности Эсхина до и послѣ посольства его
въ Македонію. Онъ прежде другихъ понялъ замыслы Филиппа противъ
Греціи; онъ говорилъ въ Мегалополѣ, предъ совѣтомъ десяти ты-
сячъ⁴⁾, рѣчь противъ одного изъ приверженцевъ Филиппа; посланный
потомъ въ качествѣ посла къ Македонскому царю, какъ его противникъ
и человѣкъ, преданный интересамъ Греціи, для переговоровъ о мирѣ,
онъ, по возвращеніи изъ Македоніи, перемѣнилъ направлѣніе своей
дѣятельности и открыто стала на сторону Филократа⁵⁾). Онъ дѣлалъ
ложныя донесенія о намѣреніяхъ Филиппа относительно Фокейцевъ

¹⁾ Ibid. 3—4, p. 342.

²⁾ Ibid. 5—7, p. 342—343.

³⁾ Ibid. 8, p. 343.

⁴⁾ Мегалополѣ въ то время бытъ главнымъ центромъ союза аркадскихъ го-
родовъ, основанаго Эпамиондомъ для противодѣйствія Спартѣ. Этотъ союзъ
управлялся совѣтомъ, состоявшимъ изъ десяти тысячъ депутатовъ, собиравшися
въ Мегалополѣ изъ союзныхъ городовъ. Сравн. Aesch. de fals. leg. 79,
р. 38; также сходнѣ къ этому мѣсту рѣчи Эсхина.

⁵⁾ Dem. de f. leg. 9—16, p. 343—345.

и Фокейцевъ, о томъ, что онъ убѣдилъ Македонскаго царя сдѣлать все полезное для Аѳинянъ и т. д. Въ свое время Демосеенъ старался показать несправедливость словъ Эсхина, но онъ и Филократъ стали издѣваться надъ нимъ, возвуждая этимъ смѣхъ въ народѣ, который вовсе не хотѣлъ слушать Демосеена, вполнѣ вѣра лестнымъ для него обѣщаніямъ Филократа и Эсхина¹). Все это доказываетъ, что Демосеенъ не былъ участникомъ измѣнническихъ дѣйствій приверженцевъ македонской партіи, и что виновниками всѣхъ неудачъ, постигшихъ Аѳинянъ, и всѣхъ золъ, обрушившихся на ихъ союзниковъ — Фокейцевъ, были его противники²). Ложныя донесенія и обѣщанія, которыя были высказываемы Эсхиномъ и Филократомъ, были причиной гибели Фокейцевъ. По возвращеніи пословъ изъ втораго посольства, Демосеенъ обвинялъ ихъ предъ пятисотеннымъ совѣтомъ, который поэтому не выразилъ имъ похвалы и не пригласилъ ихъ въ столу въ пританѣй. Не смотря на это, Эсхинъ вмѣстѣ съ Филократомъ и другими своими единомышленниками не только успѣли устроить дѣло такъ, что это неблагопріятное для нихъ опредѣленіе совѣта не было прочитано въ народномъ собраніи, но еще отыскали возможность у гражданъ обсудить дѣло безпредвзятно или даже услышать отъ кого-нибудь благоразумный совѣтъ. Тотчасъ послѣ открытия народнаго собранія Эсхинъ началъ говорить рѣчъ и такъ увлекъ ею всѣхъ, что никто не хотѣлъ слушать ни Демосеена, ни кого-нибудь другаго³); всѣдѣ затѣмъ было читано въ народномъ собраніи письмо Филиппа, написанное, какъ говорить Демосеенъ, самимъ Эсхиномъ, въ которомъ онъ оправдывалъ аѳинскихъ пословъ за то, что они не принимали присяги на заключенный миръ въ каждомъ союзномъ ему городѣ отъ начальниковъ этихъ городовъ, и вину въ этомъ несоблюденіи данныхъ имъ инструкцій бралъ на себя; дающе онъ увѣраль Аѳинянъ въ своей дружбѣ къ нимъ и обѣщаю оказать имъ разныя благодѣянія⁴). Эсхинъ и Филократъ увѣрали Аѳинянъ въ томъ, что Филиппъ имѣлъ благопріятныя для Фокейцевъ намѣренія, и такимъ образомъ склонили ихъ постановить, что если Фокейцы добровольно не сдадутъ Амфиктіональ дельфійскаго храма, то

¹) Dem. de f. leg. 17—24, p. 346—348. Обѣщанія Филократа и Эсхина и вообще все содержаніе цитируемаго жеста рѣчи Демосеена болѣе подробно и обстоятельно изложены нами въ исторіи посольствъ.

²) Dem. de f. leg. 24—28, p. 348—349.

³) Ibid. 29—35, p. 350—352.

⁴) Ibid. 35—40, p. 352 353.

они принудить ихъ къ тому силой. Даже послѣ того, какъ Филиппъ двумя письмами приглашалъ Аѳинянъ занять Фермопильскій проходъ, чѣмъ онъ сдѣлалъ, по мнѣнію Демосоена, только потому, что зналъ, что Аѳиняне не воспользуются этимъ приглашеніемъ, Эсхинъ и Филократъ отклоняли ихъ отъ намѣренія послать къ Фермопиламъ Проксена съ флотомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, помочь Фокейцамъ. Для подтвержденія, что все это справедливо, Демосоенъ указываетъ время совершенія главныхъ событій изъ исторіи втораго и третьяго послосьствъ къ Филиппу до сдачи ему Фалекомъ Фермопилъ и покоренія Фокиды, а для доказательства какія слѣдствія произошли для Аѳинянъ и ихъ союзниковъ отъ измѣнническихъ дѣйствій Эсхина и его сообщниковъ, онъ велѣлъ прочитать сначала союзный договоръ, заключенный между Аѳинянами и Фокейцами, потомъ договоръ послѣднихъ съ Македонскимъ царемъ о безусловной єму покорности, на который они должны были согласиться, оставленные Аѳинянами, и, наконецъ, жестокое опредѣленіе противъ Фокейцевъ и Амфиактионовъ. При этомъ Демосоенъ рисуетъ печальную картину, которую представляла Фокида послѣ исполненія этого приговора, и которую онъ видѣлъ собственными глазами, и напоминаетъ о благодѣяніи, оказанномъ Аѳинянамъ Фокейцами, подавшимъ голосъ противъ разрушенія Аѳинъ¹⁾). Затѣмъ Демосоенъ удивляется счастію Филиппа, находившаго вездѣ такихъ вѣрныхъ и ревностныхъ исполнителей своихъ желаній: Эсхинъ и Филократъ рѣшились распускать между Аѳинянами, для пользы царя, такую ложь, которой не дерзалъ выскazyвать ни онъ самъ, ни его послы; Эсхинъ не подумалъ даже о томъ страшномъ проклятіи, которое налагалось на всѣхъ предателей отечества (при этомъ было прочитано самое проклятіе — бра! ²⁾). Несправедливо было бы освободить Эсхина отъ заслуженнаго имъ наказанія, еслибы онъ сталъ оправдываться тѣмъ, что Фокейцы погибли не чрезъ него, но вслѣдствіе другихъ причинъ³⁾,

¹⁾ Ibid. 36—66, p. 352—362. Послѣ пораженія Аѳинянъ при Эгосѣ-Потамосѣ (405 г. до Р. Хр.) Лизандръ намѣревался взять Аѳоны и предложилъ на обсужденіе Лакедемонянъ и ихъ союзниковъ вопросъ: должно ли совсѣмъ разрушить городъ и жителей его отвести въ рабство, или же только срыть его стѣны? Въ пользу первого мнѣнія подали голосъ Оиванцы, Коранеяне и др.; въ пользу послѣд资料ного — Фокейцы и сами Лакедемоняне. Annal. ad Dem. de f. leg. p. 361, 26. Vol. V, 506.

²⁾ Dem. de f. leg. 67—71, p. 362—363.

³⁾ Сравн. Aesch. de f. leg. 131—132, p. 45.

что они заслужили наказание своими преступлениями противъ дельфійского храма¹), или если онъ скажетъ, что хотя Фокейцы погибли и Фермоилы потеряны, но за то для Аеинянъ спасенъ Оракийскій Херсонесъ²), или, наконецъ, если онъ будетъ спрашивать, почему же его обвиняетъ Демосеенъ, а не кто-нибудь изъ Фокейцевъ? Выгоды мира для Аеинянъ, проданныя имъ послами, могли бы оставаться при нихъ сверхъ Херсонеса; что же касается до послѣдняго возраженія, то Фокейцевъ постигли такія страшныя бѣдствія, что всякий изъ нихъ долженъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ этихъ несчастій, а не обвинять въ нихъ другихъ³). Отъ гибели Фокейцевъ и занятія Филиппомъ Фермоилъ для Аеинянъ произошли большия невыгоды и опасности: не говоря уже о томъ, что они лишились своихъ союзниковъ, они потеряли безвозвратно двѣсті талантовъ, которыхъ стоила имъ экспедиція къ Фермоиламъ на помощь Ономарку; для Филиппа и его союзниковъ Фиванцевъ былъ открытъ свободный доступъ въ Аттику. Какая опасность грозила Аеиняпамъ отъ занятія Филиппомъ Фермоилъ, видно уже изъ того, что при извѣстіи объ этомъ они сдѣлали, по предложению Каллисеена, слѣдующее постановленіе: 1) женъ, дѣтей и все движимое имущество перевести изъ полей въ Аеинны, и 2) представшій праздникъ въ честь Геркулеса (*τὰ Ἡράκλεα*) праздновать, вопреки обыкновенію, внутри аеинскихъ стѣнъ⁴). Но можетъ быть Эсхинъ, чтобы защитить себя, будетъ указывать на благодѣянія мира и на гибельные слѣдствія войны вообще⁵). Демосеенъ не отрицаєтъ ни этихъ благъ мира, ни этихъ гибельныхъ слѣдствій войны, но только указываетъ, что для Филиппа заключенный миръ послужилъ къ выгодѣ гораздо въ большей степени, чѣмъ для Аеинянъ, выгоды которыхъ были проданы имъ послами⁶). Какъ не слѣдуетъ подвергать Эсхина отвѣтственности за то, въ чемъ онъ не виноватъ, такъ равно не слѣдуетъ и дѣлать ему снисхожденія ради заслугъ другихъ. Никто не можетъ обвинять его въ томъ, что была война съ Македонскимъ царемъ Филиппомъ, что потомъ начались съ нимъ переговоры о мирѣ, но онъ дол-

¹) Dem. de f. leg. 72—77, p. 363—365.

²) Dem. de f. leg. 78—79, p. 365—366. Ср. Aesch. de f. leg. 82, p. 39.

³) Demosth. de fals. leg. 78—82, p. 365—367. Сравн. Aesch. de f. leg. 142 143, p. 46—47.

⁴) Dem. de f. leg. 83—87, p. 367—368.

⁵) Ср. Aesch. de fals. leg. 161, p. 49; 171—172, p. 51; 183, p. 52.

⁶) Dem. de f. leg. 88—90, p. 369.

жень быть обвиненъ въ томъ, что, вслѣдствіе подкупности, противостоять людямъ, которые хотѣли народу Аѳинскому сказать правду; что онъ содѣствовалъ подкупленному также, какъ и онъ самъ, Филократу; что избранный потомъ посломъ, онъ не исполнилъ возложенныхъ на него обязанностей, и еще распространялъ ложныя увѣренія и обѣщанія. Миръ былъ заключенъ вслѣдствіе неудачнаго веденія войны полководцами; Эсхинъ тутъ остается въ сторонѣ; но по его винѣ этотъ миръ былъ и безславенъ, и ненадеженъ¹⁾). И такъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что дѣло приняло неблагопріятный для Аѳинянъ оборотъ по винѣ Эсхина и его сообщниковъ. Но, можетъ быть, со стороны Эсхина это было ошибкой, допущеною имъ по простодушію или по неопытности (*εὐήθειαν ἡ δὲ ἀλλὰ ἄγυραν*)? Но если бы даже это было и такъ, то все таки для Эсхина не могло бы служить оправданіемъ: государственный человѣкъ долженъ принимать возлагаемыя на него общественные обязанности только въ такомъ случаѣ, если чувствуетъ себя совершенно способнымъ къ ихъ выполненію. Если окажется, что Эсхинъ поступалъ измѣннически по преднамѣренію, бывъ подкупленъ Филиппомъ, то онъ достоинъ примѣрного наказанія, даже смертной казни. По какимъ побужденіямъ дѣствовалъ Эсхинъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній. Онъ могъ говорить то, что высказано имъ о Фокейцахъ, Феспійцахъ, обѣ островѣ Эвбей, только или на основаніи данныхъ самимъ Филиппомъ обѣщаній, или потому что, бывъ очарованъ его обходительностью и ошибаясь относительно истинныхъ его намѣреній, онъ самъ заключилъ, что Филиппъ сдѣлаетъ то, чѣмъ онъ (Эсхинъ) обѣщалъ; третьей причины здѣсь быть не могло. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы ненавидѣть Филиппа, такъ какъ изъ-за него онъ обманулъ своихъ согражданъ, подвергнувъ опасности отечество, обезчестивъ себя и признанъ достойнымъ казни. Но слышалъ ли ктонибудь, чтобы Эсхинъ жаловался на Филиппа или обвинялъ его? Напротивъ, его (Филиппа) обвиняютъ скорѣе тѣ, кому онъ не причинилъ никакой личной обиды. Еслибы Эсхинъ не былъ подкупленъ, отъ него можно было бы ожидать такихъ, напримѣръ, рѣчей: „Аѳиняне! дѣлайте со мной, чѣмъ хотите; я повѣрилъ и былъ обманутъ, ошибся и теперь сознаюсь въ этомъ. Берегитесь этого человѣка (то-есть Филиппа): онъ вѣроломенъ, обманщикъ, человѣкъ без-

¹⁾ Ibid. 91—97, p. 370—372.

честный; развѣ вы не видите, что онъ сдѣлалъ со мною, какъ обманулы менѧ?“ Такихъ или подобныхъ словъ никто не слыхалъ отъ Эсхина, потому что онъ былъ не обманутъ, а подкупленъ; онъ былъ для Филиппа прекраснымъ (*χχλὸς κάγαθός*) и вѣрнымъ слугою (*μεθυτός*), а для Аенианъ предателемъ, трижды повиннымъ смерти ¹⁾.

Что Эсхинъ дѣйствительно былъ подкупленъ, это доказываетъ также и тотъ фактъ, что когда прибыли послы отъ Филиппа и Фес-салійцевъ въ Аеніи требовать признанія Филиппа членомъ союза Амфіктіоновъ, и когда даже Филократъ не рѣшался говорить въ пользу этого требованія, Эсхинъ одинъ энергически поддерживалъ его ²⁾.

Нѣть сомнѣнія, что другіе послы были также подкуплены македонскимъ царемъ; Филократъ самъ сознавался въ этомъ. Кроме того онъ продавалъ полученную отъ Филиппа пшеницу, говорилъ, что онъ пойдетъ въ Македонію, если даже не будетъ избранъ посломъ; строилъ дома и открыто промѣнивалъ полученное изъ Македоніи отъ Филиппа золото на аттическую монету ³⁾). Не можетъ быть, чтобы отъ подкупа былъ свободенъ Эсхинъ, который открыто стоялъ на сторонѣ Филократа даже тогда, когда этотъ послѣдній подвергся обвиненію со стороны Гиперида. Когда Демосеенъ, подозрѣвая и другихъ пословъ въ принятіи подкупа, приглашалъ каждого изъ нихъ, кто сознаетъ себя невиннымъ, заявить предъ всѣми, что онъ не имѣеть ничего общаго съ Филократомъ (то-есть, дать отчетъ во второмъ посольствѣ предъ логистами), то почти всѣ они, въ томъ числѣ и Эсхинъ, не явились для оправданія себя, и тѣмъ доказали свою подкупленість. Но еще болѣе подкупленість Эсхина доказывается его поведеніемъ во время избрания третьего посольства къ Филиппу, его притворной болѣзни, его своевольнымъ путешествіемъ къ македонскому царю въ качествѣ послы, его участіемъ въ празднествахъ Филиппа и Фиванцевъ. Всѣ эти факты не допускаютъ никакого сомнѣнія въ преступности Эсхина, за которую онъ повиненъ смертной казни ⁴⁾). Могутъ возразить, что осужденіе тѣхъ лицъ, которыхъ были посредниками при заключеніи мира съ македонскимъ царемъ, навлечетъ гнѣвъ послѣднаго на Аенианъ и поведетъ къ нарушенію заключенного мира;

¹⁾ Ibid. 98—110, p. 372—374.

²⁾ Ibid. 111—113, p. 375. Ср. стр. 54.

³⁾ Dem. de fals. leg. 114, p. 375—376; также Appot. Дид. V, 521.

⁴⁾ Dem. de f. leg. 114—133, p. 376—382.

но это возражение было бы самымъ сильнымъ обвинениемъ противъ Эсхина: значитъ, Филиппъ посредствомъ подкупа афинскихъ пословъ сдѣлался на столько величъ и грозенъ, что суды, забывъ о своей клятвѣ и справедливости, будуть думать только о томъ, какъ бы угодить Филиппу. Съ другой стороны, это возраженіе было бы очень неосновательно: осужденіе Эсхина и его сообщниковъ не повело бы къ нарушенію заключенного мира, но даже могло бы возвѣдить въ македонскомъ царѣ чувствоуваженія къ афинскому народу, который онъ прежде, со словъ Эсхина, считалъ очень непостояннымъ и неспособнымъ управлять твердо своими дѣлами и съ которыми онъ считалъ возможнымъ, чрезъ своихъ подкупленныхъ агентовъ, дѣлать все, что ему угодно. Что наказаніе продажныхъ пословъ внушаетъуваженіе къ государству, это можетъ быть доказано примѣромъ Тимагора¹⁾. А сколько пользы и славы для государства приносить честность его пословъ, это видно изъ примѣра пословъ Фиванскихъ, которые отказались отъ даровъ, предложенныхъ имъ Филиппомъ, и заботились единственно объ интересахъ своей родины. Совершенно противный этому примѣръ представляютъ послы Аѳинскіе: заключенный ими миръ лишилъ Аѳинянъ многихъ выгодъ, погубилъ ихъ союзниковъ, а самимъ посламъ, напротивъ, доставилъ большія богатства²⁾.

Но, можетъ быть, Эсхинъ возразитъ, что выгоднаго для Аѳинянъ мира, какого желала Демосенъ, невозможно было заключить, потому что Аѳинскіе вожди вели войну очень неудачно³⁾, но и въ такомъ случаѣ Эсхину не слѣдовало принимать отъ Филиппа подарковъ въ ущербъ и безъ того пострадавшимъ интересамъ своего государства (*εφ' οὶς ἡ πέμφασα πόλις τῶν αὐτῆς ἀπέστη*). Или, можетъ быть, онъ скажетъ, что афинскіе союзники (Фокейцы) вели неудачно войну? Напротивъ, они одолѣвали Фиванцевъ; сами же Аѳиняне, если и не имѣли перевѣса надъ Филиппомъ, то были по крайней мѣрѣ въ совершенной безопасности отъ него. Какимъ же образомъ Фиванцы, которые были побѣждаемы Фокейцами, не только ничего не лишились своего, но еще получили чужое, а Аѳиняне, напротивъ, по-

¹⁾ Тимагоръ былъ отправленъ Аѳинянами въ качествѣ послы къ Артаксерксу Мнемону и получилъ отъ него въ даръ 40 талантовъ. По возвращеніи въ Аѳины онъ былъ обвиненъ Леонтомъ и подвергнутъ смертной казни. *Annot. ad. Dem. p. 350, 26, изд. Динд., vol. V, 494—495.*

²⁾ *Dem. de f. leg. 134—146, p. 382—386.*

³⁾ Срав. *Aesch. de f. leg. 70—71, p. 37; 80, p. 38.*

теряли и то, что имѣли прежде? Это очевидно произошло отъ того, что Аѳинскіе послы продали интересы своего государства, а Фиванскіе — нѣтъ, а какъ это произошло, можно видѣть изъ раз-
каза о дѣйствіяхъ Аѳинскіхъ пословъ во время втораго посольства¹⁾.

Затѣмъ Демосоенъ переходитъ къ обвиненію пословъ въ томъ, что они напрасно убивали время, не захотѣли плыть къ Геллеспонту, чтобы приостановить завоеванія Филиппа во Фракіи, а вмѣсто того медленно отправились въ Пеллу; они совершенно не заботились объ исполненіи данныхыхъ имъ инструкцій, и принесли присягу отъ Филиппа только уже на возвратномъ пути въ Аѳины, въ Ферахъ, да и то въ гостиницѣ. Медлительность пословъ во время втораго посольства, когда интересы государства болѣе всего требовали скорости съ ихъ стороны, тѣмъ преступнѣе, что въ первое посольство, когда такая скорость нужна была для Филиппа (намекъ на стѣснительное положеніе Македоніи), они спѣшили прибыть къ нему²⁾.

А что дѣлали послы въ Пеллѣ, какъ заботились о государственныхъ интересахъ? Въ то время, какъ Демосоенъ старался объ освобожденіи военнопленныхъ Аѳинянъ и отказался отъ предложенныхъ ему подарковъ, его товарищи, принявши подарки, формально исключили изъ числа Аѳинскіхъ союзниковъ Фокейцевъ, Галійцевъ и Керсовлента и принесли союзниками Филиппа Кардіанцевъ³⁾.

Затѣмъ Демосоенъ резимируетъ всѣ обвиненія, которыхъ онъ привелъ противъ Эсхина. Онъ показалъ, что Эсхинъ ни самъ не говорилъ согражданамъ истины, ни другимъ не позволялъ высказывать се; что онъ совѣтовалъ Аѳинянамъ заключить невыгодный для ихъ союзниковъ миръ и содѣйствовалъ принятию предложеній Филократа; что онъ во время втораго посольства съ намѣреніемъ тратить время, чтобы Аѳиняне не успѣли потомъ прибыть на защиту Фермопиль и Фокейцевъ. Очевидно, онъ былъ подкупленъ и продалъ интересы своего отечества. Все это доказано, и судьямъ остается, сообразно ихъ присягѣ, положить свой приговоръ, согласуясь съ решеніемъ совѣта и народного собранія. Эсхинъ дѣйствовалъ вопреки законамъ, опредѣленіямъ (ұғысмат), справедливости; следовательно, онъ долженъ быть объявленъ виновнымъ. Не говоря о другихъ его поступкахъ, уже одно то, что по его винѣ Фермопили и Фракія, эти два

¹⁾ Dem. de f. leg. 147—149, p. 386—387.

²⁾ Ibid. 150—165, p. 387—393.

³⁾ Ibid. 166—177, p. 393—396.

пункта, выгоднѣе и важнѣе которыхъ для Аѳинянъ нельзя было указать во всей вселенной, были предоставлены Филиппу, заслуживаетъ смертный приговоръ¹⁾.

Эсхинъ можетъ еще возразить, почему же только онъ одинъ изъ ораторовъ будетъ давать отчетъ въ своихъ рѣчахъ? Потому, отвѣчаетъ Демосоенъ, что онъ былъ не частнымъ человѣкомъ, а посломъ, въ рукахъ которого рѣчи и время были могущественнымъ орудиемъ дѣйствія на народъ и на состояніе государства; важность рѣчей ораторовъ и разумнаго распределенія времени несомнѣнно велика при демократическомъ устройствѣ, где всѣ решения зависятъ отъ воли народа, и где не можетъ быть въ государственномъ управлении той быстроты, какая возможна тамъ, где всѣмъ руководить воля одного человѣка. Приверженцы Филиппа могутъ также сказать, что Демосоенъ возмущаетъ государство и препятствуетъ Филиппу оказать Аѳинянамъ обѣщанныя имъ благодѣянія. Вместо отвѣта на это возраженіе, Демосоенъ велѣлъ прочитать письмо Филиппа, наполненное обѣщаніями, изъ которыхъ однако ни одно не было исполнено²⁾.

Эсхинъ говорить, что Демосоенъ не хорошо поступаетъ, обвиняя своего товарища по посольству и такимъ образомъ забывая тѣ обязанности дружбы, которымъ наложило на нихъ это совмѣстное поученіе³⁾. Демосоенъ отвѣчаетъ на это, что у него не было ничего общаго съ Эсхиномъ и представляетъ примѣры изъ Аѳинской исторіи, что вѣкоторыя должностныя лица были обвинены своими товарищами, которымъ это обвиненіе не было и не можетъ быть вмѣнено въ безчестіе⁴⁾.

Не смотря на то, что Эсхинъ былъ лицомъ официальнымъ при дворѣ Македонскаго царя, его поведеніе тамъ было позорно. Чтобы яснѣе видѣть всю гнусность образа дѣйствій его и другихъ пословъ, стѣтъ только сопоставить ихъ поступокъ съ одною Олинейской женщиной съ честнымъ и благороднымъ поступкомъ актера Сатира. Послѣ взятія Олинеа Филиппъ устроилъ циркъ для побѣдителей на олимпійскихъ играхъ (годъ взятія Олинеа, 348, былъ первымъ годомъ 108 олимпіады) и собралъ на него многихъ артистовъ (*τεχνίτας*), въ числѣ которыхъ былъ и комическій актеръ Сатиръ. Во времена

¹⁾ Ibid. 178—181, p. 396—398.

²⁾ Ibid. 182—187, p. 398—400.

³⁾ Cp. Aesch. de fals. leg. 22, p. 31; 55, p. 35; 163, p. 50; 183, p. 52.

⁴⁾ Dem. de fals. leg. 188—191, p. 400—401

пира Филиппъ спросилъ его, почему онъ ничего не просить у него для себя, какъ это дѣлали другіе. Тогда Сатиръ попросилъ отдать ему взятыхъ въ плѣнъ въ Олинеѣ дочерей друга его Аполлофана, убитаго въ Пидиѣ, обѣщая, если только царь исполнить его просьбу, выдать ихъ замужъ и надѣлить хорошимъ приданнымъ. Филиппъ, не смотря на то, что Аполлофанъ былъ его личнымъ врагомъ, не могъ не уважить просьбы благороднаго Сатира. А вотъ другой поступокъ, совершенно противоположный разказанному сейчасъ. Аѳинскіе послы въ Македоніи были приглашены на пиръ Ксенофрономъ, сыномъ Федима, одного изъ тридцати тирановъ (самъ Демосеенъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ.) Пировавши, разгоряченные виномъ, велѣли позвать одну, взятую въ плѣнъ въ Олинеѣ, женщину, сначала накормили и напоили ее, а потомъ велѣли ей пѣть. Но когда она отказалась исполнить это приказаніе по неумѣнью или просто по нежеланію, Эсхинъ и Фринонъ объявили это непростительной дерзостью, позвали раба и велѣли ему сѣчь ослушницу ремнемъ. Все это было разказано на другой день Демосеену Іатрокломъ. „И послѣ всего этого“, прибавляеть Демосеенъ, „Эсхинъ будетъ спокойно смотрѣть въ глаза судьямъ, и звонкимъ голосомъ превозносить свою жизнь, какъ будто всѣ не знаютъ его прежняго образа жизни, не чуждаго многихъ пороковъ. Всѣмъ известно, что онъ, будучи еще мальчикомъ, читалъ книги своей матери, когда она совершала религіозные обряды¹⁾, и пресмыкался между пьяными людьми на оргіяхъ въ честь Вакха, потому онъ служилъ писцемъ у государственныхъ людей, будучи готовъ учинить всякое преступленіе за дѣлъ или три драхмы, наконецъ, еще въ недавнее время онъ былъ актеромъ, играя третыя роли и жива на чужомъ иждивеніи²⁾.“

¹⁾ Ibid. 199, p. 403: τὰς βίβλους ἀναγιγνώσκοντά σε τῇ μητρὶ τελούσῃ. Мать Эсхина, Гавковая, снискивала пропитаніе тѣмъ, что совершала вѣкоторые религіозные обряды, то-есть была, что у насъ называютъ, ворожеей. 1 argum. ad. Dem. de fals. leg. p. 333: τὴν δὲ (Πλαισοθέαν) καθίρουσαν καὶ τελετές τινας συσπουδαίας τελοῦσάν φησι: (Δημοσѳѳенѣς) διαζῆγ. Сравн. Диад. Appot. ad. Demosth. de fals. leg. p. 403, 17, vol. V, 550.

²⁾ Demosth. de fals. leg. 192—200, p. 401—403. Послѣднія, приведенные нами, слова Демосеена очень трудны для буквального перевода; вотъ греческій текстъ: καὶ παῖδ' ὅντ' (Αἰσχίνη) ἐν θιάσοις καὶ μεθύουσιν ἀνθρώποις καλινδόμενον; μετὰ ταῦτα δὲ ταῖς ἀργαῖς ὑπογραμματεύοντα καὶ δυοῖν ἡ τριῶν δραχμῶν πονηρού ὄντα; Τὰ τελευταῖς δ' ἐναγκος ἐν χορηγίοις ἀλλοτρίοις ἐπὶ τῷ τριταγωνιστεῖν ἀγαπητῷ παρατρεφόμενον.

Изобличенный въ столь многихъ и важныхъ преступлениахъ, Эсхинъ, за неимѣниемъ оправданій, можетъ прибѣгнуть къ уловкѣ и сказать, что самъ Демосоенъ былъ участникомъ тѣхъ же дѣйствій, въ которыхъ теперь его обвиняетъ¹). Но почему же, возражаетъ Демосоенъ, ни Филократъ, ни Эсхинъ, который обладаетъ такимъ мастерствомъ говорить, не обвиняли его въ этомъ прежде, и молчали, когда онъ уличалъ ихъ въ подкупѣ? Почему Эсхину было такъ нежелательно давать отчетъ въ своесть посольствѣ? Наионецъ, правильно ли поступить Эсхину, вздумавъ обвинять другихъ, вместо того, чтобы оправдываться въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыхъ взводятся на него? Конечно, Эсхинъ не сознается въ своихъ преступлениахъ: онъ будетъ запираться, представлять въ свою пользу разныхъ свидѣтелей, можетъ быть, скажетъ блестящую оправдательную рѣчь (καλὸν καὶ μέγα φθέγξεται), но обязанность судей состоять не въ томъ, чтобы судить объ ораторахъ и ихъ рѣчахъ, а о совершенныхъ дѣлахъ. Если всѣ тѣ обѣщанія, которыхъ давалъ Эсхинъ и его сообщники отъ имени Филиппа, исполнены, они свободны отъ обвиненія; если же нѣтъ—должны подлежать осужденію²).

Далѣе Демосоенъ говоритъ, что онъ предпринялъ обвиненіе противъ Эсхина единственно изъ любви къ истинѣ и желанія блага отечеству, и доказываетъ это слѣдующимъ образомъ. „Что могло бы побудить меня“, спрашиваетъ онъ, „обвинять ихъ (пословъ), если бы они не сдѣлали никакого преступленія? Желаніе имѣть больше враговъ? Но это было бы опасно. Можетъ быть, у меня была противъ Эсхина вражда? Никакой. Можетъ быть, я убоился обвиненія со стороны моихъ противниковъ и рѣшился предупредить ихъ?— Но не было ничего такого, вопреки увѣреніямъ Эсхина. И какого наказанія послѣ этого заслуживаютъ эти преступники (ἢ δικησθότες), если я, не зная за собою никакой вины, опасаюсь погибнуть отъ нихъ? Или, можетъ быть, я сдѣлался сикофантомъ, и хочу получить отъ Эсхина деньги? Но въ такомъ случаѣ лучше было мнѣ получить подарки отъ Филиппа, отъ которыхъ я отказался. и такимъ образомъ имѣть и его, и ихъ (пословъ), друзьями. Напротивъ, я не только не желалъ получать деньги отъ другихъ, но и собственные истратилъ на выкупъ пленныхъ соотечественниковъ“). Демосоена, какъ говорить онъ самъ далѣе, побуждаетъ къ обвиненію Эсхина и его сообщниковъ

¹) Сравн. Aesch. de fals. leg. 14—20, p. 30; 56, p. 35; 122—123, p. 44.

²) Demosth. de fals. leg. 201—220, p. 404—409.

единственно желаніе сказать истину и имѣть добрую славу между соотечественниками, которой онъ не промѣняетъ ни на какія материальные выгоды; онъ обвиняетъ своихъ товарищѣй по посольству потому, что видѣлъ ихъ безчестность и продажность, которая лишила и его самого заслуженной похвалы; онъ желаетъ показать, что между нимъ и сообщниками Эсхина и Филократа не было ничего общаго. Далѣе Демосоенъ порицаетъ беззаботность Аенианъ въ виду распространявшейся подкупности и усиленія повсюду Македонской партіи, которая дѣйствовала усердно и дружно, между тѣмъ какъ люди, преданные отечеству, встрѣчали со стороны своихъ согражданъ полное равнодушіе; такъ, напримѣръ, Демосоенъ принужденъ вести равную борьбу (*ἐξ οὐ αγωνίζεσθαι*) съ людьми, которыхъ преступность не можетъ подлежать сомнѣнію. Отъ чего это? Отъ того, что Филиппъ всю душою былъ преданъ тѣмъ, которые оказывали ему услуги и ненавидѣлъ своихъ противниковъ; а изъ Аенианъ никто не считаетъ своимъ благодѣтелемъ человѣка, который оказываетъ благодѣяніе государству, и своимъ врагомъ—врага отечества; всякий руководится чувствами личнаго состраданія, зависти, гнѣва и т. д. Если же кто сумѣеть избѣжать всего этого, то найдутся непремѣнно такие люди, которымъ это именно и не понравится. Происходящія отсюда ошибки, мало по малу увеличиваясь, составляютъ накопецъ для государства существенный вредъ (*ἡ δ' ἐφ' ἔχαστο τούτῳ ἀμπτία κατὰ μικρὸν ὑποφέρουσα ἀθρόος τῷ πόλει βλάψῃ γίγνεται*)¹⁾.

Если предъ судомъ будуть оправданы такие послы, какъ Эсхинъ, Фринонъ и другіе, причинившіе столько зла государству, и если на ихъ обвинителя будутъ смотрѣть, какъ на человѣка неразумнаго или неблагонамѣренаго, то кто и изъ-за чего станетъ тогда исправлять должность посла безкорыстно? Послѣ этого должно быть издано постановленіе, что всѣ послы или могутъ брать подарки и дѣйствовать въ пользу враговъ государства, или должны отправлять свою обязанность безкорыстно и съ пользою для него²⁾). Эсхинъ не можетъ приводить въ свое оправданіе того, что послѣ первого посольства Демосоенъ сдѣлалъ предъ совѣтомъ и народнымъ собраниемъ предложеніе выразить посламъ похвалу и пригласить ихъ къ столу въ приданей. Дѣйствительно, тогда Демосоенъ въ качествѣ члена совѣта сдѣлалъ это предложеніе, но ему еще неизвѣстны были ихъ измѣн-

¹⁾ Ibid. 221—228, p. 409—412.

²⁾ Ibid. 229—232, p. 412—413.

ническія намѣренія. Онъ также угощалъ пословъ Филиппа, желая отплатить за пріемъ, оказанный имъ афинскимъ посламъ, и не уступить ему въ щедрости и великодушіи¹⁾.

Затѣмъ Демосоенъ предостерегаетъ судей противъ просьбы, съ которыми обратятся къ нимъ братья Эсхина, и напоминаетъ имъ ихъ обязанность строго слѣдить за исполненіемъ законовъ и постановлять правильныя рѣшенія. Что Эсхинъ дѣйствительно знаетъ за собой преступленія, видно изъ того, что онъ обвинилъ Тимарха единственno съ цѣлью его удалить. При обвиненіи Тимарха Эсхинъ обращался къ судьямъ, прося ихъ, чтобы они не позволили защитнику обвиняемаго говорить о постороннихъ вещахъ и такимъ образомъ отводить ихъ вниманіе отъ сущности дѣла. Теперь Эсхинъ самъ находится въ состояніи обвиняемаго, и долженъ защищаться отъ обвиненій, которыхъ взводятся на него, а не говорить о предметахъ постороннихъ. Далѣе Демосоенъ приводитъ тѣ мѣста изъ поэзіи, которыхъ были приведены Эсхиномъ противъ Тимарха, и которыхъ теперь могли бытъ направлены противъ него самого. Такъ, въ своей рѣчи противъ Тимарха, онъ цитировалъ стихъ Гезіода, въ которомъ говорится, что народная молва не бываетъ напрасна; она есть какъ бы божество, одаренное всевѣдѣніемъ²⁾, но эта же молва обвиняетъ Эсхина въ томъ, что онъ подкупленъ. Другой стихъ, приведенный Эсхиномъ противъ Тимарха, говоритъ, что человѣкъ, входящій въ сообщество съ безчестными людьми, самъ дѣлается такимъ же³⁾; но развѣ Эсхинъ не былъ пріятелемъ и помощникомъ Филократа, въ подкупности котораго не можетъ быть сомнѣнія? Демосоенъ приводитъ еще стихи изъ „Антигоны“ Софокла, гдѣ говорится, что безчестный человѣкъ тотъ, кто не принимаетъ близко къ сердцу интересовъ отечества, и, напротивъ, достоинъ уваженія тотъ, кто эти интересы ставитъ выше интересовъ своихъ и своихъ друзей. Далѣе онъ приводитъ еще довольно большой отрывокъ изъ „элегіи“, написанной Солономъ для возбужденія согражданъ къ войнѣ противъ Мегарійцевъ за островъ Саламинъ⁴⁾. Поведеніе Со-

¹⁾ Ibid. 234—236, p. 413—414.

²⁾ Φήμη δὲ οὐτὶς πάραπαν ἀπολλοται, ἥπτινα λαοι πολλοι φημίσωσι. θεός νο τις εστι: καὶ αὐτῷ. Сравн. Aesch. de f. leg. 144, p. 47. contr. Timarch. 129, p. 18.

³⁾ Dem. de f. leg. 245, p. 417. Сравн. Aesch. contr. Timarch. 152, p. 21.

⁴⁾ Аѳиняне вѣсколько разъ вели войну съ Мегарійцами за владѣніе островомъ Саламиномъ; но такъ какъ она была постоянно для нихъ неудачна и Саламинъ все таки оставался въ рукахъ враговъ, то Аѳиняне назначили смертную казнь вся кому, кто будетъ возбуждать гражданъ къ возобновленію войны.

лона составляетъ совершенный контрастъ съ поведеніемъ Эсхина: тотъ съ опасностю жизни старался доставить Аенианамъ Саламинъ, а этотъ, въ угоду Филиппу, не рѣшился говорить ему о правахъ Аенианъ на владѣніе Амфиполемъ¹⁾).

Демосеенъ видѣть особенное, благопріятное для Аенианъ, дѣяніе боговъ въ томъ, что Эсхинъ своимъ обвиненіемъ противъ Тимарха устранилъ возможность и для себя пользоваться снисхожденіемъ судей, а также и въ томъ, что дѣло о своемъ посольствѣ онъ продлилъ до того времени, когда положеніе всей Греціи требуетъ примѣрного наказанія измѣнниковъ, которые позволяютъ Македонскому царю подкупать себя. Эта подкупность и соединенная съ нею измѣна, какъ язва (*vóstra*), обошла почти всю Грецію; Фессалія, Элида, Аркадія, Аргосъ уже испытали ея гибельныя слѣдствія; наконецъ, она коснулась и Аенинъ. Чтобы истребить ее, Аениане должны воспользоваться урокомъ, который предлагаетъ имъ исторія Олинеа. Когда между Олинеями не было измѣнниковъ, они, имѣя всего 400 всадниковъ, въ то время, какъ всѣхъ ихъ было около 5.000, долго и удачно вели войну съ превосходными силами Лакедемоніанъ²⁾; позднѣе же, когда измѣна проникла въ ихъ среду, имѣя 1.000 всадниковъ, вспомоществуемые союзниками, и получая поддержку со стороны аенинского флота, они должны были покориться Филиппу (348 г.), благодаря измѣнѣ Ласоена и Эвекрату. А такъ какъ измѣнѣ всегда предшествуетъ подкупъ, то для того, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, должно карать и тѣхъ, которые получаютъ отъ враговъ подарки³⁾.

Что Эсхинъ достоинъ строгаго наказанія, Аенианъ учить и примѣръ предковъ, которые Аромія и весь родъ его объявили врагами

Не смотря на это постановленіе, Соловъ рѣшился возбудить Аенианъ къ отнятію у Мегарійцевъ острова: онъ принялъ видъ человѣка помѣшаннаго, п., явившись на площадь въ Аениахъ, прочиталъ упомянутую, составленную имъ, элегію.

¹⁾ Dem. de fals. leg. 237—255, p. 415—423. Укорь Демосеена Эсхину въ томъ, что послѣдній не рѣшился напомнить Филиппу о правахъ Аенианъ на Амфиполь, кажется довольно страннымъ, и, повидимому, противорѣчить словамъ самого Демосеена.

²⁾ Эта война Олинеянъ съ Лакедемоніанами началась въ 382 году до Р. Х. по поводу посольства къ Лакедемоніанамъ изъ некоторыхъ халкідскихъ государствъ, просившихъ помочи противъ усилившагося и грозившаго ихъ независимости Олинеевъ, а окончилась въ 379 году миромъ, по которому Олинеяне признавали себя союзниками Лакедемоніанъ. Annot. Dund. ad Dem. de f. leg. p. 425, 12, vol. V, 568—569.

³⁾ Dem. de f. leg. 256—268, p. 423—427.

за то, что онъ принесъ золото отъ варваровъ въ Грецию; это определение объ Ареміѣ было написано на доскѣ и повѣшено въ самому священномъ мѣстѣ Акрополя, по правую сторону мѣдной статуи Аеины. Калпій, сынъ Гиппоника, заключившій съ Персидскимъ царемъ славный для Грековъ договоръ ¹⁾, по которому царь не могъ приблизиться съ войскомъ къ Эгейскому морю на одинъ день конной ъзды (*πτκος μὲν δρόμον ἡμέρας πεζῆ μὴ καταβινεῖν*), а его военные корабли не могли плавать, съ одной стороны, дальше Хелионскихъ, а съ другой — Кіанскихъ острововъ ²⁾, былъ заподозрѣнъ въ подкупѣ и оштрафованъ 500-ми талантами. Если за такія, сравнительно ничтожныя, преступленія, людей, заслужившихъ признательность согражданъ, подвергали наказанію, то что сказать объ Эсхинѣ и другихъ послахъ, заключившихъ позорный и вредный для государства миръ, который между тѣмъ имъ самимъ принесъ большія материальные выгоды? Но не говоря о болѣе или менѣе отдаленныхъ временахъ, даже во времена Демосфена некоторые изъ гражданъ были наказаны смертью за неисполненіе возложенныхъ на нихъ государствомъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, былъ казненъ Эпикратъ, бывшій посломъ при Персидскомъ дворѣ ³⁾. Кроме того, недолго до этого былъ оштрафованъ десятымъ талантами Фразибуль, сынъ того знаменитаго Фразибула, который вывелъ народъ изъ Філы ⁴⁾. Если подвергались наказанію люди, происходившіе отъ знаменитыхъ заслугами предковъ или сами заслужившіе признательность согражданъ, то можно ли оставить не наказаннымъ Эсхина, происходившаго изъ низкаго рода и не оказавшаго госу-

¹⁾ Здесь разумѣется такъ называемый *Химоновъ миръ*, заключеніе котораго Клинтонъ относить къ 469 году до Р. Хр. (олимп. 77, 4). *Fast. Hell.*, стр. 30.

²⁾ Хелионскіе острова находились противъ Лікіи, а Кіавскіе — при входѣ въ Босфоръ Фракійскій съ Эвксинскаго Понта.

³⁾ *Annot. Dind ad Demosth. de fals. leg. p. 430, 4. vol V, 573.*

⁴⁾ Філа (*Φοίλη*) — городъ въ Аттике. Сюда, и въ Пирейскую гавань, собрались подъ начальствомъ Фразибула недовольные правлѣніемъ тридцати тирановъ въ Аѳинахъ и начали дѣйствовать въ пользу восстановленія прежнаго демократического правлѣнія, вступивъ въ борьбу съ приверженцами олигархіи и съ Спартанцами, которые ихъ поддерживали. По заключеніи съ Спартанцами мира и по изгнаніи приверженцевъ олигархіи, Фразибуль съ своею партіей вступилъ въ Аѳину и восстановилъ уничтоженное демократическое правлѣніе. Фразибуль и вообще тѣ лица, которыхъ принимали участіе въ этомъ восстановленіи демократіи, называются иногда *οἱ ἐκ Πειραιῶς καὶ ἀπὸ Φοίλης, οἱ ἐκ Πειραιῶς καὶ ἀπὸ Φοίλης δῆμον καταγέγοντες*.

дарству никакой услуги? Процессъ противъ Тимарха, веденный Эсхиномъ, также указываетъ на необходимость обвинить послѣдняго; онъ убѣждалъ судей не смагчать приговора надъ Тимархомъ; тоже нужно примѣнить теперь и къ нему. Тимархъ совершилъ преступленіе противъ самого себя, а Эсхинъ — противъ государства, стѣдовательно, несравненно важнѣйшее. Эсхинъ говорить, что онъ обвинилъ Тимарха, чтобы его наказаніемъ предохранить юношество отъ безнравственности¹⁾; но въ сущности причина обвиненія была та, что Тимархъ сдѣлалъ въ вародномъ собраніи предложеніе—наказывать смертю всякаго Аениннина, который во время войны съ Филиппомъ будетъ доставлять въ Македонію оружіе или триремы²⁾.

Благодаря безчестности (*πονηρіа*) и лживымъ обѣщаніямъ (*φερόλαγіа*) Эсхина, Аенины много потеряли въ томъ уваженіи, какое имъ прежде было оказываемо другими греческими государствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратили и чувство собственного достоинства. „Прежде обыкновенно“, говоритъ Демосеенъ, „что было постановлено Аенинами, то соблюдалось всѣми Греками; теперь же мы выжидаемъ, что будетъ постановлено другими, и развѣдываемъ, какъ идуть дѣла у Аркадянъ, гдѣ находится Филиппъ, живъ ли онъ или умеръ“, и т. д. Особенную опасность для государства видитъ Демосеенъ въ томъ, если люди, пріобрѣвшіе уваженіе согражданъ и потому пользовавшіеся большимъ авторитетомъ между ними, станутъ теперь защищать Эсхина. Поэтому онъ обращается къ Эвбулу и упрекаетъ его за то, что онъ принимаетъ сторону Эсхина, котораго должно было судить только на основаніи законовъ, потому что нѣть ничего опаснѣе для демократіи, какъ ставить личность выше закона, позволять, чтобы воля одного или нѣсколькихъ человѣкъ стояла выше воли народа. Даже самъ богъ посредствомъ оракула (здесь Демосеенъ велѣлъ прочитать слова оракула *μάντειαι* — не приведенныхъ въ рѣчи) повелѣваетъ остерегаться полководцевъ (*στρατηгоóς*), мѣсто которыхъ въ мирное время занимаютъ люди, управляющіе дѣлами государства (*ἐπὶ τῆς πολιτείας ἐφεστηκότες*), да и простымъ человѣческимъ разумѣніемъ легко понять, что для государства опаснѣе всего то, когда лица, управляющія его дѣлами, бываютъ друзьями тѣхъ, которыхъ стремленія совершенно противоположны демократическимъ

¹⁾ Срвн. Aesch. de fals. leg. 180, p. 52.

²⁾ Dem de fals. leg. 269—287, p. 427—433.

(φοβερώτατον τὸ τὸν προεστηκότα ἐάν οἰκεῖον γίγνεσθαι τοῖς μὴ τῶν αὐτῶν ἐπιθυμοῦσι τῷ δῆμῳ). Единственно предательствомъ и изменой этихъ влиятельныхъ въ государствѣ людей Филиппъ достигъ такого неслыханного могущества въ Греціи. Чтобы уничтожить это могущество Македонскаго царя, стбить только, не обращая вниманія ни на какія ходатайства, наказывать тѣхъ, которые содѣйствуютъ ему; а Эсхинъ тѣмъ болѣе достоинъ строгаго наказанія, что онъ прежде находился въ числѣ противниковъ Филиппа, но со временеми путешествія своего въ Македонію вдругъ перемѣнилъ свои отношенія къ нему. Онъ сталъ говорить Афинянамъ, что они не должны подражать своимъ предкамъ въ стремлениі къ пріобрѣтенію славы, а должны заключить миръ съ Филиппомъ сами, помимо другихъ Грековъ, вообще сталъ дѣйствовать за одно съ приверженцами Филиппа противъ демократического государственного устройства ¹⁾). Даѣще Демосоенъ показываетъ, въ какомъ положеніи находилась Македонія до заключенія мира, какъ Филиппъ завязалъ съ Афинянами мирные переговоры, какъ потомъ склонилъ на свою сторону пословъ и какъ Афиняне были имъ обмануты. Что Эсхинъ и другіе аѳинскіе послы были подкуплены и намѣренно дѣйствовали въ интересахъ Филиппа, видно, по мнѣнію Демосоена, и изъ того, что они были отлично приняты и одарены Филиппомъ, между тѣмъ какъ Гегезиппъ, наблюдавшій интересы Аѳинянъ ²⁾, былъ принятъ имъ очень дурно, и даже проживавшій въ Македоніи аѳинскій поэтъ Есено-киндъ былъ высланъ оттуда за то, что принялъ въ своей домѣ Гегезиппа и его товарищѣ. Затѣмъ Демосоенъ опять убѣждаетъ судей не позволять Эсхину вмѣсто прямаго отвѣта на обвиненія говорить о предметахъ, не относящихся къ нимъ; онъ не долженъ обвинять Хареса въ неудачномъ веденіи войны, потому что его самого въ этомъ не обвиняютъ. Демосоенъ хулитъ его за дѣйствія ³⁾ не полководцевъ, а его собственныхъ, именно за то, что онъ дѣйствовалъ за одно съ Филократомъ, что онъ принялъ отъ Македонскаго царя дары, что онъ во время втораго посольства умышленно тратилъ время, не исполнялъ возложенныхъ на него обязанностей, обманывалъ гражданъ не-

¹⁾ Ibid. 288—314, p. 433—442.

²⁾ Посольство Гегезиппа относится бѣ концу 344 или началу 343 года до Р. Хр. Причиной его были переговоры съ Филиппомъ о возвращеніи Аѳинянамъ города Амфиполя. Dind. Annot ad Demosth. de fals. leg. 447, 9. vol. V, 589.

сбыточными надеждами. Пусть онъ не доказываетъ, что и другой виноватъ, пусть докажетъ, что самъ невиненъ.¹).

Суды не должны даваться въ обианъ и забывать о справедливости, плѣнившись краснорѣчіемъ и ораторскими пріемами Эсхина; богатыя способности у человѣка съ дурнымъ направленіемъ служить только во вредъ другимъ. Они (суды) должны думать объ исполненіи законовъ и о пользѣ государства; справедливость и польза государства требуютъ, чтобы Эсхинъ былъ осужденъ, чтобы на немъ былъ показанъ не только Аѳинянамъ, но и остальнымъ Грекамъ, примѣръ строгости къ измѣнникамъ²).

Таково содержаніе обвинительной рѣчи Демосѣена противъ Эсхина. Послѣднему было трудно отвѣтить на каждое изъ обвиненій, такъ какъ ихъ было приведено очень много. Нѣть сомнѣнія, что нѣкоторые изъ этихъ обвиненій, хотя можетъ быть и преувеличивали преступленія Эсхина, тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени были справедливы. Еслибы Эсхину и удалось показать бездоказательность ихъ, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ бы уничтожить того невыгоднаго для себя впечатлѣнія, какое произвела на слушателей обвинительная рѣчь Демосѣена. Поэтому онъ избралъ другой путь къ защите: касаясь только въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, пунктахъ, взводимыхъ на него обвиненій, Эсхинъ сталъ разказывать со всѣми подробностями исторію посольствъ къ Македонскому царю, преимущественно первого изъ нихъ, стараясь выставить себя въ благопріятномъ свѣтѣ, какъ главнаго виновника заключенія мира съ Македоніей, и показать, что Демосѣенъ самъ виновенъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняется его. Поэтому рѣчь Эсхина иносѣть двоякій характеръ: защитительный и обвинительный. По своему изложенію эта рѣчь отличается отъ Демосѣеновой гораздо большою систематичностью. Съ особеною живостю и ясностю ведеть Эсхинъ свой разказъ о посольствахъ къ Филиппу, проходя молчаніемъ большую часть обвиненій Демосѣена и опуская, или только весьма кратко и неопределенно упоминая о тѣхъ фактахъ, которые говорили не въ его пользу.

Представимъ подробное изложеніе этой рѣчи.

Въ самомъ началѣ ея Эсхинъ старается расположить въ свою пользу слушателей и показать, что обвиненіе противъ него со сто-

¹) Dem. de fals. leg. 315—336, p. 442—449.

²) Ibid. 337—343, p. 449—451.

роны Демосеена было только недостойною клеветою. Онъ просить благосклоннаго вниманія къ себѣ судей, которые съ равнымъ безпристрастіемъ и терпѣніемъ должны выслушать, какъ обвинителя, такъ и обвиняемаго. Въ обвиненіи Демосеена, говоритъ онъ, вѣтъ правды; Демосеенъ даже хотѣлъ лишить обвиняемаго права защиты, все у него преувеличено, перепутано. Онъ постоянно говоритъ о преступленіяхъ Филократа и Фринона, о замыслахъ и успѣхахъ Филиппа, обращается къ Эвбулу и т. д., и во все это вмѣшиваетъ Эсхина, такъ что послѣдній не имѣть никакой возможности отвѣтить на обвиненія съ пунктуальною точностью, а можетъ представить только ясный и правдивый разказъ объ относящихся сюда событияхъ, начиная переговорами съ Филиппомъ о мирѣ¹⁾.

Затѣмъ Эсхинъ подробно разказываетъ обстоятельства, предшествовавшія переговорамъ съ Македонскимъ царемъ, и причины, вызвавшія эти переговоры; при этомъ особенно старается онъ доказать что Демосеенъ не только не противился, но даже содѣствовалъ Филократу, когда тотъ внесъ въ народное собраніе извѣстное свое предложеніе; потомъ Эсхинъ также очень подробно разказываетъ исторію первого посольства, описываетъ аудіенцію пословъ у Филиппа, приводить содержаніе своей и Демосееновой рѣчи предъ царемъ, разказываетъ о непріязненныхъ отношеніяхъ къ Демосеену другихъ пословъ, о томъ, какъ послы возвратились въ Аеину и какъ дѣлали донесеніе о своемъ посольствѣ предъ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ²⁾.

Здѣсь кстати припомнить, что Демосеенъ обвинялъ Эсхина собственно за дѣйствія, совершенные имъ уже послѣ возвращенія въ Аеину изъ Македоніи, когда онъ началъ дѣйствовать за одно съ Филократомъ³⁾. Слѣдовательно, исторія первого посольства прямо не относилась къ дѣлу, и разказывать о ней съ большими подробностями было совершенно излишне. Эсхинъ чувствовалъ это, но, вѣроятно, съ намѣреніемъ долго не касался тѣхъ обвиненій, которыхъ Демосеенъ приводилъ противъ него, часто обѣщаю, впрочемъ, скоро перейти къ нимъ⁴⁾.

Послѣ разказа о первомъ посольствѣ, приступая къ опроверженію

¹⁾ Aesch. de f. leg. 1—11, p. 28—29.

²⁾ Ibid. 12—55, p. 29—35. Многія подробности, входящія въ эту часть Эсхиновой рѣчи, были приведены нами при изложении исторіи первого посольства.

³⁾ Dom. de fals. leg. 13, p. 345; 93, p. 370; 334, p. 414.

⁴⁾ Aesch. de f. leg. 24, p. 31; 44, p. 34; 102, p. 41.

взвѣдѣнныхъ на него Демосоеномъ обвиненій, Эсхинъ опровергаетъ показаніе Демосоена, что во времѣ составленія въ Аѳинахъ условій мира между Аѳинянами и Македонскимъ царемъ присутствовали послы изъ разныхъ греческихъ государствъ, которыхъ должны были, вмѣстѣ съ Аѳинянами, принять участіе въ войнѣ и мирѣ съ Филиппомъ. Эсхинъ говоритъ, что дѣйствительно Аѳиняне въ то время, когда велась у нихъ съ Филиппомъ война, отправили своихъ пословъ въ разныя греческія государства (*εἰς τὴν Ἑλλάδα*) съ приглашеніемъ прислать и съ своей стороны въ Аѳины посольства для разсужденія о войнѣ или мирѣ съ Филиппомъ; но такія посольства ко времени заключенія мира еще не прибыли, и виновникомъ этого былъ самъ же Демосоенъ, назначившій время для мирныхъ переговоровъ раньше ихъ прибытія¹⁾.

Свидѣтельство Демосоена о томъ, что Эсхинъ въ первомъ изъ народныхъ собраній говорилъ противъ Филиппа и заключенія мира съ нимъ на условіяхъ, составленныхъ Филократомъ, а во второмъ совѣтовалъ согражданамъ совершенно противное, должно, потому что второе народное собраніе было назначено только для подачи голосовъ; следовательно, Эсхинъ не могъ говорить рѣчи въ немъ²⁾.

Что касается до рѣчи, которую Эсхинъ говорилъ въ первомъ изъ народныхъ собраній, то-есть, 18 алфеболиона, то содержаніемъ ея онъ по справедливости можетъ гордиться, потому что въ ней сказалъ онъ согражданамъ настоящую, хотя и горькую правду относительно тогдашняго положенія государства. Благодаря дѣйствіямъ Хареса, Аѳиняне потеряли пріобрѣтенное имъ полководцемъ Тимофеемъ господство надъ 75 городами. Кроме того, Харесь погубилъ около 150 триремъ; ассигнованные для веденія войны 1.500 талантовъ были потрачены на прихоти (*ἀλαζούσας*) полководцевъ, которые, набравъ наемниковъ, вмѣсто того, чтобы вести войну противъ врага, разверзали аѳинскихъ союзниковъ. Между тѣмъ Филиппъ не только упрочилъ за собою владѣніе Амфиполемъ, но и оспаривалъ у Аѳинянъ право игемоніи надъ союзными имъ островами: Лемносомъ, Имбросомъ и Скиросомъ, и готовъ былъ овладѣть даже Херсонесомъ, который уже былъ покинутъ поселившимися тамъ аѳинскими гражданами. Въ самыхъ Аѳинахъ происходили чрезвычайныя³⁾ и бурные народныя

¹⁾ Ibid. 56—62, p. 35—36.

²⁾ Ibid. 63—69, p. 36—37.

³⁾ Ἐκκλήσια: σύγκληται, то-есть, такія народныя собранія, которыхъ были

собранія, между тѣмъ какъ аеинскій народъ не зналъ даже, гдѣ находится его флотъ и войско (Θαυμάζει ὁ δῆμος ὁ Αθηναῖον, εἰ Φίλιππος μὲν ἐπὶ Χερσόνησον τὴν Ἀθηναῖων πορεύεται, Ἀθηναῖοι δὲ οὐδὲ τὸν στρατηγὸν ἴσασιν οὐδὲ τὴν δύναμιν, ἣν ἔξεπεμψαν, δρου ἔστιν). А между тѣмъ являлись еще ораторы, которые, не соображаясь съ обстоятельствами, указывали на славныя дѣла предковъ и возбуждали народъ къ безполезной войнѣ. Въ своей рѣчи въ первомъ народномъ собраниіи (18 алфаболіона) Эсхинъ признавалъ похвальные дѣломъ стремиться къ подражанію славнымъ подвигамъ предковъ, но совѣтовалъ также остерегаться ихъ ошибокъ и особенно несвоевременаго желанія войны, которое иногда ввергало государство въ большую опасность¹⁾.

„Ты ставиши мнѣ въ укоръ“, говорить далѣе Эсхинъ, обращаясь къ Демосөену, „рѣчь, которую я держащъ въ Аркадіи предъ десятью тысячами, и ту перемѣну, которая со мной произошла, будучи самъ человѣкомъ съ рабскими наклонностями и только что незаклейменнымъ перебѣжчикомъ ($\alphaὐδραποδώδης καὶ μόνον οὐκ ἔστι γένεος αὐτόμολος$). Но я во время войны съ Филиппомъ возбуждалъ противъ него Аркадянъ и другихъ Грековъ; когда же всѣ оставили Аеинянъ, когда одни стали спокойно выжидать исхода войны, а другие пришли участіе въ ней, ставъ при этомъ на сторону Филиппа, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ аеинскихъ ораторовъ сдѣлали войну средствомъ покрывать свои расходы (τῶν δὲ ἐν τῷ πόλει ῥητόφων χορηγὸν ταῖς καθ' ἡμέραν δαπάναις τὸν πόλεμον ποιουμένων), я совѣтовалъ съ Филиппомъ заключить миръ, который ты называешь постыднымъ, а я считаю гораздо лучшимъ, тѣмъ война“. Не посты, по мнѣнию Эсхина, а полководцы виноваты, что миръ быть такъ невыгоденъ для Аеинянъ²⁾.

О Керсовлентѣ Эсхинъ говорить, что еще прежде заключенія мира съ Филиппомъ онъ сталъ въ зависимость отъ послѣдняго, отдавъ даже ему своего сына въ заложники; что во время переговоровъ о мирѣ въ Аеинахъ не было даже помину о Керсовлентѣ; что только послѣ избрания пословъ для втораго посольства (ἐπὶ τοὺς ὄρκους) отъ Керсовлента прибыль въ Аеини его повѣренный Критовулъ изъ Лами-са, съ просьбою принять Керсовлента въ число аеинскихъ союзниковъ,

собираемы по экстреннымъ случаямъ, а не по установленному закономъ порядку; въ послѣднемъ же случаѣ они назывались κόριτα. Schol. ad Aesch. de f. leg. 72, p. 37.

¹⁾ Aesch. de f. leg. 69—78, p. 37—38.

²⁾ Ibid. 79—80, p. 38.

но самъ Демосеенъ, который былъ въ день принесенія присяги аенинскими союзниками предсѣдателемъ въ народномъ собраніи, вопреки предложенію Алексимаха подалъ голосъ противъ этого требованія¹⁾.

Обвиненіе Эсхина въ томъ, что намѣренная медлительность послѣдняго была причиной гибели Керсовлента и незаконныхъ завоеваній Филиппа во Фракіи стоитъ въ противорѣчіи съ очевидными фактами: прежде чѣмъ второе посольство отправилось изъ Аенинъ (3-го числа мунихіона), Филиппъ завоевалъ уже владѣнія Керсовлента и взялъ священную гору²⁾.

Демосеенъ говоритъ также, что Эсхинъ отправился посломъ къ Амфіктіонамъ самовольно, не избранный народомъ; но это совершенно несправедливо: Эсхинъ дѣйствительно сначала, по случаю болѣзни, отказался участвовать въ третьемъ посольствѣ, но по выздоровленіи, избранный посломъ во второй разъ, не заблагоразсудилъ противиться волѣ народа³⁾.

Затѣмъ Эсхинъ довольно подробно излагаетъ исторію втораго посольства къ Филиппу, при чѣмъ передаетъ, какъ во время пути всѣ послы чуждались Демосеена, насыпливо упоминаетъ о томъ, что Демосеенъ несъ въ Македонію одинъ талантъ для выкупа пленныхъ Аениянъ; далѣе разказывается, какъ они совѣщались между собою о томъ, что должно было говорить предъ Филиппомъ во время предстоявшей аудіенціи, при чѣмъ Эсхинъ оказался лучше другихъ понимавшимъ интересы государства и свои посольскія обязанности. „Судьба и Филиппъ“, говорить въ заключеніе Эсхинъ, „сдѣлялись распорядителями дѣлъ; въ моемъ же распоряженіи находилась преданность (ѣвноа) вамъ и слово. Я говорилъ то, чтѣ считалъ справедливымъ и полезнымъ для васъ; вышло же не такъ, какъ желали мы, но какъ устроилъ Филиппъ. Кто же болѣе достоинъ похвалы: тотъ ли, кто ничего не дѣлалъ, чтѣ могъ, къ лучшему, или тотъ, кто ничего не оставилъ, чтѣ только могъ сдѣлать?“⁴⁾.

Изложивъ такимъ образомъ исторію втораго посольства, Эсхинъ опровергаетъ потомъ обвиненіе противъ него въ томъ, будто онъ говорилъ, что Оивы скоро будутъ усмирены, что Эвбей будетъ передана Филиппомъ Аениянамъ вмѣсто Амфиполя, и будто послѣд-

¹⁾ Ibid. 81—85, p. 38—39.

²⁾ Ibid. 86—93, p. 39—40.

³⁾ Ibid. 94—96, p. 40.

⁴⁾ Ibid. 97—118, p. 41—43.

нимъ изъстіемъ онъ не только обманывалъ Аенианъ, но еще и вооружилъ противъ нихъ устрашенныхъ за свою независимость Эвбейцевъ (тòις Εὐβοϊς ώς ἐφόβουν, προάγων εἰς ἐλπίδας τινὰς ὄμας). Эсхинъ утверждаетъ, съ своей стороны, что онъ никогда не давалъ этихъ обѣщаній, а только доказывалъ Филиппу (и объ этомъ сообщалъ по томъ Аенианамъ), что Оивы должны составлять часть Беотіи, а не Беотія—часть Оивъ. Онъ слышалъ также, какъ одинъ житель Халкіды (на остр. Эвбей) Клеохаресь удивился внезапному согласию (τὴν ἑσταύησην ὄμοιοις), возникшему между Аенинами и Филиппомъ, и данной Аенинскимъ посламъ инструкціи—„дѣлать все, что будетъ возможно, для пользы государства“, и говорить, что для жителей маленькихъ государствъ (μικροτολίταις), каковы жители Халкіды, очень страшны тайные замыслы государствъ большихъ. И объ этомъ Эсхинъ также сообщилъ въ Аениахъ¹⁾.

Что Эсхинъ и Филократъ препятствовали Демосеену говорить къ народу, тоже несправедливо. Дѣло невиданное, чтобы Демосеенъ, если бы онъ тогда былъ такого же миѣнія, какъ теперь, внесъ въ соѣтъ предложеніе выразить посламъ похвалу и пригласить ихъ въ пританей²⁾. Даѣще, когда Эсхинъ передавалъ въ народномъ собраніи содержаніе рѣчи, сказанной имъ предъ Филиппомъ, и получалъ отовсюду одобрение и похвалу, Демосеенъ замѣтилъ при этомъ, что рѣчи была сказана гораздо лучше. Итакъ, Демосеенъ не можетъ обвинять Эсхина за первое посольство и за то, что онъ дѣйствовалъ въ пользу мира, тѣмъ болѣе, что самъ же Демосеенъ предложилъ заключить съ Филиппомъ не только миръ, но и союзъ. Онъ не можетъ обвинять его и за второе посольство, которое было лишь формальностію, между тѣмъ какъ все, составлявшее самую сущность дѣла, было уже окончено (ἢ δὲ ὁ στέρα (προβεία) ἐπὶ πατραγμένοις ἔγινετο)³⁾.

Безъ сомнѣнія, такое оправданіе со стороны Эсхина можно называть неудовлетворительнымъ, потому что обвиненіе противъ него въ томъ главнымъ образомъ и состояло, что онъ предоставилъ Филиппу возможность обойти или измѣнить въ свою пользу нѣкоторыя изъ статей договора.

¹⁾ Ibid. 119—120, p. 43—44.

²⁾ Такое оправданіе со стороны Эсхина очень странно: Демосеенъ сдѣлалъ означенное предложеніе предъ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ послѣ возвращенія пословъ изъ первого посольства, а Эсхинъ и Филократъ перебивали его рѣчь въ народномъ собраніи уже послѣ втораго посольства.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 121—123, p. 44.

Несправедливо также обвинение Демосфена, что Эсхинъ имѣлъ постоянно тайныя, большою частю ночныя свиданія съ Филиппомъ, и даже написалъ ему письмо къ Аенинамъ. Впервыхъ, Эсхинъ могъ представить свидѣтелями своихъ товарищъ и рабовъ, что онъ всегда проводилъ ночи виѣсты съ ними; а во вторыхъ, Филиппъ вовсе не нуждался въ помощи Эсхина для того, чтобы написать письмо къ Аенинамъ, ибо оно могло быть написано самимъ Филиппомъ или однимъ изъ приближенныхъ къ нему Грековъ¹).

Затѣмъ Эсхинъ опровергаетъ обвиненіе, что онъ былъ причиной гибели Фокейцевъ. Онъ называетъ неизѣпостью мысль, что Филиппъ, успѣхами въ подчиненіи Греціи, обязанъ не своему военному таланту, а рѣчамъ (*διηγορίας*) Эсхина.

Дѣло Фокейцевъ было потерянно, впервыхъ, по волѣ управляющей всѣмъ судьбы (*διὰ τὴν τυχήν, η πάντων ἐστὶ κορία*); во вторыхъ, вслѣдствіе продолжительной, десятилѣтней войны: Фокейскіе предводители (Филомель, Ономархъ и др.) достигли могущества, благодаря награбленнымъ сокровищамъ храма, которыхъ они употребляли на наймъ солдатъ, и съ помощью которыхъ могли успѣшно вести войну. Потомъ, когда всѣ сокровища были расточены, дѣло ихъпало само собою. Третьею причиной гибели Фокейцевъ было возмущеніе между наемниками, неизѣжное при неуплатѣ имъ жалованья. Наконецъ, четвертою причиной была недостаточность у полководцевъ яснаго и пра-вильнаго взгляда на будущее, ихъ недовѣрчивость къ Аенинамъ и Лакедемонянамъ, которымъ они отказались сдать господствовавшія надъ Фермопилами крѣпости: Алпонъ, Фроній и Никею, и ихъ до-вѣріе къ Филиппу. Это послѣднее заблужденіе относительно истин-ныхъ его намѣреній распространилось тогда даже не на однихъ Фокейцевъ. Не были ли сами Аенияне убѣждены въ томъ, что Фи-липпъ смиритъ Оиванцевъ, възстановить разрушенные ими города Беотіи и спасетъ Фокейцевъ? Не устрашали ли распространившіеся слухи объ этомъ самихъ Оиванцевъ? Филиппъ приспалъ Аенинамъ письмо, въ которомъ приглашалъ ихъ вооруженною силой помочь *правому дѣлу* (*βοηθεόντας τοῖς δικαιοῖς*), и что же? Тѣ, которые послѣ стали называть заключенный миръ постыднымъ, воспрепятствовали послать по этому приглашенію къ Фермопиламъ войско и убѣждали гражданъ оставаться дома изъ опасенія быть захваченными Филиппомъ въ видѣ заложниковъ. Между тѣмъ въ то время экспедиція

¹) Ibid. 124—129, p. 41—45.

могла бы быть удачною для Аенианъ, потому что Фокейцы еще владѣли Фермопилами; послѣ же этого всякая экспедиція на помощь Фокейцамъ была безнолезна, такъ какъ Фанекъ сдалъ Филиппу Фермопили. Вслѣдствіе нерѣшительности Аенианъ, Филиппъ, не смотря на явное свое нерасположеніе къ Фессалійцамъ и Овіанцамъ, долженъ былъ однако поступить сообразно съ ихъ желаніемъ. Самъ Эсхинъ не только не былъ причиной несчастій, постигшихъ Фокейцевъ, но, напротивъ, оказался даже ихъ благодѣтелемъ, возставъ предъ членами союза Амфіктіоновъ (во время третьаго посольства) противъ безчеловѣчнаго предложенія Этана¹), чтобы всѣхъ возрастныхъ ($\tau\beta\vartheta\gamma\tau\alpha\varsigma$) Фокейцевъ сбросить со скалы. Вслѣдствіе этого Беотійцы и Фокейцы прислали даже своихъ депутатовъ ходатайствовать за него²). Демосоенъ говорить еще, что Эсхина обвиняютъ въ подкупѣ народной молвы ($\tau\beta\vartheta\gamma\eta$), которая не можетъ ошибаться. Эсхинъ на это замѣчаетъ, что надобно отличать народную молву отъ кляузничанья ($\delta\alpha\beta\omega\lambda\eta$) и сикофантія³).

Можетъ показаться страннымъ, что обвиненіе въ подкупѣ, на которое Демосоенъ особенно напиралъ въ своей обвинительной рѣчи, Эсхинъ удостоилъ лишь немногими словами, содержаніе которыхъ мы сейчасъ привели. Онъ перешелъ потомъ къ опроверженію другаго обвиненія—въ измѣнѣ, въ предательствѣ Филиппу интересовъ Аенинского государства. Здѣсь онъ не представляетъ никакихъ фактическихъ опроверженій, но имѣть въ виду главнымъ образомъ подѣстовать на чувство судей. „Если бы я былъ предателемъ ($\pi\beta\delta\sigma\tau\varsigma\tau\epsilon\mu$)“, говорить онъ, „то необходимо долженъ бы быть слыть существомъ звѣроподобнымъ, безчувственнымъ, запятнаннымъ многими преступленіями; но мой образъ жизни можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ такого мнѣнія“. Затѣмъ Эсхинъ указываетъ, какъ на залогъ своей любви къ отечеству, на своихъ престарѣлыхъ родителей, на своихъ братьевъ, честныхъ и полезныхъ для государства гражданъ, на своихъ малолѣтнихъ дѣтей. „Ужели, спрашивается онъ, я продалъ бы Филиппу отечество, друзей, святыни ($\iota\epsilon\rho\alpha$), могилы предковъ и этихъ людей, дороже которыхъ для меня нѣтъ ничего на свѣтѣ? За какое удовольствіе ($\pi\alpha\iota\alpha\chi\kappa\tau\eta\theta\mu\iota\varsigma$; $\tau\delta\alpha\eta\eta$)? Сдѣлалъ ли я когда ни-

¹⁾ Этавами ($O\iota\alpha\iota\varsigma\varsigma$) назывались жители страны $O\iota\alpha\iota$: лежавшей въ окрестностяхъ горы Этны ($O\iota\tau\eta$).

²⁾ Aesch. de fals. leg. 130—143, p. 45—47.

³⁾ Ibid. 144—145, p. 47.

будь ради прибыли чтонибудь безчестное? Не Македонія, конечно, дѣлаєтъ людей безчестными или добрыми, но сама природа, и мы возвратились изъ Македоніи не другими людьми, но такими же, какими вы послали насъ туда¹⁾). Затѣмъ Эсхинъ опровергаетъ обвинение Демосеена въ нанесеніи оскорблений одной свободной Олинейской женщинѣ. Такой поступокъ совершенно противорѣчилъ бы и характеру и поведенію Эсхина, известному судьямъ. Демосеенъ даже подупалъ, по словамъ Эсхина, одного Олинейца, по имени Аристофана, чтобы тотъ своимъ свидѣтельствомъ утвердилъ истинность этого вымыщенного преступленія, на что, однако, Аристофанъ не согласился. Нѣтъ такого безчестнаго дѣла, говорить Эсхинъ, въ которомъ онъ не могъ бы обличить Демосеена, но гибель противъ своего обвинителя заглушается у обвиняемаго страхомъ предстоящей ему опасности. Эсхинъ не сдѣлалъ ничего противнаго законамъ или волѣ народа; онъ былъ только однимъ изъ главныхъ виновниковъ мира, который не нравится некоторымъ ораторамъ (*τις τῶν ρητόρων* — очевидное указаніе на Демосеена); но имъ следовало тогда же говорить противъ Эсхина, а не обвинять его послѣ. Во время войны нѣкоторые обогащались на счетъ общественныхъ доходовъ (адѣсь заключается указаніе на полководцевъ, преимущественно на Хареса); съ прекращенiemъ же войны это прекратилось.

Потомъ Эсхинъ отвѣчаетъ, хотя очень неопределенно, на обвиненіе въ томъ, что онъ во время третьаго посольства участвовалъ въ жертвоприношеніяхъ и увеселеніяхъ Филиппа и его союзниковъ: Фессалийцевъ и Фиванцевъ, и пѣль вмѣстѣ съ ними пеаны. Демосеенъ, говорить онъ, ни самъ не былъ свидѣтелемъ этого, и не слыхалъ ни отъ кого изъ тѣхъ, которые присутствовали тамъ. И такъ, если Эсхинъ не пѣль, обвиненіе Демосеена можно; а если бы даже и пѣль, но при этомъ его отчество было благополучно и его согражданъ не постигло никакое общественное бѣдствіе (?), то это не было бы съ его стороны дѣломъ непристойнымъ²⁾.

Демосеенъ обвиняетъ еще непостоянство Эсхина въ дѣлахъ политическихъ (*πολιτείας ἔργα ληξίας*): онъ прежде возбуждалъ Грековъ противъ Филиппа, а потомъ отправился къ нему посломъ. Это обвиненіе не имѣть силы, потому что и прежде очень часто народъ афинскій, смотря по обстоятельствамъ, заключать союзы съ тѣми, кто прежде

¹⁾ Ibid. 146—152, p. 47—49.

²⁾ Ibid., 153—163, p. 49—50.

считался его врагомъ, и, напротивъ, нерѣдко воевалъ противъ тѣхъ, которые прежде были его союзниками. Слѣдить за событиями и пользоваться обстоятельствами есть дѣло какъ всякаго благоразумнаго человѣка, такъ и государства. Дѣло всякаго благонамѣреннаго оратора (*ἀγαθὸν σύμβολον*)—давать народу наиболѣе совѣты; дѣло ябедника (*πονηρὸς κατήγορος*), скрывая смыслъ событій, обвинять дѣйствія другихъ. Человѣка отъ природы коварного, каковъ Демосоенъ, можно узнать уже по безчестнымъ поступкамъ его даже въ частной жизни. Такъ, Демосоенъ написалъ мѣналищику деньги (*τραπεζῖτη*) Формиону защитительную рѣчь, взявъ съ него за это деньги, а потомъ ту же рѣчь передалъ его противнику. Еще хуже поступилъ онъ съ Аристархомъ, прикидываясь обожателемъ его красоты и выманивъ у него три таланта деньги¹⁾.

Далѣе Эсхинъ вспоминаетъ о своей военной службѣ государству. Но выходѣ изъ отроческаго возраста онъ несъ эту службу въ качествѣ городскаго стража²⁾. Потомъ, прослуживши два года въ гарнизонахъ, Эсхинъ участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ важныхъ или менѣе значительныхъ, когда, смотря по обстоятельствамъ, повелѣвалось или всѣмъ гражданамъ извѣстнаго возраста выходить въ поле, или только нѣкоторымъ изъ нихъ³⁾. Такъ, онъ участвовалъ въ экспеди-

¹⁾ Ibid., 164—166, p. 50.

²⁾ Ἐκ παιδῶν μὲν γὰρ ἀπαλλάχεις περίπολος τῆς χώρας ταῦτης ἐγανόμην δού ἔτη. Aesch. de f. leg. p. 50. Періполос собственно значить «обходящій городъ кругомъ»; оттуда ужъ можетъ значить «стражъ города». У Аенианъ юноши, достигшіе 18-лѣтнаго возраста, могли служить только въ гарнизонахъ; а послѣ звукѣтнѣй гарнизонной службы могли быть выведими и противъ непріятеля. Sch. ad Aesch. 168, p. 50.

³⁾ Aesch. de f. leg. 168, p. 50: καὶ τὰς ἀλλας τὰς ἑκ διαδοῦσις τὰς ἐν τοῖς ἐπωνύμοις καὶ τοῖς μέρεσιν ἐπῆλθον. Эти слова не могутъ быть ни вполнѣ объяснены, ни тѣмъ болѣе буквально переведены на языкъ русский. Чтобы лучше понять ихъ, считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя извѣстныя мнѣа мѣста, которыми, по моему мнѣнію, наиболѣе могутъ служить уясненію слова: ἡ στρατεία ἐν τοῖς ἐπωνύμοις и ἡ στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι. Такъ, напримѣръ, въ лексикѣ Стеванія: Thesaur. ling. græc. vol. III, стр. 1966, и сл. ἐπωνύμος, между прочимъ, говорится слѣдующее: ἐπωνύμοι ὥρως decem, quod decem tribus ab his heroibus epomenatae sunt, quasi gentiles tributum..... Дитто: οἱ ἐπωνυμοὶ, οἱ μὲν τὸν ἀριθμὸν, ἀφ' ὧν αἱ φολαὶ, ἔτεροι δὲ β' καὶ μ', ἀφ' ὧν αἱ ἡλικίαι προστορεούνται τῶν πολιτῶν καθ' ἕκαστον ἔτος, ἀπὸ τη̄ ἑταῖρων μέχρι Ε. Стексозъ въ своемъ сочиненіи: De Aeschinis oratoris ritâ, стр. 10, приводитъ изъ Гарпократа (подъ слов. στρατεία) такихъ слова: χρῶνται δὲ τοῖς ἐπωνύμοις καὶ πρὸς τὰς στρατείας, καὶ ὅταν ἡλικίαν ἐκπέμπωσι προτράφουσι ἀπό τινος ἀρχοντος ἐπωνύμου μέχρι ἑως δει στρατεύεσθαι.

ції, снаряженной на помощь городу Фліунту¹), и своею храбростию въ сраженіи при Немейскомъ озерѣ заслужилъ похвалу отъ предводителей (? ἡγεμόνων), сражался потомъ противъ Фиванцевъ при Мантинеѣ, находился въ сраженіи при Таминѣ, о которомъ, по порученію Фокиона, принесъ вѣсть въ Аеини и получилъ вѣнокъ.

Напоминая судьямъ о своихъ заслугахъ, Эсхинъ просить ихъ сохранить ему жизнь. Онъ не врагъ демократіи (*μισόδημος*), и всегда убѣждалъ согражданъ подражать благоразумнымъ дѣяніямъ предковъ. Приводя разные факты изъ исторіи Аеинъ, начиная съ персидскихъ войнъ, Эсхинъ показываетъ, что лучшіе и благоразумнѣйшіе изъ аеинскихъ гражданъ всегда отвращались отъ войны, очень гибельной для свободы и еще болѣе для материальныхъ интересовъ, и были сторонниками мира, который приносилъ материальное благосостояніе и развитіе свободы. Къ войнѣ подстрекали народъ только ораторы, сами никогда не бравшіеся за оружіе и своимъ образомъ жизни заслуживающіе полнаго къ себѣ превѣнія. Но такие люди только льстятъ демократіи, а не служатъ ей, потому что они всегда разрушаютъ миръ, при которомъ она процвѣтаетъ, и ратуютъ за войну, посредствомъ которой народная власть гибнетъ.

Эсхина обвиняютъ въ томъ, что онъ былъ виновникомъ постыдного мира, и требуютъ отъ него исполненія различныхъ надеждъ; но это несправедливо, потому что въ его власти было одно слово, за которое онъ только и можетъ давать отчетъ, а не самъ ходъ дѣлъ².

Потомъ Эсхинъ указываетъ на своего престарѣлаго 94-лѣтняго³

Также и въ Thesaur. ling. gr. vol. V, стр. 802, и сл. μέρος говорится: *quaes* (*στρατείας ή ἐν τοῖς μέρεσι*) *erat tironum apud Athenienses.....* Οἱ δὲ (*φασι*) ὅτι ἔνος ηγετοῦ ἐφῆβους μετὰ τὸ γένεσθαι περιπόλους τῆς χώρας, στρατεύεσθαι μὲν, εἰ συμβαίη πόλεμος, μὴ μέντοι μετ' τῶν ἄλλων, ἀλλ' ιδίᾳ ἐν μέρεσι τοῖς ἀκυνθῶνοις τῆς μάχης.

¹) Флазийцы послѣ сраженія при Левктрѣ, когда почти всѣ пелопонесские союзники отпали отъ Лакедемоніанъ, оставались вѣрными союзниками послѣднихъ, и этимъ возбудили вражду Аргивянъ, которые начали противъ нихъ не-примѣненные дѣйствія. Тогда Флазийцы просили помошь у Аеинянъ, которые не замедлили послать къ Фліунту полководца Хареса. Онь разбилъ Аргивянъ въ двухъ сраженіяхъ и освободилъ Флазийцевъ отъ всякой опасности (Stechow, Vit. Aesch., стр. 10—11). Вѣроятно, въ одномъ изъ этихъ сраженій, произошедшемъ при Немейскомъ озерѣ (*Νεμέας χαράβρα*), участвовалъ и Эсхинъ.

²) Aesch. de f. leg. 167—178, p. 50—52.

³) Ibid. 147, p. 47: Ούτοσὶ μὲν μοι ἔστι πατήρ Ἀτρόμητος, σχεδὸν πρεσβύτατος τῶν πολιτῶν ἐπὶ γέρῃ ἤδη βεβίωκεν ἐνενήκοντα καὶ τέτταρα.

отца, Атронита, на своихъ братьевъ и родственниковъ, со страхомъ ожидавшихъ рѣшениі судей, на своихъ малолѣтнихъ дѣтей, прося боговъ и судей сохранить, ему жизнь ради этихъ дорогихъ ему существъ и не предавать его сочинителю жалобъ (λογοτրáфу) и Скиеу, какъ онъ называлъ Демосоена. Онъ обращается къ отцамъ семействъ и къ тѣмъ, которые имѣютъ младшихъ братьевъ, напоминая имъ, какой урокъ нравственности далъ онъ юношеству обвиненiemъ Тимарха, и потомъ ко всѣмъ согражданамъ, противъ которыхъ опѣ ие дѣлалъ никакой несправедливости, прося ихъ доставить ему безопасность (σωτηріау). Въ его власти было оставаться невиннымъ, но не онъ, а судьба устроила такъ, что онъ подпалъ обвиненію, и что ему пришлось исполнять должность посла съ такимъ клеветникомъ, какъ Демосоенъ, который не уважаетъ ничего святаго, забываетъ обязанности товарищества и своими обвиненіями внушаетъ страхъ тѣмъ, которые могутъ противиться ему своими рѣчами (άυтероöутс). Если суды оправдаютъ Эсхина, они найдутъ въ немъ потомъ защитника мира и общественной безопасности, ревностнаго блюстителя общественныхъ интересовъ. Наконецъ, онъ обращается съ просьбою о защите къ Эвбулу, Фокіону, Навзиклу, ко всѣмъ своимъ друзьямъ и сверстникамъ и ввѣряетъ свою жизнь благосклонности и справедливости судей¹⁾.

Изложивъ такимъ образомъ исторію посольства Аенианъ къ Филиппу и обстоятельства возникшаго изъ за этихъ посольствъ процесса между Демосоеномъ и Эсхиномъ, представивъ содержаніе рѣчей обоихъ противниковъ, постараемся теперь сдѣлать общій выводъ.

Въ своей обвинительной рѣчи Демосоенъ доказываетъ, что Эсхинъ подкупленный Македонскимъ царемъ, дѣйствовалъ въ его пользу, жертвуя интересами своего отечества. Это обвиненіе проходитъ чрезъ всю рѣчь Демосоена, выражается, можно сказать, въ каждомъ ея словѣ. Отвѣтственность, которой долженъ былъ подвергнуться Эсхинъ за свой измѣническій образъ дѣйствій, могла бы быть уменьшена, говорить Демосоенъ, еслибы онъ не сознавалъ своихъ поступковъ и считалъ Филиппа дружески расположеннымъ къ Аенианамъ. Но Эсхинъ прежде и лучше другихъ понялъ намѣренія Македонскаго цара, его

¹⁾ Aesch. de f. leg. 179—184, p. 52.

замыслы противъ Аѳинянъ и ихъ союзниковъ, и дѣйствовалъ единственно изъ корыстолюбія¹⁾.

Всѣ главныя обвиненія Демосеена противъ Эсхина могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ:

Во первыхъ, Эсхинъ содѣйствовалъ Филократу, когда тотъ предлагалъ въ народномъ собраніи невыгодная для Аѳинянъ условія мира съ Филиппомъ.²⁾ Это тѣмъ болѣе должно было, по мнѣнію Демосеена, служить доказательствомъ подкупности Эсхина, что въ народномъ собраніи 18 элафеболіона онъ говорилъ противъ составленныхъ Филократомъ условій мира, тогда какъ въ собраніи 19 элафеболіона, то есть на другой же день, онъ сталъ говорить совершенно противное, въ пользу Филократа³⁾. Не было ли это самымъ яснымъ доказательствомъ, что Эсхинъ тайно вошелъ въ соглашеніе съ Филократомъ и рѣшился принять отъ Филиппа подарокъ?

Вторымъ обвиненіемъ противъ Эсхина служить перенѣна его отношеній къ Македонскому царю. Между тѣмъ какъ прежде онъ считалъ Филиппа самимъ опаснымъ врагомъ не только Аѳинянъ, но и всей Греціи⁴⁾, онъ началъ потомъ совѣтовать Аѳинянамъ сближаться съ нимъ, и доказывать, что Аѳиняне не должны стремиться къ подражанію славнымъ дѣламъ предковъ, не должны помогать тѣмъ Грекамъ, которые прежде не оказали помощи имъ самимъ. Смысль этихъ послѣднихъ словъ, какъ передаетъ ихъ Демосеенъ, былъ тотъ, что Аѳиняне, при тогдашихъ перенѣнившихся обстоятельствахъ, должны были оставить мечту о пріобрѣтеніи hegemonіи надъ греческими государствами, не связывать своего дѣла съ дѣломъ другихъ Грековъ, а заключить миръ съ Филиппомъ отдельно, имѣя въ виду лишь собственные интересы. Такіе совѣты со стороны Эсхина Демосеенъ ставитъ ему въ вину особенно потому, что самъ же Эсхинъ совѣтовалъ прежде Аѳинянамъ отправить пословъ въ разныя греческія государства и пригласить ихъ вступить въ союзъ съ Аѳинянами, принять участіе въ войнѣ или мирѣ съ Македонскимъ царемъ. Демосеенъ прибавляетъ еще, что Эсхинъ давалъ подобный совѣтъ Аѳинянамъ въ присутствіи пословъ, прибывшихъ уже изъ этихъ государствъ, и

¹⁾ Demosth. de f. leg. 10, p. 344; 52, p. 357; 101, p. 373; 110, p. 374; 119, p. 377.

²⁾ Dem. de fals. leg. 15—16, p. 345—346; 94, p. 371; 144, p. 385; 191, p. 401.

³⁾ Ibid. 13—15, p. 345.

⁴⁾ Ibid. 15—16, p. 345—346; 27—28, p. 349.

тавимъ образомъ измѣннически разрушалъ дѣло, которому служилъ прежде, когда еще не продалъ себя Филиппу¹).

Третымъ обвиненіемъ противъ Эсхина Демосоенъ представляетъ его лживые доносы о второмъ посольствѣ, въ особенности тѣ обѣщанія, которыя онъ давалъ Аѳинянамъ отъ имени Македонскаго царя, и которыя, главнымъ образомъ, побудили Аѳинянъ къ заключенію невыгоднаго для нихъ мира. Эти обѣщанія касались трехъ предметовъ: 1) Эсхинъ увѣрялъ, что Фокейцы останутся непредыдущими; 2) что Оиванцы будутъ принуждены восстановить разрушенные Беотийскіе города: Феспю, Платею и друг., 3) что, наконецъ, Аѳинянамъ вмѣсто занятаго Филиппомъ Амфиполя будутъ отданы островъ Эвбей и городъ Оронъ²). Ни одно изъ этихъ обѣщаній не было исполнено, и Эсхинъ, который въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Демосоена, съ намѣреніемъ обманывать согражданъ, долженъ быть бы пести на себѣ всю отвѣтственность за послѣдствія этого обмана. Онъ не могъ оправдывать себя тѣмъ, что этотъ обманъ былъ ненамѣреннымъ съ его стороны, что онъ и самъ заблуждался относительно намѣреній Филиппа. Лучшимъ опроверженіемъ справедливости такого мнѣнія могло служить, говорить Демосоенъ, что Эсхинъ препятствовалъ и другимъ говорить согражданамъ правду и разувѣрять ихъ въ томъ, что упомянутыя обѣщанія будутъ исполнены. Такъ, когда Демосоенъ, не вѣра обѣщаніямъ, старался разувѣрить и народъ въ ихъ исполнимости, то Эсхинъ и Филократъ перебивали его рѣчъ плоскими шутками³). Кромѣ того, если бы Эсхинъ былъ обманутъ Филиппомъ, и именно чрезъ него сдѣлался предателемъ своего отечества, то онъ долженъ бы быть ненавидѣть Филиппа всѣми силами своей души, но этого не случилось⁴).

Наконецъ, четвертымъ и самымъ очевиднымъ преступленіемъ Эсхина, а равно и другихъ, дѣйствовавшихъ за одно съ нимъ, пословъ, Демосоенъ выставляетъ то, что они поступали вопреки даннымъ имъ инструкціямъ. Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе спѣшить къ Филиппу и, заставивъ его немедленно утвердить заключенный въ Аѳинахъ договоръ присягою, прекратить его военные

¹) Ibid. 16, p. 345—346.

²) Ibid. 74, p. 364; 325, p. 445. Сравн. 20—22, p. 347—348; 24, p. 348; 26, p. 349; 35, p. 352; 44, p. 355; 56, p. 368; 69, p. 363; 220, p. 409; 279, p. 430—431; 326—326, p. 445—446.

³) Ibid. 23, p. 348; 35, p. 352; 46, p. 355.

⁴) Ibid. 102—110, p. 373—374.

дѣйствія во Ѹракіи, Эсхинъ и другіе послы медили своимъ отбытіемъ изъ Аенінъ, и потомъ, прибывъ въ Целлу, стали опять напрасно тратить время дожидаясь возвращенія цара¹⁾). Далѣе Эсхинъ, дѣйствуя за одно съ Филократомъ, также вопреки даннымъ посольству инструкціямъ, исключилъ въ договорѣ Аенінъ съ Филиппомъ изъ числа аенинскихъ союзниковъ Фокейцевъ, Галійцевъ и Керсовлента, и включилъ Кардіанцевъ въ число союзниковъ Филиппа²⁾.

Кромѣ этихъ четырехъ главныхъ обвиненій противъ Эсхина, у Демосеена есть еще обвиненія второстепенные, такъ какъ они не имѣютъ такого значенія какъ первыи, или даже остаются вовсе нѣдоказанными, напримѣръ; обвиненіе въ томъ, что Эсхинъ написалъ Филиппу къ Аенінамъ письмо³⁾; что онъ часто имѣлъ тайныя свиданія съ царемъ⁴⁾; что онъ сначала притворялся больнымъ, а по томъ самовольно отправился въ качествѣ посла⁵⁾, что онъ и другіе послы въ бытность свою въ Македоніи, во время оргіи у Ксанофорона, сына Федима, бывшаго въ числѣ тридцати тирановъ, издавались надъ одною плѣнною олинейской женщиной и велили ей бить, когда она не хотѣла или не умѣла пѣть; между тѣмъ какъ они ей приказывали это дѣлать⁶⁾ и т. д.

Наконецъ, сверхъ указанныхъ обвиненій противъ Эсхина, которыхъ могутъ быть названы пряммыи, Демосеенъ пользуется обвиненіями противъ него косвенныхъ, когда порицаеть собственно не Эсхина, а другихъ пословъ, въ особенности Филократа и Фринона, показывая, что у этихъ лицъ были одни и тѣ же съ Эсхиномъ идеалы, симпатіи, взгляды, и что, слѣдовательно, Эсхина нельзя было освободить отъ отвѣтственности и за ихъ преступныя дѣйствія⁷⁾.

Мы уже имѣли случай упоминать, что Эсхинъ не отвѣчалъ на

¹⁾ Ibid. 17, p. 346; 163, p. 392; 165, p. 393. См. также стр. 33—35.

²⁾ Ibid. 53—56, p. 357—358; 61, p. 360; 155, p. 389—390; 158, p. 390; 159, p. 391; 174, p. 395; 278, p. 430.

³⁾ Ibid. 306, p. 439; 316, p. 448.

⁴⁾ Ibid. 278, p. 430.

⁵⁾ Ibid. 125—126, p. 379—380.

⁶⁾ Ibid. 196—198, p. 402—403.

⁷⁾ Такихъ обвиненій у Демосеена очень много, и приводить ихъ здѣсь было бы совершенно излишне; достаточно будетъ только цитировать тѣ места, въ которыхъ содержатся нѣкоторыя изъ нихъ; напримѣръ, Dem. de f. leg. 47—50, p. 355—356; 53—56, p. 357—358; 87, p. 368; 114—118, p. 375—377; 189, p. 400; 206, p. 405; 229—233, p. 412—413; 245, p. 417; 290—293, p. 434—435.

всѣ обвиненія Демосеена; онъ даже на нѣкоторыя изъ главныхъ обви-
неній отвѣчалъ довольно уклончиво и какъ бы мимоходомъ. Такъ
онъ оставилъ почти совсѣмъ безъ вниманія обвиненіе въ томъ, что
получилъ отъ Македонскаго царя подарки.

На первый изъ четырехъ главныхъ обвинительныхъ противъ себя
пунктовъ Эсхинъ отвѣчалъ обвиненiemъ противъ самого Демосеена,
который былъ, по словамъ его, сообщникомъ Филократа и содѣйство-
валъ принятію его предложеній.

На второй пунктъ Эсхинъ возражалъ, что дѣйствительно онъ пе-
ремѣнилъ свои отношенія къ Филиппу и сталъ совѣтовать согражда-
намъ заключить съ нимъ миръ, но это было уже послѣ того, когда
она увидѣлъ безполезность и даже вредъ продолженія войны, когда
греческія государства не только не согласились заключить съ Аеи-
нанами союзъ, но даже нѣкоторыя изъ нихъ стали на сторону Фи-
липпа. Эта перемѣна условливалась чисто политическими разчетами,
какъ и вообще часто бываетъ, что государство заключаетъ союзъ
съ своими прежними врагами, или, наоборотъ, воюетъ съ своими
прежними союзниками. Такъ въ Оиванской войнѣ послѣ сраженія
при Левкѣтрѣ (371 г.) Аениане приняли сторону своихъ исконныхъ
враговъ — Спартанцевъ и вмѣстѣ съ ними сражались при Мантинеѣ
(362 г.) противъ Оиванцевъ, сторону которыхъ они держали прежде
противъ Лакедемонянъ¹⁾. Что послы прибыли изъ разныхъ гречес-
кихъ государствъ для заключенія союза съ Аенинами и присутство-
вали въ народномъ собраніи во время совѣщаній о мирѣ съ Маке-
донскимъ царемъ, это Эсхинъ рѣшительно отвергаетъ²⁾.

Никакихъ обѣщаній Эсхинъ, по его собственнымъ словамъ, не да-
валъ Аенинамъ отъ имени Филиппа, а говорилъ только, что онъ
убѣдилъ Македонскаго царя заступиться за Фокейцевъ и возстано-
вить самостоятельность порабощенныхъ ими Беотійскихъ городовъ.
Но если такъ, спрашивается Демосеенъ, то зачѣмъ же онъ, Эсхинъ,
вмѣстѣ съ Филократомъ перебивалъ рѣчъ Демосеена, когда тогъ
высказывалъ свое мнѣніе объ этихъ обѣщаніяхъ, доказывая, что воз-
лагать надежды на Филиппа было не основательно? На этотъ во-
просъ Эсхинъ отвѣчаетъ очень неопределенно и потому неудовлетво-
рительно.

Противъ четвертаго обвиненія Эсхинъ замѣчаетъ, что ника-

¹⁾ Ibid. 165—165, p. 50; 79, p. 38.

²⁾ Ibid. 59, 60, 61, 62, p. 35—36.

кого нарушений инструкций со стороны пословъ не было: они отпирались въ Македонію тотчасъ послѣ того, какъ совѣтъ издалъ 3-го мунихіона декретъ объ этомъ¹⁾; о путешествіи же на мѣсто военныхъ дѣйствій Филиппа, то-есть, во Фракію, въ данныхъ посламъ инструкціяхъ не было и помину²⁾. Ни Эсхинъ, ни другіе послы не могутъ подлежать ответственности за Керсомнента, потому что Филиппъ завоевалъ большую часть его владѣній и взялъ даже въ заложники его сына раньше, чѣмъ они отправились изъ Афинъ въ путь; напротивъ, самъ Демосеенъ былъ причиной того, что Керсомнентъ не принялъ бы въ число Афинскихъ союзниковъ³⁾. Объ исключеніи изъ числа союзниковъ Фокейцевъ Эсхинъ въ своей рѣчи вовсе не упоминаетъ, а только представляетъ причины, которыя, по его мнѣнію, должны были привести дѣло къ такой печальной для Фокейцевъ развязкѣ.

Намъ остается теперь заняться разборомъ отвѣтовъ Эсхина на главныя четыре обвиненія противъ него Демосеена.

1) Что касается до сообщества Эсхина съ Филократомъ, то едва ли возможно отвергать его существование. Оба они, Эсхинъ и Филократъ, принадлежали къ одной и той же приверженной Македонскому царю партии, и оба несомнѣнно дѣйствовали въ пользу заключенія мира съ нимъ; но съ другой стороны, сходясь съ Филократомъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и, можетъ быть, даже получая вмѣстѣ съ нимъ подарки отъ Филиппа, Эсхинъ могъ все таки и не быть измѣнникомъ своему отечеству. Во время первого посольства къ Филиппу Демосеенъ давалъ Эсхину совѣтъ держаться въ сторонѣ отъ Филократа, котораго онъ называлъ чудовищемъ⁴⁾. Слѣдовательно, самъ Демосеенъ, не довѣряя намѣреніямъ Филократа, вѣрилъ въ благородство мыслей Эсхина, и потому предостерегалъ его отъ связей съ такимъ человѣкомъ. Даже принимая за истину свидѣтельство Демосеена о томъ, что Эсхинъ 19 эдафеболіона говорилъ рѣчъ, въ которой совѣтовалъ согражданамъ утвердить миръ на условияхъ Филократа, и такимъ образомъ предполагая, что онъ вошелъ въ сношенія съ самими Македонскими послами или же съ Филокра-

¹⁾ Ibid. 91, 92, p. 40; ср. стр. 34.

²⁾ Ibid. 98, p. 41.

³⁾ Ibid. 81—84, p. 38—39, 86, p. 39; 90, 91, 92, p. 40; см. также стр. 32, 101.

⁴⁾ Aesch. de fals. leg. 20, p. 30.

томъ и другими членами Македонской партии, нельзя наайрное утверждать, что именно было причиной такой перемѣны: своекорыстіе или искреннее убѣжденіе въ безполезности продолженія войны и желаніе окончить ее? На основаніи этихъ соображеній можно сказать, что сообщество съ Филократомъ, насколько оно извѣстно намъ изъ рѣчей обоихъ соперниковъ, не можетъ быть поставлено Эсхину въ преступление.

2) О справедливости или несправедливости втораго обвинительнаго пункта судить нѣтъ никакой возможности, потому что здѣсь встрѣчаются совершенно противныя показанія обоихъ соперниковъ, и противорѣчіе это даже объяснить очень трудно. Демоссенъ обвиняетъ Эсхина за перемѣну его поведенія относительно Филиппа, говоря, что онъ совсѣмъ отвергнуть союзъ греческихъ государствъ, для заключенія котораго уже прибыли послы¹⁾. Эсхинъ, напротивъ, утверждаетъ, что такие послы не присутствовали въ Аенинахъ при заключеніи мира²⁾, и объясняетъ перемѣну своихъ отношеній къ Филиппу именно тѣмъ, что ни одно изъ греческихъ государствъ не пришло сторону Аенианъ въ войнѣ съ царемъ, но одни изъ нихъ рѣшились спокойно выжидать конца войны, оставаясь въ сторонѣ, а другіе даже пришли сторону Македонскаго царя; следовательно, пословъ отъ тѣхъ и другихъ государствъ никакъ нельзя было ожидать въ Аенинахъ. Уже одно это противорѣчіе въ показаніяхъ Демоссена и Эсхина совершенно неразрѣшимо, но къ нему присоединяется еще и противорѣчіе Эсхина самому себѣ, которое еще болѣе запутываетъ дѣло, а именно: Эсхинъ говоритъ, что греческія посольства для заключенія союза должны были прибыть въ Аенины, но Демоссенъ, назначивъ время для совѣщаній о мирѣ съ Македонскимъ царемъ раньше ихъ прибытія, тѣмъ самымъ лишилъ ихъ возможности принять участіе въ войнѣ или мирѣ Аенианъ съ Филиппомъ, то-есть, стать ихъ союзниками³⁾. Не имѣя возможности доказать, кто правъ и кто виноватъ въ своихъ показаніяхъ, Демоссенъ или Эсхинъ, мы можемъ только предположить для объясненія указанныхъ противорѣчій, что оба они, пользуясь отдаленностью времени, говорятъ вѣроятно о посольствахъ, можетъ быть прибывшихъ или ожидаемыхъ тогда въ Аенинахъ, но имѣвшихъ совершенно другую цѣль, а не

¹⁾ Dem. de fals. leg. 16, p. 346.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 59, p. 36.

³⁾ Ibid. 60—61, p. 35—36.

заключеніе союза противъ Филиппа. Если бы дѣйствительно послы изъ разныхъ греческихъ государствъ прибыли тогда въ Аениы для заключенія этого союза, то едвали Эсхинъ могъ бы рѣшиться утверждать, что такихъ пословъ тогда въ Аениахъ не было; это было бы явною ложью и не могло бы пройти незамѣченнымъ.

3) Отвѣтъ Эсхина на третій пунктъ обвиненія можно считать неудовлетворительнымъ. По его словамъ, онъ не давалъ Аениямъ никакихъ обѣщаній отъ имени Македонскаго царя, а говорилъ только, что онъ убѣдилъ его смирить Оіванцевъ, спасти Фокейцевъ и т. д. Но если мы вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвела рѣчь Эсхина на народъ, то едвали можемъ не сомнѣваться въ правдивости его словъ. По всей вѣроятности, онъ не только сказалъ, что убѣдилъ исполнить указанныя обѣщанія, но и увѣрялъ народъ, что эти обѣщанія дѣйствительно будутъ исполнены, тогда какъ, напротивъ, обязанностю всякаго честнаго гражданина было даже разувѣрять согражданъ въ исполнимости ихъ. Отвѣтственность Эсхина увеличивается еще тѣмъ, что ни самъ Филиппъ, ни его послы не давали ни какихъ обѣщаній подобнаго рода¹⁾; и даже весьма вѣроятно, что подобные обѣщанія были даны ими народу приверженцами Македонской партии еще прежде втораго послольства къ Филиппу, и слѣдовательно прежде, чѣмъ Эсхинъ могъ убѣдить Филиппа исполнить ихъ. Кромѣ того остается несомнѣннымъ, что Филократъ и Эсхинъ перебивали рѣчь Демосоена и смыкались надъ нимъ, не давая ему высказать правды.

4) Разберемъ теперь оправданія, представляемыя Эсхиномъ противъ обвиненія въ нарушеніи инструкцій. Въ частности это обвиненіе, касавшееся не одного Эсхина, но и другихъ пословъ, требовало отъ послѣдняго отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы: 1) Почему послы медлили своимъ отбытіемъ изъ Аениъ? 2) Почему они, вопреки опредѣленію совѣта, не отправились съ возможной скоростю на мѣсто военныхъ дѣйствій Филиппа (то - есть, во Оракію)? 3) За чѣмъ они незаконно исключили изъ числа Аенискихъ союзниковъ Фокейцевъ, Галійцевъ и Керсовелта и помимо согласія и вѣдома своихъ согражданъ включили въ число союзниковъ Филиппа Кардіанцевъ? — На первый вопросъ Эсхинъ отвѣчаетъ, что послы отправились въ путь тотчасъ, какъ только получили приказаніе объ этомъ отъ пяти сотеннаго совѣта. Но мы уже видѣли, что это при-

¹⁾ Dem. de fals. leg. 68, p. 362; 38, p. 352; 182, p. 373—374; 328, p. 426.

казание состоялось вслѣдствіе излишней медлительности пословъ, которая достаточно обличаетъ ихъ въ нерадѣніи объ интересахъ отечества. На второй вопросъ Эсхинъ отвѣтываетъ, что въ инструкціяхъ, данныхъ посольству, вовсе не было даже и помину о путешествіи во Фракію, и этимъ какъ бы противорѣчить Демосоену, который ясно говоритъ, что совсѣмъ постаивши, чтобы Проксенъ отправилъ на судахъ пословъ туда, где находился въ то время Филиппъ. Нетрудно замѣтить, однако, что въ отвѣтѣ Эсхина есть увертка. Несомнѣнно, что было два постановленія о второмъ посольствѣ: одно — народного собранія, заключавшее въ себѣ инструкціи, а другое — пятисотеннаго совѣта, повелѣвшее посламъ немедленно отправиться къ Филиппу, *идти бы онъ въ то время ни находился* (следовательно, посламъ нужно было отправиться во Фракію). На это послѣднее постановленіе совѣта, изданное 3-го муніхіона, Эсхинъ ссылается для оправданія пословъ въ томъ, что они не отправились къ Филиппу раньше; потомъ же, нѣсколько спустя, Эсхинъ ссылается на первое постановленіе, сдѣланное народнымъ собраніемъ, въ которомъ дѣйствительно не заключалось приказанія посламъ отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій Филиппа. Такимъ образомъ обвиненіе Демосоеномъ пословъ за то, что они пренебрѣгли постановленіемъ совѣта, остается во всей силѣ; равнымъ образомъ остается неопровергнутымъ и обвиненіе противъ нихъ за исключеніе изъ числа афинскихъ союзниковъ Фокейцевъ и Галійцевъ, а также за признаніе, помимо вѣдома Аенианъ, союзниками Филиппа Кардіанцевъ. О томъ, кто былъ причиной исключенія изъ числа афинскихъ союзниковъ Корсовлента, или даже былъ ли кто-нибудь виноватъ въ этомъ, нельзя сказать ничего вѣрнаго; одно только можно здѣсь предположить, а именно, что, не признавъ его, также какъ Фокейцевъ и Галійцевъ, по несогласію на это македонскихъ пословъ, формально своимъ союзниками, Аениане, однако, дали приказаніе своимъ посламъ ходатайствовать объ этомъ предъ Филиппомъ. Демосоенъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ народного собранія¹⁾), могъ высказаться противъ принятія клятвы отъ Критовула, такъ какъ македонскіе послы могли протестовать противъ этого принятія и миръ съ Филиппомъ могъ не состояться.

Какое же изъ всего сказанного можно вывести заключеніе о правотѣ или виновности Эсхина? Дѣйствительно ли онъ былъ предатель отечества, какъ старался доказать это Демосоенъ, или же дѣйство-

¹⁾) Aesch. de f. leg. 82, p. 39.

валь по благороднымъ или, по крайней мѣрѣ, непредосудительнымъ побуждениямъ? Изъ всѣхъ обвинений, приводимыхъ Демосоеномъ, только одно можно считать вполнѣ справедливымъ, именно обвинение въ томъ, что онъ старался распространять и поддерживать въ Аѳинахъ ложные слухи о намѣреніяхъ Филиппа и высказывать отъ имени его общанія, которыхъ отъ него самого не получалъ. Что касается до несоблюденіе инструкцій, то здѣсь виновность падаетъ не на одного Эсхина, а на всѣхъ пословъ вмѣсть, исключая, разумѣется, Демосеена. Можно также полагать, что Эсхинъ, вмѣстѣ съ другими приверженцами македонской партіи, получалъ изъ Македоніи подарки. Но все это еще не даетъ права называть его измѣнникомъ и человѣкомъ продажнымъ. Противъ такого мнѣнія говорить уже близкія его отношенія къ Фокону, въ чистотѣ намѣреній и поступковъ котораго даже Демосеенъ, его политический противникъ, не могъ сомнѣваться. Что касается до подарковъ изъ Македоніи, то нужно вспомнить, что самъ Демосеенъ, котораго никто не можетъ упрекнуть въ недостаткѣ патріотизма, получалъ, какъ разказываетъ Плутархъ¹), деньги изъ Персіи за то, что возбуждалъ Грековъ противъ Филиппа, но въ то же время онъ действовалъ противъ послѣдняго вслѣдствіе своихъ политическихъ убѣждений.

Но оправдывая отчасти Эсхина, никакъ нельзя утверждать, что процессу онъ подвергся изъ личной къ нему ненависти. Демосееномъ руководила по преимуществу любовь къ отечеству и преданность своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Демосеенъ былъ борцемъ за умирающую свободу Греціи и необыкновенная ревность, съ какой онъ защищалъ свое дѣло, естественно увлекала его въ крайности. Онъ думалъ, что Филиппъ своими успѣхами въ достиженіи господства надъ Греціей, обязанъ исключительно пропагандѣ македонской партіи, образовавшейся въ разныхъ государствахъ Греціи, а не своему военному таланту и политическому гению²). Поэтому, обвиняя Эсхина, какъ самого даровитаго и самого влиятельнаго члена означенной партіи, Демосеенъ хотѣлъ въ его лицѣ нанести ей решительный ударъ и этимъ доставить торжество защищаемой имъ самимъ антимакедонской политикѣ, въ которой онъ видѣлъ единственное спасеніе для свободы Греціи.

¹⁾ Demosth. vit. c. 14.

²⁾ Aesch. de f. leg. 10, p. 29; 130, p. 45. Dem. de f. leg. 259—267, p. 424—426 и много другихъ мѣстъ.

А. Фесенко-Навроцкій.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von Conrad Bursian, ord. öffentl. Prof. der classischen Philologie an der Univ. München. Erster Jahrgang. 1873. Erstes Heft. Mit einem Beiblatt Bibliotheca Philologica Classica. Heft I. Berlin 1874. Verlag von S. Calvary et C°.

Съ каждымъ годомъ наука классической древности въ западной Европѣ принимаетъ все болѣшіе и болѣшіе размѣры. Разнообразныя дисциплины, входящія въ объемъ ея, прежде закругленныя и цѣлыми, подъ напоромъ вслѹду проникающаго анализа, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе охватывающаго ученый міръ, стремлениія доходить до конечныхъ основаній существующихъ въ наукѣ положеній,— принуждены теперь распадаться на многія отдѣльныя вѣтви, которыя, въ свою очередь, имѣютъ свои болѣе мелкія, болѣе дробныя подраздѣленія. Слѣдя за этимъ постепенностью развѣтвленія научныхъ изслѣдованій въ области классической филологии и исторіи, нельзя, кажется, найти такого ограниченного вопроса, который не побуждалъ бы современныхъ ученыхъ къ новымъ разсѣченіямъ, къ новому распространенію круга своихъ специальныхъ наблюденій. Отсюда масса такихъ изданій, книгъ, статей и замѣтокъ, которыя были невозможны въ прежнее время или составляли только рѣдкое, исключительное явленіе. Новое направление въ критикѣ древнихъ текстовъ, историческая грамматика греческаго и латинскаго языковъ, наука сравнительнаго языковѣдѣнія, безъ которой не можетъ теперь обходиться ни одинъ филологъ, не желающій бродить, какъ въ потьмахъ, въ этомъ лабиринтѣ „неправильностей“ и „исключений“, доводившемъ до истомы всѣхъ и каждого въ минувшее время, болѣе критическое изученіе

классической эпиграфики и палеографии; новые пути изслѣдованія въ области метрики и ритмики древнихъ; подъемъ археологического интереса, — всѣ эти явленія разширяютъ современную филологическую и историческую литературу до такихъ размѣровъ, что для ученаго становится почти невозможно слѣдить успѣшно за всѣмъ новымъ материаломъ, имѣющимъ прямое или косвенное отношеніе къ его специальности, — невозможно даже и при той массѣ библиографическихъ и критическихъ органовъ и указателей, которыми, благодаря усиленію ученыхъ и стараніямъ книгопродавческихъ фирмъ, въ общей сложности владѣютъ Германія, Англія, Франція и Италия. — Поэтому всякимъ, кому дороги интересы современной науки, сознавалась нужда въ такомъ центральномъ органѣ, который бы, въ возможно краткой и объективной формѣ, знакомилъ съ результатами текущей филологической и исторической литературы по древнему миру. Какъ бы въ отвѣтъ на эту потребность, появляется въ Германіи новый журналъ, заглавіе которого выставлено выше, подъ редакціей профессора Мюнхенскаго университета, Конрада Бургсама.

Онъ ставитъ предметомъ своихъ наблюдений всѣ — главныи и второстепенные — дисциплины, составляющія науку классической древности, какъ-то:

- 1) исторію этой науки вмѣстѣ съ ся методикой и систематикой,
- 2) географію и топографію земель Грековъ и Римлянъ,
- 3) историческую граматику латинскаго и греческаго языковъ,
- 4) миѳологію съ изображеніемъ религіозныхъ воззрѣній и культа классическихъ народовъ,
- 5) политическую ихъ исторію,
- 6) государственные, правовые и частные древности,
- 7) исторію литературы,
- 8) дисциплины ритмики, метрики и музыки,
- 9) археологію искусства,
- 10) эпиграфику и нумизматику,

11) критику и экзегетику древнихъ писателей, исключая отцовъ церкви и источники права. Редакція, при такой широкой задачѣ, естественно не могла обойтись безъ большого количества сотрудниковъ.

Для успѣшности веденія задуманного дѣла, сотрудники, съ своей стороны, должны были напередъ обозначить родъ своихъ наблюдений надъ произведеніями современной филологической и исторической литературы. Вся работа по веденію нового органа раздѣлена между

следующими учеными, изъ которыхъ многие уже издавна пользуются авторитетомъ въ наукѣ классической древности.

Исторія и энциклопедія науки классической древности — референтъ *C. Bursian*.

Географія и топографія Греціи и Малой Азіи — *C. Wachsmuth*.

Географія и топографія южной Италии и Сициліи — *A. Holm*.

Географія и топографія средней (за исключениемъ города Рима) и съверной Италии, римской Галліи, Британіи и Испаніи — *D. Detlefzen*.

Топографія города Рима — *H. Jordan*.

Греческая исторія и хронологія — *H. Gelzer*.

Римская исторія и хронологія — *M. Büdinger*.

Исторія греческой литературы — *Th. Bergk*.

Исторія римской литературы — *O. Ribbeck*.

Греческая и римская міеологія — *A. Preuner*.

Греческія древности — *H. Lipsius*.

Римскія древности — *L. Lange*.

Наука у Грековъ и Римлянъ — *A. Langkavel*.

Греческая эпиграфика — *C. Curtius*.

Римская эпиграфика — *C. Langemeister*.

Археологія (за исключениемъ исторіи архитектуры и пластики) —

B. Stark.

Древняя нумизматика — *R. Weil*.

*

Исторія греческо-римской архитектуры и пластики — *C. Bursian*.

Греческая грамматика — *J. Siegmund*.

Латинская грамматика — *H. Merguet*.

Гомеръ и эпіки — (реф. досель не найденъ).

Греческие лирики и греко-римская метрика — *M. Schmidt*.

Греческие и римские буколики; Гораций — *H. Fritzsche*.

Греческие трагики и сценическія древности — *N. Wecklein*.

Греческая комедія — *A. von Bamberg*.

Геродотъ — *H. Stein*.

Ксенофонтъ — *B. Büchsenschütz*.

Греческие историки, кроме Геродота и Ксенофона, — *A. Schöne*.

Греческие ораторы и риторы — *F. Blass*.

Греческие философы до Аристотеля — *T. Susemihl*.

Позднѣйшіе греческие философы — *M. Heinze*.

Moralia Плутарха — *H. Heinze*.

Греческие грамматики — *O. Carnuth*.

Позднѣйшіе греческіе прозаики — *A. Eberhard*.

Плавтъ — *Aug. Lorenz*.

Теренцій и другіе римскіе драматурги кромѣ Плавта — *W. Wagner*.

Римскіе эпіки кромѣ Лукреція и Овидія — *Bährens*.

Лукрецій — *A. Brieger*.

Овидій и латинская антологія — *A. Riese*.

Римскіе сатирики, кромѣ Луцилія и Горациі — *L. Friedländer*.

Катулль, Тибулль и Федръ — *R. Richter*.

Римскіе историки, кромѣ Цезаря и Курція, — *E. Wölfflin*.

Цезарь и Курцій — *A. Hug*.

Цицеронъ и римскіе риторы — *C. v. Halm*.

Пліній *Naturalis Historia* — *L. Ulrichs*.

Латинскіе граматики — *H. Hagen*.¹⁾ (см. *Prospect*).

Первая тетрадь²⁾ заключаетъ въ себѣ два отчета о работахъ, появившихся въ 1873 году — по отдѣламъ исторіи науки классической древности и географіи и топографіи южной Италіи и Сициліи. Въ первомъ изъ нихъ, приадлежащемъ самому редактору, рассматривается 17 трудовъ, изъ которыхъ лишь два или три не имѣютъ происхожденія (стр. 3—37). Во всемъ этомъ очеркѣ авторъ остается вѣренъ своему основному методу — быть краткимъ въ своихъ сообщеніяхъ, воздерживаться отъ общихъ похвалъ и порицаній субъективнаго характера, чтò, конечно, не мѣшаетъ ему, по мѣрѣ возможности, исправлять ошибки или пополнять содержаніе разбираемаго сочиненія новымъ материаломъ, существенно важнымъ. Для образца возьмемъ его рефератъ объ описаніяхъ латинскихъ манускриптовъ, хранящихся въ Вѣнской и Мюнхенской библіотекахъ. Сдѣлавъ общее замѣчаніе, по поводу первого каталога (*Tabulae codicum manuscriptorum praeter graecos et orientales in bibliotheca Palatina Vindobonensi asservatorum edidit academia Caesarea Vindobonensis. Vol. VI, cod. 9001—11500. Vindobona*), о характерѣ рукописнаго материала, хранящагося въ императорской Вѣнской библіотекѣ, и важнаго преимущественно для исторіи науки классической древности XVI ст., ибо въ библіотекѣ хранится большое количество сочиненій и писемъ ученыхъ этого вѣка (стр. 5), онъ далѣе останавливается на опи-

¹⁾ Недостающее число референтовъ для некоторыхъ древнихъ авторовъ, вѣроятно, пополнится впослѣдствіи.

²⁾ Вторая обѣщава на первое число октября.

санії рукописей королевской библиотеки Мюнхена (*Catalogus codicum latinorum bibliothecae regiae Monacensis. Secundum Andreae Schmelleri indices composuerunt Carolus Halm, Georgius Thomas, Gulielmus Meyer. Tomi I pars III. Codices num. 5251—S100 complectens. Monachi 1873.*)¹⁾ Указавъ на главнѣшія группы кодексовъ по мѣсту ихъ происхожденія (изъ Химзе п. 5251—5479, изъ монастыря Диссена п. 5501—5697, изъ Эбеберга п. 5801 до 6059, изъ Фрайзинга п. 6201—6832, изъ монастыря Фюрстенфельдъ п. 6901—7147, изъ монастыря Фюрстенцелль п. 7201—до 7256 и т. д.), обративъ вниманіе на ту щательность описанія рукописей, которая столь естественна въ дѣлѣ, заправляемомъ К. Гальмомъ, — референтъ считаетъ нужнымъ перечислить наиболѣе важныя въ этой массѣ рукописей, именно болѣе древніе кодексы римскихъ авторовъ. Сод. 6292 (Frising. 92) saec. X XI, известная сборная рукопись, которая подъ названіемъ „*Florilegium poeticum*“ (f. 91—144), заключаетъ экскерпты изъ Персія, Ювенала, Лукана, Клавдіана, Тибула (ср. E. Protzen, *De excerpis Tibullianis*, Greifswald 1869, p. 355), Марціана и Горациа, дающе сентенціи Публія Сира (ср. E. Wölfflin, *Publili Syri sententiae*, p. 18; нѣсколько небольшихъ прибавленій къ своду Вѣльферлина даетъ A. Spengel, *Publili Syri sententiae*, Berlin 1874, p. 3) и прозаическое собраніе сентенцій Цецилія Вальба (ср. E. Wölfflin, *Caecilii Balbi de nugas philosophorum quae supersunt* p. 17 ss.), наконецъ, fol. 162 алфавитный перечень латинскихъ выражений для звуковъ и тоновъ, воспроизводимыхъ людьми, животными и неодушевленными предметами, который совершенно согласенъ съ изданнымъ A. Mai въ сочиненіи Альдгельмса „*de re grammatica et metrica*“ (Auctor. class. V, p. 569 s) и повтореннымъ A. Рейфферштадтомъ въ его изд. C. Svetoni Tranquilli praeter Caesarum libros reliquia, p. 248 5. Сод. п. 6396 (Frising. 196) saec. X: *Thebais* Стациа съ комментариемъ Лактанція.

Cod. п. 6400 (Frising. 200) saec. X и п. 6405 (Frising. 205) saec. XI, содержащіе *de inventione* Цицерона,

Cod. п. 6403 (Frising. 203) saec. X extr: *Rhetorica ad Herennium*.

Cod. п. 6368 (Frising. 169) saec. XI: за „commentum in Scipionis somnium“ Макробія слѣдуетъ f. 60: „Ciceronis somnium Scipionis“; къ этой части кодекса каталогъ замѣчаетъ: „*Liber bonae notae in edi-*

¹⁾ Стр. 5—8.

tione Turicensi curanda propterea adliberi non poterat, quod in indicibus Schmellerianis libelli qui in hoc codice inde a fol. 60 insunt non descripti sunt". Такимъ образомъ будущему издателю Libri de republika представляется задачей воспользоваться этой рукописью для критики Somnium Scipionis.

Cod. n. 6392 (Frising. 192) saec. XI содержитъ „L. Annei Flori Epitoma de Tito Livio“ съ двумъ большими пропусками (недостаетъ lib. I. c. 27. p. 46, 3 ed. O. Jahn do c. 33 и lib. II c. 6—11), затѣмъ съ fol. 50—55 Periochae Ливія подъ заглавиемъ Lucii Annei Flori epitoma de Tito Livio, но въ сожалѣнію, только съ I до VII. Каталогъ характеризуетъ эту часть рукописи какъ „codex a vulgaribus multum discrepans“.

Cod. n. 6437 (Frising. 237): два листа рукописи, найденные Карломъ Циглеромъ въ Регенсбургѣ въ одномъ томѣ сочиненія А. Дюре. См. E. Halm въ Sitzungsberichte der philos.-philol. und histor. Classe der k. bayer. Akademie der Wiss. 1870, стр. 317 слѣд. Hygini Fa-
bulae ed. M. Schmidt, Jena 1872, p. XLVII s.

Cod. n. 6368 (Frising. 168) saec. X: Flauii Vegeti Renati uiri inl. comitis epithoma rei militaris libri numero III (имъ пользовался C. Lang въ Тейбнеровскомъ изданіи — Vegetius, Leipzig 1869).

Cod. n. 6281 (Frising. 81). saec. X, содержащій разныя сочиненія римскихъ грамматиковъ. Мы заносимъ сюда описание этого кодекса изъ каталога сподна:

F. I Regula Aureli Augustini de nomine. Cf. Grammat. lat. ed. Keil V, 496.

F. 27. Expositum Sergii de VIII partibus orationis; cf. ibid. IV. 486.—f. 52 De litera. f. 62 De interjectione.

F. 63—Prisciani grammatici institutio de nomine et pronomine et verbo: cf. Grammat. lat. ed. K. III, 443.

F. 72 Servii Honoratii de finalibus litteris, cf. Grammat. lat. IV, 449.

F. 79 Sergi commentarium de litteris, ibid. IV, 475.

F. 81 Commentarium Maximiani (al. Maximi) Victorini de ratione metrorum, cf. ibid. VI, 216.—f. 87 Particula de figuris dicendi.

F. 88 Metrorii liber de finalibus litteris vel syllabis. Est idem libellus qui nomine Maximi Victorini inscriptus est in Analectis grammatis. Vindobonensibus p. 455.

F. 91 Ars Foci (al. Phocae) grammaticide nomine et verbo; cf. Gr. lat. V. 529.—f. 108. Declinationes nominum.

F. 114 Ars Asperi de partibus orationis cf. quae monuit Keilius ad Gr. lat. V, 529 de hac re inedita, sed admodum sterili.

Наконецъ, упомянемъ еще о нѣсколькихъ старшихъ кодексахъ, содержащихъ различные сочиненія Аниція Манлія Северина Боеція (Anicius Manlius Severius Boetius), чтобы рекомендовать ихъ вниманию будущаго изданія произведеній этого писателя: это Codd. n. 6366 (saec. XI. и X), 6367 (saec. XI), 6370 (saec. X), 6371 (saec. X), 6372 (saec. X XI), 6373 (saec. X et XI), 6374) saec. IX) и 6403 (saec. X extr).

Краткое и объективное наложение содержания разбираемаго сочиненія, подобное настоящему, лучше знакомить съ главнейшими его свойствами, чѣмъ иная длинная характеристика, часто больше говорящая о взглядахъ и учености самого референта, чѣмъ о предметѣ его разсмотрѣнія.

Отчетъ д-ра Гольма о литературѣ 1873 г. по отдѣлу географіи и топографії южной Италии и Сициліи обнимаетъ 34 страницы, изъ которыхъ 19 появилась на итальянскомъ языкѣ (стр. 38—80).

Каждый выпускъ (ихъ будетъ 12 въ году) занимающаго насъ новаго литературнаго изданія будетъ сопровождаться приложениемъ подъ названиемъ:

Bibliotheca Philologica Classica. Verzeichniss der auf dem Gebiete der classischen Alterthums-Wissenschaft erschienenen B點her, Zeitschriften, Dissertationen, Programm-Abhandlungen, Aufstze in Zeitschriften und Recensionen. Въ первой тетради, заключающей перечень литературныхъ произведеній начала первого семестра 1874 года, материалъ расположены подъ слѣдующими рубриками: I. Zur Geschichte und Encyclopaedie der classischen Alterthums-Wissenschaft. 1) Zeitschriften, 2) Akademien und gelehrte Gesellschaften, 3) Sammelwerke, 4) Geschichte der Alterthumswissenschaft, 5) Bibliographie. II. Griechische und Rmische Schriftsteller. 1) Griechische Autoren. — Независимо отъ этого помѣщены въ первомъ выпускѣ этого „Jahresbericht“ и нѣсколько другихъ библиографическихъ объявлений. Принимая въ разчетъ ученую репутацию большей части сотрудниковъ задуманного литературнаго предприятия, дробность распределенія труда, при которой только и возможно успѣшное введеніе столь сложнаго дѣла, значительность изданія по своему объему ¹⁾), при весьма умѣренной

¹⁾ Общано около 120 печатныхъ листовъ въ теченіе года.

его стоимости ¹⁾), а всего более существенную потребность въ этомъ начинаящемъ свою жизнь органѣ, нельзя не пожелать ему полнаго успѣха.

Quod felix faustum fortunatumque sit!

И. Цвѣтаевъ.

Римъ, октябрь 1874 г.

Georgius Franssen, Quaestionis de scholiorum Euripideorum in poetae verbis restituendis auctoritate et usu specimen. Gottingae; 1872, 8°.

Схолиями къ Эврипиду, которыхъ мы имѣемъ теперь въ полномъ критическомъ изданіи Диндорфа, всегда пользовались ученыe для возстановленія текста этого писателя; но мнѣнія ученыхъ часто расходятся, однако, относительно значенія упомянутыхъ схолій при критикѣ отдельныхъ мѣстъ. Поэтому, чтобы определить методически это значеніе, авторъ рассматриваемой книги поставилъ себѣ задачею собрать и разсмотрѣть всѣ тѣ мѣста, для уясненія коихъ приходится обращаться съ схоліями. Опь не упускаетъ, конечно, изъ виду и тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ польза схолій оказывается только мнимою. Съ этой цѣлью онъ успѣхъ просмотрѣть всю Медею и Андромаху.

Въ началѣ помѣщено нѣсколько общихъ соображеній. Справедливо отвергаетъ авторъ мнѣніе Кирхгоффа (Kirchhoff, Prael. Med. Bergol. 1852, стр. 42), будто авторъ схолій имѣлъ дѣйствительно предъ собою всѣ рукописные варианты; затѣмъ онъ, столь же справедливо, соглашается съ Шенклемъ (Schenkl, въ Philologus, XX, стр. 306) и Наукомъ (Nauck, Eurip. Stud. II, стр. 127), которые, противно мнѣнію Кирхгоffa, не всегда приписываютъ рукописямъ послѣдняго разряда (A B C, по Кирхгоффу) меныше значение чѣмъ лучшимъ рукописямъ. Это мнѣніе онъ подтверждаетъ нѣсколькими примѣрами, изъ которыхъ оказывается, что иногда чтеніе худшихъ рукописей оправдывается схоліями. Наконецъ, авторъ предостерегаетъ не довѣрять цитатамъ схолій и доказываетъ примѣрами, что писецъ приводилъ ихъ часто съ памяти и, слѣдовательно, не точно.

Въ первой части своего изслѣдованія авторъ рассматриваетъ различные чтенія, которыхъ удаляются отъ традиціоннаго текста и должны быть восстанавливаемы изъ объясненій схолій (стр. 13 сл.). Нельзя не согласиться съ его требованіемъ—не смиѳшивать общую передачу

¹⁾ Цѣна за 12 годичныхъ выпусковъ — 3 талера.

смысла съ точнымъ объясненіемъ текста. Если въ объясненіи сколіста попадаются частицы, которыхъ нѣтъ въ текстѣ, или если у него мы находимъ слова въ иномъ порядке, иное употребленіе предлоговъ (особенно *ἐπί*) и временъ (особенно, настоящее вместо будущаго): то отсюда никакъ нельзя заключить, что онъ имѣлъ предъ собою какой-либо другой текстъ. Аренсъ порицаетъ, въ этомъ отношеніи, ошибки нѣкоторыхъ ученыхъ, преимущественно Гартунга. При разсмотрѣніи различныхъ мѣстъ онъ дѣлаетъ удачную поправку, Med. 1098, Kirchh. (1109, Dind), *χωρῆσαι* вм. *χωρῆσαι*, и предлагаетъ нѣсколько поправокъ къ Med. 107 и 730 (735) слл.

Въ то время какъ объясненія въ сколіяхъ дѣйствительно облегчаютъ критику текста въ сравнительно многихъ мѣстахъ, леммы (λέμματα) далеко не могутъ имѣть такого же значенія. Онъ отчасти сильно искажены, отчасти вставлены позднѣе, не смотря на несогласіе съ слѣдующими за ними объясненіями, отчасти же вовсе не относятся къ объясненіямъ, которымъ предшествуютъ. Тѣмъ не менѣе, и въ нихъ можно иногда отыскать кое-что пригодное, какъ доказываетъ авторъ вопроса мнѣнію Кирхгоффа.

Въ третьей части разматриваются разночтенія, на которыхъ указываютъ сколія какъ на *варіантъ*, прибавленіемъ слова *γράφεται*. Это — большую частью конъктуры, и часто даже очень неудачны. Большею частью возникли они изъ гlosсъ или изъ приписанныхъ на поляхъ параллельныхъ мѣстъ. Но и между ними встрѣчаются иногда слѣды настоящаго преданія.

Результатомъ всего этого оказывается, что для критики текста можно пользоваться сколіями только съ большою осторожностью. Это замѣчаніе относится преимущественно къ леммамъ и варіантамъ. Осторожность здѣсь тѣмъ необходимѣе, чѣмъ еще до появленія сколій, во времена Дицима (ср. Schol. Med. 735 слл.), текстъ Эврипіда уже сильно пострадалъ.

Г.

H. L. Ahrens. *Proprietary Beitrag zur griechischen Etymologie und Lexicographie* (Г. Л. Аренсъ, *Рѣдкое исследование по греческой этимологіи и лексикографіи*). Ганноверъ, 1873 г., 4^о.

Это этимологическое изслѣдованіе знаменитаго знатока греческаго языка, Аренса, отличаясь глубокою ученостью и строго методическими приемами, можетъ быть названо образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Слово *ρέ* передается намъ Аполлониемъ *De adv.*, стр. 566,

въ одномъ отрывкѣ Алкмана, при чёмъ Аполловій сандѣтельствуетъ, что оно имѣло значеніе нарѣчія, и что на немъ стоялъ акутъ. Относительно *iota subscriptum* онъ замѣчаетъ, что рукописи не согласны между собою. Прежде всего Аренсъ доказываетъ изъ гlosсъ и изъ названія, употреблявшагося въ медицинѣ корва *ρᾶ*, что это слово употреблялось не только какъ нарѣчіе, но и какъ существительное средняго рода (гл. I и II). Кроме того, онъ усматриваетъ его въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ, особенно въ *ρᾶ-θомос* и *ρᾶ-этону*. Послѣднее слово онъ производить не отъ превосходной степени *ρᾶτος*, а считаетъ его видоизмѣнениемъ формы *ρᾶ-эстѡ* (ср. *εὐεστѡ* и т. п.¹). и переводить „легкое состояніе“, „легкое бытіе“ (гл. III). Дальше онъ удачно опровергаетъ мнѣніе Лобекка и Бергса, будто *ρᾶ*—валт. они его пишутъ *ιμ*. *ρᾶ* — произошло изъ сокращенія гомеровской формы *ρέα* (гл. IV). Авторъ рассматриваетъ формы, находящіяся въ очевидномъ сродствѣ съ *ρᾶ*: *ρηδίος* съ его формами сравнительной и превосходной степени, *ρητῶν*, *ρητερος* и т. д.; затѣмъ прилагательное *ρῆιος*, приводимое граматиками и сохранившееся у Гиппократа въ видѣ нарѣчія *ρήια*; наконецъ, формы *ρεῖα* и *ρέα*, произошедшія, какъ это доказывается сродными формами, изъ стариннаго *ρῦа* (*ρῆια*). Изъ зіянія гласныхъ *η* и *ε* Аренсъ справедливо заключаетъ о выпаденіи одного изъ придыханій. именно, дигаммы, что онъ доказываетъ (стр. 12, гл. XI) посредствомъ сравненія и исправленія искаленныхъ гlosсъ (гл. V и VI). Възстановивши, такимъ образомъ, съ полнѣйшою убѣдительностью основную форму *ρᾶF* (*ρῆF*), онъ производить отъ этой основы разсмотриваемое слово *ρᾶ* не посредствомъ прибавленія суффикса, а просто признаетъ его самою основою, употребленную, будто, какъ имѣ средняго рода; ибо, по его мнѣнію, основа *ρᾶF* можетъ переходить не только въ *ρῆδ* и *ρῆ*, но и въ *ρῆι* (*ρᾶι*), вслѣдствіе перехода дигаммы въ іоту. Это мнѣніе представляетъ самую сомнительную сторону его выводовъ, вмѣстѣ съ высказаннымъ вслѣдь за тѣмъ мнѣніемъ, что въ гомеровскомъ *ρέа*, — которое, дѣйствительно, допускается, иногда даже требуетъ произношенія въ одномъ слогѣ,— слѣдуетъ усматривать то же самое *ρᾶ*, принадлежащее форму *ρέа*, будто бы, только вслѣдствіе невѣрнаго пониманія со стороны перед-

¹) Аналогическій примѣръ такого видоизмѣненія онъ указываетъ, посредствомъ очень удачной конъктуры, у Геродота, III, 136: *ἐκ υρῆστών γε Δημοκῆδεος* («по желанію Демокеда» — *υρῆ* — *(ε)στѡ* — *νγι*) вмѣсто рукописнаго чтенія: *ἐκ πρῆστών γε*.

писчиковъ, — при чемъ Аренсъ требуетъ не смышливать это *ρέα* съ *ρεῖα* (гл. VII и VIII). Касательно ударенія на словѣ *ρέα* онъ замѣчаетъ, что по правилу — Arcad. 124, 15 — слѣдовало бы писать его, собственно, съ облеченымъ удареніемъ, такъ какъ острое удареніе (у Алкмана) обусловлено только тѣмъ, что дорический dialectъ придерживался особой акцентуаціи.

Затѣмъ, изъ употребленія срединныхъ формъ у Гомера, Аренсъ выводить первоначальное значение основы *ρέF*: „легко, безъ труда“ съ оттѣнками: „ловко, быстро“ и „слегка“, при чемъ доказываетъ также, что отсюда вытекало употребленіе этой основы и для выраженія понятія „здоровье“ (напримѣръ, въ употребляемомъ писателями словѣ *ράσσαι*) (гл. IX и X). Наконецъ, при помощи гlosсъ, въ которыхъ въ началѣ основы находятся звуки *βρ* и *έρρ*, Аренсъ восстанавливаетъ еще болѣе древнюю форму этой основы: *FρέF* (гл. XI), отъ которой онъ производить *έροη¹* (= *κατάταξις*), древне-нѣм. *râwa* (ново-нѣм. *Ruhe*, покой), лат. *gimpenitum* (= *χώλωσις*) (гл. XV). Корни эти основы *γτάν*, которая, какъ видно изъ долготы гласной, не можетъ сама считаться корнемъ, Аренсъ дальше не пріискиваетъ.

Г.

Cornelli Nepotis qui exstat liber de excellentibus ducibus exterarum gentium.
Accedit eiusdem vita Attici. Ad historiae fidem recognovit et usui scholiarum accommodavit *Eduardus Ortmann*. Lipsiae, Teubner, 1874.

Извѣстно, что у Корнелія Непота, въ томъ видѣ, какъ онъ дoшелъ до насъ, встрѣчаются не только граматическаяя неточности, но даже грубыя, историческаяя ошибки. Понятно, что то и другое влечетъ за собою множество неудобствъ при чтеніи его съ учениками гимназіи. Поэтому, давно уже думали о такомъ исправленіи его, при которомъ означенные недостатки Корнелія были бы устраниены, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были, по возможности, сохранены и его особенности. Именно эти соображенія имѣлись въ виду при изданіи разбираемой книги, составленіе коей первоначально предпринято было Вейднеромъ, извѣстнымъ издателемъ въ исправленномъ видѣ Юве-

¹) При этомъ случаѣ авторъ высказываетъ новый, замѣчательный взглядъ на появление гласной въ началѣ словъ (*prophetischer Vocal*), объясненія это извѣніе тѣмъ, что въ словахъ, начинаящихся двумя трудно произносимыми согласными, первая изъ нихъ была замѣнена гласною «для облегченія произношенія».

нала. Всякий, понимающий дѣло, не можетъ не согласиться, что успѣхъ предпринятой авторомъ задачи весьма сомнителенъ. Ортманнъ многое просто выкидываетъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: *Pari felicitate ceteras insulas, quae Cyclades nominantur, sub Atheniensium rediget potestatem* (Мильтиадъ, гл. III, 5), заключающую въ себѣ, какъ извѣстно, грубую историческую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ, *Pausanias*, сар. 2, гдѣ Мардоній ошибочно называется *regis* (и. е. Xerxis) *gener*, Ортманнъ выставилъ имя *Darija* — *ipsius Darii regis gener*, и т. д. Все это было бы хорошо, еслибы цѣль такимъ образомъ достигалась вполнѣ. Къ сожалѣнію, едва ли она достигается. Такъ, напримѣръ, все начало Мильтиада, гдѣ постоянно смѣшивается младшій Мильтиадъ съ его дядей, носившимъ то же имя, Ортманнъ долженъ былъ оставить безъ измѣненія, чувствуя, что иначе ему придется въ подобныхъ мѣстахъ передѣлывать всего Непота. Въ результатѣ получился бы такой же чудовищно обезображенныи Корнелій Непотъ, какъ и изданный Фѣлкеромъ (Лейпцигъ, Россбергъ, 1872) — Корнелій не только *recognitus*, но также *etendatus* и *adauctus*. Однимъ словомъ, явилась бы современная латинская книга для чтенія, а не подлинный римскій писатель. То же можно сказать и о большинствѣ стилистическихъ измѣненій Ортманна. Почему бы, казалось, не остановить вниманія ученика на неточностяхъ выраженій и не предоставить его отъ ошибокъ? Вѣдь допускается же это въ другихъ писателяхъ, и даже въ Цезарѣ? Но что же въ концѣ концовъ произойдетъ съ классическими авторами, если мы будемъ руководиться такимъ правиломъ? Отчасти измѣненія Ортманна совершенно излишни, напримѣръ, нѣть никакого основанія ил *non jam solum de eo bene sperare sed etiam confidere cives possent* (Miltiades I, 1) измѣнять на *ut non solum bene de eo sperare, sed jam etc.*

Съ критической точки зрења издатель поступилъ совершенно ошибочно, измѣнивъ безъ всякой причины порядокъ словъ въ подлиннике, какъ, напримѣръ, въ началѣ Мильтиада, гдѣ онъ поставилъ *generis antiquitate* вмѣсто *antiquitatem generis*. Это даже можно принять просто за опечатку.

Л. И.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

ЕВРОПЕЙСКИЕ КЛАССИКИ

въ русскомъ переводе подъ редакціею

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

(Съ примѣчаніями и биографіями).

ВЫШЛИ ТРИ ВЫПУСКА.

Въ первомъ выпускѣ (допущенномъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ) помѣщена трагедія Гете „Ифигенія въ Тавридѣ“, въ переводѣ А. Н. Яхонтова, съ примѣчаніями, объяснительной статьей и биографіею Гете.

Во выпускѣ второмъ (также допущенномъ Ученымъ Комитетомъ для вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній) напечатана трагедія Шекспира „Коріоланъ“, въ переводѣ А. В. Дружинина, съ примѣчаніями, объяснительной статьей и биографіей Шекспира.

Въ третьемъ выпускѣ (только что вышедшемъ и представленномъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета) — комедія Мольера „Скупой“, въ новомъ переводе Ф. Н. Устралова, съ примѣчаніями, объяснительной статьей и биографіей Мольера.

Четвертый и пятый выпуски уже печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Въ нихъ будутъ помѣщены: въ чет-

вертомъ — „Адъ“, Данте, въ переводѣ фанъ-Дима, въ пятомъ—избранныя лирическія произведенія Шиллера въ переводѣ разныхъ писателей.

Всѣ послѣдующіе выпуски настоящаго изданія будутъ составляться по такому же плану, какъ уже вышедшее, т. е. состоять изъ: 1) текста одного цѣльнаго произведенія, 2) примѣчаній, 3) объяснительной статьи и 4) біографіи того автора, чье произведеніе напечатано.

Цѣна каждому выпуску 50 коп.

Продажа производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; главный складъ изданія находится при типографіи А. Ландау, въ С.-Петербургѣ, Среднія Мѣщанская, домъ № 12.

Поступилъ въ продажу: III томъ „Юридическихъ монографій и исследованій“ Александра Любавскаго (автора *Русскихъ улововныхъ процессовъ*). Цѣна 3 р. с. Заключаетъ въ себѣ статью: „Объ обязанности обучения грамотѣ“.

Изготавливается къ печати: Учебникъ гражданскаго права (въ формѣ комментарія на весь X Т., I ч. зак. гражд.), А. Д. Любавскаго. Для юридическихъ факультетовъ всѣхъ университетовъ выпускъ 1: „Права и обязанности семейственныхъ“ (до 500 страницъ), ц. 5 руб. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ до 2000 страницъ.

СОДЕРЖАНИЕ
СТО СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшая повелѣнія.

	СТРАН.
1. 21-ю октября 1874 года. О присвоеніи открытому въ го- родѣ Курскѣ двухклассному училищу наименованія „Марин- ского“	3
2. 21-ю октября 1874 года. Объ учрежденіи въ городѣ Бла- говѣщенскѣ женской школы.	—
3. 30-ю октября 1874 года. Объ учрежденіи стипендій въ Николаевскихъ гимназіи и реальному училищѣ	4
4. 30-ю октября 1874 года. Объ учрежденіи стипендій при Самарской гимназіи.	5
5. 30-ю октября 1874 года. Объ учрежденіи стипендій въ Одесскомъ учебномъ питомникѣ Славянскихъ дѣвицъ	—
6. 25-ю ноября 1874 года. О наименованіи устроенной при погостѣ Маринахъ школы „Чихачевской“	39
7. 28-ю ноября 1874 года. Объ упраздненіи при Институтѣ сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии долж- ности механика и объ отдачѣ въ арендуное содержаніе мастер- ской, состоящей при семъ институтѣ	—
8. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендій при Валуйской Маринской женской прогимназіи	40

II

	СТРАН.
9. 20-ю ноября 1874 года. О передачѣ въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ разныхъ наименованій.	41
10. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Астраханской гимназіи	42
11. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университѣтѣ	—
12. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университѣтѣ	43
13. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Московской третьей гимназіи, при Астраханской гимназіи и при Вольской прогимназіи	—
14. 20-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ должности директора и о правахъ и преимуществахъ служащихъ и учащихся въ этомъ училищѣ	44
15. 25-ю ноября 1874 года. О наименованіи открытой въ г. Бѣлгородѣ мужской гимназіи именемъ Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго	47
16. 25-ю ноября 1874 года. О присвоеніи учрежденному въ г. Курскѣ двухклассному начальному народному училищу наименованія „Семеновскаго“	—
17. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи.	—
18. 25-ю ноября 1874 года. Относительно участія директоровъ и инспекторовъ классическихъ прогимназій и директоровъ учительскихъ институтовъ и семинарій въ дѣлахъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	48
19. 25-ю ноября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.	49
20. 25-ю ноября 1874 года. О присвоеніи открытому въ городѣ Семенгинскѣ женскому училищу наименованія „Маріинскаго“	50
21. 20-ю ноября 1874 года. О преобразованіи лицея князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ въ Историко-филологический институтъ князя Безбородко.	—
22. 3-го декабря 1874 года. Объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи	54

III

	СТРАН.
23. 10-ю декабря 1874 года. Объ учрежденіи въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, учительской семинаріи	55
Высочайшие приказы.	
30-го октября 1874 года (№ 13)	6
25-го ноября 1874 года (№ 14).	55
Министерская распоряжения.	
1. 7-ю ноября 1874 года. Правила объ объемѣ практическихъ занятій профессора государственного врачебновѣдѣнія и студентовъ медицинскаго факультета Дерптскаго университета въ Дерптской окружной больницѣ.	7
2. 23-го ноября 1874 года. Правила о стипендіи тайного советника Евгения Ивановича Ламанского при С.-Петербургскомъ университѣтѣ	9
*3. 30-ю ноября 1874 года. Правила о стипендіи имени Федора Александровича Кошелева при Московскому университѣтѣ.	11
4. 30-ю ноября 1874 года. Положеніе о стипендіи Федора Федоровича Анисимова при Рижской женской Ломоносовской гимназіи	—
5. 7-ю декабря 1874 года. Положеніе о стипендіи при Ярославской женской гимназіи имени Александры Ивановны Лопатиной	12
6. 7-ю декабря 1874 года. Правила о стипендіи статского советника Соколова при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ.	13
7. 7-ю декабря 1874 года. Правила о стипендіи имени Харьковскаго городскаго головы Егора Степановича Гордѣенко при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ	14
8. 14-ю декабря 1874 года. Правила о стипендіяхъ Агафьи Сергеевны Коваленской, урожденной Тихоцкой, и Сергея Павловича Тихоцкаго, при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ	56
9. 14-ю декабря 1874 года. Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ окружностей о переводныхъ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій.	57
Приказы министра народнаго просвѣщенія.	
28-го сентября 1874 года (№ 19).	15
12-го октября 1874 года (№ 20)	16
16-го ноября 1874 года (№ 21)	18

ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СТРАН.	
21	О книгѣ: „Учебный атласъ всеобщей географіи“. Составилъ <i>A. Лимбергъ</i>
—	О книгѣ: „Новая Зеландія и Океанія, или острова южного моря“. Составили <i>Кристманъ</i> и <i>Оберлендеръ</i> . Съ двумя картами и рисунками. Переведено съ нѣмецкаго. Издание редакціи журнала „Всемірный Путешественникъ“.
—	О книгѣ: „Латинская христоматія“. Составилъ <i>Николай Отто</i> , преподаватель Новгородской гимназіи
—	О книгѣ: „Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣстѣ съ словаремъ“. Составилъ <i>Морицъ Эртель</i>
—	О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка для основательного преподаванія и послѣдовательного изученія“. Составленный преподавателемъ Ярославской гимназіи <i>Евгениемъ Мюленбергомъ</i> . Курсъ первый.
22	О книгѣ: „Практическія упражненія въ геометріи“, или собраніе задачъ по Векелю, Шпицу и друг. Составилъ <i>А. Д. Дмитриевъ</i> . Книга I.
—	О книгѣ: „Европейскіе классики въ русскомъ переводаѣ“, подъ редакціею <i>Петра Вейнберга</i> . Выпускъ II
—	О книгѣ: „Воздушныя путешествія Глешера, Фламмаріона, Фонвіеля и Тисандье“. Съ рисунками. Издание редакціи журнала „Всемірный Путешественникъ“
—	„О книгѣ: „Сравнительная русско-французско-нѣмецкая фразеология“. Въ трехъ частяхъ. Составилъ <i>M. F. Заменоффъ</i> . Часть I. Русско-французско-нѣмецкая
—	О книгѣ: „Extrait des meilleurs auteurs fran�ais par ordre chronologique.. Compl�ment de l'histoire abr�g�e� de la litt�rature fran�aise“, par <i>Jean Fleuri</i> .
23	О книгѣ: Deutscher Lesebuch f�r die obersten Klassen der Gymnasien, bearbeitet von <i>Emil Kerkovius</i> .
—	О книгѣ: „Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводахъ русскихъ писателей“. Томъ I. Избранныя произведенія скандинавской поэзіи
—	О книгѣ: „Систематический курсъ ботаники“, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Псковскаго реального училища <i>H. Раевскимъ</i> . Съ 87 рисунками

О книгѣ: „Статистическое обозрѣніе Россійской имперіи“. Составилъ <i>B. де-Ливронъ</i> . Издание картографического заведенія <i>A. Ильина</i> .	23
О книгѣ: „Уроки по классу закона Божія“. Составилъ про- тоіерей <i>B. Владиславлевъ</i>	—
О книгѣ: „Грамматика русского языка“. Часть I. Этимологія. (Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.) Соч. <i>Тимошевскаго</i> .	59
О книгѣ: „Русская христоматія для употребленія въ млад- шихъ классахъ учебныхъ заведеній Прибалтійского края“. Со- ставилъ <i>E. Козинъ</i> . Отдѣль второй .	60
О книгѣ: „Купеческая арифметика“. <i>I. Хрущова</i> .	—
О книгѣ: „Этнографическая карта славянскихъ народностей“, изданной С.-Петербургскимъ отдѣломъ славянского благотвори- тельного комитета .	—
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.	
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Краткая Русская Исторія. Вы- пускъ второй. Отъ вступленія на престолъ Дома Романовыхъ до настоящаго времени (1613—1874 г.)“	24
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Руководство къ обученію письму“, составленное <i>B. Горбачевъ</i> .	—
О книгахъ подъ заглавиемъ: 1) „Дѣтскій возрастъ“ съ кар- тинаами. 2) „Начальная систематическая упражненія въ списы- вании и диктанѣ съ необходимыми правилами правописанія безъ пособія граматики“. Составлены <i>A. B. Семеновымъ</i> .	—
О брошюрахъ подъ заглавиемъ: „Въ притонѣ лондонскихъ воровъ“ и „Брачнаа одѣжда“. Издание книгопродавца Блісмера.	60
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Обученіе грамотѣ“. Методичес- кое руководство для учительскихъ семинарій, учителей народ- ныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Со- ставлена С. Миропольскимъ .	—
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Краткая отечественная исторія въ разказахъ“. Для начальныхъ народныхъ училищъ и вообще для народа. Составлена С. Рождественскимъ .	61
О преміяхъ Императора Петра Великаго	65
Официальная извѣщенія .	25 и 61

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

СТРАН.

Сношенија Россіи съ европейскими державами предъ отече- ственnoю воиною 1812 года. <i>А. Попова</i> .	1 и 291
Политическое устройство Германской Имперіи. <i>А. Градов- ского</i> .	54
Болгаре и Русь на Азовскомъ поморъѣ. <i>Д. Иловайского</i> .	91 и 328
Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи. <i>К. Патканова</i>	148
Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константи- нополѣ XI и XII вѣковъ. <i>В. Васильевского</i> .	394

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Старые итальянские монастыри. I codici e le arti a Monte- Cassino, per D. Andrea Carovita. Codex diplomaticus Cavensis. <i>А. Веселовского</i>	186
А. Котляревского: 1) Книга о древностяхъ и исторіи По- морскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ. 2) Древности права Балтій- скихъ Славянъ. <i>В. Ламанского</i> .	204
Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ. Влади- димира Соловьева. <i>М. Владиславлева</i> .	247
Новости иностранной ученой литературы	272
Очерки русской исторической географіи. Географія началь- ной лѣтописи. Изслѣдованіе Н. П. Барсова. <i>Е. Замысловская</i> .	452
Отвѣтъ г. Свѣтилину. <i>М. Владиславлева</i> .	479

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Бѣлгородская учительская семинарія. <i>С. Бобровская</i>	1
Замѣтки по поводу первыхъ уроковъ греческаго языка. <i>Н. Богоумолова</i>	19
Начальные уроки рисования и черченія. <i>В. Шумская</i>	37

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- введеній: а) низшія училища, б) высшія училища.	1 и 58-
Письмо изъ Парижа <i>Л. Л—ра</i>	16
Обозрѣніе дѣятельности министерства народного просвѣще- нія за 1874 годъ.	25

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

	СТРАН.
Борьба Демосеена съ Эсхиномъ по поводу посольства къ Македонскому царю Филиппу II въ 346 году до Р. Х. <i>А. Фесенко-Навроцкаю</i> .	3 и 77
Поэтика Аристотеля. <i>П. Шустера</i>	37
Библиографія:	
Dr. Ed. Kammer. Die Einheit der Odyssee nach Widerlegung der Ansichten von Lachmann, Steindhal, Koechli, Hennings und Kirchhoff dargestellt. Anhang: Homerische Blätter von Prof. Dr. Lehrs (Д-ръ Эд. Каммеръ. Изложение единства Одиссеи и опровержение взглядовъ Лахманна, Штейнхайля, Кёхли, Геннингса и Кирхгофа. Въ приложении: Гомеровскія замѣтки, проф. д-ра Лерса). <i>Ф. С.</i>	68
Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthums-wissenschaft, herausgegeben von <i>Conrad Bursian</i> , ord. öffentl. Prof. der classischen Philologie an der Univ. München. Erster Jahrgang. 1873. <i>И. Цвѣтаева</i>	123
Georgius Franssen. Questionis de scholiorum Euripideorum in poetae verbis restituendis auctoritate et usu specimen. <i>Г.</i> .	130
H. L. Ahrens, 'Рѣ Beitrag zur griechischen Etymologie und Lexicographie (Г. Л. Аренсъ, 'Рѣ, Изслѣдование по греческой этимологіи и лексикографіи). <i>Г.</i>	131
Cornelii Nepotis qui extat liber de excellentibus ducibus exterarum gentium. Accedit eiusdem vita Attici. Ad historiae fidem recognovit et usui scholarum accommodavit Eduardus Ortmann. <i>L. J.</i>	133

ОТДЕЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Борьба Демосфена съ Эсхиномъ по поводу
посольства къ Македонскому царю Фи-
липпу II въ 346 году до Р. Х. А. ФЕСЕНКО-НАВРОЗ-
КАГО.

Библиографія:

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von Conrad Bursian. ord. öffentl. Prof. der classischen Philologie an der Univ. München. Erster Jahr-

И. ЦВѢТАЕВА.

Georgius Franssen. Questionis de scholiorum Euripi-deorum in poetae verbis restituendis auctoritate et usu specimen.

Л

H. L. Ahrens, Pā Beitrag zur griechischen Etymologie und Lexicographie.

Л.

Cornelii Nepotis qui extat liber de excellentibus ducibus exterarum gentium Accedit: eiusdem vita Attici. Ad historiae fidem recognovit et usui scholarum accomodavit Eduardus Ortmann

L. J.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтоопись учебнаго дѣла у настѣ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересыпки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересыпкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ тѣмъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала съ 1862 года — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересыпкою въ другіе города.

